

Библиотека литературы Древней Руси. Том 2 (XI-XII века)

[Том 1](#) • [Том 2](#) • [Том 3](#) • [Том 4](#) • [Том 5](#) • [Том 6](#) • [Том 7](#) • [Том 8](#) •
[Том 9](#) • [Том 10](#) • [Том 11](#) • [Том 12](#) • [Том 13](#) • [Том 14](#) • [Том 15](#) • [Том 16](#) • [Том 17](#) • [Том 18](#) • [Том 19](#) • [Том 20](#)

[Вступление. Переводная литература в развитии литературы домонгольской руси](#)

[Вступление. Переводная литература в развитии литературы домонгольской руси](#)

Русь, а в последующем Россия, пережила в своей истории пять крупнейших катаклизмов в своей политической ориентации. Первая из таких ломок или, напротив, созидательных перестроек государственного и социального строя была осуществлена при Владимире Первом Святославиче, по прозванию Святом; вторая – при Иване Грозном в период установления единого управления для всей России, для всех русских областей; третья – при Петре Великом в период смены ориентации с Юга Европы на Север Европы; четвертая, наиболее мирная и спокойная, но трагически оборвавшаяся, – при Александре Втором Освободителе; пятая началась с овладения государством и установления большевистской власти после разгона Учредительного собрания 19 января 1918 года. Каждая из этих смен была подготовлена снизу, но заканчивалась сверху – от государства, от правительства. Вместе с тем каждая из этих смен ознаменовывалась прежде всего государственной поддержкой нового идейно-культурного направления. При Владимире Святом – христианства. При Иване Грозном перемена была поддержана двумя идеологическими соборами, из которых наибольшее значение имел Стоглавый 1551 года; при Петре Великом – сопровождалась прекращением деятельности земских соборов и Боярской думы и направлялась личной волей императора; при Александре Втором Освободителе, наиболее мирной, – частичным восстановлением прав народа,

при большевистской – насильственным подчинением многонациональной страны узкой марксистской идеологии.

Что привлекает внимание во всех этих переломах? Все они начинались с культуры, с попыток изменить в первую очередь духовную атмосферу страны.

Отличительная черта первого и наиболее глубокого перелома в истории Руси – перелома от язычества к христианству – активное присутствие его в течение наиболее длительного времени в духовной и практической жизни народа. Перелом этот ознаменовался прежде всего и глубже всего в письменности, в приобретении страной не просто знаков для букв, но правил правописания, расстановки знаков препинания, обретении литературного языка и огромной литературы, приобщившей Русь к культуре Европы через переводы, частично сделанные в Болгарии и на Русь перенесенные, а частично сделанные на самой Руси – в Киеве, Новгороде, Владимире, Суздале, Полоцке.

Для того чтобы конкретно представить себе роль переводной литературы в развитии русской литературы, следует прежде всего проанализировать характер самой переводной литературы.

Литература, перешедшая на Русь с помощью русских и болгарских переводов, была теснейшим образом связана с церковью. Она была подчинена задачам дидактики, поучения, воспитания. Значительная ее часть была связана с богослужением или входила в распорядок уставных чтений всех трех монашеских уставов, перенесенных на Русь с принятием христианства, была в значительной мере отрешена от жизни, от всего конкретного и национального, обращалась к потустороннему и вневременному.

Наряду с церковной литературой на Русь была перенесена и светская литература Византии.

Из Византии и Болгарии проникали на Русь апокрифы и еретические учения, и каналы их проникновения были совершенно иными. Так, например, волхвы, с которыми столкнулся в Чудской земле некий новгородец, по летописному повествованию 1071 года, рассказывали о своем вероучении, а

оно представляло собой любопытную смесь древнерусского язычества и богумильства. Ясно, что последнее явилось на Русь далеко не официальными путями.

* * *

Переводная литература, широким потоком влившаяся в русскую литературу в XI–XII вв., способствовала утверждению в литературе христианской идеологии, принесла с собой ряд новых жанров: жития, проповеди, различные виды церковных песнопений и т. д. Эти новые жанры также способствовали утверждению христианства. Наконец с переводной литературой был перенесен на Русь ряд способов выражения этой новой идеологии: в отдельных приемах риторического искусства, в отдельных приемах изображения внутреннего состояния христианских подвижников и т. д. Наконец, переводная литература способствовала утверждению в русской литературе ряда образов, символов, метафор.

Однако переводная литература была воспринята на Руси далеко не пассивно.

Современное понятие перевода не всегда применимо к так называемой переводной литературе древнерусского государства. Русские «переводчики», а главным образом русские переписчики и иногда даже читатели постоянно вносили (сперва на полях рукописей) в эти переводы добавления, разъяснения, упрощали язык, иногда сокращали содержание памятника или, наоборот, вставляли целые куски из других произведений, приспособляя переводы к нуждам русской действительности. Иногда русские книжники перестраивали композицию переводного сочинения или создавали на основе их сводные большие композиции, посвященные крупным темам: всемирной истории, ветхозаветной истории и т. п. «Переводчики» предпочитали считаться с потребностями читателя иногда в большей мере, чем соблюдать близость к оригиналу.

По мнению А. И. Соболевского, на Руси в первые века после официального крещения Руси были уже «почти все те южнославянские переводы IX–X вв., которые мы знаем по дошедшим до нас спискам». * Однако очень рано, со времени

княжения Ярослава Мудрого, который «собра писце многы, и прекладаше от грекъ на словеньский язык и письмо», * переводы начали делаться и на Руси.

Акад. В. М. Истрин, много поработавший над установлением русского происхождения различных переводов XI–XIII вв. с греческого, так определяет сумму переводов, сделанных, по его мнению, русскими переводчиками еще при Ярославе: «Новопереведенная литература была разнообразного содержания. Тут были произведения и исторического характера, как “Хроники” Георгия Синкелла и Георгия Амартола или “История Иудейской войны” Иосифа Флавия, и естественно-научного, как “Христианская топография” Козьмы Индикоплова, и повествовательного, как “Повесть об Александре Македонском” (“Александрия”) или “Повесть об Акире Премудром”, и житийного, как “Житие Василия Нового”, и апокрифическо-пророческого, как “Откровение Мефодия Патарского”, и богословско-догматического, как “Исповедание веры” Синкелла, вошедшее скоро в летопись и т. п.». *

Если учесть, что приведенный В. М. Истриным перечень далеко не полон и что весь он падает на одно княжение Ярослава Мудрого, то мы должны будем прийти к выводу, что переводы с греческого должны были быть предметом государственной заботы на Руси. Известие «Повести временных лет» о личной заботе Ярослава о переводах «на словеньское письмо» получает, следовательно, подтверждение и в чисто фактическом материале.

Что же представляла собой переводная литература, явившаяся на Русь путем собственных – русских и болгарских переводов, и что нового внесла она в русский литературный обиход?

Прежде всего, практические потребности богослужения вызвали появление на Руси богослужебных книг. Эти книги должны были служить руководством при совершении довольно сложного к началу XI в. христианского культа. От XI в. до нас дошли в болгарском переводе служебная месячная Миней (собрание служб в календарном порядке на весь год), Триоди («постная» – тексты праздничных служб до Пасхи и «цветная» –

тексты служб в послепасхальное время), затем служебники и требники. Помимо исключительно «деловой» части, эти богослужебные книги заключали в себе тексты литературно-поэтического характера – песнопения и чтения, составлявшие, так сказать, художественную часть богослужебного ритуала. Эти богослужебные книги могли служить и для чтения вне церкви и использовались при обучении грамоте (Часослов). В церковных песнопениях – канонах, стихирах, кондаках, икосах Иоанна Дамаскина, Григория Назианзина, патриарха Софрония – не утратилась еще связь с античной и эллинистической поэзией, с настроениями античной философской лирики. Несложные по тематике (молитвы об исцелении и защите, покаянные молитвы, хвалы святым и божеству), церковные песнопения были очень сложны по своей стилистике и перенесли в русский литературный обиход отдельные цветистые выражения, рифму (обычного в Византии глагольного типа), ритмическое построение прозы, сложные и изысканные сравнения.

Основной «корпус» христианского вероучения – Библия – не был еще полностью переведен в XI–XII вв. Переведено было только то, что отвечало непосредственным потребностям христианского культа, либо ее исторические части для включения в большие исторические сочинения сводного характера – Толковую Палею и др. Тем не менее библейские книги были довольно хорошо представлены в переводах – полностью или в сокращениях.

Значение переводов из Библии было для русской литературы очень велико. Чрезвычайно пестрый и в идеологическом, и в художественном отношении состав библейских книг, созданных в разное время на протяжении более тысячелетия, включал произведения самых разнообразных жанров, начиная с философской лирики и кончая воинской повестью. Библейские книги заключали в себе обильные фольклорные мотивы, сказочные сюжеты, полулегендарную историю еврейского народа, проповеди, космогонические мифы, биографические повествования, богословские трактаты, лирические песнопения и т. д.

Перенесены были на Русь из Болгарии, а частично и переведены на Руси многочисленные сочинения христианских писателей III–XI вв. Это была по преимуществу учительная литература – проповеди и поучения, созданные в целях христианизации языческих стран, для борьбы с ересями и для пропаганды христианской догматики и морали внутри самих христианских стран. Отдельные приемы этих проповедей и поучений восходили еще к античному ораторскому искусству, к античной эпистолярной практике и к философской прозе. Из учительной литературы особенным распространением пользовались на Руси сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др., из сборников – составленный в X в. в Болгарии при царе Симеоне – Златоструй. Вместе со сборниками поучений и проповедей на Русь перешли произведения популярной вопросно-ответной формы (ведущей свое начало от так называемого сократического диалога) и разного рода толкования Священного писания (толковые Псалтыри и т. д.).

Замечательно, что русские переводчики или русские переписчики дополняли переводные поучения своими вставками, применяли поучения к русской действительности. Так, например, в «Слове о дерзости Павла апостола», где проповедник уговаривает паству не лениться слушать поучения, читаем такую вставку: «Аще бо быть рать на ны половецкая пришла и все наше попленили быша, таче воевода их претил бы и град наш раскопати... таче бы от царя нашего ят и связан, в град приведен был, – не вси ли быхом вскочили и с женами и с детми видети его?» Таких русских дополнений переводные поучения содержат немало. Вместе с тем состав переводных поучений подбирался в сборники согласно вкусам и потребностям Руси.

Новому мировоззрению на Руси служили также переводные сборники изречений из Священного писания и античных авторов (в тех случаях, когда цитаты из последних не противоречили христианским установлениям). Эти сборники также перерабатывались и дополнялись на Руси согласно потребностям господствующих верхов. Древнейший из списков таких изречений вошел в Изборник Святослава 1076 г.,

составленный, по-видимому, как походная книга, повлиявшая на написанное как раз в походе Владимиром Мономахом «Поучение». *

Возможно, на русской почве был составлен Стословец Геннадия, *дававший в предельно понятной и доступной форме основы средневекового мировоззрения. Стословец Геннадия был очень ценен для пропаганды новой государственной власти на Руси: «Царя бойся всею силою твоею», «всякому богатому главу твою поклоняй смирения ради» и т. д.

Мощное орудие проповеди новой веры представляли собой жития святых, наглядно показывавшие читателю образцы христианских добродетелей и в поучительной форме рассказывавшие ему о новых идеалах христианской религии. Жития вместе с тем давали русскому читателю очень разнообразный литературный материал, в котором элементы житийно-чудесного переплетались с народной фантастикой, с неизжитыми дохристианскими верованиями и мифами. Выразительные картины искушений святых, занимательные подробности чудес, воинские эпизоды, разнообразные характеристики святых – монахов-отшельников, воинов, церковных иерархов, мучеников, князей и т. д., живших в разнообразных исторических и географических условиях, расширяли литературные вкусы читателя, вводили в употребление очень разнообразные литературные формы. Жития также частично перерабатывались на русской почве. Новыми рассказами было, например, дополнено переводное житие Николая Чудотворца. В двух из этих рассказов местом действия является Киев. Переработке и дополнениям подвергся один из основных сборников житий – Пролог.

В еще большей степени подвергалась на Руси переработкам литература светская – в первую очередь историческая. Переводная историческая литература была в основном представлена на Руси хрониками, отразившими два различных направления византийской исторической мысли: одна хроника – хроника Иоанна Малалы из Антиохии – стремилась примирить античность и античную историю с христианством, а другая – Хроника Георгия Амартола

(«Грешника», т. е. монаха) – освещала историю исключительно с религиозной точки зрения. Помимо этих двух хроник на Русь попадали и другие исторические сочинения, менее значительные по объему и содержанию, например «Летописец вкратце» патриарха Никифора, Хроника Георгия Синкелла и др.

Внимательное изучение различных редакций русских переводов византийских хроник показывает, что переводы эти сразу же использовались для больших русских сочинений сводного характера по всемирной и русской истории. Русские переписчики упорно и настойчиво расширяли материал этих хроник все новыми и новыми историческими произведениями, которые включались в их состав для наиболее полного освещения всемирной истории. Одновременно русские переводчики и писцы сокращали их риторические части, выбрасывали морально-философские рассуждения, придавая рассказу большую деловитость. Так, на основании переводного материала и частично русского было составлено на Руси обширное сводное сочинение по всемирной истории – Еллинский и Римский летописец. Основу Еллинского и Римского летописца составили переводные византийские хроники – Иоанна Малалы, Георгия Амартола и «Летописец вкратце» патриарха Никифора.

Творческое отношение к этим хроникам русских составителей Еллинского и Римского летописца наглядно видно хотя бы из того, что они, не довольствуясь материалами этих хроник, дорабатывали их, дополняя вставками, заменами и уточнениями иногда на основании источников этих самых хроник с тем, чтобы более точно и подробно представить события всемирной истории. Так, например, в тех случаях, когда текст Амартола или Малалы сокращал более подробные рассказы соответствующих мест библейских книг, русские составители заменяли текст Амартола и Малалы текстом библейских книг. Вместо рассказа хроники Иоанна Малалы об Александре Македонском русские составители вставляли его источник – текст Александрии второй редакции (в списках второй редакции Еллинского и Римского летописца). В те же списки Еллинского и Римского летописца второй редакции включается «Сказание о

трех пленениях Иерусалима» Иосифа Флавия с особой повестью «Взятие Иерусалима третье, Титово», «Сказание Епифания о Богородице», «Видение Даниила», замечательная, новгородская по своему происхождению, повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., известия о крещении Руси (отличные от летописи), о походах русских князей на Константинополь (также отличные от летописи), русская повесть о Казарине и его жене и другие.

Кроме Еллинского и Римского летописца на Руси было составлено несколько сводных сочинений по всемирной истории: Иудейский хронограф, различного типа палеи и т. д.

Таким образом, византийские хроники не просто переводились – на их основе создавались крупнейшие русские исторические сочинения сводного характера. Это были своеобразные исторические энциклопедии, составленные на основании лучших исторических источников своего времени.

Также активно отнеслись русские переводчики и писцы к многочисленной природоведческой литературе Византии – к «Христианской топографии Косьмы Индикоплова» (т. е. «плователя в Индию»), к различным шестодневам и физиологам.

Наконец, переделкам, сокращениям и дополнениям подвергались на Руси различные переводные повести и романы. Большой интерес вызвал у русских читателей знаменитый эллинистический роман, впоследствии обошедший всю феодальную литературу Европы, – «Александрия». «Александрия» рассказывала о подвигах и необычайной жизни Александра Македонского, о чудесных восточных странах – Индии и Персии и их фантастических диковинных обитателях – амазонках, любомудрах и т. д. На русской почве «Александрия» подверглась различным дополнениям, в частности из хроники Амартола и др.

Исключительный интерес представляет русский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Русский переводчик повести всюду акцентировал представления о воинской чести, о ратной славе, обильно ввел в нее русскую военную терминологию, кое-где дополнив перевод вставками,

призывающими к героизму, хваля тех, кто умирает на поле битвы, и проклиная тех «телолюбцев», которые предпочитают умирать от болезни дома. Перевод отличается высокими достоинствами превосходного русского языка.

Нет нужды перечислять все переводные произведения, активно воспринятые на Руси. Приведенные примеры ярко показывают, что отношение русских переводчиков и читателей к переводной литературе было далеко не пассивным. Эти переводы граничили с творческими переработками, а самый выбор переводимых произведений диктовался потребностями русской действительности.

Каковы же были эти потребности русской действительности? В основном это были, конечно, потребности идеологии церковной, преобладающей, и идеологии княжеско-дружинной («рыцарской»), отнюдь не преобладавшей, хотя и весьма отчетливой в русской действительности XI–XII вв. Церковная идеология питалась главным образом извне, соответственно истокам принятого на Руси христианства – византийского по преимуществу. Княжеско-дружинная идеология выросла в основном на местной почве, получила особенное развитие в период феодальной раздробленности, но охотно воспринимала различные иноземные соответствия – будь то в переводных романах вроде «Александрии», «Истории Иудейской войны» или «Повести о Дигенисе Акрите», или через венгерские рыцарские турниры, устраивавшиеся в Киеве и собиравшие множество зрителей киевлян. *

Однако характер переводной литературы, заинтересованность в ней верхов русского феодального общества отнюдь не исключали возможности проникновения в нее народных элементов. Эти народные элементы имелись в ней уже на византийской почве (а частично и на болгарской почве, если перевод был сделан в Болгарии) и частично появлялись на почве русской. Элементы народного творчества имелись уже в «Повести о Дигенисе Акрите», в «Александрии» и других светских воинских повестях Византии. Переводчики, писцы вносили в них добавления иногда по собственной инициативе.

Литература, как мы знаем, развивается в тесном взаимодействии с действительностью. Было бы методологически неправильно рассматривать историко-литературный процесс в отрыве от истории народа. А это не раз происходило в истории науки, особенно на первых порах развития компаративистики.

Между тем литературное произведение оказывает «влияние» вовсе не непосредственно на литературное же произведение. Всякое «влияние» и «воздействие» оказывается прежде всего на человека – активного представителя своей среды. Эта простая истина, хотя никем и не отрицалась – недостаточно все же осознавалась. Между тем литературные произведения, в том числе и переводные, «влияют» прежде всего на мировоззрение человека и человеческой среды. Отдельные литературные сюжеты, мотивы – это не только литературные явления, а явления мировоззрения прежде всего. Легенды о святых, о бесах, о чудесах от икон или о загробном мире, которыми полны произведения переводной литературы, сами по себе не способны «бродить», переноситься из одного литературного произведения в другое. Литература оказывает величайшую силу воздействия на действительность, а через нее вновь на литературу.

Влияние переводной литературы ощущалось прежде всего в мировоззрении русских людей XI и последующих веков. Оно оказывалось действенным в том случае, если к тому были благоприятные обстоятельства в самой человеческой душе и в социальной действительности.

Новые литературные произведения создавались не сразу – теми или иными писателями, как это бывало по преимуществу в позднейшее время, а очень часто предварительно проходили стадию устной легенды. Письменное творчество не порывало в XI–XII вв. своих связей с устным творчеством. Эта устная стадия была очень существенна в появлении многих новых произведений, так как именно здесь новый сюжет, новая легенда оказывались под перекрестным воздействием переводной литературы, вернее, – представляемого ею христианского мировоззрения, и народного творчества.

Воздействия смешивались и творчески перерабатывались под влиянием самого мощного фактора – русской действительности.

Приведем некоторые примеры создания устной христианской легенды, затем отразившейся в письменности.

Уже в XI в. начала возникать первоначально по преимуществу в Киеве христианская легенда. Эта легенда создавалась очень часто в монастырях, главным образом в Киево-Печерском, где многочисленность и пестрота социального состава братии способствовали здесь ее быстрому развитию.

К числу таких легенд принадлежит и легенда о путешествии апостола Андрея на Русь. Легенда эта возникла из взаимодействия книжных источников с чисто народными рассказами, ничего общего с христианской легендой не имевшими. Книжные основания этой легенды совершенно ясны: об апостоле Андрее русские монахи узнавали из Деяний апостола Андрея. В описании его последнего, третьего, путешествия имелись сведения о посещении Андреем Синопии и Корсуня. Отсюда могло создаться впечатление об особом отношении Андрея к Руси, тем более что в христианской литературе монахи могли найти утверждение о том, что каждый народ имеет своего апостола. Монахи могли предположить, что апостол Андрей вернулся в Рим по Днепру, по великому пути «из Варяг в Греки» через «Варяжское море». Предположение превратилось, как это часто бывает, в уверенность, и в сравнительно короткий срок легенда была создана. Ее киевское происхождение довольно ясно выступает в той ее части, где говорится о том, что апостол Андрей, посетив место будущего Киева, благословил «горы сия», предрек благодать «на сих горах», сошел «с горы сея». Но это киевское происхождение не менее заметно и в той части этой легенды, где говорится о Новгороде. Посетив словен, «идеже ныне Новгород», апостол Андрей подивился новгородским баням: «И видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай, и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ». Вернувшись в Рим, Андрей так затем рассказывал о новгородских банях: «Дивно видѣхъ землю словеньску, идущю ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древяны, и пережгутъ я велми, и съвлекутся, и будутъ нази, и обольются мытелью, и возмутъ

вѣники, и начнуть хвостатися, и того собѣ добыють, одва вылѣзутъ еле живы, и обольются водою студеною, и тако оживут. И тако творять по вся дни, не мучими никымже, но сами ся мучать и то творят не мытву себѣ, а мученье». *

Перед нами наиболее живая интересная часть легенды, – часть, которая делает легенду не просто предположением, обратившимся в уверенность, а произведением художественным. Знаменательно, однако, что эта художественная часть легенды менее всего носит христианский, монашеский характер. Здесь сказываются не книжные, а народные основы, лишь искусственно соединенные с именем Андрея. Шутка о новгородских банях ходила, очевидно, в народе независимо от рассказа об апостоле Андрее. Она принадлежит к числу, очевидно, тех народных рассказов, в которых отдельные племена, добродушно подшучивая над соседними, как бы утверждали свою племенную особенность. Шутка киевлян, не имевших бань, над банным обычаем новгородцев носит, по существу, тот же характер, что и шутка киевлян, которой они «корили» радимичей: «пѣщаньци волѣчья хвоста бѣгають», * или шутки, которыми те же киевляне «корили» новгородцев: «...А вы плотники суще? А приставим вы хором рубить наших». *

Перед нами многознаменательное явление: устная традиция находит подлинные творческие художественные черты в творчестве народном.

Другая легенда церковного происхождения рассказана в «Повести временных лет» под 983 г. В ней речь идет о варягах-христианах, отце и сыне, замученных «невегласами»-язычниками. Варяг-отец отказался отдать своего сына для совершения жертвоприношения языческим богам и при этом обличал язычество. Народ подсек сени, на которых стояли отец и сын христиане, и растерзал их. Эта легенда связана с тем местом, на котором была построена затем Десятинная церковь, о чем и сообщается в самом начале легенды. * Очевидно, что она имела хождение среди клирошан этой церкви и едва ли не была создана в противовес тем народным рассказам, которые исторически точно указывали на месте Десятинной церкви

старые языческие могильники, где совершался культ предков. * Дальнейшее историческое произведение, в которое уже входила эта легенда, было составлено как раз при этой Десятинной церкви. Это свидетельствует о том, что легенда эта могла и не иметь особого распространения за пределами Десятинной церкви.

Свои местные легенды изложили в своей же летописи и монахи Печерского монастыря. Здесь в этих печерских легендах монастырское предание мешается с припоминаниями очевидцев, с личными воспоминаниями самого монаха летописца – по-видимому Нестора. Все это ясно подчеркивает, и в этом случае, узкий круг распространения христианской легенды. Она еще только создавалась и не сошла как бы еще с уст их создателей. Не успев развиться в устной традиции, она уже фиксируется в письменности, окостеневает и не развивается.

Многие из печерских легенд этого характера рассказаны в «Повести временных лет» под 1074 г. Перед нами проходит ряд ярких образов печерских монахов – Дамьяна, Еремии, «иже помняще крещение земле Русьския», Матвея, Исакия и др. Образы этих монахов сложились сперва в устной киево-печерской традиции и только затем проникли в летопись. Принимая во внимание, что пестрое в социальном отношении монашество Киево-Печерского монастыря, хотя и в разной мере, было все же знакомо с народным устным творчеством, мы можем предположить, что умением создавать яркие образы своих умерших братьев печерские монахи были в значительной мере обязаны фольклору, знакомому им с детства.

Главными носителями элементов фантазии в этих печерских рассказах являлись бесы. Они-то по преимуществу и являлись действенным началом в оформлении каждого сюжета. Совпадения в отдельных мотивах между различными патериками: русскими, византийскими и пр., объясняются не тем, что эти мотивы механически переносятся из одного патерика в другой, а общностью христианских представлений о бесах, о силе молитвы, о силе крестного знамения и т. п. Общность христианских воззрений на мир и создавала

общность же отдельных сюжетов, развивавшихся самостоятельно в каждом из монастырей.

Мотивы и сюжеты всех патериков христианского Востока были прежде всего связаны общностью христианского мировоззрения. В разных местах христианского культа создавались на их основе одинаковые мотивы и сюжеты. Нет никакой нужды связывать общность мотивов и сюжетов с чтением патериков во время трапезы. Вся христианская литература в целом создавала основы для этой общности. Вернее, создавала их не сама христианская литература, а стремление увидеть догмы и убеждения христианства конкретно воплощенными в материальных фактах, эмоционально пережить традиционные религиозные представления. Создавало их и сочетание христианских представлений с представлениями народными.

К представлениям о бесах примешиваются под влиянием христианской пропаганды, внушающей бесовство язычества, представления о старых языческих богах, о домовых, духах предков – навьях, и т. д. как о бесах. Именно поэтому вера в бесов имеет такой успех, распространяясь быстрее, чем вера в ангелов, и находит себе массовый отклик в монастырском, церковном устном творчестве.

Выше мы показали только один из путей, которым переводная литература помогала складываться русской христианской литературе.

Иного типа значение переводной литературы, вернее мировоззрения, представленного этой переводной литературой, может быть отмечено в формировании взглядов на писательский труд.

Византийская христианская литература принесла с собою на Русь своеобразное воззрение на писательский труд. Это воззрение мы почти не ощущаем ни в «Слове о полку Игореве», ни в «Поучении» Мономаха, ни в летописи, ни в других светских сочинениях. Зато оно находило себе отчетливое выражение в сочинениях церковного характера – в различного рода житиях и поучениях.

Согласно этим воззрениям каждый писатель рассматривался только как выразитель «вечных идей», независимых от времени, места и обстоятельств. Писатель – лишь передатчик этих «вечных истин», божественный посланец, вестник, гонец. Поэтому личность автора не заслуживает особого внимания, а его творчество, личное вмешательство в содержание произведения должно быть сведено до минимума. Отсюда анонимность большинства произведений русской литературы.

Выразительный образ такого писателя – передатчика божественных истин – рисуется в «Слове о поучении церковном», которое часто приписывается в рукописях Кириллу Туровскому: «Якоже бо кто грамоту цареву или княжу принесет во град под рукою его сущим, не испытают житья принесшему и – богат ли есть или убог, или грешен, или праведен; но тех точью чьтомых послушают, и тщатся аки ничто их не забыл; аще ли котораго слова не гораздо слышит, то впрашают слышавшаго; аще ли бесчинен человек голку сътворить, то бьюще отгонять и, аки пакость творяща. Да аще от земнаго князя толико внимание бывает, то колми паче сде внимати нам подобаесть, идеже ангелом Владыка беседуеть». * Итак, проповедник, писатель – это гонец, приносящий в град «грамоту цареву». Никого не интересует – богат ли этот гонец или убог, грешен или праведен. Внимание всех устремлено только к тому, что сказано в царевой грамоте. Вот почему церковный писатель так часто пользуется чужим материалом, пересказывает мысли отцов церкви, использует их образы, их темы. Он с самого начала рассматривает себя только как передатчика чужих мыслей. «Се не мене делея послушайте – аз бо грешник есмь, – но евангельскаго учения послушайте», * – говорит автор «Слова о поучении церковном». Божественное учение подобно золоту или серебру, меду шги вино, которые писатель только раздает от имени Бога: «Сопросъшу вы, отвещайте ми, аще злато или сребро по вся дни раздавал бых, или мед, или вино, но <то> бысте приходили сами, не призываемы, друг друга бысте сами понужали? Ныне же словеса Божьи раздаваю, лучше паче злата и камня драгаго и слашья меду и ста». *

Как глашатай божественной истины, писатель должен быть чист сердцем. В слове «О благоречии, о высоте и святости слова человеческого» составитель русского Пролога пишет: «Благая словеса от благого сокровища сердечнаго исходят. Аще же кто не очистит сердца своего от злобословесия, той добра о себе беседовати не может; аще бо и мнится глаголати послушником (внимающим, слушающим), не приятна суть словеса его, но отметна, не имуща благодати святаго Духа». * В «Слове о слепце в неделю 6-ю по Пасхе» Кирилл Туровский прямо заявляет: «В души бо грешне ни дело добро, ни слово пользю не ражается». *

Слово дается человеку от Бога. Человек может быть носителем этого дара, но для этого он должен просить о нем Бога: «Хотяй же убо ползовати кого в словесах, да просит у Бога слова на отвержение уст своих». * Дар свой человек не должен скрывать, но если он не получил этого дара – ему следует молчать. «Не приемый же такового дара от Бога, да молчит, и да не износит глагола праздна от сердца своего». *

В «Слове на собор святых отцов» Кирилл Туровский снова излагает свою излюбленную мысль: церковный писатель или оратор – лишь глашатай божественных истин, получающий свой дар слова от Бога: «Нъ молю вашу, братие, любовь, не зазрите ми грубости: ничтоже бо от своего ума сде въписаю, нъ прошу от Бога дара слову на прославление святых Троица, глаголетъ бо: Отвързи уста своя и напълню я». *

Воззрения на писательский труд, выраженные Кириллом Туровским, принадлежали не ему одному. Они были типичны для всей литературы этого времени.

Как видим, значение переводной литературы в формировании литературы русской было очень разнообразным. Византийско-христианское мировоззрение, перенесенное с помощью переводных произведений, сказалось и в создании христианских легенд, и в воззрениях на труд писателя, и в целом ряде еще других случаев, исчерпать которые мы вовсе не собираемся.

Переводная литература имела особенно большое значение в развитии отдельных форм русской литературы, в образовании

ее различных видов, по содержанию же произведения русской литературы по преимуществу отвечали непосредственным требованиям русской действительности. Впрочем, когда мы говорим о форме древнерусских литературных произведений, то и в этом случае не можем обособлять ее от содержания и от русской действительности. Отдельные виды церковной литературы – жития, поучения, торжественные проповеди – были и самой своей формой теснейшим образом связаны с церковным мировоззрением: многословные отступления в житиях молитвенного характера, трафареты в описании жизни святого, внешний характер проповеди, ее дидактичность, риторические приемы – отчетливо отражают церковное мировоззрение, одновременно служа его укреплению.

Вместе с тем эти отдельные виды церковной литературы возникли на русской почве не только потому, что таковы были переводные образцы, по которым они могли быть построены, но по преимуществу потому, что самый христианский культ, различного рода службы, монастырские уставы и пр. требовали наличия произведений этого вида.

Жития святых Бориса и Глеба возникли не из простого желания русских книжников написать такие же жития святых, какие они читали в переводах с греческого или непосредственно на греческом языке, а потому, что канонизация этих святых не могла совершиться без наличия их житий, потому еще, что самый культ Бориса и Глеба, ритуал тех или иных богослужений им, требовал наличия этих житий. Об этих требованиях христианского культа мы ни в коем случае не должны забывать, когда говорим о различных видах христианской литературы. Устойчивость этих видов в русской литературе, конечно, в первую очередь объясняется тем, что устойчивыми были самые требования христианского культа, побуждавшие создавать все новые и новые произведения одного и того же типа.

Как бы, однако, ни были единообразны требования христианского культа в Византии, в Болгарии и на Руси, русские произведения отчетливо воспринимали воздействие русской действительности, служили ей, становясь русскими не только по содержанию, но и в видоизменениях своей формы. В отношении

древнейших русских житий это отчетливо показано их знатоком – С. А. Бугославским. Резюмируя большое число своих наблюдений над русскими древнейшими житиями, С. А. Бугославский писал: «Из византийских житий русские авторы XI–XII вв. заимствовали лишь общие тенденции. Они понимали, что требуется нарисовать тип идеального, христиански выдержанного героя-святого, окружить его имя традиционным панегириком. Сделать же из князя, чья военная, политическая придворная деятельность была хорошо известна и рассказана в других не житийных статьях той же летописи, идеального праведника по типу византийских житий, было невозможно, и это спасло русских агиографов от слепого подражания византийским литературным образцам. Перед русским автором неизбежно вставала трудная задача – примирить в житийных опытах идеальные образы и стилистику византийских житий с тенденциозным, живым публицистическим изложением событий современности, а нередко и с укоренившимися народно-поэтическими мотивами (например, в рассказах о княгине Ольге, о Владимире)». *

*

Рассмотрение вопроса о роли переводной литературы в формировании литературы собственно русской мы начали с утверждения, что роль этой переводной литературы была огромна и бесспорна. Теперь мы имеем право повторить это утверждение с полным основанием. Если бы русская сторона пассивно усваивала элементы византийской культуры, если бы ей нечего было противопоставлять этой византийской культуре, – значение ее не могло бы быть так велико. Византийская культура не могла бы быть творчески усвоена. Роль византийской культуры была бы чисто внешней, поверхностной и... ничтожной.

Перенесенная в жизненно крепкую среду, столкнувшись с интенсивнейшей потребностью в собственной литературе, вступив в борьбу с многовековыми местными традициями устного народного творчества, переводная литература приобрела важное значение в развитии русской литературы не

как образец для пассивного подражания, а в ее творческом поступательном движении.

Д. С. Лихачев

Житие Константина-Кирилла

Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, комментарии Б. Н. Флори

У истоков славянских литератур лежит сочинение, посвященное человеку, чей талант, труд и подвиг сделали возможным само их существование, – обширный текст высоких литературных достоинств и ценнейший исторический источник – Пространное житие Константина (в монашестве Кирилла) Философа. Относительно авторства памятника существуют разноречивые суждения, но среда, в которой он возник (ближайшее окружение первоучителя), и время создания (вскоре после смерти Константина в Риме) не вызывают сомнений.

Жизнеописание создателя славянской письменности в полной мере разделило ее исторические судьбы: гонение в Великой Моравии после смерти архиепископа Мефодия, когда само существование славянской грамоты и славянского богослужения находились под вопросом, триумф в Болгарском государстве Бориса и Симеона и упадок под византийским владычеством, новый бурный расцвет уже на иной территории – в Киевской Руси. Вплоть до Нового времени тема равноправия славянского языка как языка, которым достойно славить Бога, и ортодоксальности славянского православия оставалась актуальной. Первые следы использования Жития Константина в других литературных памятниках прослеживаются с начала XII в. (Повесть временных лет под 996 г.). Символично, что уже на рубеже Нового времени в России к нему проявляют интерес писатели противоположных литературных направлений: высокоученейший воспитанник Киево-Могилянской академии св. Димитрий, митрополит ростовский, создавший к 1700 г. новую редакцию Жития, и основатели знаменитой Выговской пустыни старообрядцы братья Андрей и Симеон Денисовы, включившие традиционный текст памятника в круг обязательного чтения общины (Минеи Четьи 1711 г.). Внимание и уважение к истокам сближало противоположности.

Живое отношение последующих эпох к Житию Константина как к памятнику, вновь и вновь обретающему актуальность, отразилось и в его рукописной традиции. Сохранилось не менее 60 полных списков памятника начала XV–XVIII вв., а число выписок (старшие из которых относятся к XIII в.) просто не поддается учету. Сопутствующие памятнику в рукописях тексты ясно свидетельствуют, что Житие (и выписки из него) воспринимались и использовались многопланово: и как собственно агиографический памятник, и как полемический трактат, источник сведений по истории, философии и грамматике. Большинство сохранившихся списков (свыше 80 %) – восточнославянского происхождения. Однако значение древнерусской традиции Жития не только в их числе: как недавно установил итальянский славист Дж. Дзиффер, вседошедшие списки памятника восходят к восточнославянскому протографу домонгольского времени.

Текстологическая история Жития Константина (в отличие от «текста-близнеца» – Жития Мефодия) чрезвычайно сложна, и реконструкция текста, наиболее близкого к оригиналу, вызывала немало научных споров. Из новейших работ на эту тему нужно указать статьи Б. Н. Флори (Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла: (Итоги и задачи изучения) // Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986) и Дж. Дзиффера (Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3; La tradizione russa sud-occidentale della Vita Constantini // Studii slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70 compleanno. Udine, 1992).

Общее число работ, посвященных разным аспектам жизни и деятельности Константина Философа и Мефодия (в том числе в немалой степени их житиям), насчитывает несколько тысяч. Сведения о них собраны в четырех больших библиографиях: 1. *Ильинский Г. А.* Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии. София, 1934; 2. *Попруженко М. Г., Романски Ст.* Кирило-Методиевска библиография за 1934–1940 гг. София, 1942; 3. *Можаева И. Е.* Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике. 1945–1974. М., 1980; 4. *Дуйчев .,*

Кирмагова А., Паунова А. Кирило-Методиевска библиография. 1940–1980. София, 1983.

Текст Жития Константина, начиная с середины прошлого столетия, неоднократно публиковался как по отдельным спискам, так и по целым группам. Лучшим остается издание П. А. Лаврова (Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930). Общим недостатком этих изданий является (как выяснено к настоящему времени) то обстоятельство, что в основу клались списки, отразившие большую редакторскую правку (рукопись Московской духовной академии № 19 – для восточнославянских, списки Владислава Грамматика – для южнославянских).

Обстоятельный научный комментарий памятника с изложением разных точек зрения по спорным вопросам и обширной библиографией принадлежит Б. Н. Флоре (Сказания о начале славянской письменности / Вступ. статья, перевод и комментарий Б. Н. Флори. М., 1981).

Текст Пространного жития Константина-Кирилла Философа издается по древнейшему списку нач. XV в., помещенному в дополнениях к Толковой Палее (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 619. Л. 250 об.–267). Список восточнославянский, новгородский по происхождению (в языке постоянно наблюдаются мена Ц и Ч, Ъ и И) и является старшим в группе списков, содержащих текст памятника, наиболее близкий к первоначальному (так называемая группа С или Новгородская 2-я) (Дзиффер Дж. Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3).

В рукописи из-за утраты двух листов отсутствует текст, повествующий о юности Константина, его учении в Константинополе, прении с патриархом Аннием и начале миссии к сарацинам. Эта утрата восполняется по списку в сборнике второй половины XV в. (РНБ, Софийское собр., № 1288/478), принадлежащему к той же группе списков, что и публикуемый Барсовский. Текст Софийского списка приводится по публикации О. М. Бодянского (Бодянский О. М. Кирилл и Мефодий: Собрание памятников до деятельности святых

первоучителей и просветителей славянских племен относящихся // ЧОИДР. 1863. Кн. 2. С. 39–65).

В рукописи Барс. 619 в тексте Жития Константина видны многочисленные следы работы редактора (или, скорее, корректора), современной списку (или несколько более поздней, но XV в.): восполнены пропуски (отдельные буквы над строкой, слова на полях), отдельные слова и части слов написаны по выскобленному тексту, зачеркнуты замеченные ошибочные написания (все эти исправления и большинство первоначальных написаний хорошо видны в фототипическом издании). Текст издается с учетом этой правки.

В соответствии с членением текста, принятым в древнерусской рукописной традиции (и в частности, в списке ГИМ, Барс. 619), текст разбивается на 5 глав-«чтений», а не на 18 глав (такое деление введено исследователями в XIX–XX вв.). Текст чтения 1 полностью соответствует главам I–V, 2 – VI–VII, 3 – VIII–XIII, 4 – XIV–XV, 5 – XVI–XVIII.

* * *

ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОГО НАСТАВНИКА СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

Господи, благослови, Отче.

Щедрый и милостивый Бог, желая, чтобы покаялись люди и дабы все были спасены и пришли к пониманию истины, ибо не хочет смерти грешников, но их покаяния и жизни, даже и тех, кто особенно склонен ко злу, и не позволяет роду человеческому отпасть от Бога в озлоблении и прийти в дьявольский соблазн и погибнуть. И во все годы и времена не перестает творить нам много благодеяний, как от начала, так и доныне. Сначала через патриархов и святых отцов, после них через пророков, затем через апостолов и мучеников, и праведных мужей, и учителей, избирая их в многосуетной сей жизни. Ибо Господь знает своих, тех, кто предан ему, как он и сказал: «Овцы мои слушаются голоса моего, и я знаю их и призываю их по именам, и они идут за мною, и я даю им жизнь вечную».

Что и сотворил он в наше время, поставил нам такого учителя, который просветил наш народ, омрачивший слабостью

ум свой, а больше же дьявольским искушением, не хотевший ходить в свете Божиих заповедей. Житие же его являет, пусть и вкратце рассказанное, как это было, дабы тот, кто, услышав это, захочет уподобиться ему, был бодр, отмечая леность. И как сказал апостол: «Будьте подражателями мне, как я – Христу».

В граде Солуни жил некий человек, хорошего рода и богатый, по имени Лев, имевший сан друнгария в подчинении у стратига. И был он благоверен и праведен, исполняя все Божии заповеди, как некогда Иов. Живя со своей женой, породили семь отроков, из них младший, седьмой, был Константин Философ, наставник и учитель наш. Когда родила его мать, то отдала его кормилице, чтобы вскормила его. Ребенок же никак не хотел принимать чужую грудь, а только материнскую до тех пор, пока не был вскормлен. Было же это по Божиюму усмотрению, чтобы добрый побег доброго корня неоскверненным молоком вскормлен был.

Потом же добродетельные родители решили воздерживаться от плотского общения. Так и жили по заповеди Божией четырнадцать лет как брат и сестра, пока не разлучила их смерть, никогда не нарушив своего решения. Когда же отец собрался отойти на Суд, плакала мать отрока, говоря: «Не забочусь ни о чем, только о ребенке одном этом, как он будет устроен». Он же отвечал ей: «Верь мне, жена. Надеюсь на Бога, что даст ему Бог отца и устроителя такого, который благоустроит всех христиан». Что и сбылось.

Когда отроку было семь лет, увидел он сон и поведал отцу и матери. И сказал: «Собрал стратиг всех девиц нашего города и обратился ко мне: “Выбери себе из них ту, которую хочешь иметь женой на помощь себе и супружество”. Я же, взглянув и рассмотрев всех, увидел одну прекраснее всех: сверкающую лицом и украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всеми украшениями. Имя же ее было София, то есть мудрость. Ее избрал». И услышав его слова, сказали ему родители: «Сын, храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей. Ибо заповедь – светильник закону и свет. Скажи мудрости: “Ты сестра моя” и разум назови родным твоим. Сияет

мудрость сильнее солнца, и если ты возьмешь ее супругой – от многих зол избавишься с ее помощью».

Когда же отдали его в книжное учение, преуспел он в книгах больше всех учеников из-за хорошей памяти так, что все удивлялись. И в один из дней, когда по обычаю дети богатых забавлялись охотой, вышел с ними в поле, взяв своего ястреба. И когда он пустил его, поднялся ветер по Божиему предначертанию и унес его. Отрок же с этого времени, впав в печаль и уныние, два дня хлеба не ел. Милостивый Бог по своему человеколюбию, не разрешая ему привыкать к житейским делам, умело уловил его – как в древности поймал Плакиду на охоте оленем, так и его ястребом. Поразмыслив о удовольствиях жизни сей, каялся он, говоря: «Что это за жизнь, если на место радости приходит печаль? С сегодняшнего дня направляюсь по другому пути, который лучше этого. А в хлопотах этой жизни дней своих не окончу». И взялся за учение, сидя в доме своем, уча наизусть книги святого Григория Богослова. И крест начертал на стене, и похвалу такую написал святому Григорию: «О Григорий, телом человек, а душою ангел! Ты плотью человек, ангелам уподобился. Уста твои, как одного из серафимов, Бога прославляют и вселенную просвещают учением истинной веры. И меня, припадающего к тебе с любовью и верой, прими и будь мне просветитель и учитель». И так восхвалял Бога.

Когда же обратился он ко многим словам и великим мыслям Григория, то не в силах постичь глубины, впал в великую скорбь. Был же здесь некто пришелец, знающий грамматику. И придя к нему, умолял и падал в ноги, предавая себя его воле, говоря: «О человек, сотвори добро, научи меня грамматическому искусству». Тот же, скрыв свой талант, закопав, отвечал ему: «Отрок, не трудись. Зарекся я совершенно никого не учить этому до конца дней своих». Отрок же опять, со слезами кланяясь ему, говорил: «Возьми всю причитающуюся мне долю отцовского наследства, но научи меня». Но тот не хотел слушать его. Тогда отрок, вернувшись домой, молился, чтобы исполнилось желание сердца его.

И вскоре Бог сотворил волю боящихся его. О красоте, мудрости и прилежном учении его, соединившихся в нем, услышал царский управитель, что именуется логофет, послал за ним, чтобы учился с царем. Отрок же, услышав это, с радостью отправился в путь и на пути поклонился Богу, начал молиться, говоря: «Боже отцов наших и Господь милости, который словом сотворил все и премудростью своей создал человека, чтобы он владел всеми созданными тобою тварями. Дай мне премудрость, обитающую рядом с твоим престолом, чтобы, поняв, что угодно тебе, я спасся. Я раб твой и сын рабыни твоей». И потом произнес до конца всю молитву Соломона, встал, сказав: «Аминь».

Когда же пришел в Царьград, отдали его учителям, чтобы учился. И в три месяца выучился грамматике и за другие науки принялся. Обучился же Гомеру и геометрии, и у Льва и у Фотия диалектике и всем философским наукам вдобавок: и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским искусствам. Так научился всему, как кто-нибудь мог бы научиться одному лишь из них. Соединились в нем быстрота с прилежанием, помогая друг другу: с ними постигаются науки и искусства. Больше, чем способность к наукам, являл он образец скромности: с теми беседовал, с кем полезнее, избегая уклоняющихся с истинного пути на ложный, и помышлял, как бы, сменив земное на небесное, вырваться из плоти и с Богом пребывать.

Увидев же, каков он есть, дал ему логофет власть над своим домом и в царскую палату смело входить. И спросил его однажды, сказав: «Философ, хотел бы я знать, что такое философия». Он же быстрым своим умом тотчас ответил: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его». После этого еще больше любил его и постоянно обо всем спрашивал этот великий и почтенный муж. Он же ему преподавал науку философскую, в малых словах изложив большую мудрость.

Пребывая в чистоте, весьма угождал Богу, и оттого еще больше любим был всеми. И логофет, воздавая ему благоговейные почести, давал много золота, он же не принимал. Однажды сказал ему логофет: «Твоя красота и мудрость заставляют меня безгранично тебя любить, а у меня есть дочь духовная, которую я восприял от купели, красивая и богатая, и рода хорошего и знатного. Если хочешь, отдам тебе ее в жены. И от царя большую почесть и княжение примешь. И надейся на большее – вскоре и стратигом станешь». Отвечал ему Философ: «Дар богатый пусть будет тем, кто его требует. А для меня нет ничего лучше учения, которым, мудрость снискав, хочу искать прадедовой почести и богатства». Выслушав ответ его, пошел логофет к царице и сказал: «Этот юный философ не любит жизни сей, и чтобы не отпустить его от нас, посвятим его в священники и дадим ему службу. Пусть будет чтецом у патриарха в святой Софии. Может быть, так и удержим». Так с ним и поступили.

Очень же немного с ними побыв, пошел он к Узкому морю и тайно скрылся в монастыре. И искали его шесть месяцев и с трудом нашли, но не могли принудить вернуться на ту службу. Но упросили его принять место учителя и учить философии местных жителей и пришельцев, с соответствующей должностью и оплатой. И за это он взялся.

Тогда же патриарх Анний ересь воздвиг, говоря, чтобы не воздавали почестей святым иконам. И собрав собор, обличили его, что неправду говорит, и прогнали с престола. Он же сказал: «Силою прогнали меня, а не победив в споре. Ибо не может никто противиться моим словам». Царь с патрикиями, приготовив Философа, послали к нему, сказав так: «Если сможешь этого юношу победить в споре, то вновь получишь свой престол». Он же, увидев, как юн Философ, и не ведая, что стар ум его, и сказал тем, кто был послан с ним: «Вы недостойны и подножия моего, как же я буду спорить с вами?» Философ же ответил ему: «Не людского придерживайся обычая, но Божиих заповедей. Посмотри, как ты из земли, а душа Богом создана, так и мы все. И на землю глядя, не гордись, человек, умением спорить». Вновь отвечал Анний: «Не подобает ни

осенью цветов искать, ни старца на войну гнать как юношу некоего». Философ же отвечал ему: «Сам на себя навлекаешь обвинение. Скажи, в каком возрасте дух сильнее тела?» И ответил он: «В старости». Философ же спросил: «На какую битву тебя гоним: на телесную или на духовную?» Сказал тот: «На духовную». Философ же отвечал: «Тогда ты сейчас сильнее будешь, потому не говори нам таких притч. Ибо не ищем ни цветов не вовремя, ни на войну тебя не гоним». Посрамившись же так, старец повернул разговор в другую сторону и сказал: «Скажи мне, юноша, почему кресту, если он поврежден, не поклоняемся и не целуем его. А вы, и если изображение только по грудь, не стыдитесь честь ему как иконе воздавать?» Философ же ответил: «Крест имеет четыре части. И если одна из них пропадет, то он уже своего образа не сохраняет. А икона только ликом и являет образ и подобие того, кто на ней написан. Не львиный ведь образ, не рысий видит тот, кто на нее смотрит, а первообраз». И опять сказал старец: «Как вы поклоняетесь кресту и без надписи, хотя были и другие кресты, иконе же, если не имеет она надписи, чей это образ, не творите почести?» Философ же отвечал: «Всякий крест подобен Христову кресту. А иконы не имеют все одного облика». Старец же сказал: «Бог сказал Моисею: “Не сотвори всякого подобия”. Как же вы, сотворяя, поклоняетесь им?» Философ на это отвечал: «Если бы ты сказал: “Не сотвори никакого подобия”, – то верно вел бы спор. Но ты сказал: не сотвори “всякого”, то есть и “достойного”». На это ничего не смог ответить старец и, посрамленный, умолк.

Чтение второе

После этого агаряне, называемые сарацинами, возвели хулу на божественное единство Святой Троицы, говоря: «Как вы, христиане, думая, что Бог един, разделяете его опять на три части, говоря, что есть Отец и Сын и Святой Дух? Если можете рассказать точно, пошлите людей, которые бы смогли говорить об этом и переспорить нас». Было же тогда Философу двадцать четыре года. Собрал царь собор, призвал его и сказал ему: «Слышал ли ты, философ, что говорят скверные агаряне о нашей вере? Так как ты Святой Троицы слуга и ученик, то

пойди, противься им. И Бог, свершитель всякого дела, в Троице славимый Отец и Сын и Святой Дух, да подаст тебе благодать и силу в словах, и явит тебя как нового Давида на Голиафа с тремя камнями, и победившим возвратит тебя к нам, сподобив небесному царству». Услышав это, отвечал Философ: «С радостью пойду за христианскую веру. Что для меня слаще на этом свете, чем за Святую Троицу и жить и умереть». И приставив к нему асикрета Георгия, послали их в путь.

Дойдя же туда, увидели что на дверях у всех христиан образы демонские были нарисованы для позора и поругания. И спросили агаряне Философа, говоря: «Можешь ли понять, философ, что это значит?» Он же отвечал: «Демонские образы вижу и не сомневаюсь, что здесь внутри живут христиане. Они же не могут жить с ними и бегут вон. А где такого знака нет снаружи, то с теми там внутри».

Сидя на обеде агаряне, люди мудрые и книжные, обученные многим премудростям, и астрономии и прочим наукам, испытывали его, спрашивая и говоря: «Видишь ли, философ, дивное чудо, как пророк Божий Мухаммед принес нам благую весть от Бога и обратил в свою веру многих людей. И все мы соблюдаем закон и ни в чем не нарушаем. А вы, держа заповеди Христовы, вашего пророка, один так, а другой по-другому, – как кому угодно, так им следуете и исполняете». На это Философ отвечал: «Бог наш подобен пучине морской. Пророк же о нем говорит: “Род его кто разъяснит? Ибо взимается от земли жизнь его”. И ради этих поисков многие в пучину ту входят. И сильные умом, богатство мудрости его принимая, переплывают и возвращаются. А слабые, как в сгнивших кораблях пытаюсь переплыть, одни тонут, а другие с трудом едва могут отдышаться, немощной отдаваясь лени. А ваше учение узкое и удобное, и его всякий может перескочить, и малый и большой. Нет в нем ничего, кроме людского обычая, но только то, что могут делать все, а ничего другого вам пророк ваш не заповедал. Если он не запретил вам гнев и похоть, а допустил их – то в какую вы будете ввергнуты пропасть? Имеющий смысл да разумеет. Не так Христос делает, но снизу тяжкое возводит кверху верою и действием Божиим. Ибо творец

всему создал человека между ангелами и животными, речью и разумом отделив его от животных, а гневом и похотью от ангелов. И кто к какой части приближается, той и становится причастен – высшей или низшей». И вновь спросили его: «Как вы, если Бог един, в трех его славите? Скажи, если знаешь. Отца называете и Сын и Дух. Если так говорите, то и жену ему дайте, чтобы от того многие боги расплодились». На это же Философ ответил: «Не говорите такой бесчинной хулы. Мы хорошо научились от святых отцов и от пророков и от учителей славить Троицу: Отец, и Слово, и Дух, и три ипостаси в единой сущности. Слово же воплотилось в Деве и родилось ради нашего спасения, как и ваш пророк Мухаммед свидетельствует, написав следующее: “Послали мы дух наш к деве и пожелали, чтобы родила”. Поэтому я извещаю вас о Троице». Пораженные этими словами, они обратились к другому, говоря: «Так и есть, как ты говоришь, гость. Но если Христос – Бог ваш, почему не делаете того, что он велит? Ведь написано в евангельских книгах: “Молитесь за врагов. Делайте добро ненавидящим и гонящим”. Вы же не так поступаете, но ответное оружие точите на делающих вам такое». Философ же на это ответил: «Если две заповеди есть в законе, кто совершеннее соблюдает закон: тот, кто одну сохранит, или же обе?» И ответили они, что тот, кто обе. Философ же сказал: «Бог сказал: “Молитесь за обижающих”. Но еще он сказал: “Нет больше той любви в этой жизни, как если кто положит душу свою за друзей своих». Ради друзей мы делаем это, чтобы с пленением тела и душа их пленена не была». И вновь сказали они: «Христос давал дань и за себя и за нас. Как же вы не творите того, что он делал? И уж если вы защищаете себя, то почему вы не даете дани такому великому и сильному народу измаилитскому за братьев ваших и друзей? Ведь мы мало и просим: только один златник. И пока стоит земля, сохраним между собой мир, как никто другой». Философ же ответил: «Если кто ходит по следу учителя и хочет по тому же пути идти, что и он, а другой встретит и совратит его с пути – друг ли ему или враг?» Они же ответили: «Враг». Философ же спросил: «Когда Христос дань платил, чья была власть: измаилитская или римская?» И ответили они:

«Римская». «Потому не следует нас осуждать, что римлянам все даем дань». После этого и много других вопросов задавали ему, испытывая его во всех искусствах, которые имели сами. И на все им ответил. И когда победил их в споре, то сказали ему: «Как ты все это знаешь?» Философ же ответил: «Некий человек, зачерпнув воды из моря, в бурдюке носил ее. И гордился, говоря странникам: “Видите ли воду, какой никто, кроме меня, не имеет?” Пришел же один помор и сказал ему: “Не безумен ли ты, похваляясь всего лишь смердящим бурдюком? А у нас ее бездна”. Так и вы поступаете. А все искусства вышли от нас».

После этого, желая удивить его, показали ему несаженный виноградник, некогда проросший из земли. И когда объяснил им, как это бывает, то еще показали ему все богатство: здания, украшенные золотом и серебром, и драгоценными камнями, и жемчугом, говоря: «Посмотри, философ, на чудо дивное: велика сила и богатство амерумны, владыки сарацинского». Отвечал Философ: «Не чудо это, Богу хвала и слава, создавшему все это и давшему людям на утеху. Его это все, а не иного». И озлобившись окончательно, дали ему пить отраву. Но милостивый Бог сказал: «И если что смертоносное выпьете, ничто не повредит вам». Спас и его и здорового возвратил вновь в свою землю.

Немного времени спустя отрекся от мира, уединился и безмолвствовал, себе лишь внимая. И на завтрашний день ничего не оставлял, но все нищим раздавал, возлагая заботу на Бога, который и обо всех печется каждый день.

Однажды в Святой день печалился слуга его, что ничего не имеет для этого праздничного дня. Он же сказал ему: «Накормивший некогда израильтян в пустыне, тот подаст и нам здесь пищу. А ты пойди позови хотя бы пятерых нищих, надеясь на Божию помощь». И когда настал час обеда, тогда принес некий человек много разной еды и десять золотых. И хвалу вознес Богу за все это.

И пойдя в Олимп к Мефодию, брату своему, начал жить там и беспрестанно творить молитву к Богу, беседуя лишь с книгами.

Чтение 3

И пришли послы к цесарю от хазар, говоря: «Изначала признаем лишь единого Бога, который есть надо всеми. И тому поклоняемся на восток, но в ином следуем своим постыдным обычаям. Евреи же побуждают нас принять их веру и обычаи, а сарацины, с другой стороны, предлагая мир и дары многие, склоняют нас в свою веру, говоря, что их вера лучше, чем у всех народов. Поэтому посылаем к вам, помня старую дружбу и храня любовь, ибо вы народ великий и от Бога царство держите. И спрашивая вашего совета, просим у вас человека, сведущего в книгах. Если победит он в споре евреев и сарацин, то к вашей вере обратимся».

Тогда цесарь стал искать Философа, и найдя его, поведал ему слова хазар, говоря: «Иди, философ, к этим людям. Дай им ответ и поучение о Святой Троице с ее помощью, ведь никто другой не сможет достойно сделать это». Он же сказал: «Если велишь, владыка, на такое дело с радостью пойду пешком и босым и без всего того, что не велит Бог ученикам своим носить». Отвечал же цесарь: «Если бы ты хотел от своего имени это делать, то правильно говоришь. Но помня о цесарской власти и чести, с почетом иди с цесарской помощью». И тотчас отправился он в путь. И придя в Корсунь, научился там еврейской речи и книгам, перевел восемь частей грамматики и воспринял их смысл.

Жил же здесь некий самаритянин и, приходя к нему, спорил с ним. И принес книги самаритянские и показал ему. И попросив их у него, Философ затворился в храме и стал молиться. И получив разумение от Бога, начал читать книги без ошибки. Увидев это, вскричал самаритянин громким голосом и сказал: «Поистине те, кто в Христа веруют, быстро приемлют Дух Святой и благодать». Сын же его крестился тогда, а после того и сам он крестился.

И нашел Философ здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего той речью. И беседовал с ним и понял смысл языка, соотнося отличия гласных и согласных букв со своим языком. И вознося молитву к Богу, вскоре начал читать и говорить. И многие изумлялись тому, славя Бога.

И слышав, что мощи святого Климента еще лежат в море, помолился, сказав: «Верую в Бога и надеюсь на святого Климента, что должен мощи его найти и извлечь из моря». И убедив архиепископа с клиросом и с благочестивыми людьми, взошли в корабли и поплыли к тому месту, когда успокоилось море. И придя, начали копать с пением молитв. И тогда распространился сильный аромат, как от множества фимиама. И после этого явились святые мощи, и взяли их с великой честью и славой. И все священники и горожане внесли их в город, как и пишет Философ в его Обретении.

Хазарский же воевода, придя с воинами, осадил христианский город и начал тяжбу о нем. Узнав же об этом, Философ, не ленись, пошел к нему. И беседовав с ним, поучительные слова сказал и укротил его. И воевода обещал креститься, и ушел, не причинив никакого вреда тем людям. Возвратился и Философ на свой путь. И когда он в первый час творил молитву, напали на него угры, воя как волки, желая убить его. Он же не ужаснулся, ни молитву свою не прервал, но лишь взывал: «Кирие, элейсон», так как уже окончил службу. Они же, увидев это, по велению Божьему укротились и начали кланяться ему. И выслушав поучительные слова из его уст, отпустили его со всеми спутниками.

Сев же на корабль, направил он путь к хазарам, к Меотскому озеру и Каспийским вратам Кавказских гор. И послали хазары навстречу ему человека лукавого и коварного, который, беседуя с ним, сказал ему: «Почему у вас нехороший обычай – вы ставите одного цесаря вместо другого из другого рода? Мы же совершаем это по родству». Философ же отвечал ему: «И Бог вместо Саула, не творившего ничего, ему угодного, избрал Давида, угождающего ему, и род его». Он же опять спросил: «Вот вы, держа в руках книги, лишь из них говорите все притчами. Мы же не так поступаем, но из груди всю мудрость, как бы поглотив ее, произносим». И сказал Философ ему: «Отвечаю тебе на это. Если встретишь человека нагого, а он скажет тебе, что имеет много одежд и золота, поверишь ли ему, видя его нагим?» И сказал тот: «Нет». «Так и я тебе говорю. Если ты поглотил всю мудрость, то скажи нам, сколько

поколений до Моисея и сколько лет длилось каждое из них?» Не смог он на это ответить и замолчал.

И когда он дошел туда, то, собираясь сесть у кагана на обеде, спросили его, говоря: «Какой ты имеешь сан, чтобы посадить тебя по достоинству твоему?» Он же сказал: «Дед у меня был великий и славный, который сидел рядом с цесарем, и по своей воле данную ему славу отверг, изгнан был, и в страну земли иной придя, обнищал. И здесь породил меня. Я же, ища давней чести деда, не сумел обрести иной, ведь я Адамов внук». И ответили ему: «Достойно и правильно говоришь, гость». И после этого еще больше стали почитать его. Каган же взял чашу и сказал: «Пьем во имя Бога единого, сотворившего все», Философ же взял чашу и сказал: «Пью во славу единого Бога и Слова его, которым утверждены небеса, и животворящего Духа, в котором вся сила их состоит». И отвечал ему каган: «Все одинаково говорим. Одно только различно соблюдаем: вы Троицу славите, а мы единого Бога, постигнув смысл книг». Философ же сказал: «Слово и дух книги проповедуют. Если кто тебе честь воздает, а слову твоему и духу чести не воздает; другой же воздает всем трем – который из двух почтительнее?» Он же сказал: «Тот, который почитает все три». Философ же отвечал: «Поэтому и мы больше чем вы добровольно почитаем Бога, приводя свидетельства и пророков слушая. Ибо Исайя сказал: “Послушай меня, Иаков Израиль, призванный мой: я есть первый, я последний”. И ныне Господь и Дух его послали меня». Иудеи же, стоя около него, сказали ему: «Скажи, как может женщина вместить Бога в чрево, на которого никто не может взглянуть, а не то что родить его?» Философ же указал перстом на кагана и на первого советника и сказал: «Если кто-нибудь скажет, что первый советник не может достойно принять кагана, и потом скажет, что последний раб его может принять кагана и честь ему оказать – как его назовем, скажите мне, безумным или неразумным?» Они же сказали: «И крайне безумным». Философ же сказал им: «Что достойнее всего из видимых созданий?» И ответили ему: «Человек, сотворенный по образу Божию». И вновь сказал им Философ: «Как же тогда не безумцы те, кто говорят, что не может

вместиться Бог в человека? А он вместил себя и в купину, и в облако, и в бурю, и в дым, являясь Моисею и Иову. Как можно, если болеет один, исцелять другого? Ведь если род человеческий пришел к гибели, от кого может он вновь получить обновление, как не от самого Творца? Отвечайте мне, разве врач, желая наложить пластырь больному, приложит его к дереву или к камню? И выздоровеет ли человек от этого? И как Моисей говорил, исполненный Духа Святого в своей молитве, воздев руки: “В горе каменной и в глазе трубном не являйся нам, Господи щедрый, но вселившись в нашу утробу, возьми наши грехи”. Акилла так говорит». И так разошлись с обеда, назначив день, в который будут беседовать обо всем этом.

Сел же вновь Философ с каганом и сказал: «Я – один человек среди вас без родственников и друзей. И все мы рассуждаем о Боге, в руках которого все сердца наши. От вас же те, кто сильнее в словах. Когда мы будем беседовать, то, что они поймут – пусть скажут, что это так, а то, чего не поймут – пусть спросят, – скажем им». Отвечали же иудеи и сказали: «И мы следуем в книгах и слову и духу. Скажи же нам, какой закон Бог сначала дал людям: Моисеев или тот, которому вы следуете?» Философ же сказал: «Потому ли вы спрашиваете, что первому закону следуете?» Отвечали они: «Да. Первый и подобает». И сказал Философ: «Но если вы хотите следовать первому закону, то должны совершенно отказаться от обрезания». И сказали они: «Чего ради так говоришь?» Философ же сказал: «Скажите мне, не скрывая, в обрезании ли заключен первый закон или в необрезании?» Отвечали они: «Думаем, что в обрезании». Философ же сказал: «Не Ною ли Бог дал закон впервые после заповеди при отвержении Адама, заветом называя закон? Ведь сказал же ему Бог: “Вот я поставлю завет мой с тобой и с потомками твоими и со всею землею. Три заповеди соблюдайте: ешьте всю зелень травную и то, что в небе, и то, что на земле, и то, что в водах, только мяса с кровью, с душою его не ешьте. И кто прольет человеческую кровь, прольет и свою кровь за нее”. Что скажете против этого, говоря, что первый закон надо соблюдать?» Иудеи же ответили ему: «Придерживаемся первого закона Моисеева. А тот не

назвал Бог законом, но заветом, как и первую заповедь человеку в Раю. И заповедь Аврааму названа иначе: обрезание, а не закон. Ведь закон есть одно, завет же другое. По-разному ведь Творец назвал оба». Философ же отвечал им: «Об этом я скажу так, что закон называется и заветом. Ибо сказал Господь Аврааму: “Даю закон мой на теле вашем, – который и знамением назвал, – который будет между мной и тобой”. И также к Иеремии вновь воззвал: “Слушай слова завета сего и скажи мужам Иуды и жителям Иерусалима. И скажи им: Так говорит Господь Бог Израилев: проклят человек, который не послушает слов завета сего, который я заповедал отцам вашим, когда вывел их из земли Египетской”». Отвечали иудеи на это: «Так и мы считаем, что закон называется и заветом. Все, кто соблюдал их и закон Моисеев, все Богу угодили. И мы придерживаемся его и тоже надеемся угодить Богу. А вы, создав другой закон, попираете закон Божий». Философ же сказал им: «Правильно поступаем. Если бы Авраам не сделал обрезание, а соблюдал Ноев закон, то не был бы назван другом Божиим; ни Моисей, .после того как написал закон вновь, первого не соблюдал. Так и мы их примеру следуем и, приняв закон от Бога, соблюдаем его, чтобы Божья заповедь сохранялась твердо. Ведь дав Ною закон, Бог не сказал ему, что потом другой даст, но что этот будет пребывать во веки во всякой живой душе. И так же дав обет Аврааму, не возвестил ему, что другой даст Моисею. Так как же вы соблюдаете закон? И Бог устами Иезекииля возглашает: “Один уничтожу закон и другой вам дам”. И Иеремия говорит: “Вот наступают дни, говорит Господь, когда я заключу с домом Иуды и с домом Израиля новый завет. Не такой завет, какой я заключил с отцами вашими, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, тот завет мой они нарушили. И я возненавидел их. Но вот завет мой, который я заключу с домом Израилевым после тех дней, сказал Господь: вложу законы мои в помышления их и на сердцах их напишу их, и буду им Богом, а они будут моим народом”. И еще тот же Иеремия сказал: “Так говорит Господь Вседержитель: остановитесь на путях и рассмотрите, и расспросите о путях Господних правых и вечных,

и увидите, какой путь истинный, и идите по нему, и найдете очищение душам вашим”. И сказали: не пойдем. И поставил я стражей над вами, сказав: слушайте звука трубы. И сказали: не послушаем. Поэтому услышат народы, пасущие стада в них. И тогда слушай земля: вот, я наведу на народ сей пагубу, плод отвращения их, ибо они словам пророков моих не вняли и закон отвергли». И не только этими одними примерами покажу, что закон изменяется, но и другими явными доводами от пророков». Отвечали ему иудеи: «Всякий иудей знает воистину, что будет так. Но не пришло еще время для Мессии». Философ же сказал им: «Что себе представляете, видя, что и Иерусалим разрушен, жертвоприношения прекратились, и все сбылось, что прорекли пророки о вас? Ведь Малахия открыто восклицает: “Нет моей воли в вас, говорит Господь Вседержитель, и жертвы из рук ваших не приемлю. Ибо от востока солнца и до запада имя мое славится народами, и на всяком месте приносится фимиам имени моему, жертва чистая, потому что велико имя мое между народами, говорит Господь Вседержитель”». Они же отвечали: «Правильно говоришь. Все народы хотят быть благословленными от нас и обрезанными в городе Иерусалиме». Сказал же Философ: «Так говорит Моисей: “Если вы будете соблюдать закон, будут земли ваши от моря Чермного до моря Филистимского и от пустыни до реки Ефрата”. А мы, иные народы, от того благословимся из семени Авраамова, кто от корня Иессеева вышел и назван надеждою народов, и светом всей земли и всех островов, и славою Божию просвещены не по тому закону, и не в том месте. Пророки громко возглашают. Ведь сказал Захария: “Ликуй, дочь Сиона! Се цесарь твой грядет кроткий, сидящий на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истребит оружие Ефрема и коней в Иерусалиме, возвестит мир народам, и владычество его будет от края земли до конца вселенной”. Иаков же сказал: “Не прекратится князь от рода Иуды, ки игумен от чресл его до тех пор, пока не придет тот, кому предназначено”, – и он надежда народов. Все это видя оконченным и свершившимся, кого другого ждете? Ведь сказал Даниил, наставленный ангелом: “Семьдесят недель до Христа игумена, что составляет

четыреста девяносто лет, на которые запретятся видения и пророчества». Чье вы думаете железное царство, которое Даниил представляет в видении?» Отвечали они: «Римское». Философ же спросил их: «Камень, оторвавшийся от горы без рук человеческих, кто есть?» Отвечали они: «Мессия». И вновь они сказали: «Но если тот, о котором говорят пророки и другие доводы, уже пришел, как ты говоришь, то как же римское царство властвует до сих пор?» Отвечал Философ: «Не властвует уже, миновало оно, как и другие царства, явленные в видении. Наше же царство не римское, а Христово. Как сказал пророк: “Воздвигнет Бог небесный царство, которое в веки не разрушится, и владычество его не достанется другому народу, оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно”. Не христианское ли царство ныне именем Христа называется, а ведь римляне поклонялись идолам. Эти же один от одного, а другой от другого народа и племени царствуют во имя Христа, как пророк Исайя, свидетельствуя, говорил вам: “И оставьте имя ваше избранным моим в насыщение; и убьет вас Господь, а рабов своих назовет именем новым, которое благословенно будет по всей земле, ибо благословят Бога истинного, и кто будет клясться на земле – будет клясться Богом небесным”. Не сбылось ли все пророческое предсказание? Уже сбылось сказанное о Христе. Ибо Исайя извещает о рождении его от девы, говоря так: “Вот, дева во чреве приимет, и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, что значит: с нами Бог”. А Михей говорит: “И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет вождь, который упасет народ мой Израиля и которого происхождение от начала, от дней вечных. Посему он оставит их до времени, доколе рождающая его не родит”. Иеремия же: “Спросите и рассудите, рождает ли мужчина? Велик тот день, не было подобного ему; это тяжкое время для Иакова, но он будет спасен от него”. А Исайя сказал: “Еще не мучилась родами, прежде нежели наступили боли ее, избавилась от боли и родила сына”». И вновь сказали иудеи: «Мы от Сима благословенное потомство, благословлены отцом нашим Ноем, вы же нет». И ответил им на это, сказав: «Благословение отца

вашего не что иное, как только хвала Богу, ведь ничего вам от этого не будет. Ведь это слова: “Благословен Господь Бог Симов”, а Иафету, от которого мы произошли, сказано: “Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в селениях Симовых”». И приводя доказательства из пророческих и других книг, не отпустил их, пока они сами не сказали: Так и есть, как ты говоришь». И вновь сказали они: «Как вы, уповая на смертного человека, думаете быть благословенными, если Писание проклиная такого?» Отвечал Философ: «Тогда прокляты ли Давид или же благословен?» И ответили они: «Даже много благословен». Философ же сказал: «И мы так же на того уповаем, на кого и он. Ибо сказал он в псалмах: “Человек мира моего, на него же я уповал”. И этот человек есть Христос Бог. А того, кто уповает на обычного человека, и мы проклинаяем».

И вновь иной пример предложили ему, говоря: «Почему вы, христиане, отвергаете обрезание, а Христос не отверг его, но по закону совершил?» Отвечал Философ: «Так как было сказано вначале Аврааму: “Вот знамение между мною и тобою”, – то и завершить его пришел. И от Авраама соблюдали завет до Христа. А далее Бог не дал ему продлиться, но крещение нам заповедал». И сказали они: «Тогда почему другие, бывшие раньше и угодившие Богу, не получили этого знамения, но лишь Авраамово?» Отвечал Философ: «Никто из них не имел двух жен, но только Авраам. И потому обрезана была ему крайняя плоть, чтобы, установив предел, не преступать его, но, первым браком Адама дав пример, остальным следовать ему. И с Иаковом поступил так же: повредил жилу бедра его, так как он имел четырех жен. Когда же Иаков понял причину, по которой совершено с ним это, нарек Бог имя ему Израиль, то есть “умом видящий Бога”. И после этого не говорилось, что он прикоснулся к женщине. Авраам же этого не понял». И вновь спросили иудеи: «Как вы, поклоняясь идолам, полагаете угодить Богу?» Отвечал Философ: «Сначала научитесь различать понятия, что есть икона, а что идол. И узрев это, не нападайте на христиан. Ибо десять имен существует в вашем языке для такого изображения. Спрошу же вас и я. Не образ ли скиния, которую видел на горе Моисей и вынес ее, или не

изображение ли образа сотворил он художеством, образ по этому подобию, замечательный мастерством резьбы и кожевенным и шерстоткацким, и изваяниями херувимов. И если он создал такое, то скажем ли, что вы дереву, и кожам, и тканям воздаете почести и поклоняетесь, а не Богу, дававшему вам в то время такой образ? То же можно сказать и о храме Соломоновом, поскольку в нем были подобия херувимов и ангелов и много иных изображений. Так и мы, христиане, создаем подобие угодивших Богу и воздаем им честь, отделяя доброе от изображений демонов. Ведь Писание порицает приносящих в жертву сыновей своих и дочерей своих и возвещает о гневе Божиим, но также восхваляет других, жертвующих сыновей своих и дочерей». И вновь сказали иудеи: «Разве вы, поедая свинину и зайчатину, не противитесь Богу?» И ответил им: «Первый завет заповедал все есть как травную зелень: для чистых все чисто; а оскверненным и совесть осквернена. Ведь и Бог о создании своем говорит: “Вот, все хорошо весьма”, но из-за вашей алчности нечто малое из них изъял. “И питался, – говорит, – Иаков и насытился и оставил возлюбленного Бога”. И еще: “Сел народ есть и пить и встал играть”».

От многого мы, сократив это, немного написали здесь для памяти. А тот, кто хочет полных и святых этих бесед искать в его книгах, найдет их в переложении учителя нашего Мефодия, разделившего их на восемь слов. И увидит там силу слова от Божией благодати, как огонь, пылающий на противников.

Хазарский же каган с мужами начальствующими, выслушав все эти хорошие и достойные слова, сказал ему: «Богом ты послан сюда для назидания нам и все Писание с его помощью знаешь. Все ты рассказал должным образом, досыта усладив нас медовой сладостью словес святых книг. Но мы люди некнижные, верим тому, что так установлено от Бога. Но если хочешь еще более успокоить души наши, то, изложив все примерами, расскажи нам, как должно о том, что мы у тебя спрашиваем». И так разошлись почивать.

Собравшись на другой день, сказали ему так: «Укажи нам, честный муж, на примерах и с рассуждением веру, которая

лучше всех». И отвечал им Философ: «Двое супругов были у некоего царя в великой чести и весьма любимы им. Когда же они согрешили, изгнал их, отослав из своей земли в другую. Прожив там много лет, в нищете породили детей. И собравшись, дети держали совет, каким бы путем вернуться вновь в прежнее достоинство. И один из них говорил так, а другой – иначе, а третий – по-иному. Держали совет, какому решению надо следовать, не лучшему ли?» И сказали они: «Зачем ты говоришь это? Ведь каждый свой совет считает лучше других. Иудеи свой лучшим считают, и сарацины тоже, и вы тоже, а иные – другой. Скажи, который мы должны считать лучшим из них?» И сказал Философ: «Золото и серебро испытываются огнем, а человек разумом отсекает ложь от истины. Скажите мне, отчего случилось первое грехопадение, не от зрения ли и сладкого плода, и желания быть божеством?» Они же сказали: «Так и есть». Философ же сказал: «Если кто заболел, поев меда или выпив холодной воды, и придет врач и скажет ему: “И еще много меда съев, исцелишься”; а тому, кто пил воду, скажет: “Холодной воды напившись, нагим на морозе постояв, исцелишься”. Другой же врач не так укажет, но назначит противоположное: вместо меда горькое пить и поститься, а вместо холодного теплое, греясь. Кто же из двоих искуснее лечит?» Отвечали все: «Кто назначает противоположное лечение. Ибо горестью этой жизни следует умертвить сладость похоти, а гордость смирением, излечивая противоположное противоположным. И мы говорим, что дерево, которое сначала произрастит шипы, затем принесет сладкий плод». И снова отвечал Философ: «Хорошо сказали. Ведь Христов закон являет всем суровость жизни, угодной Богу, потом же в вечных жилищах стократно приносит плод».

Один же из тех собравшихся, хорошо сведущий во всем сарацинском лукавстве, спросил Философа: «Скажи мне, гость, почему вы не признаете Магомета? Ведь он много восхвалял Христа в своих книгах, говоря, что от девы родился, сестры Моисея, великий пророк: мертвых воскрешал и любую болезнь исцелял силой своей великой». Отвечал Философ ему: «Пусть рассудит нас каган. И скажи, если Магомет пророк, то как

поверим Даниилу? Ведь тот сказал: “Перед Христом все видения и пророчества прекратятся”. Этот же, после Христа явившись, как может пророком быть? Если его пророком назовем, то Даниила отвергнем». И сказали многие из них: «То, что сказал Даниил, говорил по божественному вдохновению, а о Магомете все мы знаем, что он обманщик и губитель всеобщего спасения, который свою сильнейшую ересь сочинил для зла и постыдных деяний». И сказал первый советник старейшинам иудеев: «С Божьей помощью гость всю гордыню сарацинскую поверг на землю, а вашу на ту сторону отбросил как скверну». И сказали всем людям: «Как дал Бог власть над всеми народами и мудрость совершенную цесарю христианскому, так же и веру для них. И без нее никто не может вечной жизнью жить. Богу же слава в веках». И сказали все: «Аминь».

И сказал Философ всем со слезами: «Братья и отцы, и друзья, и чада! Это Бог дает все понимание и достойный ответ. Если же есть еще кто-нибудь, противящийся, пусть придет и победит в споре или побежден будет. Кто согласен с этим, да крестится во имя Святой Троицы. Если же кто не хочет, то нет никакого моего греха, а он свой увидит в день судный, когда сядет Ветхий Днями судить все народы». Отвечали они: «Не враги мы себе. Но постепенно, тем, кто может, так повелеваем: пусть крестится по желанию, если хочет, начиная с этого дня. А тот из вас, кто молится на запад или совершает моление, как евреи, или сарацинской веры придерживается – скоро смерть примут от нас». И так разошлись с радостью.

И крестилось от них до 200 человек, отвергнув языческие мерзости и незаконные браки. И написал к цесарю каган такое письмо: «Послал ты, владыка, такого человека, который объяснил нам христианскую веру, в словах и деяниях Святую Троицу. И поняли мы, что это истинная вера, и повелели креститься посвоему желанию. Надеемся, что и мы придем к тому же. Мы же все твои друзья и сторонники твоего царства и готовы служить тебе, где захочешь».

Провожая же Философа, начал каган многие дары давать ему. И не принял их, сказав: «Отдай мне пленных греков, сколько здесь имеешь. Это для меня дороже всех даров». И

собрали их до двух десятков и отдали ему. И пошел он, радуясь, путем своим.

Но дойдя до пустых безводных мест, не могли терпеть жажды. Найдя же в солончаке немного воды, не смогли пить ее, ибо была она как желчь. А когда все разошлись искать воду, сказал Философ Мефодию, брату своему: «Не могу больше снести жажды, зачерпни этой воды. Тот, кто прежде превратил для израильтян горькую воду в сладкую, и нам может сотворить утешение». И зачерпнув, обнаружил, что она сладка, как медвяная, и холодна. Напившись же, прославили Бога, совершающего такое для своих рабов.

И ужиная в Корсуни с архиепископом, обратился к нему Философ: «Помолись за меня, отче, как сделал бы это для меня отец мой». Когда же кто-то спросил наедине, зачем он это сделал, отвечал Философ: «Воистину отойдет он от нас утром к Господу, оставив нас». Так и случилось, сбылись его слова.

Вземлеже фульского народа был большой дуб, сросшийся с черешней, под которым совершали жертвоприношения, называя его именем Александр. Женщинам не разрешали ни подходить к нему, ни участвовать в жертвоприношениях. Услыхав же это, Философ не ленился, потрудиться дойти до них. Встав среди них, сказал им: «Эллины отошли в вечную муку за то, что почитали как бога небо и землю, такие великие и славные создания. Так и вы, поклоняясь дереву, ничтожной вещи, уготованной огню, как можете избежать вечного огня?» Отвечали они: «Мы не начали это делать в наши дни, а унаследовали от отцов своих. И за это получаем все по просьбам нашим: главное же бывает сильный дождь. Как же мы совершим то, чего никто из нас не осмелился сделать. Ведь если кто и осмелится совершить это, тотчас же узрит смерть, а мы не увидим дождя до конца дней». Отвечал им Философ: «Бог о вас говорит в Писании, как же вы от него отрекаетесь? Ибо Исайя от лица Господа восклицает, говоря: “Приду собрать все народы и племена, и они придут и увидят славу мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис, и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, на дальние острова, которые не слышали моего имени, и они

возвестят народам славу мою”. И еще говорит Господь Вседержитель: “Я пошлю рыболовов и охотников многих – и на холмах и каменных скалах поймут вас”. Признайте, братья, Бога, сотворившего вас. Это благовестие нового завета Божия, в который вы крестились».

Так услаждающими слух речами уговорив их, повелел им срубить дерево и сжечь. И поклонился старейшина их, подойдя, поцеловал Евангелие, и все так же. Взяв у Философа белые свечи, с пением пошли к дереву. И взял Философ секиру и тридцать и трижды ударил, и повелел всем рубить под корень и сжечь его. В ту же ночь был дождь от Бога. И с великой радостью восхвалили они Бога. И очень радовался об этом Бог.

Философ же отошел в Царьград. И повидав цесаря, жил в безмолвии, молясь Богу, в церкви Святых Апостолов сидя.

Есть же в Святой Софии чаша из драгоценного камня работы Соломона, и на ней написаны стихи письменах еврейскими и самаритянскими, которых никто не мог ни прочесть, ни объяснить. И взял ее Философ, почитал и сказал: «Вот что это. Первый стих: “Чаша моя, чаша моя, прорицай это: пока звезда на небе, для питья будь Господу и первенцу, бодрствующему ночью”. Затем второй стих: “Для вкушения Господа создана из другого древа; пей, упейся радостью и воскликни: Аллилуйя”. И затем третий стих: “И вот князь их, увидит все собрание славу его, и Давид цесарь посреди них”. И потом число написано: девятьсот и девять». Рассчитав же подробно, Философ вычислил, что от двенадцатого года царствования Соломона до царства Христова девятьсот и девять лет. И это – пророчество о Христе.

Чтение 4

И когда Философ радовался о Боге, вновь приспело иное дело и труд не меньше прежних.

Ибо Ростислав, моравский князь, наставляемый Богом, посоветовавшись с князьями и мораванами, послал к цесарю Михаилу сказать: «Люди наши отвергли язычество и последовали христианскому учению, но мы не имеем такого учителя, который бы нам на нашем языке объяснил христианскую веру, чтобы и другие страны, видя это,

уподобились нам. Пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. Ведь от вас во все страны всегда добрый закон исходит».

Собрал цесарь совет, призвал Константина Философа и дал ему выслушать эти слова. И сказал: «Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе идти туда. Ведь этого дела никто другой не может исполнить так, как ты». Отвечал Философ: «И усталый телом и больной с радостью пойду туда, если они имеют письма для своего языка». Сказал ему цесарь: «Дед мой и отец мой и другие многие пытались найти их, но не нашли. Так как же я могу найти это?» И сказал Философ: «Кто может на воде записать беседу или захочет приобрести прозвище еретика?» Отвечал ему вновь цесарь, и с Вардою, дядей своим: «Если ты захочешь, то может Бог дать тебе то, что дает всем, просящим без сомнения, и отворяет всем стучащимся».

Пошел Философ, и по прежнему своему обычаю обратился к молитве вместе с другими помощниками. И вскоре явился ему Бог, внимающий молитвам рабов своих. И тогда он составил письма и начал писать евангельские слова: «В начале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово» и прочее.

И обрадовался цесарь и прославил со своими советниками Бога. И послал его с множеством даров, написав Ростиславу такое послание: «Бог, который велит всякому человеку прийти к пониманию истины и тем обрести себе большее достоинство, увидев твою веру и стремление, сотворил в наше время то, чего давно не было, только в начальные годы: явил письма для вашего языка, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так послали к тебе того, кому открыл их Бог – человека достойного и благоверного, весьма сведущего в Писании и философа. Прими же дар лучше и ценнее всякого золота и серебра, и драгоценных камней, и богатства тленного. Постарайся же вместе с ним быстро упрочить дело и всем сердцем взыскать Бога. И не откажись от общего спасения, но сподвигни людей своих не лениться, но встать на истинный путь, чтобы и ты, усердием своим приведя к божественному разумению, получил награду свою за это в сем

веке и в будущем за все те души, которые хотят веровать в Христа Бога нашего отныне и до смерти, и память о себе оставил другим поколениям подобно Константину, цесарю великому».

Когда же пришел он в Моравию, Ростислав принял его с великой честью. И собрав учеников, дал их учить. Вскоре же Философ перевел весь чин церковной службы, научил их утрени и часам, обедне и вечерне и павечернице и тайной службе. И открылись, по пророческому слову, уши глухих, чтобы слушать слова Писания, и ясен стал язык косноязычных. Бог же очень радовался этому, а дьявол посрамился.

Когда же стало распространяться учение Божие, изначальный злой завистник дьявол, не желая терпеть этого добра, вошел в свои орудия, начал многих воздвигать против святого, говоря им: «Не прославляется Бог этим. Если бы это было ему угодно, разве не мог он сделать так, чтобы все народы с самого начала, письменах свои записывая речи, славили Бога? Но лишь три языка избрал он: еврейский, греческий и латинский, которыми подобает воздавать хвалу Богу». Говорили же так латинские и франкские архиереи, иереи и ученики. Схватившись с ними, как Давид с иноплемениниками, словами Писания победил их, назвал их триязычниками, ибо Пилат так написал в титуле Господнем. И не только это одно говорили они, но еще и другому бесчинству учили, говоря, что под землей живут большеголовые люди и что все гады – дьяволы создания. И если кто убьет змею, то простится ему за это девять грехов. А если кто человека убьет, то три месяца должен пить из деревянной чаши и не прикасаться к стеклянной. И не запрещали ни жертвоприношений приносить по прежнему обычаю, ни бесчисленных браков. Все это он посек как терновник, спалил словесным огнем, говоря: «Принеси как жертву Богу хвалу и воздай Вышнему обеты и молитвы твои. Жену же юности твоей не отпусти. Если, возненавидев, ее отпустишь, не укроется нечестивая похоть твоя, говорит Господь Вседержитель, берегите дух ваш, и никто из вас да не оставит жены юности своей. И вы то, что я возненавидел, сотворяли, так как был Бог свидетелем между тобой и женой юности твоей,

которую ты оставил, что она подруга твоя и законная жена твоя. И в Евангелии Господа слышали: “Как сказано древними: не прелюбодействуй”. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И еще раз говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот заставляет ее творить прелюбодеяние. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует”. Апостол сказал: “Если Бог сочетал людей, да не разлучатся”».

И сорок месяцев проведя в Моравии, пошел рукоположить учеников своих. Принял же его по пути Коцел, князь Паннонский, и сильно полюбил славянскую грамоту и научился ей. Отдал до пятидесяти учеников учиться ей. И воздав ему великие почести, проводил его дальше. И не взял же он ни от Ростислава, ни от Коцела ни золота, ни серебра, ни других вещей, помня евангельские слова, но только испросил у обоих девятьсот пленников и отпустил их.

Чтение 5

Когда он был в Венеции, собрались против него епископы, попы и черноризцы, как вороны на сокола, воздвигли триязычную ересь, говоря: «Человек, скажи нам, как ты создал славянам письмена и обучаешь их? Ведь никто же их раньше не обрел: ни апостолы, ни римский папа, ни Григорий Двоеслов, ни Иероним, ни Августин. Мы же только три языка знаем, которыми подобает славить Бога: еврейский, греческий, латинский». Отвечал им философ: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, и солнце тоже не сияет ли всем, и не все ли мы равно дышим воздухом? Так как же вы не стыдитесь, полагая только три языка, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими, скажите мне, Бога почитая немощным, не могущим дать это, или завистливым, не wanting дать? А мы многие народы знаем, имеющие письмена и воздающие Богу славу каждый на своем языке. Известно, что это: армяне, персы, абхазы, грузины, сугды, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие. Если же не хотите этого понять, то по крайней мере из Писания узнайте судию. Ведь Давид восклицает, говоря: “Пойте Господу, вся земля!

Пойте и возвеселитесь и воспойте!” И другой раз: “Вся земля да поклонится и поет тебе. Да поют же имени твоему вышнему”. И еще: “Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди. Все дышащее да хвалит Господа”. И в Евангелии же Иоанн говорит: “А тем, которые приняли его, дал власть быть чадами Божиими”. И еще тот же: “Не о них же только молю, но и о верующих в меня по слову их. Да будут все едино, как ты, Отец, во мне, так и я в тебе”. Ведь Матфей говорит: “Дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я заповедал вам. И я с вами во все дни до скончания века. Аминь”. А Марк еще говорит: “Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасется, а неверующий осудится. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем моим изгонят бесов, заговорят новым языком”. Скажем это и вам: “Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам. Ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете”. И еще: “Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и хотящим войти воспрепятствовали”. И Павел говорит коринфянам: “Хочу, чтобы все вы говорили на чужих языках, но лучше бы прорицали, ведь больше прорицающий говорящего на языках, если только не толкует, чтобы церковь получила назидание. Теперь же, братья, если приду к вам, говоря на языках, какую вам пользу принесу, если вам не изъяснюсь или откровением, или смыслом, или пророчеством, или поучением? Ведь и бездушный звук издавая или свирель или гусли, и если не разделите звуков – как можно понять играемое на свирели или гуслях? Ибо если неопределенный звук труба издает, кто изготовится к бою? Так и вы если чужим языком неразумные слова скажете, как можно понять сказанное? Будет в воздух говориться. Столько ведь, например, родов звуков во всем мире, и ни один из них не беззвучен. Если я не знаю смысла звучащего, то буду говорящему мне иноземец, и говорящий мне иноземец. Так и вы, поскольку вы ревнители духовного назидания, просите, чтобы вы обогатились. Так и говорящий на языках пусть молится

о истолковании. Ведь если я молитву творю на чужом языке, то дух молится, а ум без плода. Что же тогда? Помолюсь духом – помолюсь и умом, воспую духом – воспую и умом. Если благословляешь духом, то стоящий на месте неразумного как произнесет «аминь» после твоей хвалы, поскольку не знает, что ты говоришь. Ты хорошо восхваляешь, но другой не назидается. Хвалю Бога моего за всех нас, особенно за говорящих на языках. Но в церкви хочу пять слов сказать умом моим, чтобы иных научить, а не тьму словес на чужом языке. Братья! не дети будьте умом: на зло будьте младенцами, а умом будьте взрослыми. В законе написано: «как иноязычникам устами иными буду говорить людям сим, но и тогда не послушают меня, говорит Господь». Итак, языки для знамения неверующим, а пророчество не для неверующих, а для верующих. Если сойдется церковь вся вместе, и все заговорят разными языками, и войдет неразумный или неверующий – не скажет ли, что вы беснуетесь? А если все пророчествуют, и войдет один неверующий и неразумный, то обличается перед всеми и вопрошается всеми. И тайное сердца его явным бывает, и падет ниц, и поклонится Богу, говоря: «Воистину Бог в вас». Что же тогда, братья? Когда соберетесь – каждый из вас со своим знанием – то псалмы имеете, учение имеете, откровение имеете, язык имеете, толкование имеете – все, что необходимо для назидания. Если на чужом языке кто говорит, то двое или самое большее трое и поочередно, а один толкует. А если не будет толкователя, пусть молчит в церкви, себе же говорит и Богу. Пророки же два или три пусть говорят, а другие пусть толкуют. Если другому, сидящему, будет откровение, то первый молчит. Могут по одному все пророчествовать, чтобы все учились и все утешались. И духи пророческие пророкам повинуются. Не есть Бог неустройству, но миру. Господня заповедь есть: «Если кто не понимает – пусть учится». Итак, братья, старайтесь прорицать, и не запрещайте говорить чужими языками. Все пусть будет благоверно по чину». И еще говорит: «Всякий исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь». И этими словами еще более посрамив их, оставил.

Узнав об этом, римский папа послал за ним. Когда же Философ дошел до Рима, вышел сам апостолик Адриан навстречу ему со всеми горожанами, неся свечи, узнав, что несут мощи святого Климента мученика и папы римского. И тогда Бог начал творить чудеса: расслабленный человек исцелился здесь, а многие другие избавились от различных болезней. Также и пленные избавились от пленивших их, призвав на помощь память святого Климента.

Принял папа книги славянские, освятил и положил их в церкви святой Марии, называемой Фатан, и пели над ними литургию. И после этого повелел папа двум епископам Формозу и Гаудериху рукоположить славянских учеников. Когда их поставляли, тогда пели литургию в церкви святого Петра на славянском языке. И на другой день пели в церкви святой Петронилы. И в третий день в церкви святого Андрея, и потом еще в церкви у великого наставника язычников Павла апостола ночью пели святую литургию по-славянски над святой гробницей, имея в помощь епископа Арсения, одного из семи епископов, и Анастасия библиотекаря.

Философ же со своими учениками непрестанно достойные похвалы возносил за это к Богу. А римляне не переставая шли к нему, спрашивая обо всем. И дважды и трижды получали от него разъяснения.

Некий еврей, также приходя, спорил с ним и однажды сказал ему: «Не явился еще согласно числу лет Христос, о котором говорят книги и пророки, что он от девы родится». И рассчитал ему Философ все годы от Адама по поколениям, и объяснил ему подробно, что уже явился, и сколько лет с тех пор до настоящего времени. И наставив его, отпустил.

И совершив многие труды, Философ начал болеть. И страдая от боли много дней, увидев однажды Божие явление, начал петь так: «О сказавших мне: “Идем в дом Господень” возвеселился дух мой, и сердце обрадовалось». И облачился в священные свои ризы и провел так весь день, веселясь и говоря: «Отныне я не слуга ни цесарю и никому иному на земле, но одному лишь Богу Вседержителю был и есть во веки. Аминь».

Наутро же постригся в святой иноческий образ и, приобщив свет к свету, нарек себе имя Кирилл. И пробыл в этом образе 50 дней. И когда приблизилось время, приняв покой, перейти в вечную жизнь, воздел к Богу руки свои и прочитал молитву, так говоря со слезами: «Господи Боже мой, который составил все ангельские чины и бесплотные силы, небо распростер и землю основал, и все сущее от небытия в бытие привел, всегда и везде внимающий волю твою творящим, боящимся тебя и хранящим заповеди твои. Вними моей молитве и сохрани верное твое стадо, к которому приставил меня, негодного и недостойного раба твоего, избавляя от всякой безбожной и языческой злобы и от всякого многословия и от хульного еретического языка, возводящего хулу на тебя. Истреби триязычную ересь и умножь церковь свою числом верующих, объединив всех в единодушии. Сотвори избранниками людей, мыслящих едино об истинном исповедании подлинной веры твоей, и вдохни в их сердца слово твоего учения. Ведь это твой дар, что принял ты нас, недостойных, для проповедования евангелия Христа твоего. Стремящихся к добрым делам и творящих угодное тебе, которых ты поручил мне, как твоих тебе передаю. Благоустрой их силою твоею и десницею, покрывая сенью крыльев твоих, чтобы всячески восхваляли и прославляли имя Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь». Облобызав всех святым лобзанием, сказал: «Благословен Бог наш, который не отдал нас как добычу зубам невидимых врагов наших, но разрушилась сеть их, и избавил нас от истления». И так почил в Господе, прожив 42 года, в 14 день месяца февраля, во 2 индикт, от сотворения мира в 6377 году.

Повелел апостолик всем грекам, которые были в Риме, а также и римлянам, собравшись со свечами, петь над ним, устроить ему проводы как самому папе. Так и поступили.

Брат же его Мефодий попросил апостолика, говоря: «Мать наша завещала нам, чтобы того, кто из нас первый умрет, перенес брат в свой монастырь и там его похоронил». И повелел папа положить его в раку и забить ее гвоздями железными. И так задержали его семь дней, готовя в дорогу. И сказали апостолику римские епископы: «Раз Бог привел его,

ходившего по многим землям, сюда и здесь его душу взял – здесь ему следует покоем как достойному мужу». И сказал апостолик: «Тогда ради святости его и любви нарушив римский обычай, похороню его в моей гробнице в церкви святого апостола Петра». Отвечал же брат его: «Раз вы меня не послушали и не отдали его мне, то, если вы согласны, пусть лежит он в церкви святого Климента, с мощами которого пришел сюда». И повелел папа поступить так.

И вновь собрались все епископы и чернецы и все люди проводить его с честью. Когда же хотели положить его в гробницу, сказали епископы: «Вынув гвозди из раки, посмотрим, цел ли он, или же взята часть от него». И много трудясь, не смогли открыть раку по Божию повелению.

И так в раке положили его в гробницу справа от алтаря в церкви святого Климента, где начали тогда свершаться многие чудеса, видеваемые, римляне больше стали почитать святость его и честь. И написав образ его над гробницей, зажгли лампаду, чтобы светила над ним день и ночь, восхваляя Бога, прославляющего так тех, что славят его. Тому слава во веки. Аминь.

* * *

ПАМЯТЬ И ЖИТЬЕ БЛАЖЕНАГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВАГО НАСТАВНИКА СЛОВЕНЬСКУ ЯЗЫКУ

Господи, благослови, Отце.

Богъ милостивъ и щедръ, жада на покаяние чловеце, да быша спасени вси были и в разумъ истиньныи пришли, не хощеть бо смерти грѣшникомъ, но покаянию и животу,¹ аще наипаче прилежить на злобу, но не оставляетъ чловѣца рода отпасти озлоблениемъ и в соблазнъ неприяженъ прити и погыбнути. Но каяждо убо лѣта и времена не престаеть благодѣти творя намъ много, якоже исперва да и нынѣ. Первое же патриархи и отци, и по тѣхъ пророкы, а по сихъ апостолы и мученикы, и праведными мужи, и учителя, избирая ихъ от многомѣлвѣнаго житѣя сего. Знаеть же бо Господь своя, иже его суть, якоже рече: «Овча моя глас мои услышать, и азъ знаю

я, и именемъ възываю я, и по мнѣ ходять, и даю имъ животъ вѣчныи». ²

Еже створи в нашъ родъ, въздвиже намъ учителя сичего, иже просвѣти языкъ нашъ, и слабостию омрачыше умъ свои, паче же лестью дияволею, и не хотѣвше в свѣтъ заповѣди Божии ходити. Житѣе же его являетъ, и помалу сказаемо, якоже бѣ, да иже кто хоцетъ, то слыша, подобитися ему, бѣдрость приемля, а лѣность отмѣтая. И якоже рече апостолъ: «Подобни ми бывайте, якоже азъ Христу». ³

В Селуньстѣмъ ⁴ же градѣ бѣ мужъ етеръ добророденъ и богатъ, именемъ Левъ, предержа санъ другарескъ ⁵ подъ стратигомъ. ⁶ Бѣ же благовѣренъ и праведенъ, сохраняя вся заповѣди Божия исполнь, якоже инѣгда Иевъ. ⁷ Живя же с подружьемъ своимъ, роди семь отрокъ, ⁸ от нихъже бѣ мѣзинецъ семьи Костянтинъ Философъ, наставникъ и учитель нашъ. Егдаже роди и мати, ⁹ вдаша и доилицы, дабы и доила. Отроча же не хотяше ятися по чюжь сесыць никакоже, развѣ по матернь, дондоже одоенъ бысть. Се же бысть по Божию смотрению, дабы добра корене добра лѣторасль нескверньнымъ млекоу въздоена была.

Потомъ же добрая та родителя свѣщавша не сходитася, говѣюща собѣ. Нѣ тако живяста о Господи яко и братъсестра за чѣтыри на десять лѣта, дондоже я смерть разлучи, никакоже не преступлеша того совѣта. На Судъ же ему хотящу ити, плакашеся мати отрочати сего, глаголющи: «Не брегу о всемъ, развѣ о младенци семь единомъ, како хоцетъ быти устроенъ». Онъ же рече ей: «Вѣру ими ми, жено. Надѣюся Бозѣ, яко дати ему хоцетъ Богъ отца и устроителя такого, иже устроить вся крѣстьяны». ¹⁰ Еже ся и събысть.

Семи же лѣтъ отрокъ бысть, видѣ сонъ ¹¹ и повѣда отцю и матери. И рече, яко: «Стратигъ събравъ вся девица нашего града и рече къ мнѣ: „Избери собѣ от нихъ, еуже хоцещи подружию на помощь и сверсть собѣ». Азъ же глядавъ и смотривъ всѣхъ, видѣхъ едину краснѣишу всѣхъ: лицемъ свѣтящуюся и украшену велми мнисты златыми и бисѣромъ и всею красотою. Еиже бѣ имя Софѣя, сирѣчь мудрость. Ту избрахъ». Слышавъша же словеса си родителя его, рекоста къ

ему: «Сыну, храни законъ отча твоего и не отверзи наказания матере своея.¹² Свѣтилникъ бо заповѣдь закону и свѣтъ.¹³ Рчи же премудрости: „Сестра ми буди», а мудрость знаему себѣ створи.¹⁴ Сияеть бо премудрость паче солнца, и аще приведеши ю себѣ имѣти подружье, то от многа зла избавишися ею».¹⁵

Егдаже вдаста и въ учение книжное, спѣяше паче всѣхъ ученикъ в книгахъ памятью доброю велми, яко и дивитися всѣмъ. Единою же от дѣнии, якоже обычаи есть богатицищемъ глумление творити ловитвою, изиде съ ними на поле, ястрябъ свои возьмъ. И яко пусти и, вѣтръ ся обрѣте по смотрению Божию, взять и и занесе. Отроча же оттолѣ, въ унынье и въ печаль впадъ, два дѣни не ясть хлѣба. Чловеколюбимъ бо своимъ милостивый Богъ, не веля ему привыкнути житиискихъ вещехъ, удобно уловити же, якоже древле улови Плакиду¹⁶ в ловѣ еленемъ, тако и сего ястрябомъ. В себе помышль житья сего утѣху и каяше, глаголя: «Таково ли есть житие се, да в радости мѣсто печаль пребываетъ? От сего бо дѣни по инѣ ся путь иму, иже есть сего лучи. А в молвѣ житья сего своихъ дѣнии не иживу». И по учение ся имъ, седяше в дому своемъ, учася *изустъ книгам* святаго Григория Феолога.¹⁷ И знамение крестное сътвори на стѣнѣ, и похвалу написавъ святому Григорию сицеву: «О Григорие, тѣлом человече, а душею аггеле. Ты тѣлом человек сый, аггелъ явись. Уста бо твоя, яко единъ от серафимъ, Бога прославляют и вселенную просвѣщают правыя вѣры казаниемъ. Тѣмже мя, припадающа к тебѣ любовию и вѣрою, приими и буди ми просвѣтитель и учитель».¹⁸ И тако хваляше Бога.

Вшед же въ многи бесѣды и въ умъ велии, и не моги разумѣти глубины, въ уныние велико впаде. Станныи же нѣкто бѣ ту, умѣяи грамотику. И к нему шед, моляся и на ногу его падая, вдаяся ему, глаголя: «О человече, добрѣ дѣи, научи мя художству грамотичьскому». Он же, съкрывъ талантъ свои, погребъ, рече к нему: «Отроче, не тружайся. Отрекль бо я есмь отнуд никогоже не научити сему въ вся моя дѣни». Паки же отрочъ съ слезами ему кланяся, глаголаше: «Възми всю мою часть от дому отца моего, еже мнѣ достоин, а научи мя». Не

хотѣвшу же оному послушати его. Тогда отрок, шед в дом свои, въ молитвахъ пребываше, дабы обрѣлъ желание сердца своего.¹⁹

Въскорѣ же Богъ сътвори волю боящихся его. О красотѣ бо его и о мудрости и прилѣжнѣмъ его учении, еже бѣ растворено в нем, слышавъ царевъ строитель, иже нарицается логофетъ,²⁰ посла по нь, да ся бы съ царемъ училъ.²¹ Отрокъ же, услышавъ се, с радостию пути ся ятъ и на пути поклонися Богу, нача молитву, глаголя: «Боже отецъ нашихъ и Господи милости, иже еси сътворилъ словомъ всяческаа, и премудростию твоею създавши человека, да владѣетъ сътворенными тобою тварьми. Дажь ми сущую въскраи твоихъ престолъ премудрость,²² да разумѣвъ, что есть угодно тебѣ, спасуся.²³ Азъ бо есмь рабъ твои и сынъ рабыня твоя». ²⁴ И къ сему прочю Соломоню молитву изглаголавъ, въставъ, рече: «Аминь».

Егдаже прииде къ Царюграду,²⁵ вдаша его учителемъ, да ся учит. И въ 3 месяца навѣкъ всю грамотику и по прочая ся ятъ учения. Научи же ся Омиру и геометрии, и у Лва²⁶ и у Фотѣ²⁷ диалексице, и всѣмъ философскимъ учениемъ к симъ: и риторикии, и арифмификии, и астрономии, и мусикии, и всѣмъ прочимъ еллинскимъ художествомъ.²⁸ Тако я навѣче вся, якоже бы могъ кто едино навѣкнути отъ нихъ. Скорость бо ся съ прилежаниемъ съключи, другъ друга преспѣваючи, имже ся учения и художества съвършаютъ. Болѣ же учения, тихъ образъ на себѣ являа, съ тѣми бесѣдоваше, съ нимиже бѣше полезнѣе, уклоняся отъ укланяющихся въ стропты, и помяшляше, како бы земными небеснаа премѣншу, излетѣти ис телесе сего и съ Богомъ жити.²⁹

Узрѣвъ же и такова суца, логофетъ дасть ему власть на своемъ дому и въ цареву полату съ дръзновениемъ входить. И въпроси его единою, глаголя: «Философе, хотѣхъ увѣдѣти, что есть философия». Онъ же скорымъ умомъ абие рече: «Божиимъ и человечьскимъ вѣщемъ разумъ, елико можетъ человекъ приблизитися Бозѣ, и яко дѣтелию учить человека по образу и по подобию быти сътворшему и». Отъ сего же паче възлюбѣ его и присно его въпрашаше о всемъ толикъ мужъ велии и честенъ. Онъ же ему сътвори учение философское, въ малыхъ словесѣхъ велии умъ сказавъ.

В чистотѣ пребываа, велми угажаше Богу, толми паче любезнѣи всѣмъ бываше. И логофетъ всяку честь творя ему говѣину, злато много дая ему, онъ же не принимаше. Единою рече к нему: «Твоя красота и мудрость нудит мя излиха любити тя, то дщерь имамъ духовную, юже от крестила изяхъ, красну и богату, и рода добра и велиа. Аще хочешь, подружие сию ти дамъ. От царя же нынѣ велию чѣсть и княжение³⁰ приимеши. И болшаа чаи – въскорѣ бо и стратигъ будеши». Отвѣща ему Философъ: «Даръ убо велии да будет требующим его. А мнѣ болѣ учения нѣсть ничтоже, имже разумъ събравъ, прадѣдьяна чѣсти и богатства хошу искати». ³¹ Слышав же логофетъ отвѣтъ его, шедъ къ царици, ³² рече: «Сеи философъ юны не любит житиа сего, то не отпусти его от общины, но постригше и на поповство, вдадимъ ему службу. Да будет книгчий³³ у патриарха³⁴ въ святѣи Софии. ³⁵ Некли поне тако и удержимъ». Еже и сътвориша ему.

Мало же с ними весма побывъ, на Узкое море³⁶ шед, съкрыся таи в монастыри. Искаша же его 6 месяць, и едва и обрѣтоша, и не могоша его унудити на ту службу. Умолиша же и учительский столъ приати и учити философии тоземныа и странныа съ всякою службою и помощію. И по то ся ятъ. ³⁷

Бѣ же Аннии патриархъ³⁸ ересь въздвиглъ, глаголя не творити чѣсти святымъ иконам. И събравше съборъ, обличиша его, яко неправо глаголетъ, и съгнаша и съ стола. Он же рече: «Насилием мя съгнаша, а не препрѣвше мене. Не можетъ бо никтоже противитися словесемъ моимъ». Царь же с *патрикии*, ³⁹ устроивъ сего Философа, посла на нь, рекъ тако: «Аще можеша уношу сего препрѣти, то паки столъ свои приимеши». Он же, узрѣвъ Философа юна тѣломъ, а не вѣдѣи стара ума в немъ и, иже бяху послани с нимъ, рече к нимъ: «Вы подножиа моего нѣсте достоини, то како ся с вами хошу прѣти?» Философъ же к нему рече: «Не людскаго обычаа держи, но Божиих заповѣди. Зри, якоже бо еси и ты от земля, а душа Богомъ съставлена, тако и мы вси. То на землю зря, прею, человеце, не грѣдися». Паки же Аннии отвѣща: «Не подобно есть въ осень цвѣтець искати, ни старца на воину гнати, яко юношу нѣкоего». Философъ же отвѣща ему: «Самъ на ся вины

обрѣтаеши. Рци, в кую врѣсту есть силнѣиши душа, телѣси?» Он же рече: «На старость». Философ же рече: «На кую ты брань гонимъ: на тѣлесную ли или на духовную?» Он же рече: «На духовную». Философ же отвѣща: «То ты нынѣ силнѣи хочещи быти, да не глаголи нам таких приточ. Не без врѣмене бо ни цвѣтець ищем, ни на воину тебе гонимъ». Посрамль же ся тако, старець инамо обрати бесѣду и рече: «Рци ми, юноше, како крѣсту, разорену сущу, не кланяемся ему, ни лобызаем его. А вы, аще лице до перси токмо будет, иконную честь ему творяще, не стыдитесь». Философ же отвѣща: «Четыре бо части крѣсть имат. И аще едина его часть убудет, то уже своего образа не являет. А икона от лица токмо образ являет и подобие того, егоже ради будет писано. Не лвова бо лица, ни рысии зреть, иже и видить, но перваго образ». Паки же старець рече: «Како ся убо кланяете крѣсту без написаниа, а бывшем инѣмъ крѣстом, икона же, аще не има написана имене, егоже будет образ, то не створите ей чѣсти». Философ же отвѣща: «Всякъ бо крѣсть подобен образъ иматъ Христову крѣсту. А иконы не имут вси единого образа». Старець же рече: «Богу рекшу к Моисеу: „Не сътвориши всякого подобиа“.⁴⁰ Како вы, творяще, кланяетесь». Философ противу ему отвѣща: «Аще бы реклъ: „Не сътвориши никакогоже подобиа“,⁴¹ – то право приши. Но есть реклъ „не всякого“, сирѣчь „достоиное“». Противу же симъ не могии отпрѣти старець, умолча, посрамлься.

Чтение второе⁴²

По сих же агаряне, нарицаемии срацини, въздвигоша хулу на единобожество Святыя Троица, глаголюще: «Како вы, христиане, единъ Богъ мняще, размѣшаете и паки на три, глаголюще, яко Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ есть? Аще можете сказати извѣстно, послѣте мужа, иже могутъ глаголати о семъ, и преприт ны». Бѣ же тогда Философ двѣмъдесять и четырьми лѣтъ. Съборъ сътвори царь, призвавъ его, и рече ему: «Слышиши ли, философе, что глаголють сквернении агаряне на нашу вѣру? То якоже еси Свягя Троицы слуга и ученикъ, шед, противися им. И Богъ, съврѣшитель всякой вещи, славимыи въ Троици Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ, да ти подасть благодать и силу въ словесѣхъ и яко другаго Давида новаго явить тебе на

Голиада с тремя каменми,⁴³ и побъждыша възвратит тя к намъ, сподобль небесному царству». Слышав же се, отвѣща Философ: «Радъ иду за христианскую вѣру. Что бо есть слаждыше мнѣ не семь свѣтъ, но за Святую Троицу и живу быти и умрети». Приставльше же ему асукрита Георгия,⁴⁴ послаша.

Дошедшим же имъ тамо, бѣша образи дѣмонскы написали внѣюду на дверех всѣмъ христианомъ, дивъ творяще и ругающеся.⁴⁵ Въпросиша же Философа, глаголюще: «Можеши ли разумѣти, философе, что есть знамение се?» Он же рече: «Дѣмонскы образы виждю и непщую, яко христиане ту живутъ внутри. Они же, не могуще жити с ними, бѣжать вонъ от нихъ. А идѣже сего знаменна нѣсть внѣюду, то с тѣми суть ту внутри».

На обѣдѣх сѣдѣше агаряне, мудраа чадъ и книжнаа, учена многи мудрости и астрономии и прочимъ учениемъ, искушающе его, въпрашааху, глаголюще: «Видиши ли, философе, дивно чудо, како Божии пророкъ Махметъ принесъ намъ благу вѣсть от Бога, обрати мнози люди. И вси держимся по законъ и ничьсоже преступающе. А вы, Христовъ законъ держаще, вашего пророка, овъ сие, овъ инако, якоже есть годѣ комуждо васъ, тако держите и творите». К сим же Философ отвѣща: «Богъ наш яко пучина есть морскаа. Пророкъ же глаголетъ о нем: „Род его кто исповѣсть? Возмлет бо ся от земля животъ его».⁴⁶ Сего же ради искания мнози в пучину ту входятъ. И силнии умом, его богатство разумное приемлюще, преплаваютъ и възвращаются. А слабии, яко въ изгнилых кораблех покушающеся преплутти, овии истапают, а друзии с трудом едва отдыхаютъ, немощною лѣнностію вдающеся. Ваше есть узко и удобно, еже может и прескочити всякъ, малъ и великъ. Нѣсть бо кромѣ людскаго обычая, но еже вси могутъ дѣлати, а ничьсоже вамъ заповѣдалъ. Егда бо нѣсть вамъ встѣгнутъ гнѣва и похоти, но попустилъ – то в каку вы имате вринутти пропасть? Смыслении да разумѣютъ. Христос же не тако, но от низу тяжкое горѣ възводитъ вѣрою и *дѣтелиею Божиею*. Творечъ бо есть всѣмъ, межю ангелъ и скоты человека сътворилъ есть, словесемъ и смысломъ отлучивы и от скота, а гнѣвомъ и похотью от ангелъ. И еже ся кто *части приближаетъ*, паче тою ся причащаетъ – вышнихъ или

нижнихъ». Въпросиша же и паки: «Како вы, единому Богу сущю, въ три славите и? Скажи, аще веси. Отца бо нарѣчаете и Сынъ и Духъ. То аще тако глаголете, то и жену ему дадите, да ся от того мнозѣ бозѣ расплодять». К симъ же Философъ отвѣща: «Не глаголете тако хулы бе-щину. Мы убо добрѣ есмь навыкли от отецъ и от пророкъ и от учитель славити Троицю: Отецъ и Слово и Духъ, и три упостаси въ единомъ существѣ. Слово же то въплотися въ Дѣвѣ и родися нашего ради спасения, якоже и Махъметъ вашъ пророкъ свѣдѣльствуеъ, написавъ сице: „Послахомъ духъ нашъ къ дѣвѣи и извольше да родить». От сего же азъ вамъ извѣщение творю о Троици».⁴⁷ Сими же словесы поражени на другая ся обратиша, глаголюще, яко: «Тако и есть, яко глаголеши, гости. Да аще Христосъ Богъ вашъ есть, почто не творите, якоже велить? Писано бо есть в евангельскихъ книгахъ: „Молити за врагы. Добро дѣйте ненавидящимъ и гонящимъ».⁴⁸ Вы же не тако, нъ противна оружья острите на творящая вамъ таковая». Философъ же противу симъ отвѣща: «Двѣма заповѣдъма сущема въ законѣ, кто законъ свѣршая является, иже ли едину съхранить, или иже и обѣ?» Отвѣщаша же они, яко иже обѣ. Философъ же рече: «Богъ есть рекль: „Молите за обидящая».⁴⁹ Тъ есть паки рекль: „Больша сея любѣви не можетъ никтоже явити на семъ житии, но да свою душу положить за другы».⁵⁰ Другъ же ради мы се дѣемъ, да не с телеснымъ пленениемъ и душа их пленена будетъ». Паки же глаголаша они: «Христосъ есть дань даяль⁵¹ за ся и за ны. Вы же како не творите того дѣль? И уже аще браняще себе, то како поне дани не даете сицему велику и крѣпку языку измаилитьску за братью вашу и за другы? Мала же и просимъ, токмо единого златника. И донелѣже стоитъ вся земля, хранимъ миръ межю собою, якоже инъ никтоже». Философъ же отвѣща: «Аще убо кто въ слѣдъ учителя ходя, и хочеть во тѣ же слѣдъ ходити, во ньже и онъ, другии же, срѣтъ и, съвратить и – другъ ли ему есть или врагъ?» Они же рѣша: «Врагъ». Философъ же рече: «Егда Христосъ дань даяль, кое владычество бѣ: измаилитьско ли или римъско?» Отвѣщаша же они: «Римъско». «Тѣмъже не достоить насъ зазирати, понеже римляномъ даемъ вси дань». По сихъ же и ина многа

въпрашания въпрашаша и, искушающе от всѣхъ художествии, яже и самѣ имѣяху. Сказа же имъ вся. И яко я препрѣ о сихъ, и рѣша к нему: «Како ты вся си умѣеши?» Философъ же рече к нимъ: «Чьлоовекъ етеръ, почерпъ воду в мори, в мѣшци ношаше ю. И гордяшеся, глаголя къ страньникомъ: „Ввдите ли воду, еяже никтоже не имѣеть развѣ мене?“ Пришедъ же единъ мужъ поморникъ и рече к нему: „Неистовъ ли ся дѣеши, хваляся токмо о смърдящимъ мѣшци? А мы сего глубину имѣемъ“. Тако и вы дѣете. А от насъ суть вся художества изшѣла».

По сихъ же дивъ творяще, показаша ему виноградъ несаженъ, инѣгда от земля изникнущъ. И яко сказа имъ, како се бываетъ, пакы показаша ему все богатство: храмины утворены златомъ и серебромъ и камениемъ драгимъ и бисеромъ, глаголюще: «Виждь, философе, дивно чюдо: сила велика и богатство много армениино⁵² владыкы срачиньска». Рече же к нимъ Философъ: «Не диву се есть, Богу же хвала и слава, створшему вся си и въдавшему на утѣху чьлоекомъ. Того бо суть, а не иного». Сетьнѣе же на свою злобу обрашье, даша ему ядъ пити. Нѣ Богъ милостивый рекъ: «Аще и смертно что испиѣте, ничтоже васъ не вредить».⁵³ Избави и того и на свою землю съдрава възврати и пакы.

Не по мнозѣ же времени отрекъся всего житѣя сего, сѣде на единомъ мѣстѣ и без молвы, собѣ самому токмо внемя. И на утрии днь ничтоже не оставляя, нѣ нищимъ раздаяше все, на Бога печаль възмѣтая, иже ся и всѣми на всякъ днь печать.

Единою же на Святыи днь служѣ его тужащю, яко ничтоже не имамъ на сѣи днь чьстьнъ. Онъ же рече ему: «Прѣпитавый инѣгда израилиты в пустынѣ, тѣ иматъ дати и намъ сдѣ пищу. Нѣ шедъ призови понѣ 5 нищихъ мужъ, чая Божия помощи». И яко бысть обѣдня година, тѣгда принесе нѣкто мужъ бремя всея яди и 10 златникъ. И Богу хвалу възда о всѣхъ сихъ.⁵⁴

Въ Олимбѣ⁵⁵ же шедъ къ Мефодью брату своему, начать жити и молитву творити непрестани къ Богу, токмо книгами бесѣдуя.

Чтение 3

Придоша же съли къ цесарю от казаръ,⁵⁶ глаголюще, яко: «Испърва единъ токмо Богъ знаемъ, иже есть над всѣми. И

тому ся кланяемъ на вѣстоки, а обычая своя ины студныя держаще. Еврѣи же устятъ ны вѣру ихъ и дѣла прияти, а срацини, на другую страну, миръ дающе и дары многы, стѣжати ны на свою вѣру, глаголюще, яко наша есть вѣра добрѣиши всѣхъ языкъ. Тъ сего ради сълемъ къ вамъ, старую поминающе дружбу и любовь держаще, языкъ бо велии сушь, от Бога цесарство держите. И вашего совѣта вѣпрашающе, просимъ же мужа книжна у васъ. Да аще прѣприть еврѣя и срацины, то по вашу ся вѣру имемъ».⁵⁷

Тогда възыска цесарь Философа и изъобрѣты и, сказа ему козарьскую рѣчь, глаголя: «Иди, философе, к людямъ симъ. Створи имъ отвѣтъ и слово о Святѣи Троици с помощью ея, инъ бо никтоже не можетъ сего достойно створити». Онъ же рече: «Аще велиши, владыко, на сицю рѣчь радъ иду пѣшъ и босъ и безъ всего же, егоже не веляше Богъ ученикомъ своимъ носити». Отвѣщавъ же цесарь: «Аще се ты бы хотѣлъ о собѣ створити, то добрѣе ми глаголеши. Нъ цесарскую деръжаву вѣдъи и чѣсть, чѣстью иди съ цесарскою помощью». Тъгда же пути ся ятъ. И дошедъ Хорсуня,⁵⁸ научися ту жидовьскы и бесѣдѣ и книгамъ, осмъ частии грамотикиа прѣложъ и от того разумъ възприимъ.

Самарянинъ⁵⁹ же етеръ ту живяше и, приходя к нему, стязашеся с нимъ. И принесе книги самарѣискы⁶⁰ и показа ему. И испрошь я у него, Философъ затворися въ храмъ, на молитву ся наложи. И от Бога разумъ приимъ, чести нача книги бес порока. Узрѣвъ же самарянинъ, възпи великимъ гласомъ и рече: «Воистину, иже въ Христа вѣрують, въскоре Духъ Святый приемлють и благодѣть». Сыну же ся его крыщю тогда, и самъ ся по немъ крѣсти.

Обрѣте же ту Евангѣлье и Псалтырь, русьскы писмены⁶¹ писано, и чловека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою. И бесѣдовавъ с нимъ и силу рѣчи приимъ, своеи бесѣдѣ прикладая различно писмена гласная и съгласная. И къ Богу молитву держа, въскорѣ начатъ чисти и сказати. И мнозѣ ся ему дивляху, Бога хваляще.

Слышавъ же, яко святый Климентъ еще в мори лежитъ,⁶² помолися, рече: «Вѣрую в Бога и святѣмъ Климентѣ надѣюся,

яко обрѣсти имамъ мощи его и изнести из моря». Убѣждъ же архиепископа⁶³ и съ клиросомъ всѣмъ и говѣины мужа, и всѣдъше в корабля, и идоша на мѣсто, утишьшюся морю велми. И дошедъше, начаша копати, поюще. Тѣгда же бысть воня велия, яко кандиль многъ. И по семъ явишася святыя мощи, яже взявше с великою чѣстью и славою. И всѣ священници и гражданѣ внесоша я в градъ, якоже пишетъ въ обрѣтение его.⁶⁴

Козарьскыи же воевода с вои шѣдъ, опступи кръстьяньскыи градъ и сплетесе о немъ. Увѣдѣвъ же Философъ, не лѣнься, иде к нему. Бесѣдовавъ же с нимъ, учителная словеса предложъ и укроти и. И обѣщавъся ему на кръщение и отъиде, никояже пакости створъ людемъ тѣмъ. Възврати же ся и Философъ въ свои путь. И в първыи час молитву творящу ему, нападоша на нь угри,⁶⁵ яко и волчьскы вѣюще, хотяще и убити. Онъ же не ужасесе, нь ни остави своя молитвы, нь кюръ илѣса⁶⁶ *только* възывая – бѣ бо окончалъ уже службу. Они же узрѣвше, по Божию повелѣнию укротѣша и начаша кланятися ему. И слышавше учителная словеса от устъ его, отпустиша и съ всею дружиною.

Всѣдъ же в корабль, пути ся ятъ козарьска на *Меотское* озеро⁶⁷ и Капииская врата⁶⁸ *Кавкасижскыхъ* горъ. Послаша же козарѣ противу его мужа лукава заскопива, иже бесѣдуя с нимъ, рече ему: «Како вы золь обычаи имѣете и ставите цесарь инъ въ иного мѣсто, от иного рода? Мы же по роду се дѣемъ». Философъ же к нему рече: «И Богъ бо в Саула мѣсто, ничтоже угодна дѣюща, избра Давида, угажающаго ему, и родъ его». Онъ же рече пакы: «Вы убо *книгы* держаще в руку, от нихъ вся притѣча глаголете. Мы же не тако, нь от пърсии всю мудрость, яко поглощѣше, износимъ ю». Рече же Философъ к нему: «Отвѣщаю ти к сему. Аще обрящеши мужъ нагъ, и глаголетъ ти, яко многы ризы и злато имею, имеши ли ему вѣру, видя и нага?» И рече: «Ни». «Тако и азъ тебе глаголю. Аще ли еси поглотилъ всяку мудрость, то скажи ны, колько родъ есть до Моисѣя и колико есть лѣтъ которыи же родъ держалъ?» Не мога же к сему отвѣщати и умолча.

Дошедъшю же ему тамо, егда хотяху на обѣдѣ сѣсти у кагана, въпросиша и, глаголюще: «Кая есть твоя чѣсть, да тя

посадимъ на своемъ чину?» Онъ же рече: «Дѣдъ имѣхъ велии и славенъ зѣло, иже близъ цесаря сѣдѣше, и даную ему славу волею отвергъ, изгнанъ бысть, и страну ину землю дошедъ, обнища. И ту мя роди. Азъ же, дѣдня части древняя ища, не достигъ иноя прияти, Адамовъ бо внукъ есмь».⁶⁹ И отвѣщаша же ему: «Достоино и право глаголеши, гости». И от сего же паче начаша на немъ чѣсть имѣти. Каганъ же чашю возьмъ и рече: «Пиемъ во имя Бога единого, створшаго всю тварь». Философъ же чашю возьмъ и рече: «Пию въ единого Бога и Словесъ его, имже небеса утвердишася, и животворящаго Духа, имже вся сила ихъ състоитъ». Отвѣща к нему каганъ: «Вси равно глаголемъ. О семъ токмо различно держимъ: вы бо Троицу славите, а мы Бога единого, улучше книги». Философъ же рече: «Слово и духъ книги проповѣдаютъ. Аще кто тобѣ чѣсть творить, твоего же словесъ и духа не в чѣсть имѣеть; другыи же паки все трое въ чѣсть имѣеть – которыи от обою есть чтивѣи?» Онъ же рече: «Иже все трое въ чѣсть имѣеть». Философъ же отвѣща: «Тѣмъже мы боле волею творимъ, вещьми сказающе и пророкъ слушающе. Исаия бо рече: „Слушаи мене, Иякове Израилю, егоже азъ зову: азъ есмь първыи, азъ есмь въ вѣкы».⁷⁰ И нынѣ Господь посла мя и Духъ его». Июдѣи же, стояще около его, ркоша ему: «Рчи убо, како можетъ женьскъ родъ Бога вмѣстити въ црево, на нъже не можетъ никтоже възрѣти, а нѣли родити и». Философъ же показавъ перстомъ на кагана и на перваго совѣтника и рече: «Аще кто речеть, яко първыи совѣтникъ не можетъ чредити кагана и паки же речеть, послѣднии рабъ его сего *можетъ* кагана ичредити и и чѣсть ему створити – что имѣемъ наречи и, скажите ми, неистова ли или несмыслена?» Они же реша: «И зѣло неистова». Философъ же к нимъ рече: «Что есть от видимыя твари чѣстнѣе всѣхъ?» Отвѣща же ему: «Чьлоовекъ по образу Божию сътворенъ есть». Паки же рече к нимъ Философъ: «То како не суть трѣсновѣ, иже глаголють, яко не можетъ вмѣститися Богъ въ чьловека? А онъ в купину ся вмѣсти и въ облакъ, и в бурю, и дымъ, являся Моисѣви и Иову. Како бо можеши иному болящю, а иного ицилити? Чьловѣчьску убо роду на истлѣние пришедъшю, от кого бо паки бы обновление приялъ, аще не от самого Творча?

Отвѣщайте ми, ащѣ врачъ, хотя приложити пластырь болящимъ, приложить ли или древѣ или камени? И явить ли от сего чьловека исцелѣвъша? И како Моиси рече Духомъ Святымъ въ своей молитвѣ, руцѣ простеръ: „Въ горѣ каменнии и въ гласѣ трубнѣмъ не являи ны ся к тому, Господи щедрыи, но вселивъся в нашу утробу, отъимъ наша грѣхы». ⁷¹ Акюла ⁷² бо тако глаголетъ». И тако разидошася съ обѣда, нарекше днь, во ньже *бесѣдуютъ* о всихъ сихъ.

Сѣдъ же паки Философъ с каганомъ и рече: «Азъ убо есмь чьовекъ единъ въ васъ без рода и другъ. И о Бозѣ же ся стяжаемъ вси, емуже суть в руку всякая сьрдца наша. От васъ же иже суть силнѣи въ словесехъ. Бесѣдующемъ намъ, еже разумѣють – да *глаголютъ*, яко тако есть, а ихъже не разумѣють – да въпрашають, – и скажемъ имъ». Отвѣща же июдѣи и ркоша: «И мы держимъ въ книгахъ и слово и духъ. Скажи же намъ, котории законъ Богъ дасть чьовекомъ първое: Мосѣови ли или иже вы держите?» Философъ же рече: «Сего ли ради насъ въпрашаєте, да първыи законъ держите?» Отвѣща они: «Еи. Първыи бо и достоинъ». И рече Философъ: «То аще хотите първыи законъ держати, то от обрѣзания уклонитесь отинудъ». Ркоша же они: «Цто ради сиче глаголеши?» Философъ же рече: «Скажите ми, убо не потаяще, въ обрѣзании ли есть първыи законъ данъ или въ необрѣзаныи?» Отвѣщаша они: «Мнимъ, въ обрѣзании». Философъ же рече: «Не Ноеви ли Богъ дасть законъ първѣе по заповѣдании отпадении Адамовѣ, завѣтъ нарѣчая законъ? Рече же бо к нему: „Се азъ въздвигну завѣтъ мой с тобою и съ сѣменемъ твоимъ и со всею землею. Триа заповѣдьми държимъ: все ядите зелие травное и елико на небесѣ и елико на землѣ и елико на водахъ, развѣ мяса в крови душа его не ядите. И иже прольетъ кровь чьловецю, да прольется своя ему в того мѣсто». ⁷³ Что глаголете противу сему, първыи законъ рекъше держати?» Июдѣи же к нему отвѣщаша: «Първыи законъ Мосѣовъ держимъ. Сего же нѣсть нареклъ Богъ закона, нѣ завѣтъ, яко и первое заповѣдь къ чьовеку в Раи. И къ Авраму инако обрѣзание, а не законъ. Ино бо есть законъ, ино же завѣтъ. Различно бо есть творецъ нареклъ обое». Философъ же отвѣща к нимъ: «Азъ о семъ

скажу сице, яко законъ ся нарѣчаетъ и завѣтъ. Господь бо глагола ко Авраму: „Даю законъ мои въ плоть вашу, – еже и знамение нарече, – яко будетъ межю мною и тобою». ⁷⁴ Тоже къ Иеремии паки въпиеть: „Послуши же завѣта сего и възглаголеши бо, рече, къ мужемъ Иудовимъ, живущимъ въ Ерусалимъ. И речеши к нимъ: Тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: проклятъ чьлоовекъ, иже не послушаетъ словесъ завѣта сего, иже заповѣдахъ отчемъ вашимъ въ день, въ нже изведохъ я и-земля Егупетъскы"». ⁷⁵ Отвѣщаша иудѣи къ сему: «Тако и мы держимъ, яко законъ наричается и завѣтъ. Елико же ся ихъ держа по законъ Мосѣовъ, вси Богу угодиша. И мы держимся по нь и надѣмся такоже быти. А вы въздвигъше инъ законъ, попираете Божии законъ». Философъ же рече к нимъ: «Добрѣ дѣемъ. Аще бо бы и Аврамъ не ялъся по обрѣзание, но держалъ Ноевъ завѣтъ, не бы ся Божии другъ нареклъ; ни Моисѣ же послѣди паки написавъ законъ, перваго не держа. Такоже и мы по сихъ образу ходимъ и, от Бога законъ приимше, держимъ, да Божия заповѣдь тверда прѣбываетъ. Давъ бо Ноеви законъ, не сказа ему, яко други имамъ ему дати, нь въ вѣкы прѣбывающе въ души живу. Ни паки Авраму обѣтования давъ, не възвѣсти ему, яко и други имѣю дати Мосѣови. То како вы держите законъ? И Богъ *Иезекиилемъ* въпиеть, яко: „Прѣставлю и инъ вам дамъ». ⁷⁶ И Еремия бо рече: „Явѣ се дѣние грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Иудову и дому Издралеву завѣтъ новъ. Не по завѣту, иже завѣщахъ отчемъ вашимъ *въ дѣнь, въ нже* приимшу ми руку ихъ извести я и-земля Егупетъскыя, яко ти не прѣбыша в завѣтъ моемъ. ⁷⁷ И азъ възненавидѣхъ я. Яко се завѣтъ мои, иже завѣщаю дому Издралеву по дѣнех онѣхъ, рече Господь: даю законы моя въ помышления ихъ и на сѣрдцѣхъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Богъ, и ти будутъ мнѣ в люди». ⁷⁸ И паки тѣ же Еремѣя рече: „Тако глаголетъ Господь Вседержитель: станете на путехъ и видите, и въпросите на стеза Господня правыя и вѣчныя, и видите, которыи путь истиньныи, и ходите по нему, и обрящете очищение душамъ вашимъ. И рѣша: не идемъ. Поставихъ въ васъ блюстителя: послушайте гласа трубы. И рѣша: не слушаемъ. Сего ради услышатъ языци, пасущей стада в нихъ.

И тѣгда слыши земле: се азъ навожую на люди си зло, плодъ отвращения ихъ, зане словесъ пророкъ моихъ не вняша и законъ отринуша».⁷⁹ Не токмо же сими едиными скажу, яко законъ престаесть, но инѣми многими винами, от пророкъ явѣ». Отвѣщаша к нему иудѣи: «Всякъ жидовинъ се вѣсть воистину, яко будетъ тако. Нѣ не уже время пришло есть о помазанѣмъ». Философъ же рече къ нимъ: «Что си предлагаете, видяще, яко и Ерусалимъ скрушенъ есть, жертвы престалы суть, и все ся есть сбыло, еже суть пророци прорекли о вас? Малахия бо явѣ вопиеть: „Нѣсть моя воля въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы от рукъ ваших не приемлю. Зане от вѣстокъ солнца и до запада имя мое славится в языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ темьнянъ приноситься имени моему и жертва чиста, зане велико имя мое въ языцѣхъ, глаголетъ Господь Вседержитель"».⁸⁰ Они же отвѣщаша: «Се, еже глаголеши. Все языци хотятъ быти благословени у нас и обрѣзани въ градѣ Ерусалимѣстѣ». Рече же Философъ: «Тако Моисѣи глаголетъ: „Аще послушающе, послушаетъ по всему хранити законъ, будутъ придѣли ваша от моря Черьмнаго до моря Филистимьска, и от пустыня до рѣкы Ефранта».⁸¹ А мы языци, о немже о сѣмени Аврамли благословимся, и от Есѣова корене ишедшим и чаянии языкъ нареченъ и свѣтъ всея земля и всѣхъ островъ, славою Божию просвѣщенъ, не по тому закону, ни мѣсту. Пророци велми вѣплютъ. Рече бо Захария: „Радуйся зѣло, дѣщи Сионова! Се цесарь твои грядетъ кротокъ, вѣдѣ на жрѣбець осель, сынъ яремничъ. И паки потрѣбитъ оружие от Ефрѣма, и конь от Ерусалима, изъглаголетъ миръ языкомъ, и власть его от краи земля до коньца вселения».⁸² Ияковъ же рече: „Не оскудѣетъ князь от Иуды, ни игумень от стегну его, дѣндеже придетъ емуже ся щадить»,⁸³ – и тѣ чаяние языкомъ. Си вся видяще скончана и свѣршена, кого иного ждете? Даниль бо рече, от ангела наученъ: „70 недель до Христа игумена, еже есть четириста и девять десять лѣтъ запечатлѣти видѣние и пророчество».⁸⁴ Кое же ли вы ся мнитъ желѣзное царство,⁸⁵ еже Даниль мнитъ во иконѣ?» Отвѣщаша они: «Римское». Философъ же въпроси я: «Камень, уторгыися от горы без рукъ чьловечьскъ,⁸⁶ кто есть?» Отвѣщаша они: «Помазаныи». Паки

же ркоша: «То аще сего скажемъ пророкы и инѣми вещьми уже пришедша, якоже глаголеши, како римское царство доселѣ держитъ царство?» Отвѣща философъ: «Не держитъся уже, мимошло бо есть, яко и прочая по образу иконьному. Наше бо царство нѣсть римско, нѣ Христово. Якоже рече пророкъ: „Въздвигнетъ Богъ небесныи царство, еже въ вѣкы не истлѣетъ, и цесарьство его людемъ инѣмъ не оставитъся, истънитъ и извѣетъ вся царства, и тѣ станеть въ вѣкы».⁸⁷ Не крѣстьянско ли есть царство нынѣ Христовымъ именемъ нарѣчаемо, а римлянѣ идолѣхъ прилежаху. Сии же ово от сего, ово от иного языка и племени въ Христово имя царствуютъ, якоже пророкъ Исаия, являя, глаголя къ вамъ: „Остависте имя ваше в сытость избраннымъ моимъ; вас же избьетъ Господь, а работающѣи ему наречетъся имя ново, еже благословено будетъ по всеи землѣ, благословятъ бо Бога истиннаго, и кленущиися на землѣ – кленутся Богомъ небеснымъ».⁸⁸ Не свѣршило ли ся все пророческое проречение? Уже явѣ реченая о Христѣ. Исаия бо съказаетъ рождество его от дѣвы, глаголя сие: „Се, дѣва въ чревѣ приметъ и родить сынъ, и наркутъ имя ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: с нами Богъ».⁸⁹ А Михѣя рече: „И ты, Вифлеоме, земле Иудова, никакоже менши бываи въ владыкахъ Иудовахъ, и ис тебе бо ми изидеть игумень, иже упасеть люди моя Израиля, исходи его искони от дънии вѣка. Сего ради дасть я до времени ражающая и родити».⁹⁰ Иеремия же: „Въпросите и видите, аще родить мужескъ полъ? Яко великъ днь тѣ, якоже не бысть инъ; и лѣто тѣсно будетъ Иякову, и от сего спасеться».⁹¹ И Исаия рече: „Преже даже болящия не роди, и преже даже не приде рождество, болезни избѣжа, и роди мужескъ полъ"».⁹² Паки же иудѣи рѣша: «Мы есмь от Сима благословенное сѣмя, благословени отцемъ нашимъ Ноемъ, вы же нѣсте». Сказавъ же имъ о семъ и рече: «Благословение отца вашего *ино* ничтоже нѣсть, токмо хвала Богу, оно же ничтоже убо не идетъ. Се убо есты „Благословенъ Господь Богъ Симовъ»,⁹³ а къ Афету глагола, от негоже мы есмь: „Да распространитъ Богъ Иафета, да ся вселитъ в села Симова"».⁹⁴ И от пророкъ же и от инѣхъ книгъ сказая, не остави ихъ, дондоже сами рѣша, яко: «Тако есть, якоже глаголеши».

Ркоша же паки: «Како вы, имуще упование на чловека и творитеся благословени быти, а кѣнигы проклинаять такового?» Отвѣща Философъ: «То проклятъ ли есть Давидъ или благословенъ?» Рекоша же они: «И зѣло благословенъ». Философъ же рече: «То и мы на того уповаемъ, на негоже и онъ. Рече бо въ псалмехъ: „Ибо чловекъ мира моего, на нѣже уповахъ“.⁹⁵ Чловекъ же то есть Христосъ Богъ. А иже уповаеть на простъ чловекъ, то мы и того проклята творимъ».

Паки же ину притцю предложиша, глаголюще: «Како вы крѣстьянѣ обрѣзание отместе, а Христу не отвергшю его, нѣ по закону скончавшю?» Отвѣща Философъ: «Иже бо рече пѣрвие къ Авраму: „Се буди знамение межю тобою и мною“,⁹⁶ – тѣ и свершити е пришедъ. И от того державше до сего. А прочее не дасть ему мимоити, нѣ крѣщение намъ подасть». Ркоша же они: «Тѣ что ради инии прѣвии угодиша Богу, того знаменія не приимше, нѣ Аврамле». Отвѣща Философъ: «Никоториже бо от тѣхъ является двѣ женѣ имѣвъ, нѣ токмо Аврамъ. И сего ради уда того урѣзаемъ, предѣлъ дая не преступати его дале, нѣ по первому сверстию Адамову образъ дая прочимъ во тѣ ходити. Иякову бо такоже створи: утерплъ жилу стегна его,⁹⁷ зане чѣтыри жены поять. Разумѣвъше же вину, еяже ради то ему створи, нарече имя ему Израиль, сирѣчь „умомъ зря Бога“.⁹⁸ К тому бо не является примешься к женѣ. Аврамъ же того не разумѣ». Паки же въпросиша и июдѣи: «Како вы идоломъ ся кланяюще, творитеся Богу угажати?» Отвѣща Философъ: «Первое ся научите раздѣляти имена, что есть икона и что есть идолъ. И тако смотряще, не поступаите на крѣстьяны. Десять бо именъ въ вашемъ языцѣ о семъ образѣ лежить. Въпрошу же вы и азъ. Образъ ли скинія, юже видѣ въ горѣ Моиси и изнесе, или образъ образа художествомъ сдѣла, прикладомъ образъ, клины, и усмы, и серестьми, и хѣровимы изрядныи.⁹⁹ Понеже бо тако створи, наречемъ ли вы того ради дрѣву, и усъмомъ, и серьстьмъ чѣсть творити и кланятися, а не Богу, давъшюуму в то время так образъ? Такоже и о Соломонѣ церкви, понеже иконы хѣровимьскы и ангельскы и инѣхъ многы образы имяше. Такоже убо и мы крѣстьяне, угожьшихъ Богу творяще образъ, и чѣсть дѣемъ, отдѣляюще доброе от

дѣмоньскихъ образъ. Хулять бо книги жрущая сыны своя и дщери своя и гнѣвъ Божию проповѣдаютъ; также другыя хвалять, жрущая сыны своя и дщери». Ркоша же паки иудѣи: «Како вы свинину и заячину ядуще, не противитесь Богу?» Отвѣща же к нимъ: «Первому завету заповѣдающа вся снѣсте, яко зелье травное: вся бо чистая чистымъ суть; а сквернымъ и свѣсть ся осквернила.¹⁰⁰ И Богъ бо въ твари глаголетъ: „Се вся добра зѣло»,¹⁰¹ – вашего ради лакомства мало и етеро от нихъ отъять. „Снѣсте бо, – рече, – Ияковъ и насытися, и отвержеся възлюблении». ¹⁰² И паки: „Сѣдоша людие ясти и пити, вѣсташа играть"». ¹⁰³

От многа же мы се украчъше в малѣ положихомъ селико памяти ради. А иже хочеть свершенныхъ бѣдъ сихъ и святыхъ искати въ книгахъ его, обрящеть я, еже прѣложи учитель наш архиепископъ Мефодий, раздѣли е на осмь словесъ.¹⁰⁴ И ту узритъ словесную силу от Божия благодѣти, яко и пламень полящъ на противныя.

Си же вся каганъ козарьскъ съ началными мужи добрая и подобная его слышавше словеса, ркоша к нему: «Богомъ еси посланъ сѣмо на създание наше и вся книги от него умѣеши. Все еси по чину глаголалъ, досыти наслаждъ вся ны медвенныя сладости словесы святыхъ книгъ. Нъ мы есмъ некнижна чада, сему же вѣру имемъ, яко тако есть от Бога. Паче же аще хоцещи покои обрѣсти душам нашим, всяко исправль притѣчами, скажи намъ по чину, егоже у тебе въпрашаемъ». Также ся разидоша почитъ.

Въ другыи же днь сбравшеся, ркоша ему, глаголюще: «Скажи намъ, чѣстныи мужу, притѣчами умоу вѣру, якоже есть лучши всѣхъ». И отвѣща имъ Философъ: «Дѣва мальжена бѣста у царя етера въ чѣсти велицѣ и любима зѣло. Съгрѣшышема же има, изгнавъ я от земля посла.¹⁰⁵ Живущема же многа лѣтъ тамо, дѣти створиста в нищетѣ. Сбирающе же ся дѣти к собѣ, совѣтъ творяху, кымъ ся бы путемъ паки вмѣстити в пьрвыи чинъ. Овъ же ихъ сиче глагола, а другыи инако, а другыи другояко. Совѣтъ дѣяху, которому совѣту убо достоинъ быти, не добрѣишуму ли?» Ркоша же они: «Что ради сиче глаголеши? Свои бо кождо съвѣтъ добрѣи творить иного.

Июдѣи бо свои добрѣи творять и срацини такожде, и вы такожде, а инѣи инѣ. Скажи же, которые разумеемъ добрѣи от сихъ?» Рече же Философъ: «Огнь искушаетъ злато и сребро, а чьлоовекъ лжю умомъ отсѣкаетъ от истины. Рыцѣте же ми, отчего бысть первое отпадение, не от видѣния ли и плода сладкаго и похоти на божество?» Они же ркоша: «Тако есть». Философъ же рече: «Тѣ аще кому будетъ пакость, медъ ядѣшу ли студену воду пивше, пришедъ же врачъ глаголетъ ему: „И еще многъ медъ ѣдѣ, ицѣлѣеши»; а иже будетъ воду пилъ, тому глаголетъ: „Студеная воды напивѣся, нагъ на мразѣ ставѣ, ицѣлѣеши». Други же врачъ не тако глаголетъ, нѣ противно врачество заповѣдаетъ: въ меду мѣсто горкое пьюще, поститися, а въ студенаго мѣсто теплое, грѣющеся. Которыи убо от обою хытрѣе врачуютъ?» Отвѣщаши вси: «Иже противная врачества заповѣдаетъ. Горестью бо жития сего похотную сласть достойтъ умертвити и смирениемъ гордость, противнымъ противная врачующе. И мы бо глаголемъ, яко дрѣво, еже първое тернѣ створитъ, то послѣди сладокъ плодъ приплодитъ». Паки же отвѣща Философъ: «Добрѣ рекосте. Христовъ бо законъ остроту являетъ Божия жития, потомъ же въ вѣчныхъ жилищихъ 100-кратцею плодъ приносить».

Единъ же от нихъ свѣтникъ, срациньску злобу всю добрѣи вѣдыи, въпроси Философа: «Рци ми, гости, како вы Махъмета не держите? Тѣ бо есть велми Христа похвалилъ въ своихъ книгахъ, глаголя, яко от девы ся родилъ, сестры Моисѣовы, пророкъ зелии: мертвыя въскрѣшалъ и всяку язю ицѣлилъ силою великою».¹⁰⁶ Отвѣща Философъ к нему: «Да судить нас каганъ. Глаголи же, аще пророкъ есть Махъметъ, како имемъ Данилу вѣру? Онъ бо рече: „До Христа всяко видѣние и пророчество прѣстанеть».¹⁰⁷ Съ же по Христе являеся, како можетъ пророкъ быти? Аще бо того пророка наречемъ, то Данила отвержемъ». Рекоша же мнозѣ от нихъ: «Данилъ, еже есть глаголалъ, Божиємъ духомъ есть глаголалъ, а Махмета же вси вѣмъ, яко ложъ есть и пагубникъ спасению всѣхъ, иже есть добрѣишая бляди своя на злобу и студодѣяние изблялъ». Рече же първыи свѣтникъ от нихъ къ приятелемъ жидовьскимъ: «Божиею помощию гость сии всю гордыню срациньскую съверже

на землю, а вашу на онъ полъ прѣверже яко съкверну». Рекоша же къ всѣмъ людемъ: «Яко же есть далъ Богъ власть надъ всѣми языки цесарю кръстьянъску и мудрость свѣршену, тако и вѣру в них. И кромѣ ея никтоже не можетъ живота вѣчнаго жити. Богу же слава въ вѣки». И рекоша вси: «Аминь».

И рече Философъ къ всѣмъ съ слезами: «Братъе и отци, и друзи, и чада! Се Богъ дастъ всякъ разумъ и отвѣтъ достоинъ. Аще ли есть и еще кто противяся, да придетъ и прѣпритъ или прѣпърѣнъ будетъ. Иже послушаетъ сего, да ся кръститъ во имя Святыя Троица. Иже ли не хочетъ, азъ кромѣ есмь всякого грѣха, а онъ узритъ въ днь судный, егда сядеть судиа ветхыи дньми¹⁰⁸ судити всѣмъ языкомъ». Отвѣщаша они: «Нѣсмъ мы собѣ вразѣ. Нѣ помалу, иже можетъ, тако велимъ, да ся кръститъ волею, иже хочетъ, от сего дни. А иже от васъ на западъ кланяется ли жидовскы молитвы творить, ли срачинъску вѣру держитъ – скоро съмъртъ прииметъ от насъ». И тако разидошася с радостью.

Кръсти же ся от сихъ до 200 чади, отвергъшеся мерзости поганьскыхъ и женитвъ незаконныхъ. Написа же къ цесарю книги каганъ сиче: «Послалъ еси, владыко, мужа такого, иже ны сказа кръстьянъску вѣру, словомъ и вещьми Святую Троицю. И увѣдѣхомъ, яко то есть истая вѣра, и повелехомъ кръститися своею волею. Надѣющеся и мы dospѣти того же. Есme же мы вси друзи и приятелъ твоему царству и готови на службу твою, яможе хочеши».

Проважая же Философа, каганъ нача ему дары многы даяти. И не приять их, глаголя: «Даже ми, елико имаеши плененыхъ грекъ сдѣ. То ми есть боле всѣхъ даровъ». Сбравше же ихъ до двоюдесяту и вдаша ему. И иде, радуясь, на путь свои.

Дошедше же безводныхъ мѣстъ пусть, жяжѣ не можаху терпѣти. Обрѣтъше же въ слотинѣ водицю, не можаху от нея пити, бѣше бо яко золчъ. Рашедъшемъ же ся имъ всѣмъ искать воды, и рече к Мефодью, брату своему: «Не терплю уже жажѣ, да почерпи убо водѣ сея. Иже бо първие прѣложи израилтомъ горкую воду въ сладкую,¹⁰⁹ тѣи иматъ и намъ утѣху створити». Почерпъше же, обрѣтоста ю сладку, яко и медвену, и студену.

Пивша же, прослависта Бога, творящаго таковая своимъ рабомъ.

Въ Корсунѣ же вечеряя съ архиепископомъ, рече философъ к нему: «Створи ми, отце, молитву, яко же ми бѣ отецъ мой створилъ». Въпрошъшемъ же етеромъ особъ, что ради се створи, отвѣща философъ: «Вѣистину от нас отъидеть утро къ Господу, оставле ны». Еже и бысть словесъ ся събывшу.

Бяше же в Фулъстѣ языцѣ¹¹⁰ дубъ великъ, срослѣся съ чрешнею, подъ нимъ требы дѣяху, нарѣчающе именемъ Александръ.¹¹¹ Женъску полу не дающе приступати к нему, ни къ трѣбамъ. Услышавъ же то, философъ не лѣнися трудити до нихъ. Ставъ посредѣ ихъ и рече к нимъ: «Елини суть въ вѣчную муку шли, кланявшеся небу и земли яко богу, такои велицѣи, добрѣи твари. То же и вы, иже ся дрѣву кланяете, худѣи вещи, еже есть готово на огнь, како имате избыти вѣчнаго огня?» Отвѣщаша они: «Мы сего нѣсмь начали нынѣ творити, нѣ от отецъ есмь приалѣ. И от того обрѣтаемъ вся прошения наша: дождъ же *наипаче* наидеть многъ. И како мы се створимъ, егоже нѣсть дързнулъ никтоже створити от насъ. Аще бо и дерзнуть кто створити се, тѣгда же смърть узритъ, и не имамъ к тому дождя видѣти до кончины». Отвѣща к нимъ философъ: «Богъ о васъ въ книгахъ глаголетъ, а вы како ся его отместете? Исаия бо от лица Господня вопиеть, глаголя: „Гряди азъ събрати вся племена и языки, и придуть и узрять славу мою. И поставлю на нихъ знамение и послю от нихъ спасенныя въ языки: в Тарсисъ и Фулъ, и Лудъ, и Мосохъ, и Тевель, и въ Еладу, и въ острова далняя, иже не суть слышали моего имени, и възвѣстятъ славу мою въ языцѣхъ».¹¹² Глаголетъ Господь Вседержитель и паки се: „Азъ послю рыбитвы и ловча многы – и от холмъ, и скалъ камяныхъ изловятъ вы».¹¹³ Познаите, братъе, Бога, створшаго вы. Се евангелъе новаго завета Божие, в неже ся есте кръстили».

Такоже сладкими словесы углаголавъ, повелѣ имъ постѣчи древо и съжещи е. Поклонъ же ся старѣишина ихъ, шедъ, лобыза Евангелъе, такоже и вси. Свѣща же бѣлы приимше от философа, поюще идоша къ древу. И вземъ секиру философъ 30 и трижды удари и повелѣ въсѣмъ сѣщи ис корения и съжещи

е. В ту же нощь дождь бысть от Бога. И с радостию великою похвалиша Бога. И веселися Богъ о семъ зѣло.

Философъ же иде въ Цесарьградъ. И видѣвъ цесаря, живяше без мълвы, Бога моля, въ церкви Святыхъ Апостолъ сѣдя.

Есть же в святѣи Софѣи потиръ от драгаго каменія Соломоня дѣла, на немже суть писмена жидовска и самарѣиска грани написана, ихъже никтоже не можаше ни почисти, ни сказати. Вземъ же ю Философъ почте и сказа: «Есть же сиче. Първая грань: „Чаша моя, чаша моя, прорицаи то: дѣндеже звѣзда, въ пиво буди Господи и първѣнцю, бѣдящю нощю». По семъ же другую грань: „На вкушение Господне створена дрѣва иного; пии, упиися веселиемъ и възпии Алѣлуиа». И по семъ третия грань: „И се князь их, узритъ весь сънъмъ славу его, и Давидъ цесарь посредѣ ихъ». И по и семъ число написано: девять сотъ и девятеро». Ращеть же е потонъку Философъ обрѣте от втораго на десять лѣта царства Соломоня до царства Христова девятьсотъ и девять лѣт.¹¹⁴ И се есть пророчество о Христѣ.

Чтение 4

Чтение 4

Веселящю же ся о Бозѣ Философу, паки другая рѣчь приспѣ и трудъ не мнии първыхъ.

Ростиславъ¹¹⁵ бо моравьскыи князь, Богомъ устимъ, свѣтъ створи съ князи и с моравляны, посла к цесарю Михаилу, глаголя: «Людемъ нашимъ поганѣства ся отвергъшемъ и по кръстьяскъ ся законъ держащемъ, учителя не имамъ такого, иже бы ны въ свои языкъ *истую* вѣру съказалъ, да быша ины страны того зряще, уподобили намъ. Посли ны, владыко, епископа и учителя такого. Отъ васъ бо на вся страны всегда добрыи законъ исходитъ».

Сбравъ же цесарь зборъ, призва Костянтина Философа и створи слышати рѣчь сию. И рече: «Философе, вѣмъ ты трудна суца, нѣ достоить тобѣ тамо ити. Сея бо рѣчи не можетъ инъ никтоже исправити, якоже ты». Отвѣща Философъ: «И труденъ сы тѣломъ и боленъ, радъ иду тамо, аще имуть букви въ свои языкъ». Рече цесарь к нему: «Дѣдъ мои и отецъ мои,¹¹⁶ и ини

мнози, искавшие того, не обрѣли того суть. То како азъ то могу обрѣсти?» Философъ же рече: «То кто можетъ на водѣ бесѣду написати или еретичьско имя собѣ обрѣсти?» Отвѣща ему паки цесарь, и съ Варъдою, уимъ своимъ:¹¹⁷ «Аще ты хощещи, то можетъ Богъ тобѣ дати, иже даетъ всѣмъ, иже просятъ несумнѣниемъ, и отверзаетъ толкущимъ».¹¹⁸

Шедъ же Философъ, по първому обычаю на молитву ся наложи и с инѣми поспѣшники. Вскорѣ же ся ему Богъ яви, послушаяи молитвы своихъ рабъ. И тѣгда сложи писмена и нача бесѣду писати евангельскую: «Испърва бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово»¹¹⁹ и прочее.

Възвесели же ся цесарь, Бога прослави съ своими свѣтники. И посла и съ дары многы, написавъ къ Ростиславу епистолию *сицеву*: «Богъ, иже велить всякому чьловѣку, дабы в разумъ истиньный пришелъ и на большии ся чинъ стѣжилъ, видѣвъ вѣру твою и подвигъ, створи и ныня в наша лѣта, явле букъви въ вашъ языкъ, егоже не бѣ давно было, токмо в первая лѣта, да и вы причтетеся великихъ языцѣхъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ. И то ти послахомъ того, ему же ся Богъ яви – мужа чьстна и благовѣрна, книжна зѣло и философа. И съ приимъ даръ болии и чьстнѣи паче всего злата и сребра и каменія драгаго и богатѣства приходящаго. Подвигнися с нимъ спѣшно утвердити рѣчь и всѣмъ сѣрдцемъ взискати Бога. И обьщаго спасения не отрини, нѣ подвижни не лѣннися, нѣ ятися по истиньный путь, да и ты, приведъ я подвигомъ своимъ в Божии разумъ, приимеши мѣзду свою в того мѣсто въ сѣи вѣкъ и в будущи за вся ты душа, хотящая вѣровати въ Христосъ Богъ нашъ отныня до кончины, и память свою оставляя прочимъ родомъ подобно Костянтину¹²⁰ цесарю великому».

Дошедъшю же ему Моравы, с великою чьстью приять и Ростиславъ. И събравъ ученикы, дасть я учити. Вѣскорѣ же ся всь церковьный чинъ прѣложъ, научи я утрени и годинамъ, обѣдни и вечерьнѣи и павечерничѣ и таинѣи службѣ. И отверзошася по пророчьскому словесѣ уши глухыхъ услышать книжная словеса, и языкъ яснѣ бысть гугнивымъ.¹²¹ Богъ же ся възвесели о семъ велми, а дѣяволъ постыдѣся.

Растущю же Божию учению, зѣлыи завистникъ исперва дияволъ, не терпя сего добра, нѣ вшед въ своя съсуды, начатъ много въздвизати, глаголя имъ: «Не славится Богъ о семъ. Аще бо бы ему сиче годѣ было, не бы ли моглъ сътворити, дабы исперва писмены пишюше бесѣды своя, славили Бога? Но 3 языки есть токмо избралъ: еврѣискъ, греческъ и латынски,¹²² имиже достоить Богу славу въздаяти». Бѣша же се глаголюще латиньстии и спручьстии архиерѣи,¹²³ с иерѣи и ученицѣ. Сбравшеся с ними, яко Давидъ иноплемьники, книжьными словесы побѣжая, нарече я триязычники, яко Пилату тако написавшю на титлѣ Господни.¹²⁴ Не токмо же се едино глаголаху, нѣ иному бещинию учажу, глаголюще, яко подѣ землею живутъ чѣловеци вельглави¹²⁵ и вьсь гадъ дияволя тварь есть. И аще кто убиетъ змию, девяти грѣхъ избудетъ того ради.¹²⁶ Аще чѣловека убиетъ кто, три мѣсяця да пиетъ въ древянѣ цаше, а стѣкляны ся не прикасаеть.¹²⁷ Не браняху жертвъ творити по первому обычаю, ни женитвъ бе-щисленыхъ. Все же се яко терние постѣкъ, словеснымъ огнемъ попали, глаголя: «Пожри Богови жертву хвалѣ и въздаи же Вышьнему обѣты и молитвы твоя.¹²⁸ Жены же уности твоя не отпусти. Аще бо ю възненавидѣвъ пустиши, не покрывается нечѣсть похоти твоя, глаголетъ Господъ Вседержитель, сохранитесь духомъ вашимъ, и да не оставитъ кѣждо васъ жены уности своея. И сихъ, ихъже ненавидѣхъ, творясте, яко Богъ съвѣдѣтельствова межю тобою и межю женою уности твоя, юже еси оставилъ, н та обѣщаница твоя и жена завѣта твоего.¹²⁹ И въ Еуангельи Господа слышасте: „Яко речено есть дрѣвними: не сотвориши прелюбы». Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже възритъ на жену похотѣти еи, уже прелюбы есть створилъ с нею сѣрдцемъ своимъ. И пакы глаголю вамъ, яко иже пуститъ жену свою развѣ словесѣ любодѣинаго, творить ю прѣлюбы дѣяти. Иже отпущеную от мужа поиметь, прѣлюбы дѣетъ».¹³⁰ Апостолъ рече: „Яже есть Богъ съчталъ чѣловека, да не разлучается"».¹³¹

Четыри же десять мѣсяца¹³² створи въ Моравѣ, иде святить ученикъ своихъ. Прия же и Коцелъ князь *Паноньскъ*¹³³ и възлюби вельми словеньскы букъви и научися имъ. Въдавъ до

50 ученикъ учитися имъ. И велику ему чсть створи, мимо проводи. И не взять же ни от Ростислава, ни от Коцела ни злата, ни сребра, ни иная вещи, положь евангѣльское слово, нъ токмо пленники испрошь от обою девять сотъ и отпусти я.

Чтьние 5

Чтение 5

Бънятъцихъ¹³⁴ же бывшую ему, сбращася на нь пискупы, попове и черноризци, яко вранѣ на соколъ, въздвигоша триязыцную ересь, глаголюще: «Чьловеце, скажи намъ, како ты еси нынѣ створилъ словенемъ книги и учиши я? Ихъже нѣсть никтоже инъ първое обрѣлъ: ни апостоли, ни римскыи папѣжъ, ни Диалогъ¹³⁵ Григории, ни Еронимъ,¹³⁶ ни Августимъ.¹³⁷ Мы же три языки токмо вѣмъ, имиже достоить въ книгахъ славити Бога: евреискъ, елинескъ, латинескъ». Отвѣща Философъ к нимъ: «Не идетъ ли дождь от Бога равно на вся, ни ли солнце такоже не сияеть ли на вся,¹³⁸ ни ли дыхаемъ на облакъ равно вси? То како вы ся не стыдите, 3 языки токмо мняще, а прочимъ всѣмъ языкомъ и племенемъ слѣпомъ веляще быти и глухомъ, скажите ми, Бога творяще немощна, яко не могуща сего *дати, или завистлива, не хотяща* дати? Мы же многы роды знаемъ, книги умѣюще, Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо. Явѣ же суть си: ормѣни, пърси, авазги, иверие, сугди, готи, объре, турьси, козарѣ, аравляне, егуптянѣ, сури, ини мнози.¹³⁹ Аще ли не хотите от сихъ разумѣти, поне от книгъ познаите судию. Давидъ бо вопиеть, глаголя: „Поите Господеви, вся земля! Поите и възвеселитесь и въспоите!“¹⁴⁰ Другояко: „Вся земля да поклониться и поеть тебе. Да поють же имени твоему вышнии“. ¹⁴¹ И пакы: „Хвалите Господа вси языци, и похвалите его вси людие. И всяко дыхание да хвалите Господа“. ¹⁴² Въ Еуангелъи же глаголетъ: „Еликоже есть прияло ихъ, дасть имъ область, да чада Божия будутъ“. ¹⁴³ И пакы тѣ же: „Не о сихъ бо въпрошаю токмо, нъ и о вѣрующихъ словомъ ихъ въ мя. Да вси едино будутъ, якоже и ты, Отце, во мнѣ и азъ в тебе“. ¹⁴⁴ Матфѣи бо рече: „Дана ми есть всяка власть на небесѣхъ и на земли. Шьдѣше убо научите вся языки, крѣстя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уаще я хранити вся, елико заповѣдалъ есмь вамъ. И се азъ с вами есмь вся дѣни до скончания вѣка.

Аминь».¹⁴⁵ А Марк пакы глаголетъ: „Шедъше въ весь миръ, проповѣдите Еуангелье всеи твари. Вѣровавыи, крыщися, спасеться, а невѣровавыи осудится. Знаменія же повѣровавшихъ поидуть си: именемъ моимъ бѣсы ижденуть, языкъ възглаголють новы».¹⁴⁶ Глаголемъ то же к вамъ: „Горе вамъ, кнѣгъчїя, фарисѣи, ипокриты, яко затваряете цесарство небъсное прѣд чловеки. Вы бо не входите и хотящихъ внити не оставляете внити».¹⁴⁷ И пакы: „Горе вамъ, кнѣгъчїя, яко взясте ключъ разумныи: нѣ сами не внидете и хотѣющимъ внити възбранисте».¹⁴⁸ Къ кореньфѣомъ же Павелъ рече: „Хоцю, да вси языки глаголете, паче же да проричаете, болии убо проричая, нежели глаголя языки, развѣ еще не сказаетъ да церкви създаніе прииметь. Нынѣ же, братъе, еще приду к вамъ, языки глаголя, кую вамъ пользу створю, еще вамъ не възглаголю или откровениемъ, ли разумомъ, или пророчствомъ, ли учениемъ? Обаче бездушень глас дающе еще ли пищали, еще ли гусли, еще разнествїя гласомъ не дасте – како разумѣется сопомое ли или гуденое? Ибо еще безвѣстенъ глас труба дастъ, кто уготавается на брань? Тако и вы языкомъ еще неразумна словеса дасте, како разумно будетъ глаголемое? Буде бо въ аеръ глаголюще. Толико убо еще ся ключить родъ гласныхъ въ всемъ мирѣ, и ни единъ же ихъ безгласень. Еще убо не вѣмъ силы гласу, то будутъ *глаголющему* ми варваръ *и* глаголяи мнѣ варваръ. Тако и вы, понеже ревнителѣ есте духовнымъ къ създанію церкви, просите, да вы избываетъ. Тѣмъ же глаголяи языкомъ молиться да скажетъ ти. Еще бо языкомъ молитву дѣя, то духомъ молится, а умомъ бес плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ – помолюся умомъ, спою духомъ – спою же и умомъ. Еще благословиши духомъ, исполняя мѣсто неразумнаго, како речеть «аминь» по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсть, что глаголеши. Ты убо добрѣ хвалиши, нѣ другыи не жиждеться. Хвалю Бога моего о всѣхъ насъ, паче же языки глаголю. Нѣ въ церкви хоцю 5 словесъ умомъ своимъ глаголати, да ины научю, а не еже тѣмъ словесъ языкомъ. Братіе! не дѣти бывайте умы, но злобою же младенествуите, умы же свѣршенѣ будете. В законѣ пишеть: «яко иноязыцїи ихъ устнами инѣми възглаголю людемъ симъ, и тако не

послушают мене, глаголетъ Господь». Тѣм же языци въ знамение невѣрнымъ суть, а пророчество не невѣрнымъ, нѣ вѣрующимъ. Аще бо снидется церкви вся вкупѣ, и вси глаголють языки, внидетъ же неразумивъ или невѣренъ, – не рчетъ ли, яко зѣли ся дѣете? Аще ли вси пророчествуютъ, вѣнидетъ же инъ невѣренъ и неразумивъ, обличается предъ всѣми, вѣстязается отъ всѣхъ. И тайная сердца его явѣ бываетъ, и тако падетъ ницѣ и поклонится Богу, повѣдая: «Вѣистину Богъ въ васъ есть». Что убо есть, братье? Егда сходится къждо васъ, псалмы имѣете, учение имѣете, явление имѣете, языкъ имѣете, сказание имѣете – вся же къ созданию да бываютъ. Аще ли языкомъ кто глаголетъ – по двѣма или зѣло по тремъ и по части, единъ сказаетъ. Аще ли не будетъ глагольника, да молчитъ въ церкви, собѣ же да глаголетъ и Богу. Пророци же два или трие да глаголють, а друзии да скажутъ. Аще ли иному явиться сидящу, първыи да молчатъ. Могутъ бо по единому вси пророчествовати, да вси учатся, и вси утѣшаются. И *дуси пророчестии* пророкомъ повинуются. Нѣсть бо нестроению Богъ, нѣ миру».¹⁴⁹ Господня бо заповѣдь есть: „Аще кто не разумѣетъ – да учится».¹⁵⁰ Тѣм же, братье, рѣвните проричанию и не браните глаголати языки. Вся же благовѣрно по чину да бываютъ».¹⁵¹ И пакы глаголетъ: «Всякъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Богу Отцю».¹⁵² Аминь». Сими же словесы и инѣми и болше посрамль я, оставле.

Увѣдѣвъ же римскыи папѣжъ,¹⁵³ посла по нь. Дошедъшу же ему Рима, изиде самъ апостоликъ¹⁵⁴ Андриянь¹⁵⁵ противу ему съ всеми гражаны, свѣща несущѣ, увѣдѣвше, яко несутъ мощи святаго Климента мученика и папежа римскаго. И тѣгда Богъ чюдеса нача творити: ослабленъ же чьлоовекъ ту ицѣлѣ, а ини мнози различныхъ недуговъ избыша. Тако же и плененѣи пленшихъ я, нарекъше память святаго Климента, избыша.

Приим же папѣжъ книги словеньскыя, освяти и положи я въ церкви святаго Марія, яже ся наричаеъ Фатанъ,¹⁵⁶ пѣша же над нимъ литургию. И по семъ повелѣ папѣжъ двѣма епископома Фурьмосу¹⁵⁷ и Гоидриху¹⁵⁸ святити словеньскыя ученикы. Яко я свяиша, тѣгда пѣша литургию въ церкви святаго Петра¹⁵⁹ словеньскимъ языкомъ. И въ другыи днь пѣша въ церкви

святѣ *Петрунилы*.¹⁶⁰ И въ 3 днь въ церкви святаго Андрѣя,¹⁶¹ и оттуду пакы у великаго учителя языческаго Павла апостола в церкви¹⁶² в нощи пиша святую литургию словеньскы надъ святымъ гробомъ, имѣюще на помощь Арсѣнія епископа, единого суща от седми епискупъ,¹⁶³ и Настаса¹⁶⁴ вивлотиکارя.

Философъ же съ своими ученикы не престаяше достойную хвалу Богу въздая о семъ. Римлянѣ же не престаяху идуще к нему, въпрашающе о всемъ. И сказание сугубъ и трыубъ приимаху от него.

Жидовинъ же етеръ, такоже приходя, сътязашеся с нимъ и рече ему единою: «Нѣсть уже не пришелъ Христосъ по числу лѣтъному, о немже глаголють книги и пророцы, яко от девы ся есть родити».¹⁶⁵ Почтъ же ему Философъ вся лѣта от Адама по роду, сказа ему потонку, яко пришелъ есть, и селико лѣтъ есть от толѣ до селѣ. И научивы и, отпусти.

Постигъшемъ же многымъ трудомъ, болѣти нача. И тепящу ему язю болезненую многы дни, единою видѣвъ Божие явление, начатъ пѣти сиче: «О рекшихъ къ мнѣ: „Идемъ въ двory Господня» възвеселися духъ мой, и сердце обрадовася».¹⁶⁶ Облѣкъ же ся въ чѣстныя своя ризы тако прѣбысть весь днь, веселяся и глаголя: «Отселѣ нѣсмь азъ ни цесарю слуга, ни иному никомуже на землѣ, нъ токмо Богу Вседержителю бѣхъ и есмь въ вѣкы. Аминь».

Въ утрѣи же днь въ святѣи чърньчьскѣи образъ оболкъся и свѣтъ къ свѣту примъ и имя си нарече Кюриль.¹⁶⁷ В томъ же образѣ пребысть 50 дний.¹⁶⁸ И яко приближися година, да покои примъ, прѣставитъся на вѣчную жизнь, и въздвигъ къ Богу руцѣ свои и створи молитву, слезами сиче глаголя: «Господи Боже мои, иже еси ангельская вся чины и бесплотныя съставлялъ силы, небо распнь и землю основалъ, и вся сущая от небытя в бытѣе приведъ, иже еси всегда весдѣ послушалъ творящихъ волю, боящихся тебе и хранящихъ заповѣди твоя. Послушаи моя молитвы и вѣрное твое стадо схрани, емуже мя бѣ прѣставилъ, неключимаго и недостойнаго раба твоего, избавляя вся от всякаго безбожныя и поганьскыя злобы и от всякаго многорѣчиваго имени и хулнаго еретичьска языка, глаголющаго на тя хулу. Погуби триязычную ересь и въздрасти

церковъ свою множествомъ, и вся въ единомушье съвокупле. Створи изрядны люди, единомысляща о истинныи вѣрѣ твоеи правѣмъ исповѣданьи, въдохни же въ сердца ихъ слово твоего учения. Твои бо есть даръ, аще ны еси прия недостойныя на проповѣдание еуангелѣя Христа твоего. Остриящаяся на добрая дѣла, творяще угодная тобѣ, еже мнѣ бѣ далъ, яко твое тобѣ предаю. Устрои я силою твоею и десницею, покрывая кровомъ крилу твоею,¹⁶⁹ да всяко хвалятъ и славятъ имя Отца и Сына и Святаго Духа въ вѣки. Аминь». Лобъзавъ же вся святымъ лобзаниемъ, и рече: «Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ в ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, нъ сѣтъ ихъ скрушися, и избави ны¹⁷⁰ от истлѣния». И тако почи о Господѣ, бывъ 42 лѣтъ, въ 14 днь мѣсяца февраля, въ индиктъ 2, от твари всего мира 6000 и 300 и 70 и 7 лѣтъ.¹⁷¹

Повелѣ же апостоликъ всѣмъ грѣкомъ, иже бяху в Римѣ, тако и римляномъ, съ свѣщамъ съшедъшеся, пѣти надъ нимъ, створити провожение ему, якоже самому папежю створили. То же и створиша.

Мефодии же брат его въпроси апостолика, глаголя, яко: «Мати ны есть заклѣла, да иже наю пѣрвѣе на судъ идетъ, да прѣнесетъ брат въ свои монастырь¹⁷² и ту и погребетъ». Повелѣ же папежъ вложить и в раку и забити и гвозды желѣзны. И тако держа и 7 днии, готовя и на путь. Рекоша же къ апостолику римьстии пискупы: «Понеже есть Богъ, по многимъ землямъ хожьша, привелъ и сѣмо и сдѣ дуцю его изялъ – сдѣ ему достоить лежати яко чьстну мужю». Рече же апостоликъ: «То за святыну его и любовь римьскыи обычаи прѣступле, погребу и в моемъ гробѣ въ церкви святаго апостола Петра». Отвѣща же братъ его: «Понеже мене не послушасте и не дасте ми его, аще вы есть любо, да ляжетъ въ церкви святаго Климента,¹⁷³ с нимъже есть сѣмо пришелъ». Повелѣ же апостоликъ тако створити.

И паки сбравшемъ епископомъ всѣмъ и чернецемъ и всѣмъ людемъ проводить и чьстно. Хотяще же положить и, рекоша епископы: «Отгвождыше раку, видимъ, аще есть цѣлъ, еда есть что взято от него». И тружьшеся много, не моглоша отгвоздити раку по Божию повелѣнию.

И тако с ракою положиша и въ гробъ о десную страну олтаря въ церкви святаго Климента, идеже начаша тогда многа чюдеса бивати, еже видѣвше римлянь боле ся прѣложиша святыни его и чѣсти. Написавъ же икону его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимъ днь и ночь,¹⁷⁴ хваляще Бога, прославляющаго тако же славять. Тому бо есть слава въ вѣкы. Аминь.

Житие Мефодия

Подготовка текста и перевод О. А. Князевской,
комментарии А. А. Алексеева

Житие составлено в Моравии вскоре после смерти св. Мефодия в 885 г. одним из его учеников. Сохранилось в 15 списках, древнейший из которых входит в состав известного Успенского сборника конца XII–начала XIII в. (ГИМ. Синодальное собр., № 1063). См. его издания: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 188–198; *Климент Охридски. Събрани съчинения*. София, 1973. Том 3. С. 160–195; Жития Кирилла и Мефодия. М.: Книга; София: Наука и искусство, 1986. С. 181–232. Текст Жития воспроизводится по этим изданиям. Историю изучения Жития и свод комментариев к нему см.: Сказания о начале славянской письменности / Вступ. статья, перевод и комментарии Б. Н. Флори. М., 1981. С. 143–173.

* * *

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ В 6 ДЕНЬ ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ
БЛАЖЕННОГО ОТЦА НАШЕГО И УЧИТЕЛЯ МЕФОДИЯ,
АРХИЕПИСКОПА МОРАВСКОГО

Господи, благослови, Отче!

I. Бог благой и всемогущий, сотворивший из небытия к бытию все видимое и невидимое и украсивший всякой красотой, которую, если размышлять понемногу, можно мысленно частично уразуметь и познать того, кто сотворил столь многие и дивные создания, ибо «по величию и красоте созданий познается размышлением и создатель их», которого воспевают ангелы трисвятым гласом и мы, все правоверные, славим во святой Троице, иначе говоря в Отце, Сыне и Святом Духе, то есть в трех ипостасях, что можно назвать тремя лицами, но в одном Божестве. Ведь прежде всякого часа, времени и года, выше всякого разума и духовного понимания Отец сам родил Сына, как говорит Премудрость: «Прежде всех холмов рождает меня». И в Евангелии сказало само божье Слово пречистыми устами, воплотившись на будущие времена ради нашего спасения: «Я в Отце, и Отец во мне». От того же Отца и Святой

Дух исходит, как сказал сам Сын божьим Словом: «Дух истинный, который от Отца исходит».

Этот Бог, завершив все творение, как говорит Давид: «Словом Господним утвердились небеса и от дыхания уст его вся сила их. Ибо он сказал – и стали, он повелел – и создались», прежде всего сотворил человека, прах от земли взяв, а от себя животворным дуновением душу вдохнув, и осмысленную речь и свободу воли дал, чтобы ввести в рай, заповедь заповедав ему для испытания; если хранит ее, то останется бессмертен, если же преступит, смертью умрет, по своей воле, а не по Божьему велению.

А дьявол, увидев, что человеку оказана такая честь и назначено ему то место, с которого он из-за своей гордыни пал, заставил его преступить заповедь, и изгнал человека из рая, и осудил на смерть. И с тех пор начал неприятель соблазнять многими кознями род человеческий. Но Бог в великой милости и любви не оставил человекa совсем, а на каждый год и время избрал мужа и явил людям дела их и подвиг, чтобы все, уподобляясь им, стремились к добру.

Таков был Енос, который первым отважился призывать имя Господне. А после него Енох, угодив Богу, перенесен был высоко. Ной праведным оказался в роде своем, он спасся от потопа в ковчеге, чтобы опять наполнилась земля творением Божиим и украсилась. Авраам после разделения языков, когда все впали в заблуждение, Бога познал и другом Его назван был, и принял обетование, что «в семени твоём благословенны будут все народы». Исаак подобно Христу возведен был на гору для жертвы. Иаков идолов тестя уничтожил и видел лестницу от земли до неба: ангелы Божии по ней восходили и сходили. И благословляя сынов своих, он пророчествовал о Христе. Иосиф прокормил людей в Египте, показав себя человеком Божьим. Об Иове Авситидийском Писание говорит, что был праведен, справедлив и непорочен: подвергнутый испытанию, претерпев его, благославен был Богом. Моисей, с Аароном, между иереями Божьими Богом для фараона назван был, и мучил Египет, и вывел Божий народ – днем вслед за облаком светлым, а ночью за столпом огненным; и море разделил, и прошли по

суху, а египтян потопил. И в пустыне безводной напоил народ водой и насытил хлебом ангельским и птицами; и говорил с Богом лицом к лицу, как невозможно человеку с Богом говорить, и дал народу закон, написанный Божьим перстом. Иисус Навин, одолев врагов, разделил землю между народом Божьим. Судьи также одержали много побед. А Самуил, получив Божью милость, помазал и поставил царя по слову Господню. Давид с кротостью пас народ и научил его песням Божьим. Соломон, получивший от Бога мудрости больше всех людей, много добрых поучений создал и притчей, хоть сам их и не выполнял. Илия обличил голодом людскую злобу, и воскресил мертвого отрока, и, принеся словом с неба огонь, опалил многих, и жертвы сжег чудесным огнем; перебив нечестивых иереев священников, взошел на небо на колеснице огненной и конях, дав ученику удвоенный дух. Елисей, его милость получив, вдвое больше чудес совершил. Другие пророки, каждый в свое время, пророчествовали о будущих удивительных делах. После них великий Иоанн, ходатай между Ветхим и Новым законом, стал крестителем и свидетелем Христовым и проповедником живым и мертвым.

Святые апостолы Петр и Павел с остальными учениками Христовыми, как молния, прошедшая по всему миру, осветили всю землю. После них мученики кровью своей смыли скверну, а преемники святых апостолов, крестив цесаря, великим подвигом и трудом разрушили язычество. Сильвестр праведно из трехсот и восемнадцати отцов, приняв себе в помощь великого цесаря Константина, собрав в Никее первый собор, победил Ария и проклял его и ересь его, которую тот воздвигал на Святую Троицу, как когда-то Авраам с тремястами и восемнадцатью слугами перебил царей и принял благословение и хлеб и вино от Мельхиседека, царя салимского, ведь был тот иереем Бога всевышнего. Дамас же и Григорий Богослов со ста пятьюдесятью отцами и великим царем Феодосием в Царьграде подтвердили святой символ, то есть «Верую во единого Бога», и, изгнав Македония, прокляли его и хулу его, которую он говорил на Святого Духа. Целестин и Кирилл с двумястами отцами и другим царем сокрушили в Ефесе Нестория со всей

болтовней, которую он говорил на Христа. Лев и Анатолий с правоверным царем Маркианом и с шестьюстами и тридцатью отцами прокляли в Халкедоне безумие и болтовню Евтихиевы. Вигилий с богоугодным Юстинианом и со ста шестьюдесятью пятью отцами, Пятый собор собрав, изыскав где какая болтовня укрылась, прокляли. Афагон, апостольский папа, с двумястами и семьюдесятью отцами с честным Константином царем на Шестом соборе многие восстания раскололи и всем тем собором, изгнав, прокляли, я говорю о Феодоре Фаранском, Сергии и Пирре, Кире Александрийском, Гонории Римском, Макарии Антиохийском и прочих приспешниках их, а христианскую веру, на истине стоящую, укрепили.

II. После же всего этого Бог милостивый, «который хочет, чтобы всякий человек спасен был и до истинного познания дошел», в наше время ради нашего народа, о котором никто и никогда не заботился, для доброго дела воздвиг нам учителя, блаженного учителя Мефодия, которого все добродетели и подвиги к каждому из этих угодников приложив, не постыдимся: ведь одним он равен был, других немного меньше, а иных больше, – красноречивых превзойдя добродетелью, а добродетельных – красноречием. Каждому уподобившись, образ каждого собой явил: страх Божий, хранение заповедей, чистоту плоти, прилежание в молитвах и святости, слово сильное и кроткое – сильное для противников, а кроткое для принимающих поучение, ярость, тихость, милость, любовь, страсть и терпение, – он был всем из всего, чтобы всех привлечь.

Был он рода с обеих сторон не худого, но доброго и честного, известного издавна Богу и царю, и всей Солунской стране, что являл и телесный его облик. Поэтому и участники споров, любившие его с детства, вели с ним уважительные беседы, пока царь, узнав о быстроте ума его, не поручил ему держать славянское княжение, чтобы он узнал все славянские обычаи и привык понемногу, как будто провидя, – я бы сказал, – что Бог хотел послать его учителем для славян и первым архиепископом.

III. Проведя на княжении много лет и увидев множество беспорядочных волнений этой жизни, он сменил стремление к земной тьме на мысли о небе, ведь он не хотел возмущать благородную душу тем, что не вечно – не прибывающим. И, найдя удобное время, он избавился от княжения и пошел на Олимп, где живут святые отцы. Постригшись, он облачился в черные ризы и пребывал с покорностью повинуюсь. И, исполняя весь монашеский чин, обратился к книгам.

IV. Но случилось в то время следующее: послал царь за философом, братом его, чтобы идти к хазарам и чтобы тот взял его себе в помощь. Ведь там были иудеи, сильно хулившие христианскую веру. Он же сказал, что: «Я готов умереть за христианскую веру». И не ослушался он, но, идя, служил как раб меньшему брату, повинуюсь ему. Он молитвами, а философ словами превозмогли тех и посрамили. Царь же и патриарх, увидев подвиг его, годный для Божьего пути, убеждали его согласиться, чтобы посветили в архиепископы на почетное место, где есть потребность в таком муже. Так как он не соглашался, принудили его и поставили игуменом в монастыре, который называется Полихрон, доход которого измеряется двадцатью четыремя спудами золота, а отцов в нем больше семидесяти.

V. Случилось же в те дни, что Ростислав, князь славянский, и Святополк послали из Моравии к царю Михаилу, говоря так: «Мы Божьей милостью здоровы, но пришли нам много учителей христиан от итальянцев, и от греков, и от немцев, уча нас по-разному, а мы, славяне, люди простые, и нет у нас, кто бы наставил нас истине и научил разуму. Потому, добрый владыка, пошли такого мужа, который наставит нас всякой правде». Тогда царь Михаил сказал Философу Константину: «Слышишь ли, Философ, эту речь? Никто другой не может этого сделать, кроме тебя. Так на тебе дары многие и, взяв брата своего игумена Мефодия, ступай же. Ведь вы солуняне, а солуняне все хорошо говорят по-славянски».

Тут они не посмели отказаться ни перед Богом, ни перед царем, по слову святого апостола Петра, как он сказал: «Бога бойтесь, цесаря чтите». Но почувствовав величие дела,

предались они молитве вместе с другими, кто был такого же духа, что и они. И тут явил Бог Философу славянские книги. И тот, тотчас упорядочив буквы и составив беседы, отправился в путь в Моравию, взяв Мефодия. И стал он, снова с покорностью повинуюсь, служить Философу и учить вместе с ним. И когда минуло три года, возвратились они из Моравии, выучив учеников.

VI. Узнав же о таковых людях, апостолик Николай послал за ними, желая видеть их, как ангелов Божьих. Он освятил учение их, положив славянское Евангелие на алтаре святого апостола Петра, и посвятил в попы блаженного Мефодия.

Было много других людей, которые поносили славянские книги, говоря, что не подобает никакому народу иметь свои буквы, кроме евреев, греков и латинян, по надписи Пилата, которую он на кресте Господнем написал. Их апостолик назвал пилатниками и триязчиками. И одному епископу, который был болен тою же болезнью, он повелел посвятить из учеников славянских трех в попы, а двух в анагностов.

VII. Спустя много дней Философ, отправляясь на Суд, сказал Мефодию, брату своему: «Вот, брат, были мы с тобой в упряжи, пахали одну борозду, и я у леса, дойдя борозду, падаю, свой день окончив. А ты хоть очень любишь гору, но не моги ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?»

VIII. Послал Коцел же к апостолику, просил, чтобы отпустил к нему Мефодия, блаженного учителя нашего. И сказал апостолик: «Не тебе одному только, но и всем тем странам славянским посылаю его учителем от Бога и от святого апостола Петра, первого престолонаследника и держателя ключей от царствия небесного». И послал его, написав такую эпистолию: «Адриан, епископ и раб Божий, Ростиславу и Святополку и Коцелу. Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение, что услышали мы о вас духовное, на это уповали мы с желанием и молитвою вашего ради спасения, как воздвиг Господь сердца ваши искать его и показал вам, что не только верую, но и благими делами подобает служить Богу, ведь “вера без дел мертва”, и отпадают те, которые

“воображают, что знают Бога, но делами отрекаются от него”. Ведь не только у этого святительского престола просили вы учителя, но и у благоверного царя Михаила, чтобы послал он к вам блаженного философа Константина с братом, покуда мы не сделали. Они же, уведав что страны ваши находятся под властью апостольского престола, не сделали ничего противного канонам, но к нам пришли и принесли с собой мощи святого Климента. Мы же, тройную радость получив, замыслили послать в ваши страны сына нашего Мефодия, мужа совершенного разумом и правоверного, испытав и посвятив его вместе с его учениками, чтобы учил вас, как вы просили, излагая на языке вашем Книги полностью для всего церковного чина, в том числе со святой мессой, то есть службой, и с крещением, как начал философ Константин Божьей благодатью и молитвами святого Климента. Так же если и кто иной сможет достойно и правоверно говорить, – да будет свято и благословлено Богом и нами и всей вселенской и апостольской Церковью, чтобы легче обучились вы заповедям Божиим. Только один этот сохранять вам обычай, чтобы во время мессы сначала читали Апостол и Евангелие по-латыни, потом по-славянски. Да исполнится слово Писания, что “будут хвалить Господа все народы”, и другое: “И все станут говорить о величии Божьем на разных языках, на которых позволит им говорить Святой Дух”.

Если же кто из собранных у вас учителей, из тех, кто тешит слух и от истины отвращает к заблуждениям, начнет, дерзнув, вносить между вами разлад, порицая книги на вашем языке, пусть будет отлучен не только от причастия, но и от Церкви, пока не исправится. Ибо они суть волки, а не овцы, что следует по плодам их узнавать и беречься от них.

Вы же, чада возлюбленные, повинуйтесь учению Божьему и не отриньте поучения церковного, чтобы вы стали истинно поклоняющимися Богу, отцу нашему небесному, со всеми святыми. Аминь».

Коцел же принял его с великой честью и снова послал его, а также двадцать человек из именитых людей, к апостолику,

чтобы он посвятил его на епископство в Паннонии на престол святого Андроника, апостола из числа семидесяти, что и стало.

IX. После этого старый враг, ненавистник добра и противник истины, воздвиг на него сердце врага, моравского короля со всеми епископами, что, дескать, «в нашей области учишь». Он же ответил: «Я сам обошел бы стороной, если бы ведал, что ваша. Но она – святого Петра. По правде же, если вы из зависти и жадности вопреки канонам на старые пределы наступаете, препятствуя учению Божьему, то берегитесь, чтобы не разлить свой мозг, желая костным теменем пробить железную гору». Они отвечали ему, говоря в ярости: «Зло себе добудешь». Он ответил: «Истину говорю перед царями и не стыжусь, а вы поступайте со мной, как хотите, ведь я не лучше тех, кто в великих муках лишился и жизни за то, что говорил правду». И когда много вопросов было задано и не смогли опровергнуть его, сказал король, вставая: «Не утруждайте моего Мефодия, ведь он вспотел уже, как у печки». Сказал он: «Так, владыка». Встретили люди как-то потного философа и сказали ему: «Почему ты так вспотел?» А он: «С невеждами спорил». И поспорив об этих словах, разошлись, а его, сослав в Швабию, держали два с половиной года.

X. Дошло до апостолика. И уведав, послал на них запрет, чтобы ни один королевский епископ не служил мессы, то есть службы, пока его держат. Поэтому отпустили его, сказав Коцелу: «Есть будет он у тебя, не уйдешь от нас добром». Но они не ушли от суда святого Петра, ведь из этих епископов четверо умерло.

Приключилось же тогда, что мораване, убедившись, что немецкие попы, которые жили у них, не приятели им, но оковы им куют, всех изгнали и послали к апостолику: «Так как прежде отцы наши от святого Петра крещение приняли, то дай нам Мефодия архиепископом и учителем». Тотчас прислал его апостолик. И принял его Святополк князь со своими мораванами и поручил ему все церкви и духовенство во всех городах. И с того дня начало очень расти учение Божие и духовенство во всех городах начало расти и множиться, и поганые – веровать в истинного Бога, от своих заблуждений

отрекаясь все больше. И моравская власть стала расширять свои пределы и побеждать своих врагов без неудач, как и сами они рассказывают.

XI. Была же в нем пророческая благодать, так что сбывались многие его прорицания. Об одном или двух из них мы расскажем.

Очень сильный языческий князь, сидевший на Висле, поносил христиан и пакости делал. Послав же к нему, сказал Мефодий: «Хорошо бы тебе креститься, сын, своею волею на своей земле, чтобы не был ты крещен насильно в плену на чужой земле. И вспомнишь меня». Так и было.

Или вот. Однажды Святополк воевал с погаными и ничего не достиг, но медлил. Когда стала приближаться месса, то есть служба, святого Петра, Мефодий послал к нему, говоря: «Если пообещаешь провести у меня со своими воинами день святого Петра, то верую, что скоро предаст их тебе Бог». Так и было.

Один человек, очень богатый, и советник князя женился на своей куме, то есть на ятрови, и Мефодий много наставлял, и учил, и уговаривал их, но развести их не мог. Потому что другие, выдавая себя за рабов божьих, втайне развращали их, лстя из-за имущества, и вовсе отвратили их от церкви. И он сказал: «Придет час, когда не смогут помочь эти льстецы, и вспомните мои слова, но ничего сделать уже будет нельзя». Внезапно, после Божьего отступления, пала на них напасть, «и места их не стало, но будто вихрь, подхватив, рассеял пыль». Много и другого подобногоэтому было, о чем говорил он открыто в притчах.

XII. Старый враг, ненавистник рода человеческого не мог терпеть всего этого, воздвигнув на него некоторых, как на Моисея Дафана и Авирона, одних – открыто, других – тайно. Больные иопаторской ересью совращают слабейших с правильного пути, говоря: «Нам папа дал власть, а его велит изгнать вон вместе с его учением».

Собрав же весь моравский народ, они велели прочесть перед ними эпистолию, чтобы слышали об изгнании его. Люди же, как свойственно человеку, все печалились и скорбели, что лишаются такого пастыря и учителя – кроме слабых, которыми

двигала ложь, как листьями ветер. Но когда прочли письма апостолика, то обнаружили следующее: «Брат наш Мефодий свят и правоверен и делает апостольское дело, и в руках его все славянские земли от Бога и от апостольского престола, а кого он проклянет, будет проклят, а кого благословит, тот да будет свят». И, посрамившись, они разошлись, как туман, со стыдом.

XIII. На этом злоба их не кончилась, но стали они говорить, что гневается на него царь и если найдет, не быть ему живому. Но милостивый Бог не хотел, чтобы и в этом хулили раба его, он вложил в сердце царю, ибо сердце царя всегда пребывает в руках Божьих, мысль и послал к нему письмо: «Честный отче, очень хочу тебя видеть. Так сделай милость, потрудись прибыть к нам, чтобы мы увидели тебя, пока ты на этом свете, и молитву твою приняли». И он сразу пошел туда, принял его царь с великой честью и радостью и, похвалив его учение, удержал из его учеников попа и дьякона с книгами. И все желания его исполнил, чего он хотел, и ни в чем ему не отказал. Обласкав и одарив, проводил его со славою назад на его престол. Так же и патриарх.

XIV. На всех же путях попадал он во многие напасти от дьявола: в пустынях к разбойникам, на море в волненья ветров, на реках во внезапные смерчи, так что исполнилось на нем слово апостола: «Беды от разбойников, беды в море, беды на реках, беды от лжебратьев, в трудах и подвигах, в постоянном бдении, во многом голоде и жажде», и в прочих печалях, о которых упоминает апостол.

XV. А потом, оградившись от сомнений и печаль свою на Бога возложив, еще раньше посадив из учеников своих двух попов, отличных скорописцев, быстро переложил все Книги, все полностью, кроме Маккавейских, с языка греческого на славянский, за шесть месяцев, начиная с марта месяца до двадцать шестого дня октября месяца. Окончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, дающему такую благодать и удачу. И вознеся с клиром своим святое тайное возношение, отпраздновал память святого Димитрия. Ведь прежде с философом переложил он только Псалтырь и Евангелие с

Апостолом и избранными церковными службами. Тогда же и Номоканон, то есть правило закона, и отеческие книги переложил.

XVI. Когда же венгерский король пришел в дунайские страны, он захотел его увидеть: и хотя некоторые говорили и предполагали, что не уйти от него без мучений, он пошел к нему. Но тот, как и подобает владыке, так и принял – с почетом, славою и радостью. И побеседовав с ним, как пристало таким мужам вести беседы, отпустил его, обласкав, поцеловав, с дарами великими, сказав: «Поминай меня всегда, честный отец, в святых твоих молитвах».

XVII. Так пресек он со всех сторон обвинения, затворив уста многоречивым, путь завершил, и веру сохранил, ожидая праведного венца. И по-скольку так угодил, возлюблен был Богом. Стало приближаться время принять покой от страстей и награду за многие труды. И спросили его, говоря: «Кто, считаешь ты, честный отец и учитель, среди учеников твоих был бы преемником тебе в учительстве твоём?» И показал он им на одного из известных учеников своих, именем Горазд, говоря: «Этот из вашей земли свободный муж, научен хорошо в латинских книгах, правоверен. Пусть будет Божья воля и ваша любовь, как и моя». А когда в Вербное воскресенье собрались все люди, он, немощный, войдя в церковь, благословив царя, князя, и клириков, и весь народ, сказал: «Стерегите меня, дети, три дня». Так и было. На рассвете третьего дня он сказал следующее: «В руки твои, Господи, влагаю душу мою». И почил на руках иерейских в 6 день месяца апреля в 3-й индикт 6393 года от сотворения всего мира.

Приготовив его к погребению и воздав ему достойную честь, отслужили ученики его церковную службу по-латыни, по-гречески и по-славянски и положили его в соборной церкви. И приложился он к отцам своим и патриархам, и пророкам, и апостолам, учителям, мученикам. И собравшись, бесчисленные народные толпы провожали со свечами доброго учителя и пастыря: мужчины и женщины, малые и большие, богатые и бедные, свободные и рабы, вдовицы и сироты, иноземцы и местные, больные и здоровые, – все, оплакивая того, кто был

всем из всего, чтобы всех привлечь. Ты же, святая и честная глава, в молитвах твоих свыше опекай нас, стремящихся к тебе избавь от всякой напасти, учеников своих и учение распространяя, а ереси изгоняя, чтобы, прожив здесь достойно нашего назначения, стали мы с тобой, стадо твое, одесную сторону Христа, Бога нашего, вечную жизнь принимая от него. Ему же слава и честь во веки веков, Аминь.

* * *

МѢСЯЦА АПРЕЛЯ ВЪ 6 ДЬНЬ¹⁷⁵ ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ
БЛАЖЕНАГО ОТЬЦЯ НАШЕГО И УЧИТЕЛЯ МЕФОДИЯ,
АРХІЕПИСКОПА МОРАВЬСКА

Господи, благослови Отьче!

І. Богъ благъ и всемогаи, иже есть створилъ от небытия въ бытие всячѣская видимая же и невидимая и украсилъ всякою красотою, юже кѣто размышляя помышляи по малу от чѣсти можетъ разумѣти и того познати, иже есть сътворилъ сиця дѣла дивьна и многа, «отъ великоты бо и доброты дѣлъ по размыслу и родитель ихъ мудрьствуется»,¹⁷⁶ иже поють ангели тръсвятимъ гласѣмъ и вси правовѣрнии славимъ въ святѣи Троици, сирѣчь въ Отьци и Сынѣ и Святомъ Дусѣ, еже есть въ трѣхъ упостасѣхъ, еже можетъ кѣто три лица рещи, а въ единомъ Божѣствѣ. Прѣже бо всякого часа и врѣмене и лѣта, надъ всяцѣмъ умѣмъ и съмыслѣмъ неплѣтѣскѣмъ Отьць самъ есть Сына родилъ, якоже рече Прѣмудрость: «Прѣже всѣхъ хѣлмъ ражаетъ мя».¹⁷⁷ И въ Евангелии рече само божие Слово прѣчистыми усты, вѣплѣщѣся на послѣдняя лѣта нашего ради съпасения: «Азъ въ Отьци, а Отьць въ мнѣ».¹⁷⁸ Отъ тогоже отьца и Святой Духъ исходитъ, якоже рече самъ Сынъ божиемъ гласѣмъ. «Духъ истиньнъ, иже от Отьца исходитъ».¹⁷⁹

Съ Богъ съвършь всю тварь, яко глаголетъ Давидъ: «Словѣмъ Гос-подьнѣмъ небеса утвърдишася, и духѣмъ устъ его вся сила ихъ. Яко тѣ рече – и быша, тѣ повелѣ – и създашася»,¹⁸⁰ прѣже всѣхъ сътвори челоуѣка, пьрьсть от земля приемля, от себе душу вѣдѣхнувъ животьнымъ дѣхновениемъ и словесьнымъ съмыслъ и самовласть, да въведеть въ раи, заповѣдь заповѣдавъ ему искусьну: да аще

съхранить ю, и прѣбудеть бесъмьртнь, аще ли прѣступитъ, съмьртию умьреть от своея воля, а не от Божия велѣния.

Узьрѣвъ же дияволъ челоуѣка тако почтена и устима на то мѣсто, съ негоже тѣ своею гърдынею съпаде, и сътвори прѣступити заповѣдь и из-д-рая изгна челоуѣка, и съмьртию осужь. И оттолѣ устити начатъ неприязнь, блазнити многими кѣзньми челоуѣчьскыи родѣ. Нѣ не остави Богъ великою милостию и любѣвью до коньца челоуѣкѣ, нѣ на коеждо лѣто и врѣмя избѣра мужа и яви людѣмъ дѣла ихъ и подвигъ, да ся тѣмъ подобяще, вѣси на доброе устили.

Якоже бѣ Еносъ, иже упова пѣрвыи нарицати имя Господьне. Енохъ же потомъ, угожъ Богу, прѣставленъ бысть. Нои правѣднь ся обрѣте въ родѣ своемъ, потопа избысть въ ковчезѣ, да ся бы пакы земля напѣлнила твари Божия и украсила. Авраамъ по раздѣлении языкъ, заблужьшемъ же вѣсѣмъ, Бога позна и другъ ся ему нарече и обѣтование прятъ, яко: «Вѣ сѣмени твоємъ благословлени будутъ вѣси языци».¹⁸¹ Исакъ по образу Христову на гору въ жьртву възведенъ бысть. Ияковъ идолы тѣстѣня погуби и лѣствицю видѣ от земля до небесе, ангелы же Божия вѣсходяща и сѣходяща по неи, и въ благословлениихъ сыновъ своихъ о Христѣ пророчествова. Иосифъ въ Егуптѣ люди прѣпитѣ, Божии ся явлѣ. Иова Авѣситидиискааго правѣдна, истиньна и непорочьна Книгы съказаютъ: искушение приимъ, прѣтѣрпѣвъ же, благостьнъ бысть Богомъ. Моиси съ Аронѣмъ въ иерѣихъ Божиихъ Богъ фараосовъ наречеся и мучи Егуптѣ, Божия люди изведе – въ дѣне облакѣмъ свѣтѣльмъ, а въ ноци стѣлпѣмъ огньнѣмъ, и море проби, и проиду по суху, а егуптяны потопа, и в пустыни безводнѣ люди напои воды и хлѣба ангельскаго насыти и пѣтицѣ; и глаголавъ съ Богѣмъ лицѣмъ къ лицу, якоже *нѣсть* възможьно челоуѣку съ Богѣмъ глаголати, законъ людѣмъ дасть, Божиємъ пѣрстѣмъ *написанъ*. Исусъ Навьгинъ людѣмъ Божиємъ землю раздѣли, противьники воевавъ. Судия такоже многы побѣды сътвориша. Божию милость приимъ же, Самоиль цѣсаря помаза и постави Господьнѣмъ словѣмъ. Давидъ кротостию люди распасе и пѣсньмъ Божиамъ научи. Соломонъ, мудрость от Бога приимъ паче вѣсѣхъ челоуѣкѣ, многа казанія

добра сътвори съ притъчами, аще и самъ не доконъча. Илия, зълону людъску обличъ гладъмъ и мъртва отрока въскрѣшь и огнь съ небесе словъмъ сънесъ, попаль многы, и жертвы съжже дивнѣмъ огнѣмъ, мързѣкия же иерѣя избивъ, възиде на небо на колесници огнѣи и конихъ, ученику давъ сугубъ духъ. Елиѣи, милотъ приимъ,¹⁸² сугуба чюдеса сътвори. Прочни пророци, къждо въ свое врѣмя, о дивныхъ вещьхъ хотящихъ быти пророчествоваша. Иоанъ великий по сихъ, ходатаи межю Ветъхымъ законъмъ и Новымъ, *кръстителъ* Христовъ и съвѣдѣтель и проповѣдѣтель живымъ же и мъртвымъ бысть.

Святии апостоли Петръ и Павль съ прочими ученики Христовы, яко мълния, въсь миръ прошѣдъша, освѣтиша всю землю. По сихъ мученици крѣвми своими омыша сквърну, а настольници святыихъ апостолъ, цѣсаря *крѣщѣше*, многимъ подвигомъ и трудомъ поганство раздрушиша. Сельвестръ, чѣстью трѣми съты и 18 отъцъ, великаго цѣсаря Костянтина на помощь приимъ, сънемъ първыи събравъ въ Никеи, Ария побѣди и проклятъ и и ересь его, юже въздвизаше на Святую Троицю, якоже бѣ Авраамъ инѣгда съ трѣми съты и 18-те отрокъ цѣсаря избилъ и от Мелхиседека, цѣсаря Салимьска, благословление приять и хлѣбъ и вино, бѣ бо иерѣи Бога вышнѣяго. *Дамасъ* же и феологъ Григории съ сътѣмъ и пятию десять отъцъ и съ великимъ цѣсарѣмъ Феодосиемъ въ Цѣсариградѣ *потвърдиша* святой сумболъ, еже есть: «Вѣрую въ единъ Богъ», а Македония, отсѣкъше, прокляша и и хулу его, юже глаголаше на Святыи Духъ. Келестинъ и Курилъ съ дѣвѣма сътома отъцъ и съ другимъ цѣсарѣмъ¹⁸³ въ Ефесѣ Нестория раздрушиша съ всею блядию, юже глаголаше на Христа. Львъ и Анатолий съ правовѣрнымъ цѣсарѣмъ Маркианомъ и съ 6-ю сътъ и трѣми десяти отъцъ въ Халкидонѣ Евтухово безумие и блядение прокляша. Вѣгилій съ богоугоднымъ Иустинъмъ и съ сътѣмъ и 60 и 5-тью отъцъ, 5 сънемъ съставляше, изискавъше, прокляша. Агафонъ, апостольскый папѣжъ, съ дѣвѣма сътома и 70 отъцъ съ чѣстнымъ Костянтиномъ цѣсарѣмъ на шестѣмъ сънемѣ многи мятежа въсколоша, изгнавъше, прокляша съ вѣсьми *сънмники* тѣми. Реку же, Феодора Фараньскааго, Севгира же и

Пирона, Кура Александрьскаго, Енория Римьскаго, Макария Антиохийскаго и прочая пос-пѣшъники ихъ, а крѣстіяньскую вѣру, на истинѣ поставльше, утвѣрдиша.

По сихъ же вѣсѣхъ Богъ милостивый, «иже хощеть, да бы всякъ чловѣкъ спасенъ былъ и въ разумъ истинный пришълъ»,¹⁸⁴ въ наша лѣта языка ради нашего, о немъ же ся не бѣ никътоже николиже попеклъ, на добрый чинъ въздвиже нашего учителя, блаженаго учителя Мефодия, егоже вся добрая дѣтели и подвигы прилагающе, сихъ угодицѣхъ по единому не постыдимъся, овѣмъ бо равнъ бѣ, овѣхъ же малы мнии, а другихъ болии, словесныя дѣтелью прѣспѣвъ, а дѣтельныя словемъ. Всѣмъ бо ся уподоблъ, вѣсѣхъ образъ на себѣ являше: страхъ Божии, заповѣдная храненияа, плѣтскою чистотою, прилѣжныи молитвыи и свѣтыня, слово сильное и кроткое, сильно на противныя, а кроткое на приемлющая казаніе, ярость, тихость, милость, любовь, страсть и тѣрпѣніе, все о всячѣхъ бывая, да бы вся приобрѣлъ.

Бѣ же рода не худа от обоуду, нѣ вельми добра и чѣстна, знаема прѣвѣ Богемъ и цѣсаремъ и всею Селунскою страною, якоже и тѣлесныи его образъ являше ся. По тому же и прѣци, любяще и издѣтска, чѣстныя бесѣды дѣяху, дондеже цѣсарь, *увѣдѣвъ* быстрость его, княжение ему дастъ дѣржати словѣнско, *реку* же азъ, яко прозѣря, како и хотяше Богъ учителя словѣнемъ посѣлати и прѣваго архиепископа, да бы проучилъся всѣмъ обычаемъ словѣнскимъ и обиклъ я помалу.

Сѣтворъ же въ томъ княжи лѣта многа, и узрѣ многи мѣлвы бѣщныи въ житии семъ, прѣложи зѣмныя тѣмы волю на небесныя мысли, не хотяше бо чѣстныя душа орѣпѣтити непрѣбывающими въ вѣкы. И обрѣтъ врѣмя, избысть княжения и, шѣдъ въ Алимбъ,¹⁸⁵ идеже живутъ свѣтии отци. Постригъ ся, облѣче въ чѣрны ризы, и бѣ повинуюся покорѣмъ. И сѣвѣршая всѣ испѣлнѣ мнишскыи чинъ, а книгахъ прилежа.

Приключышю же ся врѣмени такому, и посѣла цѣсарь по философа, брата его, въ козары,¹⁸⁶ да поятъ и съ собою на помощь. Бяху бо тамо жидове крѣстіяньскую вѣру вельми хуляще. Онъ же рече, яко «Готовъ есмь за крѣстіяньскую вѣру

умрѣти». И не ослушася, нѣ, шѣдѣ, служи яко рабѣ мнѣшу брату, повинуюся ему. Съ же молитвою, а философѣ словесы прѣможесть я, и посрамисте. Видѣвъ же цѣсарь и патриархъ подвигъ его, добръ на Божии путь, бѣдиша и, да быша и святили архиепископа на чѣстьное мѣсто, идеже есть потрѣба такого мужа. Не рачѣшю же, унудиша и и поставиша и игумена въ манастири, иже нарицается Полихронъ,¹⁸⁷ емуже есть сѣмѣра 20 и 4 спудове¹⁸⁸ злата, а отѣць обиле 70 въ немъ есть.

Прилучи же ся въ ты дни Ростиславъ, князь словѣньскъ, съ Святопѣлкѣмъ¹⁸⁹ посѣласта из Моравы къ цѣсарю Михаилу, глаголюща тако: «Яко Божиею милостию съдрави есмѣ, и суть въ ны въшѣли учители мнози, крѣстияни из влахъ и из грѣкъ и из нѣмѣць, учаще ны различѣ, а мы словѣни проста чадѣ и не имамѣ, иже бы ны наставилѣ на истину и разумѣ сѣказалѣ. То, добрѣи владыко, посѣли такѣ мужѣ, иже ны исправить вѣсяку правѣду».¹⁹⁰ Тѣгда цѣсарь Михаилъ рече къ философу Костянтину: «Слышиши ли, философе, рѣчь сию? Инѣ сего да не можетѣ сътворити развѣ тебе. Тѣ на ти дари мнози, и, поимѣ братѣ свой игуменѣ Мефедии, иди же. Вы бо еста селунянина, да селуняне вѣси чисто словѣньскы бесѣдуютѣ».

Тѣгда не сѣмяста ся отрещи ни Бога, ни цѣсаря, по словеси Святаго апостола Петра, якоже рече: «Бога боитесь, цѣсаря чѣтѣте».¹⁹¹ Нѣ велику слышавѣша рѣчь, на молитву ся наложиста и съ инѣми, иже бѣаху тогоже духа, егоже и си. Да ту яви Богѣ философу словѣньскы книги. И абие устроивъ письмена и бесѣду сѣставлялѣ, пути ся ятѣ моравѣскаго, поимѣ Мефедия. Начатѣ же, пакы съ покорѣмѣ повиную ся, служити философу и учити съ нимѣ. И трѣмѣ лѣтомѣ ишѣдѣшемѣ, вѣзвратистася из Моравы, ученикы научѣша.

Увѣдѣвъ же такова мужа, апостоликѣ Никола¹⁹² посѣла по ня, желая видѣти я яко ангѣла Божия. Святи учение ею, положѣ словѣньское Евангелие на олтари Святаго Петра¹⁹³ апостола, святи же на поповѣство блаженаго Мефедия.

Бѣаху же етера многа чадѣ, яже гужаху словѣньскыя книги, глаголюще, яко не достоитѣ некоторомуже языку имѣти буквѣ своихѣ, развѣ евреи и грѣкъ и латинѣ, по Пилатову писанию,¹⁹⁴ еже на крѣстѣ Господѣни написа. Еже апостоликѣ, пилатѣны и

трязычъники нареклъ, проклятъ. И повелъ единому епископу,¹⁹⁵ иже бѣ тоуже язею больнъ, и святи от ученикъ словѣньскъ три попы и 2 анагоста.¹⁹⁶

По дѣньхъ же мнозѣхъ философъ, на Судъ грядыи, рече къ Мефодию, брату своему: «Се, брате, вѣ супруга бяховѣ, едину бразду тяжаща, и азъ на лѣсѣ падаю, свои днь съконьчавъ. А ты любиши гору¹⁹⁷ вельми, то не мози горы ради оставити учения своего, паче бо можеша кымъ спасенъ быти».

Посълавъ же Коцель¹⁹⁸ къ апостолику проси Мефодия, блаженаго учителя нашего, да бы и ему отпустилъ. И рече апостоликъ: «Не тебе единому тѣкмо, нѣ и всѣмъ странамъ тѣмъ словѣньскимъ сѣлю и учитель от Бога и от святаго апостола Петра, първаго настольника и ключедържця цѣсарствию небесьному». И посъла и, написавъ епистолию сию: «Андреанъ, епископъ и рабъ Божии, къ Ростиславу и Святопѣлку и Коцѣлю. Слава вѣ вышнихъ Богу и на земли миръ, вѣ чловѣцѣхъ благоволение,¹⁹⁹ яко о васъ духовная слышахомъ, *на няже жадахомъ съ желаниемъ и молитвою вашего ради съпасения, како естъ въздвиглъ Господь сѣрдьца ваша искати его и показалъ вамъ, яко не тѣкмо вѣрою, нѣ и благыми дѣлы достоитъ служити Богу, „вѣра бо безъ дѣлъ мъртва естъ“*,²⁰⁰ и отпадають ти, иже „ся мнятъ Бога знающе, а дѣлы ся его отѣмѣтають“.²⁰¹ Не тѣкмо бо у сего святительскаго стола просисте учителя, нѣ и у благовѣрнаго цѣсаря Михаила, да посъла вамъ блаженаго философа Костянтина и съ братьмъ, дѣндеже мы не dospѣхомъ. Она же, увѣдѣвъша апостольскаго стола достаяща ваша страны, кромѣ канона не створисте ничьсоже, нѣ къ намъ придосте, и святаго Климента мощи несуще.²⁰² Мы же, трѣгубу радость приимъше, умыслихомъ, испытавъше, посълати Мефодия, свящъше и съ ученики, сыну же нашего на страны ваша, мужа же съвършена разумъмъ и правовѣрна, да вы учить, якоже есте просили, съказая кѣнигы вѣ языкъ вашъ по вѣсему цѣрквѣвному чину испълнь, и съ святою мѣшею, рекъше съ службою, и крщениемъ, якоже естъ философъ началъ Костянтинъ Божию благодатью из молитвы святаго Климента. Такоже же аще инъ кѣто възможеть достоино и правовѣрно съказати, свято и

благостно Богъмъ и нами и всею кафоликиею и апостольскою Църквѣю буди, да бысте удобъ заповѣди Божия навыкли. Съ же единъ хранити обычаи, да на мѣши първѣе чытуть Апостолъ и Евангелие римьскы, таче словѣньскы. Да ся исполнить Книжъное слово, яко „въсхвалять Господа вси языци»,²⁰³ и другоиде: „Вси възглаголятъ языки различны величья Божия, якоже дасть имъ Святый Духъ отвѣщавати». ²⁰⁴

Аще же кѣто от събъраныхъ вамъ учитель и чешющихъ слухы и от истины отвращающихъ на бляди начьнетъ, дързнувъ, инако развращати вы, гадя книги языка вашего, да будетъ отлученъ не тѣкмо въсуда, нъ и Църквѣ, донде ся исправить. Ти бо суть вѣлци, а не овьця,²⁰⁵ яже достоить от плодъ ихъ знати и хранити ся ихъ.

Вы же, чада възлюбленая, послушайте учения Божия и не отринѣте казания църквѣнаго, да ся обрящете истиньнии поклонители Божии, отцю нашему небесьному, съ всѣми святыими. Аминь».

Приятъ же и Коцълъ съ великою чѣстью и паки посѣла и къ апостолику и 20 мужъ чѣстыны чади, да и ему святить на епископство въ Панонии, на столъ святаго Андроника от 70,²⁰⁶ еже и бысть.

По семь же старьи врагъ, завидьливыи добру и противьникъ истинѣ, въздвиже сѣрдьце врагу моравьскаго короля²⁰⁷ на нь съ всѣми епископы, яко „на нашей области учиши». Онъ же отвѣща: «И азъ аще быхъ вѣдѣлъ, яко ваша есть, кромѣ быхъ ходилъ. Нъ святаго Петра есть. Да правѣдою аще ли вы рвьня ради и лакомства на старья прѣдѣлы поступаете черось каноны, възбраняюще учения Божия, блюдѣтеся, еда како хотяще желѣзну гору косянѣмъ тѣменѣмъ пробити, мозгъ вашъ излѣете». Рѣша ему яро, глаголюще: «Зла добудеши». Отвѣща онъ: «Истину глаголю прѣдъ цѣсари и не стыжуся,²⁰⁸ а вы творите волю вашу на мнѣ, нѣсмъ бо лучии тѣхъ, иже суть, правѣду глаголюще, многими муками и жития сего избыли». Многамъ же рѣчѣмъ прогоненамъ и не могущемъ противу ему отвѣщавати, рече король изниця: «Не тружайте моего Мефодия, уже бо ся есть, яко и при печи употилъ». Рече онъ: «Еи, владыко. Философа потѣна инѣгда сѣрѣтъше, людие

рѣша ему: „Что ся потиши?» Дѣеть онъ: „Съ грубою ся чадью пѣрѣхъ"». О томъже словеси съпѣрѣвъше, ся разидоша, а оного, засълавъше въ Съвабы, дѣръжаша полъ третья лѣта.

Доиде къ апостолику. И увѣдѣвъ, посъла клятву на ня, да не поють мѣша, рекъше службѣ, вси королевѣ епископи, донде и дѣръжать. И тако и пустиша, рекъше Коцьлу: «Аще сего имаши у себе, не избудеши нас добрѣ». Нѣ они не избыша святаго Петрова суда, 4 бо от нихъ епископи умьроша.

Приключи же ся тѣгда моравляне, очющѣше нѣмьчскыя попы, иже живяху въ нихъ не прияюще имъ, нѣ ковъ кующе на ня, изгнаша вся,²⁰⁹ а къ апостолику посълаша: «Яко и пѣрвѣе отци наши от святаго Петра крѣщение прияли, то дажь намъ Мефодия архиепископа и учителя». Абие же посъла и апостоликъ. И приимы и Святопѣлкъ князь съ вѣсѣми моравляны и поручи ему вся цѣркѣви и стрижьники въ вѣсѣхъ градѣхъ. От того же дѣне вѣлыми начатъ расти учение Божие и стрижьници множитися въ вѣсѣхъ градѣхъ от тогоже начатъ расти и множитися и погании вѣровати въ истиньныи Богъ, своихъ блядии отмѣтающесе. Тольми паче и Моравьска область пространити начатъ вся страны и врагы своя побѣжати и съ непогрѣшениемъ, яко и сами повѣдають присно.

Бѣ же пророчьска благодать въ немъ, яко ся суть събывала многа прорицания его. От нихъже ли единого ли дѣвъ съкажемъ.

Поганьскъ князь сильнъ вѣлыми, сѣдя въ Вислѣ, ругашесе крѣстьяномъ и пакости дѣяше. Посълавъ же къ нему, рече: «Добро ти ся *крѣстити*, сыну, волею своею на своей земли, да не плѣненъ нудьми крѣщенъ будеши на чюжеи земли. И помянеши мя». Еже и бысть.

Инѣгда же пакы Святопѣлку воюющу на поганья и ничьсоже успѣющу, нѣ мудящю. Святаго Петра мѣши приближающися, рекъше службѣ, посъла къ нему, глаголя яко: «Аще ми ся обѣщаеши на святѣи Петровъ дѣнь съ вои своими сѣтворити у мене, вѣрую въ Богъ, яко прѣдати ти имать я вѣскорѣ». Еже и бысть.

Етеръ другъ, богатъ зѣло и сѣвѣтъникъ, оженися купетрою своею, рекъше ятрѣвью, и много казавъ и учивъ и утѣшавъ, не може ея развести. Ини бо, Божии раби²¹⁰ творящесе, таи

развращаху я, ласкающе имѣния ради, да сетѣнѣ отлучиша я от църкве. И рече: «Придетъ час, егда не могутъ помощи ласкавѣнници ти, а моя словеса поминати имата, нѣ не будетъ чьто створити». Вънезапу по Божию оступлению паде напасть на нею, «и не обрѣтесе мѣсто ею, нѣ яко и вихъръ, прахъ възьмъ, расѣя».²¹¹ И ина многа подобѣна симъ, яже притѣчами явѣ съказаше.

Сихъ же всѣхъ не търпя, старыи врагъ, завистьникъ челоуѣчю роду, въздвиже етеры на нь, яко Дафана и Авирона на Мосѣя, овы явѣ, а другыя таи. Иже болять иопаторьскою ересью²¹² и слабѣиша съвращаютъ къ себѣ съ праваго пути, глаголюще: «Намъ есть папѣжь власть далъ, а сего велить вѣнъ изгнати и учение его».

Събравѣше же вѣся люди моравѣскыя, веляху прочисти прѣдъ ними епистолию, да быша слышали изгнание его. Людие же, якоже есть обычаи челоуѣкомъ, вѣси печаловахуса и желяху си, лишаеми пастыря такого и учителя, развѣ слабыхъ, яже льсть двизаше, яко се вѣтръ листвие. Почтѣше апостоликовы книги, обрѣтоша писание, яко: «Братъ нашъ Мефодии святыи и правовѣрнѣ есть, и апостольско дѣяние дѣлаеть, и въ руку его суть от Бога и от апостольскаго стола вѣся словѣнѣскыя страны, да егоже прокльнеть, проклять, а егоже святить, тѣ святѣ да буди». И посрамльшеса, разидоша ся, яко мыгла, съ студѣмъ.

Не до сего же тѣкъмо злоба ихъ ста, нѣ рѣша глаголюще, яко цѣсарь ся на нь гнѣваетъ, да аще и обрящеть, нѣсть ему живота имѣти. Да и о томъ не хотя похулити своего раба, Богъ милостивый вѣложи въ сѣрдьце цѣсарю, якоже «есть присно въ руцѣ Божии цѣсаре сѣрдьце»,²¹³ и посѣла книги къ нему, яко: «Отъче чѣстьныи, вельми тебе желаю видѣти. То добро сътвори, потрудися до насъ, да тя видимъ, дѣндеже еси на семь свѣтѣ, и молитву твою приимемъ». Абие же шѣдѣшю ему тамо, приять и съ чѣстью цѣсарь великою и радостью и, учение его похваль, удѣръжа от ученикъ его попа и дѣякона съ книгами. Вѣсю же волю его сътвори, елико хотѣ, и не ослушавъ ни о чѣсомъже. Облюблѣ и одарѣ вельми, проводи и паки славно до своего стола. Тако же и патриархъ.

На всѣхъ же путѣхъ въ многы напасти впадѣше от неприяни: по пустынямъ въ разбойники и по морю въ вълны вѣтрыны, по рѣкамъ въ смърчи незапны, яко ся съконьчати на немъ апостольскому словеси: «Бѣды от разбоиникъ, бѣды въ мори, бѣды въ рѣкахъ, бѣды от лъжибратии, въ трудѣхъ и подвижениихъ, въ забѣдѣнии множицею, въ алъкани и жажи множицею»,²¹⁴ и прочимъ печальмъ, яже апостолъ поминаеть.

Потомъ же отвѣргъ вся мълвы и печаль свою на Бога възложъ, прѣже же от ученикъ своихъ посажъ дѣва попы²¹⁵ скорописця зѣло, прѣложи въ бързѣ вся книги, вся испълнь развѣ Макавѣи от гръчска языка въ словѣньскѣ шестию мѣсяць,²¹⁶ начьнъ от марфа мѣсяца, до дѣвоюдесяту и шестию днь октября мѣсяца. Оконьчавъ же, достойную хвалу и славу Богу въздасть, дающему такову благодать и поспѣхъ. И святое възношение тайное съ клиросѣмъ своимъ възнесъ, сътвори память святаго Димитрия.²¹⁷ Псалтырь бо бѣ тъкъмо и Евангелие съ Апостолѣмъ и избѣранными службами църквѣвными съ философѣмъ прѣложилъ пьрвѣе. Тѣгда же и Номоканонъ, рекъше закону правило, и отъчскыя книги прѣложи.

Пришѣдѣшю же на страны дунаискыя королю угорьскому,²¹⁸ възхотѣ и видѣти, и, етеромъ глаголющемъ и непѣщующемъ, яко не избудеть его без муки, иде къ нему. Онъ же, яко достоить владыцѣ, тако и приять чѣстью и славно съ веселиемъ. И бесѣдовавъ съ нимъ, якоже достояше тацѣма мужама бесѣды глаголати, отпусти и, улюбъ и облобызавъ, съ дары великыми, рекъ ему: «Помяни мя, чѣстныи отче, въ святыихъ молитвахъ твоихъ присно».

Такоже вся вины отсѣкъ по вся страны, и уста многорѣчныхъ загради,²¹⁹ течение же съвърши, вѣру съблюде,²²⁰ чая правѣднаго вѣньца. И понеже тако угодъ, Богу възлюбленъ бысть.²²¹ Приближати ся начатъ врѣмя покои прияти от страсти и многыхъ трудъ мзду. Въпросиша же и, рекъше: «Кого чуеши, отче и учителю чѣстныи, въ ученицѣхъ своихъ, да бы от учения твоего тебѣ настольникъ былъ?» Показа же имъ единого от извѣстныхъ ученикъ своихъ, нарицаемаго Горазда, глаголя: «Съ есть ваша земля свободъ

мужь, ученъ же добрѣ въ латиньскыя книги, правовѣрьнѣ. То буди Божия воля и ваша любви, якоже и моя». Събравъшемъ же ся имъ въ Цвѣтнѹю недѣлю, въсѣмъ людемъ, въшѣдъ въ църквѣ и немогыи, казавъ благодати цѣсаря и князя и клирики и люди всѣя, и рече: «Стрѣзѣте мене, дѣти, до 3-яго дѣне». Якоже и бысть. Свитающу 3-му дѣни, прочее рече: «Въ руцѣ твои, Господи, душу мою влагаю».²²² На рукахъ иерѣискахъ почи въ 6 дѣнь мѣсяца априля въ 3 индиктѣ, въ 6000 и 300 и 90 и 3 лѣто отъ твари всего мира.

Усужьше же и свои ученици и достойны чѣсти сътворивъше, и службу църквѣнѹю латиньскы, грѣчьскы и словѣньскы сътрѣбиша и положиша и въ съборѣнѣи църкѣви. И приложися къ отцемъ своимъ и патриархомъ и пророкомъ и апостоломъ, учителемъ, мученикомъ. Людии же бе-щисльнѣ народъ събравъся, проважааху съ свѣщами, плачющеся, добра учителя и пастыря: мужьскѣ полъ и женьскѣ, малии и велиции, богатии и убозии, свободьнии и раби, вѣдовиця и сироты, страньнии и тоземьци, недужьнии и съдравии, вси – бывъшааго всѣячѣско въсѣмъ, да бы всѣя приобрѣлъ. Ты же съвыше, святая и чѣстная главо, молитвами своими призираи на ны, желающая тебе избавляи отъ всѣякоя напасти, ученикы своя и учение пространя, а ереси прогоня, да достойно зѣвания *нашего* живѣше съде, станемъ съ тобою, твое стадо, о десную страну Христа Бога нашего, вѣчнѹю жизнь приемлюще отъ него. Тому бо есть слава и чѣсть въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

Из толкового Апостола

Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой
ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Публикуя отрывок из Толкового Апостола, мы имели намерение познакомить читателя с одним из важнейших разделов древнерусской письменности – книгами Священного писания (Библией) в ранних славянских переводах. Библейские книги были трех типов: 1) служебный (приспособленный для богослужения, порядок текстов соответствует церковному календарю; как правило, в этом типе текст книг Священного писания не полон); 2) четий (т. е. предназначенный для чтения), тексты расположены в порядке, свойственном той или иной книге Священного писания; 3) толковый – когда текст разбит на отрывки (от нескольких слов до нескольких стихов) и каждый из них снабжен толкованиями (пояснениями). Толкования на книги Священного писания составлялись в разное время и разными авторами, в большинстве своем это известные византийские богословы, такие как Максим Исповедник, Никита Ираклийский, Иоанн Златоуст и многие другие. Поскольку толкований было очень много, из них стали составлять своды, или катены (от лат. catena – цепь), объединяющие в один текст толкования разных авторов, иногда это были отдельные цитаты или пересказ отдельных мыслей тех или иных авторов. Составитель катен так перерабатывал своих предшественников, что разные и разновременные тексты сливались в одно и закономерно существовали под именем последнего толкователя. Толкования-катены – более распространенный тип толковых текстов, чем толкования одного автора. Примером последнего может быть Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского. Что касается Толкового Апостола, то здесь толкования – катены, и составлены они были блаженным Феофилактом, епископом Охридским (конец XI – начало XII в.), включившим в свою работу комментарии на Апостол других византийских авторов (Дидима, Исихия, Оригена, Севира и др.). Толкования в несколько раз превосходят по объему текст Апостола.

О греческом Толковом Апостоле в том виде, в каком он сохранился в славянском переводе, мы можем судить по изданию Крамера (Cramer J. A. *Catenaе graecorum patrum in Novum Testamentum*. Oxford, 1838–1844. 8 t.). Толкования, принадлежащие Феофилакту Болгарскому, здесь отмечены как «ненадписанные» (ἐξ ἀνεπιγράφου). Сопоставление греческого текста со славянским во многом помогает понять славянский текст, который в ряде случаев трудно «разгадывается», тем более что имела место порча текста в процессе переписки.

Толковый Апостол появился у восточных славян, вероятно, к началу XIII в. Древнейшая из известных нам рукописей – 1220 г. Имеется несколько полных (сохранных) рукописей XIV в. (две из них мы использовали для настоящего издания). Толковый Апостол – это большая книга (свыше 300 листов пергамена). Все рукописи приблизительно одной структуры, соответствующей структуре греческого текста. Произведения, входящие в Апостол (Деяния и Послания апостолов) предваряются предисловиями и оглавлениями. Оглавление (перечисление глав, на которые разделен текст каждого Послания) – это фактически перечисление заголовков каждой из частей. Заголовки расположены или на полях, или в тексте, перед соответствующим разделом. Если они находятся на полях, то имеются «знаки вноски» (например, киноварные крестики или точки); в противном случае место заголовка определить затруднительно. Границы между текстом Апостола и толкованиями отмечены глоссами: основной текст – словами «Сущее» или «Апостольское», толкования – «Толк.» или «Сказ.» (т. е. Сказание). Расположения толкований в рукописях часто отличаются. Возможно, это связано с тем, что в греческой рукописной традиции толкования располагались на полях; при изготовлении новых списков, особенно таких, где толкования оказывались не на полях, а в тексте, они попадали «не на место». В славянской рукописной традиции толковые рукописи с толкованиями на полях редки, но весьма нередки «следы» этого в виде нарушения порядка расположения текстов.

Мы выбрали для издания небольшой, но очень интересный кусок этой большой книги – Послание апостола Иакова. На его

примере читатель может увидеть специфику толковой книги: как толкования «перепевают» основной текст, какие интересные модификации тех или иных мыслей возникают, можно увидеть «руку» разных авторов. Некоторую условность представляет то, что мы позволили себе заголовки, которые не всегда фиксированы в рукописях, поместить в текст в соответствии с нашим пониманием его смысла. Разделение текста на отрывки для толкований также не стабильно. Это деление несоординировано с общепринятым делением текста на стихи и главы, и часто бывает, что начало и конец стиха отнесены к разным отрывкам и разделены большим толкованием, что иногда меняет смысл. Все эти явления связаны с перенесением толкований и заголовков с полей в текст. В некоторых случаях мы позволили себе переставить толкование. Все эти случаи оговариваются в комментариях.

Мы издаем текст по рукописи XIV в. (РНБ. Ф.п.1.24) и проверяем по рукописи РНБ. Погод. 30 XIV в. Текст сопоставлен с синодальным изданием церковно-славянского текста и русским его переводом (Синод.), а также с греческим изданием толкового Апостола Крамера.

При составлении комментариев использованы: 1) Толковая Библия. Т. 3: Новый Завет. СПб., 1911–1913 (переиздание 1987 г.). С. 207–255 (далее: Толк. Б.); Теодорович Н. И. Толкование на соборное послание св. апостола Иакова. Вильна, 1897 (далее: Теодорович); Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, толкование на соборные послания святых апостолов (в русском переводе). Казань, 1865. С. 2–56.

Послание апостола Иакова прекрасно своей литературной формой: образность и поэтичность сочетается со стальной афористичностью и суровым пафосом. Как в музыке, в начале появляется мелодия основных тем, которые потом звучат во весь голос каждая на своем месте и соединяются в один аккорд в конце, в бессмертной последней фразе «обративый грешника от заблуждения пути его спасает душу от смерти и покрывает множество грехов». Этот отклик на слова апостола Петра «любовь покрывает множество грехов» – гимн освобождению человека от власти зла через любовь.

Иаков, «брат Господень» (старший сын Иосифа Обручника), из числа 70 апостолов, прозванный Праведным. Иаков обратился в христианство после явления ему Господа по воскресении (1Кор. 9, 5; 12:5). Он был епископом Иерусалимским, главой иерусалимской общины. Апостол Павел ставит его наравне с апостолами Петром и Иоанном (Гал. 3:9) и называет их столпами церкви. В его личности выражается объединение Ветхого и Нового Завета на жизненно-практической почве (Толк. Б., с. 210). Он соблюдал предписания Закона Моисея, не порывал с иудейством как с вековым наследием отцов, однако отрицал догматическое значение ветхозаветного закона. Апостол Иаков учил, что руководствоваться надо Законом Свободы (т. е. учением Христа) через живую веру и деятельную любовь. Он был убит фарисеями в 62 г.

Послание Иакова в компактной форме выражает ключевые моменты, формирующие мировоззрение христианина. И это не проповедь христианства среди язычников или безбожников, оно адресовано людям, верующим в Бога и признающим приоритет нравственности, но еще неосознавшим ценностей учения Христа. Это и практическое жизненное наставление о том, как идти по пути спасения, и обличительные тирады (против «ожиревших сердцем», «ленивых», «ложных учителей»), и глубокие богословские и философские мысли, лежащие в основе этих наставлений. Наставления построены на привычных для паствы ветхозаветных образах, укорененных в реальную жизнь еврейской христианской общины I в.

* * *

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Содержание послания Иакова

Поскольку сам Иаков пишет его к двенадцати коленам, находящимся в рассеянии и уверовавшим в Господа нашего Иисуса Христа, то пишет он поучительное послание, наставляя, что надо различать искушения – какие посланы Богом, а какие исходят из сердца человека; и что веру свою надо показать не только словом, но и делом, и быть не только слушателем закона, но и исполнителем его. О богатых – он наказывает,

чтобы не возвышались над нищими богатые в церквах, и особенно пусть их сдерживают как гордых. А в заключение, утешив обиженных и прося их терпеть до пришествия Судии и научив терпению на примере Иова: благо есть терпение, – советует призывать священников к больным, стараться возвратить потерявших истину, за что будет от Господа награда – оставление грехов. И таким образом оканчивает он послание.

Оглавление послания Иакова

О терпении, о вере без сомнения, о смиренномудрии – к богатым, а также о распалении, бывающем в нас, и о страстях, от него происходящих, и о том, что не от Бога оно, но что на благо нам – это от Бога.

О кротости, и чистоте, и добродетели, приводящей к блаженству, и о искусстве умеренности в словах.

О любви ко всякому, которая по закону беспристрастна.

О том, что не только верою, но и делами, и не только одним, но и тем и другим вместе оправдывается человек.

О том, что дерзкий и необузданный язык умерщвляет своего владельца, и что следует направлять его на похвалу и прославление Бога.

О том, что нужно жить в добре, без ссор друг с другом, происходящих от тщеславия, свойственного человеческому мудрованию.

О Божественной премудрости.

О том, что из-за лени и сластолюбия распри, бесчинства и вражда с Богом бывают.

О покаянии для спасения и о неосуждении ближнего.

О том, что не от людей, а от Бога исправляется поведение человека.

О лихоимстве богатых, и о нищих, которые в мире, и о праведном суде Божьем.

О долготерпении, и о перенесении страданий, и о истине.

Поучение каждому, сообразно с верой.

О том, что следует послужить спасению ближнего.

Толкование. Как миряне в своих бытовых посланиях хотят представляться своими званиями, так и апостолы, в начале своих посланий, именуют себя рабами Бога Иисуса Христа.

Следует знать, что некоторые считают, что это послание Иакова – не его, как говорит об этом Евсевий в «Церковной истории».

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ, ПОСЛАННОЕ ИАКОВОМ К ЕВРЕЯМ-ХРИСТИАНАМ

1. Сущее Иак. 1,1

Иаков, Бога и Господа Иисуса Христа раб, двенадцати коленам, которые в рассеянии, – радуйтесь.

Толкование. Каждый апостол, посылая подобное послание, почитает за честь для себя называться рабом Христовым, таким образом и он, будучи «апостолом обрезания», посылает послание к тем, кто от двенадцати колен, уверовавшим во Христа.

Толкование. Дидима. Как миряне в своих письмах о бытовых вещах в своих званиях хотят выступать, так и апостолы в начале послания удостоиваются называться рабами Божьими и Христовыми.

2. Сущее Иак. 1, 2–4

Неизменно радуйтесь, братья мои, когда в напасти впадаете различные, сознавая, что испытание вашей веры сотворит терпение, а терпение да будет делом совершенства, чтобы были вы совершенны и получили все, без остатка.

Толкование Златоуста. Печаль – это нерасторжимые узы; она – умножение любви, начало умиления и благоговения. Помни сказавшего: «Если приступаешь работать Христу, приготавливай душу свою к скорбям». И Христос сказал тоже: «В мире печаль имеете, но мужайтесь». И еще: «Скорбный и тесный путь». Ты видишь, всюду печали восхваляются, всюду принимаются за нечто изрядное, ибо внешними подвигами никто без того не примет венец, только трудами, постом, бдением и множеством других подобных себя оградит.

3. Иак. 1, 5–6

А если кто-то из вас лишен мудрости, пусть просит прямо у Бога, дающего всем щедро и без упреков, – и будет вам дано. Пусть просит с верой, без всякого сомнения.

Толкование. Как учит молиться своих учеников Господь и Бог наш? Ведь он велит молиться со знанием того, что искушение сладко, «не введи нас во искушение», показывая,

что мы, склонные к сласти, наделены знанием и волей не только оставить искушение, но и принять, зная, что испытание нашей веры сотворяет терпение. А терпение – да будет делом совершенствования, чтобы были вы совершенны и получили все, во всей полноте.

4. Сущее Иак. 1, 6

Сомневающийся подобен волнам на море, поднимаемым ветром и развеваемым.

Толкование. Апостол Иаков указывает нам причину совершенного деяния, ибо это есть высшая мудрость, и только взяв от нее силу, можем мы совершить благих дел больше, чем дано нам от природы.

Сомневающийся – не что иное, как хулителю. Если нет у тебя веры, что исполнится то, о чем просишь, то лучше и не проси, чтобы не оказаться тебе, по неразумию, невольно, обвинителем Того, кто все может. Надо избавиться от этой постыдной болезни.

5. Сущее Иак. 1, 8–11

Человек двоедушный нетверд в своем поведении. Пусть бедняка похвалят за величие души, богатого же – за смирение; ведь богатство преходяще, как полевые цветы. Солнце засияет, зной настанет, иссушит траву, цветы опадут, и красота гибнет. Так и богатый увянет на путях своих.

Толкование. Истреби в себе двоедушие и без всякого сомнения моли Бога, не говоря себе, что, мол, «как могу что-либо просить у Господа и надеяться получить, если я столько грешу?» Не думай о таких вещах, но от всего сердца обратись к Господу и проси у него, не сомневаясь, понимай его великое милосердие, верь, что он не оставит тебя, и прошение твоей души исполнит. Ведь Бог не таков, как люди, злопамятные друг к другу, он непамятозлобен, милосерден к сотворенному им.

6. Сущее Иак. 1, 12

Блажен человек, который претерпит искушения, ибо, быв испытан, он примет венец жизни, который Бог приготовил любящим его.

Толкование. Апостол Иаков настойчиво советует радостно противостоять искушениям. Пусть будет надежным дело, а

терпение – совершенно. Это совершается само по себе, а не делается другими. Он предложил следовать другому учению, чтобы исполнять предназначенное ради обещания блаженства, говоря: «Кто претерпит искушения, тот как испытанный человек будет всеми похвален». Таким образом, тому, кто перенесет печали, будет дан венец жизни, приготовленный Богом для тех, кто его любит. Ибо таковой, не заботящийся и о самой смерти, получит венец вечной жизни, который Божия ради величия ни зрению, ни слуху не доступен, и даже высокий разум человека к нему не доходит.

О распалении, бывающем в нас, и о страстях, от него происходящих; и о том, что не от Бога оно, от Бога все то, что на благо нам

7. Апостольское Иак. 1, 13

Пусть никто, впадая в искушения, не говорит: «Это искушение послано Богом». Потому что Бог не подвержен искушениям и сам никого не испытывает злом.

Толкование Оригена. Когда Бог испытывает, он делает это для пользы, а не для вреда. Потому и сказано: «Бог не испытывается злом», он для того искушает, чтобы люди достигли добра и отказались от зла. Поэтому сказано: «Претерпевый до конца венчается за доблесть». Совсем иное о дьяволе – он искушает, чтобы непокоряющихся ему умертвить. Но он не знает будущего.

А Бог знает будущее, и дает людям делать то, что они хотят, поскольку они обладают свободной волей.

8. Сущее Иак. 1, 14

Каждому искушение тогда, когда его влечет и прельщает его собственное произволение.

Толкование Севира. Некоторые так определяют образно предмет. Давид называет это самое произволение матерью беззакония, которая, из-за безобразного желания, приняв во чреве, рождает грех. Потому Иаков, один из мудрых учеников Христа, в послании своем говорит: «Каждому искушение, когда его влечет и прельщает его собственное произволение». Так, произволение, зачав, рождает грех, а грех, совершившись,

рождает смерть. От произволения зачинает и рождает мать всего греховного, как говорит Давид.

9. Сущее Иак. 1, 15

Потом произволение, забеременев, рождает грех, а грех, совершившись, рождает смерть.

Толкование Златоуста. Вот что еще о совершении греха: совершаем его, упиваясь наслаждением, так что не чувствуем. Но когда он родится и совершится, тогда не только угасает наслаждение, но вонзается горькое жало осознания. И это противоположно тому, что бывает с рождающими женщинами: у тех – прежде рождения большая боль терзает их, а после рождения облегчение, потому что появляется младенец, и боль уходит. Что же до нас, все не так. Пока нам не больно и мы замыслим греховные затеи, веселимся и радуемся, а когда родим сатанинское дитя – грех, и постыдность этого видим, тогда нам больно, и терзает нас эта боль сильнее, чем рожениц. Потому прошу вас не принимать произволения с самого начала. Но если уж приняли, задавим в себе семена. Но если по беспечности позволим, чтобы греху выйти делом, убьем его исповедью, со слезами осуждая себя сами. Ничто так не губит грех, как сознательное осуждение.

Толкование Исихия. Грешные похоти – смертельная болезнь.

10. Сущее Иак. 1, 16–17

Не обманывайтесь, братья мои любимые: всякое даяние благое и всякий дар совершенный исходят свыше, нисходят от Отца светил...

Толкование. Не обольщайтесь, считая, что искушение от Бога. Словесные силы назвал апостол Иаков светилами, или освященными Святым Духом.

11. Сущее Иак. 1, 17

...у которого нет ни изменения, ни различия оттенков.

Толкование Севира. Слышно, что Бог говорит: «Я есть, я есть, я не изменяюсь», и действительно, он тверд собой и по природе неизменяем. У тех, кто живет по Евангелию и делом следует заповедям от высшего дара и явления, неизменность бывает результатом этого следования, а не временной

случайностью. Поэтому и Павел дает свидетельство, говоря: «Не подражайте веку сему, но преобразуйтесь обновлением вашего разума, познавая, что есть воля Божия, благоугодная и совершенная».

12. Сущее Иак. 1, 18

Пожелал он, и родил нас словом истины.

Толкование. Здесь говорится о Сыне истинном – по рождеству, и о сотворенном – по благодати. О том – о его истинности и единосущности, об этом – о чести усыновления. «Восхотел, – сказано, – и родил нас словом истины».

13. Апостольское Иак. 1, 18

...быть нам начатком неким созданиям его.

Толкование. То есть самым первым и самым ценным. Созданием же он назвал видимое создание, из которого самое лучшее – человек. И все созданное чаёт нашей свободы, чтобы с нами освободиться.

О кротости, и чистоте, и добродетели, приводящих к блаженству, и об искусстве умеренности в словах

14. Сущее Иак. 1, 19–21

Поэтому, братья мои возлюбленные, пусть каждый человек будет скор услышать, медлен говорить, медлен гневаться. Ибо гнев человеку Божьей правды не создает. Поэтому, отвергнув всякую мерзость и сверх того злобу...

Толкование. А это есть грех, оскверняющий человека, ибо он в нас добавлен, не по природе нашей мы злы. Извне он возникает от небрежности, и в это нас загоняют бесы. А изнутри – от неразумных желаний.

15. Сущее Иак. 1, 21–22

...в кротости примите исконное слово, которое может спасти ваши души. Будьте делатели слова, а не только слушатели.

Толкование. То есть слово истины. Через исповедание нам дано, что оно готовит нас к нетленности, ибо Бог вначале создал нетленного человека.

16. Сущее Иак. 1, 22

...обманывая себя.

Толкование. ...обманывая сами себя и не заботясь о своем спасении.

17. Сущее Иак. 1, 23. Потому что тот, кто слушатель дела, а не делатель...

Толкование. Если кто сказал, что будет только слушать слово, а не проявит делами, что он слышал, то и слово погубит.

18. Сущее Иак. 1, 23–25

... тот подобен человеку, познающему себя, глядя в зеркало. Познал он свой телесный облик, но отошел и вдруг забыл, какой он. А тот, кто вглядывается в Закон совершенства и свободы и пребывает в нем, тот не слушатель, который забывает, а творец дела. И он счастлив в делании своем.

Толкование. Итак, первый тело видит, а второй, тот, что познал закон, что с ним? Поэтому и сказал – не просто «лицо», а «лицо рождения». Знаем ведь, что сынами нас сделал духовный закон, родив нас банею пакирождения. Однако мы не пребываем в таком впадении из-за наших дел, а о дарах благодати мы забываем. Ведь тот, кто предался делам лукавым, благодеяний от Бога не помнит, и не вспоминает, что он свыше родился, и оправдался, и освятился, и приравнен к сынам Божиим, но предается делам тех, кто отменяет благодать.

19. Сущее Иак. 1, 26–27

Если кто думает, что он верующий, и не обуздывает своего языка и обманывает свое сердце, того вера пуста. Чистая и нескверная вера от Бога и Отца...

Толкование Златоуста. «Если кто, – сказал, – считает себя», но на самом деле не является, и если он не укрощает всячески свой язык, а, напротив, поучает его своему пустоверию, то он сердце свое осквернил. Потому апостол и сказал: «Кто воображает, что он стоит...» и так далее. Ибо он видел падение истинно стоящего и засвидетельствовал писанием о правой вере.

20. Сущее Иак. 1, 27

...чтобы посещать сирот и вдов в их скорбях, и хранить себя неоскверненным от мира.

Толкование Златоуста. Милосердствовать и сострадать – если мы этого не имеем, мы всего лишены. Ведь не сказано же: «Если поститесь, подобны Отцу вашему». А как сказал? «Будьте

милосердны, как Отец ваш небесный». Это – дело Божие. Если этого не имеешь, ничего ты не имеешь. «Милости, – сказал Господь, – хочу, а не жертвы».

О любви ко всякому, которая по закону беспристрастна

21. Сущее Иак. 2, 1

Братья мои, не взирая на лица, веруйте в Иисуса Христа, Господа Славы.

Толкование Златоуста. Что ты превозносишься, – сказал, – и почему опять другой тебя унижает? Разве мы все не единое тело, и великие и малые? Если мы соединяемся изначально, будучи органами одного тела, зачем ты раскалываешь сам себя? Зачем ты срамишь брата? Как он твой орган, так и ты – его. В этом заключается равночестие.

22. Сущее Иак. 2, 2–4

Если войдет в собрание ваше человек в светлой одежде, с золотым перстнем, войдет и нищий в бедной одежде, вы посмотрите на богато одетого и скажете ему: «Ты садись здесь, пожалуйста». А бедному скажете: «Ты стой там или сядь здесь у моих ног». Разве вы не рассудили в себе и не стали судьями с недостойным образом мыслей?

Толкование. Так же о других рассуждай: придет бедный, будь за него мысленно, не воздавай большей чести из-за богатства. Нет ни нищего, ни богатого во Христе. Не стыдись внешней одежды, принимай внутренний облик – веру!

23. Сущее Иак. 2, 5–6

Слышите, братья мои возлюбленные! Не Бог ли избрал нищих всего мира, чтобы стали они богатыми в вере и наследниками Царствия Небесного, которое Бог уготовил любящим его? А вы унизили нищего!

Толкование Златоуста. А мы, словно претерпевшие надругательство, так просящих, унижая оскорбляем, отворачиваемся, не подавая им, а что страдать? «Утешайте, – сказал Павел, – как братьев, а не оскорбляйте, как врагов». Утешая брата своего, делай это не перед людьми, а наедине, с многим вниманием, поощряемый соболезнованиями, со слезами и рыданиями; подавать надо по-братски, от сердца, по-братски утешающе, не жалея о поданом, жалея о том, что,

приобретя, совершил ты преступление. Если, подавая, подосадуешь, погубишь свой дар. А уж если, не подав, осуждаешь, разве ты не причиняешь зла несчастному страдальцу? Он пришел, чтобы ты его пожалел, но с обидой ушел. Даже прослезился, ведь он вынужден просить из-за бедности, и ты его за это оскорбляешь. Знай, велика кара оскорбившему, ибо она раздражает сделавшего это. Ведь сказано: «Разве он сам себя сделал нищим? Это ради тебя, чтобы ты был спасен через него». А ты унижаешь нищего, ради тебя существующего! Какое неразумие и какая неблагодарность в таком поступке!

24. Сущее Иак. 2, 6–7

Не богатые ли владеют вами, и не они ли тащат вас в суд? Не они ли хулят доброе имя, которым вы наречены?

Толкование. Претерпевайте мужественно лихоимство, ибо лихоимцы себя губят, а не нас. Нас они лишают имущества, а себя – промысла Божия и его помощи. Этого лишившись, даже если соберут богатство всего мира, они всех беднее.

25. Сущее Иак. 2, 8–9

Если же Закон исполняется царский, по Писанию, т. е. вы возлюбили ближнего как самого себя, хорошо делаете. Но если вы пристрастны, грех совершаете, Закон осудит вас как преступников.

Толкование Аполлинария. Как ты хочешь делать добро ближнему своему, справедливо и человеколюбиво, так и он делает тоже тебе, подобному ему, и самому Сущему Богу. Это то естественное стремление, о котором Спаситель всех сказал: «Как хотите, чтобы люди делали вам, так и вы делайте им, в этом и Закон и Пророки».

26. Сущее Иак. 2, 10

Тот, кто весь Закон соблюдает, а согрешит в чем-либо одном, тот виновен во всем.

Толкование. То есть следует иметь совершенную любовь, она есть глава всему доброму. Если от головы откажешься, все прочее в теле излишне.

27. Сущее Иак. 2, 11

...сказавший «не прелюбодействуй» сказал и «не убий». Если ты не прелюбодействуешь, а убиваешь – ты нарушил Закон.

Толкование. Если и не вполне стройно расположен предложенный текст, мы его расположим лучше, для пользы. Господь наш и Бог Иисус Христос воплотил то, что установил и изложил Моисей, сказал: «Слышите, что сказано нашими предками: “Не убей. Кто убьет, заслуживает суда”? Я же так говорю вам: “Заслуживает суда тот, кто разгневает брата своего”. Слышали, что сказано: “Не твори блуда”. Я же так говорю вам: “Всякий, взглянувший на женщину так, что восхотел ее, уже совершил в сердце своем блуд”». Толкуя это, Севир, епископ Антиохийский, сказал в 46-м слове: «Законоположение, написанное Моисеем, говорит: “Не убий”. А Христос, который – разум Закона и податель находящегося в нем Духа, повелел не гневить брата своего, исполнять это веление строже Закона. Ибо гнев, от которого бывает убийство, само убийство затмевает, заслуживая более строгого порицания. Ибо гнев приводит к убийству, поэтому Христос и не позволяет гневаться. Так и движение к несытой похоти через взгляд осудив, сказав “не любodeйствуешь”, исполнил и показал Закон. Ибо Господь наполнил духовный Закон обновлением Духа, разрушив прежнее Писание, словно круг, изображенный на камне настенной живописью».

28. Сущее Иак, 2, 12

Как говорите, так и делайте, как надеющиеся быть судимыми по Закону свободы.

Толкование. Это поучение о правом суде. Законом свободы он называет Закон правды, судящий так, как есть. Он сказал об этом потому, что некоторые грешат и надеются, что Бог милосерден и простит: «Будучи человеколюбцем, – они говорят, – он простит». Поэтому и напоминает нам апостол Иаков, говоря: «Немилостивый суд несотворившему милости».

29. Сущее Иак. 2, 13

Ибо немилостив суд не сотворившему милость.

Толкование. Крепко словами нас устрашает, чтобы не пострадать нам на деле.

30. Сущее Иак. 2, 13

Милость превозносится над судом.

Толкование Златоустово о милосердии. Милость – искусница мудрая, защитница совершающих ее, друг Божий, она всегда рядом с ним стоит, ей легко испросить благодеяния, о чем захочет. Не будем обижать ее. Обижаем ее, когда творим ее за счет лихоимства. А когда она чиста, большое дерзновение имеет: она узников избавляет от уз, разрушает тьму, гасит огонь, умерщвляет червей, изгоняет скрежет зубов. Для нее с большой радостью открываются небесные врата, ибо она воистину царица, делающая людей подобными Богу. Будьте милосердны, сказал, как Отец ваш небесный. Она крылата и легка, у нее золотые крылья, она летает красивее ангелов. Ведь сказано: «Крылья у нее голубиные, посеребренные, междурамие в блистании злата». Как голубь, золотой и живой, она летает, смотрит из-под ресниц кроткими очами. Нет ничего прекраснее этих глаз. Красива и пава, но в сравнении с нею – ничто. Она – птица прекрасная и чудная, и ввысь всегда смотрит. Она – девица с золотыми крыльями, с белым тихим лицом. Крылата и легка, стоит она у престола царского. Когда нас судят, она внезапно заступает за нас и спасает нас от мученья, своими крыльями прикрывая. Такой жертвы хочет Бог.

О том, что не только верою, но и делами, и не только одним неправедно, но и тем и другим вместе оправдывается человек

31. Сущее Иак. 2, 14–16

Что пользы, братья мои, если кто говорит, что веру имеет, а дел не имеет? Может ли вера спасти его? Если брат или сестра будут наги и лишены хлеба насущного, а кто-то из вас скажет: «Идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им нужного для тела...

Толкование. То, о чем он говорит, вот что. Если кто-то делами не покажет, что он верует в Бога, то его имя излишне, если он просто называет себя Господень или Верный. Только тот любит Господа, кто за веру в него не побоится и смерти. А что такая у него мысль, то видно из примеров. Авраам, как известно, делом показал, что верует в Бога, принес в жертву сына своего. Также и Раав, веруя, пренебрегла смертью. Все

это апостол Иаков говорит, укрепляя верующих, уча быть истинно верующими: не только речами и разговорами любить Господа, но и делом и истиною. Есть многие примеры того, что те, кто возвестили свою веру без дел, те напрасно обманывали себя именем, ибо они ничуть не лучше бесов, которые тоже веруют, что Сын Божий был, что Святой Божий был, и что Он имеет власть над ними. Примечай и еще духовный смысл. Он же не сказал: «Какая польза, если кто веру имеет?», но: «Какая польза, если говорит кто, что веру имеет?» Он сказал яснее: «Покажи мне дело, за которое получил ты имя «христианин». Если ты называешь себя христианином без праса на это, напрасно тебе это имя. За какие дела имя тебе дано? Если дела не свидетельствуют, то за именем никогда не закрепится место.

32. Сущее Иак. 2, 16–19

...какая польза? Такая вера, если нет у нее дел, она сама по себе мертва. Если кто-то сказал: «Ты веру имеешь, а я имею дела, покажи мне веру свою через дела свои, а я покажу через дела свои веру мою». Ты веруешь во Единого Бога – хорошо делаешь. Но и бесы веруют и гибнут.

Толкование Златоуста. Если кто в Отца и Сына и Святого Духа правильно верует, но правильной жизни не ведет, ничего не дает ему вера для спасения. Вера – это нечто великое и спасительное, без веры никак нельзя спастись. Но одной веры недостаточно, требуется жизнь праведная. Потому что если те, кто перенесли тяжкие испытания в пустыне, не смогли наследовать землю из-за того, что возроптали и впали в заблуждение, то как же мы, беспорядочно и в лениности прожив жизнь, можем наследовать небеса? Ибо вера, полученная при крещении, мертва для того, кто дел не имеет и не проявит ее праведными начинаниями. Ибо крещение – это залог доброй жизни, ведь Господь наш, в наш образ крестившись через Иоанна, на гору восходит, и в борьбу вступает с дьяволом, и всю его разрушает силу. И этим он показывает пример, чтобы знали, что после божественной купели дела требуются, так что подвиги нас ожидают против сатаны через проявление добрых дел.

33. Сущее Иак. 2, 20–21

Хочешь ли понять, о суетный человек, что вера без дел мертва? Ведь и Авраам, отец, не делами ли оправдался – возложил Исаака, сына своего, на жертвенник?

Толкование святого Кирилла. В то время как блаженный Иаков говорит, что Авраам оправдался делами, возложив Исаака, сына своего, на жертвенник, Павел говорит, что Авраам оправдан верою, да не подумаем, что они противоречат друг другу. Когда не было еще у него Исаака, Авраам веровал и получил награду за веру – Исаака. Но и тогда, когда он возложил Исаака на жертвенник, он не только совершил дело, повеленное ему Богом, но и не отступил от веры в то, что через Исаака потомство его умножится больше звезд, понимая, что может Бог воскресить из мертвых. И еще Павел свидетельством своих слов, подтверждающим их, делает блаженного Давида, мужа, жившего в благочестии, который мудро, по действию Духа, предсказал прощение грехов ради веры, и возвещает всем людям, что наступает время Христа.

34. Сущее Иак. 2, 22–23

Видишь ли, что вера способствовала Авраама делам и что через дела вера достигла совершенства, и сбылось слово Писания?

Толкование святого Кирилла. Принеси словесную жертву, изучай законы природы по существу, растопчи жало безответной любви, ибо нет на земле никакой любви, кроме любви к Богу.

35. Сущее Иак. 2, 23–24

Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и был он наречен другом Божиим. Видите ли, что через дела человек оправдается, а не только от одной веры?

Толкование Кирилла. У старости есть праведность, а у чистых сердцем – всех Бог и Владыка всего сущего.

36. Апостольское Иак. 2, 25–26.

Так и Раав блудница не делами ли оправдалась, приняв лазутчиков и выведя их другим путем? Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Толкование Севирианово. Слушай Писание, свидетельствующее о ее оправдании, ее, которая прежде была

в блуде: как жемчужина в навозе она светилась, как золото, брошенное в грязь, цветок благочестия, подавляемый тернием, благочестивая душа в плену у злочестия.

О том, что дерзкий и необузданный язык убивает своего владельца и что следует направлять его на похвалу и прославление Бога

37. Сущее Иак. 3, 1

Не многие пусть будут учителями, братья мои, зная, что мы больший грех примем.

Толкование Златоуста. Потому что кто учит, а сам не делает, не только не получает от этого никакой пользы, но и претерпевает большой ущерб и осуждение. Потому что кто живет так нерадиво и, не имея дел, учит, грех на том великий. Не согрешающий в деле и в слове, имеющий силу обуздать свое тело, такой человек пусть учит, и в вере пусть наставляет словом правым, словом светлым, живя в вере, показывая, что может укротить свое тело и не оставить в себе никаких житейских привязанностей.

38. Сущее Иак. 3, 2

Ибо все мы много грешим.

Толкование Севира. Ибо все мы много грешим. Если кто сказал, что он – Христов ученик, следует, соответственно сказанному, благие дела совершать, какими можно на милость преклонить всеобщего судию Бога, а не замкнуться в свойственных человеку страданиях и потерять надежду на спасение.

39. Сущее Иак. 3, 2

Если кто словом не согрешает, тот совершенный муж, способный обуздать и все тело.

Толкование Кирилла. Когда уходит ум, и разум показывает полную несостоятельность, и нечем удержать язык, и он невоздержан, напротив, следует особенно вникать всегда в то, что достойно речи, и произносить совершенную похвалу. Самое ценное в изречении – мудрость, а самое запретное – изрекать хулу то есть гнилословие на святое, как сказал премудрый Павел. Поминает он всегда святое Писание: «Да будет слово ваше в благодати солью приправлено». Пусть дает оно

благодать слышащим. Богодухновенное Писание принимает кроткого в словах и отвергает невоздержанный язык. Вот и сказал апостол Иаков: «Если кто словом не согрешит, совершенный есть муж, способный обуздать свое тело». Говорит и Давид: «Поставь, Господи, охрану моим устам, дверьми огради уста моя». И еще сказал я: «Я оберегу уста мои, чтобы не согрешить мне языком моим». Ибо добрая охрана – иметь язык, который не грешит.

40. Апостольское Иак. 3, 3–4

Так, коням узду в рот влагаем, чтобы они повиновались нам, и всем телом их управляем. То же и корабли, хоть и столь велики они, и сильнейшие ветры их носят, но малым кормилом направляются они туда, куда хочет кормчий.

Толкование. И еще о том, что бывает с языком, здесь говорится. Говорит апостол Иаков, что уздою бег коня можно удержать, а маленький руль движение корабля направляет. Много больше должны мы направлять язык на то, чтобы говорил он истинное. Да не сочтем его за малое, ведь он может принести нам великие испытания. Красуясь неправдой, он все тело оскверняет. Зажигая нам огонь геенны, и сам горит от этого огня. Не этим ли огнем горят нечестивцы, связанные по рукам и ногам и вметаемые в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его? Потому и псалмопевец вопиет: «Поставь, Господи, охрану к устам моим», чтобы не пострадать, как язык ближнего, палимый без всякого облегчения.

41. Сущее Иак. 3, 5

Также и язык, будучи маленьким органом, величается. Это малый огонь, но какую громаду сжигает.

Толкование Златоуста. И еще более, чем девицу, храни язык. Язык – это царский конь. Если наложить на него узду и научить ходить ровно и смирно и успокоить его, то сядет на него царь. А если невзнузданным его оставить, скачет и играет, и будет он подобен дьяволу и бесам.

Толкование Иисуса, сына Сирахова. Многие пали от меча, но не столько их, сколько павших от языка. Счастлив тот, кто укрылся от него, и не подвергся ярости его, и не потащил ярмо

его, и не связан был узами его. Ибо ярмо это железное, узы его медные и прочее.

42. Сущее Иак. 3, 6

Язык – это огонь, приукрашение неправды. Язык так расположен среди органов, что сквернит все тело, зажигает в нас огоньгеенны, опаляясь отгеенны.

Толкование святого Василия. Если любишь жизнь, исполни заповедь жизни. «Любящий меня, – сказал Господь, – заповеди мои соблюдет». Первая же заповедь – «Удержи язык свой от зла и уста твои от произнесения лжи». Короче, зол и многообразен грех, творимый языком. В грехе, в похоти, в пререканиях, в неправде, в лжи произносятся слова – согрешаем языком. От него сквернословие, пустословие, клевета, проклятья, лжесвидетельство и все злое; и больше этого есть языка творение – словами своими мы оправдываемся. Перестань языком своим служить злу, и уста твои пусть не говорят лжи. Ибо язык – это орудие, данное тебе, чтобы служить тебе словом, и освободиться от дьявольского действия заставь его.

43. Апостольское Иак. 3, 7

Все естество зверей, птиц, гадов, морских тварей укрощается естеством человека.

Толкование. Однако движение языка проявляет другую сторону слова, и это плохо. Говорит как бы нелепицу: всем мы владеем и на суше, и в воздухе, и на море, а языком своим овладеть не можем.

44. Сущее Иак. 3, 8

Языка своего никому не укротить из людей, он – неуправляемое зло и яд смертельный.

Толкование. Языка никто из людей не может укротить, хотя он и кажется нам бессильным. Посмотрим чуть выше написанное, пойми сказанное ясно: «Всякое естество...» и так далее. Как это: всех тех укрощаем, а язык – неукротим? Если сказал «всякое», то и язык он имеет в виду. Если человек зверей, у которых другая природа, укрощает, то тем более часть себя – язык, как не укротить? Но как прежде сего, то и после написанное слышим: «Язык – сказано – никто из людей не может удержать». Негоже, братья, этому быть! Почему

говоришь, почему предполагаешь такое несчастье? Разве никто не может его укротить? Не может этого быть. Если непобедим язык, то как же Павел его победил? Как хулящие уста стали богословствующими? Как это – тот, кто наострил против Христа укоры, напротив, преумножил красноречие о Христе?

Толкование того же Златоуста. Язык – это острый меч, да не наносим им раны другим, но свои струпья срезаем.

Толкование Исихия. Как острый меч готов, чтобы сечь, и легок, чтобы губить, так и больше – злой язык.

45. Сущее Иак. 3, 9–10

Языком мы благословляем Бога и Отца, им же проклинаям людей, сотворенных Богом. Из тех же уст исходит и благословение, и проклятье.

Толкование. Все это далеко от кротких и разумных уст учеников Христа, удостоенных этого таинства. Не признаю ничего горького, не говоря ничего злого о Божестве устами своими и языком, сохраним его в чистоте. Не будем произносить им проклятий, ведь хульники не наследуют Царствия Небесного. Ибо хула и молитва далеко отстоят друг от друга, проклятье и молитва разделены великой преградой, осуждение и молитва далеко отстоят друг от друга. Кто просит Бога о милости, пусть молится и о других, ведь если мы не простим, не проститься и нам.

46. Сущее Иак. 3, 10–12

Не должно, братья мои, чтобы так было. Разве течет из одного источника сладкое и горькое? Разве может, братья мои, смоковница маслины производить, а лоза – смоквы? Также ни один источник и соленую, и пресную воду не источает.

Толкование. Властолюбцы, любящие мудрость века сего, вражду и ложь против праведных учителей, честно наставляющих людей, возбуждают, завидуя им и смешивая божественное и человеческое, заставляют слушателей не принимать во внимание сказанное, и отсюда происходят ереси. Он порицает учение, которое не от Божественной мудрости, а от демонов бывает. И это он сказал, похваляя тех, кто учит добру в кротости, мудрости и благим делам.

О том, что нужно жить в добре, без ссор друг с другом, происходящих от тщеславия, свойственного человеческому мудрованию

47. Апостольское Иак. 3, 13–17

Если кто из вас мудр и разумен, пусть докажет это добрыми делами своей жизни, с мудрой кротостью. Но если зависть горькая и сварливость в вашем сердце, не хвалитесь и не лгите на истину. Это не та мудрость, которая нисходит свыше, а земная, душевная, бесовская. Ибо где зависть, сварливость и всякое зло, там и нестроение.

О Божественной премудрости

А мудрость, нисходящая свыше, во-первых, чиста, затем мирна, послушна, полна милосердия и благих плодов...

Толкование Златоуста. Очистим от скверны уши нашей души. Как скверна и грязь телесным ушам, так жизненные события, касающиеся ростовщичества и взятия в долг, хуже всякой скверны заграждают слух разума, и не только заграждают, но и оскверняют его.

48. Апостольское Иак. 3, 17–18

...беспристрастна она и нелицемерна. Плод же правды в мире сеется у тех, кто творит мир.

Толкование. Премудрость не заботится о надзирании за пищей и различными настоями трав. Об этом точнее говорит Павел в Послании к колоссянам.

О том, что из-за лени и сластолюбия распри, бесчинства и вражда с Богом бывают

49. Сущее Иак. 4, 1–2

Откуда у вас вражда и распри? Не оттуда ли, не от вожделений ли ваших, воюющих в членах ваших? Желаете – и не имеете, убиваете и завидуєте – и не можете достигнуть, препираетесь и боретесь – и не имеете. Потому что не просите.

Толкование. Показывает апостол Иаков, что словно расширяется учительное слово. Все, будучи плотскими, делают худо. Именно таких Павел обличает, говоря: «Если в вас зависть и ревность, разве вы не плотские?»

50. Сущее Иак. 4, 3–4

Просите и не получаете, потому что плохо просите, чтобы в своих вожделениях растратить, поэтому просите плохое, прелюбодеи и прелюбодеицы.

Толкование Севирова. Так было и с фарисеем, которого Лука в Евангелии обличает. Ибо став, – говорит, – посреди церкви, громко просил и молился, так, как будто достоин он получить просимое, вот как высоко ценил он свои дела – и говорил: «Пощусь дважды в неделю, даю десятую часть того, что приобретаю». Гордился он тем, что он не грабитель, не обидчик, не прелюбодей, не лихоимец. Но чем больше он говорит, тем дальше отходят его слова от слуха Божия, его слов пустое бремя вышло из уст его и бессмысленно растаяло, как бурные волны.

Некоторые, как они полагают, молятся – и не получают, это о неправильно и дурно просящих, ради пустых удовольствий. Но скажут, что иной просит о постижении Бога, об увеличении добродетелей – и не получает. О них известно, что они просят не для того, чтобы иметь эти блага, а чтобы хвалиться ими перед людьми. Сластолюбцам свойственно радоваться, хвалясь, хотя и не дается им, потому что расточают они в удовольствиях то, что просят.

51. Апостольское Иак. 4, 4

Разве вы не знаете, что любовь к этому миру есть вражда к Богу? Тот, кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу.

Толкование. Миром он называет вещественную жизнь, мать тления, приобщившийся к которой становится врагом Богу.

Толкование Оригена. Потому что зло есть для нас ходатай за любовь к миру, а добродетель ходатайствует о любви к Богу. Поэтому добродетель и зло не могут жить вместе.

Приточник. Тот, кто любит мир ради греха, является врагом Бога. Также и любовь к Богу, через благочестие проявляемая, тотчас же врагом становится миру. Именно поэтому невозможно работать Богу и мамоне, и любить и Бога, и мир. Кого хочет Господь, придя, сделать друзьями Бога? Он меч и разделение поверг на землю. Ибо слово его учения разделяет, отделяет земное и плотское, для этого устроено так, чтобы была вражда

к миру и единство к Богу. Этим он дает покой, но не так, как желает мир. Ибо этот мир хочет покоя через плотскую любовь. А Господь, давая мир, делает нас друзьями Бога.

Толкование. Хотя и не все подходит к сказанному, но особенно старался я представить из толкований нечто, отысканное для пользы. Ведь Господь наш Иисус Христос сказал в Евангелиях: «Если рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее и отбрось от себя. Ибо лучше тебе войти в Жизнь хромым, чем, имея две руки и ноги, быть вверженным в Огонь. И если правый глаз соблазняет тебя...» и так далее. Об этом и Златоуст говорит: «Не об органах тела, сказано, а о друзьях, которые для нас то же, что и органы тела». Об этом и выше говорилось, и сейчас говорится: «Нет ничего хуже, чем жить со злом». Поэтому апостол Иаков с великой яростью повелевает отсекаать то, что вам вредит.

52. Сущее Иак. 4, 5–6

Или вы думаете, что Писание говорит вам неправду: «Из зависти возлюбяет дух, вселившийся в вас, болыпую дал благодать»? Поэтому Соломон говорит...

Толкование. По зависти дьявола смерть вошла в мир и поселилась в нас. Христос же, как говорит Писание, вселился в нас, чтобы уничтожить явившуюся из-за зависти смерть. И не только это, но и великую нам дал благодать. Он сказал: «Я пришел, чтобы вы имели жизнь, и имели с избытком». Когда Бог нас восхотел, он в нас вселился. Исайя ясно сказал: «Не заступник, не ангел, но сам Господь спас нас, потому что он полюбил нас». Как это он, спася нас, великую дал благодать? Погубив искушителя нашего тем. Сказано: «Бог гордым противится». Не горд ли тот, кто кричит: «Вселенную всю охвачу, как яйцо»?

53. Сущее Иак. 4, 6–7

«Бог гордым противится, смиренным же дает благодать». Повинуйтесь Богу, противьтесь же сатане, и он отступит от вас.

Толкование Дидима. Гордость – это до крайности вознесенное зло. Смирение же и скромность – эта великое благо. И то, и другое нашим изволением и волею приносят нам и добро, и зло.

О покаянии для спасения и о неосуждении ближнего

54. Сущее Иак. 4, 8–9

Приблизьтесь к Богу, и он приблизится к вам. Очистите руки, грешники, очистите сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте. Смех ваш да обратится в плач, а радость – в печаль.

Толкование. Ибо после согрешения надлежит нам покаяние, оно не плача, а блаженства достойно, приводя к ликам праведных. Расскажи о своих грехах сперва, – сказал апостол Иаков, – чтобы потом оправданным быть. А если после согрешения не устыдиться – не такая беда пасть, как павши не встать! Ибо если тот, кто в исправлении преуспел, нечист, тогда тот, кто таков же, да еще и в грехе, – какое примет прощение?

55. Сущее Иак. 4, 10

Смиритеcь перед Богом, и вознесет вас.

Толкование. Блажен смиряющийся перед Богом. Ведь говорит Иаков: «Смиритеcь перед Богом, и вознесет вас». Ибо, если так смиримся, то, даже если будут против нас замыслы от бесов или от людей, ненавидящих добрые дела, есть у нас Бог, который избавит нас. Только бы не забыть нам его Закона, и не ослабеть в печалях. Сказал же Давид: «Погляди на смирение мое, и избавь меня, ибо Закона твоего я не забыл».

56. Сущее Иак. 4, 11–12

Не клеветайте тайно друг на друга, братья. Клеветущий на брата и осуждающий его клеветает на Закон и Закон порицает. Если ты судишь Закон, то ты не исполнитель Закона, а судья его. Один есть законодавец и судья, и он может спасти и погубить. А ты кто, осуждающий другого?

Толкование. Страсть выявляет все злое нашего разума, она – начало и источник высокомерия. И некоторые, молящиеся о том, чтобы себя оправдать и жить в Боге, того не делают, а следят за другими. Если видят кого-то больным, забывают про свои болезни. Осуждать такие любят, не зная, что себя они осуждают, и поэтому началом клеветы называют их. Так и мудрый Павел пишет: «Чем осуждаешь другого, тем и себя осуждаешь. Именно так делает тот, кто осуждает другого».

О том, что не от людей, а от Бога исправляется поведение людей

57. Сущее Иак. 4, 13

Эй, послушайте, говорящие: сегодня или завтра мы пойдем в такой-то город и проведем там год один, и будем торговать и приобретать.

Толкование. Это сказано о высокоумии, которому конец – уничтожение.

Другое толкование. Те, кто для далеких путешествий, будучи одержимы страстью к приобретению того, что там, предпринимают далекий путь по морю и его волнам, создают орудие против своего лихоимства. А другие суетными приобретениями набивают кошельки, неподобающим образом собирая ростовщические прибыли, огонь и муку льют себе на голову.

58. Сущее Иак. 4, 14–16

...не знающие будущего. Что есть жизнь наша? Пар, появляющийся ненадолго и потом исчезающий. Вместо того, чтобы сказать: «Если Богу будет угодно, будем живы и сделаем то и это», вы тщеславитесь в своей гордыне. А такая похвальба – от сатаны. Тому же, кто знает, что надо делать добро, и не делает, это вменится в грех.

Толкование. Апостол Иаков не осуждает произволение, но показывает, что не все зависит от человека, но надо просить благодати свыше. Следует, однако, хотеть и стремиться, но уповать не на свои труды, а на Божие милосердие. Ведь сказано в Притчах: «Не хвались завтрашним днем, ведь не знаешь, что наступит». Не от вас зависит, что будет завтра, также как и от наемника, нанятого на один день. Какая власть у тебя есть, кроме распоряжений того, кто тебя нанял?

О лихоимстве богатых, и о нищих, которые в мире, и о праведном суде Божьем

59. Сущее Иак. 5, 1–2

Эй, послушайте, богатые, плачьте, вопия о бедствиях ваших, грядущих на вас! Богатство ваше сгнило, одежды ваши съедены молью.

Толкование Златоуста. Вступи на путь самоограничения. До каких пор пиры, до каких пор нега? Не насытились ли уже, лентясь, смеясь, наряжаясь? И снова за то же: снова пиры, еда превосходная, богатство, села, дома? Какая от этого польза? Смерть. Какой конец? Мучение и скрежет зубов, гниение и черви.

Толкование Исихия. По человеколюбию предсказывает мучение, чтобы, покайся, не были в числе наказываемых.

Толкование Кирилла. То есть гнев не только в том, чтобы заколоть, как барана или вола, поэтому он справедливо говорит нам: «Эй, послушайте, богатые, плачьте о бедствиях ваших, грядущих на вас». «Ибо вы питались и насытились на земле, откормили сердца ваши, как на убой». Таковы были и иудейские наставники, некоторым образом пасущиеся, от людских приношений, на пастбищах просторных и плодородных. Разжирев от почестей, он пали, несчастные, как овцы или телята, от Господня ножа.

60. Сущее Иак. 5, 3–4

Золото ваше и серебро проржавело, и ржавчина эта – свидетельство против вас будет, и съест, как огонь, плоть вашу – собранное на последние дни. Это плата работников, жавших ваши поля, обобранных вами; они вопиют, и вопли жнецов до слуха Господа Саваофа дошли.

Толкование. Свидетельствует против нас ржавчина, обличая, что не подавали мы нуждающимся, так же как одежды, съеденные молью.

61. Сущее Иак. 5, 5–6

Веселились вы на земле и наслаждались, и упитали сердца ваши, как в день закленья. Вы осудили, убили праведника, который не сопротивляется вам.

Толкование. Что же? Отстраняет от пищи? И весьма! Почему зто создано для еды? Ибо и хлеб создал Бог, но возбраняет неумеренность. Не от якобы нечистой пищи воздерживаться повелел, но от губящей душу неумеренности. «Потому что все, сотворенное Богом, хорошо, – сказал, – и ничто не запрещено, вкушаемое с благодарностью».

62. Сущее Иак. 5, 7

Так что потерпите, братья, до пришествия Господня. Вот пахарь ждет другого плода земли, терпя ради него, пока получит дождь ранний и поздний.

Толкование Кирилла. Ибо, хотя, сказал он, Бог назначил злоумышленникам мучение, но ждет их покаяния, не для красоты так делает и не из любви к грешникам, но время на покаяние им давая.

Обещал обидящим мучение, обидимым терпеть он повелел, пришествия ожидая Господня. Кроме того, запрещает проклинать, но в молитве и пении упражняться и веру иметь к священникам Божиим, а к ближним любовь, чтобы молиться за них. А доказательством силы молитвы он приводит, как пример, Илию. И наконец, какая мзда тем, кто обращает грешников.

63. Сущее Иак. 5, 8

Потерпите и вы, укрепите сердца ваши, ибо пришествие Господне приблизилось.

Толкование. Долготерпение – друг к другу, а ожидание – к внешним. Те же, кому кажется, что они здесь оставлены, там многой славой насладятся.

Когда же те, кто великоумудрствует, увидят, что те близ Бога, кому они наносили раны, которыми пренебрегали, над которыми смеялись, тогда возрыдают они и восплачут, видя тех в такой светлой земле.

64. Сущее Иак. 5, 9–11

Не сетуйте друг на друга, братья, чтобы не быть осужденными. Вот Судия стоит у дверей. Пусть будет нам примером перенесения страстей, братья мои, то, как переносили страдания пророки, которые говорили именем Господним. Восхвалим терпящих. Вы слышали о терпении Иова...

Толкование. Если мы благодарим Бога с радостью великою, та радость бывает велика! Можно приносить благодарность только из страха, а можно возносить благодарность, будучи в горе, как благодарил Иов. В болезни говорил он: «Господь дал, Господь и взял; как угодно Господу, так и стало». И пусть никто не говорит, что не удручило его случившееся и что печалью не покрылся он, пусть не отнимают величие похвалы у праведника.

Если это было не из страха, не из покорности только, но по природе вещей, какова похвала? Скажи-ка, когда ты хвалишь Иова? Тогда ли, когда имел он верблюдов, и стада, и волов, или тогда, когда он возопил: «Господь дал, Господь и отнял»? Ведь и дьявол нас не тем опустошает, когда добро наше отнимает, ибо знает, что оно – ничто, а тем, что принуждает нас изрекать хулу.

65. Сущее Иак. 5, 11

...знаете, как это окончил Господь, ведь он премилостив и милосерден.

Толкование. Ибо в том, что произошло, видны нам и ложь дьявола, и Божественное неложное свидетельство.

66. Сущее Иак. 5, 12–16

Прежде всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землей, ни какой другой клятвой, но да будет слово ваше: «да»—«да» или «нет»—«нет», чтобы не впасть вам в осуждение.

О долготерпении, и о перенесении страданий, и об истине

Страдает ли кто из вас, пусть молитву творит, кто благодушествует – пусть поет псалмы. Болен кто из вас – пусть призовет священников церковных, и пусть они молитву сотворят над ним, помазавши его елеем во имя Господне. Молитва веры спасет болящего, и исцелит его Господь. И если сотворил он грехи, простятся ему. Признавайтесь друг другу в грехах, творите молитву друг за друга, чтобы исцелиться. Много может молитва праведника, если ей помогают.

Толкование. Для того у древних клятва была узаконена, чтобы клялись они не идолами. Ибо сказано: «Клянитесь Богом истинным».

Толкование. Да будет жизнь ваша подтверждением клятвы. А если кто дерзает принудить вас к клятве, да будет ваше «да»—«да» и ваше «нет»—«нет» вместо клятвы.

Потому запрещено клясться небом и землею, чтобы не воздавали мы чести творению, превращая его в Бога, создавшего его. «Кто клянется, – сказал, – пусть клянется высшим», так сказал апостол.

Толкование Максимова о молитве праведного. Я знаю двух видов молитву праведного. Согласно одному, когда молящийся

совершает молитвенное прошение по заповеди дел Божиих, не только славословием, пустозвучными словами, которые отпадают без пользы и лежат втуне, но самым делом и жизнью, воодушевляясь заповедями Закона. Существо молитвы и моления – добродетель, поэтому у праведника молитва крепка и всесильна, она усилена заповедями. Согласно другому виду, молитва праведника исправляет жизнь благодаря добродетельной жизни, которая делает молитву сильнее. Ведь не поможет молитва праведного тому, кто в ней нуждается, если грехи превосходят добродетели. Поэтому и плакал когда-то великий Самуил, когда согрешил Саул, но не смог умолить Бога, ибо не было у него помощника плача на исправление Саула. Потому и повелел Господь слуге своему прекратить неразумный плач и сказал: «Доколе будешь печалиться о Сауле? Это я унижил его, чтобы не был он служителем Израилю». И то же о Иеремии, который жалел иудеев, впавших в идолопоклонство, и не был услышан, молясь, ибо не имел силы молитвы, чтобы обратить от заблуждения идолопоклонства безбожных иудеев. И потому, пока он напрасно молился, сказал ему Бог: «И ты не молись о людях сих, не проси помиловать их, не заступайся за них, потому что не послушаю тебя». Так что сказали мы: «Большую силу имеет молитва праведника, она дает ему смелость обратиться к тому, кто может исполнить прошение праведника».

Поучение каждому сообразно с верой

67. Сущее Иак. 5, 17–18

Илия был человек подобный нам, и молитвою помолился, чтобы не было дождя, и не было дождя на земле три года и шесть месяцев. И снова помолился, и небо дало дождь, и земля произрастила свои плоды.

Толкование. В Третьей книге Царств сказано: «И сказал Илия пророк, из Фезвон Галаадских, к Ахаву: “Жив Господь, Бог сил, Бог Израилев, перед которым я стою. Да будут в эти годы роса и дождь только по слову моему”».

Толкование Златоуста. Если таким образом, как тая от голода, придут к Творцу, голод будет для них началом спасения. «Ибо ничто, – сказал, – не может научить их, кроме голода».

Пусть через это наказание к Создателю всего обратятся. Вскоре вышло слово пророка, и тотчас воздух переменился, небо стало медным, но не естеством оно изменилось, но действием взнуждано. И тотчас стихии преобразились. Пало слово пророка, как огонь, обжигая бока земли, и она вдруг вся иссохла, и стала без красоты, не имея вида.

О том, что следует послужить спасению ближнего

68. Сущее Иак. 5, 19

Братья, если кто из вас уклонится от пути истины и кто-то вернет его на этот путь, пусть знает, что тот, кто обратил грешника от ложного пути, спасет душу от смерти и покроет множество грехов.

Толкование Златоуста. Как подобает отклонять от заблуждения? Так же, как трудятся земледельцы. Они раз посеют семена, но те не остаются без перемен, а нуждаются в уходе, чтобы в тумане на земле посевы не достались птицам. Так и мы: если не часто о своих обязанностях вспоминаем, на воздух все бросаем. Дьявол крадет, леность наша губит, солнце сушит, сорняки давят, потому что не достаточно только однажды посевы освободить, но много требуется усердия – отгонять птиц небесных, вырывать сорняки, очищать землю от камней. Но так бывает с землей – она ведь бездушна лежит и к страде готова. А что касается духовной земли, там не так. Не учителю все это надлежит сделать, но, если не целиком, то половину, ученику: нам надлежит сеять семена, а вам – творить по слову изреченному. Как слуги будьте для спасения ближнего.

* * *

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Написание Иаковля епистолиа

Понеже сам Иаковъ сию пишетъ расѣяниемъ от обоюнадесяте колѣну²²³ и вѣровавшимъ въ Господа нашего Иус Христа, пишетъ же ученью епистолию, уча о различьи напасти, кая есть от Бога и кая есть от своего сердца челоѡкомъ, и яко не словомъ токмо, нъ и дѣломъ показати вѣру, и не послушници закону, нъ творци оправдаются. О богатыхъ же запрѣщает, да не лучьше творятся нищихъ богатии въ церквахъ, нъ паче съдержаются, якоже горди. Послѣднее же

утѣшь обидимыя и уможь долготерпѣти до пришествия Судиа, и научь о терпѣнии от Иова: благо есть терпѣние, – повелѣвает призывати попы надъ болящая, и тѣшатися обращати заблуджышая от истины, быти же тому мзды от Господа оставление грѣховъ. Ти тако скончяваетъ епистолию.

Главы Иаковля епистолия

О терпѣнии, вѣры несуменьнѣ и о смѣренѣй мудрости къ богатымъ, въ нейже о ражчѣении сущимъ в нас и о страстехъ, яже от него, яко не от Бога вина, аще бо что благо намъ – от него.

О кротости и чистотѣ, блазѣ подателнѣ на блаженство, и о художествии и мѣрѣ словесъ.

О любви, сущии къ комуждо нелицемѣрнѣ по закону.

Яко не от вѣры токмо, нѣ и от дѣлъ, и не от единой токмо, нѣ от обою купно, оправдается человекъ.

Яко дързый и безщинець языкъ умрыщяетъ имущаго и егоже держати потреба на похвалу и на славу Божию.

Въ нейже о блазѣ житии и несварливѣ къ себѣ, от славохотия суща от премудрости человекъскы.

О Божии премудрости.

Яко от уныния и сластолюбия реть и неустроение и вражда на Бога бываетъ.

О покаании на спасение и не осуждати искренняго.

Яко не о человекѣцѣ, нѣ о Бозѣ ступания мужу управляются.

Въ нейже о лихоимании богатыхъ, и нищихъ, яже въ мирѣ, и о праведнѣ судѣ Божии.

О долготерпѣнии, и о претерпѣнии страсти, и о истинѣ.

Поучения комуждо до подобна суща съ вѣрою.

Яко послужити подобаетъ спасению искренняго.

Толкование. Якоже бо се мирьстии человекѣци въ списаниихъ жизньныхъ именъ своими санъми намѣнятися любятъ, тако и апостоли въ начятцѣхъ съписаний своихъ раби Бога Исус Христа намѣнятися любятъ. Разумѣти бы, яко друзии чюжу творять епистолию сию Иаковлю, якоже рече Евсевий²²⁴ въ «Церковнѣй повѣсти».²²⁵

КНИГИ ОБЩА, ПУЩЕНЫ ИЯКОВОМЪ КЪ ВѢРОВАВШИМЪ ЖИДОМЪ²²⁶

1. Сущее

Иаковъ, Богу и Господу Исус Христу рабъ, обѣманадесяте колѣнома, иже въ расѣянии, – радоватися.²²⁷

Толк. Къиждо апостоль, посылая подобное послания, честь себе сътворяеть, еже есть сподобитися нареши рабом Христовомъ, рекше обрѣзання сый апостоль,²²⁸ сущим от двоюнадесяте колѣну посылает вѣровавшимъ.

Дидимъ.²²⁹ Якоже бо мира сего чловѣци въ списании житейскихъ вещехъ, яже о нихъ санове повелѣвають быти, тако и апостоли в начаѣ съписания ихъ раби Божии и Христови нареши сподобляются.

2. Сущее

Всяку радость имѣйте, братие моа, егда в напасти²³⁰ въпадаете различни, вѣдуще, яко искушение вѣрѣ вашей съдѣетъ терпѣние,²³¹ а терпѣние дѣло съвершено²³² да имать, да будете съвершени отинудъ и исполнени и ни единого лишени суще.

Толк. Златоуст.²³³ Уза бо есть печаль непрѣтѣргома, любви въздрастение, умиленію и говѣнію начало. Слыши бо рекша: «Аще приступаеши работати Христу, приготовай си душу к напастемъ».²³⁴ И Христосъ же пакы глаголаше: «Въ мирѣ печаль имате, нѣ дерзайте».²³⁵ И пакы: «Тѣсный и скорбный путь».²³⁶ Видиши ли всюду печали похваляемы, всюду приемлему, яко изрядну сущу нам, ибо внѣшними подвигы никтоже бес тоя вѣнца прииметь,²³⁷ аще не труды, и алканиемъ, и бдѣніемъ, и тѣмами етерыми таковыми себе оградить».²³⁸

3.

Аще ли кто от вас лишенъ есть прѣмудрости,²³⁹ да просить просто у Бога, дающаго всѣмъ обилно, и не понашающу, и дасться ему. Да просить же вѣрою, ничтоже сумняся.²⁴⁰

(Толк). Господь и Богъ нашъ како молитися своа учить ученикы? И еже в разуме сластей искуса молитися повелѣвает, и «не въведи нас въ искусь»,²⁴¹ сладныхъ являя и разумныхъ и волныхъ искусь не оставленомъ быти искусь прияти, се же вѣдуще, яко искушение ваша вѣры съдѣловаетъ терпѣние. Терпѣние же дѣло съврѣшено да имать, да съврѣшени и всенаслѣдни явитися, ни въ чемъже недостаточествующе.²⁴²

4. Сущее

Сумьняй бо ся²⁴³ подобень есть волнению морьску, от вѣтра възмѣщающаяся и раздѣвающаяся.

Толк. Вину нам кажет съвършена дѣлесе, се бо есть мудрость горняя,²⁴⁴ еже силу вземлюще, чресъ естество можемъ сътворити благодати.

Хулникъ бо исповѣдомо рассмотряя и. Аще бо вѣры не имеши, яко свое прошение²⁴⁵ сконьчаеши, то отинудъ не приходи, да не ся обрящеши на Тъ глаголя, еже все можетъ, на двое душою и не хотя. Нъ подобает тако стыдкыя отрицатися язя.²⁴⁶

5. Сущее

Мужъ дводушенъ²⁴⁷ нестроинъ въ вся пути своа. Да хвалить же ся брат смѣрениемъ въ высоту свою, а богатый въ смѣрении своемъ,²⁴⁸ зане яко цвѣт травный мимоидеть.²⁴⁹ Въсия бо слънце с варом²⁵⁰ и иссуши траву, и цвѣт ея отпаде, и красота лица ея погыбе. Тако богатый въ хождении своем увяжеть.²⁵¹

Толк. Отъими от себе дводушие и отинудъ не дводушьствуй, прося от Бога, и глаголяй въ себѣ, яко: «Како могу просити что от Господа и прияти, съгрѣшивъ толико к нему?» Не помышляй таковаго, нъ от всего сердца своего обратися къ Господу и проси у него, не сумняся, и разумей многое милосердие его, яко не оставит тебе, нъ прошение душа твоя исполнить. Нѣсть бо Богъ, яко человекъ, злопомняще другъ другу, нъ То непамятникъ злу есть, и милосердъ есть на свою тварь.

6. Сущее

Блаженъ мужъ, иже претерпитъ напасти, яко искушенъ бывъ, приметъ венѣцъ животный,²⁵² иже уготова Богъ любящимъ и.

Толк. Доволнѣ повелѣвает противустати искусом с радостию. Да будет искушено дѣло и терпѣние свершено. Съвършают же ся си сама о себѣ, а не инѣми сдѣваема. И етеру учению покарятися поручи исправлятися подлежащая, обѣщания ради блажену быти, глаголя: «Иже искусъ претерпитъ, искусенъ мужъ всѣми облаженъ».²⁵³ И тако явльшуся от печали,

дасться венѣць жизни, уготованый от Бога любящимъ его. Таковый нерадивый и о самой той смерти вѣнецъ вѣчныя тоя жизни въсприиметь, иже величества ради Божиа зраку и слуху не подлежитъ, ни на высокый разумъ челоуѣку не възиде.²⁵⁴

В нейже о ражчъжении сущихъ въ нас и страстехъ, яже от него, яко не от Бога вина, аще бо что благо нам – от него

7. Апостоль

Никтоже въ напасть въпадая да глаголетъ, яко: «От Бога напасть ми есть». Богъ бо нѣсть напастьникъ злымъ, не напаститъ же тѣ ни единого.²⁵⁵

Толк. Ориген.²⁵⁶ Егдаже Богъ искушает, на ползу искушает, а не зло сътворити. Тѣмъ и рече ся, яко «Богъ не искусенъ есть злу», нѣ того ради искушает, да улучать благаа, и да изменятся злыхъ. Тѣмъ и рече: «Претерпѣвый искусы доблестнѣ вѣнчается». Ино же есть о диаволе – онъ бо искушаетъ, да не покаяющаяся ему умрѣтвѣтъ. Нѣ онъ не вѣдый будущихъ.

Богъ же вѣдый будущее, дая челоуѣкомъ дѣлати, еже хотять, яко сущемъ самоволномъ.

8. Сущее

Нѣ комуждо напасть от своея похоти²⁵⁷ влѣкомъ и прѣльщенъ бывая.

Толк. Севирово.²⁵⁸ Нѣции бо подлежащее вѣтийскы тако искусѣша быти, рекше самую ту похоть безаконию матеръ прозывати Давиду,²⁵⁹ яже бе-щиннаго ради похотѣнія заченши и рождыши, грѣха раждаетъ. Тѣмъ посылая, Иаковъ рече, единъ от мудрыхъ Христовыхъ ученикъ: «Каждо искушается от своея похоти влѣкомъ и прельщаемъ. Таче похоть заченши раждает грѣхъ, грѣхъ же скончанъ раждает смерть». От таковыя похоти родити и зачатися грѣшныхъ матеръ, якоже вѣща Давидъ.

9. Сущее

Потомъ же похоть, непраздна бывши, раждаетъ грѣхъ, а грѣхъ скончанъ раждаетъ смерть.

Толк. Златоуст. Единаче бо есть творити грѣхъ, от сласти упивающеся, и тако не чюемъ. А егдаже родится и приметь конецъ, тогда паче сласти угасши всяцѣй, горкое разума находить жало. Противное раждающимъ женамъ: нѣ о тѣхъ убо прежде рождения многа болѣзнь растерзающи бо кыхъ, по

рождествѣ же ослаба, младенцу болѣзни ищѣдѣшу.²⁶⁰ О насъ же не тако. Нѣ донелѣже болим и зачинаем тлѣнныя разумы, веселимся и радуемся, а егдаже родимъ лукавый дѣтищѣ грѣхъ, тогда, студѣ рождѣшагося видѣвше, *болим* и растерзаем ся раждающих женѣ горѣ. Тѣмъ молю вы не приимати изначала похоти. Аще ли же и приимемъ, удавимъ внутрь сѣмена. Аще ли же и уныемъ до изития въ дѣло грѣху, убиимы и паки исповѣданиемъ, съ слезами осуждающе себе сами. Ничтоже бо тако погубляеть грѣхы, яко осуждение в разумѣ.

*Исихия.*²⁶¹ Болѣзни смерти грѣшных похоти суть.

10. Сущее

Не прельщайтесь, братие моа възлюбленная: всяко дание благо и всякъ даръ свершенъ свѣше есть, съходяй от Отца свѣтиломъ²⁶²...

Толк. Не прельщайтесь, мняще от Бога быти искусом. Или словесныя силы свѣтила именова ти или просвѣщенные Духомъ Святымъ.

11. Сущее

...от негоже нѣсть измѣненіа ни различіа въ оствѣненіи.

Толк. Севирово. Глаголюща бо есть слышати Бога: «Аз есмь, азъ есмь и не изменяюся»,²⁶³ и само то есть в себѣ огуствѣвая, а не разливаем по существу. По Благовѣствованию же живущим и по дѣянью заповѣди прѣлагающимъ от вышняго дара и существа, *неизмѣнное* въ сущихъ житію начинание предложению бывает и *не* сложение временем. Тѣмъ и Павелъ послушствует глаголя: «Не преобразуйтесь въ вѣцѣ семь, нѣ преобразуйте обновление разума вашего искушающе, что есть воля Божіа, благо и угодно и съврѣшено».²⁶⁴

12. Сущее

Въсхотѣвъ роди ны словомъ истины...

Толк. О сынѣ убо истиннѣ глаголетъ рождѣство, о твари же по благостыни. О ономъ бо истины ради и о единосущствѣ – о семь же чѣсти ради сыновления. Въсхотѣвъ бо, вѣща, роди ти ны словомъ истины.²⁶⁵

13. Апостоль

...быти намъ въ начятокъ²⁶⁶ нѣкый тварем его.

Толк. Первѣйшѣ, вѣща, и чѣстнѣйшѣ. Твари же видимую тварь нарече, еяже чѣстнѣйша человекѣ яви. И сама бо тварь чаеъ нашеа свободы, да с нами свободится.²⁶⁷

О кротости и чистотѣ и дателнѣ блазѣ подателнѣ на блаженство и о художествии и мѣре словеси

14. Сущее

Тѣмже, братие моа възлюбленая, да будетъ всякъ человекѣ скорѣ услышати, медленѣ глаголати,²⁶⁸ медленѣ въ гнѣвъ. Гнѣвъ бо мужу правды Божиа не съдѣваетъ. Тѣмже отвергъше всяку скверну и избытокъ злобенѣ²⁶⁹...

Толк. Еже есть грѣх, оскверняющѣ человекѣ, яко избыточенѣ сущѣ въ насѣ, не бо по естѣству нам зломѣ быти, нѣ извону бываетъ нам от неродства, и в то нас быстрящем бѣсомѣ, и внутренимѣ нашимѣ от неразумнаго изволения имущемѣ.

15. Сущее

...въ кротости приимѣте истое²⁷⁰ слово, могущее спасти душа ваша. Будѣте же творци слову, а не токмо послушници.

Толк. Рекше «истиненѣ». Исповѣданиемѣ же явлено, яко нетлѣнном намѣ быти устрающе, понеже и Богѣ изначала създа человекѣ на нетлѣние.

16. Сущее

...помышляюще въ себѣ.

Толк. ...замышляющн сами о себѣ и не радяще о своемѣ спасении.

17. (Иак. I, 23). Яко иже есть послушникѣ слову, а не творецѣ...

Толк. Аще кто, вѣща, будетъ слову токмо послушатель, а не извѣститѣ дѣлы послушания, абие и слово погубитѣ.

18. Сущее

...се подобенѣ есть мужу, разумѣвающу лице твари²⁷¹ своя въ зрьцалѣ. Разумѣ бо ся, и отъиде, и абие забы, како бѣ. А приникый въ Законѣ съврѣшенѣ и свободенѣ,²⁷² и прѣбывѣ не послушникѣ незабытливѣ, нѣ творецѣ дѣлу. Съ блаженѣ въ твари своей есть.

Толк. Якоже бо онѣ тѣло видить, тако и съ закона ради како бысть? Тѣмѣ не «лице» рече токмо, нѣ «лице рождения».

Увѣдѣхомъ бо, сыны нас сътвори духовный законъ, родивъ банею паки порождения.²⁷³ Таче же и не прѣбывающе въ такомъ видѣнии дѣяний ради, и благодати дара забываем. Ибо дѣяниемъ себе лукавомъ отдавъ, благодѣяния от Бога не поминает, ни поминает же, яко съвыше родися, и оправдися, и освятися, и въ сыны вѣмѣнися Божиа, и въ дѣла ся преда отмѣтающихъ благодать.

19. Сущее

Аще кто мнит ся вѣренъ быти въ васъ, не въстязая языка своего, нъ лъстя сердце свое, сего суетна вѣра. Вѣра чиста и нескверна от Бога и Отца си есть²⁷⁴...

Толк. Златоуста. «Аще кто, – вѣща, – мнит ся», нъ не истиною быти, аще бо всяко ни самого языка не въхлать, но научи и своего тѣщевѣрія, сердцу поруга. Тѣмъ и рече: «Мняи ся стояти» и прочая. Ибо истиннѣ стоящаго падение видѣвъ, съвѣдѣтельствова и по писание вѣры правы.

20. Сущее

...посѣщати сиротъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, нескверна себе блюсти от всего мира.²⁷⁵

Толк. Златоуста. Милovati и щедрѣствити, аще ли сего не имамъ, всего лишени есмы. Не рече бо: «Аще поститесь, подобни есте Отцу вашему». Нъ что рече? «Будѣте щедри, якоже Отецъ вашъ небесный».²⁷⁶ То бо есть дѣло Божие. Аще сего не имаши, ничтоже имаши. «Милости хочу, – рече, – а не жертвѣ».²⁷⁷

О любви, сущии къ комуждо нелицемѣрнѣ по закону

21. Сущее

Братие моа, не на лица зряще имѣйте вѣру Господи нашему Иусу Христу славѣ.

Толк. Златоуста. Что ради ты велемудруеши, вѣща, и что ради паки инъ тебе уничижаетъ? Не тѣло ли едино есмь вси,²⁷⁸ и велиции, и малии? Аще бо въ началѣ съединяемся и другъ другу уди, почто раскалаеши самъ себе? Что срамляеши брата? Якоже бо онъ твой удъ, тако и ты оного. И много о семъ единопѣстие.

22. Сущее

Аще бо внидетъ въ сѣнище²⁷⁹ ваше мужъ, златъ перстень нося, въ ризѣ свѣтлѣ, внидетъ же и нищъ въ ризѣ сквернѣ, и възрите на носящаго свѣтлу ризу, и речете ему: «Ты сѣди сѣде добръ». А нищему речете: «Ти стани тамо или сѣди сѣде въ подножие ми». И не рассмотрите въ себѣ, и бысте судиа помышлениемъ злымъ?

Толк. То же о друзѣхъ смысляще: придетъ убогый, буди по томъ мыслию, не болша положи чѣсти богатства ради. Нѣсть нища, ни богата о Христѣ. Не срамляйся внѣшнею одежею, нѣ приими внутреняя ради вѣры.

23. Сущее

Слышите, братие моа възлюбленная! Не Богъ ли избранищая всего мира богати въ вѣру и наслѣдници Царствию,²⁸⁰ егоже обѣща любящимъ его Богъ? Вы же укористе нищаго.

Толк. Златоуста. Мы же, яко повелику преобидими, тако просящая уничижаем, досаждающе, отвращаемся, не дадуще, что печалуеши? «Утѣшайте, – рече Павелъ, – яко братию, а не досаждайте, яко врагомъ».²⁸¹ Утешаяй же брата своего не предъчеловѣкъ се створи,²⁸² нѣ особъ, и съ многимъ вниманиемъ, и болѣзнию устрѣкаемъ, и слезами, и рыданиемъ, братьскы отъ сердца подавающе, братьскы утѣшающе изволениемъ, не боляще о подании, боляще же о ономъ преступлении приобрѣтения ради. Аще бо о подании досадиши, погубляеши даръ. Аще ли же и не давъ, поносиши, како не съдѣлалъ еси зла страстному оному окаянному? Приде бо помилованъ быти тобою, приемъ же язву отъиде. Паче же и прослезилъ, нудимъ бо есть скудости ради просити, и того ради досаждаеши ему. Видѣ, колика мука досаждышему убогому, раздражаетъ бо сътворшаго и. Рече бо: «Еда самъ ся сътвори нищъ? Нѣ тебе ради, да ты спасеши имъ».²⁸³ И тебе ради нища бывша уничижаеши? Колико неразумие и колико неблагодарение дѣла сего!

24. Сущее

Не богатии ли обладаютъ вами и ти влѣкутъ вы на судища? Не ти же ли хулятъ доброе имя, нареченное на васъ?

Толк. Претерпѣвайте доблестнѣ лихоимство, лихоимцы бо себе погубляютъ, а не насъ. Насъ бо лишаютъ имѣний, а себе

обнажают промысла Божия и помощи его. Еяже обнажьшеся, аще и всея вселенная съберутъ богатство, всѣхъ суть убожѣйше.²⁸⁴

25. Сущее

Аще убо Законъ кончаваеи царскъ,²⁸⁵ по Книгам,²⁸⁶ възлюбиши искренняго твоего, яко и сам себе, добрѣ творите. Аще ли на лица зрите, грѣхъ творите, обличающеся от Закона, яко прѣступници.

Толк. Аполинариево.²⁸⁷ Якоже паче ты *хощеши* помиловати ближняго си, праведнѣ и челоуѣколюбнѣ, тако и тѣ творить къ единочадну ти и самому сущу Богу. Естествоу помыслѣ, в немже всѣхъ Спасѣ в начахъ глагола: «Аще хощете, да творятъ вамъ челоуѣци, якоже и вы творите имъ, тако бо есть Законъ и Пророци».²⁸⁸

26. Сущее

Иже бо весь Законъ съблюдетъ, съгрѣшитъ же въ единомѣ, бысть всѣмъ повиненъ.

Толк. Еже съвершену имѣти любовь, то есть глава всѣмъ добромъ. Аще ли главу отвержеши, излиха прочее тѣла есть.

27. Сущее

...рекый бо: «Не прелюбы сътвори», си рече и «Не убий». Да аще не любы твориши, убиваеши же, бысть преступникъ Закону.²⁸⁹

Толк. Аще и не всяко стройнѣ лежитъ подлежащее писание, нѣ убо самая ради тоя ползы изряднѣе положихом. Господь бо нашъ и Богъ Исус Христосъ подлежащая Моисеемъ реченаа въ съврѣшение приведѣ, вѣща: «Слышите, яко речеся древнимъ: “Не убиеша. Аще ли кто убьетъ, достоинъ есть суду”? Азъ же глаголю вамъ, яко: “Прогнѣвая брата своего, повиненъ есть суду”».²⁹⁰ Слышасте ли, яко речеся: “Не прелюбы сътвориши”. Азъ же глаголю вамъ, яко: “Всякъ, възрѣвый на жену, яко похотѣти ея, уже съблудилъ есть въ сердци своемъ”».²⁹¹ Си толкуя, Севиръ, Антиохиский епископъ, въ 46 словъ рече: «Можемъ писаная Закономъ положенія “не убиеша” глаголетъ. Христосъ же, иже Закону разумъ и еже в немъ Духа податель, еже бо не разгнѣвити брата своего повелѣ, сию паче исполняя закону волю. Гнѣвъ бо, от негоже убойство бываетъ,

помрачивъ е болшаго ради повелѣния. Гнѣвъ бо аще придетъ къ убийству, не прогнѣватися попусти. Тако и къ похоти несытъства подвигъ възрѣниемъ осудивъ, рекъ: “Не любодѣйствуеши”, исполни и яви. Духовный бо Законъ Господь исполни обновлениемъ Духа, раздрѣши же Писания древнее, яко паче от стѣннаго писания на скрижалех въображены округъ».

28. Сущее

Тако глаголете, и тако творите, яко чяюще Закономъ свободы судъ прияти.

Толк. Есть бо о судѣ правѣмъ поучение. Законъ же свободы глаголетъ Законъ правды, тако судяща, якоже обрѣтает. Се же рече, понеже нѣции съгрѣшаютъ, милосердіа Божиа надѣющеся и глаголюще: «Человѣколюбецъ сый, простить». Тѣмъ и наводитъ рекый: «Немилостивъ судъ не сътворшему милости».

29. Сущее

Судъ бо безъ милости не сътворшему милости.

Толк. Твердѣ убо глаголы нас устрашаетъ, да не вещьми поболимъ.

30. Сущее

Хвалится милость на судѣ.²⁹²

Толк. Златоуста о милостыни.²⁹³ Милостыни ремесльница есть мудра и приставьница дѣлающимъ ю, и дружка Божиа есть, и присно искрь его *прѣстоитъ* и о немже хощетъ, удобъ просить благодати. Токмо да не обидима есть нами. Обидима же есть, егда от въсхыщения ю творимъ. А егда чиста есть, много имать дръзновение: и связынемъ та рѣшить узы, раздрушаетъ тьму, угашаетъ огонь, умрыщвяетъ червь, изгонитъ зубомъ скрежетъ. Сей съ многою радостію отверзаются небесная врата, цесарица бо въистинну есть, подобны человѣкы творящи Богу. Будѣте бо, вѣща, щедри, якоже и Отецъ вашъ небесный. Крилата есть и легка, крилѣ имущи златѣ, лѣтание имущи преукрашающе аггелы. Тамо вѣща: «Крилѣ голубинѣ посребренѣ, и межурамъ²⁹⁴ ея въ блещании злата». Якоже паче голубъ златѣ и живъ лѣтающъ, вѣкома назирающи окомъ кроткомъ. Ничтоже ока того краше. Добра есть и пава, нѣ не к сей нивъчтоже. Птица есть красна и чюдна, выпрь всегда зрить. Девица есть крилѣ имуща златѣ, бѣло имущи лице тихо.

Крилата естѣ и легка, у престола стоящи цесарска. Внегда судимся, внезапно предстоит, и является, и изимаетъ нас от мучения своима крилома одѣвающи. Такая жертвы хоцетъ Богъ.

Яко не от вѣры токмо, нѣ от дѣлѣ, и не от единой неправедно, нѣ от обою купно оправдается чловѣкъ

31. Сущее

Кая естѣ полза, братие моа, аще кто глаголетъ вѣру имѣти, а дѣлѣ не иматъ? Еда можетъ вѣра спасти и? Аще же брат или сестра нага будета дневнаго житиа,²⁹⁵ речетъ же има кто от васъ: «Идѣта съ миром, грѣйтася и насыщайтася», а не дастъ има трѣбованія тѣлеси...

Толк. Еже глаголетъ, се естѣ. Аще не дѣла явить кто, яко вѣруетъ Богови, избыточно и имя его, не бо въ простѣ глаголяй быти Господень, тѣ естѣ вѣренъ. Нѣ тако любяй Господа, яко вѣры ради иже въ нѣ и на смерть дерзнетъ, и яко тако естѣ подлежащимъ съмотрение и притчѣ являютъ. Авраамъ бо, вѣща, дѣло показа, яко *вѣрова* Богови, възнесъ на всеплодство сына своего. Такоже и Раавъ²⁹⁶ вѣровавши, не ради о смерти. Се же глаголетъ, утвержая вѣрныя, и уча истинною быти вѣрномъ, и не глаголаниемъ токмо и языком Господа любити, нѣ дѣломъ и истинною. Тѣмъ и множайшими образы являетъ, яко аще не дѣлы извѣщѣше вѣры, всеу токмо именемъ льстятъ, ничтоже боле имуще бѣсовъ, ибо и они вѣроваша, яко Сынъ Божий бѣ, и яко Святой Божий²⁹⁷ бѣ, и яко власть иматъ надъ ними. Видѣ и иного духовнаго разума. Не бо рече: «Кая полза, аще кто вѣру иматъ?», но «Кая полза, аще глаголетъ кто вѣру имѣти?» Нѣ яснѣе глаголетъ: «Покажи ми вещь, отнелѣже имя приялъ еси». Аще глаголеши ся имѣя неправѣ же, всеу и имя ти вѣрно. По коей бо вещи имя ти наречено? Аще не дѣла съвѣдѣтельствуютъ, то ни имя ти мѣста прииметъ когда.

32. Сущее

...какая естѣ польза? Тако и вѣрѣ, аще не иматъ дѣлѣ, мѣртва естѣ о себѣ. Нѣ речетъ кто: ты вѣру имаши, а азъ дѣла имамъ, покажи ми вѣру свою от дѣлѣ своих, и азъ покажю тебѣ от дѣлѣ моихъ вѣру свою. Ты вѣруеши, яко Богъ единъ естѣ, добрѣ твориши. И бѣси вѣрують и ищазаютъ.

Толк. Златоуста. Аще бо въ Отца и Сына и Святаго Духа правѣ кто вѣруеть, житиѧ же права не имат, ничтоже ему приобрѣтение вѣра на спасение. Велико бо вѣра и спасено, и бес тоѧ никакоже спастися. Нѣ сама о себѣ не довлѣеть, нѣ требует и житиѧ права. Аще бо *и* земля наслѣдовати не възмогаша, толико пострадавшѧ въ пустыни, зане поропташа и съблудиша,²⁹⁸ како же мы небеса уллучити възможем, нестройнѣ и въ лѣности поживше? Вѣра бо по крещении²⁹⁹ мертва бысть, аще кто без *дѣлѣ* имат ю, и не извѣститъ еѧ праведными начинаниѧ. Заклад бо есть блага житиѧ крещение, ибо Господь нашъ въ образъ наш крещься от Иоанна, на гору възсходитъ, и къ диаволу брань възприимаетъ, и всю его раздрушает силу.³⁰⁰ Нам образъ дая, да вѣмы, яко по божественѣй бани дѣла трѣбѣ суть, и подвизи нас ожидают, еже къ противнику, *дѣлѣ* явления.

33. Сущее

Хощеши ли разумѣти, о человекѣ тѣще, яко вѣра без *дѣлѣ* мертва есть? Авраамъ бо отецъ³⁰¹ не от *дѣлѣ* ли оправдися,³⁰² възнесе Исаака, сына своего, на жртѣвникъ?³⁰³

Толк. Святаго Кирила.³⁰⁴ Понеже блаженный Иаковъ Авраама глаголетъ от *дѣлѣ* оправѣдавшасѧ, възнесе Исаака сына на жртѣвникъ, Павелъ же глаголетъ его от вѣры оправдана,³⁰⁵ да не мнимъ еѧ противящасѧ себе. Прѣже бо имѣти ему Исаака, вѣрова и мзду вѣрования възприя – Исаака. Нѣ обаче и егда възнесе Исаака на жртѣвникъ, не токмо дѣло творяше повелѣное ему, нѣ и вѣры не отступи, яко о Исаацѣ хощеть сѣмя его умножитися паче звѣздъ, помышляя, яко от мертвыхъ въздвигнути можетъ Богъ. Обаче Павелъ съвѣдѣтѣля своимъ словом и споспѣшника творить блаженаго Давида, мужа, живша въ благочѣстии и мудрѣ устрает, яко Духомъ глаголавша вѣры ради оставление,³⁰⁶ и възвѣщаетъ всѣмъ человекомъ уже о Христѣ настоящее врѣмя.

34. Сущее

Видиши ли, яко вѣра поспѣшествоваше дѣломъ его и от *дѣлѣ* вѣра съврѣшися, и събышасѧ Книги³⁰⁷ глаголющая.

Толк. Кирил. Принеси словесную жртѣву и сущиємъ естѣства законы извѣщай, и неотроченыѧ любве поперѧ жало, и на земли ничтоже, токмо развѣ еже о Бозѣ любы.

35. Сущее

Вѣрова же Авраамъ Богови, и вѣмѣнися ему въ правду, и другъ Божий наречеся.³⁰⁸ Видите ли убо, яко от дѣлѣ оправдается человекъ, а не от вѣры единая токмо?

Толк. Кирил. Старость убо имат правду, иже вѣрою чьстыи – всѣхъ Бога и Владыку.

36. Апостоль

Такоже и Равъ блудная не от дѣлѣ ли оправдися, приимши сходники и инѣмъ путемъ изведши?³⁰⁹ Якоже бо и тѣло без духа мертво есть, тако и вѣра без дѣлѣ мрѣтва есть.

Толк. Севирианово.³¹⁰ Слыши Писания, съвѣдѣтельствующа ея оправдания,³¹¹ яже бѣ въ блудѣ: бисеръ въ калѣ свѣтятся,³¹² злато въ тимѣнии поврѣжено, цвѣтъ благочестия въ трънии подавляемъ, благочѣстная душа, въ злочестия странѣ затворена.

Яко дръзы и бѣщинны языкъ умрыщвает имущаго и, егоже потреба дръжати на похвалу и на славу Божию

37. Сущее

Не мнози учители будѣте,³¹³ братие моа, вѣдуще, яко больи грѣхъ приимемъ.

Толк. Златоуст. Понеже учащему, а не творящему не токмо приобрѣтениа нѣсть, нѣ и тѣщету велику и судъ наносить. Въ таковѣмъ нерасуждении жившу житие свое, без дѣла бо учащему, грѣхъ великъ есть. Не съгрѣшаяй же въ дѣлѣ и учении, и силенъ есть все тѣло обуздати, таковой да учить, и вѣрою таковою да повелѣваетъ съ словомъ правомъ, съ словомъ свѣтломъ, съглашаяй вѣрѣ, являя, яко все тѣло свое можетъ въхлестити, и ниединаяже любви имѣти къ житийскимъ себе оставляетъ.

38. Сущее

Много бо съгрѣшаемъ вси.

Толк. Севирово. Ибо много съгрѣшаемъ вси. Идеже кто, вѣща, Христовъ ученикъ, требѣ есть намъ противу реченымъ дѣлы благи преходити, могущимъ на милость преклонити всѣхъ судию и Бога, а не въ страстехъ изнемогше, яко человекъ, затворени быти и не отчаятися своего спасения.

39. Сущее

Аще кто словом не съгрѣшитъ, съ съвершенъ мужъ, силенъ обуздати все тѣло.

Толк. Кирил. Ищедшу убо уму и смыслу свершеное показавшу бездѣльство, и ничтоже удръжания имѣти о языцѣ, и безатвора имети и кѣгда, нѣ паче достоитъ въсприимати всегда достойное слову, глаголати же, всегда похвалы исполнь. Лѣпо же паче въ реченых мудрость, отречено бо есть святымъ глаголати буесловие, рекше гнилословие,³¹⁴ якоже рече всемудрый Павелъ. Поминает же всегда святое Писание, глаголющее: «Слово ваше да есть въ благодати солию растворено».³¹⁵ Да и благодать дасться слышащимъ.³¹⁶ Приемлет же богодѣхновенное Писание кроткаго въ словесех, похуляетъ же языкъ невѣздержливъ. Рече бо: «Аще кто словомъ не согрѣшитъ, съ съврѣшенъ мужъ, силенъ обуздати все тѣло». Глаголетъ бо и Давидъ: «Положи, Господи, съхранилище устомъ моимъ, и двери ограждены оустахъ моихъ».³¹⁷ И паки рѣхъ: «Съхраню пути моа, не съгрѣшити ми языкомъ моимъ». Добро убо есть хранилище, еже не съгрѣшающъ языкъ имѣти.³¹⁸

40. Апостоль

Се бо и конемъ узды въ уста влагаемъ, да повинуются намъ, и все тѣло ихъ обращаемъ. Се же и корабли толици суще, и от жестоко вътрѣ затачаемъ, обращаются от мала кормила, аможе аще стремление правящему хотеть.

Толк. Ещеже и се не еже случается языку тоже глаголати. Глаголетъ убо, яко уздою дерзость коня въстязаемъ, и кормило мало стремление кораблю править. Много же паче языкъ въ правоглаголаніе управляти должни есмь, да не малъ сущъ хвалится,³¹⁹ занеже великъ намъ приносить искусъ. Неправдою красяся, все тѣло оскверняетъ. И възжигаетъ намъ огонь геены, нѣ и сам горитъ от огня. Како убо не палитъ ли связанныхъ нечѣстивыхъ по руцѣ и по нозѣ и въметаемы въ огонь вѣчный,³²⁰ уготованъ диаволу и аггеломъ его? Тѣмъ и псаломникъ въпиетъ: «Положи, Господи, съхранение устомъ моимъ». Да не постражетъ, яко паче языкъ ближняго палимъ, никакая улуча утѣхы.³²¹

41. Сущее

Такоже и языкъ малъ удъ есть и величается. Се малъ огонь колику громаду³²² съжизаетъ.

Толк. Златоуст. И еще боле девицѣ³²³ храни языкъ. Конь бо есть царскъ языкъ. Аще убо възложиши на нь узду и научиши ходити правѣ и кротцѣ, покоиши и, и всядеть на нь царь. Аще ли невнуздана и оставиши, скачетъ и играетъ, диаволу и бѣсом расколъ³²⁴ бываетъ.

Исуса сына Сирахова. Мнози падоша усты меча, нь не яко падшеи языка ради. Блажень есть, иже иже покрывается от него, и иже не приде въ ярость его, и не привлечеса въ яремъ его, и узами его не связаса. Ибо яремъ его желѣза, и узы его мѣдяны,³²⁵ и прочая.

42. Сущее

И языкъ огонь лѣпота неправдѣ.³²⁶ Тако и языкъ утваряется въ уды наша, скверня все тѣло, и паля около твари нашеа,³²⁷ и опаляясь от геены.

Толк. Святаго Василиа.³²⁸ Аще любиши живот, створи заповѣдь животную. «Любая бо мя, рече, заповѣди моя съблюдетъ». ³²⁹ Первая же заповѣдь – удержи языкъ свой от зла и устнѣ твои не глаголати лъсти.³³⁰ Съпроста бо злѣи и многообразенъ есть грѣхъ языкомъ есть съдѣваемъ. Въ гнѣвѣхъ, въ похотехъ, въ отвѣтѣхъ, въ неправдахъ, въ лъстехъ, и всяко слово износяще языкомъ съгрѣшаем. От того бо скверньнословье, буесловье, клеветы, клятвы, льжепослушства и вся злая, и множае тѣхъ языка есть сътворение, понеже убо от словесъ своихъ оправдишися. Прѣстани языкомъ своимъ от зла, и устнѣ ти не глаголати лъсти. Тъ бо сосуд на службу слову данъ ти, и упражняти и от лукаваго дѣяния сътвори.

43. Апостоль

Всяка бо вещь звѣрии же и птицъ и гадъ же и морьскихъ умучена есть вещью человѣческою.

Толк. Языка убо течение приносить слово къ иному, являя свою злобу. Глаголетъ бо безмѣстная: вся намъ удержати на суши же, и на аерѣ, и въ мори, своего же языка не удержати.

44. Сущее

А языка никтоже от человекъ умучити можетъ, неудержанно зло и ядъ смертенъ.

Толк. Языка же никтоже от человекъ можетъ умучити, небо яко явимъ есть немощну быти ему. Ибо малы вышеписаное въсприимъ и разумѣй ясно речено: «Всяко бо, рече, естество» и прочая. Како убо тѣмъ всѣмъ умучаемом, не умучимъ есть языкъ? «Всяко естество», рече, еже бо «всяко», то и самого того языка вѣмѣни. Аще бо не своего естества человекъ умучаетъ звѣри, кольма паче своего естества умучити удъ – языкъ? Нъ яко преже сего и потомъ писаное слышимъ: языка, вѣща, никтоже можетъ от человекъ умучити. Нелѣпо есть, братия, тому тако быти. Что глаголеши, что предполагаеши немощная? Аще бо никтоже *может* умучити? Не подобаетъ симъ тако быти. Аще бо непобѣдимъ есть языкъ, како Павломъ побѣдися? Како хулнѣи устнѣ быста богословнѣ? Како иже наостри на Христа укоры, того пакы исполни о Христѣ вѣтійствуя?

Тогоже Златоуста. Мечъ есть языкъ наостренъ,³³¹ нъ да не инѣмъ наводимъ язвы, нъ своя гнили да отрѣзаемъ.

Исихия. Яко паче мечъ наостренъ готовъ есть на усьчение и скорь на погубление есть, тако и языкъ золь.

45. Сущее

Тѣмъ благословимъ Бога и Отца и тѣмъ кленемъ человекъ, бывшая по подобьствию Божию. От тѣхже устъ исходитъ благословление и клятва.

Толк. Далече се Христовъ ученикъ кроткихъ и разумныхъ устъ, сподобльшихся такового таиньства. Ничтоже горка износяще, и ничтоже нелѣпотнѣ о Божествѣ бесѣдующа уста языкомъ, нъ чиста его да съхранимъ. Не клятвы имъ приносимъ, ибо хулници не наслѣдять царствия. Хула бо и молитва далече себе отстоита, клятва и молитва велику преграду имата, осуждение и молитва велико расстояние имата. Приходить, да милостива сътворитъ Бога, и на ины молить: аще бо не оставимъ, не оставится намъ.³³²

46. Сущее

И не подобаетъ, братие моа, симъ тако бивати. Еда убо источникъ от единого устия истачаетъ сладкое и горкое? Еда можетъ, братие моа, смокы маслицѣ сътворити или лоза

смокви? Таможе ни единъ источникъ слану и сладку сътворить воду.

Толк. Властолюбци суще и мудрость мира сего любяще, вражду и лъсть на правыхъ учителя проповѣдаютъ, и народъ водяще простѣ, и зависть на тѣхъ имущехъ, и смѣшающимъ божественнымъ челоуѣческаа, да тѣхъ отъ глаголаныхъ сътворять слышаша, отнюдуже и ереси изидоша. Таковое учение отричетъ еже не отъ мудрости Божия, но отъ дѣмоньскыя бываетъ. Си же рече, похваляя блазѣ учащая отъ кротости и мудрости, и отъ дѣлъ благыхъ.

Въ нейже о блазѣ житии и несварливѣ къ себѣ отъ слабохотиа сущаго отъ премудрости челоуѣчскы.

47. Апостоль

Кто премудръ и хытръ³³³ въ васъ, да явитъ отъ добра житиа дѣла своя въ кротость премудрости.³³⁴ Аще ли зависть горку имате и рвѣния въ сердцехъ вашихъ, ни хвалитесь, ни лжете на истину. Нѣсть си премудрость съвыше съходящи, но земна и душна,³³⁵ неприязнина.³³⁶ Идеже бо зависть и рвение и всяка зла вещь, ту нестроение.³³⁷

О Божии премудрости

А вышняя премудрость первое убо прѣчиста, потомъ же мирна, благопокорьлива и исполнь милостыня и плодъ благыхъ³³⁸...

Толк. Златоуст. Ищистимъ скверну³³⁹ отъ душевною ушью. Якоже бо паче скверна и калъ ушима плѣтскыма, тако и житийскыя повѣсти, яже лихвы ради и заимании долговъ, сквърны всякыя горее заграждаетъ разумный слухъ, паче же не заграждаетъ тѣкмо, но и нечистъ творить.

48. Апостоль

...бе-сумнѣния и безъ лицемѣрия.³⁴⁰ Плодъ же праведенъ и въ мирѣ съется творящимъ миръ.³⁴¹

Толк. Нерасужающе назираниемъ брашенъ или различиемъ о мачании зелий.³⁴² Извѣстнѣ же о сихъ къ коласаемъ бесѣдуеть Павелъ.³⁴³

Яко отъ уныния и сластолюбия реть и нестроение и вражда на Бога бываетъ

49. Сущее

Откуда брани и откуда свари въ вѣсь? Не отсюду ли, от сластей ваших, воющихъ въ удѣхъ ваших? Желѣте и не имате, убиваете и завидите, и не можете уллучити,³⁴⁴ сваритесь и боретесь, и не имате. Зане не просите.³⁴⁵

Толк. Являеть, яко аще и раширяють слово въ учении.³⁴⁶ Всяко плотяни суще и злѣйшая творяще. Таковыя и Павелъ уничижаетъ, глаголя: «Аще бо, рече, въ вас зависть и ревность, не плътяни ли есте?»³⁴⁷

50. Сущее

Просите и не възмете, занеже злѣ просите,³⁴⁸ да въ сластехъ вашихъ ижчите, зане злѣ просите, и прѣлюбодѣйци и прелюбодѣица.³⁴⁹

Толк. Севирово. Такъ бѣ и фарисѣй, егоже Лука въ Еуангелии похуляетъ.³⁵⁰ Ставь бо, рече, посрѣдѣ церкви, велегласно просяще и молящеся, и яко достоинъ сый уллучити, и своа дѣла почитая, глаголаше: «Пощуся двакрытъ в субботу, и десятину даю всего, елико притяжахъ». Почитает же, яко нѣсмь грабитель, и обидя, и любодѣй, и лихоимство держай. И яко паче множайшая глаголаше, толма паче исхожаху от Божия слуха, и глаголѣ бремя тѣще от устну исхожаше, и въ безумие истааху, яко паче ярящася волны.

Нѣции мнящеся просяще и не приимають: противнѣ и злѣ просящихъ сластей ради суетныхъ. Нѣ речеть, кто разума Божия и възвышения добродѣтельмъ просяще и не приимають. Извѣсто же и о сихъ, яко не себе та благаа прияти просиша, нѣ да хвалими будутъ ихъ ради. Есть бо сластолюбцемъ радоватися о похвалахъ, имже не дается имъ, понеже въ сласти расточити хотять, егоже просять.

51. Апостоль

Не вѣсте ли, яко любы свѣта сего вражда Богу есть? Иже бо аще изволить другъ свѣту сему быти, врагъ Божий бываетъ.³⁵¹

Толк. Миръ убо глаголетъ всякъ по плѣти животъ, матеръ тлѣния, еяже причаститися хотя, врагъ бываетъ Богу.

Аригеново. Понеже убо злоба ходатай есть намъ любви, яже къ миру, добродѣтель же происходатаитъ любовь яже къ Богу. Тѣмже добродѣтель и злоба въкупѣ пожити не можета.

Притъчникъ.³⁵² Иже съгрѣшени ради любить миръ, врагъ является Богу. Якоже бо и къ Богу любы, благочъстиемъ извѣстуема, абие врагъ обретається миру. Тѣмъ и не мощно есть работати Богу и мамонѣ,³⁵³ и любити Бога и мира. ихже хоцетъ, пришедъ, Господь другы Богу сътворити? Ножь бо и раздѣление въверже на землю.³⁵⁴ Ибо слово учения его раздѣляет и разлучает земная и плотъскаа, того ради строяй вражду имѣти къ миру и единьство къ Богу. Тѣмъ и миръ даетъ, а не яко миръ повелѣвает. Онъ бо даетъ миръ къ плотъскимъ любовь творя. Господь же, миръ даяй, другы Богу сътворяетъ нас.

Толк. Аще убо не всяко лѣпо къ реченымъ есть, но убо изряднѣ пщевыхъ положити е от истолкования на ползу ищемое. Вѣща бо Господь нашъ Исус Христосъ въ Еуагличехъ: «Аще рука твоя или нога твоя съблажняетъ тя, отсѣци ю и поверзи от себе. Добро бо ти есть внити въ Живот хрому, неже двѣ руцѣ и нозѣ имущу въвержену быти въ Огнь. Или десное око съблажняетъ тя»³⁵⁵ и прочая. О томъ бо Хрусостомосъ³⁵⁶ вѣща: «Не о удѣхъ си речена быша, нѣ о друзѣхъ, ихже въ чину удѣ имамъ издряднѣ». Се бо и выше речеса, и нынѣ глаголетъ: «Ничтоже бо пакостынѣе сужити злыи лукавы». Тѣмъ съ великою яростию врѣжающая ны отсѣкати повелѣваетъ.

52. Сущее

Или мните, яко лъжу Книгы глаголють вы: «Завистию възлюбляете дух, иже вселился въ нас,³⁵⁷ болшу же дасть благодать»? Тѣмъже глаголетъ Соломонъ...

Толк. Завистию диаволею смерть вниде въ миръ³⁵⁸ и вселися въ ны, Христосъ же, по Писанию, в селися,³⁵⁹ да завистию бывшую смерть прокленеть. Не тъкмо же се, нѣ и болшу намъ дасть благодать. «Азъ бо придохъ, – рече, – да животъ имутъ и лише имутъ».³⁶⁰ Яко въсхотѣвъ Богъ насъ, вселися въ ны. Исаиа явѣрекъ: «Не ходатай, ни аггелъ, нѣ самъ Господь спасе ны, понеже възлюби ны».³⁶¹ Како же спасъ ны, болшу дасть благодать? Раздрушивъ съвѣтника на ны сатану, тѣмъ и наведе. Рекъ: «Богъ гордымъ противится». Не гордъ ли есть, въпия: «Вселеную всю обоиму яко яйце»?³⁶²

53. Сущее

«Богъ гордымъ противится, съмѣреннымъ же даетъ благодать».³⁶³ Повинѣтся убо Богови, противите же ся неприязни, и отбѣжить от васъ.³⁶⁴

Толк. Дидимово. Гордость есть до конца възнесеная злоба. Съмѣрение же и невысокомыслие велико благо есть. Понеже бо обою изволением и волею благо и зло съдѣвается.

О покаяньи на спасенье и не осужати искренняго³⁶⁵

54. Сущее

Приблизитесь къ Богу и приблизитесь къ вам. Очистите руцѣ, грѣшнии, и ищистите сердца, дводушнии.³⁶⁶ Постражете слезите и плачѣтесь. Смѣхъ вашъ въ плачъ да обратится, и радость въ умиление.

Толк. Ибо по съгрѣшениі покаание повелѣнное не плача, нѣ блаженства есть достоинъ, въ праведныя лики преставаля. Глаголи бо, рече, ты первѣе грѣхы своа, да оправдишися. А еже по съгрѣшениі бе-студа быти, не тако есть зло пасти, якоже падши не въстати. Аще бо о исправлении хваляся нечистъ есть, а еже о грѣсѣхъ се же стража, кое прииметь прощение?

55. Сущее

Съмѣритесь предъ Богомъ и възнесеть вы.

Толк. Блаженъ есть предъ Богомъ смѣряйся. Рече бо Ияковъ: «Съмѣритесь предъ Богомъ и възнесеть вы». Аще бо тако смѣримся, то аще и от бѣсовъ съвѣти на ны, аще и от чловѣкъ, ненавидящихъ дѣтелей добрыхъ, имамъ Бога изимающа насъ. Тѣмъ да Закона его не забудемъ, ниже ослабѣимъ въ печалехъ. Вѣща бо Давидъ: «Виждь съмѣрение мое и изми мя, яко Закона твоего не забуду».³⁶⁷

56. Сущее

Не отай оклеветайте³⁶⁸ себе, братие, Оклеветай бо брата или осуждая, оклеветаетъ Закона и судить Закону. Да аще Закона осуждаеши, нѣси съхранникъ Закону, нѣ судии. Единъ есть законодавецъ и судии, могый спасти и погубити.³⁶⁹ А ты кто еси, осуждая друга?

Толк. Все злую износить страсть нашимъ смысломъ, прѣзорству начало и рождество. И молящася нѣкая себе покрыти и о Бозѣ жити того убо не сътворяютъ, назираютъ же инѣхъ. Аще и болны видятъ нѣкая, яко паче въ забытъ пришедше

своих болѣзней. Похуляти таковыя любить, и оклеветанию начало наричють убо я, не вѣдуще, яко себе осуждають. Тако бо и мудрый пишетъ Павелъ: «Имже осуждаеши друга, себе осуждаеши. Таковая бо съдѣть и осуждаяй».³⁷⁰

Яко не о человеѣци, нѣ о Бозѣ ступания мужу управляются

57. Сущее

Воле, нынѣ глаголющеи: днесъ и утрѣ поидем въ съ град и сътворимъ ту лѣто едино, и куплю творимъ и прикупимъ...

Толк. О высокомыслии глаголемое то, емуже конецъ неявление.

Другое толк. Ибо къ далечешеству, и еже тамо любоприобрѣтениа несытством одержими, путь далечъ въсприимают по морю и яже въ нем волнѣ, оружие творят на свое лихоимство. Ини же себе от тѣщивых обрѣтаний утѣлщают влагалища, и лихвы на лихвы непреподобнѣ собирающе, огонь и муку на своя изливают главы.³⁷¹

58. Сущее

...не вѣдущеи утрияго. Кая бо жизнь наша? Пара есть въмалѣ являющися, потом же ищазающи. Зане же бы глаголати вам: Аще Господь хоцетъ, и поживемъ, и сътворимъ се ли, оно ли, нынѣ же хвалитеся въ гордыни вашей. Всяка хвала така неприязнина есть. Вѣдущому же убо добро дѣяти и не дѣющю, грѣхъ ему есть.³⁷²

Толк. Не власть отъемлеть, нѣ являеть, яко не все его есть, нѣ да просить вышняя благодати. Подобаеъ убо хотѣти и тещи, нѣ не уповати на своа труды, нѣ на Божие милосердие. Рече бо въ Притчяхъ: «Не хвалися утринимъ, не вѣси бо, что родить настоащия».³⁷³ Не бо ваше есть еже прити въ утринее, яко наипаче наймиту наяту на единъ день. Власть кая есть о себѣ, аще не наимый его повелить?

В нейже о лихоимании богатых и нищих яже в мирѣ и о праведнѣ судѣ Божи

59. Сущее

Воле, нынѣ, богатии, плачѣтесе, задрежущесе о страстехъ ваших, грядущих на вы.³⁷⁴ Богатство ваше изгни, и ризы ваша молевѣ пояша.

Толк. Златоуста. Приимь отселѣ тѣсный путь. Доколѣ пища, доколѣ слабость? Не насытихом ли ся лѣнящеся, смѣющеся, одѣвающеся? Паки не тѣми же будѣте, трапеза, и ядѣ многосъвершена, имѣние и села и домоздания? И что от того приобрѣтение? Смерть. Что конецъ? Мука и скрежетъ, гной и червие.³⁷⁵

Исихиево. Прѣдглаголетъ мучение, челоуѣколюбиа ради, да покаившеся кромѣ будетъ прѣтимыхъ.

Кирил. Еже есть: гнѣвъ, не тѣкмо закалаяя, яко нѣкыя овны и волы, тѣмъ обычно глаголетъ къ намъ: «Воле, нынѣ, богатии, плачѣтеся, задрезющеся о страстехъ вашихъ находящихся». «Питасте бо ся и насытите на земли, и укормите сердца ваша, яко въ днь заклениа». ³⁷⁶ Тацѣ бо бѣша и иудейстии наставници, пасущеся убо образомъ нѣкимъ на мѣстѣхъ тучныхъ и пространыхъ, от людскихъ приношений. Утывъше паче всѣхъ чѣстѣми, яко овны и унцы падоша, огосподньмъ ножьмъ, окааннии.

60. Сущее

Злато ваше и сребро издрѣжавѣ, и рѣжа ея послухование вамъ будетъ,³⁷⁷ и снѣсть плоти ваша, яко огнь³⁷⁸ – снискасте въ послѣдняя дни. Се мзда дѣлатель вашихъ, пожьвшихъ нивы ваша, лишении от васъ въпиютъ, и клицаниа женъших³⁷⁹ въ уши Господу Саваофу вънидоша.³⁸⁰

Толк. Съвѣдѣтельствуеть на ны рѣжѣ ради, обличая неподание наше, тоже и ризы моля ради съгнившая.³⁸¹

61. Сущее

Веселистеся на земли и насладистеся, упитѣсте сердца ваша, яко въ день заклению. Осудисте, убисте праведнаго,³⁸² не противится вамъ.

Толк. Что убо? Ставляетъ от пища? И зѣло! Что ради въ снѣдѣ създася? Яко и хлѣбъ създа, и възбрани безмѣриа, яко и вино създа и възбрани безмѣриа? А не яко нечисты пища въздержатися повелѣ, нѣ яко губящу безмѣриа ради душу. «Вся бо тварь Божия добра, вѣща, и ничтоже отречено съ благодарениемъ въкушаемо». ³⁸³

62. Сущее

Потерпите убо, братие, до пришествия Господня. Се бо дѣлатель жидеть другаго плода³⁸⁴ земли, терпя о немъ, дѣндеже приметъ дѣжчѣ ранѣ и позьднѣ.³⁸⁵

Толк. Кирил. Аще бо и предлагаетъ, вѣща, Богъ съвѣщающимъ мучение, но жидеть ихъ покаяния, не яко красяся тѣми творить и любя грѣшники, нѣ время имъ обращению подавая.

Рекъ обидящимъ мучение и обидимымъ терпѣти повелѣ пришествия чающимъ Господня. Абие же и клятвы отрекаетъ прикасатися, на молитву же и пѣние упражняются, и вѣру имѣти лише иерѣи Божии, и къ другомъ любовь, якоже и молити за другы. И явление крѣпости молитвенныя Илию на среду приводить, и конечнѣе, елика мѣзда обращающимъ грѣшныя.

63. Сущее

Потерпите и вы, утвердите сердца ваша, яко пришествие Господне приближися.³⁸⁶

Толк. Долготерпѣние къ другомъ, пождание ко внѣшнимъ.³⁸⁷ Аще бо и мнятся здѣ оставлени, обаче тамо многы славы наслаждаются.

Егда же узрять иже великая мышльше, ураненыхъ отъ нихъ, и небрегомыхъ, и посмихаемыхъ ими, и тѣхъ искръ сущѣ Бога, тогда възрыдають и въсплачють, на такой свѣтлѣ земли зряще ихъ.

64. Сущее

Не въздыхайте на ся,³⁸⁸ братие, да не осудитесь.³⁸⁹ Се Судии³⁹⁰ предъ дверми стоять. Притчу примѣте, братие моа, страстей терпѣнию, пророкы, иже глаголаша именемъ Господнимъ.³⁹¹ Се блажимъ терпящая. Трѣпѣние Иовово слышасте...

Толк. Аще бо и благодарьствомъ с радостию великою, велиа та бываемаа. Есть бо благодарьствити страха ради токмо, и есть благодарьствовати и въ печали сущу, якоже Иовъ благодари. Въ болѣзни глаголаше: «Господь дасть, Господь отъятъ; яко годѣ Господеви, тако и събысться». Да никтоже глаголетъ, яко не скорбь бѣ ему бываемое, ни ли печалию покрыся, ниже великоѣ похвалы отъемлете праведнику. Егдаже сиеца быша не страха ради, ни владычествия токмо, нѣ вещей

ради естества, толика похвала? Ръци ми убо, когда блажиши Иова? Егда ли имяше толико вельблуд, и стада, и волы, или егда онъ глас испусти: «Господь дасть, Господь отъять»? Ибо и дияволъ насъ тѣмъ отъщечивает, да не имѣние наше отъиметь, вѣсть бо, яко ничтоже есть, нѣ да принудить ны рещи что хулно.

65. Сущее

...и кончину Господню видѣсте, яко премилостивъ есть и щедръ.

Толк. От случивших бо ся вещей явися и диаволя лъжа, и Божие нелъжное съвѣдѣтельство.

66. Сущее

Прѣжде же *всего*, братие моа,³⁹² не кльнѣтеся ни небомъ, ни землею, ни иною которою клятвою, нѣ да будетъ слово ваше еже «ей»—«ей» и еже «ни»—«ни», да не въ осуждение вѣпадете.

О долготерпѣнии, и о прѣтерпѣнии страстей, и о истинѣ

Аще страждетъ кто въ вас, да молитву дѣте. Добродушъствуеъ кто, да поетъ. Болить кто въ васъ, да призоветъ попы церковныя, и молитву да сътворять над нимъ, помазавше и масломъ въ имя Господне.³⁹³ И молитва вѣрна спасетъ болящаго, и исцѣлитъ и Господь. Аще и грехы будетъ сътвориль, отдадятся ему. Исповѣдайте же себѣ грѣхы своа, и молитву дѣйте другъ за друга, да исцѣлѣете. Много бо можетъ молитва праведнаго поспѣваема.³⁹⁴

Того ради древнимъ клятва възаконися,³⁹⁵ да не о идолѣх кленутся. Кленѣте бо ся, вѣща, Богомъ истинным.³⁹⁶

Да будетъ житие ваше извѣстѣ клятвы. Аще ли кто дерзънетъ принудити вы ротѣ, да будетъ вамъ «ей» – «ей», «ни»—«ни», въ клятвы мѣсто.³⁹⁷

Того ради възбраняетъ ны небомъ и землею, да не дамы твари чѣсти Богомъ творяще ю. «Кленущии бо ся, вѣща, большимъ да кленутся»,³⁹⁸ – якоже апостоль рече.

Максимово³⁹⁹ о молитвѣ праведна. По двѣма образа вѣдѣ бывающую молитву праведнаго. По единому убо, егда по заповѣдем дѣлъ Божии, и тако творить приносъ молитвѣ моляйся, и не токмо въ висоцѣ словеси, ни въ тщегласии языка, отпадати бездѣлнѣ и лежати непоступнѣ, нѣ въ дѣлѣ и живѣ законными заповѣдми одушевляема. Молитвѣ бо и молению

съставъ добродѣтель есть, имже крѣпку и всесилну праведникъ имать молитву, съпоспѣваему заповѣдий ради. По второму же образу, егда молитва праведнаго молящися дѣла молитвѣнаа творить, первѣе исправляя житие, и молитву сътворяя праведнаго силну своего ради добраго жития възмагаему. Не бо ползует что праведнаго молитва требующему ея, множае добродѣтелей съгрѣшениемъ сущемъ. Понеже и великый нѣкогда Самуиль плакаше, съгрѣшившу Саулу, нѣ не укрѣпѣ Бога умолити, не приимъ помощника плачу Саулова исправления. Тѣм и неразумнаго плача престати своему служѣ въща к нему: «Доколѣ ты плачеши Саула? И азъ уничижихъ и не послужити въ Израили». ⁴⁰⁰ И пакы Иеремии милосердующу о людехъ иудѣйскихъ, о лъсти неистовившихся идольстѣй, не услышася молящися, не имѣяй молитвѣ силы от лъсти обращения безбожныхъ иудѣй. Имже въ тѣще мольшуся ему, рече ему Богъ: «И ты не молися о людехъ сихъ, ни проси помилования имъ, ни приступай о нихъ, яко не послушаю тебе». ⁴⁰¹ Рекохом же убо: «Много можетъ молитва праведнаго поспѣваема, дающе ему дерзновение ⁴⁰² къ дати могущему праведныхъ прошения».

Поучения комуждо подобна суща съ вѣрою

67. Сущее

Илиа чловѣкъ бѣ подобенъ намъ, ⁴⁰³ и молитвою помолися ⁴⁰⁴ не быти дождю, и не одожди по земли лѣта три и шесть мѣсяць. И пакы помолися, и небо дождь дасть, и земля прозябе плоды своа.

Толк. Въ Третиимъ Царствѣ рече: «И рече Илиа пророкъ от Фезвонъ Галадскихъ къ Ахаву: “Живъ Господь Богъ силъ, Богъ Израилевъ, емуже предстою. Аще будетъ въ си лѣта роса и дождь, аще не усты слова моего”». ⁴⁰⁵

Толк. Златоуст. Да понѣ тако гладомъ таеми, къ Творьцу достигнуть, да глад начало спасению имъ будетъ. «Ничтоже бо, въща, можетъ наказати, нѣ токмо гладъ». Да тако наказеми, къ всѣхъ зиждителю обратятся. И по малѣ изиде слово пророка, и абие въздухъ премѣнися, небо мѣдяно бысть, ⁴⁰⁶ не естество измѣняя, нѣ дѣйствомъ въстягнуто. Абие стухи преобразишася.

Паде слово пророче, яко паче о огонь жыгый боки земли, и вся абие исъхоша, и вся без лѣпоты и не явима быша.

Яко послужити подобаетъ спасению искренняго

68. Сущее

Братие, аще кто въ вас заблудить от истины и обратить и кто, да вѣсть, яко обративый грѣшника от заблуждения пути его, спасетъ душу от смерти и покрываетъ множество грѣховъ.⁴⁰⁷

Толк. Златоуст.⁴⁰⁸ И како подобаетъ обращаться? Якоже паче земледѣлателя. Ти убо сѣмена мещуть единою, не пребываетъ же всегда, нѣ многа трѣбуетъ устройства, да на землѣ омыгльнѣвши дасть сѣяная птицамъ. Тако и мы, аще не часто память вѣмѣненнымъ въсылаемъ, на въздухъ все повръгохом. Ибо диаволъ въсхытаетъ и наша лѣность погубляетъ, и сѣлнце сушить, трѣние подавляетъ, якоже не довлѣетъ единою тъкмо сѣяныхъ истребити, нѣ много трѣбѣ прѣсѣдѣние – отгоняща птица небесная, трѣние сѣкуща, камянную землю чистяща. Нѣ о земли се бываетъ, бездушна бо лежить, къ страсти готова сущи. О духовнѣй же земли не тако. Ни учителю есть все то, но множае и до полу ученику: намъ убо есть сѣяти сѣмена, вамъ же творити глаголаная. Яко слугы бывайте ближнихъ спасению.

Семь качествъ истинной мудрости (чиста, мирна, кротка, благопослушлива, милостива, несомненна, нелицемерна), какъ семь цветовъ радуги, сливаются в одинъ «цветъ мира», т. е. свойства истинной мудрости совпадаютъ со свойствами истинной любви, иначе: мудрость есть в сущности христианская любовь.

Из «Шестоднева» Иоанна экзарха болгарского

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

Иоанн экзарх болгарский – болгарский писатель и переводчик конца IX – начала X в., поколения, следующего за поколением первых переводчиков с греческого на славянский Константина-Кирилла и Мефодия. Он перевел «Богословие» и «Философию» Иоанна Дамаскина, перевел также, а отчасти переложил, применяя к славянскому языку, греческую грамматику Иоанна Дамаскина «О восьми частях речи». Написал «Слово на Вознесение Господа нашего Иисуса Христа». Ему приписываются также «Слово на Преображение» и сочинение «От сказания евангельского».

«Шестоднев» представляет собой перевод-компиляцию «Шестодневов» Василия Великого, Севериана Гевальского и произведений Иоанна Златоуста, Аристотеля и др., дополненный самим переводчиком-компилятором. О строении своего произведения Иоанн-экзарх говорит в Прологе. «Шестоднев» посвящен Иоанном-экзархом большому любителю литературы и просвещения болгарскому князю Симеону. Этот князь погиб в 927 году в неудачной войне с хорватами. Стало быть, «Шестоднев» создан Иоанном-экзархом до этого года.

«Шестоднев» – рассказ о мире, природе, растениях, животных и человеке, построенный как комментарий к библейскому рассказу Книги Бытие о сотворении мира. Шесть частей-«слов» произведения соответствуют шести дням акта творения. «Шестоднев» являет собой богатое собрание античных и средневековых «естественнонаучных» сведений и «натурфилософских» представлений. Этим сведениям и представлениям всегда свойственно со временем изменяться. Бессмертным остается основной пафос всего произведения Иоанна-экзарха в целом – интерес к природе и человеку и изумление их устройством. Этот пафос прекрасно выражен в публикуемых нами здесь двух самым им написанных

предисловиях – ко всему «Шестодневу» и к его шестому «слову», где речь идет о человеке.

Текст публикуется по русскому списку XV века – РНБ. Соловецкое собр., № 318/338, л. 1–6, 192–193 об.

* * *

ПРОЛОГ

Что прекраснее, что сладостнее для боголюбцев, поистине жаждущих вечной жизни, нежели всегда держаться мыслью Бога и помнить благие дела Его? И раз уж ты, господин мой, славный князь Симеон-христоролюбец, непрестанно познаешь заповеди Его и творения, дабы теми украсить и прославить себя, того же и мы держимся правила. А доброжелательный раб, видя добрые дела господина своего, не только сам бы хотел, об этом ведая, радоваться и веселиться, но желал бы, если возможно, чтобы и мир о том услышал. Сколь румяны, радостны и веселы бывают те, кто насыщает себя питьем и пищей! Но еще более – тот, кто питает себя мыслями, взирая на дела Божии и радуясь им! Хочет тот, чтобы и другие видели и полюбили их. У таких людей, как говорит Писание, крылья вырастут, как орлы полетят они без труда, ибо радость не знает тягот и крылья растит. И как же им не радоваться, ища и постигая, для кого это небо украшено солнцем и звездами, ради кого земля покрыта садами, дубравами и цветами и увенчана горами, для кого море и реки и все воды наполнены рыбой, кому рай и само то царствие уготованы? Как им не радоваться и не веселиться, славословя, постигая, что это – не для кого-либо иного, но для них самих! А нужно еще и о том помыслить, каким образом сами они сотворены, каков их сан, на что они позваны. И помыслив так, пусть они на деле и не таковы, как им не радоваться и не веселиться! Я же здесь быстро в шести кратких словах все это напомним. А потом – и отдохнуть, о добром этом творении побеседовав.

Творил Бог не так, как люди, возводящие здания или строящие корабли, или медники, или золотых дел мастера, или ткачи шерсти, или кожевники, или, скажем, художники. Те создают свои изделия, какие им нужно, по готовым образцам, запасаясь материалом и беря орудия труда друг у друга. Богу

же достаточно что-то помыслить, чтобы сотворить то, чего прежде не бывало. Ибо Богу для созидания ничего не нужно, а человеческие искусства нуждаются друг в друге. Кормчему нужен кораблестроитель, и дровосек, и кузнец, и смолокур; также и сеящему что-либо нужны земля, растения, семена и вода для полива; и кузнецу для работы нужен материал и тот, кто построит кузницу. И свое орудие нужно для каждого дела – какое кому больше годится. А Творец Великий ни в орудии не нуждается, ни в материале, ни вообще в чем-либо. Другим созидателям нужны материал и орудие, а также время, труд, умение, старание, а Богу – только Его воля. Ибо все, что захотел Господь, то и сотворил – в море и во всех безднах, как говорят чистые слова. Захотел же Он сотворить не столько, сколько мог бы, но столько, сколько знал, что нужно. Мог бы легко Он сотворить вселенных таких, что зовутся миром, и десяток тысяч, и два десятка великих светил. Это и значит: творение много легче хотения. Нам вот гораздо легче захотеть что-нибудь, чем сотворить, ибо мы не можем творить все, что хотим. А Богу-Творцу по силам все, чего бы он ни пожелал. Ибо Божие желание сопряжено с силой сотворения того, что хочется.

Из сотворенного же одно мы видим и чувствуем, другое мыслим. Область мысленных созданий – эфир и небо. Одно из сотворенного земное, а другое – небесное. Как и надлежало, Он сотворил и живые существа: одни чувственные, а другие мысленные. Мысленным дал Он для житья небо и эфир, а земным землю и море. Некоторые же из мысленных созданий совратились на зло и были изгнаны из небесных жилищ, и Он выделил им часть в воздухе и на земле – не для того, чтобы они совершали зло, какое умышляют на людей, – препятствует им в этом ангельское охранение и стража, – но чтобы по этой перемене было понятно, какое зло влекут за собой гордыня и обман. И сотворил Он род чувственных, разделив его надвое, сделав одних осмысленными и словесными, а других без смысла. И подчинил бессмысленные существа осмысленному роду. Однако же некоторые из бессловесных пакости творят и, сопротивляясь, восстают на своих властителей. Но ведь и властители их то же делают: приняли почесть владения

смыслом и словом и восстают на своего Творца. Потому-то и бессловесные эти восстают, что они сами так поступают. Отсюда понятно, какое зло кому бы то ни было нарушать свой чин и безбоязненно преступать установленные ему пределы. Надлежит знать, как бездушные вещи соблюдают эти установленные пределы.

Так, море, мутимое бурями, воздымаясь на соседку землю и обрушиваясь, стыдится песка и не любит преступать определенных границ; но как конь бегущий удерживается уздой, так и море, видя неписанный закон, песком начертанный, возвращается в свои пределы. И реки, как устроены сначала, так и текут; и ключи бьют, и колодцы дают потребное людям. И все часы времени по порядку друг за другом проходят; по тому же закону и дни, и ночи хранят тот чин, и, будучи удлиняемы, не хвалятся, а сокращаемы, не тужат; но, друг от друга приемля пору, вновь без споров, долг отдавая, должное приемлют. И вот еще что показывает премудрость и силу Творца: ведь ни земля, тысячи лет возделываемая, и засеваемая, и засаживаемая, и кормящая плоды, и толкаемая, и копаемая, и дождем мочимая и снегом, и опаляемая, нисколько не оскудела, но приносит земледельцам изобильные плоды. Ни море, откуда облака берут водную стихию, и дожди рождают, и земле дают, не уменьшилось, не высохло нисколько, и так же не выросло, принимая бесчисленные реки, втекающие в него. И вот что скажу: а откуда истоки рек истекают? Непонятно мне и такое явление: почему солнце не может с великой легкостью высушить все мокрое? Для тех, кто хочет уразуметь: ведь не высушивает оно ни тины, ни водоемы, минует и наши тела. Реки кажутся меньше, когда оно, оставив южные страны, переходит в северные и производит лето. Потому и наводнения Нила, считают, происходят не в то время, что у других рек, ибо он напояет Египет в середине лета, в то время когда солнце ходит по северному поясу и угнетает иные реки, а от этих краев отдаляется. Хотя существуют и другие мнения о том, чем это объясняется, но сейчас они тебе совершенно ни к чему.

Дивлюсь я и тому, как не кончается, не оскудевает воздушное естество, когда столько людей, а кроме того, и

бессловесных тварей, дышат непрестанно, и столько лучей солнечных, таких горячих, проходит сквозь него, а ведь еще и луна, и звезды делают то же. Высшее из чудес чудо! Но, смею сказать, не удивительное чудо. Ведь когда Бог творит что-либо, нам подобает не удивляться, но, скорее, хвалить и славить Его. Ибо Он с легкостью творит, что Ему требуется. В создания же те Он вложил силу достаточную, чтобы они существовали столько лет, сколько Он им повелел. Потому-то и земля пребывает такой, какой изначально сотворена, и море не убывает и не увеличивается, и воздух, как изначально принял естество, так доселе его и хранит, и солнце растопить не может небесные тверди, и водная не разлилась твердь, бывшая прежде, но пребывает твердь в той участи, какую дал ей Творец. И противоположное по природе – мокрое и сухое, а также холодное и теплое – совокупил Творец воедино ради созидания и любви. Каждое же из творений, видя солнце, то по северной стороне, то по южной, то посреди небес ходящее, луну, растущую и убывающую, звезды, в сроки свои восходящие и заходящие, время жатвы и сева указывающие и по водам плавающим бурю и тишь возвещающие, – все это видя, господин мой, мы хвалим Творца, все блага эти сотворившего, и через это видимое восходим к Невидимому.

Но не восшествие нам требуется, а вера, ибо благодаря ей мы можем увидеть Его. Когда же увидим Его, в сроки свои приступающего и дождь земле дающего, а ее растящую и травой покрываемую, и нивы волнующиеся, и зеленеющие дубравы, и порастающие лесом горы, и зреющие плоды, то используем язык для хвалы и скажем с божественным Давидом, воспоем с ним, говоря: «Возвеличились дела твои, Господи! Все премудростью сотворил еси!» Когда слышим, как певчие птицы поют всякими голосами прекрасные песни, соловьиные трели, голоса дроздов и соек, иволг и дятлов, кузнечиков и цикад, ласточек и жаворонков и иных птиц, а они бесчисленны, – тогда мы, умиляясь, славим Творца.

Не таков Он, как другие творцы, что создают из готовой материи, а Он все вывел из небытия и дал бытие небывшим. Легко ведь Ему из небытия творить. Так Он в древности мир

сотворил, так, попросту сказать, и во всякий день творит. И не из готовых тел творит Он тела живым; а из небытия творит души, но не всем живущим, а только человеку. И птицами творит птиц, а плавающих плавающими, и иных родов каждого делает соответствующим его роду. Так же и земные плоды, сеянные и сажимые, приносит людям. Прежде чем начали пахать и засеивать землю, Он прорастил все виды растений и создал виды пресмыкающихся и четвероногих, и водное естество родил таким, каким повелено ему быть, и тех, что в воде живущие существа, и передвигающиеся по воздуху. А сами эти землю, небо, воздух, воду, огненный не материи Он повелел произвести, но Сам их, никогда не бывших, вывел из небытия в бытие, Сам Творцом явившись этому великому кораблю, то есть творению этому, Сам же и правит мудреными снастями корабля. Так нам сказал верховный Его пророк Моисей, восприняв это от премудрого Творца, Господа Бога и Владыки, на Синайской горе.

Эти же шесть слов, господин мой, не сам я сочинил, но иное взял из верных слов Шестоднева святого Василия, а иное по смыслу у него заимствовал, также и у Иоанна, а другое у других: что мне когда-либо приходилось читать, то я и соединил.

Это похоже на то, как если бы кто-нибудь, кого минует, ходя мимо, его господин, захотел бы построить ему хоромы. Не имея же из чего строить, пошел бы он к богатым людям и попросил бы у них – у одного мрамор, у другого бревна, и возвел бы стены, а мрамором, выпрошенным у богатых, вымостил бы пол. И захотел бы те хоромы покрыть, но не имея материала, достойного стен и мраморного пола, сплел бы сетку на том доме и покрыл бы его соломой, а двери сплел бы из прутьев и такой же сделал бы запор. Так ведь остается поступить не имущему в своем доме ничего.

Таков же и нищий наш ум: не имея у себя дома ничего, строит он из чужих слов, добавляя понемногу из своего нищего дома, но вроде соломы и прутьев – свои слова. Если владыка, снисходя к нему, все эти труды его примет как свои, то дай

этому владыке Господь, Бог над владыками, угодить Тебе в этой жизни и со всеми преподобными мужами до рая дойти.

Аминь.

...

СЛОВО ШЕСТОГО ДНЯ

Как смерд и нищий человек или странник, придя издалека к оградкам княжеского дворца и увидав их, удивляется и, подойдя к воротам, восхищается, расспрашивая, и, внутрь войдя и видя стоящие с обеих сторон хоромы, украшенные камнем и деревом резным, а затем, во дворец войдя и увидав высокие палаты и церкви, богато украшенные камнем, деревом и живописью, а изнутри мрамором, медью, серебром и золотом, не знает, чему их приравнять, ибо не видел он в своей земле ничего, кроме жалких и убогих хижин, и как безумный удивляется этому тут. А если случится ему и князя увидеть, сидящего в облачении, осыпанном бисером, с гривной изукрашенной на шее и обручами на руке, поясом красным препоясанного и с мечом золотым, при бедре висящим, с двух сторон его бояр, стоящих в золотых гривнах, поясах и обручах, тогда, если кто спросит его по возвращении в свою землю, говоря: «Что ты там видел?», – он скажет: «Не знаю, как вам рассказать о том. Лишь своими глазами можно достойно подивиться той красоте». Так же и я не могу достойно сказать о том хорошем устройении и чине, но каждый из вас сам, очами телесными видя и умом бестелесным домысляя, больше и с лучшим знанием дела может удивляться. Свои ведь очи никому не солгут, хотя и те иной раз ошибаются. Однако же они извещают лучше прочего. Увидав же небо, украшенное звездами, солнцем и месяцем, и землю – злаками и деревьями, и море, рыбами всякими наполненное, бисером и всякими завитушками ракушек, и переходя к человеку, как бы ума лишаюсь от удивления и не могу понять, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти. К чему привязан ум тот? Как, исходя из тела, проходит он сферы одну за другой, проходит воздух и минует облака, солнце, месяц, и все пояса, и звезды, эфир, и все небеса и тотчас же вновь оказывается в своем теле? На каких крыльях он взлетел? Каким путем

прилетел? Не могу проследить. Только и знаю, что говорить вместе с Давидом: «Удивился разум Твой, мною укрепился, не возмогу против него», «Возвеселил меня, Господи, творением твоим, и делам рук Твоих я возрадуюсь», ибо «Возвеличились дела Твои, Господи; всё премудростию сотворил».

* * *

ПРОЛОГ

Что краснѣе, что ми сладчайше боголюбцемъ, иже поистиннѣ жадят жизни вѣчныя, не ежели присно Бога не отступить мыслию и поминати Его добрыя твари? Яко и се ты, господи мой, княже славный Симеоне христороубче, не престаеши възыскавая повелѣний Его и твари, хотя ся ими красити и славити, тако бо и в нас обычай бываетъ. И егда видит рабъ приязнивый господина своего добро что сотворша, то не точию самъ бы хотѣлъ, единъ вѣдый, радоватися и красити, но аще бы лзѣ, хотѣлъ бы да и миръ слышит. Елико бо питиа и ядения насыщающесе румяни бываютъ и свѣтли и весели, то колико паче иже ся кормит мыслями, на Божиа дѣла възирая и красяся ими. Хотѣл бы да быша и инии видѣли и прилѣпилися их. Тацы бо иже будутъ, якоже Писание глаголетъ, перие возрастут, якоже орли, тещи же имут и не трудитися, радость бо ни труда вѣсть и крилѣ раститъ. И како не хотятъ радоватися, възыскающии того и разумеюще, кого дѣля се есть небо солнцемъ и звѣздами украшено, кого ли ради и земля садом и дубравами и цвѣтомъ утворена и горами увяста, кого ли дѣля море и рѣки и вся воды рыбами исполнены, кого ли ради рай и самое то царство уготовано? – Таче разумѣюще, яко не иного никогоже ради, но тѣхъ, како ся не имутъ радоватися и веселити, славящеи. Ктому нужда и се помыслити, кацѣмъ суть образомъ сотворени, что ли имъ есть санъ, на что ли суть позвани. И все помысливше, аще и друзи, како себе не имут красити и радовати! Здѣ же азъ поминая всю, б словесъ скратя, в малѣ проиду. Год же и послѣди отити, о добрѣй сей твари побесѣдовавше.

Сотвори Богъ, не аки челоуѣцы, зиждюще, или корабли творяще, или мѣдницы, или златари, или поставы ткущеи, или усмаре, или инацѣ и козненицы, вещи ты събирающе, готовы

образы творят, яцы же имъ суть требѣ, а сосуды и сѣчива другъ от друга въземлюще, имиже то творити. Но Богъ и кде помысли, то и сотвори, а прежде имъ не бывшемъ. Не бо требуетъ ничто же Богъ, а человѣческыя хитрости другъ друга требуетъ. Требѣ бо есть кормнику, корабль творящу, иже древо сѣчетъ, и корчия, и иже пекль творить; и паки сѣяй что-либо земля требуетъ, и садове, и сѣмена, наводнения; и иже корчия дѣлаютъ вещь требуютъ корчии зиждущаго; и подобнаго сосуда каждо требуетъ еже комуждо ся ключить на дѣло. А Творецъ Великий ни сосуда требуетъ, ни вещи, ни бо в него мѣсто есть. Инѣмъ козникомъ вещи сосудъ, еще же и лѣто, и трудъ, и хитрость, и поспѣшение; се Богови – хотѣние. Все бо еже восхотѣ Господь, и сотвори – въ мори и въ всѣхъ безднахъ,⁴⁰⁹ якоже глаголють чистая словеса. Восхотѣ бо сотворити не елико може, но елико же вѣдѣше, яко довлѣетъ. Удобѣ быше ему утварий сихъ, рекше миръ, сотворити и тму, и двѣ свѣтилѣ велицѣи. Се же есть паче восхотѣнія удобѣе и творение. Намъ бо всего удобѣе есть иже восхотѣти чесому, неже творити, не бо можемъ творити еже хотяще. А Богу творцю все мощно иже хочетъ. Хотѣнию бо Божію сила припряжена, да елико хочетъ творити.

Тѣмъ же иже и твореное ово есть нами видимо и знается, ово же разумно. Тихъ разумныхъ есть ефиръ и небо причастіе. Ово земное, ово же небесное. На потребу и животы сотвори чювьствеки, овы же и разумны. Разумнымъ небо и ефира, а земнымъ землю и море дасть жилище. Тии же разумнымъ друзи на золь ся совратиша и изгнани быша съ небесныхъ мѣстъ, и на воздусъ и на земли часть имъ отлучи: не якоже да съвершаютъ еже аще умыслятъ на человѣки зло, – воздражаетъ бо я аггелское сохранение и стража, – но да тѣмъ представлениемъ разумѣють, колико ти зло обрѣтаетъ презорство и ныренье. Но понеже надвое раздѣли чювьственаго рода, ти ов осмыслень и словесень сотвори, ов же бе-смысла. И повину смысленому роду бесловеснаго естества. Пакости же обаче друзии бесловесныхъ творятъ и, супротивящися, встають на своя властели. Не бо но и сихъ властели си же такожде творятъ: и смысломъ, и словесемъ почестъ приемше, и бѣсятъ на Творца своего. Да сего ради и сии бесловеснии встають, яко да еже

сами творять. То от того разумѣють, колико зло есть еже свой чинъ комуждо преступати и уставныя предѣлы без боязни миновати. Сия же предѣльныя уставы вѣдѣти есть, како ти бездушныя вещи хранять.

Море бо, бурями мутимо и надымающися на суѣду землю и проливаемо, пѣска ся стыдитъ и нарочитых предѣлъ не рачить преступати, но яко конь текий и воздержается уздою, сице ти море, неписанный законъ видя, пѣском написанъ, и възвращается. Сице ти и рѣки текутъ, якоже суть учинены исперва; и студенцы истичють, и кладязи даютъ человѣкомъ иже на потребу. И лѣта вся часы другъ друга по чину преминуют; по сему закону и дние, и нощи хранять чинъ той, и продолжаеми не хвалятся, ни укращаеми не тужатъ, но, другъ от друга годъ приемлюще, паки бес пря долгъ отдающе приемлютъ. Се же *такожде* Творчюю премудрость кажет и силу: ни земля бо, в тысущих лѣт орема, и сѣема, и садима, и кормяще плоды, перома и копаема, и дождемъ мочима и снѣгомъ, и жыгома, оскудѣния никакоже не приа, но плод земным дѣлателемъ неудръжанъ приноситъ. Ни море, оттуду облакомъ вземлющемъ водное естество и дождя ражающе и земли даемы, не охудѣ, ни пресхну николиже, ни паки возрасте, приемля бещисмени рѣки, втичающая в то. И се глаголю: откуда убо истоки рѣчныя истичють? Недовѣдомо бо ми и се помышление: како солнце мокротное сущее не может иссучити удобъ зело? Иже хощетъ разумѣти: не бо оно сушить тины, и водныя соборы пресушаетъ, и наша телеса минуетъ. Видѣти же рѣки худѣюща, егда же, оставивъ южныя страны, и на сѣверныя преходить, и жатву творить. Сего ради и Нила мѣняют не в той же год воднящася, в он же и иныя рѣкы, но у полы жатвы напаяють Егупеть, имже солнце тогда по сѣверному поясу ходить и инѣмъ рѣкамъ притужает, а от сего кромѣ ся отдаливши. Аще ли же ины вины мѣнят, имиже ся сводить, то нынѣ нѣсть ти ни *на* кою же потребу.

Чюжду же ся азъ, како ся не коньчается, ни оскудѣет воздушное естество, толицѣмъ человѣкомъ, но и толицѣмъ же безсловеснымъ животомъ дышащемъ непрестани, толицѣ же луцѣмъ солнечнымъ, и тако зѣло теплѣ, сквозѣ не проходящи, к

тому же и лунѣ и звѣздамъ тожде творящим. Но выше чюдеси чудо! Но се да и залѣзу, рекий, яко нѣсть чудно чудо. Богу убо что-либо творящею не подобаетъ намъ чюдитися, но хвалити паче и славити Его. Тому бо удобъ творити еже Ему на потребу. Вложи же в ты твари елико же веляше состоятися лѣтъ силу доволну. Сего ради и земля пребываетъ, якоже исперва сътворена есть, и море ни худит, ни увеличится, и въздухъ, якоже исперва приа естество, тако же еи и доселѣ хранит, и солнце же не может растопити небесныхъ твердий, и твердь не разлѣяся водная, бывши преж, но пребываетъ твердь, якоже ей причастие Творецъ видѣлъ. И супротивнаго естества – мокраго и сухаго, и паки студенаго и теплаго – съвокупи Творецъ на едино сътворение и любовь. Егда бо от сихъ кождо видѣмъ ти – солнце овогда по севѣрнымъ странамъ, овогда по южнымъ, овогда же посреде небесе ходящу, и луну растущу, и худѣющу, и звѣзды в годы своя възсходяща и заходяща, и жатвенныя годы, и сѣтвенныя назнаменующе, и по водамъ плавающимъ и бурю и утишье възвѣщающа, – то все видяще, мы, господи мой, хвалимъ Творца, иже такы доброты сътворилъ есть, и сими видимыми к Невидѣмому грядемъ.

Нѣ не шествѣе ны есть требѣ, но вѣра – тою бо можемъ видѣти Того. Егда же видѣмъ, в годы и в часы приступающа и дождь дающа, и сию растящу, и травою покрываему, и нивы волнуещася, и зеленующася дубравы, и обрастъша горы, и родивша овоща, пустимъ на хвалу языкъ, и рцѣмъ съ божественымъ Давидомъ, и с тѣмъ воспоимъ, рекуще, яко: «Возвеличишася дѣла твоя, Господи. Вся премудростию сътворилъ еси».⁴¹⁰ Егда слышимъ пѣснивыя птица, различными гласы поюща красныя пѣсни, славиа же звѣждуща, косы же и соя, иволгы, и желны, и щуры же и изокры, ластовици же и враньца, и ины птица, яже бесчисмене, – симъ ся глумимъ, славяще Творца.

Не яцѣ же бо суть инии творци – тии бо готовою вещью творят, а Сий вся от небытия изведе и дасть небывшимъ бытие. Удобъ бо Ему от небытия творити. Сице бо и древле сътвори, спроста же рещи, и по вся дни творить. Не бо но от готовыхъ творить телесъ животомъ телеса, и от небывшихъ творить душа,

но не всѣмъ животомъ, но точю человѣкомъ. И птицами творит птиц, а пявающими плавающая, и инѣхъ родовъ кихъждо своимъ родомъ премѣняетъ. Также и земными плоды, и ораными, и садимыми приносить человѣкомъ. Прже земля ни орана, ни сѣяна прорасти всякого сада имена и образы плещущаго, и четвероногаго рода, и водное естество роди, якоже повелѣно ему бысть, и иже в водахъ живутъ животная и иже по воздуху проходятъ. А саму же ту землю, небо и воздух, и водное естество, и огненный свѣтъ не вещи повелѣ извести, нѣ не бывша николи же, и изведе от небытия в бытие, Самъ Творитель бывъ кораблю сему великому, рекше твори сея, Сам же править и премудра съсудѣ корабля. Се ны сказа верховный Его пророкъ Моисей, от сего премудраго Творца, Господа Бога, и Владыкы приимъ на горѣ Синаистѣй.

Си же словеса шесть, господи мой, не о себе мы есмы сътворили, но ово от Ексамера святаго Василиа истовая словеса, ово же и разумы от него приемлюще, также и от Иоанна, а другое от других: аще есмы кождо что почитали иногда, также есмы сплатили ее.

Яко же се бы кто минуемъ владыкою, аще мимоходящу владыцѣ, восхотѣлъ бы храмъ ему сътворити. Не имущу же ему чимъ сътворити, шедъ бы к богатымъ и спросилъ бы от них – от ового мраморъ, а от другаго брѣселиа, ти стѣны бы возградилъ, и мраморомъ помостилъ прощениемъ от богатыхъ. И покрыти хотящу, и не имущу противу стѣнамъ тѣмъ и помосту мраморному достойна покрова, лѣсу бы исплелъ потонку храму тому, и створилъ, и покрылъ соломою, и двери наплѣталъ терниемъ, и тако затворъ сотворил. Сице бо достоить неимущему в дому своемъ ничтоже.

Сице бо есть нищий нашъ умъ: да не имы в дому своемъ ничтоже, чюжими возгради словесы, приложи же и от нищаго дому своего, но акы солому и лѣсы – словеса своя. Аще владыка, милуйай его, все то акы своя труды приемлетъ его, ему же владыцѣ Господь Богъ надъ владыками даждь сию жизнь добрѣ угаждающу Тебѣ рая дойти съ преподобными мужи всѣми.

Аминь.

...

СЛОВО ШЕСТАГО ДНИ

Яко же смердъ и нищъ чловѣкъ и страненъ, пришед издалеча к преворамъ княжа двора и видѣвъ я, дивится и, приступивъ къ вратомъ, чюдится, въпрашая, и вънутрь въшед, видѣтъ на обѣ странѣ храмы стояща украшены камениемъ и древомъ истесаны, и прочее въ дворецъ въшед и узрѣвъ полаты высокы и церкви, издобрены без года камениемъ и древомъ и шаромъ, изутрь же мраморомъ и мѣдью, сѣребром же и златом, таче не съвидѣй, чьсому приложити их, нѣсть бо того видѣлъ на своей земли развѣ хызъ лѣплень и убогъ, ти акы погубивъ си умъ чюдиться имъ ту. Но аще ся прилучитъ ему и князь видѣти, сѣдяща въ срачицѣ бисеромъ покидыанъ, гривну цатаву на выи носяща и обручи на руку, и поясомъ вольрьмитомъ поясана, и меч златъ при бедрѣ висящъ, обаполы его боляры стояща въ златыхъ гривнахъ и поасѣхъ и обручихъ, ти его аще его кто вопрошаетъ, възвращающа на свою землю, рекий: «Что видѣ тамо?», – рече: «Не вѣдѣ, како вы повѣдѣ того. Свои бы бѣсте очи умѣлѣ достоинѣ чюдиться той красотѣ». Тако же и азъ не могу достоинѣ тоя доброты и чина сказати, но самъ кождо васъ, очима плотныма видя и умомъ *безплотнымъ* домышляя, паче ся можетъ извѣстнѣе чюдиться. Свои бо очи никомуже сължетъ, аще и тѣ ся другоици блазнитѣ. Но обаче тѣ извѣстнѣиши есть иного. Видя бо небо утворено звѣздами, солнцемъ же и мѣсяцемъ, и землю злакомъ и древомъ, и море рыбами всяцѣми исполнено, бисеромъ же и всяцѣми рунесы пиньскими, пришед же къ чловѣку, и умъ си акы погублю, чюдяся, и недомышлюся: въ коль малѣ тѣлѣ толика мысль, обыидуци всю землю и выше небесъ възыдуци. Гдѣ ли есть привязанъ умъ тѣй? Како ли изыдый ис тѣла проидеть кровы насобоя, проидеть въздухъ и облакы минеть, солнце и мѣсяцъ и вся поясы, и звѣзды, ефиръ же и вся небеса, и въ томъ частѣ пакы въ тѣлѣ ся своимъ обрящеть? Кымъ крилома възлѣтѣ? Кымъ ли путемъ прилетѣ? Не могу ислѣдѣти. И точию се вѣдѣ рещи съ Давидомъ: «Удивися разумъ Твой, мною укрѣпился, не возмогу противу ему», «Възвесели мя, Господи, тварью твоею, и дѣломъ руку Твоею възрадоуюся»,⁴¹¹

яко же «Възвеличишася душа Твоя, Господи, вся премудростию
сътвори».⁴¹²

Из Изборника 1073 года

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

Изборник 1073 г. – одна из древнейших русских рукописных книг наряду с Остромировым Евангелием и Изборником 1076 г. Этот Изборник был обнаружен К. Калайдовичем и П. Строевым в 1817 г. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре; в настоящее время хранится в Государственном Историческом музее в Москве, в Синодальном собр., под № 1043/31 д. Рукопись иллюминирована изображением русской княжеской семьи (в начале) и рисунками знаков зодиака (л. 250 об.–260). Ее фототипическое воспроизведение см.: Изборник Святослава 1073 г. М.: Книга, 1983. Кн. 1. Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное издание. Кн. 2. Научный аппарат факсимильного издания.

Изборник 1073 г. – это сделанный на Руси список с болгарского оригинала, представляющего собой перевод с греческого, выполненный, по всей вероятности, для болгарского царя Симеона (919–927) («великы в царех Симеон» упоминается в происходящей из Кирилло-Белозерского монастыря рукописи 1445 г., по содержанию идентичной Изборнику 1073 г.). Как гласит приписка писца на л. 263 об. Изборника 1073 г., «Въ лѣто 6581 (1073) написа Иоаннь диакъ Изборникъ съ великуму кн(я)зю С(вя)тославу». Дьяком Иоанном написана, однако же, лишь небольшая часть (начало и конец) рукописи, а имя Святослава – оно читается также в начале книги – оба раза написано, как установлено, по стертому. Возможно, Изборник был написан по заказу старшего брата Святослава, князя Изяслава Ярославича, и переадресован после его изгнания Святославом из Киева в 1073 г.

Существует несколько южнославянских списков XIII–XIV вв. и большое число (более двадцати) русских XV–XIX вв. рукописей, так или иначе восходящих к болгарскому оригиналу и его русской копии 1073 г. (см.: *Творогов О. В.* Изборник 1073 г. // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 194–196*). Сохранился также

ряд греческих рукописных сборников, по составу близких к тому, который был переведен в Болгарии при царе Симеоне. Древнейшие из них относятся к концу IX – первой половине X в. и указывают на Константинополь как на место своего создания: «прото-Изборник» переписывался в крупнейших столичных скрипториях, Патриаршем и Имперском, где, по всей вероятности, и был в IX в. составлен (см.: *Каврус Н. Ф.* Греческие списки протографа «Изборника Святослава 1073 г.» конца IX – первой половины X века (палеографический анализ) // *Византийский временник*. М., 1990. Т. 51. С. 103–105; *Бибииков М. В.* 1) Сравнительный анализ состава «Изборника Святослава 1073 г.» и его византийских аналогов // Там же. С. 92–102; 2) Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г. // Там же. Т. 53. С. 106–123).

В Изборнике 1073 г. содержится, как установлено, более 380 статей, принадлежащих 25 авторам (см.: *Жуковская Л. П.* Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. (в научном аппарате к факсимильному изданию)). Основной же его объем (л. 27–223) занимают «Анастасиеви отъвъѣти» – так называемые «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита (VII – начало VIII в.), представляющие собой свод выписок из Священного писания и отцов и учителей церкви (Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Максима Исповедника и множества других). Им предшествуют и за ними следуют выдержки из сочинений Кирилла Александрийского, Иустина Философа, Михаила Синкелла, Ириней Лионского, Августина и ряда других выдающихся христианских писателей. Здесь мы видим старейшие в русской письменности отрывки из «Лествицы» Иоанна Синайского, статью «Об образах» (трактат о поэтике) Георгия Хировоска, древнейший русский список ложных книг, «Лѣтописецъ въкратъцѣ отъ Авѣгуста даже и до Константина и Зоя, цесарь грѣчьскихъ», и многое другое. Круг освещаемых Изборником 1073 г. областей знания поразительно широк: наряду с догматическим богословием и вопросами христианской нравственности тут и антропология, и философия, и математика, и филология, и естествознание, и история... Как в Болгарии X в., так и в Киевской Руси XI–XIII вв., а затем –

особенно! – в Руси Московской XV–XVII вв. Изборник 1073 г. служил, можно сказать уверенно, энциклопедией, освещавшей самые главные вопросы христианской культуры.

Первой в нашей выборке из Изборника 1073 г. воспроизводится статья «Немесия епискупа Емесьскаго отъ того, еже “О естъствѣ чловѣчьствѣ”», находящаяся на л. 132 об. –134 об. Изборника. Это извлечение из книги «О природе человека» Немесия, епископа г. Эмесса (ныне город Хомс) в Сирии, жившего в IV–V вв. Твердо верующий и ясно мыслящий христианин, Немесий Эмесский был человеком ученым, широко образованным и хорошо владеющим пером. Главная особенность его книги – соединение богатых античных научных знаний о человеке и его природе с христианским о нем представлением. Хорошо знакомый с учениями Платона, Аристотеля, Гиппократов, Галена, стоиков, неоплатоников, Немесий ясно их излагает и трезво оценивает с церковной христианской точки зрения. Таким образом, с помощью античной науки и философии, опираясь на Библию и на своих христианских предшественников, прежде всего на автора трактата «Об устройении человека» Григория Нисского, Немесий Эмесский разрабатывает важную часть христианской культуры – христианскую антропологию. В VIII в. его книгу использовал при создании «Точного изложения православной веры» Иоанн Дамаскин, а в XI в. при написании «Диоптры» – Филипп Монотроп. Книга Немесия была переведена на армянский язык и дважды (в XI и XII вв.) на латынь.

Представленный в славянском переводе текст Немесия является выборкой из первой главы его книги. Мы имеем возможность сопоставить его с текстом современного русского полного перевода книги Немесия по изданию: *Немесий, епископ Эмесский. О природе человека* / Пер. с греч. Ф. С. Владимирского; предисл. Н. В. Шабурова (Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла). 1996. С. 24–36 (далее – Немесий). В комментариях мы укажем, что и как переводчиком сокращено.

Воспроизводимые далее главы с философскими разъяснениями и определениями занимают в Изборнике 1073 г.

л. 222 об.–237 об. и представляют собой окончание «Вопросо-ответов» Анастасия Синаита и следующие за ними отрывки из сочинений Феодора Раифского, Иоанна Дамаскина и неизвестного автора. Это установил французский русист Ж. Жоанне (см.: *José J. Les chapitres de définition philosophiques dans l'Izbornik de 1073 (Édition gréco-slave) // Révue des études slaves. Paris, 1991. LXIII/1. P. 55–111*). В поисках греческого текста, наиболее близкого к славянскому переводу, Ж. Жоанне исследовал шесть греческих манускриптов IX–XV вв., из которых наиболее схожим по содержанию с Изборником 1073 г. оказался кодекс Парижской Национальной библиотеки Coislin 120 начала X в. Перевод философских глав на современный русский язык осуществлен нами с помощью греческого оригинала, напечатанного проф. Ж. Жоанне (*Ibid.*, p. 61–111); используем также предложенное им членение текста.

* * *

ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ

Немесия епископа емесского из сочинения «О естестве человеческом»

О человеке знаю: изначально мы полагаем, он не был ни смертным, ни бессмертным, но находился на границе той и другой природы: чтобы, если последует плотским несовершенствам, подвергся бы и плотским соблазнам; если же предпочтет то, что связано с душой, удостоился бы блага бессмертия. Ведь если бы Бог изначально сотворил его смертным, то не осудил бы его, согрешившего, на смерть. Ибо смертного смертью никто не наказывает. Если бы, опять же, – бессмертным, то он не нуждался бы в телесной пище, да и Бог так быстро не раскаялся бы и бывшего бессмертным не сделал бы тут же смертным. Это видно ведь и по согрешившим ангелам: согрешив, они остались, в соответствии с первоначальной природой, бессмертными, ожидая иного суда за согрешения, а не смерти. Потому дело следует понимать или таким образом, или же, что сотворен он был смертным, но, постепенно совершенствуясь, мог стать бессмертным, то есть был бессмертным в потенции. Поскольку же не было ему на пользу прежде достижения совершенства знать свою природу,

Бог запретил ему вкушать от древа познания. Были ведь, да и теперь еще есть, великие силы в плодах; а тогда, как всегда в начале, они проявлялись наилучшим образом и имели более эффективное действие. Да ведь и вкусен он был, тот плод, который давал знание своей природы. Не хотел же Бог его дать, чтобы человек не узнал своей природы до того, как стал совершенным, и, осознав, что ему многого недостает, не стал бы заботиться о телесных нуждах, оставив заботу о душе; по этой причине и возбранил Он ему вкушать от плода познания. Ослушавшись же и осознав себя, тот отпал от совершенства. Он стал думать о плотской потребности, ибо тут же начал искать себе одежду. Писание ведь говорит: «Уразумел, что он наг». Прежде же он был в состоянии вдохновения, каким его сотворил Бог, и в неведении о себе. Отпав же от совершенства, он отпал и от бессмертия, каковое впоследствии вновь получает благодатью сотворившего его.

После отпадения человеку позволена была мясная пища. Раньше ведь Бог велел ему довольствоваться только плодами земли. Они ведь были и в раю. А когда он лишен был совершенства, ему было попущено и прощено есть мясо. Требуется ведь человеку снедь и питье, потому что они проходят и выходят. Ибо истощается живое существо через видимые и невидимые отверстия, так что необходимо или приносить на место истощаемого равное, или живому существу быть уничтоженным из-за недостатка входящего. Поскольку истощаются сухое и влажное вещество и дыхание, жизнь нуждается в сухой и влажной пище и в дыхании. Еда же наша и питье состоят из тех же элементов, из каких мы составлены. Каждый ведь питается тем, что ему подобно, а противоположным лечится.

И ведь не только красоты ради, но и для того, чтобы человек превосходил все живые существа более тонким чувством осязания, не возложены на нас ни толстая кожа, ни волосы, как у животных, и потому нам нужны подходящие одежды – и на случай плохой погоды, и из-за причиняемого зверями вреда. А из-за дурного соотношения органических соков, качественных изменений и данного телу чувства

потребовались врачи и лекарства. Если бы мы не имели чувства, то не испытывали бы боли; не страдая, не старались бы лечиться и погибали бы в неведении, не исцеляя опасного повреждения. А сперва нам ничего этого не требовалось, ибо бессловесные животные не смели вредить человеку, а он мог всех их поражать, и все было ему покорно – пока он удерживал свои страсти. Побужденный же ими, он был побежден и внешними подобными им зверями. Вместе с грехом пришел ведь и происходящий от них вред. А что это истина, показывают нам проводившие добрую жизнь люди, не претерпевшие вреда ни от кого из таковых, – как Даниил от львов и Павел от змей.

И кто достойным образом не подивится благородству этого живого существа, которое связывает в себе смертное с бессмертным, словесное с бессловесным, нося умом в своем естестве образ всего сотворенного, и потому называется «малым миром»? Такой чести сподобился он от Бога и Промысла, что ради него – и настоящее, и будущее, и Бог стал человеком, и он – Божие чадо, на небесах царствует, по образу и подобию Божию созданный, с Христом пребывает, выше всякого начала и всякой власти восседает. Кто может словами выразить то, что ему свойственно? Ведь он переплывает громадные пучины, проходит мыслью сквозь небеса, постигает движение, отстояния и величины звезд, работает на земле и в море, не боится ни зверей, ни китов, владеет всякими наукой и искусством, на расстоянии в письмах беседует с кем хочет, нисколько не ограничиваемый телом, предсказывает будущее, над всем начальствует, всем владеет, всем питается, от всего дары приемлет, ангелами храним, с Богом беседует, бесам запрещает, природу сущего исследует, Бога постигает, бывает домом и храмом Божиим и причастником Его царства.

Максимово о различии сущего и природы, согласно внешним мудрецам

Наименование «сущее» есть обозначение бытия просто сущих, т. е. самого существования существующего: сущими называются ведь и ангел, и камень, и все прочее. На это просто существование, которому все причаствуют, и указывает наименование «сущее». Наименование же по природе

разъясняет вид движения просто сущего; все ведь видится в движении, и нет среди бытующего ничего неподвижного. Сущим называют, таким образом, бытие просто сущих, природой же – движение просто сущих.

Оно бывает пяти видов: умственное, словесное, чувственное, растительное и бездушное. Умственное – это как у ангелов, сообщающихся друг с другом своими мыслями; словесное – как у людей, посредством названий и высказываний обнаруживающих обращенные вовне невидимые движения души. Чувственное же – у бессловесных, ибо наряду со способностью питаться, расти и рожать они обладают способностью чувствовать. Растительное же – у растений, ибо и они движутся в соответствии со способностью к питанию, росту и рождению. Бездушное же – как у камней, поскольку и те движутся относительно качества и места: относительно качества – нагреваясь и охлаждаясь, а относительно места – будучи извне перемещаемы с места на место.

Таково представление об этих терминах внешних мудрецов. Церковные же учителя пользовались этими терминами безразлично и то же сущее называли природой, как и ипостась – лицом.

Феодора, пресвитера Раифского, о том же

Термин «сущее» – я говорю о самом имени, наименовании, – мы вообще не находим в божественном Писании. По большей части этим словом пользуются как названием имущества, говоря, кто какое имеет добро, например дом, стада и прочие вещи. Именно так по народному обычаю мы называем состояние владельца, соответственно чему много стяжавшего называем богатым как «многоимушим» букв.: «многосущим». Также и Писание говорит «люди богатые», т. е. «приобретшие», и «Израиль в богатство ему», т. е. «в имение» и «в приобретение».

Словесный же обычай, зная, что слово «сущее» происходит от глагола «существовать», назвал сущим саму конкретную вещь: ибо «сущее» является общим названием для всего существующего. А это сущее делится на относящееся к сущности и случайное.

Определяют же относящееся к сущности так: сущность есть общее и неопределенное имя для всех находящихся под ней ипостасей, на каковые оно распространяется с равным правом и к каковым применяется синонимически. А также: сущность есть то, что называется находящимся над ипостасями и одинаково и с равным правом во всех них усматривается. А также: сущность есть нечто существующее само по себе, в другом для существования не нуждающееся, т. е. сущее в себе, а не имеющее бытие в другом, как это бывает со случайным.

Случайное же есть нечто, неспособное существовать само, но имеющее существование в другом. Ибо сущность есть основа, как материя для вещей, а случайное – нечто, в существе усматриваемое, как например образ у тела. Ведь не тело существует у образа, но образ у тела. Так что тело является сущностью, а образ – случайностью.

Так же соотносятся душа и мудрость: ведь не душа у мудрости, но мудрость у души. Потому не говорится «тело образа» или «душа мудрости», но «образ тела» и «мудрость душевная». Так что душа является сущностью, а мудрость случайностью. Ибо, когда погибает душа, гибнет и мудрость; а когда погибает мудрость, душа вовсе не погибает, ибо душа может существовать и без мудрости. Так что все самостоятельное, что имеет бытие в себе, а не в другом, является сущностью.

Она бывает вещественной или невещественной. Вещественны земля, вода, воздух, огонь и из них состоящие: камень, растение, одушевленное тело. Невещественны же ангел и словесная душа. Таковое, как я сказал, называется сущностями. Творец же их – Бог.

О природе

Природа есть начало движения и покоя каждого из сущих. Так, земля движется, когда растит, животворит плоды и изменяется; и покоится, оставаясь при передвижении с места на место совершенно неподвижной и неспособной к движению. Начало этого движения и покоя, свойственное земле существенным образом, т. е. естественным, а не случайным, называют природой. Это не сами движение и покой, но начало,

т. е. причина, согласно которой не случайно, но согласно своему существу существа движутся и пребывают в покое.

Определяют ведь сущность, как мы говорили, как все существующее само по себе и ни в чем другом, чтобы существовать, не нуждающееся; природу же – как начало движения каждой сущности и присущего ей покоя. И внешние мудрецы говорили о различии сущего и природы, сущим называя бытие вообще, природой же сущность, которой субстанциальными различиями придана форма и которая наряду с бытием вообще имеет определение как существовать, словесно или бессловесно, смертно или бессмертно, т. е. сами те, как мы говорим, неизменные и непреложные начало, причину и силу, которые сообщены Творцом каждому виду для движения: ангелам – чтобы разуметь и без произносимого слова передавать мысли друг другу; людям – чтобы разуметь, рассуждать и с помощью произносимого слова передавать друг другу сердечные помышления; существам бессловесным – жизненное и чувственное и дыхательное движение; растениям – способность питаться, возрастать и порождать; а камням – нагреваться, охлаждаться и быть перемещаемыми с места на место чужой силой. Это движение назвали бездушной природой. Иначе говоря, бытие вообще назвали сущим, а то, что объемлет ипостаси, наименовали природой.

Святые же отцы, оставив эти долгие распри, сущим и природной формой называли общее и многими упоминаемое, т. е. наиболее общие виды, как то ангел, человек, лошадь, собака и тому подобное. Ибо слово «сущность» происходит от «существовать», а «природа» – от «родиться» букв.: «естество» – от «есть». «Быть» же и «родиться» – это одно и то же: оба ведь означают существование. А «образ» и «вид» означают то же, что «естество». Частное же они называли индивидуальностью, лицом и ипостасью, как то: Петр и Павел. Ипостась же означает наличие сущности вместе со случайностями, самостоятельность существования и – благодаря чувству, иначе говоря, благодаря действию – воспринимаемость.

Название «природа» более знакомо Писанию. Ведь сказано: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают» и «Заменили естественное употребление противуестественным». А говоря, опять же: «И были по природе чадами гнева, как и прочие», – оно использует слово «природа» не в этом смысле по природе и сущности мы ведь не таковы, поскольку это означало бы погрешность Сотворившего, но имеет в виду устойчивую любовь к злу и долговременное злонравие, переданное от отцов детям и, в нас, так сказать, укоренившись, преобразовавшееся в природу, так что апостол по праву сказал здесь о природе.

Так же следует понимать и сказанное Соломоном: «Суетны все люди естеством, у которых нет знания о Боге». А когда он говорит: «Ведь, художница всего, научила меня Премудрость» знать «устройство мира и действие стихий», «естество животных и гнев зверей», – он использует слово «естество» в собственном смысле. Так же точно и божественный Иаков сказал: «Всякое естество бессловесных укрощается естеством человеческим»; и Петр: «Дабы вы сделались причастниками Божеского естества».

Об ипостаси

Ипостась есть явление, лежащее в основе и существенное, в котором, как в едином лежащем в основе, фактически и действительно реализуется совокупность случайностей. Наименование «ипостась» некоторым образом знакомо Писанию. Сказал ведь Иеремия: «Кто стоял в ипостаси Господа?», и апостол: «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его». Этимологически слово «ипостась» объясняется словами «находиться в основании» и «существовать». И кажется, что одно и то же означают слова «ипостась» и «сущность», но по внимательном рассмотрении обозначаемых этими словами явлений различие между ними не случайное, ибо сущность обозначает бытие чего-то общего, а ипостась особенного.

Так, все люди вообще имеют общее бытие, ибо равным образом все мы «живем и движемся и существуем». И каждый из нас имеет некие особенности, которыми отличается от других

людей, как то отечество, род, образ жизни, дело, болезни и тому подобное, что мы называем случайностями. Таковое отличает каждого из нас от прочих людей. Скажем, например, что Павел есть человек, как все люди, и потому ни он не отличается от других людей, ни другие люди от него. Но поскольку он из Тарса, из колена Вениамина, и назывался и Савлом, и Павлом, и он апостол, и другое что-то такого рода может быть сказано о нем, то от прочих людей он отличается. Все таковое рассматривается как относящееся к ипостаси, и сам предмет, т. е. Павел, когда имеется в виду только его бытие, называется сущностью, а когда – и то, о чем сказано выше, тогда – ипостасью. И название «сущность» не охватывает ипостась, а ипостась полностью содержит и сущность.

О личности

Личность есть то, что ясно проявляется в своих действиях и свойствах и отличается от родственных ей существ, как например Гавриил, беседующий с Богородицей: будучи одним из ангелов, лишь он один, придя туда, беседовал с ней, – отличившись от единосущных с ним ангелов тем, что пришел на то место и беседовал. И Павел, будучи одним из людей, отличался от прочих людей, когда вел беседу на ступенях, своими свойствами и действиями. Ведь благодаря появляющемуся у нас знанию о чьей-то деятельности самого того, кто действует, называют личностью. Кажется, это означает то же, что «ипостась», мало или ничем от нее не отличаясь.

Следует сказать вместе с Василием Великим, что «сущность имеет такое же отличие от ипостаси, какое общее – от частного». Но поскольку различие между общим и частным внешние мудрецы объясняют по-своему, наши же богومудрецы по-своему, надо разъяснить и это.

Внешние мудрецы называют сущее первым из всех видов и родов и последовательно делят его следующим образом. Из сущего, говорят они, одно телесно, а другое бестелесно; из телесного же одно одушевленно, другое неодушевленно; а из одушевленного одно является животным, а другое животное-растительным, третье растением. Растения называются одушевленными как имеющие способность питаться и расти.

Животно-растительными называют тех, что питаются и чувствуют прикосновения, но неподвижны и ходить неспособны, как черепокожие в водах. Животные же – это те, что питаются, чувствуют и способны передвигаться с места на место. А из животных, далее, одни, говорят, словесны, а другие бессловесны: из словесных же одни смертны, другие бессмертны. Животное словесное – человек, каковой различается на данного и на каждого человека.

Сущее называют высшей степенью рода. Ибо родом называют то, о чем говорится применительно к разным видам, видом же – стоящее под родом. Высшей среди степеней рода является у них сущее, поскольку оно – род всех родов, и как таковое – высший род. Но о роде говорится в трех смыслах: во-первых, как о потомках родоначальника, как потомков Израиля называют израилитами; во-вторых, – от отечества, как жителей Иерусалима называют иерусалимлянами; в-третьих, говорят о роде как о разделяющемся на виды, определяя каковой, и говорят: род есть то, что обнаруживается по многому подобному видом, – при определении, что это такое.

И «вид» имеет два значения. Ибо видом называется образ и форма в смысле, например, образа статуи. Видом также называется стоящее под родом, иначе говоря, нечто от рода отделяемое. Так что род разделяется на виды, вид же есть отделяемое от рода, т. е. от сущности, и таковым является индивидуум. Индивидуумом он называется потому, что не может разделиться на многое; так, Петр является одним, и не может быть много Петров, и он не может быть усматриваемым во многих. Существует, таким образом, высшая степень рода, или общая, т. е. называемая общей для многих, сущность, тогда как индивидуум есть нечто частное, т. е. ограниченное собой, о чем совершенно невозможно сказать как о многом. Потому и Василий Великий сказал, что разница между сущностью и ипостасью такая же, как между общим и частным, поскольку «общее» говорится о многом, а «частное» о чем-то одном.

Таково, согласно внешним мудрецам, это разделение. Наши же учителя как служители краткого Евангелия, оставив это многословие, создали легко воспринимаемое и постигаемое

учение. То, подлежащее определению, смежное и соседствующее с индивидуумами, что внешние мудрецы называли особым видом, божественные отцы нарекли сущностью, или природой, а индивидуум наименовали ипостасью, или лицом. Ипостась и лицо есть частичная сущность. Частичной мы ее называем потому, что она не общая, но частная, и указывает на одного лишь такого-то, и чем-то осуществляемым и называется и является. И ипостась подобно сущности наряду с частным имеет общее и по имени, и на деле. Так, Петр есть ипостась, но – и некая сущность, ибо он – такой-то, т. е. определенный человек, а не человек вообще. Итак, ипостась есть сущность, но сущность некая.

Следует заметить, что это утверждение не имеет обратной силы: ведь оттого, что ипостась есть сущность, сущность не становится ипостасью; и оттого что Петр – человек, имя Петра не распространяется на человека вообще. Есть ведь Петр-Симон, сын Ионы из Вифсаиды Галилейской, Христов апостол; именно таким окажется и человек вообще, если человек – это Петр. Но утверждения «Петр – это человек» и «человек – это Петр» необратимы; равно как и «ипостась – это сущность» и «сущность – это ипостась». А потому название «сущность» наряду с вещами получает и ипостась, сущность же от ипостаси не получает ничего. Отличие сущности от ипостаси, как представляется, по божественному Василию, таково же, каково – общего от частного, поскольку сущность упоминается при определении находящихся под ней ипостасей, а ипостась – ни при чем.

Если мысленно убрать сущность, совершенно исчезнет вместе с ней и ипостась, ибо тогда не будет человека вообще, ни Петра, ни Павла. А при исчезновении ипостаси сущность вовсе не исчезает: при исчезновении Петра не исчезает ведь человек вообще. Опять же, при появлении ипостаси обязательно появляется и сущность, ибо, подумав о Петре, мы думаем и о его сущности, – что он человек. Когда же появляется сущность, не обязательно появляются все ипостаси, в связи с которыми о ней говорится: ведь при существовании человека

вообще не необходимо быть Петру, пока человек полностью усматриваем в Павле и Иоанне.

Сущее может быть представлено только определением. Ведь если ты спросишь меня, что такое сущность человека, я тут же скажу тебе его определение: человек есть словесное смертное животное, отчасти воспринявшее противоположности, – и этим определением я полностью представляю тебе сущность человека. Ипостась же невозможно представить определением, но только – описанием. Если я захочу представить тебе какого-то человека, например Иоанна Предтечу, мне необходимо будет описать его таким образом: Иоанн, сын Захарии и Елизаветы, вскормленный в пустынях, лицом белый, черноволосый, высокий, одетый в верблюжью шерсть и имеющий на бедрах кожаный пояс, питающийся акридами и медом диких пчел, пророк и креститель, обезглавленный Иродом. Все это и тому подобное характеризует ипостась, и тем самым ипостась описывается.

Сущность с сущностью не обязательно имеют совпадения, но обязательно – различия; ипостась же с ипостасью обязательно имеют и совпадения и различия.

Сущность с сущностью соединяются в синтезе, ипостась же с ипостасью не соединяются, но сопоставляются.

Сущность, соединенная с другой сущностью, образует единую ипостась; ипостась же, приставленная к ипостаси, образует не сущность и не ипостась, но нечто умозрительное, как то народ, хор, толпу и тому подобное – вроде того, о чем говорится в Писании как об «ипостаси» и «ипостеме» иноплеменников: такого же рода выражения мы получаем, меняя предлог, ибо «ипо» ставится на место «сис», например: «ипостась», «ипостема», – вместо «систасис», «система».

На деле, в действительности, соединенные природы разделяются только мысленно; соединенные же ипостаси, напротив, объединяются только мысленно, на деле же, в действительности, друг от друга отделены.

Сущность никогда от себя не отличается, ипостась же имеет много отличий от самой себя.

О различии

Различие есть то, что усматривают у многого, различающегося видом, решая, что это такое. Различие есть то, что отличает вещи друг от друга, благодаря чему они и определяются. Говорят о трех видах различия: общем, особенном и в высшей степени особенном. Невозможно ведь найти два какие-либо объекта, не отличающиеся в чем-то друг от друга. Одни различаются видом, другие ипостасью – от единовидной и единосущной ипостаси, третьи – ипостасью от самой себя. Вид человека отличается ведь от вида лошади, как словесный от бессловесного. Отличие же словесного и бессловесного называется сущностным. Подобным образом все, чем отличается вид от вида, называется или природным, или сущностным, или относящимся к составу, или видотворящим отличием, или качеством, каковое внешние мудрецы называют в высшей степени особенным отличием, как нечто более собственное и представляющее природу, например: «словесное» и «воспринимаемое чувствами». И опять же, человек отличается от человека и лошадь от лошади, ибо один высок – другой низок, один стар – другой молод, один человек мудр, а другой глуп. Все это называется присущими различиями и качествами, зависящими от случая.

О случайном

Случайным является то, что возникает и исчезает без какого-либо вреда субъекту, т. е. не является сущностным, но состоит в подлежащей сущности. И это может быть или не быть с кем-либо: может ведь человек быть белым и не быть белым, а также быть или не быть высоким и мудрым и другим подобным.

Случайное разделяется надвое: на общие и на частные отличия. Общее отличие есть отличие отделяемое, например один сидит, а другой стоит; но возможно ведь, если сидящий встанет, а стоящий сядет, что их отличительные свойства от них отделятся и они ими поменяются. От себя, говорят, человек отличается отделяемым случайным свойством: ведь он отличается от себя, сидя или стоя, будучи молодым или старым, болея или здравствуя, и так далее. Отличие же в собственном смысле слова есть неотделимое случайное

свойство, например кто-то светлоглаз и темнокож и тому подобное: отделиться от этого ему ведь невозможно. Именно неотделимыми свойствами ипостась отличается от ипостаси, но ни в коем случае не сама от себя.

Об особенном

Особенное есть то, что принадлежит всему и только одному виду и существует всегда. Особенное есть то, что не составляет сущности того, в чем существует, и не полностью воспринимает смысл его природы. Можно сказать, что особенное и своеобразное суть одно и то же. Так, своеобразием человека является способность ходить, держась вертикально, и смеяться. Хоть это и называется особенностью человека, но не входит в определение его сущности. Определяя здесь, что такое человек, скажу: животное словесное и смертное, – и полностью представлю, что он такое, не имея нужды говорить, что он прямоходящий и способен смеяться. Особенным должно называться главным образом то, что, будучи добавляемо, не оказывается избыточным, а не будучи добавляемо, не создает недостатка.

Особенное разделяется на четыре вида. Во-первых, это то, что присуще одному виду, но не каждому его представителю, как, например, измерение земли человеку, ибо лишь человек измеряет землю, но не всякий человек землемер. Во-вторых, это то, что свойственно каждому, но не только, как, например, двуножие, ибо всякий человек двуног, но не всякий двуногий – человек: существуют ведь и голуби и тому подобные. В-третьих, это то, что свойственно всякому человеку и только ему, но не всегда, как способность сидеть, ибо это приложимо к каждому и только к человеку но не всегда, а в старости. В-четвертых, это то, что получается при объединении трех первых, т. е. свойственно каждому, только и всегда, и что служит признаком, как, например, способность смеяться – признаком человека, а способность ржать – лошади, – о чем говорится как о свойстве присущем, ибо это особенность одной природы и она указывает на определяемое.

О свойстве и недостатке

Свойство – это соответствующие природе каждого действие и целостность, например для души это – целомудрие, мужество, мудрость, справедливость; для тела – исправность, пропорциональность членов и здоровье. Неполучение же, недостижение и полное уничтожение этого называются недостатком. Свойство отличается от состояния, потому что свойство изменяется с трудом, а состояние, в отличие от свойства, изменяется легко. Ибо свойство есть некое трудноподвижное и с трудом изменяемое качество, состояние же – качество, зависящее от конкретного случая. Ведь мы говорим, что такой-то враждебно или дружески относится к такому-то или что такой-то человек теперь здоровее, чем был прежде.

О величине и о количестве

Количество есть мера и число, измеряющие и исчисляющие, а величина – подлежащее числу и мере, т. е. измеряемое и исчисляемое. Из величин же одни делимы, а другие непрерывны. Делимые – это отделяемые друг от друга, как тридцать камней или десять фиников, ибо они отделимы друг от друга и называются исчислимыми, если только по причине малости и множества не будут измеряемы сосудом или чем-то в этом роде, как пшеница и тому подобное. Непрерывное же – это когда измеряемое является единым подобно единому дереву, которое оказывается длиной в два или три локтя, или же камню, или чему-то в этом роде, что измеряется как единое, и потому говорится о величине измеряемого.

Итак, о величине, или количестве, говорят применительно к числу, значению, времени и размерам. Пример числа: один, два, три и так далее. Пример значения: малое, большое, статир, талант и тому подобное. Пример времени: час, день, месяц, год. Пример измерения: длина, ширина, глубина.

О качестве и о качественной определенности

Качество есть способность, свойственная сущности, например, если говорить о родах, то это различия, свойственные их существу, как то способность к слову, смертность, бессмертие и тому подобные. Применительно же к бестелесным словесным существам это разумность, свобода

воли, вечное движение. А применительно к телам это цвет, например белый, черный, желтый и тому подобные; и форма, как то круглая, прямая, кривая, четырехугольная и им подобные. И опять же: влажность, сухость, теплота, холодность, мягкость, твердость, рыхлость, плотность. И вкусовые ощущения, например острота, сладость, пряность и тому подобные. Таким образом, качество есть то, соответственно чему некоторые вещи получают прозвания как им обладающие: ведь от мудрости обладающий мудростью называется мудрецом и горячим называется то, что имеет жар. Часто и о самом качестве говорят «какое», как о количестве – «величина».

Видом качества являются сила и энергия; то, что не является энергией, обладает природными способностями и силой. Говорится ведь об одном – «по способности», а о другом – «по свойству», т. е. по действию. «По способности» – когда речь идет о том, что ребенок в состоянии быть грамотным, поскольку у него есть способность стать грамотным. «По свойству» же – когда речь идет о пребывающем в покое грамматике: отдохнув, он может показать свое искусство. Это схоже с пшеничным зерном, ибо оно некоторым образом представляет собой колос, поскольку, будучи посеяно, производит колос, но по действию оно является не колосом, но хлебом. И теплое по действию не является ни холодным, ни горячим; в потенции же холодное обязательно – в той мере, в какой способно осуществиться, – холодит, а горячее греет. И опять же, ребенок не имеет ни добродетели, ни порочности, в потенции же он есть полностью то, чем он может стать. Потенцией силой называется и мощь, и войско.

О том, что к чему-то относится

Относящимся к чему-то является то, что, существуя, называется принадлежащим другому, поскольку они указывают друг на друга. Таковы, например, так называемые отношения отца к сыну, друга к другу, ученика к учителю и хозяина к рабу: ведь одни имеют отношение к другим и другие к ним имеют отношение, почему это и именуют «отношениями». Отношением к чему-то является и то, что говорится при сопоставлении, например: «большее», «двойное», «лучшее», «более острое».

Это ведь говорится при сравнении с другим; так, большее является большим относительно меньшего, а двойное двойным относительно того, что составляет его половину, и прочее так же. К имеющему отношение к чему-то относятся также познание и познаваемое, разумение и уразумеваемое, причиняющее и причиняемое, чувство и воспринимаемое чувством, утверждение и утверждаемое. Такого рода определения, как сказано, обозначают отношение к чему-то, поскольку то, что существует, говорит о существовании другого или же имеет какое-то другое отношение к другому.

О противоположностях

По-настоящему противоположным является то, что появляется при устранении обратного, как то добродетель и порочность, зрение и слепота, и создает противоположности в смысле лишенности и обладания свойством. Зрение является ведь свойством, как происходящее от обладания, лишение же свойства, т. е. зрения, есть слепота, тут – утверждение и отрицание. Пример утверждения: «Павел – апостол»; а отрицание, наоборот: «Павел не апостол». А вместе они называются утверждением и отрицанием. И поскольку на всякое утверждение есть отрицание, а на всякое отрицание утверждение, то отрицание, противоположное утверждению, и утверждение, противоположное отрицанию, называются противоречиями, и по-необходимости одно ложно, а другое истинно. При устранении одного появляется другое: когда устраняется утверждение, появляется отрицание, и когда устраняется порочность, появляется добродетель, а когда устраняется слепота появляется зрение. Таковое называется противоположным, существовать одновременно неспособным; и только при полном устранении одного существует другое.

Об используемых определениях

При всяких определениях произносится и присутствует либо большее, либо равное, а меньшее – никогда. Большее – когда более общее служит для определения более частного. Ведь более общее находится выше, более частное ниже. Самым общим из всего является сущее, почему оно используется для определения всего. Ведь и сущность называется сущей, и

случайность называется сущей. Но мы не можем сказать, что сущее является сущностью, ибо не только сущность является сущим, но и случайность.

Подобным образом используют роды для определения видов, ибо виды более частны по сравнению с родами. Таким образом, сущность используется для определения животного, а животное для определения человека, ибо и животное является сущностью, и человек животным. Но это необратимо: ибо всякий человек животное, но не всякое животное человек. И лошадь ведь, и собака являются животными; и подобным образом всякое животное есть сущность, но не всякая сущность есть животное: ведь и камень, и дерево представляют собой сущность, но не являются животными.

Подобным образом вид служит для определения объемлемых им индивидуумов, или ипостасей, как более общее. Индивидуум же, или ипостась, не служит для определения вида, ибо ипостась представляет собой нечто более частное, нежели вид. Так что и Петр человек, и Павел человек, но не всякий человек Петр и Павел, ибо существуют и другие ипостаси под видом «человек». И разновидности служат определению видов, которые им принадлежат, и их индивидуумов. Ибо разновидности представляют собой нечто более общее, чем виды. Так, всякий человек словесен, но не всякое словесное существо – человек: ведь и ангел словесен, но не является человеком.

Это – что касается использования в определениях большего. При использовании же в определениях равного определения обратимы. Используются ведь в определениях характерные особенности видов, которым эти особенности принадлежат, но и виды используются для определения их особенностей. Так, всякий человек способен смеяться, и всякий способный смеяться – человек. Это называется взаимоопределяемостью.

О синонимическом и единоименном определении

Синонимическим определение является в случае, когда оно приложимо и к имени, и к предикату имени. Например: «животное» используется при определении человека, а

«человек» принимается и как имя, и как предикат животного. Животное же есть одушевленная чувствующая сущность. И к человеку приложимо это определение, потому что и человек представляет собой одушевленную и чувствующую сущность.

Единоименным же определение является в случае, когда к имени оно приложимо, а к предикату нет. В словах «образ человека» к имени «человек» оно приложимо, а к предикату человека не приложимо, ибо определение человека: «животное словесное, смертное, способное обладать умом и искусством», а образ не является ни животным, ни существом словесным.

О принадлежащих одному и тому же роду. одному и тому же виду, разным родам и разным видам, одной и той же ипостаси и различающихся числом

Единородным является то, что подпадает под одно и то же определение, например под определение сущности. То же самое – применительно к другим девяти категориям. Всего категорий ведь десять, иначе называемых высшими родами, к каковым возносится всякий звук или вообще произнесенное наименование. Вот они: 1) сущность, 2) количество, 3) качество, 4) по отношению к чему, 5) где, 6) когда, 7) делать, 8) претерпевать, 9) располагаться, 10) иметь. Из них «сущность» является основной, а остальные девять в основной содержащимися. Ведь в основе лежит сущность, а содержатся в сущности все остальные. Пусть «сущностью» будет, например, камень; «количеством» – например, два или три; «по отношению к чему» – например, отец к сыну; «качеством» – например, белый, черный; «где» – например, в Дамаске; «когда» – например, вчера, завтра; «иметь» – например, носить гиматий; «располагаться» – например, стоять, сидеть; «делать» – например, жечь; «претерпевать» – например, быть сжигаемым.

Разнородным же является то, что подпадает под разные категории: одному ведь роду принадлежат человек и лошадь, ибо оба они подпадают под понятие сущность. Разнородными же являются человек и художественность, ибо человек подпадает под понятие сущность, а художественность под понятие качество.

Единовидным же является то, что подпадает под один и тот же вид и общее определение сущности, например Петр и Павел, ибо оба они принадлежат одному и тому же виду, виду человека. Разновидным же является то, что различается видом или же определением сущности, например человек и лошадь. Но святые отцы единокровным и единовидным называют одно и то же – единосущное, или же ипостаси, принадлежащие одному и тому же виду.

Единоипостасное имеет место, когда две природы объединены в одной ипостаси и имеют составную ипостась и единое лицо, как то душа и тело. Разноипостасно же и различается числом то, что, по стечению случайностей, ограничивается особенностями собственной ипостаси, иначе говоря, то, что вследствие случайностей отличается друг от друга и получило бытие в самом себе отдельно, например индивидуальности Петра и Павла: ибо один – это одно, а другой – это другое.

О воипосташенном

А воипосташенное иногда означает бытие вообще – согласно каковому обозначению мы разумеем под воипосташенным не только простую сущность, но и случайность, каковая собственно не воипосташенна, но иноипостасна, – а иногда указывает и на саму по себе ипостась, или индивидуальность, каковая в собственном смысле слова является и называется не воипосташенной, но ипостасью.

Собственно воипосташенным является либо то, что не существует само по себе, но усматривается в ипостасях – так, вид, или же природа людей, в собственной ипостаси не усматривается, но – в Петре, Павле и ипостасях остальных людей, – либо что-то сложенное в своей сущности с чем-то иным в некое целое, являющее единое сложное бытие, например человека, составленного из души и тела. И только душа, и только тело не называются ипостасью, но – воипосташенными; а то, что получается из них обоих, есть ипостась обоих. Собственно ипостасью ведь является и называется то, что существует самостоятельно само по себе.

Воипосташенной называют опять же природу, воспринятую некоей ипостасью и в ней имеющую существование. И потому и плоть Господа, не существовавшая сама по себе ни одного мгновения, является не ипостасью, но, скорее, воипосташенной. Ибо она составила в ипостаси Бога Слова, будучи воспринята ею, и ее восприняла, и имеет ипостась.

О неипостасном

О неипостасном говорят в двух смыслах: иногда оно означает нигде никак не сущее, т. е. несуществующее, а иногда – не в себе имеющее бытие, но в другом, иначе говоря, случайное.

Максима о всущностном и воипосташенном

Всущностным является то, что наблюдается в сущности, т. е. совокупность случайностей, каковая являет ипостась, а не саму сущность. Воипосташенное же – то, что видимо в ипостаси. Сущность же, поскольку она существует, существует либо сама по себе, либо с чем-то другим, либо в другом. Сама по себе как сущность огня; с другим как душа и тело, – с иными ведь таковое имеет одну общую ипостась; в другом же как огонь в светильнике и как плоть Господа в Его святой ипостаси.

Ипостась являет того или то, а воипосташенное – сущность. Ипостась ограничивает лицо характерными свойствами, воипосташенное же означает, что имеющее бытие в другом не является случайным.

Ведь если то, что пребывает в чем-то, и то, в чем оно пребывает, одно и то же, тогда ты можешь сказать, что добродетель и человек, наделенный добродетелью, – одно и то же, и, по разумной обратимости, нет разницы между пороком и тем, в ком порок, так что его Создатель – создатель порока. И поскольку случайное – в сущности, получается, что случайное есть сущность и сущность есть случайное. И раз мы говорим, что человеческое тело наделено душой, по-твоему получится, что тело есть душа. Но кто же стерпит безумие этой путаницы?

Что не бывает сущности не воипосташенной, мы знаем, но не говорим, что воипосташенное и ипостась – это одно и то же, равно как и сущность и всуществленное; но всуществленной, как было сказано, мы называем ипостась, а воипосташенной

сущность. Ибо мы ведь знаем, что сущность святой Божественности воипосташена в трех ипостасях, а каждая из ипостасей равным образом всуществлена. Ведь они пребывают в сущности святой Божественности, и мы называем ипостась по божественному промыслу нашего Господа всуществленной как пребывающую в сущностях, из которых она и составила, а каждую из сущностей воипосташенной, ибо они имеют одну общую ипостась.

Ибо Его божественная плоть, заново в Его божественности составившаяся и принявшая эту ипостась, ни в коем случае не безипостасна и не принадлежит какой-то иной природе, помимо свойственных Христу; и каждая из них ни ипостасью не является, ни отдельно и отчасти не имеет ипостась; но обе они имеют одну и ту же ипостась.

Таким образом, «один и другой» суть местоимения ипостасей. А «одно и другое» – суть показатель естества, ибо различающееся природой называется «одно и другое». Мы ведь говорим: «Одно дело человек, и другое – лошадь», – имеется в виду, по природе; ведь один вид у человека, а другой у лошади.

Различающееся же числом, т. е. ипостаси, называются «один и другой». Мы ведь говорим: «Один – это Петр, а другой – Павел», а не: «Одно – это Петр, а другое – Павел», – ибо они одно по природе, но не по числу. А сущность и сущностное различие называются ведь «другое», случайное же – «иное», потому что оно созерцается в соединении с видом, или же в соединении с природой и ее составляет, ибо из случайностей составляется ипостась.

Его же о единении, –что десяти видов бывает соединение

Единство есть совместное схождение разъединенных вещей. О единстве говорится по причине совокупления вещей воедино. Говорят о десяти видах соединения: по сущности, по ипостаси, благодаря связи, благодаря соседству, благодаря слаженности, благодаря растворению, благодаря смешению, благодаря слиянию, благодаря ссыпанию и благодаря сращению.

Единство по сущности происходит с ипостасями, т. е. с индивидуумами; по ипостаси – с сущностями, как в случае души и тела; благодаря связи же, применительно к уму, – как при одном желании; благодаря соседству – как у досок; благодаря слаженности – как у камней; благодаря растворению – как у жидкостей, вина и воды; благодаря смешению – как в случае сухого и влажного, муки и воды; благодаря слиянию – как в случае растопленных смолы и воска; благодаря ссыпанию – как в случае сухих пшеницы и ячменя; и благодаря сращению – как в случае чего-то отрывающегося и возвращающегося снова на место, например огня в лампаде.

* * *

ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ

Немесия епискупа емесьскааго отъ того, еже «О естѣствѣ чловѣчѣствѣ»

Чловѣка вѣмъ испрѣва ни съмрътна, исповѣдаемъ,⁴¹³ ни бесъмрътна бывѣша, на прѣдѣлѣ же обоого естѣства: да аще убо вѣслѣдуетъ плѣтньныхъ врѣдовъ, то вѣпадетъ и вѣ плѣтньныя съвраты; аште ли душньныя паче почтеть, доброты бесъмрътья съподобитъся. Аште бо бы испрѣва съмрътна и Богъ сътворилъ, то не бы съгрѣшивѣша съмрътью осудилъ. Съмрътнаго бо съмрътью никтоже не осуждаетъ. Аште ли паки бесъмрътна, не бы крѣмля плѣтньныя трѣбовалъ, ни бы тако удобно покалялся и бывѣшааго несъмрътна съмрътна абие сътворилъ. Не бо и о съгрѣшивѣвшихъ ангелѣхъ се является, съгрѣшивъ, нѣ по прѣвому естѣству бесъмрътни прѣбыли быша, иного о съгрѣшениихъ чяюште суда, а не съмръти. Да уне убо есть или симъ образъмъ разумѣти прѣдълежащее, или яко съмрътньнъ убо сътворенъ бысть, могый же отъ прѣспѣяния съврѣшаемъ бесъмрътньнъ быти, рекъше, силою бесъмрътньнъ. Ельма же не бѣаше ему на пользу прѣжде съврѣшения разумѣти естѣство свое, отърече и не вѣкусити дрѣва разумьнааго. Бѣаху бо, паче же суть и еште нынѣ, силы вѣ овошти великы; тѣгда же, акы вѣ начяло, явленѣиша сушта, твѣрьждѣше имѣяху дѣйство. Бѣаше же убо и вѣкуснѣ кый плодъ разумъ вѣдая своего естѣства. Не хотяше же его Богъ, да прѣжде съврѣшения разумѣеть свое естѣство, да не, разумѣвъ

ся скуднѣ о мнозѣ сы, о плътнѣй прилежать потребѣ, оставивъдушный промыслъ: да и тоя вины дѣля възбрани ему прияти плодъ разумѣния. Прѣслушавъ же и разумѣвъ ся, съвършения отъпаде. При плътнѣй же потрѣбѣ оскудѣ, одежда бо абие възиска. Рече бо Писание: «Разумѣ, яко нагъ есть».⁴¹⁴ Прѣжде же въ ужаси и сътвори и въ невѣдѣнии себе. Отъпадъ убо съвършения, отъпаде и бесъмрътъя, и еже послѣ же прииметь благодѣтию Сътворѣшаго и.

По отпадении же и мясная пишта попуштена бысть. Прѣвѣ бо земельными тѣчю повелѣ ему довольну быти. То бо бѣаше и въ породѣ. Отъчаяну же бывъшу съвършену же, попуштениемъ уже проштено бысть ядение мясное.⁴¹⁵ Трѣбѣ бо есть челоуку брашно и питье, проходъ дѣля и исходъ. Истѣштаеть бо ся животъ и явленными проходы и неявленными, да нуждая есть убо или въ истѣщаемыхъ мѣсто въносити равная, или разорится животъ скудства ради въходящихъ. Сухомъ же сущемъ, и мокромъ, и духу истѣщаемымъ, нуждая есть сухая и мокрая пишта трѣбовати животу и духа. Есть же намъ крѣмля и питие отъ вещей, отъ нихъже съставлени есмы. Коеждо бо своимъ подобнымъ крѣмиться, супротивнымъ же ся врачуетъ.⁴¹⁶

Нѣ елма же не тѣчю лѣпотъ дѣльма, нѣ и доброчютия ради еже по посязанию, имѣже паче утягнеть всего живота челоукъ, не положи на насъ ни кожа дебелы, ни власъ, акы животъмъ,⁴¹⁷ да тѣмъ нужднѣ ризы трѣбны быша,⁴¹⁸ – и въздуховъ ради нестроинства, и звѣрьскихъ дѣля врѣдовъ. Зѣлаго же раствора ради и прѣмнѣ качювьствьныхъ и чювьства ради, данааго тѣлеси, врачеве и былия трѣбны быша. Аште ли не быхомъ имѣли чювьства, то ни болѣли быхомъ; ни цѣления трѣбовали, не боляште, и погѣбли быхомъ убо въ невѣсти, злаго врѣда не цѣляште.⁴¹⁹ А съпрѣва ничьсоже отъ сего не трѣбовахомъ, ни бесловеснии бо животи съмѣяху врѣждяти челоука, нѣ бѣаху ему вся поражати и покорена, – донѣдеже въздѣръжаше своя страсти. Дръжимъ же отъ нихъ, удръжанъ бысть и отъ вѣнѣшнихъ въ подобу звѣрий. Вѣлѣзе бо съ грѣхъмъ и сущии отъ тѣхъ врѣдъ. А якоже то есть истина, учять ны доброе житѣе прѣпроводивъшии и отъ такихъ

никогоже не врѣдивъшеся, акы Даниль отъ львовъ и Павль отъ ехиднь.⁴²⁰

Да кто убо достоинъ почюдиться добродѣтельству живота сего, иже съвязаетъ въ себѣ смрътная къ бесмрътнымъ, и словесная къ бесловеснымъ, носящую уму въ своемъ естествѣ въсея твари образъ, тѣмъ же и «малый миръ» наречеся? Толики же чѣсти отъ Бога и Промысла сподобися, яко того ради – и сушта нынѣ, и будущая, и Богъ человекъ бысть, и Божие чядо есть, на небесехъ царствуетъ, по образу Божию и по подобию бывъ, съ Христомъ прѣбываетъ, выше всякого начала и всякая власти сѣдитъ. Кто ли ему можетъ исповѣдати? Обилия пучины бо минуетъ, небеса проходитъ мыслю, звѣздная пошѣствия и расстояния и мѣры размышляетъ, землю дѣлаетъ и море, звѣрьское и китовское прѣобиди, всяко художество и хитрость управляетъ, чрѣсъ прѣдѣль кнѣгами къ нему же хоште бесѣдуе, никакоже от тѣлесе не ставляемъ, проричеть же будущая, всего есть старѣе, всѣмъ владе, всѣмъ питается, отъ всего дары приемлетъ, отъ ангель хранимъ есть, къ Богу бесѣдуе, бѣсомъ запрѣштаетъ, суштиихъ естество испытаетъ, Бога распытаетъ, дома и храмъ бываетъ Божии и причастникъ Того царства.⁴²¹

Максимово⁴²² о различии суштия⁴²³ и естества по вѣнѣшнимъ

«Суштное» убо имя назнаменование есть бытия просто суштиихъ, рекъше того самого сушта суштаго: наричють бо ся суште и аггели, и камыкъ, и прокая вся. Сему убо просто суштууму, егоже обыште вся приемлють, знаменъно есть «суштное» има. Естѣвнъное же имя обавление есть просто суштиихъ пошѣстья; въся бо въ пошѣствии видома суть, и ничьтоже нѣсть бес пошѣстья бывъшиихъ. Суштие убо наричетъ бытие просто суштиихъ, естество же пошѣстье просто суштиихъ.

Пятеро же образно есть се: или бо разумно есть, или словесно, или чувствъно, или растуштее, или бездушнъное. Разумна же – якоже се о аггелѣхъ, отъ самѣхъ тѣхъ разумъ другъ къ другу съближаются; словесно же – якоже се о человекѣхъ имени и словесы невидимая душъная пошѣстья къ дальнимъ обличая. Чувствъно же – еже въ бесловесныхъ

разумѣвается, къ крѣмяштий бо и растяштий, къ рашуштии силѣ и чувствѣннѣю имать. Растуштее же – еже въ садѣхъ: движать бо ся и та по крѣмяштий и растяштий и раждающийся силѣ, Бездущно же – акы о каменехъ, по немуже и ти движаться по качѣству и по кѣде: по качѣству же убо – якоже грѣтися и устыдати, а по мѣсту же – имѣже отъ мѣста на мѣсто инамолетяштее прѣложение.

Да си убо есть вѣнѣшнихъ о именехъ сихъ вѣра. Црѣкѣвнии же учители без различѣя имени сими бесѣдоваша, и то же суштее и естество нарекоша, якоже и собство – лице.

Феодора, презвутера Раифуисьскааго,⁴²⁴ о тѣхъжде

«Суштьное»⁴²⁵ убо имя самого реку имя и нарокъ, съпроста не сушта обрѣтоваамъ въ божѣствѣнѣмъ Писании. Бесѣдуетъ же приречениемъ симъ суштия многихъ обычай о назнаменуемыхъ имѣниихъ, еже кто имать дома и стада и прокыя вешти. То бо суштие имуштааго наричемъ простыхъ же обычаи, по немуже разуму иже имуть се обильнѣ богата наричемъ, рекъше «многосуштьнѣ».⁴²⁶ Тѣмъже и «люди богатыя»⁴²⁷ Писание наричетъ, сирѣчь прибрѣтенныя, и «Израиль въ богатство ему»,⁴²⁸ рекъше въ имѣние и прибрѣтение.

Словеснаа же бесѣда, вѣдушти «суштьное» имя отъ бытнааго слова прѣведоно, самоу вешть сущие⁴²⁹ нарече: небонѣ «сущьное» обѣште имя есть всѣхъ суштиихъ. Се убо суштее раздрабляется въ суштие и въ сълучая.

И уставляють же сущие сице: суштие есть имя обѣште и неуставно надъ всѣми яже подъ ними собства, равнѣчѣстнѣ водимо и съименнѣ оглаголаемо. И суштие есть еже надъ подлежащими собствы нарицается и въ всѣхъ тѣхъ тѣчно и равнѣо разумѣваемо. И суштие есть вещь о собѣ състояштися, не трѣбуюшти иного на бытѣе, сирѣчь въ себе сы, а не въ иномъ бытия имы, акы сълучай.

Сълучай же есть еже не можетъ въ себѣ быти, нѣ въ иномъ имать бытѣе. Сущие бо подлежаштее есть, акы вешти дѣлесемъ, сълучай же въ суштии разумѣваемо есть, рекъше тѣло и образъ.⁴³⁰ не бо есть тѣло въ образѣ, нѣ образъ въ тѣлѣ. Да тѣло убо есть суштие, а образъ сълучай.

Такоже и душа и мудрость: не бо есть душа въ мудрости, нъ мудрость въ души. Тѣмъже и не наричетъся «тѣло образово», ни «душа мудрости», нъ «образъ тѣлесный» и «мудрость душная». Есть убо душа суштие, а мудрость сълучай; души бо погубляемъ, погыбають и мудрость, мудрости же погубляемъ, не погубляется и душа; мощьно бо есть души быти и без мудрости. Да убо все еже о себе собьство имать и въ себѣ, а не въ иномъ имать бытие, суштие есть.

Бываютъ же си да или плътна, или бесплътна. Плътна же – земля, вода, въздухъ, огонь, и съложеная тѣми: камыкъ, садове, съдушно тѣло. Бесплътная же – аггелъ, душа словесная. Да се убо, якоже рекохъ, суштие наричуться. Сихъ же творьць – Богъ.⁴³¹

О естѣствѣ

Естьство есть начяло коегождо сущиихъ пошьстья же мльчания. Якоже земля двигаться убо, егда зябнуть и животворить плоды и прѣмънується, мльчить же прѣходомъ отъ мѣста на мѣсто бес подвижения сушти съпроста и бес поступа. Начяло убо такоже беспошьстья и мльчания суштьнѣ, рекъше естѣствнѣ, а не по сълучаю въ земли суште естьство наричетъ. Не пошьстья же и мльчания, нъ начяло, рекъше вину, по немуже не сълучай, нъ суштьнѣ суштия грядуть и мльчатъ.

Уставляютъ бо убо суштее, якоже глаголахомъ, все о собѣ сѣе и ничьсоже иного на бытие трѣбуя, естьство же начяло коегождо отъ суштиихъ пошьстья же и мльчания суштьна. Да вънѣшнии убо различье нарекоша суштия и естѣства, суштие убо рекъше еже просто быти, естьство же суштие въ видѣ створено отъ суштьныхъ различье и съ тѣмъ еже просто быти неже како бытие имѣти, или словесно или несловесно, или съмрьтно или несъмрьтно, рекъше само то, якоже речемъ, непрѣмънное и непрѣложное начало и вину и силу въложеную отъ Творьца коемуждо виду на пошьстье: аггеломъ убо якоже разумѣвати и без износимааго слова подаяти другъ другу помышления, человѣкомъ же яко разумѣвати и помышляти и износнымъ словемъ подаяти другъ другу срьдѣчная помышляния, бесловеснымъ же животное и чювьствное и прѣстанное пошьствье, садомъ же крѣмяштью и растяштью и

родьную силу, каменю же якоже грѣватися и истыдати и еже отъ мѣста на мѣсто инамошьственное прѣступание. Рекъше бездушное се нарекоша естество. Да тѣмъ простое бытие суштие нарекоша, а еже обьдржи собьства естество нарекоша.

Святии же отъци, оставивъше многыя сия пѣря, обьшнее и о многыхъ глаголемое, рекъше своитьныи видъ, суштие и естествонъ образъ нарекоша, рекъше ангела, или челоуѣка, или коня, или пѣса и другое сице. Небонъ и «суштие» «бытия» ради наричеться, не бо и «естество» имѣже «есть». Да еже «быти» и «есть» то то же есть: обое бо съказае бытие. И «образъ» же и «видъ» тожде назнаменае, еже и «естество». Частное же нарекоша нераздрабляемое и лице, собьство, рекъше Петра и Павла. Собьство же хоштеть имѣти суштие сълоучаемыми и о себе състоятися и чутѣмъ, рекъше дѣйствѣмъ, разумѣватисе.

Есть же имя естествоное въ Писании знаемѣе. «Егда бо, – рече, – языци закона не имуште естествомъ законная творять»⁴³² и «Прѣмѣниша естествоную потрѣбу на чрѣсъестествоную».⁴³³ Егда же паки речеть: «И бѣхомъ чяда естествоная гнѣва, якоже и мнози»,⁴³⁴ не по сему назнаменуемому естества глаголетъ – не бо естествомъ и суштиемъ таци есмъ, – аште ли то Творче бы прѣгрѣшение, нѣ иностанную и злую любѣве и многоврѣменное зѣлонравье и отъ отъць в дѣти прѣдаемо и, якоже се решти, имѣже въ насъ въкоренися то акы въ естество ся прѣтвори, да въ лѣпоту съде нарече естество апостоль.

Сице же е разумѣти и отъ Соломона реченое: «Безумни бо, рече, вси челоуѣци естествомъ, въ нихъже нѣсть Божья разума».⁴³⁵ Егдаже глаголетъ: «Всѣхъ бо хытрица научи мя Мудрость»⁴³⁶ вѣдѣти «съставъ съложение мира и дѣйство съставы»,⁴³⁷ «естества животъ и гнѣвы звѣрьскыя»,⁴³⁸ истовое естества назнаменование подае. Такожде же и божьственый Ияковъ рече: «Всѣ естество бесловесныхъ кротиться естествомъ челоуѣчскимъ».⁴³⁹ И Петръ: «Да будете Божья приобьштници естества».⁴⁴⁰

О собьствѣ

Собьство же есть вещь състояшися и суштна, въ немѣже сълучающтихъся съборъ, акы въ единой подлежащый вешти

и дѣйствѣ състоитъся. И собѣствѣное же имя и знаемѣе нѣкако есть въ Писании. Рече бо Иеремия: «Кѣто есть въ собѣствѣ Господни?»⁴⁴¹ И апостолъ: «Иже сы усяние славы и образъ собѣства Его».⁴⁴² Готовословлено же е собѣствѣное имя, имѣже «собомѣ състоитъся» и «есть».⁴⁴³ Да мнимо убо есть тожде назнаменуя «собѣство» и «сущіе» по зѣло опытноуму же разуму назнаменуемыхъ подѣ сими вещьми не простое есть къ себе симѣ розличье: сущіе бо обѣштину нѣкаку являє, собѣство же своитѣное.

Рекѣше, купно вси человѣци обѣште имуть бытѣе, небонѣ вси такожде «живемѣ и движемѣся и есмѣ».⁴⁴⁴ Имать же къждо насѣ своя нѣкая, имиже отѣлучаются отѣ человѣкъ, рекѣше отѣчство, родѣ, художество, дѣло, врѣди и такая, яже и сѣлучая наричемѣ. Да си убо разлучаютѣ коегождо насѣ отѣ прокыхъ человѣкъ. Рѣцѣмѣ убо, яко Павѣль человѣкъ есть акы вси человѣци, да по семѣ убо ни тѣ отѣ многихъ человѣкъ различіе имать, ни вси человѣци отѣ вѣсего. А понемуже Тарсеус есть, и колѣна Венѣаминя, и Саулѣ и Павѣль нарицѣшесѣ, и апостолѣ, еже ино о немѣ сѣповѣдано е сѣце, отѣ прокыхъ человѣкъ отѣлучаются. Се убо все о собѣствѣ разумѣваться, и тажде вѣштѣ, рекѣше Паулѣ, да егда убо бытѣе его смотритѣся тѣчю, то сущтѣе наричетѣся, егда ли сѣ прѣжеглаголаными, тогда и собѣство. То же «сущтѣное» убо имя не сѣпремле и собѣства, а собѣствѣное всако имать и сущіе.

О лицѣ

Лице же есть еже своими дѣйствы и свойствы явлено и отѣлучено отѣ единоестѣствѣныхъ ему подаѣтъ обличение, якоже се Гаврилѣ къ Богородици бесѣдуя: единѣ отѣ аггелѣ сы, единѣ ту пришѣдѣ, бесѣдоваше – отѣлучивѣся отѣ единосущтѣныхъ аггелѣ пришѣстѣемѣ на мѣсто то и бесѣдованиемѣ. И Павѣль, на степенѣхъ бесѣдуя,⁴⁴⁵ единѣ отѣ человѣкъ си, свойствы и дѣйствы его отѣ многихъ человѣкъ отѣлучаашесѣ. Да дѣйствѣмѣ убо бываяй въ насѣ разумнѣ о кѣмѣ лице то само еже дѣйствуе наричетѣся. Мнимо же есть нѣкако тожде знаменавати еже и «собѣство», или малы или ничимѣ же прѣмѣнно.

Да глаголется убо, якоже и святыи Василь, яко «се имать различье суштие съ собствѣмъ еже има общее къ своитѣнууму».⁴⁴⁶ Нѣ елма же общааго и своитѣнааго инако вѣнѣшнии мудрии творять разлучения, инако же суштии вѣ насѣ богомудрыци, подобно же и се есть съказати.

Да вѣнѣшнии убо прѣвое вѣсѣхъ видовъ же и родовъ суштие оглаголають и отъ того подобно творять раздѣлы сице: суштьное, глаголють, ово есть плѣтно, ово же бесплѣтно, и плѣтнааго же ово есть съдушъно, ово же бездушъно, съдушънааго же ово есть животъно, ово же живорастьно, ово же садъ. Съдушъны бо наричуть сады акы крѣмимую и растуштуу силу имушта. Животорастьная же наричуться елико же ся ихъ крѣмить и чуетъ посязаниемъ, бес подвига же суть и бес хождения, якоже суть чрѣпиноодеждъная вѣ водахъ. Животи же елико крѣмяться и чують и на мѣсто отъ мѣста шѣстье имуть. И животу же паки наричуть ово словесъно, ово же несловесъно; и словесънааго ово съмрътно, ово же несъмрътно. Животъ же словесънъ чловѣкъ, иже раздѣляться вѣ онѣсицу и вѣ коегождо чловѣка.

Нарицають обо суштее пачеродъный родъ. Родъ бо наричуть еже можетъ по различнымъ глаголатися видомъ, видъ же есть подѣчиняемое подъ родъ. Родъ убо пачеродъный есть вѣ нихъ суштие, имѣже то вѣсѣхъ родовъ родъ есть, се же есть родъ прѣродъный. Нѣ родъ на трое ся речеть: по единому убо образу отъ рожденааго, якоже отъ Издраила издраилите наричуться; по иному же образу – отъ отѣчества, якоже и отъ Иерусалима иерусалимляне наричуться; по третьему же образу родъ наричуть раздѣляемое вѣ виды, еже и уставляюште глаголють: родъ есть еже о многихъ и подобныхъ вѣ виду вѣ томъ, вѣ немѣже чѣто есть оглаголаемое.

И «видъ» же дѣвое назнаменуемое имать. Наричеть бо ся видъ и очрътение и образъ, якоже се кумиръное. Глаголетъ же ся паки видъ подѣчиняемое подъ родъ, рекъше отъ рода роздѣляемое. Да тѣмъ родъ убо есть еже ся роздѣляеть вѣ виды, видъ же еже отъ рода, рекъше суштия роздѣляется, еже есть непрѣрѣзаемое. Непрѣрѣзаемое же наричеться, имѣже не можетъ ся на много раздѣляти, рекъше Петръ единъ сы, не

можете мнози Петри быти или въ многихъ розумѣватися. Есть убо прѣродный родъ, рекъше суштие, обьште, сирѣчь обьште о многихъ глаголемое, неотърѣзаемо же своитно, рекъше въ себѣ състояся и о многихъ рештися не могы. Сего убо ради и Великий Василий се рече, суште различие сущю къ собьству, еже имать обьштее къ своитнууму, ельма же обьштее на многы, своитное же ни на когоже глаголется.

Да по вѣнѣшнимъ убо раздѣлъ сиць. Наши же наставници, оставивше многословие се, добросъмотрное же и доброразумно състроиша, якоже съкраштенааго Еуаггелия сушта слоужителю. Близное бо и ужичное неотърѣзаемыхъ оглаголаемо, еже своитнѣй видъ вѣнѣшнии нарекоша, се божествнии отци суштие рекъше естество нарекоша, нерасѣкаемое же собьство, рекъше лице нарекоша. Собьство же и лице суштее чястно есть. Чястно же рѣхомъ, имъже не обьште, нѣ своитно, и единого тѣчю оньсицу указая, и сущие имушта что нарицатися и быти. Такожде суштиемъ и собьствомъ и съ своитнымъ обьштее имы имя же и вещь. Рекъше Петръ собьство есть, нѣ и суштие нѣчто: человекъ бо оньсица, рекъше отъдѣляемый, а не просто человекъ. Да васнѣ убо собьство суштие есть, нѣ суштие нѣкое.

Знаменати же есть, яко не възвращается слово: не бо ельмаже собьство суштее, то да и суштее собьство будетъ, ни ельмаже Петръ человекъ, да и Петрово имя всякъ человекъ прииметь. Есть бо Петръ Симонъ сынъ Ионинъ отъ Витѣсавиды Галилѣйския, Христосовъ апостолъ; да сице убо и всякъ человекъ будетъ, ельмаже человекъ Петръ. Да васнѣ убо не съвращается слово еже яко «Петръ – человекъ» и «человекъ – Петръ», да тѣмъ ни «собьство – сущие» и «суштие – собьство». Тѣмъже и имя «суштия» съ вештьми приметъ и собьство, суштие же кичтоже отъ собьства не прииметь. Да се убо, якоже и мнѣти есть, по святууму Василию, имать различье суштие къ собьству, еже има обьштина къ своитнууму, имъже суштие подѣлежаштемъ собьствомъ нарицается, собьство же ни на когоже.

Суштие же разумъмъ погубляемо, съпогубляется уто и собьство: не сушту бо съпроста человекъ, ни Петра ни Павла

не будетъ. Погубляемо же собъство не погубляе уто и суштия: не бо погублену Петру, погубленъ буде съпроста и человекъ. Паки въводимо собъство въводитъ уто и суштие: иже бо и помыслихомъ Петра, туижде и того суштие, яко человекъ есть. Суштие же въводимо не въводи всяко въсѣхъ собъствъ, надъ нимиже нарицается: сушту бо простууму человеку, нѣ нужда и Петру быти, дѣндеже и Павълѣ и въ Иоаннѣ безъ нестатъка человекъ разумѣвается.

Да суштие убо мощьно разлучениеемъ тъкмо указати. Аште мене упрашаеши, что есть человекъ суштие, отъвѣштаю ти абѣе того уставъ, яко: человекъ есть животъ словесемъ смрътьнѣ и супротивныхъ особъ приимъ, — нѣ и отълучениемъ симъ укажу ти до коньца человекъ естество. Собъство же немошьно есть отълучениемъ указати, нѣ тъчю подписаниемъ. Аште бо въсхошту указати ти онъсицу человекъ, рекъше Иоанна Прѣдътечу, то нужда ми есть подписати сице, якоже: Иоаннъ, сынъ Захаринъ и Елисавинъ, въ пустыняхъ въскрѣмленъ, бѣлѣмъ образѣмъ, чръны власы, высокъ, облѣченъ въ вельблужя власы и поясъ имы языкѣнъ о чрѣслѣхъ своихъ, ядый пругы и дивий медъ, пророкъ же и крѣститель, и усѣченъ отъ Ирода. Се убо все и подобное сему назнаменуеъ собъство, и отъ сего собъство подѣчрътаеъ.

Суштие же къ суштию не всяко имя тежѣства, нѣ разнѣство; собъство же къ собъству всяко има тожѣство и разнѣство.

И суштие же къ суштию съходиться по сълогу; собъство же съ собъствѣмъ не сълагается, нѣ прѣмѣняется.

И суштие же съ суштиемъ сълагается едино собъство твори; собъство же съ собъствомъ прѣмѣняется ни суштия, ни собѣства, нѣ домыслимую нѣкою вещь творить, якоже се народъ и ликъ, или съборъ, и ино такожде, якоже есть глаголаемо въ Писании: «собъство»⁴⁴⁷ и «съборъ»⁴⁴⁸ иноплемѣнникъ; по прѣмѣну же прилога сице бы избесѣдование: въ негоже бы мѣста «сусъ» решти «подъ» лагается ся, рекъше «собъство», «съборъ», рекъше «съставление»,⁴⁴⁹ «състояние».⁴⁵⁰

Да естѣства убо дѣломъ и вѣштю сълагается помыслѣмъ раздѣляются тъчю, собѣства же прѣдълагается въспѣть паки

помышлениемъ бо съкупаются тѣчю, дѣломъ же и вештѣю отъ себе растоятся.

Суштіе же убо николиже отъ себе не различуетъ, собство же многа има къ себѣ различія.

О различіи

Различіе же есть еже о многихъ и различныхъ видомъ, еже въ коемъ что есть оглаголаемо. И различье есть вешть, еже прѣмѣняетъ другъ отъ друга, о нихъже сама оглаголаема есть. На трое же ся рече различье: обште, и особъ, и своитѣе. Не мощно бо есть обрѣсти двое чѣто, не различно къ себе нѣ по чьсому. Инѣмъ убо различно есть видъ отъ вида, и другимъ собство отъ единовиднааго и единосущнааго собства, и другимъ собство въ себѣ. Различенъ бо видъ человѣчскъ отъ виду коньска по словесьнууму и несловесьнууму. Наричеться словесное и несловесное сушно различье. Такожде и вся, имиже различуе видъ отъ вида, естествоное и сущное и съставное и видотвореное различье и качество наричется, еже наричется отъ вѣнѣшнихъ своитѣе различье, акы ближе естеству указание, якоже се «словесное» и «чувствное». Паки, различь есть чловѣкъ отъ чловѣка и конь отъ коня, по немуже овъ есть высокъ, а другой низкъ, овъ же старъ, а другой юнъ, единъ чловѣкъ мудръ, а другой юродивъ. Се все осущна различіи и качества наричуться, еже есть сълучай.

О сълучании

Сълучай же есть, еже бѣва и отбѣва кромѣ подлежащааго тѣла, рекъше не сушно есть, нѣ въ подлежащими суштіи състоится. И есть льзѣ тому же быти и не быти нѣкому: небонъ есть льзѣ чловѣку бѣлу быти и не быти бѣлу, такожде же и высоко и мудру и иному такомужде.

Сълучай же раздѣляется на двое: въ обшее различье и въ своитное. Обшее убо различье есть разлученый сълучай, рекъше сѣдитъ нѣкто, а другой стоитъ; есть же льзѣ, ижде въстанеть сѣдай и сядеть стояй, разлучиться различію ею и прияти въ иного мѣсто ино. И въ собѣ же кто наричется различествуя по разлученууму сълучаю: различествуетъ бо въ себѣ еже сѣдѣти и вѣстати и еже юну быти и старѣтися и еже болѣти и съдраву быти и инѣми сицѣми же. Своитѣе же

различье есть неотълучаемый сълучай, рекъше есть нѣкто изѣкръ и смаглъ и подобна симъ: да нѣ мощьно отълучитися его сициимъ. Да по симъ убо неразлучнымъ сълучаимъ собьство отъ собьства различьствуе, само же отъ себе николиже.

О своитьнѣмъ

Своитьное же есть еже вьсему и единому виду и присно сы. И своитьно есть въ немъже есть, не съвршая ему суштиа или съпроста въ естьствный его разумъ приемлемо. Се же да наричеться убо своить и своитьная. Своитьно человѣку еже просто ходити и еже смѣяться. Да се убо и своитьно наричеться человѣку, нѣ не въ сущия его разумъ прѣемлеться. Се бо отълучая, чѣто есть человѣкъ, реку, яко: животъ словеснь, смъртьнѣ – и до коньца и укажу, чѣто есть; не бы ми нужда повѣдати, яко просто ходитъ и смѣется. Да то убо своитьна истовое да наричуться, елико же прилагаема не суть лиха, не прилагаема же нестатъка не творять.

Раздѣлять же ся своитьно на четворо. Пръвое, еже едино есть въ виду, не всему же, якоже еже землю мѣрити человѣку: единъ бо человѣкъ землеѣрьць, нѣ не всякъ человѣкъ землеѣрьць. Вѣторое же, еже вьсѣмъ убо, а не единому, якоже дѣвоножъну: всякъ бо человѣкъ дѣвоножънѣ, нѣ не всякъ дѣвоножъць человѣкъ: есть бо и голуби и подобная си. Третье же, еже всякому человѣку и единому, нѣ не присно, якоже оѣдѣти человѣку: се бо всему убо и единому строиться человѣку, не присно же, нѣ въ старость. Четвъртое же, прѣдънихъ трии сходяшться, рекъше вьсему и единому и присно, еже и възвращается, якоже се: смѣхъливое человѣку и хрепетивое коню, – еже своитьно насуштьно глаголеться, своитьно бо есть еже единому естьству строиться и възвращается на уставное.

О имѣнии и нестатъцѣ

Имение же есть еже по сущтию комуждо дѣйство и цѣлое, якоже се о души цѣломудръство, доблестъ, мудрость, правѣда, при тѣлеси же съвршеное удовъ и равное и съдравие. Тѣхъ же неполучение и погрѣшение и съпроста погыбение глаголеться нестатъкъ. Различное же имѣние есть съ

любовью, имже имѣние убо неудобопрѣмѣнно есть, любви же отъпрятающияся отъ имѣния, удобопрѣмѣнно есть. Имѣние бо есть качество нѣкое бѣднопоступно и неудобопрѣмѣнно, любви же яже по сълучаю когождо качество. Глаголемъ бо, яко которнѣ ли, или любовнѣ усрьдѣ има онѣсица къ оному, или онѣсица человѣкъ съдравѣи прѣбываа къ себе нынѣ, неже прѣжде.

О количествѣ и о мѣремихъ

Количество убо есть сама та мѣра мѣраштя и чѣтуштя, колико же еже подъ чисменьмъ и мѣрою подложитъ, рекъше мѣримая и чѣтомая. Количества же ова суть разлучаема, ова же съдръжима. Разлучаемая же суть яже ся отъ себе разлучаютъ, якоже се три десяти камыкъ или о десяти фуникий: та бо разлучена суть отъ себе и чѣтома наричуться, аште не малъствомъ и множествѣмъ мѣрима будутъ спудѣмъ⁴⁵¹ или инѣмъ тацѣмъже, акы пшеница и прокое. Съдръжаштая же ся, егда есть мѣримое, якоже се едино дрѣво обрѣтається дѣвою локѣту или трии локѣтъ, или камыкъ, или чѣто такихъ, и едино сы мѣрится, да сего дѣля наричеться съдръжимая мѣра.

Число же наричеться, рекъше разночѣтомое, и множество, и врѣмя, и расстояния. Число убо, рекъше единьница, дѣвоица, троица и прокая числа. Мѣра же, рекъше малъ, великъ, статирь, талантъ и такаяжде. Врѣмя же, рекъше чясъ, днь и мѣсяць и лѣто. Дальство же, рекъше длѣгота, широта, глубыни.

О качествахъ и о творивнѣхъ

Качество есть вѣсущная сила, рекъше о родѣхъ убо съставная розличья, рекъше словесное, смрътное, бесмрътье и прокая. О бесплѣтныхъ же словесныхъ – разумное, самовластное, присношѣстное. О тѣлесехъ же – тварь, рекъше бѣлота, чрънота, русость и такая; и видъ, рекъше обьло, право, прѣведено, на четвърти и подобная си. И пакы: мокрота, сухота, теплота, студено, мякота, жестокое, рѣдко, чѣстое. И глѣни, рекъше гнѣвное, сладкое, брѣдкое и подобная. Качество убо есть, по немуже каци друзии наричуться съ имени, якоже приемлюште отъ него: отъ мудрости бо мудръ наричеться, якоже имы мудрость, и теплъ

иже имать топлоту. Наричеть же ся многашьды и само то качество «какое», якоже и мѣра «число».

Качеству же видъ есть и сила и дѣйство; яже не суть убо дѣйство, имуть же устрой и силу естѣвную. Наричеть бо ся ова «по устройению», ово «по нраву», рекъше по дѣйству. «По покошьнууму» же, како се егда речемъ дѣтишту силою кѣнижъникъ быти има, имъже има покошьное, якоже быти кѣнихъчий. «По нраву» же, якоже егда речемъ млѣчаштууму кѣнигъчию можетъ по млѣчании хытрость показати. Или якоже о зрънѣ пышеничнѣ: се бо овогда класъ есть, егда створи класъ зръня, дѣйствѣмъ же нѣсть класъ, нѣ пышеница. И теплое дѣйствѣмъ убо ни е тепло, ни е горяште. Силою же всяко, по немуже можетъ, студеное убо студимо, тепло же грѣмо. И пакы дѣтишть ни доброты имы, ни злобы, силою же всяко, по нейже имѣти. Наричается сила и мошь и вои.

О томъ, еже къ кому

Къ кому же суть, елико же само еже есть инѣхъ сы нарицається, купно же и възвращааться къ себѣ. Акыже суть нарицаемыя любви, акы отъца къ сыну, и друга къ другу, и ученику къ учителю, и владыцѣ къ робу: се бо имать и дрѣжиться отъ другъ друга, тѣмъже и «любви» нарицаются. Къ нѣ къ кому же суть и по притѣчи нарицаемая, рекъше «более», «сугубое», «унее», «острѣе». Се бо по прѣдъложению инѣхъ нарицається сы сице, рекъше вяшнее худааго есть вяшнее, и сугубое половынааго есть сугубое, и прока такожде. Есть же и се того еже къ кому, рекъше художество и охудожное, чувство и чужое, положение и полагаемое. Си убо, якоже глаголахъ, еже къ кому суть, елико же сама, яже суть, инѣхъ наричуться сушта или якоже како инако имуть къ иному.

О супротивныхъ

Супротивъ яже истовая суть еликоже ихъ погублениемъ супротивныхъ съставляются, рекъше доброта и злоба, видѣние и слѣпоту, и творить по нестатку и по имѣнию супротивная: имѣние бо есть видѣние акы отъ имѣния, лишение же имѣния, рекъше видѣния, слѣпота – и повѣштаніе и отъвѣштаніе. Повѣштаніе же есть, рекъше: «Павълъ апостолъ есть», отъвѣштаніе же супротивно, рекъше: «Паулъ

нѣсть апостолъ». Глаголетъ же ся обое отъвѣтъ и обличение. Да елма убо въсему наповѣштанию супротивъ есть отъвѣтъ и всему отъвѣту супротиви е наповѣштение, да отъвѣтъ, супротивънъ сы наповѣштанию, и повѣштение супротивно сы отъвѣту супротиворѣчие ся наричетъ, да нужда есть единому лѣгати, а другому истину вѣштати. Да погубениемъ убо единого друга оставляется: погубляему бо наповѣштанию, отъвѣштение съставляется, и погубляемъ злобѣ съставляется доброта, и погубляемъ слѣпотѣ, видѣние съставляется. Да сицяя убо супротивна наричется, еликоже въкупѣ съставитися не могутъ, нъ всяко погубляемо единому, есть другое.

О оглаголемыхъ

Въсе оглаголаниемъ или и о мнозѣ глаголется и бывае или о равньныхъ, о мньши же николиже. И о больши же, егда всячьская оглаголаются чястьныхъ; всячьская убо суть суцяя выше, чястьнѣиша. В яже ниже. И всячьское же убо въсѣхъ есть сѣе, тѣмъже и въсѣхъ оглаголание имать: небонъ и суштие сѣе наричется и сълучай сѣе глаголется. Не можемъ же решти, яко сѣе суштие есть: не бо тѣчю суштие есть сѣе, нъ и сълучай.

Такожде же и родове оглаголаются видовъ: родове бо чястьнѣише суть родовъ. Оглаголяется убо суштие живота и животъ челоуѣка; небонъ животъ суштие есть, и челоуѣкъ животъ есть. Не обраштаетъ же ся въспять: въсь бо челоуѣкъ животъ, нъ не въсь челоуѣкъ животъ. И конь бо и пѣсь животи суть; такожде же и всякъ животъ суштие есть, нъ не все суштие животъ есть: и камыкъ бо и дрѣво суштие есть, яже не суть животи.

Такожде же и видъ оглаголяется отъ объдржимыхъ отъ него, рекъше собство, акы всячьское. Нерасѣкомое же, рекъше собство, не оглаголаеть вида: чястьнѣе бо есть вида собство. И Петръ убо челоуѣкъ есть и Павль челоуѣкъ есть, не въсь же челоуѣкъ Петръ и Павль: суть бо и другая собства подъ видѣмъ челоуѣчьскѣмъ. И различья же и оглаголають виды, въ нихъже суть, и нерасѣкомая сама. Всячьстѣиша же суть различья видовъ. Небонъ въсь челоуѣкъ словесънъ, не

всякъ же словесный – человекъ: небонъ и ангелъ словеснъ есть, нъ нѣсть человекъ.

И се есть убо еже о мнозѣмъ оглаголаніе. А сущіе о равнѣмъ оглаголаніе, егда възвращается. Оглаголають бо ся своя отъ видовъ, ихъже суть своя, нъ и видове оглаголаются отъ своихъ имъ. Всь бо человекъ смѣхъливъ и всь смѣхливый человекъ. Да сусьоглаголаема наричуться.

О съименнѣмъ и единоименнѣмъ оглаголаніи

Съименное о убо оглаголаніе есть, егда и имя и уставъ самъ тѣ именный приемлетъ. Рекъше, «животъ» оглаголаться человекъмъ, и приемлетъ «человѣкы» и имя и уставъ животный. Животъ бо есть сущіе съдушно чувствьно. И человекъ приемле уставъ съ, имъже и сущіе бо есть человекъ и съдушно и чувствьно.

Единоименито же оглаголаніе, егда имя убо приемлетъ, а устава никакоже. Рекъше «образъ человекъчъ» имя убо человекъчъ приемлетъ, устава же человекъча не приемлетъ, уставъ бо человекъчъ есть: «животъ словеснъ, смрътънъ, ума и художства приимнъ», образъ же ни животъ есть, ни словеснъ.

О единородныхъ и единовидныхъ, и инородныхъ и иновидныхъ, и купнособныхъ и числомъ различныхъ

Единородная убо суть, еликоже подъ тѣмъже оглаголаніемъ подчиняются, рекъше еликоже суть подъ сущіемъ. Такоже же и о инѣхъ 9 оглаголаніихъ. Десять бо всѣхъ есть оглаголаній, рекъше прѣродни роди, на няже възносятся всякъ гласъ, рекъше имя просто глаголемо. Суть же си: 1) сущіе, 2) количество, 3) качество, 4) нѣ къ кому, 5) кѣде, 6) кѣгда, 7) творити, 8) страдати, 9) лежати, 10) имѣти. Симъ «сущіе» есть подлежае, прокихъ же девять ютрьподлежащихъ. Подлежитъ бо убо сущіе, въподлежятъ же сущи ина вся. Буди убо сущіе же, рекъше, камыкъ; количество же – дѣвое или трое; нѣ къ кому – отъць къ сыну; како, рекъше, бѣло, чрьно; кѣде, рекъше, въ Дамасцѣ; кѣгда, рекъше, вѣчера, утро; имѣти, рекъше, котыгу носити;

лежати, рекъше, стояти, сѣдѣти; творити, рекъше, жести; страдати, рекъше, жегому быти.

Инородная же суть еликоже подѣ инѣмъ ти инѣмъ оглаголаниемъ суть. И купьнородно убо чловѣкъ есть и конь, подѣ суштиемъ бо есть обое. Инородно же акы чловѣкъ и художество: чловѣкъ бо подѣ суштиемъ есть, художество же подѣ качествѣмъ.

Купьновидно же суть еликоже подѣ тѣжде видѣ въчиняются и приобъштаются словеси суштьному, рекъше Петръ и Павль: оба бо подѣ единѣмъ видѣмъ еста, чловѣчѣмъ еста. Иновидна же суть, еликоже видѣмъ различуютъ, рекъше, разумѣмъ суштия, рекъше, чловѣкъ и конь. Святѣи же отци единороднаа и единовиднаа то же нарицають единосущная, яже подѣ тѣмъ же видѣмъ собѣства.

Купнособѣствѣна же суть, егда дѣвѣ естѣствѣ въ единомъ собѣствѣ единитася и едино начѣнета имѣти собѣство съложное и едино лице, акы душа и тѣло. Разнособѣствѣная же суть и числѣмъ различна еликоже съплетениемъ случивъшихся свойство своего собѣства отлучи, рекъше еликоже ихъ случаемъ разньствуютъ отъ себе и чѣстное и особное было буде бытѣе, якоже се нерасѣкомая Петръ и Павль: инѣ бо то, инѣжде оно.

О въсобленѣмъ

Въсобленное же овѣгда убо еже просто быти назнаменуе, по немуже знаменуемому не тѣчю еже просто суштие въсоблено нарицаемъ, нѣ и случай, иже истовѣ нѣ въсоблено, нѣ инособно, овѣгда же и еже ему свое собѣство, рекъше нерасѣкаемо, являеть, иже истовѣ не въсоблено, нѣ собѣство есть и наричется.

Истовѣ же въсоблено есть или еже о собѣ не състоится, нѣ о собѣствѣхъ видимо есть, якоже видѣ, рекъше естѣство чловѣчѣско, въ своемъ собѣствѣ не видѣться, нѣ въ Петръ ти въ Павль и въ прокыхъ чловѣчѣствѣхъ собѣствѣхъ, или съ другимъ различнымъ по суштью на все нѣкое рождение сълагаемо и едино съврѣшая собѣство съложено, якоже се чловѣкъ отъ душа есть и тѣлесе съложенъ. Да ни душа едина наричется собѣство, ни тѣло, нѣ въсоблено, а еже отъ обоего

съвършаемо, то събство обою. Събство бо истовѣ есть еже о собѣ състоиться и отъстоять, и нарицается.

Глаголетъ же ся пакы въсобленое еже отъ иного събства приято естество и въ томъ ему бытии. И тѣмъже и плоть Господня не отъстоявши о собѣ ни въ мало врѣмя не събство, нѣ паче въсобление есть. Въ събствѣ бо Божия Слова съставися, приято отъ него и се прия и иматъ събство.

О несобнѣмъ

Несобное же на дѣвое глаголется: овогда же еже никъдеже никакоже суште назнаменуе, рекъше небытное, овѣгда же еже не въ себѣ суште, нѣ въ иномъ, рекъше случай.

Максимово⁴⁵² о въсушнѣмъ и о въсобнѣмъ

Въсушнѣмъ убо есть еже въ суштии видимо, сирѣчь сълучившиихся съборъ, еже являетъ събство, а не само то суштее. Въсобное же еже въ събствѣ видимое. Суштие же, рекъше якоже и есть, или о собѣ, или съ другимъ или въ друзѣмъ. О себѣ же – акы огненное суштие, съ другимъ же – акы душа и тѣло, – съ инѣми бо се събство иматъ, въ друзѣмъ же – акы огонь въ свѣштилѣ и акы плоть Господня въ святѣмъ Его събствѣ.

Събство убо онѣсицу или тѣгда являть, въсобное же суштие. И събство убо лице отълучаетъ знаменанъными своитвѣми, въсобное же якоже не быти ему сълучая, еже въ друзѣмъ има бытие.

Аште бо тожде есть еже въ чесомъ и еже въ комъ, то годѣ ти есть глаголати тожде доброту и въ немъже есть доброта, и по доброразумьнууму възвращению злобу и въ немъже злоба, да иже сего творецъ – злобѣ творецъ. И елмаже въ суштии сълучай есть, то уже и сълучай суштие е и суштие сълучай. Нѣ елма же съдушъно наричу тѣло чловѣчъско, до будетъ по тебе и тѣло душа. Да кто сего измута неистовѣе сътрѣпите?

Яко бо убо нѣсть суштия бесобнна, вѣмы, нѣ не тожде наричемъ въсобнааго еже въсобство, ни пакы суштия ни въсуштия, нѣ въсуштно убо нарицаемъ, якоже глаголаахъ, събство, въсоблено же суштие. Сущие бо святаго божества въсоблено вѣмы въ трѣхъ бо събствѣхъ, и коеждо отъ събствѣ такоже суштно. Въ суштии бо си прѣбываютъ

сватааго божьства, и о божьствѣнѣмъ же Господи нашего строи въсушѣно наричемъ собьство, якоже въ суштиихъ прѣбывающе, отъ нихъже и съложено бысть въсоблено же коеждо отъ суштий: имуть бо обьште едино собьство.

Небонъ божьствная Его плѣть ново въ божьствѣ Его съставивъшися и то приимъши собьство, да тако ни бесобьно, ни единоеже отъ Христосову естѣству есть; ни коеждо собьство о собѣ есть или свое и особъ собьство имать, тожде и едино обое.

Да еже убо «инако ти инако» собьствомъ есть въ имене мѣсто. А еже «ино ти ино» естѣствомъ есть явление, еже бо естѣствомъ различье «ино ти ино» наричетъся. Глаголемъ бо: «Ино есть человѣкъ, ино же есть конь», – рекъше по естѣству. инъ бо видъ человѣку, инъ же коню.

А чисменьмъ различная, рекъше собьство, «инако ти инако» наричуться. Глаголемъ бо: «Инако есть Петръ, инако Павль», а не: «Ино есть Петръ, ино же Пауль»: едино бо еста естѣствъмъ, нъ не числъмъ. Да суштие убо и сушѣная различья «ино»⁴⁵³ наричуться, а случай «инако», имъже о виду, рекъше о естѣствѣ, разумѣваются и съставляются, съставна собьству случивъшаяся.

Тогоже о единении, яко по десяти бываетъ образъ съединение

Въединенихъ ся растояштиихъся вѣшти приобьштеное сътечение. Съединение же наричеся имъже въедино съкуплятися вѣштѣмъ. По десяти же образъ нарицается съединение: по суштию, по въсобленію, по любви, по сложению, по причетанію, по раствору, по измуту, по сълянію, по сыпанію, по пакысъкупленію.

И по суштию же съединение есть о собьствѣхъ, рекъше о нерасъкаемыхъ, о собьствѣхъ – о суштиихъ, акы о души ти о тѣлеси; по любви же и о умѣхъ – акы въ едино хотѣние; по сълогу же – акы о дѣскаахъ; по причетанію же – акы о камении; по раствору же – о мокрыихъ, вина и воды; по измѣшенію же – о сухыхъ и мокрыихъ, муки и воды; по съсыпанію же – о растающтиихъся, смолы и воска; по съсыпанію же – о сухыхъ, пшеница и ячмене; по съкупу же – о отъривающтиихъ и пакы прикупляющтиихъ, якоже пламы огньный.

Житие Вячеслава Чешского

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Турилова

После падения в начале X в. Великоморавской державы под ударами кочевников-венгров одним из преемников кирилло-мефодиевских традиций (не прерванных целиком даже с изгнанием в 885 г. из страны учеников славянских апостолов) стало небольшое Чешское княжество, правитель которого Боривой (Борживой), по преданию, ок. 874 г. был крещен архиепископом Мефодием. В стране наряду с латинской существовала славянская письменность на основе глаголического алфавита и богослужение на славянском языке. С Пражским княжеством ряд исследователей связывает возникновение одного из древнейших памятников славянской письменности – Киевских глаголических листков X–XI вв.; почти единодушно мнение о чешском происхождении Пражских глаголических листков XI–XII вв. Возникший в 1033 г. неподалеку от Праги Сазавский монастырь на протяжении 60 с лишним лет был значительным центром славянской письменности и межславянских культурных связей.

Начало чешской литературы связано с драматическими событиями в жизни недавно христианизированного общества. В 921 г., после смерти своего сына Братислава, вдова Боривоя, Людмила, пала жертвой борьбы за власть: она была задушена по приказу своей невестки Драгомиры, стремившейся единовластно править во время малолетства своих сыновей. Позднее (в 928 или 935г.) старший внук и воспитанник Людмилы, Вячеслав (установивший церковное почитание своей бабки), был убит своим братом Болеславом и его боярами, недовольными пассивной внешней политикой князя и влиянием на него духовенства. Вскоре после смерти Вячеслав был канонизирован по инициативе виновника его гибели, принесшего церковное покаяние. За короткое время культ новых мучеников получил общегосударственное значение. На протяжении X–XIII вв. в их честь было создано большое число житийных и гимнографических произведений на славянском и латинском

языках. Одним из наиболее ранних, возникших в 930-х гг., является издаваемое «Убиение Вячеслава», созданное, по всей видимости, в кругах духовенства, близких к князю Болеславу: в отличие от других памятников святоацлавского цикла его роль в убийстве брата здесь достаточно принижена, он выступает преимущественно как орудие злых советников. Вячеслав в «Убиении» изображен кротким и мудрым правителем, образцом христианина, не противящегося злу насилем; о внешнеполитических неудачах князя нет и упоминания.

Очень рано культ Вячеслава (вместе с культом Людмилы) получает известность в Киевской Руси. Уже в сентябрьской служебной минее 1095–1096 г. помещен канон Вячеславу. Посвященные ему житийные тексты оказали воздействие на памятники агиографии борисо-глебского цикла. С почитанием на Руси Вячеслава Чешского исследователи связывают наречение этим именем сына Ярослава Мудрого, родившегося в 1036 г. Не позднее XIII в. на Руси были составлены краткие версии житий Вячеслава и Людмилы Чешских, включенные в состав Пролога. Особая редакция «Убиения», возникшая не позднее первой трети XVI в., получившая в науке название Минейной (так как она помещается обычно в составе миней четых), широко известна в русской рукописной традиции XVI–XVII вв.

В самой Чехии из-за неблагоприятной для развития славянской письменности и богослужения в XII–XIII вв. культурно-исторической ситуации славянские тексты житий князей-мучеников не сохранились: они дошли только в русских и хорватских (глаголических) списках (славянское житие Людмилы известно лишь в сокращенной проложной версии). Лишь в 1827 г., когда известный русский филолог А. Х. Востоков опубликовал «Убиение Вячеслава» по румянцевскому списку, была открыта неизвестная до той поры страница древнейшей истории чешской литературы и кирилло-мефодиевской традиции.

Текст «Убиения Вячеслава, князя Чешского» (или Востоковской легенды) известен (в древнейшем своем кириллическом варианте) в четырех списках: РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 436 (открыт А. Х. Востоковым), нач. XVI в.;

БАН, Архангельское собр., № Д. 142, втор. пол. XVI в.; ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1466, кон. XVI – нач. XVII в.; РГБ, ф. 556 (собр. Вифанской духовной семинарии), № 91, втор. четв. XVII в. (обнаружены в последнее время). Все известные списки памятника содержат (с мелкими разночтениями) единый текст, отражающий общий протограф. Здесь текст публикуется по Румянцевскому списку – древнейшему и наиболее исправному. Для исправления отдельных испорченных чтений привлекаются тексты Минейной редакции и глаголических списков памятника.

Наиболее обстоятельный исторический и филологический комментарий к памятнику содержится в издании: *Blahova E., Konzal V., Rogov A. I. Staroslovenske legendy českého původu. Praha, 1976* (см. также: *Рогов А. И. Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. М., 1972*). Кроме того, целый ряд важных замечаний текстологического и историко-культурного характера содержится в вышедших позднее работах В. Конзала (*Konzal V. První slovanská legenda vaciavská a její «Sitz am Leben» // Studia Mediaevalia Pragensia. 1988. Praha, 1990. T. I. S. 113–127*); Ф. В. Мареша (*Mareš F. W. An Anthologie of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979*); В. Ткадльчика (*Tkadlčík V. Kto udelil postřižny sv. Václavu? // Listy filologičny. 1980. T. 103. S. 209–212*), Д. Тржештника (*Třeštík D. 1) Počátky Přemyslovců. Praha, 1981; (2-е изд. – 1997); 2) Václav a Berengar // Český časopis historický. roč. 1989. Praha, 1991. № 5–6. S. 641–661*).

* * *

МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ В 28 ДЕНЬ УБИЕНИЕ СВЯТОГО
ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕШСКОГО

Господи, благослови, отче.

Исполнились ныне пророческие слова, которые говорил Господь наш Иисус Христос. «Ибо будет, – говорил он, – в последние дни, – как думаем, наступившие, – восстанет брат на брата своего, и сын на отца своего, и враги человеку – домашние его. И люди будут безжалостны друг к другу, и за это воздаст им Бог по делам их».

Был же князь, великий славою, живший в Чехии, по имени Вратислав, и жена его Драгомирь. И родили сына первенца и,

когда крестили его, нарекли имя ему Вячеслав. И пришел отрок в тот возраст, чтобы срезать ему волосы, и призвал Вратислав князь епископа Нотария со всем клиром. И когда пропели литургию в церкви святой Марии, и взяв епископ отрока, поставил на ступени перед алтарем, и благословил, и сказал так: «Господи Иисусе Христе, благослови этого отрока благословением, которым благословил ты праведников своих». И постригли князя. И потому думаем, что по благословению епископа того и по молитвам благоверным начал отрок расти, хранимый божиею благодатью. И отдала его бабка его Людмила учить славянским книгам, как подобает священнику, и он хорошо усвоил их смысл. И отсадил его Вратислав в Будеч, и начал отрок учиться латинским книгам, и выучил хорошо.

И в то время умер князь Вратислав, и возвели Вячеслава на престол предков, и с тех пор Болеслав стал подчиняться ему. Оба они были еще малы, мать же их Драгомирь укрепила страну и обустроила людей своих. И когда взрастила она сыновей своих, тогда начал Вячеслав сам управлять своими людьми. Было у него четыре сестры, и выдали их в разные княжества и обеспечили приданым. И возложил Бог такую благодать на Вячеслава князя: начал он разуметь латинские книги как хороший епископ или священник, если же брал греческие или славянские книги, то читал их ясно без ошибок. Но не только Писание знал он, но исполняя завет веры, творил всем убогим добро: бедных кормил и одевал по евангельскому учению, священников питал, вдов не давал обидеть, людей всех, богатых и убогих, миловал, церкви все украсил золотом, веруя в Бога всем сердцем, творя все благое в жизни своей.

Но возгордились вельможи чешские, поднялись сами на себя. Ибо молод был для них князь, было ему 13 лет, когда умер его отец. А тогда вырос и набрался разума и брат его, тогда проник дьявол в сердца злых советников его Вячеслава, как некогда в Иуду предателя. Ведь сказано: «Всякий, восстающий на господина своего, подобен Иуде». И они наговорили Вячеславу, сказали: «Хочет Болеслав убить тебя, сговорившись с матерью и с вельможами своими». Злые псы, подговорили Вячеслава изгнать мать свою без вины. Но

Вячеслав, ведая страх Божий, вспомнил слова апостола, сказавшего: «Почитай отца своего и мать свою как самого себя, и возлюби ближнего своего как самого себя». И желая исполнить всю правду Божию, вернул назад мать свою, плакал и каялся, говоря: «Господи Боже, не вмени мне это прегрешение в вину». И припомнил слова пророка Давида: «Грех юности моей и неведения моего не вспомяни, Господи». И так почитал он мать свою, она же радовалась вере сына своего и благодеяниям, которые он творил убогим: если маломощные, то кормил их; если сирота где-нибудь, то не давал его в обиду; если же странники, то творил им добро, как сказано об этом: «Странствовал, и ввели меня». Если же священники и челядь, и если все странники, и если они где-нибудь страдают от холода, то всех одевал и кормил. Если же какой-нибудь священник, проданный в неволю, приходил к нему, то выкупал его всем что было. И церкви по всем городам обустроил весьма хорошо, собрав священников из всех стран всюду. Служба шла каждый день к Богу, как и у великих народов, попечением доброго и праведного владыки Вячеслава. И вложил Бог мысль в сердце ему: создал храм святого Вита, не помышляя о зле, которое посеял дьявол в сердце Болеслава, натравил его на брата своего, чтобы не была спасена душа его во веки. И настал день святого Эммерама, которому был посвящен святой Вячеслав, радуясь о Боге. И тогда те злые дьяволы призвали Болеслава, устроив сатанинский заговор против Вячеслава, как иудеи в древние времена против Христа.

В то время были праздники в церквях по всем городам, и Вячеслав, объезжая города, поехал и в город Болеслава. В воскресенье же была служба Козме и Дамиану, и, отстояв литургию, Вячеслав хотел ехать домой, в Прагу. Болеслав же не отпустил его, упрашивая с плачем, умолая и говоря: «Как же ты хочешь уехать, у меня непечатое пиво!» Он же не отказал брату, не поехал домой, и сев на коня, начал играть и веселиться со своими друзьями на дворе Болеслава, и думаем, что поведали ему на дворе и сказали: «Хочет тебя убить Болеслав». И он не поверил этому, положившись на Бога.

В ту же ночь собрались ратники на Гневысином дворе, и позвали к себе Болеслава, и устроили тот злой дьявольский совет. И как у Пилата собрались, замышляя против Христа, так и эти злые псы, уподобившись тем, совещались, как убить своего господина. И сказали: «Пойдет к заутрене, тогда и захватим его». И когда настало утро, позвонили к заутрене. Вячеслав же, услышал колокол и сказал: «Слава тебе, Господи, что дал мне дожить до этого утра». И встав, пошел к заутрене. И догнал его Болеслав в воротах. Вячеслав же оглянулся и сказал: «Хороший был нам хозяин вечером». Болеславу же приник к уху дьявол и развратил сердце его. И вынув меч, ответил так: «Сейчас хочу угостить тебя еще лучше», и ударил мечом по голове. Вячеслав же обернулся и сказал: «Что ты задумал?» И, обхватив его и повалив, упал на него и сказал: «То тебе Бог, брат». Туза подбежал и ударил мечом в руку, Вячеслав же отпустил брата и побежал к церкви. И двое злодеев, Честа и Тира, поразили его в церковных дверях, а Гневыса, подбежав, пронзил ему грудь мечом, и князь испустил дух свой, сказав: «В руки твои, Господи, предаю душу мою». И убили в том городе с ним одного только Мстину, другие же мужи ушли в Прагу: одних убили, а другие разбежались по разным странам. А слуг его перебили, а священников ограбили и изгнали из города, а жен их выдали замуж за других. И исполнили все дьявольское желание – убили князя своего.

И Тира сказал Болеславу: «Пойдем на госпожу, чтобы заодно оплакал ты и брата своего и мать свою». Болеслав же ответил: «Никуда она не денется, пока займемся другими».

И рассекши Вячеслава, ушли, не схоронив его. Крастей же священник взял его и положил его перед церковью, накрыв тонким полотном. И услышала мать о убийстве сына своего, и прибежав искала его. И увидев, припала к сердцу его, и плача собирала члены тела сына своего. Собрав же, не посмела нести в дом свой, но в избе священника омыв и обрядив его, положила посреди церкви. И убоявшись смерти, мать его бежала в землю хорватов: ибо страшна смерть от чужой руки. И послав за нею, не настиг ее Болеслав. И призвал священника Павла, чтобы сотворил молитву над Вячеславом. И погребли

честное его тело, Вячеслава – доброго и праведного владыку, и почитателя Бога и христолюбца: ведь служил он Ему благоговейно и со страхом. А кровь его три дня не хотела уходить в землю, на третий же вечер все видели – она сочилась из церковной стены над ним, и дивились все здесь. И еще надеемся на Бога, что по молитвам и за благоверие доброго Вячеслава будет явлено и большее чудо. Ведь воистину мукам Христа уподобилось мучение его. Заговор составили против него, как иудеи против Христа, и рассекли его, как и Павла, и младенцев избили из-за него, как из-за Христа. Воистину весь род человеческий весьма скорбел и плакал о нем.

Убит же был Вячеслав князь в лето 6000 и 300 и 30-е в 7, индикта 2, круг солнца 3, а луны 8, в 28 день месяца сентября. И Бог упокоил его душу в обители вечного покоя со всеми, убиенными Его ради безвинно, где почивают все праведники в свете жизни твоей, Господи.

Но не оставил Бог избранников своих на поругание неверующим, а посетил их милостью своею, и переменял окаменение сердца на покаяние и постижение грехов своих. И Болеслав помянул все к Господу Богу, сколько грехов сотворил. Помолившись Богу и всем святым, и послал слуг своих, перенес тело брата своего Вячеслава из Болеславля города в славный город Прагу, говоря: «Я согрешил, и грех мой и беззакония мои я знаю». И положили его в церкви святого Вита, справа от алтаря Двенадцати апостолов, там, где он сам сказал: «Создам здесь церковь». Перенесен же был Вячеслав князь месяца марта в четвертый день. Бог да упокой его душу в лоне Авраамове, Исаака и Иакова, где почивают все праведники, чающие воскресения Господа нашего Иисуса Христа, ему же слава во веки, аминь.

* * *

МЕСЯЦА СЕПТЕВРИЯ ВЪ 28 ДЕНЬ УБЬЕНИЕ СВЯТАГО
ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕСЬСКА

Господи, благослови, отче.

Се нынѣ сбысться пророческое слово, еже глаголаше Господь нашъ Иисусъ Христосъ. «Будетъ бо, – рече, – в послѣдняя дни, якоже мнимъ суща, встанетъ бо братъ на брата своего, и

сын на отецъ свои, и врази домашнии. Человѣци бо себѣ немили будутъ, да въздасть имъ Богъ по дѣломъ ихъ».⁴⁵⁴

Бѣ же князь великъ славою, в Чехахъ живый, именемъ Воротиславъ,⁴⁵⁵ и жена его Дорогомиръ.⁴⁵⁶ Родиста же сына первенца, и яко крестиста и, нарекоша имя ему Вячеславъ.⁴⁵⁷ И възрасте отрокъ, яко бы уяти ему волосъ,⁴⁵⁸ и призва Воротиславъ князь епископа *Нотария*⁴⁵⁹ съ всѣмъ клиросомъ. И пѣвшимъ литургию⁴⁶⁰ въ церкви святыя Марія,⁴⁶¹ и вземъ отрока, постави на степени предъ олтаремъ, и благослови, и се рекъ: «Господь Иисусъ Христосъ, благослови отроча се благословениемъ, имже благословилъ еси праведники твоя». И постригоша князь. Ино темже мнимъ, яко убо благословениемъ епископа того, но молитвами благоверными нача отрокъ расти, благодатью Божиею хранимъ. И въда и баба своя Людмила⁴⁶² оучити книгамъ словеньскимъ по слѣдоу попову и навиче разумъ добрѣ. Отсади же Воротиславъ в Будучь,⁴⁶³ и нача отрокъ учитися книгамъ латыньскимъ, и научися добрѣ.

В то же время умре Воротиславъ князь, и поставиша Вячеслава на столѣ дѣдъни,⁴⁶⁴ и оттоле Болеславъ⁴⁶⁵ нача подъ нимъ ходити. Бяшета бо оба мала, мати же ею Дорогомиръ утверди землю и люди своя устрои. Яко въспитѣ сыны своя, яко нача Вячеславъ строити люди своя.⁴⁶⁶ Имяше же сестры 4, и вдаста я в росна княженья,⁴⁶⁷ и устроиста я. И възложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя: и нача же умѣти книги латыньския, якоже добры епископъ или попъ да аще и възмаше я, грѣческия книги или словеньския, прочиташе явнѣ безъ блазна. Не токмо же книги умѣаше, но вѣру свершая всѣмъ убогимъ добро творяше: бѣдныя напитае и одѣваше по еуагельскому учению, божия рабы⁴⁶⁸ питае, вдовиць не дадыше обидѣти, люди вся убогыя и богатыя миловаше,⁴⁶⁹ церкви вся златомъ украси, вѣроваше въ Бога всѣмъ сердцемъ, все благое творяше в животѣ своемъ.

Разгордѣша же мужи чесьскыи, вѣсташа на ся. Унѣ бо имъ баше князь, лѣтъ бо ему баше 13,⁴⁷⁰ егда умре отецъ ему. Да егда възрасте и смысла добы и братъ его, тогда дьяволъ вниде въ сердце злыхъ съвѣтникъ его, якоже иногда въ Июду предателя. Писано бо есть: «Всякъ, вѣстаяи на господинъ свои,

Июде подобенъ есть». ⁴⁷¹ Ти же намолвиша Вячеславу, рѣша: «Хощеть тя Болеславъ убити, съ матерью съвѣщавъ и съ мужи своими». Пси злии, иже бѣша Вячеслава научили выдати мать свою без вины. Вячеславъ же, разумѣвъ страхъ Божий, помяну слово апостола, глаголюща: «Чти отца и мать свою яко и сам ся, и възлюбиши ближняго своего яко и сам ся». ⁴⁷² Хотя исполнити всю правду Божию, и приведе паки мать свою, плакашеся и окаяшеся, глаголя: «Господи Боже, не постави ми грѣха сего». ⁴⁷³ Помяну же слова пророка Давида: «Грѣхъ уности моя и невидѣния моего не помяни убо, Господи». ⁴⁷⁴ Тѣмже чたше мать свою, она же радовашеся вѣрѣ сына своего, и о благодати, юже творяше убогимъ: аще и маламощна, питаше; аще ли сирота гдѣ, то обидѣти не дадѣше его; аще ли странным, да добро творяше, якоже убо и речено есть: «Странен бѣх, въведосте мене». ⁴⁷⁵ Аще божия рабы, и домашняя, и аще странники вся, и аще гдѣ ино зимои стражуть, то вся одѣваше и кормяше. Аще ли же который попинъ проданъ приде к нему, онъ искупаше всѣмъ. Церкви же бѣ устроилъ по всѣмъ градомъ добрѣ велми, божия рабы собравъ ото всѣхъ языкъ воину. Служба идѣше по вся дни къ Богу, яко и въ велицѣхъ языкѣхъ, устроениемъ добраго и праведнаго владыки Вячеслава. И вложи Богъ въ сердце: созда храмъ святаго Вита, ⁴⁷⁶ не злѣ мысля, неже убо всѣя Болеславу дѣяволъ въ сердце, наустиша и на брата своего, и да не бы спасена душа его была в вѣки. Приде же день святаго Емѣраама, к немуже обѣщанъ святой Вячеславъ, ⁴⁷⁷ веселяшеся о Бозѣ. Онии же убо тогда злии дѣяволи възваша Болеслава, съвѣтъ творяше неприязненъ о Вячеславе, якоже жидове о Христѣ въ первая лѣта.

Бяху же священие церквамъ въ всѣхъ градѣхъ. ⁴⁷⁸ Вячеславъ же яздѣше по градомъ, еха ко Болеславлю граду. ⁴⁷⁹ В недѣлю же бѣ литургия Козмы и Дамѣяна, ⁴⁸⁰ и слышавъ литургию, Вячеславъ хотѣ ехати домовъ къ Празѣ. Болеславъ не да ему, моляся плачевнымъ смысломъ, моля и глаголя: «Како хощеши отѣхати, пиво цѣло имѣю!» Он же не оторчеся брату, не еха домовъ, и въсѣдъ на конь, нача играти и веселитися съ други своими на дворѣ Болеславле, тѣмже мнимъ, яко

повѣдаша ему на дворѣ и рекоша: «Хочетъ тя убити Болеславъ». И не я вѣры тому, на Бога възложи.

В ту же ноцъ снидошася ратници въ Гнѣвысынѣ⁴⁸¹ двор, и възваша собѣ Болеслава, и сотвориша злыи тои съвѣтъ неприязненъ. Якоже и къ Пилату събрася на Христа мысляще, такоже и онии злии пси, тѣмъ ся подобяще, съвѣща, како быша убити господина своего. Рѣша же: «Поидеть на заутреннюю, тогда половимъ его». Утру же бывшую, възвониша заутреню. Вячеславъ же услышавъ звонъ,⁴⁸² и рече: «Слава тобѣ, Господи, яко далъ еси мне добыти утра сего». И вставъ поиде на заутреню. Състиже же Болеславъ во воротѣхъ, Вячеславъ же озрѣвся и рече: «Добръ бѣ намъ господинъ вечеръ». Къ Болеславу же приниче дьяволъ ко уху и разврати сердце его. Да извлекъ мечъ отвѣща сице: «Тебе хошу унеи быти», и удари мечемъ по главѣ. Вячеславъ же обратився и рече: «Что еси умыслил?» И охаливъ и поврѣже и паде над нимъ и рече: «То ти Богъ, брате». Тужа притекъ, удари в руку, Вячеславъ же пусти брата и къ церкви побѣже. Дьявола же два, Чьста и Тира убиста въ церковныхъ вратѣхъ, Гнѣвыса же притекъ, прободе ему ребра мечемъ, и *испусти* духъ свои, глаголя: «В руци твои, Господи, предаю духъ мой».⁴⁸³ Убиша же в томъ градѣ с нимъ Мьстину⁴⁸⁴ единого, а иныя мужи идоша к *Празѣ*: овии же избиша, а друзии разбѣгошася по землямъ. А младенци⁴⁸⁵ избиша его, а божия рабы разграбиша и изгнаша я из града, а жены ихъ за иныя мужи вдаша. И всю неприязнену сотвориша похоть – убиша князь свой.

Тира же рече: «Идемъ на госпожю, да одинова *ожалѣеши* брата своего и мать свою». Болеславъ же рече: «Никаны ся дежеть, даже инѣми dospѣем».

Вячеслава же разсѣкше отидоша, и не съхранивши его. Крастѣи же попъ вземъ, и предъ цѣрковью положи и, и покры тонкою плащаницею. Услышавши же мати убьение сына своего, и притекши искаше его. Узрѣвши же и припаде къ сердцу его, и плачущися събираше уды телеси сына своего. Собравши же, и не смѣ нести его въ домъ свои, нѣ поповѣ избѣ омывши и оболукше и, положиша и посреди церкви. Убоявши же ся мати его смерти бѣжа въ Хорваты.⁴⁸⁶ страшно бо есть, от чюжею руку

да ея не претерпить. Пославъ же не застиже я Болеславъ. Призвавъ же попа Паула,⁴⁸⁷ да молитву сътворит над нимъ. Погребоша честное его тѣло – Вячеслава, добраго и праведнаго владыку и богочетца и христороубца, служи бо ему говѣниемъ и съ страхомъ. Крови же его не хотящи по три дни в землю ити, въ третии же вечеръ, всем видящимъ, церкви в зиде над нимъ,⁴⁸⁸ и дивишася ту вси. И еще надѣмся Бозѣ молитвами и благоговѣриемъ добраго Вячеслава и больши чюдо явити ся.⁴⁸⁹ Въ истину бо Христовѣ муци приложися мука его. Съвѣтъ бо сотвориша о немъ, якоже иудѣи о Христѣ, рассѣкоша же его, *якоже и Павла,*⁴⁹⁰ и младенци его ради избиша, *якоже и Христа ради*⁴⁹¹ Въ истинну весь родъ человеческъ велми ся каяше и плакашеся о немъ.

Убьенъ же бысть Вячеславъ князь в лѣто 6000 и 300 и 30 въ 7,⁴⁹² индикта 2, кругъ солнцу 3, лунъ 8, в 28 день месяца септября. И Богъ покои его душу в вѣчномъ покоищи съ всѣми *избиенными* Его ради без вины, идѣже вси праведнии почивають въ свѣте животнемъ твоємъ, Господи.⁴⁹³

Не остави же Богъ избранныхъ своихъ в поругание невѣрнымъ, но посѣти милостью своею, и преложи и окаменение сердца на покаяние и разумѣние грѣховъ своихъ. Болеславъ же помяну вся къ Господу Богу, колико грѣха сътворивъ. Помолився къ Богу и всѣмъ святымъ, и пославъ слуги, принесе тѣло брата своего Вячеслава из Болеславля града к славному граду Празѣ, глаголя:⁴⁹⁴ «Азъ съгрѣшихъ, и грѣхъ мои и безакония моя азъ вѣмъ».⁴⁹⁵ И положиша и въ церкви святаго Вита, о десную страну олтаря двою на 10 апостолу, идеже бѣ самъ рекъ: «Сътворю церковь ту». Пренесенъ же бысть Вячеславъ князь месяца марта въ 4 день.⁴⁹⁶ Богъ покои его душу на лони Авраамли, Исаака, Иякова, идѣже вси праведнии почивають, чающе въскресения Господа нашего Исуса Христа, емуже слава в вѣки, аминь.

Житие Димитрия Солунского

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

Византийское житие-мартирий (в славянских списках – Мучение) Димитрия Солунского в одной из своих версий известно в древнерусском переводе. Греческий текст Мучения издан в *Patrologia Graecae* (Т. 116, col. 1173–1184) и в издании *Acta sanctorum* (October. Parisiis; Rome, 1866. P. 90–95). Время и место славянских переводов неизвестно, но к XIV в. на Руси получили известность по крайней мере три версии перевода. Все они крайне неисправны: сложный текст оригинала представил для переводчиков большую трудность и отдельные фразы в переводе представляют собой с трудом осмысляемый набор слов. Лучший из известных нам переводов читается в сборнике XIV в. *РГБ*, Собр. Беляева, № 54 М; другой перевод входит в сборник *ГИМ*, Чудовское собр., № 20, также XIV в. Наибольшее распространение получила третья редакция перевода: она входит в состав Торжественника, читается в составе отдельных сборников, включена в Великие Минеи Четьи. Однако этот перевод имеет много отличий от оригинала, в нем есть пропуски не только отдельных словосочетаний, но и целых фраз. Текстологическое исследование бытовавших на Руси переводов Мучения пока отсутствует.

Однако можно утверждать, что Мучение было известно уже в XI в. Об этом говорит популярность имени святого: оно было крестильным именем князя Изяслава Ярославича, а затем – Всеволода Большое Гнездо; в Киеве существовал основанный Изяславом Дмитриевский монастырь; древнейшая икона Димитрия Солунского относится к XII в.; известно, что текст Мучения был переписан по инициативе волынского князя Владимира Васильковича (ум. в 1288 г.). Имя Дмитрия носили многие русские князья, святой почитался как небесный патрон Дмитрия Донского, как его помощник в победе над Мамаем. Образ Димитрия Солунского нашел отражение в духовных стихах. На сюжет жития в 1704 г. была поставлена школьная

драма «Венец Димитрию», в основу ее была положена переработка Жития Димитрия в минеях Димитрия Ростовского.

Почитание Димитрия как святого-воина связано не столько с сюжетом основной части Мучения, сколько с одним из посмертных чудес: Димитрий спасает осажденную Солунь тем, что несмотря на божественное повеление отказывается покинуть город в час бедствия. Текст этого чуда следовал непосредственно за текстом Мучения в Беляевском и Чудовском списках.

Текст Мучения и чуда Димитрия издается по списку из Беляевского сборника; исправления сделаны по Чудовскому списку и по списку Торжественника – РНБ, F.I.900, XVI в. Тот же текст, что и в Торжественнике, опубликован в составе Великих Миней Четых (Октябрь, дни 19–31. СПб., 1880. С. 1883–1891, текст Чуда – там же. С. 1891–1912). При выборе текстуальных исправлений учитывался греческий текст Мучения, по греческому тексту корректировался в некоторых случаях и перевод.

* * *

МУЧЕНИЕ СЯТОГО И СЛАВНОГО МУЧЕНИКА ДИМИТРИЯ
Благослови, отче!

Максимиан Геркулий, замилив готов и сарматов и обратив их в данников римлянам, пришел в Селунский град и остался там, зловерный и богохульный человек, погруженный в пучину суеверий. Торжествовало тогда суеверное поклонение идолам и кумирам, и повсеместно их чтили, а служителей Бога преследовали и без вины истребляли служивших истинной премудрости. Был среди них блаженный Димитрий, всем известный тем, что не ведал он страха и не терялся перед невзгодами. С юных лет отличался он житием чистым и беспорочным, в душе же хранил слово спасения, и, делясь им с приходящими к нему, поучал с радостью, и убеждал, и проповедовал, следуя апостольской заповеди блаженного Павла к святому Тимофею, который писал и наставлял поступать так во время благоприятное и в безвременье.

Этот же блаженный Димитрий был из рода славных вельмож и сенаторов, отслужив первоначально эксцептором,

стал анфипатом в Элладe и оратион ипата получил от царя Максимиана. Но тот Димитрий ни во что не ставил земную славу, но следовал животворящему слову, говоря, что человека, погибшего и своими беззакониями умерщвленного, премудрое божественное Слово своим пришествием во плоти отторгло от заблуждений и очистило от всякого безумия и от всякого мрака, свет же воссиял нам и настал день освобождения в душах, принявших его, принесло Слово то правду и кротость, любовь, надежду, созидая нам жизнь вечную, временное отменяя, даря нам вечное нетленное обручение, восстание из мертвых, ходатайствуя за наше возвращение в рай.

Когда дерзал учить этому блаженный мученик, своею верою подкрепляя слово Божие, приходили к нему многие язычники и собирались в западной части большого городского рынка, в портике, именуемом кузнечный, он имел обыкновение собирать народ в подземных галереях вблизи от общественной бани. Разнеслась же слава о нем по всему городу и по земле той.

Тогда приказал царь горожанам разыскивать христиан. И схватили блаженного Димитрия, не обратившимся в бегство был он схвачен, а когда служил обычную службу Богу со своими единоверцами. И привели его к богохульному Максимиану, словно некую великую добычу, думая, что этим покажут себя лучшими друзьями царя; и чтобы не скрылся никто из христиан, выдавали ему даже вельмож.

Случилось так, что царь в это время направлялся в городской театр, который именуют стадион, чтобы посмотреть на единоборство гладиаторов. Здесь была для него сооружена на высоте огражденная досками арена, на которую поднимались и на виду у всех боролись друг с другом, ибо было для него Максимиана радостью видеть, как проливается человеческая кровь.

Не было, однако, поводом для печали или скорби это зрелище, ибо любил он одного из борцов, по имени Луй, вандала родом, отличавшегося силой и огромным ростом, который не только в Риме убил многих в поединках, но и в Сермии и в Селуньском граде, спешил на доски арены, чтобы благодаря великому умению и навыкам убивать многих людей.

Так как не было никого, кто бы решился выступить против него и все боялись его, то среди первых почитал его царь и очень любил, и взирав на него с радостью, и восхвалял его, и дивился огромному его росту, и хвастался его гордыней. Когда оказался Максимиан возле театра и сошел с колесницы, тогда и поведали ему и привели блаженного Димитрия. Расспросили его, продолжает ли он поклоняться Христу, и узнали, что и других учит поклоняться распятому Христу.

Увидел же царь дерзость его, называющего себя христианином и всею душою желающего все претерпеть во имя Господа нашего Иисуса Христа, и прекрасное лицо его. Но, будучи полон ожидания предстоящего зрелища, повелел заключить мученика в печных каморах народной бани, находившейся поблизости от театра. Находясь там, увидел Димитрий змею, называемую скорпионом, выползшую под ногами у него и хотевшую ужалить святого, осенив ее знаменем честного креста и плюнув на нее, он умертвил ее. Тогда же ангел Господень, придя, венец возложил на голову святого мученика и возвестил ему: «Мир тебе, страстотерпец Христов! Мужайся и крепись!»

Царь же, придя на стадион, воссел, приказал ввести Луя, и воззвал через глашатаев к народу, приглашая желающего с ним бороться и предлагая победителю дары и много золота. И тут один юноша из толпы, прекрасный видом и еще юный годами, по имени Нестор, едва начавший обрастать бородой, известный славному мученику Димитрию ибо видели чудеса, им творимые, многие, приходящие к нему и наученные им чтить Христа и поклоняться тому, пришел в то место, где сидел под стражей святой, и, припав к ногам его, сказал: «Раб Божий Димитрий! Хочу с Луем бороться, так помолись же обо мне Христу!» Святой же осенил знаменем Христовым и чело его и грудь и отпустил его, сказав: «И Луй одолеешь и за Христа будешь замучен».

Направился Нестор на стадион и, сбегав по ступеням, сбросил с себя одежду и предстал перед Максимианом; удивленный же царь подозвал к себе выскочившего юношу и стал уговаривать его, говоря: «Юноша! Понимаю я, что скудость

средств твоих разбудила в тебе такую дерзость, что или – победив – в тот же час получишь богатство, или же, потерпев неудачу, и нищеты, тебя терзающей, лишишься и жизни. Я же, жалея молодость твою и юность, за одну отвагу твою дам тебе почетную и достаточную награду, и иди, сохранив жизнь и обрета злато. Лую же не противься, ибо убил он многих более сильных, чем ты».

Услышав это, Нестор не взял даров царских и не испугался похвал Лую, а ответил царю: «Не золота хочу, – сказал, – и не из-за него вышел на поединок, а хочу погубить Лую. Не хочу я иначе жить, и не за богатством пришел, но хочу сокрушить Луеву славу». Тогда царь и приближенные его возмутились, услышав это, не стерпели дерзости юноши, и воззвал царь и возопил, подбодряя Лую.

Нестор же, осенив грудь свою знамением животворящего креста, взял сулицу, и возвел глаза к небу, и произнес: «Бог Димитрия, раба твоего, ради возлюбленного твоего сына Иисуса Христа, ты, покоривший иноплеменника Голиафа верному тебе Давиду, ниспровергни дерзость Лую и Махсимиана мучителя!» И выскочил на середину арены, и начался поединок, и смертельную рану в сердце получил Луй, и был убит. Немалую душевную травму он нанес тем царю. А Нестор прославил Бога, ибо молитвой святого Димитрия убит был иноплеменник.

Максимиан тогда вскочил со своего трона и печальный возвратился в царский свой дворец, говоря: «Если бы не было чародеяния каких-то богов, то не был бы Луй, отличавшийся таким мужеством, убит этим юношей». И призвал к себе мучитель Нестора и сказал ему: «Скажи мне, юноша, какие чары ты использовал или кого имея в помощниках Лую убил?» Отвечал Нестор: «Никаких чар не было, и без какого-либо обмана он убит, но Бог Димитрия и Бог христианский послал ангела своего и убил моей рукой кичливого гордеца». Разгневался царь и приказал отвести его как христианина в западную часть города, к так называемым Золотым воротам, чтобы тут отрубил ему голову своим мечом Минукиан протиктор. И так увенчан был Нестор венцом мученика.

Некие же вельможи стали наговаривать царю на Димитрия и убеждать его в том, что Димитрий – причина гибели Луя. Тогда очень разгневался царь и сказал: «Не к добру была наша встреча, когда встретились мы на пути моем к театру». И приказал в той каморе, где находился под стражей святой, заколоть его копьями. И так был убит преславный мученик и окончил в страданиях жизнь, исполненную благой веры. Лупп же, раб и слуга святого Димитрия, предстоявший ему, взяв ораион святого, собрал в него кровь его.

И взяв царский перстень, который он Димитрий носил на руке, обмакнул его в святой крови и стал исцелять им одержимых различными недугами и страдающих от нечистых духов исцелял молитвами и посещением святого и благодатью, которой обладал перстень его, так что весть о том разнеслась по всему граду Селунскому. Услышав о нем, что исцеляет он больных, приказал царь казнить и Луппа в городском трибунале в один из дней, когда застали его в окружении других верующих Христу.

Пресвятое же тело славного Димитрия было брошено убийцами без присмотра, и тогда некие от братьев благочестивых, взяв ночью, ибо боялись они царя, и раскопав как смогли землю там, где оно было брошено, присыпали его землей, чтобы не причинили ему никакого вреда кровожадные звери. И никто не позаботился о том, чтобы перенести тело святого, но осталось оно на том же месте, и знамения и исцеления бывали на месте том, и Божьим даром получали приходившие к нему с верой, и постоянно все радовались здесь, и разнеслась слава по всей Македонии и Фессалии о чудесах, творимых святым мучеником.

Когда же изгнана была ложная вера в кумиры и просияла непорочная и православная христианская вера, Леонт, некий славный муж, управлявший иллирийской епархией, отправился в Дакию, и тяжело заболел, и на носилках был принесен в Селунский град своими рабами, и положен на том честном месте, где под землей покоилось тело святого; и положен как раз над целящим гробом святого. И тотчас выздоровел, так что удивился и сам он и приближенные его скорому пришествию

мученика, и воздали хвалу Богу и преславному мученику Димитрию. И тогда Леонт, разрушив печи и разломав бассейны для горячей воды, и стены, с бывшими возле городскими воротами, создал между общественной баней и театром всечестный храм во славу великого мученика Христова, всячески его украсив.

Собравшись возвращаться в Иллирию, пожелал он взять что-либо от мощей святого, чтобы и там церковь создать в его имя, но преславный страстотерпец Христов Димитрий явился ночью ему, и запретил это делать. Тогда взял он хламиду, обогренную святой кровью его, и часть орария его, и изготовил ковчег серебряный и положил все это в него. Когда же отправился Леонт в путь, стояла зима, и разлилась река Дунай, так что нельзя было переправиться через нее на лодке, и так как несколько дней не спадала вода и препятствовала дальнейшему пути, в печали пребывал епарх.

И увидел во сне славного мученика, возвестившего ему: «Всю печаль и сомнения свои отринь и возьми то, что несешь, и без помехи перейдешь реку». Наутро же Леонт сел на коня своего, держа в руках честной ковчег, и без помех переправился через реку. И так, придя в Сермий, положил здесь честной ковчег со святыми реликвиями, находившимися в нем, и возвел здесь честную церковь во имя преславого Христова мученика Димитрия подле честной церкви святой мученицы Анастасии. Многие же чудеса и исцеления Господь сотворил там, где останавливались на пути колесницы и кони, благодатью и щедротами и человеколюбьем едиnorodного Сына Божьего, с ним же Отцу слава со Святым Духом и ныне, всегда и в века!

ЧУДО СВЯТОГО ДИМИТРИЯ, КАК ВИДЕЛ СЛУГА ЕГО ПРИШЕДШЕГО К НЕМУ АНГЕЛА

На рассвете третьего дня той войны, в который снизошла на горожан от Бога отвага, как об этом говорилось прежде, некий муж, знатный родом, известный жизнью своей, смиренный сердцем, славный и отмеченный саном иллюстрия, о таких сказано в Писании: «Беззлобные и прямодушные пойдут за мной», увидел, как говорил он – во сне о чем доподлинно рассказывал своим близким, и ужаснулся, видя, что стоит он

перед притвором святой церкви славного мученика Димитрия. «И вот, – рассказывал, – два красивых высоких мужа явились передо мной и вошли снаружи в притвор, так что я принял их за посланцев императора. Один же из них громко возгласил: “Где господин дома этого?”» Появился в средних дверях церковных один из слуг и сказал в ответ: «Зачем нужен он вам?»»

Они же сказали: «Владыка наш послал сообщить ему нечто». Слуга же тот показал им на святую раку церковную, говоря: «Здесь он». Муже же те, видом подобные ангелам Божиим, подошли к тому месту и сказали слуге: «Иди, возвести ему о нас». Я же, одержим страхом, пойдя следом за ними из притвора, встал у одной из колонн возле святой раки, желая узнать, что хотят поведать от царя святому. Слуга же постучал в дверцы раки, и тотчас же открыл их изнутри славный мученик Христов и встал у дверей, так что и мне, недостойному, было видно его. Я же пал ниц не в силах зреть ангелоподобный лик его: был он видом похож на изображение на древних иконах, а лицо его сияло, словно испускало солнечные лучи. И лежал я ничком, и озарилось мое лицо излучаемым им светом. И так, лежа, внимательно слушал я, о чем будут они говорить между собой, и услышал, как целовали сердечно святого эти мужи.

Он же сказал им: «Благодать с вами! Во имя чего потрудились прийти ко мне?» Отвечали ему мужи: «Владыка наш послал нас к святости твоей и так говорит тебе: “Скорее изыди и шествуй ко мне, ибо город будет предан врагам”». Я же, услышав это, пришел в смятение, и охватила меня печаль; приподнявшись немного, увидел я человеколюбное и ласковое лицо мученика, поистине милосердного и градолюбца, удрученное печалью, и грустное и к земле склоненное. Прошло немало времени в молчании долгом, и видел я, как слезы текли по богоподобным щекам, так что слуга сказал мужам: «Зачем так опечалили господина моего? Поистине, если бы раньше знал о словах ваших, не сказал бы о вас моему господину». Тогда отверз святой свои богословесные уста и сказал слуге: «Не трогай их, они – друзья мои, и что приказано им, то мне и говорят».

И сказал им: «Действительно ли такую весть прислал мне Владыка мой? Так ли изволило владычество его, что такой город, уже столькими поколениями во имя пота его и крови, истекавшей из его честных ребер, утвердившийся в вере, ныне будет растерзан свирепыми этими зверями? Таково ли желание человеколюбия его?» Отвечали светлые мужи: «Если бы не угодно ему было, не отправил бы нас к благочестивой душе твоей». И тогда опечалился очень Димитрий, и долго покачивал головой, и, пораздумав, с великой печалью изрек ответ. И непрестанные вздохи его, и слова, и тихий голос свидетельствовали, что в великой скорби он из-за любви к своему отечеству. Ответил же он мужам: «Идите, братья, скажите благому моему Владыке так: говорит твой истинный раб Димитрий: “Ты, Владыка, господин и мне, и городу, и всему миру, и как властитель повелел мне здесь пребывать с рабами твоими. Как же могу я их оставить в такой беде и нужде и уйти? И с каким лицом увижу я гибель отечества своего? Какая будет жизнь горожанам моим гибнущим? Но напротив – как пребывал я с ними и душой радовался, так и теперь их, в беде оказавшихся, не оставлю. Или спасутся они – и я спасен буду, или погибнут – погибну и умру с ними. Ты ведь сам, Владыка, положил душу свою – словно хороший пастух – за овец своих. Поистине знаю я, что не превозмогли грехи наши милосердия твоего, ибо милость твоя к нам велика, и ярость твоя праведная требует нашего обращения, а не гибели. Владей всеми, благой Владыка, и что повелишь, то и сделай нам. Я же, как сказал: если спасутся они – спасен буду, если погибнут – умру с ними”».

Когда сказал так милосердный мученик, душа моя отчаявшаяся немного воспрянула от охватившей ее печали. Отвечали же мужи, говоря святому: «Это ли велишь нам сказать Владыке?» Отвечал святой: «Да, молю вас». Спросили же они: «Так почему же не идешь с нами? Берегись, а вдруг не смилуется пославший нас, раз ты его послушался». Отвечал святой: «Я знаю: всегда гнев его предваряют милосердие и благодать его». Таков ответ дал и, сказав так, поцеловал он светлых мужей и, серебряные двери затворив, в которых стоял, остался внутри, не ушел от нас благодатью Христовой. И тут –

сказал иллюстрий – я, грешный, почувствовал, что пришел в себя и не сплю».

Увидев же все это, тот добродетельный и боголюбивый муж тотчас же побежал по городу, убеждая горожан и только одно им говоря: «Наберитесь мужества, братья, святой страстотерпец с нами помощью Христовой, и не коснется нас зло». С того момента, как было написано, в доблесть облеклись горожане и на врагов стали нападать и те, кто не решались прежде и голоса подать из-за великого страха.

Впоследствии иллюстрий близким своим поведал особо о рассказанном ранее видении. И так, побуждаемый нами, поведал истинную причину того, почему ходил он по городским улицам, убеждая всех, что спасен будет город. Так показал нам славный мученик Димитрий и сотворил, что видение сбылось в действительности, так какую же хвалу и славословие ему перед Богом воздадим? Какие почести и благодарение принесем славному мученику, сравнимые с милосердным его решением, когда он премногими своими щедротами уподобился Господу Богу Спасу нашему и душу свою положил за нас, недостойных, грешных, и не только послушался повеления Божьего, надеясь на Божье человеколюбие, но и умереть с нами, многомилосердный, обещал. О душа святая, и градолюбивая, и щедрая! О мудрость богоданная и совет богоугодный, деяние боголепное!

Так как постиг ты Бога всех, что не губит он праведника с нечестивыми, не оставляет жезла грешника на жребии праведника, то, видя наши грехи, все превосходящие по силе своей, и хотя побоялся, как думаю, что за нас моля, слушаешься богоданной воли, все же, поразмыслив, совершил: остался в доме своем и не покинул город, чтобы ни самому не испытать никакого зла, ни городу – напасти от поганных. Вот так же, если венец, скованный из нечистого золота, но украшенный только одним драгоценным камнем, захочет переплавить управитель дома, чтобы очистить загрязненное золото, то не даст того совершить господин, ибо, очищая золото, сверкание камня погубит. Вот так и тогда: хотя многократно мы были смерти достойны из-за наших

многочисленных прегрешений, не погубил города Господь, чтобы не случилось чего-либо со страстотерпцем, пребывающим с нами, недостойными.

Так помолимся же все истово, возлюбленные, и путь наш на благие дела направим, молитвами и деяниями удержим мученика навсегда остаться с нами. Всем этим и Божью милость без сомнения обретем, ибо Димитрий спасает нас и хранит от первого из умозрительных врагов – дьявола, избавляет нас от вечной муки и ходатайствует за нас о царстве небесном. Молю же, братья, всем собором вашим, всей силой души возопить к щедрому Богу о богохранимом городе нашем, и о всех христианах, и обо мне, и о ничтожестве моем, как о недоноске, о ниспослании мне благодати, ибо гражданина и помощника и в Боге владыки нашего преславного мученика Димитрия благо чудотворения я описал, хоть кратко, но истинно, и приятно слуху вашему, Христа ради Иисуса, Господа нашего, истинного Бога, с ним же царствует над всеми Бог Отец с животворящим его Духом. Слава и честь и поклонение от всех сотворенных им возносятся искони, и ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

* * *

МУЧЕНИЕ СВЯТАГО И СЛАВНАГО МУЧЕНИКА ДМИТРЕЯ Благослови, отче!

Максимиянъ Еркултанъ *умирав* и данники створи гофѣфы и савромати римомъ,⁴⁹⁷ съшедъ въ Селуньский град,⁴⁹⁸ живяше зловѣрникъ и богохулникъ челоувѣкъ и въ глубину льсти впадѣся. Веселяше же ся тогда леть идолеская и кумирьская и повсюду чтома, гоняху бо служителя Божия и без вины побиваху истинныя премудрости служителя. В нихже бѣ блаженный Дмитрие, являся самъ и ни единого же страха, ни бѣды съмняся. Житие чисто и бес порока от уности показавъ, спасеное же слово имѣя в собѣ и подавая приходящимъ и уча с радостью, и увѣщевая и глаголя по апостольстѣй заповѣди блаженаго Павла къ святому Тимофѣю, написавшю и уставившю еже створи въ время и безъ време.⁴⁹⁹

Се убо блаженный Димитрий *от* рода славныхъ велможъ и свѣтникъ сый, санъ первѣе приимъ скипетровъ, и анафипать бывъ въ Елладѣ,⁵⁰⁰ и оратиона⁵⁰¹ бѣ взялъ ипатова сана от

царя *Максимьяна*. Но онъ паче земную славу ни въ чтоже вѣмѣнивъ, животворящая же словеса творяше, сказая, яко челоуѣка погыбша и своими безаконии умерщвена премудренное Божие Слово, плотское пришествие, отягъ ны от лъсти и очисти ны от всякого безумья и всякыя тмы, свѣтъ же въсия, и день свободи въ душахъ, приемлющихъ е, створи же правду и кротость, любовь, надежу, жизнь творяще вѣчную, временая отмещюще, присносущее же нетлѣнное обручение подающа, въстание еже из мертвыхъ, възращение еже в породу исходатающи.

Сии учащю блаженому мученику с дерзновениемъ, слово Божие утверждающе вѣроу, мнози же к нему прихожаху от елиньска народа, и збирающимся от запада великаго торго градъскаго въ нарѣчемѣмъ *притворъ ковачьстѣм*,⁵⁰² идеже бѣ ему обычай сборъ творити подземными камарами *близъ* людская баня. Прославивъши же ся славѣ его по всему граду и области.

Тогда повелѣ царь гражаномъ искати крестьянъ. И имше блаженаго Дмитрия, не бѣжа бо ятъ бы: съ *братъею* же обычная службы въздая Богови. И къ богохулнику Максимеяну, якоже се нѣкый великий ловъ, приведоша, мняще паче приятели явитися царю, яко да не утаится ни единъ же крестьянинъ, но и боляры повѣдающе.

Он же случися иды на позорище града, еже стати нарѣчють, позора дѣлма хотящихъ братися оружиемъ. Ту же бѣ ему створено и дѣсками огражено – *кругъ на высотѣ* вися, иже приимаше вся входящая въ нь и позорно противу себѣ борящихся, занеже веселие ему бѣше зрѣти пролетья челоуѣчьскы крови.

Обаче бе-скорби и бес печали бѣ ему позоръ, любляше бо единого борца, именемъ Луя, от языка *уанѣдилска* суца, крѣпостью и величествомъ тѣла възращеша, иже не точыю въ Римѣ борбою многы уби, и въ *Сермии*⁵⁰³ и въ Селуньстѣмъ градѣ, течаше бо по дѣскамъ, и пообрату многою хитростью и учениемъ и обычаемъ убивати многы челоуѣкы.

Понеже того мнози убояшася, зане не обрѣташеся никтоже противенъ ему, въ старишинахъ имѣше его царь и зѣло

любяше его и съ благостию на нь взираше, и хваляше его, и чюдяшеся възрасту тѣла его и величашеся о гордости его. Егдаже близъ бы позорища, съсѣдшу ему с *колесница*, тогда повѣдаше и приведоша къ Максимеяну блаженанаго Дмитрия. Въпраша же его, аще пребываетъ и еще Христу покланяся, и увидѣвъ, яко инии поучаетъ покланятися распятому Христу.

Видѣвъ же царь дерзновение его, крестьянина себе нарѣчюща, и весьма чающа что-либо прияти ради имени Господа нашего Исуса Христа, уже бо и лицо святаго зѣло красно бѣше. Он же всѣма в позорѣ сый и пресловущаго мученика ту же близъ позорища людская баня, повелѣ святаго хранити в пещныхъ камарахъ.⁵⁰⁴ В нихъ же держимъ бысть, узрѣ змию, наричемую скоропию, подъ ногама изълѣзъшюю и покушающюся *усѣкнути* святаго, знамяние же честнаго креста сътвори на скоропии и плюну на ню, и мертву створи. Абие же ангелъ Господень, пришедъ, вѣнецъ възложи на главу святаго мученика и рече ему: «Миръ тебѣ, страстотерепче Христовъ! Крѣпись и мужайся!»

Царь же вшедъ в позорище и сѣдъ, Лия же въведъ и призва *проповѣдники* хотящаго братися от народа, предлагая и съ *одолѣньемъ* дары и злато много. Единъ же от народа уноша, зѣло красенъ и еще младъ сый възрастомъ, именемъ *Несторъ*, уже *власы брадныа испущаа*, знаемъ сый славному мученику Дмитрею (видѣша бо *бывающа* чюдеса от него и многы приходяща к нему и научаеми *читити* и покланятися Христу), въниде, в немъже бѣ *мѣстѣ* хранимъ святой, и припадъ на ногу его, глаголаше: «Рабе Христовъ Дмитрие! Хочу съ *Луемъ* братися, да помолися о мнѣ Христови!» Святой же сътвори знамяние Христово на челѣ его и на сердци его, и отпусти его, рекъ: «И Лия побѣдиши и за Христа мученъ будеши».

Шедъ же в позорище и по степенемъ съскочивъ, съвергъ же ризу, и ста предъ Максимеяномъ; яко *удивльшюся* цареву, призва к себѣ искочившаго уношю, увѣщеваше же его, глаголя: «Уноше! Вѣдаю, яко недостатокъ имѣния в толку дерзѣшь ты вложи, да или, *одолѣвъ*, внезапно богатство възмеша, или, погрѣшився, нищетѣ пакости дѣющи, и с нею животъ скончаеши. Азъ же за милость възраста твоего и за уность, юже имаши, и за

дерзость твою тѣчию дам ти достойны и доволны дары, и иди съ животомъ, имѣя злато. Люеви же не противи, занеже многы силнѣйша тебе убиваетъ».

Се слышавъ, Нестеръ ни взятъ царева дара, ни устрашися о похвалѣ *Люевъ*, цареви же отвѣща: «Ни злата хошю, – рече, – ни того дѣлма на борение придохъ, но да погублена Люя створю. Не хошю бо жити, и ни *богатитися* придохъ, но дерзаю на *Люеву* славу». Абие же царь и сущии с ним разгнѣваша о реченыхъ, дерзости уношю не стерпѣвше, царь зовы и въпияше, поучаше Люя.

Нестеръ же створи образъ животворящаго креста, назнаменова на сердци своемъ, и възять сулицю, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже Дмитреевъ, раба своего, ради възлюбленаго ти отрока Исусе Христе повинувый Голиияда иноплеменника вѣрнику своему Давиду,⁵⁰⁵ самъ мнѣ низложи дерзость Люеву и Максмяна мучителя!» И въскочи посрѣди круга, бывшую же съражению сътремью, и лютую язву въ сердци прием *Лий*, абье убьенъ бысть. И послѣднюю душевную печаль створи цареви. Нестеръ же прослави Бога, яко молитвою святаго Дмитрея убьенъ бы иноплеменникъ.

Максмянъ же абье въскочи от стола своего и дряхлѣ въ царскый свой дворъ възвративъся, глаголя: «Тако ми боговъ чародѣяннѣя нѣкая быша, а не бы убьенъ былъ симъ уношею, показавый тако и толко мужество!» Призвавъ же к себѣ мучитель Нестора и рече к нему: «Рци, уноше, кыя чары створивъ или кыя помощники имѣя, Люя убилъ еси?» Отвѣщавъ Нестеръ: «Ни убо чари не быша, но ни лукавствомъ никоимже убьенъ бы, но Богъ Дмитреевъ и Богъ крестьяньскый, той посла ангела своего и уби рукою моею гордаго и величаваго». Разгнѣвавъ же ся, царь повелѣ яко крестьянина отвести в западную страну града, въ рекомаю Златая врата, и ту своимъ мечемъ усѣкнути его Минукияномъ протикторомъ.⁵⁰⁶ И тако мучения вѣнецъ увязеся.

Нѣци же велможа наustiша царя Дмитрия и дѣлма и рекшимъ, яко то бы вина Люева убьения. Тогда же зѣло разгнѣвався царь и рече: «Не бысть сряща добрая, усрѣтшии мя, идуща в позорище». И повелѣ, в нейже бѣ печи стрегомъ святой, копыями събости его. И тако убьенъ бысть преславный

мученикъ и добраго исповѣданія мучение сконча. Лумпъ же, рабъ и слуга святаго Дмитрея, стоя у него, въземъ *орарионъ*⁵⁰⁷ святаго и в немъ собра от крови его.

И въземъ же царскый перьстень, иже ношаше на руцѣ и поваля въ святѣй крови и творяше имъ исцѣления во всѣ одержими различными нѣдуги и стражующиихъ от духъ нечистыхъ исцѣляше молитвою и посѣщениемъ святаго и благодѣтию перстени его, яко просълыти о томъ по всему граду Селуньскому. Увѣдѣвъ же царь о немъ и како исцѣлѣваетъ болящихъ, повелѣ и того убити въ тривунали градѣстѣмъ,⁵⁰⁸ въ день же нѣкий, сѣдящю ему съ инѣми, вѣровавшими Христови.

Пресвятое же славнаго Дмитрея тѣло *небрегомо* бысть *убившиими, нѣции тогда от братий благоговѣйныхъ*, въземше ночью, страха ради царева, и на той перьсти, на нейже повержено тѣло, разъгребше, елико можаху, и скрыша, да никоеяже пакости не приметъ от плотоядецъ животных. Никакаяже печаль потомъ бысть пренести тѣло святаго, но оста на мѣстѣ, знаменія же и исцѣления бывающа на мѣстѣ томъ, и Божиимъ даромъ приступающимъ къ нему съ вѣрою и по вся дни всѣмъ веселящимся ту, прослывъшю по всей Македонии и Феталии, и повѣдаему о чудотворении святаго мученика.

Уже и кумирѣстѣй лѣсти прогнанѣ и просиявши непорочнѣй и православнѣй крестьянѣстѣй вѣрѣ, Леонтъ, нѣкоторый мужъ славенъ, илирѣскыя епарѣхы предѣдержа, грядый въ *Дакийскую* страну и въ великъ недугъ въпаде, на носилѣхъ же рабы своими в Селуньскый градъ принесенъ бысть и положенъ на честнѣмъ мѣстѣ, идѣже бѣ тѣло подѣ землею лежа святаго, и абие положенъ бысть верху цѣлотворящаго гроба святаго. И абие здравъ бысть, яко чюдитися самому и своимъ ему скорому посѣщению мученика, хвалу же въздаяше Богу и преславному мученику Дмитрею. И ту абие пещныя комары разоривъ и домъ теплыхъ водъ разоривъ, и зданіе стегнъ разоривъ и съ *емьболи* сущими ту,⁵⁰⁹ всечестенъ въздвиже и създа домъ въ славу великаго Христова мученика и различно украсивъ, межи людскою банею и позорищемъ.

Хотя же ити в Илирикъ и въсхотѣ нѣчто от мощей взяти святаго, дабы и тамо церковь создалъ во имя его, ему же

преславны страстотерпецъ Христовъ Дмитрей ношью явися и възбрани то створити. Възем же окровницу его, очръвленную святою кровью его и часть от ураря и створи ковчегъ сребренъ и въложи в него. Идущю же ему, велицѣ зимѣ бывши и Дунавѣстѣй рѣцѣ разливаемѣ волнами, яко не мощи ея преити ни в корабли, на многии же дни не осяцающи и не дающи пути напредъ, и в печали бяше епархъ.

Видѣ же во снѣ славнаго мученика, глаголюща ему: «Всяку печаль и невѣрье отверзи и возми, еже носиши, и преидеши рѣку бес пакости». Заутра же, въсѣдъ на конь свой, держа в руку честный ковчегъ, и преиде рѣку бес пакости. И тако шедъ въ Срѣму и ту положи честный ковчегъ и съ святымъ знаменiemъ, иже в немъ, и създа ту честную церковь во имя преславнаго Христова мученика Дмитрея близъ честныя церкви святыя мученица Анастасья. Многа же чюдеса и исцѣления Господь сътвори, *идѣже путемъ колесница и животнаа почиваху*,⁵¹⁰ благодатью и щедротами и чelовѣколюбьемъ единороднаго Сына Божия, с нимъже Отцю слава съ Святымъ духомъ, и нынѣ, присно, въ вѣки.

ЧЮДО СВЯТАГО ДМИТРИЯ, ЕЖЕ ВИДѢ СЛУГА ЕГО ПРИШЕДША К НЕМУ АНГЕЛА

Свитающю убо третьему дни тоя *войны*, во ньже *дерзновенье* от Бога гражаномъ бысть, якоже преже указахомъ,⁵¹¹ мужъ же нѣкий, добророденъ сущий и славенъ житьемъ, кротокъ же сердцемъ сый, славенъ бѣ, нарицаемъ *илистрие*,⁵¹² и саномъ почтенъ, о немъже и писано есть: «Незлюбиви и правии прилѣпляхуся мнѣ»,⁵¹³ видѣ, якоже рече, во снѣ, якоже истие приснымъ глаголаше, и въ ужасѣ бывъ, видѣ себе стояща предъ запониемъ святыя церкви славнаго мученика Дмитрея. «И се – рече – два лѣпа высока мужа явиста ми ся и въшедша извону въ томъ трезапонѣ, яже мнѣхъ посланика суща царева еста. Единъ же от нихъ возпи гласомъ: “Кдѣ есть господинъ дому сего?”» Яви же ся ... въ среднихъ дверехъ церковныхъ единъ от слугъ его и *отвѣща*, глаголя: «Что требуется его?»

Она же реста: «Владыка наю посла повѣдати ему слово». Он же повѣда има святыи кивохъ церковный, глаголя: «Здѣ

есть». Мужа же сия, имуща видѣния подобно яко ангела Божия, и приближистася к мѣсту, реста къ служѣ: «Шедъ, повѣжь наю ему». Азъ же ужасенъ быхъ и въслѣдъ ихъ идохъ от тръзапоннаго и стахъ у единого столпа святаго киворѣ,⁵¹⁴ хотѣхъ увѣдѣти, что хоцють повѣдати от царя къ святому. Слуга же толкнувъ двери кивотныя, и абие отверзе изутрьуду славный мученикъ Христовъ и ста близъ дверей, яко и мнѣ недостойному видѣти его. Азъ же падохъ ниць, не могый зрѣти ангелообразнаго лица его, бѣ бо зракомъ по писанию написаннаго на древнихъ иконахъ, обличье же лица его сияющи, яко солнечная луча пуцааше лучю. И ниць възлежахъ и посвѣтѣся лице мое от свѣта его. И, лежащи ми ниць, прилѣжно слушахъ, что имуть межю собою глаголати, и услышахъ, яко цѣловаста любезно святаго сия мужа.

Он же рече к нимъ: «Благодать с вами! Что дѣлма трудистася до мене?» Глаголаста ему мужа: «Владыка ны послалъ есть къ святыни твоей и сице глаголетъ ти: “Скоро изыди и гряди ко мнѣ: градъ бо врагомъ преданъ бываетъ”». Азъ же услышахъ, и възмутихся и печалью одержимъ быхъ, *въсклонихъся* мало и узрѣхъ челоуѣколюбное и милостивое то лице сущаго поистинѣ щедраго и градолюбца мученика, съдручена печалью и дряхла, и на землю ничаща. Велику же часу минувшую и премногу молчанию бывшую, видѣхъ слезы его по богозрачнама ланитама текущи, якоже рещи служѣ к мужема: «Почто тако господина моего оскорбиста? Поистинѣ, аще быхъ первие разумѣлъ глаголь ваю, не быхъ ваю повѣдалъ господину моему». Тогда богословесная уста своя отверзъ святой и рече къ служѣ: «Не дѣй ея, клеветы ми еста, и еже повелѣно имъ есть, то же и глаголета».

Рече же к нима: «Поистинѣ такую ли ми вѣсть пусти Владыка мой? Тако ли изволился державѣ его, да толикъ градъ въ толикъ родъ потомъ его и кровью честныхъ ребрѣ его утвержень вѣроу, нынѣ сверѣпыми сими звѣрми расторгень будетъ? То ли хотѣние бысть челоуѣколюбью его?» Отвѣщаста свѣтлая мужа: «Аще то ему годѣ не было, не бы наю пустилъ къ благочестыи души твоей». И тогда велми печалень бысть и долго кивавъ главою, якоже се съвѣщевая съ мною печалью

отвѣтъ створи. И много въздыхание, словесъ его измолкъ и глас языка являше, любовию по отечествѣ своемъ великую печаль имяше. Отвѣща же къ мужема: «Шедша, брата, рыцѣта благому моему Владыцѣ сице: Глаголетъ домашний присный рабъ твой Дмитрий: “Ты, Владыко, Господь еси мнѣ, и граду, и всему миру, и якоже имаши власть, повелѣлъ ми еси здѣ жити съ рабы твоими. Како убо могу оставити я въ тольцѣ бѣдѣ и нужи и отити? Или коимъ лицемъ узрю погубление отечества моего? Кая же жизнь гражданомъ моимъ гибнущимъ? Но обаче, якоже бѣхъ съ ними и духовнѣ радуяся, такоже и въ бѣду въпадающимъ имъ, не остану ихъ. Или спасутся – спасенъ буду, или погибающимъ – погібну и умру с ними. Ты бо самъ, Владыко, положилъ еси душу свою якоже пастырь добры за овца. Съвѣмъ поистинѣ, яко не предолѣють грьѣси наши милосердью твоему, яко милость твоя великая на нас и ярость твоя праведная нашего обращения требуетъ, а не пагубы. Владый съ всѣми, благый Владыко, еже велиши и сътвори о насъ. Азъ бо, якоже рѣхъ, аще спасающимся имъ, спасенъ буду, или погибающимъ имъ – умру с ними”».

Се милосердому мученику глаголавшю, отдохну мало оканьяная моя душа от одержавшая мя печали. Отвѣщавша же мужа рекоста къ святому: «Сице ли велиши нама глаголати къ Владыцѣ?» Рече святы: «Ей, молю ваю». Спросиста же она: «То почто не идеши с нама? Блюди, да не съжалитси пославый наю, якоже ослушанъ бывъ!» Отвѣща святы: «Азъ вѣдѣ: яко присно гнѣва его варяетъ милосердье и благодать его». Таков же отвѣтъ створи, и се рекъ, свѣтлая мужа цѣлова, и сребреныя двери затвори, въ нихъже стояше, вънутрь оста, не отшедъ от насъ благодатью Христовою. И абие, – рече, – азъ очютихъ, грѣшный, *в себе бывъ, не спахъ*».

Се видѣ добрый тѣ мужъ и боголюбецъ абие же по граду всему текъ, поучеваше гражаны и се точью глаголя имъ: «Дерзайте, братие, святыи страстотерпецъ с нами есть помощю Христовою, и не прикоснется намъ злое». Оттолѣ же, якоже писано есть, и въ дерзновение облекошася гражане и на врагы подѣскааху, не могуще первѣе ни понѣ глас испустити великаго ради страха.

Послѣдъ же приснымъ исповѣда особъ предъреченое видѣние. И тако, понуженъ бывъ, истую же намъ вину *исповѣда*, что ради по граднѣй странѣ ходя о спасении града всѣмъ глаголаше. Се показавшю намъ славьному мученику Дмитрию и събытию вещи истиньно видѣние сътворшю, кою хвалу или славословие о немъ Богови въздамы? Кое же *честь* и благодарение славьному мученику принесѣмъ точно милосерднѣй воли его, иже премногами щедротами своими подража Господа Бога Спаса *нашего* и душу свою положи за ны, недостойныя, грѣшныя, и не точью господьскаго повелѣния, въ Божие челоуѣколюбие възирая, ослушася, но и умрети с нами, многомилосердый, обѣщася. Оле, душа святая и градолюбивая и щедра! Оле, мудрость богоданая и свѣтъ богоугоденъ и строение боголѣпное!

Понеже бо свѣдѣяше Бога всѣхъ, не губяща праведнаго съ нечѣстивыми, ни оставляюща жезла грѣшника на жребии праведнаго, зряше бо и наша грѣхи, всяку *силу* преходяща, и възбоявся, якоже мню, еда како за ны моля, ослушанъ будетъ сию богоданьную волю, свѣщав же и съдѣя: пребы в дому своемъ и не отшедъ от града, да ни самъ никоегоже зла не подыиметь, ни градъ от *поганыхъ*. Но якоже вѣнецъ нечистомъ златомъ скованъ, имѣя единъ точью камыкъ честенъ, преже хотящю домовьскому строителю пожещи огнемъ на очищение сквернаваго злата, господинъ не дасть, да. нѣкако, очищая огонь злато, свѣтлость камыка погубить. Такоже и тогда тьмами смерти достойномъ сущемъ намъ, многихъ дѣла нашихъ прегрѣшениихъ, не погуби града Господь, да нѣчто не будетъ страсотерпцю, живуцю с нами, недостойными.

Но прилѣжно вси помолимся, възлюблении, и шествия наша на благоугожение направимъ, до конца удержимся жити молитвами и дѣлы мученика. Тому бо нами исправляему и Божию милость бе-сумнѣнья приимемъ, спасающю ны и хранящю, *от* умныхъ преже ратныхъ, избавляющю ны от вѣчныя муки и исходатающая намъ царствие небесное. Молю же, братия, вашего събора от всея душа силою възпити къ щедрому Богу и о богохранимѣмъ градѣ нашемъ и за вся крестьяны, и за мя, и за мою худость, якоже о извержении твою

ми благодать въздавше, занеже гражанина и помощника и съ Богомъ владыки нашего преславнаго мученика Дмитрия добро чюдотворения, понѣ вмалѣ обаче поистинѣ съписавшу ... любезно слуху вашему о Христѣ Исуся Господѣ нашемъ, истиньнѣмъ Бозѣ, с нимже всецарюющему Богу и Отцю съ животворящимъ его Духомъ. Слава и честь и покланяние от всея твари всылаются искони, и нынѣ, и присно, вѣки вѣком. Аминь.

Житие Марии Египетской

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова
Византийское Житие Марии Египетской атрибутировалось (как считают – ошибочно) иерусалимскому патриарху Софонию I (634–644). Время возникновения славянского перевода Жития – предположительно X в., но старший русский список его датируется XIV в. (это сборник ГИМ, Чудовское собр., № 20). В последующем Житие получило на Руси широкое распространение: оно переписывалось в сборниках, входило в состав Торжественника и Постной триоди, включено и в состав Великих Четий Миней. Известно несколько вариантов перевода, соотношения которых пока не изучены.

Житие повествует о судьбе раскаявшейся блудницы, которая, искупив жесточайшей аскезой грех распутства, смогла превзойти в святости даже благочестивого монаха Зосиму. Мария любодействовала не ради куска хлеба, а снедаемая неутолимой жаждой сладострастия, и тем поразительнее искренность ее раскаяния и глубина духовного преображения: сорок семь лет скитается она в пустыне, страдая от голода и жажды, палимая солнцем и замерзающая холодными ночами, лишенная не только крова, но и давно истлевшей одежды. Как это обычно в рассказах об отшельниках, Мария борется с искушениями, но вопреки традиции агиографических рассказов ее преследуют не бесы в облике зверей или фантастических чудовищ, а всего лишь собственные греховные мысли: ей снова хочется вина и вкусной снеди, ее губы против воли повторяют слова фривольных песенок, и тогда несчастная отшельница иступленно молит Богородицу оградить ее от подобных воспоминаний. В описании многолетней борьбы Марии с собственным греховным прошлым проявляется нечастый для средневековой агиографии подлинный психологизм. Жизнь Марии – как и подобает житию святой – окружена чудесами: впервые встретив Зосиму, она называет его по имени и сообщает ему подробности его жизни; молясь, Мария цитирует Писание, хотя никогда не слышала духовных пастырей; не

знающая грамоты, она в предсмертный час смогла начертать на песке слова своего завещания... Так потрясенный Зосима, а вместе с ним и читатель Жития убеждается в особой божественной благодати, ниспосланной Марии.

Житие внушает мысль, что искреннее раскаяние и благочестивые поступки могут искупить любые прегрешения, если падшая женщина смогла после долгих лет подвижничества стать святой. Эта идея оказалась близкой средневековому читателю, и Житие Марии постоянно пребывало в числе наиболее читаемых и почитаемых. В новое время в XIX в. на этот сюжет написал поэму «Мария Египетская» Иван Аксаков.

Публикуется наиболее распространенная в древнерусской книжности редакция Жития, включавшаяся в состав Торжественника. Текст издан по списку РНБ, F.I.870, нач. XVI в., исправления сделаны по спискам той же библиотеки: собр. Погодина, № 949, нач. XVI в., собр. Вяземского, F. 98, первой половины XV в., списку БАН, 21.3.3, второй половины XV в.

Русский перевод греческого текста Жития опубликован в книге: Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972 («Литературные памятники»).

* * *

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ В 1 ДЕНЬ.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ, НАПИСАННОЕ СОФРОНИЕМ, АРХИЕПИСКОПОМ ИЕРУСАЛИМСКИМ

«Тайну цареву следует хранить, а дела Божии возвещать – это славы достойно». Вот так сказал ангел Товиту после славного прозрения ослепших очей его. Не хранить тайн царевых – пагубно и коварно, а умалчивать о преславных делах Божьих – значит беду приносить душе. Поэтому и я боюсь умолчать о делах Божьих, помня о муках раба того, который получил от господина талант и в землю его зарыл, а дохода от него не получил. Святой рассказ этот слышал я и никак не могу его скрыть. И пусть никто из вас не станет мне не верить, услышав написанное здесь, не подумает, что я возгордился словами этими, поражаясь чуду этому великому. Не стану же я лгать о святых. Если же найдутся такие, кто прочтет эти книги и,

возвышенным словам их удивляясь, не захочет им поверить, то пусть смилуется над такими Господь: таковые ведь, думая, что немощен человек, неправдоподобным считают то, что говорим мы о людях. Но уже пора мне начать повествование о вещи предивной, случившейся во времена наши.

Был старец в одном из палестинских монастырей, житием своим и речами украшен и с самого раннего возраста – монашескими обычаями и деяниями и священным саном облечен. Зосимой именовался тот старец. И пусть не подумает кто-либо, что то был Зосима-еретик: этот Зосима был правоверный, всякий пост соблюдал и благие дела творил, и все заповеданное хранил. Никогда не отступал от того, чему учили святые слова, и вставая и ложась, занимаясь каким-либо делом, и пищу вкушая, если можно назвать пищей то, чем он питался, одно лишь дело творил не умолкая – постоянно пел псалмы.

С младенческих лет отдан он был в монастырь и 50 лет пробыл в нем. Вот так живя в монастыре, помыслил он, говоря сам себе: «Есть ли монах на свете, могущий явить мне образец жития, которого я не достиг? Может ли муж отыскаться в пустыне лучше меня?» И когда размышлял так старец, предстал перед ним ангел Господень и сказал ему: «О Зосима! Велико подвижничество твое среди людей, но никто же не совершенен. Так узнай же, сколько есть иных способов спасения. Выйди из земли этой, как Авраам из дома отца своего, и пойдя в монастырь, расположенный на Иордане».

Старец же тотчас покинул монастырь свой и пошел вслед возвестившему. Пришел он, ведомый волей Божьей, в Иорданский монастырь. Постучал в ворота, и поведали игумену. И, войдя, поклонился Зосима по обычаю монашескому. Спросил его игумен: «Откуда ты, брат, и зачем к нам, нищим, пришел?» Отвечал же Зосима: «Откуда пришел – не спрашивай меня, ибо пришел я пользы ради. Слышал я о деяниях ваших великих и достохвальных, способных приводить души к Христу, Богу нашему». Сказал ему игумен: «Один Бог, брат мой, исцеляет человеческий род. Пусть он научит и тебя и нас и наставит тебя на полезные дела». И когда сказал так игумен Зосиме,

поклонился Зосима и, помолившись, произнес: «Аминь!» И остался в монастыре.

Видел Зосима старцев, деяниями и делами сияющих, пение их было непрестанно, и все ночи простаивали они на молитве, и в руках их всегда было дело, и псалмы в устах их, а пустых разговоров у них не бывало, заботились же они о том, чтобы мертва была плоть их. Пищей же им служили слова божественные, тело же питали хлебом и водою. Видя это, удивлялся Зосима и следовал им в подвижничестве.

Когда прошло немало времени, приблизились дни святого поста. Ворота монастыря были затворены и не отворялись никогда: безлюдно было то место и труднодоступно и неизвестно простым людям. Был же такой обычай принят в монастыре, ради которого Бог и привел сюда Зосиму. В первую неделю поста служил священник святую литургию, и все причащались святых тайн пречистого тела и крови Господа нашего Иисуса Христа и еды мало вкушали. Потом же, собравшись в церкви, вознося молитвы и преклонив колени, целовали друг друга и игумена и после молитвы открывали ворота монастырские, стройно распевая псалом: «Господь – свет мой и спаситель мой, кого мне бояться? Господь – защитник жизни моей, кого утрашусь?», и далее псалом тот распевая, выходили все, одного или двух братьев оставив, чтобы охраняли они монастырь. Не было в нем ничего, на что покусилась бы вора, но не должна церковь оставаться без службы. Каждый из них брал с собою пищу, какую хотел: один – немного хлеба, другой же – немного инжира, иной же – финики, другие же – чечевицу, размоченную в воде, а другие – вообще ничего не несли, только тело свое и рубище, на нем одетое. И когда тело их требовало, то питались былием и травою, росшей в пустыне. И переходили они Иордан и расходились в разные стороны, и не знали друг о друге, как кто из них постится и как подвизается. И если кто видел друга своего, к нему направляющегося, то сворачивал в сторону, и каждый пребывал сам по себе, непрестанно славословя Богу.

Так проводили они весь пост, в монастырь же возвращались в воскресенье, предшествовавшее воскресению Христову, в

день, в который празднество Цветное наступает в церкви. Возвращались с плодами подвига своего и осознавая каждый, что совершил он. И никто никого не расспрашивал, как он потрудился. Так было уставлено в монастыре том.

Тогда и Зосима по обычаю монастырскому пришел на Иордан, взяв с собою немного пищи для удовлетворения нужды телесной, и установленную службу совершал, бредя через пустыню. И ел по необходимости, когда тело того требовало, и спал мало, лежа на земле. Чуть свет снова вставал и продолжал свой путь, надеясь, углубившись в пустыню, обрести там хотя бы одного святого отца, живущего в ней и постящегося.

И все усиливалось его желание. Когда пробродил он уже восемь дней, остановился он как-то в шестом часу дня и, обратившись на восток, творил обычную молитву. Ежечасно прерывая свой путь ненадолго и отдыхая, пел он псалмы и клал поклоны. И когда так стоял и пел, увидел справа от себя словно бы тень, напоминающую человека. Сперва Зосима испугался, думая, что это видение бесовское. И затрепетал, и осенил себя крестным знамением, и, преодолев страх, перестал бояться. Уже кончал он свою молитву, когда, обратившись лицом на юг, поднял взор и увидел, что идет кто-то, нагой и черный с виду от солнечного загара, волосы же на голове его были белы, словно шерсть, и коротки, так что едва достигали шеи. Увидев это, Зосима обрадовался дивному тому видению и направился в ту сторону, где двигалось виденое им, и радовался радостью великой, ибо не видел во все те дни ни человека, ни птицы, ни зверя, ни гада.

Когда же и тот увидел издали Зосиму, то пустился бежать, удаляясь в глубь пустыни. Зосима же, словно забыв свою старость и усталость от пути, поспешал, желая догнать убегающее. Тот же убегал, а этот преследовал. Быстро шел Зосима, но еще быстрее убегавший. И когда приблизился к нему Зосима настолько, что можно уже было расслышать голос, то начал кричать, со слезами обращая к нему такие слова: «Зачем от меня, старца грешного, убегаешь, раб истинного Бога, ради которого в пустыне этой живешь? Подожди меня, грешного, и недостойного, и немощного. Даруй мне, старцу, твою молитву и

благословение, как и я, ради Бога, не отторгаю от себя никого и никогда». В то время, когда Зосима говорил так со слезами, идя и говоря при этом, оказались они у русла сухого потока, – не знаю, тек ли поток тот когда-либо.

Когда же дошел до того места убежавший, то поспешно спустился до противоположного склона русла, Зосима же, устав, не в силах был больше идти и остановился на другой стороне ложбины и смешал со слезами слезы и рыдание с рыданием. Тогда тело убежавшее возопило громко и сказало ему: «Авва Зосима, не могу, обернувшись, предстать перед лицом твоим: ибо я женщина, нагая и босая, как видишь, и срам тела моего не покрыт. Но все же, если хочешь одарить жену грешную молитвой, то брось мне одеяние, которое носишь, чтобы прикрыла я свою немощь женскую, и тогда обернусь к тебе и молитву приму от тебя». Тогда затрепетал телом Зосима и ужаснулся разумом, услышав, что назвали его по имени, и сказал сам себе: «Она меня по имени не назвала бы, если бы не была прозорлива». И сделал тотчас же, о чем просила его, сняв ризу ветхую и драную, что носил на себе, бросил ей и отвернул лицо свое от нее. Она же, взяв ризу, обернула ею тело и прикрыла с обеих сторон то, что подобало скрыть более, чем другие части тела.

Повернувшись она к Зосиме и сказала ему: «Что тебе вздумалось, авва Зосима, повидать грешную жену и чему хочешь у нее научиться, что не поленился такие трудности перенести?» Он же, преклонив колени свои, просил, как подобает, благословения. Так же и она поклонилась ему, и лежали оба на земле, прося благословения друг у друга. И ничего не было слышно произносимого ими, кроме: «Благослови меня». И когда так прошло немало времени, сказала она Зосиме: «Тебе более, чем мне, подобает молитву творить. Ты ведь священническим саном почтен, ты ведь алтарю Божьему многие годы предстоишь и многократно святые дары Господу приносишь». Эти слова привели Зосиму в еще больший страх, и вострепетал старец и покрылся потом, и застонал, и голос его стал прерываться. Обратился он к ней едва слышным голосом: «О мать духовная! Так как ты к Богу более меня приблизилась и

в большей мере умертвила себя для всего мирского, то и проявляется тебе дарованный дар: меня по имени зовешь и священником называешь, хотя никогда не видела. Поэтому лучше ты сама благослови меня Господа ради и даруй молитву мне, нуждающемуся в твоей помощи».

Уступив просьбе его, отвечала она старцу: «Благословен Бог, желающий спасения рода человеческого». Зосима же отвечал: «Аминь». И поднялись оба с земли. Она же спросила старца: «Чего ради ко мне, грешнице, пришел ты, человек Божий? Почему захотел увидеть женщину нагую, всякой добродетели лишенную? Однако благодать Святого Духа наставила тебя, чтобы оказал ты мне одну услугу, на пользу телу моему. Скажи же мне, отче, как христиане живут теперь? Как цари? Как церковь?» Зосима же отвечал, говоря: «Молитвами вашими святыми мир совершенный даровал Бог. И приступи к молитве, старица, и помолись за весь мир Господа ради и за меня грешного, да не останется бесплодным мое хождение по пустыне». Она же ответила ему: «Тебе достойно, авва Зосима, имеющему священнический чин, за мир и за всех молиться, ибо это и поручено тебе. Однако велено нам других слушаться, и сотворю то, что велишь ты».

И сказав так, повернулась она к востоку и, глаза возведя к небу и руки воздев, начала шептать. Слов ее нельзя было разобрать. Поэтому Зосима ничего из той молитвы не уразумел, стоял, как сказал я, трепеща и в землю глядя и ни слова не произнося. Клялся Богом, говоря: «Когда наблюдал я за ней, творящей долгую молитву, то, немного приподнявшись от поклона своего, увидел, что стоит она на воздухе приблизительно на локоть от земли». Тогда же, видев это, Зосима еще более испугался и пал на землю, и покрылся испариной, и ничего не говорил, кроме как: «Господи, помилуй!» Лежа на земле, старец терзаем был сомнением: «А что если приведение это и молитвой искушает меня?» И обернулась к нему женщина, и подняла его с земли и сказала: «Почему, авва Зосима, сомнения одолевают тебя – не привидение ли я? Нет молю тебя, блаженный, пусть будет, человек, известно тебе, что я женщина грешная и крещением ограждена, а не привидение, и

есть я земля, и пыль, и прах, все во мне плотское, никогда не мыслю о духовном». И сказав это, осенила крестным знаменiem и лоб, и глаза, и уста, и грудь, говоря так: «Авва Зосима! Да избавит нас Бог от дьявола, от поношений его, ибо постоянно боремся мы с ним».

Слыша это и видя, упал старец к ногам ее, говоря со слезами: «Заклинаю тебя Христом Богом нашим, родившимся от Девы, во имя которого наготу эту переносишь. Не скрой от меня жития своего, но обо всем поведай мне, чтобы всем стало явным величие Бога. Расскажи мне обо всем, Бога ради. Не похвальбы ради Расскажи, а чтобы поведать мне, грешному и недостойному. Верую я Богу моему, с именем которого живешь ты, что того ради и надоумил меня прийти в пустыню эту, чтобы было явлено все о тебе. И нет никакой возможности нашей немощи спорить с предначертаниями Божьими. Если бы Христос наш не пожелал, чтобы узнали о тебе и о подвиге твоём, то и тебя бы не показал и меня не подвигнул бы на такой путь, никогда не хотевшего и не могшего выйти из кельи своей».

И многое другое говорил Зосима, и ответила женщина ему: «Стыжусь я, отец, о постыдных делах моих рассказать. Но раз уже ты наготу тела моего видел, то обнажу перед тобой и дела мои, чтобы ты понял, какой стыд я испытываю и какого срама исполнена душа моя. Не похвальбы ради, как сказал ты, но и сама того не желая, расскажу я о своей жизни. Была я сосудом, избранным дьяволом. Знай же, если я начну рассказывать тебе о жизни своей, то захочешь ты бежать от меня, как бегут от гадюки, ибо невозможно слышать ушам, какое непотребство я творила. Однако говорю, ни о чем не умалчивая, заклиная тебя прежде всего непрестанно молиться за меня, чтобы обрела я милость в день Судный». Когда же старец стал настойчиво со слезами упрашивать ее, начала она рассказ, так говоря.

«Я, господин, рождена была в Египте, и когда были еще живы мои родители и было мне 12 лет, то пренебрегла я их любовью и ушла от них в Александрию. И с тех пор как девичество свое осквернила, стала я безудержно и ненасытно предаваться любодеянию. Стыдно мне вспоминать об этом бесчестии и рассказывать, но так как сейчас поведаю тебе,

узнаешь ты о невоздержанности плоти моей. 17 лет и более я так поступала, всем безотказно тело свое предлагая и платы за это не беря. Такова истинная правда. А хотевшим меня одарить – возбраняла. Так придумала я поступать, чтобы многие приходили ко мне задаром и удовлетворяли похоть и вожделение мое. Не подумай, что я была богатой и потому не брала платы: жила я в нищете, хотя немало льна пряла, и была неудержима в своем желании всегда пребывать в грязи и считала жизнью то, что постоянно ублажала вожделение телесное.

Так я и жила и увидела как-то в пору жатвы множество мужчин – ливийцев и египтян, – направляющихся к морю. Спросила я одного из встретившихся мне и сказала ему: “Куда так спешат эти люди идущие?” Он же ответил: “В Иерусалим, на праздник Воздвижения святого честного креста, который скоро настанет”. Сказала я ему: “Возьмут ли меня с собою, если вдруг я поеду с ними?” Он же отвечал: “Если есть у тебя деньги на проезд и еда, то никто тебе не воспрепятствует”. Я же сказала ему: “По правде говоря, брат мой, ни денег, ни еды не имею, однако пойду и взойду с ними на корабль, и будут кормить меня, сами того не желая, ибо тело свое отдам им в уплату”. Захотела я, отче, поехать более всего потому, что рассчитывала найти многих усладителей телу моему. Сказала же тебе, отче Зосима, не принуждай меня рассказывать о позоре моем: ведь знает Господь, что сама ужасаюсь, оскверняя тебя и воздух своими словами».

Зосима же, слезами орошая землю, отвечал ей: «Говори, Господа ради, мать моя, говори и не прерывай свой полезный рассказ». Она же к сказанному ранее добавила следующее. «Тот же юноша, услышав бесстыжие слова мои, засмеялся и отошел. Я же, бросив прялку, которую изредка носила с собой, поспешила к морю, куда шел и юноша. И увидела стоящих на берегу моря десять или более молодых мужчин. Я же обрадовалась, увидев, что они развязны с виду и речами и подойдут для удовлетворения моей похоти. Другие же уже на корабль взошли. И по своему обычаю я, подбежав к ним, сказала: “Возьмите меня с собой туда, куда вы идете. Не

окажусь я вам бесполезной”, и еще многие слова им сказала, так что всех заставила рассмеяться. Они же, видя мое бесстыдство, взяли меня с собой, ввели на свой корабль, и оттуда начали мы плавание.

Как же я тебе, отче, остальное расскажу? Какой язык произнесет или какое ухо способно слышать о творимых мною грязных делах в пути и на корабле: даже когда и не хотели они, заставляла я их предаваться бесстыдным делам любострастным, о которых и можно и нельзя говорить, в которых была я наставница окаянным своим телом. И теперь – поверь мне, отче, – удивляюсь, как стерпело море любоддеяние мое, как не разверзла земля пасть свою и живой не свела меня в ад, меня, совратившую столько душ. Но думаю, что на покаяние мое надеялся Бог, не желает ведь он смерти грешникам, но долго и терпеливо ожидает моего обращения к себе.

Так вот с усердием добрались мы до Иерусалима. И сколько дней оставалось до праздника, столько дней я творила свои дела, и еще того хуже. И оказалось мне недостаточно бывших со мной на корабле и в пути, но и других многих горожан и приезжих привлекла к себе и осквернила.

Когда же приблизился светлый праздник Воздвижения честного креста, я, как и прежде, шлялась, уловляя души юных. И увидела рано утром, что все идут в церковь. Пошла и я вместе с идущими. И пришла с ними и вошла в церковный притвор. И когда настал час святого воздвижения креста, сказала я сама себе: “Если меня и оттолкнут, то постараюсь – а ну как войду с народом”. Когда же подошла я к дверям церкви, в которой покоится животворящее древо, то с усилием и в отчаянии попыталась я, окаянная, войти в нее. Но едва вступила я на порог дверей церковных, как все беспрепятственно входили внутрь, меня же останавливала некая Божия сила, не давая мне войти: и снова попыталась войти и была далеко отринута от дверей. Одна осталась я стоять в притворе, думая, что все это из-за моей женской слабости. И снова, смешавшись с другими, пробивалась я, работая локтями. Но бесплодно было мое старание: снова,

когда несчастная моя нога коснулась порога, всех приняла церковь, никому вход не возбраняя, меня же не приняла. Словно множество воинов было приставлено вход собой заслонить, так и мне препятствовала некая сила Божия, и снова очутилась я в притворе.

Вот так трижды или четырежды мучилась я и старалась, и поэтому, не в силах ни пробиться, ни сносить толчки, отошла и стала в углу паперти церковной. И когда поняла я, что мешает мне увидеть животворящий крест, сновидение снизошло на очи сердца моего, показывая мне, что грязь поступков моих препятствует мне войти. И начала я плакать, и рыдать, и бить себя в грудь, и вздыхать из глубины сердца, проливая слезы. Плача на том месте, где стояла, взглянула я перед собой и увидела икону пречистой Богородицы, и обратилась к ней: “Дева Владычица, родившая во плоти Бога Слова, знаю я, что не подобает и непристойно мне, скверной и блуднице, взирать на честную икону твою, Приснодевы, ибо душа и тело мое нечистые и скверные. И по заслугам мне, блуднице, быть ненавидимой и мерзкой перед честной твоей иконой. Но, однако (так как слышала я, что Бог принял облик человеческий того ради, чтобы «призвать грешников к покаянию»), помоги мне одинокой, не имеющей никакой помощи: повели, чтобы было мне разрешено войти в церковь, не запрети мне увидеть древо, на котором был распят во плоти Бог, “отдавший кровь свою за мое избавление”. Сделай так, Владычица, чтобы открылись передо мной двери для поклонения святому кресту. И будь ты за меня надежной поручительницей перед рожденным из тебя в том, что уже никогда плоти моей не оскверню плотской скверной. Но когда увижу древо креста Сына твоего, отрекусь от мира этого и тотчас уйду, куда наставишь меня пойти, став поручительницей моей”.

И когда сказала я это, то, словно бы некую весть получив, ощутила, как разгорается во мне вера, и с надеждой на милосердную Богородицу шагнула с места того, на котором стояла, молясь. И направилась снова в церковь, смешавшись с входящими, и уже не было никого, кто оттолкнул бы меня, никого, кто бы помешал мне войти в церковь. Охватил меня

трепет и ужас, и поклонилась я, вся дрожа. Потом дошла я до дверей, прежде для меня закрытых, и без труда вошла внутрь. И сподобилась увидеть честной животворящий крест и познала тайну Божию и то, как готов Он принять кающегося, упала на землю и поцеловала святое древо, и вышла, ибо хотела быть подле поручительницы моей.

Пришла я на то место, на котором клятва моя как бы была запечатлена, и, колени преклонив перед иконой пресвятой Богородицы девы, обратилась к ней с такими словами: “Ты, Богородица Владычица, благословенная госпожа моя! Твое ко мне человеколюбие в том, что не показались тебе отвратительными молебны мои, недостойной. Увидела я воистину твою славу, не презрела меня, блудницу. Слава Богу, через тебя принимающего покаяние грешных! О чем еще могу я, грешница, подумать, о чем сказать? Настало уже время, Владычица, свершить мне обещанное и поручение твое принять. И теперь повели мне и напутствуй меня. С этих пор будь мне наставницей к спасению, ведя на путь спасения”. Едва произнесла я эти слова, как услышала голос, доносящийся издали: “Если Иордан перейдешь, то обретешь полный покой”. Я же, тот глас услышав и поверив, что ко мне обращен был тот глас, заплакала, запричитала и возопила к Богородице: “Госпожа Богородица, не оставь меня!”

И так, рыдая, вышла из притвора церковного и быстро пошла. Увидел меня, идущую, некто и подал мне три медяка, сказав: “Возьми, мать моя!” Я же, взяв их, купила три хлебца и спросила продававшего хлеб: “Человек, скажи, где дорога на Иордан?” Узнав дорогу в ту сторону, вышла из города и быстро пошла по дороге, плача, и в пути провела весь день. Был уже второй час дня, когда увидела крест и уже на заходе солнца дошла до церкви святого Иоанна Крестителя близ Иордана. И поклонившись церкви, спустилась к Иордану и, омыв лицо и руки святой водой, причастилась пречистых и животворящих тайн в церкви Предтечи, и съела половинку хлебца, и испила воды из Иордана, и ту ночь проспала на земле. Наутра же, найдя ладью, переехала на другой берег Иордана и снова помолилась Богородице-наставнице: “Научи меня, Госпожа, как

тебе самой будет угодно». И пошла в эту пустыню. И с тех пор и до сегодняшнего дня “удалилась, скитаясь в этой пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня от волнений душевных и бурь, меня, обратившуюся к нему”».

Сказал же ей Зосима: «Сколько же лет прошло с тех пор, как ты в пустыню эту пришла?» Она же отвечала: «Думаю, что 47 лет минуло, как вышла я из Святого города». Спросил Зосима ее: «Что же нашла и что находишь в пищу себе, о госпожа моя?» Она же отвечала: «Два с половиной хлеба принесла я с той стороны Иордана, которые понемногу зачерствели и высохли, и понемногу вкушала от них, находясь здесь многие годы». Сказал же Зосима: «Как же не болея пробыла ты столько лет, никаких невзгод не испытав от внезапной перемены жизни своей?» Она же отвечала: «Меня теперь спрашиваешь ты, отче Зосима, но если я вспомню о всех тех напастях, которые перенесла, и мыслях, которые ввергали меня в соблазны, то боюсь, что снова ими же осквернена буду». Сказал Зосима: «Госпожа моя! Ничего не утаи, молю тебя, ничего не скрой от меня, и раз уж начала, то обо всем и поведай».

Она же сказала ему: «Поверь мне, авва Зосима, 16 лет пробыла я в этой пустыне, словно со зверями лютыми борясь со своими помыслами. Когда стала эту пищу употреблять, то хотелось мне мяса и рыбы, как бывало в Египте. Хотелось мне вина, любимого мною, много ведь пила вина, когда жила в миру. Здесь же и воды не могла напиться и приходила в ярость, не в силах терпеть лишения. Одолевали меня страстные желания петь разгульные песни – влекло меня к песням бесовским, к которым привыкла в миру. Но затем, прослезившись, в порыве благочестия била себя в грудь и вспоминала обеты, которые дала, входя в эту пустыню, и мысли, с которыми обращалась к иконе святой Богородицы, поручительницы моей. И жаловалась ей и молила ее отогнать от меня помыслы, иссушившие окаянную мою душу. Когда же я долго плакала и в рвении била себя в грудь, тогда вдруг виделся мне повсюду свет, меня озаряющий, и бурю сменяла тишина великая. И как тебе, авва, расскажу о помышлениях моих, побуждавших меня к

любодееянию? Огонь разгорался в моем окаянном сердце и всю меня распалаял и порождат во мне плотские желания. Но едва такие мысли приходили ко мне, тут же бросалась я на землю и заливалась слезами, думая, что сама поручительница моя стоит рядом и истязает меня за то, что преступила я обеты, и за проступок этот обрекает на страдания. И не вставала бы я с земли, если бы пришлось, и день и ночь, пока не озарял меня блаженный свет и отгонял все мерзости. И постоянно душу свою перед поручительницей моей очищала, прося у нее помощи в постигшей меня беде. Была же она моей помощницей и побуждала меня к покаянию. И так провела я 16 лет, претерпевая бесчисленные беды. С тех пор и доныне помощница та всегда помогает мне».

Сказал же ей Зосима: «А не нуждалась ли ты в пище и одежде?» Она же отвечала: «Когда хлебцы те кончились за 16 лет, как уже говорила я тебе, питалась я растениями и травами, и прочим, что находила в пустыне этой. Одежания мои, в которых я перешла Иордан, изодрались и истлели. Многие тяготы претерпела я от холода и от зноя, солнцем опаляема и в морозы замерзая и дрожа. Поэтому не раз, упав на землю, лежала я, бесчувственная и неподвижная, многократно борясь с различными напастями, бедами и помыслами. И с тех пор и до нынешнего дня сила Божья разными путями хранила грешную душу мою и мое тело. И только думаю я: от какого зла избавил меня Господь, ибо имею я пищу неистощимую, надежду на спасение мое, питаюсь и одеваюсь словом Божиим, все в себе содержащим, ибо “не хлебом же единым жив будет человек”, и “если не имею покрова, то камнем оденусь”, ибо совлекла с себя греховные одежды».

Услышав, что употребляет она слова книжные – от Моисея, от Иова и от псалмов, – спросил ее Зосима: «Не училась ли ты, госпожа моя, грамоте и псалмам?» Она же, услышав это, улыбнулась и отвечала ему: «Поверь мне, отче, не видела я ни одного человека, с тех пор как перешла Иордан, только твое лицо вижу сегодня, не видела ни зверя, ни какого-либо живого существа. Грамоте же никогда я не училась, и не слышала никогда ни поющего, ни читающего. Но слово Божье живое

наставляет человека уму-разуму. На этом я и окончу свой рассказ. И теперь заклинаю тебя воплощением слова Божьего: молись за меня, блудницу, Господа ради».

Когда сказала она так и речь свою закончила, хотела снова поклониться старцу, но старец со слезами возопил: «Благословен Бог, творящий великое, и страшное, и дивное, славное и несказуемое, чему нет числа! Благословен Бог, показавший мне, сколько дарует он боящимся его! Поистине, Господи, не оставляешь ты, боящихся тебя!» И хотел снова ей поклониться. Она же, ухватив старца, не дала ему поклониться и сказала: «Все, о чем слышал ты, отче, заклинаю тебя Иисусом Христом, Богом нашим, никому не рассказывать до тех пор, пока Бог не возьмет меня от земли. Ныне же иди с миром и на следующий год снова увидишь меня. Сделай же, Господа ради, то, о чем тебя попрошу: в пост будущего года не переходи через Иордан, как это в обычае вашего монастыря». Удивился Зосима, что сказала она ему об уставлении монастырском, но ничего другого не произнес, только: «Слава Богу, многое дающему любящим его». Она же продолжала: «Оставайся же, как сказала я тебе, отец Зосима, в монастыре. И когда захочешь ты из него выйти, то не сможешь этого сделать. В святой же Великий четверг, в день тайной вечери, вложи в святой сосуд от животворящего тела и крови Христа, Бога нашего, и принеси мне. И подожди меня на том берегу Иордана, который ближе к селениям, чтобы могла я прийти и причаститься святых таинств. С тех пор как причастилась в церкви Предтечи и перешла Иордан, доселе я не приобщалась и теперь хочу причаститься. Поэтому прошу тебя, не ослушайся слов моих, а принеси от Божьей животворящей тайны в тот час, когда Господь учеников Божьих на вечере причастниками сотворил. Иоанну же, игумену монастыря, в котором ты подвизаешься, скажи: “Следи за собой и стадом своим”: в совершаемых вами делах есть и такие, что требуют исправления. Но не хочу, чтобы ты сказал ему об этом сейчас, но лишь когда повелит Господь». Сказав это, старцу промолвив: «Молись за меня», она снова удалилась в глубь пустыни. Зосима поклонился и поцеловал то место, на котором стояли ноги ее, воздал хвалу и славу Богу и возвратился, хваля

и прославляя Христа, Бога нашего. Пройдя через пустыню, пришел он в монастырь в тот же день, когда возвращались и другие монахи.

В этом году он обо всем умолчал, не смея никому рассказать о том, что видел, и в душе молил Бога еще раз показать ему желанное. Печалился он и тяготился продолжительностью года, желая, чтобы минул он как один день. Когда же настало время первой недели Великого поста и по обычаю монастырскому все прочие монахи вышли из монастыря с песнопениями, слег Зосима в горячке и остался в монастыре. Вспомнил он, что сказала ему преподобная: «Захочешь ты выйти и невозможно тебе будет». И через несколько дней выздоровел от недуга. И пребывал в монастыре.

Когда же возвратились монахи, и настал день тайной вечери, сделал Зосима, что было повелено ему – положил в небольшую чашку святого тела и крови Христа, Бога нашего. Положил на блюдо немного инжира и фиников и немного чечевицы моченой. И поздним вечером пошел и уселся на берегу Иордана, ожидая преподобную. Но святой все не было; Зосима же подремывал, однако пристально вглядывался в сторону пустыни, мечтая увидеть желаемое. И сказал сам себе старец: «А что если прегрешения мои препятствуют ей прийти, или же пришла она и, меня не найдя, возвратилась?» Говорил он так, вздыхая, и прослезился, и, глаза свои возведя на небо, молил Бога со словами: «Не лиши меня, Владыка, возможности снова увидеть ее, чтобы не ушел я отсюда ни с чем, укоряя себя за свои прегрешения». Пока он так молился со слезами, другая мысль пришла ему на ум, и сказал он себе: «Что же будет, если придет она, а ладьи не окажется, чтобы переплыть Иордан и прийти ко мне, недостойному? Увы мне, кто же меня и вправду лишил такого блага?»

Так размышлял старец, но вот преподобная жена пришла и остановилась на том берегу Иордана, откуда пришла. Зосима же встал, радуясь, и веселясь, и славя Бога, но его не оставляла мысль, что не сможет она Иордан перейти. И, взглянув, увидел была очень светлая лунная ночь, что она,

осенив Иордан крестным знамением, легко пошла по верху воды и приблизилась к нему. Когда же Зосима собрался поклониться ей, запретила ему, еще когда шла по воде, воскликнув: «Что творишь, авва, ведь ты иерей, носящий святые дары!» Сойдя с воды, сказала она старцу: «Благослови, отче, благослови!» Он же отвечал ей с трепетом, и ужас охватил его от увиденного им чуда. И сказал он: «Поистине правду возвестил Бог, говоря: “Уподобитесь Богу, очищаясь от греха как только возможно”». И добавил: «Слава тебе, Христе Боже, показавшему мне на примере своей рабы, насколько я далек от совершенства». И когда сказал он так, велела женщина ему читать «Верую в единого Бога...» и «Отче наш». И после молитвы, поцеловал ее старец в уста. Причастившись святых тайн и к небу руки воздев, вздохнула она и сказала: «Ныне отпускаешь рабу свою, Владыка, по словам своим с миром, ибо видели глаза мои спасение твое, которое ты уготовал пред лицом всех людей».

И снова обратилась к старцу: «Еще, авва Зосима, и другое мое желание исполни. Иди сейчас в монастырь свой с миром, Богом хранимый, а на следующий год приходи на тот поток, где прежде с тобой беседовали, приди же, Господа ради, приди и снова увидишь меня, как хочет того Господь». Он же отвечал ей: «Если было бы возможно мне вслед за тобой ходить и постоянно видеть честное твое лицо!» И снова обратился к ней: «Исполни одну просьбу старца и вкуси немного пищи, которую я принес тебе». И, сказав это, показал ей принесенное блюдо. Она же концом пальца прикоснулась и взяла три зерна чечевицы. И сказала: «Достаточно этого для благодати духовной, которая хранит чистое естество души», И снова сказала старцу: «Молись за меня, Господа ради, молись и всегда вспоминай о греховности моей». Он же поклонился ей до земли. И попросил ее помолиться о церкви, и о царе, и о себе самом. Помолившись со слезами, она возвратилась назад. Старец же стонал и рыдал, но не смел удерживать неудержимую. Она же, снова осенив знамением Иордан, перешла его по верху воды, как уже говорилось. Старец же возвратился с радостью и страхом одержим, коря себя и

печалюсь о том, что не узнал имени преподобной, но надеялся узнать его на следующий год.

Когда же минул год, пришел Зосима снова в пустыню, как было в обычае, и поспешил увидеть предивное. Бродя по пустыне, увидел он приметы того самого разыскиваемого им места, и стал озираться направо и налево, словно искусный охотник, ищущий, где бы уловить желаемую добычу. Когда же нигде ничего не увидел, то начал причитать и плакать, и глаза возвел к небу, молясь со слезами и говоря: «Покажи мне, Владыка, сокровище некрадмое, которое скрыл ты, Господи, в пустыне этой. Покажи, молю тебя, ангела во плоти, которого не достоин весь мир». И так плача и молясь, дошел до того потока и стал на берегу. И увидел на восточной его стороне преподобную, лежащую мертвой, и руки ее связаны были, как подобает, и к востоку обращено было лицо. Он же, подбежав, слезами умыл божественные ее ноги, не смея и прикоснуться к ее телу.

Долго плакал он и пел псалмы, подобающие этому случаю, и сотворил молитву погребальную. И сказал сам себе: «Подобает ли тело преподобной предать погребению, вдруг как это неужгодно ей будет?» И пока он так размышлял, обнаружил, что в изголовье ее было начертано на земле: «Погреби, авва Зосима, тело убогой Марии на этом месте, верни прах праху, а за меня Господа ради молись. – Умерла же она месяца марта по-египетски, а по-римски – первого апреля, в самую ночь муки Спасителя после причащения от Божьей тайной вечери». Прочитав эту запись, старец прежде всего задумался: кто же написал это? Она же говорила, что не знала грамоты. Однако обрадовался он, что узнал имя преподобной. Понял он также, что когда на Иордане причастилась она пречистых тайн, то за один час преодолела весь путь и отошла к Господу.

Прославил Бога старец и, орошая слезами землю и тело, говорил: «Несчастный Зосима! Уже настало время свершить, что повелено, но как тебе копать, не имея ничего в руках?» Сказав это, заметил он небольшой обломок деревца, валявшийся неподалеку. И, взяв его, начал копать. Но сухая земля не поддавалась трудившемуся старцу, он вспотел, копая,

но ничего не мог сделать. Глубоко вздохнул он и, оглянувшись, увидел огромного льва, стоящего над телом преподобной Марии и лижущего ее ноги. Затрепетал Зосима, испугавшись зверя. Затем, однако, успокоился, вспомнив, как говорила ему преподобная, что никогда не видела ни единого зверя. Осенив себя крестным знамением, Зосима обрел надежду, что благодаря силам, исходящим от лежащей, останется он невредим. Лев же изъявлял приязнь к старцу, только что не целуя его. Зосима тогда сказал льву: «О зверь! Так как великая эта жена велела мне похоронить тело свое, а я стар и не могу копать, ибо нет у меня мотыги и очень далеко мне за ней идти, но покопай ты когтями своими, и предадим земле тело преподобной». Лев же, услышав эти слова, передними лапами выкопал ровик, достаточный, чтобы можно было прикрыть землей тело преподобной.

Похоронил ее старец, слезами омочив тело ее, и много просил ее, чтобы она за всех молилась, и засыпал землею тело ее нагое, ничем другим не прикрытое, кроме той ризы разодранной, которую когда-то бросил ей Зосима. И тогда разошлись оба: лев в пустыню побрел словно овца, Зосима же возвратился в монастырь, славя и хваля Христа, Бога нашего. И, придя в монастырь, рассказал всей братии, что видел и что услышал от нее, ничего от них не утаив. Удивлялись монахи, слыша о величии Божьем, и со страхом и любовью поминали преподобную Марию. Иоанн же игумен обнаружил в монастыре то, что требовало исправления, как сказала преподобная. Умер же Зосима в том монастыре едва ли не ста лет.

Оставшиеся же там монахи без записанного предания рассказывали обо всем на пользу слушающим. Я же, устный рассказ этот услышав, передал его письму и не ведаю, чтобы кто-то другой написал житие преподобной лучше, чем я, – о таковых мне не приходит на ум – однако я как смог, так и написал. Бог, творящий великие чудеса и даруя великие дары приходящим к нему, пусть ниспошлет благодеяние читающим его и слушающим и повелевшему записать повесть эту, чтобы сподобиться хотя бы части достоинств этой блаженной Марии, о которой рассказ этот, со всеми угождавшими Богу во все

времена видом своим и делами. Воздадим же и мы славу Богу, царю вечному, чтобы и нас сподобил милость обрести в день судный. Христу и Спасу нашему, Господу нашему подобает вся слава, честь и поклонение.

* * *

МѢСЯЦА АПРИЛЯ ВЪ 1.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫЯ МАТЕРИ НАШЕЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ, СПИСАНО СОФРОНИЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМ ІЕРУСАЛИМСКИМ

«Тайну цареву добро есть хранить, а дѣла Божия проповѣдати преславно есть».⁵¹⁵ Тако бо рече ангелъ к Товиту по славнемъ его прозрѣнии ослѣпленую очию. Еже не хранить царевы тайны – пагубно есть и блазнено, а еже молчати дѣла Божия преславнаа – бѣду души наносить. Тѣмъже и азъ боюся молчати дѣла Божия, въспоминаа муку раба оного, приемшаго господень талантъ и в земли съкрывшаго, а прикупа *имъ* не створившаго.⁵¹⁶ Повѣсть святу слышах азъ и никакоже могу ея утаити. И никтоже ми да не невѣруеть от вас, слышавъ написаниа сиа, ни мните же мене гордящася о словеси сем, дивяся о чудеси семъ велицемъ. Не буди бо ми лгати на святыа. Аще ли суть етери, чтуще книги сиа и высотъ словеси дивящеся, и не хотяще вѣровати, буди им милость Господня: ти бо, немощь человекъску помышляюще, неприятна творят нами глаголемаа о человекъцѣх. То уже подобает ми начати повѣсть и вещь предивну, бывшу в родѣ нашем.

Бысть старецъ во едином палестиньскихъ монастырь, житием и словом украшенъ, от самых пеленъ възрастъ *чернецьским* обычаем и вещьми, и священством обложенъ. Зосима же бѣ имя тому старцу. Никтоже мни, яко онъ есть Зосима-еретикъ: сей убо Зосима праведный, всякыа образы пощениа и дѣла творяще, и вся преданиа храняше. Николиже от учениа святыхъ словес не ослабѣ, но, въстаа и возложася, руками дрѣжаще дѣло и пищу вкушаше, аще достоит пищу нареши, еяже вкушаше, едино убо дѣло имяше немолчно – еже пѣти присно.⁵¹⁷

От самого бо младеньства вданъ бысть в монастырь и 50 лѣтъ створи в нем. Такоже ему живущу в монастыри, помысли

убо в себѣ, глаголя: «Есть ли убо мних на земли, иже ми покажетъ образ житиа сего, егоже не сътворих? Можетъ ли муж обрѣстися в пустыни лучши мене?» Си же помышляюще старцу, явися к нему ангелъ Господень и рече ему: «О Зосима! Добрѣ убо яко человекъ подвигнулся еси, но никтоже съвершенъ есть. Но да разумѣши, колико инѣх есть образъ спасения. Изыди от земля, якоже Авраамъ из дому отца своего,⁵¹⁸ и *иди* в монастырь, сущий при Иерданѣ».

Абие же старецъ изыде из монастыря своего, иде въслѣдъ глаголющаго. Прииде, *волею* Божиею водим, въ Иерданьскій монастырь. Толкнувъ въ врата, повѣдано бысть игумену. Влѣзъ же Зосима, поклонися по обычаю чрьнечьскому. Въспроси же его игумень: «Откуда еси, брате, и что ради к нищим намъ прииде?». Отвѣща же Зосима: «Откуда приидох, не въпрошай мене, ползы бо ради приидох. Слышах бо велико ваше дѣло достохвалное, могущее душа приводити къ Христу, Богу нашему». Рече ему игумень: «Богъ единъ, брате, исцѣляетъ человекъскій род. Той да научить тебе и нас воли своей и наставить тебе творити полезнаа». И се рекшу игумену к Зосиму, Зосима же поклонися и, створивъ молитву, и рече: «Аминь». И пребысть в монастыри.

Видѣвъ же старецъ Зосима дѣяния же и дѣлы сияюща, пѣнне же ихъ непрестанно и стояние всенощное, и в руках присно *дѣло* их, и псалмы въ устѣхъ их, словеса же праздна не быша в них, тщание имѣти в себѣ имѣти себе *мрътва* тѣлом. Пища же их бѣ – словеса Божиа, питаху же тѣло хлѣбом и водою. Се видѣвъ, Зосима дивися и подвизашеся на подлежащее течение.

Днемъ же мнозѣмъ минувшим, приближися время святаго поста. И вратом монастырьским затвореном сущим, не отвръзающимся николиже: пусто бо мѣсто и непроходимо, и не знаемо простою чадью. Сицевъ же бѣ чин в монастыри том преданъ; егоже ради и Богъ Зосиму приведе ту. В 1-ю убо недѣлю *поста* ... творяше прозвутерь литургию святую, и вси причастници бываху святых тайнъ пречистаго тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа, и мало брашна вкушаху. Потомъ же собирающесе въ церковь, молитву створше и колѣнное

поклонение, цѣловаху другъ друга и игумена и, молитву вземше, отвързаху врата монастырьскаа, поюще съгласно псаломъ: «Господь – просвѣщение мое и спаситель мой, кого ся убою? Господь – защититель животу моему, от кого ся устрашу?»⁵¹⁹ и прочее псалма того поючи, исхожаху вси, единого или два брата оставльше, да хранятъ монастырь. Не бо в нем ничтоже татьми крадомо, но церкви без службы да не станеть. Коиждо же их ношаше пищу себѣ, якоже хотяше: овъ убо мало хлѣба, овъ же – мало смоквы, инъ же – финики, друзии же – сочиво, моченое въ водѣ, а друзии же – ничтоже, точью тѣло свое и рубища, яже ношаху. И егда тѣло их нужаше, быльем и травою питахуся пустынною. И прехожаху Иерданъ и разлучахуся далече от себе и не вѣдяше другъ друга, како поститься или како подвизается. И аще кто узритъ друга своего, идуща к собѣ, и абие уклоняшеся на иную страну и о собѣ живяше, Богу поя присно.

Сице убо весь скончавають пост, възвращають же ся в монастырь в недѣлю, яже есть преже възкресения Христова, в нюже праздньство *цвѣтное* пришло есть церкви.⁵²⁰ Възвращахуся, имѣа коиждо плоды своа и съвѣсть вѣдуща свою, якоже коиждо сдѣлалъ есть. И никтоже никогоже не въспрашаше, како ся потруди. Таковъ бѣяше уставъ монастыря того.

Тогда убо Зосима по обычаю монастырьску прииде на Иорданъ, мало пища съ собою нося, требования ради телеснаго, и пресвятой ношаше преданый образъ служебный творяше, сквозѣ пустыню проходя. И вкушаше, егда тѣло требоваше, нужда ради, поспаше мало, на земли возлежа. Зѣло же рано паки въстааше и свое течение сътворяше, възделѣвше въ пустыню внити, негли бы обрелъ поне единого отца, живуща в ней, постящася.

И приложися желание ему к желанию. Шед же осми дней, ста мало от пути въ время 6-го часа, и обратився на възтокъ, творяше обычную молитву. Престояше мало от пути и почиваше во время коегождо часа, поя и кланяся. И егда *стояше* и пояше и видѣ одесную яко сѣнь, акы челоуѣчьска телеси. Исперва убояся, мняше привидѣние бѣсовское суще. И

трепетенъ бывъ и знаменася знаменiemъ крестнымъ, и страх отложивъ всь, пребысть без боязни. Уже бо бѣ кончаа молитву и, обратився, възрѣ горѣ очима на полудне и видѣ нѣкоего ходяща, нага тѣломъ и чръна видѣниемъ от солнечнаго горѣния, власы же имѣяше на главѣ бѣлы, акы волну, и краткы, яко точью до выа досягающа. Се убо Зосима видѣвъ и рад бывъ о преславномъ томъ видѣнии и нача тещи на ту страну, на ней же *видимое* идяше, и радовашеся радостию великою, не бѣ бо видѣлъ в ты дни видиниа чловѣчьска, ни птичьа, ни звѣрина, ни гада.

Егда же и та видѣ издалеча Зосиму и нача тещи и бѣжати в нутрьнюю пустыню. Зосима же, яко забывъ свою старость и *трудъ путный*, быстро течаше, хотя постигнути бѣжащее. Сей убо бѣжаше, а онъ женяше. Быстро бо течение Зосимово, быстрое бѣжащаго. И егда приближися, яко мощи уже глас слышати, и нача вопити Зосима, сицевыми глаголы глаголя съ слезами: «Что мене бѣжиши, старца грѣшна, рабе истиннаго Бога, егоже ради в пустыни сей живеши? Пожди мене грѣшнаго и недостойнаго и немощнаго. Подаждь ми, старцю, твою молитву и благословение, тако ти Бога не отめщася никогоже николиже». Зосиму же съ слезами глаголющу сице, и быста на единомъ мѣстѣ, текуща и глаголюща, яко потокъ сухъ, и не мню, течаше потокъ коли.

Егда же прииде на мѣсто бѣжащее и сниде абие на другую страну, Зосима же, *утрудився* и не могый тещи, уже ста на друзѣ странѣ потока и приложи къ слезамъ слезы и к воплю вопль. Тогда тѣло бѣжащее возпи гласомъ *сицемъ* к нему и рече: «Авва Зосиме, не могу, обратившись, явится лицу твоему: жена бо есмь нага и боса, якоже мя видѣши, студ телесный непокровенъ имущи. Но всяко, якоже хощеши женѣ грѣшнѣ *молитву* ... даровати, то поврьзи ми портище, еже носиши, да покрыю си немощъ женъскую, да *обращуся* к тобѣ и молитву прииму от тебе». Тогда устрашися тѣломъ Зосима, ужасеся умомъ, слышавъ именемъ себѣ зовуща, и рече в себѣ: «Яко не бы именемъ звала мене, аще не бы прозорлива была». И створи въскорѣ реченое ему, и снемъ ризу ветхую и раздраную, юже ношаше, и верже ю к ней, и обратися лицомъ от нея. Она

же, взявши ю, препоясая и прикры обѣ странѣ телеси, еже достояше прикрыти паче инѣхъ частей тѣла.

Обратися к Зосиму и рече ему: «Что ти мнится, авва Зосиме, грѣшную жену, что хотя видѣти у нея или навикнути, толика труда не облиния створити?» Он же, на землю поклонивъ колѣни свои, просяше благословения по обычаю. Также и она поклонися, и лежаста оба на земли, просяще благословения другъ от друга. И ничтоже не бѣ слышати от нея глаголема, но точию: «Благослови мя». И егда мину многъ час, рече же она к Зосиму, яко «тебѣ подобаетъ паче молитву творити. Ты бо прозвутерскою честію почтенъ еси, ты бо олтарю Божию въ многѣхъ лѣтахъ предстоиши и многажды святыя дары Господу приносиши». Си же словеса в болий страх Зосиму вложиша, и трепетенъ бывъ старецъ, потяшеся и стоняше, и глас его кращашеся. Рече же к ней кротким измолкшим гортанем: «О мати духовнаа! Яко ты Богу паче приблизилася еси и множайшею частию от мира умертвилася еси, являетъ же ти ся данный даръ, еже мя именем зовещи и прозвутера нарицаещи, егоже николиже видѣ. Тѣмъ же паче сама благослови мя Господа ради и подай же молитву требующему твоего свершения».

Ослабѣвшу же прилѣжанію, она рече старцу: «Благословенъ Богъ, человѣчьскаго рода хотя спасенію». Зосиму же рекшу: «Аминь». И вѣстаста оба от земля. Она же рече къ старцу: «Что ради ко мнѣ, грѣшницѣ, пришелъ еси, о человѣче Божій? Что ради вѣсхотѣлъ еси видѣти жену нагу, всякоа добродѣтели не имущи? Обаче благодать Святаго Духа наставила тя есть, да едину службу скончаваеши ми, тѣлу моему на потребу. Рци же ми, отче, како крестьяне живут нынѣ? Како ли цари? Како ли церкви?» Зосима же отвѣща, глаголя: «Молитвами вашими святыми миръ свершенный даровалъ есть Богъ. И прииди на молбу, старице, и помолися за весь миръ Господа ради и за мене грѣшнаго, да не будет ми бесплодно пустынное хождение». Она же отвѣща к нему: «Тобѣ достойно, авва Зосима, священный имѣюще чинъ, за миръ и за вся молитися, на то бо порученъ еси. Обаче повелѣно ны есть послушати, и повелѣное тобою да *сътворю*».

И се рекши, обратися на вѣстокъ и очи возведши на небо и руцѣ воздвигши и нача шептати. Рѣчи же ея не бѣ разумѣти. Тѣмъже Зосима, ничтоже тоя молитвы не разумѣваше, стоящи, якоже глагола, трепетенъ, долу зря, и ничтоже не глагола. Кленяшеся Богомъ, глаголя, яко «егда видѣх ю, творящу молитву и медлящу, и, мало вѣсклонихся от ничания своего, видѣх ю стоящу на воздусѣ от земля яко лакти единаго». Тогда видевъ ю, Зосима в большой страх впаде и поврѣжеся на земли и потяся зѣло и ничтоже не глагола, но точю: «Господи, помилуй!» На земли лежа, старецъ блазняшеся мыслию: «Егда како привидѣние есть и молитвою блазнит мя?» И обратившися жена и въздвигну старца и рекши: «Почто, авва Зосиме, помышления смущают тя, яко привидѣние есмь? Ей, молю тя, блажене, извѣстно ти буди, человекъ, яко жена грѣшна есмь и крещениемъ ограждена, а привидѣние нѣсмь, но земля и прах и попелъ, все же *от* плоти, николиже духовнѣ помысливши». И се рекши, знаменася знаменiemъ крестнымъ чело, и очи, и уста, и перси, глаголюще сице: «Авва Зосима! Богъ да избавит ны от диавола, от лаанія его, яко многа ны брань».

Си же слышавъ и видѣвъ, старецъ паде пред ногама ея, со слезами глаголя: «Заклинаю тя Христомъ Богомъ нашим, родившимся от Дѣвы, егоже ради наготу сию носиши. Не утай мене житія своего, но все повѣжь ми, да величїе Божїе явѣ створиши всѣм. Рци ми все Бога ради! Не хвалы бо ради изречеши, но да извѣстиши ми, грѣшнику и недостойну. Вѣрую бо Богу моему, емуже живеша, яко сего ради наставленъ есмь в пустыню сию, да твоа Богъ вся явѣ створит. И нѣсть како немощи нашей сваритися съ судьбами Божїими. Аще бо бы Христос нашъ не хотѣлъ, дабы ты *увѣдана* была и подвижанїе твое, и тебе не бы явилъ, и мене бы на толикъ путь не бы укрѣпилъ, николиже хотѣвша, не могуща изыти от келїа своеа».

Сице много ино изрекшу Зосиму, и воздвиже жена речъ ему: «Срамляюся, отче, студнаа моя дѣла изрещи. Но понеже тѣла моего наготу видѣ, обнажаю ти и дѣла моя, да разумѣеши, колика студа наполнихся, и срамоты полна есть душа моя. Не хваления ради, якоже рече, но и не хотя своего житія исповѣдаю ти. Сосуд избранъ диаволу бывшу ми. *Вѣдѣ* же, яко

аще начну повѣдати житие свое, бѣжати имаши от мене, якоже кто от змиа, не тръпять слышати ушима, якоже не достойная сътворих. Обаче глаголю не молчащи ничтоже, заклинаящи тя пръвие непрестанно молитися за мя, яко да обрящу милость въ день Судный». ⁵²¹ Старцу же нудящу ю и непрестанно плачущу, она же начатъ повѣстовати, глаголюще сице.

«Азъ, господи, рожена бых въ Египтъ, и еще сущима родителема моима живома и бывшу ми 12 лѣтъ, отвръгну ми ся от любви ею и изыдох азъ во Александрию. И егда пръвие дѣвство свое оскверних, тогда неудержанно и насытно творях любодѣание. Стыжу же ся *помыслити сие бе-щистие и глаголати*, но понеже въскорѣ реку ти, да разумѣши неудержание плоти моеа. 17 лѣтъ и боле створих, всѣмъ невозбранно плоть свою даючи и мзды не емлющи. Тако ми правда истинна. И хотящим ми даяти мзды, возбранях. Се же умыслих, да множество сътворих приходити ко мнѣ даром и скончати желание и хотѣние мое. Не мни же мене, яко богата сущи, не взимах, в нищетѣ бо живях, аще и много изгребий приях, неудръжанно рачение всегда в тимении валяхуся, то *мнях* жизнь, еже всегда творях хотѣние телесное.

Тако ми живущи, видѣхъ во время жатвы народа много муж – ливиане и египтяне – идуща на море. Въспросих же единого срѣтших мя, рекох к нему: “Камо идут мужи си текущей?” Он же рече: “Въ Иерусалимъ на Воздвижение святаго честнаго креста, ⁵²² еже скоро будет”. Рекох же к нему: “Поимут ли мене, убо аще пойду с ними?” Он же рече: “Аще имаши наемъ и брашно, то никтоже ти не възбранить”. Ркох же к нему: “Воистину, брате, ни наима, ни брашна не имам, но иду и влѣзу с ними в корабль, и питати мя имут не хотяща: тѣло бо мое – то дамъ им за наемъ”. Сего ради хотях, отче, ити *наипаче*, да приобрящу множайшаа рачителя тѣлу моему. Рекох же ти, отче Зосиме, не нуди мене изрещи студа моего: вѣсть бо Господь Богъ, яко ужасаюся, *оскверняяще тебе и воздух словесы своими*».

Зосима же, слезами умакаа землю, отвѣща к ней: «Глаголи, Господа ради, мати моа, глаголи и не престани от полезныа повѣсти». Она же абие к первой повѣсти сия приложи. «Тотъ же

убо уноша, бестудие моих словес слышавъ, восмѣявся, отиде. Аз же пряслицу повръгши, юже рѣтко ношах, текох на море, аможе и уноша тече. И видѣх при морѣ стояща яко 10 муж или боле телесы юны. Аз же возрадовахся, видящи я буя образом и бесѣдою, яко доволни суще похоти моей. Бѣша же друзии в корабль вошли. И по обычаю моему въскочих в ня, рекох имъ: “Поимите мя, аможе и вы идете. Не имам бо вамъ обрѣстися неугодна”; и ина же словеса изрекох, множайша сих, створих же всѣм восмѣтися. Они же, бестудие мое видѣвше, поимше мя, введоша меня в корабль свой, и оттуду начахом плыти.

Како же ти прочее повѣдаю, отче? Кый язык изречет или кый слух вонметъ бывша дѣла моя злаа на пути и в корабли: яже, тѣмъ не хотящим, нуждах творити им бестудный образ любодѣяния, изрицаемый же и неизрицаемый, емуже бых оканным тѣлом учитель. И нынѣ ими ми вѣру, отче, дивлюся, како стерпѣ море любодѣяние мое, како ли не раздвиге земля устъ своих и живы не сведе мене въ ад, душъ прельстившиа *толико* Но мню, яко покаания моего искаше Богъ, не хочет бо смерти грѣшником, но ожидает долготръпѣниемъ обращения моего.⁵²³

Сице убо с тацѣм тщаниемъ въздыхом во Иерусалимъ. И елико же дней *створих* прежде праздника, то же дѣло створих, паче и горѣе того. И не доволни быша бывшии съ мною в корабли и на пути, но ины многы оскверних, гражаны же и странники збирах на то.

Егда же приближися святой праздникъ Воздвижение честнаго креста, азъ же убо акы прежде обхожах, душа уных улавляющи. И видѣх зѣло рано вся въ церковь идуща. Идох же азъ, текущи с текущими. И приходх же с ними и внидох въ церковный притворъ. И егда бысть часъ святаго воздвижения, рекох же в собѣ: “Аще мя и отриють, то понуждуся, негли вниду с народом”. Дошедши же и мнѣ до дверей церковных, в нейже животворящее древо лежитъ, с трудом и скорбию дойти нуждахуся, окааннаа. Егда же *воступих* на порогъ церковных дверей, вси бо безъ возбранения внидоша, мене же возбрани нѣкаа Божия сила, не дадущи ми внити, и паки покусихся внити, и далече отринухся от дверей. Едина же въ притворѣ стояща,

мнях, женскою немощю сие ми бысть. И паки инѣх примѣсихся, нуждахся, локотѣми отрѣющи. И трудихся без ума, и паки, егда убогаа нога моа порозѣ ся косну, вся приа церковь, никомуже не възбраняющи, мене же не приимаше. Но яко множество воин учинено вход затворити, тако и мнѣ възбрани нѣкаа сила Божиа, и паки обрѣтохся во притворѣ.

Сице трижды и четырижды пострадавши и трудившись, уже и к тому не *могущи* отрягтися, уже ни рѣема быти, отидох и стах въ углѣ паперта церковнаго. И егда нѣкогда чювьство бысть ми възбранению видѣние животворящаго креста, косну бо ся сонѣ очию сердца моего, показаа ми, яко тимѣние дѣлѣ моих възбраняеть ми входа. И начах плакати и рыдати и в перси бити, и въздыхати из глубины сердца, износящи слезы. Плачущися на мѣсти, на немѣже стояхъ, възрѣвши пред ся и видѣх икону пречистыа Богородица стоящу и рекох к ней: “Дѣво Владычице, родившиа плотию Бога Слова, *въдѣ* бо, яко нѣсть лѣпо, ни угодно мнѣ, скверници и блудници, на *честную* икону твою, Приснодѣвыа, зрѣти, имѣющу ми душу и тѣло нечисто и скверно. Праведно бо есть мнѣ, блудници, ненавидими быти и мрѣзити ми чистою твоею *иконою* ... Но обаче, понеже слышах, яко сего ради Богъ человекъ бысть, и его же ради “да призовет грѣшники в покаание”,⁵²⁴ помози ми единой, не имѣю бо никакаяже помощи, *повели*, да ослаблено будетъ ми вхождение церковное, не възбрани ми видѣти древо, на немѣже распятся плотью Богъ, “егоже ради кровь свою за мое избавление *дасть*”.⁵²⁵ Повели ми, Владычице, да ми отворзутся двери святаго поклоняния крестнаго. И ты ми буди поручница доволна к роженному ис тебе, яко уже плоти сея моя не имам к тому осквернити никоеюже скверною *плотскою*. Но егда узрю древо креста Сына твоего, мира сего отрекуся, абие же тогда изыду, аможе наставиши мя, поручница ми еси”.

И се рекши ми, яко едино извѣщение приемши ражѣждениа вѣры, и милосердой Богородици надѣявшись, двинухся с мѣста того, на немѣже *стоях*, молитву дѣяхъ. И придох, паки со влазящими примѣсихся, и не бѣ уже отриющаго мене, никогоже възбраняющаго мене нѣсть въ церковь внити. Приятъ же мя трепетъ и ужасъ, и, вѣсклонся, стряхся. Потомъ же

дошедши ми дверей, затвореных прежде, и бес труда внидох внутрь. Сподоблена же бых видѣнїа честнаго и животворящаго креста, и видѣх тайны Божїа, и како готовъ есть приимати кающаася, падши же на земли и святое древо цѣловавши, изыдох, текущи, хотящи быти у поручници моей.

Придох же на мѣсто, на немже обручение исписано бысть рукописание,⁵²⁶ и колѣни поклонивши пред иконою пресвятыа Богородица дѣвы, сими словесы начах глаголати сице: “Ты убо Богородице Владычице, благословеннаа госпоже! Твое на мнѣ челоуѣколюбие, тебе не омръзити мое моление, недостойныа. Видѣх славу, юже въ правду, не презри мя, блудници. Слава Богу, приемлющему *тобою* покаание грѣшных. Что бо имам боле помыслити ли вѣщати, грѣшница сущи? Время есть уже, Владычице, свершения обѣщанїа, и поручение поручих. И нынѣ, амо же велиши, настави мя. Нынѣ паче ми буди учитель ко спасению, водящи на путь спасенїа”. Си словеса *глаголющи* ми, абие же слышах глас, глаголющъ ми издалеча: “Иерданъ аще преидеши, добръ покой обрящеши”. Азъ же *глас той слышах* и емши вѣру, яко мене ради бысть глас сїй, плачущи, въскричах и к Богородици възопих: “Госпоже Богородице, не остави мене!”

И сице вопиючи, изыдох ис притвора церковнаго и быстро идох. Видѣв же мя единъ *идущу* и три мѣдници далъ ми, рекъ: “Возми, мати моа!” Аз же, вземъ, купих 3 хлѣбы, въспросих же продающаго хлѣбы: “Человѣче, куды есть путь на Иерданъ?” Увѣдавши путь на ту страну, изыдохъ, текущи, и идох по пути, плачущи и путь свершаючи, день кончах. Бѣ бо 2-й час дни, егда крестъ видих и, заходящу солнцу, доидох церкви святаго Иоанна Крестителя, бывшую близъ Иердана. И церкви поклонившися, снідох на Иерданъ, и лице и руци умывши от святыа воды и пречастихся пречистых тайнъ и животворящих во церкви Предт(е)чевъ, и полъ хлѣба единого снѣдох, и от воды Иерданскыа пивши, и на земли той нощи поспах. Наутриа же обрѣтох корабль, приѣхавъ на ону страну Иердана, и паки молихся Богородици наставници: “Настави мя, Госпоже, яко самой ти угодно есть”. Поидохъ же в сїю пустыню. И оттоле и до днешнего дне “удалихся бѣгаючи, в сей пустыни

въдворяющися, чаахъ Бога, спасающаго мя от премогания душа и буря”,⁵²⁷ обращающи ми ся к нему».

Рече же Зосима к ней: «Колико лѣтъ есть, отнелѣже в пустыню сию въдворися?» Она же рече: «Мню, яко 40 и 7 лѣтъ есть, отнелѣже изыдох от Святаго града». Рече же Зосима к ней: «Что обрѣте или что обрѣтаеши пищу себѣ, о госпоже моа?» Она же рече: «Полѣ третиа хлѣба принесох от Иердана, иже помалѣ окамениша, *иссохше*, и мало ядохъ от нихъ, многа лѣта пребывах о нихъ». Рече же Зосима: «Како ли же без *болѣзни* пребысть толика лѣта, никакоже пакости приемлющи от незапнаго прѣложения?» Рече же она: «Мене нынѣ въспросилъ еси, авва Зосима, аще убо въспомяну вся тѣ напасти, яже претрѣдах, и помышления, яко сътвориша ми ся пакости, боюся, егда паки тѣми же осквернена буду». Рече Зосима: «Госпоже моа! Ничтоже не остави, молю ти ся, егоже не исповѣси ми, и единою начала еси, тѣмъ все изглаголи».

Она же рече ему: «Вѣру ими ми, авва Зосиме, 16 лѣтъ створих в пустыни сей, аки съ звѣрми лютыми, с своими помышленьми боряся. Егда начах пищу сию приимати, абие хотяше ми ся мясом и рыбам, яже бѣ иже въ Египтѣ. Хотяше ми ся вину, любимому мною, много бо вина пях, егда бѣх в миру. Здѣ же ни воды имѣюще вкусити, и лютѣ распаляхся, бѣды не трпях. Бывше ми желание любодѣянных пѣсней лютѣ, яко възмущающися на пѣсни бѣсовьскыя, яже навыхъ в мирѣ. Абие же прослезаящися и вѣрою в перси своа биючи, въспоминаючи завѣты, яже створих, в пустыню сию влазящи, и мысль, юже имѣх ко иконѣ святыа Богородица, поручници моей. И у ней плакахся и молихся отгнати ми помышления, тающи оканную ми душу. Егда же ся довольно бых наплакалася и в перси умилено билася, тогда свѣтъ видях, всюду облистающи мя, и тишина велиа в бурения мѣсто бываше ми. И помышления, рѣющаа мя на *любодѣяние* ... како ти, авва, исповѣм? Огнь въ окаяннем ми разжигашеся сердци и *всю распаляше на желание* прилѣпа поостряше. Абие же, егда таковии въ помышление прихожаше ми, помѣтахся на земли и слезы проливах, мнящи, яко сама поручница ми стоит и истязает мя, яко преступльши завѣты, и муку за преступление

даючи. Не бых вѣстала от земнаго поверженіа, аще бысть ключило день и нощь, дѣндеже сладкій онъ свѣтъ осіаль бы и пакости отгналъ. То уже (...) съвѣсть мою к поручници непрестанно возводях, просящи у нея помощи, приемлющи ми бѣду. Бысть же ми помощница и покаанію поспѣшница. И тако кончах 16 лѣтъ, бѣды тмами приемлющи. Оттолѣ до днешняго дне помощница та всегда помогаетъ ми».

Рече же Зосима к ней: «Да не потребовала ли еси уже пища и одежда?» Она же отвѣща: «Хлѣбы убо оны скончавши въ 16 лѣтъ, якоже рѣх ти, и питана бых зелиемъ и былиемъ и прочим, сущимъ в пустыни сей. Ризы же, в нихже бѣ прешла Иерданъ, раздравшеся и распадошася. Многу же бѣду от зимы и от зноя пострадах, солнцемъ *горящи* и морозомъ омерзаючи и трясущися. Тѣмъже множицею, падши на земли, лежахъ бездушна и недвижима, множицею съ различными напастями и бѣдами и мыслями боряхся. И оттолѣ и до днешняго дне сила Божіа многообразнаа грѣшную мою душу и тѣло мое съблюде. Помышляючи бо токмо, от толика зла избави мя Господь, пищу неиздаемую имам, упование спасенія моего, питаюся и покрываюся глаголомъ Божиимъ, съдрѣжащимъ всячѣскаа, “не о хлѣбѣ бо единомъ живѣ будетъ чловѣкъ”,⁵²⁸ “зане не имяху покрова, то каменіемъ ся *облекоша*”⁵²⁹ елико ихъ съвлечеся грѣховныа ризы».

Слышавъ же Зосима, яко словеса книжнаа помяну от Моисея и от Іева и от псалмовъ,⁵³⁰ рече к ней: «Неси ли ся учила, госпоже моа, книгамъ и псалмомъ?» Она же, слышавши, осклабися и рече к нему: «Ими ми вѣру, отче, не видѣхъ иного чловѣка отнелѣже Иерданъ преидохъ, токмо твое лице днесъ, ни звѣрина, ни иного животнаго. Книгамъ же николиже учихся, ни поющаго николи же слышахъ, ни чтущаго. Но слово Божіе живущее, то учить разуму чловѣка. До здѣ конецъ моеа повѣсти. И нынѣ заклинаю тя въплощеніемъ словеси Божіа, моли за мя, блудницу, Господа ради».

Сіце же рекши той и словеса dokonчавши, хотѣ паки *поклонитися* старцу, старецъ же съ слезами възъпивъ: «Благословенъ Богъ, творяи велиа страшна и дивна, славна же и неизреченна, имѣже нѣсть числа! Благословенъ Богъ,

показавый ми, елико даруетъ боящимъся его! Воистину убо не оставилъ есть боящихся тебе, Господи!» И хотѣ паки поклонитися ей. Она же, емши старца, не дасть ему поклонитися и рече к нему: «Вся, еже слышалъ еси, отче, заклинаю тя Иисус Христомъ, Богомъ нашим, никомуже изглаголати, дѣндеже Богъ возмет мя от земля. Нынѣ же иди с миром, и паки же въ преидущее лѣто узриши мя. Сътвори же Господа ради, еже ти заповѣдаю: в пост приидущаго лѣта не преходи Иердана, якоже обычай имате в монастыри». Дивляше же ся Зосима, слышавъ, яко и чинъ монастырьскій возвѣсти ему, ничтоже ино не глаголаше, нѣ точию: «Слава Богу, дающему велиа любящим его». Она же рече: «Пребуди убо, яко рекох ти, авва Зосиме, в монастыри. И хотящу ти изыти, не лѣт ти будет. Во святыи же Великий четверток, тайныя вечера, вложи в сосуд святыи от животворящаго тѣла и крови Христа Бога нашего и принеси ми. И пожди мене на том полу Иердана, сущим близъ вселенныа, да, пришедши, причащуся святых тайнъ. Отнелъ же бо причастихся их въ церкви Предтечевъ и Ерданъ преидох, то не прияхъ и доселѣ священства того и нынѣ желаю причаститися имъ. Тѣмъже молю ти ся, не ослушайся моего гласа, но принеси Божия животворяща тайны, в он же час *Господь* ученики Божия вечера причастники створи. Игумену же Иоанну манастиря, в немъже живеша, рци: «Внимай себѣ и стаду своему»,⁵³¹ едина бо суть та и творимаа дѣла *требующа* исправления. Но не хошу, да речеши ему се нынѣ, но егда Господь повелитъ ти». Си глаголавши, старцу рекши: «Моли за мя», паки в нутрѣнюю пустыню иде. Зосима же, поклонився и цѣловавъ мѣсто, на немъже нози ея стояста, давъ хвалу и славу Богу, возвратися, хваля и славя Христа, Бога нашего. Прешед же пустыню, прииде в монастырь, в немъже и друзии мниси возвращахуся.

В то же лѣто умолча, не смѣа никомуже изрещи, яже видѣ, в себѣ Бога моляше показати ему желаемое видѣние. Скорбяше же, *помышляя* долготу лѣта, хотя, дабы единѣмъ днемъ минуло все лѣто. Егда же приближися время святаго поста 1-я недѣля, по обычю *монастырьскому* ... прочии изыдоша мниси, поюще, сего же недугъ ятъ огненный, и оста в монастыри, Помяну же

Зосимъ реченое ему преподобною, яко «хотящу ти изыти и не лѣтъ ти будетъ». И не по мнозѣхъ днехъ *исцѣлѣ* от недуга. И пребысть в манастири.

Егда же возвратишася мниси, приближи же ся вечеръ тайныя вечера, створи же повелѣное ему и вложи в малу чашицу от святаго тѣла и крови Христа Бога нашего. Възложи же на блюдо мало смоквий и суции от финикъ и мало ляща мочены. И иде вечеръ зѣло и седѣ на брезѣ Иердана, ждыи преподобныя. Медлящи святѣй, Зосима же въздрѣмаса, но прилѣжно зря в пустыню, хотя видѣти желание свое. И глаголаше в себѣ старецъ: «Егда убо недостояние мое възбрани ей приити, еда ли, пришедши ей убо и не обрѣтши мене, возвратися». Сице же глаголя, въздохнувъ, прослезися и очи свои возвед на небо, моляше Бога, глаголя: «Не лиши мене, Владыко, паки видѣти ея, да не отиду тощъ, своа грѣхи нося на обличение мое». Сице же съ слезами молився, во иную мысль впаде, рекъ: «Что убо будетъ, аще приидеть, а корабля нѣсть, да како Иерданъ преидет и ко мнѣ, недостойному, приити? Увы мнѣ, кто мя в правду лишилъ такового добра?»

Сице же помышляющу старцу, и се преподобнаа жена приде, об онѣ полѣ Иердана ста, отнюду же идяше. Зосима же, въставъ, радуяся и веселяся, славя Бога, и еще же бѣ в нем мысль, яко не можетъ Иерданъ преити. И, възрѣвъ же, видѣ ю (пресвѣтла бо бѣ нощь луною), знаменiemъ крестнымъ Иерданъ знаменоваши, и верху воды легко ходящу и к нему идущу. Оному же хотящу поклонитися ей, и възбрани ему, *вопиющи*, еще на водѣ *ходящи*: «Что твориши, авва, иерѣй сы, нося тайны Божиа». Слѣзши же ей с воды, рече старцю: «Благослови, отче, благослови!» Он же отвеща ей с трепетом, и ужасъ бо его приать о предивнемъ его видѣнии. И рече: «Воистину не ложь есть Богъ рекии: “Подобитесь Богу,⁵³² якоже възможно есть очищающихся”». И рече: «Слава тебѣ, Христе Боже, показавый ми *рабою своею*, колико убо есмь далече от свершения». И се рекшу ему, повелѣ ему жена глаголати: «Вѣрую въ единого Бога» и «Отче нашъ». И кончани бывши молитвѣ, цѣлова ю старецъ въ уста. Причастивъ же ся святыхъ тайнъ, на небо руцѣ въздѣвши, въздохнувъ, прослезися и рече: «Нынѣ отпускаеши

рабу свою, Владыко, по глаголу твоему с миром, яко видѣсте очи мои спасение твое, еже еси уготовалъ предъ лицомъ *всѣхъ людей*». ⁵³³

И паки рече къ старцу: «Еще, авва Зосиме, и другое мое желание скончай. И иди нынѣ в манастирь свой, миром Божиим хранимъ, и въ приидущее лѣто прииди в потокъ, идеже прѣвѣ бесѣдовахове, прииди убо, Господа ради, прииди, и паки же узрѣши мя, якоже хочеть Господь». Он же отвѣща к ней: «Аще бы ми възможно въслѣд тебе ходити и зрѣти присно честнаго ти лица». Паки же рече к ней: «Послушай же единого моления старца и мало от пища, юже принесохъ ти, вкуси». И егда се изрекъ, показа ей блюдо, еже ношаше. Она же концемъ прѣста прикоснуса, три зерна взявши. И рекши: «Доволѣеть се благодати духовнѣй, хранящи естество душа нескверно». И паки рече къ старцу: «Моли, Господа ради, моли, и мое окаание поминай всегда». И онъ поклонися предъ ногама ея. И повелѣ ей молитву творити о церкви, и о цари и себе ради. Молився съ слезами, въспять возвратися. Старець же, стена и рыдаа, не смѣяше бо удержати неударяема. Она же, паки знаменавши Иерданъ, преиде връху воды, якоже рече. Старець же возвратися с радостию и страхомъ одрѣжим, зазираа себе, скорбя же и о семъ, яко имени преподобныа не увѣдал, обаче надѣяшеся получитьи въ преидущее лѣто.

Лѣту же минувшю, прииде Зосима паки в пустыню по обычаю, течаше на предивное видѣние. Ходивъ же по пустыни и дошед знамениа единого ищемаго мѣста, и глядаше на десно и на шюе, яко ловець хитрый узрѣл, гдѣ бѣ сладкый ловъ. Егда же ниоткуда ничтоже не увидѣ, нача въпити и плакаться, и очи возвед на небо, моляшеся съ слезами, глаголя: «Покажи ми, Владыко, скровище некрадомое, еже в пустыни сей скрылъ еси, Господи. Покажи ми, молюся, плотнаго ангела, емуже не бѣ достоинъ всь миръ». И сице плача, моляся, доиде мѣста поточнаго и, ставъ на брезѣ, видѣвъ на вѣсточнѣй странѣ преподобную мертву, и руцѣ, яко подобаше, связанѣ, на вѣстокъ лицомъ зрящу. Он же, текъ, слезами божествѣней нозѣ ея умы, не смѣаше телеси ея прикоснутися.

Плакав же ся долго и псалмы испѣвъ, подобныа времени тому, и створи молитву погребалную. И рече к собѣ: «Подобает ли убо тѣло сея преподобныа погresti, егда убо се не угодно ей будетъ?». И сице глаголя, видѣвъ возглавие ея написано на земли сице: «Погреби, авва Зосиме, тѣло убогиа Мариа на сем мѣстѣ, вдаи же прѣстъ персти, за мя же Господа ради молися. – Умерши же ей мѣсяца марта по-египетьскы, римски же априль въ 1,⁵³⁴ в самую ту ночь спасеныа муки, причащения Божиа тайны вечера». Сия убо писаниа прочетъ старецъ, первые убо помышляше, кто есть писавый се. Она бо рече, яко не вѣдѣше книгъ. Обаче радъ бысть, яко имя преподобныа увѣдавъ. Разумѣ бо, яко егда на Иерданѣ пречистыхъ тайнъ причастися, единомъ часомъ претече толикъ путь, абие къ Господу отиде.

Славяше Бога старецъ и омочаа слезами землю же и тѣло и рече: «Убогый Зосиме! Время есть уже повелѣное скончати, но како створиши копаніе, в руцѣ не имѣа ничтоже». И се рекъ и видѣ древце мало, близъ повержено. И возьмъ е, нача копати им. Суха же бывши земля, не слушаше старца, трудящася и копаше потяся, не могый что створити. Въздыхнувъ велми от сердца и възрѣвъ, видѣ лва велика, предстояща близъ телеси преподобныа Мариа и нозѣ ея лижуща. И трепетенъ бысть Зосима, бояся звѣри. Паче же укрѣпися, помянувъ рекшу преподобную, яко николиже звѣри видила есмь. Знамениемъ крестнымъ знаменася Зосима, вѣру ятъ, яко невредимъ будетъ от него силою лежащя. Левъ же начатъ радоватися старцу, точию образомъ не целуя старца. Зосима же рече ко лву: «О звѣрю! Понеже великаа сия повелѣ ми погresti тѣло свое, азъ бо старъ есмь, не могу копати, не имамъ бо мотыкы, и зѣло далече есть и не могу обратитися по ню, но створи ты копаніе нокты своими, и дадѣвъ земли тѣло преподобныа». Абие же левъ, слово слышавъ, преднима ногама ископа ровъ, елико довольно тѣло преподобныа покрыти.

Погребе же ю старецъ, слезами омочивъ тѣло ея и много молився ей за вся молитися, и покры тѣло ея землею, наго суще, ничтоже иного имуща, но точию ону ризу раздраную, юже поврьже Зосима. И тогда отидоста оба: левъ же убо в пустыню, яко овча, идѣше, Зосима же в манастирь възвратися,

благословя и хваля Христа, Бога нашего. И, пришед в манастирь, всѣмъ мнихом исповѣда, яже видѣ и яже слыша от нея, и ничтоже от них не утай. Дивиша же ся мниси, слышаще величиа Божиа и съ страхом и любовию творяще память преподобныа Мариа. Иоанъ же игумень обрете в манастири едина дѣла, требующи исправления, яже бѣ рекла преподобнаа. Умре же Зосима в том манастири мало не ста лѣтъ.

Осташа же мниси на том мѣстѣ, без сего же писаниа, сиа словеса глаголюща ползы ради слышащим. Аз же без писаниа прияхъ и написавъ предахъ, и недовѣдый, аще инѣи написали суть житие преподобныа и выше мене вѣдуще, яже о таковыхъ, на умъ мой приидоша, обаче якоже възмогахъ, тако и написавъ. Богъ, творяи велиа чюдеса и дая великиа дары прибѣгающим к нему, да дасть мзду чтущим а и слушающим, и повелѣвшему написати повѣсть сию, да сподобить я части достойныа сея блаженныа Мариа, о нейже повѣсть си есть, съ всѣми угодившими ему от вѣка видѣниемъ и дѣлы. Дадимъ же убо и мы славу Богу, царю вѣчному, да и нас сподобить милость обрѣсти в день Судный. О Христѣ и Спасѣ, о Господѣ нашем, емуже подобает всяка слава, честь и покланянье.

Чудеса Николы Мирликийского

Подготовка текста и комментарии И. И. Макеевой, перевод Л. В. Соколовой

Николай Мирликийский – великий христианский святой. Его почитают католики, православные и даже мусульмане.

Култ Николая Мирликийского, пришедший на Русь после принятия христианства, получил здесь широкое распространение. В основном он был известен на севере восточнославянской территории; на юге ему соответствовал култ св. Георгия.

По народным представлениям, Никола, как обычно называли его на Руси, именно народный святой, прежде всего крестьянский, добрый угодник, защитник, «милостивый» в отличие, например, от Ильи.

Весьма торжественное празднование Николина дня бывает два раза в году: Никола зимний отмечается 6 декабря по старому стилю, в день преставления; Никола вешний – 9 мая, в день прибытия мощей святого в город Бари. Култ Николы зимнего был известен всему христианскому миру. Праздник Николы вешнего, не признанный Византией, но поддержанный Римом, был установлен на Руси в честь перенесения в 1087 г. мощей святого разбойниками-купцами из Мир в южноиталийский город Бари. Там сначала они были положены в церкви св. Евстафия, а позднее – в специально построенном во имя св. Николая соборе.

С Николиным днем в разных местах были связаны различные народные обряды и обычаи. Например, запрещение купаться до этого праздника. В Бессарабии Никола зимний – день денежных счетов и наймов; в Белоруссии на Николу вешнего происходил первый выгон лошадей в ночное; в Харьковской области 4, 5, 6 декабря, в «Николины святки», варили кутью и узвар, чтобы на будущий год был урожай плодов и ячменя. С Николой был связан и свадебный обряд; его чествовали в случаях эпидемии в деревне, он упоминается в заговорах, причем предназначенных для лечения любой

болезни. Особо следует сказать о его роли покровителя мореплавателей.

О жизни Николая, архиепископа Мирликийского, известно немного. По преданию, он жил в IV в.

Существуют разные версии жития этого святого, есть по меньшей мере три варианта его биографии, один из которых сильно отличается от двух других.

По одной версии, в городе Миры в Ликии жил благородный и богатый Феофан со своей супругой Ноной. У них был единственный сын Николай, который уже с младенчества вел себя не так, как другие дети: в среду и в пятницу он только один раз вкушал материнское молоко. Мальчик во всем стремился к воздержанию. Когда он подрос, родители отдали его учиться грамоте. Николай учился очень усердно, не тратя времени на развлечения со сверстниками. Он не интересовался мирской жизнью, а все свои помыслы устремил к Богу. Он стал священником, а спустя некоторое время своим дядей, тоже Николаем, был поставлен пресвитером. И на этом посту Николай отличался мудростью, знаниями, красноречием. Дядя, видя удивительные качества своего племянника, отправляясь в Палестину, поручил ему архиерейский престол в Мирах.

Другая версия жития Николая близка к первой. Во главе одного из монастырей стоял преподобный Николай. У него родился племянник, сын Феофана и Ноны. Мальчика тоже называли Николаем. Вскоре после появления на свет, во время купания, ребенок встал и стоял два часа. Он сосал материнское молоко только из правого соска один раз в день, а в среду и пятницу не ел вообще. В возрасте 7 лет мальчик захотел учиться. Идя на учебу, он встретил сухорукую женщину, которую исцелил. Основавший храм (монастырь) дядя Николая поставил в нем 19-летнего племянника пресвитером, когда тот закончил учиться. Николай совершил паломничество в Иерусалим. Когда он стал взрослым, исцелил множество людей.

Согласно третьей версии жития, еще в юности Николай не ел мяса и не пил вина, питался только хлебом, а в большие праздники ел овощи. Вместо жезла он носил крест, а на ногах – «плюснянки до глезну».

Николай рано оставил мирскую жизнь и день и ночь проводил в молитвах. В 14 лет он отправился странствовать и три года прожил в Кесарии. Благодаря заступничеству святого горожане отбили вражеское нашествие, а Никола тотчас после этого отправился в Армению, где пробыл год и девять месяцев. Он крестил и учил вере местных жителей, лечил от болезней, очищал от проказы. Из Армении Никола пошел в Амполию Асирейскую (Апамию Сурьскую), где исцелил одержимую бесом девицу. Потом он пришел в город Кург (в других редакциях – Кипр). Излечив там прокаженных, святой, отвергая мирскую славу, отправился в Антиохию. Пробыв там 12 дней, он пошел в Рим к святому Петру, по дороге одержав победу над бесом. После четырехдневного пребывания в Риме Николай отправился в Египет Александрийский. В течение 5 лет он странствовал и исцелял людей. Пройдя Ассирию и нехристианские государства, он оказался в Мирах Ликийских, одном из самых больших городов Ликии. Услышавший о нем иерусалимский патриарх Макарий прибыл в Миры. Он побеседовал с Николаем и поставил его в епископы всей Ликии.

Когда святой пребывал на епископской кафедре, состоялся Никейский собор (Первый Вселенский собор состоялся в августе 325 г. в Никее. В нем принимал участие император Константин I.). Николай был его участником среди 318 святых отцов. Слушая их споры с Арием, говорившим хулу на Господа (Согласно утверждениям Ария, Бог-Сын, второе лицо почитаемой христианами Троицы, не единосущен Богу-Отцу. Поскольку Сын был рожден, он не вечен. Сторонники Ария были разгромлены и отправлены в ссылку), святой встал и ударил Ария по лицу. Святые отцы возмутились и решили лишить Николу святительского сана. Однако за него заступились Иисус Христос и Богородица. Все присутствовавшие, в том числе император Константин, были тому свидетелями.

Когда же пришел конец земной жизни святого, он обратился к Иисусу Христу с просьбой: просил милости для тех людей, которые будут призывать его в трудную минуту. Потом он упал ниц; ангелы понесли его душу на небо, а тело лежало на одре, словно солнце.

В действительности в житии, надписывавшемся как Житие Николая Мирликийского, смешиваются черты жизни этого святого с деяниями другого Николая, епископа Пинарского (г. Пинары тоже в Ликийи), жившего в VI в. Это произошло еще в византийских сочинениях об этом святом.

Одна версия Жития Николая Мирликийского была написана византийским агиографом Симеоном Метафрастом в X в. На Руси ее перевод был известен в списках начиная с XV в. Вторая – в действительности является переводом Жития Николая Пинарского, появившимся уже в XI в. Его называли «иным житием». Оно существовало в двух редакциях – сокращенной и пространной. Третья версия представляет собой свод сведений, в число которых были включены и чудеса.

Чудеса, творимые святым как при жизни, так и после смерти, были неотъемлемой частью любого жития. К переводу Жития Николы Мирликийского, написанного Симеоном Метафрастом, и к «иному житию» добавлялся свой комплекс чудес. Однако они могли смешиваться между собой. В Житие Метафраста были включены чудо о трех девицах, чудо о трех мужах (воеводах), чудо об избавлении корабля от потопы. Затем эти же чудеса были включены в «иное житие». К числу прижизненных чудес Николая Мирликийского относились следующие: чудо о трех мужах, об избиении рати поганых в Кесарии, об исцелении больных на Кипре, о хождении на Вселенский собор и др. Посмертными чудесами были избавление корабля от потопы, чудо о Дмитриии, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре, о ковре, о сарацине, о детище, о половчине и др. Некоторые из них, возможно, были составлены на Руси. Это чудо о ковре, о Епифании, о детище, о половчине, а также о трех иконах. Два чуда – о трех девицах и о трех мужах – известны в разных вариантах.

Чудеса Николая Мирликийского в русской письменности были известны и как отдельное произведение. Они сохранились в списках более ранних, чем Житие, а именно с XII в. Иногда они включались в различные сборники, иногда представляли собой отдельный памятник.

В Торжественнике XII в. (*РНБ*, Ф.п.I.46) как самостоятельное произведение были помещены 8 чудес Николы в следующем порядке: о трех мужах, о Дмитриии, об избавлении корабля от потопа, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре. Седьмым по порядку следования было чудо св. Николы и св. Георгия о сарацине, в связи с чем уместно вспомнить о преимущественном распространении культа Николы на севере восточнославянской территории, а на юге – св. Георгия.

Содержащийся в Торжественнике вариант чуда о трех мужах (иначе чуда о трех воеводах) соответствует тексту Метафрастова Жития Николы Мирликийского. Та же версия помещена в Макарьевских Великих Минеях Четиих (XVI в.), в сборнике *ГИМ*, Чудовское собр., № 20, XIV в.; отличная от нее – в рукописях *РГБ*, Тр.-Серг., № 749, XV в. и № 788, XVI в.

Только чудеса Николы содержит рукопись, получившая название «Сказание чудес святого и великаго отца архиерея Божия и чудотворца Николы, бывшаго в Мирех Лукионе» (*ГИМ*, Хлуд., № 215). Она написана в конце XIII в. на новгородской территории или писцами-новгородцами. Рукопись содержит только посмертные чудеса Николы; всего их восемь. Они расположены в следующем порядке: о Дмитриии, об избавлении корабля от потопа, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре, о ковре, об отроке. По сравнению с Торжественником XII в. в рукописи отсутствует чудо о трех мужах, но помещены чудо о ковре и чудо об отроке.

Текст чудес публикуется по древнейшему списку XII в. (Торжественник в составе сборника со Златоструем, ркп. *РНБ*, Ф. п. I, 46). В рукописи «Чудеса святого архиерея Христова Николы» занимают л. 66а–766. Добавления и исправления имеющих ошибок писца в чуде о трех мужах приведены по тексту Великих Миней Четиих митрополита Макария XVI в.; для прочих чудес исправления внесены на основе рукописи XIV в. (*РГБ*, ф. 304, № 9, Сборник, л. 1556–2096).

Подробный перечень и публикации текста см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI–первая пол. XIV в. Л.: Наука, 1987. С. 171 –172; Крутова М. С. Святитель Николай

Чудотворец в древнерусской письменности. М.: Мартис, 1997.
Греческий текст см.: *Anrich G. Hagios Nikolaos. Leipzig, 1913.V.1.*

* * *

МЕСЯЦА ДЕКАБРЯ В 6-Й ДЕНЬ.

ЧУДЕСА СВЯТОГО АРХІЕРЕЯ ХРИСТОВА НИКОЛЫ

Господи, благослови!

Был во времена цесаря Константина Великого мятеж даифалов во Фригии. И возвещено было о них цесарю Константину. И послал он трех воевод с воинами своими: Непотиана, и Урса, и Еронлиона, – так их звали. И они, отплыв от славного града Константина, пристали в Ликийской епархии, в месте, называемом Андриакия, – гавани, находившейся в трех поприщах от столичного города Миры.

И сошли они на берег прогуляться, ибо плавание не было для них благоприятным. Некоторые же из воинов пошли, чтобы раздобыть необходимую провизию. И обидели воины кого-то, и столкновение было в Плакомате, и шум был большой из-за этого.

Услышав об этом, Божий святой Никола, епископ и пастырь церкви Божией, умолив, успокоил находившихся там людей, дабы не сотворили они никакого зла и обиды. Вскоре же пришел он в Андриакию, и поклонились ему все. И узнали воеводы о пришествии святого и тоже поклонились ему. А когда он спросил их, сказали: «Мы миролюбивые люди, хотя и на войну идем». И умолил он их прийти в город и принять от него благословение. И приказали воеводы всем мирными быть и ни единого не обидеть.

Между тем пришли некие люди из города и, поклонившись, сказали святому: «Господин, если бы ты был в городе, не случилось бы такого: три смертных приговора вынесены невинным. Ведь князь, взяв мзду, приказал убить мечом трех мужей. И весь город немало горевал, что тебя там не было». И тотчас святой умолил воевод и вместе с ними вошел в город.

И когда был в Леонте, спросил он находившихся там о принявших осуждение. И сказали они, что вели их дорогой, называемой Диоскор. Войдя же в церковь Крискентия и Диоскорида, снова спросил он и узнал, что будут выходить

через городские ворота. И когда был у ворот, вновь спросил о них. И ответили ему, что идут в Виран, ибо это было место казни. И, придя, обнаружил он много народа и палача, держащего меч и ждущего пришествия святого. И придя на место казни, обнаружил он трех мужей; лица их были завязаны платками, они преклонили колени, и вытянули шеи, и ждали своей смерти. Святой же Никола, взяв меч у палача, бросил его на землю. А тех мужей, освободив от уз, привел в город. И придя во двор князя, разбил ворота.

Тотчас же услышав об этом от палача, князь Евстафий поспешно вышел поклониться ему. Тогда святой Никола отвернулся от него, говоря: «Преступник перед Богом и кровопийца! Как дерзнул ты показаться мне на глаза, столько и такого натворив! Не пощажу тебя. Возвещу цесарю Константину о том, что ты совершил и как управляешь епархией». Князь же Евстафий, преклонив колени свои, сказал: «Ничуть не прогневайся на меня, господин, но узнай правду, ибо не я виновен, а старейшины града, Евдокий и Симонид». Узнав же, что взял он двести литр злата, дабы их погубить, и умолен будучи воеводами, святой простил ему вину, объявив несправедливыми решения о них, которые были вынесены ложно.

Воеводы же, трапезничая со святым, молили его, да сотворит о них молитву. И, приняв благословение, отплыли оттуда.

И пристали во Фригии, и усмирили они все мятежные поселения. И, установив прочный мир, пришли в славный Константин-град. И торжественная встреча была им устроена живущими тут воеводами, цесарем и князьями, как одержавшим победу. И были они в палате цесаревой весьма прославлены.

Но возникла зависть к ним у живущих тут воевод. И подговорили они старшего городского судью Авлавия устроить так, чтобы их убили, дав ему более 1700 литр злата, чтобы их погубить.

Пообещав им это, судья Авлавий вошел к цесарю и сказал ему: «Владыка самодержец! Злой умысел есть против Величества твоего от ходивших во Фригию. Узнал я

доподлинно, что они сговорились выступить против Величества твоего, обещав посланным с ними княжеские владения, и дары, и большей чести. Я же узнал и не смог молчать, что есть такой обман. Так что, какова воля Величества твоего, то сотвори». Цесарь же разгневался, когда узнал об угрозе жизни своей, и тотчас, не допросив, повелел вести их в темницу.

По прошествии некоторого времени недруги воевод упрекнули судью Авлавия, сказав ему: «Почему ты бросил их в темницу и сохранил им жизнь? Ведь будучи заточенными, смогут они помочь себе». Судья, услышав, что и заточенными будучи, себе помогают, тотчас возвестил об этом цесарю. Цесарь же, узнав, что они и заточенными будучи, против него заговор замышляют, повелел отсечь им ночью головы мечом. Судья же, выслушав, послал к начальнику темницы Илариону, говоря: «Трех мужей, воевод, которых содержишь в темнице, приготовь этой ночью умереть».

Начальник же темницы Иларион, услышав это, со слезами сказал трем мужам: «Страх великий меня охватывает, и боюсь, и трепещу, так что лучше бы я вас не видел. Ведь ныне говорю с вами и слушаю вас, а утром мы разлучимся, потому что назначено вам умереть. А то, что есть у вас в собственности: золото ли, или серебро, или что другое – кому что хотите оставить – оставляйте, потому что этой ночью назначено вам умереть».

Услышав это, мужи тут же растерзали свои одежды, и рвали на себе волосы и, посыпав их земным прахом, возопили, плача и жалостно рыдая, и говорили: «В чем мы не оправдались, чтобы так погибнуть?» Непотиан же, вспомнив, что сделал святой Никола для трех мужей в Ликий, сказал, плача: «Господи Боже святого Николы, помилуй нас! Как помог ты трем мужам, которые в Ликий, несправедливо осужденным, и спас их от смерти, так и нас ныне спаси, святой Никола, Христов раб; хоть и далеко ты, но близка да будет тебе молитва наша, и к Богу возопи о нас; да спасены будучи, сподобимся мы поклониться твоей святости». И когда сказал это Непотиан, также и трое мужей словно едиными устами так возопили.

Святой же Никола явился зримо цесарю Константину и сказал ему: «Встань и отпусти трех мужей воевод, которых содержишь в темнице, ибо оклеветаны они были. Если же ослушаешься меня, устрою тебе войну в Драчи, и тело твое птицам отдам, и обращусь с молитвой против тебя к великому цесарю Иисусу Христу». И спросил цесарь: «Кто ты есть и как в мою палату вошел?» И сказал святой: «Я Никола грешный, в Ликий и в Мирах митрополит». И сказав так, ушел.

И то же самое сказал, явившись судье Авлавию: «Авлавий, злодей, недалекий умом, встань и отпусти трех мужей, которых содержишь в темнице. Если же ослушаешься меня, обращусь я с молитвой против тебя к великому цесарю Иисусу Христу, и впадешь в недуг, и станешь пищей червей, и весь род твой погибнет зло». И сказал ему судья Авлавий: «Ты кто есть, что такое говоришь?» То же самое святой сказал: «Я Никола, грешный раб Божий, в Ликий и в Мирах митрополит». И сказав это, ушел.

Очнувшись, цесарь призвал своего управляющего и сказал ему: «Возвести судье, что я видел». Так же и судья послал управляющего своего, то же самое сказав. И повелел цесарь предстать перед ним воеводам из темницы.

И когда пришли воеводы из темницы, сказал он им: «Какими кореньями действуя, послали вы нам такие сны?» Они же молчали. А когда второй раз их спросил, Непотиан ответил: «Владыка самодержец! Мы корения не знаем и ничего такого не совершили против твоего Величества. Если же мы такие, на горшие муки да преданы будем».

Тогда цесарь сказал им: «Знаете ли вы некоего Николу?» Они же, услышав имя святого Николы, словно едиными устами так воскликнули, говоря со слезами: «Господи Боже святого Николы, послушай нас! И как спас ты трех мужей, которые в Ликий осуждены были несправедливо, так и нас спаси, осужденных несправедливо, святой Никола!» Цесарь же сказал им: «Поведайте мне, кто этот Никола». И Непотиан рассказал ему обо всем, что сотворил святой Никола и так спас готовившихся умереть безвинно.

И тогда цесарь сказал им: «Не я сохраняю вам жизнь, а святой Никола, которого вы призывали. Идите и постригитесь у него». И дал он им сосуды церковные, и Евангелие, украшенное золотом и драгоценными камнями, и послал их в Ликийю.

И постриглись они там, и давали нищим много золота в памятные дни. И совершали они это многие годы, славя Бога, творящего великие и дивные чудеса, как и писано: «Дивен Бог во святых своих». Слава ему и власть с едиnorodным его Сыном и Пресвятым и Животворящим Духом ныне и всегда и в бесконечные веки веков. Аминь.

Чудо второе святого и великого отца и архиерея Божия чудотворца Николы, жившего в Мирах Ликийских.

Господи, благослови!

Подобает нам Божие писание вам проповедовать, благоверные, вспомнив тот пророческий голос, изрекший: «Воистину чуден Бог, и милость его – во святых его, волю свою всем явил», – как и ныне людям были явлены чудеса чудотворца Николы, жившего в наше время.

Человек некий, именем Дмитрий, живший в Константине граде, имел веру в святого Николу и большую надежду на него. И взяв для пречистого и преславного праздника святого Николы свечи, масло и все, что необходимо для праздника, поплыл он вместе с другими на небольшом корабле от славного града Константина к иному граду, именуемому Анфурат, ибо была в том граде церковь святого. Каждый год ходил туда этот благоверный муж к святому Николе, праздновал память святому.

Когда плыли они в тот день от славного града Константина, было в тот день море тихим. Но около полуночи, когда они были уже в открытом море, внезапно поднялся сильный ветер, а сверху – дождь сильный и беда великая, которая разорвала надвое паруса и бросила их в море.

И хотели они плыть к берегу, но сильные волны, набежав, выбили у них весла из рук. И только один тот Дмитрий удержал весло; но, набежав, волна и у него тоже вырвала весло и бросила в море. И так тогда опрокинула корабль. И ничто не

вышло из уст его, кроме сего: «Святой Никола, помоги мне!» И так пошел ко дну и сел на дне моря.

О великое чудо! Сильный страх охватывает меня, братья, от того, что я хочу рассказать вам об этом чуде.

И внезапно оказался там тогда святой Никола и, тотчас взяв его на свои руки, вышел из моря. И посадил его посреди дома его, который был заперт. А он представлял себя на дне моря и громким голосом вопил беспрестанно: «Святой Никола, помоги мне!»

И слышав тот голос, соседи дивились, говоря между собой: «Голос как будто нашего соседа Дмитрия, но он вчера отплыл. И как он так скоро вернулся? И как он в город вошел ночью, ведь он заперт был? Пойдем и посмотрим в доме». И когда они зажгли свечи, увидели, что дом заперт; а голос по-прежнему слышался из него, говоря так: «Святой Никола, помоги мне!» И сказали они: «Разобьем замок и посмотрим, кто там: или вор, или кто другой». И зажгли много свечей, разбили замок и вошли в комнату со свечами. Многие не узнали его; а подошли к нему ближе и узнали его; и видели непокрытую голову и текущую с нее соленую морскую воду, и от одежды его словно река текла. И сказали ему: «Как ты вошел в запертый дом? Где? И почему так скоро возвратился: вчера отплыв, а этой ночью вернулся? И почему ты весь мокрый?» Он же, все это выслушав и словно пробудившись от сна, сказал им: «Где я нахожусь? И кто вы, что спрашиваете меня?» И они ответили ему: «Мы соседи твои, и это ты, сидя в своем доме, разговариваешь. Но что с тобой случилось?» И отвечая им, он сказал: «Вот что я только знаю: когда шли мы по морю, внезапно начался дождь, и поднялся сильный ветер и перевернул корабль, и пошел я ко дну. А где ныне я и как здесь оказался – не знаю». И соседи, поднеся к нему свечу, смотрели, как текла морская вода с головы его и с одежды, словно река. Тогда страх великий и ужас охватил там всех смотрящих.

И когда настал день, услышали здесь, в городе, дальние соседи о случившемся, и весь город стекался видеть это чудо. И видево, дивились и славилы Бога, воспеваю Спаса Бога нашего и избранника его, творящего необычайные и дивные чудеса.

Чудо третье. Некто именем Симеон, Божий человек, чистый исповедник, монашествовал и постоянно молился Богу и даже чудеса творил, так что и в Десятиградии был известен.

Был у него в то время слуга по имени Никола, и тот выполнял для него всю работу. И послал он его на работу в страну Катавольскую на корабле. Так как море было совершенно спокойно и светло, то плыли спокойно и быстро, гребя с усердием и радостью; так что и он, стоя на корме, радовался и развлекался. Когда же они плыли на юг, внезапно в один час смерклося, и стало темно, и не знали они, куда плыть. А потом поднялся сильный южный ветер с дождем и грозой, и волны были выше корабля. И была большая беда, так что и весла вырвала из рук и ввергла в море, и паруса разорвала надвое. И от великого страха упали все ниц на корабле и уже не чаяли остаться в живых. Корабль высоко ходил по волнам, а они, лежа ничком, громко плакали и молились, говоря так: «Святой Никола, помоги нам и избавь нас!»

И когда они в корабле молились, стоя на коленях, монах Николай поднялся, чтобы взглянуть на море. И увидел человека, в белых одеждах ходящего. О чудо! Обрели они надежду и не ошиблись! Увидел монах Николай ясно своими глазами подходящего к кораблю святого Николу, великого чудотворца, по морю идущего, словно посуху, обращающегося к нему, поднимающегося с радостью на корабль и так говорящего: «Встань, брат; ничего не бойся, не ленись, не дремли, но иди на свою работу с радостью, ибо отныне с тобою я, кого призываешь ты всем сердцем, Никола из Мир; славь же ныне Бога». И сказав ему это, скрылся из виду. И с того часа море было тихим, в мгновение ока прекратился и дождь, и ветер, и установилась полная тишина. А туда, куда пролегал их путь, подгонял их тихий ветер. И то, что должны были пройти за две недели, прошли – не скажу за один день, – за один час. И прославили за это Бога, так певши: «Дивен Бог во святых своих».

Чудо четвертое. Некто по имени Агрик, живший в земле Антиохийской недалеко от сарацин, был очень богат и сильно любил святого Николу, имея единственного сына и творя

каждый год память святому Николе: канон, утреню, и литургию; и ставил две трапезы: первую – братии Божией, убогим, а после литургии – родственникам, друзьям, соседям и иным.

Церковь святого стояла в пяти поприщах от города, в чистом поле. И каждый год собирались там люди – мужчины, и женщины, и дети – на память святого Николы.

В один год, на преславную его память, когда шли все люди на святое то собрание, тот благоверный муж, приготовив свечи, масло, фимиам и все другое, необходимое для канона и утрени, послал затем с отроками своего единственного сына Василия и сказал ему: «Иди, чадо мое, к святому и великому господину нашему и теплому заступнику и сотвори службу, и канон, и утреню, и литургию. После этого придешь на обед; я и мать твоя, оставшись здесь, устроим все, что надобно братии Божией, гостям, и все, что во благо». И слыша это, Василий рад был и весел и, поклонившись отцу и матери, пошел к святому Николе.

И когда пришел он к святому, и спели уже вечерню и канон, и уже наполовину спели утреню, на рассвете внезапно появились сарацины, окружили церковь и пленили всех людей, и с ними того Василия, сына того благочестивого мужа по имени Агрик. И повели его в землю сарацин, и привели их на остров Критский. Сына же Агрикова, Василия, избрав, потому что был хорош собой и красив, отдали князю сарацинскому Амире. Князь Амира, видя его, очень красивого, обрадовался и сказал: «Этот юноша знатного рода был. Достоин он прислуживать мне». Других же продали, а иных в темницу заключили.

Родители же Василия, отец и мать, узнали о случившейся беде и великом горе, и был у них в доме сильный плач и великое рыдание. И в печали два года не праздновали они память святого Николы и не посылали ни свечей, ни масла; и больше того, когда наступал праздник святого, то они, вспоминая чадо свое, вместо свечей и масла выпускали обильные слезы, и рыдание, и громкий плач.

Что же скажу, возлюбленные? Может ли кто рассказать обо всем этом, и может ли кто их утешить? И может ли кто передать стенания и воздыхания матери, которая стенала и воздыхала

всем сердцем, или горячие слезы отца, или как мать рвала на себе волосы и так покрыла ими землю, что словно на большом руне сидела и причитала: «Сыночек мой дорогой, единственный, лучше бы я не родила и не узнала тебя! Неужели не увижу тебя с детьми, которые были твоими сверстниками? Неужели не ухвачу тебя руками своими, идущего по дороге или по двору, и не поцелую губами своими? Лучше бы мне видеть тебя на постели, в болезни лежащего; я бы тебя и подняла, и положила, и ухаживала бы за тобой, и не оказался бы ты в скверных руках. Или придет пусть от Бога ангел и примет твою душу; то с радостью бы тело твое обрядила, и не надрывалось бы мое сердце и утроба; лишь бы не был ты уведен в чужую землю!»

Приходили к ним из других городов и сел родственники и друзья, и увещевали их, и удивлялись внезапному пленению. И вместо радости был плач, а вместо пения на день святого Николы – рыдание их и печаль. И так, утешая их, говорили: «Есть ли кто чудодейственнее святого Николы или сильнее? Вспомните о чудесах его, сколько он их сотворил: со дна моря человека спас, и от меча избавил, и из темницы, и когда хотели казнить тех трех мужей невинных. Призвал тогда цесарь Константин поздно вечером судью и сказал: “Утром выведи тех трех мужей из темницы и убей”. Тогда судья, услышав это от цесаря, послал к мужам тем так сказать: “Покайтесь этой ночью, чтобы вы были готовы, потому что утром, как приказал мне цесарь, когда рассветет, тогда я должен вас убить”. Услышав это, мужи те начали плакать, причитая и моля Бога: “Святой Никола, помоги нам, избавь нас от горькой этой смерти!” И той же ночью, в полночь, явился святой Никола цесарю Константину в палате и сказал: “Если не отпустишь тех мужей, то сожгу твой дом и тебя”. И услышав это, цесарь сказал судье: “Приведи тех мужей”. И привели их, и спросил он: “Знаете ли Николу из Мир?” Они же ответили: “Знаем, ведь это господин наш и митрополит”. И сказал им цесарь: “Идите, Бог и святой Никола прощают вас”. И одарив их, отпустил домой. И встав, пошли они с огромной радостью домой, хваля и славя Бога и святого Николу, избавившего их от горькой смерти».

Услышав все это от соседей и друзей своих, Агрик утешился и, встав, пошел к жене своей и сказал: «О жена, что пользы нам в том, что плачем мы день и ночь третий год, и святого забыли, и не ходили к нему. Но ныне, жена, послушайся меня, и с великой верой пойдем к святому и помолимся; и знай, что получим великое утешение и возвратимся с большой и доброй надеждой; может так случиться, что святой прямо в наши руки передаст нам нашего сына, либо откроет нам: жив ли он там, в рабстве ли он, или умер». И она, услышав это все от мужа своего, обрадовавшись, сказала мужу своему: «Возьмем свечей и масла и пойдем». Настал же праздник святого Николы – и вновь обратилась она к мужу своему: «Господин мой, пойдем к святому. Ныне ведь душа моя радуется, ныне ведь ангелы с земными людьми радуются».

И встав, пошли они; и много других людей шло. И сотворили на вечерней канон святому, и, спев много песнопений, возвратились домой. И собрали соседей и родственников на ужин, и сели за трапезу. И начали есть и пить, славя Бога и святого Николу, вспоминая сына своего и чудеса святого.

И начали псы лаять; их было много у него, и для охоты на зайцев, и для пастьбы овец. Начали усердно псы лаять, и хозяин сказал слугам: «Посмотрите, почему беспокоятся псы, может, волки пришли?» Ответили слуги: «Никого нет». Псы же еще сильнее начали беспокоить его. И тогда хозяин сказал гостям: «Пойдем и посмотрим со свечами, не волк ли влез во двор?» И пошли они со многими свечами, и увидели человека, стоящего посреди двора в сарацинской одежде с покрывалом на голове, и ужаснулись. И еще ближе подошли к нему со свечами и увидели стоящего юного отрока, держащего в руке чашу, полную вина.

О страшное и дивное чудо! От безбожных сарацин в один час был он принесен и поставлен посреди отчего двора.

Отец его стоял и смотрел. А он стоял, как идол, держа чашу с вином, и ничего не говорил. Отец же долго смотрел и дивился, желая узнать его, охваченный страхом и радостью, и громко воскликнул: «Чадó мое Василий, на тебя ли я сейчас смотрю, на

самом ли деле это ты, сладкий мой сын? Или призрак мне ныне представляется тобою?» И сын тотчас ответил: «Я это, единственный сын твой Василь, которого безбожные сарацины пленили и увели на Крит, оторвав от твоей и материнской груди». И отец, услышав все это, протянул к нему руки, начал целовать его в глаза, в голову, в уши, в руки и всюду и спрашивал: «Скажи мне, дорогое мое чадо, как убежал ты от рук безбожников, с кем, чадо мое? Со спутниками своими сговорившись, прибежал? Не утаи от меня, чадо мое, поведай родителю своему, как это было?» И стал сын отвечать отцу: «Обо всем том, о чем ты меня спрашиваешь, я ничего не знаю. Но ныне на Крите прислуживал я за ужином сарацинскому князю – ведь когда привели меня в плен на Крит, то отдали их князю, и с того дня приставил он меня к себе виночерпием – и вот ныне говорит мне князь и господин мой: “Черпай”; и я, зачерпнув, хотел дать ему в руки вот эту чашу. И не знаю я, кто, сильный, внезапно похитил меня с этой чашей полной, которую и сейчас еще держу, и поставил меня здесь. И не понимал я, на земле ли стою. Ведь мне казалось, что ветром меня носило. И тут я услышал глас, говорящий мне: “Видишь ли ты что-нибудь?” И я, охваченный ужасом великим, увидел ставившего меня на землю великого Божьего Николу».

Услышав это, отец преисполнился огромной радостью от великого этого чуда и, взяв сына за руку, с великой и благодарной радостью поднялся с ним наверх, и передал его матери, и сказал: «Жена, зри нашего заступника, как велика слава его и сила. Смотри, как быстро пришел он нам на помощь и утешил нас. Как только мы помолились – он тут же помог нам, теплый заступник. Смотри, жена, как скоро пришло нам спасение!»

И когда сказал Агрик это своей жене, мать обхватила сына руками своими и, облобызав все его тело, проговорила: «Наконец-то я держу тебя в руках своих, чадо мое дорогое! С Божьей помощью обрела я тебя, сын мой единственный, утеха души моей! Обрела тебя, и держу ныне в руках своих тебя, которого считала умершим в землях неверных».

В то время как это, так и многое другое говорила мать сыну, собрались соседи и родственники, и радость их была огромной, и второй раз отслужили праздничную службу святому в святой церкви его. И стекались все люди на чудо: видеть отрока. И видя его, удивлялись и славили Бога и святого Николу, избранника Божия и заступника теплого.

Чудо пятое. Поведаю вам еще одно чудо.

Был некий юноша, по имени Никола, демонским мучением одержим; лежал он месяцев шесть, огнем сильным одержимый. И не одна эта была у него беда, еще и ноги у него были скрючены, так что совсем не мог он ни вытянуть их, ни ходить, а ползал на ягодицах. Или проще скажу: не сгибались у него все суставы. Огонь тот сильный, жгущий его члены, терзал ему сердце, и от жара огненного все тело у него было распалено. Мало того, и все члены его иссохли. И врачи, приходя, ничем не могли ему помочь. И так попал он в большую беду, потому что уже не имел ни врачам что дать, ни самому на что жить.

И увидел он людей многих, идущих со свечами на праздник святого Николы в церковь святого Николы на канон. И он тоже купил свечу, несмотря на свою бедность, а был он очень беден, и начал по земле ползти, идти к святому. И когда он шел, явился ему на пути пресвятой и великий помощник Никола и сказал: «Кто ты? И откуда идешь и к кому идешь? Или в чем нуждаешься, или какая беда у тебя? И чего ради ныне этот труд совершаешь?» Он же, охваченный страхом великим, и от долгого трудного пути сидя неподвижно на одном месте, поведал ему всю беду свою и болезнь. И тогда сказал ему явившийся: «Если хочешь здоровым быть, иди вслед за мной». И привел его святой к святой церкви своей и исчез. И он ничего другого не видел, только то, что пошли люди со свечами в церковь на литургию. И он, видя это, зажег свечу свою и туда же начал ползти.

И опять с ними возвратился к святому и увидел там икону. И подползши, сел около нее; и увидел там на святой иконе образ святого Николы, узнал его, что это он явился ему в пути, и громким голосом завопил, говоря: «Святой Никола, коли уж ты обещал мне в пути и сказал: “Если хочешь здоровым быть, иди

в церковь мою”, и сам меня сюда привел, – то помилуй же меня ныне, ведь должен ты мне, исцели меня и отдай мне ныне свой долг».

И сказав все это, посмотрел он на икону святого и опять увидел явно святого Николу, как и в пути. И вскричал он громким голосом, и сказал: «Подвиньте меня!» И стоявшие там пододвинули его. И обнял он обеими своими руками икону святого Николы, и, целуя, сказал: «Усердный заступник, помилуй меня!» И начали расправляться у него жилы и кости, и он встал, выпрямившись, на земле, и трижды перекрестил руками своими тело свое, и помазал себя святым маслом от лампы святого Николы. И вышел из него демон; и исцелился он и стоял прямо. И потом опять, взяв святую икону, целовал святого. И был здоров благодатью Бога и святого Николы. И видели все дивное это чудо милосердца и человеколюбца Бога, дающего благо рабам своим молитвами святого Николы. Станем же воссылать ему славу и песнь.

Чудо шестое. Поведаю я вам еще одно чудо, вы же не ленитесь, а внимательно послушайте.

Поп некий, именем Христофор, из города Тухина также имел обычай каждый год ходить на праздник святого Николы в город Миры, где лежит святой Никола. И поклонившись ему там, возвращался домой. И от святого тела его взявши миро, приносил в дом свой на освящение всего дома.

В один год приготовился он идти со спутниками к святому. И когда они были уже недалеко от святого, встретили их тут арабы и, пленив, повели в свою землю. Всего же было их пленено тридцать мужей. И привели они их к себе домой, разделили их на трое: одну часть – под меч, другую – продать, а третью заключили в темницу. Попа же Христофора на посечение мечом отделили. И приведя их к месту казни, начали казнить по одному. И дошли до попа. И стоя там, поп Христофор призывал святого Николу, говоря: «Избавь меня от меча сего и помоги мне, усердный помощник!»

И тут вдруг предстал перед ним святой Никола в том же облачении, в котором на иконе писан, и сказал ему: «Не бойся, брат, ибо я с тобой».

И тут пришел палач и взял попу, чтобы его казнить. А святой шел за ним следом. И когда довели его до места, где казнили, палач сказал попу: «Склони голову». И он тотчас склонил. И сказал ему святой Никола: «Не бойся». И когда палач собрался отсечь ему голову, тогда святой выхватил у него меч из рук. И стал палач, недоумевая, и обратился к попу. «Где мой меч?» Поп ответил: «Никола то взял». Палач спросил: «А где он?» Поп ответил: «Далеко от тебя». И сказал палач: «Подожди здесь».

Поп стоял, связанный сзади. Святой же Никола опять сказал попу: «Не бойся». Придя, палач принес другой меч и сказал попу: «Склони голову». И собирался ударить. И тут святой Никола протянул руку и взял меч. И рассердился араб на попа и спросил: «Не волхв ли ты? Где меч?» Сказал поп: «Никола взял». И он снова, третий меч взял. И встретил его святой, выхватил меч из рук. И пришел палач к попу с пустыми руками и сказал: «Поведай мне, кто этот Никола?» И сказал поп: «Который в Мирах Ликийских». Сказал араб: «Если так, то велик этот муж и добр. Ибо много я слышал о том, что творит он добро людям». И развязал попа и других трехмужей, которых должны были казнить вместе с попом.

И приведя их всех четверых и поставив пред собой, стал он расспрашивать попа о святом, – как он его видел. И поп рассказал ему все то по порядку: и как ему являлся, и как у него выхватывал из рук меч. И слыша это от попа, араб сильно удивился и сказал: «Велик Бог христианский». И обратился к мужам: «Вручаю я вас сегодня тому Николе». И взяв их с собой, вывел из своей земли. И указал им путь, сказав им: «Идите к святому Николе»; было же это недалеко оттуда. И араб возвратился в дом свой, а они, славя, восхваляли в песнопениях Бога и святого Николу, который избавил их от горького меча и лютой смерти.

...

Чудо святого Николы. Петр, доброй памяти монах, был некогда на воинской службе и там числился старейшиной пятого полка. Отправили его с воинами воевать против сарацин. И случилось им, как это часто бывает среди людей, потерпеть

поражение от неверных; и одни убиты были, а другие пленены. Также и того Петра взяли. И приведя их к сарацинскому князю, показали ему. И повелел князь отправить их в город Самарию, передать старейшине этого города. Того же Петра повелел посадить в крепкую темницу, и сковать ноги ему двойными оковами, и вериги на шею возложить, ибо был он старейшиной воинов. И было исполнено повеление.

И там, сидя в оковах, Петр размышлял о своих прегрешениях, которые он совершил в жизни. И сказал: «Это наказание заслужено мной и справедливо, и даже горшего я достоин, потому что в прошлом солгал Богу. В беде был я большой и молился святому Николе, и потом дал обет, так сказав: “Избавь меня, святой Никола, и я постригусь, уйдя от жены и детей, в церкви апостола Петра в Риме”. Но когда избавил меня святой Никола, тогда забыл я свой обет и не сделал того, что обещал святому. Поэтому достоин я и горшую беду претерпеть. Славлю, Владыка мой, тебя и святого Николу, хотя и в темнице я, и в оковах сижу. И вот просидел я целый год здесь и опять говорю про себя: “Я знаю, святой Божий Никола, что я совсем не достоин спасения. И поэтому уже не смею просить милости об избавлении. Ты же, поскольку имеешь обычай от горюющих все тяготы брать и молитвы свои за них возносить, – к тебе ведь я обращаюсь и молюсь, и заступником перед Богом тебя называю, – избавь меня от этих уз, да отныне не вернусь я в мир, ни в дом свой, ни к жене своей, ни к детям своим, но да пойду в Рим к святому Петру и постригусь. И там годы свои и жизнь свою проведу в монашестве до самой смерти. И если имеешь дерзновение к Владыке, молись за меня». Это и многое другое говорил сей муж. И пребывал в посте и молитве; и так провел всю неделю, ничего не вкусив.

И через неделю явился ему усердный и великий заступник Никола и сказал ему: «Услышал я молитву твою, брат Петр, и понял скорбь сердца твоего. И человеколюбца Бога умолил за тебя, о твоём избавлении. Ведь коли он сам сказал: “Просите – и дастся вам; стучите – и откроются вам”, – так не отлучены будем и мы человеколюбия его и того, что на пользу нам

подаст». Изрекши все это, святой Никола велел ему поесть и сказал: «Вознеси молитвы к Богу». И ушел.

И опять, во второй раз явился ему святой Никола, весело глядя и говоря ему: «Я брат, – верь мне, – не передохнул, молясь о тебе благому Богу. Но не знаю, что милосердный Бог думает совершить. Я тебе покажу молитвенника достойного и помощника. И знай, если помолится он Богу за тебя, тот исполнит наши желания». И сказал ему Петр: «Но кто есть, святой отец, усерднее тебя молящийся Владыке, если и весь мир тебя призывает на помощь, и ты спасаешь весь мир?» Отвечая ему, великий Никола сказал: «Ведаешь ли ты Симеона Праведного, который на руки свои принял Христа на сороковой день и внес его на руках в церковь?» – «Ведаю, святой Божий, только не человека знаю, а лишь то, что слышал о нем из святых Евангелий». Тогда человеколюбец Никола сказал: «Да будем оба молить его непрестанно, ибо силен он, и стоит у престола Владыки вместе с Иоанном Крестителем и святою Богородицею. И если тот помолится, то тогда тем самым наши желания исполнит». Сказав это, святой Никола отошел от него.

И придя в себя, человек этот начал, постясь, молиться святому Николе, а святой Никола молил святого Симеона.

И взял праведный Симеон с собой святого Николу, и пошли они к этому человеку утешить его и избавить от оков и от беды той. И сказал Симеон: «Мужайся, брат, и проснись!» Он же, открыв глаза, увидел великого Симеона, стоящего в белых одеждах рядом со святым Николою и держащего в руке золотую палицу. И спросил его святой Симеон: «Ты ли это, который призывал меня день и ночь?» Он же, едва раскрыв уста свои, ответил: «Да, святой Божий, я это, окаянный и грешный, много согрешивший». И спросил: «Исполнишь ли ты свое обещание постричься в монахи?» Ответил муж: «Да, господин». И сказал святой: «Не солги же мне, как Николе». Ответил муж: «Нет, господин». Сказал святой Симеон: «Если обещаешь, то выходи, не имея никакого препятствия. Иди отсюда, куда хочешь, никого не бойся». И сказал человек: «Господин, как я пойду? Ведь ноги мои в оковах, и вериги на шее». Тогда поднял святой Симеон свой золотой жезл и ударил им по оковам и веригам, и

рассыпались они, словно прах. И вышел из темницы святой Симеон, передал его Николе и удалился.

И принял его святой Никола, взял с собой и повел его по дороге. И сказал святой Никола: «Есть ли у тебя еда, которой тебе в пути достаточно будет?» И муж тот, даже не понимая, что это наяву, ответил святому Николе: «Нет у меня ни еды, ни чего-либо другого». И сказал святой Никола мужу тому: «Вот брат, все эти сады полны плодов. Войди, возьми, сколько нужно, и иди в путь. Не бойся: как меня никто не может видеть, так и тебя». Тогда, послушавшись, вошел муж в сад, набрал плодов, сколько хотел, и, выйдя, пошел по дороге со святым Николою.

И так довел святой мужа того до Рима. И сказал ему ночью святой Никола: «Брат, вот и пришел ты в Рим. Смотри, не солги, но рано утром войди в церковь святого и верховного апостола Петра. И там увидит тебя Папа и позовет тебя. Ты же, подойдя к нему, поклонись и преклони главу свою, пусть он пострижет тебя. Если же ты не сделаешь этого, то пойдешь обратно в Самарию и там, в темнице сидя, окажешься в той же беде. Не нарушь же мою заповедь, но большее угождение сделай святому Симеону и святому Николе. И не помышляй ни о доме, ни о жене, ни о детях, а только о Боге».

Сказав все это, святой Никола пришел туда, где спал Папа, и сказал ему: «Проснись и смотри!» Как наяву смотрел Папа на святого Николу, держащего за руку мужа и говорящего так: «Прими человека этого. Я освободил его из темницы в Самарии, от тяжких оков. Помолись о нем и постриги его; имя же ему дай верховного апостола Петра. Сделай же так». И сказав это, святой Никола исчез.

Придя в себя, Папа повелел звонить в колокола к заутрени, ибо был воскресный день. Придя же в церковь, Папа начал высматривать среди людей того мужа, которого ему явил святой Никола, чтобы узнать его. И так, оглядывая людей, увидел человека того, стоящего посреди людей в церкви. И призвал он его к себе и сказал: «Петр, не ты ли из земли греческой, и не ты ли, будучи у сарацин в темнице в Самарии, избавлен святым Николою?» Он же поклонился Папе до земли,

и открылся, и сказал: «Да, владыка, это я». И Папа сказал: «Не удивляйся, брат, что позвал я тебя твоим именем, которого никогда не слышал; и не видел, брат, ни ты меня, ни я тебя. Но святой и великий Никола, явившись мне этой ночью и рассказав, как, выведя тебя из темницы и разбив оковы, привел тебя сюда, повелел мне постричь тебя во имя Божье». И сказав это, Папа дал ему Божью молитву во имя Господа и постриг его.

Вот так святой чудотворец Никола явил нам свою доброту, так, моля Владыку, совершает он чудеса. И являя всему миру знамения, как отец чад принимает: с плавающими плавает, путем ходящим – помощник, в бедах – утешитель, в темницах – посетитель, вдов милует, сирот кормит, пленников избавляет, больных исцеляет.

Дай Бог и нам милостью святого Николы спастись, его молитвами, чтобы, прожив достойно эту жизнь, и в будущем веке спасение получить от Иисуса Христа, Господа нашего. И да славится он и властвует с Отцом и Святым Духом и ныне, и присно, и в веках.

* * *

МѢСЯЦА ДЕКАМБРЯ ВЪ 6 ДѢНЬ.

ЧЮДЕСА СВЯТАГО АРХІИЕРѢЯ ХРИСТОВЫ НИКОЛЫ

Господи, благослови!

Бысть въ врѣмена Костянтина Великааго⁵³⁵ цѣсаря мятежь въ Фригии⁵³⁶ от даифалъ.⁵³⁷ И възвѣщено бысть Костянтину цѣсарю о нихъ. И посла 3 воеводы съ своими вои: Непотияна, и Урса, и Еронлиона, тако нарицаеме. Си отвезъшеся от славнааго града Костянтина,⁵³⁸ присташа въ Ликийстѣй⁵³⁹ епархи,⁵⁴⁰ въ мѣстѣ, нарицаемѣмъ Андриакии;⁵⁴¹ сущю пристанищю Мирьсцѣй,⁵⁴² митрополии, от трии поприщъ.⁵⁴³

И изидоша поглумитъся, не сущю имъ подобѣну плаванію. Изидоша же от воинъ етери, хотяще трѣбования брашню обрѣсти. Обидяху же воины; и тяжа бысть въ нарицаемѣмъ Плакомата, яко и мѣлвѣ быти бещисльнѣй.

Слышавъ же си святой Божий Никола, епископъ и пастырь църкѣви Божии, сущая ту люди убо умолю укроти, да ничѣтоже зѣла, ни обидѣ *своятъ*. Абие же приде въ Андриаки. И поклонисаша ему вси. И увѣдѣвъше воеводы пришѣствие

святаго, и ти поклонишася ему. Въпросении же бывъше от него, рѣша: «Мирьници есмъ и яко на брань грядемъ». И умоли я прити въ градъ и прияти от него благословление. И повелѣша воеводы въсѣмъ мирнымъ быти и ниединого обидѣти.

Придоша же етери от града и поклонишася, рѣша святому: «Господи, аще бы въ градъ былъ, не быша такъ: три съмърти без вины былы. Князь бо, мзду възъмъ, тремъ мужемъ повелѣ мечьмъ умрети. И весь градъ немало плакася, имъже не бѣ ту». И абие умоли святой воеводы и съ ними иде въ градъ.

И бывъшую ему въ нарицаемѣмъ Леонтѣ, въпраша сущихъ ту о приемъшихъ осужение. И рѣша, яко ведоша я путьмъ, нарицаемѣмъ Диоскоръ. Въшъдъ же въ църкъвъ Крискентия и Диоскорида, паки въпроси, и увѣдѣвъ, яко враты хотять изити. И бывъшую ему въ вратѣхъ, въпроси о нихъ. И рѣша ему, яко идуть въ нарицаемый Виранъ, бѣ бо мѣсто то мучимымъ.⁵⁴⁴ И пришъдъ, обрѣтъ народъ многъ и държаща спекулятора мечъ и жидуца пришьствия святому. И пришъдъ на мѣсто, обрѣте три мужа; лица имъ убростьмъ завязана, и поклоньша колѣна, и простърша выя, и жидуца своя съмърти. Святой же Никола, приемъ мечъ от спекулятора, повърже и́ на земли. Онѣхъ же, раздрѣшь от узъ, приведе въ градъ. И пришъдъ въ княжъ дворъ, разби врата.

Абие же слышавъ от спекулятора, Еустафий князь, текъ, изиде поклонитися ему. Тоже святой Никола отврати лице свое, глаголя: «Прѣступниче Божий и крѣвопииче! Какъ дързнулъ еси на мое лице прити, таково и толико створи! Не имамъ тебе пощаде. Се бо възвѣщую цѣсарю Костянтину о нихъже, еси створилъ и како строиши епархию». Князь же Еустафий, поклонъ колѣнѣ свои, и рече: «Никакоже не прогнѣвайся на мя, господи, нъ увѣжь истину, яко азъ нѣсмъ повиньнъ, нъ старѣшинѣ града Евдокий и Симонидъ». Увѣдѣвъ же, яко дѣвъ сътъ литръ⁵⁴⁵ злата възять да я' погубить, и умоленъ бывъ святой от воеводъ отдасть ему грѣхъ, невѣрно сътвори еже о нихъ лъжею съдѣяния.

Воеводы же, съ святымъ *объдовавшие*, молиша и́ да имъ молитву створить. И приемъше благословление, отвезошася отътуду.

И присташа въ Фругии, и умириша вся мѣста противная. И миръ много створише, придоша въ славный Костянтинъ градъ. И велие сѣрѣтение бысть имъ от живущиихъ ту воеводъ, от цѣсаря и от князь, яко побѣду створишемъ. И бѣша въ полатѣ цѣсаревѣ вельми похвалени.

Завида же имъ бысть от живущиихъ ту воеводъ. И намѣлвиша епарха Авлавия яко да убиятъ, давъше ему тысящю и боле седмь сѣтъ литръ злата да я' погубить.

Сии тако обѣщавъ имъ, Авлавий епархъ вѣниде къ цѣсареву и глагола ему: «Владыко самодѣржече! Ковъ бываетъ твоей дѣржавѣ от хождѣшиихъ въ Фругию. Увѣдѣхъ бо въ истину, яко ти убо сѣвѣщаша вѣстати на дѣржаву твою, обѣщавъше посѣланыимъ съ ними кѣняжия, и дары, и большая чѣсти. Азъ же увидѣхъ и не могахъ молчати,⁵⁴⁶ яко есть таковая неправѣда. Тѣмъже, еже воля дѣржавѣ твоей, то сѣтвори». Цѣсарь же прогнѣвавъся, яко о животѣ своемъ увѣдѣвъ; абие, не истязавъ ихъ, повелѣ вести я' въ тѣмьницу.

Лѣту же минувъшю, враждующе и намѣлвиша епарха Авлавия, глаголюще ему: «Почѣто я' вѣвърже въ тѣмьницу и остави имъ чивотъ? Вѣнуръ бо суще, имуть вѣзмоци и себѣ помощь створити». Слышавъ же епархъ, яко и вѣнуръ сущъ себѣ помагаютъ, абие вѣзвѣсти цѣсарю си. Цѣсарь же услышавъ, яко и вѣнуръ сущъ на нь ковъ творять, повелѣ въ ноци мечѣмъ усѣкнути я. Епархъ же слышавъ, посла къ приставѣнику тѣмьници Илариану, глаголя яко: «Три мужа воеводы, яже имаши въ тѣмьници, уготови умѣрети въ ноцѣ сию».

Капикларини же Иларионъ, слышавъ си, съ слѣзами рече трѣмъ мужемъ: «Страхъ мя одѣржитъ велии, и боюся, и трепещю, яко благо бы ми да быхъ васъ не видѣлъ. Ныне же глаголю и слышю съ вами, утрѣе же от себе разлучимъся, понеже повелѣно бысть умѣрети вамъ. Нъ еже вы есть въ имѣнии ли злато, ли сѣрѣбро, ли ино чѣто, – емуже чѣто хочете оставити,⁵⁴⁷ яко въ сию ноцѣ повелѣно вы умѣрети бысть».

Слышавъше же се, мужи абие растѣрзаша ризы своя и власы своя обрѣваша, и пѣрстию посыпавъше, вѣзъпиша, плачюще и жалостно рыдающе, глаголаху: «Чѣто бо не

оправьдахомъ, да тако погыбнемъ?» Непотиянъ же въ память пришьдъ, яже створи святой Никола тръмъ мужемъ, иже въ Ликий, рече плачася: «Господи Боже святаго Николы, помилуй ны! Якоже створилъ еси тръмъ мужемъ, иже въ Ликий, неправдою осуженомъ, и съпаслъ я' еси от смърти, и ныне ны съпаси, святой Николае, Христовъ рабе; аще и далече еси, нъ близъ да будетъ ти молитва наша, и къ Богу възъпи о насъ да съпасени бывъше подобни будемъ поклонитися твоей святыни». И си рекъшу Непотияну, тожде и трие мужи, яко единѣми усты, тако възъпиша.

Святой же Николае видимо явися цѣсарю Костянтину и рече ему: «Въстани и отпусти три мужа воеводы, яже имаши въ тьмьници, яко оклеветани быша. Аще ли ослушаешися мене, брань створю ти въ Дѣрачи, и плоть твою птицамъ прѣдамъ, и молитву сътворю на тя къ великому цѣсарю Исусу Христу». И рече цѣсарь: «Кто убо ты еси и како въ мою полату въниде?» И рече святой: «Азъ есмь Николае грѣшный, сый въ Ликий и въ Мурѣхъ митрополить». И се рекъ, отиде.

И то же глаголя, явися Авлавию епарху: «Авлавие, враже несмысленый⁵⁴⁸ умъмъ, въстани и пусти три мужа, яже имаши въ тьмьници. Аще ли ослушаешися мене, молитву сътворю на тя къ великому цѣсарю Исусу Христу, и въ недугъ въпадеши, и чървьмъ будеши въ сънѣдение, и вьсь домъ твой погыбнетъ зълѣ». И рече ему Авлавие епархъ: «Ты убо кто еси, таковая глаголеши?» То же святой рече: «Азъ есмь Николае, грѣшный рабъ Божий, сый въ Ликий и въ Мирѣхъ митрополить». И си рекъ, отиде.

Въспрянувъ же, цѣсарь възъва протокурисара своего и рече ему: «Възвѣсти епарху, яже видѣхъ». Также и епархъ посла курсора своего, тако же съказавъ. И повелѣ цѣсарь прѣдъстати воеводамъ от тьмьнице прѣдъ лицемъ его.

И шьдъшемъ же мужемъ от тьмьнице, рече имъ: «Кыми кореньми творяще, таковы сыны намъ посласте?» Они же мълчааху. Вѣторицею же въпрошени бывъше, Непотияномъ отвѣщану бывъшу: «Владыко самодѣръжче! Мы корения не вѣмъ, ни таковыхъ сътворихомъ на твою дѣржаву. Аще ли есмъ таци, въ горьшая муки да прѣдани будемъ».

Цѣсарь же рече имъ: «Вѣсте ли етера Николу, тако нарицаема?» Они же, слышавъше имя святаго Николы, яко единѣми усты, тако възъпиша, съ слъзами глаголюще: «Господи Боже святаго Николы, послушай насъ! И якоже съпаслъ еси три мужа, иже въ Ликийи осуженыя бес правды, и ны съпаси, умирающа бес правды, святой Николае!» Цѣсарь же рече имъ: «Ръцѣте ми, кѣто съ есть Николае». Нипотиянъ же рече ему вся, елико сътвори святой Николае, и тако съпасе хотящая умрети бес правды.

Тоже цѣсарь рече имъ: «Не азъ даю вамъ животъ, нъ егоже вы призывасте святаго Николы. У негоже, шьдъше, постризѣте главы своя». И дасть имъ съсуды църквъныя и Евангелие злато съ камениемъ драгымъ украшено, и посла я въ Ликийю.

И постригоша главы своя, дающе нищимъ злато много въ нарочита врѣмена. По многа же лѣта се творяху, славяще Бога, творящаго велия и дивная чюдеса, якоже есть писано, яко «Дивнъ Богъ въ святыихъ своихъ».⁵⁴⁹ Тому слава и държава съ иночадыимъ Сыномъ его и Прѣсвѣтымъ и Животворящимъ Духомъ ныне и присно и въ бесконъчныя вѣкы вѣкомъ. Аминь.

Чудо 2 святаго и великаго отъца и архиерѣя Божия и чудотворѣца Николы, бывъшаго въ Мирѣхъ Ликийнѣхъ.

Господи, благослови!

Добро есть намъ Божие писание къ вамъ проповѣдати, вѣрнии, възпомянувъше пророчьскый онъ глас, глаголющъ: «Въ истину чюднъ Богъ и милость его въ святыихъ его, волю его въсѣмъ створи»;⁵⁵⁰ яко и ныне въ чловѣцѣхъ быша чудотворѣца Николы, бывъшемъ въ нашихъ лѣтѣхъ.

Чловѣкъ нѣкто, живой въ Костянтини градѣ, именемъ Дѣмитрий, имѣяи вѣру и надѣждю велику къ святому Николѣ. И възъмъ на прѣчистое и прѣславное праздньство свѣща и масло и вся, яже на потрѣбу празднику суть святому Николѣ, пошьдъшемъ же имъ въ кораблици от славнаго града Костянтиня къ иному граду именемъ Анфурату,⁵⁵¹ бо бѣ святаго църкы въ томъ градѣ. Да тамо по вся лѣта исхожаше съ мужъ вѣрный къ святому Николѣ, творяше память святому.

Идущемъ же имъ томъ дѣне от славнаго града Костянтиня, бѣ же томъ дѣне тихо море. И кде бысть къ

полунощи, идущемъ имъ посредѣ моря, вънезапу бѣ вѣтръ великъ вѣста, и съвърху туча велика и бѣда великая, кои пърѣ раздѣра наполю и въвърже въ море.

И хотяху къ краевѣ плути, и вълны силны пришьдѣше избиша имъ весла изд руку. И тому единому Дѣмитрию държащю весло; и пришьдѣши вълна и тому издрази и въвърже въ море весло. И ту тако опроврати кораблиць. И ино не изиде из устъ его развѣ се: «Святыи Николае, помози ми!» И тако иде на дѣно моря и сѣде на дѣнѣ.

О велие чудо! Страхъ бо мя великъ одържить, братие, о семь, еже вы хоцю съказати о семь чудесе.

Вънезапу бо ту тако обрѣтесе святыи Николае и, възъмъ и' въ тѣ часѣ на руку своею, изиде из моря. И посади и въ хлѣвинѣ своеи посредѣ, заключенѣ сущи. И онѣ мѣняшесе на дѣнѣ моря сѣдя, и великъмъ гласъмъ въпияше бес прѣстани: «Святыи Николае, помози ми!»

И тѣ глас слышаще, сусѣди чюдяхуся, глаголюще къ себѣ: «Акы гласъ естъ нашего сусѣда Дѣмитрия, нѣ тѣ вѣчера бѣ отшьлъ. Да како е скоро пришьлъ? Како ли е въ градѣ въшьлъ нощию, а заключенѣ быстъ? Поидѣмъ и видимъ въ хлѣвинѣ». И възжгыше свѣща, видѣша хлѣвину заключену; а глас единаче исхожаше сице: «Святыи Николае, помози ми!» И рекоша: «Разбиемъ ключъ да видимъ, или татие или кто». И възжгыше свѣща *многы*, разбиша ключа и вълѣзоша въ клѣтъ съ свѣщами. Мнози не познаша его; приступиша же къ нему близъ и познаша и; и видѣша нагу главу и воду, текущю съ главы слану отъ моря, и от пѣртѣ яко рѣка течааше. И рекоша ему: «Како еси вълѣзлъ въ хлѣвину заключену? Куду ли, чѣто ли тако скоро възвратилъся еси, вѣчера отшьдѣ, а нощь възвратилъся еси? И чѣто ли еси вѣсь мокръ?» Онѣ же вѣся та съпослушавъ, акы отъ съна възбънувъ, рече къ нимъ: «Да кѣде се есмь? И вы кѣто есте, оже мя въпрашаєте?» И они отвѣщаша ему: «Мы сусѣди есмы твои, и се въ хлѣвинѣ своеи сѣдя бесѣдуеши. Да чѣто се тебе дошьло?» И отвѣщавъ къ нимъ, рече: «Се тѣкъмо вѣдѣ: идущемъ намъ по морю, вънезапу туча и вѣтръ великъ приде и обрати корабль на нице, и идохъ на дѣно моря. И се ныне кѣде есмь, сѣде ся обрѣлъ – не вѣдѣ». И свѣтяще свѣщю

близъ его, зъряху, како течаше вода морская съ главы ему и съ пъртъ акы рѣка. Тъгда страхъ великъ прия и ужастъ вься позорующая ту.

И бывъшю дъни, ту въ градѣ дальнии сусѣди слышавъше, и вьсь градъ течаху на позоръ чюда того. И видяще, дивляхуся и славляяху Бога, пѣснь приносяще Спасу Богу нашему и избъранику его, творящему издрядна и дивьна чюдеса.

Чюдо 3. Сумеонъ именемъ нѣкто, Божий чловѣкъ, исповѣдникъ чистъ въ чърньцѣствѣ сы прѣбывая и присно моляся Богу, яко и въ чюдесѣхъ прѣбывая, якоже и от Десяти градъ⁵⁵² прозъвася.

Имяше же въ ты дъни слугу именемъ Николу, и тѣ ему работаше вьсу работу. И тѣ посла и на страну Катавольску⁵⁵³ на работу въ корабли. Бѣ бо море тихо вельми и бѣло. Ти же пловяху тихо и скоро, гребуще съ усърдиемъ и съ радостию; якоже и на кърмѣ убо стоя, радоваашеся и играше. Идущемъ же имъ на полудни, вьнезапу въ единомъ часѣ мърче, и бысть нощъ, и не вѣдяху, камо ити. И потомъ вѣста вѣтръ великъ угъ съ тучею великою и съ громъмъ, и вълны быша выше корабля. И бы бѣда велика, якоже и весла издрази и вѣвѣрже въ море, и вѣтрило напылы раздѣра. И от страха велика падоша ници въ корабли, и уже бо ся бяху отчаяли живота. А корабль горѣ хожаше на вълнахъ, и они ници лежаще, кричаху и молящеся, сице глаголюще: «Святой Николае, помози ны и избави ны!»

И клячащемъ имъ въ корабли молящемся, и Николае калогеръ вѣсклонися, видѣти хотя моря. И узърѣ чловѣка въ бѣлахъ ризахъ ходяща. Оле, чюдо, улочиша надѣжю и не погрѣшиша! Зъряше же Никола чърноризьцъ близъ къ кораблю идуща святаго Николу великааго чюдотворьца, по морю идуща, яко по суху, очима своими явѣ, бесѣдующа сице къ нему, и въ корабль вѣлѣзуща съ радостию и глаголюща: «Въстани, брате, ничьтоже бояся, не лѣнися, ни дрѣмли, нѣ иди на свою работу, имѣя радость; отселѣ съ тобою бо есмь, егоже от сърдъца призываеши, Николы от Миры суща, да се ныне слави Бога». И то ему рекъшю, ищезе от очию его. И от того часа бы тихо море въ мьгновении очию, ста и туча, и вѣтръ, и бы тишина велика. И кѣдеже имъ бяхе ити, то тамо вѣтръ тихъ потязаше. И еже

бѣше дѣвѣма недѣляма прѣйти, то единомъ не реку дѣни быша, нѣ *единомъ* частѣ прѣидоша. И тако прославиша Бога, и тако пояху: «Чюдѣнь Богъ въ святыихъ своихъ».

Чудо 4. Агрикъ⁵⁵⁴ нѣкъто именемъ, живый въ странѣ *Антиохиистѣй* близъ срачинѣ,⁵⁵⁵ богатъ сы вельми и любяше вельми святаго Николы, имѣя единого сына и творя по вся лѣта память святому Николѣ, канонъ и утрънюю и литургию; и ставяше дѣвѣ трапезѣ: първую братии Божии убогимъ, а по литургии – сѣрдоболямъ и другомъ, сусѣдомъ и инѣмъ.

Бѣ же цѣркы святаго от града пять попѣрищъ вѣдале на чистѣ поли. И тамо на *вся лѣта* събирахуся людие – мужи, и жены, и дѣти – на память святаго Николы.

Въ едино же лѣто на прѣславную его память и вѣсѣмъ людѣмъ идущемъ на святой тѣ съборъ, онъ же благовѣрный мужъ, приготавливаѣ свѣща, и масло, и тѣмѣянъ, и еже на потрѣбу на канонъ и на утрънюю, таже пусти сына своего единочадаго именемъ Василия съ отроки и рече: «Иди, чадо мое, къ святому и великому господину нашему и теплому заступнику, и сѣтвори службу, и канонъ, и утрънюю, и литургию. Таже придеши на обѣдъ; азъ и мати ти, сѣде оставѣша да учинивѣ, еже на потрѣбу братии Божии, гостѣмъ и вся, яже суть на пользу». И то слышавъ, Василий радъ бывъ и веселъ, и поклонивъся отцю и матери, отиде къ святому Николѣ.

И дошѣдѣшу ему къ святому, и вечеръ и канонъ пѣвѣшу, и утрънюю поюще напoлы, рано вѣнезапу придоша срацини и сташа около цѣркѣве и поаша вся люди, и оного сына Василия благовѣрнаго оного мужа именемъ Агрика. И ведоша и въ срачины, и ту приведѣше я въ островъ Критскій. Сына же Агрикова Василия избѣравѣше, понеже бѣше добръ и лѣпъ, даша и́ кѣнязу сорочиньскому Амирѣ.⁵⁵⁶ Видѣвъ же и́ Амира вельми красна, въздрадовася и рече: «Съ уноша рода велика есть былъ. Достоинъ есть да будетъ прѣдъ лицѣмъ моимъ». А другыя продаша, а другыя же въ тѣмѣници затвориша.

Родителя же Василиева, отць и мати, слышавѣша бѣду бывѣшую и великую печаль, многъ плачь бы и велико рыдание въ дому ихъ. И въ печали за дѣвѣ лѣтѣ святому Николѣ не сѣтвориста памяти, ни свѣщъ, ни масла пустиста; нѣ паче егда

память святому придыше, то поминающа чадѡ свое, въ свѣщѣ мѣсто и масла слъзы многы, и рыдание, и кричаніе пушаста.

Чѣто ли реку, любѣвѣнници? Кѣто ли можетъ та вѣся исповѣдати, или кѣто я можетъ утѣшити? Или кѣто можетъ стенания или въздыханія матерня издреци, яже стенаше и въздыхаше от сѣрдьца, или огньныхъ слъзъ отъчь, тѣрзание же власъ матере, тако бяше положила на земли, якоже и на мнозѣ вѣлнѣ сѣдяше, а глаголющи: «Сыну мой драгый иночадый, да быхъ тебе не породила, ни познала! Како тебе не узьру съ дѣтьми, иже ти суть были съвѣрстѣнници? Како ли тебе не прихващю рукама своима или усты своими цѣлую или по пути или по двору ходяща ты? Добрѣе ми бы да ты быхъ видѣла на одрѣ лежаща въ болѣзни, да ты быхъ подвигнула, и положила, и послужила, неже бы да въпаль въ сквѣрнѣнѣи руцѣ. Или от Бога да *пришелъ* ангелъ, таже душу твою приялъ, то съ радостию ти быхъ тѣло твое съкутала, а моя чрѣсла и сѣрдьце не бы ся рѣвало, – абы въ чюжю землю не заведенъ!»

Събираху же ся къ нима от инѣхъ градъ и от вѣсии ближикы и друзи, и увѣщавахуся, и чюдяхуся вѣнезапу бывѣшю полону. И бывѣше въ радости мѣсто плачь, и въ пѣнии мѣсто на святаго Николы дѣнь рыдание въ нихъ и сѣтованіе. И тако я утѣшающе, глаголааху. «Чѣто естѣчюдѣнѣе святаго Николы или сильнѣе? Разумѣйте въ чюдесѣхъ его, колико створи: из дѣна моря чловѣкы избавивъ, и от меча избави, и ис тѣмьница, и егда хотяше посѣщи три оны мужа безъ грѣха. И съ вечера нощію цѣсарь Костянтинъ възъва епарха и рече: “Утро изведи три муже ты ис тѣмьницѣ посѣщи”. Тѣгда слышавъ епархъ отъ цѣсаря, пусти къ мужемъ тѣмъ тако и рече: “Покайтесь ноцъ су да будете готови; утро бо, ми реклъ цѣсарь, еже усвѣнетъ, тоже вы хоццю посѣщи”. И то слышавѣше, ти мужи начаша плакати, глаголюще и Бога моляще: “Святой Николае, помози ны, избави ны горькыя сея сѣмьрти!” И той ноци полунощи явися святой Николае цѣсарю Костянтину въ полатѣ и глагола: “Аще не пустиши мужъ тѣхъ, то пожьгу домъ твой и тебе”. И то слышавъ цѣсарь и рече къ епарху: “Приведи мужа ты”. И приведоша я, и рече имъ: “Знаете ли Николу от Миры?” Они же рекоша: “Знаемъ, господинъ бо то нашъ и митрополитъ”. И рече имъ

цѣсарь: “Идѣте, Богъ вы и святой Николае прощаетъ”. И одаривъ я, пусти домови. И вѣставъше, идоша съ великою радостию домови, хваляще и славяще Бога и святого Николу, избавльшаго я от горькыя смърти».

Та же вся слышавъ Агрикъ от сусѣдъ и от другъ своихъ, утѣшися и, вѣставъ, иде къ женѣ своей и рече: «Воле ты жено, е ли ныне нама польза, оже вѣ се плачевѣ днь и ноцъ третее лѣто, и святого забыховѣ, и не идоховѣ къ нему. Нѣ ныне уже, жено, послушай мене, и съ великою вѣрою поидивѣ къ святому и да ся помоливѣ; и вѣдѣ, яко велико утѣшение прияти имавѣ, и съ надѣжею доброю и великою вѣзвратитися; и тако имавѣ уллучити, яко вѣ наю руцѣ вѣдати иматъ святой наю чадѣ или проявити нама иматъ: живо ли будетъ тамо, вѣ работѣ ли, или мъртвѣ». И та вся слышавъши отъ мужа своего, рада бывъши, рече къ мужеву своему: «Да вѣзмѣша свѣща и масла доидивѣ». Бѣ бо приспѣлъ праздникъ святого Николы. И пакы рече къ мужеву своему: «Господи мой, поидивѣ къ святому. Ныне бо ми душа радуется, ныне бо ангели съ земьными чловѣкы радуются».

И вѣставъша идѣста, и инѣхъ людии мѣножьство. И створиша вечеръ канѣнъ святому, пѣснь мѣногу пѣвъше, вѣзвратишася домови. И *пояша* сусѣды и сѣрдоболя на вечеру, и сѣдоша на тряпезѣ. *Начаша* ясти и пити, славяще Бога и святого Николу и поминающе дѣтища своего и святого чюдеса.

И начаша пѣси *лаяти*; бяху бо пѣси мнози у него, и заячии, и овчии. Начаша прилѣжно пѣси лаяти, и рече господарь къ отрокомъ: «Видите, чѣто притужаютъ пѣси, или звѣрие пришьли?» Рѣша отроци: «Нѣсть ничѣтоже». Пѣси же боле того притужати начаша ему. И ту рече господарь къ гостѣмъ: «Поидѣмъ да *видимъ* съ свѣщами, звѣрь ли е вѣлѣзлъ вѣ дворъ». И поидоша съ свѣщами многими, и видѣша чловѣка, посреде двора стояща вѣ свитахъ срациньскаахъ и вѣ ушьвѣ, и ужасошася. И пакы приступиша ближе къ нему съ свѣщами, зѣряху отрока уна стояща и вѣ руцѣ дѣржаща стѣкляницу пѣлну вина.

О страшно и дивно чудо! От безбожьныхъ срачинъ единомъ часѣ примѣченъ бысть и поставлено на дворѣ отъчи

посредѣ.

Отъць же его зря стояше. Онъ же стояше, акы бълванъ, държя стъкланицю съ винѣмъ и ничѣтоже бесѣдоваше. Отъць же много зрѣвъ и чюдивъся, и хотя познати и́, страхѣмъ и радостию обѣдържимъ, и рече великѣмъ гласѣмъ сице: «Чадѣ Василю, се нынѣ на тя зрю, въ истину ты ли еси, сладкый мой сынъ? Или стѣнь ми ся нынѣ кажесть тобою?» И дѣтищъ скоро отвѣща: «Азъ есмь единочадый твой сынъ Василь, егоже безбожнии срацини полониша и ведоша въ Критъ, от твоею пазуху и от матеру оттѣргъше». И та вѣся послушавъ, отъць простѣръ руцѣ свои, нача и́ цѣловати по очима, по главѣ и по ушима, по руцѣ и въсуду, а въпраша: «Рѣци ми, драгое мое чадо, како еси от безбожныхъ рукъ убѣжалъ, или съ кѣмъ, чадо мое, или съ дружиною съвѣщавъся еси прибѣгль? Не мози, чадо мое, утаити мене, нѣ повѣжъ родителю своему бывъшая си». И сынъ нача отъцю отвѣщати: «О вѣсемъ семь, еже мя въпрашаеши, не вѣдѣ ничѣсоже. Нѣ се нынѣ въ Критъ на вечери прѣстоялъ есмь князу срачиньскому, – якоже мя полониша въ Критъ, и тако мя даша князу своему, да от того дѣне князь пристави мя себе чѣрпати, – да нынѣ рече ми князь и господинъ мой: “Чѣрпли”. И чѣрпавъ, и хотѣхъ ему дати въ руку стъкланицю сию. Не вѣдѣ, кѣто мя сильнѣ вънезапу похыти и стъкланицю пълну сию, якоже се и еще дѣржю, и постави мя съде. И не вѣдяхъ, яко на земли ли стою. Тако бо мѣняхъся, яко бо вѣтрѣмъ носимъ бѣхъ. И ту ми приде глас, глаголя ми: “Видиши ли чѣто?” И азъ въ ужаси велицѣ бывъ, видѣхъ поставляюща мя великааго Божия Николу».

То слышавъ, отъць радости великы напѣлнивъся о велицѣмъ томъ чюдѣ, и примъ за руку сына съ великою и славною радостию възведе и́ горѣ, и прѣда и́ матери, и рече: «Жено, вижъ наю заступника, коль велика слава его и сила? Вижъ, како на скоро услыша на помощь наю и утѣши на, яко помолиховѣся. Онъ же скоро поможе нама, теплый заступникъ. Вижъ, жено, наю спасения скоро!»

То же глаголющу Агрику къ женѣ своеи, мати прѣхватающи и́ рукама своима, облобызавъши все тѣло его, глаголющи: «Уже ты имамъ въ руку свою, чадо мое драгое! Съ Божиею помощію

имамъ тя, единачадый сыну мой, утѣху души моей! Имамъ ты и държю ты въ руку своею ныне, егоже азъ мнѣхъ въ поганьскыхъ странахъ умърша».

Тако и инако много глаголющи матери къ сыну, събѣрашася сусѣди и сѣрдоболя, и бы радость велика, и праздникъ святаго дѣвоици створиша къ святѣи църкѣви его. И течаху вси чловѣци на чудо видѣть отрока. И зѣряше его, чюдяхуся и славляху Бога и святаго Николу, избраника Божия и заступника теплаго.

Чудо 5. Другое да вы съкажу чудо.

Уноша бѣ нѣкъто именемъ Никола, дѣмоньскѣмъ мучениемъ обдѣржимъ, лежаше мѣсяць шесть, огнь великѣмъ обдѣржимъ. И не та едина бѣше ему бѣда, нѣ и нозѣ ему бѣшета ся съкърчилѣ, яко нимало не можаше ходити, ни простерети, нѣ пълзаше на лядвияхъ. Просто же да реку, яко всѣми съставы не можаше гѣбати. Огнь бо тѣ великый жъгыи и удѣ, глѣбѣше сѣрдѣце ему, и от пламене огньна тѣло бѣше ему вѣсе распалено. Неже то едино, нѣ вси уди исхли ему бяху. И врачеве же, приходяще, не можаху никоеяже пользы створити. И тако пришьдѣ въ велику бѣду, яко ни врачомъ имѣаше чѣто дати, ни самому о чѣмъ прѣбывати.

И видѣ чловѣкы си на святаго Николы праздниество *идуца* мѣногы съ свѣщами въ църкѣвъ къ святому Николѣ на канонѣ. Да и онѣ купи свѣщю противу убожѣству своему, бѣ бо убогъ вельми, и нача ползати по земли, ити къ святому. Идущю же ему, явися прѣсвятый и великый помощникъ Никола на пути и рече: «Кѣто ты еси? И откуда идеши, и къ кому идеши? Чѣто ли трѣбуеши или чѣто ти бѣды есть? И чѣто ради нынѣ сицѣ трудъ приемлѣши?» Онѣ же, обдѣржимъ страхѣмъ великѣмъ и отъ труда велика многопутьнаго сѣдѣ на единомъ мѣстѣ, исповѣда ему вѣсю бѣду свою и болѣзнь. И ту рече ему явивыйся: «Аще хоцѣши цѣлѣ быти, поиди въ слѣдѣ мене». И приведе и́ святый до свѣтѣи църкѣве своея, и ту ищезе. И онѣ иного не видѣ, развѣ еже поидоша чловѣци съ свѣщами въ църкѣвъ на литургию. Да и оно видѣвъ вѣждѣгъ свѣщю свою, ту же пълзати нача.

И паки съ ними възвратися къ святому, и ту видѣ икону. И припѣлза, въсѣде у нея; и ту видѣвъ образъ на иконѣ святѣй святаго Николы, позна и́, яко бѣ явилсяъ ему на пути, и възъпи великъмъ гласъмъ, глаголя: «Святѣй Николае, якоже ми ся еси обѣщаль на пути и рече ми: “Аще хоцещи цѣль быти, поиди въ църкъвъ мою”, и доселѣ самъ мя еси привелѣ. И ныне помилуй мя, дѣлжнѣ бо ми еси, ицѣли мя и отдай дѣлгъ свой мнѣ ныне».

И та глаголавъ вся, възрѣвъ на икону святаго и видѣ паки явѣ святаго Николу, якоже и на пути. И възкрича великъмъ гласъмъ и рече: «Двигнѣте мя!» И ту стоящии двигоша и́. И обѣимъ икону святаго Николу обѣма руками своима, и лобызая глаголаше: «Теплый заступниче, помилуй мя!» Начаша же ему жилы простирати и кости, и ста простъ на земли, и прѣкръсти руками своима тѣло свое тришѣды, и помаза ся святѣшмъ маслѣмъ от святаго Николы кандила. И излѣзе иж него дѣмонъ; и исцѣлѣ, и стояше простъ. И потомъ паки приимъ святую икону, цѣловаше святаго. И бѣвъ съдравъ Божию радостію и святаго Николы. И видѣвъше вси дивное чудо милосерда и чловѣколюбца Бога, дающаго благая рабомъ своимъ молитвами святаго Николы. Славу и пѣснь да въсѣлемъ.

Чудо 6. Азъ же вамъ другое чудо да повѣдѣ, да не мозѣте лѣнитися, нѣ ясно послушайте.

Попъ нѣкто именемъ Хрѣстофоръ от града Тухина⁵⁵⁷ тако имяше обычай по вся лѣта ходити на праздыникъ святаго Николы въ градъ Муры, кѣде лежитъ святѣй Николае. И ту покланявѣся, приходяше домови. И от святаго тѣла его миро въземля, приносяше въ домъ свой на освящение всему дому своему.

Въ едино же лѣто приговися ити съ дружиною къ святому. Идущемъ имъ къ святому близъ, и ту я сѣрѣтоша аравити и, поимъше я, ведоша на свою землю. Бѣ же ихъ въсѣхъ полонено тридесате мужъ. И ведоша я домови, поставиша я натрое: едину часть подъ мечъ, а другую продати, а третію въ тѣмьници затвориша. Попа же Хрѣстофора на посѣчение отълучиша. И приведѣше я на мѣсто, начаша сѣчи по единому. И доиде до попа. И ту стоя, попъ Хрѣстофоръ призываше

святаго Николу, глаголя: «Избави мя от меча сего и помози ми, теплый помощниче!»

И ту абие ста святой Николае, акы на дѣсцѣ писанъ въ ризахъ прѣдъ нимъ, и рече ему: «Не бойся, брате, азъ бо есмь съ тобою».

И ту пришьдъ мечъникъ, и поя попа да и' посѣчеть. И святой въ слѣдъ идяшетъ. И кѣде и' доведоша до мѣста, кѣде сѣчаху, рече мечъникъ попу: «Поклони главу». И поклони ту. И рече святой Никола къ нему: «Не бойся». И яко хотѣ посѣщи, и ту тако святой изд руки изъ ему мечъ. И ста мечъникъ, забывъся, и рече къ попу: «Кѣде мой мечъ?» Рече попъ: «Никола ти възъ». Мечъникъ рече: «Да кѣде е?» Попъ рече: «Отъстои у тебе». И рече мечъникъ: «Пожиди ту».

Попъ же стояше съвязанъ опаки. Святы же Никола рече къ попу: «Не бойся». Шѣдъ, мечъникъ принесе другой мечъ и рече попу: «Поклони главу». И хотѣ ударити. И ту простѣръ руку святой Никола, изъ мечъ. И ражнѣвася *аравитъ* на попа и рече: «Вѣлхѣвъ ли еси? Кѣде мечъ?» Рече попъ: «Никола възъ». И онъ паки третій възъ. И сѣрѣте и' святой, исхыти изд руки. И приде къ попу тѣщъ, и рече: «Повѣжъ ми, кый то Никола». И рече попъ: «Иже въ Мурѣхъ Ликионѣ». Рече аравитъ: «Аще то есть, тѣ великъ тѣ мужъ и добръ. Много бо есмь то слышалъ, еже твори добра чловѣкомъ». И раздрѣши попа и ины три мужа, имѣже посѣченомъ быти съ попѣмъ.

И приведъ я вься четири и прѣдъ поставль, въпрашаше попа о святѣмъ, како и' видѣлъ. И попъ съказаше ему вься та по ряду: и како ся ему являлъ, и како ему изималъ изд руки мечъ. И слышавъ то аравитинъ от попа, велми почюдивъся, рече: «Великъ Богъ кръстьяньскъ». И рече къ мужемъ: «Азъ васъ даю тому Николѣ дньшньни днь». И поимъ я', изведе и-своея земля. И настави я' на путь, рекъ имъ: «Идѣте къ святому Николѣ»; бѣ бо оттуда близъ. И аравитинъ възвратися въ домъ свой, а си славяще хваляху Бога, поюще, и святаго Николы, иже я избави от горкаго меча и лютыя сѣмърти.

...

Чюдо святаго Николы. Петръ рекомый, въ благыхъ памятьнъ чърньцѣ, от воискаго бывъ участия, ту бо бѣше

учетанъ в *пятѣмъ полцѣ старѣйшина*⁵⁵⁸ Съ вои пустиша и срацинъ воевать. Сълучися, якоже и многашды *бываетъ* въ чловѣцѣхъ, побѣжену *быти* от поганъ; и избѣеномъ бывъшемъ, а другимъ изманомъ. Такоже и того Петра яша. И приведъша я къ князу срацинъску, показаша. И повелѣ князь пустити я въ градъ Самарѣискъ⁵⁵⁹ предати я старѣишинѣ, иже ту въ градѣ. Того же Петра повелѣ въ твърду тѣмницю въсадити и, и нозѣ оковати дѣвоими оковы, и уже на шию възложити, понеже бѣ воемъ староста. И бы тако повелѣние.

И ту сѣдя въ узахъ, помышляше своя прегрѣшения, еже въ житии сѣтвори. И рече: «Съ грѣхъ бы на мѣнѣ достойно и правѣдно, якоже и горѣе сего достойнъ есмь, понеже сълѣгахъ Богу първое. Въ бѣдѣ бо быхъ велицѣ и молихъся святому Николѣ, и потомъ обѣщахъся, сице рекий: “Избави мя, святой Николае, да ся постригу от жены и от дѣтии къ апостолу Петру въ Римъ”.⁵⁶⁰ Къде мя избави святой Николае, ту же азъ забыхъ и не сѣтворихъ, еже ся бяхъ обѣщаль святому. Да достойнъ есмь и горышю сего бѣду прияти. Хвалю тя, Владыко мой, и святаго Николу, аще и въ тѣмници есмь ли въ оковѣхъ сѣдѣи. И сѣтворихъ лѣто все ту, и пакы рѣхъ въ собѣ: “Азъ сѣвѣдѣ, святой Божий Николае, нѣсмь достойнъ николиже съпасения. Да тѣмъ уже не съмѣю милости просити о избавлении. Ты же, якоже имаши обычай от печальныхъ вѣсе давай⁵⁶¹ и молитвы своя простирай, къ тебе бо простираю и молюся, и проповѣдника къ Нему наричу да мя избавиши от узъ сихъ, да отселѣ въ миръ не обращаюся, ни въ домъ свой, ни къ женѣ своей, ни къ дѣтѣмъ своимъ, нѣ да иду въ Римъ къ святому Петру и да ся постригу. И ту лѣта своя и животъ свой съконячаю до смърти въ чѣрнѣхъствѣ. Да елико имаши дѣрзновение къ Владыцѣ, моли за мя”». Тако ино много бесѣдовавъ мужъ съ. И яся алчѣбѣ и молитвѣ; и сѣтвори недѣлю всю, не въкуся чтоже.

И конячавъ недѣлю, явился ему теплый заступникъ и великий Николае и рече къ нему: «Молитву твою, Петре брате, услышавъ и стенание сѣрдѣца твоего разумѣхъ. И чловѣколюбца Бога за тя умолихъ о избавлении. Обаче егда ты самъ реклъ: “Просите – и примете, и дасться вамъ; тѣлцѣте и отвѣрзуться вамъ”,⁵⁶² – да ся не отлучаемъ чловѣколюбия его,

и еже на пользу намъ подати иматъ». Та же вся рекъ, святой Николае повелѣ въкусити ему брашна, рекъ: «Въздай молитвы къ Богу». И отъиде.

И пакы явился ему второе святой Николае, весело глядая и рече къ нему: «Азъ, брате, вѣру ими ми, яко нѣсмь почилъ, о тебе моляся благому Богу. Нѣ не вѣмъ, что мыслить милосердый Богъ сътворити. Азъ ти покажу молитвника достойна и помощника. Да вѣдѣ, иже помолитъся къ Богу о тебе, тѣ да сътворитъ хотѣния наю». *И глагола ему Петръ:* «Да кто есть, святой отче, паче тебе молящася къ Владыцѣ, яко и весь миръ призываетъ тя на помощь, и ты спасаеши весь миръ?» Отвѣща къ нему великий Николае, и рече: «Вѣси ли Семеона Праведнаго,⁵⁶³ иже на руку своею Христа *приятъ*, четырьмидесяты дньми вънесе на руку въ църквѣ?» – «Вѣдѣ, святче Божий, тѣчю не знаю чловѣка, развѣ еже есмь слышалъ въ святыхъ Евангелиихъ». Ту же чловѣколюбецъ Николае рече: «Да того оба моливѣ непрестанно; мощнѣ бо есть и стоитъ у престола Владыки и съ Кръстителемъ Иоанъмъ и святою Богородицею. Да иже тѣ ся помолитъ, то ту тако хотѣние наю дасть». То же рекъ, святой Николае отъиде от него.

Въспрянувъ же ся, чловѣкъ съ нача молитися въ алчѣбѣ къ святому Николѣ, а святой Николае моляше святаго Сумеона.

И поимъ праведный Сумеонъ святаго Николу, идоста къ мужю утѣшити и́ и избавити и́ от узъ и от бѣды тоя. И рече Сумеонъ: «Мужайся, брате, и въспряни». Онъ же, очима прозрѣвъ, видѣ великаго Семеона стояща, палицю имѣя злату и държа и́ въ руку, въ бѣлахъ ризахъ и съ святымъ Николою. И рече ему святой Сумеонъ: «Ты ли еси, иже призываше днь и нощъ?» Онъ же, одѣва уста своя отвързе, рече: «Ей, азъ есмь оканьный и грѣшный, святче Божий, съгрѣшивъ многу». И рече: «Да съхраниши ли, еже еси обѣщаль ся пострѣщи въ чрънчство?» Рече мужъ: «Ей, господи». И рече святой: «Не мози сълѣгати мнѣ, яко и Николѣ». Рече мужъ: «Ни, господи». Рече святой Сумеонъ: «Ельма ся поручиши, излѣзи, пакости не имѣя никакаяже. Аможе хоцещи иди отселѣ, не бойся никогоже». Рече чловѣкъ: «Господи, како хоцю ити, а нозѣ ми окованѣ и веригы на выи». И подвиже святой Сумеонъ жьзльмъ

златымъ онѣмъ, удари въ оковы и въ веригы, и сътьрошася, яко и прахъ. И излѣзъ ис тѣмьниці святой Семеонъ, преда и́ Николѣ и отъиде.

И приимъ святой Николае, поимъ, веде и́ по пути. И рече святой Николае: «Имаши ли брашно, еже ти идуци доволно будетъ?» Тъ же мужъ яко не мняше, яко на явѣ есть, и рече къ святому Николѣ: «Не имамъ брашна, ни иного ничьсоже». Рече же святой Николае къ мужю: «Се, брате, огради овоща все пълни. Вълѣзъ, напълни доволъ свой и иди по пути. Не бойся: якоже и мене не можетъ видѣти ... никтоже, такоже и тебе». Тако послушавъ мужъ и вълѣзъ, набра овоща, ели хотяше, и излѣзъ, поиде по пути и съ святымъ Николою.

И тако доправи мужа сего святой до Рима. И рече ему ночью святой Николае: «Брате, осе еси пришълъ въ Римъ. Да не мози *солгати*, нъ утро рано вълѣзи въ църкъвъ святаго и върховняго Петра. И ту ты узърить Папа и възоветъ тя. Ты же, пришѣдъ къ нему, поклонися и поклони главу свою да ты пострижеть. Аще ли того не сътвориши, то пакы будеши въспять шълъ въ Самару и, въ тѣмьници сѣдя, тую же бѣду приимеши. Не мози же преступити моя заповѣди, нъ паче угодие сътвори святууму Семеону и святому Николѣ. Не помышляй же ни на домъ, ни къ женѣ, ни на дѣти, развѣ къ Богу».

Та же въся рекъ, святой Николае иде къ кѣде съпяхе Папа и рече ему: «Възбѣни и вижы!» Яко явѣ глядаше Папа святаго Николу, за руцѣ държаща мужа и глаголюща сице: «Приими чловѣка сего. Избавилъ и́ есмь ис тѣмьниці отъ Самара и от узъ великъ. Дай ему молитву и постризи и́; а имя ти ему есть върховняго апостола Петра. Да тако ему сътвори». И тако рекъ, святой Николае ищезе от него.

И въспрянувъ, Папа повелѣ клепати утрнью, бѣ бо томъ дъни недѣля. И шѣдъ Папа въ църкъвъ, и нача глядати по всѣмъ чловѣкомъ мужа сего, егоже ему бяхе проявнлъ святы Николае да бы и́ позналъ. И тако зря по чловѣкомъ, узърѣ чловѣка того стояща посредѣ людии въ църкъви. И призва и́ къ себѣ и рече: «Петре, нѣси ли ты от земля Грьчьскы, бывъ въ срацинѣхъ въ тѣмьници въ Самарии, избавленъ от святаго Николы?» Онъ же поклонися до земля Папѣ, и обличи и рече: «Ей, владыко, азъ

есмь». И рече Папа: «Не мози, брате, почюдитися мене, еже ты възъвахъ именъмъ твоимъ, егрже николиже слышалъ есмь, ни видѣлъ, брате, ни ты мене, ни азъ тебе. Нъ святой и великий Николае ночью престою и повѣдая ми, како ты ис тьмьнице изведъ и желѣза разбивъ, и привелъ ты сѣмо, и повелѣлъ ми ты острѣщи въ имя Божие». И тако рекъ Папа, Божию молитву въ имя Господне въдавъ, остриже и́.

Тако святой Николае чюдотворецъ намъ добрая та показа, тако, моля Владыку, съвършаетъ чюдеса. И показая вьсему миру знаменія, акы отць чада приемля: съ плавающими плаваетъ, по пути ходящимъ помощникъ, въ бѣдахъ утѣшникъ, въ тьмьницахъ присѣтъникъ, въдовиця милуя, сирыя накърмляя, плѣньники избавляя, больныя ицѣляя.

От святаго Николы благодати и дай ны Богъ молитвами его спастися, да сию жизнь добрѣ проводяще, и будущаго вѣка молитвами его благая улучимъ о Христе Иисусе, Господи нашемъ. Емуже слава и държава съ Отцѣмъ и Святымъ Духѣмъ нынѣ, и присно, и въ вѣкы.

Житие Алексия человека Божия

Подготовка текста Н. Ф. Дробленковой, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой и Л. С. Шепелевой

Житие Алексия человека Божия было известно на Руси с XI в. Самый ранний текст древнерусского перевода Жития сохранился в списке XII в. в составе пергаменного сборника «Златоструй» (точнее – в составе «Торжественника», включенного в «Златоструй»). Остальные списки древнейшей редакции, текст и перевод которой публикуются, представлены более поздними рукописями, датирующимися XIV–XIX вв.

Житие посвящено христианскому подвижнику Алексию (в переводе с греч. – заступник, защищающий от несчастья, спаситель), который в юности отрекся от богатства и мирской суеты и, следуя своим убеждениям до последних дней жизни, стоически свершил подвиг добровольного нищенствования. События происходят на рубеже IV–V вв. в Риме при императорах-соправителях Гонории и Аркадии и папе Иннокентии I, а также – во владениях Римской Восточной (Византийской) империи, Каппадокии, Киликии, Осроене и в Сирии. Легенды о Божием человеке известны всем христианским литературам: древнейшая из них – сирийская (еще безымянная), сложенная в районе Эдессы «сирьской», где начинал подвижничество святой (сохранилась в списках V–VI вв.); греческая версия возникла в середине VIII в. (известна в списках X–XII вв.); в IX в. появилась латинская версия, основанная на греческой; далее появляются переводы с греческого и латинского на другие языки, в том числе и на славянские.

Как полагает в своем монографическом исследовании памятника В. П. Адрианова-Перетц (*Адрианова В. П. Житие Алексия человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917*), текст Жития пришел на Русь не прямо из Византии, а через южнославянскую письменность, тем не менее древнерусский перевод близок греческому оригиналу. (К византийской традиции восходит также и русская

иконография, изображение лика святого Алексия в миниатюрах лицевых рукописей Жития).

Особую популярность Житие приобрело в царствование Алексея Михайловича, небесным патроном которого был святой; тогда была составлена Служба святому Алексию человеку Божию (издана в 1671–1674 гг.). Вторая половина XVII в. – время возникновения лучших литературных обработок Жития, появления драматических произведений на житийную тему, украинской драмы «Алексий, Божий человек» (1672–1673), «Слов» Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, «Поучений» Стефана Яворского, вирш. К XVII в. В. П. Адрианова-Перетц относит также и сложение духовного стиха о св. Алексии человеке Божием, органически соединившего черты книжного Жития с фольклорными, былинными традициями и до начала XX в. распространявшегося в России, Белоруссии и на Украине народными певцами-профессионалами, «каликами переходными», сказителями-былинщиками, слепыми певцами, лирниками.

Мотивы Жития отразились не только в ряде древнерусских агиографических сочинений, но и в произведениях писателей XIX–XX вв., в частности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Текст Жития Алексия человека Божия опубликован и выверен по рукописи XII в. – РНБ, Ф.п.1.46, л. 98–100, а отсутствующее в ней начало (до слов: «...яко достоин есть царства небеснаго...») воспроизведено по списку XVI в. – БАН, 21.7.15, л. 31–99. Внесение в издание текста необходимых исправлений опирается на их подробное обоснование в исследовании В. П. Адриановой-Перетц (с. 457–475).

* * *

МЕСЯЦА МАРТА В 17 ДЕНЬ

ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СЯГОГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

В граде Риме жил один благоверный человек по имени Евфимиан, бывший в почете у римских цесарей Гонория и Аркадия. Богат он был очень, имел триста рабов-домочадцев в шелковых одеждах с золотыми поясами, но не имел наследника, ибо супруга его была бесплодна.

Как человек благоверный, он следовал заповедям Божиим, постился каждый день до девятого часа, устраивал в своем доме три трапезы: одну – для сирот и вдовиц, другую – нищим и недужным, третью – для странников и паломников. Сам же в девятом часу вкушал свой хлеб с чернецами и нищими. А когда шел в палаты, посылал впереди себя милостыню, говоря, что недостойн ходить по Божьей земле. И жена его именем Агласия, благоверная и богобоязненная, тоже соблюдала заповеди, молясь Богу и говоря: «Помяни меня, Господи, недостойную рабу твою, и дай плод чреву моему, да будет мне поводом в старости и утешением души моей!»

И Бог воздал ей за ее добродетель: она зачала и родила сына. И возблагодарили Бога жена и муж. Когда же отроку пришло время учиться, отдали его сначала обучению грамоте, и он познал всю грамматику, церковные правила и немного риторику, и был отрок очень умным. А когда настало время его женить, Евфимиан сказал своей жене: «Свершим брак сыну своему». И возрадовалась жена словам мужа своего, пала ему в ноги, говоря: «Да утвердит Бог слова, сказанные тобой, свершим брак сына нашего возлюбленного – и да возрадуется душа моя!»

И обручили его с невестой царского рода, свершили его брак, женили его, и венчали их праведные священники в церкви Святого Вонифатия, а, отведя его в брачную спальню, все веселились весь тот день до ночи.

А он, войдя в спальню, сел на золотой свадебный трон, и снял золотое кольцо, и, завернув в персидский шелк, отдал своей обрученной, сказав: «Возьми и сохрани, и да будет Бог меж тобою и мною до той поры, пока Господь изволит». И иное тайное поведал ей. Выйдя из спальни, пошел он в сокровищницу и, взяв часть своего богатства, покинул Рим тайно ночью. Спустившись с Капитолия, увидел он корабль, стоящий на реке, и, взойдя на него, доплыл до града Лаодикии, называемого Магнарея. Сойдя с корабля, помолился он Богу так: «Боже, сотворивший небо и землю, вызволивший меня из чрева матери моей, спаси меня и ныне от этой суетной жизни и сподобь меня десного предстояния возле тебя, ибо ты Бог

милостивый и Спаситель. Славу возносим тебе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

Помолившись, тотчас же встретил он погонщиков ослов и отправился с ними, пока не дошли до Эдессы сирийской, где лежит образ Господа нашего Иисуса Христа, который некогда сам дал Авгарю. Войдя в город, продал он все, что имел, и роздал нищим, облекся в бедные одежды и как нищий проситель сидел на паперти церкви владычицы нашей Пресвятой Богородицы, постясь от воскресения до воскресения, причащаясь святых тайн, съедая лишь два куска хлеба и выпивая два глотка воды, пребывая без сна все ночи. А если ему подавали милостыню, он все отдавал нищим.

Искали его в городе Риме, но не нашли. И отец послал слуг разыскивать его, но и они не нашли его. Когда слуги пришли в Месопотамию, в город Эдессу, то, не узнав его, подали ему милостыню. Он же, увидев, узнал их и возблагодарил Бога, сказав: «Благодарю тебя, Господи, что сподобил меня принять милостыню от своих домохозяев имени твоего ради». И вернулись его слуги в Рим, сказав своему господину, что не нашли его.

Мать же с того свадебного часа, когда искали его и не нашли, вошла в свою спальню, открыла оконце возле своего изголовья и, постлав мешковину, посыпала пеплом и стала молиться Богу, приговаривая: «Не выйду отсюда, пока не узнаю о сыне своем единственном, куда делся». И отец, с тех пор как родился сын его, не прикасался к жене своей, сказал ей: «Помолим Бога, да пощадит дитя, которого нам дал».

Семнадцать лет провел юноша на паперти церкви Святой Богородицы и угодил Господу своему: явилась во сне пономарю святая Богородица со словами: «Введи в церковь мою человека Божия: достоин он царства небесного, ибо молитва его, как миро благоуханное, и, как цесарев венец на голове, почивает на нем Дух Святой. И как солнце сияет для всего мира, так просияет житие его пред ангелами Божьими». Пономарь же, поискав того человека и не найдя, обратился с молитвой к Богородице, чтоб явила ему человека того. И Богородица вновь сказала ему, вторично: «Убогий, сидящий у дверей церковных,

это и есть человек Божий». И снова вышел он на паперть, нашел его и, взяв его за руку, ввел в церковь и с той поры служил ему исправно.

И разнеслась слава о человеке Божиим по всему городу. А когда он понял, что все его узнали, то бежал из этого города, и, прийдя в Лаодикию, сел на корабль, и хотел уехать в Киликию, в Тарс, потому что там не знали его.

Но, волею Божьей, корабль был подхвачен сильным ветром и пришел в Рим. Сойдя с корабля, он сказал: «Благословен Господь Бог мой! Не буду в тягость никому: войду в дом отца моего, как будто я там неизвестен». Подходя, встретил он отца своего, идущего из дома в обеденное время, и поклонился ему, сказав: «Раб Божий, помилуй меня, убогого странника, и пусти меня во двор свой, дабы и я насыщался с рабами твоими “крохами, падающими со стола” твоего. Бог же да благословит лета жизни твоей и даст тебе царствие небесное, и странник, которого примешь, благословит и утешит тебя верованием своим». Когда отец его услышал о странниках, которых весьма привечал в своем доме, то сказал своим слугам: «Кто из вас хочет служить ему? Если же угодит ему, да видит Господь, тот будет свободным и получит часть моего имущества. А при входе в мой дом постройте ему хижину, чтобы, входя и выходя, я видел его. Давайте же ему еду с моего стола». Но был он с ним всегда суров.

А мать его, сетуя и печалась, не выходила из своей спальни, а сноха, оставшаяся с ней, говорила: «Не уйду отсюда до смерти моей, а уподоблюсь горлице, пустынножительнице и единомужнице. И я буду терпеть и ждать до тех пор, пока не узнаю о женихе моем, что с ним».

Слуги же каждый вечер мучили его, глумясь над ним: одни пинали его ногами, другие давали оплеухи, а иные же, моя посуду, выливали на него помои. А человек Божий, видя, что это совершается с ним по дьявольскому наущению, принимал все терпеливо, с радостью и стойкостью.

Когда же прошло семнадцать лет его пребывания в отчем доме неузнанным, тогда Господь изволил взять у него исповедание о себе; человек Божий сказал отроку, который ему

служил: «Брат, принеси мне пергамен и чернила». И тот принес ему. Он взял и написал о тайном, что было у него с отцом и матерью, и о том, что говорил повенчанной с ним в своем брачном чертоге, когда дал ей кольцо и шелк. И всю жизнь свою описал, чтобы узнали его, что это – их сын.

В один из воскресных дней по окончании святой литургии, когда архиепископ Маркиан был еще в церкви, благоверные цесари и все люди услышали неведомый глас из алтаря, изрекший: «Придите все отягощенные и обремененные грехами, и я вас упокою!» Удивились и ужаснулись все и пали ниц, возопив: «Господи, помилуй!» И тогда вновь, вторично, услышали глас: «Поищите человека Божия, да помолится за мир. На рассвете в пятницу покинет он тело свое».

А в четверг вечером все собрались в церкви Святого апостола Петра, моля Бога, чтобы явил им человека Божия. И раздался глас, изрекший: «В доме Евфимиана тело его». И обратились оба цесаря к Евфимиану, сказав: «Имея в доме своем такую благодать, почему ты нам не сказал?» А Евфимиан ответил: «Видит Господь Бог мой! Не знал». И призвал он старейшину рабов своих и сказал: «Не знаешь ли среди моих рабов такого?» И тот ответил: «Видит Господь Бог мой, не знаю: все они – ничтожные люди». Тогда цесари велели идти в дом Евфимиана поискать там человека Божия. Для их встречи Евфимиан велел рабам своим поставить столы со свечами и фимиамом и сидения. И пришли цесари, архиепископ и все именитые цесаревы мужи, и в доме стало шумно.

Мать же, у которой завешано было оконце занавесью, чтобы ее никто не мог видеть, сказала: «Что это за разговор и шум, и зачем все пришли?» А сноха всех видела из комнаты. И слуга человека Божия сказал своему господину: «Господин, не человек ли Божий тот нищий, которого ты мне поручил, ибо великие и дивные чудеса замечал я за ним. С воскресения до воскресения причащался он святых тайн и, кроме двух кусков хлеба и двух глотков воды, не пил и не ел все воскресения, а ночами не спал. И некоторые из рабов моих мучали его: одни пинали, а другие глумились над ним, иные же обливали помоями, а он принимал все с радостью».

Евфимиан, услышав это, устремился к человеку Божию и, войдя, заговорил с ним, но тот уже был безгласен, а открыв лицо его, увидел, что оно сияет, как у ангела, и держит он в руке пергамен. Евфимиан хотел взять пергамен, чтобы увидеть, что написано на нем, но тот не выпустил его из руки. И Евфимиан возвратился, чтобы сказать цесарям, что он нашел того, кого они ищут, и поведал им, как семнадцать лет назад пришел он к нему, и далее – все по порядку о его житии, а еще о том, что он держит в руке пергамен, но не отдал ему.

Тогда цесари велели соорудить ложе и положить на него святого. И поднялись цесари, архиепископ и все цесаревы мужи, и встали у одра со словами: «Раб Божий, ведомо тебе, что мы, грешные, – цесари, а вот – отец вселенский. Отдай нам послание, дабы мы увидели, что написано в нем, и узнали, кто ты». Тогда он отдал им свое письмо, а они, взяв его, передали церковному дьяку. И когда цесари, архиепископ и Евфимиан сели, архиварий начал читать грамоту.

Как только отец услышал чтение письма, тут же вскочил с места, растерзал одежды свои, стал рвать седины, устремился к телу его и бросился ему на грудь. Любовно целовал он его, говоря: «Горе мне, чадо мое! Почто так поступил со мной, за что нанес мне такое огорчение? Сколько лет понапрасну надеялся я услышать либо голос твой, либо речи твои, но ты не открылся мне. Горе мне, поводырь старости моей! Куда мне деться от сердечной скорби моей? Отныне суждено мне лишь оплакивать свою израненную душу».

Когда же его мать услышала, что он сын ее, разодрала она завесу на окне и одежды свои, растерзала свои волосы, горестно глядя на сына своего и прося людей, находящихся в палатах, с мольбой им говорила: «Горе мне, почтенные люди, дайте мне место, да взгляну горестно на чадо свое возлюбленное. Горе мне, братия мои, да узнаю сына моего единственного, агнца души моей, птенца гнезда моего, вскормленного грудью моей, опору жизни моей». И с любовью целуя его, рыдала со словами: «Горе мне, чадо утробы моей! Зачем так поступил со мной? Столько лет попусту провел ты в доме отца твоего, и не открылся мне».

Сноха же, вбежавшая в бедных одеждах, оплакивала его, причитая: «Горе мне, горлице, возлюбившей уединение свое! Сколько лет лишена я была возможности слышать голос твой, либо вести о тебе. Куда делся ты и зачем не открылся мне, ставшей с этого дня вдовицей. И не на кого уже мне взирать, и отныне восплачу израненным сердцем». Люди же дивились их плачу и со слезами молились.

Тогда цесари и архиепископ велели нести одр и поставить посреди града. Горожане же, услышав об этом, все собрались над ним. Сколько бы недужных ни приходило к нему, – все исцелялись: немые заговорили, слепые прозрели, бесноватые выздоровели. А цесари с архиепископом, видевшие эти чудеса, сами взяли носилки с телом и понесли их, дабы освятиться прикосновением к телу человека Божия. Отец же его держался за его руку, шатаясь и стеная и бия себя в грудь. И мать его тоже рыдала, покрыв его своими волосами. И сноха, также скорбя и рыдая, шла за одром с плачем. Люди же теснились возле одра и, задерживая его, не могли двигаться дальше.

Тогда цесари велели бросать людям золото и серебро, чтобы, когда они устремятся к деньгам, можно было понести тело человека Божия. Но никто на это не позарился, ибо тело святого было им дороже. Много затруднений было и потом, прежде чем донесли они тело в церковь Святого Вонифатия.

Благодарные цесари повелели создать золотую раку и украсить ее драгоценными камнями и бисером, а сделав, положили в нее тело человека Божия Алексия месяца июля в 17 день. И совершали поминание семь дней, а отец, мать и сноха там пребывали.

Божьей благодатью, излилось из раки его миро благовонное. И когда это чудо свершилось, собрались все болящие и, набирая его, мазались им и исцелялись, славя и восхваляя Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога истинного, ему же слава ныне, и присно, и во веки. Аминь.

* * *

МѢСЯЦА МАРѢТА ВЪ 17 ДЕНЬ
ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТАГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВѢКА БОЖИЯ

Бѣ нѣкто чловѣкъ благовѣренъ в Римѣ градѣ именем Евфиміанъ, славенъ бывъ у Ануриа и Аркадія,⁵⁶⁴ у царю римскую. Богатъ сый зѣло, имѣаше же рабъ-домочадецъ 300 в свилнах ризах и в златых поясъх, не имѣаше же чада, зане подружие его неплодно бѣ.

Благовѣренъ же сый, заповѣди Божіа *творяше*, пощаше же ся по вся дѣни до 9-го часа, поставляше три трапезы въ своемъ дому: едину – сиротам и *вдовицам*, другую – нищимъ и *недужным*, третью – странным и мимоходящим. Сам же въ девятый час вкушааше хлѣба своего с черноризцѣ и мимоходыи нищими. Егда же идя в *полату*, милостыню пред собою слаше, глаголя, яко нѣсмь достоинъ по земли Божіи ходити. Жена же его именем Агласиа, жена же вѣрна и боящися Бога, заповѣди творяше, молящися Богу и глаголющи: «*Помен* мя, Господи, недостойную рабу твою, и дай же ми плод чреву, да будетъ ми вождь старостѣ и на утѣху душа моя!»

И помяну ю́ Богъ по добродѣланію ея, и зачат и роди сынъ. И възвеселися жена и мужъ ея о Бозѣ. Егда же бысть время отрочате учитися, вдасти еѣ на первое учение грамотѣ, и навѣче всей *граматикы*, и церковную строю, и от риторикіа мало, и бысть отроча премудро зѣло. Егда же бысть женити год, рече Ефиміанъ женѣ своей: «Сътворивъ бракъ сыну своему». И възвеселися жена о словесѣ мужа своего, паде на ногу его, глаголющи: «Да уставит Богъ слово твое, еже глагола, да *сътворивъ* бракъ сыну наю възлюбленному, – и да възрадуется душа моя!»

И обручиша ему нѣвесту царскаго роду и сътвориша ему бракъ, увязыше чертогъ, вѣнчаше а святыми священники въ церкви Святаго Внифантіа.⁵⁶⁵ И введше я в *чертогъ*, веселишася до нощи весь день тыи.

Влѣз же в чертогъ, сѣде на престолѣ златѣ, и взем перьстень злат, и лѣз⁵⁶⁶ обить *коприною*, и дасть обручницѣ своей, и рече: «Възми и съхрани, и буди Богъ межи тобою и мною, дѣндеже Господь изволит». И *иные* тайныи извѣща к ней. Излѣзъ ис чертога, иде в ризницу и взем от богатства своего и изыде нощию отай из Рима. Шед же и из Капетулѣ,⁵⁶⁷ обрѣте карабль, в рѣцѣ стоящъ, и влѣз в онъ, доплы града Лаодикия,⁵⁶⁸

рекомаго *Магнарѣя*. Излѣзъ же ис корабля, помолися Богу, глаголя: «Боже, сотворивый небо и землю и спасе мя из чрева матери моея, спаси мя и нынѣ от суетнаго сего жития и сподоби мя деснаго стояния,⁵⁶⁹ яко ты еси Богъ милостивъ и спасаай, тебѣ славу възсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

И въставъ, в той час срѣте оселники и иде с ними, дѣндеже доиде Едесы сирьския, идѣже лежит образъ иконы Господа нашего⁵⁷⁰ Иисуса Христа, иже дасть Авгарю сый.⁵⁷¹ Влѣз же въ градъ, продасть все, еже имѣ, и дасть нищим, и облечется въ худыя *ризы*, и сѣдяше яко проситель в паперть въ *церкве* владычица нашеа *Пресвятыя* Богородица, пощашеся от недили до недили, причащаяся святых таинъ и ядяше двѣ уки хлѣба и двѣ уки пиаше воды, без сна *пребываше* вся нощи. А еже ему дааху *милостыню*, то все даяше нищимъ.

Искаху же его въ градѣ Римстѣ и не обрѣтоша его. И посла отецъ его отроки искати его, и не обрѣтоша его. Пришедше въ Едесъ град Месопотамию и даша ему отроки свои милостыню и не познаша его. Видѣвъ же а, он позна а и прослави Бога и рече: «*Благодарю тя, Господи*, яко сподобил мя еси прияти милостыню от своих домочадецъ имени твоего ради». И обратишася отроцѣ его в Рим и възвѣстиша господину своему, яко не обрѣтохом его.

Мати же его, от того часа брачнаго, егда *искааху* его и не обрѣтоша, *вшедши в ложницу* свою и отврѣзши оконце възглавии своем и пославши вретиче, попелом посыпа, молящеся Богу, глаголющи: «Не имамъ вѣстати отсюду, дѣндеже *увѣмъ* о сыну своем единочадѣм, камо ся дѣ». А отецъ его, отнелѣже родися сынъ его, не прилѣпися женѣ своей, глаголя к ней: «Моливѣ Бога, да пощадит отрока, еже нама дасть».

Сътворшу же отрочатѣ 17 лѣтъ въ *папрѣтъ* Святыя Богородица и угоди Господеви своему: явися во снѣ понамаревѣ святая Богородица, глаголющи: «*Въведи человекъ Божиа въ церковь мою*, яко достоинъ есть царства небеснаго, яко миро бо добровоня молитва его есть и якоже вѣнецъ на главѣ цесареви, тако почиваетъ Духъ Святый на немъ. И яко же солнце сияетъ въ весь миръ, тако просияетъ житие его прѣдъ ангелы Божиими». *Пономарь* же ища того человекъ, и не обрѣте, и

обратися моляся Богородицы, да явить ему человека того. Глаголя же паки къ нему Богородица второе: «Убогий съдя прѣдъ двѣрьми църковными, тѣ есть человекъ Божий». Изиде же паки въ папѣртъ и обрѣте и́, имы и́ за руку, въведе и́ въ църковь, и оттолѣ служаше ему вельми.

И прослу слово то человека Божия въ всемъ градѣ томъ. Видѣвъ же, яко познаша и́ вси, отбѣжа от града того и пришѣдъ въ Лаодикию, влѣзе въ корабль и хотя преехати въ Тарсъ Киликию,⁵⁷² зане ту не знаяхуть его.

Волею же Божиею прегънанъ бысть корабль вѣтрѣмъ бурьнѣмъ и приде въ Римъ. Излѣзъ же ис корабля, рече: «Живъ Господь Богъ мой! Не буду тяжкъ никомуже иному: въ домъ отца моего да иду, яко и ту незнаемъ есмь». Ида же, сѣрѣте отца своего, идуща от полаты въ врѣмя обѣда, и поклонися ему, глаголя: «Рабе Божий, помилуй мя, убогаго странна, и не дѣи мене въ дворъ своемъ, да ся насыщаю и азъ съ рабы твоими “от крупиць, падающи съ тряпезы”⁵⁷³ твоя. Богъ же да благословить лѣта твоя и да ти подасть царство небесное, и яже имаши на страннѣй земли да благословить и да тя насытитъ упѣвания своего». Слышавъ же отецъ его, паче о странныхъ тѣщѣнѣи бысть въвести въ домъ свой, и рече къ отрокомъ своимъ: «Къторый от васъ служити ему хощеть? Да аще угодить ему, живъ Господь, яко свободнѣнъ будетъ и участке иматъ възяти въ дому моемъ. Нѣ въ папѣртѣ вѣхода моего сътворите ему хыжицю, да вѣлазя и излазя, зѣру его. Давайте же ему от моея яди и тряпезы». – И бѣ ему суровъ приснѣ.

Мати же его имущи сѣтование и печаль и не исхожаше из ложница своя, а снѣха, оставѣши, рече ей: «Не отиду отсуду до смѣрти моея, нѣ гѣрлицы ся уподоблю, пустынелюбици и единомужици. И азъ сътѣрплю и пожду, донѣдеже увѣдѣ о женисѣ моемъ, чѣто ему бысть».

Отроци же по вся вечера пакости ему дѣяху, ругающеся: они же пѣхаютъ его ногами, друзии же заушаютъ, инии же паки, опанице омывающе, възливаху на нѣ помоя. Видѣвъ же человекъ Божий, яко диявѣльмъ научениемъ то ему бываетъ, съ радостію, и веселиемъ, и тѣрпѣниемъ вся приимаше, тѣрпя.

Съконъчавъшу же въ дому отчи 17 лѣтъ незнаемъ, кѣто бѣ, егдаже изволися Господеви възати предание от него; рече къ отроку, служащему ему: «Брате, принеси ми харѣтию⁵⁷⁴ и чърнило». *И принесе ему.* И възъмъ, написа тайны, яже имяше съ отцѣмъ си, и съ матерію, и еже глагола къ обрученици своей въ чъртозѣ, како ей дасть пѣрстень и лѣзь. И все житие свое написа, да познають и́, яко тѣ есть сынъ ею.

Бысть же въ единъ днь недѣля *сущи*, по конъчании святаы литургия, и еще сущу Маркиану архиепископу въ церькви и благовѣрныма цесарема и всѣмъ людѣмъ, гласъ слышыша невидимъ за олтарѣмъ глаголя: «Придѣте вси тружajúщиися и обрѣмѣнении грѣхы, и азъ вы покою!»⁵⁷⁵ Дивиша же ся и ужасошася вси и падоша ници вѣпнюще: «Господи, помилуй!» Тѣгда же пакы вторый гласъ слышаша: «Поищѣте чловѣка Божия, да помолитъся за миръ. Свитающю же пѣтъку, исходитъ от телесе своего».

Въ четвѣртѣкъ же вечеръ събѣрашася вси въ церькѣвъ Святаго апостола Петра молящеся Богу, да явить имъ чловѣка Божия. И бысть гласъ, глаголя: «Въ дому Еуфимияни, ту есть тѣло его». Обращъша же ся оба цесаря, рѣста къ Еуфимияну: «Въ дому своемъ таку благодать имѣя, почто нама нѣси повѣдалъ?» Еуфимиянъ же рече: «Живъ Господъ Богъ мой! Не съвѣдѣ». *И призва же стрѣйшаго рабъ своихъ и рече: «Свѣси ли кого в клевретех моих такого суца?» Он же рече ему: «Живъ Господъ Богъ мой, яко не свѣмъ: вси бо пустошѣници суть».* Тѣгда повелѣста цесаря ити въ домъ Еуфимиянъ, да поищють чловѣка Божия. Тѣгда повелѣ Еуфимиянъ рабомъ своимъ столы и престолы поставити съ свѣщами и съ тѣмъянѣмъ срѣсти я. И придоста цесаря и архиепископъ, и вси цесареви мужи, и бысть глчание въ дому.

Мати же его завѣсила была окѣнѣце завѣсѣмъ, да не видить ея никѣтоже, и рече: «Чѣто се есть мѣлва и мятежъ, и почѣто суть пришѣли?» А сънха вѣсѣхъ зѣряше съ полаты. Слуга же чловѣка Божия рече къ господину своему: «Господи, еда съ есть чловѣкъ Божий, нищій съ, егоже ми бѣ поручилъ, велика бо знаменія и дивѣна видѣхъ у него. От недѣля до недѣлѣ причащающася свѣтыхъ тайнъ и 2 укѣни хлѣба и 2 укѣни воды

пияше, вся недѣля не ядыи, а въ нощи бе съна пребываше. Нѣ етери от клеврѣтъ моихъ пакости ему творяху: ови пѣхаютъ, а друзии ругаютъся, инии же помыями обливаху, онъ же съ радостію все приимаше».

Еуфиміянъ же слышавъ се, тече къ челоуѣку Божию и, пришѣдъ, глагола къ нему, и не бѣ гласа от него уже, и открывъ лице его, видѣ свѣтѣюща, яко ангелу, и дѣржаща харѣтию въ руцѣ. Еуфиміянъ же хотѣ възъмъ харѣтию видѣти, что есть написано въ неи, онъ же не пусти ея. Еуфиміянъ же обращъся и шѣдъ, рече къ цесарема, яко егоже ищемъ, обрѣтохомъ, и исповѣда има, яко прѣже 17 лѣтъ приде къ мнѣ, и – все по ряду, како житіе его, еще же и харѣтию дѣржитъ въ руцѣ и не дасть ми ея.

Тѣгда повелѣста цесаря одрѣ настѣлати и положити на немъ свѣтаго. Въставша же цесаря, и архіепископъ, и вси цесареви мужи, стаха прѣдъ одрѣмъ глаголюще: «Рабе Божіи, и вѣ, аще грѣшна есвѣ, то – цесаря есвѣ, а съ – отецъ всея вселенныя.⁵⁷⁶ Вѣдажъ намъ харѣтию, да видимъ, что ты еси и что есть писано въ неи». Тѣгда вѣдасть имъ харѣтию, и възъмъша вѣдѣста ю дѣяку церковному. Сѣдѣшема же цесарема, и архіепископу, и Еуфиміяну, начѣти харѣтию чисти халтоларь.⁵⁷⁷

Егда слыша отецъ чѣтенія харѣтія, вѣскочи съ прѣстола скоро, и растѣрза ризы своя, и сѣдины тѣрзаше, текыи надѣ тѣло его, вѣргъ же себе на пѣрси его. Любѣзна цѣловаше его глаголя: «Увы мнѣ, чадо мое! Почто ми сицѣ сѣтворилъ еси, почто ми нанесе сице вѣздыханіе? Колико лѣтъ пусть бѣхъ, чая слышати гласъ твои, ли бесѣду твою, и не явилъ ми ся еси. Увы мнѣ, вожение старости моея! Камо имамъ дѣти сѣтованіе сѣрдца моего? Отселѣ уже достоитъ ми плакатися острупленныи си душа».

Слышавъши же мати его, яко сынъ ея есть, раздѣра окънѣце свое и ризы своя, и растѣрза главу свою, жалостно глядѣше на сына своего и молящи народы, сущии на полатѣ, молящи я, глаголаше: «Увы мнѣ, мужи, дадите ми мѣсто, да вѣзрю си жалостно вѣзлюбленаго своего чада. Увы мнѣ, братія моя, да узрю си единочадаго сына моего, агнѣца душа

моея, пътъница гнѣзда моего и въздоение съсьцю моею, надѣжа мышьцю моею». Любъзно же лобызаючи, въпияше глаголющи: «Увы мѣнѣ, чадо моя утробы! Почто ми сице сътворилъ еси? Толико лѣтъ пусть еси былъ въ дому отца своего и не явился еси мѣнѣ».

Снѣха же текъши, въ сквърнахъ ризахъ сущи, плакашеся, глаголющи: «Увы мѣнѣ, пустынелюбъная гърлице моя! Колико лѣтъ пуста быхъ слышати гласъ твой, ли слухъ твой. Камо ся дѣлъ еси и не явил ся мѣнѣ, иже дньсь есмь въдовицею. И нѣсть ми уже на кого възирати, нѣ отселѣ въсплачу ся острупленаго сьрдца». Людие же дивящеся вѣси слѣзамъ ихъ, плакахуся.

Тѣгда повелѣста цесаря и архиепископъ нести одрѣ и поставити посредѣ града. Слышавъше же, гражане вси ся сътекоша надъ нѣ. Елико бо недужьникъ приступи къ нему, вѣси исцѣлѣша: нѣмии проглаголаша, слѣпѣи прозърѣша, бѣсьнии исцѣлѣша. Цесаря же видѣвъша си чюдеса, сама възъмѣша одрѣ, понесоста съ архиепископѣмъ, да освятятся прикосновениемъ тѣла чловѣка Божия. А отѣцъ его държася за руку его, колѣбляся, и стена, и бия пѣрси своя. Мати же его тако же власы своя простѣрѣши на нѣ, въпияше. Снаха же, пакы сѣтующи и рыдаючи, въ слѣдѣ одра идяше, плачючи. Людие же гнѣтяхуться о одрѣ и не можахуть ити, държаще и́.

Тѣгда повелѣста цесаря злато съ срѣбрѣмъ сыпати людѣмъ, обращшемъ ся на не, възмогутъ понести чловѣка Божия. Нѣ не обратися никтоже на не, паче любяще тѣло святаго. Многу же труду бывъшу поздѣ, нѣколи донесоша въ церковь Святаго Вонифанта.

Благовѣрная же цесаря повелѣста сътворити ковчегъ златъ и украсити и́ камениемъ драгымъ и бисѣрѣмъ, и сътворише, и вѣложиша въ нѣ тѣло чловѣка Божия Алексия мѣсяца июля въ 17. И праздньствоваша 7 дньий, отѣцю и матери и снѣсѣ ту прѣбывающемъ.

Божиею благодѣтию искипѣ ис ковчега ему миро благая воня. И сему чюдеси бывъшу, вѣси недужьнии събѣрашася, и, възимающе, мазахуся, и исцѣлеваху, славяще и хваляше Отца,

и Сына, и Святаго Духа, единого Бога *истиньнаго*, емуже слава
ныня, и присно, и въ вѣки. *Аминь*.

Из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Пичхадзе

Иосиф Флавий (ок. 38 – после 100) происходил из иудейского жреческого рода; во время восстания против римлян, участники которого сражались за политическую независимость Иудеи, был одним из организаторов сопротивления в Галилее, но после взятия римлянами города Иотапаты перешел на их сторону. Иосиф пытался уговорить повстанцев, защищавших Иерусалим, сдаться римлянам, но безуспешно; город был взят и стерт с лица земли на его глазах. «Иудейская война», написанная участником и очевидцем событий, является уникальным источником сведений не только о самом восстании, но и о разнообразных сферах жизни Иудеи этого времени. «Иудейская война» была написана Иосифом на арамейском и греческом языках; арамейская версия не сохранилась, а греческая получила широкое распространение – во многом благодаря тому, что трактовка Иосифом бедствий, обрушившихся на Иудею, как кары за грехи, за то, что иудеи отвергли истинного Бога, оказалась созвучна христианскому пониманию истории: как и сам Иосиф, средневековый читатель видел в разрушении Иерусалима свершение Божьего суда и исполнение пророчества Иисуса Христа о разорении города (Лк. 19, 41–44). Однако трактовка событий у Иосифа неоднозначна: признавая справедливость Божьей кары, он не может не оплакивать гибель родного города. Скорбь о его поруганной красе, о его попранных святынях, сочувствие к погибающим в страшных мучениях соотечественникам сообщают произведению Иосифа совершенно особую интонацию, отличающую «Иудейскую войну» от средневековых хроник и сохраненную в древнерусском переводе (это особенно отчетливо проявляется при сопоставлении с «Хроникой» Георгия Амартола, где также описано взятие Иерусалима).

Перевод «Иудейской войны» на древнерусский язык был осуществлен не позднее XII в. Выполненный в свободной

манере, чрезвычайно выразительный и яркий, он является своего рода шедевром древнерусского переводческого искусства.

Вниманию читателя предлагаются три фрагмента: описание взятия Иотапаты в 67 г. (кн. III, 7–8), описание Иерусалима и Иерусалимского храма (кн. V, 4–5) и описание взятия Иерусалима в 70 г. (кн. VI, 3–5). Текст приводится по рукописи РГАДА, МГАМИД, № 279, XV в., л. 413–417, 438–440, 455 об.–460. Список акающий, отсюда написания типа *гробъжь* вместо *грабежь*, *своливатися* вместо *сваливатися*, а вместо о (предлог) и т. п. Исправления сделаны по списку ЦНБ АН Литвы № 109/ 147 XVI в. и по изданию: La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin, t. 1–2. Paris, 1934–38; в основе издания – список РГБ, ф. 113, № 651, XVI в.

* * *

Как была взята Иотапата

А Веспасиан со своим сыном Титом, пребывая в Птолемаиде, испытывал воинов и писал, каков каждый из них. Плацид же, который был послан вести войну в Галилее, желая добиться славы, устремился на Иотапату, столичный город Галилеи, укрепленный лучше других. Но не достиг того, на что надеялся. Ибо горожане, узнав об их наступлении, стали перед городом, изготовившись к бою, и, схватившись с римскими полками, скоро победили их, многих ранив и убив семь человек. Ведь не в обычае у них обращать спину, когда они терпят поражение, но отступают понемногу, так что бегство их оказывается незаметным.

Веспасиан же сразу двинулся от Птолемаиды на Галилею и приказал воинам выступать, как это заведено у римлян: впереди стрелки и легковооруженные, которые должны вести наблюдение на случай внезапного приближения противника и разведывать, не спрятаны ли отряды по лесам; за ними следуют латники, частью – всадники, частью – пехотинцы; и вслед за ними – путепроходчики, которые рубят лес и разравнивают дорогу в тесных и труднопроходимых местах, чтобы воины не уставали от тяжелого пути; за ними – обоз полководца и военачальников и всадники для его охраны;

потом сам полководец с отборными частями конницы и пехоты, и за ним – ослы и мулы, везущие приспособления, при помощи которых они брали города; а за ними – предводители спир и военачальники, и при них – отборные воины; потом – значки, которые называют «орел», потому что это царь над всеми птицами, – он сильнее всех, и встреча с ним предвещает победу. И за ними следовали трубачи, затем – войско, разделяющееся на шесть частей, и далее – сотник, надзирающий за строем, и за ними – сторожевой отряд из всадников и пехотинцев с оружием, охраняющих задние ряды.

И все галилеяне, увидев их, ужаснулись, и многие начали раскаиваться. Те, что были при Иосифе, еще прежде, чем увидели, бежали с Иосифом к Тибериаде.

И преисполнились страха все тибериане, понимая, что не бежал бы Иосиф, если бы не потерял надежду. А он размышлял, каков будет конец иудеянам, и знал, что нет им спасения, если не покаются, а сам надеялся на прощение от римлян. Но однако предпочел умереть вместе с людьми, чем предать отечество и данную ему власть. И он написал иерусалимским властителям правдиво обо всем, чтобы они либо предпочли мир, либо прислали ему помощь.

Веспасиан же взял Гадару и окрестные села, не пощадил ни стара, ни мала, но всех предал мечу. И потом пошел на Иотапату. И услышал об этом Иосиф, придя туда из Тибериады, и укрепил силы иудеян. Кто-то сообщил Веспасиану о прибытии Иосифа, и он сразу, думая, что возьмет всю Иудею, если поймут Иосифа, поспешил послать Плацида с тысячей всадников окружить город, чтобы Иосиф не мог бежать. Сам же днем позже, собрав всю силу, пошел до полудня на Иотапату и с двумя полками пехотинцев окружил город, а всадников поставил за ними, преграждая им все пути.

Иудеяне же, выйдя, стали перед воротами. Веспасиан послал на них стрелков и установил пращи и все метательные орудия. Сам же с пехотинцами направился на высокое место, откуда можно было разрушить стены. Испугавшись, Иосиф сделал вылазку и с ним все иудеяне, и схватились с римлянами, и отогнали их. И рубились весь день, а к ночи

разошлись. Тогда многие у римлян были ранены, трое убиты, а у евреев ранены шестьсот, а семнадцать пали.

Наутро, выйдя, напали на римлян с гораздо большей силой. Противник же оказался сильнее их. Пять дней они бились, и можно было видеть, как ломались копья, и скрежетали мечи, и разбивались щиты, и выносили мужей, и землю напоили кровью. Однако ни иудеяне не проникались страхом перед римлянами, ни римляне не падали духом, видя, как твердо укреплен город.

Ведь этот город весь стоит над пропастью, так что невозможно глазам человеческим измерить глубину; только с северной стороны небольшой приступ, потому что стены кончались, сходя к ущелью. Веспасиан же на преодоление твердыни города и силы иудейской призвал своих военачальников и приказал воинам носить землю, хворост и камни, и они сразу, разойдясь, принялись носить. И, устроив черепаху, чтобы им не причиняли вреда из города, наполнили пропасть. Иудеяне же бросали на них множество камней, но ничего не добились.

Веспасиан поставил вокруг города стенобитные орудия – их было шестьдесят, – и они пращами метали камни весом в три капи; и сулицы, пускаемые из лука, свистели, и стрелы затмили свет. И из-за этого иудеяне не посмели выходить на стены – им мешал верхний защитный обстрел. Они, как разбойники, выбегали из ворот, стремительно оттаскивали черепаху и секли стоящих под ней.

Тогда Веспасиан приказал сделать покрытие от одного конца города до другого и насыпь выше города. Иосиф же, увидев это, собрал строителей, чтобы они надстроили стены. А когда они не смогли из-за камней и стрел, он устроил им навес из свежесодранных воловых шкур. И так работая, за ночь и день они надстроили стены на двадцать локтей в высоту, к великой досаде Веспасиана, поскольку он не мог придумать, что предпринять против такой высоты. И отозвал воинов и осадил город, думая взять их голодом.

У них же было обилие всякой снеди, но недоставало соли и воды, потому что не было ни источника, ни колодца внутри

города. Веспасиан надеялся, что они сдадутся из-за жажды. Но Иосиф, желая отнять у него надежду на это, приказал намочить многочисленные одежды и повесить на стенах, чтобы с них капало, отчего римлян охватило уныние и ужас. Полководец, отчаявшись взять город голодом, снова обратился к оружию и насилию, а этого и хотели иудеяне: потеряв надежду спасти жизнь и город, они предпочитали умереть в битве, чем от голода и жажды. И евреи, сражаясь все каждый день, терпели поражение, и их осталось мало. Иосиф, рассудив, что нет уже спасения, думал бежать из города. И узнав об этом, люди обступили его и умоляли не бросать их в этой беде, возлагая надежды на него одного: «Если ты останешься с нами, то все, не зная усталости, будем биться за тебя; если же ты уйдешь, то мы попадем в плен». Он же, думая, как спасти свою голову, говорил им, что: «Ради вас я уйду, чтобы, собрав воинов, внезапно напасть на врагов. Ведь они, как только услышат, что я ушел от вас, оставят город и погонятся за мной». Этих слов не послушали люди, но и дети, и старики, и женщины с младенцами, восплавав большой любовью к нему, припадали к его ногам, умоляя не уходить от них. И он, видя их вопль и рыдание, уступил и сказал: «Ныне время, о други, обрести славу вечную и сотворить нечто достойное мужей на память грядущим поколениям».

И собрав сильнейших, пошел на сторожевой отряд и разогнал его, и сек их до лагеря, и разрушил их черепашу и навес и насыпь раскопал, и сооружения их поджег; и три дня и три ночи делал то же без отдыха. Веспасиан же, видя, что его воины не могут противостоять вылазкам иудеян, приказал не вступать в бой с людьми, жаждущими смерти: ведь нет ничего сильнее отчаявшихся и сражающихся потому, что нет другого выхода. И приказал арабским стрелкам и сирийским пращникам биться с иудеянами. А те шли и не щадя головы яростно нападали на римлян, минуя стрелков.

И снова Веспасиан изготовил воинов к бою, как прежде, и поставил впереди стрелков, и восстановили насыпь. И поставили баран: это большое толстое бревно, похожее на корабельную мачту, а на конце его насажены рога большие из

железа – поэтому оно и называется баран. И врыв два бревна наподобие развилины и поместив его между ними и обвязав веревками, множество людей, оттягивая, наносили удары. И в это время стрелки пускали стрелы, суличники метали сулицы, а пращники бросали камни, так что иудеяне не смели подняться на забрала. И потом они, не опасаясь, били стены бараном, и когда множество людей било в одном месте, стены сотрясались. Иосиф же наполнил мешки, набрав половы, и повесил, и куда тащили баран, на то место тащили мешки, и стенам не было вреда, потому что барану мешали мешки. Но римляне, привязывая серпы к копьям, отрезали мешки. И иудеяне в отчаянии, взяв факел, сучья и сухой хворост, смолу и серу, выскочив в трех местах, подожгли насыпь, и сооружения, и метательные орудия, и баран. Римляне, в ужасе от их дерзости, разбежались; пламя окружило их, и, не имея возможности бежать, они резали сами себя.

Тогда один из мужей, иудеянин, совершил поступок, достойный памяти. Это был Елеазар, сын Самия, родом из галилейского села. И он, подняв огромный камень, бросил на баран и отшиб ему голову, затем соскочил с забрал и схватил его голову прямо среди римлян и, возвратившись, встал над крепостной стеной, чтобы все видели и знали, держа голову барана. И пять стрел, прилетев от задних стрелков, поразили его, и, раненый, он упал со стены вместе с бараном.

А после него храбрецами явили себя Нетир и Филипп из города Румы, которые напали на десятый полк с таким шумом, с такою силой и скоростью, что разбили большой полк, разогнали его и победили: не в силах были устоять перед их мужеством те, на кого они устремлялись. Иосиф же, выйдя с людьми, разогнал пятый полк и пожег все оставшиеся орудия, а основания насыпи раскидал.

И когда наступило утро, Веспасиан собрал разбежавшихся и поносил их за то, что они бежали не перед воинами, но перед разбойниками, не стыдясь ни воинского закона, ни славы отцов. И все, в единодушном устремлении, надстроили третью насыпь и восстановили баран, и били там, где уже раньше произвели разрушения.

И тут кто-то из города ранил Веспасиана в ступню, но неглубоко: большое расстояние ослабило силу стрелы. И у римлян началось великое смятение: стоявшие вокруг него видели кровь и оповестили всех о ране полководца. И великий страх напал на всех, и, оставив битву за город, они быстро побежали к полководцу. Прежде всех Тит испугался за отца. Но скоро волнение улеглось, и полководец, обвязав ногу, поскакал через свои полки, чтобы они увидели его, и те, видя его, обрадовались и, подгоняя друг друга, устремлялись на стены, мстя за своего полководца. И можно было видеть, как евреи падали, будто снопы, с забрал, но, однако, не сходили со стен и, видя смерть перед глазами, свешивались и бросали на стоящих внизу камни, железо и огонь. Но ничего не достигли.

Но и с наступлением ночи они не дали себе отдыха, но пущенные стрелы и сулицы убивали множество людей, а особенно – метательные орудия, из которых и забрала отшибали, и углы сокрушали. Одному из мужей оторвало голову, и отскочила голова на три версты. И беременная женщина, вышедшая из дома, – как ударило в чрево ее и вышибло младенца на версту! И страшный вопль вырвался у женщин внутри города и плач у тех, кто стоял снаружи, и стенание поднялось до неба. Кровь с забрал текла рекою, и можно было по трупам войти в город как по ступеням. Многие из иотапатиан, тогда славно подвизавшись, пали, и многие были ранены. А стена, которую били всю ночь бараном, сломалась и обрушилась. И евреи, вооружившись, укрепляли обрушившиеся места.

Когда же наступило утро, Веспасиан дал воинам немного отдохнуть от ночных трудов, а потом пошел на взятие города. И приказал самым сильным из всадников, сойдя с коней, идти на обрушившиеся места, и за ними – храбрейшим из пехотинцев, а остальных всадников поставил по пригорю, чтобы не убежал из города никто из горожан. Стрелков же и пращников поставил назад, чтобы они не давали горожанам высунуться из-за забрал. И на места, где стены были целы, принесли лестницы, чтобы, пока горожане охраняют обрушившиеся места, они сами влезли без опаски. И узнав это, Иосиф приказал лить на них кипящее

олово, и они, обожженные им, скатывались вниз, и много их было обожжено. И снова Веспасиан приказал сделать на насыпи три башни по пятьдесят локтей в высоту, и оковали их железом, чтобы не вредил им огонь и чтобы они были крепки своею тяжестью. И поставил на них лучших стрелков и суличников и легкие метательные орудия, и они стреляли как будто с неба. Горожане же, оказавшись внизу и не имея возможности биться с теми, кто выше, к тому же видимые с невидимыми, отступили, но продолжали сопротивляться, пока не обессилели.

И после этого выбежал кто-то из города и донес Веспасиану, что: «Уже изнемогли горожане от бессонных ночей и бесконечного постоянного напряжения. А ты можешь в утреннюю стражу взять город, подойдя тайно, потому что они в трудах день и ночь, а на заре одолевает их сон – ведь в этот час они не ожидают нападения и вся стража спит». Однако он не поверил доносчику, зная твердость иудеян и верность друг другу. Ведь до этого он уже взял одного иотapatiанина и пытал его всеми пытками, огнем и железом, чтобы тот рассказал что-нибудь о делах в городе. Когда же тот ничего не сказал, он распял его, и тот умер смеясь. И с этим перебежчиком – он чувствовал, что не очень далеки от истины его речи, и отдал его под стражу. Сам же в указанный доносчиком час подошел с войском к городу в полной тишине. И первым влез на стены Тит с трибуном Сабином, а за ними – Секст и Плацид со своими воинами, убили стражу и вошли в город бесшумно, и взятые в плен не слышали, как они ходили посреди города: ведь все силы у них отнял тяжелый сон. Если же кто и вставал, то не мог видеть из-за тумана, приключившегося тогда над городом, – пока к рассвету не вошли уже все воины и, поминая все зло, которое претерпели от них, не щадили никого, от стариков до младенцев. И одни, видя смерть, закалывались сами, а другие разбежались по пещерам. Один из иудеян попросил Антония-сотника дать ему руку в знак того, что тот не убьет его; и когда тот без задней мысли и без опаски протянул руку, он проткнул его ребра копьем и, опередив, убил его. И в тот день были убиты все, кто не скрылся, – шестьдесят тысяч, пленных же взяли пять тысяч и город разорили, а башни сожгли. Так была

взята Иотапата в месяце панеме, то есть июле, в тринадцатый год правления Нерона.

Римляне же искали Иосифа, гневаясь на него и желая угодить своему полководцу; искали его среди трупов и в потаенных местах города.

Как Иосиф прыгнул в яму

А он, когда брали город, с Божьей помощью, спрятался среди воинов и прыгнул в глубокую яму, из которой шел невидимый путь к пещере, и обнаружил, что в ней скрываются сорок лучших мужей, и тут были всякие припасы на потребу телу. Ведь вокруг города находилась стража, и невозможно было убежать. И два дня он скрывался. На третий день стража схватила одну женщину и пытала, и та под пыткой указала на него и тех, кто был с ним. И сразу Веспасиан послал двух трибунов с поспешностью – Павлина и Галликана, выманить Иосифа и обещать ему безопасность. И эти двое, отправившись, просили его и в знак безопасности давали правую руку, но тот не послушал, боясь мести, потому что много зла сотворил им на войне. Полководец же третьего трибуна послал к нему, о котором знали, что он был его другом, именем Никанора. И тот, явившись, говорил ему о доброте римлян и их милосердии к пленным и добавил, что благодаря своей храбрости и уму он вызовет у них не ненависть, но скорее восхищение. «Полководец же старается вывести тебя к себе не на пытку, но желая спасти тебя. Если бы он хотел выманить тебя, чтобы причинить зло, то не послал бы меня, твоего друга, да и я не послушал бы его, если бы нужно было обманывать тебя».

И поскольку Иосиф колебался, воины хотели в гневе поджечь пещеру. И он, узнав об этой угрозе, вспомнил ночные сны, в которых Бог показал ему несчастья, которые обрушатся на иудеян. Он же хорошо толковал сны и умел понимать то, что Бог показывал прикровенно, и ничто из священных пророческих книг не было для него тайной – ведь он был священник и происходил из рода священников. И в тот час преисполнился духа и растолковал страшные сонные видения и вознес к Богу тайную молитву, говоря: «Поскольку род иудейский, о творец,

кажется мне лишившимся силы пред твоими всевидящими очами и всю удачу ты перенес на римлян и наделил их своею мощью, а мою душу спас, чтобы я возвещал о будущем, – и вот, по твоему святому повелению, я добровольно даю руку римлянам и клянусь твоим святым именем, что выхожу не ради спасения жизни и не желая предать отечество, но послужить твоей славе и силе, чтобы сделать явным то, что ты мне показал».

И сказав так, протянул руку Никанору. А иудеяне, которые были с ним, узнав, что он хочет выйти, окружили его, крича, что сильно восстенает отеческий закон и опечалится Бог, который сотворил иудеянам души непокорные и презирающие смерть. «Или ты любишь жизнь, Иосиф? Но потерпишь ли ты видеть свет рабства? Ты слишком быстро забыл, скольких сам научил умирать за свободу! А лжива слава о твоём мужестве, и всеу был ты мудр, если надеешься спастись от тех, чье сердце раскровавил! Но если ты позабыл свой ум, то нам подобает позаботиться о законе отцов. Вот тебе меч: если вонзишь в свою утробу своею волей, то будешь вечно воеводой иудеян, если же не хочешь – умрешь от наших рук как предатель». С этими словами они обнажили на него меч опасаясь, что он предаст себя римлянам.

Иосиф же испугался, что они будут действовать силой, и считая пренебрежением по отношению к Богу, если он умрет прежде Божия повеления, начал хитрить с ними, потому что положение было безвыходное, и сказал: «Почему мы ищем себе смерти? Почему мы разлучаем возлюбленных – душу и тело? Вы считаете, что я изменился? Но я не изменился! Хорошо умереть в битве от рук врага. Если я боюсь римского меча и укрываюсь, то в самом деле я достоин умереть от своей руки и своего меча. Но если нас щадят, взяв в плен, то разве нам не должно помиловать себя самих? А что прекрасно умереть за свободу – то мне это любо перед войском. А сейчас – где войско? Кто с нами бьется? Равно труслив тот, кто не умирает, когда подобает, и кто умирает, когда не подобает. Так чего же мы боимся, что не выходим к римлянам? Смерти? Но почему то, чего мы боимся, ожидая этого от врагов, мы сами на себя

навлекаем насильно? Если же кто поносит рабство, то теперь мы очень свободны?! Или же вам кажется храбрым тот, кто сам себя убивает? Напротив, это – слабейший из всех людей, подобный кормчему, который, испугавшись волн, прежде бури потопил корабль. Самоубийство же противоестественно и не дано ни одному животному – ведь ни одно из них себя не убивает. Во всех силен естественный закон – хотеть жить. Поэтому отнимающих у нас жизнь мы считаем врагами, и прогневает Бога человек, если дар его отдает на поругание, и творит беззаконие пред очами его. Всякая плоть смертна и создана из тленного естества, душа же вечно бессмертна и пребывает в теле по Божественному подобию. Если кто-нибудь погубит чужой залог, данный ему на сохранение, то его назовут коварным и вероломным, с которым никому нельзя иметь дело. Если же кто разлучит Божий залог от своего тела, то как может он укрыться от того, кому нанес обиду? Если раб убежит от господина, даже плохого, то он достоин кары. Но убегая сами от прекрасного и предоброго владыки – от Бога, не окажемся ли мы нечестивцами? Разве вы не знаете, что из этой жизни уходят по естественному закону, оплатив взятый у Бога долг, когда он захочет взять? И таким – слава вечная и дома крепкие и потомки не забывающие, а души их, чистые и непорочные, пребывают в месте святом и небесном и ждут, когда вернуться обратно и вселятся в свои тела после того, как обратятся века. Но те, кто на себя налагает руки, – их души темный ад принимает, а Отец и Бог мучит их до правнуков их. Потому ненавистно это пред Богом, и законодатель наш установил, чтобы до захода солнца тела самоубийц лежали без погребения; в других же странах и правую руку у мертвых отрезают. Мы достойны, о други, ходить с правдой, а не добавлять к человеческим бедам гнева творца! На этом свое слово кончаю. Не могу быть предателем самому себе. Иноплеменники зовут нас на спасение – и я ли захочу броситься на меч? Да не будет этого! Если же после того, как я дам им руку, они убьют меня, то я паду, как бы увенчанный победным венцом, предпочитая их вероломство царству».

Много подобных слов говорил к ним Иосиф, удерживая их от самоубийства. Они же, заградив уши отчаянием, обступили его, собираясь убить, понося и хуля за слабость. А он, одного называя по имени, на другого глядя с угрозой, третьего хватая за руку, разными речами отталкивал их от себя. А их, еще сохранявших уважение к своему военачальнику, как в строю, удерживал стыд, и никто не поднял на него руку.

И он, предоставив спасение свое Богу-промыслителю, сказал: «Поскольку благая воля Бога – нам погибнуть, умрем по счету: на ком закончится счет, пусть будет убит следующим». И сказав так, рассчитал числа с хитростью, и тем обманул всех, и все были убиты друг другом, кроме одного. И он, стремясь не осквернить руки родственной кровью, упросил того, и оба вышли живыми. И повели их к Веспасиану, а римляне все устремились на зрелище, и поднялся разноголосый крик: одни радовались, что Иосифа взяли в плен, другие выкрикивали угрозы, третьи требовали пытать и убить врага, а иные дивились превратности жизни. Веспасиан же приказал взять его под стражу, чтобы послать к Нерону.

О городе Иерусалиме, и о храме, и о завесе

Каким был город Иерусалим

Город был огражден тремя стенами там, куда не вдавались глубокие пропасти, а в этих местах было одно ограждение. Сам же город был построен на двух горах, а между этими горами – долина, в которой стояли теснящиеся друг к другу дома. Из этих двух гор одна была выше и длиннее – на ней стоит Верхний город, названный царем Давидом «Хранитель» за то, что был укреплен; этот царь был отцом Соломона, осуществившего первоначальную постройку храма. А вторая называется «Вершина»; на ней построен Нижний город на двух холмах, а перед ней – глубокое ущелье. Потом в годы, когда царствовали Хасмонеи, это ущелье засыпали, чтобы сравнять город с храмом, а другую вершину, иссекая железом, сделали ниже, чтобы выше казался верх храма. А Долина сыроделов между двумя городами, о которой мы сказали, доходит до Силоама, где был сладкий и обильный источник. А вокруг двух гор

пролегли пропасти страшные, через которые нет приступа ни с какой стороны.

Из трех же стен первая была построена Давидом и Соломоном очень крепкой и неприступной; она начинается от Конной башни и кончается у Соломоновой купели и Офела. Вторая начинается от Геннафских ворот, идет кругом до Антониевой крепости и там кончается. Третья идет от Конной башни до Мозаичной и кончается у Елениной гробницы и Царских пещер, где могила Красильщика сукон. Агриппа пристроил к ограде новые стены и назвал их «Везефа», что значит «Новый город», но не завершил постройки, из-за страха перед Клавдием, как бы тот не заподозрил, что огромная постройка предпринята для подготовки мятежа. Этот город не смогли бы взять, если бы Агриппа закончил стены, как начал: ведь он строил из камней в двадцать локтей толщиной и в десять шириной – их нельзя было ни прорубить железом, ни поколебать бараном. После того, как Агриппа прекратил строительство – как мы сказали, из-за страха, – иудеяне достроили стены до двадцати пяти локтей в высоту.

Храм же был создан на высокой горе, на вершине, на ровной площадке, а вокруг него – огромные пропасти. Царь Соломон построил стены с восточной стороны и сделал насыпь, а на ней – крытую галерею; с другой же стороны храм был неогорожен. И люди, в последующее время постоянно возвышая насыпь, сравнивали гору и расширили ее и, прорубив южные стены, огородили с этой стороны место вокруг храма. И, сделав ограду вокруг горы и трудясь свыше сил, завершили знаменитое сооружение – на это ушли долгие века и было истрачено священное сокровище, присылаемое со всей вселенной на почитание Бога. А где места были низкие, надстраивали на триста локтей камнями по сорок локтей толщиной. Множество средств и старание людей создавали строение превыше слова и ума и довершили то, в чем видящие могли удостовериться и чему слышащие не могли поверить.

А наверху они построили двойные крытые галереи, и колонны в них были каменные, по двадцать пять локтей в высоту, сделанные из цельного мрамора, белые; покрытие же

было из кедровых досок, хорошо отесанных. И храм был великолепен благодаря естественной красоте, так что зритель не скоро мог отвести глаза свои от этого зрелища; росписи же и ничего сделанного руками не было в нем. Кругом была стена на шесть верст, а двор не был покрыт, но украшен и вымощен различными встроенными камнями. И оттуда была устроена лестница ко второму храму, а перед ним – перегородка из камней высотой в три локтя, очень приятная на вид; и за ней стояли одинаковые столбы с надписями греческими, латинскими и еврейскими буквами, возвещающие закон соблюдения чистоты и запрет иноплеменникам входить внутрь. Они называли это «святое»; в него проходили по 14 ступеням, и верх был сделан четырехугольным. А над теми надписями висела четвертая надпись, теми же буквами, возвещающая об Иисусе, царе не царствовавшем, распятом иудеями за то, что он предсказывал разорение города и запустение храма.

А на восточной стороне были ворота и место, отведенное женщинам для службы и молитвы, ибо через другие двери женщинам входить не подобало, так же как и переходить за ограду через свои двери. С западной же стороны не было ворот, но от края и до края было загорожено стенами. Крытые же галереи, которые были между воротами, обращенные внутрь от стен перед сокровищницей, стояли на больших мраморных колоннах.

Из ворот девять были окованы золотом и серебром, с косяками и притолоками, а одни, внешние, окованные коринфской медью, были еще прекраснее и драгоценнее, чем серебряные и позолоченные. Во всех воротах было по две двери; каждая дверь имела в высоту тридцать локтей, а в ширину пятнадцать; от ворот и до ворот – тридцать локтей. Ограда – мраморная, башнеобразная, высота ее более сорока локтей; и у каждой ограды стояли по две мраморные колонны, и величина всех была одинакова. Восточные ворота – коринфские – были пятьдесят локтей высотой, а двери – сорок локтей, и толщина золота и серебра на них была больше. Все остальные девять поковал Александр, отец Тиберия. Ступеней же было пятнадцать до больших ворот от места для женщин.

Сам же храм стоял посередине, священное святилище, имевшее двадцать две ступени, в которое нельзя было входить; высота его впереди сто локтей, а в ширину столько же; задняя его сторона на сорок локтей уже. Первые ворота имели в высоту семьдесят локтей, а в ширину двадцать пять локтей, дверей же они не имели – по подобию неба, недоступного взору. Все лицевые стороны были позолочены, и, прикинув к ним, можно было увидеть все внутреннее строение, сияющее золотом. Этот храм был перекрыт дважды, а первый храм стоял впереди, воздвигнутый на огромную высоту – девяносто локтей, а ширина – до пятидесяти, а в длину – до двадцати. Над этими воротами висели золотые лозы, а на них – золотые грозди, больше человеческого роста. Внутренняя отделка и двери были из чистого золота, пятьдесят пять локтей в высоту, а в ширину – шестнадцать. Перед ними висела завеса, равной ширины и длины; это была вавилонская пелена, сделанная из синей ткани и виссона, червленицы и багряницы – чудная видом, и вид ее был не без смысла, но заключал в себе образ всех вещей: ведь червленица служила образом огня, виссон – земли, синяя ткань – воздуха, а багряница – моря. Ведь червленица и синяя ткань видом подобны названным стихиям, виссон же и багряница по рождению близки один к земле, другая – к морю. Изображено же было на той завесе все, что видно на небе, согласно науке, кроме двенадцати небесных поясов.

Эта завеса до нашего поколения была цела, потому что люди были благочестивы, а теперь – жалко было смотреть на нее: ведь она внезапно разорвалась сверху донизу, когда творившего добро человека – и не человека деяниями – предали на убийство за мзду. И рассказывают о многих других страшных знамениях, случившихся тогда. Говорили, что он был убит и после погребения не найден во гробе – одни утверждали, что он воскрес, а другие – что был украден своими друзьями. Не знаю, кто из них ближе к правде: ведь мертвый не может сам собою воскреснуть, но лишь с помощью молитвы другого праведника, если только это не будет ангел или кто-нибудь иной из небесных сил, или сам Бог явится в образе человека и сотворит все, что хочет, и ходит среди людей, и погибнет, и

почиет, и воскреснет по своей воле. Другие же говорили, что украсть его невозможно, потому что вокруг его гроба посадили стражу: тысячу римлян и тысячу иудеев. Вот что рассказывают об этой завесе, и по этой причине разорвалась она.

Входившие внутрь попадали в нижний ярус храма, высота которого шестьдесят локтей, Место же это в шестьдесят локтей разделяется на две части: первая – в сорок локтей, в которой находились три вещи, изумительные, слава о которых распространилась повсюду, – светильник, стол и кадильница. На светильнике было семь лампад, по подобию семи звезд небесных, называемых планетами. На столе было двенадцать хлебов, подобно числу поясов небесных и по образу лет. На кадильнице же было тринадцать тимьянов, собираемых со всех морей, и со всей обитаемой земли, и со всех пустынь, означающих, что все от Бога и к Богу. Внутреннее же место – двадцать локтей, невидимое за другой завесой, и ничего в нем не стояло и не лежало, и оно было недоступно для входа и скверны и невидимо для всех, называемое «святая святых». И вдоль боковой стороны нижнего храма вплотную друг к другу стояло множество строений с тремя крышами, на высокой же стороне строения были не такие из-за тесноты.

Лицевая сторона храма, обращенная наружу, поражала глаза и души смотрящих: везде она была окована толстыми золотыми пластинами и при солнечном сиянии казалась пылающей огнем. Как на чистое солнце нельзя взглянуть, но жмурится всякий, так и глаза против воли смотрящих на него зажмуривались. Когда же смотрели на него, проходя мимо, он казался горой, покрытой снегом: в тех местах, где не было оковано золотом, он ярко сверкал белизной. Наверху же были всажены золотые острия – большие, длинные, частые и острые, как стрелы, чтобы никакая птица, сев, не осквернила верха. Камни, из которых он был построен, были по сорок пять локтей длиной, по пять высотой и шириной по шесть. Впереди был жертвенник высотой пятнадцать локтей, а в ширину восемь локтей и столько же в длину, сделанный четырехугольным, выступающий с одного угла наподобие рога; восходят же на него с южной стороны. Он был сделан без железа, и никогда не

прикоснется к нему железо. Вокруг же храма и жертвенника обходит, как венец, красивейшая каменная ограда, в локоть высотой, отгораживающая народ от священников. Прокаженным же и больным даже в город не позволяли входить, а женщинам запрещали переходить ту ограду, что между чистыми и нечистыми. И мужчин не очистившихся не допускали во внутренний двор, так же и священников.

Те из рода священников, кому нельзя было служить из-за слепоты, или хромоты, или увечной руки, входили внутрь со здоровыми и неувечными священниками, получая ту же часть, что и они, но в священные ризы не облачались. На жертвенник же и в храм входили священники непорочные, облекшиеся в виссон и воздерживающиеся в особенности от вина, опасаящиеся малейшего нарушения в службе. И первосвященник входил с ними не во все дни, но в субботы и первые дни месяца, а также в большие праздники, установленные предками. Когда он служил, ризы его отличались от священнических. Ибо перед он закрывал до голеней опоясывающей тканью, а низ – полотном; сверху он облачался в круглую ризу, достигающую до ног, сделанную из синей ткани. И кругом на ней висят золотые колокольчики и яблоки: колокольчики служат образом грома, а яблоки – молнии. И повязка прикрепляла ризу к груди, вокруг нее – пять поясов из золота, багряницы, червленицы, виссона и синей ткани, из которых была сделана и завеса, – почему, мы уже сказали. А над ней свисал омофор, сделанный из золота, имеющий вид брони. Внизу его – два щита, кованные из золота, и в середине у них – большие и прекрасные сардониксы, на которых написаны родоначальники колен иудейских. На другой стороне были прикреплены двенадцать камней, разделенных на четыре части: в первой сердолик, топаз, изумруд, во второй карбункул, яшма и сапфир, в третьей агат, аметист, лигурий, а в четвертой оникс, берилл, хризолит. Голову же он покрывал повязкой из виссона, сверху – синей тканью, а поверх – еще одним золотым венцом, на котором были написаны крестом священные буквы, составляющие четверицу. В эту ризу он не облачался в другое время, но только когда служил в святилище, куда никому нельзя

было входить, – один раз в год, когда все по обычаю говеют Богу. В другие же праздники он облачался в более простые ризы.

О городе, о храме, о дворе

О городе, о храме и об обычаях мы еще скажем, что опустили.

Крепость же, называемая Антониевой, была построена между двумя крытыми галереями храма, на высоком камне в 50 локтей высотой. Это было сооружение царя Ирода, который покрыл этот камень мраморными плитами от основания до верха – для красоты и ради пользы, чтобы невозможно было ни войти, ни выйти. И перед крепостью он построил стену в три локтя высотой и потом построил крепость 40 локтей в высоту. Ее внутреннее пространство было царским дворцом: прекрасные и удобные дома, крытые галереи, большие бани и широкие дворы для воинов. Поскольку там было все необходимое, она была похожа на сильный город; поскольку все в ней было прекрасно и разнообразно – на царское жилище. Имея вид башни, она по четырем углам была окружена башнями, три были в высоту по пятьдесят локтей, а четвертая на восточной стороне – семьдесят локтей, так что с нее можно было видеть храм, и на ней сидела римская стража с оружием, наблюдая во время праздников, чтобы народ не поднял мятеж. Таким образом, кремль вокруг храма был по отношению к городу как детинец, а Антониева крепость – еще более укрепленной, чем храмовый кремль. Верхний же город имел свой особый детинец – Иродовы палаты. Везефа же отделяется от Антониевой крепости и с северной стороны смотрит на храм. О городе и о стенах, насколько мог, я рассказал.

О взятии Иерусалима

Мятежники, все дни ведя из храма бой с теми, кто делал насыпь, в 26-й день указанного месяца устроили такую хитрость: заднюю крытую галерею между верхней перекладиной и крышей наполнили хворостом со смолой и серой, а потом притворились, что убегают. И тогда многие, неосмотрительно бросившись, напали на отступивших, поставили лестницы и влезли вверх на галерею. И сразу же иудеяне подожгли их, и

огонь, разгоревшись, окружил всех отовсюду, и они, бессильные что-либо предпринять, бросались назад в пропасть или падали к противникам; некоторые сгорели, а иные погибли от меча. Цезарь же разгневался было на погибших за то, что они влезли без приказа, но, однако, проникся к ним жалостью. И поскольку никто не мог им помочь, утешением для горящих было то, что их видел цезарь, за которого каждый из них полагал душу; крича, прыгая, умоляя друг друга помочь, если кто может, и испуская радостные возгласы, они умирали с похвалою и весельем. А некоторые, прибежав к широкой стене галереи, спаслись от огня. Обступившие их иудеяне рубились с ними, и они все погибли.

Один же из них, юноша по имени Логин, совершил поступок, достойный памяти. Иудеяне не могли его убить и давали руку, упрашивая, чтобы он слез к ним. Но его брат Корнелий, стоя напротив него, кричал ему, чтобы он не посрамил своего рода и не навлек позора на римских воинов. И тот, послушав его, извлек меч на глазах у всех и вонзил в себя. Только Арторий хитростью спасся от огня: он позвал своего товарища Луция и громко сказал ему: «Тебя оставляю наследником своего имущества, если ты подойдешь и поймаешь меня». И когда тот быстро подбежал, он рухнул на него и остался жив; Луций же был повален тяжестью и, упав лицом на камень, умер.

Эта хитрость на некоторое время повергла в уныние римлян, но потом они научились остерегаться хитрости иудеян, потому что им часто вредило незнание местности, где стоял город, и нрава его жителей. И сожжены были галереи до башни Иоанна, которую тот построил, когда воевал с Симоном. На следующее утро римляне сожгли северные галереи.

А в городе угасающие от голода падали как листья и как песок, и страдания их были неописуемы. Во всех домах, если появлялась хотя бы тень крошки, то начиналось побоище, и любимые родственники дрались врукопашную, выдавливая из горла скверное извержение души. Не верили даже умирающим: разбойники обыскивали испускающих душу, проверяя, не притворяется ли человек умирающим, скрывая пищу за пазухой. И с раскрытым ртом, как бешеные псы, толкаясь в двери, они не

попадали в них и уклонялись туда, куда не хотели, будто пьяные. И, поскольку не могли нигде найти ничего съестного, входили в один и тот же дом по три и четыре раза за один час. И все, что находили, нужда заставляла тащить в рот. И что непотребно скверным бессловесным животным, то сами, выбирая, поедали с радостью и под конец не гнушались ни поясов, ни сапог, ни кож со щитов, но раздирая их, ели с удовольствием. Если же кто находил сгнившее сено или солому, то это была для них как будто пища, приправленная благоуханными травами. А некоторые, собирая сухие стебельки, продавали полгривны веса за четыре аттических золотых, что равно восьми золотым червонного золота. Но зачем я так много говорю о голодной нужде? Перехожу к рассказу о происшествии, подобное которому не было описано ни у эллинов, ни у варваров, о котором страшно рассказывать и, слушая, невозможно поверить. Я же прошу потомков не думать, что я лгу; я с радостью опустил бы этот страшный рассказ, если бы не было бесчисленных свидетелей и очевидцев; да и плохую службу сослужу я моему отечеству, если скрою страдания, которые претерпели люди.

Одна женщина, живущая по ту сторону Иордана, по имени Мария, дочь Елеазара, из села Батехор, что значит «дом иссопа», известная своею знатностью и богатством, прибежала среди прочих в Иерусалим. Ее имущество – то, что она сберегла и принесла с того берега Иордана, – разграбили мучители и не оставили ничего из дорогой утвари, а всю пищу, которую удавалось раздобыть, отнимали, являясь каждый день. И лютый гнев охватил эту женщину, и, браня и кляня расхитителей, она стала подстрекать их, чтобы кто-нибудь убил ее. Потом, видя, что никто не думает убивать ее ни из гнева, ни из жалости, она мучилась в поисках съестного, ходя к другим. И поскольку не могла найти ничего, а голод пронизывал утробу и мозг, взяв в советчики нужду, устремилась на свое естество. Был у нее грудной младенец; и, взяв его на руки, сказала она ему: «Милый малютка! Вокруг нас война, голод и мятеж. Для кого мне тебя хранить? Если римляне нас возьмут, там тяжкое и нестерпимое рабство; если же они не успеют, тогда нас сразит

голод; а мятежники страшнее и того, и другого. Ступай же, дитя, туда, откуда вышел, и будь мне пища, а мятежникам проклятие, и веку притча о том, до чего дошла жизнь иудеян!» И сказав так, заколола своего сына и испекла, потом разделила его на две половины и одну съела, а другую, накрыв, оставила. И тут же мятежники, явившись, по обыкновению, и учуяв скверный смрад, приступили, угрожая убить ее, если она не покажет, что припасла. А она ответила: «Добрую часть я оставила вам!» – и открыла им, что осталось от ребенка. Когда же они увидели, их охватил страх, трепет и ужас, и они окаменели перед этим зрелищем. Она же сказала: «Вот дитя мое, мною рожденное, и дело – моих рук. Съешьте, ведь и я ела. И не будьте мягче женщины и жалостливее матери. Если же вы благочестивы и отвергаете мое заклятие, то я уже ела, и остальное оставьте мне». После этого они, трепеща, вышли: только этого они уstraшили и насилу эту пищу отказались взять у матери. И сразу по всему городу прошла весть об этой скверне, и каждый воочию представил себе это ужасное деяние и содрогнулся, как если бы сам его сотворил. Голодные жаждали быстрее умереть и считали счастливыми тех, кто умер прежде, чем увидел такое зло.

Вскоре и к римлянам принесли весть об этом ужасном событии, и некоторые из них не поверили, другие преисполнились к ним жалости, а иные – глубокого омерзения. А цезарь оправдывался в этом перед Богом, говоря, что: «Я даю иудеям мир и свободную жизнь и не вспомнил бы их непокорства и всего зла, которое они сотворили. Они же предпочли согласию мятеж, миру войну, а сытости и изобилию – страдания и голод. И теперь своими руками начали поджигать святилище, которое я берег до сих пор. А потому они достойны принимать такую пищу и поплатиться за мерзость чадоядения падением города, чтобы не остались они живы во вселенной, да не смотрит солнце на город, в котором матери едят своих детей. Раньше матерей это следовало бы сделать отцам за то, что, видя такой ужас, они до сих пор не складывают оружия». И сказав так, он задумался о том, насколько отчаялись эти люди, что не хотят раскаяться и не приемлют здравомыслия.

И когда два полка закончили насыпь в восьмой день месяца лоя, то есть августа, он приказал поставить бараны с западной стороны внутреннего храма. Перед этим Победитель – самый большой баран – в течение шести дней без перерыва наносил удары, но не смог ничего разбить. Другие же подкопали под северными воротами построенное основание и с большим трудом насилу вывалили три передних камня, однако стены не обрушились, но стояли крепко. И римляне, не в силах сокрушить их ни баранами, ни железом, ни чем-либо еще, приставили лестницы к галереям. Иудеяне же не успели воспрепятствовать им влезть наверх, но затем, прибежав, схватились с взобравшимися и крепко бились. И одних сбрасывали вниз, других низвергали в пропасть, третьих закалывали, а тех, кто только что влез и еще не успел взять щит, опережая, зарубали, иных же, сталкивая с лестниц, сбрасывали вниз. А римляне в другом месте подняли значки цезаря. Иудеяне же, сбежавшись, учинили лютую сечу, пытаясь отнять их. А те, считая, что лишиться их – значит навлечь на себя бесславный позор, бились не уступая, пока все не погибли. А иудеяне, отняв значки и перебив влезших на галереи, похвалялись так, будто убили или взяли в плен самого цезаря. Из римлян же никто не погиб, не отомстив, но каждый был убит, убив прежде сам. И Тит, видя, что щадит храм во вред своим воинам, приказал поджечь ворота.

И тогда прибежали к нему Анан из Еммауса и Архелай, сын Магадата, надеясь получить от него прощение, потому что прибежали после победы иудеян. Но Тит думал, что они пришли с хитростью, и, наслышанный о непреклонности иудеян, велел убить их, говоря, что: «Вынужденно вы пришли, а не по своей воле, и не достойны спасения, потому что прибежали, видя, что уже горит отечество». Но, однако, не желая поступить вероломно, укротил свой гнев и отпустил их, но участь им была уготована не та же, что другим.

А воины подожгли серебряные ворота, и когда серебро начало плавиться, от пламени занялись доски, и оттуда внезапно пламя перекинулось на галереи. Когда иудеяне увидели пламя вокруг себя, тела и души их обессилели, и от

ужаса никто не двигался тушить, но все стояли на одном месте и смотрели. Потом к ним, сильно удрученным, вернулся разум, но не здоровый, и они страшно разъярились на римлян. В тот день и ночь огонь палил по пристройкам и галереям.

Когда же наступило утро, Тит послал погасить огонь, разобрать то, что сгорело, и расширить путь для полков. И призвал шестерых верховных военачальников: Тиберия Александра, Секста Цереалия, Ларция Лепида, Тита Фригийского, Фронтон Этернина, Марка Антония Юлиана, наместника Иудеи, и держал с ними совет о храме. Одни из них сказали, что с ним нужно поступить по закону войны, потому что иудеяне не прекратят мятеж, пока стоит храм, в который они собираются отовсюду. Другие же сказали: «Если иудеяне оставят храм и не будут братья в нем за оружие, то его следует сохранить; если же будут оттуда биться, то поджечь его: ведь тогда его нужно назвать боевой крепостью, а не храмом. Беззаконие же исходит не от нас, но от вынудивших нас это сделать». А Тит сказал: «Если даже иудеяне будут сражаться, находясь в нем, я все равно никогда не погублю вместо них неживое и не сожгу такое огромное и прекрасное сооружение. Ведь если храм погибнет, это будет во вред римлянам, если же сохранится, то будет украшением нашей власти». К этому мнению присоединились Фронтон и Александр. И тогда он распустил совет и велел военачальникам отдохнуть вместе с воинами, чтобы наутро с новыми силами изготавиться к бою.

В тот день усталость и ужас сдержали устремление иудеян. Наутро же, собрав все силы и надежду, они выбежали во втором часу дня через восточные ворота и напали на стражу снаружи храма. Те стойко выдержали их нападение: вооружившись, стали против них как стена, изготавившись тесным строем, но яростные набеги иудеян одолевали их. Тит заметил, что они отступают, – он видел все с Антониевой крепости – и пришел с избранными воинами на помощь. Иудеяне не выдержали его прихода, но, после того как передние пали, остальные разбежались. Когда же римляне начинали отступать, они возвращались и нападали на них, когда же те возвращались, они убегали. Так продолжалось до пятого

часа дня, пока, бежав, они не затворились во внутреннем храме.

Как подожен был храм, и о знамениях перед гибелью Иерусалима, и как Симон и Иоанн призвали Тита на беседу, Тит же повелел возразить на их речи; они же не покорялись, и Тит приказал больше их не щадить

Тит отступил к Антониевой крепости и изготовил воинов, чтобы наутро они все, подойдя, окружили храм. Бог же судил иначе и давно положил ему погибнуть от огня. И приспел судный день в конце года, в десятый день месяца лоя, в который он в давние времена был сожжен вавилонским царем. Огонь начался от своих. Ибо когда Тит отступил, иудеяне, передохнув немного, снова устремились на римлян, и те, одолев иудеян, преследовали их до самого храма и сами вошли за ними. И тут один из воинов, не дождавшись приказа цезаря и не убоявшись демоном внушенного начинания, в ярости выхватил огонь изнутри и, встав на плечо товарища, достал до золотого оконца и до дверей, через которые можно было добраться до строений, окружавших храм. Огонь стал разгораться, и иудеяне, с таким криком и воплем, которого заслуживало это страшное дело, побежали, дабы воспрепятствовать римлянам и отомстить, не щадя жизни, не помышляя о спасении и позабыв об осторожности.

И кто-то, прибежав, возвестил Титу. Он же в шатре отдыхал от брани. И немедленно, вскочив, побежал к храму, чтобы погасить огонь. И за ним направились все военачальники, а вслед им шли полки в страхе, и стоял крик и большое смятение, когда такая огромная сила пришла в движение без порядка. А цезарь голосом и рукой приказывал воинам погасить огонь. Они же не слушали даже его крика, – потому что уши их не слышали из-за ратного шума, – и не замечали знаков, которые он делал рукой.

Одни смотрели на врагов, кто кого убьет, другим гнев затворил уши, и когда полки бежали, ни приказ, или запрет, ни просьба не могли удержать их устремления, но ярость предводительствовала всеми и гнев охватил всех. И, давась в тесноте, многие были затоптаны своими, а многие, наступая на

горящие камни и на пепел и не сумев выбраться, сгорели. А те, что стояли возле церкви, притворялись, будто не слышат приказов цезаря, но каждый из них велел стоящему рядом поджигать еще больше. Мятежники же метались, не зная, что предпринять; и повсюду шел бой, текла кровь и бежали воины. А народ – людей беспомощных и безоружных – убивали там, где кого настигали. У жертвенника скопилось множество мертвых, а кровь текла как река, и поток крови увлекал трупы.

Цезарь, увидев, что не может удержать устремления воинов и что огонь одолевает, вошел с военачальниками внутрь и увидел святилище храма, который он жаждал увидеть, и все, что было в нем, о чем шла слава не только среди своих людей, но и иноплеменников, – чудное, достойное славы и прекрасное. Поскольку пламя еще не проникло внутрь, но распространялось по окрестным строениям, Тит, думая, что еще возможно спасти здание от огня, подскочил и начал сам гасить огонь и заставлял воинов. Он приставил сотника Либералия бить неповинующихся, чтобы воспрепятствовать огню. Но, охваченные гневом и ненавистью к иудеям, они уже перестали почитать и бояться цезаря, и ратное рвение пылало сильнее пламени. А многие, надеясь пограбить, поджигали еще больше, думая, что внутри все наполнено богатствами, потому что видели, что кругом было золотое убранство. Когда же цезарь вышел, чтобы остановить воинов, кто-то бросил огонь в темные внутренние двери – и внезапно изнутри показалось пламя; тогда отступили военачальники с цезарем и больше уже никого не останавливали. Так был подожжен храм, против воли цезаря.

Творение, достойное великого плача, самое удивительное из всех, сколько мы слышали и видели, и строением, и величию, и красотой, и убранством, и славой своих святынь. Но глубоко утешится тот, кто подумает о суде Божьем, которого не может избежать ни обладающее душой, ни то, что души не имеет, ни дело, ни место. И подивится кто-нибудь кругу времен: судьба соблюла и тот же месяц, и тот же день, в который, как мы сказали, в давние времена вавилоняне сожгли этот храм. От первоначальной постройки его, начатой царем Соломоном, до

нынешнего разрушения, которое случилось в два года правления цезаря Веспасиана, насчитывается 1130 лет, 7 месяцев и 15 дней, а от последней постройки, которую предпринял Аггей во 2-й год царствования Кира, до этого пленения насчитывается 639 лет, один месяц и 15 дней.

Пока храм горел, было разграблено и расхищено все, что удавалось найти; и все, кого настигало железо, погибли, и не было пощады никакому возрасту, ни уважения к благообразию, но и дети, и старцы, и нечистые, и священники – все равно приняли смерть, ибо война захватила всех сражающихся и молящихся. И в то время как выло пламя, гремели вопли и стоны погибающих. Из-за высоты горы и огромных размеров горящего сооружения глядящий издалека сказал бы, что горит весь город. И невозможно вообразить ничего более жуткого и страшного, чем тогдашний вопль: ибо и римские полки кричали, мечась, и мятежники, окруженные огнем и битвой, испускали вопли, и те, кто уцелел, бежали в ужасе, крича и плача при виде бедствия; и ко многим иссохшим от голода и видевшим смежающимися глазами огонь в храме, вернулись силы кричать и плакать. И на крик отзывались окрестные горы и леса. И повсюду было смятение и лютый ужас, и казалось, что гора, на которой стоял храм, выпрыгивает из основания, потому что вся она покрылась пламенем. Но кровь была обильнее огня, и убиваемых было больше, чем убивающих, и земли не было видно, потому что вся она была покрыта трупами. Но воины гнались за убегающими даже попирая груды мертвецов. Мятежники же, едва пробившись, сбегались к внешнему храму и оттуда – к городу, а остальной народ вбежал во внешнюю галерею. Священники поначалу кидали в римлян железные вертела, выламывая у них основания; потом, когда до них дошел огонь, отступили к стене шириной в 8 локтей. А двое из именитых граждан бросились в огонь и сгорели вместе с храмом – Миир, сын Вельги, и Иосиф, сын Далей.

Римляне, полагая, что ни к чему щадить окрестные строения, когда храм сожжен, подожгли галереи, двери и ворота, кроме двоих – восточных и южных, а потом, пожалев об этом, и те разрушили; сожгли и сокровищницу, где хранилось

большое богатство: там лежали и ризы, и покрывала, и бесчисленные сосуды, – одним словом, все богатство иудеев было здесь собрано и все домашнее имущество богатых. Они пришли и в уцелевшую внешнюю галерею, в которую сбежались жены и дети и прочий люд всякого рода, числом 6000. И не дожидаясь приказания цезаря или военачальников, преисполнившиеся гнева воины подожгли их, и все погибли, и никто от них не спасся – одни бросались в огонь, а другие сгорели на месте.

О знамениях перед гибелью Иерусалима

А виновником этой гибели людей был один лжепророк, который в те дни возвещал горожанам, что: «Бог велит вам войти в храм и принять знамение спасения». Этих лжепророков Иоанн с Симоном послали к людям с заповедью – ждать Божьей помощи, чтобы они не бежали к римлянам. А в беде – так обычно бывает – всякий верит любому, кто возвестит ему избавление от несчастий. И если кто-то обманывает и говорит приятную ложь, то ему верят и на него возлагают всю надежду.

Вот почему и этот многострадальный народ внимал обманщикам и лгунам о Боге, а говорящим правду и предвещающим грядущее опустошение знамениям и явлениям не внимал и не верил; и как безумные, не имеющие ни глаз, ни души, не послушали они Божественного предупреждения. И не уразумели, когда над городом встала звезда, подобная копью, и стояла целый год – она называется комета, потому что вся волосатая. И кроме того, перед началом войны, когда народ собирался к празднику опресноков в 8-й день месяца ксанфика, то есть апреля, в девятый час ночи такой свет воссиял на жертвеннике и на храме, как будто был ясный день, и это продолжалось с полчаса. Неразумные считали, что это благое знамение, но сведущие в священных книгах рассудили в соответствии с исходом. В тот же праздник кем-то была приведена корова на заклание, и, стоя посреди храма, она родила ягненка. А восточные внутренние ворота, медные и толстые, которые с трудом задвигали 20 человек, с железными петлями и запорами и глубоким косяком, сделанным из длинного камня, – оказались в 6-й час ночи отворившимися

сами собой. Прибежавшие сторожа храма оповестили начальника, и тот, явившись с немалым числом людей, едва смог их закрыть. И это знамение сочли за благое: думали, что Бог отворит им двери благие. Но книжники поняли, что крепость храма разрушится сама собой и без труда откроется перед врагами, и опустеет святилище. А спустя немного дней после праздника, в 21-й день месяца артемисия, то есть мая, явилось какое-то невероятное демонское видение. Услышавший об этом решил бы, что это басни и чародейство, если бы не видели и не рассказали многие, и страшные несчастья последовали под стать видению. Так вот, перед заходом солнца по воздуху и по небу явились по всей иудейской земле колесницы и полки с оружием, скачущие сквозь облака и окружающие города. В праздник же, называемый пятидесятница, священники, войдя, как обычно, ночью во внутренний храм на службу, сначала почувствовали сотрясение и гром, а потом внезапно услышали голос, который сказал: «Уйдем отсюда!» А вот что было страшнее всего остального.

Об Иисусе, сыне Анана, о шести голосах

Некто Иисус, сын Анана, из простых, не книжник, за четыре года до войны, когда в городе еще был мир и изобилие, придя на праздник, во время которого все по обычаю отмечают установление куш, стоя в храме, начал внезапно вопить: «Голос с востока, голос с запада, голос с четырех ветров, голос на Иерусалим и на храм, голос на женихов и невест, голос на весь народ». Он повторял это, вопия все дни и ночи, обходя по стогам. И некоторые из знатных горожан разгневались на него за его дурные речи и, схватив, много и сильно били. А он, не ставя побои ни во что, не просил о себе и не отвечал своему мучителю, но только вопиял то же, что и прежде. Власти же иерусалимские, думая, что некая высшая сила подвигает его на этот вопль, привели его к римскому наместнику, где его били прутьями и бичами до костей, а он, не ведая ни боли, ни слез, еще больше, через силу, кричал тем же скорбным голосом: «Горе, горе Иерусалиму!» И когда Альбин – он был тогда римским наместником – спрашивал его: «Кто ты? Откуда? И почему так кричишь?», – он не отвечал ничего на его речи и не

переставал сплетать плач по городу, пока Альбин не отпустил его, сочтя безумным. А он после этого ни к кому не пришел и не объявился, пока не началась война. И потом все дни, как будто выучив молитву, вопил, рыдая: «Горе, горе Иерусалиму!», не отвечая бьющим его, не кляня поносивших его, не благословляя подававших ему пищу. И один только этот печальный ответ был ко всем 7 лет и 5 месяцев, и голос его не умолк, и он не знал усталости, пока не увидел войну, которую предсказывал, и после этого почил смертью. Ходя по забралам, он снова кричал: «Увы, увy городу, и людям, и храму!», и под конец добавил: «Увы, увy мне!» И тут же камень, прилетевший из порока, поразил его насмерть, и он испустил дух, еще произнося свое предсказание.

И если кто наделен добрым разумом, он увидит, что Бог промыслит за человека и всеми способами являет роду нашему, что для нас во спасение; мы же погибаем из-за неразумия и из-за того, что творим зло по своей воле. Бог являет знамения гнева, чтобы люди уразумели Божий гнев, оставили творить зло и тем умилиствовали Бога. Но хотя иудеям было пророчество, что из-за четырехугольной формы опустеет город и храм, они сами начали делать кресты для распятий – четырехугольные, как мы сказали. И после разрушения Антониевой башни построили четырехугольный храм. На войну же их подвигли двусмысленные предсказания, которые находятся в священных книгах; в них говорится, что некто из иудейской земли будет царствовать над всей вселенной. Их толковали по-разному: одни считали, что это об Ироде, другие – о распятом чудотворце Иусе, а третьи – о Веспасиане. Однако невозможно людям уйти от судьбы, даже если они и предвидят грядущее. Иудеи же толковали знамения, как хотели, извращая их себе в угоду, а всех остальных поносили, пока не погубили себя и отечество, сами себя обличили и посрамили и показали свое безумие.

* * *

Како Отапатъ взять бысть

Уеспасиянь⁵⁷⁸ же се съ своимъ сыномъ Титомъ⁵⁷⁹ и въ Птолѣмадѣ⁵⁸⁰ пребываа, искушаше вои и писаше, кождо какъ ихъ есть. И Плакида же, иже бысть посланъ на воевание

галилѣйско, хотя славу взяти, и устрѣмися на Иотопатъ,⁵⁸¹ иже есть стлѣный градъ галилѣйскій и твержій. Но не улучи упования. Граждане же очютивше пришествіе ихъ, сташа прѣдъ градомъ исплѣчившеся, и снемшеся съ римскими плѣкы, скоро побѣдиша ихъ, и язвивше много ихъ, и убивше 7 мужъ. Зане не обычай имъ есть обратити плещи, когда побѣжени будутъ, но тихо отступаютъ, яко не знати бѣгания ихъ.

И абие Еуспасианъ *погна* от Птоломаиды и на Галилѣю, и повелѣ воемъ ходити яко обычай есть римляномъ: стрѣлцемъ *и легкооружником* напередѣ, да блюдутъ внезапнаго приезда противныхъ *и* испытуютъ, егда когда будутъ съкрыти вои по лѣсомъ; и по нихъ ити *бронистѣцемъ*, едина чясть конникъ, а другаа пешець; и по нихъ путедѣлци, идеже тѣсно и люто, сѣкуще и равнающе, да не трудятся лютымъ путемъ; и по нихъ *игемонъ* товаръ и воеводстий *и* конници на съблюденіе его; и потомъ съ избранными сам конники и пешци; и по немъ осли и мскы, несущѣ съсуды, имиже грады вѣзимаху; и по тѣхъ начялници *спирамъ*⁵⁸² *и* воеводы, окрестъ же ихъ избранныи вои; и потомъ хоругви наричемыи орелъ, зане се есть цѣсарь всѣмъ птицамъ и крѣплій всѣхъ, и устрѣтеніе его побѣды являеть. И тѣмъ вѣслѣдоваху трубници, и по нихъ плѣкъ, расширився на 6 частѣй; и по нихъ сотникъ *призирая* чины; и по нихъ стражие конници и пешци съ оружиемъ, стрегуще зада.

И видѣвше ихъ галилѣяне ужасошася вси, и мнози начяша раскаиватися. Иже окрестъ Иосифа, прежде видѣнія *разбѣгошася* съ Иосифомъ къ Тивириадѣ.⁵⁸³

Исплѣнишася страха вси тивириане, разумѣюще, яко не бѣжалъ бы *и* Иосифъ, аще бы ся не отчаялъ. То смотряше, како конецъ будетъ иудѣомъ, и вѣдѣаше, яко нѣсть имъ спасенія, аще не покаются, а самъ чаяше прощенія от римлянъ. Но обаче съ людьми изволи умрѣти, негли предати отечество и власть, преданную ему. *И* написа къ властелемъ иерусалимъскимъ о всемъ съ истинною, да или миръ изволятъ, или прислютъ ему помощь.

Еусписианъ же взя Гадарю⁵⁸⁴ и окрѣстняя вѣси, не пощаде от стара и до младенецъ, но вся ножу предасть. И потомъ иде на Етапату. И слыша Иосифъ, пришедъ тамо от Тивириады, и

укрѣпи мѣшцы иудѣйскы. И некоему *благовѣстовавшу* къ Еуспасиану Иосифово пришествие, и абие той тосняся, мня всю Иудѣю взяти, аще Иосифа имуть, посла Плакиду съ тысящею конникъ, да объступятъ градъ, да бы не выбежалъ Иосифъ. Самъ же по единомъ дни поемъ всю силу, иде на Етапату до полудне, и *двѣма* плѣкома пешець объступи градъ, а конники за тѣми постави, загражаа имъ вся пути.

Июдеи же, вышедъ прѣд врата, сташа. Еуспасианъ пусти на ня стрѣлци, и пристави праща⁵⁸⁵ и вся далѣ пущаемаа. Сам же съ пешци на пригорня мѣста *иде*, идеже мощно раскопати стѣны. И убоявся Иосифъ *выскочи*, и с нимъ вси иудѣи, и сняшася с римляны и отгнаша а. И сѣкъшеся весь день, на ноцъ разидошася. И тогда от римлянъ мнози быша язвени, три убитии, от жидовъ же язвени 600 и 17 *и* падоша же.

Наутрия вышедъше *нападоша* на римляны велми крѣпле. Обрѣтоша же ся противнии крѣплъше ихъ. До пятого дне бишася, и бысть видѣти ломъ копийный, и скрежтание мечное, и щити *искѣпани*, и мужи носими, *и* землю напоиша кровий. А ни иудѣи римлянъ не устрашивахуся, ни римляне трудяхутся, зряще твердости града.

Сей бо градъ весь стоитъ над пропастию, яко не мощно очима чловѣческыма дозрѣти глубины, токмо от севера приступъ малъ, зане къ дебри кончашася стѣны. Еуспасианъ же, противляся утверждению града и крѣпости иудѣйской, и призва властелины своя, и повелѣ воемъ носити прѣсть, и хворостъ, и камене, и абие расшедъшеся понесоша. И устроивше желѣвы,⁵⁸⁶ да быша не пакостили из града, и наплѣниша пропасти. Иудѣи же камене велико пуцаху на ня, но не успѣша ничтоже.

Уеспасианъ же постави окрестъ града *стѣнобиичныя* съсуды; бѣше ихъ 60, и *трекапный*⁵⁸⁷ камень метяху порочами, и сулицы⁵⁸⁸ из лукъ пущаемы шумяху, *и* стрѣлы помрачиша свѣтъ. И тѣмъ не смѣша жидове лѣсти на стѣны, възбраняеми суще от вышня мѣсти. Выристаху же яко разбойници изъ вратъ, внезапу желевъ отторгаху, и под нею стоящихъ сѣяху.

Еуспасианъ же повелѣ покровъ сѣтворити от конецъ до конецъ града и *приспу* выше града. Иосифъ же, видѣвъ,

съвокупи дѣлатели, да быша выше въздѣлали *стѣны*. Онем же не могущимъ от камениа и стрѣль, и сей покровъ имъ устрои новодраными кожами волуями. И тако дѣлающе за нощъ и день *въздаша* 20 лакоть възвыше стѣны, имже велика бысть печаль Еуспасиану, зане не помысли, что сътворити высотъ той противу. И отозва воя и сѣде около града думаа, да гладом възмѣтъ я.

Онем же обилие бысть всякого брашна, оскуде же в нихъ соль и вода, зане не бысть источника, ни кладязя внутрь града. Еуспасианъ же... яко жажду *предадятся* ему. Иосифъ же, хотя преломити упование его, повелѣ измочити много ризъ и повесити на стѣнахъ, да *каплетъ* из нихъ, имже печаль и ужасъ приа римляны. И гемонъ, отчаався гладное взятие, *възвратися* пакы на оружие и на нужю, егоже жадаху иудѣи: отчаявъше бо себе и градъ, изволиша умрѣти от рати, негли от глада и жажда. И по вся дни жидовое *биуцеся вси* побиени быша, и мало ихъ остася. Рассмотрѣвъ Иосифъ, яко нѣсть уже спасения, думаше побѣгнути изъ града. И разумѣвше народи, *обиступлеше* и моляхуся ему, да не презрит их в той бѣдѣ, въздвигающе упование свое на нь на единаго: «Аще бо и еще пребудеши с нами, то вси на рати бодри будем тебе ради; аще ли отидеши, то мы пленени будем». Он же, промышляя о своей главѣ, глаголаше им, яко: «Вас дѣля выхожу, да събравъ воя внезапу нападу на супостаты. Ти бо, оже слышат мя вышедша от вас, град оставлеше, и по мнѣ женут». Таковая рекшу ему, не послушаша людие, но и дѣти, и старии, и жены съ младенци, болма *разгорѣвшися любовию к нему*, припадаху к ногама его, молящеся, да не отступить от нихъ. И сей, видя вопль и *рыдание* ихъ, *ослабься* рече: «Нынѣ врѣмя, о друзи, обрѣсти славу некончаную и сътворити что мужеское на память послѣднимъ».

И събравъ крѣпльшихъ, иде на стражи и разгна их, и сѣчяше я до обрытия, и желевъ *раздруши* и покровъ ихъ, и приспу раскопа, и дѣла ихъ зажже; и по три дни и по три нощи не опочиваа то творя. Еуспасианъ же *то* видя воя своя неумышляюща противу ристанию иудѣйску, и повелѣ не сниматися съ чловѣкы, жаждующихъ смрѣти: нѣсть бо *крепле*

ничтоже отчаявшихся *крѣпле* и неволею биющихся. И повелѣ *аравскиимъ* стрѣлцемъ и сурьскимъ *порочникомъ*, да борются съ иудѣи. Си же идуще и тѣла не щадяще, нападаху на римляны лютии, *поминующе* стрѣлци.

И пакы Еуспасианъ исплъчи воя якоже прѣжде, и стрѣлци застави, и въздѣлаша приспу. И поставиша овенъ, еже есть дрѣво велико и тлѣсто, подобно шеглѣ корабельной, а в конецъ же его всажено желѣзо велико рогато, имже и *овенъ* наречется. И *врывше* двѣ дрѣве яко рососе, и между има положыше и *оборсавше* ужи множество людей и влекуще биаху. И стрѣлцемъ *стрѣляющимъ*, и суличникомъ сулицами сующимъ, и порочникомъ камение пушающимъ, и не смѣюще иудѣи стати на забралѣхъ.⁵⁸⁹ Потомъ же безъ страха биаху стѣны овномъ, и множеству на единомъ мѣсте биющимъ, и трясахуся стѣны. Иосифъ же наплъни мѣхы половы, *сѣбра* и повеси, и идеже *влечаху* овна, то на то мѣсто *влечяху* мѣхы, и не бысть пакости стѣнамъ, *възбраняючи* овну мѣхы. Римляне же, привязывающе срѣпы къ стружнемъ, отрѣзываху мѣхы. Иудѣи же отчаявшесе въземше лючь, и тростие, и хворостъ сухъ, и смолу и серу, и тремя мѣсты *вытекше* подожгоша приспу, и дѣла, и пороки, и овенъ. Римляне же ужасошася от шатания ихъ, разбѣгошася; и пламени обступившю ихъ, и не могуще утещи, сами ся рѣзаху.

Тогда мужъ нѣкто иудѣянинъ дѣло сътвори подобно памяти. Елеазаръ сей бысть Соммѣинъ сынъ, отечество же его весь галилѣйская. И сей подъемъ камень великъ зѣло, и пусти на овенъ, и отшибѣ главу его, и скочи съ забралъ и взя главу его срѣди римлянъ, и възвращься ста надъ градомъ, да будетъ всѣмъ явленно и славно, *и* дрѣжа овну главу. И прелѣтѣвше 5 стрѣлъ от заднихъ стрѣлецъ и удариша и, *и* уязвенъ свалися съ града съ овномъ.

И по семъ храбра явистася Нѣтиръ и Филипъ из града Рума: нападоста бо на десятый плѣкъ с такимъ шумомъ и с такою крѣпостию и скоростью, яко раздрушиста плѣкъ велий, *разгнаста* и побѣдиста, *и* не трѣпяще мужества ею, на няже *устремляется*. Иосифъ *вышедъ* съ людми, *разгна* пятый плѣкъ и вся оставшаа пожже, а основания приспы размѣта.

И утру же бывшую, Еуспасианъ, събравъ разбѣгшихся, поносяше имъ, занеже бѣжаша не прѣд воины, но прѣд разбойники, не стыдящеся ни воинскаго закона, ни отечскыя похвалы. И вси единомудшествующе третьюю приспу въздѣлаша, и овенъ въздѣлаша, и биаху *идѣже преже* пошибоша.

И ту нѣкто *из града* застрѣли Еуспасиана въ плесно, нъ съверху: удаление бо мѣста изя силу стрѣлную. И великъ мятежъ бысть римляномъ: окрестнии бо его, видѣвше кровь, възвѣстиша всѣмъ о язвѣ гемонстѣй. И страхъ велий на всѣхъ нападе, и охабльшеся градъвзятія, течяху скоро къ гемону. Прѣжде всѣхъ Титъ убояся о отци. Но скоро престаша от мятежа, гемонъ же обѣзавъ ногу и погна сквозѣ плѣкы своя, да быша узрѣли и, и ти видѣвше и обрадовашася и другъ друга пострѣкаша, на стѣны устремляющеся, мѣщающе своего гемона. И бысть видѣти падающа жиды акы снопы съ *забралъ*, но обаче *не слазяху съ стѣнъ*, но смръть прѣд очима видяще висяхуся и огнь, и желѣза и камене пуцаху на подстоящихъ. Но не успѣша ничтоже.

Но и нощи приспѣвши не опочиваху, стрѣлы же и сулицы пуцаемы множество убиваху, паче же всѣхъ порочна сила, иже и забрала отшибаху, и углы съкрушаху. Единому же от мужъ срази главу, и съскочи глава до трей врѣсть. И жена непраздна вышедши из дому, яко удари въ чрево ея, и вышебѣ младенецъ до врѣсты. Лють же вопль от женъ изъутра вѣста, плачь же и внешнихъ, и стенание до небеси идяше. Кровь зѣ *забралъ* течяше яко рѣкы, и моглъ бы кто по трупиа вѣлести въ градъ, яко по степенемъ. Мнози же *иоттапатианъ* тогда добрѣ страдавшие падоша, мнози же язвени быша. Стѣна же *всею* нощию биема овномъ съкрушися и паде. Жидове же облѣкшеся въ оружие, падшаа мѣста твердыху.

И утру бывшую Еуспасианъ покои воя от нощнаго труда мало, и потомъ иде на възимание града. И повелѣ конникомъ крѣпльшимъ, да съсѣдъ с *конь*, поидуть на падшаа мѣста, и по тѣхъ *плѣщем* храбрѣйшимъ, а прокъ конникъ постави по пригорию, да не *утечет* из града никтоже гражданъ. Стрѣлца же и порочники застави назадъ, да не дадять гражданамъ выникнути и-забралъ. И на мѣста, идеже стѣны цѣлы быша, ту

принесше лествица, да гражаномъ падшихъ мѣсть блюдушимъ, си безъ страха влѣзуть. Увѣдѣвъ же Иосифъ, повелѣ олово кипящее лѣяти на ня, имже иждежени своливахутся, и много ихъ иждежено бысть. И паки Еуспасиянъ повелѣ три сыны на приспѣ съдѣлати, по 50 лакоть възвыше, и поковаша а желѣзомъ, да не прикоснется ихъ огонь, и тверди будутъ тягостию. И възведъ на ня лучьшии стрѣлци, и суличники, и праки легкиа, и биахуть и яко из неба. Гражане же исподнии не могуще с вышними битися и видими с невидимыми усклабишася, но противляхутся, дѣндеже изнѣмогоша.

И потомъ выбѣже нѣкто из града и насочи къ Еуспасиану, яко: «Уже изнемогошася гражане бѣдѣниемъ и утружениемъ бесчисленнымъ бес престани. Но обаче можеши въ заутреню стражу⁵⁹⁰ взять град, отаи пришедъ: тружающимся бо день и ночь, а в зорѣ одолѣеть имъ сонъ, яко в той часъ отчающимся рати, и вси стрегущей спять». Онъ же не я вѣры сочившему, вѣдаа твердость иудѣйску и увѣрениа другъ къ другу. И прѣд тѣмъ ятъ нѣкоего иотапатанина и мучи и всѣми муками, и огнемъ, и желѣзомъ, да бы что повѣдалъ о внутренехъ. Ничтоже рекшу ему распя и, и умре смѣяся. И о семъ же чюяше, яко *не велмм далече рѣчи* его от истинны суть, и предасть и на съблюденіе. Сам же в насоченый часъ прииде съ вои къ граду съ млѣчяніемъ. И прѣвое възлѣзе на стѣны Титъ съ *Савиномъ* тысячьскимъ и по *нею Секостъ* и Плакида съ своими вои, избиша стража и внидоша въ градъ млѣчяще, и посредѣ града *ходящим* плѣнѣнии не очютиша: раздруши бо *силу* их трудный сонъ. Аще же кто въставъ, мѣглою не можаху видѣти, послучившися ей тогда над градомъ, дѣндеже свѣту бывшю, и внидоша вси вои, поминающе злаа, яже прияша от нихъ, не щадяху от стара и до младенца. И друзии, видяще кончину, сами ся зарѣзаху, а друзии по пещерамъ разбѣгошася... и Антоніа сотника да вдасть ему руку да не убиетъ его; и оному же безъ злобы простершу руку и безъ соблюденія, и той прободѣ ребра его копиемъ и уби и, прежде его *варивъ*. И въ той день вси видими убиени быша числомъ 60 тысящъ, плѣнныхъ же пять тысящъ, и градъ раздрушиша, и сыны ижжегоша. Иотопать же тако взять бысть, мѣсяца

панема,⁵⁹¹ еже *есть* иуль, въ третье на десять лѣто кесарства Неронова.⁵⁹²

Римляне же искаху Иосифа, гнѣвающесе на нь, и хотяще угодити гемону своему; въ трупѣи искаху и въ тайныхъ мѣстехъ градныхъ.

Какѡ Иосифъ въскочи въ яму

Онъ же егда възимаху градъ, Богу поспѣшествующю ему, украдесе средѣ вой, и въскочи въ яму глубоку, от неяже бѣ путь невидимъ къ пещере, и ту обрѣте 40 мужъ лучшихъ таящихся, и всяка пристроя ту бысть, яже на потребу тѣлу. Стражие бо сѣдяху около града, и не мощно бысть убѣжати. И по два дни таяшесе. Въ третій же день, нѣкую жену емше стражие мучяху, и та мучима, исповѣда на того и яже с нимъ. Абие Еуспасианъ посла два тысячьскаа съ тщаниемъ, Павлина и Галикана, *вывабити* Иосифа и вдати ему руку. И та шедша молястася ему, на спасение десницу даяста, но сей не послуша бояся мучения, зане зла много створилъ имъ при брани. И гемонъ же и третиаго тысячьскаго посла къ нему знаемаго друга, именемъ *Никанора*. И сей пришедъ почиташе ему римскую кротость и милосердіа плѣннымъ, и приложи, яко храбрѣства его дѣля и мудрости не възненавидятъ, но паче дивятся. «Гемонъ же теснѣтся вывести тя къ собѣ не на муку, но хранити тя хотя. Аще бы хотѣлъ на зло тя вабити, то не послалъ бы мене, друга твоего, ни азъ быхъ послушалъ его на прелесть тобѣ».

Иосифу же *двоумующу*, вои хотяху съ гнѣвомъ закурити пещеру. И сей *увѣдѣвъ* грозу ихъ, *въспомяну* сны нощныя, имже Богъ показа ему будущаа на иудѣя *бѣды*. Бысть же на разрѣшение сномъ хитръ и мога разумѣти, яже Богъ кажетъ с покровомъ, и священныхъ книгъ пророческихъ не утаилося от него, зане иерѣй бысть и от иерѣйскаго племени родися. И въ той часъ духа исплѣнився, и рассуди страшнаа видѣнія соннаа, и принесе къ Богу тайную молитву глаголя: «Понеже иудѣйскъ родъ, зиждителю, ослаблено ми ся мнить прѣдъ твоима всевидящими очима и всю вазнь преводилъ еси на римляны и поручилъ еси имъ свою крѣпость, и мою душу избавилъ еси проповѣдати будущаа, и се твоимъ святымъ повелѣниемъ даю руцѣ римлянѡмъ волею, и кленуся святымъ твоимъ именемъ,

яко не живота дѣля въсхожу, ни предати хотя отечество, но послужити твоей славѣ и силе, и проявити ми яже показа».

И тако рекъ, *простре руку к Никонору*. Иудѣи же *иже* с нимъ, очютивше его хотяща вылести, и обступивше въпияху, яко велми постенеть отечскый законъ, и дряхль будетъ Богъ, *иже* създа иудѣомъ душа обидящаа смръти и непокориви. «Животъ ли *любиши*, Иосифе? Тръпиши ли видѣти свѣтъ работный? Велми ускорилъ еси на забыть, колики научилъ еси умирати за свободу. А лжу славу приялъ еси о мужествѣ, и всуе еси былъ мудръ, оже уповаеши *от* них спастися, ихъже сердце раскровави. Но аще ты ума своего забылъ еси, но намъ подобаеть промыслити о отечскомъ законѣ. Се ти мечъ: аще *въгрузиши* въ свою утробу волею, то будеши вѣчный воевода иудѣйскъ; аще ли не хочеши, умреши от нашихъ рукъ, акы прѣдатель». Тако глаголюща обнажиша мечъ на нь, аще дасться римляномъ.

Иосифъ же убояся насилства их, и мня обиду Божественую, аще прежде повелѣнія Божиа умереть, начя мудрити къ нимъ яже при нужн, и рече: «Въскую на ся смръти ищемъ? Въскую възлюбленнаа разлучаемъ – душу и тѣло? Мните ли мене измѣнившася? Но не измѣнихся. Лѣпо при брани убиену быти от ратныхъ рукъ. Аще бо римскаго мечя боюся и крыюся, то достоинъ есмь въ истинну своею рукою и своимъ мечемъ умерети. Аще ли щадятъ насъ плѣнныхъ, то како намъ не достоить ли помиловати себе? Добро ли свободы ради умерѣти, то мнѣ любо прѣд полкомъ. Нынѣ кде плѣкъ? Кто с нами биется? Страшивъ же есть вкупѣ *иже* не умираеть, егда достойно, *и* *иже* умираеть, егда не достойно. Что же боящеся не внидемъ к римляномъ? Смръти ли? Да въскую егоже ся боимъ чаемо от врагъ, сами на ся влечемъ *нуждею*? Работу ли кто поносить? Нынѣ же та велми *есмы свободни*. Храборъ ли мнится вамъ еже ся рѣжетъ? *Ни*, нъ слабейши всѣхъ человекъ, якоже крѣмникъ волнъ убояся, прежде бури потопи корабль. Саморѣзание же кромѣ естества есть, и вдано *никоторому* животну, ни можетъ обрѣсти ниединого собою умирающаго. Естественый бо законъ крѣпокъ въ всѣхъ животу хотѣти. Того ради и отъимающихъ от насъ животъ врагъ мнимъ, и Бога

прогнѣваетъ челоуѣкъ, егда ся дару его *поругаетъ*, и безаконствуеъ прѣд очима его. Всяка плоть смрътна есть и от тлѣнна естества създанна, душа же безъсмрътна выину, и Божественымъ подобиемъ въ телеси *пребываетъ*. Аще ли кто погубить чюжь *кровь*, вданое ему на съхранение, то наречетъ *лукавъ* и невѣренъ, и всѣмъ непотребенъ. Аще же кто разлучить *кровь Божий* от своего тѣла, какъ можетъ утаитися от *обидимаго*? Аще работенъ убѣжить от господина, аще *и* *лукавъ есть*, достоинъ есть муцѣ. Сами же прекраснаго владыки и предобраго, Бога бѣгающе, не будемъ ли нечтивы? Не вѣсте ли, яко выходятъ от сего жития по естественому закону, взятый от Бога длъгъ отплативше, егда хоцетъ взяти? То тѣмъ слава вѣчнаа, и доми тверди, и роди памятни, а душа ихъ чисты и непорочны пребываютъ у святаго небеснаго мѣста и чають оттуду въспять вселитися имъ въ своя телеса, егда възвратятся вѣци. И паки, иже на ся възложивше руки, то душа ихъ адъ темный приемлетъ, Отецъ же и Богъ и до правнукъ мучить ихъ. Тѣмъ възненавидѣно се прѣдъ Богомъ, и законодавецъ нашъ повелѣ до запада солнечнаго лежати безъ погребения тѣлесомъ самоубийць; по инѣм же землямъ и десница мрътвых отрѣзають. Достойны есмы, о друзи, съ правдою ходити, а не приложити къ напастемъ челоуѣческимъ гнѣва зиждителева. Се моя рѣчи конецъ. Не могу предатель собѣ быти. Иноплеменници зовутъ на спасение – азъ ли хоцю на мечь налечи? Не буди ми се. Аще же и по вдании руки убюють мя, то яко вѣнцемъ побѣднымъ вѣнчанъ отъиду, имѣя невѣрство ихъ луче цѣсарства».

Таковаа многа глагола Иосифъ к нимъ, браня имъ от саморѣзаниа. Они же заградивше уши отчаяниемъ, объступиша *и*, убити хотяща, поругающе и хуляще на слабость. Онъ же ового именемъ нарицаа, на другаго же съ грозою зря, ового же за руку *попадаа*, различными рѣчами отреваше от себе. И тии еще стыдящися от своего воеводы акы при плѣку и срамляющися, никтоже възложи руки на него.

И сей, поручивъ спасение свое Богу строителю, рече: «Понеже благоволилъ Богъ умрѣти намъ, числомъ да убиени будемъ: на негоже конецъ числа будетъ, да той будетъ убиенъ от

второго». Тако рекъ, *почте* числа мудростию, и тѣмъ пребляди вся, и убиени быша вси другъ от друга, развѣи единого. И *тѣснася*, да не осквернить десница кровию сродническою, помолися тому, и оба *вынидоста* жива. И поведоша а къ Еуспасияну, а римляне вси течаху на позоръ, и бысть кличъ разноличень, овѣмъ радующимся о Осифовѣ плѣнении, овѣмъ грозящимся, овѣм же велящимъ мучити и убити врага, овѣм же дивящимся премѣнению житийскому. Еуспасианъ же повелѣ утвердити *и*, да послетъ и къ Нерону.

О градѣ Иерусалимѣ и о церкви и о катапѣтазмѣ

Како бѣ град Иерусалимъ

Град же бѣ ограженъ трѣми стѣнами, идеже не заидоша глубоки пропасти, въ тѣхъ бо мѣстехъ едино огражение бысть. Самъ же градъ създанъ бысть на двою гору, а между горама дебрь есть, в неже чястии храми стояху. И от тою гору едина бысть вышьши и длѣжши, на неже стоитъ Горнии градъ, наречень *Давыдом*⁵⁹³ цѣсаремъ Хранитель,⁵⁹⁴ зане бысть утвержденъ, иже бысть отецъ Соломоновъ,⁵⁹⁵ создаваго церкви прѣвѣе. Втораа же нарицается Край,⁵⁹⁶ на неже създанъ градъ Длѣний на дву горбу, пред нею дебрь глубока. Потомъ же в лѣта, в няже *цѣсарствовала* Асамонѣи,⁵⁹⁷ дебрь ту исплѣниша, хотяща сравнати градъ церкви, а иную высоту желѣзы сѣкуще сътвориша ниже, да явится выше и церковный врѣхъ. Сыротворенаа же дебрь,⁵⁹⁸ юже рекохомъ межди градома, доидеть до Силуана,⁵⁹⁹ идѣже бѣше кладязь сладокъ и множаася. И окрестъ гору обыдоша пропасти страшны, имиже неприступно ниоткудуже.

От трий же стѣнъ прѣваа създана бысть Давидомъ и Соломономъ твердо *велми и* неприступно, и починается от Коннаго сына⁶⁰⁰ и кончается до Соломоновы купѣли⁶⁰¹ и до *Оффласа*.⁶⁰² Втораа же починается от вратъ Генафъ⁶⁰³ и обиходить до Антония⁶⁰⁴ и кончается. Третьяя же идетъ от Коннаго сына и до Мусиинаго⁶⁰⁵ и кончается до Елѣнинъ гробъ⁶⁰⁶ и до Цѣсарьскихъ пещеръ,⁶⁰⁷ идеже гробъ Синничъ.⁶⁰⁸ Агрипа⁶⁰⁹ же придѣлалъ бѣше къ *острогу* новы стѣны и нарече я Везефа,⁶¹⁰ наречемыи Новый градъ, но не конча дѣла убоявся Клавдѣя,⁶¹¹ да не мнить велика дѣла *на разрачениа* дѣлана. Не

могли быша взяти града сего, аще бы Агрипа скончалъ стѣны акы почялъ: созда бо камениемъ по два десяти локоть тлѣстоты, а по десяти широта, ни желѣзы мощно сѣчи их, ни овны подвигаемо. Агрипѣ же *прѣставшу* от дѣла, якоже рекохомъ, страха дѣля, иудѣи же възвысиша до полутретиа десять лакоть.

Церкви⁶¹² же създана бысть на горѣ висоцѣ на верху равнѣ, окрестъ же ея пропасти великы. Цѣсарю же Соломону стѣны създавшю на вѣсточную страну и приспу, сътвори на ней комары, по инѣм же странамъ гола бысть церкви. И въ послѣдняя времена людемъ выину присыпающимъ, *сравнаша* гору и разшириша, и просѣкше полуденьныя стѣны, оттуда обѣградиша окрѣстняя церкви. И оградивше около горы и трудившеся паче силы, съвершиша дѣло славно, на немже длѣгы вѣкы искончашася и священное съкровище исключися, *и* посылаемо от всея вселенныя на честь Богови. А идеже *глубока* мѣста бѣше, 300 лакоть въздаяху камениемъ *и* по 40 лакоть въ тлѣцѣ. Множество бѣ имѣния и людско *поспешение* паче ума и слова съвершаше строение, и искончаша еже видящимъ вѣрно, а слышащимъ невѣрно.

Верху же сугубы комары създаша, стлѣпи же камени в нихъ по полутретью десять въ высоту лакоть, изъ единого мрамора, бѣли учинени; покровъ же бысть кедреными дсками, добрѣ тесаными. И многоукрашенно естествомъ, имже видѣць не можаше скоро отнести очи свои от видѣния; рукописаннаго же строения не бысть в немъ, ни рукодѣлания. Кругло же стѣнно бысть 6 врѣстъ, и дворъ же не покрытъ, украшенъ бѣ различными камени въздаеми и помощенъ. Оттудуже възходъ бысть на вторую церковь, прѣд неюже прѣдграднии каменение трилокотное высокою, а видѣниемъ весело зѣло; в нѣмже стояху стлѣпи равни, и на нихъ титлы грамотами еллинскими и римскими и жидовскими, проповѣдующе законъ чистотѣ и да не приидеть внутрь иноплеменникъ. То бо нарикаху святое, 14 степени проходимо, и на чѣтыри углы създанъ верхъ. И над тѣми титлами четвертаа титла висѣше, тѣми грамотами показаа Исуса, цѣсаря не цѣсарствовавши, распятаго от иудѣй, зане *проповѣдаше* разорѣние града и опустѣние церкви.⁶¹³

И на въсточную страну врата быша и мѣсто отдано женамъ на службу и на молитву; инѣми бо дверми недостойно бѣ женамъ внити, ни въ своя двери прелазити ограждения. Въ западнѣи же странѣ не бысть вратъ, но от краа и до краа загражено же бысть стѣнами. Комары же, иже межи враты быша, зряще внутрь от стѣнъ прѣд газофилакиемъ, над великими стлѣпы мраморяными стояху.

От вратъ же 9 златом и серебромъ покованы быша, и с вереями и съ *одвериемъ*, едина же внѣшняя коренфийскою мѣдию окована бяху, свѣтлѣйши и честнѣйши серебряныхъ и позлащенныхъ. По вѣмъ же вратомъ по двоя двери быша, кояждо же дверь имяше въ высоту 30 лакоть, а в широту 15, от вратъ и до вратъ 30 лакоть. Оград мраморянъ образомъ сынномъ, высота же его *болѣ* 40 лакоть. И по два стлѣпа мраморяна по коемждо оградѣ стояху, и величество вѣхъ бысть равно. Въсточнаа врата кореньфинскаа 50 лакоть быша възвыше, а двери 40 лакоть, на нихъже тлѣстота злата и серебра бѣ паче. Вѣхъ бо инѣхъ 9 Александръ⁶¹⁴ покова, Тивериевъ⁶¹⁵ отецъ. Степений же 15 до великих вратъ от женскаго мѣста быша.

Сама же церкви среди стояше, святое *священное*, двѣма на десять степенема *непроходимо*;⁶¹⁶ высота же ея прѣдняя 100 лакоть възвыше, а вшире такожде, задняя же ея 40 лакоть ужше. Прѣваа же врата имяху въ высоту 70 лакоть, а вшире полутретиа десят локоть, дверей же не имѣяше по подобию невидѣния небеснаго. Позлащена быша чела вся, и приклонившимся к нимъ видѣнъ бысть внутрений весь домъ, *сияемъ* златомъ. Си же церкви *есть* покрыта бысть сугубъ, а прѣвый храмъ прѣдстояше, въздвиженъ великою высотой 90 лакоть, а ширина до 50, а продлжено до 20. Висяхуть же над тѣми враты лозы златы, а от нихъ грезни злати, възвыше мужеска възраста. Внутри же и двери быша сухаго злата, 50 и 5 локоть възвыше, а вширь 16. Прѣд тѣми же висяше катапетазма,⁶¹⁷ равна широтою и долготою, яже бѣ паволока вавилонскаа, *устроена* уакинфомъ, и виссомъ, и кокомъ, и перфиромъ, чюдно видѣниемъ, но не безъ мудрости видѣние имущи, но на *ображение* вѣмъ. *Прообразовашет* бо кокъ огнь,

а усъ землю, а уакинфъ аиера, а порфиръ море: кокъ бо и уакинфъ подобитася прѣдреченнымъ образомъ, усъ же и перфира ражаниемъ приближается оно къ земли, оно къ морю. Написано же бѣ на той катапетазмѣ всяко небесное видѣние и мудрость, развѣ двою на десять поясъ небесныхъ.⁶¹⁸

Си же катапетазма прѣд симъ родомъ бысть цѣла, зане благочестиви быша людие; нынѣ же жалостно бысть зрѣти на ню: раздра бо ся внезапу от верху и до долу, егда добродѣйца мужа, и не мужа дѣломъ, прѣдаша на убой мздою. И ина знаменія многа *страшна кажут* бывша тогда. И того убиена и по погребении не обрѣтома въ гробѣ глаголаху – ови бо творяху въставша его, ови же украденна его своими друзья. Не вѣм же, котории правѣйше глаголють: въстати бо мрътвый собою не можетъ, но молитвою иного праведника поспѣшаемъ, развѣ еще аггелъ будетъ или инъ от небесныхъ силъ, или самъ Богъ *явится* яко человекъ и сѣтворитъ елико хоцетъ, и ходитъ съ людьми, и падетъ и ляжетъ и въстанетъ, яко есть ему воля. Ови же рекоша, якоже *немоцно* есть украсти его, понеже окрестъ его гроба посадиша стражи – 1000 римлянъ, а 1000 иудѣй. Таковаа о *той* катапетазмѣ глаголемаа суть, и противу вину раздрание ея есть.⁶¹⁹

Пришедъши внутрь приимаше *равность* церковънаа, егоже высота 60 локоть. Мѣсто же се *шестъдесятное дѣлится* надвое: *первое* же 40 локоть, в немже быша три дѣла пречюднаа и преславнаа всѣмъ человекомъ: свѣтилникъ и трапеза и кадилница.⁶²⁰ На свѣтилницѣ же бысть 7 свѣщникъ, по подобію 7 звѣздъ небесныхъ, нареченныя планить.⁶²¹ На трапезѣ быша 12 хлѣба, по подобію числу поясомъ небеснымъ и по образу лѣтъ. На кадилници же быша 13 темиана, събираеми от всѣхъ морь, и от всея вселенныя, и от всѣхъ пустынь, назнаменающа, яко вся от Бога и къ Богу. Внутрьнѣ же мѣсто 20 лакоть невидимо есть катапетазмою другою, и ничтоже в немъ не стояше, ни лежаше, и непроходимо бысть и *нескврѣнно* и невидимо всѣми, нареченнаа святаа святыхъ. И подлѣ ребра долнѣ цркви учястишася и умножишася храми треврѣхнии, на висоцѣй же странѣ не таци быша храми, зане бѣ тесно.

На внѣшнее же лице церкви зряще ужасаются очима и душами: златыми дсками тлѣстыми оковано бѣ всюду, противу же солнечному сиянію огненъ взоръ *пущаше*. Яко на чисто солнце нелзѣ възрѣти, но мжить всякъ, тако и очи *не* хотящихъ зрѣти на ню помижается. Мимоходящим же на ню зрящимъ являшеся яко гора исплѣнена снѣга: на нихъже бо мѣстех не ковано бѣ златом, бѣлеяшеть бо ся зѣло. На врѣху же всажени быша златы гвозды и велици и длѣзи, и *части*, яко стрѣлы и остры, да никоторыйже птичь сѣдъ осквернить верха. Каменение имже създано бысть, быша по полупяту десяту локоть въ долготу, а възвыше по пяти, а вшире по 6. Прѣд тою же бысть жрѣтвеникъ,⁶²² высотой 15 лакоть, а вшире 8 лакоть, и въ долготу такожде, на чѣтыри углы създавъ, выходя от единого угла, образомъ акы рогъ, и въсходъ же на нь от полудния. Създано же бысть безъ желѣза, и николиже не прикоснется ему желѣзо. Окрестъ же церкви и жрѣтвеника обыиде акы вѣнецъ, заграда *камена* прекрасна, лакте възвыше, бранящи народ *и* от иерѣй. Прокаженным же и трудоватымъ ни въ градъ да не дадыхуть входить, женам же браняху прѣйти заграды тоя чистымъ и нечистымъ. И мужемъ не очистившимся възбраняху от внутреняго двора, такоже иерѣомъ.

Иже родѣнии иерѣи быша, не мощно служити слѣпотою или хромотою или рукою, идяху внутрь съ здоровыми и цѣлыми иерѣи, и чясть емлюще с тѣми равно, а въ священныя ризы не облачяхуся. На жрѣтовникъ бо и на церковь възсхожаху иерѣи непорочнии, и облекшеся въ усь, и паче говѣюще от вина, страшася, да ничтоже не *прѣступят* въ службѣ. И архиерѣй възсхожаше с ними не по вся дни, но въ суботы и в новыя мѣсяця и въ отечьскыя праздниky великыя. Егда служаше, ризы⁶²³ его быша кромѣ от иерѣй. Покрываше бо прѣд до голений *и* прѣпоясникомъ, а исподъ полотном, врѣху же облачашеся въ ризу кругу до ногъ, уакинфомъ устроена. И около ея висять колоколи злати и роидѣя такоже; *клаколи* же *прообразуютъ* *громъ*, а *родиа* млѣнию. И вѣнецъ прилѣпливаше ризу къ персемъ, пятью же поясъ обиать от злата и от прѣфира, и от кока, и от уса, и от уакинфа, имже и катапетазма устроена бе – вины ради, еяже рекохомъ. И надѣ

тѣмъ висяшеся емофоръ, златомъ кованъ, образъ имущъ бронный. Подлѣ же его два щита, златомъ кованы, и в нею насрѣди сардоникы, велици и прекраснии, в нихъже *написано начальници колѣна иудѣйска*. На друзѣй же странѣ висяху 12 камени на 4 чясти раздѣлени: на прѣвой сарди, и *топазь*, изморагдъ, а на вторѣй анфраксъ, иаспи и самфиръ, и на третей *ахати, амефисъ, лигури*, и на четвертой *ониксъ*, вирилъ, хрусолифъ. Главу же покрываше вѣнцемъ вусинскомъ, покрытъ уакинфом, а над нимъ инъ златъ вѣнецъ, на немже написана быша крестомъ священныи грамоты и *четворица*⁶²⁴ Въ сию же ризу не облачяшется въ ино врѣмя, развѣ егда служаше в непроходимѣй единою лѣта, егда обычай всѣмъ говѣти Бога.⁶²⁵ Въ ины же праздники въ простѣйшаа ризы облачяшеся.

О градѣ, о церкви, о дворѣ

О градѣ же и о церкви и обычаи пакы изречемъ, яже оставихомъ.

Сынъ же нарекомый Антоний създанъ бысть межи двѣма комарама церковныма, над высокымъ камениемъ 50 лакоть възвыше. Строение же бѣ Ирода цѣсаря, иже камень сей покры дсками мраморяными от корене до верху, красоты дѣля и плѣзости дѣля, да невѣзможно будетъ внити и изыти. И прѣд сыномъ създа стѣну трий локоть възвыше, и потомъ сынъ *създа* възвыше 40 лакоть. Внутренее же его мѣсто цѣсарьскый дворъ бѣ: храми прекрасни и потребни, и комары, и бани великы, и воинскыи дворы широки. Зане вся потребнаа имяше, подобяшеся граду силному, егда зане вся быша в немъ прекраснаа и различнаа, бысть же жилище цѣсарьское. И образомъ сынъ сей на углы четырма сынъ обиасть бысть, три възвыше быша по пятидесять лакоть, четвертый же на вѣсточнѣй странѣ 70 лакот, яко видѣти от него церковь, идѣже сѣдяще стражие римстии съ оружиемъ при праздницѣ блюдааху, да не разратятся людие. Церковный бо градъ бысть граду самому акы дѣтинець,⁶²⁶ сынъ же Антоний вышний и твержий црьковнаго града. Вышний же градъ имяше оприснъ дѣтинець – Иродовы полаты.⁶²⁷ Везефа же разлучится от

Антония и от полунощия призрѣти на церковь. О градѣ же и о стѣнахъ, елико ми мощно, измолвихъ.

Мятежници⁶²⁸ же от црѣкве по вся дни биющеся съ дѣлающими приспу, и въ 27 день преждедеченнаго мѣсяца⁶²⁹ таку лесть сътвориша: заднюю комару между соломенемъ и врѣхомъ исплѣниша хвороста съ смолою и съ сѣрою, потомъ же творяхутся акы бѣгающе. И к тому мнози от несмотрящихъ устремльшеся нападоша на отступльшаа, и поставиша лествица и възлѣзоша горѣ на комары. И абие иудѣи пожгоша, и располѣвшюся огню, всюда обступи вся, и не можахуть како промыслити и метяхуться *назадъ* въ пропасти, инии же къ супостатомъ искрушахуться, а инии изгорѣшася, а инии изрѣзашася. Кесарь же гнѣвашеся на погыбшаа, зане безъ повелѣния *възлѣзоша*, но обаче съжалиси о нихъ. И не могущу никомуже помощи имъ, се бысть утѣха истляющимся, понеже *видяше* кесарь, за негоже *каждо* ихъ душу полагаше, кличуще бо и поскачуще и молящеся другъ другу, да въспомогуть, имже лѣзѣ, и гласы свѣтлы пущающе, с похвалами и с веселиемъ умираху. Инии же къ *комарнѣй* стѣнѣ прибѣгше, широцѣ сущи, и от огня избавишася. Обступльше же ихъ иудѣи биюща я, падоша вси.

Единъ же от нихъ уноша, именемъ Логинъ, дѣло сътвори достойно памяти. Иудѣи бо не могуще убити, даяхуть ему руку, молящеся да слѣзетъ къ нимъ. Братъ же его Корнилий, противу ему стоя, въпияше къ нему, да не посрамитъ своего рода, ни укорить вой римскихъ. И сей, послушавъ его, и извлекъ мечъ, всѣмъ на нь зрящимъ въгрузи в ся. Токмо же *Арторий* лестию от огня избы: *тѣй* бо призва своего Лукья, своего товарника, и рече к нему великимъ гласомъ: «Тебе оставлю наслѣдника моему стяжанию, аще приступль ухитиши мя». Оному же бодро притекшю, съвержеся на нь и живъ бысть; *Лукий* же от тяжести зараженъ бысть, и падъ ницъ на камени умре.

Си лесть печаль възложи на римляны за мало время, потомъ же научишася блюсти от лѣсти иудѣйскы, имже многажды спакостишаси, не вѣдуще градныхъ мѣстъ и нрава мужъ. И пожжены быша комары до Иоаннова сына, егоже създа, егда

биахеса съ Симономъ.⁶³⁰ Утру же бывшю, римляне съ сѣверныя комары иждегоша.

Иже истляхуть от *глады* въ градѣ, падахуть яки листвие *и* яко пѣсокъ, и страсть ихъ неизъглаголема бысть. По всѣмъ храмомъ, аще и крупъ стѣнь явился бы, то рать бысть, и руками биахуса любимии сродници, *выдавливающе* изъ гортани скверное извлечение душевное. Не имѣяхуть вѣры ни умирающимъ, но издыхающихъ разбойници испытаяху, аще кто пищу въ надрѣхъ нося, творится лжа умираа. И зияюще, акы бѣснии пси, не улучяху въ двери, поревающеса и уклоняющеса, аможе не хотяху, акы пиании. И не могуще никдѣже обрѣсти что снѣдно, въ едину храмину и трижды, и 4-жды влазяху въ единъ час. И вся обрѣтаемаа в зубы вношаше нужда. Яже непотребна быша сквернымъ безсловеснымъ животинамъ, то сами выбирающе ради ядяху, и на конци ни поясъ, ни сапогъ гнусахуса, ни кожъ щитныхъ, но раздирающе я ради ядяху. Аще же согнившее сѣно или солому кто обрѣташе, то бяше имъ пища акы съ *благоуханнымъ* зѣлиемъ устроена. Инии же тонко сѣно събирающе, продаяху полъ гривны⁶³¹ вѣса на четырехъ златницѣхъ атитьскихъ, яже суть 8 златникъ *погоручихъ*. И въскую потолику *исповѣдаю* нужду гладную? Иду же на показание *дѣла*, иже ни въ еллинѣхъ, *ни* въ варварѣхъ написано бысть, страшно глаголющимъ и невѣрно слышащимъ. Азъ же молился быхъ послѣднимъ человѣкомъ, да быша не мнѣли мене лжуца, и съ сладостию быхъ преступилъ злобное слово се, аще быша не были послуши и видоци бесчислении; обаче же суетну благодать сѣтворю отечеству моему, аще потаю страсть, юже прияша.

Жена бо нѣкаа, живуци об онъ полъ Иердана, именемъ Мария, дщи Елеазарова, от веси Вафехоръ, еже сказается домъ усоповъ, родом же и богатством нарочита сущи, и съ прочими людьми въ Иерусалимъ прибѣгши. Еяже стяжание мучители расхищше, елико бо пристроивши принесе от оногo полу Иордана, не оставиша ничтоже и-сѣсудъ драгихъ, и всяку промысленую пищу, приходяще по вся дни, отимаху. Лютъ же гнѣвъ вниде въ жену сию, и лаючи и кленуци въсхитающаа, *на* ся поостриваше я, да бы ю кто убилъ. Потом же видяци, яко

никтоже брежетъ убити ея, ни *гнѣвающуся* на ню, ни *жалующу по ней*, тружашеся ходящи къ инѣмъ, да бы ю обрѣла что снѣдно. И не могущи обрѣсти никдѣже, гладу ходящю сквозѣ утробу и мозгы, и приемши съдумника нуждю, на свое естество устрѣмися. Бѣ же у нея отроця у сесца, и приемши и в руцѣ и рече къ нему: «Младенче милый! Се обидоша на насъ рать, и гладъ, и мятежъ. Кому ты храню? Аще римляне възмутъ нас, тамо работа тяжка и нестерѣпима; аще же они не приспѣютъ, *то глад* нас възхититъ; мятежници же лютѣйши обою. Гряди, чядо, откуда еси вышелъ, и буди ми пища, и мятежникомъ клятва, и вѣку притча, яже дойде иудѣйскаа жития!» И тако рекши, закла сына своего, и испѣкши и раздѣли и надвое наполи, и полъ предасть утробѣ, а полъ же его покрывши схрани. И абие мятежници приступивше по обычаю, скверный смрадъ обухавше, запрещахуть убити ю, аще не явить пристроенаго. Она же рече яко: «И добру чясть оставила есмь вамъ», – и открь имъ остаток чяда. Онѣх же узрѣвшихъ обя ихъ страхъ и трепетъ и ужасъ, и противу видѣнию окаменишася. Она же рече: «Се чядо мое от мене рожденно, а дѣло мое. Снѣжьте, ибо и азъ ела есмь. И не будѣте мякчейше жены, ни *милостиви* паче матере. Аще же вы есте благочестиви и мое заклание отмѣтаете, но азъ *снѣх*, и прокъ мнѣ оставите». По том же они трепещуще изидоша, тѣмъ единѣмъ *устрашьшеся*, и одва сея пища отступиша матере. И абие извѣщено бысть по всѣму граду си скверность, и каждо прѣд своимъ очима положи страсть сю, яко самъ творивъ *трепеташе*. Гладнии же тесняхутся къ смрѣти и ублажахуть прежде умрѣшаа, *преже* даже не видѣша такового зла.

Скоро же и къ римлянѣмъ принесоша вѣсть о сей страсти, от нихъ же ови не яша вѣры, ови же съжалишася о нихъ, ови же гнушахуся о нихъ болма. Кесарь⁶³² же отвѣщеваше о томъ к Богу глаголя, яко: «Азъ иудѣомъ миръ и волную жизнь подаваю, и не възпомянулъ быхъ шатания ихъ, ни всяческаго зла, яже сътвориша. Си же за единоумие мятежъ изволиша, а за миръ рать, а за сытость и обилие – и страсть и гладъ. И нынѣ своими руками начяша зажигати святое, егоже азъ съблюдохъ доселѣ. Тѣмже и достойно имъ таку пищу приимати и покрыти

скверность чюдодѣния падениемъ града, да не останутся по вселеннѣй живи, ни видить солнце града, в немъже матери чяда своя ядятъ. егоже было отцемъ сътворити прѣд матери, зане такое страсти зряще, и еще въ оружии пребываютъ». И тако рекъ помышляше, како отчаяшася мужи ти и не въсхотятъ покаяться, ни приемлють цѣломудрия.

И двѣма плѣкома скончавшима приспу въ осмый день мѣсяца лоя, иже есть август, повелѣ поставити *овны* на западнѣмъ мѣсте внутреняя црѣкве. Прѣд тѣм же по шесть день бия безъ престои Побѣдникъ стѣны, иже есть болий всѣхъ овень, не възможе ничтоже разбити. Под сѣверными же враты подкопаша ини *сзданаа* основания, и зѣло трудившеся, одва вывалиша преднии камени три, но не порушишася стѣны, но *стояша* крѣпко. Римляне же, ни овны, ни желѣзы могуще разбити я, ни инѣмъ ничимъже, лѣствица приставиша къ камарамъ. Иудѣи же не вариша бранити имъ възлѣзти горѣ, но послѣди притекше сняшася съ възлѣзшими, крѣпко бишася. И овы мѣтаху долу, овы же въ пропасти врѣжаху, овы же бодяху, инѣх же топрѣво възлѣзшихъ, и еще не доспѣвшимъ възняти щитъ, варяущися сѣчяху, инѣх же, лѣствицъ укланяюще я, мѣтаху доловъ. Римляне же въ иномъ мѣсте възнесоша хоругви кесаревскыя. Иудѣи же потекше люту сѣчю съставиша, тоснуещеся отяти я. Они же, срамоту безславную мняще отимания ихъ, не ослабишася биюще, дѣндеже вси погибоша. Иудѣи же хоругви отъемше и *възлѣзших избивше*, хупяхуся яко самого кесаря бивше или плѣнивше. От римлянъ же никтоже безо мести погыбѣ, но убивъ прежде, тожде убиенъ есть. Титъ же видя, яко на пакость воиномъ его щадѣние *црѣковное*, и повелѣ да зажгутъ врата.

И тогда прибѣгоста къ нему *Анан*, иже от *Амауса*, и *Архилай* Магудатинъ сынъ, уповающе проститися от него, зане одолѣвшимъ иудѣом прибѣгоста. Титъ же мняше, яко лестию приидоша, и слышавъ жестосердие иудѣйско, повелѣ убити глаголя, яко: «Нуждею приидоста, а не волею, и ни еста достойна спасению, зане прискочиста, видяща запаляемо отечество». Но обаче вѣры ради въздержа гнѣвъ и пусти я, но не бы има чясти равны, якоже инѣмъ.

Воином же възложившимъ огнь на врата сребренаа, сребру же растекающюся, и яся пламень дскамъ, и оттуду внезаапу пойде пламень по камарамъ. Иудѣом же видящимъ пламень окръсть себе, телеса и душа ихъ раслабѣшася, и ужасомъ никтоже не подвизашеся на угашение, но въ едином мѣсте стояху зряще. Потомъ же *стужившеси* зѣло, прияша умъ, но не цѣлъ, и възъяришася на римляны болма. Въ той же день и ноцъ огнь запалаше по храмомъ и по каморамъ.

Утру же бывшую Титъ посла угасити огнь и раскопати ожженаа и расширити путь плѣкомъ. И призва шесть от врѣховныхъ гемонъ: Тиверия и Александра, и Секста и Керейля, и Ларкия Лепида, и Тита Фругья, и Фронтоня Етерина, и Марка Антония Иулиана, иудѣйскаго властелина, думаше с ними о црѣкви. И от нихъ же ови рекоша, да ратный законъ на ней съвершать: не престануть бо иудѣи мятущеся, дѣндеже црѣковь стоитъ, в нюже отвсюду събираются. Ови же рекоша: «Аще оставятъ иудѣи и не въздвизаютъ оружия в ней, то достойно ю съхранити; аще ли же быются ту, то зажещи ю: наречеть бо ся сынъ бойный, а не црѣкве. Безаконие же не от насъ, но от понудившихъ ны». Титъ рече: «Аще среди ея стояще иудѣи биятся, то николиже не погублю бездушныя в нихъ мѣсто, ни пожгу такога и толика дѣла. Аще бо погибнеть, то римлянѣомъ пакость, аще ли стоитъ, то красота будетъ нашей власти». К тому же слову приложистася Фронтонъ и Александръ. И тогда распусти думца и повелѣ гемономъ, да починуть съ вои, да крѣпчѣе утро исплѣчятся.

Въ тойжде день трудъ и ужасъ удрѣжа устремление иудѣйско. Наутрѣи же събравше всю силу съ упованиѣмъ, *вытекоша* въ второй час дне⁶³³ вѣсточными враты и нападоша на *стража* внѣшняя. И си крѣпко сътрѣпѣша устремление ихъ, и въоружившеся сташа противу яко стѣна, исплѣчившеся чясто, но ярость и ристание иудѣйско одолѣваше имъ. И поразумѣ Титъ уклонение их, видяше бо от Антония, и прийде съ избранными вои на помощь. Иудѣи же не стрѣпѣша пришествия его, но прѣднимъ падшимъ, а прочии разбѣгошася. Егда же отступаху римляне, си възвращающеся нападаху на ня, онѣм

же възвращающимся, *си* бѣгаху. То же бысть до пятого часа дне, дондеже бѣжавше затворишася въ внутренѣй цркви.

Како цркви зажжена бысть, и о знамѣнныхъ прежде погыбели Иерусалиму, и како Симонъ и Иоанъ призваста Тита на повѣсть, Титъ же повелѣ противу речи ею отвѣщевати; они же не покарахуся, Титъ же не повелѣ оттолѣ их щадѣти

Титъ же отступи къ Антонии *и* наряди воя, да утро приступятъ вси около цркви. Богъ же инако промысли и древле осуди ю огнемъ скончаться. И приспѣ судный день на скончание лѣта, въ десятый день мѣсяца лоя, в онже древле вавилонскимъ цѣсаремъ иждежена бысть. Пламени же начатие бысть от своихъ. Отступившу бо Титу, и мало врѣмя почивше иудѣи пакы на римляны *вытекоша*, и си побѣждѣше иудѣя, гнаша по нихъ и до цркви, и сами внидоша. Идѣже нѣкто воинъ ни казания кесарева пождавъ, ни убоися о толице почяты дѣмонскомъ, суровствомъ въсхити огонь изовну и на дружне рамо въступи, досяже до златаго оконца и до дверей, имиже възможно бысть възлазити къ храмомъ оцрковнымъ. Пламени полящю, иудѣи възопиша и въскликаша по достоянию страсти, на възбранение и на мечь потекоша, ни живота щадяще, ни себе блюдуще, ни опающеся.

И нѣкто притекъ възвѣсти Титови. Сей же въ шатрѣ почиваше *от* брани. И абие възхоплѣся, течяше къ цркви, да угасить огонь. И по немъ поидоша гемони вси, и въслѣдъ ихъ идяху плъци убоившеся, и бысть вопль и мятежь великъ, толикой силѣ бес чину подвигшися. Кесарь же гласомъ и рукою казаше воемъ угасити огонь. Они же ни кличуща слушаху, зане уши ихъ не слышаху от ратнаго кличяния, ни ручнаго махания внимаху.

Ови бо на супостаты зряху, кто кого убиеть, ови же гнѣвомъ затвориша уши, плѣкомъ же текущимъ, ни казание, *ни* запрещение, ни млѣба можаше удрѣжати устремления их, но ярость воеводяше прѣдъ всѣми и гнѣвъ объя вся. И въ теснотѣ съгнѣтающеся, мнози потоптани быша другъ от друга, мнози же на горящее камене и на попель вѣступающе, не могуще вылѣзти изгараху. А иже близъ цркви стояша, не творяхуся

слышаще кесарева повелѣнія, но кождо ихъ ближнему веляше зажещи болма. Мятежници же метяхутся, не могуще что промыслити, и бысть везде бой и *кровь и бѣжаніе*. Народ же, людие суще немощнии *и* безъ оружия, идѣже кто постиженъ, *ту* убиенъ бысть. У жрѣтвеника събрашася множество мрѣтвецъ, *кровь* же течяше акы рѣка, и струя кровнаа влечяше *трупие*.

Кесарь же разумѣвъ, яко не можетъ устремления удрѣжати войскаго, и огонь одолѣваше, вниде съ *гѣмоны* внутрь и видѣ святое црѣковное, егоже жадаше, и вся яже в немъ преславна, не токмо у своихъ людий, но и у иноплеменникъ, чюдна и преславна и прекрасна. Пламени же и еще не *прошедшу* внутрь, но окрестнаа храмы обходящу, мня Титъ, яко възможно есть и еще отѣяти дѣло огня, прискочи *и* нача самъ гасити огонь, и воины понуждаше. И *Ливерарья* пристави сотника бити непослушающаа, да възбранять пламени. Гнѣвъ же ихъ *и* ненависть иудѣйска одалаше чести кесаревъ и страху, и устремления ратнаа полаху паче пламене. Мнозии же възхищения надѣющеся болма зажигаху, мняще, яко вся исплѣнена внутреняя богатства, зане видѣша окрѣстнаа златом покрыта. Вышедшу же кесарю на възбранение вой, нѣкто вложи огонь въ темныя двери внутрении,⁶³⁴ и внезапно извънутрь явившюся пламени, отступиша игемони съ кесаремъ, и оттолѣ не възбраниша никомуже. И црѣкви же такоже зажжена бысть, не хотящу кесарю.

Дѣло велика рыдания достойно, прѣдивнейши всѣхъ, елико слышахомъ и видѣхомъ и създаниемъ, и величествомъ, и красотою, и устроениемъ, и славою от святаа. Велико же утѣшение прииметь кто зря на суд Божий, егоже не възможно утечи ни съдушнымъ, ни бездушнымъ, ни дѣломъ, ни мѣстомъ. Удивить же ся кто времѣнному кругу: судъ бо *и* съблюдѣ и того мѣсяца, и того же дне, якоже рекохомъ, *в онже* древле вавилоняне пожгоша ту црѣковъ.⁶³⁵ И от перваго же създания ея, еже нача Соломанъ цѣсарь, до нынѣшня разорения, еже бысть въ двѣ лѣте кесарьства Еуспасианова, съчитается *лѣт* 1000 и 100 и 30, и 7 мѣсяць, днєвъ 15, от послѣдняго же създания, еже сътвори Аггѣй⁶³⁶ во 2 лѣто

цѣсарьства Кирова, до сего плѣнення съчитается лѣтъ 600 и 30 и 9, и мѣсяць одинъ и 15 дней.

Съгарающе же црѣкви вся обретаемая въ гробѣжѣ и въ расхищение быша, и вси постигаемии желѣзомъ скончашася, и не бысть милости некоторому же въ возрасту, ни стыдѣнія на благообразныхъ, но и дѣти, и старии, и сквернии, и иерѣи равно смръть прняша: рать бо обья всякъ род бьющихся и молящихся. И пламени же бучащю, и вопль падающих и стонание громъ *въспущаше*. Высоты ж ради горнѣе и величества дѣля съгарающе дѣлу, рекль бы кто издаlechя зря, яко весь градъ горить. И невѣзможно помислити что лютѣйша и страшнѣйша тогдашняго вопля: римстии плѣци бо мятущеся кликаху, мятежници же обступлени огнемъ и оружиемъ въпияху, иже остася людей бѣжаху съ ужасомъ кличуще, противу страсти плачуще; мнози же от глада иссохше и мжаще, видѣвше *црѣковный* огонь, възмогша пакы кликати и плакати. И противу кличю възгласяху горы окрестнаа и лѣси. И всюда бысть мятежь и *страсть люта*, и мнѣли бо црѣковную гору ис корения скачущю, зане исплѣнися всюда *пламене*. Кровь же бысть обилнейши огня, и убиваемии болѣ убивающихъ, и не бысть лѣтъ видѣти земля, зане вся покрыта бысть трупиемъ. Воини же и на стоги мрътвецъ вѣступающе на бѣгающаа течяху. Мятежници же *одва проборовшеся* къ внѣшнѣй црѣкви *въстекоша*, и оттуду къ граду, останокъ же народа *вбѣже* въ внешнюю комару. Иерѣи же прѣвѣ вертелища⁶³⁷ желѣзнаа истлѣчьными ногами метаху на римляны; потомъ же яко дойде ихъ огонь, поступиша къ стѣне широцѣ сущи 8 лакоть. Два же от нарочитыхъ вѣвергостася въ огонь и сожжена *быста* съ црѣковью – Мииръ, сынъ Вельговъ, и Иосифъ Далѣевъ.

Римляне же мняще восуе щадѣти окрестнаа, црѣкви же пожжени сущи, *зажгоша* комары и двери и врата, развѣ двоихъ – вѣсточныя и полуденьныя, послѣдъ же раскоявшеся, и ты раскопаша и пожгоша и газофилакию, яже быша хранилища стяжания многа: лежаше же в нихъ ризы и паволокы, и съсуды бесчисленныя, и отинудъ рѣщи все богатство иудѣйско ту бѣ събранно и вси домовѣ богатыхъ. Приидоша же и на прочную комару внешнюю, в нюже *прибѣгоша* жены и дѣти и ина чядь

смешенаа 6000. И прежде даже не повелѣ кесарь ни гемони, *и* гнѣва исплѣнившеся вои подожгоша и истлѣша вси, и не избы от нихъ никтоже, овѣмъ въ пламень вмѣтавшимся, овѣмъ ту изгорѣвшимъ.

О знамениихъ прежде гибели Иерусалиму

Погибѣль же си людемъ сътвори нѣкто лжйй пророкъ, иже въ ты дни проповѣдаше гражданомъ, яко: «Богъ велить вамъ внити въ црѣковь и *приати* знамение избавлению». Тѣхъ же лживыхъ пророкъ Иоаннъ съ Симономъ пустиста къ людемъ, заповѣдающа людемъ ждати Божия помощи, да быша не бѣжали к римлянѣмъ. Обычай же есть всякому въ бѣдахъ сущю, възвѣстити ему кто избавление от зла, то имѣтъ вѣру. Аще же льститъ кто *и* лжетъ добраа *млѣвя*, то вѣрнй ему, и все упование на того възложить.

Тѣмже и се многострастный народъ лестъцемъ и лжущимъ на Бога внимаше, глаголющим же право и проповѣдающимъ хотящую быти пустоту *и* знаменiemъ и явлѣниемъ не внимааше, ни вѣроваше, но якоже шибении, ни души имущи, ни очью, ни послушаша Божествѣныя проповѣди. Ни разумѣша, егда ста звѣзда над градомъ, подобна копию, и пребы лѣто все, ейже имя комитисъ наречемаа, вся власятая. И паки, прежде заротѣния съвокупляющимся людемъ къ опресночному празднику, въ 8 день мѣсяца ксанфика, иже есть апрель, въ девятый час нощи, толикъ свѣтъ въсия на жртѣвеницѣ и на црѣкви, яко мнѣти дни быти свѣтлу, и продлѣжися до получаса. Иже неразумнии мнѣша благо знамение, священнии же грамотеи тако судиша, якоже и скончяся. В той же праздникъ корова нѣкимъ приведена бысть на заколение, и посреди црѣкви стоящи роди агньца. Въсточнаа же врата внутреняя, мѣднаа и тлѣста, одва въздвизаема 20-ю мужь на затворение, имѣже быша верея желѣзны и зазора, подбой глубокъ и длѣгымъ камениемъ устроень, явишяся въ 6 час нощи сама отворена. Притекше же стражие црѣковьнии повѣдаша властелину, и сей съ многими людми пришедъ, едва поможе затворити я. Се же знамение судиша на благое: мнѣша бо, яко Богъ отврѣзетъ имъ двери благыя. Книжници же разумѣша, яко утврѣжения црѣковнаа сама *разорятяся*, и туне отверзется

ратникомъ, и опустѣеть святое. По малѣ же днєвъ от праздника, въ 21 день мѣсяца артемисия, иже есть май, видѣние нѣкое дѣмонское явися паче вѣры. Иже слышать, мнѣли быша рѣчьсю басни и чяродѣяния, аще не мнози быша видѣли и повѣдали, и страсть вѣслѣдоваше подобна видѣнїю. Преже бо слѣнечнаго захождєния явишася по аєру и по небу по всей иудѣйстей земли колесници и полци съ оружіємъ, скачюще сквозѣ облакы и обступающе грады. Въ праздникъ же нареченный Пянтикостий, нощїю иєрѣи влѣзше въ внутренюю црковъ по обычаю на службу, прѣвое очютиша подвижание и громъ, потомъ же и глас внезапу слышаша глаголющѣ: «Отступимъ отсюду». Иже страшнѣйши сих.

А Исусъ Анановъ сыну, о шести глас

Исусъ нѣкто Анановъ сынъ, от простыхъ, не книжникъ, прежде чєтырь лѣтъ рати, граду ещє мирну сущю и изобилну, пришедъ на праздникъ, егда вси празднують скинопигью по обычаю, въ цркви стоя, начя внезапу вѣпити: «Глас от вѣстока, глас от запада, глас от 4 вєтрѣ, глас на Иєрусалимъ и на црковъ, глас на женихы и на невѣсты, глас на всѣхъ людѣй». Се глаголя, по вся дни и нощи вѣпияше, обходя по стѣнамъ. Некоторыи же от нарочитыхъ разгнѣвашася на нь, злорѣчїя єго ради, и емше многыми ранами мучиша и. Сей же ни ранѣ мняше, ни о собѣ моляшєся, ни къ мучащєму и отвѣщєвашє, но токмо вѣпияше, яже прежде. Власти же иєрусалимьстїи, мнящє сєго вышнєю силою нѣкоею подвижаема на вопль той, и привєдоша и къ римскому властєлю, идеже бїємъ прутїємъ и манѣглавїємъ даже и до костей, ни поболѣ, ни прослезї, но блѣма чрєсь силу кликаше гласомъ жалостнымъ тѣмъ: «Люте, люте Иєрусалиму!» Алвину же прошащю єго, – той бо бѣ властєлїнъ тогда от Рима, – «Кто еси? Откуда? И вѣскую таковаа *вѣпиєши?*», сєй же не отвѣща ничтоже протїву рѣчємъ єго и не прєста плєта рыданїє градное, дѣндеже Алвїнъ безумна творя отпусти и. Се же оттолѣ не прїїде ни к кому же, ни явїся, дѣндеже прїїде ратѣ. И потомъ по вся дни акы молитвѣ *їзучься*, рыдаа вѣпияше: «Лютѣ, лютѣ Иєрусалиму!», а ни къ бїющимъ єго *отвѣщєвашє*, ни лающимъ єго клєняше, ни подавающихъ єму

пищю благословяше. Единъ же отвѣтъ се дряхлъ бысть къ всѣмъ по 7 лѣтъ и по 5 мѣсяць, и ни глас его измлъче, ни утрудися, дѣндеже видѣ дѣла ратнаа, яже *проповѣдаше*, и потомъ почи смрътию. Ходя по забраломъ, пакы въпияше: «Увы, увы граду и людемъ и црѣкви!», наконецъ же приложи: «Увы, увы мнѣ!» И абие камень прилѣтевъ от порочя удари и и уби и, и испусти душу, и еще глаголющую проповѣдание се.

И аще кто добръ разумѣть, то обрящеть Бога промысляюща за челоуѣка и всѣмъ нравомъ *проявляюща* роду нашему яже на спасение; мы же несмыслиемъ и злодѣйствомъ самоволнымъ погибаемъ. Богъ знаменія гнѣвнаа показаа, да быша разумѣли людие Божий гнѣвъ, и престануть от своей злобы, и тѣмъ умолять Бога. Суцю же въ иудѣихъ пророчеству, яко четвероуглѣнымъ образомъ опустѣеть градъ и црѣкви, то сами начяша кресты дѣлати на распятие, еже есть, якоже рекохомъ четверообразныи. И по разорении Антонія црѣковъ четвероуглѣную сътвориша. На рать же подвиже я проповѣдания *дворазумнаа* въ святыхъ книгахъ *обрѣтаемая*, глаголюще, яко в та времена нѣкто от иудѣйскыя земля будетъ цѣсарствуя над всею вселенною. Имже разноличнаа сказанія суть: ови бо мнѣша Ирода, ови же распятаго чюдотворца Исуса,⁶³⁸ ови же Уесписиана. Но обаче невѣзможно челоуѣкомъ суда убѣжати, аще *и* промыслять. Иудѣи же знаменія судиша, якоже хотѣша, вратяще я на свою сладость, другаа же похулиша, дѣндеже погубивше себе и отечество, обличишася и постыдѣшася и явишася безумни.

Патерики

Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой и В. В. Колесова

Патерик (греч. πατερικόν от πάτερ – отец) – сборник рассказов о жизни первых поколений, главным образом египетского монашества. Они были составлены для назидания иночества на основе предания и монастырских записей о подвижниках в период с IV по VI в. в различных областях Византийской империи.

Из огромного количества патериков на церковнославянский язык были переведены в Болгарии и на Руси в IX–XI вв. лишь отдельные их разновидности, получившие названия Скитского, Азбучно-Иерусалимского, Египетского и Синайского. Из них первым был переведен, как полагают, Скитский поглавный, в котором рассказы и изречения некоторых подвижников распределены по главам, название каждой соответствует определенной монашеской добродетели. Сходен со Скитским и Азбучно-Иерусалимский патерик, однако рассказы и изречения в нем распределены по алфавиту имен подвижников. Не менее древними являются собрания рассказов о монашестве различных областей христианского Востока – Синайский и Египетский патерики. В Египетском патерике собраны повести о суровой жизни отшельников и их подвигах во имя веры в пустынях Египта, в Синайском – Египта, Палестины и Сирии.

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Тексты из Скитского патерика публикуются по списку *РНБ*, собр. Погодина, № 267 (XIV в.), л. 44–103 с дополнениями по списку из Соловецкого собрания, № 647/705 (XV в.), л. 49–243 об.

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

Тексты печатаются по списку *РНБ*, Соловецкое собр., № 635/693 (XV в.), л. 56 об.–63 об.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Синайский патерик в греческом оригинале назывался «Лугом духовным». Он составлен Иоанном Мосхом (ум. в 622

г.), палестинским монахом, который вместе со своим учеником Софронием много путешествовал; воспоминания о встречах, рассказах и беседах с различными людьми в годы долгих странствий (579–619) послужили материалом для книги; здесь упоминаются реальные города, села, пустыни древней Палестины, Сирии и Египта. В славянском переводе содержится 335 главок («слов»), которые тематически распадаются на несколько групп: чудесные явления, бытовые повести, рассказы о животных и т. д. Всем им присуща незамысловатость повествования, но очень тонкие, иногда трогательные характеристики героев и психологически оправданные их действия и поведение. Патерики неоднократно переписывались и оставались любимейшим чтением в течение многих веков. Ряд сюжетов Синайского патерика впоследствии разрабатывался в новой литературе, в том числе и в русской.

Двенадцать новелл этой книги публикуются по самому древнему славянскому списку, составленному в Древней Руси в конце XI в. (ГИМ, Синодальное собр., 551) – в издании: Синайский патерик. М., 1967. С. 95–96, 133–139, 165–166, 182–187, 197–199, 264–266, 288–289, 296–301, 307–311, 340–342.

* * *

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Слово о премудрости

... Рассказал авва Данил, что когда был в Ските авва Арсений, был там один монах, похищавший сосуды у старцев. И авва Арсений привел его в келью свою, желая наставить и успокоить старца, и сказал ему: «Если ты что-то хочешь, я тебе дам, только не кради». И дал ему цату золотую, и одежду, и все необходимое. Тот ушел, но снова стал красть. Увидев, что он не перестает, отцы прогнали его, говоря: «Если окажется брат злого нрава, необходимо терпеть его. А если крадет и, наставляемый, не перестает делать это, изгоните его, потому что и свою душу погубит и всех находящихся на месте том возмутит».

О творящих чудеса святых старцах

... Отправился однажды тот же авва Макарий из Скита в Тернуф и заночевал в гробнице. Было там много высохших

костей умерших эллинов. И, взяв одну из них, он положил ее под голову как подушку. Демоны, видя такую его дерзость, решили его испугать и закричали, называя как будто женское имя: «Эй, такая-то, пойдем с нами в баню мыться». Отозвался другой демон из сухой кости, говоря: «Странник сверху меня лежит, поэтому не могу прийти». Старец же не испугался, а смело стал избивать останки, говоря: «Встань, иди, если можешь». Услышав это, демоны страшно вскричали, говоря: «Ты нас победил». И бежали, посрамленные.

... Рассказывал авва Сысой: «Когда после трапезы в Ските мы с отцом Макарием отправились на жатву, с нами были еще 7 человек; и вот одна вдова собирала за нами колосья и не переставая плакала. Он позвал старейшину того села и спросил его: “Что случилось у этой старой женщины, что она всегда плачет?” Тот ответил ему: “Ее муж, взяв залог у одного человека, внезапно умер и не сказал, куда положил. И хозяин хочет вместо залога взять ее и ее детей в рабство”. Сказал ему старец: “Передай ей, чтобы пришла к нам туда, где отдыхаем в полдень”. Когда она пришла, спросил ее старец: “Почему ты так плачешь?” Она ответила: “Мой муж умер, взяв залог у одного человека, и не сказал, умирая, куда положил его”. Сказал старец: “Пойдем, покажешь нам, где ты его похоронила”. Взяв братию с собой, он пошел с ней и, когда они пришли на место, старец сказал: “Иди в свой дом”. После того как они помолились, старец позвал мертвеца и, называя его по имени, спросил: “Куда ты положил чужой заем?” И тот сказал в ответ: “Спрятано в моем доме в подножии моего ложа”. Сказал тогда ему старец: “Спи опять до дня воскрешения”.

Братья, увидев это, от страха упали к его ногам, а старец сказал им: “Не ради меня это было, ибо я ничто, но ради вдовы и сирот ее Бог совершил это дело. Великое в том, что Бог покровительствует безгрешной душе и, о чем бы она ни попросила, то получит”. Пришел он и сообщил вдове, где положил муж ее залог. Взявши его, она отдала его хозяину, и тот освободил ее детей. Слышавшие это прославили Бога».

О двух покаяниях

... Рассказал один из Фиваидских старцев: «Я был сыном жреца языческого. Когда был ребенком, сидел часто в церкви и видел своего отца, часто приходившего принести жертву идола. И однажды тайно я пошел за ним и увидел Сатану, сидящего, и все воинство его, стоящее перед ним. И вот подошел один из его князей и поклонился ему. Отвечая, дьявол спросил его: “Откуда ты прибыл?” Тот же, отвечая, сказал: “В этой стране был, и устроил раздор и великую смуту, и кровопролитие сотворил, и пришел известить тебя”. И спросил его Сатана: “За какое время ты это сделал?” И тот ответил: “За тридцать дней”. Тогда Сатана приказал избить его за то, что столь много дней это делал. И вот другой пришел, кланяясь ему. Спросил его Сатана: “Откуда ты пришел?” Отвечая, демон сказал: “В море был, и устроил бури, и потопил корабли, и много людей убил, пришел доложить тебе”. Тот же спросил его: “За сколько дней сделал это?” Демон ответил: “За двадцать дней”. Приказал Сатана и того бить: почему за столько дней лишь это сделал? И вот третий подошел, кланяясь ему. И он спросил его: “А ты откуда пришел?” Тот, отвечая, сказал: “В этом городе была свадьба, устроил я ссору жениха и невесты и великое кровопролитие устроил, явился тебя известить”. Тот же спросил: “За сколько дней сделал это?” Он ответил: “За десять дней”. Приказал Сатана бить и этого непротивного. Пришел и другой, поклонился ему. Спросил Сатана у него: “А ты откуда пришел?” Тот ответил: “Сорок лет был я в пустыне, борясь с одним монахом, а в эту ночь поверг его в любодеяние”. Услышав это, Сатана встал, поцеловал его и, взяв венец, который сам носил, возложил его ему на голову и посадил на трон рядом с собою. Произнес: “Ты смог одержать великую победу!”»

Сказал старец: «Увидев это, я проговорил: “Так велик чин монашеский”. С Божьего соизволения к спасению, ушел я и стал монахом».

О смиренном послушании

... Двое родных братьев пришли жить в монастырь. Один из них был постником, а другой имел послушание великое. Скажет ему старец: «Сделай это», – и делает с утра, а потом ел, и прославился послушанием в монастыре.

Поражен был этим брат его постник. И подумал он: «Испытаю его, имеет ли он послушание». Подошел, сказал отцу: «Пошли со мной брата моего, чтобы пойти нам в одно место». И отпустил его отец. Взял его постник, собираясь его искусить. Пришли на реку, в которой водилось многое множество крокодилов. И сказал ему постник: «Войди в реку и перейди ее». Как только тот вошел, приплыли крокодилы и стали лизать тело его, и не повредили его. Увидел это постник, сказал ему: «Выйди из реки».

Идя обратно, нашли они тело, брошенное на дороге. И сказал постник: «Если бы у нас была тряпица, покрыли бы ею тело». И сказал послушник: «Помолимся, может, встанет». И встали они на молитву. Когда же они помолились, встал мертвец.

Показал Бог все это отцу в монастыре: и как испытывал брат брата своего с крокодилами, как встал мертвец. Когда постник пришел в монастырь, сказал отец постнику: «Почему ты так поступил с братом своим? Это в награду за послушание его встал мертвец».

О различном достойном житии старцев

Рассказывали об одном отшельнике, который отправился в пустыню, одетый только в левитон, и, пройдя три дня, поднялся на скалу и увидел под ней траву и человека, пасущегося, словно зверь. И сошел он вниз и задержал его. Старец же был нагой, изможденный и, испугавшись человека, вырвался от него и побежал. И погнался брат вслед за ним, выкрикивая: «Бога ради бегу за тобой, подожди меня». И тот, обернувшись, ответил ему: «И я Бога ради бегу от тебя». Потом же, когда он снял с себя одежду, подождал его. И когда он приблизился, сказал ему: «Когда ты отказался от мирского имущества, я подождал тебя». Тот, взмолившись, проговорил: «Отец, скажи, как мне спастись?» А он ответил ему: «Избегай людей, безмолвствуй, и спасешься».

... Говорили о том, что один отшельник рассказал братьям из Раифы, где растут 70 финиковых пальм и где Моисей вооружился вместе с народом, когда они вышли из Земли египетской. А говорил вот о чем: «Задумал я как-то отправиться

в пустыню, чтобы найти вдали от меня живущих и трудящихся для Владыки Бога. И шел 40 дней и 40 ночей, и нашел пещеру, и подошел к ней, и заглянул в нее. И увидел там человека сидящего, и постучал по монашескому обычаю, чтобы он вышел приветствовать меня, но тот не пошевелился, потому что был мертв. Я же, ничуть не обратив на это внимания, вошел и взял его за его руку, и он тотчас же растаял и сделался прахом. И увидел я еще висящую в воздухе одежду, но когда дотронулся и до нее, она тоже растаяла и исчезла. В смятении я вышел оттуда, и пошел по пустыни, и нашел другую пещеру и следы мужских ног. С радостью приблизился я к пещере, постучал, и никто не отозвал-ся. Когда же я вошел туда, то никого в ней не нашел. Стоя у пещеры, я подумал, что раб Божий должен вернуться, если он здесь живет, поскольку день близился к концу. И увидел я движущихся верблюдов и обнаженного раба Божьего, волосами своими прикрывающего срамные части тела. Когда он приблизился ко мне, то, приняв меня за духа, стал на молитву, ибо, как он потом говорил, много бед принял он от духов. И я, поняв это, сказал ему: “Я – человек”. И тогда сказал он: “Аминь”. Видя меня, он успокоился, взял меня за руку и повел в пещеру и спрашивал, зачем я сюда пришел. Я же ответил: “В поисках рабов Божиих пришел я в эту пустыню. И не отказал нам Бог в этом желании”. И я, спрашивая его, сказал: “Сюда как сам ты пришел и чем питаешься, и почему тебе, нагому, не требуется одежда?” И он ответил: “Я в монастыре был в Фиваиде, занимался ткачеством. И возник во мне помысл, говорящий: «Уйди и живи один, имеешь силы безмолвствовать и получишь большую награду от плодов своего труда». Как только я пообещал это помыслу, то решил работу свою закончить, поскольку имел приказание оставить монастырь. Многие раздавая доходы, старался нищим и странникам их раздавать. Тогда враг наш дьявол, позавидовав, как всегда, захотел воздать мне за ревностные труды мои к Господу. Встретил я одну монахиню, приказавшую мне однажды и, когда я это сделал, ставшую принуждать, и еще принуждать, и еще приказывать делать другое; и так стало это обычаем, и смелости стало больше, а кончилось прикосновением рук, и

смехом и сожиганием; и делая это, породили мы беззаконие. Пребывал я с нею шесть месяцев в падении и вспомнил слова Илии: «Сегодня или завтра или через много лет смерть получу и приму вечные муки. Ибо, если кто мужнюю жену опорочит, вечным мукам предан будет». Я осквернил Христову невесту, и поэтому в эту пустыню тайно бежал, оставив все женщине. И, придя, я нашел пещеру, источник этот и финиковую пальму, приносящую мне 12 мечей фиников. В месяц она дает один меч, которого хватает мне на 10 дней, а потом созревает и другой. Через много лет отросли мои волосы; когда одежды истлели, ими прикрываю, как положено, постыдные места на теле». Поскольку я еще расспрашивал его, – “не было ли тебе сначала здесь трудно?” Он продолжил: “Сначала я страдал очень, так что и на землю падал от болей в почках, и не мог совершать службу стоя, а лишь лежащим на земле, я призывал Всевышнего. Когда я лежал в пещере в сильной тоске и страдании из-за того, что совершенно не мог выходить наружу, увидел я человека, который вошел и спросил: «Чем ты болеешь?» Я же едва смог вымолвить: «Почки у меня болят». Он спросил меня: «Где болит?» И когда я показал ему, пальцами руки своей, соединив как должно, прорезал место, как ножом, вынул почки, показал мне струпья и, рукою выдернув, в лоскут струпья положил, рукою сдавил больное место, сказал мне: «Теперь ты здоров, служи Владыке Христу как следует». С тех пор я здоров и так, работая, живу здесь. Много раз я просил его о том, чтобы позволено было мне жить в прежней пещере, но он отвечал: «Не смей, иначе пострадаешь от козней демонских»».

Я же о сути этого рассказа рассудил, попросил его, чтобы, помолившись, он отпустил меня. А рассказал вам это пользы ради вашей».

О смирении

... Брат обиделся на брата. Тот, узнав об этом, пришел покаяться перед ним. Он же не открыл ему дверь. И пошел тот к некоему старцу и рассказал ему об этом. И ответил ему старец, говоря: «Остерегайся оправдать себя в сердце своем, ибо осуждая брата своего, что тот виновен, ты не оправдаешь себя.

Из-за этого он не был извещен свыше, чтобы открыть тебе дверь, но, говорю тебе, если он и виновен перед тобой, иди, положи на сердце своем, что ты виновен перед ним, а брата своего оправдай, и тогда Бог известит его помириться с тобой». – И рассказал ему такую притчу, говоря: «Жили двое простых людей-постников, и, посоветовавшись, ушли из мира и стали монахами. И, следуя евангельской заповеди, но не понимая ее, оскостили себя, говоря – ради Царства Небесного. Архиепископ, узнав об этом, отлучил их от церкви. Они же, думая, что добро сделали, роптали на него, говоря: “Мы оскостили себя ради Царства Божьего, а он отлучил нас, но пойдем да пожалуемся на него архиепископу Иерусалимскому”. Пошли и рассказали ему. И сказал им архиепископ: “И я отлучаю вас”. И опечалившись от этого еще больше, они отправились в Антиохию к архиепископу и рассказали ему о себе. И тот тоже отлучил их. И сказали они друг другу: “Пойдем в Рим к патриарху, и он отомстит за нас всем им”. Придя к великому архиепископу Римскому, известили они его о том, что сделали им архиепископы. “Мы пришли к тебе, – сказали они, – потому что ты – самый главный”. Но сказал им и тот: “И я вас отлучаю, вы отлучены”. Тогда, обращаясь друг к другу, они сказали: “Все они друг за друга, потому что на соборах встречаются, но пойдем к святому Епифанию, архиепископу Кипрскому, и известим его, ведь он пророк и не станет лицемерить перед человеком”. Когда они приблизились к городу, где он жил, объявили ему о себе и пошли к нему навстречу, он сказал им: “Не входите в этот город”. Тогда они подумали: “Мы действительно согрешили. Чем себя оправдаем? Если бы те несправедливо нас отлучили, тогда этот пророк был бы извещен, ибо это Бог показал ему сокровенное”. И осудили себя за грех, который сделали. Тогда увидел всезнающий Бог, что они действительно осудили себя, и сказал о них отцу Епифанию. Тот, впусив их, привел их к себе, и утешил, и принял их в общение, и написал архиепископу: “Прими детей своих, потому что они действительно покаются”».

И сказал старец: «Исцеление человека, которого хочет Бог, в том, чтобы человек рассказал об искушении своем перед

Богом». Выслушав, брат сделал так, как сказал старец: пошел, постучал в дверь брата. Тот же, как только услышал это внутри келии, раньше его покаялся и открыл ему, поцеловались они от души и помирились.

О провидцах

...Сказал авва Даниил, ученик отца Антония: «Рассказывал нам старец Антоний, говоря о каком-то другом брате, в действительности же сам о себе: “Когда старец сидел в своей келье, явился голос, произнесший: «Выйди, и я покажу тебе человеческие дела». И, встав, он вышел, а тот привел его на одно место и показал ему мурина, который рубил дрова и сделал большую охапку. Попробовал он поднять ее, но не смог и, вместо того, чтобы убавить, пошел и еще нарубил дров и прибавил их к охапке, и делал так много раз. И пройдя немного, показал он ему еще человека, стоящего у колодца и вычерпывающего воду в дырявую емкость и ту же воду выливающего в колодец. Сказал еще голос: «Пойдем, и я покажу тебе другое». И вот увидел я церковь и двух людей, сидящих верхом на конях и держащих с двух концов поперек бревно. Хотели они пройти в ворота, да не могли, потому что держали поперек бревно. Не договорились между собой, чтобы один повернул дерево правильно, и поэтому они остались за воротами”.

Те, что несли дерево, – это правда с гордостью; не пожелали они смириться друг с другом и ходить со смирением по пути Христа, поэтому и останутся за пределами Царства Божьего. Тот, кто рубит дрова, – это человек, который имеет много грехов и, вместо покаяния, другое беззаконие прибавляет сверху беззаконий своих. А черпающий воду – это тот, кто творит добрые дела, но, поскольку не противится злу, тем самым губит свои добрые дела».

Следует любому человеку быть осмотрительным в своих поступках, чтобы не во грех трудиться.

... Рассказывал один старец, говоря: «Жил в пустыни отшельник около города вблизи реки Нил, и прислуживал ему один преданный мирянин. А в городе жил один богатый и бесчестный человек. Случилось так, что он умер, и провожали

его все горожане и епископ со свечами. Отправился, как обычно, тот, кто служил отшельнику, отнести ему хлеб, и нашел его изъеденным гиеной, и упал он ниц, взывая к Богу: “Я не поднимусь до тех пор, пока Ты не объяснишь мне, почему это так, – что тот нечестивец имел такие проводы, а этот, который служил тебе день и ночь, так умер?” И пришел ангел и сказал ему: “Тот нечестивец сделал мало добрых дел, но принял здесь покой, чтобы не иметь там никакого покоя. Этот же отшельник, поскольку был человеком, исполненным всяческой благодати и имел в этом мире мало соблазнов, получив это здесь, там будет чист перед Богом”. И встал слуга, просвещенный, прославляя Бога, потому что истина есть».

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

О черноризце Иоанне

Есть, говорят, в этой пустыни брат наш Иоанн, юный телом, всех нынешних черноризцев добродетелями превосходящий. Его никто быстро найти не может, поскольку он всегда ходит с места на место в пустынях. Сначала он стоял на скале три года, постоянно пребывая в молитве, никогда не садился и спал даже стоя, да и то немного. В воскресенье только принимал Святые Дары, которые приносил ему пресвитер, а другого ничего не ел.

Однажды преобразился сатана в пресвитера, придя к нему утром, хотел причастить его. Распознав его, блаженный Иоанн обратился к нему: «О отец всякого лукавства и всяческой лжи, враг всяческой истины! Ты не прекращаешь совращать христианские души людей, но ты дерзаешь покушаться на самое пречистое причастие». Тот же ему отвечал: «Чуть было я тебя не уловил, ну так я обманул другого из твоей братии и лишил его рассудка, и он стал бесноватым. И многие святые за него молились, но едва смогли возвратить ему рассудок». И, сказав это, бес отошел от него.

Когда ноги его потрескались от долгого стояния, и из них потек гной, явился ангел, прикоснулся к его устам, говоря: «Христос будет тебе истинной пищей, а Дух Святой – истинным питьем, и да будет тебе достаточно духовной пищи, чтобы ты не изверг ее никогда, насытившись». И, исцелив его, он перенес его с того места.

Так он жил, по пустыни ходя, ел траву, но в воскресенье на то же место возвращался и принимал причастие. Попросив у пресвитера немного пальмовых листьев, плел он подпруги. Когда один хромой захотел придти к нему, чтобы исцелиться, то как только сел он на осла и ногами коснулся подпруги, которая была сплетена святым человеком, сразу выздоровел.

Ему открылось некогда, что в его монастырях некоторые живут неправедно. Пишет он ко всем пресвитерам послание о том, что одни ленятся, другие же стремятся совершать добрые дела и так обретают истину, которую ищут. Пишет он и к отцам, что некоторые из них ленятся заботиться о спасении братии, а другие же много о нем молятся. И тем и другим честь и муки предсказывал. И еще, иных к совершенству духовному призывая, убеждал, чтобы возвысились они от видимых предметов к невидимым. «Пора показать при жизни, что мы – не детьми, – говорил, – или младенцами хотим оставаться, но к более высокой степени разума перейти и к великим делам приступить».

Так и другое нам и многое отец о святом муже рассказывал, но мы из-за большого числа чудес обо всех их не писали, не потому, что они не правдивы, а потому, что некоторые не поверили бы. Мы же твердо знаем об этом, ибо многие великие подвижники то же рассказывали, все то, что своими глазами они видели.

О черноризце Пафнутии

Видели мы и монастырь Пафнутия, человека великого и добродетельного, который недавно скончался в окрестности Гераклеополя в Фиваиде. О нем многие много рассказывали.

После многих трудов он попросил Бога указать: «кому из святых я подобен». Ангел явился ему и сказал: «Подобен ты тому свирельнику, который в городе живет». Поспешно он отправился к нему, расспрашивал его о его жизни и какие он сделал дела. Тот же сказал ему, что и было правдой, что он грешник, пьяница и блудник, – так о себе рассказывал, – не так давно пришел на это из разбойничества. На расспросы о том, сделал ли он когда что-нибудь доброе, он ответил ему: «Никакого добра за собой не знаю. Кроме как, когда я был

разбойником, тогда монахиню хотели разбойники оскорбить, я отнял ее и ночью до села проводил. Однажды еще женщину встретил очень красивую, бродившую по пустыни, преследуемую людьми сановника из-за долга мужа своего. Найдя ее в слезах, спросил я у нее о причине тех слез. И она ответила: «Не расспрашивай ни о чем меня, господин, не спрашивай, окаянную, но, как рабу свою возьми и куда хочешь уведи. После того как мужа моего много били в течение двух лет из-за долга в триста златников и посадили в тюрьму, а любимых моих троих детей продали в рабство, я встала и убежала, скитаясь с места на место. Теперь по пустыни брожу, много раз я была схвачена, часто меня били, а последние три дня хожу по пустыни голодная». Я пожалел ее, привел в пещеру, дав ей триста златников, до города проводил, освободив мужа с детьми ее».

Ему отвечал Пафнутий: «Я за собой не знаю ничего, что было бы подобно этим делам, но в трудах черноризческих, – полагаю, ты слышал как славно мое имя, – ибо не в лени жизни свою проводим. Однако Бог открыл мне о тебе, что ты ничем не хуже меня по своим заслугам. И, если великое слово за тебя, брат, сказано Богом, не забывай о душе своей».

Тот же бросил тотчас свирель и, песни свирельные на духовные заменив, вслед за ним в пустыню отправился. В течение трех лет трудился и в песнопениях и молитвах закончил свою жизнь. К небесному житию отправленный, он почил и был причтен к сонму святых и чинам праведных.

После того как Пафнутий этого достойно трудившегося к Богу препроводил, он предался еще большим подвигам, чем прежде. И снова спросил он Бога явить ему, кому из святых он подобен. И опять голос Божий был к нему, произнесший: «Подобен ты старейшине ближайшего селения». Он же сразу пришел к нему и, как только постучал в ворота, вышел тот, чтобы по своему обыкновению принять странников. Омыв ноги ему и поставив перед ним трапезу, предложил он ему попробовать. Когда Пафнутий стал расспрашивать о его делах, говоря: «Человек, расскажи о своей мне жизни, ибо ты многих черноризцев, как мне открыл Бог, превосходишь». Он же назвал

себя грешником, недостойным имени черноризца. Но, поскольку тот продолжал расспрашивать, человек ответил: «Я бы не хотел о себе рассказывать, но, если, как ты говоришь, пришел по велению Бога, я тебе расскажу о себе.

Вот уже тридцать лет, как я сам отказался от жены, четыре только года с нею прожив и поимев от нее троих сыновей, которые по необходимости помогают мне. Не переставал любить странников и до сегодняшнего дня. Никто не похвалится, что только он и раньше меня странников принимал заботливыми руками из моего двора. Я не отверг падшего убогого, не подав ему необходимого утешения. Не взирая на лицо, не нарушал правосудия даже ради сына своего. Не проникали в мой дом плоды чужих трудов. Не было ссоры, которую бы я ни усмирил. Никто не бранил или презирал труды детей моих. Не прикоснулись к чужим посевам мои стада. Не заседал я свои поля прежде, чем другие, но заседал оставшиеся земли. Не давал обидеть сильному бедного. Никого не огорчил в жизни своей, никогда не возводил неправду на кого-либо. Коли Бог этого хочет, рассказал я тебе, что я это делал».

Услышав о добрых делах этого человека, Пафнутий поцеловал его в голову, говоря ему: «Благовестит о тебе Господь с Сиона и узришь благое Иерусалима. Ибо ты хорошо все это делал, но тебе недостает одной от хороших дел части – глубокого познания Бога. Этого не сможешь безболезненно достигнуть, если не отметишь от себя все мирское и, взяв крест, не пойдешь вслед за Спасителем». Тот, как это услышал, сразу, не посоветовавшись с близкими, ушел за Пафнутием под гору.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55

Когда мы шли в Фиваиду, один святой отец рассказал нам о старце Антине Великом, который, сделав маленькую келью, жил в ней за городом шестьдесят лет. Было у него десять учеников, а один из них – очень ленивый. Много раз старец выговаривал ему, и поучал его, и умолял: «Брат, позаботься о своей душе, ведь умрешь – и на мучение идти!» Брат же всегда слушивался старца, не принимая сказанного им. Случилось же

в каком-то году умереть брату. Много печалился о нем старец, зная, что в великой беспечности и лености ушел тот из мира сего. И начал старец молиться и просить: «Господи, Иисус Христос, истинный Бог наш! Дай мне увидеть душу брата». И вот взглянул в воображении, как будто в забытии будучи, и увидел реку огненную, и много в ней пламени, а посередине брата, погруженного по шею. Тогда сказал ему старец: «Не этой ли муки ради молил я тебя позаботиться о душе своей, чадо?» Отвечал брат, сказав старцу: «Слава Богу, отче, что, по крайней мере, голова моя в покое находится: так по молитвам твоим на голове епископа стою!»

Слово 98

И вот рассказал нам тот же Палладий, говоря: Слышал я, как поведал начальник одного корабля следующее: «Когда плыл я однажды, были со мною спутники, мужчины и женщины. Как вышли в открытое море – все благополучно плыли: те в Константинополь, те в Александрию, другие же в иное место, хотя ветер и не был им благоприятен. Мы же простояли дней пять, не сходя с места, где были. Впали мы в большую скорбь и в недоумение: что же это такое? Я же, начальник, как в сновидении, озабоченный кораблем и теми, кто на нем, начал молиться Богу об этом. И однажды раздался голос, невидимо говорящий: “Сбрось Марию в море, и свободно тебе поплывется!” Я же поразмыслил, сказав: “Так что же это будет? Кто такая Мария?” И, так как я не понял этого, снова раздался голос, говоривший: “Сказал я тебе: сбрось Марию в море, и спасетесь!” Тогда понял я наконец и воскликнул внезапно, громко сказав: “Мария!” Она же лежала на постели своей, да и откликнулась, говоря: “Что хочешь, господин?” Тогда сказал я ей: “Сделай милость, подойди сюда”. Она же, встав, подошла, а как подошла, взял ее, и отвел одну в сторону, и сказал ей: “Видишь ли, сестра Мария, какие на мне грехи, из-за меня и все можете погибнуть”. Она же, сильно вздохнув, сказала: “Действительно, господин кормчий, я грешница”. И снова я ей сказал: “Женщина, какие на тебе грехи?” Она же ответила: “Горе мне, ибо нет греха, которого я бы не сотворила; и моих ради грехов все вы погибнете”. И после этого раскрыла и поведала

мне женщина, так говоря: “Действительно, господин кормчий, я несчастная и злогрешная! Был у меня муж и двое детей, первый девяти лет, а второй – около пяти. А потом умер муж мой. Жил же по соседству со мною воин, и захотела я, чтобы взял он меня в жены, и послала к нему кое-кого. Воин же сказал: «Не возьму женщину, у которой дети от другого мужа!» Тогда я как услышала, что не хочет меня брать из-за детей, да к тому же и любя его, убила детей своих обоих, несчастная, и сообщила ему, говоря: «Нет у меня больше ребенка, ни единого». Как услышал то солдат, о детях-то, что я наделала, воскликнул: «Жив Господь, живущий в небесах! – ибо не возьму ее». Потому испугалась я, что узнают и умертвят меня, да так и убежала”. Такое услышав от женщины той, не решился я ввергнуть ее в пучину морскую, но так надумал и сказал ей: “Вот я спускаюсь в лодку, так знай же, женщина: если не тронется корабль, значит – не мои грехи держат его”, то же сказал и корабельщикам на корабле. Когда же сошел я в лодку, ничего не случилось, корабль не тронулся с места. Поднялся я тогда на корабль, сказал женщине: “Спустись и ты в лодку”, и она спустилась.

И как только она спустилась, тотчас лодка, раз пять перевернувшись, стремительно пошла ко дну и затонула, корабль же поплыл быстро, и за три дня пришли мы, плывя на нем, куда нужно было бы плыть пятнадцать дней!»

Слово 99

Я же и господин мой Софроний пошли в дом мудреца Стефана, чтобы побыть там: был уже полдень. Жил же он по дороге к церкви Святой Богородицы, которую создал блаженный папа Евлогий на восток от большого Тетрафола. Когда же постучались мы в дом мудреца, выглянула служанка, говоря нам: «Он еще лежит, немного подождите». Тогда сказал я господину моему Софронию: «Пойдем к Тетрафолу да там и побудем». Тетрафол – место, очень чтимое александрийцами, говорят даже, что мощи пророка Иеремии, в Египте взяв, Александр, основатель города, тут положил. Пока шли мы к Тетрафолу, не встретили никого, только трех слепцов, ибо был полдень. Прошли мы вблизи слепцов и в безмолвии и в молчании сели, раскрыв наши книги. Слепцы же много говорили

и расспрашивали друг друга: «Ну-ка, как ты ослеп?» Отвечал один, говоря: «Я был моряком, и, когда был молод,плыли мы от Африки морем, занедужил глазами и не знал, как исцелиться. Бельма появились в глазах моих». И спросил другого слепца: «А ты как ослеп?» Отвечал и тот, говоря: «Был я стеклодувом, и вытекли от огня оба моих глаза, и ослеп я». Спросили они и третьего: «Ты же как ослеп?» Отвечал он: «Раз уж я здесь, то расскажу вам. Будучи юным, очень презирал я работу, потому и не спасся от беды. Не знал я, где достать еды – тотчас же крал. В один из дней, уже наделав много зла, когда стоял я на месте, где казнят, увидел, как выносят мертвеца, богато накрытого. Пошел я вслед покойному, чтоб посмотреть, где его погребут. Итак, зашли они за церковь святого Иоанна Великого, и положили его в склепе, и отошли. Я же, как увидел ушедших, влез в гробницу и снял одежду, в которую был тот одет, оставив на нем одно лишь покрывало. Когда же хотел я покинуть склеп, взяв уже очень много, злое мое естество подсказало мне: “Возьми и покрывало его, уж очень красиво”. Повернулся я, несчастный, и лишь только снял с него погребальное покрывало, оставляя его нагим, как, поднявшись, сел предо мною мертвец и простер обе руки свои ко мне, пальцами оцарапал мне лицо и выдрал оба глаза мои. Тогда я, несчастный, оставив все, в великой беде и печали вышел из склепа. Вот рассказал я вам, как и я ослеп». Когда мы услышали это, поманил меня Софроний, и отошли мы от них, и сказал мне: «Ну-ка, господин и отец Иоанн, не совершим же сегодня недоброго, ибо большое благо сыскали»; пользу же получив, записали, чтобы и вы это восприняли: никто из творящих зло не утаится от Бога.

Слово 119

Тот же отец наш, Георгий-архимандрит, поведал нам об отце Юлиане, рассказав, как был он епископом в Востренах. Когда пришлось идти ему из монастыря, чтобы стать епископом в Востренах, некие вельможи этого города, недоброжелатели, захотели отравой погубить его. И подговорили виночерпия его, посулив мзду, и дали тому яд, чтобы, прислуживая митрополиту, всыпал отраву в чашу его. Слуга, как научен был, так и сделал,

и, положив в чашу, слуга божественному Юлиану отраву поднес. Но от Бога постигнув заговор, который содеяли, взяв чашу, поставил Юлиан ее пред собою, совершенно ничего не сказал слуге и, послав, призвал он вельмож, среди них и тех, которые на него устроили заговор. Божественный Юлиан, не желая обличать заговорщиков, кротко сказал всем: «Коли надеетесь смиренного Юлиана уничтожить отравой, вот перед всеми вами и пью». И перекрестив трижды чашу перстами своими, и сказав: «Во имя Отца и Сына и Духа Святого пью эту чашу», и выпив ее перед всеми, – остался он невредим. И видевшие это поклонились ему до земли.

Слово 134

В одном поприще от святого Иордана-реки есть лавра, называемая лаврой отца Герасима. Когда перешли мы в ту лавру, рассказали нам живущие тут старцы об отце Герасиме, как ходил он однажды по болоту у Иордана, и встретил его лев, громко режавший из-за лапы своей: вонзилась в нее тростниковая щепка. От этого распухла лапа и наполнилась гноем. Как увидел лев старца, показал ему лапу, пораненную вонзившейся занозой, плача и как бы умоляя его исцелить. Как увидел старец его в такой беде, сел и, взяв его за лапу, раздвинул рану и вынул тростинку с обильным гноем. Хорошо очистив язву и завязав ее платком, отпустил его. Исцеленный же лев потом не оставил старца, но, как ученик, куда бы ни шел тот, следовал за ним, так что дивился старец и впоследствии такому разуму зверя. С тех пор старец кормил его, бросал ему хлеб, давал чечевичную похлебку. Был же в той лавре один осел, на котором приносили воду для нужд святых отцов из святого Иордана, откуда пьют воду; отстоит же от лавры река в одном поприще. Вошло у старцев в обычай льва посылать, чтобы ходил он и пас осла по краю святого Иордана. Однажды, пасясь, отошел осел ото льва довольно далеко, и вот человек с верблюдами, из Аравии идущий, нашел его и взял с собою. Лев же, утратив осла, вернулся в лавру, очень печальный и угрюмый, к отцу Герасиму. Решил же отец Герасим, что съел осла лев, и спросил: «А где осел?» Тот же, подобно человеку, молча стоял, глядя в землю. Сказал ему старец: «Съел ли его

ты? Благословен Господь: все, что делал осел, отныне делать тебе». С тех пор, как и сказал старец, таскал он короб с четырьмя кувшинами и приносил воду. Пришел же однажды воин к старцу молиться и увидел льва, носящего воду, а узнав причину, сжалился над ним и, вынув три золотых, дал старцам, чтобы купили осла для своих надобностей и освободили бы от такой работы льва. Владелец же верблюдов, который похитил осла, вновь возвращался, чтобы продать пшеницу в святом граде, и осел был при нем. Перейдя святой Иордан, случайно тот встретился с львом: увидел его и, оставив верблюдов, бежал. Лев, признавши осла, помчался к нему и, взяв его пастью за холку, как делал обычно, привел – с тремя верблюдами, одновременно и радуясь, и возглашая, что осла, которого потерял, отыскав, привел к старцу. Старец же думал, что лев съел осла. Тогда старец, узнав, что оболган был лев, дал имя льву Иордан. Находился же в лавре лев свыше пяти лет, не отлучаясь из нее никогда. Когда же к Богу отправился отец Герасим и погребен был отцами, по Божьему усмотрению не было в лавре льва. Немного спустя вернулся он в лавру и искал старца своего. Отец Севатий, ученик отца Герасима, киликиец, увидя его, сказал: «Иордане! Старец наш оставил нас, сирот, и отправился к Господу, – но возьми и поешь!» Лев же есть не хотел и начал, стоя, глазами своими туда и сюда часто поводить, ища старца своего, громко рыча, но не теряя надежды. Отец же Севатий и прочие старцы, глядя его по спине, говорили: «Отошел старец к Господу, оставив нас». Но хотя ему так они говорили, не могли его от воплей и рыдания отвратить. Только думали его словом утешить и успокоить, как он лишь пуще рыдал, и вопли сильней испускал, и стоны издавал, перемежая их криками, – и мордой, и глазами выражая печаль, какую испытывал, не видя старца. Тогда сказал ему отец Севатий: «Пойди со мною, потому что не веришь нам, и покажу тебе, где лежит наш старец». И взяв, повел его туда, где того погребли. Находилось это от церкви за полпоприща. Став над могилой отца Герасима, отец Севатий сказал льву: «Вот, старец наш здесь погребен был». И преклонил колени отец Севатий над гробом старца. Лишь услышал лев и увидел, как

склонился отец Севатий над гробом, оплакивая, наклонился и он, сильно ударяя головою о землю и ревя. И так очень скоро умер над гробом. Все это было с бессловесной душой, как если бы Бог желал прославить его почитающих не только в сей жизни, но и после смерти, и показать нам, как повиновались звери Адаму до послушания им божеской заповеди и до лишения блаженства в раю.

Слово 148

Поведал нам отец Данил, старец из Египта, рассказав, как вышел однажды старец в Терфин, чтобы продать плоды своих трудов. А некий юноша умолял старца, говоря: «Ради Бога, отец, пойди ко мне в дом, помолись над моею женою, так как бесплодна она». Понуждаемый юношей, старец пошел в его дом, сотворив жене его молитву. И когда Бог пожелал, женщина зачала. Некие же люди, не боясь Бога, начали клеветать на старца и говорить, что юноша бездетен, и от отца Данила беременна его жена. Дошел слух до старца, и попросил старец мужа женщины: «Когда родит твоя жена, сообщи мне». Когда же родила женщина, дал знать ему юноша тайно, говоря: «Благодаря Богу и молитвам твоим, отче, младенец родился у нас». Тогда отец Данил попросил юношу: «Устрой пир в честь крещения, созови твоих родственников и друзей». И во время обеда перед всеми взял старец младенца на руки, спросив его: «Кто здесь отец твой, младенец?» И ответил младенец этот, пальцем руки указав на юношу. Было же ему всего двенадцать дней.

Слово 234

Рассказывал Савватий, говоря: «Был я в лавре отца Фирмина, пришел разбойник к отцу Зосиме и умолял старца, говоря: “Сделай милость Бога ради! Совершил я множество убийств, позволь мне быть монахом, и прекратил бы я, и отстал бы я от своего зла”. Старец же, прочтя ему наставление, поставил его черноризцем, подавая ему пример во всем. Но вскоре же сказал старец: “Верь мне, чадо, что здесь ты оставаться не можешь, ибо если услышит о тебе какой-нибудь правитель, то схватит тебя, и обвиняющие тебя убьют. Но послушай меня: отведу тебя в монастырь, подальше отсюда”. И

отвел его в Дорофеев монастырь возле Газы. И провел он тут девять лет, изучил Псалтырь и всю монашескую службу, и снова вернулся к старцу в фирминскую лавру, и сказал ему: “Господи, отче, сделай милость и верни мне одежды мои мирские, возьми себе монашеские”. Старец же опечалился и молвил ему: “Зачем, чадо?” Отвечал ему брат, говоря: “Вот, как ты знаешь, отче, девять лет я в монастыре, и, насколько мог, я постился и воздерживался, и в полном молчании и в страхе Божьем жил, повинуюсь. И познал я, что благодать Его меня приняла со всем моим злом. Однако вижу всегда – и во сне, и в церкви, и как пойду причащаться, и за едой – младенца, спрашивающего меня: «За что ты меня убил?» И ни на один час не отпускает меня. Вот почему и хочу я, отче, идти, чтоб умереть за младенца, ведь я и убил-то его бессмысленно”. И, взяв одежды, облекся в них и покинул лавру, а как пришел в город Диапол, на другой день схватили и убили его».

Слово 258

Рассказывал нам о том же и тот же Дионисий-пресвитер, как однажды ходил старец по полю Сохусты, где и была его пещера. И, двигаясь, увидел огромного льва, навстречу идущего. А шел он очень узкой дорогой между двумя изгородями, ибо принято было у земледельцев огораживать свои поля, терновые кусты насаживая. Дорожка была настолько узкой, что лишь одному пешему, ничего не несущему, едва пройти, поскольку терновник сильно разросся и нельзя было разминуться при встрече, если кто-то проходил мимо. Когда же сблизились друг с другом старец и лев, старец отклонился на перекрестке, чтобы уступить льву: из-за узости дороги ни лев не мог пройти, ни разминуться им нельзя было. Увидев, что божий угодник хочет пройти и никак не желает возвращаться, лев, доверчиво на задние лапы став слева от старца и изгороди, тяжестью тела и силой образовал небольшой проход, безвредно праведному проделал дорогу. И так прошел старец, к задним ногам прикасаясь льва, а потом и лев, отойдя от изгороди, своим путем пошел.

Слово 266

На острове Самосе поведала нам боголюбивая и нищелюбивая Мария, мать кандидата Павла, говоря: «Когда была я в городе Ниесевии, жила там женщина-христианка, имевшая мужа язычника. Жили же они бедно, но было у них пятьдесят больших сребреников. Однажды сказал муж жене своей: “Отдадим сребреники эти займы, по крайней мере какую-то пользу получим от них. А если по одному их истратим, то не станет их вовсе”. Отвечая, та добрая женщина сказала ему: “Если велишь отдать их займы, передай их займы Богу христианскому”. Сказал ей муж: “Где же тот Бог христианский, чтобы дать ему займы?” Ответила ему жена: “Я тебе покажу его; если же этому дашь ты займы, не только не потеряешь деньги, но с процентами тебе их вернет и капитал приумножит”. Он же попросил ее: “Пойди, покажи мне, и дам ему займы”. И она, взяв мужа своего, повела его в святую церковь. Есть же в церкви Ниесевийской пять огромных притворов; и как ввела его в притворы церковные, где огромные двери, показала ему нищих, промолвив: “Если этим отдашь, Бог христианский возьмет сие, ибо все они – божьи слуги”. И он тотчас с радостью подал пятьдесят сребреников убогим, и вернулись оба домой. Но через три месяца, как кончилась у них еда, сказал муж жене: “Сестра! Не желает ли Бог христианский вернуть нам что-нибудь из того долга?” Отвечая, жена сказала ему: “Да! иди туда, где положил, и подаст он тебе с полным желанием”. Он же, торопясь, пришел в святую церковь и стал на месте, где отдал нищим сребреники; и, обойдя всю церковь, усомнился, не видя никого, кто хотел бы подать что-нибудь, одних лишь сидящих нищих. Но лишь снова подумал он про себя: “Кому сказать? с кого требовать?”, как увидел под ногами своими на мраморе один большой сребреник, из тех, что он роздал нищим. Наклонившись и взяв его, вернулся домой и сказал жене своей: “Ходил я в вашу церковь, поверь мне, жена, не видел я Бога христианского, как ты обещала, и никто мне не дал ничего, только этот сребреник нашел я лежащим там, где сам я роздал пятьдесят сребреников”. Тогда сказала ему та удивительная женщина: “Он есть тот, кто невидимо подал тебе, ибо невидим он и незримою силою и рукою мир создает. А теперь иди,

господин мой, купи нам что-нибудь, чтобы поесть сегодня; он же снова подаст тебе”. Тот же, пойдя, купил хлеба, и вина, и рыбы и, вернувшись, дал жене своей. А она, взяв рыбу, начала ее мыть и, вспоровши ее, нашла внутри рыбы камень, весьма удивительный. Жена лишь подивилась ему, не зная, что это, но сохранила его. Когда же вернулся ее муж, за едой показала она камень, который нашла, говоря: “Вот этот камень нашла я в рыбе”. И он, посмотрев, дивился его красоте, также не зная, что это. После того, как они поели, сказал он: “Дай мне, пойду продам его, может быть, и дадут за него что-нибудь”. Ибо не ведал, как я сказал, этот невежда, что это такое. Взяв камень, пошел он к меняле, который торговал и серебром: “Хочешь ли купить камень этот?” Увидев камень, торговец серебром сказал ему: “Что хочешь за него взять?” Ответил ему продающий: “Дай сколько хочешь”, и ответил ему меняла: “Возьми пять сребреников”. Продающий же, думая, что шутит он над ним, спросил: “Да дашь ли столько за камень?” Торговец же серебром, полагая, что тот так негодует, отвечая, сказал: “Ну, возьми десять сребреников”. Продающий же, решив, что снова над ним смеются, промолчал. Сказал торговец: “Возьми двадцать сребреников за него”; тот снова молчал, ничего не отвечая, пока и до тридцати, и до сорока, и до пятидесяти сребреников не поднял цену торговец серебром. Клялся он, что взаправду хочет так дать. Тогда продающий, придя в себя, подумал, что, если бы камню не была велика цена, пятидесяти сребреников за него бы не дали. Начал он снова наценивать камень и, постепенно цену все увеличивая, дал ему торговец триста больших сребреников. Взяв их и камень отдав, пришел тот к жене своей, радуясь. Она же, увидев это, спросила: “За сколько продал?” – думая, что или за пять, или за десять медных монет продал его. Он же вынул триста больших сребреников, отдал ей, сказав: “За столько продано было”. Та же, человеколюбивого Бога дивясь благости, сказала мужу: “Видишь, муж, Бог христианский сколь благ, и благоразумен, и богат. Видишь ли, что не только пятьдесят сребреников, но с процентами дал тебе, займы ему давшему, в малый срок в шесть раз тебе воздал. Знай же, что нет Бога иного на небесах и

на земле, но только этот один”. И принял он веру, этим чудом и опытом наученный истине, стал христианином тотчас же и прославил Христа Бога нашего с Отцом и Святым Духом, много похваляя мудрость своей жены, ибо благодаря ей дано было ему воистину Бога познать».

Слово 270

Пришли мы в Аскалон, в гостиницу при лавре, и поведал нам отец Евсевий, священник, как купец из этого города, плывя, потерял и свое, и чужое, сам лишь спасен был. Вернувшись сюда, схвачен был заимодавцами, посажен в темницу, а дом его был разграблен. И в темнице посещала его жена, которая, придя в большую печаль от нужды, испросила разрешения хотя бы хлебом кормить мужа. Сидела она однажды и ела с мужем в темнице, как вошел знатный вельможа, желавший оказать милости узникам, и, увидев свободную женщину, рядом с мужем сидящую, ею увлекся, ибо была она очень красива. И позвал ее через тюремщика. Она же с радостью пришла, думая получить милость, но, оставив ее одну, сказал ей вельможа: «Кто ты и почему здесь?» И поведала ему все. Он предложил: «Если выкуплю ваш долг, ляжешь ли со мною в эту ночь?» Воистину красивая и мудрая ответила ему: «Слышала я, господин, апостол говорил, что жена не владеет своим телом, но муж. Подожди здесь, господин, спрошу я мужа своего и, как он скажет, сделаю». И, вернувшись, рассказала все мужу. Он же, полный рассудительности и заботы о своей жене, не заторопился, чтобы покинуть темницу, но, вздохнув, сказал жене своей: «Иди, сестра, откажи человеку, будем надеяться на Господа нашего Иисуса Христа, не оставит нас до конца». И, вернувшись, отпустила она человека, сказав: «Говорила я это мужу моему, но не согласился он». Тогда же посажен был в ту же темницу разбойник, еще до ареста купца. И все наблюдал он, и слышал жену и мужа, и вздохнул про себя, говоря: «Смотри, в какой беде эти двое, но и свободы своей не отдают за богатство, чтобы, взяв его, откупиться, предпочитая благоразумие, и за жизнь свою не тревожатся. Что же сделаю я, несчастный, никогда и не вспомнивший, что существует Бог – почему и разбойником стал?!» И подозвал их к себе,

позванивая дверцами решетки, за которую посажен был, и сказал им обоим: «Я разбойник и виновен в разбое; сейчас придет начальник, и умру я как убийца. Увидев же благоразумие ваше, смирился я. Так идите на эту сторону городской стены и, выкопав, возьмите сокровище, какое найдете. Хватит и на выкуп, и на другое доброе дело, молитесь и за меня, пусть и я получу прощение». Через несколько дней пришел начальник, велел разбойника вывести и приказал отрубить ему голову. Еще через день сказала жена мужу: «Прикажешь ли, господин мой, идти, куда указал разбойник? Может быть, он и правду сказал». Тот же ответил: «Если тебе угодно». Она же, вечером взяв небольшую мотыгу и став на указанном месте, копая, отыскала спрятанный горшок и, взявши, ушла. Хитроумно начав с малого, давая понемногу, как будто получала от того и иного, выкупила и освободила мужа своего. И добавил рассказчик: «Видишь: сохранили те двое заповедь Господа нашего Иисуса Христа – и преумножил он милость свою на них».

Слово 271

Поведал нам Афанасий, по рождению антиохиянин, говоря об отце Врохате, египтянине, что, когда пришел тот из Египта в Селевкию близ Антиохии, нашел вне города место пустынное и хотел себе построить маленькую келью. Построив же, не знал, чем покрыть ее. Однажды вошел он в город и встретил Анатолия, так звали селевкийца и антиохийца, гробовщика, который сидел возле дома своего. И, подойдя к нему, сказал: «Сделай милость, господин, дай мне маленькое деревце, чтобы покрыть мою келью». Тот же очень разгневался и крикнул: «Вот дерево, бери – и иди», указав на огромное дерево, перед домом его лежащее, достаточное, чтобы построить корабль для пятидесяти тысяч. Ответил ему святой отец: «Благослови, и возьму». Снова крикнул ему Анатолий язвительно: «Благословен Бог!» Тот же, взяв дерево и возложив на плечи свои, пошел к себе в келью. И дивился преславному чуду Анатолий, подарил ему то дерево на нужды, какие были. Он тем деревом не только помянутую келью покрыл, но и многое другое для монастыря устроил таким поступком.

Слово 284

Поведал некий святой отец, как некогда каменщик, называемый гранильщиком, с драгоценным камнем и бисером взошел на корабль с помощниками своими, собираясь торговать. Случилось же, по предначертанию, что сдружился он с неким слугой корабельщика, который прислуживал ему и отдыхал с ним. И от гранильщика тот кормился, от того, что он ел сам. Однажды слышит слуга, как шепчутся помощники корабельщика, решившие сбросить гранильщика в море из-за драгоценных камней. И так как в тот день, как обычно исполняя свои обязанности, слуга выглядел очень унылым, то спросил его гранильщик: «Что ты печален сегодня, сын мой?» Тот же тихонько ответил: «Ничего». Снова спросил гранильщик, говоря: «Правду скажи мне, что с тобой?» Тогда разразился он плачем и сказал ему: «Такой заговор устроили корабельщики на тебя». Когда переспросил гранильщик, осторожно ответил ему: «Так решились поступить с тобою». Тогда призвал гранильщик слуг своих и сказал им: «Что скажу вам, исполните быстро и без рассуждения всякого». Расстелил он полотно и приказал им: «Принесите ларцы», – и принесли. И, раскрыв их, начал раскладывать камения, а разложив все, произнес: «Это ли – жизнь? их ли ради несчастье приму я в море и пострадаю, а потом и умру, ничего не взяв с собою из этого мира?» И сказал своим слугам: «Высыпьте все в море!» И дивились корабельщики, и разрушился заговор их.

* * *

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Слово о рассмотрении

... Поведаше авва⁶³⁹ Данил, яко егда бѣ въ Скитѣ⁶⁴⁰ авва Арсений,⁶⁴¹ и бѣ единъ мнихъ ту, крады ссуды старчемъ. И авва Арсений поятъ его в хыжю свою, хотяй научити и старча покоити, и глагола ему: «Емуже хочещи, дам ти азъ, токмо и не кради». И дасть ему чату⁶⁴² злату, и ризу, и всю потребу. Шед же, пакы крадяше. Отцы же, то видевши, яко не престаяше, изгнаша я, глаголаше, яко: «Аще обрящется братъ, имѣя нравъ золь, подобаетъ терпѣти его. Аще ли крадетъ и, учимъ, не останеть того, ижжените и, яко свою душу погубить и вся сущая на мѣстѣ томъ възмуцаеть».

О творящих знаменья святых старецъ

... Взиде иногда тоиже авва Макарий⁶⁴³ от Скита в Тернуть⁶⁴⁴ и вниде въ гробища спатъ. Бѣ же ту кости елиньски многы сухы. И возьмъ от нихъ едину, положи ю подъ главою си, яко дохторъ. Видив же дѣмони дерзновение его,⁶⁴⁵ ревновавша и хотѣша пострашити и, вопияху, яко женско имя глаголаше: «О, она, поиди с нами в баню мыться». Отъзважеся другыи дѣмонъ от мертвыя кости, глаголя: «Страньна имамъ верху себе и не могу прити». Старечь же не убояся, но дерзая бьяше трупа, глаголя: «Въстани, иди, аще можеши». И се слышавше дѣмони, възпиша велиимъ гласомъ, глаголюще: «Побѣдилъ ны еси». И бѣжаша посрамлени.

... Глаголаше авва Сисой.⁶⁴⁶ «Егда ядахомъ въ Скитѣ со отцемъ Макариемъ, взидохомъ пожати, с нимъ 7 мужъ; и се едина вдовица, класы събираючи бѣ за нама, и не престаше плачущися. Возва же старѣшину вси тоя и рече ему: “Что имать старица си, яко вьсегда плачеться?” И глагола ему, яко: “Мужъ ея взятъ залогъ у единого и умре напрасно, и не повѣдѣ, кде положи. И хочеть же господинъ за залогъ пояти ю и дѣти ея въ рабъ мѣсто”. Глагола ему старецъ: “Рци ей, да придетъ к намъ, идеже почиваемъ полудень”. И пришедши ей, рече ей старецъ: “Что еда плачешися тако?” И рече: “Мужъ ми умре, возьмъ залогъ отъ единого, и не повѣдѣ, умирая, кде положи ѿ.”. Рече старецъ: “Приди, покажи намъ, кде и еси положила”. И поимъ братью с собою и изиде с нею, и, пришедъшемъ на мѣстѣ, рече старецъ: “Отъиди въ домъ свои”. И помолившемся имъ, възва старецъ мертвеца, глаголя онъ именемъ рекъ: “Кдѣ еси положилъ заимъ чюжь?” Онъ же отъвѣщавъ рече: “В дому моемъ есть сокровено под ногу одру”. И рече ему старецъ: “Спи пакы до дне възкресенья”.

Видѣвъше же братья, от страха падоша на ногу его, и рече имъ старецъ: “Не мене дѣля бысть се, ничтоже бо есмь азъ, но вдовицѣ дѣля и сиротѣ ея створи Богъ створи вещь сию. Се же есть велико, яко безгрѣшнѣ хочеть души Богъ, и егоже аще просить и прииметь”. Пришедъ же, възвѣсти вдовицѣ, кде положи залогъ. Она же возьмъши, дасть господину его, и свободи чада ея. Слышавъше же, прославиша Бога».

Покаяниема обема

... Глаголаше старецъ от Тиваидскихъ старецъ,⁶⁴⁷ яко: «Азъ бѣхъ сынъ иерея идольскаго. Малъ же сы убо, сѣдѣхъ въ церкви и видивъ отца своего множицею входяща жертву створити идолу. И единою отаи внидохъ въслѣдъ его и видихъ Сотону сѣдяща, и вся воя его престоюща ему. И се единъ князь его пришедъ, кланяшеся ему. Отвѣщавъ же дьяволъ, рече ему: “Откуда ты приде?” Он же отвѣщавъ, рече: “На сей странѣ бѣхъ и въздвигохъ брань и многъ мятежъ, и пролитъе крови створихъ, и придохъ възвѣститъ ти”. И рече ему: “Колицѣмъ лѣтъ се створи?” Он же рече: “30-ми день”. Он же повелѣ бити его толицѣмъ день се творша. И се инъ, пришедъ, кланяшеся ему. И рече ему: “Откуда ты еси пришелъ?” Отвѣщавъ дѣмонъ, рече: “Въ морѣ бѣхъ и въздвигохъ трусы и потопахъ корабля, и многы мужа убивъ, придохъ възвѣститъ тебѣ”. Он же рече ему: “В колико дний и се створи?” Дѣмонъ же рече: “Есть дни 20”. Повѣлѣ же и того бити почто в толико дний се едино створилъ. И се третій, приступль, кланяшеся ему. И рече ему: “Откуда ты приде” Он же, отвѣщавъ, рече: “В семь градѣ брачѣ быша, и въздвигохъ брань, и много пролитъе крови створихъ, с женихомъ и с невѣстою, и придохъ възвѣститъ тѣбѣ”. Он же рече: “В колико дний и се створи?” Он же рече: “В 10 дний”. Повеле яко медлившаго бити и сего. Приде же другый, поклонится ему. Рече тому: “И ты откуда приде?” Он же рече: “В пустыни бѣхъ 40 лѣтъ, боряся съ единѣмъ мнихомъ, и в сию нощъ низложихъ и в любодѣяние”. Он же се слышавъ, вѣставъ, облобыза ѿ. и вземъ вѣнечъ, еже ношаше, възложи ему на главу и посади ѿ. на престолѣ съ собою. Глагола, яко: “Велику вещь сию възможе побѣдити”».

Рече старецъ: «Се азъ видивъ, глаголахъ: “Тако есть великъ чинъ мнишьскыи”. Богу благоволившу спасение, изидохъ и быхъ мнихъ».

Слово о блаженѣмъ послушании

... Два брата присная придоста житъ въ манастирь. Единъ же бѣ от нею постникъ, а други имѣя послушанье велико. Глаголаше же ему старецъ: «Створи се», – и творяше, яже изъ утра и ядыше, и славу приимаше послушанъ емъ въ манастири.

Устрѣленъ же бысть о немъ братъ его постыникъ. И рече въ себѣ: «Да искушу сего, аще иматъ послушанье». Приступль, рече отцю: «Посли со мною брата моего, да идевѣ нѣкамо». И отпустить ѿ. отецъ. Поятъ же и постникъ, хотя ѿ. искусити. Приде на рѣку, имѣяше же много множество коркодилъ. И рече ему: «Влѣзи в рѣку и прѣиди». Яко вълѣзе, придоша коркодилии и лъзаху тѣло его, и не вредиша его. Видѣвъ же постыник, рече ему: «Излѣзи из рѣки».

Идуща же, обрѣтоста тѣло повержено на пути. И рече постникъ: «Аще быховѣ имѣла ветошь, възложила быховѣ на тѣло». И рече, имѣяй послушанье: «Паче молитву створивѣ, не коли въстанеть». И стаа помолитъся. Помоливъшема тема же ся има, въста мертвецъ.

Яви же Богъ си отцю въ манастирю, и како искуси брата свѣго в коркодилѣхъ, како въста мертвецъ. Приде въ манастирь, и глагола отецъ постнику: «Что тако створилъ еси брату своему? И се за послушанье въста мертвецъ».

О житии добрѣ различно къ старцемъ

Повѣдаша о единомъ ошельницѣ, яко отъиде в пустыню имы левытона⁶⁴⁸ токмо, и похожъ три дни, възиде на камень и видѣ под нимо знакъ, и человекъ пасома, акы звѣрь. И сълѣзе тамо и удержъ ѿ.. Старецъ же бѣ нагъ, пренемогъ, и не смогъ понести воля человекъскыи, възмогъ же от него и побѣже. И погна братъ въслѣдъ его, вопия: «Бога дѣля жену ты, пожди мене». И обращеся, рече ему: «И азъ Бога дѣля бѣжу тебе». Послѣдъ же яко отверже от себе ризу, пожда его. И яко приближися ему, рече: «Егда отвержеть имѣние от себе свѣта сего, и азъ пождахъ тебе». И моляше и глагола: «Отче, рци ми слово, како съпасуся?» Онъ же рече ему: «Бѣгай человекъ и молчи, и спасешися».

... Повѣда, рече, ошелникъ братии, сущий въ Раидѣ,⁶⁴⁹ идеже есть 70 стеблѣ фюникъ, идеже ополчися Моисий съ людьми, егда изиде от Земля егупетъскы.⁶⁵⁰ И глаголаше сице: «Помыслихъ иногда в пустыню, еда како обрящу далече мене живуща и работающую Владыцѣ Богу. И шедъ же 40 дний и 40 нощий и обрѣтохъ пещь; и приближивъся къ ней, и зрѣхъ же въ ню. И видѣхъ человекъ сѣдяща, и толкнухъ по обычаю

мнишьскому, яко да излѣзеть целовать мене, онъ же не подвигнуся, бѣ бо умерлъ. Азъ бо небрегохъ ничтоже, вѣлѣзъ и яхъ ѿ за руку его, и абѣе растаяся, и бысть персть. И видѣхъ еще ризу висющу, егда же и сию яхъ, растаяся и бысть ни въ чтоже. Якоже въ нечаянии быхъ, и изидохъ оттуду и пойдохъ в пустыню, и обрѣтохъ ину пещь и стопы мужьскы. Радъ же бывъ, приближися къ пещи, и яко толкнухъ и не озвася никтоже. Вѣлѣзъ же, никогоже не обрѣтохъ. Ставъ же вънѣуду пещи, глаголахъ въ себѣ, яко подобаетъ рабу Божию прити, идеже аще есть, якоже убо день мимоидяше. И видѣхъ вельблуды идуща и раба Божия нага, власы своими оболчена срамныя уды тѣла. Егдаже приближися ко мнѣ, мнѣвъ мя духа суца, ста на молитвѣ, бѣ бо, якоже послѣди глаголаше, многы напасти приялъ есть духы. Азъ же, разумѣвъ се, глаголахъ ему: “Человѣкъ есмь”. И егда рече: “Аминь”. Видѣвъ мя, утѣшися, и поимъ мя, и веде мя в пещь и въпрашаше, како сѣмо приде. Азъ же рекохъ: “Взискать рабъ Божий приходъ в пустыню сию. И не лишилъ есть Богъ хотѣния нашего”. И азъ въпрашахъ ѿ, глаголя: “Сѣмо убо како самъ прииде и како питаешися, и како, нагъ сый, не требуеши ризы?” Онъ же рече: “Азъ въ монастырѣ бѣхъ во Вифаидѣ,⁶⁵¹ дѣло имый токалия. Вниде же в мя мысль, глаголющи: «Изиди и живи единъ, и можеши безъмльствовати и мзду болшую стяжати от плода дѣла своего». Якоже обѣщахъся мысли и дѣло скончати, создавъ бо монастырь, имѣхъ повелѣвающая. Много же раздавая събираемая, подвизахъся нищимъ и страннымъ раздаяти. Тоже врагъ нашъ дьяволъ въздревновавъ яко присно, и тогда хотящу възданью быти, о нихже тѣся труды мои Господеви въздаяти. Видѣвъ едину черноризицю, повелѣвшю ми единою, и сѣтворшю ми се, и давъшю нудитися и пакы нудитися, и пакы повелѣвати ино; и якоже обычай бысть и дерзновение болше, кончина – и осязанье руцѣ, и смѣхъ, и сужитие; и страдавъша родиховѣ безаконье. Яко пребыха с нею 6 мѣсяць в падании, помыслихъ, яко Илии: «Днесъ или утрѣ или по мнозѣхъ лѣтѣхъ съмерть подымю, и пряти имамъ мучение вѣчное. Аще бо кто жену мужату посмрадитъ, мученью вѣчному повиненъ будетъ».⁶⁵² Посмражи Христову невѣсту, и тако в пустыню сию таи избѣгохъ, оставивъ

вся женѣ. И пришедъ, обрѣтохъ пщью, источникъ съ и фюникъ, приносящъ ми 12 меча⁶⁵³ фюникъ. На месяць же приносить мечъ единъ, еже ми годѣ есть на 10 дний, и посемь съзрѣваетъ другыи. По лѣтѣхъ же мнозѣхъ въздрастоша ми власи, и ризамъ ми истълѣвъшамъ, тѣми закрываю юже подобаетъ, телесе срамоту. Якоже пакы въпрашахъ ѿ., “аще въ начатѣцѣхъ сътужаше си ту?” “В начатѣцѣхъ оскърбляхъся зѣло, якоже на земли падати от ятрѣ, и не мощь ми стоящу службы тѣворити, но лежащъ ми на земли, вопияхъ къ Вышнему. Сущю же ми в пещи въ тузѣ мнозѣ и страсти, якоже дуже не можахъ исходити вонъ, видѣхъ мужа вѣлѣзша и глаголюща: «Чимъ болиши?» Азъ же малы възмогъ рещи: «Ятра мя болятъ». И рече ми: «Кде болиши?» И яко показахъ ему, персты руки своея управле сочтавъ, прорѣза мѣсто, яки ножемъ, и истергъ ятрѣ, показа ми струпы, и рукою *истогравъ*, въ платѣ струпы положи, рукою пожа за мѣсто, рече ми: «Се съдравъ бысть, служи Владыцѣ Христу якоже подобаетъ». И оттолѣ быхъ сдравъ, и тако бо сътрада сде живу. Мъного же и молихъ, да быхъ жилъ в первѣи пещерѣ, и рече: «Не мощи, начнеши терпѣти напастии демоньскъ».

Азъ же истое се расмотре, молихъся ему, да помолься, отпустить мя. Си же повѣдахъ вамъ ползы дѣля».

О смѣренѣи мудрости

... Братъ скорбѣ имѣаше на брата. Слышавъ же то, приде покаяться ему. Онъ же не отъверзе ему дверий. И иде къ единому старцю и повѣда ему вещь ту. И отвѣща ему старецъ, рекыи: «Блюди еда оправданье имаши въ сердци своемъ, яко зазря братѣ своемъ, яко то есть повиненъ, себе же не оправдаеши. И сего дѣля не извѣстися ему отврѣсти, обаче се есть, глаголю ти, аще же и тѣ согрѣшилъ есть къ тебѣ, иди, положи въ сердци своемъ, яко ты согрѣшилъ еси к тому, и брата своего оправдай, и тогда Бог извѣсти ему смирится с тобою». – И проповѣда ему притчу сицю, глаголя: «Два бѣста проста людина говѣина, и свѣщавъша, изидоста и быста мниха. И ревнующа по еангѣльску гласу, не вѣдяща же, скопистася, рекъше – Царствия ради Небеснаго. Слышавъ же архиепискъпъ, отлучи я́ от церкви. Она же, мнящеся, яко добро

створиста, роптаста на нь, глаголюще: “Вѣ скопиховѣся иза Царствие Божие, и се отлучи на есть, но идѣвѣ, да повѣвѣ на нь, ко архиепископу Ерусалимьскому”. Шедъша же, повѣдаста ему. И рече има архиепископ: “И азъ отлучаю ва”. И от сего паки печаль приимъша, идоста во Аньтиохию ко архиепископу, и рекоста ему яже о себѣ. И тѣ отлучи я. И глагола къ себѣ: “Пойдевѣ въ Римъ к патриарху, и тѣ мѣститъ наю отъ всѣхъ сихъ”. Шедъша же къ великому архиепископу Римьскому, възвѣстиста ему, яже створиша има архиепископи. “Придоховѣ къ тобѣ, – рѣста, – яко ты еси глава всѣмъ”. Рече же има и тѣ: “И азъ ва отлучаю, и отлучена еста”. Тогда стязающася къ себѣ, рекоста: “Си по себѣ суть единъ по единомъ, зане во сонмѣхъ суть собирающеся, но идевѣ къ святому Епифанью, архиепископу Купрьску,⁶⁵⁴ възвѣстистѣ ему, яко пророкъ есть и не обинуеть ся чловѣку”. Егдаже приближистася къ граду его, и явися ему от нею, и пустиста въ сретение ему, он же рече: “Ни въ градъ съ вѣлазита”. Тогда бывъша въ себѣ рѣста: “Воистину вѣ согрѣшиховѣ. Что убо себе оправдаювѣ? Буди яко они бес правды не отлучиша, еда убо и съ пророкъ, се бо Бог яви ему таинная”. И зазрѣста себе о грѣсѣ, яже створиста. Тогда видѣвѣ сердцеѣдецъ Богъ, яко воистину зазрѣста себѣ, и сказа о нею отцю Епифанью. Пустивѣ же, приведе я и утѣши и приятъ я въ причастье, и написа архиепископу Александрьску, глаголя: “Приими чадѣ твои, покаяста бо ся воистину”».

И рече старецъ: «Се есть исцѣленье чловѣку, и сему хоцетъ Богъ, да чловѣкъ изложитъ соблазнъ свои предъ Бога». Слышавѣ же братъ, створи по словеси старцю, и шедѣ, толкънувѣ въ двери братьня. Онъ же, яко токмо очюти утръ, преже его покаяся, и отъверзе ему, лобзастася отъ душа, и бы обѣма миръ великъ.

О прозорливых

... Рече авва Данилъ, ученикъ отца Антонья,⁶⁵⁵ яко: «Повѣда намъ старць Антоний, акы о иномъ единомъ глаголя, обаче самъ себѣ, яко: “Сѣдящю от старецъ в келии своеи, приде гласъ, глася: «Приди, да покажю ти дѣла чловечьска». И вѣставѣ, изиде, и веде ѱ. на едино мѣсто, и показа ему мюрина, сѣкуща дрова и сътвориша бремя велико. Покушашеся же ся

понести еи, не можаше, и, еже бы уяти от него, шедъ пакы сѣчаше дрова и прилагаше къ бремени, се же мѣногажды творяше. И пришедъ мало, показа ему пакы челоуѣка стояща на кладязи и чреплюща въ сусѣкъ утель и ту же воду пущающа въ кладязь. Глагола же пакы: «Приди, да покажу ти иного». И се видехъ церковь и два мужа, сѣдяща на коню и носяща въ преки древо единъ единому. Хотѣста же преити сквозѣ врата и не можаста, зане бѣ дрѣво въ преки. Не съмироста же себе, единому управити древо въ правость, и сего дѣла остасте вне вратъ”.

Си же суть носящеи, – яко правдѣ его с гордынею, и не сѣмиришася исправити себе и ходити со смѣренъемъ в путехъ Христосовѣхъ, тѣмъже и стають вѣнѣюду Царствия Божия. Сѣкыи же дрова челоуекъ во мнозѣхъ грѣсѣхъ есть, и в покаянъя мѣсто ина безаконъе, прилагаетъ верху безаконий своихъ, а чреплай воду добра дѣла творя, но понеже имѣяше въ нихъ зла смиренъя, о семъ губить добрая своя дѣла».

Достоить убо всякому челоуѣку бодрю быти въ дѣлѣхъ своихъ, да не въ грѣхъ трудиться.

... Повѣдаше единъ от старецъ, глаголя, яко: «Ошелникъ в пустыни Нильскаго града, и служаше ему простъ людинъ вѣренъ. Бѣ же и въ градѣ челоуѣкъ богатъ и нечѣстивъ. Прилучися ему умерети, и проважаху тѣи вси гражане и епископъ съ свѣщамы. Изиде же служай ошелнику по обычаю нести ему хлѣбы, и обрѣте ѱ. извѣдена уеноу, и паде ниць предъ Богомъ, глаголя: “Не встану, дондѣже извѣстиши ми, что се есть, – яко онъ нечѣстивый толико имѣ провоженъе, се же, работая ти день и ноць, како умре?” И приде ангелъ и рече ему: “Онъ же нечѣстивый имѣяше мало добро дѣло и приять сде, да тамо ни единого покоя прииметь. Се же ошелникъ, понеже бѣ челоуѣкъ устроенъ всякою благодатью, имѣяше и тѣ яко челоуѣкъ мало соблазнъ, въсприять же сде, тамо обрящеться чистъ предъ Богомъ”. И вѣста си извѣщениемъ, славя Бога, яко истови суть».

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

О черноризце Иоанне⁶⁵⁶

Есть, рече, в пустыни сеи братъ нашъ Иоаннъ, юнъ же тѣломъ, всѣхъ же нынѣшнихъ черноризецъ добротами преходя.

Его же никтоже въскорѣ обрѣсти можетъ, понеже преходить присно отъ мѣста до мѣста въ пустыняхъ. Тѣи заперва стоялъ на камени по три лѣта, въину молитву творя пребываше, никакоже сѣдъ, ни спавъ елико стоя, сна мало взимааше. В недѣлю точию комkanie взимая, прозвутеру ему приносящу, иного же ничсо не ядыше.

Въ единъ же отъ дний преобразився сатона въ прозвутера, рано к нему прииде, хотя ему комkanie дати. Познав же его, блаженный Иоанъ рече к нему: «О, всему лукавству и всеи прелести отецъ, враже всей правдѣ! Не останеши ли ся прелщая чловѣча христьяньския душа, но дрѣзаеши и к самому прѣчистому комkанию!» Онъ же к нему отвѣща: «Мало тебе не низложихъ, приобрѣтъ ты, тако бо и другаго отъ твоя братия прельстихъ, и безъ ума и сътворихъ, и бѣсенъ бысть. За него же мнози святии молитву сътвориша и одва възмогоша его умна сътворити». И се рекъ, бѣсъ отъиде отъ него.

Рассѣдшемася его ногамъ отъ многого стояния, и гною текущу отъ нихъ, пришедъ ангелъ, присягну ко устомъ его, глаголя: «Христосъ будетъ ти истинная ядь, и Духъ Святой – истинное питие, и довольно да ти будетъ духовная пища, да не, насытився, изблюеши». И исцѣливъ его, престаи ѿ отъ того мѣста.

Живяше же, по пустыни ходя, яды былия, в недѣлю же на томъ мѣстѣ ся обретааше, комkanie възимаа. Фуничное же листвие мало отъ прозвутера испросивъ, попругы плетяше. Хотящу же приити к нему хромцю нѣкоему исцѣления ради, и всяде тѣчию на осли, тѣгда же и ногама присягъ къ попругу, иже бяше плетень отъ святаго мужа, абие исцѣлѣ. Иногда же благословление къ болемъ пославъ, абие избыша недуга.

Яви же ся ему иногда о своихъ монастырехъ, яко нѣции отъ нихъ неправедно житие имуть. Пишетъ ко всѣмъ послание прозвутеромъ, яко некотории лѣнются, друзии же подвижаются на добродѣяние, и обрѣтятся истина, тако ищуще. Пишетъ же и ко отцемъ, яко отци отъ нихъ лѣнются о спасении братии, и друзии же довольно я молятъ. И обоимъ честь и муки исповѣдаше. И пакы инѣхъ ко свершенному устроению призывая, воспоминаше отъ видимыя на невидимыя отътити.

«Время бо уже жития того показати, не бо дѣти, – рече, – или младенцы всегда хожема пребывати, но пакы къ свершенымъ разумомъ преити и къ великимъ дѣломъ наступити».

Се и ина намъ и множайшая отецъ о святѣмъ мужѣ исповѣда, яже множества ихъ ради чудесъ всѣхъ не писахомъ, не яко не суть не истинна, но инѣхъ ради невѣрства. Мы же извѣсто вѣмъ, многи бо велиции мужи то же сповѣдаша, та же яже и очима видѣша.

О черноризцѣ Пафнотѣ

Видѣхомъ и мѣсто Пафнотово, мужа велика и добра дѣла исполненъ, иже преже малымъ временемъ скончася въ странахъ Ираклиовахъ Фиваиды. О немъ же мнози многа сповѣдаху.

И по многихъ трудѣхъ моляше Бога: «кихъ святыхъ подобенъ есмь». Аньгилъ же явился ему, рече: «Подобенъ еси того свирца, иже во градѣ живеть». Онъ же съ тѣщаниемъ устремився къ нему, вопрошаше отъ него жизни его и дѣла ему испыташе. Онъ же рече къ нему, еже и бѣаше истинна, грѣшника и пияницу и блудника самъ ся повѣдаше, но зѣло давно отъ разбойничества на се пришедше. Пытающу же отъ него, что доброе си когда управилъ, рече къ нему: «Ничтоже добра себѣ свѣдѣ. Развѣ, яко иногда въ разбойничествѣмъ дѣлѣ сый, дѣву Христову хотящемъ разбойникомъ оплазити, отъяхъ и ноцію до веси проводихъ. Иногда же пакы жену обрѣтохъ зело лѣпу, блудящу по пустыни, гониму отъ княжъ мужъ долга ради мужа своего. И плачущуся обрѣтъ, вопрошахъ отъ нея плачу тому вины. Она же рече: “Ничтоже мене ни въпрашай, владыко, не пытай мене, окаану, но аки рабу свою поимъ, аможе хожеши, веди. Мужу моему многажды биену бывшу по двѣ лѣтъ времени долга ради златникъ 300 и въ темници затворену, и любыя моя дѣти тремъ проданомъ бывшемъ, азъ воставши бѣжахъ, мѣсто отъ мѣста преходяще. Нынѣ же по пустыни плаваю, многажды бо обрѣтена бывши и часто биена бывши, и 3 днии имамъ въ пустыни не ядущи пребываю”. Азъ же миловавъ ю, веде въ пещеру, давъ ей 300 златникъ, до града проводихъ, свободивъ съ дѣтми мужа ея».

К тому отвѣща Пафъноть: «Аз же себе не свѣдѣ ничтоже от сих управиша, нѣ о трудѣхъ черноризских, обаче слышалъ мя еси славна суща, не бо лѣностию свою жизнь проводихомъ. Мне убо о тебѣ Богъ открь, яко ничим же хуже еси мене о управлениих. И еще убо немало слово, брате, о тебе Божеству бываетъ, не преобиди душа своя».

Он же повергъ абие свирѣли и, пѣсни свирѣльныя на духовныя пѣсни преложивъ, въ слѣдъ его в пустыню поиде. Три же лѣта бывъ, трудився, и въ пѣснях и въ молитвах свою жизнь скончавъ. К небесному житию слашеся, святых лик и чинов праведных вѣченъ бывъ, почи.

Да яко убо оногo трудившася добрѣ къ Богу препроводи, преложе себѣ болша жития, паче первых. И вопрошаше Бога паки явити ему, кыхъ святых есть подобенъ. И паки глас Божий бысть к нему, глаголя: «Подобенъ еси ближняя веси старѣшине». Он же вскорѣ к нему прииде и абие ударившу ему во врата, изиде онъ, по обычаю своему странныя приемля. Измыв же нозѣ ему и поставивъ трапезу, повелѣ ему вкусити. Въпрашающу же дѣла ему и глаголющу: «Человѣче, свою жизнь исповежь ми, много бо черноризецъ, якоже ми обличилъ Богъ, прѣходиши». Он же глаголаше грѣшна себе суща, не достойна имени черноризскоу. Да якоже пребываше онъ вопрошая, отвѣщаа человѣкъ, глаголя: «Азъ же не имѣхъ нужею своя дѣла исповѣдати, елмаже от Бога глаголеши пришедшю ти, еже при мнѣ исповѣдаю ти.

Мнѣ же уже тридесате си есть лѣто, отколѣ сам ся от подружия отлучих. Четыри точию лѣта с нею живъ и три от нея сыны сътворивъ иже на потребу мою служат ми. Не престах любя странники до днешняго. Не имать похвалитися кто, токмо самъ преже мене, странники примъ тѣщама рукама из моего двора. Не презрѣхъ убога отпадша, не подавъ ему доволна утѣшения. Не лицемѣръ бых чаду своему в судѣ. Не влѣзоша в домъ мои плоди туждии. Не бысть сваръ, егоже не умирихъ. Не похули ничтоже презрѣ дѣлъ дѣтей моих. Не прикоснушася туждихъ плодовъ моя стада. Не осяхъ преже своих нивъ, но всѣмъ я обща положих останки осях. Не дахъ силному нища обидѣти. Ни опечалих никогоже въ жизни своей,

ни суть кривины на кождо когда изнесох. Сия Богу хотящу, се вѣдѣ себе сътворена».

Слышавъ же Пафнотъ мужа сего добродѣяние, главу лобызааше, глаголя ему: «Благовѣститъ тя Господь от Сиона и удивиша благая Иерусалима.⁶⁵⁷ Добрѣ бо се управи, едина ти недостала есть добрыхъ дѣлесь главизна – премудры о Бозѣ разум. егоже не имаши мощи без болѣзни стяжати, аще не себе с миромъ отмѣта вся, вземъ крестъ, вѣслѣдъ Спасителя поидеши». Он же се яко услыша, абие ни къ своимъ ся съвѣща, идяше вѣслѣдъ мужа под гору.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55

Единъ отъць повѣда шѣдъшемъ намъ въ Фиваиду,⁶⁵⁸ яко старьць сѣдяше вѣнѣ града Антинъ Великий, сътворивъ въ клѣтъцѣ своей лѣтъ 60. И имяше же ученикъ 10 и единого же имяше зѣло лѣнящася. Старьць же многашѣды учаше и, глаголя и моляше и: «Брате, съмотри своей души, умерети имаши и въ муку ити!» Братъ же вѣину прѣслушаше старьца, не приемля глаголемыхъ от него. Прилучи же ся нѣ по комъ лѣтъ умерети брату. Мъного же печалова о немъ старьць, *въдѣяше* бо, яко въ мнозѣ унынии и лѣности изиде отъ мира сего. И нача старьць молити и глаголати: «Господи Исусе Христе истинный Боже нашъ! Яви ми яже о души братъни». И се узърѣ въ мѣчѣтъ и яко въ стързѣ бывъ, видѣ рѣку огню и множество въ томъ огни, и посредѣ брата, погружена до выя. Тогда глагола ему старьць: «Не сея ли муки дѣля моляхъ тя, да посмотриши своей души, чадѣ?» Отвѣща братъ и рече старьцю: «Благодарствую Бога, отче, яко понѣ глава ми отъраду имать: тако ми молитвы твоя на врьсѣ епискупу стою!»

Слово 98

И се съказа нѣ тѣ же Паладий глаголя, яко: Слышахъ повѣдающую нѣкому кораблю старѣйшинѣ таково, яко «единою пловущю мнѣ, имѣхъ вѣсядьники мужа и жены. И пришѣдъше на пучину, – и вѣсѣмъ добрѣ пловущемъ: овѣмъ въ Костянтинъ градъ, овѣмъ въ Александрію,⁶⁵⁹ другимъ же другоямо, вѣтру же не напокосъ сущю имъ плути. И прѣбыхомъ дѣний пять, не поступаще от мѣста идеже бѣхомъ. Бѣхомъ же въ мнозѣ

сътужении и недомышлении: что се убо есть. Азъ же, яко въ снѣ, навѣклирѣ, имы печаль о корабли, и иже, суть въ немъ вьси, начяхъ ся молити Богу о томъ. И единою приде ми гласъ невидимо глаголя: “Съвръзии Марию долу, да и стройно ти ся поплочеть!” Азъ же помышляхъ, рекы: ”Что се си убо будетъ? Кто есть Мария?” Ти, якожесебе недомысляхъ о семъ, пакы приде ми гласъ, рекы: “Глаголахъ ти, съвръзи Марию долу, и гонезнете!” Тогда азъ умыслихъ сице и възъвахъ напрасно, вельми рекы: “Мария!” Она же възлежаше на постели своей, да и озъва ся рекущи: “Что велиши, господи?” Тогда рѣхъ ей: “Сътвори любовь, доиди съде”. Она же вѣставъши приде, и яко приде, поимъ ю и отведохъ одну и рѣхъ ей: “Видиши ли, сестро Марие, какы грѣхы имамъ азъ, и мене ради вьси имате погыбнути”. Она же, вельми въздъхнувъши, рече: “По истинѣ, господи науклире, азъ есмь грѣшница”. Пакы же азъ къ ней рѣхъ: “Жено, кыя грѣхы имаши?” Она же рече: “Лютѣ мнѣ, яко нѣсть грѣха, егоже нѣсмъ не сътворила; и моихъ ради грѣхъ вьси имате погыбнути”. Таче по томъ рече, съповѣда ми жена, сице рекущи: “По истинѣ, господи науклире, азъ оканъна и зълогрѣшна! Мужа имѣхъ и дѣва дѣтища, първый девяти лѣтъ, а другы – пятию. Таче по томъ умьре мужъ мой. Живяше же въскрай мене воинъ, да хотѣхъ да бы мя поялъ женѣ, и посълахъ къ нему нѣкого. Воинъ же рече: «Не поиму жены, имуща дѣтий отъ иного мужа!» Тогда азъ яко то слысахъ, яко не хочеть меня пояти дѣтий дѣля, къ тому же и любящи и, заклахъ дѣтища своя оба, оканъная, и вѣсть ему посълахъ рекущи: «Не имамъ уже дѣтища, ни единого». Яко то слыша воинъ тѣ, о дѣтищю тою, еже есмь сътворила, рече: «Живѣ Господь, живый на небеси! – яко не поиму ея». Да тѣмъ убоявъшися, еда се увѣдятъ и уморять мя, да тѣмъ бѣжахъ”. Се слышавъ азъ отъ жены тоя, и тако не рачихъ ея вѣвреци въ пучину морьскую, нѣ сице умыслихъ рече и рѣхъ ей: “Се азъ прѣбываю въ корабли, да вѣси убо жено: аще не поидеть корабль, – то мои грѣси дръжатъ корабль”, – таче възъвахъ корабльнигы утрънии корабль. Яко же сънидохъ въ кораблицѣ, то не бы ничьсоже не поступи, ни великый корабль не поступи.

Тогда вълѣзъ въ великый корабль, глаголахъ женѣ: “Съниди ты въ кораблицъ”, она же съниде.

И егда же тѣчию съниде та, абие кораблицъ нѣ до пятишьды обрѣтѣвъ ся, стрѣмо дѣну иде и погрязе; великый же корабль поплу стройно, и трѣми дѣньми по немъ прѣидохомъ пловуще, еже быхомъ прѣшли и 15 дѣний».

Слово 99

Азъ же и господь мой Софроний⁶⁶⁰ идоховъ въ домъ философа Стефана да прѣбудемъ: бѣ же пладѣнуя. Живяше же идуще къ Святѣй Богородици, юже създа блажены папа Еулогий⁶⁶¹ на вѣстоки великаго Тетрафола.⁶⁶² Якоже въсклепаховъ въ домъ философа, приниче дѣвица, глаголющи нама: «Възлежить, нѣ мало потѣрпита». Тогда глаголахъ господи моему Софронию: «Поидивъ къ Тетрафолу, да ту прѣбудевъ». Есть же мѣсто Тетрафола зѣло чѣстимо от александрѣнъ, глаголють бо, яко мощи пророка Иеремия⁶⁶³ от Егупта възъмъ, Александръ зиждитель⁶⁶⁴ ту я положи. Якоже идоховъ къ Тетрафолу, не обрѣтоховъ никогоже, тѣкмо три слѣпца; полудѣне бо бѣ. Идоховъ же близъ слѣпца, и съ безмѣлѣвиемъ и съ мѣлчаніемъ сѣдоховъ, имуща кѣнигы наю. глаголаху бо слѣпци много, и глагола другъ къ другу: «Воле, ты како бы слѣпъ?» Отвѣща, глаголя: «Корабльникъ бѣхъ, и якоже бѣхъ унѣ, и от Африкия пловяхомъ на пучинѣ призрѣхъ ся, и не имы како ся быхъ уцѣлилъ. Бѣлѣма начяхъ имѣти въ очию моею». Глаголяхъ же и другому слѣпцу: «Ты како же ослѣпе?» Отвѣща и онъ, глаголя: «Сѣкляничѣную хытрость бѣхъ имы, и от огня истечение ми бысть обѣма очима моима, и ослѣпохъ». Глаголаста же ему и она: «Ты же како бысть слѣпъ?» Отвѣща: «Сушу ми азъ вама глаголю. Егда же бѣхъ унѣ, възненавидѣхъ дѣлати зѣло, быхъ же и не спасенъ. И не имѣхъ, откуда ясти – абие же крадяхъ. Въ единъ же от дѣнии по сѣтворении моемъ мѣного зѣла, стоящу ми на мѣстѣ, идеже мучать, и видѣхъ мѣртвацѣ износимъ, добромъ покрѣвена. Идохъ же въ слѣдъ носимааго, да быхъ видѣлъ, кѣде и хотя погresti. Си же доидоша зади святого Иоана Великааго и положиша и въ гробъ и отидоша. Азъ же, яко видѣхъ отшѣдѣшея, вълѣзохъ въ гробъ и сѣвлѣкохъ ии, въ неже бѣ одѣнъ, оставивъ на немъ одну

тъчию поняву. Хотящю же ми излѣсти из гроба, възъмъ много зѣло, зѣлое мое зѣдание глагола ми: “Възьми и поняву его, яко красна есть”. Обратих ся, лишеникъ, яко же съвлѣкохъ поневу съ него, да и быхъ нага оставилъ, въздвигъ ся сѣде прѣдъ мною мъртвыцъ, и, простъръ обѣ руцѣ свои на мя, пърсты своими одѣра лице мое и изятъ обѣ очи мои. Тогда азъ, лишеникъ, оставивъ вся, съ мною бѣдою и скръбию изидохъ отъ гроба. Се повѣдахъ вамъ и азъ, какъ быхъ слѣпъ». Се слышавъшема нама, поману ми Софроний и отидоховъ отъ нихъ, и глагола ми: «Воле, господи и авва Иоаний, не съдѣивъ дньсь зѣла, вельми бо пользу обрѣтоховъ», пользу же приимъша, напсаховъ, да и вы пользу примете, яко никътоже творя зѣло утаить ся Бога.

Слово 119

Тъ же отъць нашъ Георгий архимандритъ повѣдаше намъ о аввѣ Иулианѣ, глаголя: бывъшиимъ епискупъ Вострѣнемъ.⁶⁶⁵ Яко егда ити ему отъ монастыря и быти епискупу въ Вѣстрѣнѣхъ, нѣкыя богатины того же града, ненавистьници, въсхотѣша отравами погубити и. И прѣглаголаша чъваньчию его, имѣние дающу, и даша ему съмъртно, да чъванующю митрополиту, вѣложить отраву въ чашю его. Отрокъ же яко наученъ бысть, тако сътвори, и, придавъ чашю, отрокъ божьствьному Иулиану отраву възятъ. И отъ Бога разумѣвъ съвѣту, иже сътвориша, възъмъ чашю, постави ю предъ собою, ничьсоже рѣхъ бѣхъма отрочищю и, пустивъ, призва богатины, въ ни же бѣша и иже на нь съвѣтъ сътвориша. Божьствьный же Иулианъ, не хотя обличити сътворьшихъ, кротько глагола въсѣмъ: «Аще мнѣните съмѣренааго Иулиана отравлениемъ уморити, се предъ вѣсѣми вами испиваю». И знаменавъ тришѣды чашю прѣсты своими и, рекъ: «Въ имя Отьца и Сына и Святого Духа испиваю сию чашю», и предъ вѣсѣми испивъ ю, – безъ врѣждения пребысть. И, видѣвъше, поклонѣша ся ему до земля.

Слово 134

Яко отъ единого попьрища⁶⁶⁶ святого Иердана рѣкы лавра есть, авва Герасима нарицаема.⁶⁶⁷ Въ ту лаврю прѣходящемъ намъ повѣдаша сѣдящии ту старьци о аввѣ Герасимѣ, яко ходя

единою по блату святого Иердана, усърѣте и лѣвъ, зѣло рыдая отъ ногы своея; имяше бо трѣстяну трѣску, унѣзъшу ему. Яко отъ сего отещи ему нозѣ и плѣнѣ гноя быти. Якоже узрѣ лѣвъ старьца, показаше ему ногу, яже бѣ язвѣна отъ унѣзъшая порѣзи, плачя ся яко и нѣчьсо и моля ся ему, исцѣленѣ отъ него быти. Якоже видѣ и старьць въ такой бѣдѣ, сѣдѣ и имѣ и за ногу и роздвигѣ мѣсто, изъя трѣсть съ мѣногымъ гноимѣ. И, добрѣ очистивѣ струпѣ и обязавѣ платомѣ, пусти и. Лѣвъ же ицѣленѣ по семь не оста старьца, нѣ яко свой ученикъ, яможе идяше ему, яко чюдитися старьцю, толику разуму звѣри, и прочее. Оттолѣ старьць питаше и, помеща ему хлѣбѣ и мочена сочива. Имяше же та лавра одинѣ осьлѣ, на немѣже приношааше воду въ потрѣбу отъцемѣ святого Иердана, отнюдуже пиятъ воду; отстоить же отъ лавры рѣка попьрище одно. Обычай же имяху старьци даяти лѣву, да ходитѣ и пасетѣ и по краю святого Иердана. Одиною же пасомѣ осьлѣ отъ лѣва, отиде отъ него не маломѣ отшѣствиемѣ. И се мужѣ съ вельблуды отъ Аравия идьи обрѣтъ и поятѣ и въ своя си. Лѣвъ же, погубивѣ осьла, приде въ лавру зѣло унывъ и дряхлѣ къ авва Герасиму. Мняше же авва Герасимѣ, яко изѣлѣ есть осьла лѣвъ, глаголя ему: «Кѣде есть осьлѣ?» Съ же, яко чловѣкъ, стояше млѣчя и долу зѣря. Глаголя ему старьць: «Изѣлѣ ли и еси? Благословенѣ Господѣ, еже творяше осьлѣ, отселѣ тебѣ есть творити». Оттолѣ же млѣвльшю старьцю ношаше канпилий комѣрогы имущѣ чѣтыри и приношаше воды. Приде же одиною воинѣ молитвы дѣля къ старьцю и, видѣвъ лѣва, носяща воду и увѣдѣвъ вину, помилова ѥ., и, вынѣмѣ три златѣники, дасть старьцемѣ, да купятѣ осьлѣ въ потрѣбу себѣ и свободятѣ отъ таковыя работы лѣва. Вельблудьникѣ же, иже бѣ осьла поялѣ, идяше пакы пѣшениця продаятѣ въ свѣтый градѣ, имы осьлѣ съ собою. И прѣшѣдѣ святого Иердана, усърѣте ся по сълучаю съ лѣвомѣ, и видѣвъ и, оставивѣ вельблуды, бѣжа. Лѣвъ же, познавъ осьлѣ, тече къ нему и усты имѣ и, якоже бѣ обыклѣ, ведяше и съ трѣми вельблуды, радуя ся въкупѣ и зовы, яко осьла, егоже погуби, обрѣтъ, приведе и къ старьцю. Старьць бо мняше, яко лѣвъ изѣлѣ осьла. Тогда старьць, увѣдѣвъ, яко облѣганѣ бысть лѣвъ, положи же имя лѣву Иерданѣ. Сътвори же въ лаврѣ лѣвъ вяще

пяти лѣтъ, не отлучая ся отъ него присно. Егда же къ Господу приде авва Герасимъ и отъци погребены бысть, по съмотрению Божию лъвъ не обрѣте ся въ лаврѣ. По семь же мало приде лъвъ въ лавру и искаше старьца своего. Авва же Севатий киликъ,⁶⁶⁸ ученикъ авва Герасима, видѣвъ и, глаголаше ему: «Иердане, старьць нашъ остави насъ, сиры, и къ Господу изиде, – нъ възьми ѣждь». Лъвъ же ѣсти не хотяше и начать стоя очима своима сѣмо и онамо чясто възирати, ища старьца своего, рикая вельми и не трпя отъчаяти ся. Авва же Севатий и прочии старьци, глядяще и по хрьбту, глаголаху: «Отиде старьць къ Господу, оставивъ ны». Ни тако имъ глаголюще къ нему, не можяху его отъ въпля и от рыдания уставити. Нъ елико же мьняху его словомъ утѣшити и прѣмѣнати, толико же онъ паче рыдаше и въпля больша двизаше, и рыданию притваряше, показая гласы и измѣнуя гласы, – и лицѣмъ, и очима печаль, юже имяше, не видя старьца. Тогда глагола ему авва Севатий: «Поиди съ мьною, понеже не имеши намъ вѣры, и покажу ти, кѣде лежитъ нашъ старьць». И поимъ веде и, идеже бѣша погребли его. Отстояше же отъ церкви полъ попрыща. Ставъ же авва Севатий врьху гроба авва Герасима, глагола лъву: «Се старьць нашъ съде погребенъ бысть». И прѣклони колѣнѣ авва Саватий врьху гроба старьча. Якоже слыша лъвъ и видѣ, како поклони ся авва Саватий врьху гроба и плакаше ся, поклони ся и съ, и, ударяя главою о землю зѣло и ревы. И тако абие скоро умреть врьху гроба. Се же вѣсе бысть не яко душу словесьну имѣюща, нъ яко Богу хотящю славящимъ его прославити не тъкмо въ житии семь, нъ и по сѣмрѣти, и показати намъ, како повиновение имяху звѣрие къ Адаму прѣжде ослушания его заповѣди и еже въ породѣ пища.

Слово 148

Повѣда намъ авва Данилъ старьць отъ Егупта, глаголя, яко възиде старьць одиною въ Терфинъ рукодѣлания своего продаять. Уноша же нѣкто моляше старьца, глаголя: «Бога дѣля, калогере, поиде въ домъ мой и сѣтвори надъ женою моею молитву, зане неплоды естъ». Старьць же, понуженъ отъ уноша, иде въ домъ его, и сѣтвори молитву женѣ его. И Богу въсхотѣвъшю имяше жена въ чревѣ. Нѣции же мужи, не бояще

ся Бога, начяша облъгати старьца, и глаголати, яко уноша бещадньъ есть, нь отъ авва Данила брежа есть жена. Приде же слухъ къ старьцю и възвѣсти старьць мужю жены: «Яко егда родить жена твоя, възвѣсти ми». Егда же роди жена, възвѣсти ему уноша въ skutъ реки: «Бога дѣля и молитвъ твоихъ, отъче, дѣтищъ ны ся роди». Тогда авва Данилъ глаголаше къ уноши: «Сътвори бракъ крыцению и призови родъ твой и други твоя». И якоже обѣдоваху, възъмъ старьць дѣтищъ въ руцѣ свои предъ всѣми, глагола отрочяти: «Кѣто есть отъць твой, дѣтищю?» Глагола дѣтищъ тако, показа прѣстом ручьнымъ уношю. Бѣ же дѣтищъ дъни 12.

Слово 234

Глаголаше Саватий реки, яко: «Сѣдохъ въ лаврѣ отъца Фирьмина,⁶⁶⁹ приде разбойникъ къ отъцю Зосимѣ и моляше старьца, реки: “Сътвори любѣвь Бога ради, имъ же мѣнога убийства сътворилъ, да мя бы чрьноризьца сътворилъ и умлѣкъ быхъ, и осталъ ся своего зѣла”. Старьць же, наказавъ и, сътвори чрьноризьца, давъ ему и образъ. Потомъ же скоро рече старьць: “Ими ми вѣру, чядо, яко съде прѣбывати не можеша, аще бо ты услышитъ кый кѣнязь, то иметь ты и глаголющеи на ты побьютъ ты. Нъ послушай мене и веду ты въ манастирь подаль отсуду”. И веде и въ Дорофеовъ манастирь въскрай Газы.⁶⁷⁰ И сътвори ту 9 лѣтъ, и навѣче Пьсалтырь и въсь строй чрьньчьскый, и пакы възиде къ старьцю въ Фирмине мѣсто и рече ему: “Господи, отъче, сътвори въ милость и дажь ми ризы моя мирьскыя, и възьми си чрьноризьчьскыя”. Старьць же съжали си, рече къ нему: “Чѣсо ради, чядо?” Отвѣща ему братъ, реки: “Се, яже вѣси, отъче, 9 лѣтъ имамъ въ манастири, и, елико же моги, алѣкахъ и въздрѣжахъ ся, и съ въсьмъ млѣчаниемъ и страхомъ Божиимъ жихъ, повиную ся. И вѣдѣ же, яко благыни Его приять мя мѣногымъ моимъ зѣломъ. Обаче вижду присно въ сѣнѣ, въ црькви и яко поиду комѣкати, и въ обѣдѣници – дѣтищъ глаголющъ ми: «Почѣто мя еси убилъ?» И ни въ единъ часъ не попуститъ ми. Сего ради убо хошю ити, отъче, да дѣтища ради умьру, безъ ума бо и убихъ”. И, възъмъ ризы, облѣкохъ ся въ ня, изиде изъ лавры, и, яко приде къ Диополу граду,⁶⁷¹ другой дѣнь яша и убиша и.

Слово 258

Глаголаше намъ и се о томъ же *тъ же* Дионисий прозвутерь, яко одиною хожаше старьць въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села,⁶⁷² еже ему бѣ и пещера. И ходя велика льва узрьѣ противу идуща. И идяше путемъ тѣснѣмъ зѣло межю дѣвѣма ограждениема, якоже е обычай дѣлателемъ огражавати нивы своя, трѣновъная дрѣва сядяще. И толику тѣсноту путь имѣ, яко единому комуждо пѣшему ничьсо же носящю одѣва проити; понеже отсудѣ трѣние бѣ ся сърасло, и неудобь яко хотяще путемъ минути мимо ходящю ему. Якоже другъ друзѣ приближиста ся старьць же и лвъ, старьць ся увративъ въ распутіе уступити лву: ни за тѣсноту пути лвъ можаше съвратити ся, ни минути ся има бѣ лъзѣ. Видѣвъ же лвъ, божия угодыника проити хотяща и никакоже обратити ся хотяща, на заднѣю ногу ставъ простъ ошюю старьца и граждения, и тяжьствомъ и силою тѣлесьною мало пространство сътворивъ, бес пакости правѣдному путь сътвори. И тако мину старьць, заднихъ прикася ся лву, и по миновении его въставъ лвъ отъ граждения *своимъ* путемъ отиде.

Слово 266

Въ самомъ островѣ⁶⁷³ повѣда намъ боголюбивая и нищелюбивая Мария, мати Павля канѣдита,⁶⁷⁴ глаголющи, яко: «Егда бѣхъ въ градѣ Нисиви,⁶⁷⁵ бѣ ту жена крѣстьяна, имущи мужа елина. Бѣста же убога, имяста же сѣбрьбьницѣ великихъ 50. Одиною же рече мужъ женѣ своей, яко: “Дадивѣ сѣбрьбьники сѣ въ заимѣ, да понѣ малу утѣху имавѣ отъ нихъ. Аще ли по единой изѣмъ я, и не будетъ ихъ”. Отвѣщавъши же жена та добрая, глагола ему: “Аще велиши дати я въ заимѣ, прѣдажъ я въ заимѣ Богу крѣстьяньску”. Глагола ей мужъ: “То кѣде е Богъ крѣстьяньскъ, да ему давѣ въ заимѣ?” Глагола ему жена: “Азъ тобѣ и покажю, аще бо сему даси въ заимѣ, не тѣчию не погубиши ихъ, нѣ и лихвы тебѣ подасть, и главѣства усугубить”. Онъ же рече ей: “Пойди покажи ми, и дамъ ему въ заимѣ”. Она же, поимъши мужа своего, веде и въ црѣкъвь святую. Имать же црѣкы Нисийская пятера врата великая: якоже въведе и въ врата црѣкъвьная, иде же суть великыя двѣри, показа ему нищяя рекъши ему: “Симъ аще подаси, Богъ крѣстьянь се

въземлетъ, вси бо си того суть". Онъ же абие съ радостию подасть *три десяти* сребрьникъ убогымъ, и идоста въ домъ свой. По трѣхъ же месяцихъ оскудѣвъшема пищама, глагола мужъ женѣ: "Сестро, не хоче ли Богъ крѣстьяньскъ подати нама ничьсоже отъ длѣга оного?" Отвѣщавъши же; жена рече ему: "Ей, иди идеже еси положилъ и подасть ти съ всею волею". Онъ же, теки, иде въ святую црѣквѣ и бывъ на мѣстѣ, идеже сребрьница дасть убогымъ; и, походивъ црѣквѣ вѣсу, сумняся видѣти, не видѣ никого же, хотяща ему чѣто подати, нѣ тѣчию едины убогыя сѣдяща. Паки мыслящю ему въ себѣ: "Кому рещи? кого истяжеть?" – видѣ прѣдъ ногама своимъ на мороморѣ одну сребрьницу велику лежащю, отъ нихъже бѣ раздаялъ братии. Прѣклонивъ ся, възъмъ ю, иде въ домъ свой и глагола женѣ своей: "Ходихъ въ црѣквѣ вашу, вѣру же ми ими, жено, не видѣхъ, якоже ты ми рече, Богъ крѣстьяньска, и никтоже ми дасть ничѣтоже, тѣчию сию сребрьницу обрѣтохъ, лежащю ту, идеже азъ дахъ 50 сребрьникъ". Тогда рече ему чюдная та жена: "Тѣ есть, иже невидимо тебѣ подасть, невидимъ бо есть и невидимою силою и рукою миръ строить. Нѣ иди, господи мой, купи намъ нѣчѣто, да ѣмы дньсь, и тѣ паки дасть тебѣ". Онъ же шѣдъ купи *имъ* хлѣбы и вина и рыбы и принесъ дасть женѣ своей. Она же възъмъши рыбу, начятъ ю омывати и, распорѣши ю, обрѣте утрѣ въ ней камыкъ зѣло чюднъ. Яко женѣ почюдити ся ему, тѣчию не вѣдяще, чѣто есть, обаче съхрани и. Пришѣдъшю же мужю ея, ядущемъ имъ, показа камыкъ, егоже обрѣте, глаголющи: "Се съ камень обрѣтохъ въ рыбѣ". Онъ же, видѣвъ, чюди ся добротѣ его, не вѣдя же, чѣто есть. Глагола ей *ядъшемъ* имъ: "Даждь ми, да продамъ и шѣдъ, аще бо обрящю на немъ чѣто възяти". Не вѣдяше бо, якоже рѣхъ, чѣто е невѣжа сы. Возъмъ же камыкъ, иде къ трапезьнику, еже есть сребропродавчи: "Хощеши ли купити камыкъ съ?" Видѣвъ же и сребропродавчи, глагола ему: "Чѣто хощеши на немъ възяти?" Глагола ему продай: "Дажь, еже хощеши". Глагола ему онъ: "Възьми пять сребрьникъ". Продай же, мнѣвъ, яко играетъ ему, глагола ему то: "Даси ли селико на немъ?" Сребропродавчий же сребро, мнѣвъ яко ругается, тако отвѣщавъ, глагола ему: "То възьми 10

сребрьницъ”. Продай же мнѣвъ, паки имъ луковати, умлѣча. Глагола сребродавчи: “Възми 20 сребрьникъ на немъ”; онъ же млѣчаше, ничѣсоже отвѣщава, яко и до 30 и до четырьдесятъ и до 50 сребрьникъ възиде сребропродавчий. Сии хотя дати, клѣняше ся въ истину. Тогда продай, пришьдъ въ ся, помысливъ, яко аще бы сему не бы велика цѣна была, пятидесять сребрьникъ не бы далъ на немъ. Начя же паче тяжчѣти е, помалу же сребропродавчий възнося дасть ему до три сътъ сребрьникъ великъ. И се възмъ и камень давъ, приде къ женѣ, радуя ся. Она же, видѣвъши, рече ему: “На колицѣ прода?” – мнѣвъши, яко или на пяти, или на 10 мѣдъницъ продасть и. Онъ же изнесъ три съта сребрьникъ великъ, дасть ей, реку: “На толицѣ продано бысть”. Она же челоуѣколюбивому Богу чюдѣвъши ся благи, глагола къ нему: “Видѣ, мужю, Богъ крѣстьяньскъ коль есть благо, и благоразумливъ, и богатъ. Видиши ли, яко не тѣчию 50 сребрьникъ, нъ и лихву тебѣ далъ есть, въ заимъ ему давъшу, нъ въ мало днѣвъ шестерицю тебѣ дасть. Вѣжъ же, яко нѣсть Бога иного на земли и небеси, нъ тѣ единъ”. Вѣру же имъ, симъ чюдесемъ и искушениемъ навѣкъ истинѣ бысть крѣстьянинъ абие и прослави Христа Бога нашего съ Отьцѣмъ и Святымъ Духомъ, много хваля съмысльство своея жены, ея же бысть ему дано въ истину Бога познати».

Слово 270

Идохомъ въ Аскалонъ,⁶⁷⁶ въ гостиницю отьцъ, и повѣда намъ авва Евѣсѣвий прозвутерь, яко купецъ града сего, плувъ и погубивъ своя и чюжая, самъ тѣчию спасенъ бысть. Пришьдъ же сѣмо, ятъ бысть отъ давъшихъ въ заимъ ему, вѣсаженъ бысть въ тѣмъницю и разграбиша домъ ему. И въ нихъ же хожаше жена ему, она же отъ мѣнога сътужения тѣснотою заповѣдъ възимааше, да понѣ хлѣбомъ питаетъ мужа. Съдящи же ей единою и ѣдущи съ мужьмъ въ тѣмъници, вѣниде великъ чѣстьнъ мужъ – дати хотя благотворьство вѣсаженнымъ, и, узрьвъ свободьну жену, съ своимъ мужьмъ сѣдящю, упаде ся на ню, бѣ бо красна зѣло. И възвѣсти ей тѣмъничьникомъ. Она же съ радостию приде, мѣнящи любѣвъ възяти, и поимъ ю одну, рече ей: «Чѣто ти е и почѣто еси съде?» И повѣда ему

вѣсе. Глагола ей: «Аще искуплю вы длѣгу, ляжеши ли съ мною въ сию нощь?» Въ истину красна и съмысльная глагола ему: «Слышахъ, владыко, апостола, глаголюща, яко жена не владеть своимъ тѣлѣмъ, нѣ мужъ. Пожиди же, владыко, да въпрошу мужа моего, и, яко же рече, сътворю». И пришьдѣши, повѣда мужю вѣся. Онъ же, плѣнъ сы разума и съмотрения своей женѣ не вѣстъца ся, да бы избылъ тѣмьница, нѣ въздѣхнувъ, съ слъзами рече женѣ своей: «Иди, сестро, отрѣци ся челоуѣкови, и надѣвѣвъ ся Господи нашемъ Исусѣ Христѣ, яко не оставитъ насъ до коньчины». И вѣставѣши отпусти челоуѣка рекѣши: «Рѣхъ мужю моему, то не рачи». Въ то же врѣмя бѣ земьникъ въ ту же тѣмьницу и прѣже даия купья. И вѣся съблюдаше и слышаше жены и мужа, и въздѣхну, въ себѣ глаголя: «Виждь, в какой напасти сия еста, и свободы своя не продаста имѣния дѣля вѣзяти и пущенома быти, нѣ съмысльство паче богатства избѣраста и о сей жизни не родиста. То чѣто сътворю азъ, страстьны, иже николи же въ разумѣ своемъ помянувъ, яко аще Богъ, сего дѣля и разбою быхъ достоинъ». И призывавъ къ себѣ двѣрцами клѣтъца, идеже бѣ вѣсаженъ, глагола имъ: «Азъ разбойникъ есмь и разбою виньнъ, и въ нѣ же часъ придетъ игемон, умерети имаю, яко убийца. Видѣвъ же съмысльство ваю, съмѣрихъ ся. Нѣ идѣта на се мѣсто стѣны градъскыя и, копавѣша, вѣзмѣта имѣние, еже обрящета. Имата и по искуплении, и ино мѣного благословение, и молита за мя, да обрящу и азъ милость». И по дѣньхъ пришьдѣ игемонъ, повелѣ разбойника извести и заповѣда юскнѣти его. И по единомъ дѣни глагола жена мужю: «Велиши ли, господи мой, да иду, яможе рече разбойникъ? Аще буде истиньствовалъ?» Онъ же рече: «Яко ти годѣ». Она же, вѣзмѣши малу мотычицю вечеръ и, ставѣши на мѣстѣ и копавѣши, обрѣте грѣньць открьвенъ, и, вѣзмѣши, иде. И мудростию начѣньши помалу, малы даючи, яко отъ сего и отъ иного приемлущи, искупи ся и изведе мужа своего. И глаголаша повѣдавъ: «Виждь, якоже съхраниста си заповѣдь Господа нашего Исуса Христа, – тако и съ увеличи милость свою на нею».

Слово 271

Повѣдаше намъ Афанасий, иже въ Зимархѣ антиохѣнинъ, глаголя о аввѣ Врохатѣ егуптѣнинѣ, яко пришѣдъшю ему от Егупта въ Селеукия, близъ Антиохия,⁶⁷⁷ обрѣте вѣнѣ града мѣсто пусто, искаше себѣ сътворити малу клѣтьцю. И съзъдавъ, не имяше чимъ покрыти ея. И вѣлѣзъ единою въ градъ, обрѣте Анатолия, ему же имя грѣбаваго дѣлателя суца, селеуки и антиохи, вѣнѣ дому своего сѣдяща. И пришѣдъ къ нему, глагола ему: «Сътвори любѣвь, владыко, дажь ми мало древьце, да покрыю клѣтьцю мою». Онъ же вельми съгнѣва ся, глагола ему: «Се дрѣво, възьми – и иди», – показавъ ему велико древо, еже имѣ прѣдъ домомъ своимъ лежаще, еже творяше кораблю на потрѣбу пяти тѣмъ. Глагола ему авва: «Благослови и *възъму* же». Глагола ему Анатолий паки, кручиньствуя: «Благословенъ Бог». Онъ же, възъмъ дрѣво и възложилъ на плещи свои, иде въ клѣтьцю свою. И чюдивъ ся о прѣславнѣмъ чюдеси Анатолий, дарова ему толико дрѣво въ потрѣбу, емуже и хотяше. Отъ него же не тѣчию реченую клѣтьцю покры, но ина мѣногая же въ монастыри сътвори отъ него дѣла.

Слово 284

Повѣдаше нѣкто отъ отьць, яко нѣкогда каменникъ, егоже наричють кавидарионъ, имы камень мѣногоцѣннѣ и бисѣръ, възиде въ корабль съ отроки своими, хотя ити на куплю. Прилучи же ся по съмотрению възлюбити отрока нѣкого корабльника, иже творяше ему службу и почиваше. И съ отъ него яды, отъ нихъже ѣдяше. Въ единъ же дѣнь слышитъ отроки шѣпчюща, утвѣрдивъшемъ се, да врыгуть кавидара въ море камения дѣля многоцѣннаго. Абие же отроку съ мѣногомъ уныниемъ по обычаю сътворити ему службу, глагола ему: «Чѣто унылъ еси дѣньсь, дѣтицю?» Онъ же потай реку: «Ничѣтоже». Паки же въпрашаше его, глаголя: «Въ истину рѣчи ми, чѣто ти есть?» Тѣгда ражѣе ся плачѣмъ и глагола ему, яко: «Тако съвѣтъ сътвориша корабльници на тя». Глагола ему, опасно отѣвѣща ему тако: «Утвѣрьдиша ся о тебѣ». Тогда призѣва отроки своя и рече имъ: «Еже вы реку сътворите безъ лѣности и безъ размышления нѣкого». Тогда простѣреть поняву и начатъ глаголати имъ: «Принесѣте музикия», – и принесоша. И отѣръзъ, начя распростирати камения, и егда положиша вься,

начя тако глаголати: «Се ли е животъ? сихъ ли дѣля бѣду приемлю въ мори и стражю, и по семь умираю, ничьсоже възьмъ съ собою отъ мира сего?» И глагола отрокомъ своимъ: «Исыплѣте вься въ море». И чюдиша ся корабльници, и разиде ся съвѣтъ ихъ.

Житие Андрея Юродивого

Подготовка текста, перевод и комментарии А. М. Молдована

Книга об Андрее Цареградском была весьма популярна на Руси, о чем говорит большое количество (более 200) дошедших до нас древнерусских списков. Ее успех у читателя объясняется, во-первых, необыкновенной занимательностью содержания и превосходными достоинствами перевода; во-вторых, – тем обстоятельством, что в наиболее распространенном у славян древнерусском переводе Андрей представлен как славянин (так переведено греческое *σκύθης*), а в более поздних списках как «русин» и даже новгородец. Особым вниманием это произведение пользовалось также ввиду содержащегося в нем свидетельства о явлении Богоматери святому Андрею и Епифанию в константинопольском Влахернском храме, на основании которого был установлен на Руси праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Греческий оригинал Жития, если верить заключающей его записи, был написан в Константинополе священником храма Софии Никифором. Ряд упоминаемых в Житии лиц и городских реалий указывает на то, что главный персонаж повествования Андрей жил в V в., и хотя автор изображает события так, словно он был современником и другом Андрея, на самом деле это не более чем литературный прием, ибо, судя по другим особенностям содержания Жития, оно не могло быть написано ранее конца IX или начала X в., при этом Никифор, по-видимому, просто воспользовался более ранними преданиями.

Юродство во Христе, столь же древнее, как и само христианство, во все времена сопутствовало ему, являя себя наиболее ревностной и самоотверженной преданностью высшей небесной правде, преподанной Исусом Христом. «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, – разъяснял апостол Павел, – тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1Кор. 3, 18–19).

Юродивые по-своему воспроизводили земной подвиг Христа. Живя среди людей в отличие от монахов-пустынников и отшельников они подвергали себя наиболее трудным и жестоким соблазнам и испытаниям, ежедневно и ежечасно обличая безумие мира сего и самим своим видом и парадоксальными речами и деяниями напоминая о присутствии высшего Судии.

Подобно своим предшественникам, особенно знаменитому юродивому Симеону, подвизавшемуся в VI в. в Палестине, Андрей ходил по улицам Константинополя полунагой, едва прикрытый тряпьем, терпеливо сносил насмешки, добровольно подвергался избиению, спал на солнцепеке или на гноище и в других неподходящих местах. Как-то, когда Андрей спал посреди дороги, его переехала телега, запряженная волами, но он остался невредим. А однажды наступила такая суровая зима, что все нищие погибли от холода и ветра или задохнувшись в сугробах, и Андрей, у которого не было ни одежды, ни крова, лег на улице и приготовился к смерти. Но внезапно он ощутил прилив тепла и увидел себя гуляющим по раю, и когда он очнулся, морозы кончились.

Произведение построено как цикл, включающий около 100 различных по объему рассказов, в которых повествуется о приключениях и чудесах Андрея, а также о различных персонажах и событиях из жизни Константинополя, имеющих часто лишь косвенное отношение к собственно житийному сюжету, а иногда и вовсе с ним не связанных. В частности, много говорится о боголюбивом и разумном юноше знатного происхождения Епифании, который был другом Андрея и, хотя не занимался юродством, всех удивлял своим воздержанием, целомудренной жизнью и глубоким умом. Впоследствии, как сообщается в Житии, он был Константинопольским патриархом.

Таким образом, это Житие представляет собой не столько агиографическое или тем более историческое повествование о реальных событиях и лицах, сколько сочинение в духе средневекового романа.

Книга содержит в конце большой раздел, получивший в русской книжности особое название «Епифаниевы вопросы и

ответы блаженного Андрея», в котором Андрей дает разъяснения по вопросам мирового устройства, разнообразных явлений природы, толкования Священного писания, эсхатологических предсказаний (так называемый «Апокалипсис Андрея Юродивого») и др.

Своим разнообразным и ярким содержанием «Житие Андрея Юродивого» оказывало значительное влияние на распространение идей юродства на Руси и одновременно служило источником для составления житий русских юродивых.

Древнерусский перевод Жития был выполнен, видимо, в XI, во всяком случае не позднее начала XII в., так как фрагменты этого перевода вошли в переработанном виде уже в первую (краткую) редакцию Пролога, созданного на Руси около середины XII в.

Кроме этого, древнейшего славянского перевода Жития, представляющего, кстати, наиболее пространную версию греческого текста, существует второй полный южнославянский перевод, осуществленный независимо от первого не позднее XIV в. и не имевший значительного распространения.

Мозаичность композиции Жития, легко разделяющегося на отдельные рассказы и эпизоды (в греческом издании, например, выделено 245 отдельных эпизодов), привлекала к нему внимание греческих и славянских книжников как к источнику для составления различных сборников. Помимо многочисленных рукописей Пролога, существуют еще десятки других сборных по составу рукописей, в которых содержатся рассказы или фрагменты Жития, в том числе несколько самостоятельных переводов греческих сокращенных редакций и выборки из этого памятника.

Текст печатается по древнейшему списку древнерусского перевода, относящемуся к концу XIV в. (рукопись РГАДА, Син. тип. 182), а в местах утраты листов – по копии с этой рукописи, сделанной в конце XV в. (рукопись РНБ, Сол. 216). Явные описки или ошибки исправлены по родственному списку РГБ, Егор. 162. Искорректированные по текстологическим причинам чтения восстанавливаются в соответствии с греческим оригиналом по древнейшим спискам других редакций и текстологических групп:

РГБ, Тр.-Серг. 780; РГБ, Тихонр. 29; ГИМ, Син. 924; РНБ, Сол. 214.

Греческие соответствия указываются по рукописи Баварской национальной библиотеки Monac. 552.

* * *

ЭТА КНИГА – О ЖИТИИ И ЖИЗНИ СВЯТОГО И БЛАЖЕННОГО ОТЦА НАШЕГО АНДРЕЯ, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО, И СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНИЯ, ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Слово первое. Как он стал юродивым

О жизни богоугодной и непорочном житии добронравного мужа, дорогие мои, хочу я вам поведать, и потому прошу вас выслушать мой рассказ со вниманием. Ибо повесть эта как бы источает медвяное благоухание, сладкий и дивный елей. Поэтому приготовьтесь всей душой насладиться ею, и это еще более подвигнет меня приступить к началу этой повести и открыть перед вами духовное величие этого мужа. Вот начало рассказа о нем.

В царствование христолюбивого императора Льва Великого жил в Константинополе некий муж по имени Феогност, которому благоверный император пожаловал титул протоспафария и назначил предводителем восточных областей.

Муж сей, имевший многочисленную челядь, купил после этого еще много новых рабов, среди которых был и тот, о ком мы теперь смиренно ведем рассказ. Был он родом славянин.

Когда господин купил его вместе с остальными, он был по виду моложе всех и весьма красив, поэтому господин пожалел его и решил взять его в личное услужение. Тотчас отдал он его, не умевшего еще говорить по-гречески, учиться Святому писанию.

Благодаря ясному уму отрок вскоре обучился Псалтири и счету и всему, чему учил его учитель, так что учитель дивился быстроте его успехов. Никто не предполагал в нем славянина, ибо был он пригож лицом, наделен духовным разумом, физической силой и умел красиво писать.

Поэтому господин стал поручать ему выполнение секретарских обязанностей. Он выполнял эту работу со всем

прилежанием и тщательностью, за что был любим господином и госпожой и всеми домочадцами.

Феогност оказывал ему большую честь и одаривал своими одеждами, ибо видел, как усердно тот заботится о его имении, так что видевшие его говаривали: «Раб одет лучше своего господина».

Он часто ходил по церквам и любил читать священные книги, особенно мучения святых и жития святых отцов, и сердце его горело желанием уподобиться им. И в душе он решил начать праведную жизнь. Таким образом стал служить Богу.

Однажды ночью он встал с постели помолиться, следуя сказавшему: «В полночь встал я исповедаться Тебе». Ненавидя его доброе побуждение, злобный Дьявол, придя, начал громко стучать в двери дома, где находился юноша. Сильно испугавшись, юноша прервал молитву и поспешно лег в постель и укрылся своей козичиной. Увидев это, Сатана возрадовался и сказал как бы своему собрату: «Посмотри на этого. Недавно еще тощую похлебку ел, а туда же готовится бороться с нами». И сказав это, исчез.

После такого испуга блаженный крепко уснул. Во сне он увидел, будто находится словно в каком-то театре. И на одной стороне было огромное множество эфиопов, а на другой стороне – множество белоризцев и других святых мужей. И между обеими сторонами идет спор о состязании в беге и борьбе. Эфиопы, имея на своей стороне некоего черного великана, вопрошают у собравшихся белоризцев, нет ли среди них такого, который состязался бы в беге или вступил в единоборство с этим черным. Ибо, говорили они, он со многими боролся и никто и нигде не может ему противостоять. Ибо это был тысяцкий несытого сатанинского легиона.

И пока они так похвалялись, и блаженный там стоял и слушал, а белоризцы не знали, что отвечать, спустился с высоты прекрасный юноша, держа в руке три венца. Один из них был украшен чистым золотом и драгоценными камнями, а второй сиял крупным дорогим жемчугом, а третий, самый большой, был сплетен из всевозможных красных и белых цветов

и неувядающих ветвей Божьего рая. Они испускали такое благоухание, что ум человеческий не в состоянии выразить.

Видя это, Андрей стал тужить и терзаться, как бы ему заполучить хотя бы один из этих венцов. И, подойдя к тому, который был в обличье юноши, сказал ему: «Христа ради, продаешь ли их? Если я не смогу их купить, подожди немного, я схожу к моему господину, и он даст тебе столько золота, сколько пожелаешь».

Юноша ответил ему с улыбкой: «Поверь мне, дорогой мой, что если даже ты принесешь мне золото всего мира, я не отдам тебе ни единого из этих цветков – ни тебе, ни кому другому, ни твоему мнимому господину. Ибо эти венцы не принадлежат этому суетному миру, как тебе кажется, это венцы Христовы из небесных сокровищниц, которыми венчаются те, кто побеждает этих черных. И если ты хочешь получить не один только, но все три, то иди и борись с этим черным эфиопом. И если победишь его, то не только эти, но и другие, лучше этих, какие только пожелаешь, получишь от меня».

Услышав это, Андрей воодушевился и сказал ему: «Поверь мне, что я сделаю, как ты сказал. Только научи меня его уловкам».

И говорит ему юноша: «А ты разве не знаком с его уловками? Ведь грозные и страшные эфиопы немощны. Не бойся же его огромного роста и страшного вида. Он, как гнилое растение, гнил и немощен».

Укрепив такими словами молодца, прекрасный юноша обхватил его, как бы намереваясь бороться с ним, и стал учить, как ему противостоять эфиопу. И сказал ему на ухо: «Когда он схватит тебя и начнет тебя кружить – ибо я знаю это – ты не бойся, а зацепи его ногу – и узришь славу Божью».

И тотчас вышел блаженный на борьбу и крикнул громким голосом: «Иди сюда, черномазый, поборемся с тобой!» Эфиоп подошел, грозно сопя и хрипя, схватил Андрея и начал его кружить и кружил долго. И стали эфиопы хлопать в ладоши, а белоризцы побледнели, думая, что сейчас ударит его черный о землю, так что у него глаза выскочат. Андрей же, кружась вокруг

эфиопа, изловчившись, зацепил его ногу. И демон, падая, ударился лбом о камень и стал вопить.

Обрадовались и захлопали в ладоши белоризцы. И, подняв праведника на руки, стали целовать его лицо, умащая его духовным елеем. Тогда все черные разошлись посрамленные. А прекрасный юноша отдал ему честные венцы и, поцеловав его, сказал: «Иди с добром. Отныне ты наш друг и брат. Устремись на добрый подвиг, наг будь и юродив меня ради и великого блага удостоишься в день царствия моего».

Услышав это, блаженный пробудился от глубокого этого сна и подивился случившемуся с ним, потому что на губах своих он ощущал благовония; и лицо его благоухало как бы божественным благоуханием, источник которого был невидим.

Наутро он пришел ко мне недостойному и, решившись, рассказал мне о бывшем ему видении. И, выслушав его, я подивился его видению. Посовещавшись, мы решили, что ему нужно отныне преобразиться и представиться умалишенным и бесноватым ради того, который сказал ему: «Будь юродивым меня ради и великого блага удостоишься в день царствия моего».

Иначе он не мог бы уйти от своего земного господина, ибо никому не хочется отпускать своего холопа на волю, тем более на Божье дело, ибо дьявол ревностно старается помешать этому.

На другую ночь, поднявшись в полночь, Андрей помолился и, окончив молитву, взял нож и пошел к колодцу, который был возле спальни его хозяина. И сняв с себя одежду, которая была на нем, начал ее резать на куски. И притворяясь бесноватым, стал произносить бессвязные речи и бессмысленно бормотать, как делают умалишенные.

Хозяин его, проснувшись, подивился всему этому, тем более, что была полночь. Но поразмыслив, решил что это колодезный дух вылез из колодца идохнул на первого встречного, и им оказался Андрей. И он промолчал до утра.

На рассвете повар пошел набрать воды и, увидев случившееся с Андреем, удивился. Оставив ведро, он пошел и рассказал хозяину, певшему на заутрени. Услышав это, хозяин

удивился, что Андрей, как сказал повар, впал в безумие и, разодрав одежды, сидит на колодезном устье. Он вышел с женой и всеми домочадцами, и, увидев его в безумии, они горько плакали и сокрушались, думая, что он вправду стал жертвой нечистого духа. Господин его был весьма опечален этой напастью и, не зная, чем ему помочь, велел отвести его в церковь святой мученицы Анастасии, которую построил благоверный Лев Мясник, и там посадить его в оковы, и послал много сребреников церковному служителю на его содержание и кормление.

Весь день напролет праведник представлялся безумным и разговаривал, как юродивый, А ночью он заплакал от всего сердца, кланяясь и молясь мученице Христовой, чтобы она явилась ему и, если он достоин, чтобы сказала ему, угоден ли начатый им подвиг.

Когда он перестал плакать и молиться, он вскоре увидел, как в видимом образе пришли пять жен и с ними впереди почтенный старец. Они стали обходить лежавших там больных, посещая одного за другим. Пройдя всех, подошли и к Андрею, сначала остановился старец, а рядом с ним святые жены. Пристально глядя на него, старец ласково улыбнулся ему, что-то доброе замышляя. И сказал, как бы в шутку, обращаясь к пятой жене, которая сияла ярче всех: «Госпожа Анастасия, что же ты здесь не врачуешь?»

Она отвечала ему: «Господин учитель, здесь другой врачевал, и никто больше ему не нужен. Ибо тот сказал ему: “Будь юродивым меня ради и много добра стяжаешь в день царствия моего”. И после такого врача он не нуждается в исцелении. Он уже научился этому ремеслу и не оставит его до последнего своего дыхания, и будет сосуд богоизбранный, святой и возлюбленный Духом».

Старец произнес: «Я знал это, госпожа, и лишь шутя спросил тебя».

Так они говорили в присутствии Андрея, потом, оставив его с миром, они вошли внутрь церкви поклониться. И после этого он не видел никого из них ни выходящими, ни входящими, пока не застучал в било служитель. Пораженный увиденным,

преподобный восславил Бога и поблагодарил святую мученицу за то, что она поспешила на его молитву.

Целый день он просидел в оковах, не принимая пищи и произнося непотребные слова. Когда же настала ночь и он, дождавшись полуночи, по обыкновению, стал молиться в тайном храме своего сердца, вознося молитвы и мольбы Богу и святой мученице, пришел к нему во плоти дьявол со множеством бесов, держа секиру, а бесы несли ножи, дубины, колья, мечи, копья и цепи. Это был тысяцкий демонского войска, и потому многие бесы пришли с ним, чтобы погубить блаженного.

И еще издалека зарычал гнилой старец ибо он явился в образе старого черта и бросился на святого, намереваясь убить его секирой, которую держал в руках. И все демоны, которые были с ним, бросились на него, желая его зарезать. Он же воздел руки и со слезами возопил к Господу: «Не предай зверям душу мою, верующую в тебя!» И еще сказал: «Святой апостол Иоанн Богослов, помоги мне!»

И тотчас раздался гром, словно в небесах, и крики многих людей. И явился старец с большими глазами, слегка возлысый, с лицом, сияющим светлее солнца, и с ним многочисленная свита. И грозно сказал он пришедшим с ним: «Затворите врата, чтобы никто не убежал». И те, которых было больше, чем бесов, немедленно исполнили это. И когда все бесы были пойманы, один из них тайком сказал другому: «Будь проклят тот час, когда мы соблазнились на это дело. Ибо Иоанн суров и намерен тяжко покарать нас».

Честной старец приказал своим спутникам снять железную цепь с шеи Андрея. И, выйдя за церковные врата, произнес: «Ведите мне их по одному». И привели первого и распростерли на земле. И апостол, взяв железную цепь, сложил ее втрое и ударил его раз сто. И вопил бес, словно человек: «Помилуй меня!»

Потом распростерли на земле другого демона, и тот был так же бит.

Слыша, как они вопят «Помилуй нас!», Андрей невольно начал смеяться. Ему казалось, что эфиопы, как люди, пойманы

и их по-настоящему избивают. Распростерли и третьего, и тот столько же претерпел. Ибо Бог наносил им нешуточные удары, чувствительные для их естества. Избивая их всех по очереди, бьющие говорили избитым и отпущенным: «Идите и покажитесь отцу своему Сатане, любо ли ему это будет?»

И когда те разошлись, исчезли и все белоризцы. Благообразный же старец пришел к рабу Божию и, возложив оковы на его шею, сказал, шутя: «Видишь, как я поспешил к тебе на помощь. Ибо я весьма пекусь о тебе, потому что Бог повелел мне опекать тебя и заботиться о том, что более всего служит твоему спасению. Претерпи это, и будешь во всем искушен. Ибо вскоре наступит час, когда ты будешь отпущен и сможешь ходить свободно, где тебе заблагорассудится».

Андрей спросил: «Кто ты, мой господин? Я тебе не знаю».

Старец ответил: «Я тот, кто возлежал на честной и животворящей перси Господа нашего Исуса Христа». И сказав это, исчез из виду, словно превратившись в молнию.

Дивился блаженный Андрей и горячо прославлял милость Бога, помогающего ему в словах и делах, избавившего его от нечистой силы, ополчившейся против него. И молвил про себя: «Господи Иисусе Христе, велика и непостижима сила твоя и безгранично милосердие твое, коль ты ко мне смиренному благоволишь и заботишься обо мне, являя мне дивное чудо. Сохрани и далее меня на пути истины твоей и сделай меня достойным обрести твою благодать. Вышний, великая сила, грозный, не оставляй нас».

Пока он молился, настала ночь, и задремав, увидел он себя во сне в царских палатах. Когда он там находился, позвал его царь к себе. И когда он пришел и стал перед ним, спросил его царь: «Хочешь ли ты всей душой работать для меня, и я сделаю тебя одним из почитаемых в моих палатах?» Андрей ответил: «Кто же отказывается от блага? Я бы очень хотел этого».

Сказал царь: «Если хочешь, прими пищу моего служения». И с этими словами он подал ему нечто похожее на снег. Взяв, Андрей съел ее. Было так сладко, что подобной сласти ум человеческий не в состоянии сравнить ни с чем. Но ее было мало, и съев, Андрей стал про себя молить, чтобы ему дали

еще того же. «Ибо, – говорил он, – когда я ел, мне казалось, что с миром Божиим сравнима эта сладость».

И опять дал ему небольшой кусок чего-то, похожего на кидонат. И сказал ему: «Возьми и съешь». Андрей, взяв, съел. Это было жгучее и горькое, горьче полыни, так что ему стала противна и предыдущая сладкая добрая снедь.

Царь, видя его отвращение, сказал ему: «Видишь, как не смог ты воспринять этого горького вкушения, означающего служение мне? Пища, которую я тебе дал, – это узкий и скорбный путь, ведущий тех, кто хочет войти во врата царства моего».

Блаженный сказал: «Горька эта пища, владыка. Кто же способен вкушать ее и служить тебе?»

Отвечал царь: «Смысл горького ты понял, а сладкого понял ли? Не дал ли я тебе сначала сладкое, и потом горькое?»

Сказал он: «Да, владыка. Но только о горьком сказал ты рабу твоему, что это образ скорбного пути».

Сказал царь: «Нет, путь лежит посередине между сладким и горьким. И в горьком воплощено вкушение мучений и страданий, которые тебе предстоит принять ради меня, а в сладком и лучшем обретается прохлада, покой и утешение страждущим меня ради. От моей благодати не исходит одно только горькое или одно только сладкое, но порой одно, порой другое, перемежаясь и чередуясь. И если ты желаешь трудиться для меня, скажи мне, чтобы я знал».

Сказал Андрей: «Дай мне еще раз отведать того же, я попробую и скажу». И он опять дал ему горькое, а потом сладкое. Страдая от горечи, Андрей сказал: «Не могу я служить тебе, питаюсь этим. Пища эта горька и тяжела».

Царь улыбнулся и вынул из пазухи своей нечто другое, с виду словно огонь, источающее благоухание и украшенное цветами. И сказал ему: «Возьми, съешь и забудешь все, что видел и слышал». Он же, взяв, вкусил и простоял долго в забытии от этой сладости и от огромной радости и от великого благоухания и славы. А придя в себя, упал в ноги великому царю тому и взмолился со словами: «Помилуй меня, владыка добрый, и не отвергни отныне меня от служения тебе. Ибо

уразумел я воистину, что весьма сладок путь твоего служения, и вне его не поклоню своей головы ни перед кем».

И тот ответил ему: «Это ли вкушение тебя удивило? Поверь мне, что среди моего добра это наименьшее. Но если ты меня успокоишь, все мое твое будет и ты будешь мне другом и причастишься святого царства моего и наследник мой будешь». И сказав это, словно на подвиг его послал. И тотчас Андрей пробудился.

Все это блаженный сохранил в своем сердце и дивился, говоря: «Что бы это могло быть?»

По истечении четырех месяцев его пребывания в церкви святой Анастасии, церковные слуги, видя, что он не выздоравливает, но, напротив, ему становится хуже, сообщили о нем его господину. Услышав это, Феогност отказался от него, как от безумного и бесноватого, и велел, сняв с него оковы, отпустить на свободу. И сняв с него оковы, церковные служители отпустили его. Видя, что задуманное им сбывается, Андрей прославил Бога, устроившего так, чтобы сбылась воля его.

Начало жития его

С того времени он начал бегать и резвиться на улицах, следуя примеру своего предшественника Симеона Юродивого ... и бродил целый день без еды и без отдыха. Когда же наступал вечер, он либо не спал, если ему было не угодно спать, а ходил по городским улицам и в душе молился и так всю ночь бодрствовал, а наутро почивал; либо, когда ему не было угодно ходить в ночи, искал на улице место, где лежат собаки, и прогнав пса, ложился на его место и почивал, словно на постели, – наг, убог, нищ, не имея ни рогожи, ни платья, ни власяницы или хотя бы куска материи. Вместо всего этого имел он на себе, как прежде было сказано, единственное суконце, в нем и ходил.

Вставая утром, он говорил себе: «Ну вот, презренный юродивый Андрей, наспался пес с псами всю ночь на приволье. Пойдем дальше работать, ибо приближается смерть. И пусть никто не соблазнит тебя, ибо в час смерти никто тебе не поможет. Ибо каждый человек плод своего труда принимает в

час исхода этой жизни. Пойдем же поскорее, несчастный, поругаемый людьми в этом мире, и удостоимся похвалы и славы у небесного Царя и Бога».

Говоря это, стремился честный человек, по слову великого апостола Павла, простираться вперед, забывая заднее. Смотря на него, люди говорили: «Вот новый бесноватый». Другие говорили: «Не стоит земля без юродивого». А иные толкали его и в шею били, и с презрением плевали в лицо.

Терпеливо снося все это, голодный, жаждущий, умирая от холода, опаляемый зноем и терпя обиды, он оставался неуязвимым. И такую молитву носил он в тайном храме сердца своего, что, когда он шептал ее, она была далеко слышна. И как из бурлящего котла при бурном кипении исходит густой пар, так и из его уст исходил пар Святого Духа, так что некоторые видевшие его говорили: «Это сидящий в нем демон, это он извергает этот пар». А другие говорили: «Нет, это сердце его, гневаясь от присутствия бесовского духа, так дышит». Но это было не так, это являла себя непрестанная богоугодная молитва. Так что, как раньше несведующие считали пьяным всякого говорящего на другом языке, так и здесь об этом славном думали.

О блудницах

Однажды он проходил, играя, мимо блудилища. Одна из блудниц, видя юродивого, схватила его за край ветхой одежды, которая была на нем, и втащила его внутрь. Истинный насмешник над Сатаной уступил и вошел вместе с ней. И когда вошел в блудилище, вокруг него собрались и другие блудницы и, потешаясь над ним, спрашивали: «Как это тебя угораздило?» Праведник же только усмехался, ничего не отвечая. Толкая его, они пытались заставить его сотворить скверный блуд, лаская тайные его уды. Иные, лобзая, искушали целомудренного, стремясь склонить к сраму. Другие говорили: «Соблуди с нами, юродивый, и насыти свою духовную похоть».

Но дивное чудо явил он. Ввергая его в столь сильный соблазн, они нисколько не смогли подвинуть его к желанию смердящего этого недуга.

Тогда они оставили свои намерения со словами: «Либо он мертвец, либо бревно бесчувственное, либо камень лежащий: сколько ни распаляем мы его на похоть, ничего у нас не выходит».

Одна из них сказала: «Удивляюсь я вашему неразумию и возмущению. Он ведь юродив и бесноват, голоден и холоден, и негде ему голову приклонить – откуда взяться у него похоти? Оставьте его, пусть себе безумствует».

Праведник же увидел блудного беса, стоящего среди блудниц, внешне он был похож на эфиопа, губаст, на голове вместо волос конский навоз, смешанный с золой. А глаза его были словно лисьи; ветхое тряпье покрывало его плечи. И исходил от него такой зловонный запах нечистот, что, не выдержав этого тяжкого смрада, блаженный начал часто плевать и закрыл одеждой свой нос.

Видя, что Андрей гнушается блуда, разъярился блудный бес и завопил: «Люди меня лелеют, словно мед сладкий, на сердце своем, а этот глумится над всем миром, брезгуя мною, плюет на меня. Да сам ты благой ли цели ради стал юродивым, а не для того ли, чтобы таким образом уклониться от земных трудов?»

Блаженный видел его наяву, блудницы же только голос беса слышали, но никого не видели. Сидя среди них, блаженный смеялся над зловонным и безобразным бесом. Увидев, что он смеется, они сказали: «Поглядите, как он со своим демоном смеется». А одна из них сказала: «У него хорошая одежда. Давайте возьмем ее и продадим, и у нас будет сегодня питье». Быстро поднявшись, они раздели его, оставив нагим, а одежду продали за сребреники и разделили, каждой досталось по два медяка.

Старшая сказала остальным: «Давайте не отпустим его нагим, а дадим ему хотя бы ветхую рогожу». Принесли рогожу и, сделав прорезь в середине ее, возложили на шею его вместо одежды и прогнали его из дома.

И выйдя на улицу, он начал бегать, юродствуя. Видевшие его, смеясь над ним, говорили: «Хорошая попона лежит на твоём осле, юродивый». Он же отвечал: «Воистину это вы

юродивые, я ношу добрую одежду. Ибо Господин мой сделал меня патриkiem».

Некоторые христолюбцы сами давали ему медяки, хотя он не просил. Ибо Христос заботился о нем. И сколько бы ему ни давали, он принимал. Иногда приходилось до двадцати, иной раз тридцать и более медяков в день. И высматривал укромное место, где собирались нищие, и шел к ним с медяками в руках, притворяясь блаженным, чтобы они не разгадали его замысла, и, присев, начинал играть медяками. И когда кто-нибудь из нищих пытался отнять их у него, он давал ему затрещину. Видя это, остальные нищие шли на него с палками, желая отомстить за товарища. Используя это как повод для бегства, бросив медяки, он убегал от них. Тогда они присваивали себе его медяки.

Видение богатого покойника

Однажды, когда Андрей шел на духовное свое дело, отойдя немного, он увидел вдалеке, как навстречу ему несут покойника. Это был знатный, очень богатый человек.

Великое множество народа шло за гробом. Слышалось громкое пение идущих со многими свечами и кадильницами. Стенания и громкие вопли испускали его близкие.

Видя, что происходит над покойником, святой остановился и на долгое время впал в забытие. И увидел: перед свечами идет множество черных демонов, кричащих, заглушая певцов: «Горе ему! Горе ему!» И все, что они кадили, смердело нечистотами, и они несли какие-то мешки и рассыпали попеременно пепел и золу. И все это множество, приплясывая на ходу и нагло смеясь, подобно бесстыжим блудницам, то лаяло по-собачьи, то по-свински визжало. И был для них мертвец предметом веселья и радости. И одни из них шли рядом с телом, кропя лицо покойника нечистотами и навозной жижей, а другие, летая по воздуху, вились около одра.

Нестерпимый смрад исходил из одра и от тела того грешника, как бывает, когда выгребают отхожие места и расплескивают вокруг навозную жижу и раскидывают смрадные нечистоты. И иные клали на его лицо собачий кал и жир морского пса и прочие зловония, другие же, идя следом,

плясали, хлопая в ладоши и ужасно топая ногами, смеясь и издеваясь невидимо над поющими, и приговаривая: «Не дай Бог и никому из вас видеть свет, жалкие христиане, поющие над псом “со святыми упокой душу его” и называющие рабом Божиим того, который чинил всякое зло».

И вот страшное видение святого. Взглянул он и видит: князь нечистых бесов с разъяренным взором, наводящим ужас на смотрящих, держа в руках своих огонь, серу и смолу, идет к гробу того несчастного, чтобы опозорить его тело и сжечь огнем, что и произошло по погребении.

И когда покойника проносили мимо, взглянул Андрей и увидел: вослед идет красивый юноша и плачет, одержимый печалью. И рыдая, проходит мимо святого.

Полагая, что он и вправду юноша и один из родственников умершего, потому и плачет так, и словно забыв про тайные дела Господа, он протянул свою руку и, коснувшись плачущего юноши, обратился к нему со словами: «Заклинаю тебя Богом неба и земли, в чем причина твоего плача и почему ты такие слезы льешь? Никогда мне не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так плакал по мертвецу; скажи мне, пожалуйста, почему ты это делаешь?»

Отвечал ему ангел: «Причина моего плача в том, что того, кого сейчас хоронят, кого ты видел, дьявол взял себе. Он и есть причина моего плача и печали, и потеряв его, плачу».

Сказал ему святой: «Скажи мне, друг мой милый – ибо я понял, кто ты – каковы были его грехи?»

И ответил ему ангел: «Поскольку ты, Андрей, и сам Божий избранник и поскольку тебе позволено это знать, внемли и услышь. Ибо ныне твоя прекрасная душа чиста и светла, и я, словно чистое золото увидев, немного утешился в своей печали. Это был знатный муж у императора, но был он при жизни грешник и очень злой человек. Во всем он был блудник и прелюбодей и мужеловец, коварен и немилосерден, кичлив и гордец, и сребролюбец, и лжив, и человеконенавистлив, злопамятен и мздоимец, и клятвопреступник, бедных своих слуг морил голодом, и побоями, и наготой, оставляя их без одежды и без обуви в холодные дни; многих же, палкой забив, закопал в

конюшне. И так распался он гнусной и богопротивной похотью к отрокам и скопцам, что осквернил до трехсот душ этим мерзким и отвратительным грехом. Но вот, друг мой в Господе, пришла на него жатва, и смерть, придя, застала его без покаяния, погрязшего во многих неописуемых грехах, а скверное его тело, ты сам видел, с каким бесчестием несут к могиле. И потому, о святая душа, и я тужу и в великой печали плачу, ибо, возлюбленный мой, я стал посмешищем демонам и вместилищем гнусного смрада».

О рассказе ангела

Когда ангел закончил, святой сказал ему. «Прошу тебя, друг мой, успокойся. Он заслужил скверную кончину: он стремился ко злу и теперь насытился им. Ты же, огнеподобный, исполненный улады, во имя Господа Саваофа вседержителя будешь пребывать во благе отныне и во веки».

После этих слов ангел невидимо улетел. Прохожие, шедшие по улице, на которой святой разговаривал с ангелом, и видя, что он стоит и разговаривает сам с собой – ибо ангела они не видели, будучи недостойны – говорили друг другу: «Взгляните на этого юродивого, как он дурачится, бессмысленно разговаривая со стеной». И толкая его и отгоняя, говорили: «Что это ты вздумал, дурак, бесноватый, стоишь и со стеной разговариваешь?»

Святой же, слыша, что они болтают, улыбнулся и ничего не сказал. И посмеявшись их неведению, отошел от них и, придя в укромное место, предался молчанию.

Молитва святого за умершего

И вспомнив о том несчастном, которого несли к могиле, стал горько плакать, пока не изнемог и глаза у него не опухли от долгого плача. И в слезах он произносил такую молитву к Господу: «Неисповедимый и невидимый и страшный Бог Отец, творец и владыка, создатель бесконечных веков и начало всякой мудрости и знания! Непостижимое рождение, великолепие святой славы, подобный и равночтимый с Отцом и возлюбленным твоим и вседержителем Духом, родившийся искони от великого ума, всегда оставаясь в лоне родившего тебя, один из нераздельной Троицы и по твоём вочеловечении!

Прошу тебя, избави тело того несчастного от поругания смолой и серой, приклони утробу свою святую к молитве ничтожного твоего раба. Поскольку оскверненной его душе нет избавления, ибо смерть закрыла для него все, прошу тебя и молю, чтобы хотя бы тело его избавилось от такого позора, чтобы не до конца порадовался добыче проклятый глубинный змей и не поглотил душу его вместе с телом, оскорбляя святое твое имя».

И пока святой молился, на него снизошло озарение. И впад в экстаз, увидел себя пришедшим на могилу того несчастного. И вот спустился с небес ангел Господний, словно быстрая молния, держа в руке огненный жезл и прогоняя находившихся там нечистых духов. И они исчезли, и было прекращено поругание тела сожжением в смоле и сере.

Видя это, святой вознес благодарность Богу, исполнившему его молитву.

О могильном воре

Спустя несколько дней преставилась дочь одного вельможи. А была она девицей, жившей жизнь свою в чистоте. Умирая, она просила своего отца, чтобы ее похоронили в их загородном имении в часовне посреди сада.

И когда она скончалась, ее понесли хоронить на то место, которое она при жизни указала своему отцу.

В то время был один могильный вор, который, разрывая могилы, снимал с мертвецов одежды. И стоя на пути, он наблюдал, куда ее собираются нести и хоронить. И узнав, где она похоронена, задумал и с ней сотворить то же.

Случилось же проходить мимо святому, совершавшему Христа ради свои дела. И словно провидев сердечным взором, он постиг духом подлый умысел этого нечестивца. И желая отвлечь его от этого деяния, ибо он знал, какое наказание тому уготовано, и грозно посмотрев ему в лицо, сказал ему с гневом: «Так говорит Дух, судящий похитителей одежд лежащих в гробах: “Не видеть тебе больше солнца, не видеть больше дня, не видеть больше человеческого лица. Ибо затворятся врата дома твоего и более никогда не откроются. И померкнет день и вовеки не рассветет”».

Тот же, услышав это, не понял, о чем говорит святой и, ни о чем не беспокоясь, отошел прочь.

Святой же, посмотрев на него, сказал: «Иди, иди, кради, безумец. Клянусь Иисусом, если сотворишь это, не видеть тебе солнца».

Тот же, вполне уразумев, что сказал ему Андрей, стал хвалить его, называя праведником и говоря: «Право, несчастный бесноватый, и ты по дьявольскому наущению говоришь о неизвестном и тайном. Я нарочно пойду туда, чтобы увидеть, исполнятся ли твои слова». Святой же, юродствуя, продолжил свой путь.

Когда настал вечер, безумец выбрал час и, придя к могиле, отвалил камень и вошел внутрь. И сначала взял саван и накидку, которые были красивы и драгоценны. И взяв это, хотел уйти.

Но ненавистник человеческого рода демон подсказал ему снять и сорочку и оставить тело нагим, что он и сотворил. И когда он взял сорочку, по воле Божьей – ибо удивительна повесть эта – мертвая девица, подняв свою правую руку, ударила его по щеке. И тотчас его глаза ослепли. И ужаснувшись, он затрепетал так, что от страха стали стучать его челюсти и колени.

И отверзнув свои уста, мертвая девица так сказала ему: «Будь несчастен и убог за то, что не побоялся ни Бога, ни ангелов его. И хотя бы ты, как человек, постыдился видеть женское тело обнаженным и удовольствовался бы тем, что ты взял сначала, а сорочку оставил бы моему несчастному телу. Но ты поступил бесчеловечно и жестоко и задумал сделать меня посмешищем перед всеми святыми девами в день второго пришествия. Но нынче я тебя проучу, чтобы ты никогда больше не крал и чтобы ты понял, что Христос – живой Бог, и что будет суд и воздаяние и жизнь после смерти, и веселы будут любящие Господа».

Сказав это, девица встала и, взяв сорочку, облачилась и завернулась в саван и накидку, и вновь легла и уснула с миром, сказав: «На тебя единственного, Господи, мое упование».

Несчастный же тот едва сумел найти садовую стену и так вышел. И поскольку поблизости была дорога, он, идя наощупь от стены до стены, пришел так к городским вратам. И спрашивавшим о причине его слепоты и о том, как это с ним произошло, он поначалу сказал нечто другое, а не то, как было на самом деле. Но потом, успокоившись, рассказал всю правду своему другу. И с тех пор начал просить милостыню и тем стал кормиться.

И порой, сидя и обращаясь к своей глотке, ругался: «Будь ты проклята, несытая гортань за то, что из-за тебя и чрева моего я принял слепоту». И еще говорил: «Тот, кто чревоугодничаает и не работает, тот крадет и получает по заслугам».

Вспоминая же святого, дивился, как тот ему предсказал все, что с ним должно было произойти.

Многие же в то время, слыша об этом чуде, отвергались сатанинских дел и были добры нравом и делом.

О вельможе, которому был противен святой

Когда блаженный время от времени глумился по своему обыкновению на ипподроме и творил нечто непотребное, и люди, видевшие его, одни скорбели, другие же, брезгая, проклинали его, как одержимого злым бесом, один из вельмож, проезжая мимо, увидев его, в отвращении на него плюнул.

Угодник же Христов, посмотрев на него долгим взглядом и прозрев его жизнь, сказал ему: «Лукавый блудник, насмешник над церковью, не ты ли, вставая ночью и прикидываясь, что направляешься в церковь к заутрени, ходишь, нечестивец, к Сатане на заутреню. Но вот уже пришло возмездие тебе, и получишь по делам твоим, которые ты совершал, надеясь укрыться от страшного всевидящего ока».

Услышав это, вельможа ударил коня и ускакал, чтобы не срамиться. Ибо он был морской хартуларий.

Спустя несколько дней он разболелся тяжелым недугом и постепенно начал чахнуть. И стали его носить из церкви к церкви, от врача к врачу, и не было ему облегчения. И вскоре он отправился на вечную муку.

Однажды ночью святой увидел у двора этого вельможи огнеподобного ангела Господня, прилетевшего с запада, который смотрел грозным взглядом и держал в руках большой огненный жезл. И он вошел в дом того несчастного, грозясь и гневаясь и намереваясь разрушить дом его до основания. И когда вошел к больному, свыше раздался голос, говорящий: «Бей этого хулителя, содомлянина, блудника и нечестивца. И, бия, наказывай ему: “Будешь еще блудить с мужским полом и с чужими женами? Будешь ходить на заутреню к Дьяволу?”»

И стал ангел бить его и наказывать ему. И был слышен голос ангела и звуки ударов, а бьющего не видно.

В мучениях несчастный волей-неволей, не стыдясь, взмолился: «Больше никогда не буду блудить! Помилуйте меня!»

Так мучимый три дня и три ночи и повторяя: «Больше не буду блудить!», – он испустил дух.

Это, друзья мои, я слышал от блаженного Андрея и записал для пользы и в назидание душам нашим, чтобы соблюдали себя в чистоте, ходя по этому свету. Ибо ничто не может утаиться от Бога и его святых.

И спросил я святого: «Как и каким образом несчастный грешил?»

И, отвечая мне, он сказал: «У него было два скопца, с которыми он и блудил. И они покупали ему обед и, расхаживая по городу, подыскивали ему то девиц, то замужних женщин, то блудниц. И все мысли его были заняты этим, и вставая до петухов, ходил к ним.

Жена его часто спрашивала, куда он ходит в такой час. Он же отвечал: “В церковь хожу”.

И уходя, он сначала занимался дьявольскими делами, а потом, осквернившись, смрадно воняя, шел в церковь.

Многие же, видя, как рано он встает, говорили: “Это святой человек”. А он был тайный дьявол. Поэтому Богу противны поступающие так. Не довольно ему, что он грешник, но еще создает себе славу святого».

О видении святой Богородицы во Влахернах

Когда бывало всенощное бдение в святой церкви во Влахернах, блаженный Андрей шел туда, совершая свои обычные дела. Епифаний с одним из своих слуг тоже бывал с ним. И стояли иной раз до полуночи, а иногда до рассвета.

В четвертом часу ночи блаженный Андрей увидел наяву святую Богородицу, вошедшую через Императорские врата – очень высокую, в сопровождении грозных слуг, среди которых были честной Предтеча и Сын Грома, поддерживавшие ее с обеих сторон. И множество других святых в белых ризах шли перед нею и за ней с духовными песнями.

И когда она приблизилась к амвону, святой подошел к Епифанию и спросил: «Видишь Владычицу и Царицу мира?»

Тот ответил: «Вижу, отец мой».

И на их глазах она преклонила колени и долго молилась, орошая слезами богоподобное свое лицо. Окончив молитву, она подошла к алтарю и молилась за стоящих там людей.

И помолившись, она сняла с себя сияющий, словно молния, мафорий, который покрывал ее пречистую голову и плечи, и, взяв в свои пречистые руки, – был он велик и страшен – распростерла над стоящими там людьми. Долгое время видели его святые распростертым над людьми и излучающим, словно электр, славу Божию. И пока святая Богородица находилась там, они видели и покров, а когда она удалилась, они его больше не видели, ибо она взяла его, очевидно, с собой, а благодать оставила тем, кто был там.

* * *

СИА КНИГА ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТАГО И БЛАЖЕНЬНАГО
ОТЦА НАШЕГО АНДРѢА УРОДИВАГО ХРИСТА РАДИ И ИЖЕ ВЪ
СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНИЯ ПАТРИАРХА
КОСТЯНТИНА ГРАДА

Слово пръвое. Како сътворися ему уродъство

Жизнь Богу угодну и житѣе непорочно мужа добронрава, о возлюбленѣи, хотящю ми исповѣдати, приклоните себе, молюся вамъ, на послушание сихъ. Есть бо си повѣсть якоже *медвену нѣкаку воню* каплющи, масть сладку и велми дивну. Тѣмже уготовитеся всею душею на се насыщение, да болми и азъ

самъ подвигнуся на начатѣ повѣсти сея и положю предъ вами духовныя доблести сего мужа. Есть же слово сего начатѣя сице.

При цѣсарьствѣ христіюбца цѣсаря Лва Великого⁶⁷⁸ бѣ нѣкто мужъ в Костянтини градѣ именемъ Феогностъ, иже бѣ протоспафаревымъ саномъ⁶⁷⁹ почтенъ отъ благовѣрнаго цѣсаря, егоже по семь воеводу створи на вѣсточныхъ странахъ.⁶⁸⁰

Се же мужъ многу челядь бѣ имѣя, послѣди же купи и ины многы, в нихже бѣаше и съ, иже ныня поминаемъ бываетъ нашимъ смиренъемъ. Бѣаше же родомъ словѣнинъ.⁶⁸¹

Егдаже господинъ его купи сего и съ прочими, се бѣаше младѣи всѣхъ плотнымъ взоромъ и красенъ велми, яко смилитися ему у господина своего велми и прѣд нимъ ему служити орудѣя требльшая. Абие же вда его, да ся научитъ святымъ книгамъ, еще грѣчкы молвити не разумѣющю.

Трѣзвъ же сѣи отрокъ умомъ своимъ, вѣскорѣ изучися Псалтыри и числомъ и всему, еликоже учитель его веляше ему, якоже дивитися учителю его скорому его ученью. Не мнящю никомуже, якоже словѣнинъ есть личнаго взора дѣля и душевнаго разума, и плотныя дѣля силы, и доброты дѣля писанія его.

Сего дѣля и господинъ его в нотареево мѣсто нача его водити на всяку потребну службу. Съ всимъ прилежаніемъ и тѣщаніемъ кончава я, яко милу ему быти господину своему и госпожи своей и отъ всихъ сущихъ в дому ихъ.

Многы же чти творяше ему Феогностъ и даяше ему отъ портъ своихъ, в нихже самъ хожаше, видя его всимъ сердцемъ прилежаста на имѣніе его, яко видяще его молѣвляху, яко: «Рабъ в лѣпшихъ портѣхъ господина своего ходитъ».

Часто же хожаше по церквамъ и любляше прочитати богодуховнѣныя книги, боле же святыхъ мучения и жизни святыхъ отецъ, яко горѣти серцю его на тѣхъ упованье, на подобіе ихъ вѣставлятися. Особѣ бо вложи собѣ начало добраго житѣя. Тацѣмъ образомъ Богу нача работати.

Въ едину бо нощъ вѣставъ одра своего, да ся помолитъ, по подобью рекшому: «Полунощи вѣстаяхъ исповѣдатися Тебѣ».⁶⁸² Завидив же неприязнивыи дѣмонъ добрууму начатѣю его, пришедъ, нача бити въ дѣвери храмины тоя, в нейже уныи

прибываше. Оужасъ же ся от страха, остана молитвы и скоро на одръ възлежъ, покрься козичиною своею.⁶⁸³ Се же видивъ Сотона, рад бысть и рече, яко к нѣкому подобну себѣ: «Видиши ли сего? Доселѣ тоштетину ялъ,⁶⁸⁴ а уже строиться и съ на ны». И се рекъ, ищезе.

От страха же того усну *твердо блаженыи*. Види въ снѣ, яко бѣаше нѣгдѣ на позорищи.⁶⁸⁵ Да бѣше на единой странѣ множество ефиопъ много,⁶⁸⁶ а на друзѣи странѣ множество в бѣлахъ ризахъ и инѣхъ святыхъ мужъ. Бѣаше же межю обою страну рѣць нѣкака о уристанѣи и о борении. Ефиопи бо, черна нѣкого велми велика имѣюще, прошаху у сбора бѣлоризецъ,⁶⁸⁷ нѣ ли никогоже, иже ся бы уристалъ любо брался с чернымъ симъ. Никтоже бо, глаголаху, нигдѣже не може ся ему противити, борѣшюся ему съ многими. Бѣаше бо тысящникъ несѣтаго легеона Сотонина.

Да якоже онѣ началъ бѣаху хвалитися тако, и блаженому ту стоящую и послушающую, а бѣлоризцемъ не умѣющею что отвѣщати, единъ нѣкто уноша велми красенъ слѣзе от горних, в руцѣ держа 3 вѣнца. Да единъ бѣаше украшенъ златомъ чистомъ и каменьемъ чѣстнымъ, а вторыи жемцюгомъ великимъ драгимъ блискающимъ, а 3-и велми болѣи обою от всякого цвѣта чървлена и бѣла и от вѣтвия Божия рая исплетена, неувядаемъ николиже. Таку же воню имѣаху, якоже умъ чловецкъ не можетъ нареци.

Се же види Андрѣи, тужаше и торзашеся, кацѣмъ образомъ бы възмоглъ взяти понѣ единъ от вѣнецъ тѣхъ. И приступивъ к тому, иже то бѣаше видиниемъ уноша, рече ему: «Тако ти Христа. Продаеши ли я? Аче бо любо не могу купити ихъ, но аче мало пождеши мене, шедъ, повѣдѣ господину своему, да вдасть ти злата, елико хочеши».

Рече ему уноша, улыкаяся лицемъ: «Ими ми вѣру, възлюблене, яко аще ми принесеши любо и всего сего мира злато, не вдам ти от сего цвѣта ни единого, ни тебе, ни иному никомуже, ни мнимому твоему господину. Не бо суть суетнаго сего мира, якоже ты *мниши*, нѣ си суть от скровищъ прѣнебесныхъ вѣнци Христови, имиже ся вѣнчавають иже черныя оны избивають. Аще ли хочеши не единого токмо взяти,

нъ и вся три, да шедъ борися съ ефиопомъ онѣмъ чернымъ. Да аще ему удалѣши, не едины си, нъ ины, елико хощеши, крашыся сихъ възмешу у мене».

Се слышавъ Андрѣи, о словесѣ семь дерзновение взя и рече ему: «Вѣру ими ми, яко створю, елико ми еси реклъ. Толико научи мя клюкамъ его».

И рече к нему уноша: «А ты не вѣси ли клюкъ его? Не ефиопъ ли суть, грознѣ и страшивѣ, немощни? Да не плашися страшнаго его величества и взора. Яко же бо зелье гнило, тако и тои естъ изъгнилъ и немощенъ».

Сими же словесы укрѣпивъ унаго, приимъ его красныи онъ уноша, яко творяся братися с нимъ хотя, учаше его, како ся бы ему противити ефиопу. И рече ему въ ухо: «Егда тя возмет и начнет вертѣти тобою, се бо вѣдѣ азъ, нъ ты не мози ся ужаснути, нъ запни ему и узриши славу Божию».

И изииде же абѣ блаженни, да ся бореть, и рече великимъ гласомъ: «Иди сѣмо, учѣрнене,⁶⁸⁸ да ся боревѣ оба». Пришед же ефиопъ, дыша и грозяся, *въсхыти* Андрѣа, и нача имъ вѣртѣти на многы часы. И начаша ефиопи плескати, а бѣлоризци поблѣдѣша, мняху бо яко ударить имъ черныи о землю, да ему и оци иссочита. Вертим же около Андрѣи, и стрясеса, запя ему ногою. И летящю таковому дѣмону, улучися лбу его на камени и абие нача въпити.

Радость же велика и плесканье велико нача быти бѣлоризцемъ. И въсхытиша праведника на высоту руками своими, възнака начаша его лобызати, мажуще муромъ духовнымъ. Тогда же чернѣи онѣ разидошася вси с великомъ студомъ. А красныи онъ уноша вда ему чѣстныя вѣнца и лобзавъ его рече: «Иди с добромъ. Отселѣ уже нашъ еси другъ и брат. Теци уже добрыи подвигъ, нагъ буди и похабъ мене дѣля и многа добра причастникъ будеши въ день цѣсарства моего».

Си слышавъ, блаженни от великого того сна убудися и нача дивитися о бывшихъ ему, мнози сущи вонѣ въ устѣхъ его; воняше и лице его яко Божия воня невидимо.

Заутра же приде ко мнѣ недостойному и, дерзнувъ, исповѣда ми бывшее видинье свое. Да подивихся, слышавъ, видинью его. Свѣщаховѣ же ся оба и судиховѣ, да ся

прѣтворить нынѣ вмѣсто яко бѣшенъ есть, неистовъ ся дѣеть рекшаго дѣля к нему: «Буди похабъ мене дѣля и многа добра причастника тя сътворю въ день цѣсарства моего».

Инако бо не можаше улѣсти плотнаго своего господина, якоже неудобъ есть никомуже пустити хлапа своего, да будетъ свободенъ, паче же на Божие дѣло, дѣяволу възъбраняющю завистью сему.⁶⁸⁹

Въ другую же ночь полунощи вѣставъ, помолися и кончавъ молитву, возьмъ ножъ, иде къ кладязю, иже бѣаше близъ ложница господина своего. И съвлекъ со себе ризу, в неже самъ хожаше, нача ю дробити на платы. И якоже бѣшенъ ся дѣя, словеса нѣкая мутна нача молвити съ *гласомъ* беставномъ, якоже неистовѣи дѣють.

Убудив же ся господинъ его, дивитися нача бывшему, паче же полунощи. Розмысли же в себе, яко духъ кладяжьный пришедъ, надохнулъ есть, егоже обрѣтъ прѣдъ собою, да обрѣлъ есть сего. Умолча же до заутрѣя.

И противу свѣту иде поваръ почреть воды и видивъ бывшее Андриови, удивися. Остав же ся водоноса, шедъ, повѣда господину своему, поющю заутреню. Се же слышавъ господинъ его, дивляшеся, яко Андрѣи, рече, неистов ся дѣя, сѣдитъ на устьи кладязя, порты своя роздравъ. Сниде же съ женою своею и со всимъ домою своимъ и видивше его несмысляща, плакашася немало и бишася, мняще, яко право демонъ се ему есть створилъ, да несмыслить. Господинъ же его велми печаленъ бывъ о напасти сеи и ничтоже не могъ ему помочи, повелѣ вести его въ церковь святыя мученица Анастасия,⁶⁹⁰ юже есть създалъ благовѣрныи Левъ Мясникъ,⁶⁹¹ и ужи желѣзны привязати его тамо, пославъ и сребреникъ голѣмо служѣ церковному на сего потребу и угодие.

Чресъ день же весь праведникъ творяся несмысленъ, словеса глаголаше, якоже похабъ. В ту же ночь плакати нача на сердци своемъ, кланяся, моляся мученици Христовѣ, дабы ся ему явила, а аче есть достоинъ, дабы его утѣшила, аще угодно есть начатъе, еже есть почаль.

Вмалѣ же тому плачу и молитвѣ преставшю, види и се: 5 женъ очивѣсть придоша ту, и единъ нѣкто старецъ славою

многую славимъ прѣдъ тѣми хожаше. Ходяще же хожашу по бодемъ, лежащихъ ту единого по единому постѣчающе. Минувше же прочая, придоша и к тому, да прѣже старецъ ста, а от него святѣя оны жены. Зряше на нь старѣць онъ беспрестани оцима, сладко нѣчто улыснуса к нему, нѣчто добро о немъ промышляя. Рече же к женѣ пятѣи къ свѣтлѣишии, играя: «Госпоже Анастасѣе, не лѣкуеши ли ничтоже сдѣ?»

Рече ему она: «Господи учителю, инѣ есть лѣковаль, да нѣ ему надоби никтоже. Иже бо ему есть реклъ се, яко: “Да будеши похабъ мене дѣля и многа добра владыка будеши въ день цѣсарства моего”. Да то есть лѣковаль, да нѣ ему трѣбѣ ициленье. Уже бо реместву емуже ся есть научилъ и не остася его до послѣдняго своего дыханья, и будетъ Богу съсудъ избранъ, избранъ и святъ и възлюбленъ Духомъ».

Рече старецъ: «И азъ, госпоже, вѣдѣлъ есмь, нѣ играя к тебе молвилъ есмь тако».

Се же глаголаше, зрящу Андрѣю, вдавши ему миръ, дну въ церковъ внидоша кланяния дѣля. Оттолѣ же никогоже от тѣхъ не види ни вышедша, ни вшедша, даже нача клепати в било слуга. Оудивив же ся преподобьникъ видинымъ от его, прослави Бога и святую мученицю похвали, яже ускори на моление его.

Сѣдѣвъ же день тои весь въ ужи, не вкуси ничегоже, нѣ блядивая словеса молѣвляше сѣдя. Нощи же наставши, уже оному бдящу до полунощи и по обычаю молитвы и моленья отаи в таинѣмъ храмѣ сердца своего Богу и святѣи мученици приносящу, приде к нему очивѣсть дѣяволъ съ многы бѣсы, держаи секиру, а они друзѣи ножи, друзѣи дрѣво и колье и меца и копья, друзѣи же ношаху ужа. Тысящѣникъ бо бѣаше дѣмоня полку, да сего дѣля мнози бѣси бѣаху пришли по немъ, да побіють блаженаго.

Рикати же нача издалеча изъгнилыи старецъ, тѣмъ бо образомъ ся бѣаше явилъ, якоже старыи синець, и потече на святаго, хотя убити его секирою, яже ношаше в руку. И вси дѣмонѣи сущеи с нимъ потекоша, зарѣзати его хотяще. Он же съ слезами руцѣ въздѣвъ, къ Господу въпияше, глаголя: «Не

предаи же звѣремъ душа моя исповѣдающуюся тебе!» И се рекъ: «Святии Иоанне апостоле Богослове, помози ми!»

И абие громъ бысть, яко свыше, и голка людии многъ. И се старецъ нѣкто великама очима, *въсклоненъ мало, лице имѣя* солнца свѣтлѣе, и множество много с нимъ. И рече к сущимъ со собою съ яростию: «Затворите врата, да не убѣжить никтоже». Си же болѣ онѣхъ суще, се твориша въскорѣ. Да якоже изымани быша вси тѣ, рече единъ от черныхъ къ другу своему отаи: «Горе часу сему, в онже мы ся прельстихомъ. Иоаннъ бо лють есть, да злѣ ны хоцетъ мучити».

Повелѣ же честныи онъ старецъ своимъ, да сняша желѣзное уже съ шия Андрѣовы. И ста внѣ вратъ и рече къ своимъ: «Ведите ми я по единому». Приведоша же и ростягоша по земли. И вземъ апостолъ уже желѣзное, прѣгну натрои, вда ему ранъ 100. И вопияше же яко человекъ: «Помилуй мя!»

По семь паки протягоша другаго дѣмона, и бѣенъ бы и тѣ тако же.

Слыша же блаженнии Андрѣи, еже въпияху «Помилуй насъ!», хотя любо не хотя нача ся смѣяти. Мняше бо ся Андреови, яко же и человекъ, ефиопи изымани быша, да тепуть я явѣ. Протягоша же и третьяго, да и тѣ толико же притерпѣ. Богъ бо бияше нелжею ранами, имиже родъ тѣхъ оскорбляется. По ряду же бивше всихъ, биюще, повѣдаху биенымъ и пущенымъ: «Шедше, покажите себе отцю своему Сотонѣ, любо ли ему се будетъ».

Да якоже разидоша, вси бѣлоризьци они ищезнуша. Красныи же онъ старецъ приде къ рабу Божию и, възложивъ уже на выю его, рече к нему играя: «Видиши ли, како ти ся есмь уранилъ на помощь твою. Велми бо ся пеку тобою, мене бо наряди Богъ, повелѣвъ ми, да промышляю, яже ты на спасение твое приводятъ удобная, пекиися всегда и подая тебе. Да притерпи, да будеши о всемъ искушенъ. Недалече бо ти будетъ, и пущенъ будеши и ходити начнеши по своей воли, кдѣ же будетъ годѣ очима твоима».

Рече Андрѣи: «Господи мои, а ты кто еси? Не вѣдѣ бо, кто ты еси».

Он же рече: «Азъ есмь иже възлеже на честныя и животворящя пърси Господа нашего Исуса Христа».⁶⁹² И се рекъ, якоже въ молнию себе прѣтворивъ, из очию его отиде.

Блаженни же Андрѣи дивляшеся и велми Божию милость славляше, яко тако по всему словеси и орудью помощникъ ему бысть и како его избави от темныхъ духъ, възстающихъ на него. И молъвляше в таинѣ: «Господи Исусе Христе, велика и неизвѣдома есть сила твоя и боле естества суть милосердия твоя, яко мене смиреннаго милуеши и печешися мною, да мнѣ ся дивно творить и велми чюдно. Да и еще съхрани мя по истѣнѣ твоеи и створи мя достойна обрѣсти благодѣть у тебе. Вышнѣи, великая сила, страшныи, не оставляи насъ».

Се же ему молящюся, наста нощь, и мало поспавъ, види въ снѣ, яко бѣаше в полатахъ цѣсаревахъ. Сущю же ему тамо, призва его цѣсарь полатъ тѣхъ к себе. Пришедшю же ему и ставшю пред нимъ, и рече к нему цѣсарь: «Хощеши ли ми работати всею душею и створю тя, да будеши ты единъ от славныхъ в полатѣ моеи?» Рече Андрѣи: «Кто ся можетъ отричати добраго? Азъ бо и велми хотѣлъ быхъ орудью сему».

Рече цѣсарь: «Да аще хощеши, да приими моя работы снѣдъ». Да словомъ вда ему нѣчто, яко и снѣгъ. И се возьмъ, снѣде. Бѣаше же сладко, якоже сласти умъ чловѣць приложити не можетъ ни к чему же. Нъ бѣаше его мало, и се снѣдъ, нача ся молити в себе, да быша далъ ему и еще от того же. Молъвляше бо, яко «егда се ядыхъ, мнѣхъ, яко въ муро Божие приложила състь сласть си».

И пакы вда ему, якоже се есть *кидонатъ*⁶⁹³ кусъ малъ. И рече к нему: «Възми и яжъ». И возьмъ, снѣ. Бѣаше люто и горко, велми боле пелына, да яко гнуситися нача ему и она сладкая добрая снѣдъ.

Видив же цѣсарь съгнушившася его тако, рече к нему: «Видѣ ли, како не може притищати горкаго вкушения того свершеннаго моего служения разумѣти? Сънѣдъ вдох ти, та бо есть узкыи и оскорбленни путь, водяи хотящая внити въ врата цѣсарства моего».

Рече блаженни: «Горко есть орудье се, владыко. Да кто се можетъ ясти, а тобѣ работая?»

Рече цьсарь: «Да горкое разумѣль еси, а *сладкому нѣси ли разумѣль?* Нѣсмь ли ти вдалѣ и първое сладкое и потомъ горкое?»

Рече онъ: «Тако, владыко. *Но* о горцѣмъ единемъ реклъ еси рабу своему, яко се есть скорбьнаго пути образъ».

Рече цьсарь: «Ни, нѣ посредѣ сладкаго и горкаго есть путь. Да в горцѣмъ показано ти есть вкушенье страстемъ и болѣзнемъ, яже ти есть прияти мене дѣля, а въ сладцѣмъ и добрѣишимъ бываетъ хладъ и покои и утѣшенье стражующимъ мене дѣля. Отъ моя благодѣти да нѣ горкое едино присно, ни сладкое по единому образу, нѣ другоици се, а другоици оно, другъ друга прогоняща. Да аче хочещи, въвѣчай ми ся, да быхъ вѣдѣлъ».

Рече Андрѣи: «Даи ми паки ясти того же, да видивъ, повѣдѣ ти». Он же паки вда ему горкое, потомъ сладкое. Степе же ся болми горкымъ тѣмъ вкушеньемъ, рече: «Не могу азъ работати тебе сице ядыи. Орудье бо се горко есть и тяжко».

Цьсарь же улыснувся, выня ис пазухы своя *нѣчто* узрачье, еже бѣаше видиниемъ, яко огонь, и вельми добрѣ воняя и цвѣтомъ одѣно образомъ. И рече ему: «Възьми и яжъ, да забудеши все, елико еси видилъ и слышалъ». Онъ же вземъ, снѣ да на многы часы от сласти тоя и от великыя радости и от многыя воня и славы стояше забывся. На свои же умъ паки нашедъ, паде на ногу великаго цьсаря того и моляшеся ему, глаголя: «Помилуй мя, владыко добрый, и не отрини мене отселѣ от работы твоя. Яко разумѣхъ поистинѣ, яко велми сладокъ есть путь службы твоя, да кромѣ тоя не поклоню шия своя никомуже».

Рече ему онъ: «Сему ли вкушению ся еси удивилъ? Вѣру ми ими, яко в добрыхъ, сущихъ у мене, се есть хуже всего. Нѣ аще мене покоиши, все мое твое будетъ и створю тя друга собѣ и причастишися святаго цьсарства моего и наслѣдникъ мои будеши». Се рекъ к нему, яко се его послалъ бѣаше нѣгдѣ на орудье. И абие убудися.

Се же все блаженный съблюдаше въ сердци своемъ и дивляшеся, глаголя: «Что се хочетъ быти?»

Пребывшю же ему въ церкви святыя Анастасия до 4-и мѣсяць, видивши церковныя слугы, яко не можетъ ицилѣти, нѣ пуще ся ему дѣеть, и възвѣстиша о немъ къ господину его. Слышав же се Феогность, остався его, яко безумна и бѣшена, и повелѣ отрѣшивше пустити его, да снидетъ. Отрѣшивше же его церковьници, пустиша. Видивъ же блаженый, яко все, еже на сердцѣ имѣаше, сбывается ему, прослави Бога, створившаго, да ся сбудетъ воля его.

Начало жития его

Ристати же оттолѣ нача и играти по улицамъ по образу дрѣвле бывшю похабу Смеона⁶⁹⁴ одного дивнаго ... и прѣхожаше день весь ни ѣдѣ, ни посѣдѣвъ нигдѣже. Вечеру же наставшю, егда ему бѣаше любо, не спавше, нѣ хожаще по улицамъ градьнымъ, молитвы дѣя на сердцѣ, всю ночь бдя пребываше, а заутра почиваше; егда же ли ся ему не хотяше ходити в нощи, да съглядаше по улицамъ мѣста, кдѣ же пси лежать, да тамо шедѣ, единого от нихъ прогнавъ, лежаше, яко на одрѣ почивая, нагъ, лишенъ, неимовитъ, ни рогозины имѣя, ни сукна, ни власяницѣ или платъ понѣ малъ отруянъ. Се едино суконце, еже преже реченое, в немже хожаще, то имяше за все.

Заутра же паки въстая, на сердцѣ своемъ к себѣ тако глаголаше: «Се, лишена боголиши Андрею, всю ночь пьсь съ псы наспалъся еси по простору. Да идемъ паки дѣлатъ, яко приближается смерть. И никтоже бо тебе да не прельститъ, яко въ тѣ час можетъ ти помощи кто любо. Всякъ бо человекъ *трудъ плода* своего снѣсть въ время исхода жизни сея. Да уже потечемъ, лишене, съ трудомъ, укаряемъ от человекъ в мирѣ семь, да хвалу и славу приимемъ от небеснаго цѣсаря и Бога».

Се глаголя, тѣшася честный человекъ, по велицѣмъ апостолѣ Павлѣ, на прѣдняя спѣвати, а задняя забывати.⁶⁹⁵ Зряще на нѣ человекъци глаголаху: «Се нова бѣшенина». Друзѣи же глаголаху, яко: «Земля си николиже бесъ салоса нѣсть». Да друзѣи пяху его и по шии бяхуть его и слинами лице его кропляху, гнушающеся.

Терпя же все се, алченъ, жадаю пити, зимою умираю, зноемъ угараемъ и все зло терпя, пребываше непобѣдимъ. Молитву же толку приялъ бѣаше в таинѣмъ храмѣ сердца

своего, якоже шепту устенъ его далече и-звѣнѣти. Яко же бо котель безмѣрнымъ кипѣньемъ възмутився, пару густу износить, тако и тому исхожаше из устъ пара Святого Духа, якоже зряще на него друзѣи глаголаху, яко: «Дѣмонъ, иже в немъ живетъ, от того пара си износятся». А друзѣи глаголаху: «Ни, нѣ сердце его нещища неприязниваго духа, тако дышетъ». Нѣ се не тако бѣаше, нѣ молитва бѣаше бес прѣстанка богоугодна, яже си являше. Тѣмже невѣгласии, якоже древле прѣмѣнение языкъ пьянствомъ мнѣху, тако и сдѣ о славнѣмъ семь помышляху.

О блудницах

Въ едину же близъ блудныхъ храмъ⁶⁹⁶ мимоидяше играя. Едина от блудницъ, яко се боголишь видивши, я его за skutъ лихого сукна, в немже хожаше, и вѣвлече его дну. Истиньнии же посмихатель сотонинъ, ослабивъ, вниде с нею. И якоже вниде въ храмину, събращася о немъ и прочая блудница и смѣющася ему, въпрашаху его: «Како ся створило есть тебе се?» Праведникъ же толико усмихашеся, не отвѣщая ничегоже. Пихающе его, веляху ему нудма скверненное дѣло блудное створити, тайныя его уды гнетуще. Другыя же лобызающе цѣломудраго, искушаху, на срамъ зовуще. Другыя глаголаху: «Бляди с нами, похабе, и насыти духовъную си похоть».

Чюдо бо дивно бѣаше видити, еже о немъ. В толици скоктаньи, елико ему створиша, никакоже подвигнути или въсхотѣти смердящему недугу тому не могоша его навести.

Приложивъше же ся, тако глаголаху: «Любо мертвъ есть, любо ли дрѣво есть, да не чюется, любо ли камень неподвижимъ. Колико бо его нудихомъ на похоть и не могохомъ ничтоже сътворити ему».

Рече едина от нихъ: «Дивлюся безумью вашему, яко клюдите тако. Боголишь бо и бѣшенъ, алченъ и зименъ, не имѣя главы подѣклонити, чимъ хощетъ имѣти таку похоть? Да останитеся его, да шедъ, творить безумье».

Видяше же праведникъ блуднаго дѣмона ту стояща посредѣ блудницъ. Бѣаше видиниемъ, яко синець, уснатъ, власа не имѣя на главѣ, нѣ гнои конескъ, смѣшенъ с пепеломъ. А оци его бѣсте, якоже и лисици, и лиха прота платъ лежаше на плещю

его. Смрадъ же исхожаше из него изъгнила гноя, якоже от горка смрада его нетища блажении нача плевати часто и портомъ своимъ зая носъ свои.

Видя же его скарѣды онъ дѣмонъ отгрѣбающаяся блуда, неистовъ ся дѣяше и глас испусти тако: «Мене, рече, чловѣци имѣють, якоже сладокъ медъ на сердци своемъ, а сеи, иже ся ругаетъ ходя всему миру, брѣзгая мною, плюетъ на мя. Да ты добра дѣля не створился еси похабомъ, но любо ли отлѣсти хотя симъ образомъ плотныя работы».

Блажении же видяше его явѣ, блудница же глас его слышаху, а не видяху никогоже. Сѣдя же средѣ ихъ, смияшеся смраду его и нелѣпотѣ его. Видяще же оны смѣхъ его, глаголаху: «Видите ли, како ся смѣетъ с демономъ своимъ?» Едина же от нихъ рече: «Добра есть одежда его. Да вземше у него, продадимъ, да ны будетъ пити днесъ». Абие же въставша, съвлекоша его и поставиша его нага, а одежду продаша на сребреници и роздѣлше по двѣма чатамъ.

Рече старѣишия другимъ: «Не пустимъ его нага, нѣ вдадимъ ему понѣ рогозину ветху». Принесоша же рогозину и прорѣзавше средю ея, възложиша на шью его въ мѣсто одежда и тако его изъгнаша изъ храма.

И шедъ же на улицу вне и нача ристати играя. Зрящеи же глаголаху, смѣющеся ему: «Добрѣ подѣкладъ лежитъ на твоємъ ослѣ, похабе». Он же глаголаше: «Право, похабе, в добрѣ рюи хожю. Патрика⁶⁹⁷ бо мя есть створилъ Владыка».

Нѣцѣи же *христілюбци* даяху чаты по волѣ, а не по прошеню. Христосъ бо печашеся имъ. И елико же ему кто вдаяше, примаше. Другоици бо и двадесять чатъ днемъ взимаше, любо 3-десять и боле. Нѣ углядаше мѣсто таино, кдѣ же будяше сборъ нищихъ, да идяше к нимъ, носяи чаты в руцѣхъ, творяся играяи, да быша не разумѣлѣ дѣла его, сѣдѣ, начняше играти чатами. Да егда кто от нищихъ, дерзнувъ, въсхыщаше у него, пхняше его пястью. Се же видивше прочѣи нищии мѣстити хотяще друга своего, поидяху на нь с батоги. Вину же обрѣтъ бѣганье, повѣргъ же чатѣ, побѣгнаше от нихъ. Они же к тому начняху грабити чаты его.

Видиние богатаго умерша

Паки же ходящю ему на духовное свое дѣло и мало нѣколико прѣиде, да узри издалеча мертвеца несомѧ противу себѣ. Бѣаше же мужь добръ, велми богатъ.

Множество же много идяше по немъ. Глас же бѣаше слышати велми великъ поющихъ съ многими свѣщами и кадиломъ. Голка же и въплъ великъ исхожаше от своихъ ему.

Видив же святець, что ся дѣяше надъ мертвымъ, да ста и нечюти себе нача на многы часы. Узри и се, прѣдъ свѣщами множество ефиопъ дѣмонъ⁶⁹⁸ идяше, болми пѣвецъ въпьюще: «Горе ему, горе ему». Все же, еже тамо кажаху, яко мотыла смердяху, и якоже мѣхы держаще в руку, известъ и попелъ сыпаху по единому. Идущю множеству тому пляшущемъ и смѣющимся бе-студа, якоже бестудныя блудница, да другоици лаяху, якоже пси, а другоици въпияху, якоже свинья. Да бѣаше имъ мерьтвецъ онъ веселье и радость. Да друзѣи около одра его идяху, гноимъ и скалушьною водою лице мертваго кропяще, а друзии по вѣтри лѣтающе, около одра лѣтаху.

Великъ же смрадъ исхожаше изо одра того и ис тѣла того грѣшнаго, якоже се кыдающе и скалушу и мотыла истлѣвша и смердяща кромѣ кыдають. Да друзѣи пѣсья мотыла и масло морьскаго пса и съ инѣми смрады кладяху на лице его, друзѣи же въслѣдъ идуще плясаху, плещюще рукама, а ногама тѣпѣтъ великъ творяще, смѣющесе и ругающесе невидимо поющимъ и глаголюще: «Не даи вы Богъ видити ни единому васъ свѣта, лишенѣи хрестьяни, поюще надъ псомъ "съ святыми си покои душу его", нѣ и раба Божия наричающе его, сущаго повиньна всему дѣлу злomu».

И есть страшное видинье святаго. Възрѣ, и се: князь нечистыхъ дѣмонъ, имѣя оци, яко диковы, и страхъ творяща зрящему на него, держаше же и огонь в руцѣ свои и сѣру, и смолу и идяше къ гробу лишеннаго онѣго, охриту створити тѣло его и огнемъ съжещи, еже и по погребенью створися.

Паки же минувшю мерьтвецю, смотри, видивъ и се: въслѣдъ идяше нѣкыи уноша красенъ плачася, печалью одержимъ. Плакашеся плачемъ великомъ, мимо же идыи близъ бысть святаго.

Он же мнѣвъ, яко по праву уноша есть нѣкыи и близокъ есть умершаго, да сего дѣля плачется, да яко забывъ по Бозѣ таинаго дѣла, простеръ руку свою, имъ плачущагося уношу, моляся, рече ему: «Тако ти Бога небеси и землѣ, кая ти вина есть, еяже дѣля слезы такы тоциши, плачася? Нѣсмь бо видилъ николиже никогоже тако ся плачуща о мертвѣцѣ, да повѣжь ми, молю ти ся, почто се тако твориши?»

Рече к нему ангелъ: «Моего плача вина си есть, яко оно, егоже оно несутъ, егоже еси видилъ, взялъ его есть дьяволъ себѣ. То есть вина моего плача и печали, да погубивъ его, плачюся».

Рече к нему святыи: «Повѣжь ми, друже мои милыи, разумѣхъ бо, кто ты еси, что суть былѣ грѣси его?»

Рече к нему ангелъ: «Понеже еси, Анѣдрѣа, и ты самъ избраный Божии, разумѣхъ, да понеже достоить ти увѣдити, внимаи и да услышиши. Ныня бо твоя доброта красныя твоя душа чиста и льщиться, да якоже злато чисто узрѣвъ, понѣ мало утѣшихся от печали моея. Се же великъ мужъ бѣаше у цѣсаря, бѣаше же грѣшенъ человекъ и лють велми въ своемъ жити. По всему бѣаше же блудникъ и прѣлюбодѣи и съ отроки лѣгаше, лестивъ и немилосердъ, буи и гордъ и сребролюбецъ, и лживъ и человеконенавистникъ, памятивъ злу и мздоимецъ, и ротникъ, убогую свою челядь моря голодомъ и ранами, и наготою, бес портъ и безъ обуви оставляя ихъ въ дни зимныя, многы жь обоимъ убивъ и подъ коньскыи поможь покопалъ. Такъ же бѣаше на скарѣдое и огнемъ пожжено мужелѣганье отроцие и скопче и Богомъ ненавидиму похоть, яко осквернилъ есть до триста душъ мерзкымъ симъ и скарѣдымъ грѣхымъ. Да уже, друже мои о Господи, приде на него жатва, да пришедши смерть, обрѣте его не покаявшася, неизглаголаны и многы грѣхы имѣюща, а скверненное его тѣло самъ еси видилъ, кацѣмъ бесчестиемъ несомъ есть къ гробу. Да сего дѣля, о святая душе, и азъ самъ тужю и печалью великою одержимъ, плачюся, понеже, возлюблене мои, дѣмономъ есмь смѣхъ, смраду скарѣду храмина».

О повѣсти ангеловъ

Се Божию ангелу глаголющю, рече к нему святыи: «Молю ти ся, друже, да приимеши добру утѣху. Понеже неприязнену кончину приялъ есть, да якоже ся есть потщаль на лихая, такоже да ся ихъ насытитъ. Ты же, пламянообразне, вели похоти исполнене, и о имени Господа Саваофа вседержителя будеши одержимъ в добрая отселѣ и въ вѣкы».

В такои же бесѣдѣ отиде от него ангелъ невидимо. Идущую же по улици, на неже съ аныгѣломъ повѣсти дѣяше святыи, и видяше единого стояще и повѣсти дѣюща, ангела бо не видяху, недостойни суще, да глаголаху къ себѣ сами: «Зрите на боголишь ону, како ся глумить, къ стѣнѣ повѣсти дѣя, несмысля». Ринувше же его и отгоняще, глаголаху: «Что то есть, похабе, надшене, еже стоя бесѣды дѣяше къ стѣнѣ?»

Святыи же си словеса слышавъ, еже ти блядаху, помродавъ и молча. И посмивавъся невѣдѣнью ихъ, отиде от нихъ и шедъ на покровно мѣсто, умолча.

Молитва святого за умершаго

И помянувъ лишена оного, егоже бѣ видилъ несомѣ къ гробу, и плакася горко, донелѣже немощи нача, якоже от многа плача опухлѣ ему бѣаста и оцѣ. Глаголаше же сию молитву къ Господу, плачася: «Неизвѣдомый и покровный и страшенъ Богъ Отецъ, творецъ и Господь, свѣршитель бесконѣчныхъ вѣкъ и изобрѣтатель *всякои* премудрости и художеству. Нерасудимое рождение, вѣлелѣние святыя славы, подобный и единочестный Отцю *и възлюбленому твоему и вседержителю Духу*, родивыйся исперва от великаго ума, всегда бывая на лонѣ родившему тя, единый неприкосновенъи Троицѣ и по вочеловѣченіи твоємъ. Молю ти ся, избави оного лишенаго тѣло от поругания смолнаго и сѣры, приклони утробу свою святую къ молитвѣ худаго твоего раба. Понеже скверненная его душа избавленья не имѣеть, смерть бо уже заградила есть еже о немъ, да молю ти ся прося понѣ тѣло его дабы ся избавило от студа того, дабы не отинудъ веселитися наченъ о немъ, глубныи змѣи⁶⁹⁹ проклятыи пожерлъ душу его и с тѣломъ и оскорбится святое твое имя».

Се святому молившемуся, Божие просвѣщенье бысть о немъ. Въ ужаси бывъ, себе види пришедша на гробъ лишена того. И

се, сниде ангелъ Господень, яко скоро молния, держа палицу пламяну в руцѣ свои и прогоняше нечистыя духы, сущая тамо. И ищезоша, и прѣста от трыжнення тѣло, да не згорить смолою и сѣрою.

Се видивъ святыи, благодѣть възда Богу, ускорившему на молитву его.

О тати гробномъ

По нѣколико же днии прѣставися дщи нѣкого болярина. Бѣаше же дѣвою, живши житѣе свое чисто. Закля же отца своего, прѣдъ градомъ сущю селу ихъ, да въ церкви сущѣи въ виноградѣ, ту да погребуть.

Да яко же успе, взявше, понесоша ю на то мѣсто, *гдѣ же бѣ заклала* отца своего.

В то же время бѣ нѣкто гробныи тать, иже отгрѣбая мертвеца, совлачаше с нихъ порты. Да стоя на пути, зряше, кдѣ ю хотя нести и погresti. И увѣдѣвъ, гдѣ есть погребена дѣвица, умысли и на тои то же створити.

Пригоди же ся мимоити тудѣ святому, Господа дѣля творящю ему обычаи свои. Да якоже прозря сердцеыма оцима, разумѣ духомъ тщивую мысль лукаваго того. И хотя възбранити его от сего дѣяния, видяше бо, кака пагуба хощетъ ему быти, да изувиро възрѣвъ ему на лице, рече к нему, яко се гнѣваяся: «Тако глаголетъ Духъ, судныи ядущему⁷⁰⁰ порты лежащихъ въ гробѣхъ: “Уже ти есть не видити солнца, уже ти есть не видити дни, уже ти есть не видити образа человекъска. Затворять бо ся врата дому твоего и боле того не отворятся. И померкнетъ день и не просвѣтитъ въ вѣкы”».

Он же се слышавъ, не разумѣ, что се глаголетъ святыи, и небрѣгъ ни о комже, поиде.

Святыи же, възрѣвъ рече к нему: «Иди, иди, лишене, *укради*. Тако ми Исуса, аще створиши, нѣсть ти видити солнца».

Он же разумѣвъ гораздно, что ему есть реклъ, хвалити его нача, праведника его наричая:⁷⁰¹ «Право боголиши бѣшена, и ты глаголеши безвѣстная и таина от смущения дѣмоньска. Язъ тамо хощю ити, да вижду, что успѣють твоя словеса». Святыи же играя, мимоиде.

Вечеру же наставшю, обрѣте годину лишеникъ и шедъ, отвали камень от гроба и вниде во нь. Да и първое взя саванъ и амафоръ,⁷⁰² добра суца и честна велми. Да егда се взя, възхотѣ отити.

Ненавистник же чловѣцъскому роду дѣмонъ научи его сняти и срацицю и оставити тѣло наго, еже и створи. Да егда взя и срацицю, повелѣньемъ Божиимъ, яко дивна есть *повѣсть* си, десную свою руку въздвигши мертвая дѣвица, удари его за скрань. И абие ослепосте оци его. И ужасъся, нача трепетати, яко от страха того начаша скрушатися челюсти его и съ зубы и колѣнѣ его такоже.

Отверъзши же уста своя мертвая дѣвица, тако ему отвѣща: «Оканье и лишене буди, яко Бога ся еси не боялъ, ни ангелъ его. Да понѣ, яко и ты чловѣкъ еси, да стыдитися бы было тобѣ видити женское тѣло обнажено, то ти бы было досити, еже еси преже взялъ, а срацку вдаль бы лишеному моему тѣлу. Нѣ немилостивъ чловѣкъ и лютъ на мнѣ ся еси явилъ, да умыслилъ еси створити мя смѣху въ второе пришествие всимъ святымъ дѣвамъ. Да се ныня азъ тя устрою, да будеши к тому не краль николиже и да увѣси, яко есть Богъ живый Христосъ и яко судъ есть и възданье и по смерти животъ, и весели будутъ любящеи Господа».

Се рекши дѣвица вѣста и въземши срацицю, облачеса и саваномъ огнуса, и мафориемъ, и паки леже с миромъ вкупѣ усну, се рекши, яко: «Ты, Господи, единого на упование вселил мя еси».

Лишении же онъ одва възможе налѣсти стѣну виноградную и тако изиде. И близъ суцю людъскому пути, пытая рукама стѣну до стѣны, и приде въ вратомъ граднымъ. И вопрошающимъ вину ослѣпленья его и како ся ему се есть створило, да тогда инако повѣдаше, а не яко ся есть створило. Послѣди же утѣшився, исповѣда все по праву к некому приязни своему. И оттолѣ нача просити и тако ся нача кормити.

Да другоици сѣдя и ко жрелу своему глаголаше, сваряся: «Проклятъ да будеши, несытый гортане, яко тебе дѣля и чрева моего слѣпоту сию приялъ есмь». И паки глаголаше: «Иже есть

кормитель чреву своему, а не дѣлая, да тои крадетъ и добывается сего».

Поминая же святого, дивляшеся, яко прорече ему все, ели ся ему хотяше створити.

Мнозѣ же в ту годину се чудо слышавше, отвѣргошася сотонина дѣла и быша добрии нравомъ и дѣломъ.

О князи, емуже мерзаше святець

Иногда паки играющю блаженому по обычаю своему на иподромии и нѣчто лихо дѣющю ему, да людие зряще его, друзии тужаху, а друзии брѣзгующе проклинаху его, якоже люта бѣса имѣюща, един же нѣкто великих боляръ мимоидыи и видивъ его, съгнусися ему и плюну на нь.

Угодникъ же Христовъ долго зрѣвъ на нь и разумѣвъ житѣе его, рече к нему: «Лукавыи блудниче, церковный поругателю, не ты ли, творяся, яко “Въ церковь иду на заутреню”, а идеши *Сотонъ на заутреню*, безакониче, полунощи вѣстая. Нѣ се уже приспѣла есть руга твоя, да приимеши, якоже еси и дѣялъ, утаитися мня страшному оку, пытающему все».

Се же онъ слышавъ, ударивъ конь, отиде, да ся бы не срамилъ. Хартулаи бо бѣаше плоимомъ.⁷⁰³

По дни же нѣколько недугъмъ зломъ разболѣвся и нача помалу сушитися. И начаша его носити от божьници къ божьници и от лѣчьца къ лѣчьцю, и не бѣаше ему пользя. По малу бо лишеньи поиде въ вѣчную муку.

Нѣколи бо нощи сущи, види святець близъ двора его аггела Господня пришедша от запада, иже бѣаше пламенъ, лють очи имѣя и держаше палицю велику пламяньну. И приде в домъ лишенаго того, грозяся и гнѣваяся, раскопати хотяи домъ его. Да егдаже к болному приде, услыша глас свыше глаголюще тако: «*Биете поругателя того и содомлянина и блудника и нечестиваго. Бия же его, глаголи* ему тако: “Или еще блясти начнеши или с мужьскомъ поломъ или с цюжими женами, или на заутреню поидеши къ Дьяволу?”»

Нача же его бити и глаголати к нему. Да глас бѣаше слышати ключащаго и палицныи бои, а бьющаго не видити.

Мучим же лишеныи, *нача* повѣдати хотя и не хотя, не стыдяся, яко: «Уже не бляду николиже. Да помилуйте мене».

Тако же мучимъ три дни и 3 нощи и глаголя, яко «не бляду еще», душа своя не испустилъ бѣаше.

Се же, дружино моя, написахъ, слышалъ у блаженаго Андреа, на ползу и боязнь душамъ нашимъ, да быхомъ ся блюли, како ходяще на семь свѣтъ. Ничтоже бо не может ся Бога утаити, ни святымъ его.

Въспросих же святаго: «Како или кымъ образомъ творяше грѣхъ?»

Да отвѣща ми, рече, яко: «Имѣлъ есть скопца два, с нима же и блядѣше. Ти бо ходяще, купляху ему обѣдъ, ходяще и сѣмо и онамо, искаху ему ово дѣвица, ово мужатица и нечестивыя жены. Да к тому вся печаль ему бѣаше о тѣхъ, прѣже бо куръ вѣстая, хожаше к нимъ.

Множицею въпрашаше его своя жена, кдѣ ходитъ в такую годину. Он же глаголаше, яко: “Въ церковь хожу”.

Ходя же, и первое творяше дьяволе дѣло, потом же осквернився, смрадомъ воняя, хожаше въ церковь.

Мнози же видяще его вѣстающа рано, глаголаху, яко: “Святъ человекъ сеи есть”. А онъ бѣаше потаенъ дьяволъ. Тѣмъже и Богови велми мерзятъ творящеи тако же. Не гонать бо ему, еже есть грѣшникъ, нъ и славу собѣ святѣца творить».

О видиньи святыхъ Богородици Вѣлахернахъ

Неусыпающи службѣ бывающи въ святѣи церкви сущии Вѣлахернахъ,⁷⁰⁴ иде блаженнии Андреи тамо же, обычая дѣя своя. Бѣаше же Епифанъ и отрокъ его единъ с нимъ. Да стояху другоици до полунощи, а другоици до свѣта.

Часу же нощному сущю 4-му,⁷⁰⁵ узри блаженнии Андреи святую Богородицю очивѣсть, вельми сущю високу, пришедшую цѣсарьскими враты, страшными слугами, в нихже бѣаше честный Предтеча⁷⁰⁶ и Громный Сынъ,⁷⁰⁷ обаполу держащую ю. И инѣи святци мнозѣ в бѣлахъ ризахъ идяху предъ нею, а друзѣи по неи с пѣсними духовными.

Да егдаже приде близъ амбона, приде святець къ Епифанови и рече: «Видиши ли Госпожю всего мира и цѣсарицю?»

Он же рече: «Вижду, отче мои».

И сима зрящима, приклоньши колѣни, на многы часы молитися нача, слезами кропящи боговидное свое лице. По молитвѣ приде къ олтарю, молящися о стоящихъ людѣи тамо.

Да егда ся отмоли, мафоръ⁷⁰⁸ ея, яко молниино видиние имѣя, еже на пречистѣмъ ея вѣрстѣ лежаще, отвивши от себе и пречистыма своима рукама возьмѣши, страшно же и велико суще, вѣрху всѣхъ людѣи простре стоящихъ ту. Еже на многы часы видисте святца вѣрху люди прострето суще и сияя, яко же иликтръ,⁷⁰⁹ славу Божию. Да донелѣже бѣаше тамо святая Богородица, видисте и та, а понелѣже отиде, боле того не видисте, взяла бо будетъ со собою, а благодѣть оставила есть сущимъ тамо.⁷¹⁰

Повесть о Варлааме и Иоасафе

Подготовка текста, перевод и комментарии И. Н. Лебедевой

Повесть о пустыннике Варлааме и царевице индийском Иоасафе является одним из самых распространенных произведений в мировой литературе средневековья. Существует более 140 версий этой повести более чем на 30 языках. В славянские литературы «Повесть о Варлааме и Иоасафе» пришла в переводах с греческого языка. Греческая версия повести появилась в начале XI в. на Афоне и является в свою очередь переработкой версии грузинской. Древнерусский перевод «Повести...» относится к периоду Киевской Руси; по-видимому, он был сделан во второй половине XI или в самом начале XII в. Этот перевод сразу же вошел своими отдельными частями в состав русского Пролога, из которого заимствовал одну из притч повести Кирилл Туровский. Повесть широко распространилась в древнерусской письменности и в полном виде, и еще более в составе Пролога. В Пролог вошли прежде всего притчи, которые рассказывает Варлаам Иоасафу. Это своего рода небольшие новеллы поучительного содержания; все они восточного происхождения. Мы публикуем семь притч из «Повести...»: 1) О трубе смерти и четырех ковчегах; 2) О соловье; 3) Об единороге; 4) О трех друзьях; 5) О благоразумном царе; 6) О царе и нищем; 7) О молодой серне. Кроме того, автор греческой версии включил в текст повести памятник позднеантичной литературы – «Апологию» Аристиды, своего рода «турнир религий». «Апология» вошла и в древнерусский перевод, и ее текст также публикуется. Текст «Апологии» вложен в уста волхва Нахора – язычника и колдуна, тем большую силу приобретает то, что говорит он против своей воли.

По разнообразию перипетий сюжета, по богатству притч и диалогов «Повесть о Варлааме и Иоасафе» занимает одно из первых мест во всей литературе средневековья. Отрывки из текста «Повести...» издаются по списку Соловецкой библиотеки № 208, хранящемуся в РНБ. Это самый ранний (начало XVI в.) и

самый полный и исправный список древнерусского перевода. Незначительные его лакуны восполнены по рукописи из собрания Хлудова № 60, хранящейся в ГИМ.

* * *

КНИГИ, НАЗЫВАЕМЫЕ ВАРЛААМ, ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ, ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЭФИОПСКОЙ СТРАНЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ИНДИЕЙ, В СВЯТОЙ ГРАД ИЕРУСАЛИМ ПРИНЕСЕННАЯ ИОАННОМ, МОНАХОМ, МУЖЕМ ЧЕСТНЫМ И ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ, ИЗ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВВЫ

... Страна, называемая Индийской, лежит далеко от Египта, велика и многонаселенна. ... Правил в той стране некий царь по имени Авенир, великий богатством и могуществом ... весьма привержен он был бесовской прелести. ... Родился у него прекрасный сын ... Иоасафом назвал его царь ... В самый праздник рождения отрока пришли к царю пятьдесят пять избранных мужей, наученных халдейской мудрости звездочетства ... Один из этих звездочетов, самый старый и мудрый, сказал: «Как говорят мне движения звезд, о царь, преуспевание ... ныне родившегося сына твоего не в твоём царстве будет, но в ином, в лучшем ... Думаю я, что примет он гонимую тобою христианскую веру...»

Царь, услышав об этом, впал в печаль вместо радости. Выстроив в городе Домосе уединенный прекрасный дворец, он поместил туда сына, как только тот вышел из детского возраста; и повелел, чтобы царевич не выходил никуда, и приставил к нему воспитателями и слугами молодых и самых красивых людей, запретив им рассказывать ему о жизни, о горестях ее ..., чтобы ... не услышал он ни одного слова о Христе, учении его и законе ...

Был в то время некий монах, умудренный божественным учением, украшенный святой жизнью и красноречием ... Варлаам было имя тому старцу. Божественным откровением дано было ему узнать о царском сыне. Покинув пустыню, ... оделся он в мирскую одежду и, сев на корабль, прибыл в Индийское царство, прикинулся купцом и пришел в тот город, где жил во дворце царевич ... Придя однажды, Варлаам сказал ...: «Я купец ... есть у меня драгоценный камень, подобного

которому нет нигде; ... может он тем, кто слеп сердцем, даровать свет мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос ...»

Сказал Иоасаф старцу: «Покажи мне драгоценный камень ... Хочу услышать слово новое и доброе ...»

И Варлаам отвечал: «... Был некий царь великий и славный, ехал он однажды на золотой колеснице и в окружении стражи, как и подобает царям; встретились ему два человека, одетые в рваные и грязные одежды, с изможденными и бледными лицами. Знал царь их, истощивших свою плоть телесным изнурением, трудом и потом поста. Как только увидел он их, сошел тотчас с колесницы и, пав на землю, поклонился им; поднявшись, обнял их с любовью и облобызал их. Вельможи его и князья вознегодовали на это, полагая, что сделал он это недостойно царского величия. Не смея обличить его прямо, уговорили они брата его родного сказать царю, чтобы тот не оскорблял величия и славы царского венца. Когда брат сказал об этом царю, негодуя на неуместное его унижение, дал ему ответ царь, которого брат не уразумел.

А у того царя был обычай: когда он выносил кому-либо смертный приговор, то посылал к дверям этого человека глашатая с трубой смерти возвестить приговор, и по звуку трубы узнавали все, что тот осужден на смерть. И когда настал вечер, послал царь трубу смерти трубить у дверей дома брата его. Когда же услышал тот трубу смерти, то отчаялся в своем спасении и всю ночь провел в мыслях о себе. Когда настало утро, то, одевшись в жалкие и траурные одежды, вместе с женой и детьми отправился он к царскому дворцу и встал у дверей, плача и рыдая.

Ввел его царь к себе и, видя его рыдающим, сказал ему: “О глупый и безумный, если ты так устранился глашатая единоутробного и равного тебе честью брата, перед каковым не знаешь никакой своей вины, то как же мог ты укорять меня за то, что я смиренно приветствовал глашатаев Бога моего, громче трубы возвещающих мне смерть и страшное предстание перед Владыкой моим, перед которым сознаю в себе многие и тяжкие грехи. Таким образом и задумал я поступить с тобой, чтобы

ныне обличить твое неразумие, а также заодно с тобой советовавших укорить меня скоро открыто обличу”. И так вразумив брата своего, отпустил его в дом его.

И повелел царь сделать четыре ковчега из дерева, два позолотить и вложить в них смердящие кости мертвецов, забив золотыми гвоздями; два же других, обмазав смолою и дегтем, наполнить драгоценными камнями, дорогим жемчугом, умастив их всякими благовониями. Обвязав ковчеги волосяными веревками, призвал царь вельмож, осуждавших его за смиренное приветствие тех двух мужей, и поставил перед ними четыре ковчега, чтобы оценили они достоинства позолоченных и осмоленных ковчег. Они же оценили два позолоченных как достойные самой высокой цены, ибо полагали, что в них вложены царские венцы и пояса. О ковчехах же, обмазанных смолой и дегтем, сказали, что они достойны малой и ничтожной цены. Тогда царь сказал им: “Знал я, что так скажете, ибо, поверхностное имея зрение, воспринимаете вы лишь внешний образ; но не так следует поступать, а внутренним зрением подобает видеть сокровище внутри – ценное оно или не имеющее цены”.

И велел царь открыть позолоченные ковчеги. Как только раскрыли ковчеги, страшный смрад повеял оттуда и безобразное открылось взорам. И сказал царь: “Это подобие тех, кто облечен в сверкающие и дорогие одежды и горд своей славой и могуществом, внутри же полон мертвых и смердящих костей и злых дел”. Затем повелел открыть ковчеги, покрытые смолою и дегтем. И когда их раскрыли, все поразились прекрасным видом лежащего в них, и благоухание исходило из них. И сказал царь вельможам: “Знаете ли, кому подобны эти ковчеги? Подобны они тем двоим смиренным и в жалкие одежды облеченным; вы же, видя их наружный образ, поносили меня за то, что я до земли поклонился перед лицом их. Я же, разумными очами познав благородство их и красоту душевную, почел за честь для себя прикоснуться к ним, считая их дороже царского венца и лучше царской одежды”. Так устыдил царь своих вельмож и научил их не обманываться видимым, а внимать разумному» ...

Иоасаф же ему отвечал: «Великие и дивные слова говоришь ты, человек. ... Что же должны делать мы, чтобы избежать мук, уготованных грешникам, и удостоиться радости праведников?» ...

Варлаам вновь отвечал: «... Тот, кто не ведает Бога, пребывает во тьме и смерти душевной и в порабощении идолам на погибель всей природы. ... Чтобы уподобить и выразить неведение таких людей, поведаю тебе притчу, рассказанную мне одним мудрейшим человеком. Он говорил, что поклоняющиеся идолам подобны птицелову, который, устроив силки, поймал однажды малую птицу, называемую соловей. Взяв нож, собрался он уже заколоть ее, чтобы съесть, как вдруг соловей заговорил человеческим голосом и сказал птицелову: “Какая тебе польза, человеке, если убьешь меня? Ведь не сможешь даже наполнить мною свой желудок, но если из силков освободишь меня, то дам тебе три заповеди. Соблюдая их, великую пользу приобретешь себе во всю твою жизнь”. Подивился птицелов речи соловья и обещал, что освободит его от уз. Обернувшись, соловей сказал человеку: “Никогда не стремись достичь невозможного, не жалея о том, что прошло мимо, и не верь никогда сомнительному слову. Храни эти три заповеди и будешь благоденствовать”.

Обрадовался птицелов удачной встрече и разумным словам и, освободив птицу из силков, выпустил ее на воздух. Соловей же захотел проверить, уразумел ли человек смысл сказанных ему слов и получил ли какую-нибудь пользу от них, и сказала ему птица, паря в воздухе: “Пожалей о своем неразумии, человеке, ведь какое сокровище упустил ты ныне. Есть внутри у меня жемчуг, превосходящий величиною страусово яйцо”.

Услышав это, опечалился птицелов, сожалея, что упустил соловья из рук, и, желая снова поймать его, сказал: “Приди в дом мой, и, приняв тебя как друга, с честью отпущу”. И ответил ему соловей: “Ныне оказался ты весьма неразумным. Ведь приняв сказанное тебе с любовью и охотно выслушав, никакой пользы не получил ты от этого. Сказал я тебе – не жалея о том, что прошло мимо, а ты печалишься, что выпустил меня из рук, жалея об упущенном. Сказал тебе – не стремись достичь

невозможного, а ты хочешь поймать меня, не будучи в силах догнать. К этому же сказал я тебе – не верь невероятному, но ты поверил, что внутри меня есть жемчуг больше меня самого, и не сообразил ты, что весь я не могу вместить в себе такое большое страусово яйцо; как же может быть внутри меня жемчуг такой величины?” Таковы неразумием и те, кто надеется на идолов своих (...)»

И сказал Иоасаф: «... Я желал бы обрести путь, чтобы хранить в чистоте заповеди Божии и не уклоняться от них...»

Варлаам же отвечал: «...Те, что связаны житейскими делами, и заняты своими заботами и волнениями, и живут в наслаждениях... подобны человеку, убегающему от разъяренного единорога: не в силах вынести звука рева его и рычания его страшного, человек быстро мчался, чтобы не быть съеденным. А так как он бежал быстро, то упал в глубокий ров. Падая, простер он руки и ухватился за дерево, и, крепко держась, уперевшись ногами на выступ, считал он себя уже в покое и безопасности. Взглянув вниз, увидел он двух мышей, одну белую, а другую черную, грызущих непрерывно корень дерева, за которое он держался, и уже почти сгрызших корень до конца. Взглянув в глубину рва, увидел он дракона, страшного видом и дышащего огнем, свирепо глядящего, страшно разевающего пасть и готового проглотить его. Посмотрев же на выступ, в который уперся ногами, увидел он четыре змеиных головы, выходящих из стены, о которую он опирался. Подняв глаза, увидел человек, что из ветвей дерева понемногу капает мед. Забыв и думать об окружающих его опасностях: о том, что снаружи единорог, свирепо беснуясь, стремится растерзать его; внизу злой дракон с разинутой пастью готов проглотить его; дерево, за которое он держится, готово упасть, а ноги стоят на скользком и непрочном основании, – забыв об этих столь великих напастях, предался он наслаждению этим горьким медом.

Это подобие тех людей, которые поддались обману земной жизни. Эту истину о прельщающихся этим миром изложу тебе, смысл этого подобию сейчас расскажу тебе. Ибо единорог – это образ смерти, вечно преследующей род Адама и наконец

пожирающей его. Ров же – это весь мир, полный всяких злых и смертоносных сетей. Дерево, непрерывно подгрызаемое двумя мышами, – это путь, который совершаем, ибо пока каждый живет, поглощается и гибнет сменой часов дня и ночи, и усекновение корня приближается. Четыре же змеиных головы – это ничтожные и непрочные стихии, из которых составлено человеческое тело; если они приходят в беспорядок и расстройство, то разрушается телесный состав. А огнедышащий и беспощадный дракон изображает страшное адово чрево, готовое пожрать тех, кто предпочитает наслаждения сегодняшней жизни благам будущей. Капля меда изображает сладость удовольствий этого мира, которыми он зло прельщает любящих его, и они перестают заботиться о спасении своем ...

Возлюбившие же удовольствия этой жизни и наслаждающиеся ее сладостями, те, кто предпочитает быстропроходящее и непрочное будущему и надежному, подобны человеку, имевшему трех друзей; из них двух он весьма почитал и очень любил, говорил, что готов принять смерть и вынести любые испытания ради них; третьим же весьма пренебрегал, не уважал и никогда не удостоил его оказать ему честь и любовь, проявлял совсем малую дружбу, если не сказать – никакую вообще.

Однажды пришли к этому человеку страшные и грозные воины, чтобы немедля отвести его к царю отвечать за долг в десять тысяч талантов. Опечалившись, стал он искать заступника, чтобы помог ему ответить перед царем, и пошел к своему первому и самому близкому другу, говоря ему: “Ты знаешь, друг, что всегда готов был я душу положить за тебя. Ныне же и сам я нуждаюсь в помощи в постигших меня горе и нужде. Так скажи, поможешь ли ты мне теперь и на что я могу надеяться от тебя, любезный друг?” Тот же ему сказал в ответ: “Я не друг тебе, человек, и не знаю, кто ты; есть у меня иные друзья, с ними буду я сегодня веселиться и сделаю их друзьями и впредь. Тебе же дам два рублища, чтобы имел их в пути, которым пойдешь, но не будет тебе от них никакой пользы, а иной никакой не жди от меня помощи”.

Услышав это и отчаявшись в ответе того, на чью помощь он надеялся, отправился человек ко второму другу и сказал ему: “Помнишь ли, друг, сколько видел от меня чести и добрых советов? Ныне же и я в печали и в напасти великой и нуждаюсь в помощнике. Как можешь разделить со мною мои трудности, хочу знать”. Друг же ответил: “Нет у меня времени сегодня делить с тобой трудности, ибо я сам в печали и напастях, одолевших меня, и в скорби. Впрочем, немного пройду с тобой, и если не смогу помочь тебе, то сразу вернусь от тебя сюда, свои имея заботы”.

Возвратившись и от второго друга с пустыми руками, тот человек и совсем отчаялся, оплакивая пустую надежду на помощь от своих неблагодарных друзей и бессмысленные труды, которые претерпел прежде ради любви к ним; и пошел он к третьему своему другу, которому он никогда не услужил, не приглашал, и обратился к нему со смущенным лицом и глядя вниз: “Не смею и раскрыть уст перед тобой, зная истинно, что не вспомнишь ты, чтобы я когда-нибудь сделал тебе добро или проявил дружбу. Теперь же напала на меня беда злая. Не получив совсем никакой надежды на спасение от моих друзей, я пришел к тебе и молю, если только можешь, помоги мне хоть немного, не откажи мне, памятуя о моем неразумии”. Тот же отвечал с ласковым и радостным лицом: “Я считаю тебя ближайшим моим другом и, помня небольшое твое ко мне благодеяние, сторицею сегодня воздам тебе, попрошу за тебя царя. Не бойся и не страшись, ибо я пойду вперед тебя к царю и не предам тебя в руки врагов твоих. Мужайся, любезный друг, и не будь в скорби и в печали”. Тогда, раскаявшись, сказал тот человек со слезами: “Увы мне, о чем прежде плакать мне – о любви ли, что была у меня к той забывчивой, неблагодарной и лживой дружбе, или оплачу сводящее с ума отчаяние, которое, однако, показало этого истинного и близкого друга?”»

Иоасаф, выслушав и эту притчу, удивился и попросил разъяснения, и сказал Варлаам: «Первый друг – это богатство и стремление к накоплению золота, из-за чего многие люди впадают в беды и многие терпят несчастья. Когда же приходит смертная кончина, то ничего из всего богатства не возьмет с

собой человек, только на проводы напрасных друзей. Второй же друг – это жена и дети и другие родственники и домашние, к чьей любви привержены мы и ради любви к которым готовы отречься от собственных души и тела. Никакой нет от них пользы в час смертный, но до могилы только проводят, а затем сразу возвращаются, имея свои заботы и печали, похоронив память в забвении, как тело некогда любимого погребли в могиле. Третий же друг, мимо которого проходим, считаем временным, пренебрегаем им, избегаем его и которым в конце концов достигаем победы, – это лик добрых дел, а именно: вера, надежда, любовь, милосердие, человеколюбие и остальной строй добродетелей, которые могут идти впереди нас при исходе души из тела, помолиться за нас к Богу и избавить нас от врагов наших, от злых истязателей, которые движутся в воздухе, требуя безжалостно отчета от нас и непреклонно стремясь завладеть нами. Это благоразумный и добрый друг, который, помня и малое наше благотворение, воздает нам с лихвою».

Тогда Иоасаф сказал: «... Еще покажи мне образ этого суетного мира и как мирно и безопасно пройти эту жизнь».

Вняв ему, Варлаам сказал: «Выслушай пример и этой притчи. Слышал я про некий великий город, жители которого издавна имели обычай выбирать царем какого-нибудь чужестранца, не знакомого ни с законом того города, не знающего ничего об обычаях жителей, и ставили они его у себя царем, и принимал он всю власть и беспрепятственно выполнял свою волю до истечения одного года. Тогда неожиданно в те самые дни, когда он жил без печали, в непрестанной обильной роскоши и думал, что царствование его будет вечно, они нападали на него и, сорвав царские одежды, нагого водили с позором по всему городу, изгоняли его и отправляли его в изгнание далеко на некий большой пустынный остров, на котором, не имея ни еды, ни одежды, горько страдал он, не надеясь уже на роскошь и веселье, но в скорби не было ему ни чаяния, ни надежды.

И вот по обычаю тех горожан был поставлен царем некий человек, весьма разумный и заботящийся о том, чтобы не быть

ему таким же образом лишенным царства, чтобы внезапно выпавшее ему богатство, как и у царствовавших прежде него и безжалостно изгнанных, не сменилось на печаль; и, опечалившись, возревновал он об этом. Чтобы обезопасить себя, часто советовался он и истинно узнал от одного премудрого советника об обычае тех горожан и о месте изгнания, как и подобало ему без заблуждения знать. И когда он узнал, что ему на том острове предстоит быть, когда он будет лишен царства, открыл он свои сокровища, которые имел в своем распоряжении невозбранно, и, взяв сколько нужно золота, серебра и драгоценных камней, велел множество их отдать верным своим рабам, послав их на тот остров, куда ему предстояло отправиться.

По окончании года горожане подняли мятеж и, как и прежних царей, послали его нагим в изгнание. Прежние неразумные цари тяжело страдали от голода; этот же, послав заранее богатые запасы, жил в изобилии, имея нескончаемую роскошь, отбросив всякий страх перед теми коварными горожанами, и радовался своему мудрому и правильному решению.

Так вот, под городом разумеи этот суетный мир. Горожане – это власть и господство бесов, владетелей тьмы этого мира, обольщающих нас покоем удовольствий и внушающих нам, чтобы тленное и преходящее мы принимали бы за вечно пребывающее с нами и считали бы, что все пребывающие в сладости бессмертны. И вот нас, живущих в заблуждении и никак не думающих об этом великом и вечном, внезапно постигает погибель смертная. Вот тогда-то злые и жестокие горожане тьмы, все свое время пребывавшие с нами, взявши нас, нагими отведут отсюда “в страну вечного мрака, где нет света, не видно жилья человеческого”, нет советника доброго, открывшего все истинное и научившего спасению мудрого царя, – подсоветником этим понимай мое ничтожество, ибо пришел к тебе, чтобы указать истинный путь, ведущий к вечным и бесконечным благам ...

Притча о другом царе и о нищем. Слышал я о некоем царе, мудро правившем своим царством; был он кроток и милостив к

своему народу. В одном только заблуждался он, ибо не имел света истинного богопознания, но одержим был заблуждением идолопоклонства. Был у него советник добрый и украшенный всяким благочестием к Богу и всей остальной добродетельной премудростью, который печалился и скорбел о заблуждении царя и желал обличить его в этом. Но медлил с этим, боясь повредить себе и своим близким и лишиться приносимой им для многих пользы, и искал он благоприятного времени, чтобы привлечь царя к истинному благу.

И сказал ему однажды ночью царь: “Давай выйдем и походим по городу, не увидим ли что-нибудь полезное”. Идя по городу, увидели они луч света, исходящий из небольшого оконца, и, заглянув в это оконце, увидели они жилище под землею вроде пещеры, в котором сидел человек, живущий в крайней нищете и одетый в убогое рубище. Перед ним стояла жена его, наливая вино в чашу. И когда муж принимал от нее чашу, она пела, увеселяя его, и плясала, и ублажала мужа похвалами. Все, кто были вокруг царя, слыша это, дивились тем, кто среди столь тяжелой нищеты, не имея ни дома, ни одежды, пребывает в такой веселой жизни.

И сказал царь первому советнику своему: “О чудо, друг, ведь ни мне, ни тебе, живущим в такой славе и роскоши, жизнь никогда не была столь мила, как ничтожная и жалкая жизнь этих неразумных людей наслаждает их и тихо веселит, и радостной кажется эта злая и незавидная жизнь”. Воспользовавшись удобным случаем, советник сказал: “А какою кажется тебе, царь, жизнь этих людей?” Ответил царь: “Из всех жизней, какие мне пришлось видеть, это самая тяжкая, нелепая, поруганная и безобразная”. Тогда сказал ему советник: “Так знай же, царь, что наша жизнь гораздо хуже жизни тех, у кого мы должны учиться, кто видит истину вечной жизни и славу превосходящих все благ; дома же, сверкающие золотом и светом, одежда и прочая роскошь этой жизни неприемлемы, мрачны и некрасивы для глаз тех, кто видел несказанные красоты небесных нерукотворных жилищ, боготканых одежд и нетленных венцов”

...

Слышал я, – сказал Варлаам, – что этот царь жил далее в истинной вере и благочестии, и спокойно прожил, и окончил свою жизнь, достигнув блаженства будущей жизни». ...

... Сказал Иоасаф старцу: «... Возьми меня с собой и уйдем отсюда ...».

Ответил ему Варлаам: «Один богатый человек вскормил молодую серну. Когда она подросла, то затосковала по свободе, влекомая прирожденным стремлением. Выйдя однажды, увидела она стадо пасущихся серн и пристала к ним; бродила она с ними по полям, а вечером возвращалась в дом, в котором была вскормлена, утром снова выходя, по недосмотру слуг, чтобы снова пастись со стадом диких серн. Когда однажды стадо отошло далеко, последовала и она за ним. Слуги богатого человека, увидев это, сели на коней и погнались за стадом; поймав свою серну, они вернули ее домой и заперли, чтобы не смогла выйти; из остального же стада они кого убили, кого разогнали, поранив. Боюсь, чтобы не было таким же образом и с нами, если ты последуешь за мной, чтобы не лишиться мне твоего сожителства и не причинить многих бед товарищам моим ...»

... После того, как ушел Варлаам ... Арахия ... второй после царя ... саном, сказал царю: «...Знаю я одного старца-пустынника по имени Нахор, который весьма похож на Варлаама... Он нашей веры ... и мой учитель. ... Представим Нахора за Варлаама. ... В состязании с нашими мудрецами о вере он окажется побежденным. Царевич же, увидев это – поражение Варлаама, поймет, что тот ввел его в заблуждение».

... Тогда повелел царь собраться всем, и идолопоклонникам, и христианам... И приведен был Нахор, мнимый Варлаам, для спора ...

И сказал царь ораторам и мудрецам своим: «... Предстоит вам подвиг ... подобает сегодня ему быть нашим и утвердить нашу веру, а Варлаам, и те, кто с ним, окажутся заблуждающимися. Если обличите его, то ... будете увенчаны победными венцами. Если же будете побеждены, ... умрете жестокой смертью».

... Сын царя... узнав об обмане через посланный ему от Бога сон... сказал Нахору: «Если будешь побежден ..., то своими руками вырву я сердце твое и язык и отдам на съедение псам вместе с остальным твоим телом, чтобы устрашились все твоим примером совращать царских сыновей». Услышав это, Нахор стал весьма уныл и пристыжен, видя, что упал в яму, которую сам вырыл... Размыслив, он решил стать на сторону царевича и утвердить его веру ...; отверз он свои уста, как некогда Валаамова ослица, решив изречь непреложное, и сказал, обращаясь к царю:

«Я, о царь, по промыслу Божию пришел в мир и, увидев небо и землю, и море, солнце и луну, и все остальное, изумился красоте их. Увидев, что мир и все сущее в нем движутся по необходимости, уразумел я, что движущий и держащий все есть Бог. А все движущее сильнее движимого и держащее крепче держимого. Поэтому и утверждаю я, что Бог есть тот, кто создал все и устроил, он безначален и вечен, бессмертен и не зависит ни от чего, он выше всех грехов и прегрешений, гнева и забвения, того, что творит неведение, и всего остального. Все существует только через него. Он не нуждается ни в жертвах, ни в возлияниях, ни во всем остальном внешнем, но все нуждаются в нем.

После того, как я сказал о Боге то, что он удостоил меня сказать о нем, перейдем теперь к человеческому роду и увидим, кто обладает истиной, а кто пребывает в заблуждении. Известно нам, царь, что есть три рода людей в мире: почитатели ваших так называемых богов, иудеи и христиане. В свою очередь, те, кто почитает многих богов, разделяются на три рода: халдеи, эллины и египтяне; эти три народа были родоначальниками и учителями прочих народов, почитающих многих богов. Посмотрим же теперь, кто постиг истину и кто заблуждается.

Халдеи, не знающие истинного бога, будучи введены в заблуждение из-за существующих стихий, начали почитать сотворенное более творца; сделав некоторые изображения, они называли их подобиями неба и земли, и моря, и солнца, и луны, и остальных стихий и звезд, и, поставив их в храмах, поклоняются им, называя их богами, и охраняют их надежно,

чтобы не украли их грабители; и не сообразили они, что стерегущий сильнее охраняемого и создавший выше созданного; если же не в силах их боги охранять самих себя, то как же могут даровать спасение другим? Итак, в великое заблуждение впали халдеи, почитающие мертвых и бесполезных идолов. И дивлюсь я, о царь, как те, кто называются у них мудрецами, не смогли понять, что если те стихии тленные не являются богами, то как же идолы, сделанные в их честь, могут быть богами?

Перейдем теперь, о царь, к самим стихиям, чтобы показать, что не боги они, но тленны и изменяемы, вызваны из небытия в бытие повелением истинного Бога, который нетленен, непреложен и невидим, сам же все видит и как хочет именует и изменяет. Что же скажу о стихиях?

Считающие небо богом заблуждаются. Ибо видим мы, что оно изменяется и движется по необходимости и состоит из многих частей, а красота есть устройство некоего искусного мастера; все устроенное имеет начало и конец. Двигается же небесный свод по необходимости со своими светилами; звезды же движимы по порядку и пути своему, от созвездия к созвездию, одни заходят, другие восходят, и во все времена года совершают они свой путь, меняя лето и зиму, как повелено им Богом, и не преступают своих пределов, не нарушают естественного течения в соответствии с небесным порядком. Откуда явствует, что небо не бог, но творение Божие.

Считающие землю богом или богиней также заблуждаются. Ибо видим мы, что она оскверняется людьми, находится во владении у них, они размещивают и копают ее, и становится она непригодной. Если ее жечь, то делается мертвой; так, из черепицы ничто не произрастает. Если же, в особенности, намокает, истлевает сама и плодеет. Топчут ее и люди, и животные, оскверняют кровью убитых, роют ее, и становится она ковчегом мертвых тел. И поскольку так обстоит все это, то невозможно, чтобы земля была богом, но она есть творение Божие на пользу людям.

Считающие воду богом заблуждаются. Ведь и она также существует на пользу людям; они распоряжаются ею, она

оскверняется и уничтожается ими и изменяется; ее кипятят и меняют цвет ее красками, и твердеет она от холода, и оскверняется кровью, и употребляется для мытья всего нечистого, и носят ее для стирки. Поэтому невозможно воде быть богом.

Огонь также создан на пользу людям, они распоряжаются им и переносят его с места на место для жарения и варения всякого мяса, а также для сожжения мертвых тел. Он уничтожаем, и многими способами люди погашают его. Поэтому не подобает огню быть богом, он лишь творение Божие.

Считающие человека богом заблуждаются. Ибо видим, что и он подчиняется необходимости, и употребляет пищу, и стареет против своей воли. Он то радуется, то печалится, нуждаясь в пище, питье и одежде. При этом он бывает гневен, ревнив, бывает в пренебрежении, имеет многие недостатки; он уничтожим разными способами, от стихий и животных и от предстоящей ему смерти. Поэтому нельзя считать человека богом, но лишь творением Божиим. Итак, в великое заблуждение впали халдеи, следуя своим выдумкам. Ведь почитают они тленные стихии и мертвых идолов и не понимают, что сами творят из них богов.

Перейдем теперь к эллинам, что же они думают о Боге. Эллины, считающие себя премудрыми, еще более оглупели, чем халдеи, утверждая, что существуют многие боги, одни мужского пола, другие женского, являющиеся творцами всяких грехов и незаконных дел. Поэтому смешные, глупые и нечестивые речи, о царь, говорят эллины, провозглашая несуществующих богов по своим собственным дурным страстям, чтобы, имея их защитниками злых деяний и злобы, могли бы они прелюбодействовать, красть, творить прелюбодеяния вместе с убийствами. Ибо боги их совершали таковые дела. Вот от этих-то заблуждений и начались у людей войны, и частые мятежи, и убийства, и тяжкие пленения. Но и по каждому из их богов увидишь бессмыслие и дурные дела, которые пошли от них.

Первый из всех богов у них Кронос, и ему приносят они в жертву детей своих; у него было много сыновей от жены Реи,

но, впадая в безумие, съедал он детей своих. Говорят, что он отрезал свой детородный член и бросил в море, откуда, как рассказывают в баснях, и появилась Афродита, Связав своего отца, Зевс вверг его в тартар. Видишь теперь, как они заблуждаются и обманываются, приписывая распутство богам своим? Подобаает ли, чтобы бог был связан и лишен детородного члена? О неразумие, кто из имеющих разум может сказать такое?

Вторым почитается у них Зевс; о нем говорят, что он царствует над богами и превращается в животных, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами. Рассказывают, что он превращался в быка ради Европы, в золото ради Данаи, в сатира ради Антиопы и в молнию ради Семелы. От этих женщин родилось потом у Зевса много детей: Дионис, Зет, Амфион, Геракл, Аполлон, Артемида, Персей, Кастор и Елена, Полидевк, Минос, Радамант, Сарпедон и девять дочерей, которых называют богинями. Потом рассказывают они о Ганимеде. Так вот, царь, люди стали подражать всему этому и впали в разврат, и в преступную страсть к мальчикам, и в другие дурные дела, по подобию богов их. Как может быть богом прелюбодеец и мужеложник или отцеубийца?

Вместе с теми почитают они богом и некоего Гефеста, владеющего молотом и клещами и занимающегося кузнечным ремеслом ради пропитания. Разве требуется что-нибудь богу и может ли быть, чтобы бог занимался таковым делом и просил у людей пропитания?

Далее, почитают они богом Гермеса, лихоимца, вора, гадателя и увечного, истолкователя снов, но не подобает, чтобы таковым был бог.

Почитают они бога Асклепия, врача, составляющего лекарства и притирания пропитания ради, ибо и он в нужде, а потом Зевс поразил его насмерть из-за Тиндарея-лакедемонянина, и умер он. Если Асклепий, будучи богом, не смог помочь самому себе, пораженный громом, то как может он помочь другим?

Арес почитается ими как бог, воитель, завистник, жадный до стад и другого имущества; затем его, прелюбодействовавшего с

Афродитой, связали Эрот и Гефест. Как же может быть богом алчный воитель, заключенный в оковы, и развратник?

Почитают бога Диониса, устроителя ночных празднеств, научившего пьянству, увлекающего за собой чужих жен, впадающего в безумие и беглеца. Убит он был потом титанами. Если же Дионис не мог себя спасти от убийства и был безумцем, и пьяницей, и беглом, то как может он быть богом?

И Геракла почитают они как бога. Он же, опьянев, беснуется и убивает своих детей, а затем сгорел в огне и умер. Как же может быть богом пьяница и детоубийца, сгоревший в огне, как же может помочь другим тот, кто не смог защитить себя?

Считают они богом Аполлона, завистника, держащего лук и колчан, иногда играющего и сочиняющего песни, и гадающего людям за плату. Стало быть, он в нужде, но не подобает, чтобы богом был нуждающийся, и завистник, и играющий.

Почитают они Артемиду, сестру Аполлоиа, охотницу, обладательницу лука с колчаном, носящуюся по горам со сворой собак, чтобы выследить лань или вепря. Как же может быть богиней такая женщина и охотница, бегающая со сворой псов?

Об Афродите говорят, что и она богиня и прелюбодеица, ибо творит она прелюбодеяния то с Аресом, то с Анхизом, то с Адонисом, смерть которого оплакивает она в поисках своего возлюбленного; рассказывают, что и в ад спускалась она, чтобы выкупить Адониса у Персефоны. Видел ли ты, о царь, большее безумие, ведь вводят они в качестве богини убийцу, прелюбодеицу, рыдающую и плачущую.

Считают они богом Адониса, охотника, который погиб тяжелой смертью, убитый сыном, и не смог помочь несчастью своему. Как же может позаботиться о людях прелюбодей и охотник, погибший насильственной смертью?

Все это и много подобного и великое множество ужасного и дурного придумали элины, о царь, о богах своих; о них поистине грешно и говорить, и держать их в памяти. А люди, беря такие примеры со своих богов, творят всякие беззакония, и скверные и злые дела, и бесчестие, оскверняя землю и воздух злыми своими деяниями.

Египтяне же еще более глупы и неразумны, впали в заблуждение хуже всех остальных народов, ибо они, не довольствуясь халдейской и эллинской верой и поклонением, стали поклоняться еще и лишенным разума животным, земным и водным, называя их богами, и деревьям, и травам; своим всяким безумием и скверными делами они хуже всех народов, сущих на земле. Сначала веровали они в Изиду, имеющую брата и мужа по имени Озирис, убитого братом своим Тифоном, и потому бегают Изида с сыном своим Ором по сирийской земле, ища Озириса и горько плача, пока не возрос Ор и не убил Тифона. И ни Изида не могла помочь своему брату и мужу, ни Озирис, убиваемый Тифоном, не мог противостоять ему; ни Тифон-братоубийца не смог избавить себя от смерти, погубляемый Ором и Изидой. И пребывающие в таковых несчастях, были они признаны богами неразумными египтянами; и египтяне, не довольствуясь этими или другими предметами поклонения язычников, также ввели в качестве богов и лишенных разума животных, ибо некоторые из них поклоняются овце, другие козлу, иные тельцу, другие крокодилу, змее, и собаке, и волку, и курице, и обезьяне, и аспиду, и луку, и терну, и чесноку, и не поняли, окаянные, что не могут они ничего.

Перейдем теперь, о царь, и к иудеям, и посмотрим, что они мыслят о Боге. Ибо они – потомки Авраама, Исаака и Иакова, пришли в Египет, откуда вывел их Бог рукою крепкою и мышцею высокою через Моисея, законодателя их, многими чудесами и знамениями показал им свою силу, но они оказались неразумными и неблагодарными и часто служили языческому поклонению и вере, а посланных к ним пророков и праведников убивали. После же того как Сын Божий соизволил прийти на землю, они, отвергнув его, предали его Пилату, начальнику римскому, и, осудив, распяли его, не устыдившись благодеяний его и бесчисленных чудес, которые он сотворил для них. И погибли они через беззаконие свое, хотя и веруют они ныне в единого Бога-Вседержителя, но не с разумом, ибо отвергают Христа, Сына Божия, будучи беззаконными. Ибо как же думают

они, что близки к истине, на самом деле удалившись от нее? Вот это об иудеях.

Христиане же ведут свой род от Господа Иисуса Христа. Он исповедуем как сын Бога Всевышнего, через Духа Святого сшедший с небес ради спасения людей, рожден от Девы святой без зачатия и без истления, восприял плоть и стал человеком, чтобы вернуть людей от многобожного заблуждения к истине, и, совершив свой дивный промысел, принял смерть через распятие по своей воле, по великому предопределению. По истечении трех дней он воскрес и взошел на небеса. Славу же пришествия его подобает тебе знать, о царь, из книг, называемых самими христианами евангельским Писанием, если захочешь побеседовать об этом. Христос имел двенадцать учеников, которые, по вознесении его на небеса, разошлись по областям всей вселенной, чтобы учить о величии его. Один из них пришел и в нашу страну, проповедуя учение истины. Откуда и пошло, что те, кто служат учению проповеди их, называются христиане, более всех других народов обрели они истину. Познали ведь Бога, творца и создателя всего, через Сына едиnorodного и Духа Святого. Иного бога они не почитают и никому другому не поклоняются; заповеди же господа Иисуса Христа имеют записанными в своих сердцах и, сохраняя их, ожидают воскресения мертвых и жизни будущего века. Не прелюбодействуют они, не предаются блуду, не лжесвидетельствуют, не желают чужого, почитают отца и мать и близких друзей, судят по справедливости: то, чего себе не желают, того и другим не делают; обижающих их призывают, утешая, и делают их друзьями своими, стараются творить добро; кротки и милостивы, воздерживаются от всякого беззаконного сожительства и от всякой нечистоты; вдовиц не презирают, сирот не обижают; имущий неимущему подает без сожаления. Если увидят странника, принимают под свой кров и радуются ему как родному брату, ибо не по плоти называют людей своими братьями, но сердцем и душой. Они готовы ради Христа души свои положить, твердо соблюдают его заповеди, живя благочестиво и праведно, как повелел им Господь Бог, благодаря его во всякое время за пищу и питье и прочие блага.

Поистине это верный путь; всех, кто идет им, Христос ведет в вечное царство, в обещанную им будущую жизнь.

И знай, царь, что не от себя говорю это, то, посмотрев в книги христианские, не найдешь ты там ничего, кроме сказанной мною истины. Поэтому правильно уразумел сын твой и верно научился почитать истинного Бога, чтобы спастись в будущей жизни. Ибо велико и чудесно то, что говорят христиане и делают, ибо не человеческие слова говорят они, но Божии. Остальные же народы заблуждаются и вводят в заблуждение и себя, и тех, кто слушает их, ибо идут во тьме и падут сами, словно пьяные. Вот мое к тебе слово, царь.

Перед тем, что произнесено истиною через разум мой, пусть умолкнут неразумные твои мудрецы, ибо пустословят они, рассуждая о Боге. Ведь подобает, почитая Бога-творца и поклоняясь ему, вслушиваться в бессмертные его слова, чтобы, избегнув Страшного суда и вечных мук, стали бы вы наследниками негибнущей жизни».

* * *

КНИГЫ ВАРЛАМ. ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ИЗ УТРЕННЯЯ ЕФИОПЬСКОЯ СТРАНЫ, ГЛАГОЛЕМАЯ ИНДЕЙСКАЯ СТРАНЫ,⁷¹¹ ВЪ СВЯТЫЙ ГРАД⁷¹² ПРИНЕСЕНО ИОАНОМЪ МНИХОМЪ И МУЖЕМЪ ЧЕСТНЫМЪ И ДОБРОДѢТЕЛНЫМЪ СУЩАГО ОТ МАНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВЫ

... Индейскаа глаголемаа страна далече бо прилежить Егупта, велика бо сущи и многочисловечна. ... Въста нѣкий царь в той странѣ именемъ Авенирь вели бо бысть богатствомъ и силою ... зѣло о бесовьстѣй прелести⁷¹³ прилежа ... Родися ему отроча отнуд красно ... Иоасафъ нарече ему имя ... Въ той же праздникъ рождение отрочае приидоша къ царевѣ изборнии мужи яко до пятидесять и пять, от халдѣян⁷¹⁴ наученѣ мудростию о звѣздныхъ течений ... Единъ же от звѣздословникъ с ними сы старѣй же всѣхъ и мудрѣй рече: «Яко научають мя звѣзднаа течениа, о царю, поспѣшение ... нынѣ родившюся отрочае твоему не въ твоє царство будетъ, нѣ въ ино въ лучше ... Мню же и тобою гонимѣй крестьяньстѣй вѣрѣ прияти его...»

Царь же, яко услышавъ сиа, печаль бысть ему въ веселиа мѣсто. Въ градѣ Домосѣ⁷¹⁵ полату създавъ осьбѣ красну ... ту отроча всели по скончании перваго въздраста, не исшествовану ему быти ничегоже повелѣ, пѣстунѣя же и слугы пристави юны въздрастомъ и образомъ красны, запретивъ имъ ничесо-же житиа сего явите ему, ни скорбна сътворити ..., да ... отнуд ни худымъ глаголомъ о Христосѣ и учении его и о законѣ да услышитъ ...

Бысть в то время мнихъ етеръ премудръ о божественныхъ, житиемъ и словомъ украшенъ ... Варламъ бѣ имя сему старцю. Се убо откровениемъ некоторымъ от Бога бысть ему увѣдѣти о сынѣ царевѣ. Изышедшю ему ис пустынь, ... в ризы же мирскыя облекся и в лодию всѣдъ, прииде въ царствие Инъдиское и створився купцем, в град той приде, идеже царев сынъ полату имяше ... Пришедъ особъ, глагола ...: «... Купец есмь азъ ... имамъ камыкъ честныи, емуже подобие нигдѣже не обретется, ... можетъ слѣпая сердцемъ свѣтъ даровати премудрый и глухимъ уши отверзати и нѣмымъ глас дать ...»

Глагола Иасафъ к старцю: «Покажи ми многоцѣннаго камыка ... Ищю слова слышати нова и блага ...»

И Варламъ вѣща: «... Бѣ бо нѣкій царь велий и славенъ, бысть же ему шествовати на колесницѣ позлащенѣ и окрестъ его оружници, якоже подобаетъ царемъ; усрести два мужа растерзанамъ ризамъ и сквернымъ оболчена суца, худа же лицемъ и зѣло поблѣдѣвша. Бѣ же царь сею зная, телеснымъ си томлениемъ и постнымъ трудомъ и потомъ тѣлу издѣдаему. Якоже узри я, съскочи абие с колесница и падъ при землѣ, поклонися има и, вставъ, объять я с любовию и лобызаа ея. Велможе его и князѣ негодоваша о семъ, яко недостойно царскыя славы се створити доумевающимъ. Не дерзающе же предъ лицемъ обличити, искреному брату его глаголаша, да глаголетъ къ царевѣ да не досажати высоту и славу царскаго вѣнца. Сему же си къ брату глаголющю, негодующю ему тщеславия его худаго, дать ему отвѣтъ царь, егоже брат не разумѣ.

Обычай же бѣ тому царю, егда отвѣтъ смертный которому даяше, проповѣдники къ вратомъ его посылаше, въ трубе

смертьнѣй увѣдати глаголемое, и гласомъ трубнымъ разумяху вси, яко виновать смерти тѣ есть. Вечеру убо наставшю, посла царь трубу смертную въструбити при дверехъ дому брата своего. Якоже услыша онъ трубу смертную, недоумѣваше о своемъ животѣ и размышляше о себѣ всю ночь. Утру же наставшю, оболкъся в худыя и в плачаныя одежа, купно с женою и с чады иде къ полатѣ царевѣ и ста при дверехъ, плачяся и рыдая.

Въведе же его царь к себѣ и тако видивъ и рыдая, глагола к нему: “О неразумне и безумне, яко ты тако устрашися преподобника⁷¹⁶ подобнорожена ти и подобночестна своего брата, к нему никакоже весма себѣ съгрѣшивша вѣдая, како на мя зазрѣние наведе, въ смиреннии цѣловавшю ми и проповидника Бога моего гласнѣе трубы наречествовавшю ми смерть и страшнаго усрѣтениа Владыкы моего, яко многа и велия в себѣ грѣхы свѣдая. Се убо нынѣ твоего обличяа неразумиа, таковымъ образомъ замыслихъ, такоже с тобою свѣщавшимъ еже о мне зазора, скоро наявѣ обличю”. И тако угодивъ брату своему и показавъ, пусти в свой домъ.

Повелѣ же царь створити ковчеги четыре от древа, два же обложи златомъ и костѣ мертвыя смердяща вложить в ня, златыми же гвозды загвозди а. Другою же двою помазавъ смолою и попелом и наполни а камыкъ честных и бисеръ многоцѣнныхъ, всѣхъ вонь благоуханных исполнивъ. Власяными ужи обязая и призвав вельможи, зазрѣвъшимъ царя от двою оною мужю смиреною сретшею, и постави пред ними четыре ковчеги, да судять, колику достойна еста златаа, колику же осмолена. Онѣ же двою златою осудиша я къ множеству цѣны достойна еста, мняхуть бо, яко царьстии вѣнци и поясы вложенѣ в ня. Смолою же помазаная и пепелом малы и худы цѣны достойна еста глаголаху. Царь же глагола к нимъ: “Видяхъ азъ, яко тако вамъ глаголати, чювьственнымима очима чювьственный образъ разумеете, еще же не тако подобаетъ творити, нъ утренима очима внутрь лежащее подобаетъ видѣти, ли честь, ли бесщестие”.

И повелѣ царь отврѣсти златаа ковчега. Отверзенома же ковчегوما, злый смрадъ повѣа из нею и некраснаа видѣна

бысть видъ. Рече убо царь: “Се образъ есть въ светлыя и славныя оболченымъ, много славою и силою гордящимся, и вънутрь суть мертве смердящаа кости и злыхъ делъ исполнь”. Таче повелѣ отверсти осмолена и бекомъ помазана. Сима же отверженома сущимъ ту вся възвеселиста о лежащихъ в нею свѣтлости, и благоухание изиде от нею. Глагола же к нимъ царь: “Весте ли, кому подобна еста ковчега си? Подобна еста смиренныма онѣма и в худыя ризы оболченома, ихъже въ внешний образъ видяще, досаждение въменисте лица ею мое поклоняние до земля. Азъ же разумныма очима доброту ихъ и честь душевную разумѣвъ, чюдився ею прикосание, лучше вѣнца и лучше царьскаго обдѣ честнейшая вменихъ”. Тако осрами велможа своа и научи я о видимыхъ не бланитися, нъ и разумныхъ вниматися» ...

Иоасафъ же к нему отвѣща: «Велия и дивныя вещи глаголеши ми, о человеце ... Что подобаетъ сътворити намъ да избѣгнута уготованыхъ мукъ грѣшникомъ и сподобитися радости праведникъ?» ...

Варламъ же купно отвѣщаваше: «... Сущему бо въ неразумении Божии тма есть и смерть душевная или работати идоломъ на погыбеліе естественое ... Кому уподоблю и како ти образъ неразумѣющихъ предпоставлю, нъ притчу ти приложю, нѣкорымъ мужемъ премудрымъ изглаголахо ко мнѣ. Глаголаше бо, яко подобнѣ суть идоломъ кланяющіися человеку липителю, иже устроивъ лѣпа, ятъ единъ от малыхъ птицъ, соловей сию наричють. Приим же нож, закалаетъ ю на ядъ, дастся соловьевъ глас язычный, и глагола к лѣпителю: “Кая ти полза, человеце, о моемъ заколении? Не возможеши бо мною наполнити своего чрева, нъ аще от сихъ узъ свободиши мя, дам ти заповѣди три. Аще храниши, то велика полза ти будетъ паче живота своего”. Онъ же чюдився о глаголаніи птицы, воскорѣ свободитъ ю от узъ. Възвративъ же ся, соловей глагола человеку: “Никогдаже ничтоже от неприиманныхъ начини приимати, начнеши яти, и не буди каися о вещи мимоходящи, и невѣрну слову никогда ими вѣру. Си убо три заповѣди храни, и добро ти будетъ”.

Радуюся мужъ о добрѣ видении и о разумнемъ глаголении, разрешивъ от уз, на аеръ пусти. Соловѣй же убо, хотя увѣдити, аще разумѣ мужъ глаголаныхъ ему силу глаголь и аще ли наплодися кою любо ползу от нихъ, глагола к нему парящи птица на аерѣ: “Въздыхни о своемъ несъвѣщании, человеце, какво бо днесъ съкровище погуби. Есть бо внутреннихъ бисеръ преимѣя величествомъ струфокамиловыхъ яицъ”.

Якоже услыша си лѣпителъ, печаленъ бысть, каяся, како избѣжа соловей тѣ из руку его, и хотя абие яти ю, рече: “Прии в домъ мой, и друга створившему тя добрѣ с честию отпущю”. Соловѣй же рече к нему: “Нынѣ убо крѣпко не разумѣ. Приимъ бо глаголанное к тебѣ с любовью и съ сладостию послуша, ни единая же от нихъ ползы стяжа си. Рекохъ ти – не кайся о вещи мимоидущи, и бысть ти печаль, яко от руку твоею избѣгохъ, каяся о вещи мимошедъши. Глаголахъ ти – не начни от неприатыхъ приимати, и хочети яти мя, не могый приимати моего шествиа. К симъже и невѣрна глагола не ими вѣры, глаголахъ ти, нѣ се веру ятъ, яко есть вънутренихъ моиъ бисеръ паче възраста моего, и недомыслися разумѣти, яко весь азъ не могу прияти в себѣ толико великихъ яицъ струфокамиловыхъ и како бисера толика вмѣстити имамъ в себѣ”. Тако убо не разумѣють надѣющися на идолы своя ...»

Иоасафъ рече: «... Хотяхъ путь обрести хранити истинно и повѣлѣнія Божиа и не уклонитися от нихъ...»

Варлам же глагола: «...Связанъ житейскими вещьми и своихъ прилежа печалий и мятежа и въ пищи живя... подобнѣ суть мужю, бѣгающю от лица бѣсующомуся инорогу, яко не терпящу гласа въпля его и рютиа его страшнаго, нѣ крѣпко отбѣгъ, да не будетъ ему ядъ. Текущю же ему борзо, в великъ ровъ въпаде. Впадающю же ему, руцѣ простеръ, за древо твердо ятъся, держащю же ся ему крѣпко, яко на степенѣ нозѣ утвердивъ, мняше миръ уже есть и твердынѣ. Възрѣвъ же убо, видѣ двѣ мышѣ, *едину белу, а другую черну*, ядуща беспрестанѣ корень древа, идѣже бѣ держася, и елма же приближающися да погрызета древо. Възревъ въ глубину рва и змѣя види страшна образомъ и огнемъ дышуща и горко взирающа, усты же страшно зѣвающа и пожрети его хотяща.

Възрѣвъ же абие на степень онъ, идеже нозѣ его утверженѣ бѣста, четыре главы види аспидовы, из стены исходяща, идеже бѣ утвердился. Възрѣвъ очима, видѣ из вѣтвий древа того мало медъ. Оставивъ убо рассмотреть одержавшихъ его напастей, яко вѣдуду бо инорогъ злѣ бѣсуюся искаше его на ядъ, долѣ же злый змий зѣяя да пожреть его, древо же, о немъже ятся, уже пастися хотяше, нозѣ же на колзание и нетвердо степенѣ утверженѣ, толики убо и таковыхъ злыхъ забывъ, потща себе на сладость горкаго оногo меда.

Се подобие въ прелести сущимъ сего жития створившемъ. Сию истину изглаголю ти мира сего прелщающихся, егоже сказание ныне реку ти. Ибо инорогъ образъ есть смерти гоняй выину и яти послѣдствуеъ Адамля рода. Ровъ же весь миръ есть, исполнь сы всѣхъ злыхъ и смертоносныхъ сѣтей. Древо же, от двою мышу беспрестанѣ грызаемо, ихже створихомъ путь есть, яко жившю комуждо ядомыи гибляяи час радѣ дневныхъ и ночныхъ и усѣкновение коренное приближается. Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшенныхъ и безмѣстныхъ стухы⁷¹⁷ и съставлено человѣчское тѣло съставляется, имиже бещиньствующемъ и мятущемъ телесный раздрушается съставъ. К симъже огненный онъ и немилостивый змий страшное изображаетъ адово чрево, зѣвающю приати же сущихъ красоть паче будущихъ блахъ изволѣша. Медвеная же капля сладость пробовляетъ всего мира сладкихъ, имже онъ прелща злѣ своя другы и оставляетъ я прилежания творити о спасении своемъ ...

Абие подобнѣ суть възлюбившей всего мира красоту и сладости его насладившейся, паче же будущихъ и недвижимыхъ мимотекущая и немощна пречестнаа изволѣша человеку, три другы имущю, в нихъ бо двою с любовью чтяше и зѣло любовь въсприимаше, даже и до смерти ихъ подвизаяся и ею радѣ бѣды терплю глаголаше, на третьемъ же много небрежение имяше, ни чти, ни яко достояше его сподобити когда любо чти и любве, мало нѣкое и ничесо же рещи на нь творяше дружбу.

Въ единѣ от дний дойдуть к нему страшнѣи нѣции и грознии воиници, тщашеся скоростию велѣею сего вести къ царю, слово да дасть, имъже есть долженъ тмоу талантъ. Унывшю же

бывшую ему, искаше помощника, да заступитъ его къ страшному цареву отвѣту, текъ же убо къ первому своему и всѣх искренѣйша друга, глагола: “Свѣдаеши, о друже, яко выину полагахъ душу свою тебе ради. Нынѣ же требую помощи зъ день сей от одержащаа мя радѣ бѣды и нужда. Тако убо исповѣжъ, заступиши ли мя ныня и каа от тебе будетъ ми надежа, о друже възлюбленне”. Отвѣщавъ убо, онъ глагола: ”Нѣсмь тебѣ другъ, человече, ни свѣдаю, кто ты еси, ины бо имамъ другы, с ними же ми днесъ веселитися и другыя на прочее створити. Се дамъ ти сукняницѣ двѣ, да имаеши на путѣ, аможе шествуеши, от нею же ти будетъ никакаяже полза, иная же ни единая не чай от мене надежа”.

Сия услышавъ онъ и недоумѣваяся о отвѣтѣ семъ, еяже помощѣ надѣяшеся от него, и тече къ етерому другу и глагола к нему: “Помниши, о друже, колико от мене приа честь и добрыхъ ученѣй. Днесъ же и въ печаль впадъ и въ напасть великую, требую съпоспѣшителемъ. Како убо можеши со мною потрудитися, и сихъ да разумѣю”. Другъ же отвѣща: “Се празднень днесъ с тобою потружатися, въ печалѣ бо и азъ и въ напастехъ впадъ, въ скорби есмь. Обаче мало с тобой пойду, аще обаче на ползу ти не буду и скоро обращаюся от тебе zde, своими печалми пекийся”.

Тщама же рукама оттуду възвратився человекъ той и о всѣхъ недоумѣвая, рыдаа себѣ о суетнѣй надеже неразумныхъ своихъ другъ и непромыслень страды своя, ихъже онѣхъ ради любви потерпи, таже иде къ третьему своему другу, емуже никогдаже створи, ни зва, и глагола к нему осрамленом лицемъ и долу зря: “Не имамъ устъ развести к тебѣ, свѣдаа истинною, яко не помниши мене никогдаже добро створшю ти, аще и дружбу приложихъ к тебѣ. То зане напасть ятъ мя лютая. Никакоже весма от другъ моихъ обретохъ надежю о спасении моемъ, придохъ к тебѣ, моляся, аще есть ти възможно малу нѣкую помощь да подаси ми, не отрицайся, помня моего неразумиа”. Онъже рече тихимъ лицомъ и с радостию: “Подобаеть друга своего искренняго глаголю тя суца и малое помню твое оно добродѣяние, съ прилежаниемъ днесъ въздаваю ти, изъумолю о тебе царя. Не бойся убо, ни

устрашайся, азъ бо преже тебе дойду къ царю и не предамъ тебе в руки врагъ твоихъ. Дерзай убо, возлюбленне друже, и не буди въ скорбѣ и печалѣ». Тогда умилился онъ глаголаше съ слезами: «Увы ми, како преже поплачюся о любвѣ, юже на непамятивую и неблагодарственную и лживу дружбу оною ли вредоумную поплачу недоумѣвание, еже нѣ и истиннаго сего искренняго показа друга»».

Иоасафъ же, и сего слова приимъ, чюдися, извѣтования искаше, и глагола Варламъ: «Первый убо другъ есть богатое имѣние, еже и златолюбезно желание, егоже радѣ многыя человеки впадаютъ в бѣды и многыя терпятъ страды. Пришедши же послѣднѣй смертнѣй коньчинѣ ничтоже от всѣхъ тѣхъ со събою възметъ, токмо еже на провожение безуспѣшныхъ другъ. Второй же другъ нареченъ бысть жена и чада и прочаа ужикы и свои, тѣхже любвѣ прилѣпнѣ есмь, злѣ отринутися имамъ самой души и тѣлу любвѣ ихъ радѣ призираемому. Каа же есть нѣкая от нихъ добродѣтельствуеъ в час смертный, нѣ токмо еже и до гроба провожают, абие же обращается, своихъ имуть печалѣ и напастѣ, не имея забыти память ли тѣло, некогда възлюбленаго погребше въ гробѣ. Третѣй же другъ есть мимотекий временный неприкосновеный, нѣизбежный и якоже от побѣды, иже добрыми дѣлы ликъ пребываетъ, еже есть вѣра, надежа, любы, милостынѣ, человеколюбие и прочихъ добродѣтельныхъ полкъ, могый предъ нами шевствовати, егдаже исходимъ от тѣла, нас радѣ помолитися къ Богу и от врагъ нашихъ насъ избавити, от злыхъ истязатель словодатие намъ горко есть на аерѣ движущемъся и яти горко искуще. Се есть доброразумный другъ и благый, иже горкое наше доброжитие в память износя, с любовию и с лихвою намъ вся отдаваа».

Абие убо Иоасафъ вѣща: «... Убо еще изобразуй ми образъ суетнаго сего мира, како убо кто с миромъ и твердынею сего придеть».

Въсприимъ же слово Варламъ глагола: «Послушай убо и сей притчи подобие. Градъ некый великий слышахъ, егоже гражане тако обычай имяху от древнихъ приимати чюжа нѣкоего мужа, ни разумѣюще о законѣ града того, ни обычая ихъ весма

разумѣюще, и сего царемъ поставиша у себе и всю власть приимшу и свою волю невѣзбранимо держа, дѣндеже скончася едино лѣто. Таче внезапу в тѣя дни сущю ему бес печалѣ, питающе же ся ему обило беспрестанѣ, мнящу же ему царствие в вѣки пребывати, вѣсташа на нь и царскую одежду снемше с него, нага поругаша по всему граду, на озимѣствование послаша его далече в великий нѣкій островъ пустой, в немже ни пища имея, ни одежда, злѣ стража, не надѣюще же ся ему пища и веселиа, абие въ скорбѣ ни чаяния, ни надежа послано.

Полѣдѣствующе же убо обычай гражданъ тѣхъ поставленъ бысть нѣкій мужъ въ царствие тоже, разума много и промышления имы в себѣ, да такоже не восхищенъ будетъ, еже внезапу бывающе ему обилие ни иже преже его царствовавшимъ и злѣ изгнаномъ, не печалования, вѣзревновавъ печалѣ имяше душею подвижение. Тако убо о себе добрѣ исправить, частого же совета истова увѣда нѣкимъ премудрымъ съветникомъ обычай гражанъ тѣхъ и мѣсто озимѣствованое, якоже подобаетъ ему твердо бес прелести увѣдати. Якоже убо сиа увидѣ,⁷¹⁸ яко коли любо в томъже островѣ быти ему, сущю же ему чюжю царствиа, отврѣзъ сокровища своа, ихже еще въ областѣ имяше и невѣзбранно требование, вземъ на требование злато и сребро и камыкъ честныхъ и велеихъ множество, вернымъ своимъ рабомъ дасть, во онъ островъ посла, идеже ему послану быти.

Скончавшюся реченому лѣту вставше гражане, якоже и на перваго царя, нага на озимѣствование послаша. Прочии бо неразумнии цареви злѣ въ гладѣ пребываху, се же богатства оногo преже пославый въ обилии выну живяше и пищу неизѣдому имяше, страха всего отвергъ невѣрныхъ гражанъ онѣхъ, мудроу ихъ хваляше добраго съвѣта.

Град убо разумѣй суетнаго сего мира. Гражанѣ же начялствие и властѣ бѣсовъ миродержьца тмѣ вѣка сего,⁷¹⁹ льстящемъ насъ сладкимъ исправлениемъ, яко нетлѣнное вкладающемъ размышляти намъ тлѣнныхъ и мимотекущихъ, якоже въ вѣки пребывати снами и бесмертна всѣмъ пребывающимъ въ сладости. Тако убо отложившемъ намъ и

никакоже о великихъ онѣхъ и вѣчныхъ съвѣтовавъше напрасно придеть на ны погыбеліе смерти. Тогда бо, тогда нагыя насъ отсюду злѣ и горции поимше гражане тмѣ, яко онѣ все время свое пребыша, водять “в землю тмы вѣчныя, идеже нѣсть свѣтъ, ни видити житіа человечьскаго”,⁷²⁰ ни съвѣтника блага, истовыхъ всѣхъ показавшему и спасенаа научивше *начинания* к мудрому царю, мояя приимай малыя низости, яко благый путь и несоблазненный показати ти приидохъ въ вѣчныхъ же и бесконечныхъ ввводя ...

Притча о иномъ царѣ и о убагом. Слышахъ бо царя нѣкоего бывша, зѣло добрѣ смотряща своего царствіа, кротокъ же и милостивъ под нимъ сущемъ людемъ. Симъ бо единимъ блазнимся, якоже не имать богоразумнаго просвѣщениа, нѣ блазнию идольскою диржимъ бяше. Имяше же нѣкоего съвѣтника блага и всякимъ украшена еже к Богу благочестіе и прочее всею добродетѣльною премудростию, печалуясь и скорбя о прелщениі царевѣ и хотя его о семъ обличити. Удержашетсѣ от таковыа вещи бояся да не злу съходатай себѣ же и своей дружинѣ будетъ и бываемѣй имъ многимъ на ползу усѣкнетъ, обаче же искаше время доброугодное да привлечетъ его на благое.

Вѣща убо единою въ днехъ царь нощію к нему: “Приди да изыдевъ и походимъ по граду, егда что на ползу узрѣмъ”. Ходящема же имя по граду видиста свѣтлу зарю от оконца сияющю и к тому оконцю очи преложивша, узрѣста под землею мѣсто, яко вертепъ жилище, в немъже сѣдяще мужъ въ послѣднѣй нищетѣ живяху и худыми рубами оболчена. Предстояшетъ же ему жена его, вино черплющи ему. Мужю же чашю приимъшю сладкою пѣснь поющи, веселіе ему творяше, пляшущи и мужевѣ похвалами хвалящи. Окрестъ же царя сущиіи в часъ велии сиа слышащемъ чюдишасѣ, яко в такой тяжъций нищетѣ сущема, яко ни дому имѣюща, ни ризъ, такимъ веселомъ житіемъ пребывашета.

И глагола царь к первому совѣтнику своему: “Оле чюдо, друже, яко мнѣ и тебѣ никогда наше житіе тако изволѣ в такой славѣ и пици сияющема, яко худое се каянное житіе таковых и неразумныхъ насладити и веселитъ тихимъ и веселѣмъ острымъ сей

ненавидимаа жизнь является”. Удобный же часъ примъ, первосвѣтникъ глагола: “А тебѣ, царю, како таковыхъ является житие?” Рече царь: “Всѣхъ, елико когда видѣхъ, нелѣпын и тяжкыи насмисана же и безънравна”. Тогда глагола к нему первопрвосвѣтникъ: “Тако убо добрѣ разумѣй, о царю, и болма разлѣмо естъ наше житие учителей видящимъ⁷²¹ вѣчное оногo житиa и славу всѣхъ убо превосходящихъ благъ, а иже долове блещащимся златомъ и свѣта и одежда и прочаа пища житиa сего подзери еже и омрачения суть очима некрашѣе видѣвшимъ неизвѣстныхъ добротъ сущихъ на небесе нурукодѣланныхъ кушъ и боготканнаа же одежда и нетлѣнный вѣнецъ” ...

Слышахомъ убо, глагола Варламъ, сему царю благочтиво и вѣрно живша на прочее и без буря шествовавши и сущаго житиa прешедши, будущаго же житиa не уполучивши блаженства». ...

... Иоасафъ глагола къ старцю: «... Поимъ же мя с собою и изыдевъ отсуду ...»

Глагола же Варламъ к нему. «Младенецъ серный питаше нѣкый от богатыхъ. Възрастши же ей пустыни желаше видети, роднымъ обычаемъ влекома. Ишедши убо единою, обрете стадо сернѣ пасомо и держашеся ихъ, пребываше в пажитехъ селныхъ, вечеръ же обращаешя в домъ, идеже баше въспитана, купно же паки наутрѣ исходящи непризираниемъ служаще о ней и с дивными въ стадѣ пребывающы. Стаду же далече пришедшю пасущеся послѣдова же и та с ними. Богатаго же слуги се ощутивше, въсѣдавши на конѣ, погнаша въследъ ихъ, свою бо уловивше, възвратишася, оттолѣ не исшествовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избиша, другыя же злѣ разгнаша, уязвивше. Симже образомъ боюся, да не будетъ на насъ, аще съ мною послѣдствоватьи имаши, да не излѣшен буду твоего сужительствиа и многомъ зломъ ходатай буду другомъ моимъ ...»

... По отшествии Варламовѣ ... Арахия ... яко второй от царя ... саномъ, вѣща: ... «Азъ старца свѣдаю единого пустытника, Нахоръ нарицаемъ, подобникъ Варламу всимъ... нашея веры ... и учителя моего въ учении бывша ... Сего поставимъ яко

Варламъ именовати его ... Таче многымъ со прѣниемъ побѣжаемъ весма побѣженъ будетъ. И сиа видя царевъ сынъ, яко Варламъ побѣжѣнъ бысть, ... прелстивша его истовѣствуетъ ...».

... Тогда бо повель царь всѣмъ собратися идолослужителемъ и християномъ... Въведенъ же убо бысть Нахоръ въ Варлама мѣсто отвѣщавати ...

Глагола царь к вѣтиямъ своимъ и премудрымъ: «... Се бо подвигъ предълежитъ ... подобаетъ бо которому быти днесъ в нас или наша утвердити, блазнитися Варламомъ и иже с нимъ. Аще же обличите я, то ... вѣнци побѣдными вѣнчаномъ быти. Аще ли побѣженъ будете, ... злою смертию умретъ».

... Сынъ его ...явлениемъ ему от Бога сномъ... превращение разумѣвъ... глагола къ Нахору: «... Аще ли побѣженъ будеши ... руками своими сердце твое и языкъ твой искоренивъ, псомъ на снѣдъ сия съ прочимъ тѣломъ твоимъ дам, да устрашатся вси тобою не прелщати сыны царевы». Сия глаголы услышавъ, Нахоръ унылъ бысть зѣло и осрамлен, видя себе впадша в ровъ, иже створи... Размысливъ убо себе приложитися паче к цареву сыну и его вѣру утвердить ... отверзъ уста своа, якоже Валамль осель⁷²² яже непреложнаа рещи та изглагола, и глагола къ царю:

«Азъ, царю, прилежаниемъ Божиимъ приидохъ в миръ и видивъ небо и землю и море, солнце и луну и прочая, чюдихся красоту сихъ. Видивъ же всего мира и сущая вся в немъ, яко нужею и движема суть, разумѣхъ движашему и одержажу я есть Богъ. Все бо подвижаа крѣпкое есть движемаго и одержителнаго крѣплѣе держимо есть. Тому убо глаголю Богъ есть въставивышему вся и одержажему, безначална и вѣчна, бесмертна и не требуя ничтоже, вышѣ всѣхъ грѣховъ и прегрѣшений, гнѣва же и забвение и творимая недоумѣвание и прочаа. Всяческая имъ составлена быша. Не требуетъ ни жертвы, ни требища, ни всихъ видимыхъ, *вси* же его требуютъ.

Сия тако глаголана о бозѣ, якоже во мне вмѣсти о немъ глаголати, придемъ же от человеческого рода яко да видимъ, которѣи их держать истинну и которѣи соблазнъ. Явѣ бо есть нам, о царю, яко три родѣ суть человечестии в семь мирѣ, в

нихже суть поклонители вама глаголемыхъ богъ, иудеяне, християне. *Тѣ* же паки, иже многыя чтяще богы, на три роды раздѣляются, на халдѣяны и на еллины и на егуптяны, си бо быша начальници и учителя и прочимъ языкомъ, многиименныхъ богъ служители. Видимъ убо, которѣи ихъ держатся истинны и которѣи прелсти.

Ибо халдѣяне, иже не вѣдающе бога, прелщенѣ быша послѣдовати стихий и начаша честити тварь паче створившаго ихъ,⁷²³ ихъже образъ нѣкоторыхъ створше, нарекоша от изображения⁷²⁴ небеснаго и земаго, и морю, солнцю же и луне и прочимъ стухамъ и звѣздамъ и поставивше я в капищехъ, кланяются, богы наричюще, ихъже и стрегутъ с твердию да не унырими будутъ от разбойникъ, и не разумѣша, яко стрѣгий вѣще стрегомаго есть и творяй творимаго есть, ибо аще невозможнѣ бозѣ ихъ о своемъ спасении, како инѣмъ спасение даровати имутъ. Блазнию бо великою соблазнишася халдѣяне, чтяще кумиры мертвеца и не позна я. И дивовати ми ся хоцетъ, о царю, тако глаголемии премудрии ихъ не разумѣша, яко и та стуха тлѣми суть бози, како кумиры, яже створена в честь ихъ, бози суть.

Придемъ убо, царю, и на сиа стихиа, яко да явимъ о нихъ, яко не суть бози, но тлѣема, измѣняема, от небытіа въ бытие створена повелениемъ истиннымъ Богомъ, иже есть нетлѣемый, неизмѣнуемый и невидимъ, самъ же всяческаа видить и якоже хоцетъ именуеть⁷²⁵ и прелагаетъ. Что убо глаголемъ о стихияхъ?

Мняще небо есть богъ блазнятся. Видимъ бо его прелагаема и нужею движема и многими уставлена, имъже красота же строй есть нѣкоего художника, устроено же начало и конецъ имы есть. Небо движется нужею светилома своимъ, ибо звѣзды чиномъ и преступлениемъ водими суть, знамена въ знамение, ови бо заходятъ, и друзии же восходятъ и по вся лѣта шествование творять да совершать жатву и зиму, якоже повелѣно имъ есть от Бога, и не преступаютъ своихъ повелений по разрушению естествоною нужею с небесною красотою. Тѣмъ явѣ есть, яко нѣсть небо богъ, но дѣло Божие.

Мнящеи же землю есть богъ либо богыню, и тии соблазнишася. Видимъ бо ю человеки досажается и облагается,

и възмѣшаема, и копаема ими, и неключима бываема. Аще бо испечена будетъ, то мертва будетъ, ибо от скудѣли прозябаеть ничтоже. Еще же наипаче мочима будетъ, тлѣется и сама, и плодъ ея. Топчема же человеки и прочихъ скотинъ, кровию убиеныхъ оскверняется, рыема наполняема мертвыхъ телесъ ковчегъ бываетъ. Симъ такоу сущемъ не подобаеть земли богыни быти, но дѣло Божие на требование человекомъ.

Мнящеи же воду бога суца облазнишася. И та бо на требование человекомъ бысть и одаляема ими, оскверняется и тлеема есть, измѣняется варима и вапы же размесима, и студеньствомъ мразима, и кровию оскверняема и на нечистоту всякую на омывание и на опирание носима. Сего радѣ невозможно водѣ быти богомъ.

Огнь бо бысть на требование человекомъ и одаляемъ, и мимоносимъ от мѣста на мѣсто на варитву и на печитву всякимъ мясомъ, еще же и мертвыми телесы. Тлѣемъ есть и многими образы от человекъ огашаемъ есть. Сего ради не подобаеть огню богомъ быти, нѣ дѣло Божие.

Мняще же человека суца бога блазнятсѣ. Видимъ бо его движема нужею и питуема, и състарѣющасѣ, и не хотящю ему. И когда бо радуется, когда же печаленъ будетъ, требуя пища и питиѣ и одежда. Суцю же ему гнѣвливу и невниму, небрегому и прѣгрѣшениѣ многа имуща, гиблема же многими образы от стихий и животинами, и от подлежащаѣ смерти. Не подобаеть убо человеку быти богомъ, но дѣло Божие. Блазнятсѣ убо и прелестию велиею прелщени быша халдѣѣне, послѣдующе желаниемъ своимъ. Вѣрують бо во тлимаѣ стухиѣ и мертвыхъ кумиръ и не разумѣюще сѣѣ богы творять.

Придемъ убо къ елиномъ, что ти домышляютьсѣ о бозѣ. Убо еллини премудрии глаголюще суци уродѣви быша, хужьше халдѣѣнъ, приводяще богомъ многомъ бывшемъ мужьскихъ полъ, другыѣ и женьскихъ полъ всяческыми грѣхи и всякы дѣлы незаконными. Тѣмъ смѣшенныхъ и уродивыхъ и нечестивыхъ глаголъ въведоша елини, о царю, не сущихъ богъ нарекоша богы по желанию своему злomu, да суперники сѣѣ имуть от злыхъ дѣѣний и о злобѣ, прелюбы творят, въсхыщають, прелюбодеяние съ убийствомъ купно творять. Ибо бози ихъ

таковаа створиша. От таковыхъ убо начинаниа прелестныхъ ключися человекомъ брань имѣти и крамоль частыхъ и закалание, и убийство, и пленение горкое. Нъ и по единому богомъ ихъ узриши безмѣстие и сквернаа дѣла ихъ, яже быша ими.

Преже всѣхъ богъ бысть им Кронъ, и сему жертву творять своа чада, иже имѣяше детищъ много от Рее жены, и възбесився изыдая чяда своя. Глаголють же урѣзати истеса своя⁷²⁶ и въврещи в море, тѣмъ Афродѣи бысть лжа. Связавъ убо своего отца, Зеусъ вложи его въ тимение.⁷²⁷ Видиши прелесть и блазнь, и скверное зазрѣние ихъ, и блудъ, егоже вводятъ на богъ свой? Подобаеть ли и богу связаному быти истесомъ урѣзана? Оле неразумие разума имѣющимъ сиа имаеть изглаголати.

Вторый же въводимъ есть Зеусъ, емуже глаголють царствовавши богомъ ихъ и преображати во животины, яко да прелюбы творить с мертвыми⁷²⁸ женами. Въводятъ сего преобразившюся въ юнецъ къ Европии,⁷²⁹ а въ злато къ Данаинѣ, или коствованикомъ къ Антиопии, и въ градъ къ Емелини. Таче быти от тѣхъ женъ чада многа, Диониса, и Зифона и Афиона, Ираклина и Аполона, и Артемина и Персѣяна, Кастера же и Елина, Поледевки и Миноя, и Радаманфина, и Сарпидона, и девять дщерий, ихъже нарекоша богынѣ.⁷³⁰ По семьже вводятъ яже о Ганимидинѣ. О царю, человекомъ подоблятися сиимъ всимъ и быти прелюбодѣйцемъ, и ко мужескому полу бѣсование, и иныхъ злыхъ дѣлъ дѣлатель по подобьствию бога ихъ. Како убо довлити богу быти прелюбодѣяннику и къ мужескому полу похотника ли отцубийца?

Съ сими же Ифестона нѣкоего приводятъ бога, держаща млатъ и клѣщѣ и кующу пищѣ радѣ. Убо требует ли богъ, иже не подобаеть богу си творити ли у человекъ просяща?

Таче Ермия въводятъ бога суща, желателя и тати, и хыщника, и вълѣхва, и сухорука, словесемъ толковати, еже не дозлетъ богу быть таковымъ.

Асклипия же въводятъ бога суща и врача, и строителя былиемъ, и помазателя пищи ради, проситель бо бѣ, послѣдъ

же поражену ему быти Диемъ Дара⁷³¹ ради Лакодемонова сына и умрети. Аще Асклипий богъ сый пораженъ не возможе себѣ помощи, како инѣмъ помощи можетъ?

Арѣй же въводится богъ сы воиникъ и ревнитель, и желатель скотинамъ и иному пленению, послѣди же ему прелюбодѣяние створившю съ Афродитиєю, связану ему были от дѣтищю Еротомъ и Ифестом. Како убо богъ бысть желатель и воиникъ, связанъ и прелюбодѣица?

Деониса же вводятъ бога суща, на нощныя праздники вводя и учителя пианьствию, и исхытающа искреныхъ своихъ женъ, и бѣсующася, и бегающа. Послѣди же убиену быти от титанъ. Аще убо Дионисъ от убийства себѣ не возмогъ помощи, нѣ бѣсуюся бысть пианица и бѣгатель, како бысть богъ?

Ираклея же вводятъ бога суща. Упившюся ему бѣсоватися и чада своа закалати, таче огнемъ съжену быти и умрѣти. Кака убо богъ бысть пьяница и чадоубийца и съженъ, како ли инѣмъ помощи хочеть, себѣ помощи не возмогый?

Аполлона же вводятъ бога суща, ревнителя еще же и стрелца и туль держаща, овогдаже гудуща и пѣснотвора, и волхвующа человекомъ мзды ради. Убо проситель есть, якоже не подобаеть богу просителю быти и ревнителю и гудцю.

Артемию же вводятъ, сестрѣ его сущи, ловящи и лукъ имущи с туломъ, и сей ристати по горамъ единой со псы, яко да уловить елень ли инорогъ. Како убо есть богыни таковая жена и ловителница, рищущи со псы?

Афродитию же глаголють и си богыни сущи, прелюбодѣица, овогдаже имяше прелюбодѣйника Арина, овогдаже Анхисина, овогда же Аданина, егоже искаше, смерть плачущи рачителя своего, иже глаголють, и въ адъ съшедъшю, яко да искупить Адонона от Персефонъ. Видѣ ли, о царю, вящща сего безумиа, богыни вводити убийци, прелюбодѣици, рыдающи и плачущи?

Адона же вводятъ бога суща, ловца и злою смертию умрѣти, уязвѣна от сына⁷³² и не могша помощи окаяньствию своему. Како убо человекомъ прилѣжаніе сътворити можетъ прелюбодѣйникъ и ловецъ и злосмертный?

Сия вся и много таковыхъ, много множайша и сквернейша и злѣйша въведоша еллини, царю, от богъ своихъ, ихъже

поистѣнѣ недостойтъ глаголати, ни в память приносити. Тѣмъ приемше человеци таковыя вины от богъ своихъ творяху всякого безакониа и скверненное зазрѣние и бесчестие, оскверняюще землю и воздухъ злыми своими дѣянии.

Егуптяне же безумнѣйше и неразумнѣйше сихъ, уродѣвѣйше суще языкъ всѣхъ облазнишася, ибо не доволнѣ быша халдѣйсти и елиньстѣй вѣрѣ и поклонянию, нѣ еще и неразумныхъ скотинѣ въведоша, богы наричаще, земныя бо и водныя, и древа, и зелиа, всякимъ бѣсовьствомъ и сквернымъ зазрѣниемъ хужьше всѣхъ языкъ, сущихъ на земли. Изначала бо вѣроваху въ Исону, имущи мужа и брата Осерна именемъ, заколена братомъ своимъ Туфономъ, и сего ради бѣгаетъ Исида съ Оромъ сыномъ своимъ увидивъ⁷³³ сурѣстѣй, исщущи Осирида и горко рыдаючи, дѣндеже възрасте Оръ и уби Туфона. Да не возможе Исиа помощи брату своему ни мужю, ни Осирѣ убиемы Туфономъ възможе заступити его, Туфонъ же братоубийца, погубляемъ Оромъ и Исидою, не можетъ себе избавити от смерти. Таче таковымъ бытиемъ вѣдоми суще ти бози от неразумныхъ егуптянѣ вѣмѣними быша и не о сѣхъ еже доволнѣ быша ли прочиихъ вѣрѣ язычныхъ и неразумныхъ скотинѣ въведоша богы суща, нѣ неции от нихъ овцамъ, ини же козломъ, етерѣи же телцемъ *и коркодилу, змии и псу, и влѣку, и курицы, и тряпяску, и аспиду, и лукуду, и плейму, и чесновитку,* и неразумеша, окаании, о всѣхъ сихъ, яко ничтоже могутъ.

Приидемъ убо, о царю, и к иудеомъ, яко да видимъ, что мыслять о Бозѣ. Си бо Аврамова ищадиа и Исакова и Яковля,⁷³⁴ суть пришѣльствова въ Егупеть, оттудѣже изведе я Богъ “рукою крепкою и мышцею высокою”, Моисѣемъ законодавцемъ ихъ и чюдесы многими и знаменiemъ показана имъ свою силу, нѣ неразумнѣи явишася и непохвалнѣ, и многажды служиша языческу поклонянию и вѣрѣ, и посланымъ къ нимъ пророкы и праведники избиша. Таче яко изволѣ Сынъ Божий прити на землю, негодовавше на нь, предаша и Пилату игѣмону римьскому, и осудивше, распяша и, не постыдившѣмъся добродѣтельства его и бесчисленныхъ чюдесъ, ихъ в нихъ сѣтвори. И погыбоша своимъ безакониемъ, вѣрующе бо и нынѣ Богу единому Вседержителю, нѣ не с

разумомъ, Христа бо отмѣтаются Сына Божиа, и суть безаконици. Симъ бо егда како приближатиcя истѣнѣ мнѣть, от неяже удалишася. О иудѣехъ бо тако есть.

Крестияне же родословятъ поченьше от господа Иисуса Христа. Сеже Сынъ Божий вышняго исповѣдаемъ есть, Духомъ Святымъ с небесе сшед спасения ради человечьскаго, от Девы святыя рождся без сѣмени же и без истлѣния плоть въсприим и явися человекъ, яко да от многобожныя прелести възвратити человеки, и кончавъ дивнаго своего смотра и распятиемъ смерть вкуси волю своею смотрениемъ великимъ. По трехъ же днехъ възкресе и на небеса взиде. егоже слава пришествиа его от самех христианъ нарицаемое евангельское Писание подобаетъ ти разумѣти, царю, аще бесѣдовати хощеши разумети. Се Христосъ 12 имяше ученикъ, си по вознесении его еже на небеса изидоша в начальствие всея вселенныя и научиша величества его. Единъ же от нихъ приде в нашу страну повеление проповѣдаа истины. Тѣмъ еще на службу оправданиемъ проповѣданиемъ ихъ нарицаются крестияне, паче всѣхъ языкъ обретше истину. Свѣдаютъ бо Бога творца и съдѣтеля, имъже всяческаа быша Сыномъ единачадымъ и Духомъ Святымъ. Иного бога паче сего не чтятъ, ни кланяются, имѣють же заповѣди гопода Иисуса Христа въ сердци ихъ написана, тыя храняще, чяють възкресение мертвымъ и жизнь будущаго вѣка. Не имуть прелюбодѣяти ни любодѣяти, не лжесвѣдительствоуютъ, не вжелають чюжаго, чтуть отца и матеръ и искреннихъ другъ, праведно судя, елико не хотятъ себѣ имъ да будетъ, и иному не творятъ, обидящаа ихъ призываютъ тѣшаше и другы себѣ творятъ, на добродѣтельства тѣшатся; кротци суть и милостиви; от всякаго счетаниа безаконна и от всея нечистоты въздержатся; вдовици не презрятъ, сиротамъ скорби не творятъ; имея неимеющему безъ зависти подаваетъ. Странна аще узрятъ, под кровь вводятъ и радуются о немъ яко о братѣ истѣннѣмъ, ибо не по плѣти ихъ братию нарицають, нѣ сердцемъ и душею. Готовѣ суть Христа ради душа своя предложить; повеления же его твердо хранятъ, преподобно и праведно живуще, якоже Господь богъ имъ повелѣ, благодарствующе его въ вся часы о всякой пищи и питии и прочихъ благъ. Поистинѣ

убо ть есть истинный, еликоже ихъ шествуютъ по немъ, руководствуетъ въ вѣчное царствие, обѣтованую Христомъ в будущую жизнь.

И да вѣдай, царю, яко не о себѣ сиа глаголю, приклонився въ книги крестіаньскы, обрящеши ничтоже, кромѣ истинно мя глаголюща. Добрѣ убо разумѣ и сынъ твой, поистинѣ научи служити истинному Богу и спастися в будущій вѣкъ шествующу ему. Яко велиа бо и чюдна християны глаголемая и творима, ибо не человечьскихъ глаголѣ глаголють, нѣ Божиа. Прочіи же языцѣ блзняются и блзняютъ себе и слушающимъ ихъ, шествующе бо во тмѣ падуть самѣ, яко пиани суще. Доселѣ к тебѣ мое слово, о царю.

Иже поистинѣ разумомъ моимъ изглаголана, сего ради да умолкнуть неразумнии твои премудрии, в пустошь бо глаголють на Господа. Подобаеть бо Бога Творца чтуще и кланяющесе и нетлѣнныхъ его глаголѣ внушити, да суда избѣгше и мукъ, жизни негыблющиа явитесе наслѣдници».

Из Пролога

Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой

Пролог – один из наиболее популярных сборников Древней Руси, который содержит слова на праздники и краткие жития святых, распределенные по дням года, в которые празднуется их память. Этот сборник был переведен с греческого на церковнославянский язык, по-видимому, на Руси в начале XII в. В греческой рукописной традиции он имел название Синаксарь (греч. συναξάριον – сборник), первоначально был частью Церковного Устава и читался на утренней службе в церкви. Церковным употреблением объясняется небольшой размер текстов житий, что отличает их от более обширных текстов житий другого агиографического сборника – Минеи Четьих. В последних сборниках, однако, общее количество поминаемых каждый день святых гораздо меньше, поскольку в нем содержатся только тексты житий отдельных святых, но отсутствуют памяти (упоминание лишь имени святого дня без текста жития), которые помещались в Прологе.

Сразу после перевода сборник, получивший новое название – Пролог, стал дополняться житиями русских святых и праздников, память которых стала отмечать русская церковь. Помимо имен канонизированных святых, с текстами житий или без таковых, в Прологе отмечались такие церковные праздники, как дни освящения различных церквей, дни перенесения мощей святых и т. д. Синаксарные тексты житий греко-римских святых были, несомненно, примером составления житий для древнерусских книжников, но все же по своему изложению они тяготеют более к летописному стилю.

На Руси Пролог также читался в церкви, но выполнял скорее функцию назидательную и воспитательную, поскольку в этот сборник древнерусские книжники вносили не только тексты канонических житий и похвалы праздников, но и отрывки из святоотеческой и повествовательной византийской литературы.

Мы издаем тексты по древнейшим спискам Пролога: с 4 сентября по 27 января по списку РНБ, Софийское собр., № 1324

(конец XII–начало XIII в.), л. 2–128 об.; 1 апреля и 15 июля по списку РНБ, Ф.п.I.47 (начало XIII в.), л. 1 об.–2 и 79 об.–80 об. с дополнениями по списку ГИМ, Синодальное собр., № 240 (1400 г.), л. 139 об.–140 об.

* * *

4 сентября. Страсть святого священномученика Вавилы, учителя из Никоимидии, и с ним вместе 84-х мучеников. Те святые мученики были при императоре Максимиане из села, называемого Кандавлии, которые были схвачены, и исповедовали имя Иисуса Христа. Из-за этого они были подвешены, строганы до тех пор, пока не стали видны их кости. Потом их бросили в сильно растопленную баню, запечатанную перстнем императора, чтобы они не вышли, но ангел Господень позвал их снаружи, и вышли они невредимыми, хотя двери были заперты. Тогда повели их из города на пустырь; и попросили они дать им времени для молитвы, и позволили им это воины; и стали они на молитву и усердно молились и благодарили, что уподобились пойти вслед за Владыкой Христом. Мучены были так: отсечены у них были все члены, перебили им голени и бросили их в огонь. И тела их сгорели, а блаженные и святые их души вознеслись на небо, радуясь и веселясь.

25 сентября. Память преподобной Ефросиньи Измарагда. Она была из города Александрии, дочерью Пафнутия, одного богатого человека, который собирался отдать ее замуж. И, узнав об этом, она пришла к одному святому старцу и стала монахиней. Потом, надев мужскую одежду, преобразилась в мужчину и, опасаясь как бы отец ее не отыскал ее, ушла в мужской монастырь.

Туда имел обыкновение ходить ее отец. Он со слезами рассказал игумену о побеге дочери; видя ее в монастыре, что горевала она о том вместе с другими монахами, не узнавал он ее.

Она провела в монастыре 38 лет, заболела и, призвав отца своего и открыв правду, сказала: «Я – твоя дочь, не печалься». И потом умерла, и все удивились.

1 октября. Покров святой Богородицы. О видении святого Андрея и Епифания. Страшное и чудное видение честным святителям Андрею и Епифанию было, как видели они святую Богородицу в воздухе, явившуюся во Влахернскую церковь с ангелами, и с Предтечей, и с Иоанном Богословцем и другими многими святыми. Народ, стоящий в церкви, видел ее, молящуюся со слезами за весь мир. И сказал Андрей Епифанию: «Видишь ли царицу и госпожу всех, молящуюся за мир?» Тот ответил: «Вижу ее, отец, покрывшую святым своим покрывалом, светящимся ярче молнии, всех людей в церкви».

Когда же услышал я это, подумал: «Как же это такое страшное и милосердное видение, в особенности же надежда наша и заступничество за нас останется без праздника!» Надеюсь, Владычица, на милосердные твои слова к Сыну: «Царь Небесный, прими всякого человека, прославляющего тебя и призывающего имя твое, и всякое место, где бывает память имени моего; освяти место то и прославь прославляющего меня именем моим, принимая всякую молитву и обет их».

Надеясь на эти слова, захотел я, чтобы не остался без праздника Покров твой святой, блаженная, но если ты хочешь украсить честный праздник Покрова твоего, Всемиловитая, укрась его, чтобы прославляющие тебя возрадовались, видя сияющим твой многоименный праздник. Так же, как бывших там людей милостиво покрыла ты, так и нас, грешных рабов твоих, покрой покровом милости твоей, ниспровергая заговоры и замыслы, затевающие злое против нас. Спаси милостью Сына твоего и своей и в этот век и в будущий всех приходящих к тебе со страхом и верой, надеющихся на тебя, на скорое заступничество твое и помощь.

Установлено было праздновать этот праздник в 1-й день месяца октября, на память святого апостола Анания.

1 октября. Память преподобного Романа, сочинителя кондаков. Тот святой Роман был из Сирии, из города Емеса, был дьяконом в святой церкви в Вирите. Дойдя до Константинограда, в годы правления императора Анастасия, вошел он в церковь Пресвятой Богородицы и остался там. В богобоязни

находясь, и ночь проводил на всенощной службе, а когда возвратился, получил дар складывать кондаки. Во сне ему явилась Пречистая Богородица и, дав ему пергаменный свиток, приказала его съесть, то есть открыть рот и проглотить пергамен.

А был праздник Рождества Христова. И он внезапно проснулся, взошел на амвон и начал петь: «Дева днесь Пребогатого рождает». Сочинив и для других праздников около тысячи кондаков, вот так с миром отошел он к Богу.

3 октября. Память Аммона Египтянина. Преподобный отец наш Аммон, богоносец, был известным постником в Египте, с юности любил монашескую жизнь. Во время правления императора Максимиана ушел в пустыню, а когда ушел, стал отшельником. В одной и той же одежде ходил день и ночь, питаясь молодыми побегами. Дожил он до подвигов великого Антония, при нем блаженная душа Аммона вышла из тела и вознеслась на небо.

Святой Антоний сидел и учил некоторых братьев душеполезным словам, внезапно увидел он душу и, встав, глядел, как вели ее ангелы, и славил Бога. Спросили его пришедшие, и, узнав о причине, спросили и час дня. Дойдя до Египта за несколько дней, обнаружили там, что святой Аммон умер именно в тот час, о котором говорил Антоний.

15 октября. Страсть святого мученика Лукиана, пресвитера Великой Антиохии.

Тропарь. Море, принимая святое тело священнослужителя и мученика, положило его рыбой на сушу, поэтому и место то являет чудотворение, ибо бесам он страшен, больным – врач, для всех был всем. Господи, слава тебе.

Мученик Лукиан был родом из города Антиохии в Сирии в царствование императора Диоклетиана. После смерти родителей, раздав имущество свое нищим, стал он внимать чтению Священного писания и многих язычников обращал к Богу. Оставив Антиохию, пришел он в Никомидию, где Диоклетиан убивал христиан, и поскольку он обнаружил, что многие от страха хотели отречься от христианства, укреплял их и убеждал предаться мучению. Настолько был он подобен Богу

добродетелями, что мог ходить через весь город и быть доступным всем, кто хотел его видеть.

О нем узнал Диоклетиан, но побоялся личной встречи с ним, что тот его обличит, а потому разговаривал с ним через повешенное полотно. И, видя непреклонность его мыслей, повелел уморить его голодом. Много дней Лукиан не принимал пищи, скончался в тюрьме, и был брошен в море.

21 октября. Память преподобного отца нашего Илариона Великого, наставника пустынножителей. Преподобный Иларион жил при Константине Великом, родом был из города Газы в Палестине. Желая познать книжность, пришел в Александрию и по Божьей благодати овладел двумя вещами – премудростью книжной и тем, что есть Христос. После этого крестился. Наслышанный о жизни Великого Антония, пошел к нему и стал его учеником, обучаясь некоторое время добродетелям подвижничества. Вернувшись на родину, обнаружил, что родители его давно умерли. Раздав имущество нищим, он оделся во власяницу и в овечью шкуру, отправился в пустыню и был хорошим иноком, многих удостоился чудес, так что и будущее предсказывал. Чтобы не встречаться с людьми, ради безмолвия он переходил с места на место. Прожив 70 лет, к Христу, которого полюбил с юности, отошел.

1 ноября. Успение святых бессребреников Козьмы и Дамиана, сыновей святой Феодотьи. Козьма и Дамиан, святые бессребреники, были сыновьями одной христианки по имени Феодотья, от которой научились правой вере и Священным книгам, а от Святого Духа – лечению и умению; лечили не только людей, но и животных лечили, и ничего ни у кого не брали за это.

Вылечили они одну женщину по имени Палладия, которая, придя к святому Дамиану, принесла ему три яйца и упросила его именем Божиим взять их. Услышав это, святой Козьма запретил класть мощи Дамиана рядом со своими после смерти. Первым умер святой Козьма, а потом умер святой Дамиан; и люди раздумывали, где похоронить его. Внезапно явился верблюд, истерзанный дьяволом и исцеленный святыми, проговорил он человеческим языком, чтобы положили мощи

рядом со святым Козьмою, потому что не ради mzды взял он яйца, а ради имени Божьего. Так и положены были они.

11 ноября. Память преподобного отца нашего Феодора, игумена Студийского. В правление Константина он родился в Константинополе, изучив суть всякого учения. В царствование блаженной благочестивой Ирины, 22-х лет от роду, ушел в монастырь Саккудион, с помощью своего дяди постригся в монахи, и Тарасием патриархом был поставлен в пресвитеры. Потом в 30 лет стал игуменом того же монастыря. Изгнан был в Солунь, поскольку не одобрил любодееия императора, но был возвращен снова императрицей Ириной и из-за нашествия сарацинов вернулся в Царьград. И снова был изгнан императором Никифором, убитым в Болгарии, по той же причине. Потом был изгнан из-за святых икон при Льве Иконоборце. Перенеся много страданий, за благочестие подвизался и, написав песнопение с Божьей помощью, в глубокой старости к Господу отошел.

12 ноября. Память преподобного отца нашего патриарха Александрийского Иоанна Милостивого. Родом с Кипра, он был сыном Епифания, в то время правителя того острова. По желанию отца женился, имел детей, но поскольку жена и дети оставили жизнь, он все свои желания обратил к добродетельной и богоугодной жизни. За чистоту его жизни император Ираклий по просьбе народа александрийского поставил его патриархом Александрии. Законное приняв поставление, он был святителем много лет и бесчисленные сотворил чудеса, нуждающимся щедро подавая необходимое. И из-за многого милосердия назван был Милостивым, и со всеми был ласков, как о нем много и говорится в книгах, и многих неверных обратил к Господу. В глубокой старости оставил землю, на небеса восшел, радуясь.

29 ноября. Память преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. Он жил в царство Льва Исавра и Константина, его сына, был из города Дамаска, из рода славного и светлого и верного. Имел отца добронравного, и обучен он был всяким еллинским наукам, но и Священному писанию.

Ради христианской веры он оставил отеческое богатство и постригся в монахи вместе с Козьмой, который сочинил для святых праздников много песнопений, особенно – для святой и великой недели Святой Пасхи. Преподобный Иоанн силой слов и свидетельствами из Писания посрамил ересь иконоборцев, поэтому всячески преследовался императорами-еретиками. В глубокой и честной старости и в благоверии скончался.

6 декабря. Память преподобного отца нашего Николая, епископа Мир Ликийских. В царство Константина Великого он был известный архиерей и чудотворец, епископ города Миры в Ликии. Сначала он был монахом, много трудился ради добродетели и поэтому был поставлен епископом. Много чудес сотворил; спас трех человек от смерти: они были оклеветаны, их связали и хотели убить, но он сам пришел, схватился за меч, взял его из рук слуги и отпустил их.

Еще как-то оклеветаны были трое других перед императором Константином епархом Авлавием в том, что они – злоумышленники, и заключены они были в притворе. И, когда хотели их обезглавить, они помолились святому Николаю, и явился он в Константинополь во сне императору и епарху и запретил это делать, и отпустил он их. И много других чудес сотворив, с миром скончался.

12 декабря. Память преподобного отца нашего Спиридона, епископа Тримифунта на Кипре.

Тропарь, глас 4. В правдивость Иакова, в Моисеево смирение, в Давидово беззлобие священнолепно оделся, стал и сосуда избранного образом, и, если ко всем любовь требуется щедрая, отец преподобный, ты молишься Христу о нашем спасении.

Преподобный отец наш Спиридон жил при императоре Константине. Обликом прост, сердцем смиренный, пас овец, взял жену и имел дочь. Когда его жена умерла, стал епископом. Был и чудотворцем, потому что в засуху помолился – и был дождь, а в голод изобилие сотворил и еще змею обратил в золото, чтобы потом, после внесения в залог золота взамен жизни нищего, снова обратить его в змею и отпустить; и реку

текущую остановил. Пришел на Никейский собор и посрамил еретиков.

Одна женщина дала его дочери сокровище. Потом его дочь умерла, и неизвестно было, где оно положено. Спросил старец мертвую, и она ответила: «На этом месте». И другое многое сотворив, с миром скончался.

14 декабря. Страсть святых мучеников Филимона и Аполлония и дружины их. Эти святые были из Фив Египетских при императоре Диоклетиане. Всего было их 36 человек, и когда они были схвачены, один из них, по имени Аполлоний, причетник, дал золотую монету стерегущему их Филимону музыканту и упросил его одеться в свою одежду и вместо него поклониться и принести жертву идолам. Филимон, одевшись в одежду Аполлония, когда отправился приносить жертву, уверовал в Христа. Начальник же, не опознав его, сказал: «Позовите Филимона музыканта, пусть поиграет и пением убедит христиан принести жертву».

И тогда опознан был Филимон, и начальником предан был мучению вместе с другими. А потом и начальник сам уверовал, и те, что были с ним.

Узнал об этом Диоклетиан, предал их вместе с Арианом, неким богатым человеком, мучению. Потом их всех связали, побросали в мешки и бросили в море.

17 декабря. Страсть святого мученика Вакха Нового. Он был из Земли палестинской в царство Ирины и Константина. Родители его были из христиан, но отец его, прельщенный бесами, перешел в сарацинскую веру позорную и осквернился. Породил он семеро детей и воспитал их в той же злой вере, а потом умер, и остались дети со своей матерью. И один из них, по имени Геласий, пришел в Иерусалим, а потом отправился в лавру святого Саввы и стал монахом, нареченный Вакхом, и жил достойно. И отправлен был игуменом из монастыря, чтобы никто не узнал о том, что он крестил сарацина. Вернувшись домой, Вакх крестил пятерых братьев, но один не принял крещения, донес на Вакха старейшине селения, и тот его убил. Так он скончался.

11 января. Память преподобного отца нашего Феодосия, начальника отцов пустыни.

Тропарь, глас 8. Слез твоих источник и исповедания пот смешал и сделал купель мысленную, отец преподобный, омываешь в ней творящих с любовью память о тебе скверну их дел. Моли Христа Бога спасти души наши.

Феодосий, святой отец наш, называемый новый общиножитель, был из земли Каппадокийской, из знатной семьи. Стал монахом, и сначала отправился в Антиохию к святому Симеону Столпнику, и был благословлен им, затем – в Иерусалим, а оттуда пришел в пустыню. Тридцать лет не ел он хлеба, а только смоквы и траву, много сотворил чудес, и много создал монастырей, и бесов молитвою прогнал.

Однажды был голод, и в житницах монастырских не было пшеницы. Он отыскал одно зерно и благословил его, и от этого зерна житница наполнилась пшеницей. Из-за многих чудес был известен и императору, а своими добродетелями прославился во всем мире. И так в глубокой старости он отошел к Богу, которого и желал видеть.

14 января. Страсть преподобных отцов наших, скончавшихся на Синайской горе.

Тропарь, глас 4. Быв пришельцами, оставив жилища, постились вы явно в пустыне, преподобные, украсившись наготой, одеждой добродетели вы уподобились Христовым страстям, оттого и претерпели смерть от мучителей.

Придя из различных мест и земель, те святые оставили мир, и близких, и богатство, пошли в гору Синайскую и стали монахами, работая лишь для Бога и питаясь дикой травой. Среди тех святых был святой Нил, бывший епарх в Константино-граде, человек богатый и благочестивый, но и тот ради Христа оставил славу свою и богатство и стал одним из нищих монахов.

Но дьявол, позавидовав, двинул дикий народ сарацинов на святых отцов. Были они из областей Аравии до Египта, жили у Красного моря и, надеясь обрести богатство, пришли, чтобы взять в плен монахов. Однако, поскольку они не нашли ничего, кроме рогожи и святых, ходящих во власяницах, то

разгневались, зарезали их, не сделавших никакого зла. Так они скончались.

26 января. Память преподобного Ксенофонта и его супруги, Аркадия и Иоанна. Ксенофонт, святой отец наш, был сановником в Константинополе, богочестивый, праведный и милостивый, любую добродетель имевший. Был он известен и очень богат. Имел двух сыновей – Аркадия, Иоанна, воспитал их в смирении и почитании Господа. Послал он их в город Вирит, чтобы изучили они законы. В то время в этом городе для всякого учения имелись библиотеки. Но, поскольку, плывя по морю, его сыновья тонули, – об этом он узнал от их слуги, – он со своей женой отправился на поиски их и нашел их в Иерусалиме, куда они были выброшены морем и где стали монахами. Узнав об этом, и он и его жена постриглись в монахи и так преуспели в добродетели, что удостоились дара чудотворения. Так они скончались в Господе со своими сыновьями.

27 января. Перенесение мощей святого отца нашего Иоанна Златоуста. Изгнан был святой Иоанн Златоустец и отправился в армянский город Команы, где лежат мощи святого Василиска, который явился ему, говоря: «Не бойся, брат Иоанн, утром вместе будем». Явился он и к церковному служителю, говоря: «Приготовь место великому мученику, ибо он идет».

Надев белые одежды и отправив службу, Иоанн сказал в конце то, что говорил всегда: «Слава Богу за все!» И он испустил дух, и был положен рядом с гробом святого мученика Василиска.

Через 33 года, благодаря тому, что вспомнил патриарх Прокл, император Феодосий послал за мощами, но рака не открылась, что опечалило его. Когда же принесли святые мощи, они достойно были приняты императором и патриархом и всеми людьми, и положены в церкви святых Апостолов.

1 апреля. Память преподобной Марии Египетской. Преподобная Мария была из Египта. Она жила в блуде, и прожив больше 31 года в блуде, потом предалась суровому воздержанию и добродетели, и так возвысилась бесстрашием, что проходила через непроходимые реки и, когда молилась,

парила в воздухе. Перейдя Иордан, она была в пустыне больше 47 лет, совершала подвиги, не имея жилища и покрова, нагая, никого не видя, изменила человеческое свое естество. Позднее, по Божьему промыслу, явилась святому старцу Зосиме, пришедшему в глубину пустыни, и, беседовав с ним, рассказала о себе. Через некоторое время она перешла через Иордан и, причастившись, вернулась на то место при потоке, где беседовала с Зосимой, и скончалась. Через некоторое время пришел Зосима и обнаружил, что ее мощи похоронил лев, выкопав передними лапами могилу по Божьему промыслу.

15 июля. Святого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю. Он был сыном князя Святослава из рода варяжского, князь Владимир. Сначала он был рьяным идолопоклонником по примеру своего отца, но когда Бог пожелал избрать себе новый народ, ощутил он в себе благодать Святого Духа и, очнувшись, как ото сна, от пагубного идолослужения, послал ко всем народам узнать об их законе: как веруют. И познав святую греческую веру, подобную свече на светильнике, сказал себе: «Сделаю так: пойду в их земли, возьму в плен их города, найду учителей». Что задумал, то и сделал. Пошел и взял Корсунь и послал к греческому императору со словами: «Отдай за меня свою сестру. Если не отдашь, то сделаю с твоим городом то же, что и с этим». Тот ответил: «Нет, дескать, такого обычая, чтобы христиане отдавали женщин замуж за язычников. Если крестишься, то получишь то, что просишь, и больше того – Царство Небесное». И сказал Владимир: «Сделаю так. Пусть придут твои люди с царевной и окрестят меня». В то время у Владимира заболели оба глаза. Послав царевну, император передал князю: «Если не крестишься, не избавишься от этой болезни». И тот ответил: «Крестите меня, ведь для этого я и позвал вас». И когда крестили его, совершилось великое чудо: только вошел он в святую купель, его глаза открылись, словно никогда и не было болезни. Прозрев, восхвалил он Бога и, просвещенный, радовался душой и телом.

И, придя в Киев, он разбил всех идолов: Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокошь и всех других идолов. Потом созвал весь

народ и повелел им креститься, назначая им день, при этом сказал: «Если кто-нибудь не окажется утром на реке, тот – против меня». И пришли на Почайну-реку люди всех возрастов: мужчины и женщины и маленькие дети; одни из них стояли в воде до пояса, другие – до шеи, а иные бродили по воде; а пресвитеры, стоя на берегу, читали молитвы как полагается над крестимыми. С того времени называется это место святым – там, где ныне церковь стоит святого Петра, который был первым ходатаем за наше спасение. Владимир, взирая на небо, помолился за христиан, говоря: «Прими этих новообращенных людей и позволь им, Господи, познать тебя, истинного Бога, утверди в них правую веру; мне же помоги, Господи, одолеть врагов, и я, надеясь на твое могущество, разрушу его дьявольские козни».

И приказал он людям возводить церкви во всех городах, а сам построил церковь Святой Богородицы всем на удивление. Прожив несколько лет, он скончался 15 числа месяца июля. Тело его положили в церкви Святой Богородицы, которую он сам построил, и оплакивал его весь народ: бояре как отца, простые люди как заступника, сироты как помощника, нищие и вдовы как покровителя и кормильца.

Сможем ли мы оценить по достоинству тебя, сделавшего дело, равное апостольскому? Восхваляет Римская земля Петра и Павла, Азия – Иоанна Богослова, Египетская – Марка, Антиохийская – Луку, а Греческая – Андрея, вся же Русская земля – тебя, Владимир; подобно апостолу Господа, песнопениями память твою празднуя, достойную похвалы награду тебе приносим, говоря: «Радуйся, Владимир, принявший награду от Вседержителя Бога; радуйся, святой глава, вождь и учитель наш, с чьей помощью мы освободились от тьмы и узнали свет; радуйся, честное древо самого рая, которое вырастило нам святые побеги – святых мучеников Бориса и Глеба, от которых ныне питаются русские сыновья, принимая исцеление болезней; радуйся, трудящийся ради веры Христовой, ты уничтожил коварное терние и, разрушив, вспахал крещением всю землю, засеяв ее святыми книгами, от которых сыновья русские пожинают полезные снопы покаяния. А иные

уже питаются обильной пищей в Царстве Небесном, этой трапезы удостоимся и мы, недостойные, каясь в согрешениях».

* * *

4 сентября. Страсть святого священномученика Вавулы,⁷³⁵ въ Никомидии бывшую учителю, купно и иже с нимъ 80 и 4 мученикъ. Ти святии мученици бѣша при Максимиянѣ цесари⁷³⁶ от села, нарицаемаго Кандавлии, иже и яти бывше, и исповѣдаша имя Исуса Христа. И того ради обѣшени бывше, стрѣгани быша, дѣндеже явится костемъ ихъ. Посемъ въвергоша я въ баню ражѣжену крѣпко и назнамену перстнемъ цесаревомъ, да не изидуть, ангелъ же Господень възва я внѣ, и изидоша без вреда, затвореномъ дверемъ. Темъ ведоша я внѣ из града на пусто мѣсто, и испросивше час молитвѣ дати имъ, воиномъ попустиша; и ставше намнозѣ молишася и благодаривше, яко сподобишася по Владыцѣ Христѣ. Мучени быша тако: съсѣчени быша всѣми удесы, и голѣни ихъ скрушиша, и въврьгоша въ огонь. И телеса ихъ изгорѣша, а блаженныя ихъ и святыя душа възидоша на небо, радуящеся и веселящеся.

25 сентября. Память прѣподобныя Еуфросинѣ Измарагда.⁷³⁷ Та бѣ от Александрѣскаго града,⁷³⁸ дѣщи Пафнунтия нѣкоего богата мужа, иже въсхотѣ дати ю въ бракъ. Нѣ она разумѣвши, притекши къ нѣкому от святыхъ старѣцъ, бысть чѣрнорица. Посемъ обѣлкъшися въ мужьскыя ризы, преобразися въ мужъ, и убояшися, да не обрящетъ ея отецъ свои, отъиде въ мужьскыи монастырь.

Внѣже имѣяше по обычаю ходити отецъ ея. И съ слезами повѣдая игумену бѣжаніе дѣщере; видяще ю въ монастыри, яко скѣрбяше о томъ съ прочими мнихи, не знаяше ея.

Створи же в монастыри 38 лѣтъ, разболѣся и, призвавши отца своего, и исповѣдавши и глаголющи: «Азъ есмь дѣщи твоя, и не скѣрби». И тако умре, и чюдѣшася вси.

1 октября. Покрова святыя Богородица.⁷³⁹ О видѣнии святого Андрѣя и Епифана. Страшное и чюдное видѣніе честною святителю Андрѣя и Епифана,⁷⁴⁰ како видѣста святую Богородицу на въздусе, пришѣдшую въ Влахѣрную цѣрквѣ⁷⁴¹ съ ангелы, и съ Предѣтечею,⁷⁴² и съ Богословьчемъ Иоаномъ⁷⁴³ и

съ иными святыми многими. Народу стоящу въ църкви, видѣста молящюся съ слъзами за весь миръ. И глагола Андрѣи къ Епифану: «Видиши ли цесарицю и госпожю всѣхъ, молящюся за миръ?» Он же рече: «Вижю, отче, и покрывъши вься святымъ своимъ амофоромъ, свѣтящимъ ся паче еликтора, люди сущая въ църкви».

Се убо егда слышавъ, помышляхъ: «Како страшное и милосърдное се видѣние, паче же, надѣяние и заступление наше бысть бесъ праздника!» Надѣя же ся, Владычице, на милосърдная твоя словеса, юже къ Сыну, сиречь: «Цесарю Небесный, приими вьсякого челоука, славящаго тя и призывающаго имя твое, и всяко мѣсто, идеже бываетъ память имени моего; освяти мѣсто и прослави прославляющаго мя именемъ моимъ, приемля ихъ всяку молитву и обетъ».

Тѣмъ словесемъ надѣяся, въсхотѣхъ, да не безъ праздника останеть святой Покров твой, блаженная, нъ якоже ты украсити хочещи честный праздникъ Покрова твоего, Всемиловитая, украси, да и прославляющии тя възвеселятся, видяще многоименный твой праздникъ сияюща. Якоже тамо народы сущая покры милостивно, тако и насъ грѣшныхъ рабъ твоихъ покрый кровомъ милости твоея, ниизлагающе съвѣты и думы помышляюще на ны злая. Спаси по милости Сына твоего и твоей и въ сѣ вѣкъ и въ будущий и вся притекающая к тебе съ страхомъ и вѣрою, надѣющаяся на тя, скорое заступление и помощи.

Устави же ся таковой праздникъ праздновати месяца октября в 1 днь, на память святаго апостола Анание.

1 октября. Память прѣподобнаго Романа, творца кондакарев. Тъ святой Романъ бѣаше от Сурия, от Емесийскаго града, дияконъ бывъ въ Вуритѣ святыя церква.⁷⁴⁴ Дошѣдъша же Костянтина-града⁷⁴⁵ въ лѣта Анастасия цесаря,⁷⁴⁶ въшѣдъ пребываше въ церкви Пресвятыя Богородица.⁷⁴⁷ Въ благобоязньствѣ пребывая, и обнощъ пребывая въ нощный службѣ, и пакы възвращашеся, идеже и даръ сбора кондаки⁷⁴⁸ и прия. Явльшися ему Пречистѣи Богородици въ снѣ и свитокъ харѣтианъ дающе, и повелѣвши сънѣсти, мняше бо отъврести уста и пожрети харѣтию.

Бѣ же и праздъникъ Христова Рожества. И абие въспрянувъ от сна, възлѣзе на амбонъ, нача пѣти: «Дѣва дньсь Пребогатаго ражаеть».⁷⁴⁹ Створивъ и прочихъ праздъникъ кондакъ, яко тысяще, ти тако с миромъ успе.

3 октября. Память Амуна Егюптянина. Прѣподобный отецъ нашъ Амунъ, богоносьць,⁷⁵⁰ въ постыницѣхъ бысть дивнъ, бысть от Егюпта, мнихолюбъць сый от уности. Въ времена же Максимияна цесаря отъиде въ пустыню, и отшедъ, единъ мълчаше. Въ единой ризѣ ходя ночь и день, и питаяся от възрастающихъ зелий. Пребысть же животъ его до подвигъ великаго Антония,⁷⁵¹ от негоже и блаженѣй души Амону от телесен шѣдъши и на небо възносимъ бывающи.

Сѣдя святой Антоний, уча нѣкыя от братия душепользныя глаголы, видѣ душу вънезапу, въставъ, зряще ея ведому ангелы, и славляше Бога. Въпросивше же ѱ пришедшии, и, увѣдѣвъше вещь, испытавше дъневный час. И шѣдъше въ Гегюптъ дъни, обрѣтоша, яко умре святой Амоунъ въ та час, вънѣже рече Антони.

15 октября. Страсть святаго мученика Лукиана,⁷⁵² презвутера Великыя Антиохия.

Трепарь.⁷⁵³ Море, примъ святое тѣло чистителя и мученика, рыбою на сушу низложи, тѣмъ и мѣсто являетъ чудесъ дѣтель, бѣсѣмъ убо страшень, недужнымъ же врачъ, всѣмъ всь бысть. Господи, слава тебе.

Лукиан мученикъ бѣаше от Антиохия Сурьскыя въ царство Диоклитиане.⁷⁵⁴ По смерти же родителю, давъ имѣние свое нищима, внимаше чтению Божественныхъ писании и многы от елинъ обращаше къ Богу. Оставль же Антиохию, доиде Никомидиѣ, идеже Диоклитианъ кръстьяны убиваше, и ельма же многы обрѣте страха ради, хръстьянства хотящемъ отрещися, укрѣпивъ и увѣщавъ мучитися. Толми же бысть добродѣтелию Богу подобнъ, яко проходити градъ и от нихъже хотѣти видиму быти.

О семь увѣдѣвъ Диоклитиянъ и убоявъся на лице привести, да како от него обличень будетъ, повѣсивъ платъно, бесѣдова с нимъ. И, видѣвъ разума его непреложное, осуди гладѣмъ

уморити. И на многы же дний не приемъ пища, въ тѣмници скончася, и вѣвѣрженъ бысть въ море.

21 октября. Память прѣподобнаго отца нашего Лариона Великаго, пустыни наставника. Прѣподобный Ларионъ бѣ при Костянтинѣ Велицѣ,⁷⁵⁵ от града Газы Пеластиньскыя. Желая же учиться книгамъ, приде въ Александрию Егюптьскую, и Божию благодатию обою приять – разумъ книжный же и еже къ Христови подобная. И по семь крестися. И слышав о житии Великаго Антония, иде къ нему и бысть его ученикъ, учася нѣколико время добродѣтели дѣла. Възвративъ же ся въ отчѣство, и родителя своя до си умърша. Богатство свое раздая нищима, и обѣлкъся въ ризу власяну и въ кожу овчю, постиже пустыню и добрѣ иночествова, многъ сподобися чудесъ, яко и будущая предъглаголати. Хотя же бѣжати чловѣкъ мълчания ради, от мѣста до мѣста течаше. Живъ же лѣтъ 70, к Христу, егоже измлада възлюби, отиде.

1 ноября. Успение святою безмезднику Козмы и Дамьяна, сыну святыя Феодоты. Козма и Дамьянъ,⁷⁵⁶ святая бесрѣбръника, бѣста жены нѣкоей хръстіяны именемъ Феодотии, научышася от нея убо правѣи вѣрѣ и Священнымъ книгамъ, от Святаго же Духа врачеству и хытрости; не тѣмко чловѣкы врачеваста, нѣ и скоты врачующа, ничтоже от кого приимаста.

Ицѣлиста же жену нѣкую именемъ Паладью, яже та притекъши къ святому Дамьяну, принесе ему три яйца и заклѣи. именемъ Божиимъ възяти я. Се слышавъ святой Козма, запрѣти не положити мощей Дамьяновъ на умъртии его с нимъ. Умре же пѣрвѣе святой Козма, и посемь умършю святому Дамьяну; помышляху людье, кдѣ погresti. И вънезапу вельблудъ притекъ, разбѣеный дѣяволомъ и ицѣлѣвыи от святою, проглагола чловѣчьскомъ языкомъ положити моща съ святымъ Козмою, яко не мѣзды ради приялъ яйца, нѣ клятвы ради Божия. Ти тако положена быста оба.

11 ноября. Память прѣподобнаго отца нашего Феодора, игумена Студийскаго.⁷⁵⁷ Въ царство Костяньтине⁷⁵⁸ тѣ бѣ въ Костянтини-градѣ рожься, всякъ же разумъ научения навѣкъ. Въ царство Ирины⁷⁵⁹ блаженъя благочѣстивыя,

двудесяте лѣту и двѣу сый, ошедѣ въ Сакудиовѣ манастирь,⁷⁶⁰ от своего отчя брата бысть мних, и от Тарасья патриарха⁷⁶¹ поставленъ бысть прозвютеромъ. Посемь 30 лѣт сый бысть игуменъ сущаго ему своего манастиря. Изгнанъ же бысть въ Селунь,⁷⁶² зане не свѣщати ся любодѣйству цесареву,⁷⁶³ нъ възвращенъ бысть паки цесарицею Ириною,⁷⁶⁴ и пришьствия ради срацинъ въ Цесарьград приде. И паки изгнанъ бысть Никифоромъ цесаремъ, убьенымъ въ Българѣхъ,⁷⁶⁵ такою же виною. Посемь изгнанъ бысть святыхъ и ради иконъ при Львѣ иконоборци.⁷⁶⁶ И много томленъ бывъ, по благочѣствию подвизавъся, и пѣснь о Бозѣ написавъ, въ глубоцѣ старости къ Господу отиде.

12 ноября. Память прѣподобнаго отця нашего патриарха Аляксандрьскаго Иоана Милостиваго. Кюпрянинъ родъмъ, съ бѣ сынъ Епифанія, тѣгда сущаго властелина того острова. Приблизъ же ся женѣ по хотѣнью отчю, и чядомъ отецъ бывъ, и имже житие остави жена его и дѣтий, все хотѣние свое на вдание добродѣтелей, на Божие угодие прѣврати. Свѣтлости ради житія Араклиемъ цесаремъ⁷⁶⁷ и испрошьмъ людъмъ олександрьскимъ патриархъ Аляксандрьскый поставленъ бысть. По правилу поставление приимъ, пособьствовавъ же лѣтъ многа въ святительствѣ и бещисльна сътвори чюдеса, трѣбующимъ нескудно подавъ еже на потрѣбу. И многыя ради милостыня Милостиваго ради наречения приимъ, и всѣмъ любезнъ бывъ, якоже о немъ книги въ широту являютъ, и многы невѣрныя обрати къ Господу. Въ старости глубоцѣ землю оставль, на небеса възыде, радуясь.

29 ноября. Память прѣподобнаго отця нашего Иоана Дамаскиньскаго.⁷⁶⁸ Тѣ бѣ въ царство Льва Исаура и Костянтина, сына его,⁷⁶⁹ от града Дамаскиньскаго, рода славна и свѣтла и вѣрна. Получи же добронраволюбива отця, и наказанъ бысть всяко наказание елиньско, нъ и Божествьное писание.

Вѣры же ради, иже въ Христа, отечское богатство оставль и бысть мнихъ⁷⁷⁰ с Козмою, егоже много слово въ святыя праздники творение пѣний и паче въ святую и великую недѣлю Святыя Пасхы. Прѣподобный же Иоанъ силою словесъ и

показаний от Писаний посрами иконоборѣць ересь,⁷⁷¹ тѣмъ и различно изгнанъ бывъ от еретичьскихъ цсарь. Въ старости глубоцѣ и чѣстьнѣ и в добрѣ исповѣданіи скончася.

6 декабря. Память прѣподобнаго отца нашего Николы, епископа Мюрьскыя Лукия. Въ царство Великаго Костянтина бысть великій архиерѣй и чюдотворецъ, епископъ въ Мюрьстѣи Лукии. И първѣе убо бывъ мнихъ, и много подвизавъся на добродѣтель, имже и епископомъ поставленъ бысть. Многа чюдеса створи; свободи же и три мужа от смърти: оклеветани бо бѣша и связаны бо бѣаху, и хотяху усѣчени быти, нѣ самъ тече и ять за мечъ, и възя от руки слугы и пусти я.⁷⁷²

Инѣгда паки оклеветани быша ини трие къ цесареви Костянтину епархѣмъ Авлавиемъ, яко ковь творяще, и затворени быша в претворѣ. И егда хотяху тѣи усѣкнути, молиша святаго Николу, и приде въ Костянтинѣградъ въ снѣ и запрѣти цесареви и епарху, и отпусти я. И ина многа чюдеса створивъ, с миромъ скончася.

12 декабря. Память прѣподобнаго отца нашего Спиридона епископа Тримифинѣ Кюпрьска.

Трепарь, глас 4.⁷⁷³ Въ нельстьное Ияковле, въ Моисѣово кротѣе, въ Давыдово безлобие, священнолѣпно обѣлкѣся, бысть и съсуда избѣраннаго⁷⁷⁴ образъ, и еже къ всѣмъ любѣвь подобно имѣти богатое, отче прѣподобне, молишися Христови съпастися намъ.

Прѣподобныи отецъ нашъ Спиридонъ бысть при Костянтинѣ цесари.⁷⁷⁵ Образѣмъ простъ, сердцемъ смѣреномъ, пасяше же овыця, и жену поимъ, и дѣщерь родивъ. Имже и жена умре, бысть епископъ. Бысть же и чюдотворецъ, ибо и въ бездѣжdie помолися – и одѣжди, и от глада обилие створи; и змию прѣтвори на злато, и паки злато по вѣданию залога, и възайма дати нищеому и живу быти, и паки прѣтвори на змию и пусти; и рѣку текущу устави. Приде же и на Никѣйскыи сборъ и посрами и еретики.

Жена же нѣкая дасть дѣщери его скръвище. Посемъ умре дѣщи его, и не обрѣтаему бывъшу положенному. Въпроси старѣць мъртвую, и отвѣщавъши, рече: «На семь есть мѣстѣ». И ина мѣного створивъ, с миромъ скончася.

14 декабря. Страсть святых мученик Филимона и Аполония и дружины их. Ти святии бѣша от Фивъ Еюпѣтскихъ при Диоклитѣянѣ цесари. Беша же вси 36, и понеже яти бывше, единъ от нихъ, нарицаемый Аполоний, причѣтникъ сый, дасть златѣе стрѣгущему я Филимону гудѣцу и помолися ему одѣтися в ризы своя и в себе мѣсто поклонитися и пожрѣти идоломъ. Филимонъ же одѣвъся въ ризы Аполония, егда идяше пожрѣти, исповѣда Христа. Игемонъ же, не сказавъ его, рече: «Призовѣте гудѣця Филимона, да погудеть и пѣниемъ утолить хръстьяны пожрѣти».

И тѣгда познанъ бысть Филимонъ, и мученъ бысть съ инѣми от гѣмона. Послѣдъ же игѣмонъ вѣрова и иже с нимъ.

И увѣдѣвъ си Диоклитѣянъ, мучи ѱ. съ Арианѣмъ, богатымъ нѣкымъ мужемъ. Посемъ связавъ вся и вмета въ вретѣща, въвѣрже въ море.

17 декабря. Страсть святаго мученика Вакъха Новаго. От страны Палестиньскыя тѣ бѣ въ царство Ирины и Костянтина. Бѣста же родителя его от рода кръстьяна, нѣ отецъ его от бѣсовъ прѣлѣстися, на срачиньскую вѣру срамную прѣложися и опоганися. Сътвори дѣтий седмѣро и въспита въ той же злѣй вѣрѣ, и посемъ умре, и осташа дѣти с матерью своею. От нихъ же единъ, Галасий нарицаемый, въ Иерусалимъ приде, и посемъ отѣиде въ лавру святаго Савы и бысть мнихъ, Вакъхъ нареченъ, добрѣ же поживѣ. И посланъ бѣ игуменѣмъ бѣжати, да не увѣдѣнъ будетъ, яко срацинина кръстилъ бѣ. И пришьдъ въсвояси, пять братий убо кръсти, единъ же не крътивъся, оклевета Вакъха къ старѣшинѣ мира, и усѣкну ѱ. Ти тако скончася.

11 января. Память прѣподобнаго отца нашего Феодосия, общѣна отцѣмъ.

Трепарь, глас 8. Сльзъ твоихъ источникъ, исповѣдания поты смѣсилъ еси и купѣль мыслѣную съдѣлавъ, отче прѣподобне, омываеши въ ней творящихъ любовию память твою сквърну дѣяний. Моли Христа Бога спасти душа наша.

Феодосий, въ святыхъ отцѣхъ нашихъ, нарицаемый общеновожилецъ,⁷⁷⁶ бѣ от страны Кападокийскы, родителю добру. Бысть же мнихъ, и пѣрвѣе убо отѣиде въ Антиохию къ

святому Симеону Стълпнику,⁷⁷⁷ и благословленъ бысть от него, посемь – въ Ерусалимъ, оттуду же дойде въ пустыню. Тридесате лѣтъ хлѣба не ядый, нъ тѣчию смоквы и былие, тѣмь многа чюдеса створи, и манастиря многы сътвори и бѣсы молитвою прогна.

Гладу же нѣкъгда бывъшю, и житъници манастирьстѣй пшеница не имущи. Едино зърно обрѣтъ и благословивъ ё, и от того зърна житъницу испълнивъ пшеница. Многихъ ради чюдесъ и цесаремъ знаемъ бѣ, и въ всемъ мирѣ добродѣтели ради славнъ бысть. Ти тако въ глубоцѣ старости къ Богу отъиде, егоже и въжела.

14 января. Страсть прѣподобныхъ отъць нашихъ, на Синаистѣи горѣ окончавъшихъся.⁷⁷⁸

Трепарь, глас 4. Яко пришьльци бывъше, и куца потѣкше, въ пустыняхъ явѣ постистесе, прѣподобнии, наготово украшъшесе, добродѣтели одѣниемъ съобразни бывъше Христовамъ страстьмъ, тѣмь и прѣтърпѣсте мучитель заклание.

Изъ различныхъ мѣстъ и странъ святии ти суще, оставиша миръ, и ближники, и богатство, идоша в гору Синайскую и быша мниси, работающе единому Богу и питающеся от зелия дивияго. Съ тѣми же святыми бысть святыи Нилъ, бывъ и епархъ въ Костянтини-градѣ,⁷⁷⁹ мужъ богатъ и благовѣрнъ, нъ и тѣ Христа ради остави славу свою и богатство и бысть единъ от нищихъ мнихъ.

Нъ и дияволъ, възавидѣвъ, въздвиже дивий языкъ Глазатыхъ⁷⁸⁰ на святыя отца. Си же суть от Аравиа до Еюпта, живущимъ на Чърмнѣмъ мори, и надѣющеся обрѣсти богатство, придоша плѣнити мнихъ. Ти яко не обрѣтоша ничсоже, тѣчию рогозины, и святыя въ власяницахъ ходяща, прогнѣвашася, низрѣзаша я, ничсоже зла створышемъ. Ти тако скончашася.

26 января. Память прѣподобнаго Ксенефонъта⁷⁸¹ **и подружия его, Аркадия и Иоана.** Ксенефонтъ въ святыхъ отъць нашъ бѣ сунъклитикъ въ Костянтини-градѣ, богочъстивъ и правдѣнъ и милостивъ и всяку добродѣтель имѣя. Бѣ же и славнъ и богатъ зѣло. Родивъ же два отрочати – Аркадии,

Иоана – и въспитавъ я въ наказаньи и поучении Господни. Пославъ я въ Вурить градъ, да навикнета закономъ. Имѣяше же тѣгда таковой градъ всѣхъ учени кѣнижъная хранилища. И понеже по морю ѣдуща истописта же ся сына его, – увѣдѣвъ се от нѣго раба своего, – и изиде съ женою своею на възискание ею, и обрѣтъ я въ Ерусалимѣ, из моря извържена, и мниха бывъша. И познавъ, одѣся самъ и жена его въ мнишьскый образъ и тольми прѣспѣста на добродѣтель, якоже и чюдеса творити сподобитися. Ти тако скончастася о Господѣ съ сынѣма своими.

27 января. Прѣнесение мощей въ святых отца нашего Иоана Златоуста.⁷⁸² Изгнанъ бысть святой Иоанъ Златоустыцъ и отъиде въ Команѣ⁷⁸³ арменьскыя, идѣже лежать мощи святаго Василиска,⁷⁸⁴ иже и явился ему, глаголя: «Не бойся, брате Иоане, завтра бо купно будевѣ». Яви бо ся и църквѣному служѣ, глаголя: «Уготовай мѣсто великому мученику, грядеть бо».

Измѣнивъ убо бѣлы ризы и службу створи, и рекъ глаголь, иже всегда глаголаше: «Слава Богу всѣхъ ради!» И прѣдасть духъ, и положенъ бысть близ гроба святаго мученика Василиска.

По 33 лѣтѣхъ, въспоминания ради патриарха Прокла,⁷⁸⁵ пославъ Феодосии цесарь⁷⁸⁶ принести мощи, рацѣ неотъвързущися, печальнъ бысть. И пришедъшимъ чѣстнымъ мощемъ, прияти быша чѣстнѣ от цесаря же и патриарха и отъ всѣхъ людей, и положены быша въ святых Апостолѣхъ.⁷⁸⁷

1 апреля. Память прѣподобныхъ Марьи Егуптянынь.⁷⁸⁸ Прѣподобная Марья бѣ от Егупта. Въ блужении же пожи, иже поживши за 31 лѣтъ, въ блуди поживши, послѣдѣ дасться зѣло воздержанию и добродѣтели, и толми възнесеса бестрастиемъ, яко непреходимыя рѣки водныя преходити, и, вѣнегда помолитися, повѣшена бысть на воздусѣ. Прешѣдши же Ерданъ, и бывши в пустыни за 47 летъ, подвизавшися без дому, бес покров, наго, ни единого имѣючи всевидяща, челоуѣческаго естества оступи. Послѣдѣже, по Божию промыслению, явился Зосимѣ святому старцю, въ внутреняя пустыня вшедшю, и бесѣдовавши ему, и яже о собѣ повѣдавши. И в придущее лѣтъ

Иерданъ бѣ прешедши и комкавши, посемъ на свое мѣсто възвратившися поточное, идеже Зосимъ бесѣдовавши, успе. И придущее летъ пришедъ Зосима и обрѣтъ мощи ея погребшю лъву звѣри, преднима ногама гробъ ископавшю промышлением Божиимъ.

15 июля. Святаго князя Володимира,⁷⁸⁹ крестившаго всю Рускую землю. *Съ бысть сын Святославль от племени варяжска, князь Володимир. Первое ко идоломъ много тыщание творя по отцю преданию, да егда Богъ възхотѣ собѣ люди новы избрати, вдѣхнувъ себе благодать Святаго Духа и възбнувъ, акы от сна, от лютаго идолослужения, и посла по всѣмъ языкомъ, испытая законъ ихъ: како вѣруютъ. И увѣдѣвъ святую грѣчскую вѣру, яко свѣщю на свѣтилѣ, и рече въ себе: «Сице створю: пойду въ землю их, и плѣню грады их, и обрщю учителя». Да еже умысли, то створи. Шед и взя Корсунъ и посла к цесарю грѣчскому, глаголя: «Дай за мя сестру свою. Аще ли не даси, то створю граду твоему, якоже и сему створих». Он же отвѣща: «Нѣсть дѣ таковаго обычая крестьяномъ даяти за поганяя. Аще ли ся крестишь, то и се получишь, и вяще сего – Царство Небесное». И рече Володимиръ: «Тако створю. Пришедше от тебе съ царицею, крести мя». И въ то время впалъ бяше Володимиръ в недугъ обѣма очима. И рече пославши цесарицу къ нему: «Аще не крестышся, не избудеши болезни сея». Он же рече: «Крестите мя, ибо на то вы есмь призвалъ». И егда крестиша, и створися чудо велье: вшедшю убо ему въ святую купѣль, и отверзостася ему очи, и бысть яко николиже имѣвъ недуга. Прозрѣвъ, похвали всѣхъ Бога, и просвѣщенъ бывъ, радовашеся душою и тѣлом.*

И пришедъ къ Киеву, изби вся идолы: Перуна, Хорса, Дажебога и Мокошь и прочая вся кумиры. Посемъ созва все множество людей и заповѣда имъ креститися, нарекъ имъ день, рекъ: «Аще кто не обрящется утро на рѣцѣ, тѣ будетъ противенъ мне». И сниде на Почайну-рѣку всѣ възрастъ: мужи и жены и младенци свершени, иже стояху в водѣ ови до пояса, инии – до выя, а друзии бродяху; прозвутеры, по берегу стояще, молитвы глаголаху, яко надъ крестимыми. И оттолѣ наречеса мѣсто святое, идеже нынѣ церкви есть Петрова, и тѣ бысть 1-я ходатай

нашему спасению. Володимѣрь же възрѣвъ на небо, помолися за крестьяны, глаголя: «Призри на новопросвѣщенные люди сия, и да же им, Господи, увѣдѣти тебе, истиннаго Бога, утверди в них правую вѣру; и мнѣ помози, Господи, на супротивныя враги, да надѣяся на твою державу, попру козни его».

Повелѣ же людемъ ставити църкви по всѣм градомъ, а сам создал церковь Святую Богородицу, удививъ. Пребывъ же нѣколько лѣтъ и преставися к Богу в 15 месяца июля. Тѣло же его положиша у церкви Святыя Богородица, юже самъ създа, и плакася его все множество людей: бояре акы отца, людье акы заступника, сироты акы помощника, нищии и вдовицѣ яко печалника и кормителя.

Да како тя възможемъ по достоянию похвалити, створшаго дѣло равно апостолом? *Хвалить убо Римская земля Петра и Павла, Асыя – Богословца Иоанна, Египетская – Марка, Антиохийская – Лука, а Гръчская – Андрѣя, вся же Руская земля – тебе, Володимире⁷⁹⁰; яко Господня апостола, молебными песнями память твою празднующе, похвалныя вѣнца приносим ти, глаголюще: «Радуйся, Володимѣре, приимый венецъ отъ Вседержителя Бога; радуйся, святая главо, вою и учителю нашъ, имже избывше отъ тмы, а свѣтъ познавше; радуйся, честное древо самого рая, иже възрасти намъ святѣи лѣторасли – святая мученика Бориса и Глеба, отъ неюже нынѣ сынове русьстии насыщаются, приемлюще недугомъ ицѣление; радуйся, дѣлателю вѣры Христовы, растерзавъ льстное тернье и раздрушивъ, взоравъ крещениемъ всю землю и насѣявъ святыми книгами, от нихже жнють русьстии сынове пользныя рукояти покаянию. И друзии уже ядятъ нескудную пищу ѿ Царствии Небеснѣмъ, еяже трапезы сподобимся и мы, недостойные, кающеся о согрѣшении».*

Из изборника 1076 года

См. также: Изборник 1076 года

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

Переписывая для великого князя Святослава Киевского из болгарского оригинала торжественно исполненный Изборник 1076 года, дьякон Иоанн собрал для себя самого (или для сына) выписки из различных нравоучительных текстов. Композиционная последовательность без особого выделения источников, которыми пользовались составители Изборника, в целом напоминает обычную для средневековой традиции компилятивно составленную беседу умудренного житейским опытом человека с «сыном» – быть может, сыном духовным, поскольку моральные требования первоисточников, несомненно, переработаны тут применительно к мирской жизни; «обмирщение» прослеживается отчетливо и проявляется даже в оформлении книги – карманной «осьмушки», писаной мелким почерком для себя, скромно украшенной.

Не очень еще развившиеся в пословичные формы, какими они стали позднее в связи с распространением их в устном обиходе, собранные здесь изречения воспринимаются как «заповеди для ненаказанных», т. е. людей неученых и вместе с тем – еще не постигших сложные ритуалы и нормы поведения христианской культуры. Эти изречения последовательно и упорно внедряют в сознание «новых людей» – новых христиан – моральные установки христианской этики. Все актуальные для середины XI в. нравственные проблемы нашли отражение в этом сборнике, который, по оценке современных ученых, и преследовал цели практической морали.

Многие статьи при переводе с греческого или в результате их обработки в Киеве претерпели идейное или художественное переосмысление; так, вполне сознательно при передаче греческой философской терминологии, особенно лексики стоицизма или неоплатонизма, приведены соответствующие славянские слова и понятия; встречаются перестановки или сокращения изречений; много отклонений и от первоначального

южнославянского перевода. Текст, переработанный для нужд восточного славянина, широко использует русские формы произношения и грамматики, а также и слова: *ларь* вместо *ковчежьць*, *медь* вместо *вино*, *вътвие* вместо *вѣие*, *поноси* вместо *укоряй* и т. п. Большинство текстов – переводы византийских стихотворных или, во всяком случае, ритмически организованных произведений. Славянские переводчики старались передать эту особенность оригиналов, повышающую художественно-изобразительную их ценность.

К некоторым отрывкам найдены и греческие параллели, однако возможные несоответствия этим текстам славянской версии не учитывались при переводе на современный русский язык.

Отдельные части Изборника получили на Руси особенную известность и неоднократно использовались в поучениях, посланиях и «словах», откуда и поступили в устную речь. Впоследствии сам принцип построения сборника стал образцом для составления других средневековых сборников нравственного содержания, стал прототипом Златой Чепи, Измарагда – с XIV в., а в конце XV в. – Домостроя.

Восемь текстов Изборника 1076 года (82 % всего состава его) публикуются по рукописи: РНБ, Эрмитажное собр., 20. Полностью сборник опубликован в прекрасно подготовленном издании: Изборник 1076 года. М., 1965 / Издание подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. В настоящем издании публикуется текст л. 1–80 об., 84–85, 101 об.–112, 134–187 об., 269–276 (по изданию соответственно с. 151–418, 425–426, 460–481, 687–701).

* * *

Слово некоего старца о чтении книг

Полезно, братья, чтение книг каждому христианину, ибо сказал блаженный: «Хранящие откровения Его всем сердцем – взыщут Его». Что это – «хранящие откровение Его»? – Читая книги, не старайся быстро читать от главы до главы, но вдумайся, о чем говорят книги и слова их, трижды возвращаясь к каждой главе. Ибо сказано: «В сердце моем сокрыл Я слова твои, чтобы не согрешить пред тобою». Не сказано «уста

лишь произнес», но – «в сердце сокрыл, чтобы не согрешить пред тобою», – подразумевая глубины написанного, направляемый ими. Скажу и я: «Узда и правит конем, и сдерживает его, сущность же праведного – в книгах его».

Ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника – без чтения книг, и как у пленников на уме родители их, так у праведника – чтение книг. Воину красота – оружие, а кораблю – паруса, так и праведнику – чтение книг. «Открой, – сказал, – очи мои, – и постигну чудо закона твоего», – ибо очами он называет воображение внутреннее, и так далее; «Не сокрой от меня заповедей твоих», – так понимай, что не от глаз скрывай, но от разума и от сердца. Потому и осудил уклоняющихся от ученья, говоря: «Прокляты избегающие заповедей Твоих...» Потому и сам себя похвалил, говоря: «Как сладки слова твои, слаще меда устам моим, дороже тысяч золота и серебра». И восхвалил, говоря: «Возрадуюсь я о словах твоих, обретая великую прибыль», прибылью называя слово Божье и говоря: «Обрел, недостойный, я дар поучаться словам Твоим день и ночь», – так и мы, братия, постигаем ушами разума услышанное и познаем силу и смысл святых книг.

Послушай же жития святого Василия и святого Иоанна Златоуста, и святого Кирилла Философа, и многих других святых, как о них говорят впервые о них поведавшие: с детства предавались они святым книгам, а после и на добрые дела подвиглись. Смотри же, что начало добрым делам в поучении книг святых! Так вот, примером этих святых и подвигнемся мы на путь жития их и на дела их, и станем всегда научиться их книжным словом, исполняя их волю, как велят они; тогда и будем достойны мы вечной жизни во веки. Аминь.

Слово некоего отца к сыну своему, слова душеполезные

Господи, благослови!

Сын мой и чадо, приклони ухо твое, внимая отцу своему, изрекающему тебе спасительное.

Чадо, приблизь разум сердца своего и внимай словам родившего тебя, ибо не во вред душе твоей, но ради укрепления разума. И к царству небесному поведут тебя.

Отвори сосуд сердца, и пусть стекают туда слова слаще меда, которые смогут и оживить, и бессмертным явить тебя.

Но с чего начну поученье мое, сын мой, что прежде всего явлю: метания и пороки света сего – или житие, богоугодное и спасительное?

Лучше всего нам, чадо, продумать жизнь от Адама, праотца нашего, до этого нашего века: как много людей прошло по земле, и все забыты, лишь единицы в памяти, прославившиеся на небесах и на земле, те, которые по заповедям Божиим все дни свои прожили, взирая лишь на Всевышнего; некоторые прожили кротко, только добрым словом уста свои утруждая; некоторые мало света сего касались, всю свою мысль, все желанья направив к бессмертной жизни и о ней единой вздыхая, Бога моля достойнш Его явиться.

Поэтому, чадо, предпочти тех житие и тех в образец возьми, и тех последуй делам, и вникни, каким путем шли они и какую стезею пустились.

...

Голову пониже держи, ум же – высоко, очи потупя к земле, духовное зрение – к небу; сомкнуты уста, уста же сердца всегда вопиют к Богу.

Тихо ногами ступая, мысленными стопами стремись к небесным вратам; уши закрывай для дурных речей, мысленным слухом звуки лови святых слов, что записаны в книгах святых.

Ладони сожми на стяжанье греховных богатств сего света, но прости их на милость к убогим.

Не стыдись преклонить свою голову перед любым, кто создан по образу Божью, старшего годами почтить не ленись и упокоить старость его постарайся.

Равных тебе с миром встречай, меньших тебя с любовью прими, стань перед тем, кто честью выше тебя.

Чадо, не лишай добровольно себя вечной жизни, как от врага, убегай от греха, душу твою губящего.

Не стремись веселиться в мире сем, ибо все радости света сего плачем кончаются. И это ясно видно на двух соседях: у этих свадьбу гуляют, а у других мертвеца оплакивают. Да и сам этот плач так суетен: сегодня плачут, а завтра пируют.

Так что примечай суету века этого и преходящую плоть нашу: ибо сейчас расцветаем, а завтра вянем.

Поэтому в краткой сей жизни и взыщи жизни вечной, у которой, в отличие от этой, нет ни скорби, ни воздыхания, ни плача, ни сетования, но радость и веселие, свет немеркнущий: солнце – сам Господь.

Ту жизнь возлюби, к ней каждый день устремляйся, о той всегда помышляй; пусть тебе, спящему, будет в изголовии – мысль о небесной радости, а пищей встающему – память о царстве небесном.

Чадо, голодного накорми, как тебе сам Господь повелел, жаждущего напои, путника приветь, больного посети, к темнице дойди, – взгляни на беду их и вздохни.

Пусть в скорбях твоих будет тебе спасение церковь, но и, кроме печалей, всякий день и час в церковь войдя, к Всевышнему припади, лицом покрывая землю, и попроси Его поминать тебя – и не уклонится от тебя душелюбец человеколюбивый, но примет тебя и утешит.

Под церковью же разумеи небо, под алтарем – престол Всевышнего, служители же – это ангелы Божии. Поэтому в церкви, как на небесах, со страхом стой, как пред очами самого Бога; выходя же не забывай, что было или что слышал.

Стань кротчайшим из людей – и будешь небесным жителем;

Скорби о грехах, воздыхай о соблазнах, печалься в паденьи своем – очистишься, и при исходе души окажешься ты беспорочным;

Помни о смерти всегда, и память такая научит тебя больше всех, как прожить в этом кратком времени;

Будь разумен и размышляй, что есть воля Божия, чего царь небесный требует от земных, что просит от твари своей – не малой ли и легко исполняемой милостыни? Ибо писано: «Помилуй – и будешь помилован!»

Что требует Бог, преисполненный благ, от нас? Хвалы ли? – но хвалят его и ангелы; поклонения ли? – но поклоняются Ему и небесные силы.

Он просит того, что на пользу нам, во спасение: просит милосердия, желает кротости, любит мир. Этим ты, чадо, волю

его исполни хоть в малом, а он твою волю — на веки: мало даруй — и получишь вечное, дай одно — и возьми сторицею; предай себя Богу — и будешь страшен врагам своим, видимым и невидимым.

Если в волнах житейских ты, в буре морской попадешь в беду, укажу тебе, сын мой, пристанище истинное — монастыри, жилища святых. К ним прибегай — и утешат тебя, в скорби приди — и возвеселишься, сын, ибо они беспечальны и могут утешить в печали.

Если же есть у тебя в доме что-то им нужное, снеси им, ибо все то ты в руки Божьи кладешь и получишь за то награду.

В городе, где ты живешь, или окрест него, найди хоть единого человека, который боится Бога и служит Ему всей душою, а если обрел человека такого, то уже не скорби, ибо тем самым обрел ты ключи к небесному царству; к нему прилепись и душою, и телом, смотри, как живет он: как ходит, сидит или ест, все привычки его изучи, но больше всего лови слова его, не дай ни единому слову его на землю упасть: ибо святые слова дороже жемчуга.

Праздники же святых почитай, не упивайся сам, но голодных и жаждущих накорми.

Пусть знают твой дом нищие, вдовицы, сироты, не имеющие где приклонить головы. Богат ли твой дом, беден ли — все то получено Божиим промыслом, все именье твое.

Не говори о владении своем: «То мое», — но скажи: «Поручено мне на недолгие дни», и точно ключник доверенное тебе раздавай, как велел то тебе поручивший. Поэтому, что тебе дал Всевышний, то сделай именьем Всевышнего.

Не оставляй его наследникам, но и детей своих, и жену свою, и всех потомков своих поручи ты Богу, хранителю добродетели, ибо милость его велика и богатство несметно.

Ведь имение света сего подобно реке: стекает вниз и снова приходит с верховьев. Что же те, кто живет у истока, — не наполняют сосудов своих и скота не поят, говоря, что в низовьях живущим нужно оставить, сами же мало возьмем? — Нет, но черпают с избытком, не беспокоясь о тех, кто живет в низовье, хотя и одна их минует река.

Так и с именем: не заботься о будущих сыновьях, внуках, правнуках, дочерях. Ибо случится другое время, и напасть, воровство иль война, и тогда пропавшее им не поможет.

Так что при жизни своей размышляй о душе своей и печалься о ней, ведь как она у тебя одна, так одно время жизни и смерть – одна.

Так страдай о себе, о себе и скорби, и еще здесь проси прощенья грехов, а при смерти – охраны от бесов, чтобы, туда отправляясь, в царство Божье от века, прийти на готовое: в палаты Его сверкающие – но только когда окупил их здесь. Если же мира сего богатством желал бы купить ты хоть самую малую из палат вышнего Иерусалима, то богатств, со всего мира собранных, не хватило бы на цену ее.

Только милостыней покупается царство Божие, а милостыня зависит не от величины, количества или малости даянья, а от возможностей дающего ее от всего сердца.

Ведь подаянье нуждающимся и есть та блаженная милостыня, наполнившая сосуды тех пяти мудрых дев, которым отверзалось царство небесное.

И ты прими ту же милостыню неотступно и навяжи ее на шею свою – пусть будет с тобою всегда на веки.

Ведь говорит Писание: «Милостыня мужа – точно печать»: если примешь ее, ни один из врагов на тебя не встанет, не скажет тебе: «Куда идешь?», видя, что носишь печати царя небесного и к Нему ты идешь.

Вопрос: Как же я приму ее?

Ответ: Все сможешь, если захочешь, ибо не трудно это: ибо если насытился пищей – накорми голодного, напился – напои жаждущего, согрелся – обогрей дрожащего от мороза, в хоромине ли красивой и высокой живешь – введи в дом свой скитающихся по улицам. Порадовался ли в застолье – возвесели и скорбящего, порадовался ли чему – порадуй и сетующего, почтили ли тебя, богатого, – почти и ты убогих, весело ли ступаешь по ступеням, выходя от князя, – сделай так, чтоб в доме твоём не ходили скорбящие.

И то уже не малая милость, если домашние твои без скорби, без воздыхания и без плача пребудут. А если достойны

наказания за какую вину, пусть вместо этого будут помилованы. Если станешь так поступать, то и ты, вместо казни, будешь помилован при исходе твоей души.

Пусть твой дом будет – дом молитвы и покой иереям, служителям Божиим, и всякому чину церковному. Введи таких в дом свой, со всякою честью их усади, стол накрой им, словно Христу самому, сам же стань им служить.

И вознесут тогда у Божьего алтаря молитву они за тебя, будто фимиам восходит к Богу от них. Свеча твоя в церкви постоянно светит, и просвира твоя – лежит.

Поминай всех, живущих в монастырях, кто ангельский образ носит; а когда они будут, введи их в дом свой, поставь им трапезу по монастырскому чину, жену же свою, и детей, и слуг научи в молчанье и страхе служить им, как ангелам Божиим. А провожая их, отпусти с поклоном, дав им, что нужно, и монастырю их.

Это много, если одно лишь «Господи, помилуй!» хотя бы на день купишь у них – и это уже бесценно, ибо писано: «Много может молитва праведного». Так, если может молитва одного, насколько лучше, если многие из таковых обратятся к Богу.

Еще больше тем, кто живет в скитах, плотским ангелам, угождай; отвергли они сей мир, служа единому Богу; принеси им нужное, прими их молитву, вложи в свое сердце святые слова их, освятись их благословением, молись хоть однажды за грехи твои с воздыханием – и вернешься в свой дом чистым.

Клеветы же не слушай ни на монаха, ни на святителя, даже если и сам ты их видишь в соблазне. Больше чем глаз своих послушай Бога, сказавшего: «Не осуждайте, да не осуждены будете!»

А тем, что встречаются тебе на пути, не стыдись головой своей поклониться.

И если сможешь так поступать, не будет тебе ущерба от богатства твоего, но, как уже и сказал я прежде, станет оно водителем к царству небесному, словно защитник и добрый друг, а то, что несправедливо получил и греховно хранил, явится злее дьявола, тебя губя. Богу слава ныне.

Поучение богатым

Раз уж великим от Бога сподобился ты благам, то и воздавать должен больше.

Открой уши свои к страдающим в нищете, тогда и ты встретишь Божий слух открытым.

Каковы мы бываем к рабам нашим, таков и небесный Владыка окажется к нам.

Отвращайся льстивых слов льстецов, они точно вороны: исключают мысленное зрение.

Если хочешь, чтобы все почитали тебя, стань всеобщим благодетелем; если хочешь исполнить все, тебе данное, воздай честь творящим добро и накажи творящих зло.

Таких себе выбирай друзей и советников, которые не все тобой изрекаемое хвалят, но стараются отвечать рассуждением справедливым.

Разумно судьям подобает выслушать обе стороны, ибо нельзя решить справедливо второпях и без внимания; вдумайся в спор спокойно, суд твори не спеша.

Твердо знай: залог твоего спасения – никогда простолюдина не обижать.

Будь для своих подчиненных чином грозен, а добротою любезен: насколько силой ты выше всех, настолько и делами добрыми светить постарайся всех больше.

Прося прощенья грехов, прощай и сам пред тобой согрешающих, ибо прощая своих рабов, мы получаем свободу от гнева Божия.

И нарекут тогда истинным властелином, когда овладеет он самим собою и гнусным желаньям не станет служить.

Смерть и изгнание, и беды, и зримые все несчастья пусть стоят пред очами твоими во все дни и часы.

Будь таким для своих рабов, каким просишь быть к тебе Бога.

Не оправдывай виноватого, даже если и друг он тебе, и не обидь не виноватого, если и враг он тебе.

Если кто-то имеет душу, свободную от страстей человеческих, и видит немощь своего естества, его увядание и скорый конец этой жизни, – в грех гордыни тот не впадет, даже будучи в чине высоком.

По тщательном размышлении в сердце своем обдумай характер всех, с тобой пребывающих, и тогда наверное различишь ты тех, кто с любовью служит тебе, и кто только льстиво пресмыкается. Ибо многие лицемерной приязнью самым славным приносят беды.

Потому и не следует выслушивать клеветника, сладко тебе напевающего, или поклепы на ближнего, – и не оставит тебя Божья любовь и царствие небесное.

Останови нашептывающего тебе в уши – и не погибнешь с ним вместе.

Поскольку иметь православную веру есть основание добрых дел, так от веры начинается слово к тебе, брат, ведь и ты просил с верой, а не с хитростью: знаю, что даст мне Господь ради веры твоей написать тебе эти слова, ключи ко спасению.

Веруй в Отца и Сына и Святого Духа, в Троицу нераздельную, Божество единое – Отца нерожденного, Сына рожденного, а не созданного, Духа Святого, не рожденного и не созданного, не исходящего: три – в единой воле, в славе одной, в чести; и единое поклонение от всей твари, от ангелов и людей приемлющую, превечно и бесконечно пребывающую во веки веков.

Веруй в воплощение Сына как истинно бывшее, а не воображаемое: в двойную сущность его Божества и человечества – Бога по Божеству, человека по воочеловечиванию, но в обоих них – совершенного.

Кресту Христову покланяйся с верою, ибо на нем сотворил Господь спасенье всем людям.

Иконе Христа и пречистой его матери и всех святых его с верою честь воздавай, точно к самим им с любовью обращайся в молитве.

Имей всегда страх Божий в сердце и помни, что Бог здесь с тобою на всяком месте, где идешь иль сидишь.

Страхом пред ним как уздой обороти свой ум и удерживай постоянно, ибо, блуждая безудержно, научишься лишь суетному.

Ищи во всем самого простого – и в еде и в одежде, и не стыдись нищеты, ведь большая часть сего мира живет в нищете.

Не говори: «Богатого мужа я сын, и потому мне то стыдно» – ибо никто не богаче Христа, отца твоего небесного, тебя родившего в святой купели, но нищим и он ходил, не зная, где преклонить голову.

Правдою украшайся и старайся всем говорить истину, не свидетельствуй ложно с бесстыдным лицом, ибо губит Господь извергающих ложь, но кротко истину излагай.

Ибо лучше правдивому человеку быть ненавидимым, чем испорченному лицемерием быть любимым.

Ненавидимых в правде возвысит Господь, любимых во лжи – уничтожит, ибо и без проверки клеветникам знают цену.

Но если в ответ на правду твою во гневе обрушатся на тебя, не печалься, утешаясь сказанным Богом: «Блаженны возненавиденные за правду, ибо их есть царство небесное».

Кроток будь со всяким человеком, и кто выше тебя и кто ниже, ибо лицемерная кротость – стыдиться пред старшими и презирать низших.

Кроткая походка, кроткое сидение, кроткий взор, кроткое слово – все это пусть в тебе будет; в том ты и явишься истинным христианином.

А кротость – это ведь не досаждать никому ни словом, ни делом, ни повелением, но каждому человеку нравом своим улаживать сердце.

Славы земной не желай ни в чем, ибо слава земная насмехается над привязанным к ней, точно буря ветреная, налетев на короткое время на человека и плод добрых дел обронив, тут же исчезнув, лишь посмеется его неразумию.

Кто хочет быть славным в сем мире, тот бесчестия не терпит, кто держится веры – безвестность любит, размышляя о том, что сказал Господь: «Как можете веровать, от людей принимая славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?».

Бесчестье терпи, точно чашу полыни прими ее, даже если тебе неприятно, или изгнания недуга греховного, ведь грех через сладость входит, а горечью – изгоняется.

Того, кто мечтает о вечной жизни и худо с земным согласуется, всегда помышляя о кончине своей, не терзает поношение людское, он как гость, пришедший в мир сей, –

претерпит бесчестье от хозяев своих, поскольку завтра надеется отойти.

С мучениками ради Христа желая общаться, нагоде предай свое тело, волю свою – на поправление, утробу – на пост, сердце – на твердость, а кровь, если и не на пролитие извне, то изнутри иссуши ее пищею черствой – и примешь тогда желанное.

Знаешь ты, что, приглашая князя, убирают хоромы, ты же, если желаешь Бога в дом свой телесный вселить на просвещение жизни твоей, тело очисти постом, жаждою истреби, смиреньем укрась, накади молитвою благоуханной.

Храни от ветра свечу, молитву с юности укрась, точно невесту, бдением, трудом, терпением – и тогда возжелает ее царь небесный.

Тайное место найдя и присев в тишине, помяни и грехи, и падения царств, и умились и сердцем, и взором, голову преклони и скажи со вздохом: «Ох мне, ох, пребыванье мое затянулось, кто ж даст воду главе моей и очам моим слезы? увы мне, увы мне, ибо близок день Господен!»

А если нет слез, не отчаивайся, почаще вздыхай и тяжело от чистого сердца, ибо слезы – дар Божий, так мало-помалу умиленьем и вздохом выпросишь их у Бога, ибо всякий просящий получит.

Обретши слезы, охраняй их изо всей силы от обжорства и пьянства, но больше всего остерегайся осуждать других: делай дело свое, а не суди человека, ведь не ты его создал.

Не верь и очам своим, если видишь, что кто-то грешит, ибо и очи обманут: ведь и прежде в раю соблазнились очи, и свершилось падение их от взгляда.

Кто носит на ребрах своих рану, полную гноя, не гнушается чужими прыщами, всегда размышляя о множестве личных грехов и никогда не входя в беседы о соблазне других.

Червь мелок и слаб, ты же славен и горд, но если разумен ты сам, смири гордыню свою, размышляя о том, что твердость твоя и сила будут червям приютом.

Вспомни древних, прославленных храбростью, богатством, славой, ведь все они отошли безвестно и ныне забыты; слабые же и убогие в сем мире, о душе своей позаботившиеся,

прославлены на небесах, и на земле их хвалят, призывая на помощь.

Милосердно очи свои возведи на сидящего в наготе и от холода скорченного, дай ему тело его прикрыть одеждой, лежащую у тебя, и Господь даст тебе сторицею вечную жизнь.

Поддай руку скитающемуся по улицам, введи его в дом свой, раздели с такими и хлеб твой, и чашу воды ли или питья, какого тебе дал Господь.

Странника в дом свой введи, в хоромы – бездомного, мокнущего осуши, замерзающего согрей, смой грязь тела его, ибо убог он весьма и достоин спасения.

Навести в темнице сидящих по воле Бога, взгляни на беду их, взгляни на страдания и скажи: «Ох мне! это они за одно согрешение только страдают! Я же все время пред владыкой моим Христом согрешаю, но нахожусь на свободе!»

Если видишь кого-то из них по навету страдающим, помоги ему, ради Христа, яви истину к тем, кто был оклеветан, ибо весьма спасительное это дело, облегчать обиженных долю.

Когда сидишь за обильным столом, вспомни о том, кто ест хлеб сухой и не может воды принести в недуге.

Насыщая тело свое, отдай часть еды твоей ради души своей, ибо честней она тела, чтобы душевную часть сохранили нищие, так что когда потребуется, она в готовности. Время будет твое на исходе, а она окажется у врат небесных, тогда потребует много.

Принимая сладостное питье, подумай о пьющем теплую воду, на солнце согревшуюся, полную сора от неприкрытого места.

Имеющий благ земных изобилие, помни всегда Авраамово слово к богатому: «Ты принял благое в жизни своей, как принял убогий – злое, потому веселится он, ты же – страдаешь».

Возлеги на мягкой постели, свободно потягиваясь, вспомни лежащего в наготе под единым рубищем, того, кто не может вытянуть ноги свои из-за холода.

Когда возлежишь ты под крепкою крышей в хоромах, слушая как шумит дождь, подумай и об убогих, что ныне лежат,

пронзаемы точно стрелами дождевыми каплями, а другие без сна сидят, затопленные водою.

Когда в мороз сидишь ты в теплых хоромах, без страха раздевшись, вздохни, об убогих вспомнив, как сгорбились над огоньком, согнувшись, с большой болью в глазах от дыма, чуть-чуть согревая руки, тогда как плечи и тело – все мерзнет на холоде.

Ухо свое преклони к просителю, обнищавшему в жизни сей, поставь заплату избытком своим на зияние дыр его.

Помышляй о духовном, а не о земном; знай, что по нетленной одежде крещения все равны, и убогие, и богатые. Поэтому берегись, чтобы думая по-земному, не презирать убогого, не одинаково с тобою одетого тленной одеждой.

Святым, угодившим Богу, молись, ибо они помощники и заступники прибегающих к ним, поскольку они получили право обращаться к Господу, как рабы, угодные своему господину.

Мощи святых с верой целуй и честь им воздай как честным, ибо ради Христа пострадали они.

Веруй в Божии тайны, телу и крови Его причащайся со страхом – и станешь причастником царству Его.

Неверие же отметаи, не говори: «как это, хлеб – тело, а вино – кровь?», но знай: что у людей невозможно, у Бога возможно.

Верь в воскресение мертвых, в жизнь предстоящего века, по неизреченным словам Господня, которые слышишь у евангелистов.

Помни о Страшном суде, ожидая ответа и воздаяния по делам – и верь: это будет, будет!

А еще: возлюби Господа Бога своего от всей души своей и со всею твердостью, и старайся угодить ему всеми делами твоими и добронравием.

Также и ближнего своего возлюби, с которым в одной породнился купели, то есть всякого христианина, а скорее – брата тебе, ибо, сказал Господь, «Восхожу к Отцу моему и Отцу нашему».

Склоняй свою голову перед всяким, кто летами старше иль разумом, ибо возвысит смиренных Господь.

Друзей же своих и равных тебе с любовью встречай, и, обнимая, целуй, как Елизавета и Мария.

Меньших тебя и малых годами любовно прими и помилуй, и к Богу о них воздохни, ибо только что начали те познавать Господа.

Князя бойся всей силой своею, ибо страх перед ним – не пагуба для души, лишь вернее научишься Бога от того бояться.

Пренебрежение властями – пренебрежение Богом. Ведь если кто власти земной не боится, поучения видимого владыки, то как устрашится невидимого?

Бойся ученик учительского слова, но больше – самого учителя, так и страшась Бога бойся и князя, через которого и наказываются согрешающие, ибо князь – перед людьми слуга Бога, милость иль наказание преступных.

А кроме того, пред всяким богатым склоняй свою голову смирения ради, ибо у древа много ветвей: только склонившись, под ним пройдешь.

Принявшие власть и имя от князя своего, хотят от друзей своих прославления, а от низших ждут поклонения и почитания.

Пред князем страшись говорить неправду, ибо губит Господь изрекающих ложь, но покорно истину говори ему, словно Господу самому.

Если когда-нибудь неверно что скажет тебе, а ты это знаешь, взгляди, не искушает ли он тебя: бережешь ли душу свою? Если же явишь свое безумство, не сможешь доказать ему, что сохраняешь душу его.

Ум свой от суетных мыслей отринь, воспаряя высоко к Господу, ибо этим вступаешь на стезю добродетели, освобождаешь душу от слабости.

То не диво для естества человека – ниспадать к земному, но если, павши, не встать? Разве кто-нибудь, сбившись с пути, снова его не отыщет? Если разбит отчаяньем ты сегодня – завтрашний день посвяти подвигу.

Неразумно, когда приходят вечные достояния – дары благого Бога, не дожидаться их с терпением и верой, но

радоваться земному и к нему стремиться, словно не веря в воскресенье.

Если бы слава сего мира приближалась к славе небесной, не распяли бы славы Господа мира сего сыновья, ибо какой раб дерзнет жить в доме, где его господина не приняли?

Голод и жажду терпи Христа ради: насколько наносишь вред телу, настолько душе создаешь благо. Воздающий суд за слова и помыслы воздаст благом и за малое, которое ради него претерпим.

Молитвы – пищи душевной – не откладывай, как тужит тело, изнемогая без пищи, так душа, лишаемая сладости молитвы, к слабости и душевной смерти приближается.

Свет в хоромах – свеча, свет же в чувстве – молитвенный разум; ясен свет от свечи, не знающей никаких примесей, но светла и молитва, не смешанная с земными помыслами.

Предай все желания Богу, ведающему все до бытия человека, и не проси о воле своей – у всякого человека мысль о ненужном, – но обращай к Богу: «Да будет воля твоя!» Ибо строит он все нам на пользу, которой мы в нашей плоти не ведаем.

Стенай словно мытарь, вернись точно блудный сын, умились как Ахав, восплачь точно Петр, взывай как ханаанка, предстань как вдовица, молись как Иезекия, смирись как Манасия, – и если молишься так, примет благой Господь молитву твою, как мать – младенца.

Дело безгрешного осуждать чужие грехи, а кто без греха? Один только Бог. Один он безмерен, и ему подобает судить тех, кто измерен.

Гордыня и самомнение осуждать других заблуждающемуся человеку; Господь же гордым противится. Но тот, кто всегда готов дать ответ за свои грехи, не скоро поднимет голову свою, чтобы рассмотреть чужие заблуждения.

Оставь гордыню – и не похвалится гроб, гордость твою вбирая в себя, и убогий отдохнет на гробе твоём без всякого для себя вреда.

Увидев, что мертвеца несут, сжалившись как над собственным телом, проводи его до могилы и двойную

получишь пользу: на смерти его свою кончину представив, смиришься, а тело его пожалев и предав могиле, сам помилован будешь.

Болящего посети, принеся ему то, что он хочет отведать, и сам ему послужи, как близкому своему, помня, что так же и тебе предстоит пострадать.

Если стонет кто-то тяжело в болезни, сострадательно слезы свои испусти и к Богу вздохни о болезни, в которой он находится, а если лекарь при этом случится, дай плату ему за его лечение.

Когда умирает он, то своими руками очи его закрой и уста его, о душе его сердцем всем помолись ты Богу и омой своими руками, а если убог, позаботься, чтобы не нагим схоронили его.

Важно для покаяний и слез посещение умирающих. Да и кто же тогда не придет в умиление, видя естество в могилу сходящее, имя угасшее, и славу богатого, рассыпавшуюся в тлен.

А если можешь просить властителей и князей, заступись за обиженных сильными, и до пота сразись за сирот – приравняет капли пота твоего Господь к крови мучеников.

Если же не знаком ты князьям, то тех попроси заступиться, кто близок к ним, поскорби об убогом – и скоро Господь, как и прежде, оплатит тебе.

Когда церковь Божья зовет на молитву, оставь свое дело земное и спеши за душевной пищей с тщаньем, точно Петр, Иоанн ко гробу Господню.

Когда направляешься в храм святой, вспомни, когда и кого прогневил ты в каком-то деле, и постарайся, как можешь, мрак гнева того разогнать и – тогда словно солнце осветит душу тебе доброта молитвы.

Ибо скрывает темная туча солнечную красоту и светлость, погубит красоту молитвы помышление гневное.

Ступив в церковные двери, помни, что там ты вратами небесными как бы проходил, творя молитвы весь тайный час, в трепетном страхе стой, с верою глядя на происходящее очами телесными и духовными, тогда и сам переменишь мысли земные на будущие блага.

Видев Христа, закалаемого в жертву Отцу за весь мир, что иное ты можешь помыслить, находясь во плоти, как только, руки воздев, сказать: «Слава великому твоему человеколюбию, Христе Боже!»

Размышляя же часто о многих согрешениях человека, увидишь премное и бесконечное человеколюбие Божье, какое нисходит на род человеческий и нас, согрешающих, терпит и до последнего вздоха нашего ждет от нас покаяния. Потому спешим с исповедью еще до встречи с Ним. Приди, потрудись и припади пред Господом, и восплачь пред сотворившим тебя, призови его милость, проси щедрот его, пока не опередила смерть.

Не говори: «Согрешил я много, много совершил беззаконий и не дерзаю припасть к Богу» – не отчаивайся, но уж теперь не греши, и силой всемилостивого Бога не будешь отвергнут.

Прав сказавший: «Приходящего ко мне не выгоню вон», – и потом: «Все обратитесь ко мне – я исцелю Вас, не хочу смерти грешнику». Так дерзай же и веруй, что сам Чистый – приближающегося к нему очистит.

Если действительно желаешь принять покаяние, то яви это делом: если в гордыни каешься, покажи смирение, если в пьянстве, покажи воздержание, если в любодеянье, покажи чистоту. Ведь сказано: «Уклонись от зла и сотвори добро».

Но не медли в греховной тине. Внезапно поймешь и вздохнешь, но не будет слышащего: когда неожиданно ангел перед очами предстанет, враги твои, словно облако, скроют тебя.

Внимай душе своей, ибо она одна у тебя, время жизни одно и неведом конец, и непреходима пучина воздуха, наполненного врагами твоими, и нет никого, кто спасет, кроме добрых дел, – так что всей силой твоею их и взыщи.

Вступи на стезю добродетели, быстро пойдя, пока не наступит вечер, подступая к вратам града вышнего, не отклоняясь ни вправо, ни влево, чтобы не заблудиться в пропасти мучений.

Пред епископами и пастырями овец словесных стада Христова голову свою преклоняй и припадай к их ногам, и моли,

чтобы дали тебе благословение.

Пресвитеров и иереев Христовых, представителей тайной его трапезы и дробителей тела его всякою честью почти и со страхом взирай на них.

Затем диаконов и иподьяконов, и чтецов как служителей Божьих: с верою думай о них, стараясь никому из них ни в чем не вредить.

Ведь если стоящих перед земным царем почитаешь во страхе, боясь и словом им противоречить, то что подумаешь ты о слугах царя небесного?

В домах святых монастырей потрудись, посмотри на житье и устройство там устава и чина. Глядя на их пребывание, раскаешься в своем житье и тем исправишься потом.

И с теми, кто пребывает в затворе, не ленись общаться, ищи их молитвы, проси благословения, а если есть что у тебя из потребности для тела, им принеси – и примешь тогда душевную помощь.

Но больше всего старайся, как бы не пройти мимо монаха без поклона, ибо если только одним знакомым кланяешься и чтишь их, то это только по дружбе, не из почтения к образу, ими носимому.

В результате всего сказанного: возлюбишь Господа всею душою, и страх перед ним да пребудет в сердце твоём.

Будь и праведен, и правдив, смирен, кроток, покорен, долгу склоняясь, ум простирая к небу, умилен пред Богом, а к людям приветлив, опечаленного – утешитель, терпелив в напасти и нищете, щедр и милостив, нищим кормитель, странноприимник, скорбен греха ради, весел о Боге; постись и жаждай, кроток, робок, покорен, неславолюбив, не златолюбец, но друголюбец, не горд, трепетен перед царем, готовый к его повелениям, в ответах мягок, частый молитвенник, разумный труженик Бога, не осуждающий всякого человека, защитник обиженных нелицемерный.

Дитя Евангелия, сын воскресения, наследник будущей жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Поучение Исихия, пресвитера Иерусалимского

Всегда имей страх и любовь к Богу и чистое ко всем сердце.
Что бы ты ни делал, знай, что сам Бог над тобою стоит.

Радуйся, творя добро, но не возносись, чтобы не утонуть при спокойной воде.

Знай, что насколько ты преуспеваешь в законе, настолько ты отстаешь в совершенстве.

Всякого дела конец перед началом его рассматривай день и ночь, и помни всегда о последнем дне.

Никогда не водись с теми, кого, ты видишь, порицают хорошие.

Старайся никому не вредить в его деле.

Не радуйся цветущему в мире сем, ибо все как цвет травный: только сорвешь – тотчас увядает.

В печалях благодари Бога, и ярмо грехов твоих облегчится.

Смотри на себя, иных не осуждая, ибо много и в нас того, что осуждаем в других.

Пусть псалом всегда будет в устах твоих, ибо Бог, поминаемый словом, прогоняет бесов.

Молитва твоя пусть будет с разумным смыслом, чтоб не молиться так, как негодно Богу.

Всегда поминай Бога – и будет ум твой как небо.

Прикуси язык свой: часто он то выдает, что лучше таить.

Добродетели не выставляй свои, пусть лучше будет больше свидетелей твоему житию.

Лишь столько дай телу, сколько требуется, но не сколько захочет.

Не наслаждайся чрезмерно, ибо склонность к наслаждению привязывает к жизни, от нее же рождается враждебность к Богу.

Отвращайся от житейских радостей: на них поскользнется тот, кто ищет спасения вечного.

Все, в чем согрешил, со стенаньем вспоминай, это дает облегчение.

Приобщайся служенью святым, ибо ими ты приобщишься к Богу.

В церковь как в небеса ступай, в ней не болтай, не помышляй о земном.

Лучше всего имей достаточное, Богу доверь заботиться о том, чтобы всегда ты пользовался изобилием.

Плоти препону твори благими трудами.

Мед пей помалу, и чем меньше, тем лучше: не споткнешься.

Гнев утоли, ибо отец он бесу, если без меры исходит.

В болезни прежде врача прибегай к молитве.

Попов одинаково всех чти, а к помощи славных подвижников прибегай.

Божии дома люби, и сам постарайся создать Божий дом.

В церкви часто бывай, освобождает нас это от внешних суе.

Когда молитву творишь, ум возведи к Богу, а если сникнет, снова его вознеси ввысь.

Не утомляется ум, злые помыслы порождая, – так выметаи же злые мысли, добрые – сей.

Возрадуйся смирением, ибо та вусота, что от смирения, непобедима, и в этом – величие.

Трудись до тех пор, покуда не начнешь обуздывать плотские желанья.

Помышляй о красоте небесного благолепия, и не будет привязанности у тебя к земному, и красота земная на ум тебе не придет.

Знай, что земные помыслы – вражие семена. Лишь оставлены эти мысли, тотчас бесы, напасть готовые, посрамятся.

Уклоняйся от частого смеха, ибо он расслабляет душу, ослабивший же узду закона становится необузданным.

На дела следует душу направлять и на молитвы, и тогда не отыщет входа в нас дьявол.

Обычным делом почитай чтение книг: ибо когда захочет кто ум с языком исцелить, пусть всегда обращается к книгам.

Когда же на дело простираешь руки, пусть язык твой поет, а ум твой молится, ведь просит нас Бог всегда о нем помнить.

Всякое дело отмечай молитвой – раздвоеньем твой ум от того не смутится.

Праздный же да не ест, но снова мы видим: иные из вас бесчинно бродят, не делая ничего, но притворяясь работающими.

Любящий труд без печали пребудет, начало гордыни – не потрудиться с близким посильно; выходя на работу – скажем, не много, но усердно выполним то, ради чего пришли.

Мать пороков – леность: добродетели, если есть, украдет, а которых нет – не даст обрести.

Если хочешь, чтобы дело рук твоих божественным было, а не земным – пусть будет делом с убогими вместе.

Радуйся о молитвах святых мужей. Святых познавай по делам их: всякий овощ по плодам познается,

Беззlobен будь сердцем, а телом чист; то и другое составит в тебе Божью церковь телесную.

...

Когда тебя оклеветают, подумай, что в клевете справедливо, и если нет ничего, уподобь клевету исчезающему дыму.

Когда обижают тебя, прибегай к терпению, и твое терпение поразит обидчика твоего и все устроит.

Когда богатство или славу предвидишь, вспомни, что тленно все, и тем избежишь крючка жизни сей.

Терпи несчастья, ибо в несчастьях цветут добродетели, точно в терниях цветы.

Оплачь же грешника, в богатстве живущего, ибо судный меч на себя готовит.

Если кто-то, зло творя, за него не стыдится – тяжки его раны, безнадежен становится он.

Как часто ни будешь ты в горести, подумай, сколько праведникам насылалось бед – и прибудет тебе их талант.

Каждому христианину надлежит смирение, если же пред одним смиряться, а пред другим нет, – это смирение лицемерных.

Не разговаривай со злыми, ибо они поучают тебя на злое, и с приближением к ним их же греху приобщись.

Слушать добрых всегда и беседовать с ними старайся, ибо они подвигают на битву добрую душу.

Как церковь домашнюю каждый из нас имеет свой ум, чтоб исполнять в ней потребные церкви законы.

Тогда возненавидишь порок, когда поймешь, что он – нож беса, на нас наточенный.

Когда со святыми беседуешь, вопрошай их о духовном, а когда не с ними, то сам о духовном беседуй.

Кто не твердо живет, с тем не советуйся, а кто злему радуется, тот ненавидит добро и совета о нем не захочет дать.

Если хочешь избежать вечной муки, никого не осуждай и не клевети ни на кого: за это Бог больше всего и гневается.

Хочешь подняться выше любого греха, взглядишь в других: ибо много такого в тебе, что в другом осуждаем.

Избегай надменности, человек, даже если ты и велик: удаляясь от Бога, себя обрящаешь ли?

Возлюби смирение, даже если ты и велик, чтоб в день последний тебя возвысили.

Не осуждай никогда человека – и не будешь осужден в этой жизни.

Когда идешь в церковь, пустяками не развлекайся, ведь когда стоят перед князем, не смеются, не потешаются.

Не смейся над чужим падением, иначе и сам скоро, пав, высмеян будешь теми, от кого не хочешь насмешки.

Сохраняй все это учение – и пребудешь в венце славы.

Твердо следуй этим заповедям – и сотворят тебя славным среди людей и Богу угодным, ибо славится так Божество, и этим можно ему угодить.

Подобает так жить и идущему к вечной жизни, ни во что вменяя тленное.

И, если чаешь истинной жизни, всегда ожидай смерть человеческую.

Возненавидь эту жизнь, ибо видишь, что вертится колесом она.

И выше всего почитай свою душу: славный труд и без устали она для тебя совершает.

Все здесь тленно, и только душа нетленна, а чтить подобает нетленное больше, чем тленное.

Не проси у Господа славного, но проси лишь полезного: ведь славного даже попросишь – не даст, а если и даст, оно истлеет.

Не радуйся о богатстве, ибо его печали удаляют от Бога, даже если и не хотим этого.

Не отвергай никогда убогого, который плачет, – и не отринутся слезы молений твоих.

Воздержаться нужно от пьянства, ведь за отрезвлением следуют стоны и раскаяние.

Помыслов сластолюбивых лучше гнушаться, ибо они растлевают душу и плоть оскверняют.

И земное добро без труда не творится, отчего же избегаем труда благословенного?

Если хочешь без труда добро творить, помни, что труд этот временный, а награда вечная.

Свят дом молебный, потому что свято святое приводит к нам.

Если сеешь нищим в руки, сей не чужое, но свое: ибо чужое семя горьче плевела.

Если стремишься к небесному, отринь земное, ибо не даст оно ввысь воспарить.

Мать благого – чистота и милостыня: ни без той, ни без этой нельзя Христу послужить.

Не пренебрегай ни любовью, ни милостыней: это они к нам благого Бога с небес свели.

Не презирай и сосуда непорочного, ибо Творца во плоти представил он людям.

Не пожелай чрезмерно ни богатеть, ни славиться, ибо все это тленно, мы же – нетленны.

Не над мертвым плачь, над неразумным, ибо тому общий для всех путь, а у этого своя воля.

Оплакивай грешащего, а не убогого, ибо этого ждет венец, а того – мучение.

Говори Богу много, а людям мало, требованиям же закона следуй и там и тут.

Омовение души – благомолитвенная слеза, но после молений припомни, ради чего прослезился.

Не завидуй жизни богатых, у сильных сильней испытания будут и тем страшнее их Судия.

Если сами себя осудим – и Судия не прогневается, ибо радуется Благой, видя грешника, бремя свое бросающего.

Как тяжело в путях состязаться, так и повязанному этой жизнью тяжело восходить на небеса.

Всякое дело порочное возбуждает дьявола, и он, возбужденный, свирепо на возбудившего поднимается.

Если хочешь врага сделать немощным, то свои уменьшай грехи – и, как птица, лишенная крыльев, станет он смеха достоин.

Горе хулителю, ибо запнется его язык и не сможет отвечать Судии.

Горе нечестивому, ибо когда просветятся все, он особенно помрачится.

Горе беззаконнику, ибо к Судье яростному и праведному приступит.

Горе лихоимцу, ибо богатство покинет его, а огонь его примет.

Горе ленивому, ибо станет искать, неправедно погубив, но ничего не обрящет.

Горе блудному, ибо оскверняет ризу жениха, – пусть из царства брака со стыдом будет изгнан.

Путь к смерти в делах порочных мы видим, в нем неведение Бога, а таковыми бывают блуд, и разбой, и прочие злые дела.

Премудрость Иисуса, сына Сирахова

Всякая мудрость от Господа и с ним во веки: песок морской и капли дождя, и веки Господни кто исчислит?

Кто исследует премудрость, корень премудрости кому открылся, и смысл ее кто уразумел?

Один лишь премудр и грозен весьма, на престоле своем сидящий Господь, который создал ее и увидел, и исчислил ее, и пролил ее на все дела свои, и даровал ее всем, кто любит Его.

Начало премудрости – страх Господень, страх Господень – слава и похвала, и веселье – венец радости.

Страх Господень порадует сердце, даст веселие и долголетие.

Страшащемуся Господа благо будет в конце, и в день кончины своей благословен он будет.

Великая мудрость – страшиться Господа: насыщается тот от плодов своих, весь дом свой наполнит желаемым и житницы житом своим.

Венец мудрости – страшиться Господа: страх Господень мир украшает, здоровье дает и исцеление.

Возжелав премудрости, соблюдай заповеди, и ее тебе даст Господь, ибо премудрость и поучение – страх Господень, благословение, вера и кротость.

Не скрывай своей мудрости, ибо по словам узнают премудрость твою.

Не может неправедный гнев быть оправдан, ибо миг ярости его – его падение.

До конца вытерпит терпеливый – и напоследок получит радость; до конца утаит слова свои мудрый.

Не возносись – и не согрешишь, иначе нанесешь душе своей бесчестие, и тогда откроет Господь тайны твои и среди всех обличит тебя.

Чадю, если приступишь к служению Господу, то приготовь свою душу к напастям, обуздай свое сердце и претерпи, и не смущайся во время бед.

Все, что обрушится на тебя, – прими со смирением и терпением: как огнем очищается золото, так и люди в порыве смирения. Веруй ему – и тебя защитит, до времени потерпи в смирении – и даст тебе радость потом. И устами многих раскроется смысл его, и в немощи своей не отвергай.

Но помолись Господу, и исцелит тебя, отложи прегрешения и протяни руку, от всякого греха очисти сердце.

Страшащиеся Господа, веруйте в него – и не пропадет вам награда.

Страшащиеся Господа, надейтесь на лучшее, взгляните на прежние роды и увидите: кто, веруя в Господа, постыдился? или кто страшился его – и оставлен был? или кто призвал его –

и забыт был? – ведь щедр Господь и милостив, и простит нам грехи наши, и спасет во время печали.

Горе грешнику, вступившему на два пути.

Горе сердцу, ослабленному в неверии.

Горе вам, потерявшим терпение – как поступите вы, когда явится наш Господь?

Страшащиеся Господа не противятся словам его и пред ним смиряют души свои.

Пусть впадем мы в руки Господни, а не в руки человеков: каково величие его, такова и милость его.

Выслушайте же, чада, меня, отца, и поступайте так – и спасетесь.

Не борись против истины и невежества своего стыдись.

Не стыдись исповедать грехи свои, не иди против речного течения, не поддавайся неразумному и не восстань против сильного. До смерти сражайся за истину, и Господь Бог защитит тебя.

Не говори: «Согрешил я много, так что мне будет?» – ибо Господь терпелив и простит тебя, если не станешь прикладывать ко грехам грехи; и не говори: «Щедрость его велика, и много грехов моих он простит» – ибо есть у него и милость, и гнев, и на грешников ляжет ярость его.

Не будь скор на язык свой и медлен и слаб на дела свои.

Не будь львом в доме своем, кичась пред рабами своими.

Пусть не будет рука твоя протянута, чтобы взять, а если дать, то согнута.

Не полагайся на богатство свое и не говори: довольно мне.

Не следуй душе своей и не тверди: «Кто меня осилит?» – ибо мстящий Господь отомстит тебе.

Не жди удобного времени, чтобы обратиться к Богу, откладывая это со дня на день, ибо нежданно изыдет Господень гнев и от мести погибнешь.

Не полагайся на несправедное богатство, не поможет тебе в день Судный.

Никаким путем не иди ни с грешником, ни с обманщиком.

Утвердись в мысли твоей, и верным пусть будет слово твое.

Внимательно вслушиваясь, обдуманно отвечай, и если умный готов у тебя ответ – отвечай собеседнику, если же нет – возложи руку твою на уста твои: и слава и бесчестие – в разговоре, и язык человека – враг его.

Сплетником не слыви и языком своим не лукавь, ибо великий позор клеветникам.

В малое и великое не вникай, и из друга не становись врагом: ведь имя лукавца заслужит презрение, как грешника и обманщика.

Душа обманщика погубит обманувшего, и радость врагам своим он тем доставит.

Сладость в гортани умножит друзей, а красноречивый язык – добрую беседу.

В союзе с тобою пусть будут многие, советником же твоим – один из тысячи.

Если изберешь себе друга, то только в несчастьях, и притом не сразу доверься ему.

Ибо есть друг на время радости, он не останется в день печали твоей: и из друзей превратясь во врага, брань оскорблений на тебя низвергнет.

А есть друг – соучастник в пирах, не будет его в день скорби твоей, но в богатстве твоём останется при тебе, и к рабам твоим потянется, а если кротко это снесешь, и против тебя поднимется и от лица твоего скроется. От друзей своих отрекись – и к друзьям своим прислушайся.

Верный друг – защита твердая, и обретший его обрел сокровище: верный друг – утешение жизни.

Страшащиеся Господа его обретут.

Чадо, в юности предпочти науку – и тогда до седин обретешь премудрость.

И как пашущий и как сеющий, приступи к ней так и ожидай благих плодов ее.

В работе над ней даже если мало потрудишься, но скоро будешь есть от плодов ее.

Ибо мудрость имя ее, и не многим она является.

Слушай, чадо, и соверши мою волю, и не отвергни совета моего, и вложи ноги твои в пути ее, и в колодку ее вложи шею,

подставь плечо свое и неси ее – и пусть не будут тесными узы ее.

Всею душою своею приступи к ней, и всею силой своей исполни пути ее, исследуй и взыскай – и познаешь ее, и сам уж ее не оставишь и наконец обретешь с ней покой, и обратится в радость тебе. И станут путы ее покровом твердости, и колодки ее одеждой славы, ибо золота блеск на ней и узы ее – ожерелье из драгоценных камней.

В одежды славы облечешься ею и венец радости на себя возложишь.

Если захочешь, чадо, научишься, и если вложишь душу свою – будешь разумен, и если полюбишь слушать – всё получишь, и если преклонишь ухо свое – станешь мудрым.

Чадо, средь множества старцев встань и выбери самого мудрого, к нему подойди и все, что скажет, выслушай, и тайны разума не избегут тебя.

Если встретишь разумного, то поспеши до света к нему, и ступени крыльца его пусть сотрет нога твоя.

Не делай зла, и не постигнет тебя зло, отступи от неправды – и отойдет от тебя.

Сын, не сей на межах неправды – и не пожнешь ее семикратно.

Не проси ни у Господа власти, ни у князя места почетного.

Не оправдывайся перед Богом и больше царя не мудрствуй.

Не старайся выйти в судьи: вдруг не сумеешь побороть неправду, вдруг устроишься лица владыки и слушаешь в своем правосудии.

Не согрешай перед множеством сограждан, не изобличай себя перед толпой.

Не сотвори греха дважды – уже в одном виновен.

Не насмехайся над человеком, в горести пребывающим: ибо есть смиряющий и возносящий.

Не изрекай лжи на брата, и другу не сотвори того, чего для себя не хочешь.

Не пожелай и лгать бесконечной ложью, ибо ее постоянство – не благо.

Не смешай себя со множеством грешников, помня, что гнев Господень не замедлит.

Не меняй друзей разнообразия ради, и брата родного ради золота и драгоценного камня.

Не бросай жены мудрой и доброй: ведь ее благодать дороже золота.

Не оскорби раба, работающего старательно, ни работника, трудящегося с душою.

Раба разумного пусть возлюбит душа твоя, не лиши его свободы.

Если есть у тебя дети, их поучая, склони уже с юности шеи их.

Если есть у тебя дочери, заботься о теле их, и не оставляй их своим вниманием.

Выдай дочь – и совершишь великое дело, только мужу разумному отдай ее.

Если есть у тебя жена душевная – не выгоняй ее, а ненавидит тебя – так не верь ей.

Всем сердцем своим восхвали отца своего, и про материнские не забудь муки, помни, что ими рожден, и ничем не воздал им так, как они тебе.

Всею душою своею послужи Господу, иереям его покоряйся; всею душою своею возлюби Сотворившего тебя и слугителей его не оставляй.

Бойся Господа и почти иерея, отдай долю его, как заповедал Господь, начав с согрешивших и принесших святую жертву. Нищим протяни ты руку свою, чтобы совершилось благословение и благодать даяния перед всяким живым.

И над мертвым не откажись сидеть, не уходи от плачущих, и с печальными сетуй и не оставь посещающих, – всеми ими возлюблен будешь.

Во всех словах своих помни о конце света и Страшном суде – и не согрешишь во веки.

Не бранись с человеком могущественным, не то попадешь к нему в руки.

Не спорь с человеком могущественным, не то умножит тебе забот: многих сгубило золото и сердца до земли свалило.

Не бранись с человеком бранчливым, не подкладывай дров в огонь его слов.

Не глумись над невеждой – и не примут бесчестья предки твои.

Не бесчесть человека в старости его: и от нас ведь состареваются.

Не радуйся об умерших, помни, что все умрем.

Не отврати объяснений мудрых и по поучениям их живи, потому что из них и наставление получишь и послужишь вельможам.

Не отступись от заветов старцев, ведь и те восприняли их от отцов своих, наберись и ты из них разума, чтобы в нужное время дать ответ.

Не давай займы человеку, который тебя сильнее, ибо если дашь ему что займы, считай, что сгубил это.

Не поручайся сверх своих возможностей, а поручился – отвечай, как и дающий.

Не ссорься с судьей прежде, чем он рассудит тебя.

О приглашении со стороны сильных

Когда призовет тебя сильный – отступи, если и снова тебя призовет, не приближайся – и не отвергнут тебя, однако не стой далеко – и не будешь забыт.

Не старайся быть равным с сильным и не всем словам его верь, ибо речами он проверяет тебя; и если со смехом пытается тебя, берегись, будь внимателен, ибо ходишь рядом с паденьем своим.

Пошатнувшись, богатый утверждает в друзьях, бедный же, пав, будет оставлен друзьями своими.

Когда ошибется богатый, много заступников и словами несказанными оправдают его.

Бедный же ошибся – и наказали его, произнес разумное, – но не дали ему места.

Мерзко гордому – смирение, как и богатому мерзок – бедный.

Богатый заговорил – и все умолкли, и речи его вознесли до облаков, а бедный заговорил – и все сказали: «Что это такое?» – а если оступится, еще и подтолкнут его.

Богатство, в котором нет греха, – добро, – но в устах нечестивого и бедность – зло.

Завистливому человеку не пристало богатство: разве тот, кто к себе зол, к другому будет ли добр? Радовался ли он имени своему?

Нет хуже того, кто даже к себе скуп, и вот расплата за порок его: если добр и творит, то ненамеренно, и всегда выкажет свой характер.

Око лихоимца не насытится лихвой, а обида лукавого иссушает душу его.

Око лукавое завистливо на хлеб, но скудно за своим столом.

Нет веселия больше сердечной радости, и лучше смерть, чем горькая жизнь.

Душу свою упокой весельем и сердце свое утешь, и печаль подальше гони от себя – и не скоро состаришься.

Красна милостыня во время скорби, как и облака дождевые в жаркую погоду.

Братство и помощь во время скорби, но больше обоих – милостыня спасет. Богатство и твердость возносят сердце, но больше обоих – страх Господень.

...

Во всяком деле будь смел, и никакой порок не подступит к тебе.

Чадо, жизнью своей испытай свою душу и пойми, что ей вредно и не дай ей этого: не годится ведь все и всем, не всякая душа всему благоволит. Не пресыщайся всякою пищею и не набрасывайся на различные яства.

От многих яств возникает недуг, и пресыщенье доведет до кручины, от пресыщенья многие умерли – об этом помнящий продлит свою жизнь.

Ничего хорошего нет в том, чтобы не остерегаться суда.

Чадо, если есть у тебя добро – приноси достойное Бога подношение, помни, что смерть не замедлит, и завет ада не объявлен.

Пока не умрешь, твори другому добро и по силе своей протяни руку, подавай убогим по силе своей.

Не отказывайся от добра, и часть добра не минет тебя; и не другим ли оставишь стяжание свое, и труды твои на раздел по жребию, ведь не станешь в аду искать сласти?

Чад, не ходи на бесполезные сорища и не радуйся невеждам, то есть нечестивым; если и умножатся. Не радуйся им, если нет страха Господня с ними. Не доверяйся обманчивой их жизни, ибо вздохи и плач невидимы – и внезапно конец их постигнешь.

Ибо лучше один, чем тысячи, и лучше умереть бездетным, чем иметь нечестивых чад. Ведь и от одного разумного заселится град, тогда как поколение неразумных исчезнет: много подобного видело око мое.

Мудрый человек во всем угодит и в дни греха избежит согрешений, всякий благоразумный познает мудрость.

Разумные речами умудрились и сохранили в точности притчи.

Работник пьяница не разбогатеет.

Мед и женщины отвратят разумных, а приставший к любодейцам наглее будет.

Услышал тайное слово – пусть умрет с тобою, да и не всякому слову веру давай.

И одежда человека, и лица усмешка, и походка его – все скажут о нем.

Есть молчаливый из мудрости, есть и другой, за велеречивость отвергнутый, но есть молчаливый оттого, что не знает ответа.

Мудрый человек промолчит до времени, а множащий словеса становится мерзок, заносчивого – возненавидят.

Дар неразумного не принесет никакой пользы: ибо мало даст, но многое выбранит.

Неверный шаг по земле все же лучше, чем языка ошибки.

Устами неразумного будет отвергнута притча, ибо не скажет ее когда следует.

Злой порок человека – ложь, и в устах невежд навсегда останется.

Лучше уж тать, чем вечная ложь, но оба равно уничтожатся.

Мзда и взятка ослепляют очи мудрых, так что и зрячие не видят.

Стыд отцу за невежество от него рожденного.

Дочь же на радость будет, мудрая дочь принесет почести и мужу своему.

Отца и мужа посрамит дерзкая, и от обоих примет бесчестие.

Плачь над мертвым – он лишился света, но оплачь и безумного – разум его покинул.

Кинувший камень в птиц их отгонит, тот же, кто друга своего бранит, разрушит дружбу.

Если на друга поднимешь голос, не скорби, ибо есть примирение.

Не клянись именем святого: человек, клянувшийся часто, преисполнится беззакония, и не покинут дом его беды, и если согрешит – его грех на нем.

Человек, встающий с постели своей, говорящий в душе своей: «А кто меня видит? – и стены меня заслоняют, и никто не видит меня, так и скрою грехи свои, и не вспомнит Всевышний». Боится он глаз человека. И не понял, что очи Господни – и во тьме ярче солнца, взирают на все пути человеческие и видят в самых тайных местах, и понимают спасенные: ничего нет лучше страха Господня, и ничего нет слаще, как внимать заповедям Господним.

Стыдись отца и мать – из-за блуда, вождя и вельможу – из-за лжи, судью и князя – из-за согрешений, людей и совета – из-за беззаконий, соратника и друга – из-за неправды, места, на котором живешь, – из-за разбоя и измены правде Божьей и завету Его.

Остерегайся слов бранных на друга, но не брани их сказавшего и не стыдись за них.

И на суде не оправдывай нечестивца.

О жестокости

Одним путем не ходи с жестоким – и не поднимется на тебя, ибо поступит он по нраву своему, и в его безрассудстве погибнешь.

С яростным не спорь, и не иди с ним через пустыню, ибо кровь для него – ничто, и когда не будет помощи, тут же уничтожит тебя.

С глупцом не советуйся, ибо не сможет он слова сдержать.

Пред чужими не совершай ничего тайного, ибо не знаешь, как поступят с тобою.

Не являй своего сердца всякому человеку, чтоб не вознес он тебе хвалы.

Женщине не открывай души своей, не дай наступить ей на твердость твою.

Не встречайся с женщиной блудной, и не впадешь в ее сети.

На деву не взглядывай, не то соблазнишься ее чарами.

Не дай блудницам души своей и не погубишь наследия своего.

Отврати очи свои от красивой женщины и не любуйся чужой красотой, ибо в женской красоте погибли многие, и похоть от нее огнем распаляется.

С замужней никогда не сиди и не беседуй с нею по какому-либо поводу: а вдруг как душу твою привлечет – и духом своим поскользнешься в большую беду.

Не завидуй славе грешника, ибо не ведаешь, как он погибнет.

Не оставляй старого друга, ибо новый его не заменит.

И с мудрыми советуйся, и с разумными входи в размышление, и все дела твои идут по законам Всевышнего.

Мужи праведные пусть вкушают с тобою, и в страхе Господнем будет хвала тебе.

Мудрый судья научит людей своих, и власть разумного пусть установится; каков будет судья к своим людям, таковы же и слуги его.

...

Не держи гнева на ближнего своего, не принимай участия во вредных делах; ненавистна и Богу и людям гордыня, и в обоих случаях согрешает несправедливость.

...

Несправедливо укорять разумного бедного, и не следует славить мужа грешного.

Сам Бог вначале сотворил человека и оставил его в деснице воли своей. Если пожелаешь, соблюдешь заповеди и исполнишь веру благоволения.

Предложил тебе огонь и воду: протянешь руку к тому, к чему захочешь.

Пред человеком жизнь и смерть – и то ему дастся, что он выберет: велика мудрость Господня.

Крепок силой Всевидящий, и очи его – на страшящихся его, и ведаёт он все дела человеческие.

Заповедал никому не быть в бесчестье, никому не попустил согрешать.

Обращаясь к Богу, воздержись от греха, отвратись от неправды и отрекись от скверны.

И пока ещё ты не впал в недуг, смири себя, а в грехах обратись к Господу.

И не медли воздать молитву вовремя, и приготовь себя, не будь человеком, искушающим Бога, помни о гневе его в день кончины своей.

Лучше обличать, чем гневаться.

Обличи друга: часто находит клевета; и не всякому слову веру давай.

Изречения

Премудрый словами руководствуется, и мудрый человек всегда полезен вельможам.

Лучше человек, скрывающий свою необузданность, чем скрывающий мудрость свою.

...

Издали познается сильный по своим речам.

Умный знает, на чем поскользнется.

Сердце вспыльчивого как утлый сосуд: никакого разума не удержит.

Если мудрое слово услышит разумный, оценит его и к себе применит.

Глупый со смехом возвысит свой голос, мудрый же человек едва улыбнется.

Душу свою оскверняет сплетник.

Что тот, кто чинит сосуд разбитый, то и учащий глупого.

Кто скажет глупцу – пусть в конце переспросит: «Что я сказал?»

Две вещи грехи умножают, а третья наводит – это гнев.

О женах злых и добрых. Всякое зло мало против зла отженщин, жребий грешника пусть выпадет ей.

Жена лукавая – язва сердца.

От женщин начало греха, из-за нее умираем все.

Не разрешай жене на тебя наговаривать, и если не ходит она под рукую твоей, отсеки ее от плоти своей.

У доброй жены блажен муж ее, и число его дней удвоится.

Жена хорошая радует мужа своего и годы жизни его наполнит миром.

...

Мудрую жену не просто найти.

У женщин редко узнаешь правду.

О жене лукавой. Предпочти жить со львом, чем с женой лукавой.

Лукавство женщины изменяет вид ее, и омрачает лицо ее.

...

Подобны хватающим тень и бегущим за ветром те, кто верит в сны.

Дух боящихся Господа будет жить, ибо их надежда на спасающего их, страшщийся Господа ничего не убоится, ибо очи Господни обращены на боящихся его.

Благословенье Господне – отступить от греха, и очищение – отринуть неправду.

Приносящий жертву в неправде – приношение его не примут, и даже множеством жертв не простится грех.

Как закаляющий сына пред отцом его, так и несущий жертву из средств убогих.

Ибо хлеб их – плоть и жизнь их, и тот, кто лишает его, есть человек, проливающий кровь.

Каков же проливающий кровь, таков и удерживавший плату наемнику.

О десятине. Не являйся пред Господом пуст, ибо – по заповеди: приношение праведного умаслит алтарь и благоуханье его пред Всевышним.

Благоприятна жертва от мужа праведного, и память его незабвенна будет: оком благим восславил он Господа и не умалил начатка рук своих.

...
Дай Всевышнему подаяние, ибо Господь воздающий семижды воздаст тебе.

...
О златолюбце. Возлюбившие злато не спасутся, возлюбивший тленное сам пресытится: многие пали из-за золота и была их пагуба перед лицом их.

Блажен в богатстве, кто беспорочен, кто не идет вслед золота; кто таков – такого восславим, ибо дивное создал он средь людей своих.

И кто искушен им был и не поддался – да будет славен.

Кто мог бы преступником быть и не стал им, мог зло сотворить, но не сотворил – да увеличится благо его и о милосердии его поведает церковь святая.

Кто Бога страшится, того не настигнет беда, а если впадет в напасть, то Бог его выручит.

Разумный человек доверяет закону и ходит по Христовым заповедям, и закон его прав.

Бояре и судьи славные, но нет средь них ни единого выше того, кто страшится Господа.

Рабу разумному и свободные служат.

Не мудрствуй, делая дело, и не хвались в годину тяжелую.

У недоброжелательного друга и у врага не проси совета.

...
Раскрывший тайну утратил доверие, он не сыщет друга по душе своей.

...
Мудрость кроткого возвысит главу его и среди вельмож усадит его.

Пока не услышишь – не отвечай, и не вмешивайся в беседу, и в совете бесчестных не восседай.

...
И по детям своим человек виден.

И не всякого человека в дом свой введи: остерегайся злодея, ибо творит он зло.

...

Если хорошо человеку, то в печали враги его.

Не доверяй врагам своим во веки.

Ведь только когда заржавеет медь, тогда и злоба врага пройдет; но если смирится он и пойдет поникши, будь бдителен и берегись его, тогда станешь ты для него чистым зеркалом.

Но не оставь его возле себя, чтобы, изгнав тебя, не занял твоего места. Не ставь его и по правую руку, чтобы не отнял он места твоего, – вот тогда и поймешь мое слово и речам моим возрадуешься.

Устами своими услаждает враг, а сердцем своим советует свергнуть тебя в яму.

Очами своими прослезится враг, а наступит время – не насытится кровью.

И если настигнет тебя беда, он тут же окажется первым, как бы помогая, он поставит тебе подножку, и головой покивает, и восплещет руками своими, и сплетни распустит, и изменит лицо свое.

Раньше времени не возносись, и с теми, кто крепче тебя и богаче, не общайся: какое уж общение горшку с котлом – ведь этот прикоснется, а тот рассыпется.

Богатый обидит, и сам же прогневается, бедный же, обиженный, и сам извинится. Если есть у тебя что-то, пребудет он с тобою, если же нет, обольстит тебя, и насмеется над тобою, и проговорит приятно, и скажет: «Да есть ли что-то, что нужно тебе?» – и посрамит тебя едой своей, пока не истощит тебя вдвое, и напоследок обзовет шутком, взглянет на тебя – и оставит тебя, головою качая.

Внимай, мой сын, и не забудь, чтобы не осрамиться в веселье твоём.

О вине. Не увлекайся вином, ибо многих погубило вино. Горесть души – в гневе и с клеветой выпиваемое без меры вино.

На пьяном пиру не охаивай ближнего и не мешай ему в веселье его.

Если старшим над другими поставили, не возносись, будь для всех как один из них.

Если что услышал – не выноси на сторону, безрассудно на пиру не мудрствуй, будь как тот, кто знает, но молчит.

Среди вельмож не равняйся с ними, и пока другие молчат, не торопись говорить, ибо муж в совете не отвергнет раздумия.

Без совета ничего не делай, а когда совершишь – не раскайся.

Не советуйся с недоброжелателем, а от искушающих тебя утай намерение.

Не советуйся с трусливым о рати, с купцом о прибыли и с покупателем о купле, и с завистливым о похвале, и со злыми о милосердии, и с рабом ленивым о хорошей работе, – и даже не приступай к таким ни за каким советом.

Пребывай с благоверным мужем, если узнаешь, что он соблюдает Божьи заповеди: согрешишь – он тебе сострадает, сердечным советом поможет.

Бывает, разумный муж учитель другим, однако о душе своей не заботится.

Но бывает другой человек, для души своей мудр, и надежен плод разума в устах его.

Мудрый муж наставит людей своих.

О мертвых. Чадо, слезы свои источи над мертвым: возрыдай, точно в тяжком страдании и, как положено, тело его накрой, и не пренебреги его погребением.

Горький плач начинай и рыдай день иль два, чтобы избегнуть хулы: ведь от горести смерть наступает, и сердечное горе сломит твердость души.

Вспомни закон, он таков: «Мне – завтра, тебе – сегодня».

Подумай о нем при исходе души его и утешься, ибо печалью и скорбью ему не поможешь.

Сердце твое утром пусть устремляется к Господу, тебя сотворившему, перед Вышним молись, отверзая уста свои на молитву; и о грехах своих помолись, и помоги убогому.

Печаль великая от века людям была дана.

Именье неправедных точно ручей пересохнет.

Чада грешников в скверне пребудут, живя советами нечестивых.

Погибнут потомки чад грешников, позор будет с семенем их.

Укоряют детей за отца нечестивого, за него примут они позор. Дети грешников не пустят корней.

О почитании родителей. Восславил Господь отца за детей его, и суд правый матери основал за детей ее.

Чтущий отца искупил грехи, и, обогащаясь, прославит мать свою.

Чтущий отца будет счастлив в чадах, и в час молитвы своей он будет услышан.

Прославляющий отца получит долгую жизнь, и внимающий Господу упокоит мать свою, и как владыкам послужит родившим его: делом и словом чти отца своего, чтоб получить благословение, ибо отчее благословение укрепляет чадам дома, а проклятие матери разрушает их до основания.

Не хвались бесчестьем отца своего, ибо нет похвалы от бесчестья; похвала человеку по чести отца его и позор детям – мать в бесславии.

Чадо, отцу помоги в его старости и не огорчай его при его жизни, а если теряет разум – не попрекай и не укоряй его в силе твоей.

Благодеянья отца незабываемы – против грехов укрепят тебя, и в день печали твоей напомнят тебе о себе, и, как жар на морозе, так растают грехи твои.

Сколь бесславен забывший отца своего и проклят Богом огорчающий мать свою.

Чадо, годы свои проводи в кротости – и возлюбят тебя люди.

...

Пламя огня угасит вода, а милостыня искупит грехи.

Чадо, не лишай нищих хлеба и не минуй очей умоляющих.

Души алчущей не оскорби, не обидь человека в бедности его.

Сердца обиженного не раздражай, не пронеси подаяния мимо нуждающихся.

Раба скорбящего не отгоняй и не отврати лица своего от нищего.

И от просящего у тебя не отводи очей.

Не дай повода человеку проклинать тебя: если кто клянет тебя в горести души своей, услышит мольбу его Сотворивший его.

...

Похвала премудрости

Премудрость восхвалит душу свою и посреди людей своих похвалится, и в церкви Всевышнего уста свои отверзет.

...

Мудрость тремя украсилась делами и тем прекрасна: миром между людьми и Богом, любовью между близкими, и пахарем, что трудится в поле; и три человека душе моей ненавистны, и омерзительна жизнь их: бедного гордого, и богатого лживого, и старца, ослабшего разумом, – ведь чего не собрал ты в юности, как сможешь то обрести ты в старости?

...

Святого Василия, каким человеку следует быть

Хорошо человеку, и лучше всего – в жизни не слишком предаваться богатству, но соблюдать воздержание телу, украшение нраву, голосу ласковость и доброту, есть и пить с воздержаньем и молча.

Пред старцами – молчание, пред мудрыми – послушание, с равными дружбу иметь, с младшими – дружеское согласие.

Плотских сладострастных дел избегать, меньше говорить да больше понимать, не дерзить словами, не перечить людям.

Не вдруг рассыпаться смехом, сохраняя стыдливость, очи долу держать, а не ввысь, не спорить.

Быть до смерти послушным, трудиться до смерти, всегда поминая ужасное – второе пришествие и день смерти.

Радоваться в надежде, непрестанно молиться, Бога благодарить за все.

В скорбях терпеть, со всеми смиренным быть, надменности избегать, пребывать в благоговении.

Сердце хранить от помыслов злых, собирать богатство на небесах, соблюдать закон, возлюбить всем сердцем и Господа,

и ближнего, как самого себя.

И самому вопрошать себя о помыслах и о делах каждый день.

Не опутываться дурными словами, не подражать житию ленивых, но следовать жизни святых отцов.

Радоваться с достигшими добронравия и никому не завидовать, со страждущими страдать и с плачущими рыдать.

Лучше быть осужденным, чем осуждать, тем более не порицать спасающегося от грехов.

Никогда за праведника не выдавать себя, признавая себя грешником пред Богом и перед людьми.

Поучать неведающих, ободрять малодушных, служить больным, омы-вать ноги святым.

О странниках братски заботиться, с единоверными мир иметь.

Еретиков отвращаться, книги канона почитать, а в апокрифы не вникать никогда.

Об Отце и Сыне и Святом Духе ничего не выведывать, но единосущную святую Троицу смело призывать.

Креститься следует, как это принято, и никогда не клясться, не давать серебра своего за процент, и ничего иного для преумножения пищи.

Избегай пьянства и скорбей этой жизни, никогда ни о ком не говори за спиной его.

И никогда не прислушиваться к клевете, но все самому проверить и никому на слово не верить.

Не распаляй себя гневом, избавляясь от такого желания, без нужды не гневись на ближнего.

Ваша ссора – лишь до захода солнца. Ни гнева нельзя держать ни на кого, ни воздавать злом за зло, ни клеветою за клевету.

Но лучше быть оскорбленным, чем оскорбить, обиженным быть, чем обидеть, лишенным, чем лишать.

И больше всего человеку следует воздержаться от разговоров с женщиной и от бесстыдных слов, ибо вино и женщины совращают и мудрых.

Заповедями не пренебрегать, но надеяться на награду и славу от Бога, вечной жизни желать – и принять ее.

Всегда пред очами держи Господа: как сыну – любить его всем сердцем и твердостью разума, и как рабу – страшиться его, трепетать и служить ему.

Страхом и трепетом спасенье свое добывать, духом гореть и стремиться без лени стать во всеоружии Святого Духа.

И сражаться с бесом-врагом до гибели плоти, до изнеможения духа, все нужное исполняя и ничего не прося для себя, благодарить за все Бога.

И никому не завидовать, избегая лести – ведь Бог рассыпал кости льстецов, и ни в коем случае не похваляться.

Ни сам себе не возноси хвалы, ни к похвалам не прислушивайся, ибо следует все делать втайне, не на глазах у людей, и только от Бога просить похвалы и милости.

Помнить об отшествии отсюда, о приготовленных благах для праведников, как и об огне, готовом для дьявола и его бесов.

Слово апостольское припомнить о том, что страсти жизни земной не достойны тех, которые явятся в будущем, и повторить за Давидом: «Соблюдающим заповеди Его – великое воздаяние», и венцы многие праведникам, вечные кущи и жизнь бесконечная, радость неизреченная от Отца и Сына и Святого Духа.

С царями и патриархами, с пророками и апостолами, с мучениками и со всеми, им угодившими, – с ними постараемся мы обрести Христа Иисуса Господа нашего, которому слава ныне и присно и во веки веков.

Из Ксенофонта, который сказал двум сыновьям своим

Я, чада, вам говорю, кончая жизнь человеческую. Оба вы знаете, что прожил я жизнь нелукаво, всеми почтен и всеми любим не ради сана высокого, но из-за хорошего нрава.

Не укорил никого, не навредил никому, никого не оклеветал и никому не завидовал я.

Ни на кого не разгневался – ни на малого, ни на великого.

Службы церковной не пропускал: ни вечерни, ни заутрени, ни литургии.

Не отвергал я нищих, не оставил странников, заботился всегда о печалующихся и тех, кто сидит в темницах, все нужное им доставляя, а тех, кто в плену, – избавлял.

Не помыслил я на красоту чужую, не познал другой женщины, кроме матери вашей, да и ту, пока родила она вас, а потом уж ее не познал я, но советовались мы с ней обо всем с чистой совестью телесно и по Господней мудрости в чистоте соблюдались согласно православной вере; так поступал я до смертного часа.

Так живите и вы, мои чада, тогда и вас наградит Господь и даст вам долгую жизнь.

Посещайте бедных, вдовиц защищайте, немощных милуйте и осужденных невинно освободите, живите со всеми в мире.

Но больше всего – с теми, кто в пустыни и в пещерах, и в ущельях земных – творите добро им.

Помните о монастырях, слушайтесь и почитайте черноризцев, милость им даруя.

Мать свою почитайте и поступайте по-доброму с ней, тогда узрите Господа в радости и возвеселитесь о том во веки.

Все, что имеете в золоте, серебром и одеждами, отдайте неимущим, и тех, кто в рабстве, как детей своих возлюбите – и юных помилуйте, старых – освободите, пищу до смерти давая им, да просто скажу: видели вы, как я поступал, то делайте также и вы – и спасетесь и уподобитесь святым.

Матери – не забывайте, волю ее исполняйте, ей повинуйтесь в страхе Господнем.

Знаю я, что Господни заповеди исполняете, совершая его дело, и пусть будет с вами Бог мира сего. Аминь.

...

О милостивом Созомене и о том, как подающий нищему сторицею получил

Жил в Иерусалиме один человек по имени Созомен. Однажды шел он по городу и увидел нищего, нагого и печального; сняв с себя, отдал ему одежду свою и пошел в дом свой. А день склонялся уже к вечеру.

И лег; немного поспав, увидел во сне, что находится в прекрасном дворце, а в нем ослепительно яркий свет и много

различных цветов, и растения всякие.

И тут же увидел другие сады, поросшие сверху донизу плодами, благовонными и прекрасными, а ветви склонились до земли, одна прекрасней другой.

И самые разные птицы сидели на их вершинах, распевая сладостную песню, друг друга к себе призывая в неумолчном пении.

Так что слышался голос от земли до небес, и колыхались деревья, стоящие в славе великой, и протекали источники, и радуга поднималась во всей красе.

И вот он видит: подошел к нему юноша некий, прекрасный, и сказал ему: «Ступай за мною». И пошел он вослед ему, и вошли они оба в колонный зал, весь покрытый золотом, с прекрасными в нем палатами славными. И пока озирался там Созомен, выступили вдруг из палат тех мужи крылатые, солнцем блистающие, неся четыре ларца, и у каждого ларца их четверо.

Когда же пречудные эти двери уже миновали ангелы, постиг Созомен, что это к нему они приближаются, ибо уже вошли в колонны зала и стали напротив Созомена.

И, опустив с плеч ларцы и поставив их, стали ждать кого-то, видимо старшего, кто должен еще прийти. И увидел Созомен: вот муж, прекрасный и в светлом образе, вышел из тех же палат, подошел к ангелам, подносящим ларцы, и сказал им:

«Откройте ларцы, покажите их человеку тому, какие для него хранятся одежды – за одну ту одежду, которою одарил он нагого».

И тотчас открыли один из этих ларцев золотых, и стали выкладывать – сорочки и одежды царские, и прекрасные длинные одежды, различные видом, и расстилали пред ним, говоря: «Вот господин Созомен, нравится ли тебе все то, что перед твоими глазами?»

Он отвечал: «Недостоин я и на тень от одежд этих глядеть!» Показали ему и белые, и цветные, и золотые ризы, и дошло их число до тысячи.

И когда показали ему, согласно сказанному «Сторицею получит и вечную жизнь наследует за единую одежду», – сказал

ему ангел: «Тебе говорю, Созомен. Смотри, сколько я приготовил тебе за единую свитку твою, за то, что увидел меня нагого, и пожалел, и меня одел – иди, и поступай так, и воздастся тебе сторицею!»

Слышав это, сказал Созомен ему в страхе, радостью одержимый: «Да так ли бывает тем, кто милостыню подает убогим?» – И ответил ему: «Ей! ибо всякий, одевший убогого, Христа облачит, и всякий, его раздевший, с Христа совлечет. Или: его накормивший, Христа накормит и примет.

И вот тебе заповедаю: никогда не жалея о милостыне, нищего не порицай за то, что ты дал ему, иначе вместо награды сугубый убыток потерпишь, ибо всякий, подавший милостыню и о ней пожалевший, награды лишится».

Услышав все это, Созомен очнулся и, удивляясь чудесному видению, размышлял, говоря: «Если так это, то и вторую отдам я одежду нищим». И на другую ночь видел от тот же сон.

И был он очень добр к нищим, так что прослышали все края земли о милостивом его житии и щедрости ко всякому человеку, и был он угоден Богу и людям.

Кто пожелает добровольно и с легкостью без труда спасти свою душу – милостынею может ее спасти, ибо тот, кто о нищих заботится, Богу займы дает, и сеющий с благословением – с благословением и пожнет вечную жизнь.

Как сам Господь говорит в Евангелии: «Блаженны милостивые, ибо помилованы будут». Богу нашему слава, и ныне.

Закончены книги эти рукою грешного Иоанна; избранные из многих книг княжеских. А где ошибки, братья, там, исправив, читайте: благословите, а не кляните. Аминь.

Кончил я книжки эти в лето 1076-е при Святославе, князе Русской земли. Аминь.

* * *

Слово нѣкоего калугера о чьтении книгъ⁷⁹¹

Добро есть, братие, почетанье книжное, паче вьсякому хрьстьяну, блаженей бо, рече: «Испытаюштии съвѣдѣния Его вьсьмь сьрдцьмь вьзиштють Его». Чьто бо, рече, «испытуюштеи съвѣдѣния Его»? – Егда чьтеши книги, не тьштися бързо

иштисти до другыя главизны, нъ поразумѣй, чѣто глаголють книги и словеса та, и тришѣды обращайся о единой главизнѣ. Рече бо: «Въ сѣрдьци моемъ сѣкрыхъ словеса твоя, да не сѣгрѣшу тебѣ». Не рече «усты тѣчю изглаголаахъ», нъ «и въ сѣрдьци сѣкрыхъ, да не сѣгрѣшу тебѣ», и поразумѣвая убо истиннѣ писания, правимъ есть ими. Реку же: «Узда коневѣ правитель есть и въздѣржаніе, правѣднику же книги я».

Не сѣставитъ бо ся корабль безъ гвоздѣй, ни правѣдникъ бесъ почитанія книжныаго, и якоже *плѣньникомъ* умъ стоитъ у родитель своихъ, тако и правѣднику о почитаніи книжнѣмъ. Красота воину – оружіе, и кораблю – вѣтрила, тако и правѣднику – почитаніе книжное. «Отъкрый бо, – рече, – очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона Твоего» – очи бо глаголетъ размыслъ сѣрдьчынъ и прочее; «Не сѣкрый отъ мене заповѣдий твоихъ», – разумѣй, яко не отъ очю сѣкрый, нъ отъ разума и сѣрдца. Тѣмъже и похули не поучаюшася, глаголя: «Прокляти уклоняюштеися отъ заповѣдий Твоихъ». Тѣмъже и самъ ся похвали, глаголя: «Коль сладѣка словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, паче тысящъ злата и сребра». И възспѣтъ, глаголя: «Воздрадуюся азъ о словесехъ твоихъ, яко обрѣтая користъ многу» – користъ бо нарече словеса Божія, глаголя, яко: «Обрѣтохъ недостойнъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесемъ твоимъ днь и ношть», – то мы, братія, поразумѣимъ и послушаимъ разумными ушима и поразумѣимъ силу и поученіе святыхъ книгъ.

Послушай ты житія святааго Василия и святааго Иоанна Златоустааго, и святааго Кирила Философа, и инѣхъ многъ святыхъ, како ти сѣпърва повѣдають о нихъ рекуште: измлада прилежааху святыхъ книгъ, тоже и на добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятъкъ добрымъ дѣломъ поученіе святыхъ книгъ! Да тѣми, братія, и сими подвигнѣмъся на путь житія ихъ и на дѣла ихъ, и поучаимъся въину книжнымъ словесемъ, творяще волю ихъ, якоже велятъ, да и вѣчныя жизни достоиніи будемъ въ вѣкы. Аминь.

Слово нѣкоего отъця къ сыну своему, словеса душепользная⁷⁹²

Господи, благослови!

Сыну мой и чадо, приклони ухо свое, послушай отьця своего, съвѣтуюштааго ти спасная.

Чадо, приближи разумы сьрдьця своего и вѣнуши глаголы родивѣшааго тя, не суть бо на вѣдѣ души своей, нѣ аште разумнѣя и имеши я, то къ цѣсарьству небесьному вождити будутъ.

Простѣри сьрдчньи съсудѣ, да накаплють ти словеса слажьше меду, могуштая оживити и бесѣмьртна явити тя.

Нѣ отъ чесо пѣрвое начѣну казати тя, сыну мой, чѣто ти пѣрвѣе явлю: мятежъ ли или зѣлобы свѣта сего – житие ли богоугодно и спасно?

Паче же бы нама лѣпоты мыслити, о чадо, отъ Адама, праотьця нашего, до сего нашего вѣка: колико множество бысть чловѣкъ по земли, и вѣси бес памяти быша, едни же памятьни быша, и прослуша на небеси и на земли, иже по заповѣдмѣ Божиямѣ вѣся дѣни своя пожиша и къ единому вышѣнему възирааху; иже въ кротости пожиша и въ добрословьи уста своя учиниша; иже малѣмѣ свѣта сего причащааху ся, вѣсю же свою *мысль*, вѣсе свое хотѣние въ бесѣмьртное житие правляаху и о томѣ единомѣ въздыхааху и моляаху *бъшью* Бога, яко достоинѣ его явити ся.

Тѣмѣ же, чядо мое, изволи си тѣхѣ житие и тѣхѣ норовы приими и порасудуй дѣломѣ ихѣ, вѣзишти кымѣ путѣмѣ идоша и коею стѣзею текоша.

...

Буди пониженѣ главою, высокѣ же умѣмѣ, очи имѣя въ земли, умнѣи же въ небеси; уста сѣтиштена, а сьрдчняя вѣину къ Богу вѣпиюшта.

Нозѣ тихо ступаюшти, а умнѣи скоро текушти къ вратомѣ небесьнымѣ; уши укланяя отъ зла слышания, умнымѣ же вѣину прилѣтая къ шумѣнию святыхѣ словесѣ, яже въ святыхѣ кѣнигахѣ писана суть.

Руцѣ съгѣбенѣ имѣй на събѣрание зѣлааго имѣния свѣта сего, простѣртѣ же на прѣятие убогихѣхѣ.

Не стыдѣся вѣсякому съзѣданому въ образѣ *Божии* главы своя покланяти, старѣйшааго дѣньми почѣстити не лѣнѣся, и покоити старость его потѣщѣся.

Съвърстники своя миромъ сърѣтай, мньшая себе съ любовью приеми, честнѣйшимъ себе не трудися стояти.

Чядо, не буди самохотю лишень вѣчнааго *жизня*, грѣха бѣжи яко ратьника, губящаго душу твою.

Не възхошти веселоваться въ мирѣ семь, все бо веселие свѣта сего съ плачѣмъ кончавається. И се явѣ видѣти въ мирѣ семь въ дѣвоихъ сусѣдѣхъ: у сихъ сватьбу творять, а у другихъ мрътвѣца плачются. И тѣ же плачъ суетьны: дньсь плачются, а утро упиваются.

Тѣмъже разумѣй суету вѣка сего и скоропадуюштю плѣть нашу: дньсь бо растемъ, а утро гниемъ.

Тѣмъже въ малѣмъ животѣ възишти вѣчныя жизни, идеже отъ сея жизни вѣсть ни скѣрби, ни въздыханія, ни плача, ни сѣтованія, нѣ радость и веселие, свѣтъ немърцяя: слѣнце – самъ Господь.

Ту жизнь възлюби, къ той по вся дѣни тѣштися и о той вѣину помышляй; буди ти съпяшту мысль възглавие помыслъ небесныя радости, вѣстаюштю же брашно память царства небеснааго.

Чядо, алчнааго накѣрми, якоже ти самъ Господь повелѣлъ, жаднааго напои, странна вѣведи, больна присѣти, къ тѣмъници доиди, виждѣ бѣду ихъ и въздѣхни.

Буди ти въ скѣрбь твою прибѣжиште цѣркы, паче же и кромѣ скѣрбии по вся часы и дѣни вѣшѣдѣ, припади къ Вышнѣюму лицемъ си землю покрый, и принуди его поминати тя, не уклонить бо ся тебе душелюбѣцъ, чловѣколюбѣцъ, но прииметь тя и утешить тя.

Цѣрковъ же разумѣвай небо суште, олтарь же прѣстолъ Вышняаго, служителя же аггелы Божія. Тѣмъже въ цѣркѣви акы на небеси съ страхѣмъ стой, яко прѣдѣ очима самого Бога; исходя же не забывай, чѣто бѣ или чѣто слыша.

Сѣтвори си въ чловѣцѣхъ кроткыи, да небесныи житель будеши;

Скѣрби о грѣсѣхъ, въздыхай о съблазнѣхъ, печалуй и о падении своемъ да очистишися, да на исходѣ душнѣмъ обрястешися бес порока;

Съмъртъ поминай въину, да та память научить тя паче вьсѣхъ, како бо жити въ малѣмъ семь времени;

Буди съмъслнь, разумѣй, что е воля Божия, что трѣбуетъ небесный царь отъ земльныхъ, что просить отъ своея твари немалыя ли и удобь творимыя милостыни? Писано бо есть: «Помилуй и да помилованъ будеши!»

Что трѣбуеть отъ насъ Богъ, вьсего блага исполненъ? Хвалы ли? но хвалятъ Его ангелы; покланяния ли? но покланяются ему небесныя силы.

Нъ *то* Того просить, еже намъ на пользу, на спасение: просить бо милостиня, желаетъ кротости, любить миръ. Тѣмъже ты, чадо, Оного волю сътвори въ малѣ, и Онъ твою волю въ вѣкы: даруй малое – и възьми вѣчное, дажь едино – възьми сторицею; присвоися Бозѣ, да врагомъ си видимымъ вьсѣмъ и невидимымъ страшнъ будеши.

Въ влѣнахъ житийскахъ еси, въ бури ли морьскѣй бѣду приемлещи, показая ти, сыну мои, истинная пристанища: монастыря, дома святиихъ. Къ темъ прибѣгай и утѣшать тя, поскърьби къ нимъ и обеселишися, сынове, бо бес печали суть и умѣють печальнааго утѣшити.

И аште что имѣеши въ дому своемъ потребно же онѣмъ, донеси имъ, вьсе бо то въ руцѣ Божии вѣлагаеши и възданью будеши.

Въ градѣ, въ немъже живещи, и въ инѣхъ окръстьнихъ, поишти, ли единого чловѣка бояшся Бога и тому вьсею силою *служаштя*, обрѣте ли такого чловѣка, то уже не скърби: обрѣте бо уже ключъ царьствия небеснааго; къ тому присъни и душею, и тѣлѣмъ, съмотри жития его хождения, сѣдания, ѣдения и вьсего обычая его пытая, паче же блюди словесъ его, не дажь ни единому словеси его пасти на земли: дражьша бо бисѣра суть святая словеса.

Праздники же святиихъ почѣсти, не самъ упиваяся, нъ алчныя и жядьныя накърмляя.

Знаемая твори дом свой ништиимъ, вѣдовицямъ, сиротамъ, не имущиимъ, кде главы подѣклонити. Богать ли имѣеши домъ свой, худъ ли – вьсе то Божиємъ промыслѣмъ, нъ потѣштися вьсего имѣ.

Не рьци бо *имѣнию* своему: «Мое есть», – нъ рьци: «Поручено ми есть на мало дний», да акы клучарь порученое ти раздавай, якоже велить поручивый ти. Тѣмже еже ти далъ Вышній, то Вышняго ты имѣние сътвори въ немъ.

Не оставляй послѣдънему роду своему, нъ и *дѣти* своя и жену свою, и все племя свое поручи Богу, добрууму блюстелю, егоже милость велика и богатство несъвѣдомо.

Имѣние бо свѣта сего рѣцѣ подобно есть: суда отъидеть вънизъ и паки съврху приходить. Тѣмже еда вышнии граждане рѣкы и съсудъ своихъ не наплъняють ли, или скота своего не напоятъ, рекуштеи, яко нижними гражданемъ оставимъ, а сами мало приимѣмъ? Ни убо, нъ до избытка череплють, а нижними не пекутся, та же бо рѣка минуетъ я.

Такоже бо и о имѣнии: не пецися послѣдними сыны, внукуы, правнукуы, дѣштерьми. Тѣмъ бо инако время ключиться ли напасть, ли татба, ли рать, и тогда изгубленное не станетъ имъ помагая.

Тѣмже въ животъ своемъ своей души размышляй и тоу крѣпко пѣцися, яко едина ти есть душа, *едино врѣмя живота*, едина съмрьть.

Тѣмже собою поболи, собою поскърби, и съде очищения грѣхомъ проси, и на исходъ провождения от бѣсъ, и *тамо пришьдѣшу*, како бы въ уготовано прити и царство же Божие отъ вѣка: и полаты же его свѣтлыя учинены суть, нъ аште съде купилъ я будеши. Аште же бы мира сего богатствомъ купити, едину отъ мньшиихъ полать вышняго Иерусалима, то ни всего мира богатство събрано недостойно есть цѣны ея.

Милостынею же купиться царствие Божие, милостыни же не въ велицѣмъ и мнозѣмъ и малѣмъ даянии лежить, нъ по силѣ даюштаго и всѣмъ сьрдьцѣмъ.

Даяние бо трѣбуюштиимъ то есть милостыни она блаженная, еяже бѣша пълни съсуди и онѣхъ 5 дѣвъ мудрыхъ, имже царство отъвързесе небесное.

Су же милостыню и ты приими неотъпустно и навяжи ю на выи своей, да будетъ съ тобою въину вѣкъ вѣки.

Глаголетъ бо Писание: «Милостыни мужу, акы печать» – тѣмъ же аште ту приимеши, неединъже отъ супротивныхъ

въстанеть на тя, ни речеть ти: «Камо идеши?», видяште, яко царя небесьнааго печять носиши и к Тому идеши.

Въпрос: Како же ю' прииму?

Отвѣт: Всяко можеши, аште хочеш, нѣсть бо тяжко: аште бо насытилъ ся еси пищею – накърми альчьнааго, напилъ ли ся еси – напои жядьнааго, и съгрѣлъ ли ся еси – съгрѣй трясуштаагося зимою, въ храмѣ ли краснѣ и висоцѣ възлежиши – въведи скытаюштаагося по улицамъ въ домъ свои. Възвеселилъ ли ся еси на трапезѣ – обесели и скърбаштааго, обрадовали ся о чемъ – обрадуй и сѣтуюштааго, почъстиша ли тя яко богата – почъсти и ты убогыя, весело ли ступаеши по степенѣмъ, отъ князя исходя, – сътвори да в дому твоємъ скърбаште не ходять.

И то бо не мала милостыни, еже домашняя своя бескърбии, безъ въздыхания и бес плача сътворити. Аште *достойни* казни будутъ при коей любо вине, то в того мѣсто помилованы будут. Тако аште будеши творяи, то и ты въ казни мѣсто въ исходѣ душа милость обряштеши.

Буди же домъ твой молитвѣ и покой иерѣемъ, служителемъ Божиємъ, и всякому чину църквъному. И въведи таковыя въ домъ свой, съ всякою чѣстью посади я, постави имъ трапезу и якоже самому Христу, самъ же имъ стани въ службѣ.

Да у олтаря Божия молитва ихъ за тя, яко тъмьанъ къ Богу въсходить отъ нихъ. Свѣшта же твоя въину въ църкви да свѣтитъ и просфора твоя такожде.

Поминай же суштиихъ въ манастирьхъ, аггельскый образъ носяштая; аште ти е како, въведи я въ домъ свой, постави имъ трапезу въ чинѣ манастирьскый, жену же свою и дѣти и отроky научи съ страхомъ и мълчаниемъ служити, яко аггеломъ Божиємъ. Проважая же съ покланяниемъ отпусти я, въдавъ имъ и манастирю ихъ потрѣбная.

Мъного бо то, аште едино «Господи помилуй» на днь укупиши у нихъ, то и бес цѣны зѣло, писано бо есть: «Мъного можетъ молитва правдынааго». Тъмъже аште единого можетъ, то чѣто паче, аште мнози тацѣ възъпияють к Богу.

Паче же къ суштиимъ въ горахъ самъ потрудися, къ плътнымъ ангеломъ, иже мира сего устранивъшеся,

угаждать единому Богу; неси потрѣбное имъ, приими молитву ихъ, *въкладай* въ сѣрдце си святая словеса, помажися благословлениемъ, его молися единою за грѣхы твоя въздѣхнути и отъидеши въ домъ свои чистъ.

Клеветы же не приимай ни на коегоже чѣрноризьца ли святителя, аште и самъ видиши съблажняюшася. Послушай Бога паче очию си, рекъшааго: «Не осужайте, да не осуждени будете».

Паче же минуюштиимъ тя по пути не стыдися таковымъ главы свое покланяти.

Аште тако можеши творити, не сътворитъ ти пакости богатство твое, нъ якоже и прѣди рекох, вождь ти будетъ царьству небесьнууму, акы ходатай и другъ добръ, а зълѣ *приемлемо* и хранимо зълѣе диявола явиться губя тя. Богу слава ныне.

Наказание богатымъ

Яко елико великимъ съподобился еси отъ Бога благимъ, тольма и большая длѣжьнъ еси въздаяти.

Отъвързай уши свои въ ништетѣ стражюштимъ, да обряштеши и ты Божий слухъ отъвързенъ.

Аци же убо бываемъ нашимъ повинникомъ, тако и о насъ обряштемъ *небесьнааго* Владыку.

Отъвраштяйся ласкавыць лѣстныхъ словесъ, яко и врановъ: искалають бо очи умьнѣи.

Аште отъ вѣсѣхъ хоштеши чѣсть имѣти, буди всѣмъ благодѣтель обыти; ашти хоштеши вся сущая подъ собою исправити, добро творяштя чѣсти и зѣло творяштимъ запрѣщай.

Таки убо себѣ другы и сѣвѣтъники имѣй, иже не вся глаголемая тобою хвалять, нъ судѣмъ правѣднымъ тѣштаться отвѣштати ти.

Разумно послушати *подобаетъ* прѣя судиямъ, неудобъ бо есть правѣды изобрѣсти скороотѣбѣгаюште или отъгоняште; разумѣвай прѣя мѣдѣльно, твори же расуждения не тѣштася.

Твърдо разумѣй: спасения своего хранилиште – еже николиже людина обидѣти.

Буди своимъ повинникомъ страшнѣ сана ради, а любѣзнѣ поданиемъ милостыня: елико силою прѣвышии еси всѣхъ, тольма и дѣлы добрыми свѣтъ ти подвизайся паче всѣхъ.

Прощения трѣбуя грѣховъ, праштай и самъ къ тебѣ съгрѣшающія, еже бо на рабѣхъ нашихъ прощение Божия гнѣва бываетъ свобода.

Тѣгда наречеться кѣто убо истинный властелинѣ, егда самъ собою обладаетъ и нелѣпымъ похотѣмъ не работаетъ.

Съмѣръть и гонение и напасть и вся видимая злая прѣдѣ очима ти да будутъ по вся дѣни и чясы.

Такъ буди о своихъ рабѣхъ, якоже молишия тебѣ Богу быти.

Не оправдай неправѣднааго, аште и другъ ти есть, *ни обиди* правѣднааго, аште и врагъ ти есть.

Аште кѣто имать очиштѣну душу отъ чловѣчскыя прѣльсти и видить худость своего естѣства, умаления же, и напрасную смѣръть сего жития, – въ *грѣхъ* гърдостный не въпадѣтся, аште и въ сану есть висоцѣ.

Въ извѣстѣнѣмъ сѣрдѣця твоего сѣвѣтъ разумѣвай суштиихъ съ тобою норовы, да познаеши въ истину съ любѣвѣю служяштиихъ ти или съ лѣстью ласкаюштиихъ. Мънози бо приязнию лицемѣрною вельми извѣстѣнымъ пакость творять.

Яко не достоить послушати клеветаря, сладѣко ти глаголюшта, или слышати на ближняаго, да не отпадеши Божия лубѣве и царѣства.

Вѣвъздѣржи клевѣштуштааго въ ушию своею, да не купно съ нимъ погынеши.

Еже убо правовѣрну вѣру имѣти основания добрыхъ дѣлъ есть,⁷⁹³ тѣмъже отъ вѣры начѣнѣтся слово къ тебѣ, брате, понеже бо вѣрою вѣстрѣбова, а нелукаво: ведѣ, яко вѣдасть ми Господѣ вѣры ради твоея написати ти словеса *ключема* спасению.

Вѣруй въ Отьца и Сына и Святааго Духа, въ Троицу нераздѣльну, Божѣство едино, Отьця нерождѣна, Сына рождѣна, а не зѣдана, Духа Стаа ни рождѣна и зѣдана, нѣ исходяштя: триѣ въ единой воли, едину славу, едину чѣсть и едино

поклонение отъ всея твари и отъ аггелъ и чловѣкъ приемлюшту, прѣвѣчнѹ и бесконѣчнѹ прѣбываюшту въ вѣкы.

Въплъщение же Сына вѣруй истинно суште, а не привидѣниемъ: въ двѣ естѣствѣ Божество и чловѣчество – Бога по Божеству, чловѣка по вѣчловѣчению, въ обоемъ съвършена.

Кръсту Христову съ вѣрою *покланяйся*, яко на томъ спасение всѣмъ чловѣкомъ съдѣла Господь.

Иконѣ Христовѣ и прѣчистыя его матере и всѣхъ святыхъ его съ вѣрою чѣсть въздавай, и яко къ самѣмъ любовно въ молитвѣ глаголи.

Страхъ Божий имѣй въ срьдци вѣину и память, акы ту сушта Бога съ тобою на всякомъ мѣстѣ, идеже идеши или сядеши.

Страхъмъ же его, акы уздою обрѣти умъ свой и въстязай по вся часы, да не безъ въстягновения ходя пустошьнымъ научишися.

Простѣйшааго въ всемъ ишти – и въ брашнѣ, и въ одежди, и не стыдися ништетою, понеже большая чясть мира сего въ ништетѣ есть.

Не рѣци: «Богата мужа сынъ есмь и срамъ ми есть» – никътоже бо богатѣй Христа, отця твоего небесьнааго, родивѣшааго тя въ купѣли святѣй, въ ништетѣ же ходивѣша и не имущя, кѣде главы подѣклонити.

Правдою украшайся и къ всякому тыщися истинно глаголати, не мози ся лица устыдѣвъ лъжи послухъ быти, яко губить Господь глаголюштя лъжу, нѣ съ покорениемъ истинно отъвѣштавай.

Уне бо есть чловѣку отъ истины пользу приемлюшту възненавидѣну быти, паче, нежели отъ лицемѣрия врѣжену възлюблену быти.

Возненавидѣныя бо бес правды въздвигнетъ Господь, възлюбленыя же всуе уничьжитъ, клеветьници бо истинни бывають безъ испытанья.

И аште ти правду изъглаголавѣшу и въ гнѣвъ въпадеши отъ кого любо, не скѣрби о томъ, нѣ паче утѣшайся, реченымъ отъ Бога: «Блажени възненавидѣнии правды ради, яко тѣхъ есть царьствие небесьное».

Кроткъ буди къ всякому чловѣку, къ старѣйшууму тебе и къ мньшюуму, лицемѣрная бо то кротость, еже большихъ устыдѣвъшеся, а мньшая озлобити.

Кротко ступание, кротко сѣдение, кроткъ възоръ, кротко слово, – вся си въ тебѣ да будутъ; отъ сихъ бо истинный хръстьянъ явишися.

Кротость же есть, еже никому не досажати ни въ словеси, ни въ дѣлеси, ни въ повелѣнии, нъ всякому чловѣку норовы своими осладити срдце.

Славы земельныя никоемже дѣлѣ не похощи, слава бо земельная ругается любящими ю, припахнувши бо въ мало время чловѣку, яко буря вѣтрняя и плодъ добрыхъ дѣлъ обронивши, въскорѣ же отышѣвши посмѣетъ неразумию его.

Иже хочеть славнъ быти въ семь мирѣ, тѣ бештьстѣ не тѣрпять, вѣру же дръжяй беславие любить, помышляя реченое отъ Господа: «Како убо можете вѣровати, славу отъ чловѣкъ приемлюште, славы же, яже отъ Иночядааго, не ищите?»

Бештьстѣе люби акы чяшю пелына и приими е, аште и притрано ти есть, нъ на прогнание грѣхъвѣнному недугу, иже бо грѣхъ сладостью вѣниде, горестию да проженеться.

Желающтюуму вѣчныя жизни и худѣ земленыхъ причащяющтятся и вѣину мысляштю о исходѣ своемъ, не сътужить ему поношение чловѣчско, яко гость бо, пришѣдъ въ миръ съ, сътѣрпять бештье господы своя, понеже утро надѣется остити.

Съ мучеными Христа ради хотя ликѣствовати, прѣдажь тѣло свое на наготу, волю на попьрание, утробу на постъ, срдце на крѣпость, кровь же аште не на пролитие извѣну, то вѣнудрь исучи ю сухотою яди, да приимеши обѣштяная.

Вѣси, яко призываеши и князя, очищаютъ храмы, и ты, аще желаеши Бога своего въ домъ тѣлесный вѣселити на свѣтъ жизни твоей, очисти тѣло постъмъ, истрѣби жяждею, украси съмѣрениемъ, накади благоуханною *молитвою*.

Храни свѣштю отъ вѣтра и молитву же отъ *юности* украси, яко невѣсту, бѣдѣниемъ, трудъмъ, тѣрпѣниемъ, да похощетъ еи царь небесный.

Тайно мѣсто обрѣтъ и сѣдъ съ тихостию помяни грѣхы и отпадение царства, и умилися срдцьмъ и образъмъ, преклони главу и рѣци съ стенаниемъ: «Охъ, мѣнѣ, яко пришьльствие мое удалися, и кѣто дасть главѣ моей воду, и очима моима слъзы? увы мѣнѣ, увы мѣнѣ, яко близъ днь Господень!»

Слъзь ли не имаши, нѣ не отъчайся, въздыхай же чясто и тяжко отъ вьсего срдця, слъзы бо суть даръ Божии, и помалу въздыханиемъ и умилениемъ испросиши у Бога: вьсякъ бо просяй прииметь.

Обрѣтъ слъзы, храни я вьсею силою своею отъ объядания и пиянства, паче же отъ осуждения вьсякого чловѣка; своему бо дѣлу зазирай, чловѣка же, егоже не съзѣда, тому не суди.

Не вѣруй ни очима своима, аште видиши кого съгрѣшающа, яко и тѣ невѣрнѣ есте, ибо и първое въ раи очи съблзистася, и падениемъ онѣмъ отъ вѣзора быста.

Иже бо имѣеть на ребрѣхъ своихъ язву, гноя испълнену, прыштиемъ чюжимъ не съгнусятъ си и помышляя вѣину с мѣножьствѣ грѣхъ своихъ, николиже о дружѣни съблзнѣ бесѣды съставитъ коли.

Чръвь сѣмѣренѣ зѣло и худѣ, ты же славѣнъ и грѣдѣ, нѣ аще разумѣнѣ еси самѣ, уничижи гърдость свою, помышляя, яко крѣпость твоя и сила, чръвѣмъ покоиште бываетъ.

Помяни първыя прослувѣшая въ храбрѣствѣ, въ богатѣствѣ же и славѣ, и вьси яко без вѣсти отъидоша и беспамятѣни быша; худии же и убозии въ мирѣ сѣмѣ, о души своеи подвигышеися, како и на небеси прославлени и по земли хвалими, и на помощь призываеми.

Възведи очи милостивно на сѣдя въ наготѣ и зимою сѣкърчивѣшаагося, понуди ествѣ свое прикрыти одеждею, лежащѣю у *тебѣ*, и Господѣ дасть ти пакы сѣторицею жизнь вѣчнѣю.

Простѣри руку скытающѣюся по улицамъ, въведи таковыя въ свою обитѣль, общѣ ти буди сѣ нимъ хлѣбѣ твой, обшѣ чяша, воды ли или пития, яко же ти Господѣ далѣ ествѣ.

Странѣна въведи въ домѣ свой, бескровѣнааго въ храмѣ свой, даждѣ мокнущѣюму сухоту, зимному теплоту, омый сквърну тѣла его, яко убогѣ ествѣ зѣло и достоинѣ помилования.

Посѣти суштиихъ въ тѣмьници, по Господню повелѣнію, вижь бѣду, вижь страсть и рыци: «Охъ мѣнѣ! си за едино съгрѣшение стражють! Азъ же по вся чясы владыцѣ моему Христу съгрѣшаю и въ льготѣ прѣбываемъ!»

Аште видиши кого отъ нихъ, по оклеветании стражюшта, помози ему, Христа ради, яви истину къ нимъже оклеветанъ есть: велико бо то спасение есть, еже обидимыя избавляти.

Сѣдящю ти надъ многоразличною тряпезою, помяни сухъ хлѣбъ ядуштааго и не могуштааго си воды принести недуга ради.

Насыштяя тѣло свое, дажь чясть отъ тряпезы ты твоя души своей, яко та чѣстьнѣиши тѣла есть, даждь же да душную часть нищии хранять, да егда въстрѣбуеть, тыгда готово обряштеть. Будеть бо веремя на исходѣ и у вратъ небесныхъ обряштеть, егда много трѣбовати имать.

Насыштяся многосластьяаго пития, помяни пиюштааго теплу воду, отъ слѣньца вѣстопѣвъшу, и ту же пороха нападѣшу отъ мѣста незавѣтрѣна.

Въ богатствѣ сы и земельныхъ благъ изобиль имѣя, помяни вѣину слово Авраамле, еже къ богатому: «Вѣсприя ты благая въ животѣ своемъ, якоже и убогыи зѣлая, тѣмъже онъ веселиться, а ты стражеша».

Взлагъ на многоякъцѣ постели и пространо протягаяся, помяни наго лежаштааго подѣ единѣмъ рубѣмъ и не дръзнушта ногу своею прострѣти зимы дѣля.

Лежашчю ти въ твърдо покрѣвенѣ храминѣ, слышашчю же ушима дѣждевѣное множество, помысли о убогихъ, како лежать ныня, дѣждевѣными каплями, яко стрѣлами, пронажяеми, а другыя отъ неусѣновения сѣдяштя и водою пѣдѣаты.

Сидяшту ти въ зиму въ теплѣ храминѣ и без боязни изнаживѣшуся, въздѣхни, помысливъ о убогихъ, како клячять надъ малѣмъ огнѣмъ съкърчивѣшеся, большу же бѣду очима отъ дыма имуште, руцѣ же тѣкмо съгрѣвающе, плешти же и вѣсе тѣло морозѣмъ измързѣше.

Приклони ухо свое къ просяштюуму и обништавѣшюуму въ житыи семъ, заплати избывающаимъ своимъ оноу недостатѣчнѣую диру его.

Духовнааго и духовная помышляй, а не земляная; вѣдый, яко по нетѣлѣнному одѣнию крыштение вси равни суть, и убозии, и богатии. Тѣмже блюда, еда по земельному помышляя, прѣзриши убогааго, тѣлѣнною одеждею съ тобою не равно одѣна.

Святыихъ, угождѣшиихъ Господу, моли, акы помощѣники сушта и заступники притѣкаюштиимъ къ нимъ, понеже приаши дръзновение къ Господу, акы угодѣнии раби къ своему господину.

Мошти святыихъ съ вѣрою цѣлуй и чѣсть въздажь имъ, яко чѣстномъ, понеже Христа дѣля пострадаша.

Тайнамъ Божиамъ вѣруй, тѣлу и крѣви Его, съ страхомъ причащаяся, да причастникъ будеши царству Его.

Невѣрство же отѣмѣтай, не рѣчи, како хлѣбъ тѣло и вино крѣвь? но слыши, яже отъ чловѣкъ невѣзможна, отъ Бога възможна.

Вѣруй въскрѣсению мрътвыиихъ и жизни будущааго вѣка, по неиздреченну словеси Господню, еже въ еуаггелистѣмъ слыши учении.

Помни Судъ, чьи отѣвѣта и въздаяния по дѣломъ, и вѣруй, яко будетъ, будетъ!

По семь же възлюби Господа Бога своего отъ всея души своея и отъ всея крѣпости и подвигнися вься твоя дѣла и добрыя норovy къ Его угождению творити лѣпо.

Паки же искренняго своего възлюби, съ нимже въ единой купѣли породися, рекъше всякого хрьстьяна, паче же брата си: «Въсхожю бо, – рече Господь, – к Отцу моему и Отцу вашему».

Поклоняй главу свою вьсякому старѣйшему тебе, и врѣменьмъ и разумъмъ, съмѣренныа бо въздвигнетъ Господь.

Другы своя и съравныя тебѣ любовьию сѣрѣтай и съ обятиемъ целование дай ему, акы Елисавефъ и Мария.

Мньшая тебе малыя вѣрстою любовьюю приими и помилуй, и къ Богу о нихъ въздѣхни, яко не ново начѣньша познавати Господа.

Князя бойся вьсею силою своею, нѣсть бо страхъ его пагуба души, нѣ паче научишися отъ того и Бога боятися.

Небрѣжение же о властѣхъ – небрѣжение о самомъ Бозѣ. Иже на власти земельнѣ поучения видимаго владыкы небояся, како невидимааго убоиться?

Боятся ученикъ учителя слова, паче же самого учителя, такоже бояйся Бога боятся и князя, имже казняться съгрѣшающии: князь бо есть Божий слуга къ чловѣкомъ, милостью и казнью зѣлымъ.

По семь же всякому богату главу свою покланяй и съмѣрения ради, древо бо многовѣтвѣно: поклонениемъ подѣидеши и мимо идеши.

Приимъшеи бо власть и емѣние отъ князя своего, отъ другъ своихъ славы хотятъ, а отъ мньшиихъ поклонения просятъ и чѣсти.

Прѣдъ князьмъ же бойся лъжю глаголати, яко губить Господь глаголюштя лъжю, нъ съ покорениемъ истиньно отъвѣштавай ему, акы къ самому Господу.

Аште бо въ врѣмя нѣкое неправо чѣто възглаголетъ ти, а тобѣ съвѣдушту, блюдися, еда искушаетъ тя, блюдеши ли своя душа? И аште явишися неистовѣствуя, не можеши увѣритися ему, яко блудеши оногю душу.

Умъ свой присно отъ суетныхъ мыслей вѣстягай, вѣспуштай же къ Господу горѣ, симъ бо на стѣзю подвига вѣступаеши, душу же отъ расслабленія свобажаеши.

Нѣсть бо дивьно чловѣчьску естѣству низъпадати къ земельнымъ, нъ еже падѣшися не вѣстати? Кѣто бо заблудивъ съ пути не възиска пакы? Расслабленъ ли бысть отъчаяниемъ пакы дньсь, утрѣшний пакы днь подвигу отдажъ.

Неразумие же убо есть, еже приходяштямъ благостынямъ вѣчьнымъ дарѣмъ благааго Бога, ти не пожьдати трѣпѣниемъ и вѣрою, нъ о земельныхъ радоватися и тѣхъ приятися, акы невѣруюшту вѣскрьсению.

Аште бо бы слава сего мира приближилася славѣ небеснѣй, не быша сынове мира сего распяли Господа славы, то кый бо рабъ дръзнетъ въ томъ дому обитати, идеже господина его не прияшъ?

Алкоту и жяжду Христа дѣля люби, елико бо пакость тѣлу твориши, души благодѣтъ зиждеши. Въздаяй бо судъ противу

словомъ и помысломъ въздасть паки благая и за малое, еже Его дѣля потрѣпимъ.

Молитвы же душьныя пища не отълагай, якоже бо тужить тѣло и отънемагаетъ пища лишяемо, тако душа молтвѣныя сладости лишяема на расслабление и умъртвие умное приближается.

Свѣтъ убо въ храминѣ свѣштя, свѣтъ же въ чювьствѣ молитвѣный разумъ; яснѣ же свѣтъ от свѣштя, не сушту вѣмѣсу никоемуже, свѣтла же зѣло молитва непримѣсна мысли земьныхъ.

Прѣдай хотѣние Богу, вѣдуштюуму вся прѣже бытия чловѣку, и не проси воли твоей быти: всякого бо чловѣка мысль о непользѣныхъ, нѣ глаголи къ Богу: «Да будетъ воля твоя!» Тѣ бо строить вѣся на пользю намъ, ихъже мы плѣтѣнии не вѣмы.

Вѣстени акы мытарь, прибѣгни акы блудьныи, умилися акы Ахаавъ, плачися акы Петръ, зови акы ханааныни, прѣдѣстои яко вѣдовица, молися акы Иезекия, сѣмѣрися акы Манаси, – аште тако молишися, приметь благый Господь молитву твою, акы мати младенца.

Безгрѣшнаго есть дѣло, еже грѣхомъ судити чюжимъ, кѣто же е без грѣха? Развѣ единъ Богъ. Тѣ бо единъ неомѣримъ и тому подобаетъ судити суштиимъ подѣ мѣрою.

Еже судити чловѣку съблазивъшюся гърдость есть и сѣмнѣние; Господь же гърдыимъ противиться. Иже бо по вѣся чясы отъвѣтъ дати о своихъ грѣсѣхъ чясть, не скоро главы своея възведеть съблaзнѣ чюжиихъ сѣмотрити.

Не буди гърдѣ, да не похвалиться гробѣ, гърдость твою обѣдържа, и убогый почиеть на гробѣ твоём и никоегоже вѣрѣда приметь.

Видѣвъ мъртвѣць носимъ, акы свое естество помиловавъ послѣдуй ему и до гроба, дѣвое бо добро приемлещи: оногo дѣля сѣмърти свое умъртвие помянувъ сѣмѣришися, и паки тѣло его помиловавъ, гробу прѣдавъ, помилованъ будещи.

Боляштаго посѣти, неси егоже хочеть вѣкусити, самъ же послужи о немъ, акы о своемъ сѣрдоболи, вѣдый, яко и ты такоже имаши пострадати.

Стенюшту оному тяжко отъ болѣзни, ты же милостьныя своя слъзы испусти и въздѣхни о болѣзни его къ Богу, въ нейже есть, и аште и лѣчыць прилучиться, ты даждь цѣну ицѣления его дѣля.

Умираюшту же ему, ты своима рукама очи его сътисни и уста его, къ Богу о души его отъ вьсего срдця помолися и омый своима рукама, аще же и убогъ есть, попецися не нага погresti его.

Зѣло успѣшно къ покаянию и слъзамъ постѣштение умираюштутиихъ. И кѣто бо тѣгда не приидеть въ умиление, видя естество свое въ гробъ съходяшть, и имя его угасѣше, славу же богатааго въ тѣлю съшьдѣшу.

Аште имѣеши дръзновение къ властелемъ и кѣняземъ, поскърби о обидимѣмъ отъ сильнаго, и до пота попьри по сиротѣ, да вѣмѣнить Господь капля пота твоего съ крѣвию мученичьскою.

Аште ли незнаемъ еси князьмъ си, то къ тѣмъ, иже имуть дръзновение къ нему, потужи о убожѣмъ, и Господь рано по първому се вѣмѣнить ти.

Църкви Божии завушти на молитву, остави дѣло земльное кое любо и иди на душевѣную пищу съ тѣштяниемъ, акы Петръ, Иоанъ къ гробу.

Идушту ти въ святой храмъ помысли, еда кого прогнѣвалъ еси въ коемъ дѣлѣ, и всяко потѣштися гнѣвѣный мракъ разгнати, да яко слнце освѣтитъ ти душу молитвѣная доброта.

Съкрываеъ бо тѣмный облакъ сличную красоту и свѣтълость, погубить молитвѣную красоту помнѣние гнѣвѣное.

Ступивъ въ двѣри църкѣвныя, помысли сама врата небесная прошьдѣ, и ту глаголавъ вѣсь чясъ тайныи, съ дивѣмъ и съ страхѣмъ стой, съмотря бываемыхъ съ вѣрою тѣлесьнымима очима и душевѣнымима, тѣгда и самъ прѣмѣнися отъ земльныхъ мыслей на будущая блага.

Видѣвъ Христа, закалаема въ жертву къ Отцу за вѣсь миръ, чѣто ино мошѣтъ еси помыслити плѣтъ сы, тѣкмо руцѣ въздѣвъ, рыци: «Слава многуму ти чловѣколюбию, Христе Боже!»

Размышляя же по вся часы чыстая съгрѣшения чловѣческа, прѣмногое же и бештисльное чловѣколюбие Божие, еже на чловѣчстѣ родѣ имать и еже съгрѣшаюштемъ намъ търпѣть, и до послѣдняго дыханія ожидаетъ *покаяния* нашего. Тѣмъже варимъ лице Его исповѣданиемъ. Прииди потѣшися и припади предѣ Господьмъ и въсплачи прѣдѣ сътворивъшимъ тя, зови милость его, приглашай штедроты его, да же съмъртъ не варить.

Не рыци: «Много съгрѣшихъ, много беззаконьновахъ, не имамъ дръзновения, еже къ Богу припасти», ни убо не отъчай себе, не *прилагайся* тѣкмо отъселѣ къ съгрѣшениемъ и силою въсемилостивааго Бога не имаши посрамленъ быти.

Не лъжнѣ рекый: «приходящяаго къ мнѣ не иждену вѣнѣ», и по сихъ: «вѣсѣ обратитесь къ мнѣ и азъ исцѣлю вы, и не хочу съмърти грѣшнику». Тѣмъже дързай и вѣруй, яко Чистъ сый приближяюштааго ся къ нему очистить.

Аште истиньно покаяние хоштеши прияти, то яви е дѣльмъ: аште гърдостѣ каешися, покажи съмѣрение, аште пиянства, покажи постъ, аште любодѣянѣя, покажи чистоту. «Уклони бо ся, – рече, – отъ зла и сътвори добро».

Тѣкмо не ожидай въ тинѣ *грѣховнѣй*. Вънезапы приимеши и въздѣхнеши и не будетъ послуцяюштааго: егда аггелъ не пожидая прѣдѣ очима ти станеть, врази же твои, яко облакъ, покрываютъ тя.

Вѣнмай души своей, яко едина ти есть, едино веремея живота и невѣдомъ конѣцъ, и непрѣходьна пучина въздуха, и врагъ твоихъ исплѣнена, нѣсть же помагаюштааго, развѣ добрыхъ дѣлъ, тѣмъже всею силою своею вѣзишти ихъ.

Вѣступи на добродѣтель стѣзю, поиди скоро, да же вечеръ не постигнеть, потѣштиимъ къ вратомъ града вышѣняаго, не съкланяйся ни на десно, ни на шюе, да не заблудиши въ пропасти мучения.

Епископомъ и пастухомъ Христова стада словесьныхъ овѣцъ главу свою покланяй и припадай къ ногама ихъ, и моли да дасть ти ся благословление ихъ.

Прозвутеры ерея Христовы, прѣдѣстателя таинѣй его тряпѣзѣ и дробителя тѣлу его всякою чѣстью почѣсти и съ

страхъмъ възирай на ня.

Таже дияконы, иподьякони, анагносты и акы служителя Божия съ вѣрою помышляй, и тѣшися ниединомуже ихъ ни въ чемъ же прѣгрѣшити.

Аште убо стояштиихъ прѣдъ земельнымъ царьмъ съ страхъмъ чѣстиши, бояся словъмъ прѣрешти имъ, како убо разумѣши о слугахъ небеснааго царя?

Въ монастыря дома святыхъ потружайся, виждь житие и устрой чинъ и уставъ. Видѣвъ бо перебывание ихъ, окаеши свое житие и управишися отътолѣ.

Съ суштиимъ же въ горахъ не лѣнися, ишти молитвы, проси благословления, и аште чѣто имѣеши тѣлесныя потрѣбы, донеси имъ и приимеши душевну потребу.

Паче всякого чѣрноризьца не тѣшися минути бес поклонения, аште бо знаемымъ тѣкъмо покланяешися и чѣстиши я, то по съдружю то естъ, а не по чѣсти образа сущааго на нихъ.

Коньць же вѣсѣмъ прѣжереченыимъ възлюбиши Господа отъ всея душа и страхъ его да пребываетъ въ срдци твоємъ.

И правъ буди и истиньнъ, сѣмѣренъ, кроткъ, покоривъ, долу поничя, умъ же къ небеси простирая, умиленъ къ Богу и къ чловѣкомъ привѣтливъ и печальнааго тѣшителъ, трѣпѣливъ въ напасти и ништетѣ, штедръ и милостивъ, ништиимъ кѣрмитель, страньноприимьникъ, скѣрбьнъ грѣха ради, весель о Бозѣ, алчьнъ буди, жядьнъ, кроткъ, робокъ, покоренъ, неславохотьнъ, не златолюбыць, друголюбыць, негѣрдъ, боязливъ прѣдъ царьмъ, готовъ въ повелѣнии его, въ отъвѣтѣхъ сладкъ, чѣсто молитвѣникъ, разумьнъ трудьникъ къ Богу, не осудитель всякого чловѣка, попьрьникъ и обидимыхъ нелицемѣрьнъ.

Чадѣ Еуаггелия, сынъ възкрѣсенія, наслѣдьникъ будущая жизни о Христѣ Исусѣ, Господи нашемъ, Ему же слава, чѣсть ныня и присно и въ вѣк вѣкомъ. Аминь.

Наказание Исухия, презвутера Иерусалимьскаго⁷⁹⁴

Страхъ въину имѣй и Божию любовь и чисто къ вѣсѣмъ срдце.

Самого надъ собою стояшта Бога вѣруй, елькраты чѣто твориши.

Радуйся, егда твориши добро, нѣ не высися, еда погрязение на отишыи будетъ.

Елико же въ законѣ прѣдиидеши, толико же недостаточнѣ ся съвършеньемъ вѣжъ.

Всякого дѣла коньць прѣдъ начялѣмъ распытай днь и ношь, къ коньчнуму же дни вѣзираи вѣину.

Не съмѣшайся съ тѣми николиже, яже видиши хулимы от добрыхъ.

Спѣши же никомуже вереда сътворити въ своемъ дѣлѣ.

Не веселися цвѣтуштимъ мира сего, яко травньи бо есть цвѣтъ: елико бо имъ върпеши, толико же увядаетъ.

Въ печальхъ благодарстви Бога, и ярѣмъ ти грѣховный облыгъчѣи ся.

Съмотримъ себѣ, да инѣмъ не зазираемъ, мѣного бо того въ насъ, имѣже то *инѣмъ* зазираемъ.

Псалѣмъ вѣину да будетъ въ устѣхъ твоихъ, Богъ бо мѣнимъ прогонитъ бѣсы.

Молитва ти съ трѣзвениемъ да бываетъ умнымъ, да не тако молимъ ся, якоже нѣсть годѣ Богу.

Вѣину поминай Бога, да яко небо будетъ умъ твой.

Съвяжи языкъ си: многашѣды бо извѣштаетъ, еже есть лѣпо таити.

Доброты своя таи, послухы же житию мѣногы имѣй.

Толико тѣчю дай тѣлу, елико же трѣбуетъ, не елико же похочетъ.

Не люби питати ся, любѣвь бо съ симъ житьемъ творить, вражда же отъ него къ Богу плодитъ ся.

Отъвраштай ся житийскыя радости: та бо подѣплъзати ся творить, текуштиимъ на спасение свое.

Елико же еси съгрѣшилъ, то стенаниемъ поминай, бываетъ бо оттуду отъпущение.

Потрѣбию святыхъ приобѣштай ся, тѣми бо ти будетъ къ Богу приобѣщение.

Въ църкѣви акы на небеси ступай, и ничѣтоже въ ней не глаголи, ни помышляй землянаго.

Уне вьсего довѣль имѣй, уступай же Богу пешти ся о немь, да будеши вѣину обильнѣ.

Съпону твори плѣти вѣ благихъ трудѣхъ.

Пий медъ помалу, елико бо е съкрачаеши, то благодѣть ти е: и незапинани творить.

Утоли гнѣвъ, бѣсу бо есть отьць, егда без мѣры исходить.

Въ *язвь* прѣже врачя имѣй молитву.

Попы вься одинако чѣти, а къ добрымъ подвижникомъ тѣци.

Люби Божия дома, Божии же домъ потѣштися самъ вѣтворити.

Въ цѣрквѣ *чѣсти*, мятежъ бо ны вѣнѣшнихъ свобажаеть.

Егда молитву твориши, умъ си къ Богу възведи, аште же и отъпадетъ, паки и горѣ възведи.

Не прѣстаеть умъ, зѣлы помыслы ражая – а зѣлыя мысли вымѣтай, а добрыя сѣй.

Весели ся съмѣрениемъ, еже бо бываетъ высость съмѣрениемъ, то необаряеть ся, нѣ великъ есть.

Толико тружайя ся, елико мошти начѣнеши вѣсхластити плѣтѣскыя похоти.

Помышляй небесныхъ благолѣпие добротъ, да ти о земныхъ не будетъ никоеяже похоти, и еже земная красота не приидеть ти на умъ.

Земныхъ мысли – сѣмена суштя вражия, вѣруй. Яко и мысли прѣдстануть, и бѣси, иже на ны, ту абие осрамять ся.

Укланяй ся многа смѣха, расслабляеть бо душу, расслабѣвши же отъ законныхъ узды удобъ исхлаштаетъ ся.

На дѣла подобаеть душу разлучати ти на молитвы, тако бо не обрящеть многа вѣхода вѣ ны дияволъ.

Дѣло законное мѣни чѣтение книжное: егда бо умъ съ языкѣмъ кѣто хочеть ицѣлѣти, то вѣ книги вѣину да зрить.

Аште на дѣло руцѣ простираеши, языкъ ти да поеть, а умъ ти да молить ся, просить бо отъ насъ Бог вѣину *поминати* его.

Вьсяко дѣло молитвою печятѣлѣвай – то же дѣло, о немъ же ти ся умъ на двое не мутить.

Празднѣй же да не ясть, и паки слышимъ *ино*го вѣ васъ бештина ходяща и ничѣтоже дѣлаюшта, нѣ лицемѣрствующия.

Любая дѣло бес печали перебивается, начало гърдыни – еже не потрудити ся съ братьемъ *противу* силѣ; приходящи же на дѣло – не много глаголѣмъ, на тѣшание наше буди, егоже ради *изыдохомъ*.

Мати зѣльмъ – лѣность: доброты бо, яже имаши, крадетъ, а ихъже не имаши – не дасть обрѣсти.

Аште хочеш, да ти будетъ ручное дѣло ти божѣствомъ, а не земельно – то да ти буде обыче съ *убогими*.

Радуй ся о молитвахъ святыхъ мужъ. И поистиннѣ сущия святы отъ дѣлъ распытай: кое бо оwoште отъ плода познавается.

Безълобие твори сѣрдьцѣмъ, а чистоту тѣлѣмъ; то бо обое сътворитъ тя Божию цѣркѣвь тѣлесную.

...

Егда тя оклеветаютъ, разумѣй, еда е чѣто до *тебе въ* клеветѣ той, аште ли *нѣсть*, то мни акы дымъ расходяшту ся клевету.

Егда обидимъ еси, подѣбѣгай къ трѣпѣнию, и трѣпѣние твое врѣдитъ обидяща тя и *устроить*.

Егда богатство или *славу* видиши, помышляй тѣлѣнныхъ вѣсе, и убѣжиши уды жития сего.

Тѣрпи скѣрби, въ скѣрбѣхъ бо доброты цвѣтутъ, акы въ трѣньи цвѣтъци.

Плачи ся грѣшника въ обильи живуштя, мечь бо си судный готоваеть.

Егда кѣто зѣло творя, и не стыдитъ ся о немъ – отяжѣя бо ему струпы, *и въ отѣчаяние* приходитъ уже.

Елишьды вѣстужиши, помысли, колико ти правѣднымъ приходитъ пакости – и приидетъ ти даръ его.

Подобаетъ быти всякому хрѣстьянину сѣмѣрену, а еже къ овѣмъ сѣмѣрити ся, а къ овѣмъ ни, – то лицемѣрныхъ то есть сѣмѣрение.

Не бесѣдуй съ зѣлыми, они бо поучаютъ тя на зѣлое, а съ приобѣштениемъ ихъ грѣха того приобѣштиши ся.

Послушати присно и глаголати съ добрыми поспѣвай, на рать бо благу душу подвизаютъ.

Църквъ въ домашнюю кѣждо насъ имѣй умъ свой, да творити подобно ны естъ въ ней законы црквныя.

Зѣлобу тѣгда възненавидиши, егда разумѣши, яко – бѣсовскъ то естъ нож, на ны обостренъ.

Егда съ святыми бесѣдуеши, въпрашай ихъ о духовнѣхъ, егда ли не съ тацѣми, то ты самъ духовнѣ бесѣдуй.

Иже слабо живеть, то того не приводит на съвѣтъ, и иже бо ся о зѣлѣ радуеть, то тѣ ненавидит добра и съвѣта о томъ не хочеть дѣяти.

Аште хочеши мучныя болѣзни гонезнути, то никогоже не оклеветай, ни осужай: о томъ бо Божество паче всего гнѣваеть ся.

Аште хоштеши всякого грѣха боли быти, чюжихъ испытай: много бо того естъ въ тебѣ, имѣже то иному зазираемъ.

Бѣжи величанья, о чловѣче, аште и великъ еси: еда Бога отѣмештюшта ся, тебе обряштеши?

Люби съмѣрение, аште и великъ еси, да въ днь скончянья възвышенъ будеши.

Не похули чловѣка николиже – и похуления не приимеши въ всемъ животѣ своемъ.

Егда въ църквъ идеши, не глуми ся пустошьными, иже бо стоятъ прѣдъ княземъ, то ни смѣють ся, ни глумятъ ся.

Не посмѣйся чюжему падению, да самъ скоро падъ смѣху будеши, отъ нихъже не хочеши.

Храни учения си – да вѣнця славы подадять ти ся.

Буди държавливъ заповѣдемъ симъ – да сътворять тя славна въ чловѣцѣхъ и угодна к Богу, тако бо славить ся Божество, и тацѣми исправленьи въгодити естъ Богу.

Тако подобаеть хотяштууму безъистѣлѣнно житие жити, и ни въ чѣтоже мѣнити тѣлѣмыхъ.

Аште истовыя жизни жядиши, то присно съмръти чяй чловѣчскы.

Ненавиди настоящя сея жизни, видиши бо ю, акы коло валяще ся.

Всего паче почѣсти душу – да добрыи ти трудъ без болѣзни творить ся.

Въсе бо съде тълънно, душа же едина бес тья, чтити убо подобаеъ бестълънное паче тълъннааго.

Не проси у Господа славныхъ, нъ *точию* пользнааго проси: оного бо аште и просяшти, то не дасть, аште ли и дасть, то истълъетъ.

Не весели ся о богатствѣ, печали бо его отълучаютъ ны отъ Бога, аште и не хотимъ.

Николиже не прѣзри убога плачуща ся – да не прѣзримы будуть слъзы мольбы твоя.

Отъязати ся подобаеъ пиянства, въ немъ бо по истверезении стенание и каязнь бываетъ.

Помысль плътолюбивыхъ уне гнушати ся, тьять бо душу и плоть осквърняютъ.

И земельное бес труда добро не творить ся, да почѣто благословленаго ради труда укланяемъ ся?

Аште хочеши бес труда добро творити, то поминай, яко трудъ малогоднъ есть, а мзда вѣчная.

Святъ есть домъ мольбныхъ, имже святыи свято намъ ведеть.

Аште сѣеши ништиимъ въ руцѣ, то не чюже сѣй, нъ свое: небонъ чюже сѣмя половела горчѣе.

Аште небесныхъ желаеши, то ненавиди земляныхъ, не дадятъ бо си къ онѣмъ възлѣтати.

Матери благынямъ си суть чистота и милостыни: да нѣльзѣ ни бес тоя, ни бе-сея къ Христу воинствовати.

Не обиди милостыня и любве: та бо благааго Бога съ небесе съведе.

Не прѣзри чистотныхъ съсудъ, Творца бо въплъштена чловѣкомъ показа.

Не хошти богатѣти зѣло ни славити ся: тья бо то есть, а мы нѣсмъ тълънни.

Надъ мрътымъ не плачи, нъ надъ несмыслынымъ: онъ бо обыть путь, а се своя воля.

Съгрѣшающааго плачи, а не убожающааго: вѣнчати бо ся иматъ сий, а онъ – мучити.

Глаголи къ Богу много, а къ чловѣкомъ мало, поушчениемъ же законнымъ исправляй обою.

Омывание души – благомолитвѣная слъза, нѣ по мольбѣ помяни, чѣсо ради ся еси прослъзилъ.

Богатыхъ жития сего не блажи, сильнии бо сильнѣе испытатели будутъ, тѣмъже ти Судию пристрашна имуть имѣти.

Аште сами судимъ си – то и *Суди ны укротить* ся, радуеть бо ся; яко Благъ видя грѣшника, беремъ си распраштяюща.

Якоже бѣдно въ путѣ ристати, такоже и обязавъшюму ся симъ житиемъ бѣдно тешти на небеса.

Въсе дѣло зѣло възвущаетъ диавола, възвущенъ же бывъ, горьцѣ на възвущенааго обраштяеть ся.

Аште хочеша врага ои немоштина сътворити, то грѣхы си умалая – и, опѣшенъ отъ крылу, акы птиця играемъ и смѣху будетъ тобою.

Горе хульнику, съвяжетъ бо ся ему языкъ и не мошти начьнетъ къ судии отвѣщати.

Горе нечѣстивому, егда бо вси просвѣтятся, тогда онъ помрачить ся злѣ.

Горе безаконнику, къ суди бо яру и правѣдивому придетъ.

Горе лихоимцю, богатство бо его отбѣжитъ, а огонь и прииметь.

Горе ленивому, станетъ искать, неправѣдно погубивъ, но ничего не обрящеть.

Горе блуднику, осквърняетъ бо ризу невѣстнику, да и – царства брака съ студѣмъ изгнанъ будетъ.

Путь же съмърти есть въ *дѣлѣхъ* зѣлыхъ разумѣваемъ, въ томъ бо есть невѣдѣние Бога, имъже бываетъ блудъ и разбой, и прочая зѣлая дѣла.

Прѣмудрость Исусова, сына Сирахова⁷⁹⁵

Всяка мудрость отъ Господа и съ нимъ есть въ вѣкы: пѣсѣнка морьскааго и капля дѣждевѣныя, Господьни вѣкъ кто иштьтеть?

Прѣмудрость кто ислѣдитъ, корень прѣмудрости кому отъкрыся, и разумъ ея кто разумѣ?

Единъ есть прѣмудръ страшнъ зѣло, сѣдая на прѣстоле своемъ Господь самъ създалъ ю *видѣ* и *иштьте* ю, и пролия ю на вѣсѣхъ дѣлѣхъ своихъ, и даровалъ ю любящимъ его.

Зачало прѣмудрости – страхъ Господень, страхъ Господень – слава и похвала, и веселье – и вѣньць радости.

Страхъ Господень възвеселить сѣрдьце и дасть веселие и дѣлгодѣние.

Бояштяму ся Господа благо будетъ напоследѣкъ, и въ днь съкончѣния своего благословенъ будетъ.

Множество мудрости – бояти ся Господа: и напаяетъ ся отъ плодъ своихъ, всѣ домъ свой испълнить желанія, и житѣница отъ житъ своихъ.

Вѣньць прѣмудрости – бояти ся Господа: страхъ Господень процвитая миръ и сѣдравіе и ицѣлѣние.

Вѣждѣвъ прѣмудрости, съблюди заповѣди, и Господь дасть ти ю, прѣмудрость бо и наказание – страхъ Господень и благословѣние, вѣра и кротость.

Не съкрыва прѣмудрости своя, словѣмъ бо познана будетъ *прѣмудрость твоя*.

Не можетъ ярость неправѣдна оправѣдити ся, чясъ бо ярости его – падѣние ему.

До вѣрмене сътрѣпѣть дѣлготрѣпѣливый – и напоследѣкъ дасть веселие; до вѣрмене съкрѣетъ словеса своя прѣмудрый.

Не възнеси себе – да не отпадеши, и наведеши на душу свою бешѣстїе, и открьетъ Господь тайны твоя, и посреде сънѣма низложитъ тя.

Чядо, аште приступаеши работати Господеви, то уготови душу своя въ напасти, управи сѣрдьце свое и сътрѣпи, и не тѣшѣся въ вѣрмя наведения.

Всѣ, елико нанесено ти будетъ, – приими съ сѣмѣренїемъ, дѣлго трѣпи: яко огньмъ искушено бываетъ злато, а чловѣци прїятѣни въ веремѣ сѣмѣрения. Вѣруй ему – и заступитъ тя, и до вѣрмене потрѣпи трѣпѣнїемъ – и послѣжде ти дасть веселие. И устѣны многыхъ исповѣдѣтъ сѣмыслъ его, и въ недузѣ своемъ не прѣзри.

Нѣ помоли ся Господеви, и исцѣлитъ тя, отложи прѣгрѣшѣнія и управи руку, и отъ всякого грѣха очисти сѣрдьце.

Бояштей ся Господа, вѣруйте ему – и не отпадетъ мѣзда ваша.

Бояштей ся Господа надѣйте ся на благая, възрите на първыя роды и видите: кто вѣровавъ Господеви, постыдѣся? или кто, пребы въ страсть Его – оставленъ бысть? или кто призъва и´ – и прѣзърѣнъ бысть? – зане штедръ и милостивъ Господь и оставить грѣхы, и спасаетъ въ врѣмя печали.

Горе грѣшнику, находяшю на два пути.

Горе сърдцю, ослаблену, яко не вѣруеть.

Горе вамъ, погубивъшиимъ трпение – и чѣто сътворите, егда посѣтитъ Господь?

Бояштей ся Господа и не противять ся глаголомъ Его и прѣдъ Нимъ съмѣрять душа своя.

Да въпадемъ ся въ руцѣ Господни, а не въ руцѣ чловѣкъ: яко величие Его, тако и милость Его.

Мене, отьця, послушайте, чада, и сице творите – да съпасете ся.

Не прѣрѣкуй противу истинѣ и о ненаказаньи своемъ срамляй ся.

Не постыди ся исповѣдати грѣхы своя, и не стани противу быстринѣ рѣчнѣй, и не покори себе мужю безумьну, и не обини ся лица сильнааго. До съмрьти противи ся по истинѣ, и Господь Богъ побореть по тебѣ.

Не рьци: «Много съгрѣшихъ, и чѣто ми бысть?» – Господь бо търпѣливъ есть и оцѣштение бестраха не буди приложити грѣхы на грѣхы; и не рьци: «Штедрота Его многа есть, и множество грѣхъ моихъ оцѣститъ» – милость бо и гнѣвъ у него есть, и на грѣшницѣхъ прѣстанеть ярость Его.

Не буди скоръ языкъмъ своимъ, и лѣнивъ и слабъ въ дѣлѣхъ своихъ.

Не буди яко лъвъ въ дому своемъ и величяя ся въ рабѣхъ своихъ.

Не буди рука твоя простѣрта на възятие, а на даяние съгбена.

Не належи имъньи своемъ и не рьци: довѣльно ми есть.

Не ходи въ слѣдъ душа своя и не рьци: «Кто мя прѣможеть?» – Господь бо мьстай мьститъ ти.

Не жди обратити ся къ Богу и не отълагай днь отъ дне, напрасно бо изидеть *гнѣвъ* Господень, и въ врѣмя мьсти

погибнеши.

Не належи имѣньи неправѣдньихъ, никакаяже ти польза сътворить въ днь наведения.

Не ходи всяцѣмъ путемъ съ грѣшникѣмъ и дѣвоязычникѣмъ.

Буди утвърженъ въ разумъ своемъ, и едино буди слово твое.

Буди скоръ въ послушании своемъ, длѣготърпѣниемъ отъвѣштавай отъвѣтъ, аште есть въ тебѣ разумъ – то отъвѣштай искренняму, аште ли же нѣсть – то рука твоя буди на устѣхъ твоихъ: яко слава и бешѣстие – въ бесѣдѣ и языкъ чловѣчь – падение ему есть.

Не слови шпѣтникъ и языкѣмъ своимъ не лукуй, зазоръ бо зълъ на иноязычнѣмъ.

О велицѣ и о малѣ не разумѣвай, и въ друга мѣсто не буди врагъ: имя бо лукаво поношение наслѣдить, тако и грѣшный и дѣвоязычии.

Душа лукава погубить сътворишааго и, и радости врагомъ своимъ сътворить.

Грътанъ сладкъ умножить другы, и языкъ доброглаголивъ умножить добру бесѣду.

Съмиряющии ся съ тобою да будутъ мнози, съвѣтници же твои – одинъ отъ тысушть.

Аште сътвориши друга, то въ напастѣхъ си и сътвори и, и не скоро увѣри ся ему.

Есть бо другъ въ врѣмя радости и не прѣбудеть въ днь печали твоя: и отъ другъ прѣмѣнуя ся и бывая врагъ, и сваръ поношения твоего отъкрыеть.

И есть другъ, тряпезамъ обшѣтникъ, и не прѣбудеть въ днь скърби ти, а и въ добрѣ твоемъ будетъ якоже и ты, и на рабы твоя простѣреть ся, а аште съмѣренъ будеши, то и на тя будетъ, и отъ лица твоего скръѣетсяя. Отъ другъ своихъ отълучи ся и отъ другъ своихъ внимай.

Другъ вѣрнъ – кровь крѣпкъ, обрѣтый же его обрѣте съкровиште: другъ вѣрнъ – утѣха житию.

Бояштей ся Господа обряштють его.

Чядо, отъ уности своя избери наказание и до съдины обряштеши мудрость.

Якоже орай и якоже съяй, тако приступи къ ней и жиди благыхъ плодъ ея.

Въ дѣланьи бо ея мало потрудиши ся и скоро имаши ясти отъ *житъ* ея благая.

Прѣмудрость бо имя ея есть, и не многымъ есть явлена.

Слыши, чадо, и сътвори *волю мою*, и не отъверзи *свѣта* моего, и въведи *нозѣ свои* въ пута ея, и въ гривну ея – выю свою, подѣложи рамо свое и *поноси* ю – и да не будутъ *узъкы* узы ея.

Въсею душою своею приступи къ ней, и *въсею силою* своею съблуди пути ея, ислѣди и *изишти* и познана ти будетъ, и самъ ся за ню не *оставиши*, напоследѣкъ бо обрящеши покой ея, и обратитъ ти ся на веселие. *И будутъ* ти пута ея на покровъ *крѣпости*, и гривны ея на одѣние славы, *красота* бо злата есть на ней, и узы ея – извитѣ камене драгааго.

Въ одеждю славы облѣчеши ся ею и вѣнъць радости възложиши на ся.

Аште въсхоштеши, чадо, наказанъ будеши, и аще въдаси душу свою – то разумъ будеши, и аште възлюбиши слышати – то поживеши, и аште приклониши ухо свое – то мудръ будеши.

Чадо, въ мѣножествѣ старецъ станн и аште кѣто е прѣмудръ, томъ ся прилѣпи, въсяку повѣсть въсхочи слышати, и притѣча разума не убѣжитъ тебе.

Яште узриши разумива, то утрьнуй къ нему, и степени двѣрий его да тѣреть нога твоя.

Не твори зѣла, да не постигнетъ тебе зѣло, отъступи отъ неправды и уклонитъ ся отъ тебе.

Сыне, не сѣй на браздахъ неправды – и не пожнеши ихъ седмерицею.

Не проси у Господа владычества, ни у князя сѣдалища славна.

Не оправдай себе прѣдъ Богъмъ и паче цесаря не прѣмудрай ся.

Не ишти да буди судии, еда не мошти начънеши неправды отълучити, еда како убоиши ся отъ лица сильнааго и положиши

блазнь въ правости своеи.

Не съгрѣшай въ множествоу граду, ни низъложи себе въ народѣ.

Не сътвори дѣвоици грѣха – в одинѣмъ бо повинѣнь будеши.

Не ругай ся чловѣку въ горести душа его сушти: есть бо съмѣряй и въносяй.

Не глаголи на брата неправды, ни другу того сътвори, еже *ти* себѣ не хоштеши.

Не въсхотѣи лѣгати всякая лѣжа, воинство бо ея не благо.

Не примѣшай себе множества грѣшникѣ, помяни, яко гнѣвъ Господень не замѣдлитъ.

Не измѣни друга различия дѣля, ни брата приснааго злата дѣля и камене драгааго.

Не *лиши* ся жены мудры и благоу: благодѣть бо ея *есть* паче злата.

Не озлоби раба, дѣлаюшта въ истину, ни *наимьника*, дѣлаюшта душею своею.

Раба разумива да любить душа твоя и не лиши его свободы.

Су ли ти чада, то наказай я и прѣклони отъ уности выа ихъ.

Су ли ти дѣштери, то вънимай тѣлесѣмъ ихъ и не утишай к нимъ лица своего.

Вѣдай дѣштеръ – и будеши съвършилъ дѣло велико, и мужеви разумиву вѣдай ю.

Е ли ти жена душевна, то не изгони ея, и ненавидяшти тебе – не вѣруй ей.

Всѣмъ сѣрдѣцѣмъ своимъ прослави отьця своего, и матерня болѣзни не забуди, *помяни*, яко тѣма *рождень еси*, *ничто има* въздалъ еси, якоже *та тебѣ*.

Всею душею своею работай Господеви, иереомъ его покаяйся; всею душею своею възлюби Сътворѣшааго тя и служитель его не оставляй.

Бой ся Господа и прослави иерѣя, и дай часть его, якоже ти есть заповѣдалъ Господь начатѣкы о съгрѣшениихъ и жертву

святыня. Ништиимъ простѣри руку свою, да съвършить ся благословление и *благодать* даяния прѣдъ всѣцѣмъ живѣмъ.

И надъ мрътвыци не възбрани *благодѣти* и не лиши ся отъ плачюштиихъ ся, и съ желѣюштиими *сѣтуй* и не лиши ся посѣштяющихъ, – сими бо възлюбленъ будеши.

Въ всѣхъ словесѣхъ своихъ поминай послѣдняя своя и Судъ страшный – и въ вѣкы не сѣгрѣшиши.

Не свари ся съ чловѣкъмъ сильнѣмъ, еда како въпадеша въ руцѣ его.

Не *тишти* ся с чловѣкъмъ сильнѣмъ, еда како отягчить ти мѣру: *многы* бо погубило есть злато, и сѣрдьца *нѣ* на земь уклонило.

Не свари ся съ чловѣкъмъ язычныѣмъ, и не накладай на огонь его дровъ.

Не играй съ ненаказанымъ – да не примуть бешѣстия прадѣди твои.

Не безъчѣстуй чловѣка въ старости его: и отъ насъ бо състарѣются.

Не радуй ся о умърѣшиихъ, помяни, яко вси умираемъ.

Не прѣзьри повѣстий мудрыхъ и въ притѣчахъ ихъ живи, яко отъ нихъ навѣкнеши наказание и послужиши вельможамъ.

Не отъступай отъ повѣстий старѣчь, *и ти* бо навѣкли суть отъ отьцѣ своихъ, да навѣкнеши отъ нихъ и ты разуму, и въ врѣмя подобно въдаяти отвѣтъ.

Не дай чловѣку крѣплъшу тебе въ заимъ, аште ли въдаси бо ему въ заимъ – то будеши *яко и* погубивъ е.

Не поручай ся выше силы своя, и аште поручиши ся, то пыци ся, яко и въдаяи.

Не свари ся съ судиею *по прежѣ* бо судять ему.

О звании сильныхъ

Егда тя призоветъ *сильный* – то отъступай, и егда паче призоветъ тя – то не нападай, да не *отъринеши* себе, и не стани далече – да не забъвенъ будеши.

Не належи равнѣ быти съ нимъ и не вѣруй *многоимъ* словесѣмъ его, многою бо бесѣдою искусить тя; и яко *смѣяти* ся испытаетъ тя, съблюди и вѣнмай вельми, яко съ падениемъ своимъ ходиши.

Богатый бо колѣбля ся утвържяеть ся другы, убогий же съпадъ ся пориновень будетъ другъ его.

Богату съблзнивъшу ся, мнози заступници и глаголы *неиздреченьными* оправдять и.

Убогий же съблзни ся – и припрѣтиша ему, и извѣшта разумъ – и не даша ему мѣста.

Мързость гърдому – съмѣрение, такожде и же мързость богатому – убогын.

Богатый възглагола – и *вси умълкоша*, и слово его възнесоша до облакъ, убогий же възглагола – и вси рекоша: «Чѣто съ есть?» – и аште потѣкнеть ся, въздринуть и.

Добро есть богатство, въ немъже нѣсть грѣха, а зѣло есть ништета въ устѣхъ нечѣстиваго.

Чловѣку завидьливу нелѣпо е богатство: ниже есть себѣ зѣлъ, иному добръ будетъ? Возвесели ся въ имѣнии своемъ?

Завидьливу у себя нѣсть зѣлѣйша, и се въздание зѣлобѣ его: аште и добро сътворить, то забывъ ся творить, и на послѣдѣкъ изнесетъ зѣлобу свою.

Око лихоимця не насытитъ дорѣсти, и обида лукавааго исушаеть душу его.

Око лукаво завидьливо о хлѣбѣ, и скудно на трапезѣ своей.

Нѣсть веселия паче радости срдѣчныя, лучше есть съмъртъ паче живота горька.

Льсти душу свою веселиемъ и тѣши срдѣце свое, и печаль далече отърини отъ себе – да не въскорѣ състарѣеши ся.

Красьна есть милостини въ врѣмя скърби, якоже и облаци дѣждевѣнии въ время ведра.

Братия и помошь въ врѣмя скърби, и паче обоего – милостыни избавить. Имѣние и крѣпость възносить срдѣце, обаче обоего – страхъ *Господень*.

...

О всякомъ дѣлѣ буди бѣдръ, и всякъ недугъ не приступить къ тебѣ.

Чядо, въ животѣ своемъ искуси душу свою и виждь, чѣто ей есть зѣло и не дажь ей: не ключить бо ся все въсѣмъ, не всяка

душа въ всемъ благоволить. И не прѣсыштяй ся въ всякой пишти и не разливай ся на различнѣ брашнѣ.

Въ мнозѣ бо брашнѣ недугъ бываетъ и прѣсыщение до кручины доидеть, прѣсыштениемъ бо мнози умыроша – помняй же се, приложить ся животѣ.

Нѣсть убо добро не хранити ся отъ всякого суда.

Чядо, якоже имаши добро сътвори себѣ и приношения Богу приноси достойно, помяни, яко съмъртъ не замѣдѣлитъ, и завѣтъ адовъ не показнѣ бысть.

Даже не умереши, добро сътвори другу и по силѣ своей простѣри руку, и даждь убогимъ по силѣ своей.

Не лиши ся добра, и чясть добра не минеть тебе; и не инѣмъ ли оставиши тяжание свое, и труды твоя на раздѣление жрѣбця, яко нѣсть въ адѣ искати пишта?

Чядо, не люби множества неключима и не весели ся о сынѣхъ ненаказанныхъ – рекѣше нечѣстивыхъ; аште и умножать ся. Не весели ся о нихъ, аште нѣсть страха Господня съ ними. Не вѣруй животу ихъ, въздыхание бо и плачь невидимъ – и вънезапу коньчину ихъ разумѣеши.

Луче бо е одинъ, нежели тысяшти, и умрети добрѣе бештядѣ, нежели имѣти чада невѣрна. Отъ единого бо разумива уселить ся градъ, колѣно же незаконныхъ опустѣеть: много сичесо видѣ око мое.

Чловѣкъ мудръ въ всемъ угодить, и въ дни грѣха уклонить ся съгрѣшения, всякъ разумивый познаеть мудрость.

Разумнии словесы ти умудриши ся и *удръжашя* притѣчя *испытаны*.

Дѣлатель пияница не обогатѣеть.

Медъ и жены отворять разумныя, и прилѣпляяй ся любодѣицяхъ дѣрзѣи будетъ.

Слыша ли слово тайно – да умереть съ тобою, и не всякому словеси вѣру емли.

И *одѣние* мужа, и смѣяние зубъ, и ступание чловѣка възвѣститъ яже о немъ.

Есть мѣлчя обрѣтая ся мудръ, есть другой ненавидимъ многою бесѣдою, и есть мѣлча не имать бо отъвѣта.

Чловеѣкъ мудръ умълчить до врѣмене, и умножяй
словеса мързѣкъ будеть, гърдяй ся – възненавидѣнъ будеть.

Даяние безумнааго не сътворить польза никоеяже: мало
бо въдасть, а мѣного испоноситъ.

Поплъзение отъ земля добрѣе паче, нежели отъ языка.

Усты безумнааго отъвържена будеть притѣчя, не речеть бо
ея въ время свое.

Порокъ зълъ чловеку лъжа, и въ устѣхъ ненаказанныхъ
присно будеть.

Уне е тать, неже лъжа присно, оба же пагубу наслѣдуеа.

Мъзда и дарове ослѣпляютъ очи мудрыхъ, да видяштеи не
видять.

Студъ отъцю о ненаказании рожденааго отъ него.

Дѣшти же на умиление будеть, дѣшти мудра почѣститъ
мужя своего.

Отъца и мужя посрамить дързая, и отъ обою прииметь
бещствие.

Надъ мъртвымъ плачи ся – отъиде бо свѣта, и безумнааго
плачи ся – иштезе бо отъ него разумъ.

Въргый на пѣтицѣ камень отъгонить ѣ, тако же иже поносить
другу своему – разорить дружбу.

За друга аште отъвързеши уста – не стыди ся, есть бо
сѣмѣрение.

Не кльни ся именемъ святого: чловекъ кльнии ся мѣного
испълнить ся безакония, и не отъиметь ся отъ дому его рана, и
аште сѣгрѣшитъ – грѣхъ его на немъ.

Чловекъ, сѣлазя отъ одра своего, глаголя въ души своей:
«Кто мя видить? – и стѣны застоятъ мя, и никѣтоже мене
видить, яко и крыю ся грѣхъ моихъ, – и не въспоманеть
Въшнийи». И почи чловечскѣ страхъ его. И не разумѣ, яко очи
Господни – тѣмами есть свѣтлѣйше сѣлнца, призирающи на
вся пути чловечскыя и сѣматряющти въ тайныхъ мѣстѣхъ, и
разумѣють оставльшей, яко ничѣтоже луче страха Господня, и
ничѣтоже слаже, еже вънимати заповѣдѣмъ Господнямъ.

Стыди ся отъця и матери – блудѣмъ, сильнааго и
властелина – о лъжи, судия и кѣнзя – о сѣгрѣшенъи, сѣбора и

людии – о безаконии, обыштыника и друга – о неправѣдѣ, мѣста, на немъже живеша, – о татѣбѣ и правѣды Божия и завѣта Его.

Храни ся отъ словесъ поносьныхъ на другы, и не поноси ти давшу, и не стыди ся о сихъ.

И на судѣ не оправдай нечѣстива.

О дързости

Съ дързъмъ не ходи на путь – да не въстанеть на тя, тѣ бо сътворить по силѣ своей, и въ неразумьи его погынеши.

Съ яръмъ не свари ся и не ходи с нимъ сквозѣ пустыню, предѣ очима бо его крѣвь яко ничтоже есть, и идеже не будетъ помощи, то ту и низложитъ тя.

Съ уродивымъ свѣта не твори, не можетъ бо словесе държати.

Прѣдѣ чюдными не сътвори ничто же тайна: не вѣси бо, чѣто ти сътворять.

Не являй всьакому чловѣку сѣрдьца своего, да не възнесеть ти хвалы.

Не даждь женѣ душа своя, наступити ей на крѣпость твою.

Не сѣрѣтай жены блудница, да не како въпадеша въ сѣти ея.

Дѣвы не съматрай, еда како съблзаниши ся въ опитимияхъ ея.

Не даждь блудницамъ душа своя, да не погубиши наслѣдия своего.

Отъвроти очи свои отъ жены красны и не глядаи чужея доброты, въ добротѣ бо женскѣй мнози заблудиша и *похоть* отъ нея, яко огонь разгараеть ся.

Съ мужатицею отинудь не поѣди и не побесѣдуй съ нею въ винѣ: еда како уклонить ся душа твоя на ню – и духъмъ своимъ поплъзнеши ся въ пагубу зълѣ.

Не рвѣнуй славѣ грѣшника: не вѣси бо, како будетъ раздрущение его.

Не оставляй старааго друга: новый бо нѣсть тѣчѣнь ему.

И съ мудрыми сѣвѣщавай, и съ разумными буди размышление твои, и всьа повѣсти твоя въ законѣ вышшняго.

Мужи правѣдни да обѣдаютъ съ тобою, и въ страѣ Господни буди похвала твоя.

Прѣмудръ судии накажетъ луди своя, и владычество разумивааго учинено будетъ; и акоже будетъ судии людѣмъ своимъ, такъ же и слугы его.

...

Не дръжи гнѣва на ближняго своего, и не сътвори ничьсоже въ дѣлѣхъ досяждения; възненавидѣна прѣдъ Богѣмъ и чловѣкъ гърдыни, и отъ обоихъ съгрѣшитъ неправѣда.

...

Неправо есть укаряти убога разумива, и неподобно есть славити мужа грѣшна.

Самъ испърва сътвори чловѣка и остави и въ руцѣ мысли своя. Иште хочеши – съблюдеши заповѣди, и вѣру *сътвориши* благоволения.

Прѣдъложилъ ти огня и воду: на неже аште хочеши – простѣрши руку.

Прѣдъ чловѣкъмъ животъ и смѣръть, и еже аште изволить – дасть ся ему: яко многа прѣмудрость Господня.

Крѣпкъ силою и зряй вьсего, и очи Его на бояштиихъ ся его, и Тъ познаетъ вьсяко дѣло чловѣчьско.

Не заповѣдалъ ни одному же бешѣствовати, и не дасть ослабы ни одному же съгрѣшати.

Обраштая ся къ Богу, огрени ся грѣха, и отъврати ся отъ неправѣды, и зѣло възненавиди мързость.

Първѣе даже въ недугъ не въпадеша смѣри себе, и въ *врѣмя грѣхъ* обрати ся къ Господу.

И не замѣдѣли въздати молитву въ врѣмя, и уготови себе *и не буди*, яко чловѣкъ, искушая Бога, помяни гнѣвъ въ днь съконьчания своего.

Добро есть обличати, нежели ярить ся.

Обличи друга: многашѣды бо бываетъ клевета; и не вьсякому словеси вѣру емли.

Словеса притѣчная

Прѣмудрыи словеса *прѣдъведетъ* ся, и чловѣкъ мудръ годѣ будетъ вельможамъ.

Луче чловѣкъ, съкрывая *буестъ* свою, нежели съкрывая мудрость свою.

...

Познанъ есть издаlechя сильный языкъмь своимь.

Разумивый же вѣсть, въ чемь ся поплъзаеть.

Сърдыце буюго яко съсудъ утьль: всякого разума не удържить.

Слово мудро аште услышитъ разумивый, въсьхвалить е и къ нему приложить.

Боголишивый же смѣхъмь възнесетъ гласъ свои, мужъ же мудръ одъва ослабитъ ся.

Осквърняетъ свою душу шъпътъникъ.

Якоже сълѣплай съсудъ изломленъ, такоже учяий безумьнааго.

Иже повѣдаетъ безумьному – и *на коньци* речеть: «Чѣто бѣ?»

Двѣ вѣшти умножаетъ грѣхы, и *третья* – идетъ гнѣвъ.

О женахъ зѣлыхъ и добрыхъ. Мала есть вься зѣлоба противу зѣлобѣ женскѣй, жрѣбий грѣшника да испадеть на ню.

Жена *лукава* – язва сърдычьная.

Отъ жены начятъкъ грѣху – и тою вьси умираемъ.

Не *даждь женѣ* дръзновения на тя глаголати, аште *не ходитъ* подъ рукою ти, отъсѣци ю отъ плѣти своя.

Жены добры блаженъ есть мужъ ея, и число днии его сугубо.

Жена добля веселить мужа своего, и *лѣта* его испълнить мирьмь.

...

Жену мудру не удобъ обрѣсти.

Въ женахъ рѣдко обрящеши истину.

О женѣ лукавѣ. Волю жити съ лѣвъмь, неже съ женою лукавою.

Лукавьство жены измѣняетъ зракъ ея, и посупляетъ лице свое.

...

Якоже емляй ся за стѣнь и *гоняй* вѣтры, такоже емляй вѣру съномъ.

Духъ бояштиихъ ся Господа поживетъ, надежда бо ихъ на Спасаюштааго я, бои ся Господа ничимъже постыдитъ ся, очи бо

Господьни на бояштя ся Его.

Благословение Господьне еже отъступити отъ грѣхъ, и оцѣштение еже отъступити отъ неправды.

Приносяй ся жертву отъ неправды, приношение его небрѣгомо есть, ни множествѣмъ жьртвъ не отпустить ся грѣхъ.

Якоже закаляй сына прѣдъ отьцѣмъ его, тако приносяй жьртву отъ имѣния убогихъ.

Хлѣбъ бо – плоть ихъ, животъ убо ихъ, лишаяй же его чловѣкъ кровь проливаяй есть.

Якоже проливаяй кровь, тако же удържавый мзду наимьника.

О десятиѣхъ. Не яви ся прѣдъ Господѣмъ тѣшть – *всѣ бо се есть заповѣди ради:* приношение правдынааго масть олътаря и благоухания его прѣдъ Вышнимъ.

Жьртва мужа *правдива* благоприятна, и память его не забвѣна будетъ: окомъ благомъ прослави Господа, и не умали начатка отъ руку своею.

...

Дажь вышнему подаяния Его, яко Господь въздаѣй есть, и седмерицею въздасть ти.

...

О златолюбьци. Любяи злато не оправдять ся, и любяи растѣлюштя самъ насытитъ ся: мнози съпадоша злата дѣля и бысть пагуба ихъ прямо лицу ихъ.

Блаженъ *богатый* иже обрѣте ся бес порока и иже въ слѣдъ *злата* не иде; кто съ есть – да блажимъ его, сътворилъ бо есть дивная въ людѣхъ своихъ.

Къто искушенъ *имъ* бысть и съвършилъ ся – и да будетъ на похваление.

Къто бы моглъ прѣступникъ быти и не прѣступи, и зло сътворити, и не сътворилъ – да утвърдятъ ся благая его и милостыни его исповѣсть църкы святая.

Бояштааго ся Господа не съряштеть зѣло, аште ли въ напасть въпадетъ, то пакы *изьметъ* его.

Чловѣкъ разумивъ вѣру иметь закону и по Христовамъ заповѣдѣмъ ходить, и законъ его вѣрнъ есть.

Боляре и судия славни суть, и нѣсть ихъ ни единъ же болии боящааго ся Господа.

Рабу разумиву свободы поработаютъ.

Не прѣмудрай ся, творя дѣло, и не слави ся *въ время тугы*.

У друга подѣзирающааго тя и у врага не повѣдай *свѣта*.

...

Отъкрываяя тайну погубилъ есть вѣру и не обряштеть друга противу души своей.

...

Мудрость сѣмѣренааго възнесетъ главу его и посреде вельможъ посадить *и*.

Първѣ даже не слышиши – не отъвѣщывай, и не влагай ся въ срѣду бесѣды, и на свѣтъ грѣшныхъ не сѣдай.

...

И чяды своими познанъ будетъ мужъ.

И не всякого чловѣка въведи въ домъ свой: блюди ся зѣлодѣя, зло бо сѣдѣваетъ.

...

Егда въ добрѣ будетъ мужъ, то врази его въ печали будутъ.

И не еми вѣры врагомъ своимъ въ вѣки.

И якоже бо мѣдъ обрѣжявѣетъ, тако и злоба его; и аште и сѣмѣритъ ся и поидетъ поникъ, постави душу свою и храни ся отъ него – и будеши ему, яко очиштено *зѣрцало*.

Не постави его у себя, да не въздривъ тя станеть на мѣстѣ твоємъ. Не постави его одесную себе, да не поиштеть сѣдалишта твоего, – и на послѣдѣкъ разумѣши словеса моя и о глаголѣхъ моихъ умилиши ся.

Устынама своима усладить *тя* врагъ, а сѣрдьцѣмъ своимъ свѣтуеть вѣринуту *тя* въ ровъ.

Очима своима просльзитъ ся врагъ, и егда обряштеть время – не насытитъ ся отъ крѣви.

Даше обряштеть *тя* зѣло, то *ту* его обряштеши първѣ себе, и яко *помагая* подѣразить *пять* твои, главою своею покываетъ и всплещеть рукама своима, и много пошпѣчетъ, и измѣнить лице свое.

Беремене паче себе не въздвижи, и съ крѣплѣшиимъ себе и съ богатѣйшимъ не приобъштай ся: кое бо приобъштение гърньцю съ котльмъ – *тъ* бо приразить ся и съкрушить ся.

Богатый, обиду сътворивъ, и самъ прогнѣваетъ ся, убогий же, обидимъ, и самъ примолить ся. Аште ли имаше, то поживеть съ тобою, аште ли не имаше – то отъльститъ тя отъ себе, и въсмѣеть ти ся, и възглаголетъ ти добрѣ, и речеть: «Ти е ли ти, чѣто трѣбѣ?» – и посрами тя борошньмъ своимъ, *дондеже не тѣшитъ* тя дѣвоици, и напоследѣкъ поругаетъ ти ся шютомъ, узърить тя – и оставить тя и главою своею покываеть на тя.

Вънимай, сыну мой, и не забуди, да не съмѣриши ся въ веселии своемъ.

О меду. Въ меду не мужай ся, мѣногы бо погубилъ медъ. Горестъ души мѣного приемъ медъ съ гнѣвѣмъ и съ клеветою зълѣ.

Въ пирѣ меда не облыгай ближняаго, и не сърини его въ веселии его.

Старѣйшиною ли тя поставиша, то не възноси ся, буди въ нихъ яко единъ отъ нихъ.

Идеже послушание будетъ – не изнеси бесѣды, и без ума въ пирѣ не мудри ся, буди якоже вѣды и мълчя.

Посредѣ вельможъ не равнь ся твори, и иному не глаголюшту не зѣло прилежи, мужъ бе съвѣтливъ не прѣзритъ размышления.

Бе-съвѣта не сътвори ничьсоже, и егда сътвориши – не раскай ся.

Не съвѣщай съ подѣзирающтиими тя, и отъ искушяющтиихъ тя съкрый съвѣтъ.

Не съвѣштавай съ страшивѣмъ о брани, съ купьцѣмъ о приложенъи и съ купуюштиими о купли, и съ завидѣливѣмъ о похвалении, и съ несмилостивѣимъ о помилованъи, и съ рабѣмъ лѣнивѣмъ о мѣнозѣ дѣланъи, – не наложи на сия о всякомъ съвѣштянъи.

Съ мужѣмъ благовѣрьномъ буди, егоже аште познаеши съблудаюшта заповѣди Господня: и аште съгрѣшиши – поболить съ тобою, и съвѣта сѣрдьчьнааго поставить.

Есть мужь съмыслнь и многомъ казатель, и своей души есть неключимъ.

И есть чловѣкъ мудръ своей души, и плодъ разума его въ устѣхъ вѣрьнь.

Мужь мудръ люди своя накажетъ.

О мрътвьцихъ. Чядо, надъ мрътвьцьмъ источи слъзы: и якоже зълѣ стража, начьни плачь, и якоже достоить съкрый тѣло его, и не прѣзьри погребения его.

Горькъ сътвори плачь и рыдание днь единъ или дѣва хуления ради: отъ печали бо съмърть бываетъ, и печаль сьрдьчная съломить крѣпость.

Помяни уставъ, яко и сице твой: «Мьнѣ – завтра, а тебѣ – дньсь».

Въспомяни ся о немъ въ исходѣ душа его и утѣши ся, въ печали бо и въ плачи не сътвориши ползя ему никоеяже.

Сьрдьце свое дажь утрьневати къ Господу, сътворишууму тя, и прѣдъ Вышьнимъ помоли ся, и отъврѣзи уста своя на молитву; и о грѣсѣхъ своихъ помоли ся, и убога помилуй.

Печаль велия испьрва създана бысть всякому чловѣку.

Имѣние неправьдньныхъ яко рѣка исхънеть.

Чяда грѣшньныхъ мръзка будутъ живуштя съ притьчями нечьстивыхъ.

Чядъ грѣшньныхъ наслѣдие погынеть и съ сѣменьмъ ихъ будетъ поношение.

О отьци нечьстивѣ зазьрять чяда, яко его ради приемлють поношение. Чада грѣшньныхъ не укоренять ся.

О чьсти родитель. Господь прославиль отьця о чядѣхъ, и судъ матернь утвърдилъ есть о чядѣхъ.

Чьтый отьця оцѣсти грѣхы, и якоже богатѣй ся прославить матеръ свою.

Чьтый отьця възвеселить ся о чядѣхъ, и въ днь мольбы своея послушанъ будетъ.

Прославляй отьця длъгы дни сътворить, и послушай Господа покоить матеръ свою, и *ту* же владыкама поработаетъ ражьшима его: дѣльмъ и словьмъ чьти отьця своего, да наидеть ти благословение отъ него, благословение бо отьче

утвърждають дома чядомъ, клятва же матерня искореняеть до основания.

Не слави ся въ бештьстьи отьця своего, нѣсть бо ти слава къ *бештьстьи*, нѣ слава чловѣку отъ чѣсти отьця своего, и поношение чадомъ мати въ *беславьи*.

Чадо, заступи въ старость отьця своего, и не оскърби его въ животѣ его, и аште изумляеть ся – то не зазри емь и не укори его всею крѣпостью своею.

Милостыни бо отьця не забъвена бываетъ – и въ грѣхъ мѣсто привъзидеть ти ся, и в днь печали твоея въспоманеть ти ся, яко угъ на мразъ, тако растають ся грѣси твои.

Коль хульнъ оставлий отьця своего и проклять Богомъ раздражай мать свою.

Чядо, лѣта своя съ кротостию прѣпровожай – и чловѣкомъ възлюбленъ будеши.

...

Огнь поляшь вода угасить, а милостыни оцѣстить грѣхы.

Чядо, жита ништааго не лиши и не мини очью просьливу.

Душа алчушта не оскърби, и не разгнѣвай мужа въ *нищеть* его.

Сърдця разгнѣвана не прѣвъзмути и не мимо неси даяния трѣбуюштааго.

Раба скърбяштя не отърѣй и не отъвроти лица своего отъ ништа.

И отрѣбуюштааго не отъвроти очью.

Не дажь мѣста чловѣку кляти тя: кльнуштюуму бо тя въ горести душа его сушти – мольбу его услышитъ Сътворивый его.

...

Прѣмудрости похвала

Прѣмудрость похвалить душу свою и посрѣдѣ людей своихъ похвалить ся и въ църкѣви вышняаго уста своя отъвързеть.

...

Мудрость трьми украсихъ ся и есмь красьна: прѣдъ Богомъ и чловѣкы; лубѣвь ближнихъ и мужа, на селѣ тяжаштя; три же норовы възненавидѣ душа моя, и зѣло ми мързить животъ ихъ: убога хупава, и богата лъжива, и старца, умаляюштя ся

разумъмь своимь – егоже въ уности не събралъ еси, то како можеши обрѣсти въ старости своей?

...

Святого Василия, како подобаетъ чловѣку быти⁷⁹⁶

Лѣпо есть чловѣку имѣти паче всего жития – да не прилежитъ имѣньи зѣло, нѣ тѣлеси въздържаніе, удобреніе норову, гласу умиление и удобреніе, ѣденіе и питіе без говора съ удържаніемь.

Прѣдъ старьци – мълчяніе, прѣдъ мудрыими – послушаніе, съ тѣчьными любѣвь имѣти, съ мьньшиими – лубѣвьное съвѣщаніе.

Отъ плѣтськихъ и любосластьныхъ вештей бѣгати, мало глаголати, а множѣе разумѣвати, не дързу быти словѣмь, ни прѣрѣковати въ людехъ.

Не скоро въ смѣхъ въпадати, соромяживу быти, долу очи имѣти, а не горѣ, не противу отъвѣщавати.

Послушьливу быти до смѣрти, тружати ся до смѣрти, поминати присно страшное и второе пришѣствие и днь смѣртный.

О надежди радовати ся, молити ся непрѣстаньно, при вьсемь Бога хвалити.

Въ скѣрбехъ търпѣти, къ всѣмъ смѣрену быти, величянія бѣгати, говѣину быти.

Блюсти сѣрдьце отъ помыслъ злыхъ, събирати имѣніе на небесехъ, законъ хоронити, любити Господа вьсѣмъ сѣрдьцьмъ и ближняго, яко самъ ся.

И самому ся испытати о помыслѣхъ и о дѣлѣхъ по вся дѣни.

Не оплитати ся лихими рѣчьми и не искати жития лѣнливыхъ, нѣ тѣкъмо подражати я святыхъ отьць.

Радовати ся съ исправльшими доброноровіе и не завидѣти, съ стражуштіми страдати и съ плачюштіими зѣло плакати ся.

Осужену быти неже осудити, ниже поносити обраштяюшту ся отъ грѣхъ.

Николиже себе правѣдна творити, нѣ грѣшника себе имѣти прѣдъ Богомъ и чловѣкы.

Учити ненаказаня, увѣштати малодушныя, служити больнышъ, ноги святыихъ умывати.

Страньныхъ и братолубьи прилежати, съ единовѣрными миръ имѣти.

Еретикъ чловѣкъ отъвраштыи ся, книги прѣданыя почитати, а въ съкръвеня отинудъ не приицати.

О Отьци и Сынѣ и Святѣмъ Дусѣ не пытати, нѣ единосущтну святуу Троицу съ дръзновениемъ глаголати.

Крыштяти ся есть лѣпо, якоже прияхомъ и не кляти ся отинудъ, и не даяти сребра своего въ лихву, ни иного ничьсоже на умножение пишта.

Бегай пиянства и отъ печалии жития сего, не бесѣдуй луками отинудъ ни о комъ же глаголати.

И никакоже послушати клеветания, нѣ вьсе съ испытаниемъ, никомуже скоро яти вѣры.

Не томи ся гнѣвѣмъ, не быти държиму похотѣу, не без ума гнѣвати ся на ближняго.

Сълнце да не заидеть о гнѣвѣ вашемъ. Не държати гнѣва ни на коже, не въздати зъла на зло, ни клеветы за клевету.

Нѣ паче похулену быти, неже хулити, обидиму быти, а не обидѣти, отъштетити ся, а не отъштетити.

Паче же вьсего достоить чловѣку въздържати ся отъ бесѣдъ женьскихъ и срамныхъ словесъ, медъ бо и жены отъвраштыють и съмыслныя.

Въ заповѣди не сътужити ся, нѣ мзды и похвалы отъ Него чяяти и вѣчныя жизни желати и прияти.

Имѣй Бога прѣдъ очима вѣину: яко сыну отъ вьсего сьрдця и крѣпости и разума лубити Бога, и яко рабу – бояти ся, сумьнѣти и служити Ему.

Страхѣмъ и трепетѣмъ спасение себѣ съдѣвати, духѣмъ горѣти и тешти не лѣняшти ся, обълъчену быти въ оружие Святааго Духа.

И бороти ся съ врагѣмъ въ изнеможени плѣти и въ ништетѣ душы, и вьсе повелѣние творити, и непотрѣбна себе глаголати, и благодарити Бога.

И ничьсоже съ завистью творити, и чловѣкоугождения бѣгай, зане Богъ расыпа кости чловѣкоугодьникъ, и не хвалити

ся отинудь.

Ни похвалы себѣ глаголати, ни иному хваляшту послушати, вътайнѣ все творити, и не на видѣние чловѣкомъ творити, нѣ тъкмо отъ Бога хвалы и милости просити.

Помышляти прѣшствие отъсуду, приготованая благая правѣдныимъ, такоже уготованый огнь дияволу и ангеломъ его.

По всему и апостольское слово помънѣти, яко не достойны страсти сего врѣмене противу будущимъ глаголати ся въ насъ, и съ Давыдѣмъ глаголати: «Храняштиимъ заповѣди Его – въздание много», и вѣнцы мнози – правѣдныимъ, вѣчнии крови, жизнь бес коньця, радость неизглаголанная отъ Отця и Сына и Святого Духа.

Съ цѣсари и патриархы, съ пророкы и апостолы и мученикы, и съ всѣми угождѣшиими съ нимиже обрѣсти потѣштим ся о Христѣ Исусѣ, Господи нашемъ, Емуже славы ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

Ксенофонта, еже глагола къ сынома своимъ⁷⁹⁷

Азъ, чядѣ, реку вама, чловѣчя жития отити хошту. Вѣста бо, како въ житии семь жихъ без лука, како отъ всѣхъ чѣстьнъ бѣхъ и лубимъ не сана ради велика, нѣ норовѣмъ великѣмъ.

Не укорихъ никогоже, ни вередихъ и никогоже не оклеветахъ, ни завидѣхъ никомуже.

Ни разгнѣвахъ ся ни на когоже, ни на мала, ни на велика.

Не оставихъ църкѣве Божия вечеръ, ни заутра, ни до полудне.

Не прѣзърѣхъ ништиихъ, ни оставихъ страньна, и печальна не прѣзърѣхъ никъгда же, и иже въ тѣмьницахъ заключении, потрѣбная имъ даяхъ, и иже въ плѣньницѣхъ – избавихъ.

Не помыслихъ на доброту чужю, не познахъ жены другыя, развѣ матере ваю, и та дѣндеже ва роди, и потомъ еште не познахъ ея, нѣ съвѣштяховѣ ся чистою съвѣстью тѣлесьною, и о Господѣ мудрѣ съхраниховѣ ся по православнѣй всякои вѣрѣ; тако сътворихъ до смъртьнааго дѣне.

Тако и вы живѣта, чядѣ мои, да и ваю Богъ ублажить и длѣголѣтна явить и сътворить.

Убогихъ посѣштяйта, вѣдовицѣ заштиштайта, немоштьныя милуйта и осужаемыя бес правѣды изымѣта, миръ имѣта съ

всѣми.

Паче же всѣхъ, иже въ пустыни и въ пещерахъ, и въ пропастьхъ земельныхъ добро творита.

Поминайта манастиря, чьрноризыць стыдится и чытѣта и милосрьдуйта.

Матери же ваю чѣсть отъдайте, и все добро сътворита ей, да Господа узьрита радуюштя ся, и о томъ веселита ся въ вѣкы.

Все, елико имата златьмъ и сребрьмъ и ризами, неимуштиимъ подайте, и въ работѣ суштяя, акы своя чяда лубита, и уныя милуйта, и старыя свободы съподобита, пищу имъ до смърти дающа, и съпроста реку: еже мя видѣста творяштя – и вы творита, да спасета ся и съподобита ся святыихъ.

Матере не забывайта, волю ея творита и послушайта съ страхъмъ Господьнъмъ.

Вѣдѣ бо, яко дѣло Господьне дѣлаета, заповѣди Господьня хранита, и Богъ мира сего буди съ вама. Аминь.

...

О милостивѣмъ Созоменѣ⁷⁹⁸ и о томъ, како даяй нищему 100-рицею прииме

Бѣ нѣкыи чловѣкъ, живый въ Иерусалимѣ, Созоменъ именъмъ. Тѣ идый единою сквозѣ градъ, узьрѣ нища, нага и печальна; и съвлѣкъ ся, дасть ему одеждю свою и иде въ домъ свой. И днь прѣклонилъ ся бѣ на отъвечерие.

И легъ; мало усънувъ, видѣ въ снѣ, яко обрѣте ся въ дворьци прѣчюднѣ, и въ немъ бѣше свѣтъ безмѣрный чистъ и цвѣтове мѣнози различьни, и садове всяции.

И видѣхъ же ины ограды, яже бяху обрасли отъ горы до долу плоды, добровоньными и красьными, и вѣтвие прѣклонило ся бѣ до земля, другъ друга добрѣе.

Пѣтиця же многообразьны сѣдяху върху ихъ, пѣснь поюштя сладьку, друга къ друзѣ прикланяюшти ся, мльчания не имуште.

Яко же гласу слышяну быти отъ земля до небесе, садове же колѣбааху ся, стояште въ славѣ велицѣ, источьници же течаху, яко и дуга въ красу стояшти.

Си же ему видяшту: приде къ нему нѣкий уноша, краснѣ зѣло, и глагола ему: «Поиде въслѣдъ мене». Онѣ же иде въслѣдъ его, и придосте къ стоборию, золотѣмъ покрѣвену, и полаты зѣло славны и красны. И зряшту Созомену тамо, и се изидоша ис полатъ тѣхъ мужи крилати, свѣташе ся, яко и сѣлнѣце, носяше ларѣ 4-ри, о коемъждо лари служаще 4.

Егда же прѣчюдныя ты двѣри миновааху ангѣли, разумѣ Созоменѣ, яко къ нему бяху идуште, и егда приидоша къ стоборию оному и противу Созомену сташа.

Сънѣмъше же ларѣ съ шиѣ своихъ и поставльше ѣ, жьдааху нѣкоего вельможѣ прѣти къ нимѣ. И видѣ Созоменѣ: и се мужѣ, краснѣ зѣло и доброобразнѣ вельми, излѣзъ ис полатѣхъ, прииде къ ангеломѣ, носящѣимъ ларѣ, и глагола имѣ:

«Отъкрыте ларѣ и покажѣте я чловѣку оному, чѣто ему хранятъ свѣтъ за едину свѣту, зане помилова нагааго онѣсицю».

И ту абѣе отъкрыша единѣ отъ златыхъ онѣхъ ларевѣ, и начаша искладати – срачицѣ и свѣты цѣсарѣскыя; и оскрилы красны и различны видѣниемѣ, и простираху прѣдъ нимѣ, глаголуште: «Воле, господѣ Созомени, угодна ли ти суть прѣдъ очѣма?»

Онѣ же глаголааше: «Нѣсмѣ достоинѣ на стѣнѣ свѣтъ сѣхъ зърѣти!» Кажюштемѣ же имѣ свѣтѣлыя и пѣстрыя и златыя ризы, и възиде число ихъ до тысящѣ.

Егдаже показаша ему, еже глаголетѣ, «100-рицею прииметѣ и животѣ вѣчнѣй наслѣдуетѣ – за едину свѣту», глагола ему ангелѣ: «Тебѣ глаголю, Созомене, се колико ти уготовахъ благыхъ за едину свѣту, еже видѣ мя нага и умилосрѣди ся и облѣче мя – иди убо и твори такожде, и въздастѣ ти ся 100-рицею!»

Се слышавѣ, Созоменѣ глагола ему, страхѣмъ одѣрѣжимѣ и радостью, глагола ему: «Да тако ли естѣ, иже милостынѣ творятѣ убогѣим?» – И глагола ему: «Ей! всякѣ бо, облачаяй убогааго, Христа облачитѣ, и всякѣ съвлачая, Христа съвлачитѣ. Или: накѣрымляя, Христа накѣрмить и прииметѣ.

Се же ти заповѣдаю: не раскаѣ ся николиже о милостыни, ни поноси ништѣ, яко далѣ ему еси чѣто, еда въ мѣзды мѣсто

сугубу тъштету въсприимеши, всякъ бо даяй милостыню и раскаявъ ся и поносивъ, мзду си погубить».

И се слышавъ, Созоменъ въспрянувъ и дивляше ся, чюдя ся видѣнию и помышляше, глаголя: «Аште си тако, то и другую дамъ свиту нищимъ». И въ другую ночь видѣ тѣ же снѣ.

И бысть милостивъ зѣло на убогя, яко слышати въсѣмъ коньцемъ земля милостивое его житие и штедроты, яже на всякомъ чловѣцѣ, и бысть угоднѣ Богу и чловѣкомъ.

Иже всхочетъ самовольствѣмъ и льготою бес труда спасти душу свою – милостынею можетъ спасти ю, милуяй бо ништя, Богу въ заимъ даетъ, и сѣяй съ благословлениемъ и съ благословлениемъ и пожнетъ жизнь вѣчную.

Якоже самъ Господъ въ Еуангелии глаголетъ: «Блаженни милостивии, яко ти помиловани будутъ». Богу же нашему слава и нынѣ.

Кончяша ся книги сия рукою грѣшнааго Иоана; избрано изъ мѣногъ книгъ княжихъ. Идеже криво, братие, исправивъше чытѣте: благословите, а не клѣнѣте. Аминь.

Кончяхъ книжкы сия въ лѣт 6584 лѣто при Святославѣ князи Руськой земля. Аминь.

Служба Воздвиженью Креста Косьмы Маюмского

Подготовка текста, перевод и комментарии Т. В. Ткачевой
Праздник Всемирного воздвижения честного и животворящего креста (14 сентября) установлен церковью в воспоминание обретения креста Господня в 335 г.

Центральной частью службы Воздвиженью является канон Воздвиженью Креста, принадлежащий одному из крупнейших византийских гимнографов VII–VIII вв. Косьме Маюмскому (Иерусалимскому). Современник и друг Иоанна Дамаскина, он подвизался одновременно с ним в лавре савваитов близ Иерусалима, позднее был епископом города Маюмы близ Газы.

«Канон – жанровая форма византийской гимнографии, сложившаяся к VIII в. Структура канона сложна: он состоит из девяти “песней” (нормально – из восьми, ибо вторая “песнь” опускается во всех канонах, кроме великопостных), причем каждая “песнь”, соотносимая с определенным библейским моментом, членится на “ирмос” (зачин) и несколько “тропарей”; полное “чинопоследование” канона включает и другие компоненты. Поэтика канона отмечена торжественной статичностью, медлительной витиеватостью» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 341).

Служба Воздвиженью входит в числе других служб в состав служебных миней. Славянский перевод миней – древний, осуществлен в конце X–начале XI в. на славянском юге. Этот древнейший перевод дошел до нас в так называемой русской редакции. Все сохранившиеся списки имеют обширный репертуар грамматических, орфографических и лексических русизмов.

Публикуемый славянский текст Службы Воздвиженью содержится в древнерусской служебной минее XII в. из собрания Новгородского Софийского собора (РНБ, Софийское собр., 188). Служба Воздвиженью наряду с другими издана и исследована И. В. Ягичем в его работе «Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по

русским рукописям 1095–97 гг.». (СПб., 1886). В качестве основного им использован список Праздничной минеи, данные Софийского списка учтены в разночтениях. Нами выбран Софийский список, поскольку именно в нем Служба Воздвижению в большинстве случаев содержит корректные чтения. Ряд исправлений в нашей публикации делается с учетом списков, изданных И. В. Ягичем, а также греческого текста канона Космы Маюмского (PG. 98. 501–504).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПАМЯТНИКЕ

Икос – (греч. οἶκος – дом) – церковное песнопение, вмещающее в себе прославление святого или празднуемого события.

Ирмос – (греч. εἶρω – связываю, соединяю) – первый тропарь в ряду других, составляющих одну песнь канона, служащий для них образцом.

Кондак – греч. κοντάκιον – церковное песнопение, содержащее похвалу святому или выражающее сущность праздника. Кондак – краткая песнь, икос – более пространная. Икос читается после кондака.

Подобен – греч. προσόμοιος – помета в богослужебных книгах над стихирами и другими песнопениями, указывающая на «подобие», сходство их с предыдущими по содержанию, размеру и гласу.

Прокимен – (греч. πρόκειμαι – положен впереди) – стих из Псалтири, приновленный к значению праздника.

Самогласен – греч. αὐτόμελος – песнопение, размер, глас и содержание которого совершенно самостоятельны.

Седален – греч. κάθισμα – стих, во время исполнения которого разрешено сидеть.

Слава и ныне – возглас священника: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне, и присно, и вовеки веков, аминь!»

Тропарь – греч. τροπάριον – краткое песнопение, составленное в честь праздника или святого.

* * *

ТОГО ЖЕ МЕСЯЦА В ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ВОЗДВИЖЕНИЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА

Тропарь второго гласа. Животворящий крест твоей благодати, который ты даровал нам недостойным, Господи, тебе приносим как молитву. Спасай князя и людей, молящихся тебе, ради Богородицы, о единственный Человеколюбец.

Седален гласа шестого. Сегодня сбылось пророческое слово, ибо вот мы поклоняемся на месте, где стояли твои ноги, Господи. И приняв древо Спасения, получили мы свободу от греховных страстей молитвами Богородицы, о единственный Человеколюбец.

Крест твой, Господи, освятился, ибо от него бывают исцеления болеющих грехами, с ним к тебе припадаем, помилуй нас!

Только водружено было древо креста твоего, сдвинулись основания смерти, Господи. Кого ад поглотил с жадностью, того отпустил, трепеща. Ты показал нам спасение твое, Святой. Славословим тебя, Сын Божий, помилуй нас.

Соделав спасение посреди земли, Христе Боже, ты простер на кресте свои пречистые руки, собирая все народы, вопиющие: «Господи, слава тебе!».

Кондак четвертого гласа, самогласен. Вознесшийся на крест добровольно, тезоименитому ныне граду твоему щедроты твои подай, Христе Боже. Возвесели силою своею верного князя нашего, даруя ему победу на супостатов, ибо помощь твоя ему – оружие мира – непобедимая победа.

Икос, подобен. Кто вознесен был до третьего неба, а потом в рай, и слышал неизреченные божественные глаголы, которые нельзя высказать языком, что пишет к возлюбленным галатам? Прочли вы писание и поняли: «Я не буду, – сказал он, – хвалиться ничем, только одним Господним крестом», на котором он, пострадав, убил страдания. Его и мы будем неколебимо держаться, креста Господня, похвалы всех, ибо для нас это древо спасения.

Стихира шестого гласа, подобна: Все упование. Моисей прообразуя крест, воздел руки на высоту и победил Амалика мучителя образом честного креста. Ибо крест верным похвала, мученикам крепость, апостолам украшение, праведным защитник, всем преподобныи спасение. Поэтому, видя его

воздвигаемым, вся тварь веселится и празднует, славя Христа, благодатью креста собравшего рассеянных со всех концов земли.

Крест, воздвигаемый вознесенному на нем, повелевает всей твари воспеть пречистую страсть, ибо на нем убил он убившего нас, и, умерщвленные, мы восстали. И ублаготворил нас премножеством благодати и сподобил жить на небесах, ибо он милосерд. Поэтому вознесем имя его, радуясь, и возвеличим его великое сошествие.

О преславный крест! Тебя, ныне воздвигаемый по божественному велению, хвалят ангельские чины, вопия. Ибо ты возносишь всех, отступивших через греховное ядение и впавших в смерть. Поэтому мы, верные, лобызаем тебя сердцами и устами, принимая освящение и вопия: «Возносите Христа, преблагого Господа, и поклоняйтесь Кресту – Божью подножию!»

Ина стихира, глас восьмой, подобен: О преславное чудо. О преславное чудо! Животворящий сад, пресвятой крест, воздвигаемый на высоту, является ныне. Славословят его все концы земли. Изгоняются все демоны. О Божие дарование, дарованное земным! Им, Христос, спаси души наши, ибо ты милостив.

О преславное чудо! Широта креста и долгота равна небесам. И Божественною благодатью освящаются концы земли. Ибо им побеждаются варварские народы, ибо им утверждается вера – божественная лестница, по которой восходим на небеса, вознося в песнях Христа Бога.

О преславное чудо! Гроздь, исполненная жизни, поднявшая Всевышнего, взимается с земли – воздвигается ныне крест, которым мы все были приведены к Богу и которым была пожрана окончательно смерть. О древо чистое, чрез которое мы восприняли в Эдеме бессмертную пищу, славя Христа.

По прокимне, глас восьмой, самогласен. Тому, которого древле Моисей прообразил собой и победил, низложив, Амалика, и подножию которого Давид-певец повелел поклоняться, мы, грешные, поклоняемся ныне, Христе Боже, честному кресту твоему. Воспевая недостойными устами тебя,

изволившего пригвоздиться на нем, молимся тебе: Господи, с разбойником царствия твоего сподоби нас.

Стих. Возносите Господа Бога нашего. Слово пророка твоего Моисея исполнилось, Боже, возвещавшее: «Увидите жизнь нашу, висящую перед глазами вашими». Ныне крест воздвигается и мир от лжи освобожден. Ныне Христово воскресение обновляется и концы земли радуются, принося тебе песнь с бубнами, подобно Давиду, и говоря: совершил ты спасение посреди земли, Христе Боже, – распятие и воскресение, которым ты спас нас, благой Человеколюбец, всемогущий Господь, слава тебе!

Стихира. Вознесшийся на небеса. На «Слава и ныне», глас шестой. Четвероконечный мир ныне освящается, когда возносится твой четвероконечный крест, Христе Боже наш. И рог верного князя нашего совозвышается, когда на нем сокрушены рога врагии. Велик ты, Господи, и дивен в делах твоих, слава тебе!

Заутреня

На стиховне, глас восьмой. Вознесся ты на крест, Христе Боже, и спас человеческий род. Славим страдания твои.

Как прежде в райском Эдеме произросло дерево плодовое посреди растений, так церковь твоя, Христе, дала цвет кресту, источающему всему миру жизнь. Но то умертвило вкусившего Адама, это же оживотворило спасшегося верою разбойника, к награде которого сопричти нас, Христе Боже, страданием своим освободи нас от гнева вражьего и сподоби нас царствия твоего, Господи.

Жезл Моисея прообразовал крест твой, Спаситель наш, ибо им спасаешь словно из глубины морской народ свой, Человеколюбец.

Глас шестой. О крест Христов! Упование христиан, наставник заблудших, покой труждающихся, победа в сражениях, укрепление вселенной, врач болящих, воскресение мертвых, помилуй нас!

Канон кресту. Глас восьмой

Песнь первая

Крест начертав жезлом напрямую, Моисей рассек Красное море, так что прошел Израиль; и его же, обратив на фараона с колесницами, соединил, ударив, наоборот написав непобедимое оружие. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Образ пречистого страдания явил собою прежде Моисей, стоя между двух священников, простертыми руками изображая крест, погубив державу Амалика всегубителя. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Ввысь поднял Моисей на копье исцеление, избавление от тления и ядовитого укуса. И к древу, образу креста, привязал ложь пресмыкающегося по земле змея, обличив тем зло. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо он прославился.

Показало небо владыке благочестия и богомудрому царю победу креста, и им разрушил он мятежи сопротивляющихся врагов. Ложь прекратилась и вера божественная распространилась до концов земли. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Песнь третья

Жезл принимается в образ тайны, ибо он цветением указал на иерея. Бесплодная же прежде церковь цвет дала ныне древу креста в державу и утверждение.

Как ударяемый камень испустил воду сопротивляющимся и жестокосердым людям, так крест являет тайну богозванной церкви, для которой он – держава и утверждение.

Пречистые ребра пронзены копьем, и вода с кровью истекла в обновление завета и омовение греха. Ибо верным – крест – похвала, а царям – держава и утверждение.

Песнь четвертая

Ирмос. Господи, я внял тайне твоего предначертания, уразумел дела твои и прославил твое Божество.

Горькие от природы воды прежде в пустыне Моисей превратил дровом в сладкие, прообразуя обращение язычников через крест к благочестию.

Утонувшую в глубине секиру возвратил Иордан, из-за древа, через крест и крещение отсечение лжи знаменуя.

Священно укрепляется народ, разделенный на четыре части, образ свидетельства скинии являя крестообразными построениями.

Дивно простершийся крест испускал солнечные лучи – небеса исповедали славу Бога нашего.

Песнь пятая

О треблаженное древо, на котором распялся Христос, Царь и Господь! Тобою прельщен был и пал тот, который прельстил людей древом, когда плотью пригвожден был на тебе Христос, подающий мир душам нашим.

Тебя, воспетое древо, на котором распялся Христос, устыдился вращающийся меч, охраняющий Эдем, и в страхе отступил херувим от тебя, когда распят был Христос, подающий мир душам нашим.

Силы преисподней, противные кресту, устрашаются начертаемого в воздухе, где они витают, знамения. Колена же небесных и земных родов кланяются Христу, подающему мир душам нашим.

Как негаснущая заря явился Божественный крест помраченным грехами народам, Божественным светом пребывающих во тьме лжи просветил, приводит к распятому на нем Христу, подающему мир душам нашим.

Песнь шестая

Внутри утробы морского зверя Иона распростер руки крестообразно, ясно прообразуя спасительное страдание и, выйдя через три дня, явил собою образ надмирного воскресения пригвожденного во плоти Христа Бога, просветившего мир трехдневным воскресением.

Согбенный от старости и отягчаемый недугом, поднялся Иаков, перекрестив возложенные руки, являя действие живоносного креста. Ибо ветхое и подобное тени законное писание обновил Христос Бог, пригвожденный на кресте, и тем прогнал растлевающий души недуг – ложь.

Возложив руки крестообразно на юные головы, божественный Израиль явил как старшую славу подвластный закону народ. Подозреваемый в заблуждении, не изменил он

образа живоносного креста, ибо придет обновленный народ, ограждаемый крестом, ко Христу, вопия.

Песнь седьмая

Безумная заповедь злочестивого мучителя, изрыгающая угрозу и хулу богомерзкую, заставляла людей трепетать. Но трех отроков не коснулась ни ярость звериная, ни огонь пожирающий. Когда веял хладный дух, они пели, находясь в огне: «Воспетый Боже отцов наших – ты благословен!»

Вкусив от древа, первый человек вселился в тление, осужденный на отпадение от жизни и на позор, всему роду человеческому передал он телесное тление как недуг, как заразу. Но с обретением пути ко спасению мы, земнородные, взываем к крестному древу: «Воспетый Боже отцов наших – ты благословен!»

Ослушание нарушило Божие веление, и древо, к которому неблагоприятно прикоснулись, принесло смерть земнородным. Отселе живоносное древо возбраняет неблагоприятному разбойнику то, что открыло благоприятному, вопиющему: «Воспетый Боже отцов наших – ты благословен!»

Касался края жезла Иосиф, провидел будущее державное царство Израиль, ибо достигнет оно славы, явив преславный крест. Ибо крест есть царям победная похвала и свет с верою взывающим: «Воспетый Боже отцов наших – ты благословен!»

Песнь восьмая

Благословите, дети, равночисленные Троице, Творца Отца Бога, воспойте сошедшего Бога – Слово, превратившего огонь в росу, и превозносите всем подающего жизнь Святого Духа вовеки!

При воздвижении древа, окропленного кровью воплотившегося Слова Божия, воспойте, небесные силы, воздвижение земных! Люди, торжествуя, поклонитесь кресту Христову, подавшему воскресение миру навеки!

Хранители благодати, земными руками воздвигните святолепно крест, на котором встал Христос Бог, и копье, пронзившее тело Слова Божия, – да видят все народы, спасение Божие прославляя вовеки!

Избранные Божиими судьбами, веселитесь, христианские верные цари, хвалитесь победоносным оружием, приняв от Бога честной крест, ибо им все племена, ищущие брани, побеждаются навеки.

Песнь девятая

Богородица! Ты есть таинственный райский сад, невозделанно взрастивший Христа, который насадил на земле живоносное крестное древо. Потому величаем тебя, Богородица, поклоняясь ныне возносимому кресту.

Да возрадуются все деревья лесные, ибо освятилось естество их от того, кто насадил их, когда распялся на древе Христос. Потому величаем тебя, Богородица, поклоняясь ныне возносимому Кресту.

Встал священный рог головы всех богомудрых – Крест, на котором мысленно стираются рога всех грешников. Потому величаем тебя, Богородица, поклоняясь ныне возносимому Кресту.

Из-за древесного плода пребывавшая в человеческом роде смерть из-за креста ныне отменена. Ибо проклятие праматери всех людей разрушилось плодом, который произрастила пречистая Божия Мать, которую все силы небесные величают.

Не оставив древней убийственной горести, крестом ты уничтожил ее до конца. Потому и древо некогда усладило горечь вод Мерры, прообразуя действие креста. Потому тебя с силами небесными величаем.

Непрестанно мучимого мраком праотца Адама ты, Господи, воздвиг сегодня крестом, ибо от лжи, прежде бывшей, человеческое естество было низведено в ад. Нас снова всеславно исправил свет креста твоего, который мы, верные, величаем.

Чтобы показал миру образ поклонения, Господи, Ты украсил, озарив светом неугасаемым, славное знамение креста на небе, – подавая царю непобедимое оружие. Потому Тебя силы небесные величают.

* * *

МЕСЯЦЯ ТОГО ЖЕ ВЪ 14

ВЪЗДВИЖЕНИЕ ЧЪСТНААГО КРЪСТА

Тропарь гласа 2. Живящий крестъ твоея благодати, егоже дарова намъ недостойнымъ, Господи, тебе приносимъ въ молитву. Спасай князя⁷⁹⁹ и люди молящая тя, Богородица ради, едине Человеколюбче.

Съдаленъ гласа 6. Днесъ пророческое събысться слово, се бо покланяемъся на мѣстѣ, идеже стоясте нозѣ твои, Господи. И древо спасения приемъши, грѣховныхъ страсти свободу улучихомъ молитвами Богородица, едине Человеколюбче.

Крестъ твой, Господи, освятися, тѣмъ бо бывають цѣления болящимъ грѣхы, темъ припадаемъ ти, помилуй насъ.

Тѣмъ въдружися древо креста твоего, основания подвижашася смърти, Господи. егоже пожре, любя адъ, отпусти трепѣща. Показа намъ спасение твое, святой. Славословимъ тя, Сыне Божий, помилуй насъ.

Спасение съдѣя посреде земли, Христе Боже, на крестѣ пречисти руцѣ свои простѣрь, собирая вся языки, въпьюща: «Господи, слава тебе!»

Кондак гласа 4, самогласен. Възнесыйся на крестъ волею, тѣзнууму и нынѣ граду твоему⁸⁰⁰ щедроты твоя подаждь, Христе Боже. Възвесели силою своею вѣрнаго князя нашего, побѣду дая ему на супостаты, пособие имуща твое оружие – мира непобѣдиму побѣду.

Икос, подобен. Иже по третьимъ небесе възсхыщенъ бывъ на рай, и глаголы слышавъ неиздреченныя Божия,⁸⁰¹ ихъже не лѣтъ языки глаголати, что къ галатомъ писать яко рачителемъ? Писание почтѣюте и разумѣстѣ. «Мънѣ, – рече, – хвалитися да не будѣтъ, тѣмъ еже о единомъ кресте Господни»,⁸⁰² на немъже страдавъ, уби страсти. Того убо и мы извѣстно дѣржимъ, креста Господня, похвалу въсѣхъ, есть бо намъ спасное се древо.

Стихира гласа 6, подобна: Все упование. Моиси прообразуя, руцѣ въздѣвъ на высоту и побѣжая Амалика мучителя крестѣмъ чѣстнымъ.⁸⁰³ Тѣ бо вѣрнымъ хвала, мученикомъ крѣпость, апостоломъ украшение, правдынимъ възбранникъ, всемъ преподобнымъ спасение. Темъже и въздвижемъ видящи, вся тварь веселиться и празднуеть,

славящи Христа, тъмъ бо растоящая събъравшааго и отъ коньць благодатью.

Кръсть, въздвизаемъ на немъ възнесенуму, страсть пречистую пѣти повелѣваетъ твари всея, на томъ бо убивъ нас убившааго, и умърщвении въставихомъся. И удобри, и на небесъхъ жити сподоби, яко милосърдъ, премъножьствъмъ благодати. Тъмъ радующеся, възнесѣмъ имя его и того възвеличимъ великое съшъствие.

Кръсте преславный! Тя хвалятъ чинове англъсци, въпьюще, дньсь възносима Божиємъ велѣниемъ. Въносиши бо вся ядью оступльша и въ смърть въпадъшася.⁸⁰⁴ Тъмъже тя сърдъци и устынами вѣрнии лобызаемъ, съвящение приемлюще: «Въносите, – въпьюще, – Христа, прѣблагото Господа, и тому кланяйтеся – Божию подъножию!»

Ина стихира, глас 8, подобен: О преславное чудо. О преславное чудо! Животворяй садъ, кръсть пресвятый, на высоту въздвижемъ, является дньсь. Славословестяты и́ вси коньци земля. Прогоними же бивають вси дѣмони. О, Божие дарование земельнымъ даровася! Имъже, Христе, спаси душа наша, яко милостивъ.

О преславное чудо! Широта кръста и дѣлгота небесъмъ равна есть. И Божиею благодатию свящаеъ коньца земли. Симъ бо языци варварьсци побѣждени бивають, симъ бо вѣра утвържаетъся и Божия лествица, еюже въсходимъ на небеса, възносяще пѣсньми Христа Бога.

О преславное чудо! Гързнъ испълнь живота, понесый Вышняго, отъ земля възимаяся, – кръсть въздвизаетъся дньсь, имъже къ Богу приведѣни быхомъ вси и пожърта бысть до коньца смърть. О древо чистое, имъже въсприяхомъ въ Едемѣ бесъмъртнью пищу, Христа славяще.

По прокимне глас 8, самогласен. егоже древле Моиси, прообразивъ собою, Амалика, низъложивъ, побѣди,⁸⁰⁵ и Давидъ пѣвць подножью твоему, въпя, кланятися повѣлѣвааше,⁸⁰⁶ чьстьному кресту твоему, Христе Боже, дньсь грѣшнии кланяемъся. Устынами недостойнами, тя, извольшааго пригвоздитися на немъ, и, въспоюще, молимъ ти ся: Господи, съ разбойникъмъ царьствию твоему сподоби насъ.⁸⁰⁷

Стих. Възнесите Господа Бога нашего. Глас пророка твоего Мосеа. Боже, исполнися, глаголющий: «Узрите животъ нашъ, висящъ прямо очима вашима».⁸⁰⁸ Дньсь кръсть въздвизается и миръ отъ лъсти свободися. Дньсь Христово възкръсение обнавляється и коньци земля радуются, въ бубнѣхъ давидьскы пѣснь ти приносяща и глаголюща: съдѣлалъ еси спасение посрѣдѣ земля,⁸⁰⁹ Христе Боже, распятие и възкръсение, имже насъ спасе, благый Человеколюбче, всесильне Господи, слава тебе.

Стихира. Възнесыйся на небеса. На «слава и на ныне», глас 6. Четвероконьный миръ дньсь освящается, четвероконьну възвышаему твоему кръсту, Христе Боже нашъ. И рогъ вѣрнааго съвъзвышается кнзя нашего, на томъ вражиемъ съкрушенѣмъ рогѣмъ. Велий еси, Господи, и дивнѣ въ дѣлѣхъ твоихъ, слава тобѣ.

Заутреня

На стиховне, глас 8. Възнесеся на кръсть, Христе Боже, и спасе человечьскыи родъ. Славимъ страсти твоя.

Иже въ Едеме раи древле древо сънѣдное прозяблѣ есть посрѣдѣ садовия,⁸¹⁰ църкы же твоя, Христе, кръсть твои процвѣтѣ, источьшаго всему миру жизнь. Нѣ ово умъртви сънѣдью ядѣша Адама,⁸¹¹ ово же животъ сътвори вѣроу спасѣшася разбойника, егоже отъданью причастьники яви ны, Христе Боже, страстью своею раздреша иже на насъ гневъ вражий и съподобилъ ны църкѣ твоему, Господи.

Мосеова палица чьстныи кръсть твои пробразоваше, Спасе нашъ, тѣмъ бо спасаеши яко из глубины морьскыя люди своя,⁸¹² Человеколюбче.

Глас 6. Кръстѣ Христовѣ! Кръстьяномъ упование, заблужьшиимъ наставниче, тружajúщиимъ тишина, на бранѣхъ побѣда, вселенѣй утвържение, недужнымъ врачу, мъртвымъ възкръсение, помилуй насъ!

Канон кръсту. Глас 8

Пѣснь 1

Кръсть начьртавъ, Моиси въпрямъ жьзлѣмъ Чьрмьное пресѣче, Израилю проходящю; то же, обращъ на фараона съ

колесницами, ударъ съвѣкупи, въпреки написавъ⁸¹³ непобѣдимо оръжие. Тѣмъ Христа въспоймъ Бога нашего, яко прославися.

Образъ древле Моиси пречистыя страсти на сѣбе прообразова, священою середѣ стоя, кръсть же въображся простертама побѣду дланѣма въздвиже, държаву погубивъ Амалика⁸¹⁴ всегубителя. Тѣмъ Христа въспоймъ Бога нашего, яко прославися.

Горѣ въздвиже Моиси на копие ицѣление, тѣлтворения избавление и ядовитааго уядения. И древу образъмъ кръста пресмыкаема по земли змия привяза⁸¹⁵ лукавное, о семъ обличивъ вредъ.⁸¹⁶ Тѣмъ Христа въспоймъ Бога нашего, яко прославися.

Показа небо кръстьную побѣду благочѣстья държателю и цѣсарю богомудру,⁸¹⁷ на немъже врагъ противныхъ разори шатание. Лѣсть превратися и вѣра простѣрся на земли коньцемъ божьствѣна. Тѣмъ Христа въспоймъ Бога нашего, яко прославися.

Пѣснь 3

Жызль въ образъ *таинъ* приемлеться, прозябениемъ бо расуди иерея.⁸¹⁸ Неплодящии же прежде църквѣ ныне процвѣте дрѣво кръста въ държаву и утвържение.

Яко испусти ударяемъ воду камень⁸¹⁹ противнымъ людѣмъ и жестосръдыимъ, богозъванѣй църквѣи проявляше тайну, ейже кръсть държава и утвържение.

Ребромъ пречистымъ копѣемъ прободѣномъ, вода съ крѣвю истече,⁸²⁰ обнавляющи завѣтъ, и омѣвение грѣху. Вѣрнымъ бо кръсть похвала и цѣсаремъ държава и утвържение.

Пѣснь 4

Ирмос. Услышахъ, Господи, съмотрения твоего тайство, разумѣхъ дѣла твоя, и прославихъ твое Божество.

Горькочадѣныя преложи древѣмъ Моиси воды въ пустыни⁸²¹ древле, кръстьмъ на благочѣстие языкъ проявляя преложение.

В глубинѣ погрязышую сѣкущую въздасть *Иорѣданъ* древѣмъ,⁸²² кръстьмъ и крѣщениемъ сѣчениемъ лѣсти знаменава.

Священно укрѣпляются четверочастнии людие преходяще, образѣ свѣдѣтельства скинии крестообразными чинѣми проявляся.⁸²³

Дивно простираемъ сълнчньныя луча испущааше крѣсть – исповѣдаша небеса славу Бога нашего.

Пѣснь 5

О трѣблаженое древо, на немъже распятъся Христосъ, Цесарь и Господь, имъже падесе, иже древѣмъ прельщій, тобою прельщенъ бысть, Христови пригвождѣшюмуся плътю, подающюму миръ душамъ нашимъ.

Тѣбѣ, препѣтое древо, на немъже распятъся Христосъ, Едема хранящее, обращающееся оружие, *крѣсте*, устыдѣся, и страшнѣе же херувимъ⁸²⁴ оступи ти, распятому Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Преисподньнихъ силы, противньни крѣсту, устрашаются начѣртаемааго знаменія на въздушѣ, по немъже ходять. Небесньныхъ, земельныхъ родъ же колѣна кланяются Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Зарями нетѣлющими явлься Божьствьныи крѣсть омраченымъ языкѣмъ грѣхѣми, въ тѣмѣ льсти сущи Божий свѣтъ облиставъ, въводитъ на немъ распятому Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Пѣснь 6

Водьну звѣри въ утробѣ длани Иона крестообразно распростѣрь,⁸²⁵ спасьную страсть проображаше яснѣ, тѣмъ, триднѣвнѣ ишѣдъ, премирное възкрѣсение прописаше плътю пригвождена Христа Бога и триднѣвнымъ възкрѣсениемъ мира просвѣщашааго.

Старостью преклонься и недугѣмъ отягченъ, исправися Ияковъ, руце преложъ,⁸²⁶ дѣйствѣе являя живодавьца крѣста. Обѣтъшание бо и законнааго стѣнааго писанія понови, писавъ, пригвождийся на немъ Христосъ Богъ и душетленьный недугъ – льсть отъгналъ есть.

На уная възложъ длани божьствьный Израиль крѣста образно на главу,⁸²⁷ являше, яко старѣйши слава законнослужбнии людие. Мнѣвъ тѣмъже съпрельститися, не

изменова живоносна образа, преминуть бо людие Христа Бога обновлении въпяху, крѣстьмъ огражаеми.

Пѣснь 7

Безумна заповѣдь мучителя зѣлочѣстива людѣми поколѣба, дышущи прещениемъ и злохулениемъ богостужбыимъ. Обаче три отрокъ не искуси ярость звѣрская, ни огонь сънедаей.⁸²⁸ Нѣ дышущю хладѣнууму духу, съ огнемъ суще пояху: «Прѣпѣтый отѣцъ нашихъ Боже благословенъ».⁸²⁹

Отъ древа въкушъ, пѣрвый въ чловецехъ въ тѣлѣние въселися,⁸³⁰ въпадениемъ живота, бещѣствемъ осуженъ бывъ, всему роду *тѣлотлѣннѣ*⁸³¹ нѣкакъ яко врѣдъ нѣкакъ недуга подалъ есть. Нѣ обрѣтъше, земльнии, възведение, крѣстьноуму древу зовемъ: «Прѣпѣтый отѣцъ нашихъ Боже благословенъ».

Разруши велѣние Бога ослушание, и древо изнесе смѣрть зѣмьныимъ, еже не благо время преложено. Въ утвѣржение зѣло чѣстѣнууму отѣсѣле живоносное дрѣво възбраняетъ еже разбойнику нечювьственууму, отъвързе благоразумѣну,⁸³² въпьющю: «Прѣпѣтый отѣцъ нашихъ Боже благословенъ».

Жьзлѣ ся касаетъ краевѣ Иосифъ,⁸³³ бывающихъ зѣря Израиль цѣсарѣства дѣржавное, яко прѣспѣетъ, преславный крѣсть проявляя. Съ убо есть цѣсаремъ побѣдѣная похвала и свѣтъ вѣрою зовущимъ: «Прѣпѣтыи отѣцъ нашихъ Боже благословенъ».

Пѣснь 8

Благословите, дѣти, Троици равѣночисльнии, Съдѣтеля Отѣца Бога, пойте съшѣдѣшааго Слова, и огонь въ росу претворѣшааго,⁸³⁴ и превѣзносите въсемъ живота дающааго Духа Пресвятааго въ вѣкы вѣся.

Въздвизаему древу, окроплѣну кровью въплѣщѣшюся Слову Божию, пойте, небесьныя силы, земьныхъ въздвижение! Празднующе людие, поклонитѣся крѣсту Христову, имѣже миру възкрѣшение въ вѣкы.

Земьныя длани, съмотрителе блгодѣти, крѣсть, на немѣже ста Христосъ Богъ, въздвижете святолѣпнѣ и копѣе, Божия Слова тѣло прободѣшее, да видятъ языци вси спасение Божие, прославляюще въ вѣкы вѣся.

Божиємъ судьмъ избърании, веселитесь, кръстьяньскыи верьнии цъсаре, хвалитесь побѣдоноснымъ оружиємъ, приимъше отъ Бога кръста чьстьнааго, симъ бо колѣна, брани дързость поискающе, расыпаются въ вѣкы вся.

Пѣснь 9

Тайный си Богородице рай, невъздѣланьно вздрастивъши Христа, имже кръстное живоносное на земли насажено бысть древо. Тѣмъ нынѣ възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Да въздрадуются дубравная дрѣвеса всячьская, освящшюся естеству ихъ, отъ негоже бѣ испрѣва насажено бысть, Христови распростършюся на дрѣвѣ. Тѣмъ ныне възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Священный вѣста рогъ богомудрымъ главѣ вѣсѣмъ кръстѣ, на немже грешныхъ мыслныхъ сътираются рози вси. Тѣмъ нынѣ възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Снѣди ради дрѣвяныя роду пребывшия, смърть кръста ради упразнися дньсь, ибо праматере всеродная клятѣва раздрушися прозябениємъ чистыя Божия Матере, юже вся силы небесныя величаютъ.

Не горестъ дрѣвню⁸³⁵ оставль убийственую си кръстѣмъ до коньца потребилъ еси. Тѣмъ и древо услади дрѣвле горестъ, водъ мерьскъ,⁸³⁶ проображая кръстную дѣтѣль. Темъ тя с силы небесныя величаемъ.

Непрестаньно тружаема мракѣмъ праотца, Господи, кръстѣмъ въздвиже дньсь, яко бо льсти зѣло неудържаньно естество прежде съведено бысть. *Всепричтено*⁸³⁷ ны паки исправи свѣтъ кръста твоего, егоже верьнии величаемъ.

Да образъ покажеш ми рови покланяемо, Господи, кръста вьсѣхъ, яко славна на небеси, украсилъ еси, свѣтомъ неугасаемымъ озаренъ, цесареви оружие непобѣдно. Тѣмъ тя силы небесныя величаютъ.

Примечания

¹ - Богъ милостивъ и щедръ...животу... – Монтаж цитат из разных библейских книг: Иоиль. 2, 13; Тим. 2, 4; Иез. 33, 11.

² - Овча моя ... вѣчныи. – Иоан. 10, 27.

³ - Подобни ми биваите ... Христу. – 1Кор. 11, 1.

⁴ - Солунъ (Селунъ) – Фессалоника, современные Салоники – город на северном побережье Эгейского моря, в IX в. один из главных городов Византийской империи.

⁵ - Другарескъ – друнгарий, командир «друнги», в иерархии военных властей фемы (военно-административного округа в Византии IX–X вв.) занимал следующее место: стратиг – турмарх – друнгарий – комит.

⁶ - Стратиг – глава фемы.

⁷ - Иов – библейский праведник (книга Иова).

⁸ - ...семь отрокъ... – Неоднократное упоминание числа 7 или кратных ему для определения событий в жизни героя или его родителей заставляет подозревать, что это не столько реальные даты, сколько стремление агиографа использовать для измерения священное число. Можно отметить и другие характерные для агиографии мотивы: отказ младенца от молока кормилицы, отказ родителей после его рождения от плотских сношений.

⁹ - Егда же роди и мати... – По свидетельству Жития Константин скончался 14 февраля 6377 г. (т. е. 869 г. по сентябрьскому стилю, принятому в Византии, или 870 г. – по мартовскому, который мог применяться в Великой Моравии), 42 лет от роду. В соответствии с этим его рождение следует относить либо к концу 826–началу 827 г., либо к концу 827–началу 828 г. В памятнике церковного происхождения, принадлежащем к византийскому культурному миру, логичнее ожидать первый вариант.

¹⁰ - ...отца и устроителя...кръстияны. – Имеется в виду византийский император, считавшийся главой всех христиан на земле.

¹¹ - ... видѣ сонъ... – Рассказ о чудесном сне сложился под влиянием сочинений знаменитого церковного деятеля, теолога и писателя IV в. Григория Назианзина. В Житии сон Константина приспособлен к условиям жизни IX в., когда был распространен выбор невесты для императора или наследника из числа собранных в столицу красавиц.

¹² - Сыну, храни законъ... матери своя. – Притч. 6, 20.

¹³ - Свѣтилникъ бо ... и свѣтъ. – Притч. 6, 23.

¹⁴ - Рчи же ... створи. – Притч. 7, 4.

¹⁵ - Сияеть бо ... избавишися ею. – Ср. Прем. 7, 29; 8, 2; 10, 9.

¹⁶ - Плакида – Евстафий Плакида – римский военачальник; согласно его житию, обратился в христианство, увидев во время охоты оленя с крестом между рогами (Житие Плакиды см. БЛДР, 3).

¹⁷ - Григорий Феолог – Григорий Богослов (Назианзин).

¹⁸ - О Григорие... и учитель. – Данный текст – попытка стихотворного перевода с греческого языка молитвы Константина.

¹⁹ - Вшед же въ мнози ... сердца своего. – Эпизод свидетельствует о том, что в провинции в IX в. можно было получить лишь начальное образование.

²⁰ - Логофет – с VII в. глава важнейших центральных ведомств Византии, здесь – логофет Феоктист, первый министр при дворе императрицы Феодоры и ее малолетнего сына Михаила III в 40-х–начале 50-х гг. IX в.

²¹ - ...да ся бы съ царемъ училъ. – Данное свидетельство маловероятно, так как Михаил III был значительно моложе Константина.

²² - Боже отецъ наших... премудрость... – Прем. 9, 1–2, 4.

²³ - ...да разумѣвъ... спасуся. – Ср. Прем. 9, 10, 19.

²⁴ - Азъ бо есмь ... твоя. – Ср. Пс. 115, 7; Прем. 9, 5.

²⁵ - Царьград – Константинополь, столица Византийской империи.

²⁶ - Лев – Лев Математик – ученый IX в., возобновивший занятия точными науками и изучение античных текстов; позднее – глава государственного училища, созданного дядей императора Михаила III Вардой.

²⁷ - Фотий – филолог, знаток древних авторов, теолог; в 40–50-х гг. крупный государственный чиновник, с 858 г. – патриарх Константинопольский.

²⁸ - Научи же ся Омиру ... художествомъ. – Перечень наук традиционен и соответствует курсу организованного позднее Константинопольского университета. Упоминание на первом месте не связанных между собой Гомера и геометрии, возможно, объясняется тем, что этим наукам Константин учился у Льва, а остальным – у Фотия.

²⁹ - Скорость бо ся ... съ Богомъ жити. – Мозаика фрагментов из Похвального слова Василию Великому Григория Богослова.

³⁰ - Княжение – термин для обозначения архонтии, территории, населенной славянами, во главе которой ставился вместо местного князя чиновник.

³¹ - ...прадѣдья чѣсти... искати. – Прадедом назван Адам, отыскать его честь и богатство – достичь совершенства, которым отличался праотец до грехопадения. Отрывок следует трактовать как отказ от светской карьеры и желание стать монахом.

³² - Царица – Феодора, вдова императора Феофила (829–842), мать Михаила III (842–867), после смерти мужа и до 850 г. – правительница.

³³ - ... книгчии... – Вероятно, имеется в виду библиофилакс – библиотекарь, поскольку Константин как молодой клирик, не имевший опыта работы в администрации, не мог сразу стать хартофилаксом – главой патриаршей канцелярии и архива, а должен был получить более скромную должность. Так как все известные хартофилаксы были дьяконами, Константин не мог получить сан выше, и сообщение о посвящении его сразу в священники – неточно. В украинско-белорусских списках Жития, обладающих рядом текстологических особенностей, должность

Константина обозначена как «сосудохрани́тель», т. е. скевофилакс – хранитель патриарших облачений.

³⁴ - ...патриарх... – Вероятно, имеется в виду патриарх Игнатий (847–858).

³⁵ - Святая София – собор в Константинополе, при котором находились патриаршая библиотека и архив.

³⁶ - Узкое море – пролив Босфор.

³⁷ - Умолиша же ... ся ять. – Возможно, речь идет о назначении Константина преподавателем Константинопольского университета.

³⁸ - Анний патриарх – Иоанн Грамматик, патриарх Константинопольский (837–842), глава партии иконоборцев. Анний – презрительная кличка, данная ему его противниками. Рассказ о диспуте вызывает сомнения исследователей, так как подобные рассказы известны и в житиях других святых того же времени.

³⁹ - Патрикий – один из высших византийских почетных титулов.

⁴⁰ - Не сътвориши всякого подобиа. – Ср. Исход 20, 4 в Острожской Библии.

⁴¹ - Не сътвориши подобиа. – Ср. Исход 20, 4; Вт. 5, 8.

⁴² - Чтение второе. – Следующий далее рассказ о посольстве к арабам неоднократно вызывал сомнения, так как такое посольство не упоминается в других источниках. Однако некоторые детали свидетельствуют о том, что это посольство имело место.

⁴³ - Давида... с тремя каменми... – См. 1 Царств. 17, 40. В Библии говорится о пяти камнях. Здесь отразился след глаголического оригинала: в глаголице В (3) и Д (5) имеют очень близкое начертание.

⁴⁴ - Асикрет Георгий – византийский дипломат, ведший переговоры с арабами. Полагают, что именно он стоял во главе посольства, участником которого и был Константин.

⁴⁵ - ...образи дѣмонскы ... ругающесе. – По эдикту халифа Мутаваккиля (на престоле с 847 г.), преследовавшего христиан, предписывалось изображать дьявола на дверях их домов.

⁴⁶ - Род его ... животъ его. – Деян. 8, 33; ср. Ис. 53, 8.

⁴⁷ - Послахомъ духъ... о Троици. – Коран 19, 7. Ссылка на эту суру – обычный аргумент в полемике с мусульманами византийских теологов.

⁴⁸ - Молити за врагы... гонящимъ. – Ср. Мф. 5, 44; Лк. 6, 27.

⁴⁹ - Молите за обидящая. – Мф. 5, 44; Лк. 6, 28.

⁵⁰ - Больша сея любъви... за другы. – Ср. Иоан. 15, 13.

⁵¹ - Христосъ есть дань даялъ... – Утверждение неточно: Иисус Христос только не отрицал необходимости ее давать (Мф. 22, 17–21; Мр. 12, 14–17).

⁵² - Армениино. – Так славянский автор передал греческий вариант титула халифа – «амерумна». Константину, по-видимому, показывали постройки халифа Мутаваккиля в его резиденции Самарре, изумлявшие своей роскошью.

⁵³ - Аще и смертно... не вредить. – Мр. 16, 18.

⁵⁴ - Единою же на Святыи днь... о всѣх сихъ. – Рассказ этот представляет одно из обычных для агиографии общих мест.

⁵⁵ - Олимбъ – гора Олимп в Малой Азии на побережье Мраморного моря – один из центров византийского монашества в IX в.

⁵⁶ - Хазары – союз тюркоязычных племен, главным образом кочевых, создавших на Нижней Волге и в степном Предкавказье государственное образование раннефеодального типа – Хазарский каганат (VII–середина X в.).

⁵⁷ - ...испърва единъ токмо Богъ ... имемъ. – Подавляющее число исследователей считают речь хазарских послов вымыслом агиографа. Судя по арабским и еврейским источникам, каган и хазарская знать приняли иудаизм по крайней мере за несколько десятилетий до путешествия Константина.

⁵⁸ - Хорсунъ – Корсунъ, Херсон – город на территории современного Севастополя, центр византийских владений на Крымском полуострове.

⁵⁹ - Самарянин. – Самаритяне – название этнической и религиозной группы семитского населения.

⁶⁰ - ...книгы самарѣиски... – Имеется в виду Пятикнижие, написанное самаритянской азбукой.

⁶¹ - ...русьскы писмены... – Это загадочное место в Житии породило огромную литературу, из которой можно выделить следующие основные точки зрения: 1) русские письма – письма древних «русов» (восточных славян), которые затем легли в основу изобретенной Константином азбуки; 2) имеется в виду перевод Библии на готский язык, осуществленный в IV в. Вульфилой; 3) имеются в виду «сурские», т. е. сирийские письма. Большинство исследователей в настоящее время придерживаются последней точки зрения.

⁶² - ...яко святыи Климент ... лежить... – Имеются в виду останки похороненного у Херсонеса мученика раннехристианского времени по имени Климент, которого легенда, возникшая в IV–VI вв., отождествила с Климентом, папой римским, третьим преемником апостола Петра. Место погребения в результате погружения берега к IX в. оказалось на полузатопленном острове.

⁶³ - Архиепископ – Георгий, архиепископ Корсунский.

⁶⁴ - ...якоже пишетъ въ обрѣтение его. – Имеется в виду написанное Константином на греческом языке и сохранившееся только в славянском переводе Сказание об обретении мощей св. Климента.

⁶⁵ - Угры – венгры, кочевавшие в этот период в причерноморских степях.

⁶⁶ - ...кюръ илѣса... – От греч. κυριε ελεησον – «Господи, помилуй».

⁶⁷ - Меотское озеро – название Азовского моря в античной и византийской литературе.

⁶⁸ - Капийская врата – обозначение Дербентского прохода в античной и византийской литературе.

⁶⁹ - Дѣдъ имѣхъ велии... есмь. – Аллегория библейского рассказа о грехопадении.

⁷⁰ - Слушаи мене... въ вѣкы. – Ис. 48, 12.

⁷¹ - Въ горѣ каменнии ... наша грѣхы. – Ср. Исход 19, 16; 34, 9; 1Иоан. 3, 5.

⁷² - Акюла – Аквила – еврейский ученый II в., переводчик Ветхого Завета на греческий язык. Константин использовал этот перевод, отличающийся от Септуагинты, как доказательство христианского догмата о воплощении Бога в человеческом теле.

⁷³ - Се азъ въздвигну ... в того мѣсто. – Ср. Быт. 9, 9, 2–6.

⁷⁴ - Даю законъ... и тобою. – Ср. Быт. 17, 13, 2, 4, 7.

⁷⁵ - Послуши же завѣта сего... Егупетьскы. – Иер. 11, 2–4.

⁷⁶ - Прѣставлю ... дамъ. – Ср. Иезек. 11, 19; 36, 26.

⁷⁷ - Явѣ се дѣние ... в завѣтъ моемъ. – Иер. 31, 31–32.

⁷⁸ - Яко се завѣтъ мои... в люди. – Ср. Иер. 31, 33.

⁷⁹ - Тако глаголетъ... и законъ отринуша. – Иер. 6, 16–19.

⁸⁰ - Нѣсть моя воля... Господь Вседержитель. – Мал. 1, 10–

11.

⁸¹ - Аще послушающе... рѣкы Ефранта. – Ср. Вт. 11, 22, 24; Исход 23, 31.

⁸² - Радуйся зѣло ... до коньца вселения. – Ср. Зах. 9, 9–10.

⁸³ - Не оскудѣетъ князь... ся щадить. – Ср. Быт. 49, 10.

⁸⁴ - 70 недель... и пророчество. – Ср. Дан. 9, 24–25.

⁸⁵ - ...желѣзное царство... – Дан. 2, 40.

⁸⁶ - Камень ... без рукъ чьловечьскъ... – Ср. Дан. 2, 34, 45.

⁸⁷ - Въздвигнетъ Богъ... въ вѣкы. – Дан. 2, 44.

⁸⁸ - Остависте имя ваше... Богомъ небеснымъ. – Ис. 65, 15–

16.

⁸⁹ - Се, дѣва... с нами Богъ. – Ис. 7, 14; Мф. 1, 23.

⁹⁰ - И ты, Вифлеоме... и родити. – Мих. 5, 2–3; Мф. 2, 6.

⁹¹ - Въпросите и видите... спастись. – Иер. 30, 6–7.

⁹² - Преже даже ... роди мужескъ полъ. – Ис. 66, 7.

⁹³ - Благословенъ Господь Богъ Симовъ... – Быт. 9, 26.

⁹⁴ - Да распространить ... в села Симова. – Быт. 9, 27.

⁹⁵ - Ибо чьловекъ мира... уповахъ. – Ср. Пс. 40, 10.

⁹⁶ - Се буди ... и мною. – Быт. 17, 2, 7, 10–11.

⁹⁷ - ...утерплъ жилу стегна его... – Ср. Быт. 32, 25.

⁹⁸ - ... Израиль... Бога. – Ср. Быт. 32, 28, 30.

⁹⁹ - Образъ ли скиния... изрядныи. – Ср. Исход 26, 1–37; 36, 8–38.

¹⁰⁰ - Первуму завѣту... ся оскеернила. – Ср. Быт. 9, 3; Тит. 1, 15.

¹⁰¹ - Се вся добра зѣло... – Ср. Быт. 1, 31; 2, 9, 16.

¹⁰² - Снѣсте бо... възлюбленыи. – Ср. Вт. 32, 15.

¹⁰³ - Сѣдоша людие ... вѣсташа играть. – Исход 32, 6.

¹⁰⁴ - А иже хочеть ... словесь. – Состав сочинений («слов») Константина, не дошедших до нас, не установлен.

¹⁰⁵ - Дѣва мальжена ... посла. – Аллегория библейского рассказа о грехопадении первых людей.

¹⁰⁶ - ... яко от девы ся родиль... силою великою. – Ср. Коран 19, 29, 3, 40, 43.

¹⁰⁷ - До Христа ... прѣстанеть. – Ср. Дан. 9, 24.

¹⁰⁸ - ... судиа ветхыи дньми... – Ср. Дан. 7, 9, 22.

¹⁰⁹ - Иже бо... въ сладъкую. – Ср. Исход 15, 23–25.

¹¹⁰ - ... въ Фулъстѣ языцѣ ... – В источниках VIII–IX вв. неоднократно упоминается г. Фуллы, центр особой епархии в Крыму.

¹¹¹ - Александръ – Здесь не название дерева, а его нарицательное наименование, в переводе с греческого «защитник мужчин».

¹¹² - Гряди азъ събрати... въ языцѣхъ. – Ис. 66, 18–19.

¹¹³ - Азъ послу... изловятъ вы. – Ср. Иер. 16, 16.

¹¹⁴ - ... девять сотъ и девятеро... и девять лѣт. – Во всех славянских списках срок назван неправильно: хронологические расчеты на основании Летописца патриарха Никифора дают цифру 989.

¹¹⁵ - Ростислав – правитель Великой Моравии, раннефеодального славянского государства.

¹¹⁶ - Дѣдъ мои и отецъ мои ... – дед Михаила III – император Михаил II (820–829), отец – Феофил II (829–842).

¹¹⁷ - ... съ Варъдою, уимъ своимъ... – Варда – дядя Михаила III по матери, его соправитель с титулом «кесаря», фактический глава империи в конце 50-х–начале 60-х гг. IX в.

¹¹⁸ - ... иже просять ... толкущимъ. – Ср. Мф. 21, 22; 7, 7; Лк. 11, 9.

¹¹⁹ - Испърва бѣ слово... бѣ слово... – Иоан. 1, 1. Эта фраза свидетельствует о том, что первым Константин переводил Евангелие апракос.

¹²⁰ - Константин – римский император IV в., прекративший преследования христиан, в византийской традиции – образец идеального государя.

¹²¹ - И отверзошася ... бысть гугнивымъ. – Ср. Ис. 35, 5; 32, 4.

¹²² - Но 3 языки есть токмо... и латынски... – Изложенная здесь точка зрения, что воздавать хвалу Богу можно лишь на трех языках, сложилась на латинском Западе начиная с VII в. под влиянием высказываний Исидора Севильского.

¹²³ - ...латиньстии и спручьстии архиерѣи... – архипресвитеры, стоявшие во главе церковных округов Великой Моравии. Чем вызвано их разделение на латинских и франкских («спручьстии») – неясно.

¹²⁴ - ...нарече я триязычники... Господни. – Имеется в виду надпись, сделанная на кресте на трех языках (Лк. 23:38).

¹²⁵ - ...яко подъ землею... вельглави... – Имеются в виду антиподы, жители противоположной стороны земли (по учению пифагорейцев). Бóльшая часть церковных авторитетов раннего средневековья отрицательно относилась к этому мнению.

¹²⁶ - И аще кто... того ради. – Происхождение этого поверья, которое пропагандировало немецкое духовенство, неясно. Возможно, таким путем велась борьба с распространенным у славян почитанием змей.

¹²⁷ - Аще чьовека... не прикасаеть. – В настоящее время исследователи полагают, что вместо слова «человек» в данной фразе читалось что-то другое. Наиболее вероятно здесь было слово «чльк», прочитанное затем как «члк» – «человек». В старопольском языке это слово было обозначением пресмыкающихся.

¹²⁸ - Пожри Богови... молитвы твоя. – Ср. Пс. 49, 14.

¹²⁹ - Жены же уности... жена завѣта твоего. – Ср. Мал. 2, 15–16, 13–14.

¹³⁰ - Яко речено...прѣлюбы дѣть. – Мф. 5, 27–28, 32; ср. Мф. 19, 9; Мр. 10, 11–12.

¹³¹ - Яже есть Богъ... не разлучается. – Ср. Мф. 19, 6; Мр. 10, 9.

¹³² - Четыри же десять мѣсяца... – В Житии Мефодия указан другой срок пребывания братьев в Моравии – 3 года, что, вероятно, более соответствует действительности.

¹³³ - Паноньскъ – Паннония, провинция в составе Римской империи; занимала западную часть Венгрии, северную часть Югославии и восточную часть Австрии.

¹³⁴ - Бѣнятьцихъ – местный беспредложный падеж от Бѣнѣтъкы – Венеция.

¹³⁵ - Диалогъ. – В рукописи: Фолог, исправлено по смыслу.

¹³⁶ - Иероним – переводчик Библии, учитель церкви (IV–V вв.).

¹³⁷ - Августин – учитель церкви (IV–V вв.).

¹³⁸ - Не идетъ ли дождь...ли на вся... – Ср. Мф. 5, 45.

¹³⁹ - Явѣ же суть си... ини мнози. – Перечень, приведенный Константином, включает в себя ряд народов Закавказья и Ближнего Востока, обладавших ко времени путешествия Константина многовековой письменной традицией, которая в той или иной форме дошла до наших дней. Таковы армяне, персы, грузины, арабы. Наряду с ними в списке фигурируют языки, вымершие к настоящему времени, на которых в IX в. существовала разнообразная литература – сирийский, коптский («египтяне» в списке, которые отличаются от арабов, несомненно потомки древнего населения Египта) и согдийский – восточноиранский язык (Согдиана – область на территории современных северного Таджикистана и южного Узбекистана), служивший международным языком в Центральной Азии в VIII–X вв. Согдийское письмо было создано на основе ближневосточных алфавитов уже в начале нашей эры. На основе согдийского письма не позднее VI в. была создана руническая письменность на тюркском языке («турси» Жития),

существовавшая в Центральной Азии до X в. К ней восходят особые варианты аварского («объре») и хазарского («козаре») рунического письма. Письменность и богослужение на родном языке у готов появились в IV в., со времени их вторжения на земли Римской империи. С готами, остатки которых жили в Крыму в IX в. Константин мог познакомиться во время Хазарской миссии. Абхазы не имели собственной азбуки, возможно, их включение в список объясняется тем, что они использовали при богослужении грузинский (а не греческий) язык.

¹⁴⁰ - Поите Господеви... и въспоите! – Пс. 95, 1; 97, 4.

¹⁴¹ - Вся земля... вышнии. – Пс. 65, 4.

¹⁴² - Хвалите Господа еси языци... хвалите Господа. – Пс. 116, 1; 150, 6.

¹⁴³ - Елико же есть... Божия будутъ. – Иоан. 1, 12.

¹⁴⁴ - Не о сихъ ... и азъ в тебе. – Иоан. 17, 20–21.

¹⁴⁵ - Дана ми есть всяка власть... Аминь. – Мф. 28, 18–20.

¹⁴⁶ - Шедъше въ весь миръ... възъглаголють новы. – Мр. 16, 15–17.

¹⁴⁷ - Горе вамъ, кънигъчия... не оставляете внити. – Мф. 23, 13.

¹⁴⁸ - Горе вамъ... внити възбранисте. – Лк. 11, 52.

¹⁴⁹ - Хошю, да вси языки глаголете... нъ миру. – 1Кор. 14, 3–33, 37.

¹⁵⁰ - Аще кто не разумѣть – да учится. – Ср. Прит. 8, 5.

Перед нами явная редакторская правка текста: слова «А кто не понимает, пусть не понимает» (1Кор. 14:38), содержащиеся в некоторых списках, часто или пропускаются или заменяются как явно не отвечающие идее отрывка в целом.

¹⁵¹ - Тъм же, братье... да бываютъ. – 1Кор. 14, 39–40.

¹⁵² - Всякъ исповѣсть... Богу Отцю. – Фил. 2, 11.

¹⁵³ - ...римьскыи папезъ... – римский папа Николай I (858–867).

¹⁵⁴ - Апостоликъ – апостолический, преемник апостолов, употреблялся наряду с термином «папа римский». Однако эти

термины имели разное значение: «папа» употреблялся для обозначения римских пап вообще, в том числе и умерших к моменту действия, а «апостолик» обозначал лишь папу, обладающего властью в момент действия.

¹⁵⁵ - Адриан II – римский папа (867–872); Николай I, вызвавший братьев в Рим, скончался 13 ноября 867 г., а встретил их Адриан, вступивший на престол 14 декабря того же года.

¹⁵⁶ - ...церкви святыя Мария...Фатанъ... – Перевод греческого слова «фатан» – ясли. Такое название позволяет отождествить упоминаемый храм с известной римской церковью святой Марии «ad praesere», ныне – церковь Санта Мариа Маджиоре.

¹⁵⁷ - Формоза – епископ Порто, один из главных знатоков восточной политики в папской курии, с 866 г. папский легат в Болгарии.

¹⁵⁸ - Гаудерих – епископ Веллетри, влиятельный советник римских пап.

¹⁵⁹ - ...въ церкви святаго Петра... – знаменитый собор св. Петра, главный храм католической церкви, где по преданию похоронены останки апостола.

¹⁶⁰ - Петрунилы. – Церковь Петрониллы – небольшая ротонда возле собора св. Петра, существовала еще в начале XVI в.

¹⁶¹ - ...въ церкви святаго Андрѣя... – Имеется в виду церковь св. Андрея, построенная папой Григорием Великим, ныне известна как церковь Сан Грегорио ад Челио.

¹⁶² - ...у великаго учителя... в церкы... – Имеется в виду церковь Сан Паоло Фуори ле Мура.

¹⁶³ - ...Арсѣнія епископа... епискупъ... – Арсений, епископ Орто, член постоянного совета при папе из семи епископов наиболее близких к Риму диоцезий.

¹⁶⁴ - Настас – Анастасий, племянник Арсения, глава папского архива и канцелярии, знаток греческого языка, переводчик.

¹⁶⁵ - Нѣсть уже... есть родити. – Имеются в виду ветхозаветные пророчества: Дан. 12, 11 – 13; Ис. 7, 14.

¹⁶⁶ - О рекшихъ къ мнѣ ... обрадовася. – Ср. Пс. 121, 1.

¹⁶⁷ - Кирилъ. – По традиции, постригающийся в монашество принимал другое имя, начинающееся с той же буквы. Имя Кирилл Константин принял, вероятно, в честь Кирилла Александрийского, греческого теолога V в.

¹⁶⁸ - ...50 дънии. – Цифра, возможно, символическая, соответствует 50 дням, которые прошли от Воскресения Христа до Сошествия Святого Духа на апостолов.

¹⁶⁹ - ...покрывая кровомъ крилу твоею... – Ср. Пс. 60, 5.

¹⁷⁰ - Благословень Богъ нашъ... избави ны... – Ср. Пс. 123, 6–7.

¹⁷¹ - ...въ 14 дънь... 7 лѣт. – См. выше.

¹⁷² - ...въ свои монастырь... – Имеется в виду монастырь Полихрон на Олимпе Вифинском.

¹⁷³ - ...церкви святого Климента... – Позднеантичная базилика, сохранилась до наших дней как подземная часть более поздней постройки под тем же названием.

¹⁷⁴ - Написавъ же... и ночь... – С этим сообщением в течение длительного времени связывали открытую в XIX в. фреску IX в. в церкви св. Климента с изображением Христа на троне в окружении двух архангелов и святых Климента и Андрея, которые представляют Христу двух коленопреклоненных духовных. В настоящее время историки искусства не разделяют мнения, что на фреске изображены Кирилл и Мефодий, и рассматривают ее как типичную патрональную композицию, выполненную по заказу двух неизвестных высокопоставленных лиц духовного звания.

¹⁷⁵ - ... апреля въ 6 дънь. – В рукописи мая в 10 дънь. Исправлено по другим спискам.

¹⁷⁶ - ...отъ великоты бо и доброты дѣлъ поразмыслу и родитель ихъ мудрствуется... – Прем. 13, 5.

¹⁷⁷ - Прѣже вѣсѣхъ хѣлмъ ражаетъ мя. – Притч. 8, 25.

¹⁷⁸ - Азъ въ Отыци, а Отыць въ мнѣ. – Ио. 14, 11.

- 179 - Духъ истиньнъ, иже от Отьца исходитъ. – Ио. 15, 26.
- 180 - Словъмъ Господьнъмъ ... и съзъдашася... – Пс. 32, 6, 9.
- 181 - Въ сѣмени твоємъ ... вьси языци. – Быт. 22, 18.
- 182 - Елисѣи, милоть приимъ... – 3Цар. 19, 19: «...нашел Елисея... Илия, проходя мимо его, бросил на него милоть свою». См. также 4Цар. 2.
- 183 - ...съ другыимъ цьсарьмъ... – Феодосий II (208–450), византийский император.
- 184 - ...иже хоцетъ ... истиньными пришълъ... – 1Тим. 2, 4.
- 185 - Алимбъ – гора Олимп в Малой Азии вблизи побережья Мраморного моря, один из центров византийского монашества.
- 186 - ...въ козары... – Ср. Житие Константина-Кирилла, чтение 3.
- 187 - Полихронъ – монастырь у горы Олимп.
- 188 - ...спудове... – Спуд – мера сыпучих веществ на Руси (кадушка, ведро и пр.).
- 189 - Ростислав, Святополк. – См. Житие Константина-Кирилла, чтение 4.
- 190 - ...исправить всяку правьду. – Мф. 3, 15.
- 191 - Бога боитесь, цьсаря чьтѣте. – 1Петр. 2, 17.
- 192 - Апостоликъ Никола. – В момент прибытия в Рим Кирилла и Мефодия на престоле уже находился папа Адриан II. См. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.
- 193 - ...на олтари Святаго Петра... – В Житии Константина-Кирилла, чтение 5, названа церковь св. Марии.
- 194 - ...по Пилатову писанию... – Имеется в виду надпись на кресте «Иисус Христос царь иудейский», на трех языках. Ср. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.
- 195 - ...по велѣдиному епископу... – Речь идет о епископе Формозе, см. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.
- 196 - Анагност – чтец в церкви (причетник).
- 197 - ...на лѣсѣ...гору... – Гора – Алимб (Олимп).
- 198 - Коцель. – См. Житие Константина-Кирилла, чтение 4.
- 199 - Слава въ вышнихъ ... благоволение... – Лк. 2, 14.

- 200 - ...вѣра бобез дѣль мъртва есть... – Иаков 2, 26.
- 201 - ...ся мнѣть Бога...отъмѣтають. – Тит. 1, 16.
- 202 - ...святого Климента мощи несуще. – См. Житие Константина-Кирилла, чтения 3 и 5.
- 203 - ...въсхвалять Господа вѣси языци... – Пс. 116, 1.
- 204 - Вѣси възглаголять ... отвѣщавати. – Деян. 2, 11.
- 205 - ... вѣлци, а не овѣця... – Мф. 7, 15.
- 206 - ... на столѣ святого Андроника от 70... – О семидесяти апостолах см. Лк. 10.
- 207 - ... моравьскаго короля... – Имеется в виду Людовик Немецкій, правитель Восточнофранкского королевства, захвативший в 870 г. Великую Моравию. Он поддерживал стремление немецких епископов включить в Баварскую церковную провинцію захваченные земли, которые находились в непосредственном церковном подчинении у римского папы.
- 208 - Истину глаголю прѣдѣ цѣсари и не стыжуся... – Пс. 118, 47.
- 209 - ...изгънаша еѣся... – В 871–873 гг. Великая Моравия добилаься освобождения от франкского господства, что отразилось и на судьбе Мефодия, томившегося до тех пор в заключении.
- 210 - Божии раби. – Буквальный перевод древненем. *gotes skalh* – священник. Немецкое духовенство оставалось в Моравии и служило на латинском языке.
- 211 - ... и не обрѣтесе ... расѣя. – Пс. 102, 16.
- 212 - ... иопаторьскою ересью... – От греч. *иос* – сын и патер – отец. Учение, согласно которому Св. Дух исходит не только от Отца, но и от Сына (см. Символ веры, 8-й член). Позже это учение (*filioque*) стало основой католической догматики и послужило причиной великого раскола христианской церкви в 1054 г.
- 213 - ... есть присно ... сѣрдьце... – Притч. 21, 1.
- 214 - Бѣды от разбоиникѣ ... множицею... – 2Кор. 11, 26–27.
- 215 - ... дѣва попы... – При числительном дѣва употреблена форма множ. числа; ожидалось бы: попа. Первоначально было

«три», обозначенное глаголической буквой «веди». При переписке текста из глаголицы в кириллицу писец заменил глаголическое «веди» на кириллическую букву «веди», а она имеет числовое значение «два». Догадка Р. Мэтыисена, 1967 г.

²¹⁶ - ... шестию мѣсяць... – Аналогичная путаница числительных при переписке из глаголицы в кириллицу. Должно быть «восемь». Догадка М. Решетара, 1913 г.

²¹⁷ - ... святого Димитрия. – День памяти св. Димитрия Солунского 26 октября.

²¹⁸ - ...королю угорьскому... – Указание на венгерского короля не соответствует исторической действительности. Хотя племена венгров проникали в Моравию с конца IX в., король у них появился лишь в XI в. По мнению А. Брюкнера (1967), речь идет о франкском короле Карле III. Вероятнее, однако, что королем назван вождь какой-нибудь венгерской племенной группы, которые начали появляться в этих местах с VIII в.

²¹⁹ - ...уста многорѣчьныхъ загради... – Пс. 61, 12.

²²⁰ - ...течение же съвъръши, вѣру съблюде... – 2 Тим. 4, 7.

²²¹ - ...тако угодъ, Богу възлюбленъ бысть. – Прем. 4, 10.

²²² - Въ руцѣ твои, Господи, душу мою влагаю. – Лк. 23, 46.

²²³ - ... расѣяниемъ от обоюнадесяте колѣну... – т. е. к христианам из иудеев (иудео-христианам), принадлежащим к двенадцати коленам Израиля, т. е. к двенадцати племенам иудейским, живущим вне Палестины.

²²⁴ - ... Евсевий... – Имеется в виду Евсевий, епископ Кесарийский (IV в.) (или Евсевий Памфил), византийский историк и богослов, автор «Церковной истории». Евсевий подвергал сомнению авторство Иакова (Евсевий Памфил. Сочинения / Пер. с греческого. Т. 1: Церковная история. СПб., 1843. С. 155).

²²⁵ - Якоже бо се мирьстии. ... «Церковнѣй повѣсти». – Этот текст, которым оканчивается в рукописи F.p.I.24 «вступительная часть» (после него нарисована концовка, отделяющая «вступление» от текста «Послания»), на самом деле является толкованием к первому стиху «Послания» (Иак. 1:1). В

греческом тексте по изданию Крамера оно находится сразу после стиха Иак. 1, 1; также и в рукописи Погод. 30.

²²⁶ - Книги ... жидомъ. – Этого заголовка в рукописи F.p.I.24 нет; вносим его по рукописи Погод. 30 (1 стр.).

²²⁷ - ... радоватися. – Используя традиционную форму приветствия – пожелание радоваться, вообще, доброе пожелание – греч. χαίρετε – апостол Иаков вкладывает в нее дополнительный смысл, который раскрывается в следующем стихе (Иак. 1:2).

²²⁸ - ...обрѣзания сый апостоль... – т. е. апостол для иудеев.

²²⁹ - Дидимъ. – Дидим (308–395), византийский богослов, ученик Афанасия Великого, составитель комментариев к книгам Священного писания.

²³⁰ - ...напасти... – Слова «напасти», «искушения», «искусы», а также «скорби» и «испытания» употребляются как синонимы. Каждое из этих слов имеет не меньше трех значений, но в каждом слове эти три значения проявляются, если так можно сказать, в разных пропорциях. Поэтому для понимания текста следует внимательно следить за контекстом. Эти три значения: 1) беда, несчастье – ἐπὶρεια; 2) борьба – ἄθλημα; 3) искушение (испытание, опыт) – πείρασμα. Три значения этих слов поразительно выражают мысль апостола Иакова о том, что беда посылается, для того чтобы человек боролся и таким образом был испытан в своих нравственных и духовных достоинствах.

²³¹ - ...терпѣние – ὑπομονή. Через терпение человек получает победу в борьбе с искушениями. О терпении у Иакова более подробно в 5-й главе (Иак. 5, 7–11). Апостол Павел учит тому же: «И не только сим хвалимся, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в души наши Духом Святым, данным нам» (Римл. 5:6).

²³² - ...дѣло съвершено... – ἔργον τελείον; совершенство (τέλεια) – это то, чего человек достигает через искушение, преодолевая грех и слабость, имея целью приобрести венец и

наследовать Царствие Небесное. Совершенное дело – с одной стороны, дело совершенствования, процесс, ведущий к достижению совершенства. С другой стороны, это «деятельная добродетель», или добродетель добрых дел, без которых вера мертва. Об этом апостол Иаков пишет в главе 2 (Иак. 2, 14–26).

²³³ - Златоуст. – Иоанн Златоуст (347–407), архиепископ Константинопольский, один из отцов церкви, выдающийся богослов, философ, гимнограф, автор многочисленных богословских и нравственно-учительных сочинений, в том числе и толкований на книги Священного писания. Его труды использовались преп. Феофилактом и другими толкователями при составлении катен.

²³⁴ - Аще приступаеши работати Христу, приготовай си душу к напастемъ. – Сирах. 2, 1.

²³⁵ - Въ мирѣ печаль имате, нъ дерзайте. – Ср. Ин. 16, 33.

²³⁶ - Тѣсный и скорбный путь – узкие врата, ведущие в Царствие Небесное (Мф. 7, 13–14); переносное – путь самоограничения, отречения от земных благ, подвиги. Мф. 11, 12: «Царствие Небесное нудится» (берется силой), т. е. завоевывается трудами и страданиями. Ср. «Многими скорбями надлежит войти в Царствие Небесное» (Деян. 14:22).

²³⁷ - ... внѣшними подвигы никтоже бес тоя вѣнца прииметь... – Венец – награда победителю, которую гимнаст получает в борьбе, добиваясь ее длительными упражнениями, трудами и терпением. Здесь Венец (Венец Жизни) – Царствие Небесное; это награда человеку, который пройдет через искушения к совершенству; она достигается терпением, перенесением скорбей, смирением, трудами, постом, бдением и т. д. Об этом есть и в Ветхом Завете: «В огне искушается злато, а человеци приятни в пещи смирения» (Сирах. 2:6).

²³⁸ - Уза бо есть печаль ... оградить. – Это толкование в рукописи Ф.п.1.24 читается как примечание к 3-му отрывку (Иак. 1, 5–6), т. е. 2-й отрывок здесь остается без толкования и сливается с 3-м. Однако мы дерзнули поместить это толкование (как в рукописи Погод. 30 и в греческом тексте по изданию

Крамера) после 2-го отрывка, к которому оно подходит по смыслу.

²³⁹ - ...прѣмудрости... – В данном случае имеется в виду более частное значение слова «премудрость» (σοφία): правильное понимание Божественных предначертаний, определяющих правильность христианского поведения (Прит. 1, 2; Ефес. 5, 13; Кол. 4:5). О Премудрости в высоком смысле у апостола Иакова в гл. 3, стих 17.

²⁴⁰ - ... ничтоже сумняся... – ничуть не сомневаясь, без всякого сомнения; в Синод. «ничтоже рассуждая». Это выражение, вошедшее в современный русский язык как фразеологизм, восходит к Деяниям апостолов (Деян. 10, 20; 11:12). Это то, что Бог сказал апостолу Петру, призывая его идти за ним. Это то, что требуется от верующего человека в отношении воли Божией. Апостол Иаков употребляет это выражение, говоря о молитве.

²⁴¹ - ...не въведи нас въ искусь... – Мф. 6, 13; Лк. 11, 4 – из Молитвы Господней («Отче наш»), которой Христос научил людей.

²⁴² - ... да съврѣшени, и всенаслѣдни явитесь, ни въ чемже недостаточествующе. – Следует обратить внимание, что эта фраза – повторение 4-го стиха 1-й главы Иакова «да будете съвершени отинудъ и исполнени и ни единого лишени суще». В греческом в обоих случаях: ἵνα ἦτε τέλει καὶ ὁλόκληροι ἐν μηδενὶ λειπόμενοι. Слово «всенаслѣдни» в толковании соответствует слову «исполнени» у Иакова, а в Синодальном – «всецѣли». Греч, ὁλόκληροι – целый, неповрежденный; иначе говоря «полный», «обладающий всей полнотой». Все варианты славянского перевода выражают идею совершенства, достижения цели во всей полноте, получения Царствия Небесного. Чтение «всенаслѣдни», может быть, подчеркивает, что совершенство (т. е. получение Венца) осуществляется как наследование (ср. Мф. 25, 34 – «Наследуйте Царство»), т. е. награда обещана, и человек получает сыновство.

²⁴³ - Сумьняй бо ся ... – греч. διακρίνω – разделяю, разлагаю. Это очень важное для апостола Иакова понятие, ибо

сомнение разрушает гармонию и мешает человеку воспринимать волю Божию и выполнять ее. Причиной сомнения является маловерие (см. об этом ниже). Сомневающийся (колеблющийся между верой и неверием, доверием и недоверием) находится в опасности впасть в грех, не устоять в искушениях, допустить хулу на Бога. Само сомнение уже есть хула. Сомнение опасно как буря на море; оно как ветер рассеивает добрые побуждения сердца и лишает его спокойствия; верующее же сердце подобно морю спокойному, в котором отражается образ Божий (рассуждение Теодоровича, с. 26–27).

²⁴⁴ - Мудрость горняя – Высшая мудрость – это свойство Бога; иногда это имя Бога.

²⁴⁵ - ...прошение... – В Пог. 30 – приношение; греч. αἰτήσιον – просьба, ходатайство. Здесь идет речь о молитве, ожидающей исполнения просимого, может быть, молитве за других. Сомневающийся не получит исполнения просимого, поэтому следует истреблять в себе сомнение. Об этом идет речь в следующем толковании («Отъими от себе...»). О сильной молитве, присущей праведнику и истинно верующему, у апостола Иакова ниже, в главе 5.

²⁴⁶ - Хулникъ ... язъ. – Согласно Крамеру, это отдельное толкование и приписано оно Кириллу. Хульник – имеется в виду, что маловерие есть хула на Бога, сомнение – отрицание всемогущества Бога. В греч. ὑβριότης – высокомерный.

²⁴⁷ - Мужъ дводушень... – Понятие «двоедушный» введено апостолом Иаковом (δίψυχος – по аналогии с греч. δικάρδιος, δίγλωσσος). Двоедушный человек – человек с раздвоенной душой (как бы имеющий две души), колеблющийся, сомневающийся.

²⁴⁸ - Да хвалить же ся брат ... въ смѣрении своем... – Противопоставление «смиранный» (ὁ ταπεινός) и «богатый» (ὁ πλούσιος) показывает, что «смиранный» – это «бедный». Противопоставление богатых и бедных, сильных и немощных, мудрых и безумных и т. д., характерное для Священного писания, имеет несколько аспектов. Во-первых, то, что является

достоинством в глазах людей, может быть недостатком перед Богом; во-вторых, то, чем люди гордятся, тленно и преходяще, – об этом у апостола Иакова ниже, в главе 5; в-третьих, гордиться обладанием чем-либо (богатством, силой, мудростью) не следует, поскольку оно дано Богом, и Богу принадлежит (1Кор. 1, 26–31). Богатство и бедность противопоставляются не сами по себе, а как причина нежелательных нравственных последствий. Богатство само по себе не порок, и бедность – не добродетель. Но богатство есть причина гордости и возношения (о богатстве как источнике порока см. ниже в главе 5). Богатому труднее идти путем Христа, потому что он высокомерен и обременен, а бедный смиренен и свободен. Ср. Мф. 19, 23: «трудно богатому внити в Царствие Небесное». – Хвалитися (καυχᾶσθαι) – характерное для Нового Завета слово (ср. Римл. 2, 23; 2Кор. 5, 12; 10, 15 и др.). Одно из значений – гордиться, величаться, хвастаться. Другое же трудно передать одним словом в современном русском языке – это радостное настроение (удовлетворение) от выполненного долга (перенесения искушений, пребывания в смирении и т. п.).

²⁴⁹ - ... яко цвѣтъ травный мимоидеть. – Образ увядания цветов и травы как выражение мысли о том, что все мирское преходяще, связан с Ветхим Заветом (Ис. 40, 6; Пс. 89, 6; 102, 15; Иов. 14, 2 и др.) и, конечно, с реальной природой Палестины, где трава существует и цветет очень короткое время, а затем в мгновение ока исчезает, когда наступает летняя жара и знойные ветры из пустыни.

²⁵⁰ - ...с варом... – зной, знойный ветер; образ губительного действия гнева Божия (Ос. 13:15).

²⁵¹ - Тако богатый въ хождении своем увяжеть. – Это начало темы преходящего богатства, максимально развитой в 5-й главе. Здесь тленность и мимолетность богатства сравниваются с естественным увяданием травы, а там страшнее – огонь и тление, уничтожение невозвратное.

²⁵² - Вѣнецъ животный – Венец жизни, στέφανος τῆς ζωῆς, образ победы и награды, встречающийся в Новом Завете: «будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Апок. 2:10); или варианты – венец славы (1Петр. 5:4), венец правды (2Тим. 4:8).

Этот образ связан со спортом (венец, которым увенчан победитель), награда, обещанная человеку. Апостол Павел тоже говорит об этом. «Бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду. Так бегите же, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего. Те – для получения венца тленного, а мы – нетленного» (1Кор. 9, 24–25). Все бегут, но не все получают награду. Апостол Иаков, как говорится в толковании, отмечает, что награду получит тот, кто претерпит печали (а не тот, кто победит), т. е. тот, кто противится искушениям, даже если у него не хватит сил для победы, может быть увенчан как доблестный воин. Именно поэтому путь страдания и искушений должен быть радостным, как спортивные состязания. В «Лестнице» есть рассуждение на эту тему о том, что тот, кого минуют искушения, менее достоин венца, чем тот, кто боролся и пал: «Неуязвляемый супостатами не получит никакого венца, а тот, кто от случающихся падений не упадет духом, того восхвалят ангелы как храброго воина» (цит. по русскому переводу «Лестницы» (М., 1892. Слово 26. С. 156)).

²⁵³ - ...ради блажену быти ... Иже искусь претерпеть, искусень мужъ всѣми облаженъ. – Испр. по Погод. 30, в Ф.п.І.24 – обнаженъ. Эта фраза толкования соответствует словам из 12-го стиха Иакова: «Яко искушен быв, примет венец животный». Смысл схож: тот, кто претерпит искушение, будет награжден; у Иакова – тем, что получит Венец, в толковании – тем, что будет «облажен» (от глагола блажити – хвалити). Однако здесь существенное отклонение от греческого текста толкования, с чем, возможно, связано наличие варианта облажен / обнажен. В греческом здесь: δόκιμος ἀνὴρ διὰ πάντων γεγενησμένος – «искушенный муж через все (т. е. всем – творительный падеж) испытан», или «прошедший испытание – надежен». В греческом тексте слово γεγενησμένος (испытанный) как бы объясняет слово δόκιμος (искушенный). Какой же вариант славянского текста более правилен? По-видимому, «обнажен» – ошибка перевода, связанная с тем, что греческое слово γεγενησμένος (причастие от глагола γυμνάζω – упражняю) восходит к тому же корню, что и γυμνός (голый). Слово «облажен» могло появиться

под влиянием «блажену быти». Без полного текстологического изучения этот вопрос не решить.

²⁵⁴ - ...зраку и слуху не подлежить, ни на высокий разумъ челоуѣку не възиде. – Ср. 1Кор. 2, 9; ср. также Ис. 64, 4.

²⁵⁵ - Богъ бо нѣсть напастьникъ злымъ, не напастить же тѣ ни единого. – В Толк. Б. (с. 226–227) указано, что точный смысл этой фразы передан в русском переводе Нового Завета по Синодальному изданию: «Бог не искушается злом, и сам не искушает никого», т. е. Бог абсолютно чужд зла и не затрагивается никакими перерождениями зла. В церковно-славянском синодальном тексте не точно: «искуситель зла».

²⁵⁶ - Ориген. – Ориген (185–254), пресвитер Александрийский, богослов и философ; составил толкования почти на все книги Священного писания.

²⁵⁷ - ... от своя похоти... – Похоть (ἐπιθυμία) – желание, точнее, ἰδίᾳ ἐπιθυμία – собственное желание. Объяснять слово «похоть», кажущееся совершенно понятным, представляется необходимым, поскольку в современном русском языке значение этого слова сильно сужено до частного: желание плотское, любовное. Между тем такое сужение представляется весьма досадным, поскольку широкое значение (желание вообще), сохранявшееся в русском языке еще в XIX в., передает глубокий смысл наставления о похоти, ибо для человека, обладающего свободной волей, намного более серьезным проступком будет проявление своеволия (своего желания), чем гораздо более заслуживающее прощения, свойственное природе плотское влечение. В словаре Срезневского первым значением слова «похоть» указано – воля и приведен пример из Минеи XII века «божественная похоть», а вторым значением – желание; значения, связанные с плотью, по Срезневскому, второстепенны. Мы выбрали для перевода слова «похоть» – «произволение», хотя это слово во многом не подходит, но более точного нет.

²⁵⁸ - Севирово. – Севир (Север) (465–538), патриарх Антиохийский, монофизит, церковный писатель.

²⁵⁹ - ... самую ту похоть беззаконию мать прозвати Давиду ... – Здесь и далее Давид упоминается как автор Псалтири. Рассуждение о похоти как матери беззакония, высказанное толкователем как обавление к стихам 14–15 Иакова, видимо, основано на 15-м стихе 17-го псалма: «Се боле неправдою, зачат болезнь, роди беззаконие».

²⁶⁰ - ... нъ о тѣхъ убо ... ищѣдъшю... – Ср. Иоан. 24, 21.

²⁶¹ - Исихий – Исихий (Гезихий), IV в., из Египта, «ученый исправитель» Септуагинты, автор многих толкований на книги Священного писания.

²⁶² - ...свѣтиломъ... – Апостол Иаков называет Бога отцом светов – $\delta \text{ πατήρ τῶν φώτων}$. Разные толкователи по-разному толкуют τὰ φῶτα: светила (Пс. 135:7) или ангелы (Иов. 38:7), сотворенные Богом, но в отличие от них, являющихся частью божественного света (но в той или иной степени свет их колеблется и изменяется), Бог неизменен, и свет его вечен, неизменен и сам себе равен (Толк. Б., с. 227).

²⁶³ - Азъ есмь, азъ есмь и не изменяюся... – Малах. 3, 6.

²⁶⁴ - Не преобразуйтесь въ вѣщъ семь ... съврѣшено. – Римл. 12, 3. Цитата здесь передана неточно. Здесь один глагол – «преобразуйтесь», а в Синод. два разных – «сообразуйтесь» $\sigmaυοσ\eta\mu\alpha\tau\acute{\iota}\zeta\epsilon\sigma\upsilon\epsilon$ и «преобразуйтесь» $\mu\epsilon\tau\alpha\mu\omicron\rho\phi\omicron\upsilon\sigma\tau\epsilon$.

²⁶⁵ - О сынѣ убо истиннѣ ... словомъ истины. – В толковании говорится о сыне и сыновстве, видимо, потому, что толкователь хотел объяснить слово «роди», толкуя этот стих как тезис усыновления. По мнению же других толкователей, понимать этот текст следует как рассуждение о «пакирождении», или «пакибытии», о новом рождении или перерождении, каковое совершается через Слово Истины, т. е. Христа. В таком смысле используют слово «родити» и другие апостолы – ср. 1Ин. 1, 14; 1Ин. 3, 9; 1Петр. 1, 3, 23 и др. О «пакирождении» пишет апостол Павел: «...совлекшись ветхого человека с его делами и облекшись в нового...» (Кол. 3:9). «Пакирождение» – это как бы сбрасывание с себя старой одежды (ветхого человека) и переодевание в новую (т. е. перерождение в нового человека); это значит «отложить прежний образ жизни ветхого человека

истлевающего ...и облечься в нового...» (Еф. 4, 22–23), «Ибо нетленному сему надлежит облечься в нетление, а смертному сему – облечься в бессмертие» (1Кор. 15:53). И это совершается через Христа, потому что «ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное» (Римл. 6:6).

²⁶⁶ - ...начятокъ... – Переродившись из ветхого грешного человека, христиане становятся «новой тварью» (2Кор. 5, 17; Гал. 6:15) или начатком (т. е. первенцем) среди народов, которые будут приходить к Христу и тоже становиться «новой тварью», т. е. обновленным созданием Божиим.

²⁶⁷ - Толк. Первѣйшѣ ... да с нами свободится. – Это толкование расположено в рукописи F.p.I.24 в середине 14-го отрывка, который, таким образом делится пополам: «тѣмже, братие моа ... глаголати» и «Медлень въ гнѣвъ ...избытокъ злобенъ». Мы расположили тексты так, как в Погод. 30 и у Крамера, что соответствует смыслу.

²⁶⁸ - Тѣмже ... глаголати... – В рукописи F.p.I.24 эти слова (т. е. Иак. 1:19) написаны на поле, около 13-го отрывка, но без знака, куда следует поместить этот стих. В Погод. 30 этим стихом начинается 14-й отрывок. И это соответствует смыслу, ибо толкование 13-го отрывка («О твари») относится только к Иак. 1, 18, а Иак. 1, 19 начинает новую тему. Поэтому мы решаемся перенести этот стих с полей в начало 14-го отрывка, как это в рукописи Погод. 30.

²⁶⁹ - ...всяку скверну и избытокъ злобенъ... – В Погод. 30 «всяку злобу и избыток злобен», в Синод. «всяку скверну и избыток злобы», в русском Синодальном «всяку нечистоту и остаток злобы». Здесь говорится о гневе, который избыточен (вернее, привнесен извне, добавлен); это не тот гнев, который свойствен человеку по природе, а другой, приносимый бесами и грехом. Ср. Пс. 4, 5 – «гневайтесь и не согрешайте», «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет в гневе вашем» (Ефес. 4:26).

²⁷⁰ - Истое – в греческом ἔμφυτος – 1) природный, естественный; 2) прирожденный. В Синод. слав. – всажденное, рус. – насажденное. Толк. Б. (с. 228–229) так объясняет

«Насажденное слово»: Слово истины «подобно зерну, принимаемому и усвояемому землей, должно быть всажено в почву сердца человеческого и дать соответствующий росток, т. е. выразиться и проявиться в добрых делах». А нет ли в этом стихе иного, более глубокого смысла? Ведь это Слово, которое было «В начале» (Искони) – Ин. 1, 1, которое было всегда и всему причина. И это то Слово, которым, как сказано в толковании, явлено, что человек создан для бессмертия.

²⁷¹ - ...разумѣвающу лице твари... – Слово «разумевающу» соответствует греческому κατανοουσι; в Синод. переведено «Смотрящу». Также и далее – «Разумѣ» – «Увидел». Что изучает человек, глядя в зеркало? Свое лицо, наружность. В рукописи Ф.п.1.24 «лице твари», в Погод. 30 «лице рождения», в Синод. «лице бытия». В толковании и в Ф.п.1.24, и в Погод. 30 «лице рождения» τὸ πρόσωπον τῆς γενέσεως. Может быть, тут есть тот смысл, что человек должен помнить, что в нем Образ Божий от рождения (сотворения). Однако важнее, что противопоставление наружного созерцания (зеркала) и внутреннего состояния (пребывания в Законе совершенства и свободы) поясняет слова апостола Иакова о слушателе Закона и делателе его. Если первый воспринимает внешне и неизбежно забывает, то проникший всей душой в Закон становится исполнителем блаженного делания, дела совершенства, исполнения Закона.

²⁷² - ...Законъ съвършенъ и свободенъ... – Закон совершенный и Закон свободы – это то же самое, что Слово Истины, Закон Христов, который противопоставляется ветхозаветному закону с его категорическими запретами. Слово Истины – это Закон свободы, потому что он – закон любви.

²⁷³ - ...родивъ банею пакыпорождения... – крещением. См. коммент. к с. 92.

²⁷⁴ - ...от Бога и Отца си есть... – Речь идет не об ипостасях, а просто подчеркивается, что в сыновстве Божиим люди – братья. Вера в истинном понимании раскрывается ниже, во второй половине стиха, после толкования. ...от Бога – ср. 1Ин. 4, 6: «Мы от Бога есмы...».

²⁷⁵ - ...посѣщати сиротъ ...от всего мира. – Опекать вдов и сирот – собирательный образ милосердия и сострадания, восходящий к Ветхому Завету (ср. Сир. 4, 10; Пс. 67:8).

Милосердие – одна из основных добродетелей христианства, ибо это выражение любви, завещанной Христом. Блюсти себя от скверны греховного мира (ср. 1Ин. 4:19) – это выражение любви к Богу, оберегание в себе Образа Божия. Здесь можно увидеть раскрытие апостолом Иаковом формулы христианской веры – заповеди Христа о любви к Богу и к ближнему (Мф. 11, 37–40), на которой «утвержден Закон и Пророки».

²⁷⁶ - Будѣте щедри, якоже Отецъ вашъ небесный. – Ср. Лк. 6, 36: «Будьте милосерды, как Отец ваш небесный милосерд».

²⁷⁷ - Милости хочу – рече – а не жертвъ. – Мф. 12, 7.

²⁷⁸ - Не тѣло ли едино есмь вси... – О том, что христиане – органы одного тела (Римл. 12, 4–5; Ефес. 4:25).

²⁷⁹ - Сънмище. – Имеется в виду богослужебное собрание, церковь. В данном случае говорится о синагоге – συναγωγή (христианская церковь – ἐκκλησία – сохраняла целый ряд обычаев синагоги), где было принято именитых и старших (отличаемых по богатой одежде и золотому перстню) усаживать на почетные места, а простолюдинам полагалось или стоять, или сидеть на полу у ног старших. Но христианам, говорит апостол Иаков, не полагается различать людей по одежде, а только по вере и благочестию, и нельзя брать на себя решать, кто достоин почета, а кто нет, ибо у Бога другой критерий.

²⁸⁰ - Не Богъ ли избѣра нищя ... Царствию... – О том, что у нищих есть преимущества перед богатыми в стремлении достигнуть Царствия Небесного, апостол Иаков уже вскользь упоминал в стихе 9 1-й главы («Да хвалится смиренный...»). Избрал? Может быть, это: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные»? (Мф. 11:28). О нищих и о том, что забота о нищих – неотъемлемый признак благочестия, неоднократно говорится и в Ветхом, и в Новом Завете. Но представляются важными слова пророка Исайи (Ис. 61:1), цитируемые в Евангелии от Луки (Лк. 4:18): «Дух Господень на мне. Он послал меня благовестить нищим...». И не только благовестить нищим,

но и помочь другим страдающим (сокрушенным сердцем, плененным, слепым, измученным). Поскольку путь к Царствию Небесному – страдание, то его достигнут страдающие. И еще. В Послании к Коринфянам апостол Павел говорит о «мудрости века сего», противопоставленной Божественной мудрости: «Не Бог ли избрал немудрое мира сего, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира сего избрал Бог, чтобы посрамить сильное, и незнатное мира, и уничиженное, и ничего не значащее, чтобы посрамить сильное» (1Кор. 1, 26–27). Посрамить – показать отсутствие ценности. Ведь ценно только то, что ведет к Царствию Небесному. В этом смысле апостолы, евангелисты и пророки учат тому же самому.

²⁸¹ - Утѣшайте, – рече Павел, – яко братию, а не досаждайте, яко врагомъ... – Призыв утешать друг друга у апостола Павла встречается неоднократно, см. 1Сол. 4, 18; 5, 11, 14.

²⁸² - ...не пред челоуѣкы се створи... – Ср. Мф. 6, 1–4: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми».

²⁸³ - Рече бо: «Еда самъ ся сътвори нищъ? Нъ тебе ради, да ты спасешися имъ». – Христос нищим «вменился», принял на себя образ раба ради спасения людей добровольно. 2Кор. 8, 9: «Он, будучи богат, обнищал нас ради...»; Фил. 2, 7: «Он уничижил сам себя самого, приняв образ раба».

²⁸⁴ - Еяже обнажьшеся ... убожѣйше. – Ср. Мф. 16, 26: «Кая помощь человеку, аще он приобретет весь мир, а душу свою отщетит».

²⁸⁵ - Аще убо Законъ кончавае царскъ... – Царский, т. е. самый главный. Апостол Павел (Галат. 5:4): «Весь закон в одном слове заключается: любите ближнего своего, как самого себя».

²⁸⁶ - ... по Книгам... – т. е. по Священному писанию. Заповедь о любви к ближнему в Ветхом Завете, Лев. 19, 8: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

²⁸⁷ - Аполинариево. – Аполинарий Младший, епископ Лаодикийский, IV в., автор толкований на Священное писание.

²⁸⁸ - Аще хотите ... Законъ и Пророци. – Мф. 7, 1.

²⁸⁹ - ... рекый...«Не прелюбы сътвори»... преступникъ Закону. – Заповеди Господни (десять заповедей), данные Моисею на горе Синай, – Исход 20, 1–17. Среди них: Не убивай. Не прелюбодействуй (Исход 20, 13–14).

²⁹⁰ - Слышите, яко речеся ... повинень есть суду. – Ср. Мф. 5, 21–22.

²⁹¹ - Слышасте ли, яко речеся ... въ сердци своем. – Ср. Мф. 5, 27–28.

²⁹² - Хвалится милость на судѣ. – *κατακαυχᾷται ἔλεον κρίσεωυ*. Милость превозносится над судом. Еще одно значение слова хвалится. Другие значения глагола: хвалится (*καυχᾷσθαι*) – характерное для Нового Завета слово (ср. Римл. 2, 23; 2Кор. 5, 12; 10, 15 и др.). Одно из значений – гордиться, величаться, хвастаться. Другое же трудно передать одним словом в современном русском языке – это радостное настроение (удовлетворение) от выполненного долга (перенесения искушений, пребывания в смирении и т. п.); ...хвалится ... – Хвалитися, вельми хвалитися – *μεγαλαυχεῖν*. Здесь этот глагол имеет значение «иметь большое значение, много делать, иметь большую силу». Теодорович считает *μεγαλαυχεῖν* гапаксом Нового Завета.

²⁹³ - Толк. Златоуста о милостыни. – Это толкование Иоанна Златоуста представляет собой самостоятельное произведение (слово), которое можно было бы назвать «Слово о милостыни»; оно почти дословно входит в Пролог под 11 ноября под названием «Слово о милостыни Иоанна Златоустаго». Проложное слово является частью более обширного произведения Иоанна Златоуста, входящего в Златоуст (чтение на 32 неделе): «Поучение яко во все жити полагается нам милостыню творити и о еже пренебрегати имения» (Златоуст. М., 1795, л. 309 об.–331). Тема милосердия занимает обширное место в наследии Иоанна Златоуста. Поэтический, наполненный сравнениями и метафорами текст содержит скрытые и точные цитаты («Будьте бо, вѣща, щедри, якоже и Отець вашъ Небесный» – ср. Лк. 6, 36; «Крилѣ голубинѣ посребренѣ и межурамъ ея в блъщании злата» – Пс. 67, 14; «Такоя жертвы хочеть Богъ» – перефразировка Мф. 12, 7; «огнь, червь, скрежет

зубом» – Мф. 22, 13; Лк. 13, 28 и др.). Выражение «дружка Божия» (возможно, принадлежит Златоусту) перекликается с выражением «друг Божий» в отношении Авраама – см. Иак. 2, 23 и коммент. к с. 102. Трудно для перевода слово «межурамье» – μετὰφρενοι («межплечие»). Не случайно ведь в этом образе противопоставляется крыльям какая-то другая часть тела птицы, но какая и почему? Пусть фольклористы скажут. В русском синодальном тексте Псалтири не переведено, а заменено другим словом: «Крылья ее покрыты серебром, а перья – чистым золотом».

²⁹⁴ - Межурамье. – См. предыдущий коммент. (Толк. Златоуста).

²⁹⁵ - ... нага будета дневного житиа... – В Синод. «нага будут и лишены будут дневная пища». То чтение, которое представлено в нашей рукописи, может быть признано неиспорченным, поскольку греческое слово γυμνός (нагой) имеет также значение «лишенный». Среди греческих рукописей, как указывает Теодорович, тоже есть варианты, где пропущено καί (и) или ἢ (или). Если признать такое чтение, то надо переводить «лишены потребного для жизни».

²⁹⁶ - ...Раавь... – О ней рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. См. коммент. к Иак. 2, 25 (Такоже и Равь ... изведши... – Текст, близкий к апостолу Павлу, приводящему как пример спасения по вере блудницу Раав (Евр. 11:31). О поступке хананеянки Раав рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. Она спрятала у себя разведчиков (соглядатаев) Иисуса Наввина, осадившего Иерихон, и помогла им выйти из города. Она поступила так, потому что считала, что выполняет волю Божию).

²⁹⁷ - Святой Божии... – Такое наименование Христа в Мк. 1, 24. В Ветхом Завете встречается «святый святых»; может быть, это связано.

²⁹⁸ - ...толико пострадавше ... съблудиша... – Об иудеях в пустыне.

²⁹⁹ - Вѣра бо по крещении... – Вера, полученная при крещении (как оглашение, т. е. объявление себя христианином),

требует подтверждения дальнейшей жизнью. Апостол Павел указывает необходимость действенной веры и для тех, кто живет по ветхозаветному закону: «Не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Галат. 5:6).

³⁰⁰ - ... на гору въсходить ... раздрушает силу. – Об искушении Иисуса Христа дьяволом и о посрамлении дьявола см. Мф. 4, 1–11; Лк. 4, 1–10.

³⁰¹ - Авраамъ бо отецъ... – В Синод. отец наш. Возможно, что в рукописи утрата. Естественно, что праведный Авраам называется отцом нашим или праотцем. С другой стороны, дело, без которого вера мертва, для Авраама в данном случае связано с тем, что он – отец, возложивший сына на жертвенник из послушания Богу.

³⁰² - ... не от дѣлъ ли оправдися... – В Священном писании у слова «оправдися» два значения, существующие одновременно. С одной стороны, обычное – доказал (показал) свою невиновность. Второе – оказался причастным к Правде Божией, т. е. Верным (истинно верующим, доказавшим свою веру).

³⁰³ - ...възнесъ Исаака, сына своего, на жрътвникъ... – О жертвоприношении Авраама в Книге Бытия, гл. 28; об обетовании насчет Исаака – Быт. 15.

³⁰⁴ - Святого Кирила. – Кирилл (ск. в 444 г.), архиепископ Александрийский, отец церкви, богослов. Среди прочих сочинений – толкования на библейские книги.

³⁰⁵ - ... Павель же глаголетъ его от вѣры оправдана... – Апостол Павел в Послании к евреям говорит об Аврааме как о ярчайшем примере оправдания по вере (Евр. 11, 8–19). Святой Кирилл в толковании, используя текст апостола Павла, подчеркивает в поступках Авраама, в которых проявляется его вера, беззаветная и непрекословная, черты «дел веры», т. е. веры деятельной.

³⁰⁶ - ... вѣры ради оставление ... – Ср. Пс. 31, 2: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

³⁰⁷ - ...събышася Книгы... – Имеется в виду, что стих «Верова Авраам Богу, и вменися ему в правду» (Иак. 2:23)

является цитатой из Ветхого Завета (Быт. 15:6).

³⁰⁸ - ... и другъ Божий наречеся. – Выражение «друг Божий», по-видимому, принадлежит апостолу Иакову (только применительно к Аврааму). В Священном писании упоминается, что Бог возлюбил Авраама (Ис. 41:8) и называл его возлюбленным (2 Парал. 20:7).

³⁰⁹ - Также и Равь ... изведши... – Текст, близкий к апостолу Павлу, приводящему как пример спасения по вере блудницу Раав (Евр. 11:31). О поступке хананеянки Раав рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. Она спрятала у себя разведчиков (соглядатаев) Иисуса Наввина, осадившего Иерихон, и помогла им выйти из города. Она поступила так, потому что считала, что выполняет волю Божию.

³¹⁰ - Севирианово. – Севериан (ск. после 408 г.), епископ Гавальский, проповедник, богослов, автор толкований на библейские книги.

³¹¹ - Слыши Писания, съвѣдѣтельствующа ея оправдания... – После взятия Иерихона, Раав и весь ее дом были пощажены Иисусом Наввином, и в этом проявилось ее оправдание (Нав. 4:24).

³¹² - ... бисѣрь въ калѣ свѣтятся... – Это выражение есть в Повести временных лет в похвале княгине Ольге в 969 (6477) г.: «в невѣрныхъ челоувѣцехъ свѣтящеся, аки бисеръ в калѣ» (БЛДР, 1, с. 116). О выражении «бисер в кале» см.: Лихачева О. П. Яко бисер в кале // ТОДРЛ. Т. 50. С. 110–112.

³¹³ - Не мнози учителие будѣте... – Апостолы и евангелисты неоднократно предупреждали против самозванных учителей: тех, кто поучает других, не будучи опытен сам, а также тех, кто недостаточно благочестив, ибо считает себя лучше других людей и тем дает себе право учить, как например фарисеи и книжники. Ср. Мф. 23, 7; Римл. 2, 21; 1Кор. 13, 29 и др. Апостол Павел подчеркивает, что учительство есть дар свыше, предназначение от Бога (Ефес. 4:11), данное немногим. А кому такой дар не дан, тот не должен учительствовать, ибо это принесет только вред.

314 - ...гнилословие... – Ср. Ефес. 4, 29: «Никакое гнилое (σαπρός) слово да не исходит из уст ваших».

315 - Слово ваше да есть въ благодати солию растворено. – Ср. Кол. 4, 6: «Слово ваше да будет с благодатью, приправлено солью».

316 - ...и благодать дасться слышащимъ. – Ср. Ефес. 4, 29: «Дабы оно доставило благодать слышащим».

317 - Положи, Господи ... о устнах моих. – Пс. 140, 3–4.

318 - Съхраню пути моа ...имѣти. – Ср. Пс. 38, 2. Цитата «Съхраню пути моа, не съгрѣшити ми языком моим», а далее реминисценция: «Добро убо есть хранилище, еже не съгрѣшающъ языкъ имѣти» – Пс. 140, 3 («Положи хранило») и Пс. 38, 2 («съгрѣшити ми языком»).

319 - ...хвалится ... – Хвалится, вельми хвалится – μεγαλαυχεῖν. Здесь этот глагол имеет значение «иметь большое значение, много делать, иметь большую силу». Теодорович считает μεγαλαυχεῖν гапаксом Нового Завета.

320 - Како убо не палить ... вѣчный... – Ср. Мф. 22, 13.

321 - Да не постраждетъ...улучя утехы. – Трудное для перевода (может быть, испорченное) место. Здесь в славянском переводе смешались слова πλοῦσιος (богатый) и πλησίος (ближний). Этот малопонятный текст можно считать аллюзией к евангельскому рассказу о богатом и Лазаре (Лк. 16:24) – богатч в аду просил Бога послать Лазаря, чтобы тот «омочил перст» и охладил ему язык, потому что он мучается в пламени. Может быть, надо было бы перевести так: «чтобы не пострадать ему, как тот богатч, язык которого горел в пламени».

322 - ...громаду... – В Синод. – вещь, в греч. ὕλη – вещество. Теодорович указывает (с. 82–83), что ὕλη – вещество, гапакс Нового Завета. Основное значение – лес. Смысл сохраняется и при этом значении: лес сгорает от малого огня. В Сирийском – лес, в Вульгате – silvam (лес).

323 - ...дѣвицѣ... – Здесь ошибка, довольно частая в славянских рукописях (дѣвица / зѣница / лѣвица – часто путаются). В греч. κόρη: 1) девица; 2) зрачок. Здесь должно быть: зеницу ока.

³²⁴ - Расколъ. – Здесь ошибка славянского перевода. В греческом тексте слово σχήμα (вид, форма), переводчик спутал его со словом σχίσμα (раскол, распря).

³²⁵ - Мнози падоша усты меча ...узы его мѣдяны... – Сир. 28, 21–23. Выражение «усты меча» есть также в Лк. 21, 24.

³²⁶ - ...лѣпота неправдѣ. – ὁ κόσμος τῆς ἀδικίας. В Синод. переведено прикраса неправде. Греческое слово δ κόσμος имеет три значения: 1) порядок, устройство; 2) украшение, прикраса; 3) мир, свет, вселенная. Славянский перевод берет второе значение. Некоторые толкователи, как указывает Теодорович, понимают этот текст так же и толкуют его в том смысле, что язык прикрывает, приукрашает неправду, имея в виду «непризванных учителей», о которых шла речь выше. Однако правильно было бы взять третье значение слова: κόσμος – мир, хотя и в переносном смысле (огромное количество, бездна, вся совокупность). В таком значении это слово употребляется и в Ветхом, и в Новом Завете.

³²⁷ - ...паля около твари нашеа... – φλογίζουσα τὸν τροχὸν τῆς γενέσεως, Синод. паля коло рождения нашего. Коло (около) твари, коло рождения, круг жизни, колесо бытия. Теодорович (с. 84–85) указывает, что «колесо рождения» (т. е. колесо, бегущее от рождения), или «колесо жизни» – это метафора, в которой жизнь человека изображается как колесо, которое катится от рождения до смерти, а язык, оказавшись в середине колеса, опалает всю нашу жизнь.

³²⁸ - Святаго Василиа. – Василий Великий (329–379), архиепископ Кесарии Каппадокийской, знаменитый богослов, один из отцов церкви, автор многочисленных сочинений, в том числе толкований на Священное писание.

³²⁹ - Любая бо мя, рече, заповѣди моа съблюдетъ. – Ин. 14, 15.

³³⁰ - ...удержи языкъ свой от зла и устнѣ твои не глаголати лъсти. – Пс. 33, 14.

³³¹ - Мечъ есть языкъ наостренъ... – В Священном писании встречается выражение «язык мечь обоюдоострый» (Пс. 149, 6; Прит. 5, 3–4; Евр. 4:12).

332 - ... аще бо не оставимъ, не оставится намъ. – Мф. 6, 1.

333 - ...премудръ и хытръ ... – Хытръ (в Синод. худогъ, русск. Синод. разумень) надо понимать: искусен, образован, научен. В словаре Срезневского: тот, кто знание имеет, *disciplinatus*. Рассуждение Теодоровича: Премудр (σοφός) – тот, кто глубоко проникает в тайны Божественного откровения, а худог (ἐπιστήμων) – тот, кто умеет приложить мудрость к жизни и тем оценить на практике ее истинное значение. Ср. 1Кор. 12, 8: «Одному дается Духом слово мудрости, другому – слово знания».

334 - ... въ кротость премудрости. – В Синод. в кротости и премудрости. Мудрая кротость – это очень важное для апостола Иакова понятие. Это понятие доброго жития, доброго поведения, как в отношении ближнего своего, так и в отношении своего внутреннего мира. Это качество дает возможность человеку продвигаться по пути совершенства (чтобы наследовать Царствие Небесное) и право учительства. Противоположность – горькая зависть и сварливость (рвение) – ζήλον πικρὸν ἔχετε καὶ ἐριθείαν – о которых говорится ниже.

335 - ...душъна ... – «Душевный» (ψυχικός) противопоставляется «Духовный» (πνευματικός).

336 - ...неприязина. – Ср. 1Ин. 3, 8: «виновник всего злаго дела есть дьявол».

337 - Идеже бо зависть ...ту нестроение. – Ср. Синод.: «где зависть и рвение, там всяка злая вещь» (πᾶν φαῦλον πρᾶγμα). Нестроение – ἀκαταστασία – ср. 1Кор. 14, 33: «Ибо Бог не есть Бог нестроения, но Бог мира».

338 - А вышняя премудрость ... плодъ благыхъ... – О Премудрости см. выше (...премудръ и хытръ...), а также коммент. к с. 84. Здесь перечислены качества Премудрости. Чиста (ἁγνή) – не в смысле «целомудрена», а в смысле «свободна от всякой нечистоты». В Вульгате – *rudica*. Ср. Прем. 1, 4: «В злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном греху». Мирна – ср. Прит. 3, 17: «Вся стезя ее мирна». Пропущен эпитет «кротка», который есть в Синод. и в греческом текстах – скромна, негневлива, проникнута

любовью. Ср. 1Тим. 3, 3 (кротку – ἐπιεικῆ); Тит. 3, 2 (тихим – ἐπιεικεῖς); Фил. 4, 5 (кротость – ἐπιεικὲς). Благопокорлива – послушна закону Божию, как Христос (Фил. 2:8).

³³⁹ - ...скверну... – Слово «скверна» имеет два значения: 1) ῥύπος; ῥύπαν – мерзость, грязь; 2) σπιλάδες – порок в нравственном смысле.

³⁴⁰ - ...бе-сумнѣниа и без лицемѣрия... – Ср. Синод. несумненна и нелицемерна (ἀδιάκριτος καὶ ἀνυπόκριτος). Рассуждение Теодоровича: будучи беспристрастна, она «не выслеживает сучков» в глазу брата; будучи нелицемерна, не скрывает бревна в своем глазу.

³⁴¹ - Плод же ... творящим миръ. – греч. καρπὸς τῆς θεικαιοσύνης. В Погод. 30 – ...благъ праведень. Эта короткая фраза, завершающая увещание о Премудрости, очень важна – она не только подводит итог увещанию, аккумулируя глубочайший смысл, но и подготавливает к восприятию следующей главы. Плод правды – справедливое устройство жизни по учению Христа, противопоставленное распрям и сварам, являющимися плодами ложной мудрости. Сеется – т. е. дается (но не просто дается – посеянное должно вырасти и дать плод; возможно, слово «сеять» метафорически выражает понятие «учить»). В мире, т. е. мирно (противоположно зависти и распрям, которыми утверждается ложная мудрость). Это благо (плод правды) дает только тем, кто творит мир, миротворцам (выполняющим заветы Христа).

³⁴² - ...о мачании зелий. – В греческом тексте: βαπτισμάτων – омовения; зелия – добавление переводчика. Мачание зелий (мочение трав?) – можно понять как настой трав. В свете цитаты из Павла, на которую толкователь ссылается, может быть, здесь речь идет о неосуждении за еду и ритуальные омовения (в которых, возможно, употреблялись благовония или настои растений). Может быть, следовало переводить: «о сохранении пищи и разных омовениях».

³⁴³ - ...къ коласаемъ бесѣдуеть Павелъ. – См. Кол. 2, 16 и др.: «Итак, никто да не осуждает вас за пищу и питье, или за какой-либо праздник, или новомесячие, или субботу...».

³⁴⁴ - Откуда брани ... не можете улучшить... – Вражда и распри (πόλεμοι καὶ μάχαι), непозволительные для христиан, проистекают от страстей (ἐπιθυμία, здесь метонимия ἡδοναί), гнездящихся в членах тела человека. Мысль о том, что грех порабощает человека через плоть, угнездившись в членах и борясь с духом и побуждая человека к распрям и сварам, высказывается и другими апостолами. Апостол Павел (Римл. 6, 12–14) предостерегает, что человек станет рабом греха, если позволит своим членам стать орудием греха, а не орудием праведности. Закон, царствующий в членах, противоборствует закону ума (Римл. 7:26), и эта борьба делает человека рабом «этого тела смерти». В другом месте (Римл. 16, 17–18) апостол Павел говорит, что грешные люди (те, которые производят раздоры и соблазны) служат не Господу, а своему чреву. В 1-м послании апостола Петра также упомянуто, что плотские похоти восстают на душу (1Петр. 2:11). Эта борьба разрушает внутренний мир человека, если он не умеет себя обуздать. Она еще и тем опасна, что, как пишет далее апостол Иаков, лишает человека возможности получить желаемое, потому что ни желание, ни борьба за его выполнение (зависть, убийство, не в прямом смысле, конечно, а в духовном, т. е. ненависть, недоброжелательство) не приносят выполнения желания. Потому что только через молитву возможно получение просимого.

³⁴⁵ - Зане не просите. – Эти слова, конец стиха Иак. 4, 2, начинают другую важнейшую для Нового Завета тему, о которой апостол Иаков будет говорить ниже, – о молитве: «Потому что не просите» (ср. Лк. 6, 46: «Что мя зовете “Господи, Господи”, а не творите, яже глаголю»). Распри и свары – нарушение завета Христова, поэтому молитва людей, виновных в этом, не является той молитвой, которую услышит Господь.

³⁴⁶ - ... слово въ учении. – λόγον διδασκαλίκόν. Феофилакт считает, что речь о «ложных учителях»; в таком смысле и в Синодальном русском переводе. Впрочем, у апостола Павла, наверное, шире – обращение ко всем членам общины (1Кор. 3:3).

³⁴⁷ - Аще бо, рече, въ вас зависть и ревность, не плътяни ли есте? – 1Кор. 3, 3.

³⁴⁸ - Просите и не възмете, занеже злѣ просите... – «Плохо прѣсите» или «Прѣсите плохого»? Я думаю, здесь оба смысла: 1) плохо, т. е. неусердно, молитесь и 2) просите о плохом. По моему, повтор «зане злѣ просите», которого нет в Синод. тексте, подтверждает двойной смысл. Апостол Иаков обращает столь большое внимание на ситуацию «просит и не получает», потому что одна из аксиом христианства – выражение из Евангелия от Матфея (Мф. 7, 7–11): «Просите, и дано будет». Вера в то, что милосердный Господь даст просящему все, что он заслуживает, или нет такого милосердия, находится как бы в противоречии с тем, о чем говорит апостол Иаков. «Просите – и не дается». Ведь в этом упрек – раз не дается, то как вы просите и каковы вы?!.. И объяснение – вы просите того, что служит к вашей гибели, и именно потому милосердный Господь не дает вам. Следует стыдиться того, что молитва не услышана, а не обижаться на это. Об этом идет речь в следующем толковании. Ср. также Прит. 15, 29.

³⁴⁹ - ...прѣлюбодѣици и прѣлюбодѣица. – μοιχοί και μοιχαλίδες. (Теодорович считает, что второе слово попало из маргиналий какого-то древнего текста, однако в латинском, коптском, эфиопском и сирийском есть оба слова, мужского и женского рода). Слово «прелюбодеи», адресованное людям, любящим земные блага больше, чем божественные дары, связано с обычным для Священного писания метафорическим изображением отношений между Богом и народом как супружества. Нарушение заповедей Божиих есть неверность в любви, т. е. прелюбодеяние.

³⁵⁰ - Такъ бѣ и фарисѣй, егоже Лука въ Евангелии похуляет. – См. Лк. 18, 10–14.

³⁵¹ - Иже бо аще изволить друг свѣту сему быти, врагъ Божий бываетъ. – Миръ (свѣт) – в контексте затронутой темы – мир плотский, материальный, противопоставляемый духовному началу. Поскольку плоть может быть источником вожделений, ссорящих человека с Богом, то мир плоти и материи как бы враждебен Богу. Апостол предупреждает, в продолжение

предыдущего стиха, что люди, любя свои вожделения, вольно или невольно, переходят на сторону врага Божия – дьявола.

³⁵² - Притъчникъ. – Вероятно, это не прямое указание на авторство толкования, а ссылка на Притчи Соломона, цитируемые ниже апостолом Иаковом.

³⁵³ - ... не мощно есть работати Богу и мамонѣ... – Мф. 6, 24.

³⁵⁴ - Ножъ бо и раздѣление въверже на землю. – Противопоставляя плотское и духовное, подчеркивая необходимость и неизбежность их борьбы в человеке для достижения спасения, апостол Иаков говорит, что «друг мира» (т. е. сторонник плотского начала) становится «врагом Бога» (т. е. не принимает духовное начало). Толкователь развивает это подробнее, опираясь на высказанную в Евангелии мысль о необходимости разделения плотского и духовного и отсечения плотского («не мир, но меч» – Мф. 10, 34 и «...разделение» – Лк. 12:51). Именно ценой этой суровой борьбы возможен мир, состояние, о котором молятся не только люди, но и ангелы на небесах. В толковании на Евангелие Иоанн Златоуст говорит о целительности для нас отсечения больного члена для спасения всего тела.

³⁵⁵ - Аще рука ... съблажняетъ тя... – Мф. 18, 8–9; Мк. 3, 43–44.

³⁵⁶ - Хрусостомось – т. е. Златоуст (Χρυσότομος), Иоанн Златоуст.

³⁵⁷ - Или мните, яко лъжу Книгы глаголють вы: «Завистию възлюбляете дух, иже вселився въ нас...» – Общепризнано, что это одно из труднейших для понимания мест. Во-первых, такой цитаты в Священном писании никому найти не удалось. Возможно, что ссылка на Писание относится к приведенной в следующем стихе цитате из Притч Соломона, т. е. текст не является цитатой, а принадлежит апостолу Иакову. Смысл текста не ясен. В славянских рукописях: «возлюбляете дух», в греческом тексте, а также в Синодальном церковнославянском и русском: «Дух възлюбляет». Греческий текст: πρὸς φθόνον ἐπιπόθει τὸ πνεῦμα, Синод.: «к зависти желает дух»; рус.: «до ревности любит дух». Затруднением является слово φθόνος .

(зависть) или ζήλος (ревность) в отношении Бога. Толкователи XIX в. пытались найти решение типа «возлюбил до ревности». Однако слово «зависть» в значении «ревность» (т. е. усердие) зафиксировано в словаре Срезневского («божественною завистью душею возгараясь» – Минея 1091 г.).

³⁵⁸ - Завистию диаволею смерть вниде въ миръ... – Прем. 2, 24.

³⁵⁹ - Христос же, по Писанию, вселися ... – Ср. Ефес. 3, 17: «Вселитися Христу верою в сердца наша».

³⁶⁰ - Азъ бо придох, рече, да животъ имуть и лише имуть. – Ин. 10, 10.

³⁶¹ - Исаия явѣ рекъ: «Не ходатай, ни ангелъ, нъ сам Господь спасе ны, понеже възлюби ны». – Ср. Ис. 33, 27: «Господь судия наш, Господь законодатель, Господь царь наш, он спасет нас».

³⁶² - Вселеную всю обоиму яко яйце. – Ср. Ис. 10, 14: «Вселенную всю обоиму рукою моею, яко гнездо, и, яко оставленные яйца, возьму».

³⁶³ - Богъ гордымъ противится, съмѣренным же даетъ благодать. – Прит. 3, 34.

³⁶⁴ - Повинѣтся убо Богови ... от васъ. – Смирение, как главная добродетель верующего человека, которой всю силу дьявола побеждают, требует от человека сознательной и твердой позиции (т. е. борьбы) – покориться Богу и воспротивиться сатане, воспротивиться так твердо, чтобы он обратился в бегство. Человек обязан проявлять волю и усердие. Это же говорится и в толковании: смирение и скромность требуют проявления воли человека, ибо могут быть и на добро, и на зло.

³⁶⁵ - О покаяньи... искренняго. – Этот заголовок в рукописи пропущен; восстанавливаем по Погод. 30.

³⁶⁶ - Очистите руцѣ ... двоедушнии. – Покаяние, как проявление смирения, дает возможность человеку, во-первых, очистить руки (избавиться от греха) и сердце, а во-вторых, проявить волю в выборе, – в том, чтобы приблизиться к Богу. И тогда Бог приблизится к человеку.

³⁶⁷ - Видѣть сѣмѣреніе мое и изми мя, яко Закона твоего не забуду. – Пс. 118, 153.

³⁶⁸ - Не отай оклеветайте... – В греческом тексте: Μὴ καταλαλέετε (Не клеветайте). Вероятно, «отай» попало по ошибке, под влиянием Пс. 100, 5 («оклеветавшаго тай»).

³⁶⁹ - ...спасти и погубити. – Выражение «спасти и погубити» из Мф. 10, 28, где говорится о том, что люди могут убить тело человека, но не могут убить его душу. Бояться нужно не людей, а Бога. Только всемогущий Бог, установивший совершенный Закон, может судить, осуждать или прощать. Ср. 1Цар. 2, 6: «Господь мертвит и живит, низводит во ад и возводит».

³⁷⁰ - Имже осуждаеши друга, себе осуждаеши. Таковая бо съдѣетъ и осуждая. – Ср. Римл. 2, 1.

³⁷¹ - ...огнь и муку на своя изливают главы. – Ср. Прит. 25, 22 и Римл. 12, 20: «...соберешь ему на голову горящие угли» (т. е. горькое раскаяние).

³⁷² - Вѣдущему же убо добро дѣяти и не дѣюще, грѣхъ ему есть. – Синод.: «кто понимает делать добро» (т. е. знает, что нужно, и умеет). О том, что неведение иногда освобождает от ответственности, а ведение (знание) усугубляет ответственность, говорится в Евангелии: «Раб, который знал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много, а который не знал, но делал достойное наказание, бит будет меньше» (Лк. 12, 47–48); «Если бы я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха, а теперь не имеют извинения в грехе своем» (Ин. 15:22).

³⁷³ - Не хвалися утрьнимъ, не вѣси бо, что родить настоящая. – Прит. 27, 1.

³⁷⁴ - ...плачѣтесе, задрезушесе о страстехъ ваших, грядущих на вы. – Плачьте задрезуше – κλαύσατε δλολύζοντες. Синод.: «Плачьте и рыдайте». У Срезневского: «задрьзаться – захлипатися» (может быть: рыдать вопия). «Бедствия, страсти» (Синод.: «лютые скорби») – ταλαιπωρίαίς. Скорби – это не только потеря мимотекущего богатства, которая предстоит; «грядущие скорби» – это скорби, предшествующие Второму Пришествию. О скорбях, предшествующих «кончине века»,

говорится в 24-й главе Евангелия от Матфея. Здесь у апостола Иакова начало темы предвещения Страшного суда, развиваемой далее. Во времена апостольские наступление Страшного суда ощущалось как самое ближайшее будущее.

³⁷⁵ - Мука и скрежетъ, гной и червие. – «Тьма кромешная», где «будет плач и скрежет зубов» (т. е. ад, вечная мука) – Мф. 8, 12; 13, 42, 50; 22, 13; 24, 51; 25, 30; Лк. 13, 28.

³⁷⁶ - ...днь заклениа. – Метафора, обозначающая день Страшного суда. Основана на тексте пророка Иеремии (Иер. 12:3): «собери их как овцы на закление, и очисти их в день заклениа». Иаков изменяет эту метафору, делая ключевым словом «ожиревшее сердце». Как скотину перед убоим откармливают, так и богатей, насладившиеся жизнью, откормили сердца свои. Их надлежит зарезать, как скот. Но очищение (метафора Иеремии, вероятно, связанная с иудейским обычаем особого очищения мяса, предназначенного для еды) ожиревшего затруднительно. Так и «ожиревшее сердце» (в духовном смысле) нелегко очистить перед «днем заклениа», т. е. перед Страшным судом. О дне заклениа также: Иерем. 25, 34: «Воскликните, пастуси, и возопите, и восплачите, овни овчии, яко исполнишася дние ваша на закление, и падете, якоже овни избранные».

³⁷⁷ - Злато ваше ... будет ... – Золото проржавело. Это можно понимать не буквально (золото, как известно, не ржавеет), а иносказательно: пропало, исчезло, было уничтожено. Золото и серебро – это троп (синеκδοχα), обозначение богатства вообще. Может быть, употребляя образ «золото и серебро проржавело» для обозначения уничтожения, автор хочет подчеркнуть провиденциальную неизбежность уничтожения всего (даже того, что кажется неуничтожимым) в Судный день. Далее подчеркивается, что ржавчина золота – это свидетельство против: против грешных богачей, которые приобрели богатство несправедливо. Возможно, что это знак (символ) – знак, обличающий грешника (как несмываемое кровавое пятно обличает убийцу).

³⁷⁸ - ...сънѣсть плоти ваша, яко огнь... – *φάγεται τὰς σάρκας ὑμῶν ὡς πῦρ*. Кара нечестивым богачам – уничтожение того, что

собрано за всю жизнь, на последние дни, на остаток жизни. Для библейской ментальности это очень важно (не в смысле бедности или достатка) – имущество человека это выражение его личности, показатель того, на что он способен. Уничтожить это – уничтожить самого человека. Это страшно. Поэтому «снести плоти ваша» звучит так страшно и двусмысленно. Хотя речь идет об уничтожении вещественного имущества, нажитого, звучит так, как будто говорится об уничтожении людей. Именно поэтому апостолы так много внимания уделяли разъяснению, что следует собирать сокровище на небесах, нетленное духовное богатство, которое ни моль, ни ржавчина уничтожить не могут. И это сокровище надо собирать для Последнего дня не в смысле конца своей жизни, а для Дня судного, с чем предстанешь перед Судией, стоящим уже у дверей. Предупреждение о бессмысленности собирания богатства есть и в Ветхом Завете: «Сокровиществует и не весть, кому соберет е» (Пс. 38:7).

³⁷⁹ - ...женьших... – Испр. по Погод. 30; в рукописи жень ваших.

³⁸⁰ - Се мзда ...вънидоша. – Прием библейского синтаксического параллелизма (мзда ... вопиет, вопли ... дошли). Жнеци – как и в других случаях – частное для обозначения общего. Жнецы олицетворяют собой труждающихся в поте лица, угнетенных, обманутых, обиженных. Невыплата вознаграждения за труд по закону приравнивается к убийству. Это строго запрещено (Лев. 19, 13; Втор. 24:14) и обличается пророками (Иер. 22, 13; Мал. 3, 5; Иов. 31, 33; Тов. 4:14). Сир. 34.22: «Убивает ближнего тот, кто отнимает у него пропитание, проливает кровь тот, кто лишает наемника платы». В упоминании имени Саваоф – угроза. Господь Саваоф (Господь сил) – карающий.

³⁸¹ - Съвѣдѣтельствуеть на ны ... моля ради съгнившая. – Здесь сокращенное толкование Феофилакта (выборка из катен); на самом деле Феофилакт более подробно развивает мысль о том, что оправданием богатства является милосердие, и от ржавчины и моли имущество спасает раздача его неимущим.

Факт съедения молью одежд свидетельствует не о нерадивости хозяина, а о его жадности и жестокости.

³⁸² - Осудисте, убисте праведного... – Праведника (τὸν δίκαιον) – некоторые толкователи, в том числе Феофилакт, считают, что это указание на Христа. Но для такого толкования нет оснований, потому что нельзя инкриминировать распятие Христа иудеям, бывшим в рассеянии, даже если они – нечестивые богачи. Вероятно, здесь, как и в других местах, синекдоха – называется один, а имеется в виду множество, или праведность вообще. Богачи с ожиревшим сердцем столь плохи, что даже способны убить праведника, а это большое преступление, обличаемое пророками (Амос. 5, 12; Прем. 2, 12–20). В какой-то степени это повторение того, о чем говорилось в начале стиха – пролитие крови невинной (неплата наемнику – убийство).

³⁸³ - Что убо? ... съ благодарениемъ въкушаемо. – О том, что ветхозаветные запреты на пищу, разделение пищи на чистую и нечистую, не обязательны для христиан, неоднократно говорил апостол Павел, прибавляя, что есть можно все, за все благодаря Бога, и нельзя осуждать за пищу (1 Кор.; Кол. 2), но следует уважать чувства и убеждения тех, кто придерживается ограничений – не быть для них соблазном и не выставять на обозрение нарушения ветхозаветного закона. Последняя фраза толкования – точная цитата (1Тим. 4:4).

³⁸⁴ - ...другаго плода... – В Синод. честнаго (драгоценного); в греч.: τὸν τίμιον καρπὸν (ценного плода).

³⁸⁵ - ...дъжчь ранъ и позьднъ. – Дождь ранний и поздний – т. е. дождь весенний и осенний. Земледельческая практика Востока – дождь два раза в году, весной и осенью, и от этого зависит урожай (ср. Втор. 11, 14; Иер. 5, 24; Иоиль 2, 23; Зах. 10:1). Посеяв семена, земледелец терпеливо ждет, веря, что дождь будет и урожай не погибнет. Это прообраз того терпения с верой (уверенностью), о котором говорит апостол Иаков.

³⁸⁶ - ...яко пришествие Господне приближися. – В апостольские времена пришествие Господне ожидалось в самом ближайшем будущем (1Петр. 4, 7; 2Петр. 3, 4; 1Ин. 2, 18,

28; 1Кор. 7, 29; 10, 11; 1Сол. 4, 15 и др.). Приблизилось – но еще не наступило, Судия еще только стоит у дверей. Еще есть время, но надо спешить – укрепить сердца и быть готовыми. Время пришествия Господня ветхозаветными пророками называлось «последние дни» (Ис. 2, 1; 4:2); «последнее время» (так говорил апостол Иоанн – 1Ин. 2:1); теперь мы видим, что, говоря о тленном богатстве, апостол Иаков именно это имел в виду, упоминая о заготовленном на последние дни. Однако Господь предупреждает: «Бдите, яко не весте дня же, ни часа, в оньже Сын Человеческий приидет» (Мф. 24:42); и этот час придет, «яко тать в нощи», т. е. неожиданно (1Сол. 5, 2; 2Петр. 3:10). Завтра или через две тысячи лет – надо быть готовыми и ждать с твердым сердцем и с терпением.

³⁸⁷ - Долготерпѣние къ другомъ, пождание ко внѣшнимъ. – Противопоставляются слова «долготерпение» и «пождание». В своем толковании, не вошедшем в катены, Феофилакт останавливается на этом противопоставлении Долготерпение (μακροθυμία) – это свойство Бога; людям оно свойственно лишь частично, по отношению друг к другу. В отношении людей говорится «терпение» (ὑπομονή; в нашем тексте – «пождание») к внешним обстоятельствам. Поэтому образ пахаря, который «долготерпит» (о урожае, если будет «дождь ранний и поздний»), по мнению Феофилакта, это отношение Бога к людям – он долготерпит, ожидая покаяния в юности и в старости. У Срезневского: пождание – отсрочка, пожданно – терпеливо, пождати – ждать, надеяться.

³⁸⁸ - Не въздыхайте на ся... – Μη στενάζετε κατ' ἀλλήλων. Сетование (воздыхание) друг на друга – взаимные упреки, это есть нарушение добродетели терпения, о которой шла речь в предыдущем наставлении. В этом контексте речь идет опять о богатых и бедных, об обидчиках и угнетенных. Возможно, что предыдущее толкование должно быть отнесено к этому отрывку.

³⁸⁹ - ...да не осудитесь. – Синод.: «да не будете осуждены». В сетовании содержится осуждение (признание вины за другим, а не за собой), а судящий другого будет осужден. Ср. Мф. 7, 1: «Не судите, да не судимы будете».

³⁹⁰ - Судия. – κρίτης. Только Господь может судить и воздавать за вину: «Мне отмщение и аз воздам» (Втор. 32:35), т. е. «Мне принадлежит право отмщения, и я воздам кому следует». Ср. Римл. 12, 19: «Не мстите за себя, братие, но дайте место гневу Божию, ибо сказано: “Мне отмщение, и аз воздам”».

³⁹¹ - ...глаголаша именемъ Господнимъ. – Можно это понимать: «говорили от имени Господа», но точнее: «Господь говорил их устами». Ведь пророчества в пророческих книгах начинаются словами: «Тако глаголет Господь...».

³⁹² - Прѣжде же всего, братие моа... – В Погод. 30 эти слова относятся к предыдущему отрывку. Теодорович говорит (с. 123), что в эфиопском тексте к этим словам добавлено: «да превосходит все любовь его»; поскольку этих слов нет ни в одной греческой рукописи, их можно рассматривать как толкование.

³⁹³ - Аще страждет кто въ вас ... въ имя Господне. – В этом отрывке как бы рекомендована вся жизнь, до смерти. Молитесь (προσευχέσθω), когда страдаете, пойте псалмы (ψαλλέτω), когда благодуствуете, а когда тяжело заболите, следует призвать священников, чтобы они совершили чин елеосвящения (это первое указание в Священном писании на совершение таинства елеосвящения, или соборования). Далее говорится об исповеди и отпущении грехов. Апостол Иаков рекомендует взаимную исповедь («Исповѣдайте же себѣ грѣхы своа...») и молитву друг за друга. Это приблизительно то, о чем говорит апостол Павел (Гал. 6:2): «Носите бремена друг друга». Следующая фраза разъясняет преимущества взаимной молитвы.

³⁹⁴ - Много бо можетъ молитва, праведнаго поспѣваема. – πολὺ γὰρ ἰσχύει δεήσις δίκαιου ἐνεργουμένη. В Синод.: поспѣшствуемая, в перев. усиленная. Молитва, которую поддерживают (поддержанная тем, за кого молятся), взаимная. Русский перевод Феофилакта, цитируемый в Толк. Б.: «Молитва праведника имеет большую силу тогда, когда тот, за кого молится, содействует его молитве душевною скорбью. Ибо если тогда, когда за нас молятся другие, проводим время в роскоши и неге и невоздержании, то мы через то ослабляем силу

молитвы подвижающихся за нас». Срезневский: поспевать *συνεργεῖν* – помогать. Ἑκτενέστερον – усердно. Так молился Христос (Лк. 22:23), будучи в борении, и «был пот его как капли крови».

³⁹⁵ - Того ради древнимъ клятва възаконися... – Древние – здесь: иудеи. По талмудическому закону полагалось клясться только существующими формулами клятв. Таким образом предотвращали недозволенные клятвы.

³⁹⁶ - Кленѣте бо ся, вѣща, Богомъ истиннымъ. – Ср. Втор. 6, 13: «Именем его да кленется».

³⁹⁷ - ... да будешь вамъ «ей» – «ей», «ни» – «ни», в клятвы мѣсто. – Ср. Мф. 5, 37.

³⁹⁸ - Кленущии бо ся, вѣща, большимъ да кленутся... – Евр. 6, 16.

³⁹⁹ - Максимово – Максим Исповедник (582–662), учитель церкви, богослов.

⁴⁰⁰ - Доколѣ ты плачеша Саула ... въ Израили. – 1Цар. 16, 1.

⁴⁰¹ - И ты не молися о людех сихъ ... не послушаю тебе. – Иер. 13, 14.

⁴⁰² - Дерзновение – *παρρησία* – смелость, дерзость. Это не просто смелость, а смелость, которая дается за заслуги праведной жизни – право обратиться к Богу и быть услышанным, дарованное святым и праведникам. Об этом образно говорится в «Похвале милости» (см. Толк. Златоуста о милостыни – с. 98–100 и коммент. к нему на с. 509–510).

⁴⁰³ - ...подобень нам... – В греч. *ὁμοιοπαθής* – подобосущен, подобострастен – равен нам по страстям, смертный, грешный. Ср. Прем. 7, 1: «Аз есмь человек смертен и подобен всем».

⁴⁰⁴ - ...молитвою помолися... – *προσευχῇ* *προσηύξατο*, т. е. очень сильно помолился. Такой прием (удвоение) характерен для Священного писания (обышедша обыдоша – Пс. 117, 1; наказуя наказа – Пс. 117, 18; смертью умереть – Быт. 2, 12 и др.).

⁴⁰⁵ - Въ Третиимъ Царствѣ ... усты слова моего. – Цитата из Книги Царств (3Цар. 17:1), использованная как толкование, поясняющее стих о пророке Илие. В других рукописях и в греческом нет.

⁴⁰⁶ - ...небо мѣдяно бысть... – Ср. Втор. 28, 29: «Будет небо над главою твоею медяно, и земля под тобою железна».

⁴⁰⁷ - ... аще кто въ васъ заблудить от истины и обратить ... греховъ. – Заблудить – πλανηθῆ, обратить – ἐπιστρέψῃ. Заблуждение (уклонение от истинного пути) – т. е. невольное отступничество от истины, это грех, а человек, с которым это случилось, – грешник. Тот же, кто может спасти (удержать) грешника от впадения в заблуждение – т. е. вернуться к праведности, обратиться, – спасает его и его душу, и покрывает множество грехов (которые произойдут в результате заблуждения). Покрыть грехи – добиться их прощения, а не спрятать (ср. современное покрыть долги). Такое понимание простейшее, и оно вполне правдоподобно. Но тогда встает вопрос, о спасении чьей души идет речь (обращенного или обратителя) и кто или что покроем множество грехов? Необходимо, сохраняя первый смысл, иметь в виду и более широкий и более важный, подкрепляемый словами апостола Петра: «Любовь покрывает множество грехов» (1Петр. 4:8). Обращение заблудшего есть проявление любви, завещанной Господом. Эта любовь покрывает грехи; не только обращение от заблуждения, но и любовь, которая к этому привела, – удвоение силы, как и наставления о сильной молитве. Тот, кто проявляет любовь, способную покрыть множество грехов, выполняет заветы Христа, а следовательно, спасает и свою душу. Здесь выражена идея «универсальной» спасительности любви. Эта идея трижды повторяется. Бог, который есть любовь, прощает множество грехов. Это третий смысл этой фразы. Это последние слова апостола Иакова. Закончив свое «увещание», назидательное и обличительное, апостол дарует ученикам своим надежду, внушает упование, раскрывает истинный смысл веры, воздвигает на путь живой веры и действенной любви.

⁴⁰⁸ - Толк. Златоуст. – В ряде рукописей (в частности, в Погод. 30) последний отрывок разделен на две части. «Братие ... и кто» и «Да вѣсть ... грѣховъ». Толкование Златоуста относится к первой части, а ко второй – только слова «Яко слугы бывайте ближних спасению». Здесь же толкование Златоуста подводит итоги Послания Иакова. С помощью

излюбленных сравнений с трудом и терпением земледельца дается наставление о деятельной любви: земледелец должен пробудить бездушную землю, посеять семена, сохранять их от птиц, от сорняков, от засухи, и уповать, что урожай будет, и будет кому собрать его. Так и христиане должны служить спасению ближних.

⁴⁰⁹ - Все бо еже восхотѣ... безднахъ... – Ср. Пс. 134, 6.

⁴¹⁰ - Возвеличишася ... сътворилъ еси. – Пс. 103, 24.

⁴¹¹ - Удивися разумъ ... възрадоуся... – Пс. 91, 3–4.

⁴¹² - Възвеличишася ... сътвори. – Ср. Пс. 103, 31.

⁴¹³ - Человѣка вмѣ... исповѣдаемъ... – У Немесия соответствующий абзац первой главы начинается иначе: «Евреи говорят, что человек не был создан изначально ни совершенно смертным...» (см.: Немесий. С. 24).

⁴¹⁴ - Разумѣ, яко нагъ есть. – Быт. 3, 7.

⁴¹⁵ - ...проштено бысть ядение мясное. – У Немесия: «...было предоставлено (право) питаться и всем остальным». Далее опущено о четырех стихиях (элементах материального мира) как составляющих человеческого тела (см.: Немесий. С. 25).

⁴¹⁶ - ...супротивнымъ же ся врачуетъ. – Далее пропущено объяснение того, как и посредством чего попадают в нас «стихии», элементы, из которых состоит мир (см.: Немесий. С. 26–27).

⁴¹⁷ - ...ни власъ, акы животъмъ... – Отсутствуют наличествующие у Немесия сравнения с козами, овцами, зайцами, змеями, рыбами, черепахами, раковинами, раками и птицами (см.: Немесий. С. 27).

⁴¹⁸ - ...ризы трѣбны быша... – Пропущена далее речь о необходимости для человека пищи, одежды и жилища и объяснение нарушений нормального состояния человеческого тела. Следующие в выборке–перевode слова «и въздуховъ ради нестроиньства...» относятся в оригинале не к одежде («ризам»), а к жилищу (см.: Немесий. С. 27–28).

⁴¹⁹ - ...злаго врѣда не цѣляште. – Далее пропущен очень большой период, где говорится о пользе от наук и искусств, о

городах как местах, где люди пользуются взаимными услугами, о покаянии и восстающем в бессмертие теле как преимуществах человека и о существовании всего на свете, «поучению евреев», для служения человеку (см.: Немесий. С. 28–34).

⁴²⁰ - ...акы Данилъ отъ львовъ и Павль отъ ехиднь. – См. Дан. 6, 15–22; Деян. 28, 3–6.

⁴²¹ - ...и причастьникъ Того царьства. – Панегирик Немесия человеку в Изборнике 1073 г. несколько сокращен и опущено следующее за ним окончание первой главы (см.: Немесий. С. 35–36), где автор оценивает написанное выше как уже «в значительной мере» осуществленное им изъяснение природы человека, призывает читателя к воздержанию от «кратковременных незначительных удовольствий» ради наслаждения «всем вечным» и говорит, что далее отдельно скажет, «пропуская слишком тонкие, запутанные и для большинства неудобопонятные вопросы», о душе. Следующая, вторая глава его книги как раз и носит название «О душе».

⁴²² - Максимово... – Имеется в виду Максим Исповедник (582–662), византийский богослов, известный своей борьбой с ересью монофелитов. Этот отрывок представляет собой последнюю цитацию в последнем «вопросе-ответе» Анастасия Синаита. С ней в Изборнике 1073 г. тесно связана следующая далее главка «Феодора, пресвитера Раифского, о том же».

⁴²³ - ...суштия... – По-гречески это слово – οὐσία означает и «сущее», и «существо», и «сущность», и «субстанцию».

⁴²⁴ - Феодора, презвутера Раифуисьскаго... – Феодор Раифский, богослов VI в., борец с монофизитством, монах Раифского монастыря на Красном море.

⁴²⁵ - Суштьное... – Греческое слово οὐσία (см. комментарий выше), здесь переведенное как «суштьное», означает также «имущество», «состояние».

⁴²⁶ - ... многосуштьнъ. – В греческом оригинале здесь игра слов: «богатый» – πλούσιον, «многоимущий» – πολυούσιον.

⁴²⁷ - ... люди богатые... – Исход 19, 5.

⁴²⁸ - ... Издраиль въ богатство ему... – Пс. 134, 4.

- 429 - ... сущие... – В данном случае это слово можно перевести как «сущность», и как «существо».
- 430 - ...образ. – В оригинале здесь говорится не об образе, но о цвете (χρῶμα) тела.
- 431 - ...Богъ. – В греческом тексте здесь: Θεὸς ὑπερούσιος – «Бог сверхсущественный».
- 432 - Егда бо ... законъная творять... – Римл. 2, 14.
- 433 - Прѣмѣниша ... на чрѣсъестьствъную. – Римл. 1, 26.
- 434 - И бѣхомъ чяда ... якоже и мнозии... – Эф. 2, 3.
- 435 - Безумьни бо ... Божья разума. – Прем. 13, 1.
- 436 - Въсѣхъ бо хытрица ... Мудрость... – Там же, 7, 21.
- 437 - ...сѣставъ сѣложение ... дѣиство сѣставы... – Там же, 7, 1.
- 438 - ...естьства животъ и гнѣвы звѣрьскыя... – Там же, 7, 20.
- 439 - Въсе еѣство ... еѣстеѣмъ челоувѣчскѣмъ. – Ср. Иак. 3, 7.
- 440 - Да будете Божья приобѣшътници еѣства. – Ср. 2Пет. 1, 4.
- 441 - Къто еѣ въ собѣствѣ Господьни? – Иер. 23, 18.
- 442 - Иже сы ... собѣства Его. – Евр. 1, 3.
- 443 - «собомъ сѣстоиться» и «еѣ». – В греческом оригинале: ὑφεστάναι καὶ ὑπάρχειν – находиться в основании и существовать.
- 444 - ...живемъ и движемъся и есмъ. – Деян. 17, 28.
- 445 - И Павълъ, на степенъхъ бесѣдуя... – См.: Деян. 21, 40.
- 446 - ...се имать ... къ своитьнууму. – Эпистола 236, 6 // PG 32, col 884A.
- 447 - Собѣство. – стан, отряд, см.: 1Цар. 14, 4; 13, 23.
- 448 - Сѣборъ. – стане, отряде, см.: 2Цар. 23, 14.
- 449 - Сѣставление – соединение, сборище.
- 450 - Сѣстояние – полк, см. Паралип. 11, 16.
- 451 - ...сѣпудъмъ... – В греч. оригинале μόδιον, модий – римская мера сыпучих тел (равная 8,754 л).

⁴⁵² - Максимово... – Эта главка, как и «О единении» (с. 166), принадлежат на деле не Максиму Исповеднику, а Иоанну Дамаскину.

⁴⁵³ - «ино». – В рукописи – «не».

⁴⁵⁴ - Будет бо, – рече, – в послѣдняя дни... по дѣломъ ихъ. – Комбинация цитат из новозаветных текстов. Ср.: 2Тим. 3, 1–3; Мр. 13, 12; Мф. 10, 36; 16, 27.

⁴⁵⁵ - Бѣ же князь... Воротиславъ... – Вратислав (ок. 888–921), второй сын князя Боривоя и его жены Людмилы, правил в 915–921 гг., наследовал своему брату Спытигневу.

⁴⁵⁶ - Дорогомиръ. – Жена Вратислава Драгомиръ (или Драгомира), согласно латинскому житию Людмилы («Легенда Кристиана»), была дочерью князя одного из племен полабских славян: стодоран или лютичей.

⁴⁵⁷ - Родиста же сына... Вячеславъ. – Точная дата события неизвестна, приблизительно 906–907 гг. Мирское («княжеское») имя Вячеслав не могло быть дано ребенку при крещении. Упоминание жития, что Вячеслав «бысть обещан» святому Эммераму, позволяет думать, что это и было христианское имя князя.

⁴⁵⁸ - И възрасте отрок... волос... – Обряд княжеских пострижин, известный как у восточных, так и у западных славян, связанный с достижением отроческого возраста (6–8 лет).

⁴⁵⁹ - ...епископа Нотария... – Исправлено на основании Минейной редакции жития и глаголических списков: во всех списках Востоковской редакции – «епископа етера» (некоего епископа). Такое осмысление писца вызвано тем, что имя Нотарий («Инотарий») было мало известно в православном мире в ту эпоху, от которой дошли списки памятника. Отождествление епископа Нотария с церковными деятелями первой половины X в. долгое время вызывало затруднения. Он не мог быть пражским епископом, так как до 970-х гг. Чехия не имела самостоятельной церковной организации, а подчинялась Регенсбургскому архиепископу в Баварии. Сейчас убедительно обосновано, что речь идет о Нотарии II, епископе Вероны в Северной Италии (915–928). Его присутствие в Праге

объясняется тем, что епископ был советником итальянского короля Беренгария II и неоднократно выполнял его дипломатические поручения, в частности в отношении королевского зятя и союзника баварского герцога Арнульфа, вассалами которого были чешские князья. Предполагается, что данная миссия Нотария была связана с военным союзом против Саксонии. Упоминание имени Нотария ограничивает раннюю дату пострижин Вячеслава 915 г.

⁴⁶⁰ - ...литургию... – Слово, означающее церковную службу восточнохристианского типа, очевидно, не является здесь первоначальным, а отражает позднейшее бытование текста в православной среде. Глаголические списки дают здесь чтение «мышу» (т. е. мессу), что более соответствует богослужению с участием итальянского епископа. Термин «мыша» в славянской письменности встречается уже в Киевских глаголических листках X–XI вв., представляющих отрывок миссала на славянском языке.

⁴⁶¹ - ...въ церкви святыя Марія... – Древнейшая церковь на территории Пражского Града, не сохранившаяся до нашего времени (остатки ее обнаружены археологическими раскопками в середине XX в.). Располагалась между городскими воротами и храмом св. Вита, заложенным Вячеславом в конце его правления. Наименование Богородицы «святой Марией» указывает на связь текста с западнохристианским миром.

⁴⁶² - ...баба своя Людмила... – Людмила (ок. 860–921) – дочь князя полабских сербов, обитавших к северо-западу от Чехии, между реками Эльбой и Салой (Заале); жена князя Боривоя, мать Братислава. Согласно латинскому житию («Легенда Кристиана»), вместе с мужем приняла крещение от архиепископа Мефодия. В 921 г. была задушена по приказу своей невестки. Мученическая смерть старой княгини стала причиной создания посвященных ей житийных текстов на латинском и славянском языках. Полный текст славянского жития Людмилы не сохранился, но отразился в ее проложном житии, древнерусской версии славянского жития Вячеслава (Востоковской и Минейной редакций) и житии княгини Ольги.

⁴⁶³ - Отсади же... в Будучь... – Будучь (Будеч) – город к северо-западу от Праги. Причиной отправки туда Вячеслава названо обучение латинскому языку, но глагол «отсади» указывает на передачу отцом города (вероятно, с областью) в управление сыну. Это было возможным по достижении сыном правителя возраста юридической дееспособности – по раннесредневековым варварским «правдам» и византийскому каноническому праву 13 лет. Следовательно, Вячеслав получил удел незадолго до смерти отца, в 920 или 921 г.

⁴⁶⁴ - ... на столѣ дѣдъни... – Первоначально, вероятно, читалось: «на столѣ дѣдъни и отни», так как Вячеслав унаследовал престол не только деда, но и отца.

⁴⁶⁵ - Болеславъ – младший брат Вячеслава, правивший Чехией после его смерти (умер в 967 г.). Показательно, что имена обоих сыновей Вратислава («воротившего славу»), содержат пожелание умножения славы («вяче – вяще» и «боле»).

⁴⁶⁶ - Бяшета бо оба мала...люди своя. – Правление Драгомири продолжалось около двух лет.

⁴⁶⁷ - Имяше же сестры... княженья... – Известно имя одной из сестер Вячеслава – Пшибыслава (Прибыслава), которая была выдана замуж за князя белых хорватов, обитавших к северо-востоку от Праги.

⁴⁶⁸ - Божия рабы. – Здесь: священники, славянская калька со средневерхненемецкого Gotteskalch.

⁴⁶⁹ - .. бѣдныя напиташе... миловаше... – Ср. Мф. 25, 35–39.

⁴⁷⁰ - 13. – В рукописи «18», исправлено по смыслу. Вячеславу, пострижины которого были совершены не ранее 915 г., не могло быть 18 лет в 921 г. Ошибка в цифре лет возникла, очевидно, в два этапа. При переписывании глаголического оригинала кириллицей буква В (имеющая в глаголице значение 3) была повторена без учета смены значения (в кириллице 2). Позднее (не ранее конца XIV в.) буква В была смешана с близкой по начертанию И, имеющим числовое значение 8.

⁴⁷¹ - Писано бо есть... подобеньъ есть. – Данное место не цитата из Священного писания, оно дословно совпадает с

текстом решений Сплитского поместного собора 925 г., что свидетельствует о достаточно тесных культурных связях Чехии с Далмацией в первой половине X в.

⁴⁷² - Чти. отца и матерь... яко и сам ся. – Еф. 6, 2; Мф. 19, 19.

⁴⁷³ - Господи Боже... грѣха сѣго. – Деян. 7, 60.

⁴⁷⁴ - Грѣхъ уности моея... Господи. – Пс. 24, 7.

⁴⁷⁵ - Странен бѣх... мене. – Мф. 25, 35.

⁴⁷⁶ - ...храмъ святого Вита... – Храм в форме ротонды, остатки которого обнаружены археологическими раскопками под капеллой св. Вацлава (Вячеслава) при готическом соборе XIV в., был заложен около 926 г. и завершен, вероятно, уже после смерти Вячеслава. Посвящение главного собора Праги святому Виту, считавшемуся покровителем Саксонии, отражает смену политической ситуации в Германии в 20-х гг. X в., когда баварский герцог (тогдашний сюзерен Чехии) был вынужден признать верховную власть короля Саксонской династии Генриха I Птицелова, а Чехия стала вассалом королевства.

⁴⁷⁷ - ...день святаго Емѣраама... Вячеславъ... – 22 сентября по западному календарю. Св. Эммерам, баварский епископ-миссионер и мученик VIII в., считался патроном Регенсбургской архиепископии, к которой в 920-х гг. относилась и Чехия, где до распространения культа св. Вита Эммерам был одним из самых чтимых святых, именем которого князь Вратислав назвал в крещении своего первенца (лишь так могут быть истолкованы слова: «к нему же обѣщанъ... Вячеславъ»).

⁴⁷⁸ - Бяху же священие... градѣхъ. – Возможно, речь идет здесь не об освящении новопостроенных церквей, а о храмовых престольных праздниках, так как на сентябрь приходится много особо чтимых праздничных дней.

⁴⁷⁹ - ...ко Болеславлю граду. – Современная Стара Болеслава расположена к северо-востоку от Праги; в X в. город находился на границе чешского племенного княжества, но уже в земле племени пшован. Судя по названию, город был заложен самим Болеславом, или же еще Вратиславом в честь рождения второго сына.

⁴⁸⁰ - ...В недѣлю же бе литургия... и Дамьяна... – Память св. Козьмы и Дамиана отмечается восточной церковью 30 июня и 1 ноября, а западной – 27 сентября. Здесь имеется в виду последняя дата.

⁴⁸¹ - Гнѣвысынъ – Гневуса – один из вельмож Болеслава, участвовавший в убийстве.

⁴⁸² - ...звонъ... – Это древнейшее упоминание о колоколах в Чехии.

⁴⁸³ - В руци твои... духъ мои. – Лк. 23, 46.

⁴⁸⁴ - Мьстину. – Боярин или слуга («младенец») Вячеслава.

⁴⁸⁵ - Младенци. – Здесь это не возрастная, а социальная категория – княжеские слуги. Ср. древнерусские термины: отрокъ, дѣтскы, чадъ.

⁴⁸⁶ - ...бѣжа ... въ Хорваты... – Имеется в виду не балканская Хорватия, а племя (племенное княжение) в северо-восточной Чехии, за пределами владений Болеслава. Возможно, бегство туда Драгомири объясняется тем, что ее дочь Пшибыслава (Прибыслава) была замужем за хорватским князем.

⁴⁸⁷ - ...попа Паула... – Павел – пражский архипресвитер, возможный автор жития Людмилы. Его присутствие в городе Болеслава объясняется, вероятно, тем, что он объезжал вместе с князем свой церковный округ.

⁴⁸⁸ - ...церкви в зиде над нимъ... – Одно из трудных для истолкования мест текста. В принципе оно может быть переведено и как: «церковь поднялась («взиде») над ним». Более вероятно, однако, что здесь сохранились следы первоначальной чешской лексики памятника: глагол «црѣкати» («церквити») – капать, сочиться и существительное «зѣдь» или «зѣдъ» – стена («зид»). Это подтверждает и пересказ данного места в проложном житии Вячеслава: «Кровѣ его не могуца потерти 3 дни с стѣны церковныя».

⁴⁸⁹ - И еще надѣмся... явити ся. – Свидетельство древности Востоковской легенды, созданной, очевидно, в связи с перенесением останков Вячеслава в Прагу. Автор ничего не

сообщает о чудесах от мощей (а лишь надеется на них), из чего следует, что они не были ему известны.

⁴⁹⁰ - ...якоже и Павла... – Имеется в виду апостол Павел, принявший мученическую смерть в Риме.

⁴⁹¹ - ...якоже и Христа ради. – Здесь игра разными значениями слова «младенцы»: слуги Вячеслава уподоблены вифлеемским детям, избитым по приказу царя Ирода.

⁴⁹² - ...в лѣто 6000 и 300 и 30 въ 7... – Дата гибели Вячеслава читается только в кириллических списках Востоковской легенды (в глаголических указаны лишь число и месяц). В существующем виде (6337 = 828/829) дата безусловно испорчена, поправка в числе сотен (6437 = 928/929) не вызывает сомнений, однако она не решает проблемы окончательно. Указание жития, что убийство произошло в понедельник 28 сентября предполагает два возможных варианта: 928 и 935 г. Обе гипотезы имеют своих сторонников и обоснованную аргументацию: первая дата более популярна среди филологов, вторая – у историков; на сегодняшний день вопрос не может быть решен однозначно.

⁴⁹³ - И Богъ покои его душу... Господи. – Молитва, обращенная к Богу об упокоении души Вячеслава, свидетельствует о создании славянского жития до канонизации князя.

⁴⁹⁴ - Помолився къ Богу и всѣмъ святымъ... глаголя... – Из агиографических памятников святовацлавского цикла об инициативе и участии Болеслава в перенесении мощей и канонизации брата сообщает лишь Востоковская легенда (во всех редакциях и списках). Это одно из свидетельств создания текста в княжеском окружении.

⁴⁹⁵ - Азъ съгрѣшихъ, и грѣхъ мой... азъ вѣмъ. – Пс. 50, 5–6.

⁴⁹⁶ - ...месяца марта въ 4 день. – Кириллические списки Востоковской легенды сообщают дату 3 марта, глаголические и проложная повесть о перенесении мощей Вячеслава – 4. Очевидно, это след невнимательного копирования глаголического оригинала (Г в глаголице имеет числовое значение 4, а в кириллице – 3).

⁴⁹⁷ - Максимиянъ Еркултанъ ... римомъ ... – Римский император Максимиан Геркулий (286–305) управлял западной частью империи, его военными противниками были франки, алеманны, саксоны, мавры. В Мучении же он оказывается на востоке империи и сражается с готами и сарматами.

⁴⁹⁸ - Селуньский град, Солунь – ныне Салоники, город на северном берегу Эгейского моря.

⁴⁹⁹ - ... по апостольстѣй заповѣди ... и безъ време. – Имеются в виду слова апостола Павла: «Проповедуй слово во время и не во время» (2Тим. 4:2).

⁵⁰⁰ - ... санъ первѣе приемъ ... въ Елладѣ ... – Переводчик не перевел византийские термины: Димитрий был «эксцептором» (писцом), затем стал анфипатом (проконсулом) Эллады (комментарий И. П. Медведева).

⁵⁰¹ - Оратион – вместо «орайон» – знак отличия, инсигний (комментарий И. П. Медведева).

⁵⁰² - ... притворѣ ковачьстѣм ... – В греческом тексте: «в том портике, который называется медным».

⁵⁰³ - Сермий – город в Нижней Паннонии, ныне это Сремска Митровица на р. Саве, к западу от Белграда.

⁵⁰⁴ - ... в печных камарах. – Видимо, имеются в виду печи, в которых разжигался огонь для подогрева воды в банях (термах).

⁵⁰⁵ - ... повинувый Голиияда ... Давиду ... – Вспоминается победа Давида над великаном Голиафом, о которой рассказывается в Библии (1 Цар., 17).

⁵⁰⁶ - Протиктор – военачальник императорской гвардии, преторианцев.

⁵⁰⁷ - Орарион – орарий, плат, накидка, плащ (?).

⁵⁰⁸ - ...въ тривунали градѣстѣмъ – т. е. в городском суде, трибунале.

⁵⁰⁹ - ... и здание стегнѣ разоривѣ ... сущими ту ... – Текст испорчен, перевод сделан с ориентацией на греческий оригинал.

⁵¹⁰ - ... идѣже путемъ ... животная почиваху... – Славянский перевод соответствует греческому оригиналу, но смысл текста

неясен.

⁵¹¹ - ... якоже преже указахомъ ... – Это чудо должно читаться вслед за другим, из которого явствует, что «та война» – война с аvaraми, осадившими Солунь.

⁵¹² - Илистрие – иллюстрий – византийский титул, сенатор.

⁵¹³ - Незлобиви и правии прилъпляхуся мнѣ. – Пс. 24, 21.

⁵¹⁴ - Киворий – поддерживаемый колоннами купол; здесь речь идет, вероятно, о раке, в которой покоились мощи святого.

⁵¹⁵ - Тайну цареву добро ... преславно есть. – Тов. 12, 7. В этой библейской книге, в частности, рассказывается, как ангел исцеляет от слепоты праведника Товию.

⁵¹⁶ - ... въспоминаа муку раба оного ... не створившаго. – Имеется в виду евангельская притча о нерадивом рабе (Мф. 25, 14–30), зарывшем в землю отданный ему господином на сохранение талант (крупная денежно-весовая единица), тогда как два других раба пустили сокровище в оборот и получили прибыль.

⁵¹⁷ - ... еже пѣти присно. – Речь идет об одной из монашеских добродетелей – непрестанном распевании псалмов.

⁵¹⁸ - ... якоже Авраамъ из дому отца своего ... – В Библии (Быт. 12:1) говорится, что Бог повелел праотцу Аврааму покинуть вместе со своим родом Харран и переселиться в землю Ханаан.

⁵¹⁹ - Господь – просвѣщение мое ...от кого ся устрашу. – Пс. 26, 1.

⁵²⁰ - ... праздньство цвѣтное пришло есть церкви. – Цветное (Вербное) воскресение – воскресный день за неделю до Пасхи.

⁵²¹ - ... да обрящу милость въ день Судный. – 1Иоан. 4, 17.

⁵²² - ... на Воздвижение святаго честнаго креста ... – один из двенадцатых праздников, отмечаемый 14 сентября, в память об обретении (около 325 г.) Еленой – матерью Константина Великого, креста, на котором был распят Христос. В Иерусалимском храме находилась реликвия – часть этого креста.

523 - ... не хочет бо смерти грѣшником ... обращения моего.
– Ср. Иез. 33, 11.

524 - ... да призовет грѣшники в покаание ... – Ср. Мф. 9, 13.

525 - ... егоже ради кровь свою ... дать. – Ср. Ефес. 1, 7–8.

526 - ... на немже обручение исписано бысть рукописание... –
Текст неясен. В переводе с греческого С. В. Поляковой:
«прихожу туда, где скрепила свое обязательство».

527 - ... удалихся бѣгаючи ... душа и буря ... – Ср. Пс. 54, 8–9.

528 - ... не о хлѣбѣ ... будешь человекъ ... – Мф. 4, 4.

529 - ... зане не имяху покрова ... ся облекоша... – Ср. Иов 24, 7–8.

530 - ... от Моисея и от Иева и от псалмовъ... – Зосима поражен, что Мария в своей речи цитирует Пятикнижие Моисея, библейскую книгу Иова и Псалтирь.

531 - Внимай себѣ и стаду своему ... – Деян. 20, 28.

532 - ... Подобитесь Богу ... – Ср. Ефес. 5, 1.

533 - Нынѣ отпускаеши рабу ... пред лицом (всѣхъ людей). –
Ср. Лк. 2, 29–31. Слова в скобках добавлены по Евангелию XII в.

534 - ...мѣсяца марта по-египетскы ... апрель въ 1... – В некоторых списках в соответствии с греческим текстом читается название месяца по коптскому календарю – «фармуфа». В Византии же применялся юлианский (римский) календарь.

535 - Константин Великий – римский император Константин I (274–337). Учитывая годы жизни императора и некоторые другие факты, можно предположить, что это чудо, по преданию совершенное Николаем Мирликийским при жизни, произошло в 30-е гг. IV в.

536 - Фригия – область в Малой Азии.

537 - ...от даифаль... – В греческой версии ὑπὸ τῶν Ταίφαλων. Возможно, речь идет о некоей народности или о жителях (выходцах из) какого-либо города: под названием Ταίφα был известен город в Египте.

538 - Град Костянтин – Константинополь, основанная Константином I в 330 г. столица Византийской империи.

- 539 - Ликийский – Ликия, область на юго-западе Малой Азии.
- 540 - Уепархи – Епархия – единица административного подразделения, а также название церковного округа.
- 541 - Андриака или Андриаке – гавань вблизи города Миры в Ликии.
- 542 - Мирьский – Миры, один из самых больших городов Ликии.
- 543 - Поприще – единица измерения пути, соответствующая греческому стадию (около 185 м).
- 544 - ...мучимымъ. – По греческой версии «ибо это было место, где наказывали». В другой редакции этого чуда (РГБ, ф. 304, № 788, л. 441 об.): «то же мѣсто есть осужденныхъ на съмърть».
- 545 - Литра – мера веса, равная 327.45 г.
- 546 - Азь... молчати... – В рукописи эта часть фразы пропущена; восстановлена на основе чтения Великих Миней Четиих. В греческой версии: «Я же, узнав это, не могу молчать...».
- 547 - ...оставити... – Возможно, после этого слова должно было бы быть еще одно; ср. в греческой версии: «хотите оставить, оставляйте».
- 548 - ...враже несмысленый... – В рукописи, видимо, порча. Восстановлено на основе чтения Великих Миней Четиих. В греческой версии: «повредившийся умом и душой».
- 549 - Дивьнь Богъ въ святыхъ своихъ. – Ср. Пс. 67, 36.
- 550 - Въ истину... створи... – Ср. Пс. 30, 22 и 15, 3.
- 551 - ...Анфурату... – На основе греческой версии чуда можно предположить, что это город во Фракии, северной части Греции.
- 552 - ...от Десяти, градъ... – Входившие в Десятиградие города составляли своего рода союз. Девять из них находились к востоку от Иордана (Иппон, Гадара, Дион, Пелея, или Пелла, Гераза, или Гергес, Филадельфия, Рафана, или Рофон, Канафа, Дамаск), и лишь один – главный – город Скифополь – к западу от него.

⁵⁵³ - ...на страну Катавольску... – Древнерусский текст соответствует греческой версии. Видимо, подразумевается некий приморский портовый город.

⁵⁵⁴ - Агрик. – В греческой версии ἄγροικος «живущий в деревне, деревенский», что не было именем собственным,

⁵⁵⁵ - ...въ странѣ Антиохиистѣй близъ срачинѣ... – Под названием Антиохия были известны города в Писидии и Фригии (областях в Малой Азии), Маргиане и Сирии (областях Азии). В одной из греческих версий говорится об окраинах морского побережья Мир. В публикуемом древнерусском тексте Антихиисгѣй; исправлено по рукописи XIV в.

⁵⁵⁶ - ...Амиръ. – В греческой версии τῷ ἀμῖρῳ, которое не было, видимо, именем собственным.

⁵⁵⁷ - Тухина – в других списках Митулина, что соответствует греческой версии чуда. Митулин, или Митилена – город на острове Лесбос.

⁵⁵⁸ - ...в пятѣмъ полцѣ старѣйшина – Исправлено по рукописи XIV в.; в тексте: въ память въ пѣлцѣ стар... при этом конец последнего слова плохо читается. По всей видимости, речь идет о специальном воинском отряде, охранявшем императора и дворец.

⁵⁵⁹ - ...въ градъ Самарѣискъ... –Достаточно неопределенное географическое наименование, уточнению которого не способствует греческая версия: Самара – город на Евфрате, Самария – город в Иудее.

⁵⁶⁰ - ...къ апостолу Петру въ Римъ. – Апостол Петр вместе с апостолом Павлом сидел в Мамертинской тюрьме в Риме. На этом месте была создана церковь. Петр же был распят и погребен вблизи Триумфального пути в Риме.

⁵⁶¹ - ...от печальныхъ вѣсе давай... – В рукописи XIV в.: «о печальныхъ всѣхъ дая»; в греческой версии чуда: «брать на себя тягости тех, кто в нужде».

⁵⁶² - Просите... вамъ... – Лк. 11, 9; Мф. 7, 7.

⁵⁶³ - Симеон Праведный – Симеон Богоприимец, благочестивый старец, живший в Иерусалиме. Он принял на

свои руки младенца Иисуса, когда того по закону на сороковой день после рождения принесли в Храм. См. Лк. 2, 22–35.

⁵⁶⁴ - ...у Анурия и Аркадия... – Гонорий и Аркадия – римские императоры братья-соправители, сыновья Феодосия I Великого, известные строгими указами против язычников. После раздела Римской империи в 395 г. Гонорий (395–423) правил западной частью империи, Аркадий (395–408) – восточной.

⁵⁶⁵ - ...въ церкви Святаго Внифантиа. – Церковь в память римского св. мученика Вонифатия (день памяти 19 декабря), который был послан своей госпожой из Рима в Тарс Киликийский за мощами христианских мучеников и, увидев, как мужественно переносят христиане свои истязания, сам стал христианином и принял мученический венец: был посечен мечом 14 мая 290 г.

⁵⁶⁶ - ...лѣз... – лезь (лизь), лежа (лежей) – сорт шелка-сырца, вывозимый из Персии армянскими купцами.

⁵⁶⁷ - ...из Капетулѣи... – т. е. из Капитолия, кремля и святыни древнего Рима, расположенного на Капитолийском холме.

⁵⁶⁸ - ...доплы града Лаодикия... – Лаодикия – название нескольких городов в древности, один из которых (во Фригии) был главным центром христианства.

⁵⁶⁹ - ...доплы града Лаодикия... – Лаодикия – название нескольких городов в древности, один из которых (во Фригии) был главным центром христианства.

⁵⁷⁰ - ...доиде Едесы сирьския, идѣже лежит образъ иконы Господа нашего... – В древности город Эдесса – столица Осроены (в северо-западной части Месопотамии, Междуречья, на р. Евфрат), римская колония, которая являлась крупным христианским центром и была овеяна сказаниями, связанными с именем Иисуса Христа и его Нерукотворного образа. С 1637 г. принадлежит Турции (г. Урфа).

⁵⁷¹ - ...иже дасть Авгарю сый. – Имеется в виду Авгарь V Черный, дважды царствовавший в Осроене (с 4 г. до н. э.–по 7 г. н. э. и с 13 г.–по 50 г.). С его именем связаны сказания об исцелении его с помощью присланного ему Христом

Нерукотворного образа – лика Иисуса Христа, запечатленного на полотне,

572 - ...хотя преехати въ Таръсь Киликию... – Тарс (Таразос) – главный город Киликии, области, расположенной на юго-востоке Малой Азии; с 66 г. до н. э. часть ее была римской провинцией.

573 - ...«от крупиць, падаючи съ тряпезы»... – Мф. 15, 27.

574 - ...принеси ми харътию ... – Хартия – здесь в значении – пергамен, приготовленный из кожи для письма; ниже – в значении: грамота, письмо.

575 - «Придѣте вѣси тружующиися и обрѣмѣлени грѣхы, и азъ вы покою!» – Мф. 11, 28.

576 - ...а съ – отецъ вѣсея вѣселеня. – Имеется в виду архиепископ.

577 - Халтоларь. – Греч. хартоларь – архиварий (архивариус), хранитель книг и хартий.

578 - Веспасиан (9–79) – будущий римский император (69–79), осуществлял верховное командование римским войском в провинции Иудея в 67–69 гг.

579 - Тит (39–81) – будущий римский император (79–81).

580 - Птолемаида – город на побережье Средиземного моря, откуда Веспасиан двинулся со своим войском на юго-восток провинции Иудея.

581 - Иотапата – город на границе Галилеи.

582 - Спира – отряд войска; здесь, видимо, когорта, хотя слово имело и значение манипул, третья часть когорты.

583 - Тибериада – город на востоке Галилеи, основанный тетрархом Иродом Антипой и названный им в честь римского императора Тиберия (14–37).

584 - Гадара. – В греческом оригинале Гадара, очевидно, названа по ошибке, так как этот город находится далеко на юго-восток от Иотапаты; видимо, имелся в виду город Габара, расположенный на пути из Птолемаиды в Иотапату.

585 - Праща – стенобитное камнеметное орудие.

586 - Желвь – «черепашка», боевой порядок, при котором солдаты, держа щиты горизонтально над головой, образуют сплошной защитный навес.

587 - Трекапный. – Капь – древнерусская единица веса.

588 - Сулица – короткое метательное копье.

589 - Забрала – укрепления на верхней части крепостной стены.

590 - ...въ заутреннюю стражу... – Ночь (с 6 часов вечера до 6 часов утра) была разделена у римлян на 4 стражи (по 3 часа каждая); последняя из них называлась утренней.

591 - ...мѣсяца панема... – Иосиф пользуется македонским календарем, который употреблялся в Малой Азии и на Ближнем Востоке.

592 - Нерон (37–68) – римский император (54–68).

593 - Давид – царь Израильско-Иудейского государства в конце XI–перв. пол. X в. до н. э., завоевавший Иерусалим и перенесший туда свою столицу (2Цар. 5, 6–9).

594 - ...Хранитель... – Возможно, имеется в виду крепость Сион, которую завоевал Давид и где он поселился (2Цар. 5:9).

595 - Соломон – сын царя Давида, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965–928 гг. до н. э.), построивший первый храм Яхве в Иерусалиме (3Цар. 5–7, 1Пар. 22; 28, 10–29, 19; 2Пар. 2–4).

596 - ...Край... – Нижний город назывался Акра, в переводе с греческого буквально вершина.

597 - Асамонѣи – Хасмонеи – Маккавеи, жреческий род, правивший Иудеей в 167–37 гг. до н. э.

598 - Сыротворенаа... дебрь... – Происхождение названия неясно; предполагают, что это эвфемизм вместо «Навозная долина» – слова сыр и навоз звучат по-еврейски похоже. Ср. Неем. 3, 13–14.

599 - Силоам – этот источник упоминается в Ис. 8, 6; Иоан. 9, 7.

600 - ...Коннаго сына... – Эту башню Ирод Великий, царь Иудеи в 40–4 гг. до н. э., назвал по имени своего друга Гиппика

(это имя буквально означает конный, греч. ἵππος конь); она находилась рядом с современными Яффскими воротами.

⁶⁰¹ - Соломонова купель – Возможно, имеется в виду Царский пруд близ Колодезных ворот, упоминаемый в Неем. 2, 14; видимо, предание приписывало его создание Соломону.

⁶⁰² - Офел – возвышенность на юго-востоке Храмовой горы, упоминается в 2Пар. 27, 3; 33, 14; Неем. 3, 26–27 и др.

⁶⁰³ - ...Генафь... – в переводе с еврейского означает «сад»; местоположение этих ворот точно не установлено.

⁶⁰⁴ - Антония. – См. ее подробное описание в главе (О градъ, о церкви, о дворъ). Построивший крепость Ирод Великий назвал ее в честь своего покровителя, римского триумвира Марка Антония (83–30 гг. до н. э.).

⁶⁰⁵ - ...Муסיинаго... – Происхождение греческого названия башни Ψηφινός неясно; греч. ψῆφος означает «камешек».

⁶⁰⁶ - ...до Елѣнинъ гробъ... – Елена – царица Адиабены, древнего царства на берегах рек Тигра, Верхнего и Нижнего Заба; она перешла в иудаизм и переселилась в середине 40-х гг. н. э. в Иерусалим, приказав построить себе роскошную гробницу недалеко от города (возможно, ее следует идентифицировать с современными Царскими гробницами севернее Иерусалима).

⁶⁰⁷ - ...до Цѣсарьскихъ пещеръ... – Царские пещеры – каменоломни, где добывался материал для царских построек (к востоку от современных Дамасских ворот).

⁶⁰⁸ - ...гробъ Синничъ... – Что это за памятник, неясно. В Библии несколько раз упоминается Поле белильщика сукон близ Иерусалима – ср., напр., Ис. 7, 3; 36, 2.

⁶⁰⁹ - Агриппа – внук Ирода Великого, царь Иудеи в 41–44 гг.

⁶¹⁰ - Везефа – собственно «местность, где растут оливы»; так назывался холм к северу от Храмовой горы.

⁶¹¹ - Клавдий – римский император (41–54).

⁶¹² - Церкви... – Храм, построенный Соломоном, в 586 г. до н. э. был разрушен вавилонянами (см. 4Цар. 25:9). Второй храм, который описывает Иосиф, был построен ок. 415 г. до н. э. при персидском царе Кире (1Езд. 1–4; 2Езд. 5–6); строители

старались воссоздать первоначальную постройку. Впоследствии храм постоянно достраивался вплоть до его разрушения римлянами.

⁶¹³ - И над тѣми титлами... опустѣние церкви. – Этих слов нет в дошедшей до нас редакции греческого оригинала. Древнерусский переводчик, очевидно, пользовался другой, несохранившейся редакцией, содержащей упоминания об Иисусе Христе, которые впоследствии (возможно, при императоре Домициане, гонителе христиан) были удалены из текста.

⁶¹⁴ - Александр Лизимах – алабарх (должностное лицо, стоявшее во главе еврейского населения) Александрии Египетской при императорах Тиберии и Клавдии, один из самых богатых и знатных иудеев города.

⁶¹⁵ - Тиберий Александр – сын Александра Лизимаха, перешедший в язычество; прокуратор Иудеи, а затем, во время осады Иерусалима, начальник императорской гвардии в войске Тита. См. с. 284.

⁶¹⁶ - ...непроходимо... – Ошибка переводчика, в греческом оригинале ἀναβατός в которое входят.

⁶¹⁷ - ...катапетазма... – Ср. Исход 26, 31.

⁶¹⁸ - ...развѣ двою на десять поясъ небесныхъ. – Знаки зодиака не могли быть изображены на завесе, так как иудейский закон запрещал изображать людей и животных.

⁶¹⁹ - Си же катапетазма... противу вину раздраніе ея есть. – Этот текст отсутствует в сохранившейся редакции греческого оригинала. Ср. Мф. 27, 51; Мр. 15, 38; Лк. 23, 45.

⁶²⁰ - ...свѣтилникъ и трапеза и кадилница... – Ср. Исход 26, 35; 37, 10–29.

⁶²¹ - ...7 звѣздъ... планить... – К ним древние причисляли Солнце, Луну, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер, Сатурн.

⁶²² - Жертвенник. – Ср. Исход 27, 1–2.

⁶²³ - Ризы. – Ср. Исход 28, 7–43.

⁶²⁴ - Четворица. – На повязке первосвященника было 4 буквы, обозначающих имя Яхве. В рукописи животворца;

исправлено на четворица по смыслу и в соответствии с греческим оригиналом.

⁶²⁵ - ...обычай всѣмъ говѣти Бога – т. е. в день Всепрощения (праздник Йом-Киппур).

⁶²⁶ - Детинец – внутренняя крепость.

⁶²⁷ - Иродовы палаты – дворец Ирода Великого.

⁶²⁸ - Мятежники... – Иосиф называет мятежниками и разбойниками противников примирения с римлянами, сражавшихся за независимость Иудеи и державших оборону Иерусалима.

⁶²⁹ - ...преждереченного мѣсяца... – т. е. панема (соответствует июлю–августу).

⁶³⁰ - Иоанн и Симон – два главных предводителя повстанцев Иерусалима. Иоанн из Гисхалы возглавлял партию zelотов – наиболее радикальных поборников политической независимости Иудеи. Симона из Герасы партия умеренных призвала в Иерусалим на помощь против zelотов. Вступив в Иерусалим в 69 г., Симон начал войну с Иоанном. Когда начался штурм Иерусалима, Иоанн и Симон объединились против римлян; Иоанн оборонял Храмовую гору, Симон – Верхний и Нижний город.

⁶³¹ - Гривна – древнерусская мера веса.

⁶³² - Кесарь – Тит (Тит (39–81) – будущий римский император (79–81)).

⁶³³ - ...второй час дня... – 8 часов утра.

⁶³⁴ - ...двери, внутреннии... – двери в Святая святых, где, по-видимому, не было освещения.

⁶³⁵ - ...пожыгоша ту цръковь. – Показания источников относительно даты сожжения храма вавилонянами расходятся.

⁶³⁶ - Аггей – См. Агг. 1–2.

⁶³⁷ - ...вертелища... – Очевидно, шпиль с крыши храма.

⁶³⁸ - ...сами, начяша кресты дѣлати... четверообразными ... ови же ... Исуса... – Этих слов нет в дошедшей до нас редакции греческого оригинала.

⁶³⁹ - ...авва... – отец, титул начальника обители.

640 - ...егда бѣ въ Скитѣ... – Скит (копт. Schiet – просторная пустыня), или Скитская пустыня в Среднем Египте, была местом обитания отшельников.

641 - ...авва Арсений – преподобный Арсений Великий – известный подвижник Скита, был воспитателем сыновей императора Феодосия I (379–395).

642 - ...чату... – цату, т. е. монету.

643 - ...авва Макарий... – преподобный Макарий Египетский (301–391); в 340 г. основал лавру Скит.

644 - ...от Скита в Тернуть... – Теренута или Теренуфа – город в Египте.

645 - Видив же дѣмони дерзновение его... – По христианским воззрениям тех времен, в могилах язычников (эллинов) обитали демоны.

646 - ...авва Сисой... – Преподобный Сысой Великий Скитский скончался в 429 г.

647 - ...от Тивайдских старечъ... – Имеются в виду монахи одной из обителей Фиваиды.

648 - ...имя левытона... – Левитон (греч. λευτόν) – длинная льняная рубашка, нижняя одежда египетских монахов.

649 - ...братии, сущий въ Раидѣ... – Раита, или Раифа, – лавра на юго-западном берегу Синайского полуострова у Черного моря.

650 - ...идеже ополчися Моисий... от Земля егупетьскы. – См. Исход 15, 27.

651 - ...въ монастырѣ бѣхъ во Вифаидѣ... – Фиваида – пустыня в нижнем Египте.

652 - ...помыслихъ, яко Илии...повиненъ будетъ». – Неизвестно, кого именно цитирует отшельник. Это мог быть патриарх иерусалимский Илия (491–518) и преподобный Илия Скитский, живший в VI в.

653 - ...приносящъ ми 12 меча... – Мечь (греч. ἑσμός) – куча.

654 - Епифаний Кипрский (310 или 332–403) – автор многих сочинений, особенно против различных ересей. В 367 г. был назначен епископом г. Саламина на о. Кипр и был им 36 лет.

⁶⁵⁵ - ...авва Данилъ, ученикъ отца Антонья... – Преподобный Даниил Скитский (втор. пол. IV в.) был в действительности учеником преп. Арсения.

⁶⁵⁶ - Преподобный Иоанн Ликопольский (IV в.) – подвижник, провел 50 лет на горе Лико в верхнем Египте.

⁶⁵⁷ - ... Благовѣститъ тя Господь...благая Иерусалима. – Ср. Пс. 127, 5.

⁶⁵⁸ - Фиваида – безлюдная пустыня в окрестностях Фив, древней столицы Верхнего Египта («пустыня египетская»); место знаменито тем, что именно здесь появились первые в истории христианства пустынножители.

⁶⁵⁹ - ...овѣмъ въ Костянтинъ градъ, овѣмъ въ Алексанъдрию... – т. е. на север и на юг; Константинград – русское название Константинополя, столицы Византийской империи; Александрия – город и порт в Египте, на берегу Средиземного моря, основан Александром Македонским в 331 г. до н. э., впоследствии один из центров распространения христианства.

⁶⁶⁰ - ...господь мой Софроний... – Софроний из Дамаска, спутник Иоанна Мосха в его путешествиях, его ученик, которому автор передал рукопись Патерика перед смертью, впоследствии видный церковный деятель (с 634 г. до смерти в 641 или 644 г. был патриархом Иерусалимским).

⁶⁶¹ - ...юже създа блажены папа Еулогий... – Знаменитый церковный деятель и писатель Евлогий, родом сириец, был патриархом александрийским в 580–607 гг.

⁶⁶² - ...великого Тетрафола. – Т. е. тетрапила, следовательно, храм окружался четырьмя рядами колонн.

⁶⁶³ - ...пророка Иеремя... – Второй из четырех великих пророков Ветхого завета, родом из Иерусалима; начал учить евреев в 626 г. до н. э., был уведен в Египет, где и умер.

⁶⁶⁴ - ...Александръ зиждитель... – Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.), основатель города Александрия в Египте.

⁶⁶⁵ - ...о аввѣ Иулианѣ... епискупѣ Вострѣнемъ. – Вострены (Бостра) – город в Аравии; Юлиан был епископом в Бостре в то время, когда в царствование византийского императора

Анастасия I (491–518) на некоторое время победили сторонники еретического движения в христианстве; епископ Юлиан преследовался и неоднократно изгонялся из города.

⁶⁶⁶ - ...оть единого попьрища... – Мера пути, по различным источникам разной длины; в переводных памятниках славянское слово заменяло греческий стадий – 185 м (считалось, что это 125 шагов воина).

⁶⁶⁷ - ...авва Герасима нарицаема. – Герой рассказа, один из знаменитых подвижников V в., родом из малоазийской провинции Ликии, основал свой скит на берегу реки Иордан; умер Герасим 4 марта 475 г.

⁶⁶⁸ - Авва же Севатий киликъ... – ученик Герасима, родом из Киликии, юго-восточной части Малой Азии.

⁶⁶⁹ - ...въ лавръ отьца Фирьмина... – Фирмин, один из учеников основателя древнего монашеского устава Саввы Освященного (ум. в 532 г.), почитаемого и на Руси; Фирмин основал обитель недалеко от Назарета.

⁶⁷⁰ - ...въ Дорофеовъ монастырь въскрай Газы. – Имеется в виду Дорофей, один из известных в древности подвижников, занимавшийся также науками и философией; основал обитель неподалеку от Газы – города в южной Палестине, недалеко от Средиземного моря.

⁶⁷¹ - ...приде къ Диополу граду... – Город Диосполис, теперь Лидда, на пути из Иерусалима в Иоппию.

⁶⁷² - ...въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села – название пустыни.

⁶⁷³ - Въ самомъ островѣ... – Описка, имеется в виду о. Самос в Эгейском море, недалеко от побережья Малой Азии.

⁶⁷⁴ - ...мати Павля канъдита... – Кандидат (или квестор) – чиновник при сенате, читавший императорские рескрипты перед сенаторами.

⁶⁷⁵ - ...Ниесиви... църкы Нисийская... – Нисибия, парфянский город в верховьях р. Тигр (теперь в Курдистане).

⁶⁷⁶ - Аскалонъ – один из пяти главных городов филистимлян на берегу Средиземного моря (сохранились развалины), часто упоминается в Библии; аскалонцы постоянно враждовали с иудеями, а затем и с первыми христианами; город

был окончательно разрушен в результате крестовых походов XIII в.

⁶⁷⁷ - ...въ Селеукия, близъ Антиохия... – Антиохия, древняя столица Сирии, расположена недалеко от Средиземного моря; в античные времена и в первые века христианства – центр культурной, экономической и административной деятельности; Селевкия – городок около Антиохии.

⁶⁷⁸ - ...Лва Великого... – Имеется в виду, очевидно, византийский император Лев VI Мудрый (886–912).

⁶⁷⁹ - ...протоспафаревымъ саномъ... – Протоспафарий – титул среднего ранга в Византийской империи, присваивавшийся в основном военным.

⁶⁸⁰ - ... воеводу отвори на въсточныхъ странахъ. – В греч. оригинале στρατηλάτης... ἐν τοῖς ἀνατολικαῖς μόρεσιν. Слово «стратилат» – полководец не имело четкого терминологического содержания и применялось в отношении как военных командующих, так и светских правителей. Феогност был, вероятнее всего, военным, чем можно было бы объяснить его пребывание со всем домом в Константинополе: военнослужащие восточных областей Византии могли подолгу жить в столице, осуществляя свои должностные обязанности главным образом в летний период.

⁶⁸¹ - ...словѣнинъ. – В оригинале σκύθης скиф. Древнерусский переводчик, несомненно, был знаком с византийской литературой, в которой «скифами» назывались самые разные северные по отношению к Византии народы, в частности болгары и русские.

⁶⁸² - «Полунощи въстаяхъ исповѣдатися Тебѣ». – Ср. «В полночь вставал (я) славословить Тебя...» (Пс. 118:62).

⁶⁸³ - ...козичиною своею. – Точное значение слова «козичина», так же как и его греч. соответствия αἰγιομάλοις (от αἶξ 'коза' и μαλή 'шерсть'), неизвестно; вероятнее всего, имеется в виду козья шкура или одеяло из козьей шерсти, а не род одежды, ибо, как было сказано выше, Андрей носил дорогое господское платье.

684 - ...тоштетину ялъ... – Греч. ὁ τὰ σέλη ἐσθίων (τὰ σέλη – разновидность бобовых) является, очевидно, парафразом презрительного σελοφάγος 'бобоед'.

685 - ...на позорищи. – Позорище – театр (θέατρον) – монументальное открытое сооружение, предназначавшееся для публичных зрелищ и народных собраний.

686 - ...множество ефиопъ много... – Ефиоп (αἰθίοψ), мавр (муринъ, μαῦρος), черный – средневековые наименования черта.

687 - ...бѣлоризецъ... – В греч. λευσχήμεων (=λευχείμων) 'одетый в белое' – об ангелах; белые одежды символизировали чистоту и святость.

688 - ...учѣрнене... – Греч, ἡσβολομένος 'измазанный сажей'.

689 - ...неудобъ есть... възъбраняющую завистью сему. – Византийская церковь осуждала содержание в рабстве христиан.

690 - ...мученица Анастасия... – Св. Анастасия считалась целительницей безумных.

691 - ...благовѣрный Левъ Мясникъ... – Лев I Великий или Макел (μακέλλης 'мясник'), византийский император (457–474). Называя этого императора Макелом, автор Жития очевидным образом противопоставляет его упомянутому выше Льву, названному им Великим, что является дополнительным аргументом в пользу идентификации последнего со Львом VI Мудрым (см. выше).

692 - «Азъ есмь... Исуса Христа». – Во время Тайной Вечери апостол Иоанн возлежал на груди Исуса (Иоан. 13:23).

693 - ...кидонать... – Кидонат – кидонийская айва (Кидония – древний город на северном побережье Крита, совр. г. Канея).

694 - ...похабу Смеона... – Симеон Юродивый жил в г. Емесе в конце VI в. Из его Жития заимствованы автором Жития Андрея Юродивого некоторые сюжетные мотивы.

695 - ...на прѣдняя спѣвати, а задняя забывати. – Ср.: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Фил. 3, 13–14).

⁶⁹⁶ - ...близъ блудныхъ храмъ... – Проституция была довольно широко распространена в Константинополе, где почти в каждом квартале имелись публичные дома.

⁶⁹⁷ - Патрика... – Патрикий – титул высшего ранга в Византийской империи.

⁶⁹⁸ - ...множество ефиопъ дѣмонъ... – Буквально воспроизводит генитив мн. числа греч. αἰθιόπων δαιμόνων.

⁶⁹⁹ - ...глубныи змѣи... – Змей – одно из воплощений Сатаны, терзающего грешников в аду.

⁷⁰⁰ - ...ядущему... – Древнерусский перевод буквально воспроизводит греч. ἐστίοντι 'пожирателю'.

⁷⁰¹ - ...хвалити его нача, праведника его наричая... – Ошибка в древнерусском переводе (так в архетипах древнейших редакций) или результат порчи текста в греческом списке, с которого был сделан перевод. В греческом оригинале – διεχλεύασεν τὸν δίκαιον εἰπὼν 'стал ругать праведника, говоря...'.

⁷⁰² - Амафоръ – мафорий (μαφόριον), длинный кусок ткани, покрывавший голову и плечи, носившийся женщинами вне дома.

⁷⁰³ - Хартулаи... плоимомъ. – Морской хартуларий, заместитель командующего (друнгария) морских сил Константинополя.

⁷⁰⁴ - ...въ святѣи церкви сущии Влахернах... – В греч. ἐν τῇ αὐγίᾳ сорῶ τῇ οὐσῇ ἐν Βλαχέρναις. Имеется в виду, очевидно, влахернский Святой Сорос – церковь, которую построил в конце своего правления Лев I как помещение для собственно Сороса (реликвария), в котором хранился покров Богородицы, привезенный из Капернаума молодыми патрициями Гальбой и Кандидом. Влахерны – северо-западный район Константинополя.

⁷⁰⁵ - Часу же нощному сущю 4-му... – Поскольку ночь разделялась на двенадцать равных частей, «четвертый час» соответствовал приблизительно 10–11 часам вечера.

⁷⁰⁶ - Предтеча – Иоанн Креститель.

⁷⁰⁷ - Громныи Сынъ – Иоанн Богослов, автор Апокалипсиса.

⁷⁰⁸ - Мафоръ – мафорий (см. выше, коммент. к с. 352). В традиционной иконографии принято изображать Богородицу в пурпурном плаще и пурпурном мафорий в знак ее происхождения из царского рода.

⁷⁰⁹ - Иликтръ – τὸ ἤλεκτρον, янтарь или металл электр (сплав из 80 % золота и 20 % серебра).

⁷¹⁰ - ... сущимъ тамо. – Далее в греческом тексте следует заключительное предложение этого рассказа, опущенное в древнерусском переводе: «Епифаний видел все это через посредство богоносного отца (т. е. Андрея), ибо тот мог легко (мысленно) к нему обращаться и сообщать Епифанию все, что он видел, действуя для него как медиатор. Мысленно сопровождая его повсюду, он приобщал его к великолепной славе».

⁷¹¹ - ...из утрення Ефиопьскыя страны, глаголемыя Индейскыя страны... – В греческом тексте «Повести...» произошло смешение топонимов Эфиопии и Индии. Греческая космография не знала внутренней Эфиопии, но уже в «Географии» Птолемея есть разделение Индии на внутреннюю и внешнюю. У христианских авторов, например у Козьмы Индикоплова, внутренней Индией назывались Эфиопия и Южная Аравия.

⁷¹² - ...святый град... – Имеется в виду Иерусалим.

⁷¹³ - ...бесовъстѣй прелести... – идолопоклонству.

⁷¹⁴ - ...от халдѣян... – В древности в Греции халдеями называли вавилонских жрецов, обладавших познаниями в области философии, медицины и особенно астрономии и астрологии.

⁷¹⁵ - Въ градѣ Домосѣ... – Ошибка переводчика: в греческом тексте ἐν πόλει δὲ ὅμως ἰδιᾶξούσῃ (в городе же особом) он два слова δὲ ὅμως (же) принял за название города Домоса.

⁷¹⁶ - ...преподобника... – Ошибка переписчика. В протографе, видимо, было «проповедника» (греч. κήρυξ – глашатай).

⁷¹⁷ - Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшенных и безмѣстныхъ стухый... – В древнегреческой натурфилософии четыре стихии,

или элемента (στοιχεῖον) – первовещества природы, из которых состоит также и человеческое тело: вода, огонь, воздух и земля.

⁷¹⁸ - ...увидѣ... – Ошибка переписчика. В протографе, видимо, было «увѣде» (греч. εἶνω – знать).

⁷¹⁹ - ...начялствие...тмѣ вѣка сего... – Ср. Ефес. 6, 12.

⁷²⁰ - ...в землю тмы...житиа чловецьскаго... – Иов. 10, 22.

⁷²¹ - ...учителей видящимъ... – Видимо, ошибка переводчика. В греческом тексте – «свидетелей и посвященных» (ἐποπταῖς καὶ μυσταῖς).

⁷²² - ...якоже Валамль осель... – Имеется в виду ослица пророка Валаама, которая, как рассказывается в библейской Книге Чисел, остановилась, увидев перед собой ангела, и, когда Валаам трижды ударил ее, чтобы заставить двинуться, заговорила человеческим языком (Чис. 22, 21–35).

⁷²³ - ...честити тварь паче створившаго ихъ... – Ср. Римл. 1, 25.

⁷²⁴ - ...от изображения... – Неточный перевод греческого слова ἐκτυπώματα, которое было воспринято переводчиком как два слова: предлог ἐκ (от, из) и существительное τυπώματα (образы, отпечатки).

⁷²⁵ - ...именуетъ... – Ошибка переписчика. В греческом тексте: «изменяет» (ἀλλοιοῖ).

⁷²⁶ - ...урѣзати истеса своя... – Неточный перевод. В греческом тексте: «Зевс отрезал у него детородный член...» (τὸν Δία κόψαι αὐτοῦ τὰ ἀνάγκαια). Переводчик, видимо, имя Зевса (Δία) принял за прилагательное «собственный».

⁷²⁷ - ...тимение... – грязь. – Так переводчик понял греч. слово Τάρταρος – пропасть, подземное царство.

⁷²⁸ - ...с мертвыми... – Ошибка переписчика. В протографе в соответствии с греческим текстом было «смертными» (θνητάς).

⁷²⁹ - ...Европии... – Начиная с Европы, дочери финикийского царя, похищенной Зевсом, далее перечисляются имена персонажей греческой и египетской мифологий. В переводе эти имена даны в современной транскрипции.

⁷³⁰ - ...богынѣ... – В греческом тексте – музы.

⁷³¹ - Дара – Неверное прочтение переводчиком греческого имени Тиндарея (Τυνδάρεων): первую часть имени Τυν – он принял за артикль, а вторую за собственное имя.

⁷³² - ...от сына... – Ошибка переводчика. В греческом тексте: «от кабана» (ὕπὸ τοῦ ὑός). Переводчик спутал два слова: «кабан» (ῥς) и «сын» (υῖος).

⁷³³ - ...увидивъ... – Ошибка переводчика. В греческом тексте: «в Библос» (εἰς Βύβλον). Эти два греческих слова переводчик принял за одно, глагол εἰσβλέπω (смотреть).

⁷³⁴ - Си бо Абрамова ищадиа и Исакова и Яковля... – Авраам, Исаак и Иаков – библейские патриархи, родоначальники еврейского народа.

⁷³⁵ - Вавула – Вавила никомидийский был учителем детей в Никомидии, главном городе Вифинии, провинции Малой Азии.

⁷³⁶ - ...бѣша при Максимиянѣ цесари... – Максимиан – римский император (305–311). Время жития или мучения святого всегда обозначалось периодом правления какого-либо императора.

⁷³⁷ - Ефросинья Измарагд – монахиня, жившая во время правления византийского императора Феодосия II (408–450). Происхождение прозвища неясно, но, возможно, оно было получено ею в мужском монастыре.

⁷³⁸ - Александрия – главный город в Египте, основанный Александром Македонским в 332 г. до н. э. До VIII в. н. э. был центром просвещения христианского населения северо-восточной Африки.

⁷³⁹ - Покров святой Богородицы – праздник, установленный на Руси не позднее второй половины XII в. и отмечаемый 1(14) октября. В Византии этот день не праздновался так широко, как на Руси, хотя связан с одним из событий ее истории – нападением сарацинов на столицу. Такие дни обычно отмечались в Синаксарях и были рядовыми церковными праздниками. На Руси же, особенно в XIV–XV вв. и позже, этот праздник отмечался наряду с двенадцатыми.

⁷⁴⁰ - ...видѣние честною святителю Андрѣя и Епифана... – В основу «Слова» автором положен эпизод известного

византийского «Жития Андрея Юродивого» («О видѣнии святыя Богородицы во Влахернѣ»).

⁷⁴¹ - ...въ Влахѣрнѹю цѣркѣвь... – т. е. церковь Пресвятой Богородицы во Влахернах.

⁷⁴² - ...съ Предѣтечею... – Иоанн Предтеча, или Иоанн Креститель – евангельский пророк, предсказавший пришествие Иисуса Христа и крестивший его в реке Иордан.

⁷⁴³ - ...съ Богословъчемь Иоаномь... – Иоанн Богослов – один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, автор одной из четырех книг Евангелий и «Апокалипсиса».

⁷⁴⁴ - ...дияконъ бывъ въ Вуритѣ святыя церква. – Св. Роман был дьяконом в церкви Вознесения в г. Вирите. Современное название – г. Бейрут.

⁷⁴⁵ - Дошьдѣша же Костянтиня-града... – древнерусское название г. Константинополя. Современное название – г. Стамбул.

⁷⁴⁶ - ...въ лѣта Анастасиа цесаря... – Имеется в виду период правления византийского императора Анастасия I (491–498).

⁷⁴⁷ - ...въ церкви пресвятыя Богородица. – Имеется в виду церковь Пресвятой Богородицы во Влахернах.

⁷⁴⁸ - ...даръ сбора кондаки... – Кондак – краткое церковное песнопение, в котором излагалась похвала святому или сущность праздника. При переводе с греческого на церковнославянский язык песнопения, как правило, теряли стихотворную форму.

⁷⁴⁹ - ...Дѣва дньсь Пребогатаго ражаеть... – слова из Рождественского кондака.

⁷⁵⁰ - ...отець нашъ Амунъ, богоносьць... – Преподобный Аммон был основателем Нитрийской пустыни иноков в среднем Египте, насчитывающей около 50 обителей. Умер в 350 или 356 г.

⁷⁵¹ - ...до подвигъ великаго Антонія... – Преподобный Антоний Великий (260–365) считается основателем монашества, возникшего в Египте в конце III в.

⁷⁵² - Св. Лукиан – христианский ученый, основал училище христианских богословов в Антиохии и был его пресвитером.

⁷⁵³ - Трепарь – древнерусское название тропаря, церковного песнопения, составленного в честь праздника или святого.

⁷⁵⁴ - ...въ царство Диоклитиане... – Т. е. время правления римского императора Диоклетиана, гонителя христиан (284–305). По сведениям других источников, Лукиан был схвачен при императоре Максимиане в 311 г.

⁷⁵⁵ - ...Ларионъ бѣ при Костянтинѣ Велицѣ... – Преподобный Иларион (291–372) – основатель палестинского монашества, жил не только при императоре Константине Великом.

⁷⁵⁶ - Козьма и Дамиан – братья-лекари, жившие во второй половине III в. около Рима. Были убиты из зависти врачом-язычником в 284 г. В некоторых богослужебных книгах их память отмечается также 1 июля.

⁷⁵⁷ - Преподобный Феодор, игумен Студийский (759–826) – аскетический деятель, писатель, основатель монастыря в Студиях, одном из районов Константинополя, автор Большого и Малого Катихизисов, посланий, касающихся различных сторон церковной жизни, а также правил монашеской жизни, записанных после его смерти в форме Устава. Одна из 9 его редакций (патриарха Алексея) была принята на Руси и действовала до начала XV в.

⁷⁵⁸ - В царство Костяньтине... – Преподобный Феодор родился в эпоху правления императора Константина V Копронима (741–775).

⁷⁵⁹ - Въ царство Ирины... – Византийская императрица Ирина, жена Льва IV Исавра, после смерти мужа управляла империей вместо малолетнего сына Константина VI с 780 по 790 г.

⁷⁶⁰ - ...Сакудиовъ монастырь... – Этот монастырь находился в местечке Сакудион, около Константинополя.

⁷⁶¹ - ...и от Тарасья патриарха... – Тарасий был патриархом константинопольским в 784–806 гг. В истории церкви известен тем, что содействовал подготовке и проведению 7-го вселенского собора, на котором было осуждено иконопочитание.

⁷⁶² - Селунь (Солунь) – древнерусское название города Фессалоники, в то время одного из главных городов на

Балканском полуострове, входившего в состав Византийской империи.

⁷⁶³ - ...зане не свѣщати ся любодѣйству цесареву... – Преподобный Феодор выступил против развода и нового брака императора Константина VI, за что и был им сослан.

⁷⁶⁴ - ...нъ възвращенъ бысть паки цесарицею Ириною... – Имеется в виду возвращение преподобного Феодора Студийского в 797 г., когда Ирина после переворота и ослепления Константина VI вновь вступила на престол.

⁷⁶⁵ - И паки изгнанъ бысть Никифоромъ цесаремъ, убьенымъ въ Българѣхъ... – Император Никифор I (802–811) был убит в 811 г. в походе против болгар.

⁷⁶⁶ - ...при Львѣ иконоборци. – Имеется в виду правление византийского императора Льва V Армянина (813–820), который продолжил политику иконоборчества, начатую еще императором Львом III Исавром по религиозным и политическим мотивам (например, стремление обратить в христианство магометан). Представители этого движения выступали против почитания икон, доказывая неописуемость и непостижимость человеческого разумом Божественной сущности. Политика иконоборчества была продолжена преемниками Льва III – Константином V Копронимом и Львом V Хазаром (775–780). Последующие византийские императоры то придерживались нейтралитета в этом вопросе, то поддерживали иконоборчество. Иконопочитание было восстановлено лишь в 842 г. императрицей Феодорой, женой императора Феофила, после его смерти.

⁷⁶⁷ - ...Араклиемъ цесаремъ... – Византийский император Ираклий (610–641).

⁷⁶⁸ - Иоанн Дамаскин (перв. пол. VIII–нач. IX в.) – византийский учитель церкви, философ, писатель.

⁷⁶⁹ - ...бѣ въ царство Льва Исаура и Костянтина, сына его... – Имеется в виду время правления императоров Льва III Исавра и его сына Константина V Копронима.

⁷⁷⁰ - ...бысть мнихъ... – Иоанн Дамаскин принял постриг в монастыре св. Саввы близ Иерусалима.

⁷⁷¹ - ...посрами иконоборѣць ересь... – Имеется в виду его полемическое выступление против иконоборцев на 7-м вселенском соборе в 786 г.

⁷⁷² - ...свободи же и три...от руки олугы и пусти я. – См. «Чудеса Николы Мирликийского» и коммент.

⁷⁷³ - ...глас 4. – Глас – тип музыкальной интонации (лада) в церковном песнопении. Гласы меняются каждую неделю, всего их восемь. Создание системы «осьмогласия» предание приписывает Иоанну Дамаскину.

⁷⁷⁴ - ...съсуда избраннаго... – Метафорическое упоминание апостола Павла.

⁷⁷⁵ - ...бысть при Костянтинѣ цесари... – Имеется в виду эпоха правления византийского императора Константина II (337–340).

⁷⁷⁶ - Феодосий, въ святыхъ отъць нашихъ, нарицаемый общеновожилъць... – Преподобный Феодосий Великий (424–529) – основатель общежития монахов, или монастыря в пещере, где, по преданию, провели ночь волхвы, возвращаясь из Вифлеема. Первым основателем общежительного монастыря был преподобный Пахомий Великий (292–348). В отличие от существовавших до сих пор лавр, в которых монахи жили изолированно друг от друга в хижинах или пещерах, иночество общежительное должно было жить в одном или нескольких помещениях под руководством настоятеля, подчиняясь общим правилам.

⁷⁷⁷ - ...отъиде въ Антиохию къ святому Симеону Стълпнику... – Симеон Столпник (V в.) – создатель столпничества, одной из форм аскетизма, когда отшельник затворялся в «столпе», т. е. в небольшой башне с помостом, никогда не покидая его.

⁷⁷⁸ - ...на Синайстѣи горѣ сконъчавъшихъся. – Синайская гора, или Синай – в данной местности обитало много отшельников и было построено несколько монастырей. В действительности, это группа гор, состоящих из гранитных скал, окруженных крутыми долинами, находящихся в южной части

Синайского полуострова. Одной из христианских святынь считается место Богоявления пророку Моисею на горе Синай.

⁷⁷⁹ - ...святыи Нилъ, бывъ и епархъ въ Костянтини-граде... – Нил Синайский, ученик Иоанна Златоуста, был действительно префектом в Константинополе.

⁷⁸⁰ - ...въздвиге дивий языкъ Глазатыхъ... – Такое название получило одно из африканских племен от греческого населения (греч. βλέμμεε). По преданию, африканцы, приплывшие к Раифе, сначала захватили селение, а затем устремились к обители, разграбив и убив почти всех монахов.

⁷⁸¹ - Преподобный Ксенофонт – жил в V в.

⁷⁸² - Иоанн Златоуст (347–407) – виднейший отец византийской церкви, оратор и писатель.

⁷⁸³ - Изгънанъ бысть святой...отъиде въ Команы... – Речь идет о второй ссылке Иоанна Златоуста в 404 г. в г. Кукуз в Армении, а затем, через два года – в г. Пициус (современное название – г. Пицунда), по пути в который он скончался в г. Команы в Армении в 407 г.

⁷⁸⁴ - ...мощи святого Василиска... – Св. Василиск, мученик, был племянником Феодора Тирона, пострадал ок. 308 г. вместе с братьями Евтронием и Клеопиком.

⁷⁸⁵ - ...патриарха Прокла... – Прокл был константинопольским патриархом в 434–447 гг.

⁷⁸⁶ - ...Феодосии цесарь... – Имеется в виду византийский император Феодосий II (408–450).

⁷⁸⁷ - ...положены быша въ святых Апостолѣхъ. – Церковь св. Апостолов в Константинополе.

⁷⁸⁸ - Мария Египетская. – См. Житие Марии Египетской и коммент.

⁷⁸⁹ - Святого князя Володимира... – Русский князь Владимир Святославич (987–1015) был канонизирован лишь к XIII в., и в начале XIII в. в Прологе появилось его Житие. В нем автор излагает летописную версию о крещении самого князя и крещении им русского народа. См. в т. 1 наст. изд. «Память и похвала князю русскому Владимиру» (с. 316–327). См. также

Повесть временных лет, годы 6494 (986)–6523 (1015) – БЛДР, 1, с. 132–175.

⁷⁹⁰ - Хвалить убо Римская земля...вся же Руская земля – тебе, Володимире... – Здесь и далее заимствованы отдельные фразы и образы, которые читаются в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Ср.: БЛДР, 1, с. 42–52.

⁷⁹¹ - Слово нѣкоего калугера о чѣтении книгъ. – Искусное и умелое сочинение, по мнению ученых, в значительной степени принадлежащее составителю сборника Иоанну. Это первое в истории нашей книжности сочинение о пользе, целях и методе чтения. Легко проследить, как, отталкиваясь от стихов 118 псалма (здесь восемь цитат из него, в разной степени переработанных), автор строит свое рассуждение, отсылая читателя к признанным авторитетам средневековой учености и художественного мастерства, прежде всего к Василию Кесарийскому и Иоанну Златоусту, «и делает это с большим мастерством, обнаруживая при этом талант писателя» (Розов Н. Н. Как «сделана» вступительная статья Изборника 1076 года // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 46).

⁷⁹² - Слово нѣкоего отця къ сыну своему... – Поучения от отца к сыну – очень распространенный жанр византийской и древнерусской литературы, они всегда имели конкретного адресата, но, в духе средневековой литературы, не индивидуального, а типичного адресата, человека определенного социального положения. Средневековые за личностью всегда видели общественную группу, класс или ремесленный цех. Характерно снижение социального ранга «сына» с течением времени: царь-государь, знатный боярин, военачальник, богатый «гость», обычный купец – они проходили в веках, сменяя друг друга в качестве типичного для данного времени «героя», имевшего право поучать других. В Слове Изборника фрагменты из сочинений византийских писателей, отцов церкви, расположены в очень свободном порядке, который определялся вкусами писца и его возможностями получить тот или иной материал.

⁷⁹³ - Еже убо правовѣрну вѣру имѣти основания добрыхъ дѣлъ есть... – Стословец Геннадия, патриарха

константинопольского (ум. в 471 г.), переведен в Болгарии и на Русь попал уже в славянском переводе, но со многими изменениями в языке. Изборник 1076 года содержит древнейший список. Это сто афоризмов в стихотворной форме, толкующих основные положения христианской морали и вероучения, главным образом – на основе поучений (бесед, или Слов) Иоанна Златоуста. Стословец – один из главных источников нравоучительных сборников эпохи средневековья (Златая Чепь, Измарагд, Домострой), некоторые из них начинались с текста Стословца, который мог переписываться и как отдельное произведение. «Причина популярности этого памятника заключается в простоте изложения и поэтому удобопонятности для людей невысокого умственного развития» (Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893. С. 41).

⁷⁹⁴ - Наказание Исухия, презвутера Иерусалимьскаго. – На самом деле принадлежит перу Нила Синайского, ученика и последователя Иоанна Златоуста (он умер около 450 г.). Изречения Нила были очень популярны среди древнеславянских книжников благодаря своему содержанию: они также исповедовали «нейтральную этику», не касаясь крайностей ни языческой, ни христианской вер. Уже в ранних греческих списках текст приписывался Исихию. Эти изречения известны в трех переводах на славянский язык: древнейший славянский сделан у южных славян (именно он и входит в состав Изборника 1076 года), в конце XII в. в составе Пчелы – сборника афоризмов – был выполнен и древнерусский перевод текста; тогда же на Руси был переведен и полный текст Наказания, который издан в Памятниках древней письменности (СПб., 1892. Т. 92).

⁷⁹⁵ - Прѣмудрость Исусова, сына Сирахова. – Относится к числу неканонических книг Писания (как и книга Премудрость царя Соломона). Здесь содержится множество изречений, впоследствии легших в основу пословиц и поговорок, в частности, и у древнерусских писателей (напр., у Даниила Заточника). Также существует несколько переводов, в том числе

и сделанных на Руси. По мнению исследователей, в составе Изборника 1076 года содержится древнейший перевод, может быть, X в. Текст в составе современной Библии не всегда точно соотносится с расположением и характером приводимых здесь цитат.

⁷⁹⁶ - Святого Василия, како подобает чловѣку быти. – Своего рода небольшая подборка цитат из произведений Василия Великого, епископа Кесарийского (330–379), также бывшего одно время патриархом константинопольским; в основе лежит его «Слово о подвижничестве, как подобает украшать себя монаху», которое переделано в интересах всякого вообще человека, заинтересованного в развитии личных добродетелей. Перечни добродетелей и пороков совместно рисуют нравственный портрет человека эпохи раннего средневековья, и общей мыслью проходит идея «человечности человека» в этом жестоком мире. Произведение относится к жанру «слов» святых отцов, како жити христианом, широко известному на Руси и вошедшему в состав многих средневековых сборников.

⁷⁹⁷ - Ксенофонта, еже глагола къ сынома своима. – Фрагмент пересказа из «Жития Ксенофонта» с поучением детям, откуда многие заимствования, иногда буквальные, попали и в оригинальные древнерусские поучения, например, в Поучение Владимира Мономаха; также один из источников русского Домостроя и круга памятников, с ним связанных.

⁷⁹⁸ - О милостивѣмъ Созоменѣ... – Отрывок древнеславянского перевода X в. из 69 главы Первой редакции византийского жития Нифонта Констанцского (V в.), в котором эта новелла является вставкой – образным обоснованием необходимости подавать милостыню. Как и все тексты, попавшие в Изборник, композиционно и стилистически переработан, в значительной мере сокращен, но в конце добавлено чисто светское рассуждение. Завершение Изборника именно этим произведением весьма знаменательно, поскольку вся композиционная линия Изборника 1076 года не лишена логической и художественной идеи, смысл которой – в утверждении доброты и помощи ближним.

⁷⁹⁹ - ...князя... – В греч. βασιλεῖς (царь). Такая лексическая замена дала в ряду других основание М. А. Моминой для выделения киевской редакции XI в. (Момина М. А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. 45. С. 207).

⁸⁰⁰ - ...тъзънууму и нынѣ граду твоему... – В греч. τῇ ἐπωνύμῳ σου καὶ νῇ πολιτείᾳ – названному твоим именем, новому государству. В более поздних редакциях миней – тезоименитому твоему новому жительству.

⁸⁰¹ - Иже по третьимъ небесе възсхыщенъ бывъ на рай, и глаголы слышавъ неиздреченныя Божия... – См. 2Кор. 12, 2–4.

⁸⁰² - «Мънѣ, – рече, – хвалитися да не будѣть... о единомъ кресте Господни». – Ср. Гал. 6, 14.

⁸⁰³ - Моиси прообразуя... крестъмъ чьстьнымъ. – См. Исх. 17, 12.

⁸⁰⁴ - ...ядю оступльша и въ смърть въпадъшася. – См. Быт. 3, 6.

⁸⁰⁵ - Егоже древле Моиси... Амалика, низъложивъ, побѣди... – См. Исх. 17, 10–13.

⁸⁰⁶ - ...Даетъ пѣвцы подножью твоему... кланялися повѣлѣваше... – См. Пс. 98, 5.

⁸⁰⁷ - Господи, съ разбойникъмъ царствию твоему съподоби насъ. – См. Лк. 23, 40–43.

⁸⁰⁸ - Узрите животъ нашъ, висящъ прямо очима вашима. – Ср. Вт. 28, 66.

⁸⁰⁹ - ...сѣдѣлъ еси спасение посрѣдѣ земля... – См. Пс. 73, 12.

⁸¹⁰ - Иже въ Едеме... прозяблъ естъ посрѣдѣ садовия... – См. Быт. 2, 8–9.

⁸¹¹ - .../дрѣво/ умъртви сѣнѣдью ядѣша Адама... – См. Быт. 3, 3–19.

⁸¹² - Мосеова палица... люди своя... – См. Исх. 14, 16.

⁸¹³ - Крестъ начьртавъ... въпреки написавъ... – См. Исх. 14, 16–30.

⁸¹⁴ - Образъ древле Моиси... погубивъ Амалика... –См. Исх. 17, 10–13.

⁸¹⁵ - Горѣ въздвиже Моиси... змия привяза... – См. Чис. 21, 6–9; Иоан. 3, 14.

⁸¹⁶ - ...обличивъ вредъ... – В греч. θριαμβευσάς τὸ πῆμα – прославив страдание.

⁸¹⁷ - Показа небо кръстьную побѣду... цьсарю богомудру... – Византийскому императору Константину Великому (274–337), по свидетельству церковного историка Евсевия Кесарийского, было явлено знамение креста на небе со словами: «Нос vince» (сим победиши).

⁸¹⁸ - Жьзль въ образъ таинѣ приемлеться, прозябениемъ бо расуди иерея. – См. Чис. 17, 8.

⁸¹⁹ - ...испусти ударяемъ воду камень... – См. Исх. 17, 6; Чис. 20, 8–11.

⁸²⁰ - Ребромъ пречистымъ... вода съ крѣвию истече... – См. Иоан. 19, 34.

⁸²¹ - Горькочадьныя... воды въ пустыни... – См. Исх. 15, 23–25.

⁸²² - В глубинѣ погрязышую... въздасть Иорѣданъ древмь... – См. 4Цар. 6, 6.

⁸²³ - ...четверочастьнии людие ... кръстообразными чиньми проявляся... – См. Чис. 2, 1.

⁸²⁴ - ...древо... Едема хранящее... страшнѣ же херувимъ... – См. Быт. 3, 24.

⁸²⁵ - Водьну звѣри въ утробѣ длани Иона кръстообразно распротъръ... – См. Иона 2, 1; Мф. 12, 40.

⁸²⁶ - Старостью преклонься... Ияковъ, руце преложь... – См. Быт. 48, 2.

⁸²⁷ - На уная възложь... Израиль... на главу... – См. Быт. 48, 14.

⁸²⁸ - Обаче три отрокъ не искуси ярость звѣрьская, ни огонь сънедаяй. – См. Дан. 3, 20–25.

⁸²⁹ - «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ». – См. Дан. 3, 26.

⁸³⁰ - Отъ древа въкушь, първый въ чловецехъ въ тълъние въселися... – См. Быт. 3, 17–19.

⁸³¹ - ...тълотлѣньнъ... – В рукописи тѣлоноснъ – ошибка переводчика, ожидали бы тѣлотлѣньнъ, в греч. σωματοφθόρος, а не σωματόφορος; конъектура И. В. Ягича.

⁸³² - ...разбойнику нечювьственууму, отъвързе благоразумьну... – См. Лк. 23, 39–43.

⁸³³ - Жьзлѣ ся касаетъ краевѣ Иосифъ... – См. Быт. 47, 31. Этот стих читается по-разному в Масоретском тексте Библии и в Септуагинте. Жезл (ῥάβδος) упоминается в Септуагинте и в ц.-сл. переводе. В Синодальном переводе с Масоретского оригинала – «ложе». Чтение Септуагинты содержится в примечании.

⁸³⁴ - ...дѣти, Троици равъночисльнии... огонь въ росу претворьшааго... – См. Дан. 3, 20–26.

⁸³⁵ - ...горестъ древнюю... – Ожидали бы «древяную» – в греч. πικρίαν τὴν τοῦ ξύλου – горечь дерева.

⁸³⁶ - ...древо услади... горестъ, водъ мерьскъ... – Ср. Исх. 15, 23–25.

⁸³⁷ - Въсепричътено. – Греч. источники дают два варианта: παυκλεῶς – «всеславно» и παυκλήρως – «все наследуя».